

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Козлов С.С., Бондаренко А.И. Юридическая ответственность в современном российском праве.....	6
Даниленкова Т.О. Соотношение концепции общего блага и публичного в российском правовом сознании.....	9
Елаев А.А. Формирование правового института государственных наград СССР (1922–1942 гг.): историко-правовое исследование.....	12
Команджаев Е.А., Сердега И.В. Социальная государственность Российской Федерации как основа конституционного строя.....	16
Котельников М.Г. Место судебной практики в системе источников права Российской Федерации.....	20
Кочесовых З.Х., Кулиев Ф.М. Цифровое вмешательство как угроза государственному суверенитету.....	23
Малинов Н.И. Эволюция источников полицейского права Российской империи в первой половине XIX века.....	25
Мелконян В.Г. Единообразное правоприменение как гарант национальных интересов России.....	27
Мельник А.А. Кустарно-промышленное производство в условиях новой экономической политики. Государственная политика и законодательное регулирование (1921–1930 гг.).....	31
Митин Я.И. Постиндустриальное общество как объект правового регулирования.....	35
Стрелков М.А. Правовое пространство как категория юриспруденции: содержание и отличительные черты.....	39
Пасько Е.А. Влияние информации на формирование правосознания молодежи (трансформация правосознания на примере шоплифтинга).....	43
Романова Н.В. Историко-правовая оценка процессов реституции земель в Восточной Европе после падения социалистических режимов (на примере Чешской Республики).....	47
Стрелков М.А. Теоретические основы понятия национального интереса в правовой науке.....	51
Ткаченко В.М. Теоретико-правовые основы и сравнительно-правовой анализ доктрины конституционной идентичности.....	54
Чернышова О.А. Срок как элемент юридической техники и правового регулирования.....	57
Балычев А.П. Эволюция правовых основ режима секретности в России: между традицией и цифровой реальностью.....	60
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
Азамов В.А. Классификация информации и информационных технологий: аспекты правового регулирования и защиты.....	65
Аскерова М.П. Процессуальная оценка экспертного заключения: пределы судебного усмотрения.....	68
Барциц С.З. Использование органами прокуратуры искусственного интеллекта в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.....	73
Бутрим А.О. Признание и исполнение решений иностранных арбитражных судов в Российской Федерации и Республике Казахстан.....	77
Васяев А.А. Суд над словом: судебное разбирательство уголовного дела по обвинению Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой.....	80

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»
Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.03.2026

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Волкова Е.А.</i> Правовые проблемы и перспективы развития института независимой оценки квалификации в сфере услуг (на примере индустрии гостеприимства)	86	<i>Заварзин А.К.</i> Проблемы процессуального правопреемства при реорганизации юридического лица	170
<i>Данилова К.Н.</i> Правовые основы цифровизации лесного хозяйства: внедрение ФГИС ЛК и правовое регулирование электронного учета лесных ресурсов	91	<i>Задорожная Е.В., Карташов И.В., Ковригина Е.Б.</i> Казуистика в юридических дискуссиях о правовом регулировании рекламной деятельности в сети «Интернет»	174
<i>Диденко А.Н.</i> Вопросы правоприменения субъективного права на авторскую льготу в Российской Федерации	94	<i>Лопатухин К.Д.</i> Признание и приведение в исполнение инвестиционных арбитражных решений в государствах Латинской Америки	177
<i>Козниченко С.В.</i> Российская конституционная идентичность и воинская обязанность: вопросы соотношения	97	<i>Каменев А.Ю.</i> Защита от обременительных условий договора: теоретический и практический обзор	180
<i>Кокулеков А.А.</i> Дифференциация обеспечительных мер в административном судопроизводстве в зависимости от предмета оспаривания: проблемы и перспективы	100	<i>Костоломов А.С.</i> Создание реестра недееспособных лиц, как способ защиты их прав при совершении сделок с имуществом	183
<i>Коляса В.С., Зарецкий А.М.</i> К вопросу о ликвидации деятельности политических партий: основания и судебная практика	104	<i>Лопатухин К.Д.</i> Сущность международного инвестиционного арбитража и его отличия от смежных институтов	186
<i>Корякина В.К.</i> Банк России как оператор платформы цифрового рубля: пределы полномочий и юридическая ответственность	107	<i>Лосев И.Д.</i> Технология блокчейн в контексте эволюции учета ценных бумаг	189
<i>Кособоков А.Л.</i> Предпосылки признания конституционно-правового статуса нерожденного ребенка в странах романо-германской правовой семьи	110	<i>Масленников С.Е.</i> Доктрина центра основных экономических интересов как основание для возбуждения основного производства в отношении иностранного юридического лица	192
<i>Майданевич Ю.П.</i> Современное состояние и перспективы развития правового обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации	115	<i>Медведев А.А.</i> Критерии достаточного уровня творческого труда пользователя при разрешении вопроса правовой охраны музыкальных произведений, созданных с помощью компьютерных программ и приложений	196
<i>Митин Я.И.</i> Механизм конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе	118	<i>Морозова С.Ю.</i> Административное судопроизводство как самостоятельная процессуальная форма защиты публичных прав: проблемные аспекты	201
<i>Моторин А.С.</i> Экспериментальные правовые режимы в сфере ИИ: новые инструменты для обеспечения технологического суверенитета	123	<i>Назарова М.Г.</i> Особенности реализации стартапной деятельности в выпускных квалификационных работах в высших учебных заведениях: правовой аспект	205
<i>Николаев А.И.</i> Дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы квалификации, соразмерности санкций и единообразия правоприменения	127	<i>Нечепорук Н.А.</i> Вещные права: понятие, виды, защита	209
<i>Сечина Е.Ю.</i> Использование цифровых валют центральных банков в бюджетном процессе: российский и зарубежный опыт	131	<i>Новиков И.З.</i> Фидуциарные обязанности корпоративных консультантов	213
<i>Фофанова А.Ю.</i> Правовое регулирование цифровых финансовых активов в финансовом праве РФ	134	<i>Параскевиди М.А.</i> Признание факта как результат примирительных процедур в современном цивилистическом процессе России	217
<i>Володина Н.В., Будай С.Н., Хайрутдинова И.В.</i> Актуальность исследования современных проблем развития цифровых технологий	138	<i>Поеров С.В.</i> Реституция в обособленных спорах в делах о банкротстве: «status quo ante» или «pari passu»	222
<i>Шуров Е.А.</i> Современные подходы к публично-правовому регулированию государственной экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду	141	<i>Пугачева Т.М.</i> Криптовалюта в составе конкурсной массы при реализации процедуры банкротства физического лица. Продажа с торгов криптовалюты в рамках конкурсной процедуры	225
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ		<i>Рожманова А.А.</i> Форма защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции	228
<i>Бакаев Д.А.</i> Игровое имущество и цифровое наследство: правовая квалификация	145	<i>Сафроненко И.А.</i> Семейная медиация в Российской Федерации: данные судебной статистики и процессуальная конструкция обязательной первой встречи с медиатором	232
<i>Буранов Д.В.</i> Правовые особенности цифровой эмиссии акций в Российской Федерации: вызовы и перспективы	148	<i>Сергеев Г.О.</i> Срок исковой давности по требованию о признании обязательств супругов общими в деле о банкротстве	237
<i>Буранчик С.Н.</i> Проблемы исполнения судебных поручений	151	<i>Сморгунова В.Ю., Мухудадаев М.О., Садакова Д.А.</i> Правовые концепты и миссия гражданско-правового образования в контексте социальных трансформаций	240
<i>Ван Хуэйминь.</i> Пути формирования правового регулирования региональной экономической интеграции между Россией и Китаем	154	<i>Терлецкий Д.И.</i> Проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок на рынке ценных бумаг: теоретические критерии и судебная практика	243
<i>Волков А.М.</i> Актуальные проблемы субъектов экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций	157	<i>Ткач М.Ю.</i> Проблема понимания сущности искусственного интеллекта в контексте права интеллектуальной собственности	246
<i>Дашевский П.А.</i> Медиация как признак эволюции правовой системы	161	<i>Торгашов К.С.</i> Комплаенс цифровых платформ и защита исключительных прав	251
<i>Долотина Р.Р.</i> Защита трудовых прав работника профсоюзами в условиях цифровизации	164	<i>Васькевич В.П., Экзекова Л.М.</i> Об отдельных правовых рисках при оказании фитнес-услуг в период действия обязательства аренды с физкультурно-спортивной организацией	254
<i>Ефремова И.В.</i> Эффективное управление занятостью населения: современные вызовы и методы реформирования в России	167		

Яковлев Ю.С. Правовые основания включения в состав общего имущества многоквартирного дома объектов социальной инфраструктуры, созданных на основе использования денежных средств участников долевого строительства.....	257

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Вагабов В.Г. Особенности сдерживания организованной преступности: уголовно-правовые и криминалистические проблемы.....	260
Власов Д.В. Возвращение полномочий по возбуждению уголовного дела прокурору как мера усиления противодействия преступности	264
Динь В.Л. Обеспечение права осуждённых на минимальный уровень жизни: сравнительно-правовой анализ законодательства Вьетнама и Российской Федерации в контексте гуманизации уголовного правосудия	269
Какешов Б.Д., Салишев С.Н. Совершенствование уголовной политики и мер предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: опыт Кыргызстана и России.....	273
Калдаева Д.Н. Проблемы определения пределов необходимой обороны.....	278
Керимов Ш.М., Шарифов Р.М., Маликзаде Т.А. Кибермошенничество в Азербайджане: уголовно-правовые и криминологические аспекты.....	282
Крюков А.В. Сбрасывание потерпевшего с высоты: обоснованная квалификация.....	286
Милаева М.Ю. Современные проблемы уголовной ответственности за мошенничество с применением информационно-коммуникационных технологий	288
Кулиев С.Т. Виды киберпреступлений по российскому уголовному законодательству	292
Кургузкина Е.Б., Потапов А.В., Бор А.А. Возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (280УК РФ): криминологическое исследование	296
Милаева М.Ю., Соколов М.Ю. Эволюция и перспективы развития российского законодательства о противодействии кибертерроризму	299
Ольдеева Д.А. Актуальные проблемы квалификации получения взятки: теория, законодательство и правоприменительная практика	303
Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. К вопросу о факторах рецидивной преступности: результаты исследования	307
Прошин В.М. Значение и юридическая природа обстоятельств, установленных постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении	309
Самедов Д.С. Правомерность причинения вреда при участии в спортивном состязании.....	312
Соболев Н.Г. Особенности временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии впервые	315
Сидорова Е.З. Концептуальные положения и принципы стратегии криминологической безопасности образования.....	317
Соболев Н.Р. Юридическая природа и типология уголовно-правовых рисков оборота персональных данных	320
Юнусов А.А., Рахимов Р.Я. Отдельные вопросы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству по УПК Российской Федерации и УПК Республики Узбекистан	324
Шаронов А.В. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения миграционной безопасности как элемента национальной безопасности.....	328
Юнусов А.А., Хамитов Р.Н., Гареев Р.Ф. Проблемы производства следственных действий в жилище.....	331

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бруцкий А.В. Отдельные вопросы применимого судами Соединенного Королевства подхода к определению форума, компетентного на разрешение спора сторон, в том числе с учетом соображений защиты публичного порядка.....	335
Горский А.В. Особенности исполнения наказания в международном уголовном праве	338
Пинчук И.А. Доктрина стратегического нормативного плюрализма в регулировании морских перевозок на современном этапе	341
Горский А.В. Особенности уголовного преследования по римскому статуту международного уголовного суда.....	345
Ратнер Н.П. Формирование этического контура технологического альянса: правовое регулирование экспорта ИИ из России.....	348

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Хагба Е.Г. Конституционно-правовая ответственность Президента Российской Федерации и Президента Республики Абхазия: сравнительно-правовой анализ	351
Берзения Т.Э. Развитие отдельных демократических институтов во Франции XVIII–XIX вв.....	354
Богданов М.М. Юридическая коллизия между Конвенцией КДПГ 1956 года и Таможенным Кодексом ЕАЭС: Финансово-правовой аспект	359
Вахмистрова С.И., Медведева А.А., Вахмистров В.П. Коррупционное преступное поведение в правовой культуре России XV – н. XX вв.: характерные модели	363
Вэй Дэпэн. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта.....	367
Габдинуров А.И. Личный фонд как инструмент управления имуществом: гражданско-правовые особенности и перспективы применения.....	371
Глазырин Р.А., Ильницкий А.Г. Искусственный интеллект и автоматизация процессов прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок по 223-ФЗ, при выборе заказчиком неконкурентных процедур	373
Егоров А.А. Безвиновная ответственность при нарушении авторских прав в сети интернет	377
Медведева А.А., Прокофьева С.М., Лащевский Д.В., Топилкин П.С. Эволюция правовой квалификации злоупотребления полномочиями капитана судна в российском законодательстве: от дореволюционных уставов до ст. 201 УК РФ.....	380
Мельников Д.Г. Соотношение национальной безопасности и прав человека в стратегических документах России и стран СНГ	383
Мирошникова А.А. К вопросу о понятии и элементах взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти при проведении проверок исполнения законов	386
Никодимов И.Ю., Иванов Г.Р. Новые формы государственного суверенитета в условиях геополитических трансформаций: правовой анализ.....	389
Погодина Т.Г. Этико-правовые аспекты госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке	393
Раков А.В., Висленева К.Ю. Объективные и субъективные признаки убийства без отягчающих и смягчающих обстоятельств.....	396
Савельева Е.В., Хусаинов З.Ф. Налогообложение криптовалют в Евросоюзе: Misa и нормы национального права	399
Тышер В.В. Евразийская полезная модель как объект интеллектуальной собственности.....	402
Хорошилов К.С. Квалификация компьютерной игры как мультимедийного продукта.....	405

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Kozlov S.S., Bondarenko A.I.</i> Legal responsibility in modern Russian law	6
<i>Danilenkova T.O.</i> The relationship between the concept of the common good and the public in the Russian legal consciousness	9
<i>Elaev A.A.</i> Formation of the legal institute of state awards of the USSR (1922–1942): a historical and legal research	12
<i>Komandjaev E.A., Serdega I.V.</i> Social Statehood of the Russian Federation as the Basis of Constitutional Order	16
<i>Kotelnikov M.G.</i> The place of judicial practice in the system of sources of law of the Russian Federation	20
<i>Kochesokov Z.Kh., Kuliev F.</i> Digital Intervention as a threat to state sovereignty	23
<i>Malinov N.</i> The evolution of police law sources in the Russian empire in the first half of the 19th century	25
<i>Melkonyan V.G.</i> Uniform Application of Law as a Guarantor of Russia's National Interests	27
<i>Melnik A.A.</i> Handicraft production under the conditions of the nep. The zigzags of state policy (1921–1930)	31
<i>Mitin Ya.I.</i> Post-Industrial Society as an Object of Legal Regulation	35
<i>Strelkov M.A.</i> Legal space as a category of jurisprudence: contents and distinctive features	39
<i>Pasko E.A.</i> The Impact of Information on the Development of Legal Awareness in Young People (Transformation of Legal Awareness Using Shoplifting as an Example)	43
<i>Romanova N.V.</i> A Historical and Legal Assessment of Land Restitution Processes in Eastern Europe after the Fall of Socialist Regimes (Based on the Case of the Czech Republic)	47
<i>Strelkov M.A.</i> Theoretical foundations of the concept of national interest in legal science	51
<i>Tkachenko V.M.</i> Theoretical and legal foundations and comparative legal analysis of the doctrine of constitutional identity	54
<i>Chernyshova O.A.</i> Time as an element of legal technique and legal regulation	57
<i>Balychev A.P.</i> The Evolution of the Legal Foundations of the Secrecy Regime in Russia: Between Tradition and Digital Reality	60

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Azamov V.A.</i> Classification of information and information technologies: aspects of legal regulation and protection	65
<i>Askerova M.</i> Procedural Evaluation of Expert Opinion: Limits of Judicial Discretion	68
<i>Bartsits S.Z.</i> The Use of Artificial Intelligence by the Prosecutor's Office in Conducting Anti-Corruption Examination of Regulatory Legal Acts	73
<i>Butrim A.O.</i> Recognition and enforcement of decisions of foreign arbitration courts in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan	77
<i>Vasyev A.A.</i> Trial of the Word: the trial of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky, and Lashkova	80
<i>Volkova E.A.</i> Legal problems and prospects for the development of the institute of independent qualification assessment in the service industry (on the example of the hospitality industry)	86
<i>Danilova K.N.</i> Legal foundations of forestry digitalization: implementation of the fsis fc and legal regulation of electronic accounting of forest resources	91
<i>Didenko A.N.</i> The evolution of the subjective right to authors privilege	94
<i>Koznichenko C.V.</i> Russian constitutional identity and military duty: issues of correlation	97
<i>Kokulekov A.A.</i> Differentiation of interim measures in administrative proceedings depending on the subject of the dispute: problems and prospects	100
<i>Kolyasa V.S., Zaretsky A.M.</i> On the issue of the liquidation of the activities of political parties: grounds and judicial practice	104
<i>Koryakina V.K.</i> Bank of Russia as the operator of the digital ruble platform: scope of powers and legal liability	107
<i>Kosobokov A.L.</i> Prerequisites for Recognizing the Constitutional and Legal Status of the Unborn Child in Countries of the Romano-Germanic Legal Family	110
<i>Maydanevich Yu.P.</i> The current state and prospects for the development of legal support for energy security in the Russian Federation	115

<i>Mitin Ya.I.</i> The Mechanism of Constitutional and Legal Regulation of Social Relations in a Post-Industrial Society	118
<i>Motorin A.S.</i> Experimental Legal Regimes in AI: New Tools for Ensuring Technological Sovereignty	123
<i>Nikolaev A.I.</i> Disciplinary liability of civil servants for corruption offenses: problems of qualification, proportionality of sanctions, and uniformity of law enforcement	127
<i>Sechina E.Yu.</i> The application of central bank digital currencies in budgeting: a comparison of Russian and international practices	131
<i>Fofanova A.Yu.</i> Legal regulation of digital financial assets in the financial law of the Russian Federation	134
<i>Volodina N.V., Buday S.N., Khayrutdinova I.V.</i> The relevance of studying modern problems in the development of digital technologies	138
<i>Shurov Ye.A.</i> Innovative approaches to public legal regulation of state environmental impact assessments	141

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Bakaev D.A.</i> Game property and digital inheritance: legal classification	145
<i>Buranov D.V.</i> Legal features of digital issuance of shares in the Russian Federation: challenges and prospects	148
<i>Buranchik S.N.</i> Problems of execution of judicial commissions	151
<i>Wang Huimin.</i> Pathways for Developing the Legal Framework of Regional Economic Integration between Russia and China	154
<i>Volkov A.M.</i> Current Issues Concerning Participants in Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations	157
<i>Dashevskii P.A.</i> Mediation as a sign of the evolution of the legal system	161
<i>Dolotina R.R.</i> Protection of labor rights of an employee by trade unions in the context of digitalization	164
<i>Efremova I.V.</i> Effective Employment Management: Current Challenges and Reform Methods in Russia	167
<i>Zavarzin A.K.</i> Problems of procedural succession in the reorganization of legal entities	170
<i>Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.</i> Casuistry in legal discussions about the legal regulation of advertising activities on the Internet	174
<i>Lopatukhin K.D.</i> Recognition and enforcement of investment arbitration awards in Latin American countries	177
<i>Kamenev A.Yu.</i> Protection against onerous contract conditions: theoretical and practical review	180
<i>Kostolomov A.S.</i> Creation of a register of incapacitated persons as a way to protect their rights when making property transactions	183
<i>Lopatukhin K.D.</i> The essence of international investment arbitration and its differences from related institutions	186
<i>Losev I.D.</i> Blockchain technology in the context of the evolution of securities accounting	189
<i>Maslennikov S.E.</i> The doctrine of the center of basic economic interests as a basis for initiating main proceedings against a foreign legal entity	192
<i>Medvedev A.A.</i> Criteria for a sufficient level of creative work of the user when resolving the issue of legal protection of musical works created using computer programs and applications	196
<i>Morozova S.Yu.</i> Administrative proceedings as an independent procedural form of protecting public rights: problematic aspects	201
<i>Nazarova M.G.</i> Features of start-up activities in graduate works at higher educational institutions: legal aspects	205
<i>Necheporuk N.A.</i> Property rights: concept, types, protection	209
<i>Novikov I.Z.</i> Fiduciary duties of corporate advisors	213
<i>Paraskevidi M.A.</i> Recognition of fact as a result of conciliation procedures in the modern civil process of Russia	217
<i>Poerov S.V.</i> Restitution in isolated disputes in bankruptcy cases: «status quo ante» or «pari passu»	222
<i>Pugacheva T.M.</i> Cryptocurrency in the bankruptcy estate during individual bankruptcy proceedings. Sale of cryptocurrency at auction within bankruptcy procedures	225
<i>Rozhmanova A.A.</i> Form of protection of intellectual rights	228
<i>Safronenko I.A.</i> Family mediation in the Russian Federation: court statistics and the procedural structure of the mandatory first meeting with the mediator	232
<i>Sergeev G.O.</i> The limitation period for a case on recognition of common obligations of spouses in a bankruptcy case	237

<i>Smorgunova V.Yu., Mukhudadaev M.O., Sadakova D.A.</i> Legal Concepts and the Mission of Civic Education in the Context of Social Transformations.....	240
<i>Terletskiy D.I.</i> Problems of distinguishing disputed and null transactions in the securities market: theoretical criteria and judicial practice	243
<i>Tkach M.Yu.</i> The problem of understanding the essence of artificial intelligence in the context of intellectual property law	246
<i>Torgashov K.S.</i> Compliance of digital platforms: foreign countries' experience	251
<i>Vaskevich V.P., Ekzekova L.M.</i> On certain legal risks in the provision of fitness services during the period of the lease agreement with a physical education and sports organization.....	254
<i>Yakovlev Yu.S.</i> Legal grounds for the inclusion in the common property of an apartment building of social infrastructure facilities created using funds from shared construction participants.....	257

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Vagabov V.G.</i> Characteristics of Combating Organized Crime: Criminal Law and Forensic Issues.....	260
<i>Vlasov D.V.</i> Restoring the power to initiate criminal proceedings to the prosecutor as a measure to enhance crime prevention	264
<i>Dinh Van Liem</i> Ensuring the right of convicted prisoners to a minimum standard of living: a comparative legal analysis of the legislation of Vietnam and the Russian Federation in the context of the humanization of criminal justice	269
<i>Kakeshov B., Salishev S.</i> Improving criminal policy and measures to prevent crimes against the foundations of the constitutional order and State security: the experience of Kyrgyzstan and Russia	273
<i>Kaldaeva D.N.</i> Problems of Determining the Limits of Self-Defense	278
<i>Kerimov Sh., Sharifov R., Malikzade T.</i> Cyberfraud in Azerbaijan: Criminal Law and Criminological Aspects.....	282
<i>Kryukov A.W.</i> Accidents: reasonable qualification	286
<i>Milaeva M.Yu.</i> Current issues of criminal liability for fraud using information and communication technologies.....	288
<i>Kuliev S.T.</i> Types of cybercrimes under Russian criminal law	292
<i>Kurguzkina E.B., Potapov A.V., Bor A.A.</i> Incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation) and public calls for extremist activities (280 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological research	296
<i>Milaeva M.Yu., Sokolov M.Yu.</i> The evolution and development prospects of Russian legislation on countering cyberterrorism	299
<i>Oldeeva D.A.</i> Current issues of qualification of bribery: theory, legislation and law enforcement practice.....	303
<i>Kryazheva S.G., Sobolev N.G.</i> On the Factors of Recidivism: Research Results.....	307
<i>Proshin V.M.</i> The meaning and legal nature of the circumstances established by the decision to refuse to initiate criminal proceedings or to terminate them	309
<i>Samedov Dz.</i> Conditions for the legality of causing harm when participating in sports competitions	312
<i>Sobolev N.G.</i> Characteristics of the Time Perspective of Juvenile Offenders Serving Their Sentences in a Correctional Colony for the First Time.....	315
<i>Sidorova E.Z.</i> Conceptual Provisions and Principles of a Criminological Security Strategy for Education	317
<i>Sobolev N.R.</i> Legal nature and typology of criminal-legal risks of personal data turnover	320

<i>Yunusov A.A., Rakhimov R.Ya.</i> Certain issues of preparing a criminal case for trial under the criminal procedure code of the Russian Federation and the criminal procedure code of the Republic of Uzbekistan	324
<i>Sharonov A.V.</i> Criminal law policy of the Russian Federation in the field of ensuring migration security as an element of national security.....	328
<i>Yunusov A.A., Khamitov R.N., Gareev R.F.</i> Problems of conducting investigative actions in a home.....	331

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Brutsky A.V.</i> Several issues regarding United Kingdom court's approach to determination of the forum, which has jurisdiction over case, including public policy considerations.....	335
<i>Gorskiy A.V.</i> Features of punishment enforcement in international criminal law	338
<i>Pinchuk I.A.</i> The doctrine of strategic regulatory pluralism in the regulation of maritime transportation at the present stage.....	341
<i>Gorskiy A.V.</i> Features of criminal prosecution under the Rome statute of the international criminal court.....	345
<i>Ratner N.P.</i> Shaping the ethical framework of a technological alliance: legal regulation of ai exports from Russia	348

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Khagba E.G.</i> Constitutional legal responsibility of the President of the Russian Federation and the President of the Republic of Abkhazia: comparative legal analysis.....	351
<i>Berzenia T.E.</i> The development of individual democratic institutions in France in the XVIII–XIX centuries.....	354
<i>Bogdanov M.M.</i> Legal Conflict between the CMR Convention of 1956 and the Customs Code of the EAEU: Financial and Legal Aspect.....	359
<i>Vakhrmistrova S.I., Medvedeva A.A., Vakhrmistrov V.P.,</i> Corrupt criminal behavior in Russian legal culture in XV – early XX centuries: characteristic models.....	363
<i>Wei Depeng.</i> Civil liability of artificial intelligence	367
<i>Gabdinurov A.I.</i> Personal Fund as a Property Management Tool: Civil Law Features and Application Prospects	371
<i>Glazyrin R.A., Ilitsky A.G.</i> Artificial Intelligence and Automation of Prosecutor's Oversight Processes in Public and Municipal Procurement under Federal Law 223-FZ, When the Customer Selects Non-Competitive Procedures.....	373
<i>Egorov A.A.</i> No-fault Liability for Copyright Infringement on the Internet.....	377
<i>Medvedeva A.A., Prokofieva S.M., Lashchinsky D.V., Topilkin P.S.</i> Evolution of the legal qualification of abuse of powers of a ship's captain in Russian legislation: from pre-revolutionary charters to article 201 of the criminal code of the Russian Federation	380
<i>Melnikov D.G.</i> The correlation between national security and human rights in strategic documents of Russia and cis countries.....	383
<i>Miroshnikova A.A.</i> On the concept and elements of interaction between the prosecutor and executive authorities during law enforcement checks....	386
<i>Nikodimov I.Yu., Ivanov G.R.</i> New forms of state sovereignty in the context of geopolitical transformations: legal analysis	389
<i>Pogodina T.G.</i> Ethical and legal aspects of involuntary hospitalization in a psychiatric hospital	393
<i>Rakov A.V., Vislennova K.Yu.</i> Objective and Subjective Elements of Murder without Aggravating and Mitigating Circumstances	396
<i>Savelyeva E.V., Khusainov Z.F.</i> Taxation of cryptocurrencies in the European Union: Mica and national legal norms.....	399
<i>Tyshev V.V.</i> The Eurasian Utility Model as an Object of Intellectual Property.....	402
<i>Khoroshilov K.S.</i> Qualification of a computer game as a multimedia product	405

Юридическая ответственность в современном российском праве

Козлов Сергей Сергеевич,кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО Мурманский арктический университет
E-mail: pravnauka@mauniver.ru**Бондаренко Алина Игоревна,**аспирант, кафедра теории и истории государства и права, ФГАОУ ВО Мурманский арктический университет
E-mail: lina.bondarenko.1990@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции и общие положения развития юридической ответственности в российской правовой науке. Проводится общий анализ особенностей данной правовой категории и ее состояние современных условиях.

Анализируются некоторые вопросы юридической ответственности, ранее составлявшие базу теоретико-юридических основ в российском правовом поле с точки зрения необходимости их пересмотра.

Делается акцент юридической ответственности, как фактору отражающему связь индивида с обществом и выступающего важным инструментом поддержания правопорядка в российском обществе.

Кратко проанализировано значение юридической ответственности, и предпринята попытка актуализации существующей тенденции трансформируемости целей и задач юридической ответственности в связи с развитием общества.

Приведены краткие выводы о том, что юридическая ответственность, являющаяся элементом структурного состава российской правовой системы под влиянием эволюций государственного устройства, социально-экономического и культурного развития, научно-технического прогресса в современных реалиях находится в непрерывном своем развитии и совершенствовании.

Ключевые слова: юридическая ответственность, социальная ответственность, правовое государство, юридическое обязательство.

Необходимость изучения проблематики определения института юридической ответственности, в том числе ее признаков и принципов, на наш взгляд, вызвано формированием правового государства, развитием общественных отношений, поскольку именно эта правовая категория демонстрирует уровень правовой культуры в обществе и общее состояние его правосознания [3, с. 40].

Именно юридические обязательства в призме развития правового государства являются сложным и многогранным феноменом, которые находятся на стадии своего дальнейшего развития и совершенствования.

В современных условиях среди исследователей существует обширный спектр мнений, касающихся сути, социального характера и типов правовой ответственности граждан государства. Неясность множества теоретических аспектов несомненно оказывает существенное воздействие на деятельность законодательных и исполнительных органов по принятию и исполнению принятых нормативных правовых актов, оказывает нерациональное влияние на состояние законности, правопорядка и уровень юридической компетентности и правовой культуры общества.

Одной из основных структурных составляющих ответственности, возникшей еще с появлением государства, а с его возникновением – и элементарных правовых положений, которая в последующем стала воплощением приверженности нормам права и осуществления установок по правовому регулированию является ответственность юридическая.

В подобной ситуации и в силу объективных причин принципы и цели юридической ответственности являются основой конструирования базовых элементов данного института. Следовательно, общество развиваясь влечет за собой интегративные изменения во все сферы жизни, в том числе, как и в осмыслении юридической ответственности в целом, так и структурных ее компонентов [1, с. 18].

В зарождающемся правотворчестве, подтверждающимся положениями Русской Правды, в Древней Руси предусматривались лишь две формы правоприменительного воздействия – уголовное и имущественное. Основными функциями юридической ответственности являлись наказание, восстановление справедливости и сбор финансовых средств. Вместе с тем, процедура непосредственного применения правовых санкций Русской Правдой определялась частично или основывалась на обычаях обычного права.

Отличительной чертой правовой ответственности в Древней Руси были ситуационные особенности, характеризующиеся возникновением конкретных жизненных обстоятельств, которые могли квалифицироваться как нарушения законов.

В последующем, по мере дальнейшего развития законодательства, в Руси стали зарождаться иные формы правоприменительного воздействия. Это объяснялось увеличением сложности социальных взаимодействий, требующих самостоятельного правового регулирования.

Эволюция правового обязывания граждан в России происходила продолжительное время, поскольку специфика государственных институтов, экономической системы государства продолжали свое развитие, социальный состав населения расширялся.

Различные формы правовой ответственности стали формироваться с переходом к советской государственности и перестройки правовой системы.

В советский период были введены меры ответственности для руководителей и сотрудников государственного аппарата, включая дисциплинарные и материальные санкции, а также предусмотрена административная ответственность за отклонения в управлении государственным аппаратом. Необходимость расширения спектра правовых обязательств является важным аспектом, поскольку они будут обеспечивать надежную защиту социальных, экономических и духовных интересов населения, выступать фактором, обуславливающим регенерацию дискриминированных правоотношений и свободы волеизъявления народонаселения, станут препятствием для возможных последующих правонарушений.

Анализируя один из заявленных аспектов юридической ответственности как будущий желаемый результат – цели, отметим, что, проводя аналогию с юридической ответственностью имперского, советского и постсоветского периода они были значительно расширены, в результате которого, качественным образом стали отвечать требованиям развития общества в условиях современности.

Таким образом, цели юридической ответственности за исследуемый в данном контексте период своего преобразования переросли от карательных имперских, идеологических советских до защиты общественного порядка, реализуемых в современных условиях [2, с. 87].

Современные российские условия жизни констатируют важность, реализуемость и что главное необходимость юридических преобразований, в том числе их цели и задачи. Это обусловлено стремительным прогрессом социальных связей, конструктивным развитием юридической образованности населения, проявлений в области культуры, в сфере в научных изысканий. Кроме этого, подобные процессы определяются значимыми общественными событиями и вопросами государственного уровня, вызывающими потребность в защите, имеющих преобладающее значение для граждан и присущих им конкретно определенных прав. Характерным примером этому может послужить принятие в 2019 году на федеральном уровне закона, которым были закреплены права, установив при этом административную и уголовную ответственность за нарушение трудовых прав граждан предпенсионного возраста.

Важнейшая тенденция развития как публично-правовой, так и частноправовой ответственности заключается в применении правила о недопустимости двойного наказания за однократное правонарушение. Согласно части 1 статьи 50 Конституции РФ повторное осуждение за идентичное правонарушение невозможно. Аналогичное положение о дисциплинарных мерах содержится в п. 5 статьи 4.1 Кодекса об административных правонарушениях. Однако это не означает, что невозможно применение различных видов юридической ответственности за однотипные нарушения согласно упомянутым нормам. Общеизвестно, что российским законодательством исключается двукратное применение административных или уголовных санкций за одно и то же правонарушение, однако могут быть применены также меры гражданского характера для обеспечения восстановления справедливости, в том числе применение дополнительного наказания в виде наложения штрафа, что соответствует общим нормам права.

Основным направлением развития юридической ответственности является расширение спектра ее типов, причем большая часть таких типов обретает отраслевую специфику. Это указывает на необходимость специфической формы юридической ответственности, отражающей особенности соответствующей правовой сферы, в результате которого предполагается повышение эффективности решения задач внутри данной формы.

Таким образом, современное законодательство и правовая теория подчеркивают существование в рамках системы правовых санкций наряду с общепринятыми – отраслевые формы ответственности, в том числе налоговую, финансовую, конституционную, местную, семейную, процессуальные виды гражданской, арбитражной и административной юрисдикции, и обязательства в области исполнения судебных решений.

В современных условиях одним из основных направлений укрепления юридической ответственности выступает расширение правового поля в области обеспечения национальной безопасности страны. Такое расширение осуществляется толкованием правовых санкций в сторону ужесточения и принятия дополнений к статьям Уголовного кодекса, направленных на укрепление принципов государственного устройства. Об этом наглядно свидетельствуют принятые за последние 4 года дополнения в положение УК РФ, касающиеся недопустимости конфиденциальности взаимодействия с другими государствами, в особенности с недружественными, и их организациями; дискредитации Вооруженных сил России; призыва, в целях подрыва государственной безопасности; создания и участия в диверсионных группах, а также пересмотра в призм ужесточения некоторых положений КоАП РФ; расширения и укрепления связей между различными отраслями права [5, с. 142].

Созданный на современном этапе механизм юридической ответственности обеспечивает выполнение ряда задач.

Прежде всего, основная роль обеспечения состоит в поддержке функционирования системы правоприменения через влияние на процесс управления общественными отношениями.

Во-вторых, защитная роль механизма ответственности способствует обеспечению должного уровня соблюдения законов и обеспечения правопорядка в стране, устойчивым образом способствует дея-

тельности, направленной против вмешательства и ущемления свобод граждан.

В-третьих, репарационные нормы приобретают реабилитационные формы для потерпевшей стороны в прежнее их состояние до инцидента.

Четвертый аспект заключается в том, что система наказания подразумевает обязательность несения субъектом последствий за совершенные действия.

Пятой и главной целью выступает воспитательный аспект, заключающийся в пропаганде среди населения мнений и воззрений, благоприятствующих следованию законодательных норм.

По нашему мнению, следует также акцентировать внимание на такой позиции, что юридическая ответственность выступая, при прочих особенностях, как вариация социальной ответственности обладает и позитивным компонентом. В свою очередь целью позитивной ответственности является формирование определенно-структурированного положения взаимоотношений в обществе. При этом, основная цель в области профилактики правонарушений будет осуществляться путем внедрения поощрений, убеждений, принуждений, дозволений и запретов [4, с. 20].

В то же время, основными различиями между юридической и социальной ответственностью выступают: правонарушение как основание наступления ответственности, базирующееся на обязательном принуждении государством преступившего закон лица, в результате которых в отношении данного лица наступают последствия, характеризующиеся ограничениями личной либо имущественной направленности [6, с. 1147].

Таким образом, в результате многолетних трансформаций правовая система, в том числе и юридическая ответственность в правовой системе РФ существенно изменилась под влиянием эволюций государственного устройства, экономической динамики, социального уклада, прогресса научного знания и культурного развития, а также усиления сложности социальных взаимодействий. Несмотря на существующие правовые рамки, включая цели, задачи, основы и принципы юридической ответственности, данная сфера активно эволюционирует, демонстрируя тенденции расширения форм ответственности, усиления механизмов оспаривания решений по ее применению, интеграции разнородных регулятивных подходов и унификации основных понятий в типизации многообразия ответственности, регулируемых в том числе в рамках ответственности юридической. Приведенные в качестве основных эволюционирующие факторы общеправовой ответственности подтверждаются стремлением законодательных органов власти и в дальнейшем использовать этот механизм правовой регламентации для реализации задач формирования и дальнейшего развития правового общества.

Литература

1. Епифанова, Е.В. Костин, А. А. К вопросу о юридической ответственности в современном российском праве // Очерки новейшей ка- мералистики. – № 2. – Краснодар: – 2024. – С. 18–24.
2. Ивахненко С.Н. Юридическая ответственность в современном российском праве: Проблемы правопонимания: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Ивахненко Сергей Николаевич. – Ставрополь, – 2005. – 195 с.
3. Иналкаева, К.С. Байбатыров М.Б.А. Юридическая ответственность: современные реалии и понятия // Современное право. – № 2. – Грозный:– 2024. – С. 40–43.
4. Малько, А.В. Липинский, Д.А. Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. – № 4. – Москва: – 2020. – С. 4–24.
5. Никитина, А.П. Юшкина, Т. В., Пилюгина, Т.В. Значение и тенденции развития юридической ответственности в российской правовой системе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – № 9. – Москва: – 2025. – С. 140–144.
6. Урванцев А.Д. Юридическая ответственность как важнейший институт современной правовой системы // Экономика и социум. – № 6. Саратов: – 2022. – С. 1142–1148.

LEGAL RESPONSIBILITY IN MODERN RUSSIAN LAW

Kozlov S.S., Bondarenko A.I.
Murmansk Arctic University

The article discusses the main trends and general provisions of the development of legal responsibility in Russian legal science. A general analysis of the features of this legal category and its current state is carried out.

The article analyzes some issues of legal responsibility, which previously formed the basis of theoretical and legal foundations in the Russian legal field from the point of view of the need for their revision.

The emphasis is placed on legal responsibility as a factor reflecting an individual's connection with society and acting as an important tool for maintaining law and order in Russian society.

The importance of legal responsibility is briefly analyzed, and an attempt is made to actualize the existing trend of transformability of the goals and objectives of legal responsibility in connection with the development of society.

Brief conclusions are given that legal responsibility, which is an element of the structural composition of the Russian legal system, is in continuous development and improvement under the influence of the evolutions of the state structure, socio-economic and cultural development, scientific and technological progress in modern realities.

Keywords: legal responsibility, social responsibility, rule of law, legal obligation.

References

1. Epifanova, E.V. Kostin, A.A. On the issue of legal responsibility in modern Russian law // Essays on the latest cameralistics. – No. 2. – Krasnodar: – 2024. – Pp. 18–24.
2. Ivakhnenko S.N. Legal responsibility in modern Russian law: Problems of legal understanding: dis. ... kand. jurid. Sciences: 12.00.01. / Sergey Nikolaevich Ivakhnenko, – Stavropol, – 2005, – 195 p.
3. Inalkaeva, K.S. Baybatyrov M.B.A. Legal responsibility: modern realities and concepts // Modern law. – No. 2. – Grozny: – 2024. – Pp. 40–43.
4. Malko, A.V. Lipinsky, D.A. Markunin, R.S. Legal responsibility as a means of preventing offenses: actual problems. Pravo. Journal of the Higher School of Economics. – No. 4. – Moscow: – 2020. – Pp. 4–24.
5. Nikitina, A.P. Yushkina, T. V., Pilyugina, T.V. The significance and trends in the development of legal responsibility in the Russian legal system // Humanities, socio-economic and social sciences. – No. 9. – Moscow: – 2025. – Pp. 140–144.
6. Urvantsev A.D. Legal responsibility as the most important institution of the modern legal system // Economics and society. – No. 6. – Saratov: – 2022. – Pp. 1142–1148.

Даниленкова Татьяна Олеговна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет
E-mail: tany1085@mail.ru

На сегодняшний день в системе социально-политического взаимодействия, государственно-правового и общественного развития, наиболее актуальным остаётся не столько вопрос о необходимости недопущения произвольного публично-правового вмешательства властных субъектов в частную жизнь граждан и общества, сколько о поиске взаимоприемлемых границ автономии граждан в различных сферах общественной жизни, а также о возможности, допустимости и даже необходимости ограничения соответствующей автономии в публичных интересах. В результате исследования формируется вывод о том, что концепция общего блага и публичного постепенно возрождается, переосмысливается и адаптируется в новых социально-политических условиях, свойственных российской социально-экономической и управленческой действительности. Как показывает проведённое исследование, на сегодняшний день за последние 10 лет прослеживаются качественно позитивные сдвиги в направлении формирования правосознания населения, учитывающего важность публично-регуляторных начал, а также государственных и правовых институтов в целом. Именно поэтому в последние годы, в особенности после 2022 года, когда общественность столкнулась с новой геополитической и внутригосударственной жестокой реальностью, в правосознании российского общества произошли положительные трансформации в части смягчения позиции о расширении механизмов, направленных на реализацию публичных интересов. Хотя нельзя не заметить, что в российском правовом сознании до сих пор, к сожалению, превалирует достаточно пассивная гражданская позиция, отражающая индивидуализм и эгоцентричность, которая препятствует или значительным образом тормозит процесс претворения публичных задач, опять же направленных не только на государственное, но и также общественное развитие.

Ключевые слова: общее благо, эгоцентризм, публичные интересы, общественные интересы, частные интересы, правосознание, правовая культура.

Введение

Современный этап государственного строительства и общественного развития характеризуется неким столкновением публичных, общественных и частных интересов, необходимостью и одновременно сложностью обеспечения баланса между соответствующими интересами, а также необходимостью создания временных условий для приоритета публичных благ и интересов над общественными в сложной геополитической и экономической обстановке, в которой развивается Российская Федерация (далее по тексту – РФ) и её народ.

Социально-политическая и экономическая обстановка, особенно сильно обострившаяся в российском обществе начиная с 2022 года, и характеризующаяся военно-политическим вмешательством, санкционным и информационным давлением недружественных стран не только на публичные, но и также общественные институты, отражает усиливающуюся из года в год тенденцию к самоограничению общественных и частных интересов граждан РФ для создания публично-правовых условий устойчивого социально-экономического развития.

И если ещё в 2021 году 38% опрошенных ставили личные интересы и блага выше общественных, а ещё 26% выступали за минимизацию публично-правового вмешательства, и лишь 47% придерживались мнения о приоритете публичного блага над общественными и личными благами [8], то по итогам 2025 года уже 69% опрошенных россиян отметили, что ради защиты общественных и личных интересов в первую очередь следует обеспечить возможность широкого регуляторного воздействия государства на ключевые сферы административно-правового управления [2].

Соотношение общего блага и публичного, в конечном итоге, является важным вопросом с позиции качества и состояния правового сознания в российском обществе, поскольку теория правосознания предполагает противодействие части населения с низким уровнем осознания важности и функционального значения публичных институтов и таких правовых институтов государственному строительству, развитию национальной правовой системы и становлению устойчивого правоприменения, отвечающего одновременно и публично-правовым принципам и целям, и таким общественным интересам.

Как следствие, в рамках данного исследования представляется необходимым исследовать особенности соотношения концепции общего блага и публичного в российском правовом сознании.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования определили научные работы следующих авторов: В.Ф. Асмуса; Н.А. Балкина; А.В. Ермухаметова; П.М. Козырева; П.Л. Лихтера; А.Ф. Лосева; А.В. Павлова; А.Н. Покиды; Е.В. Тимошиной; и др.

Эмпирический базис работы представлен социологическими исследованиями и иными материалами практики, отражающими современное состояние правового сознания российского общества.

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Для начала определимся с категориальным аппаратом исследования и отразим сущностное понимание концепции общего и публичного блага. Соответствующая концепция активно обсуждается в рамках философско-правовой мысли школы естественного права, обычно рассматривая общее благо через призму условной системы социальных идеалов социального существования и развития, в сущности которой социально-историческое развитие общества происходит посредством преобладания интересов целого общества (если быть точнее – его большинства или наибольшей части отдельных социальных групп по отдельным вопросам социально-политического взаимодействия) над благами и интересами частного характера.

Учёный А.В. Павлов, рассматривая концепт общего блага неразрывно от правосознания, отмечает, что преобладание общего блага над частным является неотъемлемым спутником юридико-

натуралистической парадигмы, согласно которой общее благо обеспечивается в практике не за счёт неустойчивого, постоянно изменчивого и вариативного права и практики правоприменения, а посредством естественной природы права, как продукта социального и следующего за социальным развитием [9, с. 8].

В современной доктрине справедливо отмечают, что концепция общего блага разрабатывалась ещё в античные времена [12, с. 60], в частности в работах Платона, в которых говорится о том, что построению эффективного государства предшествует политика, направленная на установление не только на правовом уровне, но и также на уровне правосознания граждан этого государства постулата о том, что общественные интересы и блага имеют приоритет над индивидуальными [10, с. 80].

Исследуя холистический философско-правовой подход, исследователь П. Л. Лихтер справедливо отмечает, что достаточно длительное время в философии права общее благо рассматривалось исключительно в рамках сопоставления общих и частных интересов, в то время как по мере развития государств и правовых систем, когда в целом если не отпал, то по крайней мере в сознании большинства был переосмыслен вопрос о приоритете частных и общих интересов, встал не менее актуальный вопрос о достижении баланса между общим благом и публичным. Автор также отмечает важную деталь, указывая на то, что в отличие от концепции редукционизма, концепция общего блага и публичного не предполагает установление чётких формальных границ между социальными и публичными системами. Наоборот, холистический метод ориентирован на интегративное проникновение общих благ в публично-правовую составляющую, то есть в нормы права, в публично-управленческие институты, а также непосредственно в публичные интересы в целом [7, с. 82].

Таким образом, на сегодняшний день в системе социально-политического взаимодействия, государственно-правового и общественного развития, наиболее актуальным остаётся не столько вопрос о необходимости недопущения произвольного публично-правового вмешательства властных субъектов в частную жизнь граждан и общества, сколько о поиске взаимоприемлемых границ автономии граждан в различных сферах общественной жизни, а также о возможности, допустимости и даже необходимости ограничения соответствующей автономии в публичных интересах [6, с. 83].

Вследствие этого также следует отметить, что общее и публичное благо не являются идентичными. Ведь хотя публичное благо и является, в том числе, формализованным отражением общественного блага в конституционно-правовых и иных публичных ценностях [1, с. 12], всё же, по своей внутренней сущности и природе значительно шире, отражая и конкретизируя как бы общее благо в контексте публично-правовой и управленческой деятельности государства [4, с. 256].

Таким образом, можно предположить, что концепция общего блага и публичного предполагает влияние одного уровня благ на другой и наоборот, обеспечивая взаимовлияние и определяя содержательную сущность друг друга. Здесь же следует резюмировать, что данная концепция является социо-политическим явлением динамического характера, что выражается в превалировании то общих благ, то публичных интересов над общественными и индивидуальными в отдельные исторические промежутки.

И, как нам кажется, нынешнее время, в котором существует российское государство и общество, позволяет проследить соответствующую динамическую характеристику, в рамках которой события, происходящие после 2022 года, обуславливают необходимость мобилизации общественных и публичных ресурсов, переориентации общественных ориентиров в направлении обеспечения национальной самодостаточности и безопасности в различных областях и сферах публичного управления, для чего очевидно требуется расширение публично-правовых правомочий и возможностей государственного воздействия.

Несмотря на позитивные сдвиги в части развития правового сознания российского общества, что выражается в росте числа граждан, которые стали придерживаться законопослушной модели общественного поведения, использовать для регуляции общественных отношений право и правовые институты, а также более активно разделять позицию о допустимости выполнения правовых предписаний ограничительного, запретительного и иного императивно-регуляторного характера, всё же, как показывают исследования, около 2/3 населения до сих пор характеризуется слабо развитой моделью правового сознания, из-за чего в их поведении преобладают социальные нормы и моральные ценности. При этом среди данной группы населения прослеживается и корреляция с позицией граждан относительно страхов расширения государственно-правового «вмешательства» в общественные сферы [5, с. 87].

Другие исследования показывают, что среди граждан, у которых прослеживается неудовлетворительное состояние правовой культуры в целом и правосознания в частности, превалирование общих и даже индивидуальных благ над публичными обусловлено, во-первых, индивидуалистским (эгоцентричным) ролевым подходом в системе социально-политических отношений, а во-вторых, низким уровнем доверия соответствующих групп населения субъектам публичной власти и публично-правовым системам (институтам) в целом [11].

Нельзя при этом говорить о том, что в российском правовом сознании доминируют общественные блага и уж тем более индивидуальные интересы. Существование соответствующих интересов в целом представляется явлением нормальным, однако во всём должен достигаться баланс в части взаимного обеспечения частных, общественных и публичных интересов в публично-управленческом, социально-экономическом, геополитическом, культурном и ином контексте, в котором развивается государство и общество.

Именно в таком специфическом контексте находится российское общество уже пятый год, что позволяет проследить некоторые изменения в части концепции общего блага и публичного в российском правовом сознании. Так, социологическое исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения показывает, что порядка 65% населения России считает, что на современном этапе для обеспечения более эффективного экономического развития и государственного управления в области экономики, информационно-коммуникационных отношений, а также в сфере культурно-просветительской деятельности необходимо усилить административную роль государства в разных областях и отраслях экономики [13].

При этом, рассматривая вопрос о соотношении ориентиров великодержавности и благосостояния граждан, по итогам 2025 года 51% населения России придерживается ценностной ориентации касательно того, что РФ должна быть великой державой, с мощными вооружёнными силами и влиять на все политические процессы в мире, а 41% опрошенных придерживаются диаметрально противоположного ценностного ориентира, отмечая, что Россия не должна стремиться к укреплению державной мощи и лучше позаботиться о благосостоянии собственных граждан. Для сравнения, ещё в 2021 году этот показатель составлял 33% и 63% соответственно [3], это свидетельствует о смещении ориентиров общего и публичного блага в сторону последнего, то есть в направлении выстраивания национальной экономической политики, учитывающей глобальные, международные процессы, а также экономическое и политическое давление недружественных стран на российскую экономику.

Выводы

Подводя итоги исследованию, можно резюмировать, что концепция общего блага и публичного постепенно возрождается, переосмысливается и адаптируется в новых социально-политических условиях, свойственных российской социально-экономической и управленческой действительности. Как показывает проведённое исследование, на сегодняшний день за последние 10 лет прослеживаются качественно позитивные сдвиги в направлении формирования правосознания населения, учитывающего важность публично-регуляторных начал, а также государственных и правовых институтов в целом.

Именно поэтому в последние годы, в особенности после 2022 года, когда общественность столкнулась с новой геополитической и внутригосударственной жестокой реальностью, в правосознании российского общества произошли положительные трансформации в части смягчения позиции о расширении механизмов, направленных на реализацию публичных интересов. Хотя нельзя не заметить, что в российском правовом сознании до сих пор, к сожалению, преобладает достаточно пассивная гражданская позиция, отражающая индивидуализм и эгоцентричность, которая препятствует или значительным образом тормозит процесс претворения публичных задач, направленных не только на государственное, но и общественное развитие.

Литература

1. Балкин Н.А. Идея общего блага в контексте философии права / Н.А. Балкин // Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2021. — С. 9–13.
2. Большинство россиян готовы к самоограничениям ради безопасности страны // Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8139992> (дата обращения: 30.01.2026).
3. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы: исследование ВЦИОМ от 2021 г. // ВЦИОМ. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 01.02.2026).

4. Ермухаметов А.В. Понятие и содержание общественного блага как правовой категории / А.В. Ермухаметов // Молодой ученый. – 2025. – № 26 (577). – С. 255–258.

5. Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция правовых представлений россиян: законопослушность или справедливость? / П.М. Козырев, А.И. Смирнов // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 75–89.

6. Лихтер П.Л. Правовая категория «общее благо» в интерпретации конституционного Суда Российской Федерации / П.Л. Лихтер // Lex Russica. – 2019. – № 149. – С. 78–84.

7. Лихтер П.Л. Социально-философская категория «общее благо» у Платона и в современном конституционном праве / П.Л. Лихтер // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 199. – С. 81–83.

8. Опрос ВЦИОМ: общественные и публичные интересы // Сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 30.01.2026).

9. Павлов А.В. Закон и право: два образа «общего блага» в аспекте социального времени: дисс. канд. фил. наук: 09.00.11 / А.В. Павлов. – Великий Новгород, 2005. – 151 с.

10. Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1: 3-е изд. перераб. / Под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2024. – 731 с.

11. Покида А.Н. Правовая культура российского населения: состояние и тенденции развития / А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Вопросы культурологии. – 2019. – № 8. – Режим доступа: <https://panor.ru/articles/pravovaya-kultura-rossiyskogo-naseleniya-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya/820.html#> (дата обращения: 01.02.2026).

12. Тимошина Е.В. «Общее благо» классической правовой традиции: судьба понятия в картинах мира (Возрождение и раннее Новое время) и современные попытки его реабилитации / Е.В. Тимошина // Вопросы философии. – 2025. – № 5. – С. 58–69.

13. Ценностные ориентиры в государственном управлении: исследование ВЦИОМ от 2025 г. // ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/2024_12_03_Gosupravlenie_VV_Fedorov.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPT OF THE COMMON GOOD AND THE PUBLIC IN THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS

Danilenkova T.O.

Smolensk State University

Today, in the system of socio-political interaction, state-legal and social development, the most urgent issue remains not so much the need to prevent arbitrary public-legal interference by government entities in the private lives of citizens and society, but rather the search for mutually acceptable boundaries of citizens' autonomy in various spheres of public life, as well as the possibility, permissibility and even if it is necessary to limit the corresponding autonomy in the public interest, the study concludes that, The concept of the common good and the public is gradually being revived, rethought and adapted to the new socio-

political conditions typical of the Russian socio-economic and managerial reality. As the conducted research shows, over the past 10 years, qualitatively positive shifts have been observed in the direction of the formation of legal awareness of the population, taking into account the importance of public regulatory principles, as well as state and legal institutions in general. That is why in recent years, especially after 2022, when the public was confronted with a new geopolitical and domestic harsh reality, positive transformations have taken place in the legal consciousness of Russian society in terms of softening the position on expanding mechanisms aimed at realizing public interests. Although it should be noted that unfortunately, a rather passive civic position still prevails in the Russian legal consciousness, reflecting individualism and egocentricity, which hinders or significantly slows down the process of implementing public tasks, again aimed not only at state, but also at social development.

Keywords: common good, egocentrism, public interests, public interests, private interests, legal awareness, legal culture.

References

1. Balkin N.A. The idea of the common good in the context of the philosophy of law / N.A. Balkin // Vladivostok State University of Economics and Service, 2021, pp. 9–13.

2. Most Russians are ready for self-restraint for the sake of the country's security // Kommersant. – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/8139992> (date of request: 30.01.2026).

3. The state and society: goals, priorities, imperatives: VTsIOM research from 2021 // VTsIOM. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (date of reference: 02/01/2026).

4. Ermukhametov A.V. The concept and content of public goods as a legal category / A.V. Ermukhametov // Young Scientist. – 2025. – № 26 (577). – Pp. 255–258.

5. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. The evolution of Russians' legal beliefs: law-abiding or justice? / P.M. Kozyrev, A.I. Smirnov // Polis. Political research. – 2020. – No. 5. – pp. 75–89.

6. Likhter P.L. The legal category “common good” as interpreted by the Constitutional Court of the Russian Federation / P.L. Likhter // Lex Russica. – 2019. – No. 149. – pp. 78–84.

7. Likhter P.L. The socio-philosophical category “common good” in Plato and in modern constitutional law / P.L. Lichter // Law and the State: theory and practice. – 2021. – No. 199. – pp. 81–83.

8. VTsIOM survey: public and public interests // VTsIOM website. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (date of reference: 30.01.2026).

9. Pavlov A.V. Law and law: two images of the “common good” in the aspect of social time: dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 09.00.11 / A.V. Pavlov. – Veliky Novgorod, 2005. 151 p.

10. Plato. State. Essays in four volumes. Vol. 3, Part 1: 3rd ed. reprint. / Under the general editorship of A.F. Losev, V.F. Asmus. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University: “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2024. – 731 p.

11. Pokida A.N. Legal culture of the Russian population: state and development trends / A.N. Pokida, N.V. Zybunovskaya // Questions of cultural studies. – 2019. – No. 8. – Access mode: <https://panor.ru/articles/pravovaya-kultura-rossiyskogo-naseleniya-sostoyanie-i-tendentsii-razvitiya/820.html#> (date of reference: 02/01/2026).

12. Timoshina E.V. “The common good” of the classical legal tradition: the fate of the concept in the paintings of the world (Renaissance and early Modern Times) and modern attempts at its rehabilitation / E.V. Timoshina // Questions of Philosophy. – 2025. – No. 5. – pp. 58–69.

13. Value orientations in public administration: VTsIOM research from 2025 // VTsIOM. – Access mode: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/2024_12_03_Gosupravlenie_VV_Fedorov.pdf (date of request: 02/01/2026).

Формирование правового института государственных наград СССР (1922–1942 гг.): историко-правовое исследование

Елаев Алексей Александрович,

доцент, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Высшая школа философии, истории и социальных наук; соискатель, кафедра теории и истории государства и права, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: elaev@yandex.ru

В статье на основе комплексного анализа нормативных правовых актов СССР, архивных материалов и научной литературы исследуется процесс формирования правового института государственных наград в первый период его развития (1922–1942 гг.). Рассматриваются правовая природа коллективных наград (Почетное революционное Красное знамя), эволюция от республиканских наградных систем через эклектичную модель 1924 года к конституционной монополизации наградной прерогативы по Конституции 1936 г. Особое внимание уделяется анализу учреждения высших степеней отличия (звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда), ордена «Знак Почета», первых массовых медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также юбилейной медали «XX лет РККА» как новых форм наградной деятельности. Выявляются правовые ограничения монопольной модели в условиях локальных военных конфликтов конца 1930-х годов. Делается вывод о том, что первый период стал временем поиска баланса между централизацией и необходимостью оперативного управления, завершившимся кризисом довоенной модели в начальный период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история государства и права СССР, наградное право, институт государственных наград.

Введение

Проблема формирования правового института государственных наград СССР представляет собой важное направление историко-правовых исследований. Государственные награды являются не просто знаками отличия, но и важнейшим атрибутом государственного суверенитета, инструментом легитимации власти и формирования официальной иерархии заслуг перед обществом. Как справедливо отмечает В.А. Винокуров, наградное дело представляет собой неотъемлемую часть функционирования государственного механизма, способ легитимации власти и инструмент формирования официальной иерархии заслуг перед обществом и государством [1, с. 15].

Первый период развития советской наградной системы (1922–1942 гг.) охватывает время от образования СССР до начального этапа Великой Отечественной войны. Это был период сложного и противоречивого процесса формирования общесоюзной наградной системы, поиска оптимальной модели правового регулирования и распределения компетенции между различными уровнями государственной власти. Цель настоящей статьи – на основе анализа нормативных правовых актов, архивных материалов и научной литературы выявить основные закономерности формирования правового института государственных наград СССР в указанный период.

Правовое наследие РСФСР и становление системы коллективных наград (1918–1922 гг.)

Становление советской наградной системы происходило в горниле Гражданской войны, в условиях чрезвычайного правового регулирования и радикальной ломки дореволюционных государственных институтов. Декретом СНК от 15 декабря 1917 года «Об уравнении всех служащих в правах» были упразднены все ордена и иные знаки отличия Российской империи. Как отмечают В.В. Запарий и Д.В. Шуняков, новая власть отрицала дореволюционную наградную традицию как классово чуждую, однако достаточно быстро осознала необходимость создания собственных знаков отличия, способных выполнять функции морального стимулирования и легитимации новой власти [6, с. 16].

16 сентября 1918 года Декретом ВЦИК «О знаках отличия» был учрежден первый советский орден – орден «Красное Знамя» РСФСР. Этим знаком отличия награждались «все граждане РСФСР, проявившие особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Помимо отдельных граждан, орденом могли награждаться также войсковые части, корабли, общественные организации. Декрет устанавливал принципиально важное положение: право утверждения и присуждения принадлежит только Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. Тем самым закреплялась исключительная прерогатива высшего органа государственной власти на награждение.

Важной особенностью ранней советской наградной системы стало широкое применение коллективных наград. Высшей коллективной наградой являлось Почетное революционное Красное знамя. Как указывает в обзорном труде В.Н. Балязин, Почетное революционное Красное знамя вручалось частям и соединениям Красной Армии за особые боевые отличия, оказанные в боях против врагов Социалистического Отечества [2, с. 245]. Награжденные знаменем части получали почетное наименование «Краснознаменных». Эта практика имела глубокие исторические корни, восходя к традиции награждения полков знаменами в дореволюционной России, но наполнялась новым революционным содержанием. Институт коллективных наград выполнял важную функцию сплочения воинских коллективов, формирования боевых традиций и преемственности.

Формирование общесоюзной наградной системы: от дуализма к централизации (1922–1936 гг.)

Период наградного дуализма (1922–1936 гг.)

Образование СССР 30 декабря 1922 года поставило задачу создания единой общесоюзной наградной системы. Как отмечают В.В. Запарий и Д.В. Шуняков, объединение республик привело к необходимости создания общесоюзной наградной системы, однако параллельно ей продолжали существовать наградные системы в союзных и автоном-

ных республиках СССР [6, с. 18]. Это породило феномен наградного дуализма, ставший характерной чертой первого этапа.

Исходя из специфики наградного регулирования можно выделить три фазы этого периода. В ходе первой фазы (1922–1936 гг.) также функционировала наградная система республик, созданная в годы Гражданской войны. Награждение республиканскими наградами производилось по нескольким причинам: отсутствие наградной системы СССР и разнополярные мнения относительно тенденций ее развития; продолжавшиеся вооруженные столкновения, особенно на национальных окраинах; наличие в республиках всех элементов наградной системы (нормативно-правовой базы, республиканских органов власти и орденов) [6, с. 19]. Вторая фаза (1936–1938 гг.) – «конституционная монополизация» – была связана с закреплением наградных полномочий по награждению орденами и медалями исключительно за Президиумом Верховного Совета СССР и отказом от каких-либо форм делегирования. Третья фаза (1938–1942 гг.) – «формирование системы массовых наград» – ознаменовалась учреждением высших степеней отличия, ордена «Знак Почета», первых массовых медалей и выявлением ограниченности монопольной модели. Стоит отметить, что награждение на общесоюзном уровне наградами в форме орденов и медалей, а также учреждение почетных званий СССР, не препятствовало функционированию части наградной системы союзных республик в виде почетных званий союзных республик.

Учреждение общесоюзных орденов и тенденция к централизации

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 1 августа 1924 года был учрежден орден «Красное Знамя» Союза ССР. Анализ статута ордена и порядка награждения выявляет сложную, эклектичную модель распределения компетенции в наградной сфере. Право награждения орденом принадлежало ЦИК СССР, его Президиуму, а также ЦИК союзных республик (в отношении лиц, совершивших подвиги на их территории). Однако, как показала практика, право награждения союзными республиками использовалось крайне редко. 25 ноября 1935 года Постановлением ЦИК СССР был учрежден орден «Знак Почета». Как отмечается в материалах Президентской библиотеки, орденом награждались как отдельные граждане, так и коллективы за высокие производственные показатели в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в торговле, за особые достижения в научно-исследовательской, культурной и спортивной деятельности, за внесение во все области социалистического строительства технических улучшений и изобретений, имеющих крупное экономическое значение, за заслуги по повышению боеспособности Красной Армии и обороноспособности Союза ССР [3]. Орден «Знак Почета» стал одним из первых орденов СССР и, наряду с орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, стал распространённой наградой для ударников первых пятилеток [8]. К началу 1941 года награду получило более 14,5 тыс. человек [3].

Дальнейшее развитие наградной системы характеризовалось последовательной централизацией. Орден Трудового Красного Знамени (учрежденный еще в 1928 г.), орден Ленина (1930 г.) и орден Красной Звезды (1930 г.) закрепляли право награждения исключительно за ЦИК СССР и его Президиумом. К середине 1930-х годов завершился процесс централизации: республиканские ЦИК утратили даже формальное право награждения, сохранив лишь право ходатайствовать о награждении перед союзным центром.

Общее положение об орденах Союза ССР 1936 года

7 мая 1936 года ЦИК и СНК СССР утвердили «Общее положение об орденах Союза ССР» в новой редакции. Статья 5 Положения содержала ключевую норму: награждение орденом Союза ССР производится Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР, а награждение орденом Красное Знамя и Красная Звезда в военное время производится также Народным Комиссаром Обороны Союза ССР. Это положение имело принципиальное значение: впервые на законодательном уровне закреплялось разделение правового режима наградной деятельности на мирное и военное время, создавая потенциальную возможность делегирования, активируемую лишь в условиях войны.

Конституционная монополизация и формирование системы массовых наград (1936–1942 гг.)

Конституция СССР 1936 года и модель абсолютной монополии

5 декабря 1936 года Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов утвердил новую Конституцию СССР. Пункт «ж» статьи 49 Конституции устанавливал, что Президиум Верховного Совета СССР учреждает орден и медали СССР и устанавливает почетные звания СССР, а пункт «и» закреплял право награждения орденами и медалями СССР и присво-

ения почетных званий. Данное конституционное установление имело фундаментальные последствия: оно ликвидировало саму возможность делегирования, предусмотренную предшествующими подзаконными актами, и установило модель абсолютной монополии высшего государственного органа на наградную прерогативу.

Учреждение высших степеней отличия

16 апреля 1934 года Постановлением ЦИК СССР было учреждено звание Героя Советского Союза – высшая степень отличия за личные или коллективные заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига [4]. Первоначально никакие знаки отличия не предусматривались, выдавалась только грамота ЦИК СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1939 года был введен особый отличительный знак для Героев Советского Союза – медаль «Герой Советского Союза», а 16 октября 1939 года утвержден внешний вид медали, получившей название «Золотая Звезда» [9]. Первыми званием Героя Советского Союза 20 апреля 1934 года удостоились полярные летчики, спасавшие экипаж парохода «Челюскин»: А.В. Ляпидевский (получивший медаль «Золотая Звезда» № 1), С.А. Леваневский, В.С. Молоков, Н.П. Каманин, М.Т. Слепнев, М.В. Водопьянов, И.В. Доронин [9]. В предвоенные годы звания Героя Советского Союза удостоен 621 человек [9].

27 декабря 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была установлена высшая степень отличия – звание Героя Социалистического Труда [10]. Согласно Положению, звание присваивалось лицам, которые своей особо выдающейся новаторской деятельностью в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, торговли, научных открытий и технических изобретений проявили исключительные заслуги перед Советским государством, содействовали подъему народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР. Герою Социалистического Труда вручались орден Ленина и грамота Президиума Верховного Совета СССР [10]. Первым Героем Социалистического Труда (Указом от 20 декабря 1939 года) стал И.В. Сталин, вторым (2 января 1940 года) – выдающийся конструктор стрелкового оружия В.А. Дегтярев [10].

Учреждение первых массовых медалей

17 октября 1938 года Президиум Верховного Совета СССР принял указы об учреждении медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» [1; 2; 7]. До этого момента в СССР не существовало медалей для награждения отличившихся бойцов и командиров Красной Армии [1; 2]. Медалью «За отвагу» награждались военнослужащие рядового, командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ, или при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами Советского государства [1]. «За отвагу» была объявлена высшей медалью в наградной системе СССР и особо уважалась военнослужащими, так как вручалась исключительно за храбрость, проявленную в бою [7].

Медалью «За боевые заслуги» награждались те же категории военных за умелые, инициативные и смелые действия в бою, способствовавшие успешному выполнению боевых задач, за мужество, проявленное при защите государственной границы, за отличные успехи в боевой и политической подготовке [7]. Первое награждение новыми медалями состоялось 19 октября 1938 года – награды получили участники боев у озера Хасан [1; 2].

Наряду с указанными медалями, 24 января 1938 года была учреждена первая советская юбилейная медаль – «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Как отмечает А.А. Кузнецов, учреждение юбилейной медали разрешало коллизию, при которой кадровые военные, не совершившие выдающихся подвигов, оставались без внимания наградной системы [4, с. 404]. Медалью награждались лица кадрового командного и начальствующего состава РККА и ВМФ, прослужившие 20 лет, заслуженные участники Гражданской войны, а также лица, награжденные орденом Красного Знамени за боевые отличия в годы Гражданской войны [4].

Функционирование монопольной модели в предвоенных конфликтах

Модель абсолютной централизации прошла проверку в условиях локальных военных конфликтов конца 1930-х годов: боев у озера Хасан (1938 г.), на реке Халхин-Гол (1939 г.), Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.). Вся наградная кампания осуществлялась строго в рамках конституционной модели: все награждения производились персональными указами Президиума Верховного Совета СССР.

За бои у озера Хасан звания Героя Советского Союза удостоены 26 человек (9 из них посмертно), орденами и медалями награждены

около 6,5 тыс. участников [1; 2]. За бои на Халхин-Голе Героями стали 70 человек, награждены около 17 тыс. участников [9]. В ходе Советско-финляндской войны звания Героя Советского Союза удостоены 412 участников, орденами и медалями награждены более 70 тыс. человек [9]. Система работала, но ее недостатки – громоздкость, медлительность, перегруженность высшего органа – стали очевидны.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы относительно формирования правового института государственных наград СССР в первый период его развития (1922–1942 гг.).

1. Периодизация первого этапа. Первый период развития советской наградной системы отчетливо разделяется на три качественно различные фазы. Первая фаза (1922–1936 гг.) – «поиск общесоюзной модели» – характеризовалась эклектичностью правового регулирования, сохранением элементов республиканских наградных систем, постепенной централизацией наградной прерогативы. Вторая фаза (1936–1938 гг.) – «конституционная монополизация» – была связана с закреплением наградных полномочий исключительно за Президиумом Верховного Совета СССР и отказом от каких-либо форм делегирования. Третья фаза (1938–1942 гг.) – «формирование системы массовых наград» – ознаменовалась учреждением высших степеней отличия, ордена «Знак Почета», первых массовых медалей и выявлением ограниченности монополярной модели.

2. Формирование института высших степеней отличия. Учреждение званий Героя Советского Союза (1934 г.) и Героя Социалистического Труда (1938 г.) завершило формирование иерархии высших наград, отмечавших исключительные заслуги перед государством. Введение медали «Золотая Звезда» (1939 г.) создало единую систему визуальных знаков отличия для Героев.

3. Расширение предмета наградного права. Учреждение ордена «Знак Почета» (1935 г.), медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» (1938 г.), а также юбилейной медали «XX лет РККА» (1938 г.) существенно расширило предмет наградного права, включив в него не только выдающиеся подвиги, но и образцовую службу, выслугу лет, умелые действия и высокие производственные показатели.

4. Выявление ограничений монополярной модели. Опыт наградных кампаний 1938–1940 годов наглядно продемонстрировал ограниченность модели абсолютной централизации: громоздкость процедуры, медлительность, перегруженность высшего органа власти, отсутствие гибкости. К началу Великой Отечественной войны советская наградная система представляла собой хорошо отлаженный, но недостаточно гибкий механизм, не рассчитанный на тотальную войну.

5. Предпосылки кризиса и последующей трансформации. Выявленные ограничения создали предпосылки для перехода к новой модели – модели мобилизационной адаптации и системного многоуровневого делегирования, начало которой было положено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 года.

Таким образом, первый период развития советской наградной системы стал временем сложного и противоречивого поиска баланса между централизацией и необходимостью оперативного управления. Опыт этого периода, включая как позитивные достижения (формирование института высших степеней отличия, введение массовых медалей), так и выявленные ограничения, был в полной мере учтен при последующем реформировании наградной системы в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

Литература

1. Винокуров В.А. Система государственных наград Российской Федерации: история, современность и перспективы развития: монография. – М.: Дело, 2012. – 248 с.
2. Балязин В.Н. Наградная система СССР // Символы, святыни и награды Российской державы / В.Н. Балязин, А.Н. Казакевич, А.А. Кузнецов, Н.А. Соболева. – М.: Олма-Пресс, 2005. – С. 245–332. ISBN 5-224-04902-4.
3. Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. 2-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1978. – 311 с.
4. Кузнецов А.А. Юбилейная медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии» // Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. – М.: Современник, 1999. – С. 404–406.
5. Дуров В.А., Стрелков Н.Н. Орден Красного Знамени. – М.: Collector's Book, 2005. – 224 с.
6. Запарий В.В., Шуняков Д.В. Централизация награждения военнослужащих Красной армии после окончания Гражданской войны (1922–1933 гг.) // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 1. С. 15–23.

7. Шуняков Д.В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2019. – 245 с.

8. Можейко И.В. Награды. – М.: Хронос, 1998. 463 с.

9. Ковалевский Н.Ф. Высшее признание Родины. К 90-летию учреждения звания Герой Советского Союза // Военно-исторический журнал. – 2024. – № 4. – С. 78–85.

10. Королев М.В., Королева Л.Ю. Государственные награды и наградная политика государства как морально-правовой стимул для граждан в СССР и современной России: монография. – М.: Русайнс, 2025. – 153 с.

11. Колесников Г.А. Ордена и медали СССР / Г.А. Колесников, А.М. Рожков. – М.: Воениздат, 1983. – 301 с.

12. Гусев И.Е. Ордена, медали и наградные знаки от Петра I до современности. – М.: АСТ, 2014. – 256 с.

13. Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1998 № 3 С. 132–157.

14. Веревкин В.В. Награды за трудовые достижения в СССР, история учреждения орденов, медалей и знаков отличия и их значение как исторического источника: 1920 – июнь 1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. – Киев, 1982. – 290 с.

15. Гринчишин В.А. Совершенствование правового регулирования государственного награждения: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / АН УССР. Ин-т государства и права им. В.М. Корецкого. – Киев, 1990. – 272 с.

16. Зарецкая Е.И. Правовые формы поощрения в СССР и их роль в период постепенного перехода от социализма к коммунизму: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата юрид. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра теории государства и права. – Москва: [б.и.], 1953. – 403 с.

17. Копьев С.И. Развитие правового института мер поощрения за честный и доблестный труд в СССР: дис. на соискание учен. степени кандидата юрид. наук / Советник юстиции С.И. Копьев; М-во культуры СССР. Моск. юрид. ин-т. – Москва: [б.и.], 1953. – 420 с.

18. Баранов В.М. Логико-гносеологические, аксиологические, технико-юридические проблемы наградного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1

19. Иванов Ф.Н. Наградная система Союза ССР: учебное пособие по курсу «Вспомогательные исторические дисциплины» (фалеристика) / Ф.Н. Иванов, И.В. Минин; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Сыктывкарский гос. ун-т». – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2010. – 163 с., [2] л. цв. ил. – ISBN 978-5-87237-724-5

20. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917–середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000 С. 39–80.

FORMATION OF THE LEGAL INSTITUTE OF STATE AWARDS OF THE USSR (1922–1942): A HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH

Eliev A.A.

Immanuel Kant Baltic Federal University, Ural Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Based on a comprehensive analysis of normative legal acts of the USSR, archival materials and scientific literature, the article examines the process of formation of the legal institute of state awards in the first period of its development (1922–1942). The legal nature of collective awards (Honorary Revolutionary Red Banner), the evolution from republican award systems through the eclectic model of 1924 to the constitutional monopolization of the award prerogative under the 1936 Constitution are considered. Special attention is paid to the analysis of the establishment of the highest degrees of distinction (the title of Hero of the Soviet Union and Hero of Socialist Labor), the Order of the Badge of Honor, the first mass medals "For Courage" and "For Combat Merit", as well as the jubilee medal "XX Years of the Red Army" as new forms of award activity. The legal limitations of the monopoly model in the context of local military conflicts of the late 1930s are revealed. It is concluded that the first period was a time of searching for a balance between centralization and the need for operational management, which ended with the crisis of the pre-war model in the initial period of the Great Patriotic War.

Keywords: history of state and law of the USSR, award law, institute of state awards

References

1. Vinokurov V.A. System of state awards of the Russian Federation: history, modernity and development prospects: monograph. – M.: Delo, 2012. – 248 p.
2. Balyazin V.N. Award system of the USSR // Symbols, shrines and awards of the Russian state / V.N. Balyazin, A.N. Kazakevich, A.A. Kuznetsov, N.A. Soboleva. – M.: Olma-Press, 2005. – P. 245–332. ISBN 5-224-04902-4.

3. Kolesnikov G.A., Rozhkov A.M. Orders and medals of the USSR. 2nd ed., add. – M.: Voenizdat, 1978. – 311 p.
4. Kuznetsov A.A. Jubilee Medal "20th Anniversary of the Workers' and Peasants' Red Army" // Awards: An Encyclopedic Guide to the History of Russian Awards. Moscow: Sovremennik, 1999, pp. 404–406.
5. Durov V.A., Strekalov N.N. Order of the Red Banner. Moscow: Collector's Book, 2005, 224 p.
6. Zapariy V.V., Shunyakov D.V. Centralization of Awarding of Red Army Servicemen after the End of the Civil War (1922–1933) // History and Modern Worldview. 2022. Vol. 4. No. 1. pp. 15–23.
7. Shunyakov D.V. The Award System of the USSR During the Great Patriotic War (1941–1945): Diss. ... Cand. Hist. Sci. – Ekaterinburg, 2019. – 245 p.
8. Mozheiko I.V. Awards. – Moscow: Chronos, 1998. 463 p.
9. Kovalevsky N.F. Highest Recognition of the Motherland. On the 90th Anniversary of the Establishment of the Title Hero of the Soviet Union // Military History Journal. – 2024. – No. 4. – Pp. 78–85.
10. Korolev M.V., Koroleva L. Yu. State Awards and State Awards Policy as a Moral and Legal Incentive for Citizens in the USSR and Modern Russia: Monograph. – Moscow: Rusains, 2025. – 153 p.
11. Kolesnikov G.A. Orders and Medals of the USSR / G.A. Kolesnikov, A.M. Rozhkov. – M.: Voenizdat, 1983. – 301 p.
12. Gusev I.E. Orders, medals, and award badges from Peter the Great to the present day. – M.: AST, 2014. – 256 p.
13. Data on the number of awards of orders and medals of the USSR for the period 1918–1964 // Bulletin of the Archives of the President of the Russian Federation. 1998, No. 3, pp. 132–157.
14. Verevkin V.V. Awards for labor achievements in the USSR, the history of the establishment of orders, medals, and badges of distinction and their significance as a historical source: 1920–June 1941: dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.09. – Kyiv, 1982. – 290 p.
15. Grinchishin V.A. Improving the Legal Regulation of State Awards: Dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.02 / Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Institute of State and Law named after V.M. Koretsky. – Kyiv, 1990. – 272 p.
16. Zaretskaya E.I. Legal Forms of Incentives in the USSR and Their Role during the Period of Gradual Transition from Socialism to Communism: Abstract of Dis. for the degree of Candidate of Legal Sciences / Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU. Department of Theory of State and Law. – Moscow: [b.i.], 1953. – 403 p.
17. Kopyev S.I. Development of the Legal Institute of Incentive Measures for Honest and Valiant Labor in the USSR: Dis. for the degree of Candidate of Legal Sciences / Justice Advisor S.I. Kopyev; Ministry of Culture of the USSR. Moscow Law Institute. – Moscow: [b.i.], 1953. – 420 p.
18. Baranov VM Logical-epistemological, axiological, technical-legal problems of award law // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1
19. Ivanov FN The award system of the USSR: a tutorial on the course "Auxiliary historical disciplines" (phaleristics) / FN Ivanov, IV Minin; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Professional Education "Syktyvkar State University". – Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2010. – 163 p., [2] folios of color ill. – ISBN 978-5-87237-724-5
20. Sokolov A.K. Soviet policy in the field of motivation and incentives for labor (1917-mid-1930s) // Economic History. Review. Issue 4. Moscow, 2000, pp. 39–80.

Команджаев Евгений Александрович,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: komandzhaev@mail.ru

Сердега Игорь Владимирович,

магистрант направления «Юриспруденция», ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: serdega_iv@mail.ru

В условиях становления демократических основ Российского государства на современном этапе его истории и внедрения рыночной экономики, вопросы социальной сферы, деятельность институтов, реализующих социальную политику государства, имеют особое значение для каждого гражданина и российского общества в целом. Современное состояние российских регионов в настоящее время не одинаково. Субъекты Российской Федерации различаются по уровню финансового, экономического и др. развития. В таких условиях перед государством стоит цель разрешения целого комплекса задач в социальной сфере, в том числе посредством создания и организации механизмов, которые бы позволили обеспечить реализацию единой, универсальной и справедливой социальной политики применительно к разным регионам страны. В социальной сфере существует множество проблем. Это вопросы социального и пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания, труда и занятости, поддержки семьи, детства, материнства (отцовства), льготных категорий граждан, организации новых и современных организаций и учреждений социальной направленности. Решение данных проблем лежит в плоскости организации эффективной деятельности всех властных структур, основанной на оптимальной государственной социальной стратегии, охватывающей интересы и удовлетворяющей потребности всех жителей России.

Ключевые слова: социальное государство, конституционный строй, социальные основы государства, социальное обеспечение, социальная политика, социальные функции государства

Введение

Конституционные положения закрепили социальную направленность Российского государства, деятельность которого должна обеспечивать условия для достойной жизни и свободного развития человека. Это является приоритетом государственного управления.

Анализируя ситуацию в социальной сфере, сегодня можно говорить о Российской Федерации, как о все еще формирующемся социальном государстве. Государство, с одной стороны, гарантирует социальные права граждан, что закреплено в Конституции Российской Федерации, с другой, их реальное воплощение в жизнь нередко сталкивается с некоторыми проблемами.

Заложенные в Конституции Российской Федерации социальные основы государственной деятельности предполагают реализацию социальной политики, направленной, прежде всего, на социальную справедливость, создание достойных условий жизни населения, организацию соответствующих государственных механизмов.

Следует отметить, что социальные основы Конституции Российской Федерации находят свое воплощение в законодательных, подзаконных и иных нормативных актах федерального, регионального и муниципального уровня. Сегодня такие акты составляют значительную часть действующего законодательства и нормативной составляющей государства. Круг вопросов, регламентируемых ими, весьма обширен. Новые экономические отношения также оказывают глобальное влияние на формирование социальных основ демократического государства. Эффективная социальная политика – есть показатель социального управления.

Материалы и методы исследования

Вопросы социальных основ конституционного строя России и социальной направленности государства достаточно широко представлены в работах отечественных исследователей.

В советский период истории, объективно, работы того времени, преимущественно, носили политизированный характер. При этом, ряд исследований содержали аналитические выкладки по отдельным направлениям государственной социальной политики. Они содержатся в трудах Венгерова А.Б., Ржевского В.А., Кутафина О.Е., Белкина А.А., Лукашевой Е.А., Эбзеева Б.С. и др.

Несмотря на значительный интерес специалистов к обозначенной теме, в российской науке исследованиям социальных аспектов конституционных основ России и механизмам реализации государственного функционала в социальной сфере посвящен небольшой круг работ. В основном преобладают работы, затрагивающие определенные конкретные вопросы, например, социальную защиту семей с детьми, инвалидов и др. категорий граждан, занятость и трудовые отношения и т.д.

Среди современных российских авторов стоит выделить – Авакьяна С.А., Аристова Е.В., Волгина Н.А., Денисова М.Ю., Зорькина В.Д., Кричевского Н.А., Кукулина А.Г., Писарева А.Н., Мачульскую Е.Е., Яценко В.В. и др.

Методологической основой являются совокупность методов познания – историко-правовой и логико-исторический, формально-юридический и системно-структурный, статистический и социологический, сравнительно-правовой и диалектический. Также при подготовке работ использовались методы системного анализа действующего законодательства Российской Федерации и обобщения судебной практики, синтеза и аналогии, толкования права и иные общенаучные, специальные и частноправовые методы.

Результаты и обсуждения

В Конституции России социальные основы российской государственности содержатся в трех блоках. Первый – определяет наше государство в качестве социального (ч. 1 ст. 7), второй – фиксирует его главный функционал (ч. 2 ст. 7), а третий – закрепляет основные права человека и гражданина в социальной сфере (ст. ст. 37–44). Можно выделить и четвертую составляющую – разграничение полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами (ст. ст. 71 и 72).

Конституция Российской Федерации провозгласила Россию социальным государством. Поэтому деятельность государства должна быть направлена на формирование условий, необходимых для обеспече-

ния достойной жизни и свободного развития личности. Закрепленные в ст. 7 Основного закона России положения являются основополагающими аспектами реализации публичных социальных функций.

Конституционное провозглашение социальной государственности России предопределило и закрепление в Конституции РФ социальных прав и гарантий граждан. Социальная государственность рассматривается в тесной корреляции с государственным социальным функционалом. В частности, отмечается, что «...уровень и качество социальной ориентации государства напрямую связан с выполнением и содержанием социальных функций» [12, С. 57].

В научной литературе отмечается, что государственная социальная политика направлена на воспроизводство населения и обеспечения необходимого уровня жизни [14].

Как отмечается Булавиным С.П. «характерной чертой подлинно демократического правового государства является проведение эффективной социальной политики, основанной на приоритете прав человека как основной ценности гражданского общества, принципах справедливости и защищенности» [6, С. 17].

Статья 7 Конституции РФ определяет и перечень основных направлений государственной социальной политики, создавая нормативный фундамент для разработки и утверждения способов и форм реализации данной политики государственными властными структурами. При этом, нормы ст. 7 Конституции РФ ориентируют их на практическое принятие мер, посредством которых утверждается принцип социальной государственности России и не допускается утверждение решений, противоречащих данному принципу.

Конституционный характер этого принципа и гарантий его реализации позволяет сегодня создавать условия для осуществления эффективной государственной социальной политики, что, в свою очередь, является отражением стремления государства и российского общества по установлению и созданию в России максимальных возможностей для человека.

Характерными аспектами социальной политики Российской Федерации являются обязательное участие в ее реализации государственных публичных властных структур, а также некая гибкость существующих механизмов поддержки социально незащищенных групп и слоев населения страны.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В.Д. писал, что «социальная политика, основанная на принципе социального государства, — это конституционно-правовая обязанность государства гарантировать и защищать социальные права в качестве основных и неотчуждаемых прав на основе правовой справедливости» [7].

Таким образом, социальную направленность современного Российского государства можно назвать своеобразным государственно-общественным соглашением в вопросах реализации программы действий государства в социальной сфере.

Еще в 2013 году Президент Российской Федерации В.В. Путин говорил о том, что «социальная защита — одна из важнейших функций государства. И возможный отказ от нее поставит под угрозу само существование института государства как такового... Социально ориентированное государство — это не прихоть, а необходимость...» [9].

Столь широкий круг социальных вопросов, отраженных в Основном законе нашей страны, показывает прогрессивный характер развития российского конституционализма, соответствующий общемировым демократическим тенденциям.

Социальные гарантии, закрепленные в Российской Конституции, а также социальная направленность государства, ориентированные на обеспечение достойной жизни, обозначают необходимость разрешения вопросов бедности населения России. Объективно, это очень общая цель. Однако, для ее реализации и конкретизации положения ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации содержат некую расшифровку обязательного функционала государства и его управленческого аппарата.

Так, государство берет на себя обязательства по охране труда и здоровья населения России, гарантирует минимальный размер оплаты труда и его постоянное повышение. Также установлены государственные гарантии по поддержке инвалидов, старшего поколения, семей, материнства (отцовства), детства, установлены гарантии выплаты пособия и пенсионного обеспечения и др.

В качестве иных гарантий выступает деятельность государства по разрешению вопросов предоставления широкого спектра социальных благ (жилье, образование, культурные и духовные составляющие, помощь беженцам и вынужденным переселенцам, льготы различным категориям граждан и т.п.). Это и определяет сущность социальной политики России.

Социальная политика Российской Федерации основывается на свободе экономической деятельности, правомочии граждан в выборе форм трудовой деятельности, развитии экономически эффективно-го социального рынка и системы социального партнерства, непосредственном участии населения в управленческих процессах, социальной справедливости и консолидации общества, а также ответственности государства за итоги проводимой политики в обозначенной сфере.

В настоящее время социальная политика государства направлена, в том числе, на реализацию мероприятий, позволяющих решить проблемы: демографического характера (снижение уровня смертности и повышение уровня рождаемости, увеличение продолжительности жизни граждан и т.п.); создания необходимых условий для сохранения здоровья населения страны; обеспечения населения России достойным жильем; развития систем коммунального хозяйства и обслуживания, транспорта и связи; гарантированности роста доходов граждан, обеспечения защиты их трудовых прав; повышения качества образования и его роли; экологической безопасности; социальной защиты малообеспеченных граждан (семей), многодетных и неполных семей, инвалидов, пожилых, престарелых, пострадавших от чрезвычайных ситуаций и др. социально незащищенных категорий граждан; функционирования эффективного рынка труда и систем социального, пенсионного и медицинского страхования, а также социального обеспечения граждан ввиду их болезни, возраста, безработицы, несчастного случая и т.д.

Следует отметить, что для решения указанных проблем государством многое уже сделано и соответствующая работа продолжается. Этим целям служат и Национальные проекты Российской Федерации.

Однако, анализ ситуации в социальной сфере показывает наличие нерешенных вопросов (безработица, бедность, преступность, коррупция, качество медицинского и лекарственного обеспечения и др.).

Еще 10–15 лет назад ряд исследователей высказывали мнение о том, что Россия еще далека «от «настоящего» социального государства, ст. 7 Конституции РФ можно рассматривать как стратегическую задачу общества и государства не только на ближайшие годы, но и десятилетия» [4, С. 359], а «формирование социального государства в России находится на самом раннем этапе: разработка концепции только начинается» [5].

Для эффективного функционирования социальной защиты необходим комплексный подход и тщательное планирование развития социальной сферы (наука, образование, здравоохранение), внедрение современных способов управления и развития экономическими процессами государства.

Несомненно, современные вызовы, связанные с социальной напряженностью в мире и процессами глобализации, создают опасность для любого государства. И сегодня наше государство в условиях внешнеполитических и экономических санкций ряда «недружественных» государств, может функционировать только как социально-правовое государство. Этот процесс достаточно непрост, и поэтому здесь главная роль отведена праву и государству.

Естественно, социальная политика государства осуществляется в сферах здравоохранения, образования, труда и занятости, жилищного и социального обеспечения и т.д. Основной закон России, при этом, не определяет четких параметров социальной государственности. Это связано с постоянно изменяющимися условиями и процессами экономического и политического плана, и, соответственно, изменениями насущной социальной проблематики. В таких условиях, как указывают исследователи, успешное социальное государство должно «гибко и адекватно реагировать на возникающие социальные проблемы, находить компромиссные решения, воспринимать и учитывать общественное мнение, объяснять обществу свои действия» [13, С. 11].

Именно этим было продиктовано, в том числе, и внесение изменений в 2020 году в Конституцию Российской Федерации.

Так, в Основном законе России появились новые положения, определяющие, что в нашей стране «создаются условия для устойчивого экономического роста... и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1) [1].

Особое внимание в Конституции Российской Федерации отведено вопросам развития системы здравоохранения. Согласно ст. 72 определенные полномочия в данной сфере осуществляются Российской Федерацией совместно с субъектами Федерации. В частности, это координирующая составляющая в данной отрасли, в том числе, в вопросах доступности и обеспечения надлежащего качества медицинской помощи, сохранения и укрепления здоровья населения, создание и форми-

рование необходимых для ведения здорового образа жизни условий и ответственного отношения человека к своему здоровью.

Ст. 114 Конституции РФ относит к компетенции Правительства РФ проведение единой социально ориентированной государственной политики в сферах науки и образования, культуры и здравоохранения, социального обеспечения, а также социальной защиты лиц с ограниченными возможностями.

Конституционные положения составляют основу социальной государственности России. В научной литературе отмечается, что новшества Конституции в социальной сфере можно назвать «новой стадией правового государства, стремление выйти за пределы формального юридического равенства, расширить его путем выравнивания условий жизни» [10, С. 340].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В.Д. в 2018 году отметил: «...в России очень высока доля так называемых работающих бедных, а также то обстоятельство, что самая массовая группа бедных – семьи с детьми. Да и в целом социологи и юристы признают, что по таким принятым в международной практике показателям уровня жизни, как прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда и индекс развития человеческого потенциала, налицо разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими те или иные аспекты социальной справедливости, и фактическими показателями» [8].

Соблюдение баланса между социальной справедливостью и растущими потребностями граждан представляется важнейшим вопросом государства. Ряд экспертов, после обновления конституционных норм 2020 года, высказывали сомнения по поводу полноты государственной ответственности за итоги работы, направленной на удовлетворение нужд в области социального обеспечения.

Так, пенсионная реформа, повысившая пенсионный возраст, на первый взгляд понижает уровень социальных гарантий. Но, с другой стороны, утверждалось, что она была вызвана объективными причинами, связанными с необходимостью недопущения негативных аспектов исполнения государственных обязательств, которые могли бы иметь место ввиду старения населения России.

Наряду с модернизацией системы социальной защиты, важным направлением закрепления социальной государственности России являются формирование развитого гражданского общества, его институтов, а также высокой социальной ответственности бизнес-сообщества.

Современная Россия представляет собой социальное государство, однако действующая система имеет ряд недостатков и нуждается в совершенствовании. Причем, этот процесс, с учетом изменений условий жизни, должен носить постоянный характер. При этом, построение эффективного социального государства возможно только на основе консолидации усилий и интересов государства, его властных структур и общества.

После обновления Российской Конституции наша страна столкнулась с необходимостью решения новых проблем, связанных с пандемией, а затем ситуацией на Украине.

В сложных условиях государство обязано было, как минимум, сохранить уровень социальных гарантий, а для сохранения стабильности в российском обществе, их поэтапно расширять. С началом специальной военной операции возникла необходимость социальной поддержки и социального обеспечения участников СВО и членов их семей, для чего в 2023 году был учрежден специальный государственный фонд «Защитники Отечества».

Об этих приоритетных направлениях деятельности государства говорилось в Посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию в 2023 и 2024 годах.

Так, обозначая цели Фонда «Защитники Отечества», глава государства отмечал, что таковыми являются – «адресная, персональная помощь семьям погибших бойцов и ветеранам специальной военной операции, он будет координировать предоставление социальной, медицинской, психологической поддержки, решать вопросы санаторно-курортного лечения и реабилитации, помогать в образовании, спорте, трудоустройстве, предпринимательстве, в повышении квалификации, в получении новой профессии» [2].

В Послании Президента РФ к Федеральному Собранию (февраль 2024 г.) также было обращено внимание на вопросы защиты интересов семьи. В частности, он констатировал: «Поддержка семей с детьми – наш фундаментальный нравственный выбор. Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии» [3]. Конституционные нормы ст. ст. 39 и 67.1 провозгласили детей одним из главных приоритетов государственной политики. Для них государством создаются необходимые условия для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, обеспечивается приори-

тет семейного воспитания и гарантируется социальное обеспечение для детского воспитания [1].

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, возможно согласиться с тем, что, начиная с 1993 года, наше государство планомерно двигалось и принимало усилия «к обретению статуса полноценного социального государства» [11, С. 81]. В то же время сегодня повышается актуальность совершенствования и повышения эффективности социальной политики. Связано это с различными аспектами экономического и внешнеполитического характера. Осуществление социальной политики государства, базирующейся на принципах социальной государственности и социальной справедливости во многом позволит противостоять различным вызовам и, соответственно, укрепить суверенитет нашего государства. Исходя из этого, социальные вопросы должны быть предметом постоянного внимания государственных управленческих институтов.

Социальная политика государства должна опираться на экономическую свободу граждан, их участие в управленческих процессах, ответственность всех субъектов правоотношений, в том числе самого государства за создание достойных условий жизни человека, недопустимость значительного разрыва в доходах различных слоев населения.

Значительная часть направлений социальной политики государства сконцентрирована на вопросах укрепления России в глобальной экономике через использование социальных факторов. К таким факторам относятся показатели демографии, образовательный уровень населения, его качество жизни и социальная защищенность.

На основании этого следует необходимость формирования рыночной экономики, ориентированной на социальные аспекты, как основы общественной социальной справедливости, благосостояния и гарантий высокого уровня жизни граждан. Ориентирами данной политики обязаны выступать – доверие населения к государственной власти и ее институтам, обеспечение занятости населения, его медицинского обслуживания, в том числе бесплатного, подготовка высококвалифицированных кадров в различных сферах, повышение заработной платы и пенсионного обеспечения, обеспечение граждан жильем.

Литература

1. Конституции Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>. (дата обращения 12.01.2026 г.).
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.02.2023 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения 12.01.2026 г.).
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 12.01.2026 г.).
4. Авакян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд. В 2 т. Т. 1 М.: Юрист. 2011. С. 359.
5. Баев В.Г., Шиняева А.Е. Социальное государство: понятие, содержание, конституционное закрепление // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 17. С. 7–11.
6. Булавин С.П. Система гарантий законности в условиях формирования правового государства // История государства и права. 2010. № 6. // [Электронный ресурс]. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=581&id=26&ysclid=mh0bu1mna577710798> (дата обращения 12.01.2026 г.).
7. Зорькин В.Д. Права человека в контексте глобальной юриспруденции // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 2. С. 1–8.
8. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/valerij_zor_kin_bukva_i_duh_konstitucii?ysclid=mh0isckdcq115272001 (дата обращения 12.01.2026 г.).
9. Интервью Президента России В.В. Путина информационному агентству «РИА Новости» 14 июня 2013 года. // [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/18338> (дата обращения 12.01.2026 г.).
10. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Сочинения. М.: Раритет. 1995.
11. Савин С.В., Степанов В.С. Трансформация социальных основ конституционного строя Российской Федерации в современных условиях // Международный журнал гуманитарных исследований и естественных наук. 2024. № 5–3 (92). // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sotsialnyh-osnov-konstitutsionnogo-stroya-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah?ysclid=mh0m3d5bah157291919> (дата обращения 12.01.2026 г.).

12. Сафонова О.Д. К вопросу о возможности изменения социальных функций в эпоху глобализма // Вестник СПбГУ. Серия:6. 2016. Вып. 1 // [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-izmeneniya-sotsialnoy-funktsii-gosudarstva-v-epohu-globalizatsii?ysclid=mheyj3gtkj672055375> (дата обращения 12.01.2026 г.).

13. Сигарев А.В. Социальное государство как конституционно-правовая проблема // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 12.

14. Шарков А.В. Социальная функция государства: философский анализ проблемы. Пермь. ПГНИУ. 2018. 210 с. // [Электронный ресурс]. URL: <https://elis.psu.ru/node/496779?ysclid=mheyxpy71984941723> (дата обращения 12.01.2026 г.).

SOCIAL STATEHOOD OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE BASIS OF CONSTITUTIONAL ORDER

Komandjaev E.A., Serdega I.V.

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

In the context of the establishment of the democratic foundations of the Russian state at the current stage of its history and the introduction of a market economy, social issues and the activities of institutions implementing state social policy are of particular importance for each citizen and Russian society as a whole. The current state of Russian regions is currently uneven. The constituent entities of the Russian Federation differ in their levels of financial, economic, and other development. In such circumstances, the state is faced with the goal of resolving a whole range of social issues, including through the creation and organization of mechanisms that would ensure the implementation of a unified, universal, and equitable social policy applicable to different regions of the country. The social sphere faces numerous challenges. These include issues of social security and pensions, healthcare, labor and employment, support for families, childhood, motherhood (paternity), privileged categories of citizens, and the establishment of new and modern social organizations and institutions. The solution to these problems lies in organizing the effective activities of all government structures, based on an optimal state social strategy that encompasses the interests and meets the needs of all Russian citizens.

Keywords: welfare state, constitutional system, social foundations of the state, social security, social policy, social functions of the state

References

1. Constitution of the Russian Federation (Adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>. (Accessed: 12.01.2026).
2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 21, 2023 // [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (Accessed: 12.01. 2026).
3. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 29, 2024 // [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (Accessed: 12.01.2026).
4. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: Study Course. 2nd ed. In 2 Vols. Vol. 1 M.: Jurist. 2011. P. 359.
5. Baev V.G., Shinyaeva A.E. Welfare State: Concept, Content, Constitutional Enshrinement // Constitutional and Municipal Law. 2008. No. 17. Pp. 7–11.
6. Bulavin S.P. System of Guarantees of Legality in the Context of the Formation of a Rule of Law State // History of the State and Law. 2010. No. 6. // [Electronic resource]. URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=581&id=26&ysclid=mh0bu1m-nax577710798> (Accessed: 12.01.2026).
7. Zorkin V.D. Human Rights in the Context of Global Jurisprudence // Journal of Constitutional Justice. 2009. No. 2. Pp. 1–8.
8. Zorkin V.D. The Letter and Spirit of the Constitution // [Electronic resource]. URL: https://zavtra.ru/blogs/valerij_zor_kin_bukva_i_duh_konstitucii?ysclid=mh0isckd-cq115272001 (Accessed: 12.01.2026).
9. Interview with the President of Russia V.V. Putin to the RIA Novosti news agency on June 14, 2013. // [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/news/18338> (Accessed: 12.01.2026).
10. Novgorodtsev P.I. Crisis of Modern Legal Consciousness. Works. Moscow: Raritet. 1995.
11. Savin S.V., Stepanov V.S. Transformation of the Social Foundations of the Constitutional System of the Russian Federation in Modern Conditions // International Journal of Humanitarian Research and Natural Sciences. 2024. No. 5–3 (92). // [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sotsialnyh-osnov-konstitutsionnogo-stroya-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah?ysclid=mh0m3d5bah157291919> (Accessed: 12.01.2026).
12. Safonova O.D. On the Possibility of Changing Social Functions in the Era of Globalism // Bulletin of St. Petersburg State University. Series: 6. 2016. Issue 1 // [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-izmeneniya-sotsialnoy-funktsii-gosudarstva-v-epohu-globalizatsii?ysclid=mheyj3gtkj672055375> (Accessed: 12.01.2026).
13. Sigarev A.V. The welfare state as a constitutional and legal problem // State power and local self-government. 2009. No. 12.
14. Sharkov A.V. The social function of the state: a philosophical analysis of the problem. Perm. Perm State National Research University. 2018. 210 p. // [Electronic resource]. URL: <https://elis.psu.ru/node/496779?ysclid=mheyxpy71984941723> (Accessed: 12.01.2026).

Котельников Михаил Гурьевич,

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, старший преподаватель, Челябинский государственный университет
E-mail: kotelnikoff.mg@yandex.ru

Работа посвящена комплексному исследованию места судебной практики в системе источников права Российской Федерации в свете доктринального и практического переосмысления классических, позитивистских подходов, фактически не соответствующих правовой и правоприменительной действительности. В результате системного анализа позиций высших судов Российской Федерации, таких доктринальных точек зрения, автором формируется вывод о том, что судебная практика как источник российского права – это не только нынешняя реальность (хоть и не очевидная на первый взгляд), но и также объективная необходимость на пути формирования «живого» и динамичного права. Отмеченные в работе позиции Председателя Конституционного Суда РФ Зорькина В.Д., председателя судебного состава Арбитражного суда города Москвы в отставке Комаровой Г.В., секретаря Пленума, судьи Верховного Суда Российской Федерации Момотова В.В. а также других отечественных исследователей теоретиков и юристов-практиков не вызывают сомнения о необходимости отнесения решений Конституционного Суда РФ, Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также судебной практики в целом к источникам российского права. Делается вывод о том, что подход к судебному толкованию и инициации уже законотворческой деятельности органа законодательной власти отвечает объективным запросам динамично развивающегося российского общества, что очевидно является позитивным примером участия судебной системы в единой правотворческой деятельности.

Ключевые слова: судебная практика, прецедент, правоприменение, позитивное право, источник права, правовая система, правотворческая функция.

Введение

На современном этапе развития правовых систем всё больше исследователей, практиков и даже представителей власти поддерживают концепцию «живого права» как неотъемлемого элемента развития национального права. Данная концепция предполагает, что в сущность права должно входить не только законодательство, но и также акты толкования, разъяснения и иные документы ненормативного характера, которые так или иначе могут применяться для эффективной регуляции общественных отношений. В таком случае, в системе «живого права» важное значение уделяется судебной практике, поскольку акты высших национальных судов отражают специфику правоприменения с учётом современных тенденций развития общественных отношений [1, с. 67].

Актуальность исследования при этом обусловлена архаичностью подходов к природе правовых источников. На сегодняшний день российскими правовыми основами судебная практика категорично не расценивается как источник права, при этом в отдельных случаях допуская фактическое применение положений, изложенных в актах высших судов Российской Федерации. Речь идёт о широком применении постулатов, формируемых в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в актах обобщения судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также таких подходов, излагаемых в позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовые основы и фактическая реальность расходятся в векторе крайне негативного отношения законодателя к признанию возможного и легального, контролируемого использования судебных прецедентов отдельных судебных органов в регулировании правовых отношений, а также в правоприменении в целом, рассматривая практику судов буквально как абсолютное зло.

В правосознании будущих и уже даже практикующих юристов формируется стереотипный образ о том, что «в России не прецедентное право», который в силу своей категоричности не позволяет им подойти к вопросу о роли судебной практики в широком понимании её ценности. Такое клише сопровождает молодых юристов до тех пор, пока они непосредственно не сталкиваются с юридической практикой. Юридическая реальность, однако, далеко не так категорична, что и обесценивает актуальность данного исследования.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу научного исследования определили подходы следующих учёных, юристов и иных авторов: Е.А. Бородина; Д.В. Змиевского; В.Д. Зорькина; Е.Ю. Колеговой; Г.В. Комаровой; В.В. Момотова; И.А. Покровского; С.А. Сайбулаевой; Н. Kelsen.

Эмпирическая база исследования представлена материалами правоприменения, в частности актами Пленума Верховного Суда Российской Федерации

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Для того чтобы понять современный правовой режим судебной практики в Российской Федерации, изначально потребуются проанализировать норму ст. 15 Конституции Российской Федерации, где рассматриваются основополагающие источники российской правовой системы. Из указанного положения следует, что к источникам права относятся Конституция, законы, а также любые иные нормативно-правовые акты, которые в своем содержании затрагивают права, свободы и обязанности человека. Кроме того, в российскую систему права входят общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе положения, вытекающие из международных договоров – следует из ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации [6].

Как мы можем заметить, судебная практика, а равно иные акты судебных органов не признаются на конституционно-правовом уровне в качестве источника правового регулирования. Отрицают возможность применения судебной практики для последующего правоприменения и отечественные учёные, отвечая, что это противоречит фор-

мальным положениям правовой системы романо-германской правовой семьи.

В основном позиция учёных строится на том, что правовое норм может формировать исключительно законодатель, в то время как судебная власть может их лишь толковать, но не изменять, отменять и уж тем более не разрабатывать новые нормы в рамках судебной деятельности. Такой позиции, к примеру, придерживается Колегова Е.Ю., отмечая, что судебная практика в отличие от правовых норм не имеет внешней формализации, при этом формируется не в ходе интеллектуально-правовой деятельности по созиданию новых правовых регуляторов, а посредством унификации и типизации уже имеющихся позиций, отражаемых в судебных решениях и иных актах судов [4, с. 100].

Не можем согласиться с данной позицией в полной мере по той причине, что она отражает в себе идеи позитивизма, сопоставляя категорию «право» с понятием «законодательство», что не совсем верно, поскольку данный подход значительно упрощает и даже искажает исконный позитивистский смысл права, в основе которого судебная практика также признавалась источником права [13]. Уже после позитивистский подход был несколько искажён, в том числе в том, что понятия «норма права» и «норма закона» стали рассматриваться в качестве тождественных.

Здесь целесообразно отметить скорее социологический подход, согласно которому также признаётся, что судебная практика не содержит в своём содержании правовых норм, однако, рассматривается в качестве полноценного правового источника. Как отмечал знаменитый русский цивилист Покровский И.А., законодательная и судебная власть в процессе формирования и развития правовой системы не должны рассматриваться в качестве противоборствующих государственных сил, а наоборот, должны быть взаимодополняемыми структурами в юрисдикционной системе, поскольку как законодательные органы, так и судебные органы преследуют в своей деятельности единую цель – достижение справедливости в регулируемых общественных отношениях. Покровский И.А. также дополняет: «нечего бояться этой творческой деятельности судьи: судья в неменьшей степени, чем законодатель, сын своего народа, и в неменьшей степени носитель того же народного правосознания» [8, с. 273].

Мы также придерживаемся позиции о том, что судебная практика должна признаваться в качестве источника права, не обладающего нормативным наполнением, но имеющего общеобязательный характер применения, в связи с чем может осуществлять правовое регулирование и применяться в практике общественных отношений. Более того убеждены, что в Российской Федерации судебная практика, несмотря на отказ от прецедентной системы, фактически применяется для фрагментарного регулирования правоотношений.

Объясним свою позицию. Во-первых, в судебном правотворчестве большую роль играет Конституционный Суд Российской Федерации, который, согласно законодательным основам, имеет полномочия на взаимодействие с субъектами законотворческой деятельности. Взаимодействие органа конституционного контроля, в России относящегося к органам судебной власти, и Федерального Собрания РФ – высшего органа законодательной власти определяется в следующих направлениях. В первую очередь – это последствия признания правовой нормы, закреплённой в Федеральном законе, не соответствующей положениям Конституции. Среди этих последствий на передний план выходят два:

- 1) содержание резолютивной части акта КС РФ, где дается конкретное предписание федеральному законодателю;
- 2) процедура исполнения федеральным законодателем соответствующего акта КС РФ (внесение изменений в действующий закон либо принятие нового Федерального закона) [12].

Следует отметить и возможность официального толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ. Акты данного суда, в которых производится толкование, выступают абстрактным нормотворчеством, которое получает конкретное воплощение либо в ситуации, когда этот акт использует правоприменитель, либо когда положения этого акта учитывает законодатель [11, с. 188].

Помимо этого, Конституционный Суд РФ имеет опыт подготовки информации о работе суда и выявленных пробелах в законодательстве. Однако наделение Конституционного суда Российской Федерации полномочием по инициированию законодательного процесса уже с момента его закрепления в ст. 104 Основного закона России вызвало бурную дискуссию как в правовой теории, так и на практике. «Ведь если Конституционный суд выступит инициатором того или иного законопроекта, то в конечном итоге уже принятый закон может стать предметом его последующего рассмотрения» [2, с. 48] – справедливо замечает учёный Змиевский Д.В.

Что уже говорить о дискуссионном вопросе о возможности использования формируемой конституционной практики Конституционным Судом РФ в последующем правовом регулировании, если даже сам Председатель Конституционного Суда РФ Зорькин В.Д. убеждён, что высший орган конституционного контроля одновременно обладает самостоятельной правотворческой функцией, в связи с чем прецедентные акты суда являются источником права. Зорькин В.Д. даже пишет о том, что положения, изложенные в решениях Конституционного Суда, по своей юридической силе превосходят всякие законы, в связи с чем приравняются к основному закону государства [3].

Аналогичной позиции придерживается и председатель судебного состава Арбитражного суда города Москвы в отставке Комарова Г.В., также замечая, что наряду с актами Конституционного Суда РФ, к источникам правового регулирования следует относить Постановления и иные акты Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 77]. И несмотря на то, что законодатель прямо не включает судебную практику в правовую систему, характеризует её как источник права именно доктрина, а также конкретные судебные решения.

Поддерживает тенденцию фактического регулирования отношения и применения положений судебной практики в качестве источников права секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации Момотов В.В., отмечая высокую роль Постановлений Пленума Верховного Суда по данному вопросу. Судья отмечает, что динамично развивающиеся общественные отношения (в особенности гражданско-правовые и хозяйственные) требуют их форсированного правового регулирования, в связи с чем постоянно обновляемые законодательные основы зачастую характеризуются как фрагментарные и со значительными правовыми пробелами [7, с. 46].

В то же время Постановления Пленума Верховного Суда РФ призваны восполнить существующие правовые пробелы, предупреждая судебные ошибки путём толкования вновь сформированных норм права. И ведь действительно, если на первоначальных этапах формирования власти и российской правовой системы Пленум издавал серию разъясняющих актов по типу ««О применении судами некоторых положений...», то сегодня сфера применения данного типа судебного акта намного шире, не ограничиваясь правоприменительной практикой судов, что находит своё отражение и в названиях Постановлений (как пример: «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»; «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» и др.).

Для подтверждения реального влияния судебной практики на последующую практику правоприменения, отметим некоторые примеры:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» – решён биотехнический вопрос о наличии собственных прав и интересов у генетических родителей ребенка [10];

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» – закреплена возможность почти по всем категориям дел направлять участникам процесса СМС-извещения [9];

3. Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» – закрепление в законодательных основах иной очередности погашения требований по потребительским кредитам. Разработка закона стала следствием принятия разъяснения Пленума Верховного Суда о недопустимости первоочередного погашения штрафов, неустоек и иных мер ответственности перед другими требованиями, названными в ст. 319 Гражданского кодекса РФ.

Указанные примеры являются далеко не исчерпывающими, но отражают общую сущность роли судебной практики в правовом регулировании и правоприменении на территории Российской Федерации. Можно прийти к выводу, что несмотря на то, что российским законодательством прецедент не признаётся источником права, а большинство исследователей придерживается данной правовой концепции, опираясь на устаревшую теорию советского права, всё же, практика правоприменения говорит об обратном.

Выводы

Резюмируя изложенное, можно прийти к выводу, что судебная практика как источник российского права – это не только нынешняя реальность (хоть и не очевидная на первый взгляд), но и также объективная необходимость на пути формирования «живого» и динамичного права. Отмеченные позиции Председателя Конституционного Суда РФ Зорь-

кина В.Д., председателя судебного состава Арбитражного суда города Москвы в отставке Комаровой Г.В., секретаря Пленума, судьи Верховного Суда Российской Федерации Момотова В.В. а также других ответственных исследователей теоретиков и юристов-практиков не вызывают сомнения о необходимости отнесения решений Конституционного Суда РФ, Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также судебной практики в целом к источникам российского права.

По нашему мнению, такой подход к судебному толкованию и инициации уже законотворческой деятельности органа законодательной власти отвечает объективным запросам динамично развивающегося российского общества, что очевидно является позитивным примером участия судебной системы в единой правотворческой деятельности.

Литература

1. Бородин Е.А. Теория «живого права» в системе современного российского правовопонимания / Е.А. Бородин // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2(14). – С. 64–70.
2. Змиевский Д.В. Право законодательной инициативы в системе полномочий конституционного суда Российской Федерации / Д.В. Змиевский // *Oeconomia et Jus*. – 2021. – № 4. – С. 46–52.
3. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5133313/> (дата обращения: 23.12.2025).
4. Колегова Е.Ю. Понятие и роль судебной практики в российской правовой системе / Е.Ю. Колегова // Право и законность: вопросы теории и практики: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 22–23 апреля 2022 года. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2022. – С. 100–102.
5. Комарова Г.В. Понятие, сущность и значение судебной практики на современном этапе развития Российской Федерации / Г.В. Комарова // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 4(15). – С. 74–79.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144.
7. Момотов В.В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте / В.В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5(66). – С. 40–49.
8. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права; – Москва: Статут, 2013. – 350 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Консультант-Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125959/ (дата обращения: 23.12.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. – 23.05.2017. – № 110.
11. Сайбулаева С.А. Взаимодействие Конституционного Суда и Федерального Собрания Российской Федерации: некоторые вопросы теории / С.А. Сайбулаева // 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития и перспективы реализации: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции РФ, Саратов, 13–14 сентября 2018 года / Под редакцией М.А. Липчанской. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2018. – С. 185–190.
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.07.1994. – № 13.
13. Kelsen H. What is Justice? Justice, Law, and Politics in the Mirror of Science: Collected Essays by Hans Kelsen // Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1957. – 397 P.

THE PLACE OF JUDICIAL PRACTICE IN THE SYSTEM OF SOURCES OF LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kotelnikov M.G.

Chelyabinsk State University

The work is devoted to a comprehensive study of the place of judicial practice in the system of sources of law of the Russian Federation in the light of a doctrinal and practical rethinking of classical, positivist approaches that actually do not correspond to legal and law enforcement reality. As a result of a systematic analysis of the positions of the supreme courts of the Russian Federation and such doctrinal points of view, the author concludes that judicial practice as a source of Russian law is not only the current reality (although not obvious at first glance), but also an objective necessity towards the formation of a “living” and dynamic law. The positions of V.D. Zorkin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, G.V. Komarova, Chairman of the judicial staff of the Arbitration Court of the City of Moscow, V.V. Momotov, Secretary of the Plenum, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as other domestic researchers, theorists and practitioners, noted in the work, do not raise doubts about the need to refer decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The Courts of the Russian Federation, as well as judicial practice in general, refer to the sources of Russian law. It is concluded that the approach to judicial interpretation and initiation of the legislative activity of the legislative authority meets the objective needs of a dynamically developing Russian society, which is obviously a positive example of the judicial system’s participation in a unified.

Keywords: judicial practice, precedent, law enforcement, positive law, source of law, legal system, law-making function.

References

1. Borodin E.A. Theory of “living law” in the system of modern Russian legal understanding / E.A. Borodin // Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. – 2014. – № 2(14). – Pp. 64–70.
2. Zmievsky D.V. The head of executive power in the system of public administration of the Russian Federation / D.V. Zmievsky // *Economics and Law*. – 2021. – No. 4. – pp. 46–52.
3. Zorkin V.D. The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation / V.D. Zorkin // *Journal of Russian Law*. – 2004. – No. 12. – Access mode: <https://base.garant.ru/5133313/> (date of reference: 12/23/2025).
4. Kolegova E.E. Understanding and the role of judicial practice in the Russian executive system / E.E. Kolegova // *Law and secrecy: issues of theory and practice: proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, April 22–23, 2022*. – Abakan: Publishing House of the N.F. Katanov Khakass State University, 2022, pp. 100–102.
5. Komarova G.V. The concept, essence and significance of judicial practice at the present stage of development of the Russian Federation / G.V. Komarova // *Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*. – 2009. – № 4(15). – Pp. 74–79.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // *Rossiyskaya Gazeta*. – 04.07.2020. – № 144.
7. Momotov V.V. The role of judicial practice in the legal system: Russian experience in a global context / V.V. Momotov // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. – 2017. – № 5(66). – Pp. 40–49.
8. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law; Moscow: Statut Publ., 2013. 350 p.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/09/2012 No. 3 (as amended on 12/25/2018) “On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation” // *ConsultantPlus*. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125959/ (date of appeal: 12/23/2025).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/16/2017 No. 16 (as amended on 12/26/2017) “On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children” // *Rossiyskaya Gazeta*. – 23.05.2017. – № 110.
11. Saibulayeva S.A. Interaction of the Constitutional Court and the Federal Assembly of the Russian Federation: some issues of theory / S.A. Saibulayeva // 25 years of the Constitution of the Russian Federation: development trends and prospects for implementation: A collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, Saratov, September 13–14, 2018 / Edited by M.A. Lipchanskaya. Saratov: Saratov State Law Academy, 2018, pp. 185–190.
12. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 07/21/1994 (as amended on 07/31/2023) “On the Constitutional Court of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 07/25/1994. – No. 13.
13. Kelsen H. What is justice? Justice, law, and politics in the mirror of Science: A collection of essays by Hans Kelsen // Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1957. – 397 p.

Кочесоков Заурбек Хамидбиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры правового обеспечения
деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт –
филиал РАНХиГС
E-mail: kochesokov68@bk.ru

Кулиев Фарман Муруват оглы,

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории, права и гуманитарных дисциплин, Северо-
Кавказский институт – филиал РАНХиГС
E-mail: kuliev_farman@mail.ru

Цифровое вмешательство рассматривается как угроза государственному суверенитету.

Аргументируется, что в контексте нынешней геополитической ситуации, включая конфликт на Украине, проблема цифрового вмешательства в государственный суверенитет является очень актуальной.

Обосновывается, что государства, у которых отсутствует цифровой суверенитет, уязвимы и могут быть использованы внешними субъектами для влияния на их внутренние процессы.

Утверждается, что в условиях «гибридной войны» очень важно укрепление цифрового государственного суверенитета, чтобы избежать зависимости от других.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровое вмешательство, цифровой суверенитет, цифровая трансформация, искусственный интеллект, нейросеть, дипфейк, ботофермы.

Суверенитет является одним из важнейших признаков государства, который означает независимость государства в решении всех вопросов как внутренних, так и внешних [1].

В условиях современной глобальной цифровой трансформации государственный суверенитет подвергается новым вызовам и угрозам [2].

В этом смысле проблемой для государственного суверенитета становится цифровое вмешательство, которое является результатом глобальной цифровой трансформации.

В нынешнем геополитическом противостоянии страны Запада продолжают неустанные попытки цифрового вмешательства во внутренние дела России.

Их действия нацелены на то, чтобы навредить критической инфраструктуре внутри страны, и в этом кроется немалая опасность современных технологии [3].

Однако Россия адекватно и пропорционально реагирует на них.

С ее стороны неоднократно звучали обвинения в адрес США о вмешательстве во внутренние дела при помощи современных информационных технологий.

Преследуя собственные цели, международные центры, враждебные России, активно осваивают возможности генерирования фальшивого контента с помощью нейросетей, создания дипфейков, автоматизированного массированного распространения нужной им информации через ботофермы и алгоритмы социальных сетей.

Новые угрозы способны наносить ущерб информационной безопасности государства, так как ложные материалы, выполненные с применением ИИ, непрофессиональному зрителю трудно отличить от подлинных, и они способны вводить в заблуждение значительные группы населения [4].

Как показывает анализ, с началом специальной военной операции на Украине в разы увеличились кибератаки на российские информационные ресурсы и инфраструктурные объекты – госучреждения, финансовый, транспортный и энергетический секторы. Диверсии осуществляются преимущественно из стран Северной Америки и Евросоюза.

Рассадником вредоносной деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является и Украина, ее цифровой потенциал, контролируемый США и их союзниками [5].

Другим примером цифрового вмешательства во внутренние дела России являются события в аэропорту Махачкалы 29 октября 2023 года. В данной связи возбуждено уголовное дело по статье 212 Уголовного кодекса Российской Федерации [6].

По данным министерства здравоохранения Дагестана, в результате беспорядков в аэропорту Махачкалы были пострадавшие [7].

Впрочем, в последнее время практика цифровых вмешательств в мире растет [8]. Анализ также показывает, что в этом процессе также принимают участие и негосударственные акторы.

Имеются в виду террористические и экстремистские организации, хакерские группы, частные компании, преследующие разные цели и т.д.

Особенно цифровые вмешательства создают много проблем в сфере международных отношений. Они дестабилизируют общественный порядок в государстве. Из-за них возникают проблемы в сфере национальной и международной безопасности, подталкивая государства к различного рода действиям и т.д. [9].

В настоящее время в геополитическом противостоянии выигрывают те государства, у которых более высокие технологии в цифровой сфере. Те государства, которые отстают в цифровом развитии обречены на проигрыш, будут находиться в технологической зависимости от более высокотехнологичных. Их способность обеспечить свой цифровой суверенитет будет находиться на очень низком уровне. Из-за цифрового вмешательства со стороны других более развитых в этом плане государств у них будут хаос и беспорядок [10].

Еще необходимо учитывать, что возможности современных цифровых сервисов растут. Они легко преодолевают границы между государствами. Ими широко используется искусственный интеллект, позволяющий решать задачи более высокого порядка.

В свою очередь утечка или потеря данных могут привести государства к серьезным последствиям, включая финансовые траты, потерю репутации и национальной безопасности.

Современные государства должны уметь контролировать свои цифровые данные, информацию, а также обеспечивать безопасность и защиту цифровых технологий и инфраструктуры.

Иначе, обеспечение суверенитета и национальной безопасности становится невозможным. Должна быть создана надежная защита от информационных атак, которые становятся все более интенсивными. Россия должна стать полностью независимой в цифровой сфере.

В настоящее время необходимо создать собственную информационную инфраструктуру независимую во всех отношениях от внешне-политических обстоятельств и санкционных давлений, которые будет увеличиваться [11].

Таким образом, как показывает анализ, цифровой государственный суверенитет становится такой же важной составляющей национальной безопасности, как границы, армия и экономика [12].

Вместе с тем достижение цифрового государственного суверенитета очень сложная задача, и все же, можно назвать такие государства, как: США, Китай, Россия, Евросоюз.

В то же время в настоящее время к российскому IT-рынку, как показывает анализ, проявляют интерес многие зарубежные компании.

Впрочем, агентство национальной безопасности США использовало такие компании, как: Yahoo, Apple, Google, Microsoft и Facebook для сбора информации. Это подтвердил газете Guardian главный консультант АНБ Раджеш Де. Причем, по его словам, перехват делался с ведома и согласия этих компаний. Собирались данные с помощью специальной программы Prism [13].

В этой связи, как нам представляется, решить проблему киберпреступлений и иностранного вмешательства в государственный суверенитет поможет переход на отечественные платформы [14].

Очевидно, что государства должны стремиться к снижению зависимости в цифровой сфере, иначе говоря, укрепить свой цифровой государственный суверенитет

Укрепление цифрового государственного суверенитета особенно важно в текущих условиях «гибридной войны». Это является составной частью национальной безопасности [15].

Отсутствие цифрового государственного суверенитета создаёт уязвимости, которые могут быть использованы внешними акторами для влияния на внутренние процессы страны.

Очевидно, что государства, не обладающие цифровым суверенитетом, столкнутся с серьезными рисками и ограничениями, которые могут повлиять на их политическую, экономическую и социальную и т.д. стабильность.

Литература

1. Суверенитет и цифровой суверенитет // https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/236?locale=ru_RU&ysclid=ml2oq7eedy462382268
2. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологических трансформаций: содержание и особенности // <https://www.academia.edu/>
3. Лавров: Попытки цифрового вмешательства в дела РФ с Запада продолжаются // <https://www.kp.ru/online/news/6067709/?ysclid=ml9trlasgn32290982>
4. В СФ ожидают усиления внешнего воздействия на суверенитет РФ с помощью ИИ // <https://tass.ru/politika/26341299>
5. В МИД рассказали, откуда чаще всего идут кибератаки на российские объекты // <https://ria.ru/20221027/kiberataki-1827097874.html?ysclid=mlcedj8vcp838792965>
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. В Кремле назвали ситуацию в аэропорту Махачкалы с вмешательством извне // <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/653f848f9a794760ed052e7f?ysclid=ml90s0qq4e739826159>
8. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212>
9. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212>
10. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Новые социально-политические вызовы государственному суверенитету в цифровую

эпоху (по материалам международного экспертного исследования) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1 № 6. С. 31–57.

11. Шадаев: Цифровой суверенитет – защита пользователей и интересов государства // https://rg.ru/2025/05/22/shadaev-cifrovoy-suverenitet-zashchita-polzovatelej-i-interesov-gosudarstva.html?ysclid=ml2ock4zav616280614&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F

12. Цифровой суверенитет: мечта, которая стала обязательной // https://www.gazeta.ru/comments/expert/21051416.shtml?ysclid=ml6zw6pyc3468123746&utm_auth=false

13. Google и Facebook помогли АНБ собирать данные, влезая в личную жизнь миллионов людей // <https://life.ru/p/129505?ysclid=mlaqn31dy7238148236>

14. С начала 2025 года в РФ зарегистрировали 627 тыс. киберпреступлений // <https://iz.ru/2014044/2025-12-23/s-nachala-2025-goda-v-rf-zaregistirovali-627-tys-kiberprestuplenii>

15. Захарова рассказала о важности укрепления цифрового суверенитета РФ // <https://ren.tv/news/v-rossii/1208040-zakharova-rasskazala-o-vazhnosti-ukrepleniia-tsifrovogo-suvereniteta-rf?ysclid=ml6zgak68m269352547>

DIGITAL INTERVENTION AS A THREAT TO STATE SOVEREIGNTY

Kochesokov Z.Kh., Kuliev F.

North Caucasus Institute – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Digital interference is seen as a threat to state sovereignty. It is argued that in the context of the current geopolitical situation, including the conflict in Ukraine, the problem of digital interference in state sovereignty is very relevant. It is proved that states that lack digital sovereignty are vulnerable and can be used by external actors to influence their internal processes. It is argued that in the context of a «hybrid war» it is very important to strengthen digital state sovereignty in order to avoid dependence on others.

Keywords: state sovereignty, digital intervention, digital sovereignty, digital transformation, artificial intelligence, neural network, deepfake, and bot farms.

References

1. Sovereignty and Digital Sovereignty // https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/236?locale=ru_RU&ysclid=ml2oq7eedy462382268
2. Digital Sovereignty of a Modern State in the Context of Technological Transformations: Contents and Features // <https://www.academia.edu/>
3. Lavrov: Attempts at Digital Interference in Russian Affairs from the West Continue // <https://www.kp.ru/online/news/6067709/?ysclid=ml9trlasgn32290982>
4. The Federation Council Expects Increased External Influence on Russian Sovereignty with the Help of AI // <https://tass.ru/politika/26341299>
5. The Ministry of Foreign Affairs Explained the Sources of Most Cyberattacks on Russian Facilities // <https://ria.ru/20221027/kiberataki-1827097874.html?ysclid=mlcedj8vcp838792965>
6. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 1, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
7. The Kremlin called the situation at the Makhachkala airport an instance of outside interference // <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/653f848f9a794760ed052e7f?ysclid=ml90s0qq4e739826159>
8. Approaches to the Study of Digital Sovereignty in Modern Political Science // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212>
9. Approaches to the Study of Digital Sovereignty in Modern Political Science // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212>
10. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. New Socio-Political Challenges to State Sovereignty in the Digital Age (Based on the Materials of an International Expert Study) // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2023. Vol. 1 No. 6. Pp. 31–57.
11. Shadaev: Digital Sovereignty – Protecting Users and the Interests of the State // https://rg.ru/2025/05/22/shadaev-cifrovoy-suverenitet-zashchita-polzovatelej-i-interesov-gosudarstva.html?ysclid=ml2ock4zav616280614&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F
12. Digital Sovereignty: A Dream That Became Obligatory // https://www.gazeta.ru/comments/expert/21051416.shtml?ysclid=ml6zw6pyc3468123746&utm_auth=false
13. Google and Facebook Helped the NSA Collect Data, Interfering in the Personal Lives of Millions of People // <https://life.ru/p/129505?ysclid=mlaqn31dy7238148236>
14. Since the beginning of 2025, 627 thousand cybercrimes have been registered in the Russian Federation // <https://iz.ru/2014044/2025-12-23/s-nachala-2025-goda-v-rf-zaregistirovali-627-tys-kiberprestuplenii>
15. Zakharova spoke about the importance of strengthening the digital sovereignty of the Russian Federation // <https://ren.tv/news/v-rossii/1208040-zakharova-rasskazala-o-vazhnosti-ukrepleniia-tsifrovogo-suvereniteta-rf?ysclid=ml6zgak68m269352547>

Малинов Николай Иванович,

преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: malinov@list.ru

Цель: проведение историко-правового анализа трансформации источников полицейского права Российской империи в 1801–1855 гг., выявление закономерностей перехода от разрозненных нормативных актов XVI–II века к систематизированному законодательству, а также определение влияния институциональных реформ на формирование правовых основ полицейской деятельности. Методы: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ нормативных правовых актов Российской империи, материалов кодификации законодательства и научной литературы по истории государства и права. Результаты: установлено, что в первой половине XIX века произошла последовательная систематизация источников полицейского права, кульминацией которой стало издание Свода законов Российской империи 1832 г. Показано, что министерская реформа способствовала институционализации полицейского управления, включая создание и последующее упразднение Министерства полиции. Выявлена особая роль Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии как самостоятельного центра нормативного регулирования политического сыска и надзора. Выводы: трансформация источников полицейского права в 1801–1855 гг. отражала процесс централизации государственного управления и становления министерской системы. Систематизация законодательства и развитие специализированных органов политической полиции заложили правовые основы дальнейшей эволюции правоохранительных институтов Российской империи.

Ключевые слова: полицейское право, источники права, Российская империя, Свод законов, Министерство внутренних дел, Министерство полиции, Третье отделение, кодификация.

Введение

Первая половина XIX века стала для Российской империи периодом интенсивного поиска новых форм государственного управления и систематизации значительного массива накопленного законодательства. Полицейское право, регулирующее деятельность одного из ключевых институтов государственной власти в Российской империи, претерпело существенную эволюцию. Если в XVIII веке его источниками выступали преимущественно отдельные указы, регламенты и региональные уставы (например, «Устав благочиния или полицейский» 1782 г.), то к середине XIX века наметилось движение к унификации и кодификации полицейских норм в общегосударственном масштабе [8, с. 12–18; 11, с. 64–72].

Данный процесс был обусловлен административными реформами начала XIX века, последствиями Отечественной войны 1812 года, усилением бюрократического аппарата и необходимостью обеспечения внутренней стабильности государства. Усиление роли полиции как инструмента государственного управления сопровождалось формированием новой системы источников права – от императорских указов к ведомственным нормативным актам и кодифицированным законодательным сводам [3, с. 45–52].

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской империи первой половины XIX века, включая императорские указы, манифесты, ведомственные инструкции, циркуляры Министерства внутренних дел и Министерства полиции, а также Свод законов Российской империи 1832 года. Дополнительно использованы опубликованные документы о деятельности Министерства внутренних дел, Министерства полиции и Третьего отделения Собственной Е.И.В. канцелярии и материалы кодификационной деятельности М.М. Сперанского.

Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Применение данных методов позволило выявить закономерности и динамику развития источников полицейского права, проследить их институционализацию и определить влияние административных реформ на формирование правовой базы полицейской деятельности на территории Российской империи.

Литературный обзор

Проблематика становления полицейского права Российской империи получила освещение как в дореволюционной, так и в современной историко-правовой науке. В трудах дореволюционных исследователей – И.Е. Андреевского, Н.Х. Бунге, В.Н. Лешкова, И.Т. Тарасова, Л.Х. Якоба – рассматривались вопросы организации полиции, правового статуса полицейских органов и их места в системе государственного управления. Особое внимание уделялось кодификационной деятельности первой половины XIX века и значению Свода законов Российской империи как основного источника права [12; 13].

В советский период исследования акцентировали внимание на социально-политической роли полиции и ее функции в механизме самодержавного государства (С.С. Алексеев, О.И. Чистяков). В постсоветский период наблюдается переосмысление данной проблематики в контексте истории административного права и государственного управления. Современные исследователи – И.А. Исаев, В.Е. Чиркин, А.Н. Медушевский, Н.С. Нижник – рассматривают полицейское право как важный элемент правовой системы Российской империи, анализируя процессы централизации власти, министерские реформы и формирование политической полиции [4, с. 764–786; 9, с. 101–115].

Отдельное направление составляют исследования истории Третьего отделения и жандармского корпуса (А.Е. Пресняков, Б.Н. Миронов, Л.Г. Захарова), где подчеркивается формирование параллельной системы секретного нормативного регулирования политического сыска [10, с. 221–234].

Результаты

Вступив на престол, Александр I инициировал реформирование полицейской системы. Указ 1801 года «О бытии Санкт-Петербургской полиции на точном основании Устава города Санкт-Петербурга» вернул столичную полицию в ведение военного губернатора [1, с. 158–167].

Указ «Об уничтожении пытки» того же года, стал важным шагом в гуманизации уголовно-полицейской практики.

Ключевым этапом стала министерская реформа, объявленная в Манифесте 8 сентября 1802 года, учредившая Министерство внутренних дел (МВД), сосредоточившее значительную часть полицейских функций [3, с. 45–52]. В 1810 году в Российской империи было создано Министерство полиции, выполнявшее функции обеспечения государственной безопасности и контроля за общественными настроениями [2, с. 16–19]. После его упразднения в 1819 году полицейские функции были возвращены МВД.

В правление Николая I центральным событием стала кодификация законодательства. Свод законов Российской империи 1832 года систематизировал нормы, регулирующие организацию и деятельность полиции, и установил единые правила функционирования полицейского аппарата [11, с. 64–72].

Одновременно формировалась секретная нормативная база политического сыска. После восстания декабристов было создано Третье отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, деятельность которого регулировалась закрытыми инструкциями и распоряжениями шефа жандармов [10, с. 221–234].

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что трансформация источников полицейского права была обусловлена процессами централизации государственного управления и переходом к министерской системе. Ведомственное нормотворчество стало промежуточным этапом между разрозненными указами XVIII века и кодифицированным законодательством XIX века.

Свод законов Российской империи обеспечил формальное единство правового регулирования, однако параллельное существование секретных нормативных актов Третьего отделения свидетельствовало о сохранении внепубличных механизмов управления и обеспечения безопасности в стране. Таким образом, к середине XIX века сложилась двойственная система источников полицейского права – публичная кодифицированная и закрытая административно-полицейская.

Заключение

Эволюция источников полицейского права Российской империи в первой половине XIX века прошла путь от разрозненных нормативных актов к систематизированной кодификации. Реформы Александра I заложили основы ведомственного нормотворчества, а издание Свода законов 1832 года придало полицейскому праву характер единой правовой системы. Одновременно сформировался закрытый контур регулирования политического сыска.

К середине XIX века источники полицейского права представляли собой сложную иерархическую систему, сочетавшую кодифицированные нормы и секретные административные практики, что отражало особенности развития российского государства и его правоохранительных институтов.

Литература

1. Гурлев И.В. Полиция Российской империи при Александре I (1801–1825) // Власть. 2023. № 4. С. 158–167.
2. Дорошенко О. М., Жуланов А.В., Базулина А.А. Источники развития полицейского права XIX века // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 16–19.
3. Ермакович Т.Е. Полицейское законодательство Российской империи в первой четверти XIX в. // Юридическая наука и практика. 2022. № 1. С. 45–52.
4. Нижник Н.С. Российская полицистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 764–786.
5. Айрих В.А. Возникновение науки полицейского права // Юридические исследования. 2014. № 10. С. 38–73.

6. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Норма, 2019.
7. Чиркин В.Е. Государственное управление в России: история и современность. М.: Юрист, 2018.
8. Малинов Н.И. Эволюция источников полицейского права в Российской империи в XVIII веке // Вестник современных исследований. 2024. № 7. С. 12–18.
9. Медушевский А.Н. История российской государственности. М.: Аспект Пресс, 2020.
10. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
11. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. М.: Статут, 2010.
12. Андреевский И.Е. Полицейское право. СПб., 1874.
13. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. СПб., 1897.

THE EVOLUTION OF POLICE LAW SOURCES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Malinov N.

Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Objective: to conduct a historical and legal analysis of the transformation of the sources of police law in the Russian Empire in 1801–1855, to identify patterns of transition from disparate regulations of the XVIII century to systematized legislation, as well as to determine the impact of institutional reforms on the formation of the legal foundations of policing. Methods: historical-legal, formal-legal, comparative-legal and systematic methods, as well as the analysis of normative legal acts of the Russian Empire, materials of the codification of legislation and scientific literature on the history of the state and law. Results: it is established that in the first half of the 19th century there was a consistent systematization of the sources of police law, culminating in the publication of the Code of Laws of the Russian Empire in 1832. It is shown that the ministerial reform contributed to the institutionalization of the police department, including the creation and subsequent abolition of the Ministry of Police. The special role of the Third Department of its Own E.I.V. Chancellery as an independent center for regulatory regulation of political investigation and supervision is revealed. Conclusions: the transformation of the sources of police law in 1801–1855 reflected the process of centralization of public administration and the formation of the ministerial system. The systematization of legislation and the development of specialized bodies of the political police laid the legal foundations for the further evolution of the law enforcement institutions of the Russian Empire.

Keywords: police law, sources of law, Russian Empire, Code of Laws, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Police, Third Division, codification.

References

1. Gurlev I.V. Police of the Russian Empire under Alexander I (1801–1825) // Vlast. 2023. No. 4. pp. 158–167.
2. Doroshenko O. M., Zhulanov A.V., Bazulina A.A. Sources of Development of Police Law in the 19th Century // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 6. pp. 16–19.
3. Ermakovich T.E. Police Legislation of the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century // Legal Science and Practice. 2022. No. 1. pp. 45–52.
4. Nizhnik N.S. Russian Policing: Main Stages of Formation and Development // Genesis: Historical Research. 2015. No. 6. pp. 764–786.
5. Airikh V.A. The Emergence of the Science of Police Law // Legal Studies. 2014. No. 10. pp. 38–73.
6. Isaev I.A. History of the State and Law of Russia. Moscow: Norma, 2019.
7. Chirkin V.E. Public Administration in Russia: History and Modernity. Moscow: Jurist, 2018.
8. Malinov N.I. Evolution of Sources of Police Law in the Russian Empire in the 18th Century // Bulletin of Modern Studies. 2024. No. 7. pp. 12–18.
9. Medushevsky A.N. History of Russian Statehood. Moscow: Aspect Press, 2020.
10. Mironov B.N. Social History of Russia during the Empire. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015.
11. Speransky, M. M., A Guide to Understanding the Laws. Moscow: Statut, 2010.
12. Andreevsky, I. E., Police Law. St. Petersburg, 1874.
13. Tarasov, I. T., An Essay on the Science of Police Law. St. Petersburg, 1897.

Мелконян Вартан Гарегинович,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права,
Владимирский государственный университет имени Николая
Григорьевича и Александра Григорьевича Столетовых
E-mail: i@varme1.ru

В рамках статьи исследуется стратегическая роль единообразного правоприменения как фундаментального механизма защиты национальных интересов Российской Федерации. Автор обосновывает отход от традиционного понимания единства судебной практики как исключительно процессуальной цели, предлагая рассматривать единообразие в качестве динамического инструмента обеспечения правового суверенитета и экономической устойчивости государства. На основе анализа доктрины и эмпирического материала предложена двухуровневая модель функционирования судебной практики, сочетающая императивную унификацию на уровне высших судов и интерпретационную конкретизацию в нижестоящих инстанциях. Разработан комплекс мер институционального характера, направленный на переход от ретроспективного исправления судебных ошибок к их превентивному предотвращению. В частности, аргументирована необходимость внедрения процессуального института превентивного судебного запроса в Верховный Суд РФ и интеграции технологий искусственного интеллекта в систему судопроизводства. Особое внимание уделено трансформации института юридической ответственности судей: обоснована концепция публично-правовой ответственности за системную дезорганизацию правового пространства («правовой сепаратизм»), отличная от классических дисциплинарных составов.

Ключевые слова: Национальные интересы, правовой суверенитет, единообразное правоприменение, единство судебной практики, правовая определенность, судебный запрос, правовые позиции высших судов, публично-правовая ответственность судей, правовой сепаратизм, цифровизация правосудия.

В теории права все чаще встречаются исследования на тему единства судебной практики и единообразного правоприменения. При этом единство и единообразие зачастую соотносятся как состояние и способ достижения этого состояния. В прежних исследованиях нами анализировалось единообразное правоприменение через принцип единства судебной практики, что не отражало в полной степени глубины данной категории, которая является не просто техническим средством по достижению единства правоприменительной практики, а сложным многоаспектным явлением, в частности, при рассмотрении его роли в процессе защиты национальных интересов России. Отсутствие или сбой в работе единообразного правоприменения не следует рассматривать как сугубо отраслевую проблему. Нарушение единообразия трансформируется в системные угрозы национального масштаба, затрагивающие все сферы общественной жизни особенно при правоприменении. Примером угрозы экономическому суверенитету служит долгая правовая неопределенность вокруг исполнительского иммунитета в отношении единственного жилья должника. Отсутствие законодательных критериев «роскошного жилья» и противоречивая практика судов (от полного отказа во взыскании до продажи имущества) дестабилизируют гражданский оборот. Как справедливо указывал Конституционный Суд РФ (Постановления № 11-П, № 15-П), такая ситуация перекладывала риски законодательных пробелов на участников рынка. Это подтверждает тезис о том, что нарушение единообразия – это не просто процессуальный дефект, а фактор, тормозящий экономическое развитие страны. В итоге обеспечение единообразного правоприменения должно рассматриваться не как процессуальная задача, а как стратегический и доктринальный приоритет государственной политики по защите национальных интересов. В противном случае имеет место правовой сепаратизм, который может существовать как на организационном, так и исполнительном уровне. Сущность данного явления следует раскрыть как ненадлежащее использование правоприменительных полномочий, повлекшее формирование в правоприменительной среде устойчивых противоправных подходов.

Между тем для того, чтобы защищать национальные интересы и анализировать средства защиты, объективно необходимо глубокое доктринальное понимание данной категории. В условиях геополитической турбулентности необходимо отойти от декларативного понимания национальных интересов и сформулировать их дефиницию именно через призму потребностей в выживании и суверенном развитии правовой системы. В доктрине сложились разные подходы. Например, М.А. Молчанов делает акцент на «выживании и разностороннем развитии» нации [1, С. 9]; В.П. Павлов разграничивает этнические и политические интересы («нация как политический институт обеспечивает устойчивость государственного управления» [2, С. 231]); Б.Б. Бидова рассматривает их как систему потребностей, охраняемую законом [3, С. 13]; В.А. Колокольцев раскрывал государственные интересы как «сбалансированную совокупность осознанных обществом объективных потребностей и потребностей государственной власти, обусловленных их взаимозависимостью и культурно-историческими особенностями» [4]; С.В. Студеникина понимает под национальными интересами «концептуально-идеологическую систему базовых жизненно важных ценностей российской нации в сфере развития гражданского общества и государства, а также мира в целом, составляющую национально-культурную идентичность, защищающую территориальную целостность и суверенитет России и ее народов в мировом сообществе, формирующую доктрину национальной безопасности страны, задающую цели и направления государственного строительства» [5, С. 8].

Изучив вышеуказанные определения, нами формируется определение национальных интересов, основанное на базовом понимании данного явления в теории и объединяющее его наиболее ключевые признаки. Под национальными интересами следует понимать исторически обусловленную нормативно урегулированную в позитивном праве систему фундаментальных ценностей и целей нации (личности, общества, государства), выражающую ее жизненно важные потребности в самосохранении, суверенном развитии и культурной самобытности. При этом важно понимать, что национальные интересы представляют собой динамическую категорию. Угрозы национальным интересам постоянно меняются, поэтому статическое нормативное закрепление на-

циональных интересов и средств их защиты не обеспечивают должной защиты. Именно правоприменение как динамическое явление может обеспечить должную защиту национальных интересов.

В этой связи акцент следует сместить со статики (единства) на динамику (процесс обеспечения). В условиях, когда законодатель не всегда способен своевременно адаптировать правовое регулирование, единообразное правоприменение (реализуемое преимущественно в судебном порядке) выполняет стабилизирующую функцию: восполняет пробелы и устраняет коллизии в режиме реального времени, обеспечивая устойчивость правопорядка и доверие общества к государству. Разделяя позицию П.В. Коршуновой о том, что единство есть цель, а единообразие – средство, мы предлагаем сместить акцент с процессуального аспекта на стратегический [6, С. 7, 9]. Предлагается теоретическая концепция разграничения категорий «единство правоприменения» как статичного явления и «единообразного правоприменения» как динамичного в контексте защиты национальных интересов России. Единство правоприменения – это качественное состояние правовой системы государства, характеризующееся единством и целостностью правового пространства, при котором деятельность всех уполномоченных правоприменительных субъектов (судов, органов исполнительной власти и др.) является непротиворечивой, предсказуемой и согласованной, что выступает фундаментальным условием для обеспечения правовой определенности и защиты национальных интересов. В свою очередь единообразное правоприменение – это стратегическое правовое средство (динамический механизм), выражающееся в деятельности уполномоченных органов публичной власти, осуществляющих системное, предсказуемое и тождественное толкование и применение норм права в отношении аналогичных юридически значимых ситуаций, обеспечивающее достижение и поддержание состояния единства правоприменительной практики, единства правового пространства, выступая непосредственным гарантом защиты национальных интересов.

В свою очередь под единством судебной практики понимается качественное состояние системы правосудия, характеризующееся устойчивостью и непротиворечивостью судебных актов, при котором судами обеспечивается единообразное толкование и применение норм права в соответствии с их внутренним содержанием в аналогичных юридических ситуациях, а сформированные высшими судами правовые позиции являются общеобязательными. Достижение внутреннего единства в судебной системе является обязательным условием для единообразного правоприменения со стороны иных государственных органов, что свидетельствует о выполнении единством судебной практики стабилизирующей роли в механизме обеспечения единообразного правоприменения, обеспечивая политическую и экономическую устойчивость государства, а также защиту национальных интересов России.

Предложенная теоретическая модель не является абстрактной и имеет глубокую историческую обусловленность. Проведенный историко-правовой анализ (в рамках нашей иной статьи) позволил выявить преемственность механизмов унификации, которые на каждом этапе служили инструментом укрепления государственности. Следует выделить три этапа:

1) Имперский (1864–1917). Зарождение единообразного правоприменения и обеспечение через деятельность Кассационных департаментов Сената, де-факто признававших прецедентный характер своих решений для устранения правовой неопределенности.

2) Советский (1917–1991). Трансформация единообразного правоприменения в инструмент обеспечения «социалистической законности», где единство достигалось преимущественно административно-командными методами через обязательные руководящие разъяснения Пленумов Верховного Суда СССР, анализ и обобщение судебной практики председателями судов.

3) Современный (с 1993 г.). Данный этап характеризуется институционализацией единообразного правоприменения как неотъемлемого элемента конституционного права на судебную защиту, реализуемого в условиях разделения властей через систему правовых позиций высших судов. Произошла смена парадигмы: если ранее единство правоприменения достигалось административно-командными методами при руководящей «социалистической законности», то с принятием Конституции РФ 1993 года основой единства стали конституционные ценности – равенство всех перед законом и судом (ст. 19) и гарантия судебной защиты (ст. 46). В современной правовой системе отсутствие единообразного правоприменения рассматривается как нарушение основ конституционного строя.

Исторический анализ показывает смену парадигмы: если в советский период (этап 2) единство достигалось командными методами, то на современном этапе (этап 3) мы переходим к конституционным ценностям, где нужны иные механизмы.

Реализация указанного динамического механизма невозможна без четкого понимания его инструментария. Центральное место занимает судебная практика. Нами обоснована необходимость расширительного толкования судебной практики и выделения его двухуровневой структуры. Под судебной практикой в широком смысле понимается накопленный всеми судами правовой опыт рассмотрения и разрешения юридических дел, толкования норм права и формирования руководящих разъяснений относительно порядка их применения, выражающийся в правовых позициях высших судов и судебных подходах нижестоящих судов. В данном аспекте стоит выделить двухуровневую структуру судебной практики. Первый уровень: правовые позиции высших судов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ). В свою очередь ключевой категорией судебной практики является правовая позиция. Под правовой позицией понимается нормативно-интерпретационный результат официального толкования норм права, выработанный высшими судами и закрепленный в их актах, который раскрывает действительный смысл закона, обладает свойствами нормативности, общеобязательности и выступает основным инструментом обеспечения единообразного правоприменения. Второй уровень включает в себя судебные подходы, под которыми понимаются сформированные нижестоящими судами (первой, апелляционной и кассационной инстанций) и необязательные к применению другими судами (а также правоприменительными субъектами) способы (стандарты) толкования и применения норм права и судебной практики (в т.ч. способы оценки доказательств, распределения бремени доказывания, стандарты доказывания, а также в целом подходы к разрешению идентичных категорий юридических споров), которые формируются в связи с отсутствием соответствующих правовых позиций высших судов (верховного и конституционного) и в результате их многократного повторения и соответствия действующему законодательству (праву) используются судами в процессе рассмотрения и разрешения дел, обеспечивая единообразное правоприменение.

Данная структура не является самоцелью, а служит фундаментом для достижения качественного состояния правовой системы. Именно на стыке императивных позиций высших судов и подходов нижестоящих инстанций формируется то состояние, которое мы определяем как единство судебной практики.

С учетом исторического опыта и современных реалий следует определить, что существуют разные механизмы и средства обеспечения единообразного правоприменения и единства судебной практики. Однако условно их можно разделить на судебный и внесудебные механизмы. Стоит начать с институционально-функциональной характеристики действующего судебного механизма обеспечения единообразного правоприменения. В отличие от традиционных подходов, мы предлагаем рассматривать его как двухуровневую систему, дифференцированную по характеру воздействия на правовую среду. Первый уровень – макроуровень (стратегический), который реализуется высшими судебными инстанциями (КС РФ, ВС РФ) посредством «императивной унификации». Она включает в себя устранение правовых дефектов («негативная унификация»), выявление конституционно-правового смысла норм («позитивная унификация») и формирование абстрактных правовых позиций, обеспечивающих единство правового пространства. Микроуровень (тактический) реализуется нижестоящими судами посредством «интерпретационной конкретизации». Данная деятельность направлена на адаптацию абстрактных разъяснений, выработанных высшими судами, к сложной фактической основе конкретных дел (казуальное толкование), а также на обеспечение «горизонтального единства» правоприменительной практики на уровне кассационных округов в отсутствие разъяснений высших инстанций.

В рамках описанного макроуровня особую функцию выполняет конституционное правосудие. Его роль выходит за рамки простого нормоконтроля и трансформируется в инструмент защиты правового суверенитета, что критически важно для обеспечения национальной безопасности. Вместе с тем, обеспечение единообразия нельзя сводить исключительно к судебной деятельности. Для создания полноценного контура защиты национальных интересов необходима система превентивных мер, реализуемых за пределами судопроизводства. Стоит обратить внимание на комплекс внесудебных механизмов, формирующих единое правовое пространство:

1) Административно-правовой (властно-организационный) – обеспечивает вертикальное единство правоприменительной практики посредством ведомственной субординации и институционализации актов «мягкого права» (интерпретационных разъяснений ФОИВ). Данные акты, не являясь формальными источниками права, формируют административный прецедент, который выступает инструментом связывания административного усмотрения (дискреции) и снижает уровень правовой неопределенности на досудебном этапе;

2) Доктринальный (интеллектуально-ценностный) — формирует когнитивную основу единообразия через деятельность научно-консультативных советов и правовую культуру, которая выполняет не абстрактно-воспитательную, а прикладную регулятивную функцию. Она выступает «интеллектуальным фильтром», обеспечивающим переход от формально-догматического восприятия нормы к выявлению её действительного конституционно-правового смысла, тем самым стандартизируя профессиональное мышление правоприменительных органов;

3) Информационно-технологический (инфраструктурный) — создает единую цифровую среду и обеспечивает алгоритмизацию правоприменения. Посредством внедрения цифровой инфраструктуры (правовые системы, электронное правосудие, автоматическая фиксация) формируются технические гарантии, минимизирующие или полностью исключая субъективное усмотрение правоприменительных органов в бесспорных правовых ситуациях.

Отсутствие или сбой в работе перечисленных механизмов не следует рассматривать как сугубо отраслевую проблему. Нарушение единообразия трансформируется в системные угрозы национального масштаба, затрагивающие все сферы общественной жизни.

Для нейтрализации выявленных угроз и перехода от реактивного исправления ошибок к их системному предотвращению разработан комплекс мер по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Предлагаемые направления охватывают доктринальный, нормативный и технологический уровни. Стоит подчеркнуть особую роль институционализации правовой доктрины в процессе правоприменения. Обоснованным будет внедрение в процессуальную практику механизмов «научного (доктринального) сопровождения» правосудия: повышение роли рекомендаций научно-консультативных советов и нормативное закрепление института «*amicus curiae*» (инициативных научных заключений) в регламентах высших судов (верховного и конституционного) для разрешения сложных правовых вопросов на стыке науки и практики. П.Д. Блохин, оценивая эффективность применения вышеуказанного средства, указывал, что среди судей могут быть блестящие специалисты в области одного вида права, но не быть специалистов в ином виде, что является объективным [7, С. 133].

В рамках нормативно-правового и институционального направления необходимо на уровне Конституционного Суда РФ обеспечить официальное толкование статей 4 и 19 Конституции РФ (верховенство конституции и федеральных законов на всей территории — единство правового пространства; равенство всех перед законом и судом) через обязательность единообразного правоприменения для всех правоприменительных органов как гаранта национальных интересов России. Также обязательно нормативное закрепление обязательности правовых позиций высших судов. Предлагается дополнить Гражданский процессуальный кодекс РФ (а также АПК РФ и КАС РФ соответственно) статьями по обеспечению единообразного правоприменения. В частности, предлагается зафиксировать, что при осуществлении правосудия суд обеспечивает единообразное толкование и применение норм права в целях реализации принципов равенства всех перед законом и судом, правовой определенности и верховенства права. В целях обеспечения единообразного правоприменения суд при рассмотрении дела обязан учитывать правовые позиции высших судов. При этом без нормативного закрепления категории «правовые позиции» в практике возникает правовая неопределенность. Стоит закрепить в законе, что под правовыми позициями понимаются содержащиеся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации обзорах судебной практики разъяснения по вопросам толкования норм права и (или) порядка их применения.

Отдельно стоит подчеркнуть необходимость внедрения механизма судебного запроса в Верховный Суд РФ через дополнение процессуальных кодексов РФ новыми статьями. Предлагаемый механизм концептуально схож с институтом превентивного запроса (*saisine pour avis*) (введен во Франции в 1991 году, ст. L 441–1 Кодекса судебной организации), функционирующим во Франции, который позволяет кассационному суду давать толкование до вынесения решения по существу. Следует предусмотреть в законе необходимость приостановления производства по делу в связи с направлением судебного запроса в Верховный Суд Российской Федерации. Правовыми основаниями для такого запроса будут отсутствие единообразного толкования той или иной нормы права в том числе на уровне правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации и что неопределенность в толковании нормы создает угрозу принятия противоречащего закону судебного акта. При этом суд должен глубоко мотивировать необходимость направления такого запроса. В качестве своего рода механизма минимизации на-

правления необоснованных запросов и перекладывания ответственности на высший суд, видится, что председатель суда должен принять участие в оценке обоснованности судебного запроса. Такой подход соответствует обязанности председателей судов изучать и обобщать судебную практику. Результатом рассмотрения подобного запроса будет либо формирование новой правовой позиции, либо отказ в рассмотрении запроса, мотивированный отсутствием к тому правовых оснований, т.е. отсутствием правовой неопределенности.

Отдельной проблемой практического характера является отсутствие нормативно закрепленной обязанности председателей районных судов организовывать изучение и обобщение судебной практики, что могло бы минимизировать вероятность возникновения правовой неопределенности на первичном уровне.

На информационно-технологическом уровне видится необходимость внедрения передовых технологий искусственного интеллекта на микроуровне в виде модуля автоматического выявления в проектах судебных актов противоречий с позициями высших судов. На макроуровне модуль анализа судебной практики для председателей судов. На данном уровне вероятность формирования правового сепаратизма будет минимизирована.

Важно также отметить, что искусственный интеллект выступает исключительно вспомогательным аналитическим инструментом, в свою очередь качество окончательного решения и ответственность за его принятие лежат полностью на суде как властном и высококомпетентном субъекте, действующем от имени государства.

Эффективность предлагаемых преобразований невозможна без действенного механизма принуждения. Следует обосновать необходимость трансформации института юридической ответственности судей. Видится переход от сугубо дисциплинарного подхода к публично-правовой ответственности за дезорганизацию правового пространства. Доктринальная модель дифференцированной юридической ответственности за нарушение единообразного правоприменения должно реализовываться в виде:

1. Дисциплинарной ответственности судей (микроуровень). Основанием наступления является умышленное или грубо неосторожное игнорирование сложившейся судебной практики и правовых позиций высших судов, а также толкование и применение закона вопреки его действительному внутреннему содержанию и конституционному смыслу в условиях, когда нарушение носит локальный, а не системный характер.

2. Публично-правовой ответственности суда (макроуровень), классифицируемой следующим образом:

а) ответственность Верховного Суда РФ за формирование противоречивых и ошибочных правовых позиций либо отсутствие правовых позиций по противоречивым правовым вопросам, создающим правовую неопределенность и допускающим противоречивое толкование и применение норм права вопреки их действительному внутреннему содержанию. Ответственность в данном случае реализуется через механизм конституционно-правовой нуллификации (признание КС РФ практики неконституционной), что является формой правосстановительной ответственности;

б) ответственность председателей судов за ненадлежащее исполнение организационно-распорядительных полномочий по изучению, анализу и обобщению судебной практики, повлекшее формирование в конкретном суде (субъекте РФ) устойчивых правоприменительных подходов, противоречащих действующему правовому регулированию. Ответственность наступает за ненадлежащее исполнение организационных полномочий, повлекшее формирование в суде устойчивых противоправных подходов («правовой сепаратизм»);

в) ответственность конкретных судей судов апелляционной, кассационной инстанций, судей верховных судов отдельных субъектов РФ, суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ (за исключением судей Конституционного Суда РФ) в рамках которых они осуществляют свои полномочия, за нарушение единообразного правоприменения, что выражается в заведомо неправильной, противоречивой и осуществляемой на системной основе судебной деятельности по толкованию и применению норм права, а также правовых позиций высших судов, по результатам которой формируется не соответствующий закону судебный подход к разрешению определенных дел.

Развивая подход Н.В. Витрука о конституционной ответственности, мы полагаем, что системное нарушение единообразия следует квалифицировать не как дисциплинарный проступок, а как публично-правовой деликт [8, С. 32–33]. Аналогично Н.М. Колосова пишет про признание акта неконституционным как правосстановительную санкцию [9, С. 113, 114]. Ю.А. Ливадная выделяет правосстановительную ответственность в самостоятельные санкции [10, С. 93]. Схожие позиции отражены в трудах В.О. Лучина и А.А. Кондрашева. Одним

из примеров корректирования правоприменительной практики и применения публично-правовой ответственности является Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2022 № 19-П, где суд постановил «признать часть 1 статьи 4.5 КоАП Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации ... в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность ее нормативного содержания порождает неоднозначное решение вопроса», указав на необходимость пересмотра правоприменительных решений в установленном законом порядке [11].

Кроме того, материальное основание публично-правовой ответственности (нарушение единообразного правоприменения как угроза национальным интересам) является единым, а процессуальный механизм реализации должен быть дифференцирован: для судей высших судов – через Совет Федерации (по представлению Президента РФ), для председателей районных судов – через квалификационные коллегии (по представлению Президента РФ).

Подводя итог следует констатировать, что в современных реалиях обеспечение единообразного правоприменения трансформировалось из сугубо отраслевой процессуальной задачи в стратегический приоритет национальной безопасности. Статического состояния «единства судебной практики» уже недостаточно. Необходим переход к пониманию единообразия как динамического механизма, способного в режиме реального времени купировать угрозы «правового сепаратизма» и экономической нестабильности. Реализация предложенной теоретической модели требует комплексных мер: от законодательного закрепления обязательности правовых позиций высших судов и внедрения превентивного института судебного запроса до интеграции технологий искусственного интеллекта в судопроизводство. При этом только в системном единстве (доктрина – закон – технологии – ответственность) единообразное правоприменение сможет выступать действенным гарантом национальных интересов России.

Литература

1. Молчанов, М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» / М.А. Молчанов // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 8–22.
2. Павлов, В.П. Национальные и государственные интересы в истории России / В.П. Павлов // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – С. 231–234.
3. Бидова, Б.Б. Правовое обеспечение национальных интересов: общетеоретическое исследование концептуальных основ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Бидова Бэла Бертровна. – Грозный, 2021. – 51 с.
4. Колокольцев, В.А. Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Колокольцев Владимир Александрович. – Санкт-Петербург, 2005. – 53 с.
5. Студеникина, С.В. Национальные интересы в правовой политике России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Студеникина Светлана Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 23 с.
6. Коршунова, П.В. Правовые средства обеспечения единства судебной практики: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Коршунова Полина Владиславовна. – Пенза, 2025. – 28 с.
7. Блохин, П. Д. О спорных моментах в понимании института *amicus curiae* и его возможного облика в российском конституционном судопроизводстве / П.Д. Блохин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1 (104). – С. 130–143.
8. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Норма, 2009. – 431 с.
9. Колосова, Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации / Н.М. Колосова. – Москва: Городец, 2000. – 190 с.

10. Ливадная, Ю.А. Конституционный деликт: понятие, состав, нормативное регулирование (сравнительно-правовое исследование): диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Ливадная Юлия Анатольевна. – Москва, 2022. – 177 с.

11. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.А. Мельниковой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.05.2022 № 19-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 22. – Ст. 3755.

UNIFORM APPLICATION OF LAW AS A GUARANTOR OF RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

Melkonyan V.G.

Vladimir State University named after Nikolay Grigorievich and Alexander Grigorievich Stoletovs

This article investigates the strategic role of the uniform application of law as a fundamental mechanism for protecting the national interests of the Russian Federation. The author substantiates a departure from the traditional understanding of the unity of judicial practice as an exclusively procedural goal, proposing to view uniformity as a dynamic instrument for ensuring the legal sovereignty and economic stability of the state. Based on an analysis of legal doctrine and empirical data, a two-level model for the functioning of judicial practice is proposed, combining imperative unification at the level of high courts with interpretative concretization in lower courts. A set of institutional measures has been developed, aimed at transitioning from the retrospective correction of judicial errors to their prevention. In particular, the author argues for the necessity of introducing a procedural mechanism of a preventive judicial inquiry to the Supreme Court of the Russian Federation and integrating artificial intelligence technologies into the justice system. Special attention is paid to the transformation of the institution of judicial liability: a concept of public-law liability for the systemic disorganization of the legal space («legal separatism»), distinct from classical disciplinary offenses, is substantiated.

Keywords: National interests, legal sovereignty, uniform application of law, unity of judicial practice, legal certainty, judicial inquiry, legal positions of high courts, public-law liability of judges, legal separatism, digitalization of justice.

References

1. Molchanov, M.A. Controversial aspects of the “national interest” problem / M.A. Molchanov // Polis. Political studies. – 2000. – No. 1. – Pp. 8–22.
2. Pavlov, V.P. National and state interests in the history of Russia / V.P. Pavlov // Russia: trends and prospects for development. – 2022. – Pp. 231–234.
3. Bidova, B.B. Legal support of national interests: a general theoretical study of the conceptual foundations: author's abstract. diss. ... Doctor of Law: 12.00.01 / Bidova Bela Bertovna. – Grozny, 2021. – 51 p.
4. Kolokoltsev, V.A. Ensuring the state interests of Russia in the context of the concept of national security: author's abstract. diss. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.01 / Kolokoltsev Vladimir Aleksandrovich. – St. Petersburg, 2005. – 53 p.
5. Studenikina, S.V. National Interests in the Legal Policy of Russia: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01 / Studenikina Svetlana Viktorovna. – Rostov-on-Don, 2009. – 23 p.
6. Korshunova, P.V. Legal Means of Ensuring the Unity of Judicial Practice: General Theoretical Aspect: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation: 5.1.1 / Korshunova Polina Vladislavovna. – Penza, 2025. – 28 p.
7. Blokhin, P.D. On Controversial Points in Understanding the Institution of *Amicus Curiae* and Its Possible Form in Russian Constitutional Litigation / P.D. Blokhin // Comparative Constitutional Review. – 2015. – No. 1 (104). – P. 130–143.
8. Vitruk, N.V. General Theory of Legal Liability / N.V. Vitruk. – 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Norma, 2009. – 431 p.
9. Kolosova, N.M. Constitutional Liability in the Russian Federation: Liability of Government Bodies and Other Legal Entities for Violating the Constitutional Legislation of the Russian Federation / N.M. Kolosova. – Moscow: Gorodets, 2000. – 190 p.
10. Livadnaya, Yu.A. Constitutional tort: concept, composition, normative regulation (comparative legal study): dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.02 / Livadnaya Yulia Anatolyevna. – Moscow, 2022. – 177 p.
11. On the case of verifying the constitutionality of Part 1 of Article 4.5 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of citizen O.A. Melnikova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.05.2022 No. 19-P // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 22. – Art. 3755.

Кустарно-промышленное производство в условиях новой экономической политики. Государственная политика и законодательное регулирование (1921–1930 гг.)

Мельник Андрей Андреевич,

аспирант кафедры «Теория и история государства и права»,
Тамбовский государственный технический университет
E-mail: Mj_47@mail.ru

В статье анализируются явления, процессы и отношения, связанные с политикой государства в отношении кустарно-ремесленного производства в период нэпа, правовые и хозяйственные меры государственного регулирования. Отмечается, что политика государства в отношении кустарно-ремесленного производства в условиях нэпа была нестабильной и подверженной частым изменениям, что свидетельствует об отсутствии четко сформулированной и концептуально оформленной государственной политики в отношении данного сектора экономики. В начале нэпа государство применяло в отношении мелкого производителя в основном административные методы управления. С 1925 г. государство меняет политику, стремясь более эффективно использовать их экономический потенциал. Мелкий производитель выполнял важную социально – экономическую функцию – наполнял рынок столь необходимыми населению товарами. В статье доказывается, что методы прямого государственного регулирования мелкой частной и кооперативной промышленности не способствовали пробуждению деловой активности и деформировали экономические процессы в этой сфере.

Ключевые слова: нэп, мелкая промышленность, кооперация, государство, экономика, частник.

Кустарно-ремесленному производству в экономической системе нэпа, предназначалось свое, вполне конкретное экономическое назначение – в условиях полного разрушения потребительского рынка стать дополнительным источником поступления товаров на потребительский рынок. Государство искало любые способы наполнения рынка товарами. Тем более нельзя было игнорировать мелкотоварный сектор экономики, который в дореволюционный период занимал весьма заметное место в экономике России. Мелкие товаропроизводители – кустари и ремесленники в дореволюционной России производили 25% промышленной продукции, а в Сибири – более 50%. Кустари и ремесленники производили широкую номенклатуру изделий, в значительной степени формируя местные рынки промышленных товаров и обеспечивая значительную часть потребностей крестьянских хозяйств в орудиях труда и инвентаре, городского и сельского населения – в предметах бытового назначения [1, с. 160]. Для крестьянства кустарная деятельность служила источником подсобного заработка. Доход от промыслов крестьянина составлял по отношению к общему чистому доходу крестьянской семьи с посевом 2 десятины на двор – 40–50% бюджета. При посеве 5 десятин – 1/3 бюджета, при посеве в 8 десятин – 20% бюджета [2, д. 2340, л. 149].

В зависимости от местной сырьевой базы формировалась региональная специализация. В Тамбовской губернии, например, к основным промыслам губернии относились металлисты (кузнецы, слесари, жестянщики), изготовлявшие мелкий сельхозинвентарь и предметы домашнего обихода. Деревообработка изготавливала до 30 названий разных изделий, начиная от грубой обработки дерева до предметов столярной работы. Распространены были также текстильный, швейный кожевенный, пищевой, кирпичный, гончарный и другие промыслы. В наибольшей степени кустарничество было развито в Тамбовском, Липецком, Моршанском уездах, Рассказове. В губернии в 1917 г. насчитывалось до 40 тысяч мелких производителей, применявших ручной труд лишь членов семьи. Кустари губернии обслуживали и всероссийский рынок, торговали на Нижегородской и других крупных ярмарках. В период первой мировой и гражданской войны кустари губернии являлись крупными поставщиками армии. Только Тамбовский уезд поставлял в год от 40 до 60 тысяч пар армейских сапог, до 20 вагонов кожевенных товаров, до 100 тысяч штук рукавиц и сапог, до 100 вагонов трикотажных изделий и множество других изделий [2, д. 2340, л. 150].

Таким образом кустарная промышленность до революции занимала заметное место в экономике России. После событий 1917 г. положение кустарной промышленности резко изменилось, и дальнейшая ее судьба на фоне социалистических преобразований была весьма неопределенна. Основная исследовательская задача, решаемая в данной статье проанализировать государственную политику советской власти в отношении кустарно-ремесленного производства в условиях нэпа. Основной акцент сосредоточен на выявлении конкретных проявлений государственной политики в отношении мелкой кустарной промышленности и ее результатах. Исследовательская основа исследования принципы, подходы, выводы, сформулированные в научных работах, связанных с предметом настоящей статьи, а также фактические данные, содержащиеся в архивных материалах и нормативно – правовых актах. Именно они послужили основой при анализе научной проблемы, рассматриваемой в статье. При исследовании в качестве основного метода исследования использован метод исторической реконструкции, позволяющей решить основную задачу исследования – репродуцировать на основе анализа имеющихся источников и данных государственную политику в отношении кустарно-ремесленного производства в период новой экономической политики.

Военный коммунизм с его экспроприациями, контрибуциями и реквизициями, общая разруха привели к существенному сокращению числа кустарей, ремесленников и выпуск продукции. Так, например, в Тамбовской губернии число кустарей сократилось за 1917–1920 гг. на 33%. Во многих волостях из-за отсутствия сырья кустарная промышленность вообще исчезла как таковая [2, д. 2340, л. 150]. В целом по России численность кустарей и ремесленников сократилась вдвое [3, с. 38]. В более или менее лучшем положении оставалась только деятельность кустарно-промысловых артелей, занятых воен-

ными заказами, которым предоставлялись льготы по отбыванию воинской и трудовой повинности. В целом, фактическое упразднение товарно-денежных отношений в период военного коммунизма привели к ликвидации в принципе экономических условий существования кустарей и ремесленников.

Переход к товарно-денежным отношениям в период нэпа создавали условия для его возрождения. Потребность населения в товарах были огромнейшая, а возможности государственной промышленности весьма ограниченными. Исходя из сложившегося положения, задача государства состояла в задействовании всего имеющегося потенциала насыщении рынка товарами. Необходимый потенциал имелся у частного предпринимательства, в том числе в сфере кустарно-ремесленного производства. Ее экономический потенциал оценивался как весьма значимый по нескольким параметрам. Во-первых, она имела особое значение для деревни, поскольку в условиях экономической разрухи оставалась практически единственным источником снабжения крестьян орудиями труда и предметами домашнего обихода. В условиях кризиса, когда крупная промышленность находилась в упадке, село не могло обходиться без мелкой промышленности. Городское кустарное производство удовлетворяло городской спрос на предметы первой необходимости. Кроме того, кустарная промышленность оставалась единственной отраслью экономики, которая экспортировала не сырье, а готовую продукцию – мягкую тару, художественную мебель, скипидар, игрушки и т.п. Количественный состав кустарей оценивался на 1921 г. в 2 млн человек. Продукция кустарей составляла 60% или около 2/3 всей промышленной продукции [4, с. 15]. Таким образом кустарная промышленность признавалась одной из крупных отраслей народного хозяйства, значимым экономическим фактором восстановления страны.

Однако при всей экономической значимости мелкого производства в данном секторе с точки зрения советского государства присутствовал значительный политико-социальный недостаток. В политико-социальном аспекте кустари и ремесленники представляли собой пеструю, распыленную стихию и являлись самой устойчивой основой частного капитала, питательной средой для торгового капитала. В.И. Ленин, в связи с этим отмечал, что «мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и неизбежно попадает в руки скупщика частного капитала» [5, с. 359–360]. С началом нэпа эта тенденция проявилась особенно отчетливо. Так, Тамбовский губком отмечал, что «частный капитал стремится использовать кустаря в своих материальных интересах. Он уже запустил шупальца в толщу кустарной массы, снабжая их материалом, авансируя их работу. Задача дня – сделать кустарную промышленность базой для организации социалистического хозяйства только при условии объединения, при условии проведения в этой отрасли плановых начал. Кустарная промышленность не может быть оторванной от государственной промышленности, а должна составлять с ней одно целое постепенно и безболезненно вплестаться в государственную хозяйственную ткань. Единственной организационной формой и методом проведения в жизнь этих задач является промкооперация. Это тот рычаг, который может и должен направить развитие мелкой промышленности в нужном русле. Стратегическая задача – вернуть кустаря от частного капитала к кооперации [2, д. 2340. л. 153–154].

Экономический смысл кооперирования заключался в монополизации государством сырьевого и сбытового рынка. Задача кооперации в этом смысле состояла в сборе продукции кустаря для продажи на государственном рынке, что исключало сепаратные выступления частника на рынках сбыта и заготовок. Только кооперированный кустарь может стать частью единого государственного целого, увязанного с социалистическим хозяйством. В политическом смысле – взять под политическое влияние этот социальный слой, который с одной стороны создает продукцию своим трудом, следовательно, являлись трудящимися, с другой, они продукт капиталистического общества, являются собственниками орудий труда, средств производства и произведенного товара и соответственно должны пройти социальную переделку через кооперацию. Неорганизованный кустарь для государства неуловим, он уходит от влияния. Таким образом магистральный путь развития кустарно-ремесленного производства – кооперирование.

С переходом к нэпу мелкое производство было включено в общую систему нэпа в качестве самостоятельного сектора экономики и была создана необходимая законодательная основа для ее деятельности. Декларировался отказ государства от непосредственного управления всеми аспектами их деятельности. Национализированная мелкая собственность возвращалась прежним владельцам. Кустари и ремесленники получали право свободной экономической деятельности, наделялись правами юридических лиц и в качестве таковых могли заключать договоры и принимать на себя обязательства, предъявлять иски и отвечать по искам в Народном Суде. Они получили право на при-

обретение материалов, сырья, инструментов оборудования, нанимать помещения, открывать мастерские и иные хозяйственные предприятия как для производства, так и для сбыта своих изделий. Допускалось использование наемного труда, но в размере не более 20% всего состава членов товарищества.

Декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации от 17 мая 1921 г. и «О промысловой кооперации» от 7 июля 1921 предписывали местным органам точно соблюдать в отношении промысловой, кустарной и сельскохозяйственной кооперации четких принципов их организации и деятельности: явочное образование соответствующих кооперативов, добровольное вхождение в них членов и свободное избрание правления кооперативных товариществ [6, 1921. № 53, ст. 230; 1921, № 53, ст. 322]. Однако отказ от вмешательства в хозяйственную деятельность предприятий не означал отказа от политического влияния на них. В ноябре 1921 г. состоялся II съезд промысловой кооперации, который по оценке властей прошел под влиянием «буржуазных элементов, руководимые эсеро-кадетскими группировками. Представительство трудящихся и влияние РКП(б) на съезде не были обеспечены. В итоге действия II съезда по избранию органа управления промысловой кооперацией и принятые им документы объявлялись недействительными, для принятия новых документов было решено созвать III промысловую кооперацию [2, д. 1431, л. 9].

Политику государства, проводимую в отношении кустарей и ремесленников в 1921–1925 гг. нельзя назвать сбалансированной и эффективной. Она не отличалась экономическим рационализмом и заключалась по большей части в прямолинейном государственном регулировании, в том числе и процесса кооперирования, что существенно снижало экономическую заинтересованность мелких производителей. Для административного регулирования создается громоздкая организационная структура, включавшая в себя губернские и районные союзы промкооперации во главе со Всероссийским съездом промысловой кооперации (Всекомсоюз). Государство посредством этой структуры пыталось контролировать поставки сырья, сбыт и финансирование промкооперации. Система представляла собой законченную в институциональном плане структуру, позволявшая контролировать систему мелкой промышленности и организовать ее в качестве одного из средств борьбы с частным капиталом.

Методы прямого государственного регулирования кустарно-ремесленной промышленности, принудительные способы кооперирования в значительной степени деформировали процесс кооперирования, который проходил особенно в провинции весьма болезненно с повсеместным нарушением принципа добровольности. Во многих случаях процесс объединения кустарей в артели, союзы и товарищества приобрел практически принудительный и даже насильственный характер [7, с. 46]. Кустари, ремесленники не очень охотно шли в кооперативы, видя их хозяйственную беспомощность, материальную слабость, массу негативных явлений в их деятельности. В немалой степени преимущественно административному методу управления мелким производством способствовал сохранявшийся в партийно-государственной среде идеологизированный подход к мелкому производителю, в основе которого лежало утверждение, что «ремесло и кустарничество – это тот питательный бульон, из которого в прошлом развивался наш капитализм» и в случае смычки представителей торгового капитала и мелких товаропроизводителей, может оказаться целикком против нас. Если мы не сумеем овладеть этим процессом, то из него может вырасти опасный противник» [8, с. 309–310, 313, 314, 317].

Итоги административного кооперирования оказались неутешительными. К 1924 г. степень кооперирования кустарей и ремесленников составляла 20%, на селе, а в городах и того меньше – 12%. К тому же до 90% создаваемых кооперативов экономически были ничтожны. Из общей суммы продукции кустарей через промысловую кооперацию проходило изделий на 70 млн рублей, что составляло незначительную часть оборота. большая часть продукции реализовывалась частником. Частный капитал захватил кустарную промышленность в основных кустарных районах – Павловский, Тульский, Костромской губерний. большая часть кустарей работает на спекулянта частника. Промкооперация из-за недостатка средств не могла развивать собственное производство и финансировать периферийные организации [2, д. 2340, л. 162]. Государство пыталось переломить негативную тенденцию предоставлением различных льгот. В 1923 г. вступающие в кооперативы кустари получили довольно ощутимые материальные льготы, в частности освобождение от уплаты промыслового налога, но переломить ситуацию не удалось.

Жесткое государственное регулирование, чрезмерное налоговое обложение прямо влияли на деловую активность мелких производи-

телей, поскольку чрезмерная регламентация ограничивала свободу их экономической деятельности, которая является естественной, базовой основой их существования. В целом это наносило прямой экономический ущерб государству, поскольку снижало хозяйственные возможности кустарно-ремесленной промышленности. Результатом излишней государственной регламентации стал уход кустарей и ремесленников с легального поля в целях снижения административного давления, свободной организации своей деятельности и уклонения от уплаты налогов. Формы нелегального предпринимательства были типичными для того времени – подложные артели, лжекооперативы и т.п. Главной причиной ухода с легального рынка безусловно стало жесткое налоговое законодательство, кустарь в лжекооперативах прежде всего прятался от налогов.

Таким образом можно констатировать, что эффективность государственного управления отраслью и соответственно законодательного обеспечения в период с 1921 – по 1925 год был низким, экономически нерациональным, что значительно снижало потенциальные возможности кустарей и ремесленников в решении проблем трудовой занятости и товарной дефицитности внутреннего рынка. С очевидным скепсисом кустари и ремесленники относились к кооперативной форме организации их труда, главной причиной которой были излишняя регламентация трудового процесса в кооперативах, ограничивавшая хозяйственную инициативу. Побудительным мотивом вступления в артели оставалась хроническая проблема отрасли – недостаток средств на приобретение инструментов, сырья, что ставили кустарей в безальтернативную ситуацию вступления в кооператив ради выживания. Благодаря этому удавалось время от времени организовать новые артели.

Очевидно, требовалась корректировка государственной политики. Перед государством стояла задача выработки эффективной государственной политики в отношении мелкого производителя с целью вовлечения кустаря и ремесленника в общий восстановительный процесс и добиться от этого сектора экономики реального вклада в экономику. Сдвиг в политике произошел на XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.), где было заявлено, что надо «переходить от рассмотрения кустарей и ремесленников как конкурентов и врагов к рассмотрению как реального источника пополнения государственного бюджета и снятия товарного напряжения на рынке. Крупная промышленность не может держать в голоде страну из-за ничтожных размеров своих изделий. Это в рабоче-крестьянской стране было бы приговором для крупной промышленности мы должны в нашей работе и планах базироваться на тех кустарях, которые могут в значительной мере восполнить недостачу продукции крупной промышленности» [9, с. 166–167].

Основные направления корректировки были очевидны – ограничение полномочий госорганов по регулированию хозяйственной деятельности, создание благоприятных условий в снабжении сырьем, топливом, оборудованием, обеспечение заказами, создание благоприятного налогового климата, право свободного распоряжения своей продукцией, добровольность кооперирования. Политика государства в отношении кустарей и ремесленников становится более прагматичной, кустарную промышленность стали рассматривать как реальный источник пополнения государственного бюджета и наполнения рынка товарами. Началась апробация различных форм государственного регулирования мелких частных и кооперативных предприятий, позволившие активизировать предпринимательский потенциал кустарно-ремесленного производства.

В 1925 г. было проведено Всесоюзное обследование мелкой промышленности, а в 1929 г. – Всесоюзная перепись, которые позволили определить размеры мелкого производства, его отраслевую структуру, социальный состав кустарей и ремесленников, степень кооперирования и т.п. В 1925 г. были внесены значительные изменения в налоговую систему. Кустари и ремесленники приравнивались к членам промысловой кооперации и освобождались от ряда налогов. Городским кустарям и ремесленникам, выбравшим патент на личные промысловые занятия, вменялась в обязанность уплата только подоходного налога, и они освобождались от уравнительного сбора, который исчислялся с суммы хозяйственного оборота. От уравнительного сбора освобождалась и часть мелких предприятий с численностью наемного персонала до трех человек. Сельские кустари и ремесленники, совмещавшие занятие промыслом с ведением сельского хозяйства и уплачивающие единый сельскохозяйственный налог, освобождались от промыслового и подоходно-поимущественного налога [10, 1925. № 25, ст. 168; 1925. № 32, ст. 213].

Установление налоговых льгот, ослабление административного давления положительно повлияли на развитие отрасли. Кустари и ремесленники начали возвращаться в правовое поле, легализуя свою деятельность. Увеличился экономический потенциал отрасли, зани-

мая, особенно в провинции, заметное место в экономической структуре многих губерний. Однако эта вспышка активности оказалась недолгой. Предоставление определённой самостоятельности в своей деятельности немедленно привели к усилению взаимодействия кустарей и ремесленников с частным капиталом, поскольку они были для них экономически выгодны. Доля участия предпринимателей в сбыте кустарных изделий в промысловых гнездах оценивалась в 70–80% [3, с. 41]. Фактически после нескольких лет усилий кустарная промышленность вновь оказалась вне сферы государственного регулирования.

Проблема была решена в ходе начавшейся социалистической реконструкции, в ходе которой кустари и ремесленники окончательно были включены в плановую социалистическую экономическую систему. В мае 1927 г. принимается постановление ЦИК СССР и СНК СССР «Положение о промысловой кооперации», радикально менявшее функциональную роль кустарно-ремесленного производства в экономике, организационную структуру и нормы внутрикооперативного устройства. Была создана система централизованного административного управления, включавшая в себя централизованную систему планирования, управления, организации и внутреннего регламента [10, 1927. № 26. ст. 280]. Под воздействием радикальных изменений в кустарно-ремесленном производстве стали происходить структурные изменения, основным содержанием которых стало ликвидация частной деятельности путем массового административного кооперирования кустарей и ремесленников.

Тем не менее деятельность кустарей и ремесленников прежде всего в городах не прекратилась, правовая возможность частной деятельности оставалась в форме индивидуально-трудовой деятельности. Кустари и ремесленники присутствовали в советской экономической системе, но не в традиционной форме, а в видоизменённом социалистическом формате, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда. Продолжала существовать промысловая кооперация (артель). Помимо артелей существовали на легальной основе и «кустари», занимавшиеся кустарными и ремесленными промыслами, извозом и обслуживанием личных и хозяйственно-бытовых нужд населения (плотники, столяры, маляры, печники, меховщики, фотографы и т.п.).

Промкооперация была ликвидирована в 1960 г., что привело к развитию негативных процессов в экономике. Экономика лишилась существенных объемов производства товаров народного потребления, специфических ремесленных изделий. Именно после ликвидации промкооперации в стране наблюдается резкий всплеск нелегального производства дефицитных товаров и спекуляции. Возрождение мелкого производства началось в конце 1980 – гг., когда был принят закон «О кооперации в СССР», положивший начало преобразованиям собственности, разгосударствлению собственности и развитию частного предпринимательства.

В начале нэпа государство применяло в отношении мелкого производителя в основном административные методы управления, что привело к уходу их значительной части с легального рынка. С 1925 г. государство меняет политику, стремясь ослаблением административного давления более эффективно использовать их экономический потенциал. В целом мелкий производитель удачно вписался в систему нэпа, быстро адаптировался к привычным для него условиям рынка и выполнял важную социально – экономическую функцию – наполнял рынок столь необходимыми населению товарами. Тем не менее, восстановить довоенный уровень так и не удалось. Общее число лиц, занятых в мелкой промышленности оценивается по последним данным в 2–2,35 млн человек в 1913 г. и 1,5 млн. человек или чуть более в 26/27 гг. это примерно 66–75% от уровня 1913 г. Согласно официальной советской статистике, выпуск продукции в мелкой промышленности в 1926–27 гг. составил 100% от уровня 1913 г. Вес мелкой промышленности в общем промышленном производстве был невелик – 6,55% [11, с. 73, 74].

Начавшееся в конце 1920-х годов огосударствление мелкого производителя означало окончательное включение этого сектора экономики в государственную плановую систему и ликвидацию рыночного механизма его функционирования, который тем не менее существовал в советской экономической действительности, но в нелегальной сфере. Возрождение мелкого производства на основах рыночного частного предпринимательства началось уже в период перестроечного периода, занимая в настоящее время свое законное положение в общей экономической системе России под термином «малое предпринимательство».

Литература

1. Николаев А.А. «Не хлебом единым»: роль кустарных промыслов в восстановлении экономики Сибири в 1920-е годы // ЭКО. 2018. № 9.

2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. Егоров В.Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Автореф. ... дис.д.и.н. М: МГУ, 2005.
4. Рыбников А.А. Мелкая промышленность России: сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. – М., 1923.
5. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. ПСС.Т. 3.
6. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР).
7. Григорьева Е.И. Кустарные промыслы в экономике страны 20-х – 30-х годов XX века // Вестник ТГУ. 2000. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kustarnye-pomysly-v-ekonomike-strany-20-h-30-h-godov-hh-veka> (дата обращения: 29.01.2026).
8. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968.
9. XIV конференция РКП(б) 27–29 апреля 1925 года: (стенографический отчет). Государственное издательство. М.-Л, 1925.
10. Собрание законов СССР (СЗ СССР).
11. Маркевич А. Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М: Мысль, 2013.

HANDICRAFT PRODUCTION UNDER THE CONDITIONS OF THE NEP. THE ZIGZAGS OF STATE POLICY (1921–1930)

Melnik A.A.

Tambov State Technical University

The article analyzes the phenomena, processes and relations related to the state's policy regarding handicraft production during the NEP period, as well as legal and economic measures of state regulation. It is noted that the state's policy regarding handicraft production in the conditions of the New Economic Policy was unstable and subject to frequent changes, which indicates the lack of a clearly formulated and conceptually formulated state policy in relation to this sector of the economy. At the beginning of the New Economic Policy, the state applied mainly administrative management methods to small producers. Since 1925, the government has been changing its policy in order to make better use of their economic potential. Small producers played an important socio-economic role by supplying the market with much-needed goods. The article argues that direct government regulation of small private and cooperative industries was not effective.

Keywords: NEP, small-scale industry, cooperation, state, economy, private entrepreneur.

References

1. Nikolaev, A.A. "Not by Bread Alone": The Role of Handicrafts in the Restoration of the Siberian Economy in the 1920s // ECO. 2018. No. 9.
2. State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region (GASPITO). F. 840. Op. 1.
3. Egorov, V.G. Domestic Cooperation in Small-Scale Industrial Production: Formation, Stages of Development, Nationalization (First Third of the 20th Century). Abstract of a Doctor of History Dissertation. Moscow: Moscow State University, 2005.
4. Rybnikov, A.A. Small-Scale Industry in Russia: Rural Handicrafts and Handicrafts before the War. Moscow, 1923.
5. Lenin, V.I. The Development of Capitalism in Russia. Collected Collections. Vol. 3.
6. Collection of Legislations of the RSFSR (SU RSFSR).
7. Grigorieva E.I. "Craftsman's Thoughts in the National Economy of the 1920s-1930s" // Tomsk State University Bulletin. 2000. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kustarnye-pomysly-v-ekonomike-strany-20-h-30-h-godov-hh-veka> (Accessed: 29.01.2026).
8. The Twelfth Congress of the RCP(b). Verbatim Report. Moscow, 1968.
9. The Fourteenth Conference of the RCP(b), April 27–29, 1925: (Verbatim Report). State Publishing House. Moscow-Leningrad, 1925.
10. Collected Laws of the USSR (Collection of Laws of the USSR).
11. Markevich A. Harrison M. The First World War, Civil War, and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928. Moscow: Mysl, 2013.

Митин Ярослав Иванович,

аспирант очной формы обучения, кафедра гражданского права, Государственный университет просвещения
E-mail: yaroslav.mitin.2014@mail.ru

В статье исследуется феномен постиндустриального общества как особого объекта правового регулирования в Российской Федерации. Показано, что переход к постиндустриальному (информационному, цифровому) типу социально-экономического развития трансформирует предмет и методы юридического воздействия, смещая акцент с регулирования материального производства на регулирование информационных потоков, цифровых платформ и данных.

На основе анализа Конституции Российской Федерации, федеральных законов об информации, персональных данных, электронной подписи, а также стратегических документов в сфере информационного общества и цифровой экономики обосновывается вывод о формировании комплексного правового режима постиндустриального общества.

Приводятся теоретические подходы к пониманию постиндустриального и информационного общества, сформулированные в работах зарубежных теоретиков и российских правоведов, демонстрируется их влияние на отечественную модель нормативного регулирования.

Особое внимание уделяется проблемам идентификации постиндустриального общества в качестве объекта правового регулирования, разрыву между динамикой технологического развития и скоростью правотворчества, а также перспективам совершенствования законодательства с использованием инструментов экспериментальных правовых режимов и «мягкого» регулирования.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информационное общество, цифровая экономика, правовое регулирование, правовой режим, информационное право, стратегическое планирование.

Введение

Категории «постиндустриальное общество» и «информационное общество» первоначально сложились в работах социологов и футурологов и лишь позднее стали проникать в юридический дискурс. Постиндустриальное общество как общество, в котором приоритет в экономике характеризуется смещением от производства товаров к сфере услуг, исследованиям и образованию, а ведущей профессиональной группой становится слой технических специалистов и носителей знаний. В отечественной научной литературе отмечается, что постиндустриальное и информационное общества во многом выступают как взаимодополняющие концепты, описывающие новый этап цивилизационного развития, основанный на информации, знаниях и цифровых технологиях.

Юридическая наука, реагируя на эти изменения, постепенно вырабатывает собственный понятийный аппарат. Так, в теоретико-правовых исследованиях информационное общество определяется как общественное устройство, неразрывно связанное с современными инновационными и цифровыми технологиями и требующее соответствующей трансформации нормотворчества и правоприменения. В рамках информационного права, по мысли Т.Я. Хабриева исследуются общественные отношения в информационной сфере, закономерности их развития и отражения в праве и правоприменительной практике [11].

Для российской правовой системы ключевым вызовом становится необходимость концептуально определить, что именно является объектом правового регулирования в условиях постиндустриального развития. Традиционный акцент на регулировании материального производства и классических вещных, обязательственных и трудовых отношений оказывается недостаточным. В центре правового воздействия оказываются цифровые данные, информационная инфраструктура, электронные платформы, сетевые формы взаимодействия, алгоритмические системы управления, новые гибридные формы труда и занятости.

В нормативном измерении данный сдвиг фиксируется прежде всего в специальных законах об информации, информационных технологиях и защите информации, о персональных данных, об электронной подписи, а также в стратегических документах, определяющих развитие информационного общества и цифровой экономики. Вместе с тем отсутствие единого юридического определения постиндустриального общества и его статуса в системе объектов правового регулирования порождает фрагментарность и несогласованность нормативных решений.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть содержание постиндустриального общества как объекта правового регулирования в Российской Федерации, проследить, каким образом данный объект конструируется в действующем законодательстве и правовой доктрине, а также выявить ключевые проблемы и направления совершенствования правового режима постиндустриального развития.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод научного познания, позволяющий рассматривать постиндустриальное общество как развивающуюся и противоречивую систему; формально-юридический метод, применяемый при анализе нормативных правовых актов; системно-структурный подход, обеспечивающий рассмотрение правового регулирования постиндустриального общества как взаимосвязанного комплекса норм различных отраслей; сравнительно-правовой метод, позволяющий соотнести отечественные решения с общими тенденциями правового развития в условиях постиндустриализма.

Результаты и обсуждение

В философской и социологической литературе постиндустриальное общество описывается как высшая стадия социально-экономического развития, сменяющая индустриальную стадию и характеризующаяся доминированием услуг, знаний и информации, научно-технической революцией и существенным ростом роли человеческого капитала. Информация и знания при этом выступают ключевым производственным ресурсом, а научные разработки – главной движущей силой экономики.

В отечественной доктрине постепенно закрепляется представление о том, что информационное общество по существу является по-

стиндустриальным, поскольку основано на приоритете информационных и коммуникационных технологий, цифровой инфраструктуры и интеллектуального труда. Российские авторы подчеркивают, что речь идет не просто об увеличении объема информации, а о структурной трансформации общества, включающей изменение социального разделения труда, форм занятости, способов управления и взаимодействия государства и граждан.

В юридической доктрине эти процессы отражаются через развитие информационного права как комплексной отрасли, изучающей общественные отношения в информационной сфере и их нормативное закрепление.

По определению О.М. Казакевич, наука информационного права исследует общественные отношения в информационной сфере, их закономерности и отражение в праве, правоохранительной и правоприменительной практике, а также в общественном правосознании [10]. Тем самым постиндустриальное общество начинает осмысляться как особая сфера, где объектом юридического воздействия становятся не только традиционные материальные объекты, но и информационные потоки, цифровые технологические комплексы, сетевые структуры и данные.

М.В. Залоило, анализируя «право в реалиях технологической революции», указывает на качественное изменение человеческого капитала и социальной структуры общества под влиянием научно-технологического развития, что требует пересмотра доктринальных и законодательных основ правового регулирования. В этом контексте постиндустриальное общество выступает не только как социологическая категория, но и как особая правовая реальность, обуславливающая трансформацию всех элементов правовой системы [9].

Прямого определения постиндустриального общества российское законодательство пока не содержит. Вместе с тем в нормативных актах последовательно формируется образ общества, основанного на широком применении информационных и коммуникационных технологий, цифровой экономике и «обществе знаний». В Стратегии развития

информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы подчеркивается, что целью государственной политики является формирование информационного общества и национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов в сфере применения информационных и коммуникационных технологий [6].

Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» закрепляет представление о цифровой экономике как об экономике, где цифровые данные являются ключевым фактором производства, а цифровые платформы и сервисы пронизывают основные отрасли и сферы жизнедеятельности. В совокупности данные акты конструируют модель постиндустриального общества как объекта стратегического управления и правового регулирования.

Если в классической, индустриально ориентированной модели права в центре регулирования находятся прежде всего вещи, материальные блага и связанные с ними имущественные права, то в постиндустриальной модели объектами правового воздействия становятся:

- информация и данные, в том числе персональные;
- цифровая инфраструктура и платформы;
- электронные идентификаторы и электронная подпись;
- результаты интеллектуальной деятельности в цифровой среде;
- алгоритмы, программные средства и системы искусственного интеллекта;
- цифровые следы и профили субъектов.

При этом юридическое оформление постиндустриального общества происходит через систему отраслевых и межотраслевых правовых режимов. Информационное право, телекоммуникационное право, отдельные институты гражданского, административного, финансового и трудового права формируют нормативный каркас, в рамках которого закрепляются статусы участников цифровых отношений, их права и обязанности, механизмы ответственности и защиты [8].

Характеристики постиндустриального общества и их правовое отражение в России представлены в следующей таблице 1.

Таблица 1. Ключевые характеристики постиндустриального общества и их юридические проявления в праве Российской Федерации

Ключевая характеристика постиндустриального общества	Содержание характеристики	Юридически значимые проявления в праве РФ
Приоритет сферы услуг, знаний и информации	Экономический рост обеспечивается преимущественно за счет услуг, интеллектуального и креативного труда, обработки данных	Развитие правового режима информационных услуг, регулирование деятельности операторов связи, хостинг-провайдеров, цифровых платформ; детальная регламентация оборота данных и контента в сети Интернет
Цифровые технологии как базовая инфраструктура	Информационные и коммуникационные технологии становятся основой функционирования экономики, государственной и социальной сферы	Правовое закрепление электронного документооборота, электронных государственных услуг, межведомственного электронного взаимодействия, систем идентификации и аутентификации, электронных подписей
Сетевые формы организации труда и бизнеса	Распространение платформенной занятости, удаленной работы, гибких форм взаимодействия субъектов	Адаптация трудового и гражданского законодательства к дистанционной занятости, договорным моделям взаимодействия через платформы, регулирование электронной коммерции и цифровых маркетплейсов
Высокая роль инноваций и НИОКР	Инновационная деятельность становится ключевым фактором конкурентоспособности государства и бизнеса	Введение экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, специальных режимов регулирования отдельных видов деятельности, стимулирующих развитие новых технологий

Базовым нормативно-правовым актом, определяющим общие правила функционирования информационного общества в России, выступает Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]. Закон регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, при применении информационных технологий, а также при обеспечении защиты информации. Тем самым он задает фундаментальный правовой режим информационной среды, являющейся ядром постиндустриального общества.

Особое место занимает правовой режим персональных данных, установленный Федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» [3]. Законодательство в области персональных данных основывается на Конституции РФ [1] и международных договорах, а также включает специальные нормы, определяющие случаи и особенности обработки персональных данных. В условиях постиндустриального общества персональные данные приобретают значение не только элемента частной жизни гражданина, но и ключевого ресурса цифровой экономики, что требует сложного балансирования между интересами личности, государства и бизнеса.

Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [4] регулирует отношения в области использования электронных подписей

при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций и иных юридически значимых действий. Электронная подпись при этом превращается в базовый юридический инструмент, обеспечивающий аутентификацию и неоспоримость электронных транзакций, без чего функционирование постиндустриального общества в цифровой среде становится невозможным.

Особый интерес представляет Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [5], определяющий цели и принципы экспериментальных правовых режимов, круг участников и порядок их установления и реализации. Этот закон фиксирует признание государством опережающего характера технологического развития по отношению к праву и создает инструмент гибкой адаптации правового регулирования к новым цифровым технологиям.

В стратегическом измерении правовой режим постиндустриального общества формируется через Указ Президента РФ № 203, утвердивший Стратегию развития информационного общества, и национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], в рамках которой реализуются федеральные проекты по цифровым технологиям, цифровому государственному управлению и другим направлениям.

Таблица 2. Основные направления правового регулирования постиндустриального общества в Российской Федерации

Направление правового регулирования	Ключевые НПА Российской Федерации	Цель и основные механизмы правового воздействия
Формирование информационного общества и цифровой экономики	Конституция РФ, Указ Президента РФ № 203, паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»	Определение стратегических целей и показателей развития информационного общества, закрепление приоритета цифровой трансформации, формирование системы федеральных проектов и мер государственной поддержки
Общий правовой режим информации и ИКТ	Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Установление базовых понятий (информация, информационная система, оператор и др.), прав и обязанностей участников информационных отношений, требований к защите информации, механизмов ограничения доступа и ответственности
Правовой режим персональных данных и цифровой идентичности	Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и иные акты в области обработки данных	Регламентация условий и оснований обработки персональных данных, прав субъектов данных, обязанностей операторов, механизмов государственного контроля и ответственности за нарушения
Цифровой документооборот и электронная подпись	Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи», акты о предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме	Признание юридической силы электронных документов, определение видов электронной подписи и условий их использования, обеспечение надежного электронного взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами
Правовое обеспечение цифровых инноваций	Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», ведомственные акты о «регуляторных песочницах»	Создание специальных правовых режимов для апробации инновационных технологий в ограниченных условиях, гибкая настройка требований законодательства, мониторинг и оценка результатов экспериментов
Цифровое государственное управление и межведомственное взаимодействие	Законы об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, акты о системах межведомственного электронного взаимодействия	Обеспечение комплексного предоставления электронных услуг, переход к проактивным моделям взаимодействия государства и граждан, снижение административных барьеров за счет цифровых технологий

Основные направления правового регулирования постиндустриального общества и соответствующие им нормативные акты можно представить в виде следующей таблицы (табл. 2).

Несмотря на значительный объем принятых нормативных актов, правовое регулирование постиндустриального общества в России остается фрагментарным. Отсутствие легального определения постиндустриального общества и его системных характеристик затрудняет выработку целостной концепции правовой политики в данной сфере. Правовые режимы формируются преимущественно реактивно, в ответ на новые технологические вызовы и социальные практики, а не на основе заранее выработанной, доктринально обоснованной модели.

Существенной проблемой является рассогласованность отраслевого законодательства. Режимы обработки данных, защиты информации, использования электронной подписи, регулирования платформенной экономики и искусственного интеллекта зачастую развиваются параллельно, с использованием различного понятийного аппарата и подходов к распределению ответственности. Это осложняет правоприменение и создает риски для участников цифровых отношений.

Наблюдается также асимметрия между уровнем детализации регулирования обязанностей субъектов (операторов персональных данных, владельцев информационных систем, операторов цифровых платформ) и формами обеспечения их прав и законных интересов. Жест-

кие требования к локализации данных, хранению и защите информации нередко сочетаются с недостаточной определенностью стандартов добросовестного поведения государства и крупных цифровых корпораций по отношению к гражданам.

Важным направлением развития выступает дальнейшая институционализация экспериментальных правовых режимов. Закон № 258-ФЗ создает основу для апробации новых моделей правового регулирования цифровых технологий, однако масштабы и глубина использования этого инструмента пока ограничены. При грамотной настройке «регуляторные песочницы» могут стать механизмом согласования интересов государства, бизнеса и общества, позволяющим минимизировать риски и ускорить внедрение инноваций, не разрушая базовые гарантии прав и свобод.

Перспективным представляется и развитие «мягкого» регулирования — стандартов, кодексов поведения, этических хартий в цифровой сфере, которые дополняют императивные требования закона. Для постиндустриального общества, характеризующегося высокой динамикой технологических изменений, сочетание жесткого и мягкого регулирования может оказаться более эффективным, чем одностороннее ужесточение законодательных предписаний [7].

Направления совершенствования правового режима постиндустриального развития представлены в таблице 3.

Таблица 3. Направления совершенствования правового режима постиндустриального развития в Российской Федерации

Направление совершенствования	Содержание трансформаций	Ожидаемый правовой и социально-экономический эффект
Концептуальное закрепление статуса постиндустриального общества	Формирование в доктрине и законодательстве целостного представления о постиндустриальном (информационном, цифровом) обществе, уточнение его юридически значимых признаков, выработка единого понятийного аппарата для отраслевого законодательства	Повышение согласованности правового регулирования, уменьшение коллизий и терминологической разнородности, укрепление предсказуемости правоприменения и доверия участников цифровых отношений
Систематизация и кодификация информационно-цифрового регулирования	Объединение разрозненных норм об информации, данных, цифровых платформах и технологиях в более стройные блоки, подготовка основ цифрового законодательства или разделов в существующих кодексах, пересмотр устаревших норм	Снижение фрагментарности правового режима, упрощение доступа к правовой информации, сокращение регуляторной нагрузки, повышение качества правотворчества и эффективности контроля
Гармонизация режимов данных, цифровой инфраструктуры и платформенной экономики	Согласование требований к обработке данных, кибербезопасности, локализации информации и регулированию цифровых платформ, выработка общих стандартов ответственности, механизмов саморегулирования и ко-регулирования	Создание более сбалансированной среды для развития цифровых сервисов, снижение правовой неопределенности для бизнеса, укрепление гарантий прав граждан на защиту информации и частной жизни
Развитие экспериментальных правовых режимов и регуляторной гибкости	Расширение практики применения экспериментальных правовых режимов, уточнение критериев отбора проектов и оценки рисков, институциональное укрепление механизмов мониторинга и обратной связи	Ускорение адаптации права к технологическим инновациям, снижение барьеров для разработчиков новых решений, накопление эмпирического материала для последующей кодификации успешных моделей регулирования
Укрепление цифровых прав и гарантий личности	Доктринальное и нормативное развитие категории цифровых прав, уточнение содержания права на защиту персональных данных, информационной автономии, неприкосновенности цифрового профиля, внедрение эффективных процедур реализации и защиты	Баланс интересов личности, государства и бизнеса, снижение рисков цифрового неравенства и злоупотреблений при обработке данных, укрепление легитимности цифровой трансформации
Институциональное развитие и повышение правовой компетентности	Совершенствование структуры органов публичной власти, отвечающих за цифровую повестку, укрепление их координации, развитие специализированной подготовки правоприменителей, судей и юристов в сфере цифрового права	Повышение качества правоприменения, снижение вероятности произвольного толкования норм, формирование устойчивых правовых практик в условиях постиндустриального развития

Развитие правового режима постиндустриального общества в российском правовом порядке предполагает, прежде всего, концептуальное уточнение самого объекта регулирования. Право реагирует на уже сложившиеся социальные реалии и нуждается в достаточно четком образе той социальной среды, в пределах которой оно призвано действовать. До тех пор, пока постиндустриальное общество описывается преимущественно через публицистические или узкоотраслевые формулы, законодатель и правоприменитель трудно выстраивать устойчивые модели регулирования. Доктринальное определение постиндустриального общества, учитывающее его технологические, экономические и социально-культурные характеристики, может стать исходной точкой для дальнейшего уточнения терминологии в отраслевых законах, а также для выработки единых принципов правовой политики в цифровой сфере.

С этой задачей тесно связана систематизация и частичная кодификация норм, относящихся к информационно-цифровому регулированию. На сегодняшний день нормы об информации, персональных данных, электронном документообороте, цифровой идентичности, отдельным аспектам искусственного интеллекта и платформенной экономики распределены по разным актам, зачастую принимавшимся в контексте локальных проблем. Такая фрагментарность затрудняет ориентацию субъектов правовых отношений и создает риск коллизий. Выделение относительно самостоятельных блоков цифрового регулирования, возможно в форме специальных разделов кодексов либо основ цифрового законодательства, позволило бы выявить и устранить дублирование, согласовать общие принципы и обеспечить более последовательное развитие институтов.

Выводы

Постиндустриальное общество в современном российском правовом порядке выступает сложным, многомерным объектом правового регулирования, который лишь частично отражен в действующем законодательстве. В нормативных актах закреплены ключевые элементы правового режима постиндустриального развития: правовой статус информации и данных, режимы защиты персональных данных и информации, механизмы электронного документооборота и электронной подписи, стратегические ориентиры цифровой экономики и информационного общества, инструменты экспериментальных правовых режимов.

Вместе с тем отсутствует единая концепция постиндустриального общества как объекта правового регулирования, что обуславливает фрагментарность и несогласованность норм, рассогласованность понятийного аппарата и отсутствие четкой иерархии правовых режимов. Теоретико-правовые разработки, подчеркивающие качественное изменение социальной структуры и человеческого капитала, а также необходимость переосмысления роли государства и права в условиях технологической революции, еще не в полной мере интегрированы в законодательный процесс.

Для формирования целостного правового режима постиндустриального общества представляется необходимым: доктринально определить его ключевые характеристики и юридически значимые признаки; обеспечить согласованность отраслевого законодательства в части регулирования информационных отношений, обработки данных, цифровых платформ и инноваций; расширить практику применения экспериментальных правовых режимов как инструмента опережающего правового регулирования; развивать формы «мягкого» регулирования и саморегулирования в цифровой среде; укреплять связь между научными исследованиями и нормотворческой деятельностью.

Реализация указанных направлений позволит не только повысить эффективность правового регулирования в условиях постиндустриального развития, но и снизить социальные риски, связанные с цифровым неравенством, угрозами приватности, концентрацией власти в руках крупных технологических корпораций, обеспечивая при этом устойчивость и конкурентоспособность российского общества и государства в глобальной цифровой среде.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 29 июля; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <https://base.garant.ru/74451176/> (дата обращения 02.02.2026)

6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения 02.02.2026)

7. Абдулло А.У. Цифровые императивы развития законодательства в постиндустриальном обществе: обзор секции, проведенной в рамках общероссийского годового собрания теоретиков права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – №. 2 (46). – С. 96–101.

8. Демидова И.А. Современное общество как среда и детерминанта развития правовой культуры (опыт теоретико-правового анализа) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – №. 2 (98). – С. 26–35.

9. Залоило М.В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности // Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2022. – №. 4 (92). – С. 65–73.

10. Казакевич О.М. Правовая доктрина в контексте парадигмальной модели общественного развития // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2024. – Т. 9. – №. 3. – С. 39–45.

11. Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. – 2022. – №. 2–2. – С. 256–270.

POST-INDUSTRIAL SOCIETY AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION

Mitin Ya.I.

State University of Education

This article examines the phenomenon of post-industrial society as a specific object of legal regulation in the Russian Federation. It is shown that the transition to a post-industrial (information, digital) type of socio-economic development is transforming the subject and methods of legal regulation, shifting the emphasis from the regulation of material production to the regulation of information flows, digital platforms, and data.

Based on an analysis of the Constitution of the Russian Federation, federal laws on information, personal data, electronic signatures, as well as strategic documents in the field of information society and the digital economy, the conclusion is made about the formation of a comprehensive legal regime for post-industrial society. Theoretical approaches to understanding post-industrial and information societies, formulated in the works of foreign theorists and Russian legal scholars, are presented, and their influence on the domestic regulatory model is demonstrated.

Particular attention is paid to the problems of identifying post-industrial society as an object of legal regulation, the gap between the dynamics of technological development and the speed of lawmaking, as well as prospects for improving legislation using experimental legal regimes and “soft” regulation.

Keywords: post-industrial society, information society, digital economy, legal regulation, legal regime, information law, strategic planning.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. No. 237.
2. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies, and the Protection of Information” // Rossiyskaya Gazeta. 2006. July 29.
3. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // Rossiyskaya Gazeta. 2006. July 29; Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.
4. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ “On Electronic Signature” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Art. 2036.
5. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information <https://base.garant.ru/74451176/> (date of access 02.02.2026)
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” // Official Internet Portal of Legal Information <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (date of access 02.02.2026)
7. Abdullo A.U. Digital Imperatives for the Development of Legislation in a Post-Industrial Society: Review of the Section Held as Part of All-Russian Annual Meeting of Legal Theorists // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2022. – No. 2 (46). – P. 96–101.
8. Demidova I.A. Modern Society as an Environment and Determinant of the Development of Legal Culture (An Experience of Theoretical and Legal Analysis) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 2 (98). – P. 26–35.
9. Zaloilo M.V. Post-industrial Culture of Lawmaking: A New Image of Reality // Bulletin of the OE Kutafin University. – 2022. – No. 4 (92). – P. 65–73.
10. Kazakevich O.M. Legal Doctrine in the Context of the Paradigmatic Model of Social Development // ECONOMICS. LAW. SOCIETY. – 2024. – Vol. 9. – No. 3. – P. 39–45.
11. Khabrieva T. Ya. Technological revolutions and their projection in law // Questions of history. – 2022. – No. 2–2. – P. 256–270.

Стрелков Максим Андреевич,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена теоретико-правовой категории «правовое пространство» и ее разграничению со смежными конструкциями, употребляемыми при описании действия права, системности регулирования и целостности правопорядка. Актуальность связана с ростом нормативного массива, усилением межуровневых связей в правотворчестве и правоприменении, расширением цифровой среды общения и управления, где территориальная привязка утрачивает монополию на объяснение пределов юридического воздействия. Научная новизна задана аналитической реконструкцией признаков правового пространства через сопоставление доктринальных подходов, опирающихся на системный взгляд на регулирование, конституционные механизмы единства и отраслевые проекции. В рамках работы описаны концептуальные модели пространства права, изучены критерии его границ, уровней и внутренней согласованности. Особое внимание уделено признакам, отличающим правовое пространство от территории действия норм, от правовой системы и от «поля» регулирования. Целью выступает уточнение содержания категории и формирование набора отличительных черт. Для решения цели использованы анализ источников, сопоставление доктринальных позиций, структурно-логическое моделирование. Изучены современные русскоязычные публикации 2021–2025 гг. В завершении сформулированы выводы о критериях единства, многоуровневости и цифровой протяженности. Материал адресован исследователям теории права, конституционалистам, отраслевым юристам, законодателям.

Ключевые слова: правовое пространство, границы правового регулирования, единство правопорядка, действие права, системность законодательства, конституционная законность, правовая интеграция, цифровая среда, уровни регулирования, юридическая доктрина.

Введение

Проблематика правового пространства связана с необходимостью описывать пределы и устройство юридического регулирования при одновременном сосуществовании конституционного уровня, отраслевых массивов, регионального нормотворчества, практики судов и административных органов, наднациональных договорных режимов, цифровых коммуникаций и платформенных форм взаимодействия. В научной литературе термин употребляется неодинаково: от «территориального действия» до сложной модели, описывающей согласованность и непрерывность регулирования, его уровни и сферы. Разнородность трактовок затрудняет доктринальную точность, влияет на юридико-технические решения, усложняет оценку коллизий и пробелов, ослабляет аргументацию при обсуждении единства правопорядка.

Цель исследования – раскрыть содержание категории «правовое пространство» как научного инструмента юриспруденции и определить отличительные черты, позволяющие отграничить ее от близких понятий. Задачи:

1. реконструировать основные доктринальные подходы к определению правового пространства и способам задания его границ;
2. выделить признаки, фиксирующие единство, многоуровневость и согласованность регулирования при одновременном наличии территориальных и цифровых форм протяженности;
3. предложить аналитическую схему отличия правового пространства от территории действия норм, от правовой системы и от отраслевых «срез» регулирования.

Научная новизна – предложено связать определение правового пространства с набором критериев (границы, уровень, внутренняя согласованность, тип протяженности, режим единства), на основе которых формируется унифицированная матрица разграничения со смежными категориями.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили русскоязычные публикации 2021–2025 гг., отражающие современное состояние теоретической дискуссии и прикладные проекции категории. А.Н. Анохин [1] предложил рассматривать пространство системы правового регулирования через «пространство возможных состояний» системы, связывая границы с целями и ограничениями регулирования; А.А. Арямов [2] описал нормативно-регулятивный потенциал принципов права в поддержании единого и системного правового пространства; С.Б. Верещак [3] проанализировал понятие, признаки и структурные элементы правового пространства, сопоставив подходы к его сущности; Ю.В. Гаврилова, Е.Л. Григорьева [4] выделили признаки единства правового пространства Российской Федерации в связи с конституционно-правовыми механизмами и системностью законодательства; О.М. Гришин [5] обобщил методологическую дискуссию о правовом пространстве и практической полезности категории; В.В. Комарова [6] рассмотрела правовое пространство СНГ в плоскости защиты прав человека при цифровизации; О.А. Кузнецова [7] связала проблематику правового пространства с альтернативными цифровыми средами (метавселенными) и конкуренцией юрисдикций; Д.Н. Небиеридзе [8] затронул развитие общего цифрового пространства СНГ как средства согласования регулирования; Ю.В. Тютина [9] показала эволюцию доктринальных взглядов и отраслевую проекцию (финансово-правовую) пространственного подхода; А.А. Федорченко, Е.В. Федорченко [10] систематизировали концептуальные теоретические основы категории в монографическом формате.

При подготовке текста выполнены анализ источников, сравнительно-правовое сопоставление доктринальных позиций, структурно-логическое моделирование понятийных границ, терминологическое разграничение.

Результаты

Категория «правовое пространство» в современной русскоязычной доктрине описывает не географию действия норм как таковую, а упорядоченную протяженность юридического регулирования, заданную системой источников, принципов, институтов и практик, обеспечивающих согласованность правового воздействия. В отличие от формулы «действие нормативного акта в пространстве», где доминирует территориальный критерий, правовое пространство оперирует более сложным

набором координат: уровень регулирования, функциональные связи между нормотворчеством и правоприменением, режимы единства, механизмы согласования, каналы циркуляции юридической информации. В этом смысле категория выступает инструментом описания «собранности» правового порядка, его непрерывности и внутренней непротиворечивости, когда юридические предписания и решения не распадаются на несвязанные локальные режимы.

В литературе прослеживаются, по меньшей мере, три устойчивых линии. Первая линия тяготеет к системному анализу правового регулирования и трактует правовое пространство как характеристику состояния и возможностей правовой системы регулирования. А.Н. Анохин связывает исследование пространства с параметрами структуры и функционирования системы правового регулирования, вводя представление о «пространстве возможных состояний» как о модели, где границы задаются целями регулирования и набором ограничений (требований, стандартов, принуждающих связей) [1]. Такой ход позволяет описывать пределы регулирования не только через территорию, но через допустимые конфигурации правового порядка: какие сочетания субъектов, процедур и юридических средств образуют приемлемое состояние регулируемых отношений. В результате «пространство» перестает быть метафорой и превращается в аналитическую конструкцию: параметры (состав, организации связей, динамика процессов) задают область допустимых юридических решений и практик [1].

Вторая линия исходит из конституционно-правового понимания единства правового порядка и рассматривает правовое пространство как форму выражения целостности государства, где согласованность законодательства и практики обеспечивается конституционными механизмами. В этом направлении акцент смещается на критерий единства: отсутствие нормативной фрагментации, согласование федерального и регионального регулирования, поддержание общих принципов, единые стандарты правоприменения. Ю.В. Гаврилова, Е.Л. Григорьева выделяют признаки единства правового пространства России, связывая их с конституционно-правовой архитектурой, и подчеркивают, что единство выражается не только в иерархии источников, но и в режимах координации и в системности законодательного массива [4]. По смыслу данной линии правовое пространство фиксирует не просто «где действует право», а «как устроено согласование» правовых решений по уровням публичной власти и по отраслям, чтобы правовой порядок сохранял целостность [4].

Третья линия строится вокруг методологического потенциала «пространственного подхода» и его отраслевых проекций. Ю.В. Тютина, рассматривая движение от общетеоретического правового пространства к финансово-правовому пространству, показывает, что пространственная оптика помогает увидеть многоуровневость регулирования, точки столкновения регуляторов, зоны коллизий и пробелов, динамику нормативного потока [9]. Для отраслевой проекции существенен переход от географии действия норм к анализу режимов регулирования: стабильность, согласованность, предсказуемость, согласование правотворческих изменений с практикой применения, связь публичных финансов с целями государства [9].

В рамках указанных линий формируется общий минимум: правовое пространство описывается через пределы и структуру регулирования, через согласованность норм и практик, через уровни юридического управления, через механизм поддержания единства правового порядка.

Опора на структурный анализ позволяет выделить набор элементов, без которых категория теряет определенность. С.Б. Верещак описывает правовое пространство через признаки и структурные компоненты, акцентируя внимание на необходимости различать содержание категории и территориальные пределы действия норм [3]. Отсюда следует, что структура правового пространства включает:

- а) нормативный слой (источники права, их иерархия, распределение компетенций, режимы юридической техники);
 - б) институциональный слой (органы публичной власти, суды, правоприменительные структуры, механизмы контроля и надзора);
 - в) ценностно-принципиальный слой (принципы права, конституционные ориентиры, общие требования к справедливости и соразмерности);
 - г) практический слой (устойчивые модели толкования и применения, правовые позиции судов, административные стандарты);
 - д) коммуникационно-информационный слой (каналы опубликования, доступ к нормам и решениям, цифровые инфраструктуры права).
- Системный ракурс А.Н. Анохина добавляет к перечисленному параметризацию: структура строения, структура организации, структура функционирования [1]. Для правового пространства указанная триада раскрывает, каким образом нормы и институты превращаются в процесс регулирования: «выход» информации, формирование юридиче-

ских параметров, действие норм, «выход» в виде решений и фактического состояния общественных отношений [1].

Отдельного рассмотрения требует принципиальный слой. А.А. Арямов, анализируя принципы права как регуляторы, связывает их с поддержанием единого и системного правового пространства, где принципы выступают мерой оценки легитимности нормативных актов и ориентиром для восполнения пробелов при толковании [2]. На уровне правового пространства принципы задают «сквозные требования» к содержанию норм и к практике их применения, что снижает риск нормативной разобщенности и локальных режимов, несовместимых с общими конституционными установками [2].

На основе сопоставления выделяются следующие отличительные черты:

1) Протяженность регулирования, заданная не только территорией. Территориальный критерий сохраняет значение, но его недостаточно для описания современных режимов регулирования. В доктринальных работах подчеркивается расширение «пространственной» оптики за счет информационных и цифровых сред, где взаимодействия и юридические факты формируются вне классических границ физической территории. На уровне региональных объединений и цифровых инфраструктур тема проявляется при обсуждении единого цифрового пространства СНГ и согласования подходов к регулированию прав человека в цифровой среде [6; 8].

2) Многоуровневость. Правовое пространство фиксирует сосуществование конституционного уровня, федерального законодательства, регионального нормотворчества, муниципальных актов, международных обязательств, правоприменительных практик. Системный подход связывает уровни через функциональные связи и ограничения [1]; конституционно-правовой подход – через механизмы единства и согласования [4].

3) Внутренняя согласованность как предмет описания. Для категории существенна оценка согласованности: непротиворечивость предписаний, соподчинение источников, согласование компетенций, устойчивость практики толкования. Пространственный подход в отраслевой проекции подчеркивает, что нормативная динамика способна разрушать системность регулирования, порождая коллизии и «хаотические явления», что напрямую затрагивает качество правоприменения [9].

4) Связь с целями регулирования и допустимыми состояниями правового порядка. В модели «пространства возможных состояний» правовое пространство предстает как область допустимых конфигураций правового порядка, где цели и ограничения отделяют допустимое от недопустимого [1]. Такое понимание позволяет формализовать границы не только через «где» и «кто», но через «какие юридические состояния отношений признаются достижимыми и приемлемыми».

5) Чувствительность к цифровым средам и конкуренции юрисдикций. Цифровая среда создает множественные режимы регулирования и конкуренцию норм, особенно в трансграничных и платформенных системах. О.А. Кузнецова обсуждает метавселенную как альтернативное правовое пространство, где возникают вопросы о применимом праве, юрисдикции и механизмах защиты участников [7]. В такой постановке правовое пространство приобретает черты «конкурирующих режимов», где согласованность обеспечивается не территориальным суверенитетом, а комбинацией норм, договорных правил платформ, процедур разрешения споров и технических протоколов [7].

Для практико-ориентированного употребления категории предлагается матрица разграничения по пяти критериям:

1. Основание границы:
 - для территории действия норм – граница государства/субъекта/муниципалитета, коллизионные привязки;
 - для правового пространства – цели регулирования, компетенции, принципы, связи системы, режим согласования [1; 2; 4].
2. Уровневая организация:
 - действие нормы – уровень конкретного источника;
 - правовое пространство – совокупность уровней и их сопряжение (конституционный, законодательный, подзаконный, судебный, административный, международный) [4; 9].
3. Предмет описания:
 - территория действия – предел применимости предписания;
 - правовое пространство – согласованность предписаний, процедур и практик в рамках общей модели правового порядка [3; 9].
4. Тип протяженности:
 - классическая модель – физическая территория;
 - расширенная модель – цифровые среды, информационные каналы, трансграничные режимы [6–8].
5. Механизм единства:
 - формально-юридический – иерархия актов;

– системно-правовой – принципы, стандарты толкования, координация компетенций, правовые позиции, институты контроля [2; 4].

С опорой на матрицу категория правового пространства приобретает строгие границы употребления: речь идет о модели целостности регулирования, а не о простой географической характеристике применимости норм.

Обсуждение

Построенная реконструкция показывает, что термин «правовое пространство» целесообразно использовать как инструмент описания целостности правового порядка при высокой сложности источников и практик. Отождествление категории с территорией действия норм ведет к методологическому упрощению: территориальный критерий отвечает на вопрос о применимости, но не раскрывает, по каким причинам нормы и решения согласуются либо вступают в конфликт, какие механизмы удерживают единство правопорядка, какова логика перехода от нормотворчества к правоприменению.

Системная модель пространства, ориентированная на параметры и допустимые состояния регулирования, дает продуктивный язык для анализа «границ допустимого» в юридическом управлении. При таком подходе границы перестают совпадать с картой государства и начинают зависеть от целей правового воздействия, от ограничений и стандартов, от процедур принятия решений, от структуры обратных связей. Преимущество подобного взгляда – возможность связывать кризисы согласованности (коллизии, пробелы, несогласованность компетенций) с конкретными «параметрами» системы, а не сводить их к простому нарушению иерархии источников.

Конституционно-правовая линия исследования единообразия правопорядка формирует иной полюс: правовое пространство трактуется как выражение целостности государства и устойчивости конституционных установлений. Достоинство данного полюса – его нормативная определенность: единство поддерживается через распределение компетенций, вертикаль источников, контроль за соответствием, стандарты правоприменения, судебную защиту. Ограничение – риск «переоценки» формальной иерархии: при высокой динамике законодательства и при цифровой трансформации регулирования согласованность зависит не только от иерархии, но и от качества правовой техники, от устойчивости толкования, от институциональных процедур согласования, от доступности права для адресатов.

Отраслевая пространственная оптика показывает, что правовое пространство пригодно для диагностики перегрузки нормативного массива и потери системности регулирования. В отраслевых сферах данная категория помогает обсуждать границы предмета регулирования, точки стыка с неправовыми регуляторами (политическими, моральными, религиозными), режимы правовой определенности, устойчивость правоприменения. При этом в отраслевом дискурсе существует риск излишнего расширения термина, когда «пространством» называют любой сектор законодательства. Для сохранения научной строгости требуется сохранять критерии: уровень, механизм единства, тип протяженности, связность норм и практик.

Цифровая среда усиливает потребность в категории правового пространства, поскольку формирует множественные конкурирующие режимы: национальное право, наднациональные стандарты, договорные правила платформ, технические протоколы, алгоритмические ограничения. В подобных условиях описание регулирования через территорию становится недостаточным, а терминологическая точность приобретает практический смысл: вопросы применимого права, юрисдикции, защиты прав, легитимности решений переходят из сугубо «географических» задач в задачи согласования режимов и процедур.

Собственная позиция сводится к следующему: правовое пространство следует трактовать как модель согласованного юридического воздействия, охватывающую нормы, институты и практики на множестве уровней, где границы задаются целями регулирования, принципами и механизмами единства, а протяженность определяется сочетанием территориальных и цифровых форм.

Заключение

1. По результатам реконструкции доктринальных позиций правовое пространство описывается как согласованная протяженность правового регулирования, сформированная совокупностью источников, институтов, принципов и практик, поддерживающих целостность правопорядка.

2. Отличительные черты категории сводятся к многоуровневости регулирования, ориентации на внутреннюю согласованность норм и практик, зависимости границ от целей и ограничений регулирования, признанию цифровых форм протяженности наряду с территориальными.

3. Разработанная матрица разграничения фиксирует различие между правовым пространством и территорией действия норм: первая конструкция описывает режим единства и связности правового порядка, вторая – предел применимости конкретного предписания. Матрица пригодна для теоретического анализа коллизий, для обсуждения механизмов согласования компетенций, для оценки фрагментации регулирования в цифровой среде.

Литература

1. Анохин, А.Н. Об исследовании пространства системы правового регулирования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 3–10.
2. Арямов, А.А. Характеристика принципов права как правовых регуляторов // Правосудие. 2024. Т. 6, № 3. С. 18–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.18-42.
3. Верещак, С. Б., Абрамова, Л.А. Понятие, признаки и структура правового пространства // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 3. С. 40–46.
4. Гаврилова, Ю. В., Григорьева, Е.Л. Основные механизмы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации // *Eropaen.Global*. 2025. № 67. С. 10–18.
5. Гришин, О.М. Правовая система общества и смежные юридические категории: сравнительный анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1 (156). С. 31–39. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-1-31-39.
6. Комарова, В.В. Правовое пространство СНГ: права человека в условиях цифровизации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1 (21). С. 115–120.
7. Кузнецова, О. А., Мартыанова, Е.Ю. Метабселенная как альтернативное правовое пространство // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 4 (128). С. 100–108. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.100-108.
8. Небиеридзе, Д. Н. К вопросу о правовом пространстве СНГ в эпоху цифровизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1–4 (88). С. 16–18. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-1-4-16-18.
9. Тютина, Ю.В. От правового пространства к финансово-правовому пространству: эволюция научных взглядов // Финансовое право. 2025. № 12. С. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-12-2-5.
10. Федорченко, А.А. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы: монография / А.А. Федорченко, Е.В. Федорченко. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 200 с. – (Актуальные монографии). – ISBN 978-5-534-12550-4.

LEGAL SPACE AS A CATEGORY OF JURISPRUDENCE: CONTENTS AND DISTINCTIVE FEATURES

Streikov M.A.

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article examines the theoretical and legal category of “legal space” and its distinction from related constructs used to describe the operation of law, the systematic nature of regulation, and the integrity of the legal order. This topic is relevant given the growing body of legislation, the strengthening of inter-level connections in lawmaking and law enforcement, and the expansion of the digital environment for communication and governance, where territorial ties are losing their monopoly on explaining the limits of legal influence. The scientific novelty stems from the analytical reconstruction of the characteristics of legal space through a comparison of doctrinal approaches, grounded in a systemic view of regulation, constitutional mechanisms of unity, and sectoral projections. This paper describes conceptual models of legal space and examines the criteria for its boundaries, levels, and internal consistency. Particular attention is paid to the characteristics that distinguish the legal space from the territory of application of norms, from the legal system, and from the “field” of regulation. The goal is to clarify the category’s content and develop a set of distinctive features. To achieve this goal, an analysis of sources, a comparison of doctrinal positions, and structural and logical modeling were used. Contemporary Russian-language publications from 2021–2025 were examined. Finally, conclusions are formulated regarding the criteria of unity, multi-levelness, and digital continuity. The material is intended for researchers in legal theory, constitutionalists, legal experts, and legislators.

Keywords: legal space, boundaries of legal regulation, unity of legal order, application of law, systematicity of legislation, constitutional legality, legal integration, digital environment, levels of regulation, legal doctrine.

References

1. Anokhin, A.N. On the Study of the Space of the Legal Regulation System // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2021. Vol. 7, No. 1. pp. 3–10.
2. Aryamov, A.A. Characteristics of the Principles of Law as Legal Regulators // *Pra-vosudie*. 2024. Vol. 6, No. 3. pp. 18–42. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.18-42.
3. Vereshchak, S. B., Abramova, L.A. Concept, Features, and Structure of the Legal Space // *Oeconomia et Jus*. 2022. No. 3. pp. 40–46.

4. Gavrilova, Yu. V., Grigorieva, E.L. Key Mechanisms for Ensuring a Single Legal Space in the Russian Federation // *Epomen.Global*. 2025. No. 67. pp. 10–18.

5. Grishin, O.M. The Legal System of Society and Related Legal Categories: A Comparative Analysis // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2024. No. 1 (156). pp. 31–39. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-1-31-39.

6. Komarova, V.V. Legal Space of the CIS: Human Rights in the Context of Digitalization // *Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences*. 2023. No. 1 (21). pp. 115–120.

7. Kuznetsova, O. A., Martyanova, E. Yu. Metauniverse as an Alternative Legal Space // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2025. No. 4 (128). pp. 100–108. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.100-108.

8. Nebieridze, D.N. On the Issue of the Legal Space of the CIS in the Era of Digitalization // *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024. No. 1–4 (88). pp. 16–18. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-1-4-16-18.

9. Tyutina, Yu.V. From Legal Space to Financial and Legal Space: Evolution of Scientific Views // *Financial Law*. 2025. No. 12. Pp. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2025-12-2-5.

10. Fedorchenko, A.A. Legal space: conceptual theoretical foundations: monograph / A.A. Fedorchenko, E.V. Fedorchenko. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 200 p. – (Topical monographs). – ISBN 978-5-534-12550-4.

Влияние информации на формирование правосознания молодежи (трансформация правосознания на примере шоплифтинга)

Пасько Елена Александровна,

канд. историч. наук, доцент, Ростовский институт (филиал),
Всероссийский государственный юридический университет
Министерства юстиции России
E-mail: len.markovic2017@yandex.ru

Проблема юридического закрепления нравственных категорий и традиционных ценностей. Так как в молодежной среде создаются свои приоритеты. Ситуация нынешнего времени показала, что традиционное, нравственное воспитание молодого поколения чрезвычайно важно. Чем выше уровень правовой культуры, тем выше правосознание и тем выше защита человека от социального влияния тех информативных источников, которые несут массовую информацию. Повышение правовой культуры играет большую роль в преодолении деформации ценностей. Для того, чтобы Россия жила, чтобы она оставалась независимым, свободным, сильным государством, нужно, чтобы молодое поколение было проникнуто идеей патриотизма и веры в будущее. Статья посвящена феномену шоплифтинга в молодежной среде. Автор прослеживает тенденцию распространения магазинных краж в молодежной среде, что может быть обусловлено популярностью потребительского образа жизни, открытостью информационного пространства и низким уровнем правосознания молодых людей. Особое внимание уделяется анализу внутренних причин противоправных действий шоплифтеров, а также рассмотрению последствий приверженности противоправному течению (как юридических, так и психологических). Предпринята попытка составления портрета типичного современного шоплифтера. По результатам исследования предложены меры по противодействию шоплифтингу как со стороны совершенствования работы с молодежью, так и внесения изменений в деятельность организаций, осуществляющих розничную торговлю, а именно дополнений в профессиональную подготовку сотрудников магазинов, разработку соответствующей инструкции. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке уголовного права, административного права, психологии и педагогики.

Ключевые слова: шоплифтинг, правосознание, правовая культура, девиантное поведение, информация, молодежное сознание шоплифтер, трансформация, СМИ.

Проблема формирования сознания и правовой культуры в последнее время стала крайне актуальной, как в России, так и за рубежом. Одними из основных факторов формирования правосознания являются: социальная среда и влияние средств массовой информации [1, С. 102]. В современном мире крайне важно соблюдать определенные правила по восприятию информации, основными из которых считается формирование критического склада ума, работа над мыслительными, аналитическими, сравнительными умениями... Правосознание граждан как часть правовой культуры личности – это неотъемлемая часть современного общества. Правовая культура – это результаты и последствия правовой жизни общества, а в узком смысле – результаты юридической деятельности. В условиях влияния правовой культуры на правосознание и отношения в рамках закона приводят к тому, что в обществе достигается социальная стабильность. Российская правовая культура специфична и неповторима, так как история нашего государства претерпевала изменения политического режима, менялось и отношение к происходящему. Одной из особых задач, которая ставится государством – это то, что необходимо уделять особое внимание воспитанию молодежи. Оценивая уровень правовой культуры молодого поколения, следует обратить внимание на влияние формирования правосознания. Посредством этого, формирующаяся личность способна оценить существующие законы, а ведь именно это называется правосознанием.

Борьба за здравый смысл общества – это часть государственной политики по повышению правовой культуры общества. Чем выше уровень правовой культуры, тем выше правосознание и тем выше защита человека от социального влияния деструктивной информации. Граждане с недостаточным уровнем правосознания испытывают сложности в объективном оценивании происходящего. Проблема повышения правовой культуры и правосознания актуальна с начала XXI века и разумеется вместе с этим поднимается масса вопросов. Одним из них – это проблема преодоления деформации ценностной системы молодого поколения через правовое воспитание.

Как показывают психологические и социологические исследования, молодые люди (в основном от 14 до 25 лет) осознанно избегают серьезных образовательных передач, им не интересно и их не заботят новости, связанные с социальными и политическими проблемами. Это их отличает от более зрелого поколения, читающего печатные издания научного и политического обозрения. Таким образом, именно поэтому для того, чтобы как-то подействовать на сознание молодых людей, сформировать соответствующее мировоззрение, нужно закреплять нравственные ценностные ориентиры в миропонимании под воздействием СМИ. В XXI веке СМИ настолько прочно обосновались в повседневной жизни, что люди уже не могут представить существование без них.

В силу преобладания открытости информационного пространства, в молодежной среде все еще недостаточно подконтрольно распространяется западная массовая культура. Общество не в полной мере контролирует ориентированность и восприятие нравственных традиционных ценностей. Живое общение и работа порой уходят в Интернет, т.е. «ближайшим окружением становится социальная сеть», а значит внешний контроль за теми, кто влияет на процесс формирования «молодого человека» существенно ослабевает [2, С. 521]. В молодежной среде создаются свои идеалы, приоритеты, интересы, понятия, развлечения, а следом появляется некий протест поведения, формирующий миропонимание, отдаляющее индивида (группу единомышленников) от общепринятого обществом нравственных установок. Неформальные источники различной информации далеко не всегда показывают высокий уровень образованности молодых людей. Несовременное, в силу возрастных особенностей еще не обладают достаточным уровнем правосознания и не могут объективно, критично оценить ситуацию. В своем исследовании Е. А. Пасько отмечает, что именно поэтому для того, чтобы как-то подействовать на сознание молодых людей, сформировать соответствующий стереотип поведения, нужно закреплять нравственные ценностные ориентиры [2, С. 522].

В научной теории можно найти отождествление понятий «субкультура» и «молодежная культура». Вообще субкультура рассматривается как социально-психологическое явление, отражающее специфическую жизнедеятельность группы, обособленной в нравственном и психоло-

гическом плане от общества. Особое внимание необходимо уделять деструктивным влияниям и поискам методов их противодействия. В деструктивную субкультуру молодой человек попадает в силу нигилизма, отсутствия нравственных установок, незнания и недопонимания закона, правил поведения в обществе, недостаточного образования, позволяющего оценивать происходящие процессы.

Молодежь является наиболее уязвимой категорией, которая легко поддается пропаганде деструктивных идей. Несформировавшееся мировоззрение, отсутствие осознания значимости традиционных ценностей и устойчивых целей, планов на жизнь порой является нормальным состоянием для них, однако одновременно с этим создается риск и угроза формирования негативных, отрицательных жизненных установок [3, С. 34]. Проблема деструктивного поведения среди молодежи изучается специалистами психологии, педагогики, социологии, волнует юристов. Конечно, ввиду этого, совместно с учеными и практиками над проблемой повышения уровня правовой культуры работают институты государственной власти.

Деструктивное поведение как вид девиантного поведения сравнимо с противоправным поведением, представляющим собой нарушение правовых и моральных норм [4, С. 12].

По мнению Е. В. Змановской, девиантное поведение – это нарушение наиболее важных для данного общества и в данное время социальных норм и «стандартов, принятых обществом: правовых, моральных, возрастных...», а специфическими особенностями такого поведения является нарушение наиболее важных для общества норм [5, С. 97]. Важно чтобы у подростка присутствовала социальная инициатива как механизм побуждения к деятельности, стимулирующая развитие асоциальных действий [6, С. 44].

В настоящее время среди молодых людей преобладает потребительский образ жизни, так как значительной части данной категории населения не требуется преодолевать сложности для обеспечения своих базовых потребностей. Помимо этого, современные тренды предопределили распространенность в молодежной среде тягу к различного рода покупкам для соответствия моде. Это касается одежды, техники и всевозможных интернет-подписок и т.д. Все это порождает ощущение недостаточности имеющихся ресурсов и желание получения большего количества материальных благ. Прогрессивная, свободномыслящая молодежь выбирает разные пути осуществления своей цели: одни – совмещают трудовую деятельность с обучением в образовательных учреждениях, другие – незаконную деятельность, сопряженную с правонарушениями, которые в дальнейшем возможно перерастают в преступления. Виною тому, в силу психологических особенностей возраста, несформированной системы ценностей, негативно влияющей различной информации на сознание молодых людей...

Одним из вариантов проявления девиантного поведения в целях получения денежных средств и имущества выступают магазинные кражи. Причинами того, что молодые люди идут на совершение противоправных действий множество. По мнению Кутякина С.А., к числу морально-психологических причин относится тот факт, что украденный в магазине товар принадлежит не конкретному лицу, а абстрактному ритейлеру, имеющему огромный доход, которые все потери закладывает в цену. И это как бы окончательно нивелирует моральный запрет на кражу [7, С. 420]. Хищения в магазинах молодежные группы ради хобби, интереса, конкурса превратили в субкультуру под названием «шоплифтинг». Шоплифтеры склонны к пониманию того, что якобы ничего противоправного они не совершают.

Термин «шоплифтинг» представляет собой несанкционированный вынос чужого имущества из торгового зала. С проблемой кражи сталкиваются все розничные продавцы (ритейлеры) и наблюдается тенденция их стабильного роста. В российском законодательстве понятие «шоплифтинг» отсутствует, толкование через квалифицирующие признаки сформулированы в уголовном и административном законодательстве.

В соответствии со ст. 8 Конституции Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [8]. Так, в соответствии со ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если стоимость украденного товара не превышает 1 тыс. руб., это считается мелким хищением. В этом случае нарушитель обязан выплатить ущерб в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее 1 тыс. руб. Также возможен административный арест на срок до 15 суток или обязательные работы до 50 часов. Мелкое хищение на сумму от 1 тыс. до 2,5 тыс. руб. влечет наложение административного штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее 3 тыс. руб. Также могут назначить административный арест на срок от 10 до 15 суток или обязательные работы на срок до 120 часов [9]. Помимо этого, пре-

дусмотрена уголовная ответственность нормой с административной преюдицией за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ), а также за кражу (ст. 158 УК РФ), если стоимость украденных товаров превышает сумму 1 тыс. рублей [10].

А.Л. Лебедев, в своем исследовании считает, что под магазинными кражами как видом корыстной преступности необходимо понимать совокупность хищений товаров и денежных средств, совершаемых посетителями и персоналом в розничных магазинах современного формата [11, С. 45].

«Шоплифтинг» условно можно разделить на три группы. В первую группу входят шоплифтеры, для которых магазинные кражи являются развлечением, противозаконным хобби и экстремальным времяпрепровождением. Для них не имеет значение какие именно товары будут похищены. Также отсутствует цель совершаемых действий: важен сам процесс, который приносит определенные эмоции и удовлетворение потребности в разнообразии жизни.

Во вторую группу входят молодые люди, совершающие хищение товаров с полок магазинов для личного пользования. Их цель – бесплатно получить необходимые для жизни ресурсы на определенный промежуток времени. При пресечении таких попыток сотрудники находят в сумках и карманах шоплифтеров базовый набор товаров (например, консервы, колбаса, гель для душа, салфетки, чай и т.д.).

Третья группа шоплифтеров, в отличие от первых двух, приносит самые большие потери магазинам. Ими выступают молодые люди, совершающие хищение товаров для дальнейшей продажи и получения денежных средств. Следовательно, для получения достойного заработка товары должны иметь высокую цену и спрос среди населения. Таковыми являются кофе, сыр, сливочное масло, шоколад, алкоголь, косметика.

С помощью системы распознавания лиц покупателей в торговых сетях «СТОП Шоплифтер» или «Безопасный город» и статистики МВД можно в отношении задержанных попытаться составить перечень характеризующих свойств шоплифтеров. Оказывается, что в основном это мужчины, от общего числа их 72% из них около 60% в возрасте от 18 до 35 лет. Женщин, причастных к этой категории противоправных действий, существенно меньше, относятся к этой возрастной группе [12]. В основном похищают косметику. Проанализировав случаи краж, чаще всего магазинный вор не имеет постоянного источника дохода, ранее уже совершал противоправные действия, а также с вероятностью более 30% находится под воздействием алкоголя.

По состоянию на 2025 год портрет типичного магазинного вора несколько отличается от шоплифтера более раннего периода. Был проведен устный опрос директоров, товароведов и охранников магазинов «Магнит», именно они при осуществлении практической деятельности чаще сталкиваются с шоплифтерами. Результаты этого метода исследования показали, что в преобладающих случаях шоплифтерами являются подростки, имеющими зависимость (чаще наркотическую). Похищенные товары им нужны для дальнейшей продажи, получения денежных средств, которые в дальнейшем как правило будут потрачены на покупку запрещенных веществ. Анализ данных, полученных в ходе опроса, позволяет сделать вывод о том, что магазинные кражи набирают популярность среди молодежи-подростков.

Таким образом, современные шоплифтеры в силу своего образа жизни подвержены определенным рискам. Во-первых, происходит формирование отрицательных жизненных установок. Чем старше становится молодой человек, тем больше потребностей возникает для обеспечения комфортной жизни. Следовательно, есть вероятность того, что мелкие хищения ради забавы, получения публичности, могут перерасти в хищения более дорогого имущества, по иным мотивам и причинам, могут измениться способы хищения, что способно нести большую общественную опасность (например, магазинная кража, предполагающая тайное хищение чужого имущества, перерастающая в разбой и т.п.). Специалисты в области уголовного права предупреждают: 79% опрошенных экспертов считают шоплифтинг предвестником более тяжких преступлений.

Во-вторых, неизбежно угасание значимости российских традиционных духовно-нравственных ценностей. В соответствии с п. 7 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [13]. Необходимость пресечения фактов «деструктивной идеологии» для укрепления и сохранения традиционных ценностей указана в числе основных задач

для МВД РФ. Шоплифтинг утрачивает способность быть гуманным, справедливым, ориентированным на созидательный труд. Молодые люди должны осознавать приоритетность духовного над материальным. Важно не допустить в молодежном сознании замену традиционных ценностей деструктивными.

В-третьих, теряют актуальность методы воздействия на молодежь. Приверженность к противоправному поведению оказывает негативное воздействие на несформированное мировоззрение, следствием чего является укрепление чувства безнаказанности, вседозволенности, отсутствия авторитета взрослых. сопряжение жизни с криминальным миром.

Стоит отметить, что каждый шоплифтер при пресечении попытки кражи ведет себя по-разному. В.Ю. Мельников отмечает, что человек – это лицо, являющееся носителем каких-либо внутренних характерных качеств, свойств, принадлежащих к какой-либо среде, обществу [14, С. 111]. Следовательно, сотрудники магазинов розничной торговли должны учитывать особенности личности правонарушителя при взаимодействии с ним. На практике возникает ряд определенных проблем. Во-первых, лицо может проявлять агрессию, нанести вред здоровью сотрудника и имуществу магазина. Во-вторых, сотрудник обязан осознать то, что ему нельзя допустить потерю товара и при этом не нарушить права правонарушителя, что крайне сложно. С учетом непростой ситуации, на грани стрессовой, с точки зрения психологии, контролировать свои действия сотрудникам торговых залов, крайне сложно.

В целях противодействия дальнейшего распространения феномена шоплифтинга в молодежной среде можно предложить к исполнению следующие мероприятия:

1. меры профилактического и предупредительного характера, которые ориентированы на повышение информационной культуры в сочетании с элементами правового и патриотического воспитания, т.е. по формированию позитивного отношения к закону, дающие установки на законопослушное, достойное, добросовестное поведение через призыв любви к своей семье и стране. К сожалению не каждый гражданин, особенно несовершеннолетний, отдает отчет в том, то совершая данные противоправные действия, он наносит урон не только своей репутации, но и своим близким;

2. меры по внедрению в образовательный процесс новых методик повышения качества обучения информационной грамотности. О существовании шоплифтинга молодежь получает информацию в основном из сети Интернет. Именно поэтому нужно учиться грамотно работать с информацией, отличать деструктивный контент от положительного. Важно повышать знания молодежи о последствиях противоправных действий. На просторах Интернета подрастающее поколение должно видеть, что существуют электронные системы по распознаванию лиц правонарушителя, автоматически вносящего его в базу данных «контроль за шоплифтерами», тайная охрана и иные способы защиты, которые не позволят перехитрить и ответственность неминуема;

3. немаловажно совершенствовать подготовку преподавателей учебных заведений, т.к. правовая и информационно-культурная компетенция, осведомленность о последних изменениях в цифровом пространстве и владение знаниями о личностных особенностях современной молодежи позволит преподавателю успешно справляться с формированием необходимой базы знаний молодежи. Педагоги обязаны разъяснять пагубность приобщения к деструктивным и противоправным проявлениям;

4. крайне важно проводить мероприятия просветительского характера среди сотрудников магазинов розничной торговли. Многие осведомлены о существовании феномена шоплифтинга, но далеко не все знают, как именно ему противодействовать. Стоит отметить, что ответственность за сохранность товара в торговом зале лежит не только на сотрудниках руководящих должностей, но и на продавцах, так как это является обязанностью, предусмотренной трудовым договором. Предлагается разработка инструкции, в которой будут изложены конкретные действия сотрудника, позволяющие пресечь попытки хищения товара;

5. важно принимать меры по осуществлению психологической и физической подготовки сотрудников магазинов. Во-первых, в большинстве магазинов отсутствуют охранники. Такая должность часто предусмотрена только в магазинах крупного формата (гипермаркеты). Во-вторых, как правило, сотрудниками магазинов являются лица женского пола, а шоплифтинг наибольшую распространенность получает среди лиц мужского пола. Следовательно, необходимо продумывать торговые точки механизм защиты своего товара с учетом вышесказанного. Например, по возможности, включить в профессиональную подготовку сотрудников уроки по тактическим приемам самообороны, которые помогут минимизировать вред здоровью при задержании шоплифтеров;

6. законодательство все еще в этом направлении «мягкое», необходимо ужесточать. Задержанные и переданные правоохранителям правонарушители, возвращаются и совершают хищения вновь, ввиду небольшой санкции. Необходимо нормативно-правовую базу пересмотреть на предмет соответствия сегодняшним реалиям;

7. сайты и иные площадки, где обсуждается шоплифтинг необходимо блокировать. Роскомнадзор постоянно занимается этой работой, но к сожалению данное противоправное направление растет, поэтому меры по пресечению необходимо усиливать.

Информация в истории современного общества имеет особое значение так как влияет на правосознание граждан, особенно на прогрессивную категорию – молодежь.

Рассмотрев проблему влияния информации на формирование правосознания, могу с полной уверенностью сказать, что она оказывает мощное влияние на поведение и мироощущение человека. Нет сомнений в том, что нельзя построить правовое государство, если не будет заинтересованности в работе с молодым поколением, которому необходимо прививать «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение» [13]. Вот почему изучение этой темы меня заинтересовало. Уровень правовой культуры общества (молодежи в частности) и меры по его повышению, это актуально в современном российском обществе.

На мой взгляд, к мерам повышения уровня правовой культуры молодежи можно отнести следующие:

- формировать, пропагандировать активную жизненную позицию, позволять самостоятельно принимать решения, поддерживая инициативы;
- реализация целевых программ по занятости молодежи. Привлечение к военно-патриотическому движению, волонтерскому движению, спорту, участию в студенческих отрядах, культурно-массовых мероприятиях;
- обратить особое внимание на патриотическое воспитание нашей страны;
- разъяснять правовые знания, предписания. Плановая работа должна вестись и со стороны преподавателей и родителей личным примером самоотдачи делу показывать образцовое поведение;
- профилактические мероприятия по снижению правонарушений несовершеннолетних.

Литература

1. Пасько Е.А. Влияние средств массовой информации на правосознание молодежи // II Міжнародна науково-практична інтернет-конференція «Сучасні тенденції та концептуальні шляхи розвитку освіти і педагогіки». Київ. 2021. Стр. 102–108 // <https://opencitlab.org/ru/?p=3051> (дата обращения: 19.12.2022) (дата обращения: 20.01.2026).
2. Трофимова В.А. Информационное противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе. 2025. С. 520–526.
3. Швецова М, А Морина К.Р. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // Интерактивная наука. 2021. С. 33–42.
4. Кудак М.А., Михаленко Т.Н., Кораблева Е.Э., Челнокова О.С. Выявление и профилактика деструктивного рискованного поведения подростков. Череповец, 2022. С. 144.
5. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб: Питер, 2016. – 352 с.
6. Мосина, О.А. Подростковый шоплифтинг: опыт социально-педагогического исследования / О.А. Мосина, М.И. Матайс // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 1. С. 41–48. – DOI 10.15293/1813–4718.2301.04. – EDN XJYYAR (дата обращения: 20.12.2025).
7. Кутякин С.А. Криминологическая характеристика и современное содержание деятельности магазинных воров (шоплифтеров) // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33 (1–4). № 3. С. 419–429. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4). 3.419–429.
8. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст).
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 7.27.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 158 УК РФ.
11. Лебедь А.Л. Магазинные кражи в России: направления исследования // Закон и жизнь. 2017. Т. 1, № 2. С. 38–46; Лебедь А.Л. Шо-

плифтинг в России: постановка проблемы // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2017. № 3 (37). С. 45–50.

12. В России составили портрет типичного магазинного вора // РБК: официальный сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/society/21/01/2019/5c41ccd89a79474b000fa0b4> (дата обращения: 29.10.2025).

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2026).

14. Мельников В.Ю. Личность в уголовном судопроизводстве / В.Ю. Мельников // Актуальные проблемы права. 2013. № 2. С. 109–120.

THE IMPACT OF INFORMATION ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL AWARENESS IN YOUNG PEOPLE (TRANSFORMATION OF LEGAL AWARENESS USING SHOPLIFTING AS AN EXAMPLE)

Pasko E.A.

Rostov Institute (Branch) All-Russian State Law University

The problem of legally enshrining moral categories and traditional values. Young people develop their own priorities. The current situation has shown that the traditional, moral education of the younger generation is extremely important. The higher the level of legal culture, the higher their legal awareness and the greater the protection a person receives from the social influence of information sources that carry mass media. Improving legal culture plays a major role in overcoming the distortion of values. For Russia to survive, to remain an independent, free, and strong state, the younger generation must be imbued with the idea of patriotism and faith in the future. This article examines the phenomenon of shoplifting among young people. The author traces the increasing prevalence of shoplifting among young people, which may be due to the popularity of a consumerist lifestyle, the openness of the information space, and the low level of legal awareness among young people. Particular attention is paid to analyzing the underlying causes of shoplifters' illegal actions, as well as examining the legal and psychological consequences of engaging in this illegal activity. An attempt is made to create a profile of the typical modern shoplifter. Based on the research findings, measures are proposed to combat shoplifting, including improving outreach to young people and introducing changes to the operations of retail organizations, specifically, supplementing the professional training of store employees and developing relevant instructions. This interdisciplinary work is written at the intersection of criminal law, administrative law, psychology, and pedagogy.

Keywords: Shoplifting, legal awareness, legal culture, deviant behavior, information, youth consciousness, shoplifter, transformation, media.

References

1. Pas'ko E.A. The Influence of Mass Media on the Legal Awareness of Young People // II International Scientific and Practical Internet Conference "Current Trends and Conceptual Paths in the Development of Education and Pedagogy". Kyiv. 2021. Pp. 102–108 // <https://opensciab.org/ru/?p=3051> (accessed: 19.12.2022) (accessed: 20.01.2026).
2. Trofimova V.A. Information Counteraction to Extremism and Terrorism Among Young People // Actual Problems of Counteracting Extremism and Terrorism at the Current Stage. 2025. Pp. 520–526.
3. Shvetsova M.A., Morina K.R. Methods of Counteracting Destructive Youth Subcultures // Interactive Science. 2021. Pp. 33–42.
4. Kudaka M.A., Mikhaleiko T.N., Korableva E.E., Chelnokova O.S. Identification and Prevention of Destructive Risky Behavior in Adolescents. Cherepovets, 2022. P. 144.
5. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V. Yu. Deviant Behavior of the Individual and the Group. St. Petersburg: Piter, 2016. – 352 p.
6. Mosina, O.A. Teenage Shoplifting: An Experience of Social and Pedagogical Research / O.A. Mosina, M.I. Matays // Siberian Pedagogical Journal. 2023. No. 1. Pp. 41–48. – DOI 10.15293/1813–4718.2301.04. – EDN XJYYAR (date of access: 20.12.2025).
7. Kutyakin S.A. Criminological characteristics and modern content of the activities of shoplifters (shoplifters) // Man: Crime and Punishment. 2025. Vol. 33 (1–4). No. 3. Pp. 419–429. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4). 3.419–429.
8. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. December 25, 1993, No. 237 (original text).
9. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 7.27.
10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on September 25, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. June 17, 1996. No. 25. Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.
11. Lebed, A.L. Shoplifting in Russia: Research Areas // Law and Life. 2017. Vol. 1, No. 2. Pp. 38–46; Lebed, A.L. Shoplifting in Russia: Statement of the Problem // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. No. 3 (37). Pp. 45–50.
12. A Portrait of a Typical Shoplifter Compiled in Russia // RBC: Official Website. – URL: <https://www.rbc.ru/society/21/01/2019/5c41ccd89a79474b000fa0b4> (Accessed: 10/29/2025).
13. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // ConsultantPlus Legal Reference System (accessed on January 20, 2026).
14. Melnikov, V. Yu. Personality in Criminal Proceedings / V. Yu. Melnikov // Current Issues of Law. 2013. No. 2. pp. 109–120.

Историко-правовая оценка процессов реституции земель в Восточной Европе после падения социалистических режимов (на примере Чешской Республики)

Романова Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, кафедры гражданского и трудового права, СЗИУ РАНХиГС

E-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Цель статьи – дать историко-правовую оценку процессам, происходившим в Восточной Европе после падения социалистических режимов на примере Чешской Республики и проанализировать реституцию не как правовой инструмент, который устраняет последствия недействительной сделки, а как законодательство, направленное на возвращение экспроприированного имущества (недвижимости, земли) прежним собственникам или их наследникам. Понятие реституции (*actus iustitiae commutativae*) – широкое, всеобъемлющее понятие, затрагивающее значительную часть национального богатства чешской экономики. Однако его специфическая реализация основана на том, что посредством реституции устраняется «историко-правовая несправедливость» в сфере прав собственности. Практика показала, что даже после многих лет применения законов о реституции поток судебных исков о реституции, не прекратился, так как нарушение правового принципа стабильности в праве привело к появлению других споров, дестабилизирующих правовую среду. Отдельные споры, дошедшие до Страсбургского суда в связи с реституцией, могут быть не только отголоском фактически незавершенного и неразрешенного процесса, но, наоборот, предвестником гораздо более серьезных правовых проблем.

Ключевые слова: история государства и права; история права зарубежных стран, земельная реформа Чехословакии, экспроприация земель, экспроприация дворянской собственности, реституция, возврат земель.

Введение

По окончании «революций 1989 года» в странах Восточной Европы на начальном этапе экономических реформ было необходимо упорядочить отношения собственности в целом и на землю в частности, одновременно с этим обеспечив приватизацию государственных земель в соответствии со специфическими условиями использования сельскохозяйственных и лесных угодий¹. Восстановление в правах бывших собственников экспроприированных земель и возвращение им земельных наделов остро встал в том числе и в Чешской Республике. Правовой механизм «возврата» экспроприированных земель должен был регулироваться отдельными нормативными актами, так как юридическая формула о реституции, применяемая к недействительной сделке в данном случае, не могла быть использована. В этой связи в Чешской Республике в 90-е годы двадцатого столетия «рождается» несколько таких актов и первыми были: Закон № 403/1990, Закон № 87/1991 и Закон № 229/1991 (далее – Закон о земле)².

Путь, выбранный чехословацким, а затем и чешским законодателем в области реституции экспроприированных земель, принес больше вопросов, чем решил их. Несмотря на то, что смысл и цель законов о реституции, задуманных законодателем, заключалась в исправлении «имущественных претензий», тем не менее нормативные акты о реституции предусматривали условия, при которых можно было бы требовать возврата экспроприированного имущества. Именно выбор условий «возврата» стал предметом споров и породил правовые проблемы, описанные в настоящей статье³.

Исследование

Целью реституции являлось урегулирование имущественных споров со стороны бывших владельцев экспроприированных земель за период трех земельных реформ. Принятый в 1990 году Закон о земле регулировал не только права собственности и пользования землей, но и права на хозяйственные, производственные помещения и постройки, находящиеся на этом земельном участке, используемые совместно с ней для сельскохозяйственного и лесного производства, а также для управления водными ресурсами. Закон о земле восстанавливал право землевладельцев распоряжаться ею в соответствии с основными правами, вытекающими из Конституции и Гражданского кодекса Чешской Республики, с учетом специфики землевладения и необходимости оптимального использования земли для всех целей: экономических, экологических и др. Закон о земле также был направлен на урегулирование отношений с первоначальными владельцами недвижимости, у которых она была отнята без компенсации в результате различных государственных программ в период с 1948 по 1989 год. Вариантов «возврата» было предусмотрено два: бывшие владельцы получают в собственность свои изъятые земли, включая здания и сооружения, или им будет предоставлена компенсация путем передачи в собственность других государственных земель. Закон о земле был дополнен положением о денежной компенсации за землю, здания, живой скот и иное имущество, поскольку одновременно с подготовкой законопроекта велась работа над проектами некоторых других законов, таких как «Закон о внесудебной реабилитации» и «Закон о передаче государственной собственности в собственность физических и юридических лиц», которые не предусматривают реституцию земли и другого сельскохозяйственного имущества. Причиной стала существенная специфика земельных отношений, которая состояла в том, что за землей и зданиями, которые не могли быть возвращены, полагалась денежная компенсация, которая предоставлялась первоначальным владельцам на условиях, аналогичных компенсациям, предоставляемым при внесудебной «реабилитации». Помимо земли, принадлежащей гражданам или юридическим лицам, необходимо было урегулировать вопросы управления землей, которая оставалась бы в государственной собственности после оконча-

¹ Adamová, K.: Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Přehled vybraných otázek. 1. vydání. Praha, C.H. Beck 2000, s. 119

² PEKÁŘEK, M., PRŮCHOVÁ, I.: Pozemkové právo. Část 6. Restituce pozemkového vlastnictví. Masarykova univerzita, Brno, 1996, s. 73

³ Vondruška, E.: Pozemková reforma, Slovník veřejného práva československého, svazek III., Brno 1934, s. 362–363.

ния реституции. Земля, принадлежащая государству, управлялась земельными фондами, создание которых являлось обязанностью органов государственной власти. Поэтому Закон о земле содержал положения, уполномочивающие государственный орган в рамках его компетенции принимать решения по вопросам прав собственности, регулирование которых, согласно статье 24 Конституции ЧР № 100/1990, находилось в компетенции федерации.

Процедура восстановления прав собственности на сельскохозяйственные угодья, сфера действия которой определена в пункте 1 статьи 1 Закона № 229/1991 с поправками, внесенными Законом № 93/1992, являлась административной процедурой, не смотря на то, что в Законе это нигде прямо не указано, это можно заключить из того факта, что Земельное управление является государственным административным органом и форма утверждения «соглашения о передаче земель» прямо указана в Законе как решение, вынесенное в рамках административного производств, что в свою очередь не вызывает сомнений, что отказ в утверждении такого соглашения Земельным управлением также будет иметь форму административного решения.

Однако на практике земельные органы столкнулись с гораздо более серьезной проблемой, чем проблема процедуры реституции. Эта проблема заключается в определении момента ее начала и она была «создана» самим законодателем еще на этапе принятия нормативного акта, вводя в пункте 1 статьи 9 Закона о земле правопреемство лица, имеющего право на реституцию, и одновременно обязав обязанное лицо вернуть недвижимое имущество. После того как закон установил для такого лица материальное требование – требование о возврате права собственности, – он одновременно возложил на него обязанность совершить два правовых акта, направленных на его исполнение, однако правовой характер обоих этих актов различен.

В этой связи нельзя игнорировать еще одну проблему, которая негативно повлияла на продолжительность процедуры реституции. Эта проблема заключалась в определении лица, несущего обязательства. Согласно статье 5 Закона о земле, лицами, несущими обязательства, как правило, являются государство и юридические лица, владевшие недвижимым имуществом, к которому относится процедура реституции, на дату вступления в силу Закона о земле. Проблемы с толкованием термина «владение», используемого в нормативных актах, были настолько важны, что «чешский законодатель» счел необходимым дать толкование термину непосредственно в законе: в Законе № 93/1992, который вносит изменения и дополнения в Закон № 229/1991 о регулировании отношений собственности на землю и другое сельскохозяйственное имущество, согласно этому «юридическому» толкованию, лицом, владеющим недвижимым имуществом на дату вступления в силу указанного закона, является юридическое лицо, имевшее право собственности на недвижимое имущество на дату вступления в силу закона, а в отношении недвижимого имущества, которое в то время принадлежало Федеративной Республике Чехия и Словакия или одной из национальных республик, – лицо, имевшее право управления или право постоянного пользования таким недвижимым имуществом. Учитывая, что в прошлом многие сделки с имуществом совершались без соблюдения закона или просто потому, что юридические документы (договоры и решения), устанавливающие эти отношения пользования, не сохранились до наших дней, их нельзя использовать для доказательства того, возникли ли эти отношения как юридические и могли ли они существовать на дату вступления закона в силу, особенно в случае права управления и права постоянного пользования. В противном случае, даже если юридическое лицо является долгосрочным фактическим пользователем заявленной недвижимости, оно не может выступать в качестве обязанного лица в процессе реституции. Если такая ситуация возникнет в конкретном процессе реституции, совершенно очевидно, что уполномоченному лицу придется решить вопрос о том, кого еще назначить обязанным лицом. Бесспорно, что эти сложности не ускорят процесс реституции.

Следующей проблемой остается вопрос доказательств: как доказать «право» без документальных подтверждений и как действовать в таких случаях, когда непосредственные собственники уже умерли, а наследниками являются их дети или внуки. В случае наличия нескольких лиц, имеющих право на владение имуществом (братьев и сестер), процедура составления соглашения о передаче имущества может быть проблематичной с точки зрения того, будет ли это действие касаться всех лиц или только одного из них. Не исключено, что одно из лиц, имеющих право на владение имуществом (статья 21 Закона о земле), запросит передачу имущества, и ему будет передано все имущество целиком.

Существенной проблемой также может считаться решение ситуации, когда имеет место так называемое «совпадение требований», которое рассматривается, например, в случае приобретения имущества

чехословацким государством в соответствии с Законом № 142/1947 и Законом № 46/1948, если в рамках пересмотра первой земельной реформы и в рамках второй земельной реформы имела место процедура выделения земель, и имущество было передано гражданину посредством так называемого акта о выделении земель в собственность, а затем это имущество было передано, например, в связи с ликвидацией бывшего JZD путем дарения от владельцев участков чехословацкому государству. В таком случае претензии первоначального владельца противоречат претензиям последующего владельца – получателя земельного участка. Здесь, вероятно, потребуются, прежде чем принимать решение о возврате имущества, заключить соглашение между лицом, чье имущество было передано чехословацкому государству в одностороннем порядке, и лицом, которое приобрело такое имущество в рамках выделения и впоследствии утратило его в результате дарения. В таком случае первоочередное право на реституцию имеет лицо, утратившее имущество в результате одностороннего акта государства (статья 12 Закона о земле), и, если соглашение об урегулировании спора не будет достигнуто, право на замещающий земельный участок имеет другое лицо, которое, вероятно, будет выделено из земельного фонда. Однако будет очень сложно разрешить такие случаи, когда документы на выделение участка не были зарегистрированы в реестре недвижимости в геодезических центрах, или когда документы на выделение участка отсутствуют вовсе. Не исключено, что отказ от выделенного участка фактически является даром государству, сделанным в трудные времена, когда выделенная земля обычно находилась в ведении сельскохозяйственного предприятия, и обязанность собственника выплатить стоимость участка по этой причине приостанавливалась. Особая проблема заключается в доказательстве того, что договор дарения между гражданином и государством был заключен в условиях финансового кризиса. В этом случае доказательство предоставляет первоначальный владелец имущества, прежде всего, его/ее письменное заявление под присягой о том, что этот факт имел место и при каких обстоятельствах. Для других лиц, имеющих право на получение дара, если даритель уже умер, финансовый кризис обычно доказывается аналогичным письменным заявлением под присягой, подтвержденным как минимум двумя свидетелями. Поскольку процедура передачи в дар государству была особенно сложной в случаях ликвидации бывших объединенных сельскохозяйственных кооперативов путем передачи в государственные владения или другие государственные предприятия, которые во многих случаях создавались только из этих кооперативов (особенно в 1960-х годах), было бы существенным упрощением довольно обширной государственной программы занять позицию, согласно которой доноры уже оказались в затруднительном положении уже с принятием решения о ликвидации бывшего объединенного сельскохозяйственного кооператива и преобразовании его в государственное предприятие.

Несомненно, более сложная ситуация возникает, когда административный орган рассматривает документы для принятия решения по вопросам, касающимся недвижимого имущества, переданного государству в соответствии с Законом № 142/1947 и Законом № 46/1948. В этих случаях правообладатель может потребовать реституции при условии, что имущество, затронутое пересмотром первой земельной реформы, было зарегистрировано в земельном реестре как государственное имущество согласно соответствующему документу Министерства сельского хозяйства в соответствующий период, то есть после 25 февраля 1948 года, или, по крайней мере, в нем было отмечено намерение государства принять это имущество. В некоторых случаях подобная запись в соответствующем земельном реестре вносилась с указанием на то, что имущество подлежало пересмотру в соответствии с Законом № 142/1947, хотя в более поздние периоды масштабы «экспроприации» корректировались, и владельцам больших участков обычно оставались сельскохозяйственные земли площадью до 50 гектаров. Как известно, в рамках этой процедуры обычно составлялись так называемые «графические планы распределения», на основе которых разрабатывались «документы о распределении», на основании которых имущество впоследствии распределялось между физическими и юридическими лицами. Сельскохозяйственные земли в рамках распределения получали лица, которые обычно не владели землей, но распределение также направлялось в формирующиеся чехословацкие государственные владения, а лесные угодья затем обычно передавались в распоряжение государственных лесов, и процедура реституции в таких случаях еще более усложняется.

Не менее сложная ситуация возникает, когда имущество, полученное в результате земельной реформы, было выделено физическому лицу, это выделение не было зарегистрировано в земельном реестре, и позже, особенно в 1960-х годах, проводилась процедура урегулирования такого имущества с выбывающим получателем, в рамках кото-

рой в финансовом отделе бывшей ОНВ (Национальной сельскохозяйственной организации) обычно составлялась запись о передаче выделенного участка и урегулировании арендной платы за такое «арендованное» имущество за период, когда получатель обрабатывал землю или имущество в частном порядке, а на момент передачи участка имущество находилось в управлении сельскохозяйственного государства или кооперативной организации.

Не менее проблематичным представляется доказательство причинения вреда явно невыгодными условиями экспроприации, что является доминирующей особенностью положения статьи 6(1)(k) Закона о земле. Если в качестве примера взять договор купли-продажи, заключенный между гражданином и бывшим национальным комитетом, предметом которого был участок земли в городской черте муниципалитета, который, согласно плану зонирования, должен был использоваться под застройку, закрытый под угрозой экспроприации, то причинение вреда со стороны продавца можно с достаточной уверенностью резюмировать. Однако доказать существование «крайне невыгодных условий», вероятно, будет очень сложно, если продавец видит их только в покупной цене, соответствующей ценовым нормам, действовавшим на момент заключения договора купли-продажи, которую продавец может справедливо считать неоправданно низкой по отношению к текущим ценам на земельные участки под застройку.

Постоянная борьба за право собственности на сельскохозяйственные земли всегда достигает кульминации после крупных исторических событий. Рамки статьи не позволяют сделать отсылки и провести аналогии с более ранними историко-правовыми коллизиями конфискации, национализации, экспроприации земель. Зависимость земельных реформ от характера революционных событий очевидна при их сравнении. В период становления независимой Чехословакии преобладало стремление к захвату значительной части дворянского имущества, как чешского, так и иностранного. Важную, а можно даже сказать, определяющую роль сыграла аграрная партия, которая, прежде всего через Антонина Швехлу, председателя партии, сумела отстоять принципы, принятые при самом создании чехословацкого государства, и не поддалась революционным настроениям, вызванным не только Великой Октябрьской социалистической революцией в России, но и, например, революционными потрясениями в Венгрии и т.д. Первая земельная реформа носила преимущественно национальный характер – новообразованное государство пользовалось поддержкой всех политических сил, противостоявших дворянству, как чешскому, так и иностранному¹. Историки и юристы оценили закон об аннексии от 16 апреля 1919 года как прогрессивную общеевропейскую тенденцию². В интересах обедневшего во время войны населения требовалось удовлетворить потребность в земле, и закон об аннексии обещал быстрое решение этой проблемы. Однако после 1920 года уже принятые правовые нормы постепенно ослабили революционный характер закона об аннексии, а его реализация сопровождалась рядом компромиссов по отношению к чешскому дворянству – имущество было освобождено от аннексии на том основании, что оно было необходимо для безопасности крупных имений, замков и т.д. Первая земельная реформа, которая не везде была последовательно завершена, пришла в упадок во время Второй мировой войны, когда произошли масштабные аннексии целых территорий и выселение чешского населения.

Вторая мировая война вновь разожгла национально-освободительную борьбу, кульминацией которой стало окончание Второй мировой войны в 1945 году. Интересно, что борьба за землю после окончания Второй мировой войны проходила в три последовательных этапа. Президентские указы означали, что подавляющее большинство немцев, венгров и коллаборационистов были лишены своей собственности, включая сельскохозяйственные угодья, путем конфискации. В 1947 году вступила в силу полная редакция первой земель-

ной реформы, а после февраля 1948 года, 13 марта 1948 года, был принят закон о новой земельной реформе. Закон о новой земельной реформе был принят без завершения пересмотра первого земельного регламента³.

Немаловажным историко-правовым аспектом земельных реформ является способ их проведения. Первая земельная реформа проводилась и обеспечивалась государственными органами, вторая – крестьянскими комиссиями⁴. Также наблюдалось различие в результатах двух реформ; первая земельная реформа означала, что крупные поместья, так называемые остаточные поместья, стали решающими для сельскохозяйственного производства, вторая земельная реформа тяготела к мелкомасштабному сельскохозяйственному производству, которое, однако, вскоре оказалось неэффективным в обеспечении продовольственной безопасности, а с 1949 года, согласно Закону № 69/1949, начали создаваться сельскохозяйственные кооперативы так называемого I типа на основе объединенных сельскохозяйственных кооперативов. Первая земельная реформа проводилась в течение относительно длительного времени, были изданы, по сути, нормативные акты, и в основном литература времен так называемой Первой Республики, с одной стороны, восхваляла первую земельную реформу, а с другой – ряд авторов критиковали ее. Фактом, остается то, что правовое регулирование второй земельной реформы было изменено политикой создания сельскохозяйственных кооперативов. Ситуация была заменена после 1989 года Законом о земле, который отменил бесплатные отношения пользования и позволил землевладельцам свободно распоряжаться своей землей. Помимо этого регулирования – урегулирования прав собственности, Закон о земле сосредоточился на возобновлении прав собственности на землю в случаях, предусмотренных законом, а именно, правового регулирования права собственности на землю возобновлялись в пользу уполномоченных лиц. Стоит отметить структуру возобновления прав собственности на землю, которая была возложена на районные национальные комитеты, а после их упразднения эта полномочия была передана земельным управлениям, входящим в состав Министерства сельского хозяйства. Безусловно, как отмечалось выше была придумана интересная «юридическая конструкция» – вопросы прав собственности решались и решаются в этой области административными органами, а не судом, как можно было бы предположить с точки зрения конституционного порядка.

Тема, так называемых «земельных реституций» во все времена остается актуальной, так как это проблема не сугубо правовая, но историко-правовая. Обнаруживается, что вопросы реституции начавшиеся на переломе эпох окончательно не решены. В частности, правопреемники крупных сельскохозяйственных имений до сих пор различными способами пытаются восстановить права собственности на землю, где в качестве примера можно привести неудачную попытку реституции имения Конопиште (имение вошло в историю Европы XX века как резиденция Франца Фердинанда д'Эсте, чье убийство в Сараево в 1914 г. стало сигналом к первой мировой войне), которое было передано государству в соответствии с Законом № 354/1921. Касательно потомков Франца Фердинанда д'Эсте, последнего владельца имения в Конопиште (племянника императора Франца Иосифа и сына Карла Людовика), у него было в общей сложности трое детей: дочь Жофия, родившаяся в 1921 году, сын Максимилиан, родившийся в 1902 году, и Эрнст Арношт, родившийся в 1906 году в Конопиште. Пересмотр дела (дело № 9186/1922 от 1 июля 1922 года) в настоящее время подтвердил ранее принятую позицию по данному делу: Министерство внутренних дел и Верховный административный суд пришли к выводу, что, бесспорно, оба заявителя г-н Макс Хозенберг и г-н Арношт Хозенберг, наследники по прямой линии убитого эрцгерцога Франца Фердинанда Эсте, члена бывшей австро-венгерской королевской семьи и что, следовательно, они относятся к лицам, которых вышеупомянутый закон объявляет членами австро-венгерской королевской семьи, что в данном случае делает невозможным применить действующие правила реституции к вышеупомянутым лицам, так как имущество, перешедшее в собственность государства до февраля 1948 года, не может быть реституцировано.

Верховный суд Чешской Республики в Брно принял преюдициальное решение по делу Вальдероде (имущество было конфисковано у Карла де Фюр-Вальдероде после 1945 года, так как он считался немецким гражданином и не доказал свою лояльность Чехосло-

¹ MADAJCZYK, C.: Buržoazjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918–1939, Warszawa 1956; LANDAU, Z., TOMASZEWSKI, J.: Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939, 5. wyd. Warszawa 1986, s. 92–98, 124–129; v Německu: KREJČÍ, D.: Poválečná reforma pozemková v Německu a u nás. Sborník Právnické fakulty Masarykovy univerzity v Brně III/1928; v Maďarsku SEBESS, D.: Die Agrarreform im Ungarn, s. 1., 1920. GUNST, P.: Reforma rolna na Węgrzech w 1920. Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, Tom XXXII, 1971, s. 69–86, bibliografie Ibid.s. 71. S pozemkovou reformou v Německu take souvisí série článků vycházejících na pokračování v Pozemkové reformě – viz ZAT-LOUKAL, A.: Financování zemědělského osídlování v Německu. Pozn. ref. XVII/1936, XVI-II/1937 a XIX/1938, bibliografie k Německu je uvedena v Pozn. ref. XIX/1938, s. 138–139. Otázku sociálního vření na venkově viz v pracích CESAR, J.: Revoluční hnutí na venkově v Českých zemích v letech 1918–1922, Praha (Ústav čs. a svět. dějin) 1971. SOKOL, Č.: Vztah pozemkové reformy k procesu diferenciaci rolnictva. Politická ekonomie 1955, č. 4.

² OTÁHAL, M.: Zápas o pozemkovou reformu v ČSR. Praha 1963. LACINA, V.: Boj o uzákonění reformy v letech 1918–1919. Sborník k dějinám 19. a 20. století, 5, 1978, s. 123–144, týž: Představy o řešení agrární otázky v Československu, Čs. časopis hist. (ČSČH) XXV/1977, s. 661–681.

³ Dekret č. 12/1945 Sb. byl změněn vládním nařízením č. 116/1949 Sb., příloha A (položky 297 a 298) a příloha C (položky 231 a 233), zákonem č. 98/1950 Sb. a vládním nařízením č. 122/1951 Sb., příloha A (položky 21 a 22) a D (položka 12) – viz Kindl, M.: K otázce přechodu vlastnictví konfiskovaného majetku. Právní rozhledy č. 3/1994.

⁴ PAVEL, A.: Pozemková reforma československá. Zvl. otisk z dodatku Ottova slovníku naučného, Praha 1937, týž: Československá pozemková reforma. Pozemková reforma, roč. XIX, 1938, s. 33–39.

вацкой Республике, что было необходимым условием для возврата имущества, конфискованного по декретам Бенеша), постановлением № 28 4419/2007–298 от 12 июня 2008 года, присудив наследнице лесной участок площадью 2500 м², в остальной части иска было отказано и все попытки вернуть обширные земельные владения в Северной Чехии (включая замок Груба-Скала) завершились неудачей, так как суды признали законность послевоенной конфискации¹.

Вывод

С момента образования независимой Чехословакии в 1918 году государство, откликаясь на политическую и идеологическую повестку, вынуждено постоянно вмешиваться и законодательно корректировать права собственности на недвижимость в целом и на землю в частности, поэтому не приходится говорить о долгосрочной преемственности правовой ситуации (традиции). Это касается, в частности двух земельных реформ как следствия двух революционных преобразований общественных отношений, а именно: после 1918 года – первой земельной реформы и после 1948 года – так называемой второй земельной реформы. Что касается первой земельной реформы, то можем выделить наиболее важных правовых норм: Законе № 32/1918 и Законе № 215/1919 о конфискации крупных земельных участков (закон о конфискации), Законе № 329/1920, так называемом законе о замещении, и Законе № 81/1920, так называемом законе о распределении земель. Закон о конфискации означал, что сельскохозяйственная собственность площадью 150 гектаров пахотной земли или 250 гектаров общей площади земли конфисковывалась по закону, то есть первоначальный владелец больше не мог ею распоряжаться². Затем государство, основываясь на Законе о распределении земель, скорректировало процедуру распределения сельскохозяйственных земель и лесов в пользу так называемых надельщиков, которыми являлись, в первую очередь, физические лица или, например, различные объединения, кооперативы и т.д. В этом контексте необходимо отметить, что первая земельная реформа сказалась на процессах реституции для бывших владельцев гораздо «больнее», так как первоначальные владельцы крупных сельскохозяйственных угодий получили компенсацию по ценам до Первой мировой войны, то есть относительно небольшую компенсацию, но тем не менее это была компенсация, что в дальнейшем лишило их право на реституцию.

Именно из-за сложности возврата собственности, юридических коллизий, смены владельцев, отсутствия доказательств (оригиналов документов, подтверждающих право собственности), задержек процесса поиска наследников, достаточно высокого размера компенсации, вопросы реституции в целом и земель в частности остаются не разрешенным.

В силу того, что проблема реституции экспроприированных земель охватывает продолжительный исторический период после первой и второй мировых войнами, социалистической национализации, все это требует серьезного пересмотра итогов целой эпохи, что ведет к гражданско-правовым, административным, политическим спорам и в целом возникновению риска дестабилизации текущих прав собственности нынешних добросовестных владельцев, что в свою очередь требует соблюдения сложного баланса между исторической справедливостью и социальной стабильностью.

Литература

1. Adamová, K.: Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Přehled vybraných otázek. 1. vydání. Praha, C.H. Beck 2000. Anketa o pozemkové reformě organizovaná stranou národně-demokratickou. Praha 1922.
2. Cesar, J.: Revoluční hnutí na venkově v Českých zemích v letech 1918–1922, Praha (Ústav čs. a svět. dějin) 1971.
3. Gunst, P.: Reforma rolna na Wegrzech w 1920 r. Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, Tom XXXII, 1971, s. 69–86.
4. Krejčí, D.: Poválečná reforma pozemková v Německu a u nás. Sborník Právnické fakulty Masarykovy univerzity v Brně III/1928.
5. Landau, Z., Tomaszewski, J.: Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939, 5. wyd. Wawrszawa 1986.
6. Madajczyk, C.: Buržoazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918–1939, Warszawa 1956.
7. Otáhal, M.: Zápas o pozemkovou reformu v ČSR. Praha 1963.
8. Pavel, A.: Československá pozemková reforma. Pozemková reforma, roč. XIX, 1938, s. 33–39.

9. Pavel, A.: Pozemková reforma československá. Zvl. otisk z dodatků Ottova slovníku naučného, Praha 1937.

10. Pavlíček, V.: Cui Bono Restituce II. Centrum rozvoje a prosperity, Praha 2007.

11. Pavlíček, V.: Hrubé chyby v práci Nejvyššího soudu. Haló noviny, 25. 9. 2008.

12. Pekárek, M., Průchová, I.: Pozemkové právo. Brno, Masarykova univerzita 1996.

13. Sebest, D.: Die Agrarreform im Ungarn, s.l. 1920.

14. Sokol, Z.: Vztah pozemkové reformy k procesu diferenciacie rolnictva. Politická ekonomie 1955, č. 4.

15. Vondruška, E.: Sbírka zákonů a nařízení o pozemkové reformě, část V., Státní pozemkový úřad 1932.

16. Vondruška, E.: Sbírka zákonů a nařízení o pozemkové reformě, Praha 1920–1926, Sbírka 1. – 4.

17. Voženílek, J.: Pozemková reforma v Československé republice. Praha 1924.

18. Voženílek, J.: Předběžné výsledky pozemkové reformy. I.–II. Praha 1930–1932.

A HISTORICAL AND LEGAL ASSESSMENT OF LAND RESTITUTION PROCESSES IN EASTERN EUROPE AFTER THE FALL OF SOCIALIST REGIMES (BASED ON THE CASE OF THE CZECH REPUBLIC)

Romanova N.V.

Northwestern Management University, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The aim of the article is to give a historical and legal assessment of the processes that took place in Eastern Europe after the fall of the socialist regimes, using the example of the Czech Republic, and to analyse restitution not as a legal instrument which removes the consequences of an invalid transaction, but as legislation, aimed at the return of expropriated property (real estate, land) to former owners or their heirs. The concept of restitution (actus iustitiae commutativae) is a broad, comprehensive concept that affects a significant part of the national wealth of the Czech economy. However, its specific implementation is based on the fact that through restitution «historical and legal injustice» in the sphere of property rights is eliminated. Practice has shown that even after many years of application of restitution laws, the flow of restitution lawsuits has not stopped, as the violation of the legal principle of stability in law has led to the emergence of other disputes that destabilize the legal environment. The individual disputes that have reached the Strasbourg Court in relation to restitution may not only be a reflection of a de facto unfinished and unresolved process but, on the contrary, a harbinger of much more serious legal problems.

Keywords: History of the state and law; history of foreign countries' law, land reform in Czechoslovakia, expropriation of lands, expropriation of noble property, restitution, return of lands.

References

1. Adamová, K.: Dějiny veřejného práva ve střední Evropě. Přehled vybraných otázek. 1. vydání. Praha, C.H. Beck 2000. Anketa o pozemkové reformě organizovaná stranou národně-demokratickou. Praha 1922.
2. Cesar, J.: Revoluční hnutí na venkově v Českých zemích v letech 1918–1922, Praha (Ústav čs. a svět. dějin) 1971.
3. Gunst, P.: Reforma rolna na Wegrzech w 1920 r. Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, Tom XXXII, 1971, s. 69–86.
4. Krejčí, D.: Poválečná reforma pozemková v Německu a u nás. Sborník Právnické fakulty Masarykovy univerzity v Brně III/1928.
5. Landau, Z., Tomaszewski, J.: Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939, 5. wyd. Wawrszawa 1986.
6. Madajczyk, C.: Buržoazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce 1918–1939, Warszawa 1956.
7. Otáhal, M.: Zápas o pozemkovou reformu v ČSR. Praha 1963.
8. Pavel, A.: Československá pozemková reforma. Pozemková reforma, roč. XIX, 1938, s. 33–39.
9. Pavel, A.: Pozemková reforma československá. Zvl. otisk z dodatků Ottova slovníku naučného, Praha 1937.
10. Pavlíček, V.: Cui Bono Restituce II. Centrum rozvoje a prosperity, Praha 2007.
11. Pavlíček, V.: Hrubé chyby v práci Nejvyššího soudu. Haló noviny, 25. 9. 2008.
12. Pekárek, M., Průchová, I.: Pozemkové právo. Brno, Masarykova univerzita 1996.
13. Sebest, D.: Die Agrarreform im Ungarn, s.l. 1920.
14. Sokol, Z.: Vztah pozemkové reformy k procesu diferenciacie rolnictva. Politická ekonomie 1955, č. 4.
15. Vondruška, E.: Sbírka zákonů a nařízení o pozemkové reformě, část V., Státní pozemkový úřad 1932.
16. Vondruška, E.: Sbírka zákonů a nařízení o pozemkové reformě, Praha 1920–1926, Sbírka 1. – 4.
17. Voženílek, J.: Pozemková reforma v Československé republice. Praha 1924.
18. Voženílek, J.: Předběžné výsledky pozemkové reformy. I.–II. Praha 1930–1932.

¹ PAVLÍČEK, V.: Hrubé chyby v práci Nejvyššího soudu. Haló noviny, 25.9.2008.

² VOŽENÍLEK, J.: Předběžné výsledky pozemkové reformy. I.–II. Praha 1930–1932; týž: Pozemková reforma v Československé republice. Praha 1924.

Стрелков Максим Андреевич,

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Статья посвящена теоретико-правовому осмыслению понятия национального интереса в юридической науке и выявлению его доктринальных границ. Актуальность обусловлена ростом нормативной и доктринальной нагрузки на категорию национального интереса при обосновании публично-властных решений, выборе приоритетов правовой политики, построении правовых режимов защиты безопасности и устойчивого развития. Научная новизна связана с согласованием дефиниционных подходов из общей теории права, конституционно-правовой доктрины и исследований правового обеспечения национальных интересов, с фиксацией устойчивых признаков категории и типичных зон смешения с близкими понятиями. В работе описаны подходы к определению национальных интересов, изучены модели их правового выражения и институционального обеспечения, отдельное внимание уделено соотношению национального интереса с правами личности и охраняемыми законом ценностями. Цель исследования состоит в систематизации теоретических оснований понятия национального интереса для задач правовой науки. Для достижения цели применены анализ научных публикаций, сравнительно-правовой и формально-юридический приемы, элементы доктринального толкования. В заключении сформулированы выводы о дефиниции, структуре и юридических формах национального интереса. Материал адресован исследователям права, преподавателям, практикующим юристам.

Ключевые слова: национальный интерес, публичный интерес, государственный интерес, правовая политика, национальная безопасность, конституционные ценности, суверенитет, правовой режим, правовые средства, охраняемые законом ценности.

Введение

Юридическая наука использует категорию национального интереса как аргументативную опору при интерпретации публично-правовых институтов, при оценке допустимости ограничений прав, при описании приоритетов безопасности и стратегического развития. Сама категория находится на стыке теории права, конституционного права и исследований правового регулирования: в одних работах национальный интерес трактуется через потребности личности, общества и государства, в других – через государственный суверенитет и безопасность, в третьих – через институциональные формы правового выражения и режимы охраны. Одновременно сохраняется методологическая трудность: в научном обороте нередко смешиваются национальные, государственные и публичные интересы, а дефиниция переносится из стратегических документов в доктрину без достаточной теоретической фильтрации.

Цель исследования: систематизировать теоретические основания понятия национального интереса в правовой науке и описать устойчивые признаки категории, позволяющие отделять ее от смежных понятий.

Задачи исследования:

1. реконструировать доктринальные подходы к определению национального интереса и выделить повторяющиеся смысловые признаки;
2. описать юридические формы выражения и обеспечения национальных интересов через правовые режимы, правовые средства и механизмы правового регулирования;
3. раскрыть проблемные зоны соотношения национального интереса с правами человека и с системой охраняемых законом ценностей.

Научная новизна связана с построением согласованной дефиниционной схемы, объединяющей общетеоретическое определение, конституционно-ценностную интерпретацию и регулятивно-практическую плоскость (режимы и правовые инструменты), без подмены доктринального уровня нормативно-целевыми формулировками.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили современные русскоязычные публикации, раскрывающие национальный интерес через общетеоретические конструкции, конституционные ценности, правовые режимы и инструменты правового обеспечения; анализ проведен по работам Р.А. Алексеева [1], Д.Р. Алимовой [2], В.В. Антонченко [3], Э.Ю. Балаян [4], Б.Б. Бидовой [5], Б.Б. Бидовой, М.А. Исмаилова, М.А. Умаровой [6], С.И. Гирько [7], Е.В. Горбулевой [8], А.А. Долгиева [9], А.А. Портновой [10].

Методическая схема опиралась на анализ источников, сравнительно-правовой прием при сопоставлении доктринальных подходов, формально-юридическое исследование терминологии и связей правовых конструкций, системный разбор механизма правового обеспечения, элементы доктринального толкования для уточнения признаков категории.

Результаты

Общетеоретическая линия описывает национальный интерес как категорию, связывающую цели развития, потребности и ценностные ориентиры нации с правовыми средствами их оформления и охраны. В исследовании В.Ю. Турина представлено обобщение подходов к определению национальных интересов с выделением признаков и попыткой авторской дефиниции; акцент делается на многовариантности интерпретаций при наличии объединяющей смысловой направленности на перспективы развития нации и прогресс государства [8]. Подобная постановка позволяет рассматривать национальный интерес не как произвольный политический лозунг, а как концепт, требующий юридической операционализации: фиксации носителя интереса, его долговременности, нормативной артикуляции и механизма защиты.

В статье Б.Б. Бидовой национальный интерес введен в поле современной теории государства и права через идею отсутствия единой системной теории и через необходимость научного описания природы, содержания и механизма реализации национальных интересов [5]. В рамках такого подхода категория национального интереса получает статус «узла» общеправовых отношений: интересы порождают запрос на нормирование, нормы возвращаются в общественную жизнь в виде

целей и моделей поведения, а правоприменение превращает декларации в практику. Для теории права продуктивным выступает разграничение уровня доктрины и уровня программно-нормативных формулировок: доктрина отвечает за признаки и критерии, а стратегические тексты фиксируют приоритеты на конкретном историческом этапе.

На материале правового регулирования национальных интересов Д.Р. Алимова показывает, что исследование категории нередко проводится через призму теоретических рамок международных отношений и их юридической проекции; автор связывает правовую регламентацию национальных интересов с анализом норм и их взаимосвязей, с системным рассмотрением теоретических моделей и с попыткой моделирования сценариев правовых последствий [2]. Для юридической науки ценность подобной позиции состоит в переходе от общего словоупотребления к процедурной проверяемости: национальный интерес раскрывается через нормативные связи, институциональные компетенции и правовые эффекты.

Сопоставление указанных работ позволяет зафиксировать повторяющиеся признаки категории национального интереса, пригодные для доктринальной дефиниции:

- а) наличие коллективного носителя (нация в связке с обществом и государством),
- б) долговременная направленность,
- в) связь с ценностями и потребностями,
- г) нормативная артикуляция через публично-правовые решения,
- д) потребность в юридическом механизме охраны.

В таком виде национальный интерес приобретает теоретическую устойчивость и перестает растворяться в «любом публичном приоритете».

2. Соотношение национального интереса с правами личности: границы допустимости и юридическая логика

Отдельный блок результатов связан с проблемой согласования национального интереса и прав личности. В работе В.В. Антонченко национальные интересы рассматриваются в тесной связке с правом и с идеей ценностной охраны: правовые принципы и правовая безопасность человека описываются как условие устойчивой реализации национальных интересов, а ограничения прав связываются с законностью и допустимыми целями защиты безопасности и конституционного строя [3]. На доктринальном уровне здесь прослеживается значимый вывод: национальный интерес не подменяет права личности и не «отменяет» их, а требует юридической настройки баланса – через закон, пропорциональность, определенность запрета и предсказуемость правоприменения.

Данный тезис полезен для уточнения границ понятия. При включении прав человека внутрь содержания национального интереса возникает риск концептуального размывания: любая социальная ценность начинает называться национальным интересом. При жестком противопоставлении национального интереса правам личности формируется другое искажение – национальный интерес превращается в оправдание произвольного ограничения прав. На уровне теории права продуктивным выступает промежуточная конструкция: национальный интерес фиксирует публично-значимые цели и потребности нации, а права личности задают правовые пределы способов достижения таких целей. В подобной модели национальный интерес «встроен» в правовой порядок через критерии законности, соразмерности и институциональной подотчетности, что согласуется с логикой исследования правовых механизмов реализации интересов [5] и с подходом к анализу правовых норм и их взаимосвязи [2].

Переход от дефиниции к юридическим формам обеспечения раскрывается в исследованиях административно-правовых режимов и правовых средств противодействия угрозам. А.А. Портнова связывает обеспечение национальных интересов с реализацией административно-правовых режимов, проводит системный анализ литературы по проблематике, формулирует понятие национального интереса, выделяет угрозы и описывает способы обеспечения через режимные механизмы [10]. С точки зрения теории права, режим выступает способом «сборки» разрозненных норм в управляемую систему: через режим задаются запреты, разрешения, процедурные фильтры, компетенции органов власти и меры ответственности. Для национальных интересов режимная логика особенно показательная, поскольку переводит приоритеты в юридически оформленные условия допуска, контроля и реагирования.

В статье Б.Б. Бидовой, М.А. Исмаилова, М.А. Умаровой правовые средства противодействия угрозам национальным интересам рассматриваются как совокупность инструментов, ориентированных на поддержание безопасности, с упоминанием практики права, международных документов и законодательных предложений [6]. Для теоретического уровня существенна мысль о «инструментальном изме-

рении» категории: национальный интерес получает юридическую наблюдаемость через перечни мер, процедур, обязанностей и запретов, применяемых для защиты суверенитета, целостности и устойчивости. В рамках аналитического подхода из указанной работы вытекает критерий различения: там, где отсутствуют правовые средства и механизмы реализации, национальный интерес остается декларацией; там, где инструменты существуют, появляется возможность оценки правомерности и эффективности, равно как и контроля за соблюдением правовых пределов.

С.И. Гирько рассматривает современные проблемы обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов, фиксируя связь доктринальных представлений с практикой обеспечения национальной безопасности и управленческой деятельностью [7]. Для целей статьи данная позиция поддерживает тезис о многоуровневости: национальный интерес существует одновременно как научная категория, как ориентир правовой политики и как объект управленческого обеспечения. При анализе правовой материи это проявляется в необходимости согласовывать стратегические формулировки, отраслевые нормы, компетенции органов и практику применения.

В юридической доктрине национальный интерес нередко описывается через систему ценностей, охраняемых законом. А.А. Долгиев исследует трансформацию национальных интересов в системе ценностей уголовного закона, связывая приоритеты охраны с уголовной политикой и с историческими изменениями перечня защищаемых благ [9]. С теоретической позиции из такого материала следует принципиальная связка: национальный интерес способен выступать аргументом при расстановке приоритетов правовой охраны, но для корректного использования требуется нормативная определенность и доктринальное разграничение национального интереса и «интересов государственной власти». Иначе категория превращается в риторическую формулу для обоснования расширения запретов без достаточной юридической конкретики.

Дополнительную дефиниционную конкретизацию предлагает Е.В. Горбулева, анализируя понятие национальных интересов Российской Федерации, отмечая потребность в уточнении отличительных признаков и предлагая авторское определение в рамках обсуждения национальной безопасности [8]. Для настоящего исследования ценность заключается в попытке выделить признаки и системность категории, что помогает удерживать национальный интерес в пределах научного понятия, а не политического лозунга.

Обсуждение

Юридическая наука сталкивается с методологической развилкой: национальный интерес используется как универсальная формула, но научная пригодность категории зависит от точности признаков и от ясности юридических форм выражения. При широком толковании национальный интерес растворяется в совокупности любых публичных целей. При чрезмерно узком – сводится к безопасности и внешнеполитическим приоритетам, что обедняет категорию и разрывает ее связь с правами личности, социальной стабильностью и внутренним развитием. Более продуктивной представляется трехуровневая модель.

Первый уровень – доктринальный. Здесь фиксируются носитель интереса, временной горизонт, ценностная направленность, отличия от публичного и государственного интересов, критерии юридической проверяемости. На данном уровне национальный интерес логично трактовать как совокупность долговременных, общественно значимых потребностей и ценностей нации, опосредованных правом и выраженных через цели правовой политики. Такой подход снижает риск подмены понятия политической целесообразностью.

Второй уровень – конституционно-ценностный. Здесь обсуждается соотношение национального интереса и прав личности. Дискуссия показывает: правовая система теряет устойчивость, когда национальный интерес используется как оправдание произвольного ограничения прав, либо когда права трактуются вне публичных целей и вне критериев безопасности и устойчивого развития. В правовой плоскости баланс задают законность, определенность, соразмерность, процедурные гарантии и институциональная подотчетность. Национальный интерес в такой конструкции становится содержательным ориентиром, а права личности – пределами и стандартами юридической техники достижения публичных целей.

Третий уровень – регулятивно-инструментальный. Здесь национальный интерес «проверяется» через правовые режимы и правовые средства. Режимная логика показывает, что абстрактные приоритеты приобретают юридическую форму через компетенции, административные процедуры, запреты и разрешения, меры контроля, основания ответственности, процессуальные фильтры. Инструментальная логика раскрывает риск дисбаланса: расширение мер защиты без сопостави-

мой системы гарантий подрывает доверие к правопорядку и провоцирует правоприменительную неопределенность. Следовательно, научное описание национального интереса в правовой науке целесообразно связывать не с декларациями, а с архитектурой правовых средств, процедур и стандартов правомерности.

Закключение

1. Доктринальный анализ позволил реконструировать устойчивые признаки национального интереса в правовой науке: коллективный носитель, долговременная направленность, ценностно-потребностная природа, нормативная артикуляция, наличие юридического механизма охраны. На основе этих признаков категория отделяется от размытых публичных приоритетов и получает научную определенность.

2. Рассмотрение юридических форм обеспечения показало, что национальный интерес приобретает практическую определенность через административно-правовые режимы и через систему правовых средств противодействия угрозам. Научная работа с категорией требует связки с компетенциями, процедурами, контрольными мерами и стандартами правомерности.

3. Соотношение национального интереса с правами личности описывается через модель правовых пределов: национальный интерес задает содержательные ориентиры правовой политики, права личности фиксируют пределы способов достижения публичных целей через законность, определенность и соразмерность. Привязка категории к системе охраняемых законом ценностей усиливает требование к нормативной конкретике и снижает риск подмены национального интереса интересами государственной власти.

Литература

1. Алексеев, Р.А. Конституционно-правовое обеспечение национальной политики России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 94–99.
2. Алимova, Д.Р. Правовое регулирование национальных интересов в России: теория и практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.
3. Антонченко, В.В. Права человека и национальные интересы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 89–93.
4. Балаян, Э.Ю. Национальные конституционные ценности как гарантия защиты национальных интересов государства в условиях современной глобализационной трансформации // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 29–32. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-9-29-32.
5. Бидова, Б. Концепция национальных интересов в современной теории государства и права // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1 (103). DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.098.
6. Бидова, Б. Б., Исмаилов, М. А., Умарова, М.А. Правовые средства противодействия угрозам национальным интересам и национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 61–63. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_61.
7. Гирько, С.И. Современные проблемы обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 33–42. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-472-33-42.
8. Горбулева, Е.В. Понятие национальных интересов Российской Федерации // Теория и практика современной науки. 2025. № 4 (118). С. 73–76.

9. Долгиев, А.А. Трансформация национальных интересов в системе ценностей, охраняемых законом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 3 (47). С. 100–107.

10. Портнова, А.А. Теоретико-правовые основы реализации административно-правовых режимов в сфере обеспечения национальных интересов // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 3 (77). С. 53–68. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_53.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF NATIONAL INTEREST IN LEGAL SCIENCE

Streikov M.A.

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article explores the theoretical and legal understanding of the concept of national interest in legal science and identifies its doctrinal boundaries. Its relevance stems from the growing normative and doctrinal burden on the category of national interest in substantiating public decisions, choosing legal policy priorities, and constructing legal regimes for protecting security and sustainable development. The scientific novelty stems from harmonizing definitional approaches from general legal theory, constitutional legal doctrine, and research on the legal framework for national interests, thereby identifying the category's stable characteristics and typical areas of overlap with related concepts. The paper describes approaches to defining national interests, examines models of their legal expression and institutional support, and pays special attention to the relationship between national interest and individual rights and legally protected values. The purpose of the study is to systematize the theoretical foundations of the concept of national interest for legal purposes. To achieve this goal, an analysis of scientific publications, comparative legal approaches, and doctrinal interpretation was used. The conclusion formulates findings on the definition, structure, and legal forms of national interest. This material is intended for legal researchers, teachers, and practicing lawyers.

Keywords: national interest, public interest, state interest, legal policy, national security, constitutional values, sovereignty, legal regime, legal means, legally protected values.

References

1. Alekseev, R.A. Constitutional and Legal Support for Russia's National Policy // North Caucasian Legal Bulletin. 2022. No. 1. pp. 94–99.
2. Alimova, D.R. Legal Regulation of National Interests in Russia: Theory and Practice // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2024. Vol. 28, No. 4. pp. 730–742. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-4-730-742.
3. Antonchenko, V.V. Human Rights and National Interests // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). pp. 89–93.
4. Balayan, E. Yu. National Constitutional Values as a Guarantee of Protecting the National Interests of the State in the Context of Modern Globalization Transformation // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 9. pp. 29–32. DOI: 10.18572/1812-3767-2024-9-29-32.
5. Bidova, B. The Concept of National Interests in the Modern Theory of State and Law // International Research Journal. 2021. No. 1 (103). DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.098.
6. Bidova, B. B., Ismailov, M. A., Umarova, M.A. Legal Means of Countering Threats to National Interests and National Security // Agrarian and Land Law. 2025. No. 6. pp. 61–63. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_61.
7. Girkov, S.I. Current Problems of Ensuring National Interests and Strategic Priorities of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (72). pp. 33–42. DOI: 10.24412/2072-9391-2024-472-33-42.
8. Gorbuleva, E.V. The Concept of National Interests of the Russian Federation // Theory and Practice of Modern Science. 2025. No. 4 (118). pp. 73–76.
9. Dolgiev, A.A. Transformation of National Interests in the System of Values Protected by Law // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (47). pp. 100–107.
10. Portnova, A.A. Theoretical and legal foundations for the implementation of administrative-legal regimes in the sphere of ensuring national interests // Leningrad Law Journal. 2024. No. 3 (77). P. 53–68. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_53.

Ткаченко Василий Максимович,

аспирант, кафедра международного права, Всероссийская академия внешней торговли

E-mail: vasya.tkachenko.95@mail.ru

В статье исследуются теоретические и исторические аспекты формирования доктрины конституционной идентичности как механизма разрешения коллизий между международным и национальным правом. Анализируется эволюция международного права от универсализма к фрагментации, а также дуалистическая природа взаимодействия правовых систем. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу моделей защиты конституционной идентичности в Германии, Италии, Франции, Великобритании и США. Автор формулирует оригинальное определение конституционной идентичности, выделяет её существенные признаки и предлагает типологию существующих моделей.

Ключевые слова: конституционная идентичность, приоритет международного права, дуализм, суверенитет, сравнительное правоведение, Identitätskontrolle, kontrolllimiti, правовые коллизии.

Введение

Современное международное право характеризуется диалектическим противоречием между процессами универсализации, интеграции и встречным движением государств к защите своего суверенитета и конституционной самобытности. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, в глобальном правовом пространстве наблюдается явная тенденция «к осмыслению и отстаиванию своей конституционно-правовой идентичности», направленная на то, чтобы «предотвратить размывание национально-государственного суверенитета» [1]. Вступая в международные отношения и делегируя часть полномочий наднациональным органам, государства сталкиваются с проблемой определения пределов уступчивости своего правопорядка.

Ключевой проблемой становится не просто коллизия норм, а коллизия их толкования международными и национальными судебными органами. Именно в этой плоскости возникает потребность в концептуализации «конституционной идентичности» – правового инструмента, позволяющего государству защищать фундаментальные основы своего конституционного строя от интерпретаций, признаваемых несовместимыми с его суверенной волей.

Целью настоящей статьи является анализ теоретических предпосылок возникновения доктрины конституционной идентичности и выявление типологических особенностей её реализации в правопорядках ведущих зарубежных государств.

Теоретические предпосылки формирования доктрины конституционной идентичности

Проблема соотношения международного и внутригосударственного права исторически решалась в рамках двух основных подходов: монизма и дуализма. Дуалистическая теория, восходящая к трудам Г. Трипеля [2] и Л. Оппенгейма [3], исходит из признания международного и национального права двумя самостоятельными, хотя и взаимодействующими, правовыми системами. Как отмечает С.В. Черниченко, эти системы действуют «в различных плоскостях», и именно государство, обладающее суверенитетом, выступает конечным «коллизийным центром», устанавливающим правила взаимодействия норм на своей территории [4].

Данный дуалистический постулат имеет ключевое значение для понимания природы конституционной идентичности. Он легитимирует саму возможность коллизии, в том числе между международным договором и конституцией, поскольку они принадлежат к разным нормативным порядкам. При этом, И.И. Лукашук указывает, что национальный правопорядок воспринимает не международное право, как систему, а содержание его норм, инкорпорируя их через внутренние правовые акты [5].

Для целей настоящего исследования принципиальным является терминологическое разграничение, предложенное А.С. Исполиновым на основе практики Конституционного трибунала Испании: «приоритет» следует понимать как технико-юридическое правило о применении нормы международного права вместо противоречащей ей нормы национального закона (за исключением конституции), тогда как «верховенство» – это концептуальный принцип, утверждающий высшую юридическую силу конституции по отношению к любым внешним нормам [6].

Историческая ретроспектива показывает, что советская и постсоветская правовая мысль унаследовала устойчивую традицию суверенитетозцентризма. Уже А.Я. Вышинский, отрицая примат международного права, утверждал, что сильное национальное право создает основу для авторитетного международного права [7]. В более поздний период Г.В. Игнатенко рассматривал международное и внутригосударственное право, как самостоятельные, но взаимосогласованные системы [8]. Именно эта доктринальная преемственность создала питательную среду для формирования современной концепции конституционной идентичности в России.

На основе анализа доктрины и практики представляется возможным сформулировать авторское определение исследуемого понятия. **Конституционная идентичность** – это совокупность основополагающих норм, принципов, ценностей и структур правопорядка государства, прямо закрепленных в конституции (или актах, на нее ссыла-

ющихся), формализующих его уникальные социально-исторические, культурные и правовые характеристики, обладающих высшей ценностью и отличающих данное государство от иных субъектов международного права. Данное понятие следует отличать от более широкой категории «национальная идентичность», включающей культурное наследие, историческое повествование, язык, патриотизм и социальную сплоченность.

Выделяются следующие сущностные признаки конституционной идентичности:

1. **Позитивизм** – формальное закрепление в конституции, обеспечивающее верифицируемость и судебную защитоспособность.
2. **Тождественность национальной идентичности** (при условии конституционализации) – возможность включения национально-культурных элементов в правовую систему путем их позитивации.
3. **Самобытность** – уникальная совокупность элементов (форма правления, устройство, культурные маркеры), формирующая неповторимый облик государства.
4. **Историчность** – устойчивость ценностей и практик их защиты на протяжении поколений.
5. **Высшая ценность** – недопустимость изменений иначе как через всенародное голосование или принятие новой конституции, что создает особый нормативный режим охраны.

Типология моделей защиты конституционной идентичности в зарубежных правовых системах

Сравнительный анализ правового регулирования и судебной практики иностранных государств позволяет выявить универсальный характер феномена конституционной идентичности, проявляющийся в различных национальных вариациях.

Германия: строгая (позитивистская) модель. Федеральный Конституционный Суд ФРГ последовательно отстаивает верховенство Основного закона, сформулировав в решении по делу *Solange* / доктрину, согласно которой передача суверенных прав допустима лишь до тех пор, пока на уровне Сообщества обеспечивается стандарт защиты основных прав, сопоставимый с германским [9]. В этом решении впервые упоминаются «основные структуры конституции, на которых базируется ее идентичность». В решении по Лиссабонскому договору (*Lissabon Urteil*) Суд разграничил два вида контроля: *ultra vires* (проверка соблюдения Союзом пределов полномочий) и контроль идентичности (*Identitätskontrolle*) [10]. Последний направлен на защиту неотчуждаемого конституционного ядра, закрепленного в ст. 79 абз. 3 во взаимосвязи со ст. 1 и 20 Основного закона (достоинство личности, демократия, правовое и социальное государство).

Италия: доктрина «контрлимитов» (*controllimiti*). Конституционный суд Италии в деле *Frontini* (1973 г.) установил, что ограничение суверенитета на основании ст. 11 Конституции допустимо лишь при условии ненарушения «высших принципов конституционного строя и неотчуждаемых прав человека» [11]. Данная доктрина стала ответом на абсолютизацию примата права ЕС. Содержание доктрины контрлимитов последовательно расширялось: от формально закрепленных (республиканская форма правления, ст. 139) до неписаных «высших ценностей» (*valori supremi*), включающих принцип единства юрисдикции, право на судебную защиту, принцип светскости [12]. В решении № 238 от 2014 года Конституционный суд Италии распространил действие доктрины на все международные обязательства Италии [13].

Франция: функциональная модель. Французская правовая система, формально относящаяся к монистической (ст. 55 Конституции), на практике исходит из незыблемости верховенства конституционных норм. Конституционный совет в 2006 году сформулировал доктрину «конституционной идентичности» как совокупность «норм и принципов, присущих конституционной идентичности Франции», на которые не распространяется верховенство права ЕС [14]. Как отмечает Эдуар Дюбу, именно европейская интеграция заставила Францию осознать свою конституционную идентичность [15]. Французская модель ориентирована на партикуляризм: защите подлежат специфические конституционные нормы, не имеющие эквивалентной защиты в праве ЕС [16].

Великобритания: дуализм и верховенство парламента. Отсутствие писаной конституции и доктрина парламентского суверенитета предопределили особенности британского подхода. Международное право становится частью национального правового порядка лишь в результате инкорпорации (акта парламента) [17]. Фундаментальные конституционные принципы – верховенство парламента [18], разделение властей [19], защита прав личности – выполняют функцию, аналогичную конституционной идентичности в странах континентальной Европы. Как отметил лорд Хоффманн, если парламент ясно установил закон, суды обязаны его применять, даже если это нарушает международный договор [17].

США: конституционное верховенство и нормативный плюрализм.

Верховный Суд США последовательно исходит из верховенства Конституции: «Никакое соглашение с иностранным государством не может наделить Конгресс или иную ветвь власти полномочиями, свободными от конституционных ограничений» (*Reid v Covert*) [20]. Для разрешения коллизий используются два основных инструмента: канон «Очаровательной Бетси» (*Charming Betsy canon*), предписывающий толковать федеральные законы в соответствии с международными обязательствами [21], и правило «последнего по времени» (*last-in-time rule*), основанное на принципе народного суверенитета [22]. Доктрина разграничения *self-executing* и *non-self-executing treaties* позволяет судам ограничивать прямое действие договоров, особенно в сфере прав человека [23].

Резюмируя анализ пяти национальных правовых порядков, можно констатировать, что доктрина конституционной идентичности (в её различных вариациях) представляет собой универсальный ответ высших судов на вызовы интеграционных процессов. Сравнительный анализ позволяет выделить две основные модели:

1. **«Строгая» (позитивистская) модель** (ФРГ, Италия): идентичность непосредственно выводится из текста конституции; существует относительно определенный перечень защищаемых норм; контроль идентичности формализован в судебной доктрине (*Identitätskontrolle, kontrollimiti*); обеспечивает высокую степень предсказуемости.
2. **«Расплывчатая» (функциональная) модель** (Франция, а также функциональные аналоги в Великобритании и США): идентичность не сводится к закрытому перечню; допускается учет внеправовых факторов; идентификация осуществляется *ad hoc*; обеспечивает высокую гибкость, но сопряжена с риском субъективизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, конституционная идентичность является объективно необходимым юридическим инструментом современного государства, интегрированного в систему международных связей. Её задача – не изоляция национального правового порядка, а обеспечение его устойчивого развития в условиях фрагментации международного права и судебного активизма наднациональных органов.

Во-вторых, предложенное авторское определение и выделенные признаки (позитивизм, тождественность национальной идентичности, самобытность, историчность, высшая ценность) позволяют операционализировать данную категорию и отграничить её от смежных понятий.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что выбор конкретной модели конституционной идентичности (строгой или функциональной) предопределяет не только методологию выявления защищаемых ценностей, но и пределы возможной рецепции зарубежного опыта в национальной правовой системе.

Литература

1. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018, 9 октября. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>
2. Н. Trierpel. «Volkerrecht Und landrecht». Режим доступа: <https://archive.org/details/vlkerrechtundla00triegoog/page/n1/mode/2up?ref=ol>
3. Marian B. The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories // http://revcurentjur.ro/old/arihva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf
4. Черниченко С. В. Теория международного права: В 2-х томах. Том I: Современные теоретические проблемы / С.В. Черниченко. — М.: НИМП, 1999. — 336 с.
5. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.
6. Исполинов А.С. «Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права Евразийского экономического союза» // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1–2 (80–81). С. 16–22.
7. Вышинский А.Я. Вопросы международного права и международной политики. — Государственное издательство юридической литературы, 1949. — 480 с.
8. Игнатенко Г.В. Советское законодательство и международные договоры: Опыт, тенденции и проблемы взаимодействия // Правоведение. — 1987. N 5. — С. 70–76.
9. BverfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I — Beschluß. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии / Фонд Конрада Аденауэра в Российской Федерации; сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслер. — М.: Инфотропик Медиа, 2018. — 1056 с.

10. BVerfGE 123, 267 (Lissabon / Лиссабон). Избранные решения Федерального конституционного суда Германии / сост. Ю. Швабе, Т. Гайсслер. Представительство Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации. М., 2018. – 1056 с.

11. Frontini v Ministero delle Finanze. For an unofficial translation, see Gaja, G., Unofficial translation of Frontini v Ministero delle Finanze, in CMLR No. 2, 372, 1974, p. 384.

12. Le sentenze della Corte Costituzionale n. 1146 del 15 dicembre 1988. Режим доступа: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=1988&numero=1146>

13. Le sentenze della Corte Costituzionale n. 238 del 22 ottobre 2014. Режим доступа: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2014&numero=238>

14. Conseil constitutionnel 27 juillet 2006, Décision n° 2006–540 DC, Loi relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information. Режим доступа: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2006/2006540DC.htm>

15. Dubout É. Les règles ou principes inhérents à l'identité constitutionnelle de la France: une supra-constitutionnalité? Revue française de droit constitutionnel 2010/3. N° 83. P. 451–482. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-droit-constitutionnel-2010-3-page-451.htm>

16. Arrêt du Conseil d'Etat (Ass.), Decision n° 287110, 8 février 2007, Société Arcelor Atlantique et Lorraine et autres. Режим доступа: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2007-02-08/287110>

17. R. v Lyons [2002] UKHL 44, [2003] AC 976.

18. Case of Proclamations (1610) 77 ER 1352.

19. C. McLachlan, Foreign Relations Law (CUP, 2014). – 700 p.

20. Reid v. Covert, 354 U.S. 1 (1957).

21. Murray v Schooner Charming Betsy, 6 U.S. 64 (1804).

22. Taylor v. Morton, 23 F. Cas. 784 (C.C.D. Mass. 1855) (No. 13,799).

23. Sloss D. The Domestication of International Human Rights: Non-Self-Executing Declarations and Human Rights Treaties // Yale J. Int'l L. 1999. Vol. 24. P. 129.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE DOCTRINE OF CONSTITUTIONAL IDENTITY

Tkachenko V.M.

Russian Foreign Trade Academy Russia

The article examines the theoretical and historical aspects of the formation of the doctrine of constitutional identity as a mechanism for resolving conflicts between international and national law. The evolution of international law from universalism to fragmentation, as well as the dualistic nature of the interaction of legal systems, are analyzed. Special attention is paid to the comparative legal analysis of models for protecting constitutional identity in Germany, Italy, France, Great Britain, and the USA. The author formulates an original definition of constitutional identity, highlights its essential features, and proposes a typology of existing models.

Keywords: Constitutional identity, priority of international law, dualism, sovereignty, comparative law, Identitätskontrolle, controllimiti, legal conflicts.

References

1. Zorkin, V.D., "The Letter and Spirit of the Constitution," Rossiyskaya Gazeta, October 9, 2018. Available at: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html>

2. H. Triepel, "Volkerrecht Und landrecht," Available at: <https://archive.org/details/vlkerrechtundla00triegoog/page/n1/mode/2up?ref=ol>

3. Marian, B., The Dualist and Monist Theories. International Laws Comprehension of these theories // http://revcurentjur.ro/old/arhiva/attachments_200712/recjurid071_22F.pdf

4. Chernichenko S. V., Theory of International Law: In 2 Volumes. Volume I: Modern Theoretical Problems / S.V., Chernichenko. — M: NIMP, 1999. — 336 p.

5. Lukashuk I.I. International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities. — 3rd ed., revised and enlarged. — M.: Wolters Kluwer, 2005. — 432 p.

6. Ispolinov A.S. "Priority, Direct Action and Direct Effect of the Norms of Law of the Eurasian Economic Union" // Journal of International Law and International Relations. 2017. No. 1–2 (80–81). P. 16–22.

7. Vyshinsky A. Ya. Issues of International Law and International Politics. — State Publishing House of Legal Literature, 1949. — 480 p.

8. Ignatenko G.V. Soviet Legislation and International Treaties: Experience, Trends, and Problems of Interaction // Jurisprudence. — 1987. N 5. — P. 70–76.

9. BVerfGE 37, 271 2 BvL 52/71 Solange I — Beschluß. Selected Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany / Konrad Adenauer Foundation in the Russian Federation; compiled by J. Schwabe, T. Geissler. — Moscow: Infotropic Media, 2018. — 1056 p.

10. BVerfGE 123, 267 (Lissabon / Lisbon). Selected decisions of the Federal Constitutional Court of Germany / compiled by J. Schwabe, T. Geissler. Representative Office of the Konrad Adenauer Foundation in the Russian Federation. Moscow, 2018. — 1056 p.

11. Frontini v Ministero delle Finanze. For an unofficial translation, see Gaja, G., Unofficial translation of Frontini v Ministero delle Finanze, in CMLR No. 2, 372, 1974, p. 384.

12. Le sentenze della Corte Costituzionale n. 1146 del 15 dicembre 1988. Available at: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=1988&numero=1146>

13. Le sentenze della Corte Costituzionale n. 238 del 22 October 2014. Access mode: <https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?anno=2014&numero=238>

14. Conseil constitutionnel 27 juillet 2006, Decision n° 2006–540 DC, Loi relative au droit d'auteur et aux droits voisins dans la société de l'information. Access mode: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2006/2006540DC.htm>

15. Dubout É. Les règles ou principes inhérents à l'identité constitutionnelle de la France: une supra-constitutionnalité? Revue française de droit constitutionnel 2010/3. N° 83. P. 451–482. Access mode: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-droit-constitutionnel-2010-3-page-451.htm>

16. Arrêt du Conseil d'Etat (Ass.), Decision n° 287110, 8 February 2007, Société Arcelor Atlantique et Lorraine et autres. Access mode: <https://www.conseil-etat.fr/fr/arianeweb/CE/decision/2007-02-08/287110>

17. R. v Lyons [2002] UKHL 44, [2003] AC 976.

18. Case of Proclamations (1610) 77 ER 1352.

19. C. McLachlan, Foreign Relations Law (CUP, 2014). – 700 p.

20. Reid v. Covert, 354 U.S. 1 (1957).

21. Murray v Schooner Charming Betsy, 6 U.S. 64 (1804).

22. Taylor v. Morton, 23 F. Cas. 784 (C.C.D. Mass. 1855) (No. 13,799).

23. Sloss D. The Domestication of International Human Rights: Non-Self-Executing Declarations and Human Rights Treaties // Yale J. Int'l L. 1999. Vol. 24. P. 129.

Чернышова Ольга Александровна,

аспирант кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: k_tgp@ssla.ru

В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ категории срока как одного из ключевых элементов юридической техники и инструмента правового регулирования общественных отношений. Обосновывается положение о том, что срок в праве выполняет не только вспомогательную, но и системообразующую функцию, обеспечивая упорядоченность, предсказуемость и стабильность правового воздействия. Исследуется двойственная природа срока как юридико-технического средства и как самостоятельного регулятивного элемента правовой материи. Особое внимание уделяется проблемам нормативного закрепления сроков, их определенности и соразмерности. Делается вывод о необходимости совершенствования юридико-технических подходов к формулированию сроков в законодательстве с учетом принципов правовой определенности и справедливости.

Ключевые слова: срок, юридическая техника, правовое регулирование, правовая определенность, нормативное закрепление, эффективность права.

Категория срока занимает центральное место в юридической технике и правовом регулировании, являясь одним из фундаментальных инструментов правотворчества и реализации норм права. Сроки определяют границы времени, в течение которого возникают, действуют или прекращаются правовые последствия. Они обеспечивают правовую определенность, стабильность и предсказуемость правового оборота, что особенно важно в условиях динамично изменяющихся социальных отношений. Несмотря на широкое распространение сроков в различных отраслях права, в научной литературе сохраняются существенные разногласия относительно их сущности, классификаций и методологических подходов к анализу.

Целью настоящего исследования является выявление сущности срока как элемента юридической техники, анализ его правовой природы, функции и роли в правовом регулировании, а также определение проблемных аспектов его нормативного закрепления и применения.

Научная значимость исследования заключается в выявлении особенностей срока как одного из ключевых элементов юридической техники и инструмента правового регулирования общественных отношений.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы познания: системный, сравнительно-правовой, структурно-функциональный, историко-правовой, а также методы юридического анализа и синтеза. Системный метод позволяет рассматривать срок как элемент правовой системы в целом, его связи с другими элементами правовых норм и институтов. Сравнительно-правовой метод применяется для выявления различий и сходств в подходах к срокам в различных правовых системах и отраслях права. Историко-правовой метод используется для анализа эволюции категории срока в истории правовой мысли. Юридический анализ нормативно-правовой базы и судебной практики обеспечивает выявление практических проблем применения сроков.

Временное измерение права является неотъемлемым условием его функционирования, так как любое правовое регулирование осуществляется в определенных временных рамках, а юридические последствия всегда соотносятся с моментом наступления, течения или истечения определенного периода времени. В этом контексте срок представляет собой не просто техническую характеристику правовой нормы, а самостоятельный элемент правовой материи, влияющий на содержание субъективных прав, юридических обязанностей и механизм их реализации.

В теории права традиционно сложился подход, в соответствии с которым срок рассматривается преимущественно как юридический факт или как элемент юридического состава [3, с. 189]. Такой подход, безусловно, отражает важную сторону правовой природы срока, однако не исчерпывает его регулятивного потенциала. Срок в праве выполняет более сложную функцию, выходящую за рамки классического понимания юридического факта, поскольку он не только запускает или прекращает действие прав и обязанностей, но и формирует модель правомерного поведения, задавая временные ориентиры для участников правоотношений.

Особое значение срок приобретает в контексте юридической техники. Юридическая техника как совокупность средств, приемов и правил подготовки и оформления правовых актов призвана обеспечивать ясность, точность и эффективность нормативного регулирования. В этом смысле срок выступает одним из наиболее чувствительных элементов юридико-технической структуры нормы, поскольку любое отклонение от требований определенности и логической согласованности при его формулировании неминуемо отражается на качестве правового регулирования в целом. Неопределенные, чрезмерно длительные либо, напротив, необоснованно краткие сроки создают правовую неопределенность, затрудняют реализацию прав и нередко становятся источником правовых конфликтов [5, с. 64].

Рассматривая срок как элемент юридической техники, необходимо подчеркнуть его инструментальный характер. Законодатель, устанавливая сроки, использует время как средство воздействия на общественные отношения, стимулируя активность субъектов либо, наоборот, ограничивая ее. Через сроки обеспечивается дисциплинирующее воздействие права, формируется правовая организованность и предсказуемость поведения [1, с. 203]. Именно поэтому сроки широко при-

меняются в процессуальном праве, где временная упорядоченность имеет решающее значение для соблюдения принципов оперативности и процессуальной экономии.

В контексте юридической техники особого внимания заслуживает роль срока как средства обеспечения принципа правовой определенности, который в современных условиях рассматривается в качестве одного из фундаментальных начал правового регулирования. Правовая определенность как принцип имеет свое отображение в различных международных актах, что фактически подразумевает его распространение на большее число отраслей права. Вне зависимости от типа правовой семьи принцип правовой определенности является «индикатором» законности и верховенства права [9, с. 442].

Правовая определенность предполагает ясность, однозначность и предсказуемость правовых предписаний, а также возможность для субъекта права заранее оценить юридические последствия своего поведения [7, с. 189]. Временные параметры правовых норм играют в этом процессе ключевую роль, поскольку именно через сроки право получает способность структурировать социальное поведение во времени и обеспечивать стабильность правового порядка. Правовая определенность в области правотворчества выражается в стабильности нормативных правовых актов, в частности, законов и складывающихся на их основе правоотношений. В результате возникает предсказуемость действия правовых норм и нормативных правовых актов [4, с. 151].

Срок, будучи элементом юридической нормы, формирует временные границы дозволенного и обязательного поведения, тем самым создавая устойчивую модель правового регулирования. Отсутствие четко установленных сроков либо их неопределенность приводит к размыванию правовых ориентиров и снижению уровня доверия к праву как к социальному регулятору. В условиях правовой неопределенности субъект оказывается лишенным возможности рационального планирования своих действий, что противоречит самой идее правового государства, основанного на предсказуемости и формальной определенности правовых требований.

Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике неоднократно указывал, что правовое регулирование должно отвечать требованиям ясности, недвусмысленности и согласованности, а правовые нормы не должны допускать произвольного усмотрения при их применении [2]. Хотя категория срока прямо не всегда становится предметом конституционного контроля, именно временные параметры нередко лежат в основе выводов о несоразмерности правовых ограничений либо о нарушении баланса публичных и частных интересов. Таким образом, срок в праве опосредованно выполняет конституционно значимую функцию, обеспечивая соответствие правового регулирования принципу правовой определенности.

Правовая определенность сроков тесно связана с их соразмерностью. Даже формально определенный срок может утрачивать регулятивную ценность в случае его несоответствия характеру регулируемых отношений. Чрезмерно длительные сроки способны привести к затягиванию правовых процессов и фактическому лишению заинтересованных лиц эффективной защиты своих прав. Напротив, чрезмерно краткие сроки могут выступать скрытым ограничением субъективных прав, поскольку не обеспечивают реальной возможности для их реализации. В обоих случаях нарушается принцип справедливости, а срок перестает выполнять свою гарантийную функцию.

Важным аспектом правовой определенности является согласованность сроков в системе законодательства. Нередко в правоприменительной практике возникают ситуации, когда сроки, установленные нормами материального права, не коррелируют со сроками процессуального характера. Такая несогласованность создает правовые ловушки, в которых формальное соблюдение одного срока делает невозможным соблюдение другого. Подобные коллизии свидетельствуют о недостаточном уровне системности юридико-технической работы при разработке нормативных правовых актов и негативно отражаются на эффективности правового регулирования в целом.

В условиях цифровизации и ускорения социальных процессов правовая определенность сроков приобретает новое значение. Современные общественные отношения характеризуются высокой динамичностью, что требует пересмотра традиционных подходов к временной организации правового регулирования. Законодатель сталкивается с необходимостью поиска оптимального баланса между стабильностью правовых предписаний и их адаптивностью к изменяющимся условиям. В этой связи срок становится инструментом гибкой настройки правового механизма, позволяющим оперативно реагировать на трансформации социальной реальности.

Электронные формы взаимодействия между государством и гражданами, автоматизация административных процедур и внедрение циф-

ровых платформ требуют максимально точного временного регламентирования юридически значимых действий. Ведь несоблюдение установленных в нормах права процессуальных сроков, как правило, сопряжено с нарушением конституционных прав граждан, в том числе прав на судебную защиту, свободу и личную неприкосновенность, личную и семейную тайну, неприкосновенность частной жизни; нивелирует действие принципа презумпции невиновности; затрудняет своевременный доступ потерпевших к правосудию; отдалает компенсацию им причиненного преступлением ущерба [6, с. 7].

Более того, любая неопределенность срока в цифровой среде многократно усиливается, поскольку автоматизированные системы не способны восполнять пробелы и оценочные категории так же гибко, как человеческий правоприменитель, ведь их функционирование четко обозначено заданными алгоритмами. Это обстоятельство усиливает требования к качеству юридической техники при формулировании сроков и делает проблему правовой определенности особенно актуальной.

В то же время срок нельзя сводить исключительно к техническому средству. Он является элементом правового регулирования в материальном смысле, поскольку непосредственно влияет на объем и содержание субъективных прав. Истечение срока исковой давности, срока обжалования или срока исполнения обязанности влечет существенные правовые последствия, затрагивающие интересы участников правоотношений. Таким образом, срок приобретает самостоятельное регулятивное значение, становясь частью механизма правового регулирования наряду с нормами, правоотношениями и актами реализации права [8, с. 79].

Двойственная природа срока проявляется в его способности одновременно выступать формой и содержанием правового регулирования. С одной стороны, срок является важным элементом нормы, который задает временные границы ее действия. С другой стороны, он наполняет норму конкретным содержанием, определяя момент возникновения, изменения или прекращения правового состояния субъекта. Такое сочетание делает срок уникальным правовым феноменом, требующим особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя.

Проблема юридико-технического оформления сроков в законодательстве Российской Федерации остается актуальной. Анализ нормативных правовых актов показывает, что сроки нередко формулируются с использованием оценочных категорий, таких как «разумный срок», «незамедлительно», «в кратчайший срок». К примеру, все эти формулировки можно найти в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [10]. С одной стороны, они позволяют учитывать конкретные обстоятельства дела и обеспечивать гибкость правового регулирования. С другой стороны, они существенно снижают уровень правовой определенности и создают широкое поле для усмотрения правоприменителя, что не всегда согласуется с принципом верховенства права.

Таким образом, срок следует рассматривать как сложный правовой феномен, сочетающий в себе признаки юридической техники и элемента правового регулирования. Его значение выходит далеко за пределы формального временного ориентира и затрагивает фундаментальные основы правовой системы, включая принципы правовой определенности, справедливости и эффективности. Совершенствование юридико-технических подходов к формулированию сроков в законодательстве является необходимым условием повышения качества правового регулирования и укрепления доверия к праву как инструменту социальной организации.

Литература

1. Горохова С.С. Юридическая техника: учебник и практикум для вузов / 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт. 2026. 340 с.
2. Информация «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/
3. Магомадов Х.Х. Срок в праве: общетеоретическая характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 187–191.
4. Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 3. С. 250–256.
5. Новиков Е.Е. О месте сроков в системе юридических фактов уголовно-исполнительного права и их классификации // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 1(42). С. 61–67.

6. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Саратов. гос. акад. права. Саратов. 2004. 26 с.

7. Рожкова И.Ю. Сущностные стороны принципа правовой определенности // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2017. № 10. С. 147–154.

8. Сайдумов Д.Х., Магоматов Х.Х. Классификация сроков в праве: теоретические основы и практическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 4. С. 77–86

9. Стерликова В.С. Принцип правовой определенности в гражданском процессе // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 440–443.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

TIME AS AN ELEMENT OF LEGAL TECHNIQUE AND LEGAL REGULATION

Chernyshova O.A.

Saratov State Law Academy

The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the category of time as one of the key elements of legal technique and a tool for legal regulation of social relations. It substantiates the idea that time in law performs not only an auxiliary but also a system-forming function, ensuring the orderliness, predictability, and stability of legal influence. The article explores the dual nature of time as a legal and technical tool and as an independent regulatory element of legal matter. Special attention is given to the problems of normative regulation of time, its certainty and proportionality, as well as the impact of time defects on the effectiveness of law enforcement. The article concludes that it is nec-

essary to improve legal and technical approaches to the formulation of deadlines in legislation, taking into account the principles of legal certainty and fairness.

Keywords: term, legal technique, legal regulation, legal certainty, normative consolidation, and the effectiveness of law.

References

1. Gorokhova S.S. Legal technology: textbook and practice for universities / 3rd ed., revised. and add. Moscow: Yurait Publishing House. 2026. 340 p.
2. Information on "Constitutional and legal protection of entrepreneurship: current aspects (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2018–2020)" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.12.2020) // SPS "ConsultantPlus". Electronic resource – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/
3. Magomarov Kh.Kh. Term in Law: General Theoretical Characteristics // Humanities, Social Sciences, Economics, and Law. 2023. No. 11. Pp. 187–191.
4. Morozova L.A. Legal certainty as a general legal universal principle of the implementation of law // Socio-economic phenomena and processes. 2017. No. 3. Pp. 250–256.
5. Novikov E.E. On the place of terms in the system of legal facts of criminal executive law and their classification // Bulletin of the Samara Law Institute. 2021. No. 1(42). Pp. 61–67.
6. Petrova G.B. Deadlines as an element of legal regulation in criminal proceedings: abstract of the dissertation of the Candidate of Law / Sarat. gos. akad. rights. Saratov. 2004. 26 p.
7. Rozhkova I.Y. Essential aspects of the principle of legal certainty // Bulletin of the Public Scientific Research Laboratory "Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects". 2017. No. 10. Pp. 147–154.
8. Saidumov D.Kh., Magomarov Kh.Kh. Classification of Terms in Law: Theoretical Foundations and Practical Significance // Legal Policy and Legal Life. 2025. No. 4. Pp. 77–86
9. Sterlikova V.S. The Principle of Legal Certainty in Civil Procedure // State and Legal Research. 2021. No. 4. pp. 440–443.
10. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 01/20/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

Балычев Алексей Павлович,

аспирант, юридическая кафедра, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Московский университет "Синергия"

E-mail: abalycev2@gmail.com

В статье исследуется эволюция правовых основ режима секретности в России – от истоков его формирования до адаптации к условиям цифровой реальности. Цель работы – комплексно охарактеризовать исторические этапы развития данного правового института, выявить закономерности его трансформации и определить перспективные направления совершенствования в контексте технологических вызовов. Автор выделяет и анализирует ключевые этапы развития института государственной тайны, раскрывая специфику правового регулирования и практики его реализации на каждом из них.

Ключевые слова: государственная тайна, режим секретности, конфиденциальная информация, правовое регулирование, информационная безопасность, цифровизация, традиция.

Режим секретности как юридико-организационный инструмент защиты сведений, имеющих значение для национальной безопасности, сохраняет устойчивую значимость в правовой системе Российской Федерации. Его актуальность усиливается на пересечении двух тенденций: сохранения традиционных подходов к охране чувствительной информации и радикального изменения способов создания, обработки и распространения данных в цифровой среде. Для глубокого понимания современных подходов к защите секретной информации необходимо рассмотреть их исторические предпосылки. Это позволит выявить эволюцию правовых норм в данной области и определить причины их изменения.

Зарождение правового регулирования в сфере охраны государственной тайны в России относится к XVIII веку и уже в правовых актах петровской эпохи проявляется в виде формирования отечественных подходов к защите секретных сведений в системе государственной службы. Впервые, соответствующие элементы режима секретности фиксируются в Указе Петра I от 4 апреля 1714 г., где устанавливался особый порядок рассмотрения дел, отнесённых к разряду секретных¹. Тем самым закладывались организационные основания ограничения доступа к отдельным материалам и процедур их служебного обращения.

Последующая конкретизация правового регулирования, прослеживается в Генеральном регламенте 1720 г. где впервые было прямо указана необходимость охраны служебных секретов и ответственность за неправомерное изъятие документов из коллегиальных учреждений (в том числе за тайное вынесение писем и иных бумаг)². В 1724 году последовали дополнительные нормативные акты, включая указы от 13 января «О написании секретных дел в партикулярных письмах» и от 16 января «О поручении секретных дел в Сенате благонадежным людям», которые регламентировали оформление секретных дел в частных письмах и поручали ведение надежным лицам в Сенате. Также был издан приказ Правительствующего Сената от 5 марта 1724 года «О надписях пакетах, в которых секретные дела», который предписывал использование специальных пометок на конфиденциальных документах. В совокупности эти организационно-распорядительные документы сформировали прообраз современных требований к допуску к секретным материалам, порядку их оформления, пересылки и идентификации³. Однако, следует отметить, что основным правовым актом, закрепившим подход к режиму секретности, относится указ Императора Петра I от 13 января 1724 г. «О делах тайности подлежащих», который задал первичные рамки для работы с конфиденциальной информацией.

В последующий период регулирование не ограничивалось установлением формальных правил, а сопровождалось государственным надзором за их исполнением и применением мер воздействия при выявлении нарушений. Так, приказом Правительствующего Сената от 30 апреля 1765 г., повторно подтверждалась обязанность проставления на документах и конвертах отметки «секретно». Аналогичный акцент на дисциплине делопроизводства содержался в сенатском приказе от 7 января 1768 г., посвящённом порядку подписания представлений, донесений и рапортов по секретным делам и обязательности соответствующей пометки на пакетах, одновременно в документе указывалось на нарушения в ряде губерний и предусматривалось вызы-

¹ Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 5. (1713–1719): [№ 2620–3479]. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств.е.и.в. канцелярии, 1830–1851. – [1], 781 с. Ст. 2791. С. 97–98 // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/358645> (дата обращения: 27.01.2026).

² Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации [Текст]: Учебно-методическое пособие / Ассоц. «Юрид. центр», Федер. служба безопасности РФ. Упр. по СПб. и Лен. обл.; Ред. М.А. Вус, А.В. Федоров. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 605с

³ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. – 30 см. Т. 7 (1723–1727). Ст. 4409, 4418, 4481. С. 203,207,270. // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/358647> (дата обращения: 27.01.2026).

сание штрафа в размере 10 рублей¹. К концу XVIII века в России была сформирована целостная система правового регулирования режима секретности, которая сочетала нормативные предписания с действенными механизмами контроля и ответственности, что создало прочную институциональную основу для последующего развития законодательства о государственной тайне.

В дальнейшем ответственность за разглашение сведений, подлежащих охране, получила развитие в уголовно-правовом измерении: в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. соответствующие деяния были квалифицированы как государственные преступления². Вместе с тем в период Российской империи отсутствовала единая централизованная система обеспечения сохранности государственной тайны; функции по её охране выполнялись различными ведомствами и разрозненно.

Уже в Уголовном уложении 1903 года³, была закреплена система государственных преступлений, включая «шпионство», без его определения. Дальнейшее развитие соответствующих положений было связано с принятием 5 июля 1912 г. Закона «Об изменении действующих законов о государственной измене путём шпионства в мирное время» в котором скорректировано формулировки отдельных норм Уголовного уложения, а также введены ответственность за новые формы шпионажа.

В период Первой мировой войны (с 1914 г.) ужесточили охрану военной тайны, создав военную цензуру. Нормативная база данного института формировалась поэтапно: первоначально были опубликованы три перечня сведений, составляющих военную тайну (в качестве приложений к Закону от 5 июля 1912 г.), а затем – 20 июля 1914 г. – издано Временное положение о военной цензуре. Ключевая функция цензуры это контроль печатной продукции и корреспонденции для предотвращения утечки информации⁴. Сформированные в тот период организационно-процедурные решения, включая правила отчётности и порядок прохождения документов по инстанциям, впоследствии частично были заимствованы советскими цензурными органами. В 1914 году был опубликован первый нормативный правовой акт «перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России», установившего круг охраняемой информации, разглашение которой влекло уголовную ответственность. Документ охватывал 25 пунктов военного характера. Данный перечень дополняли и обновляли ещё в 1914 и 1915 годах, после чего до 1917 года новые изменения не вносились.

Советский период часто характеризуется как эпоха высокой степени секретности в силу наличия высокоэффективной системы защиты информации, охватывавшей все аспекты государственного функционирования. Основой данной системы являлась многоуровневая классификация секретности, строгий контроль доступа к информационным ресурсам и строгие меры наказания за их несанкционированное разглашение.

13 октября 1921 года Совет Народных Комиссаров (далее по тексту – СНК) РСФСР издал декрет, который утвердил «Перечень сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих оглашению», который стал первым документом, определяющим категории государственной тайны и конкретизирующим, какие именно сведения относятся к каждой из этих категорий. Так, государственная тайна была классифицирована на две основные группы: сведения военного и экономического характера. Хотя данный нормативно-правовой акт был создан до официального провозглашения Советского Союза, он впервые систематизировал и регулировал вопросы государственной тайны в РСФСР, подчёркивая её значимость для обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета⁵.

27 апреля 1926 СНК СССР утвердил уже новый «Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной», в котором информация, связанная с государственной тайной, была классифицирована как: сведения военного характера, сведения экономического характера, сведения иного рода. К государственной тайне тогда были отнесены сведения, касающиеся дислокации воинских подразделений, организационной структуры воинских подразделений, материально-технического обеспечения воинских подразделений, мобилизационных и оперативных планов, состояние военно-промышленного комплекса, разработки новых технических и иных средств военного назначения, состояния казначейских валютных фондов, а также переговоров с иностранными государствами и т.д.⁶. Также была введена трёхуровневая система секретности, включающие категории: «совершенно секретно», «секретно» и «не подлежит оглашению». Однако через небольшой промежуток времени был издан новый секретный перечень, устранивший недостатки предыдущей версии и изменивший структуру классификации. Теперь все сведения делились на четыре категории: сведения военного характера, сведения финансово-экономического характера, сведения политического характера, сведения общего характера.

В советский период регулирование режима секретности развивалось поступательно и сопровождалось постоянной корректировкой как организационных процедур, так и перечней сведений, подлежащих защите. Так, в 1929 г. была утверждена «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за секретным и мобилизационным делопроизводством учреждений и организаций», закрепившая полномочия ОГПУ по ведомственному контролю за соблюдением требований секретного документооборота и мобилизационной готовности⁷. Конституционное измерение охраны информации получило развитие в 1936 г., когда в Конституции СССР (ст. 128) было закреплено положение о защите тайны (прежде всего – частной сферы, включая тайну переписки и сообщений)⁸, что придало соответствующим гарантиям нормативный характер и создало предпосылки для дальнейшей детализации правовых механизмов охраны конфиденциальной информации.

В послевоенный период усилилась нормативная конкретизация государственной тайны. Постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1947 г. был утверждён перечень сведений, составляющих государственную тайну, при этом он был расширен по сравнению с перечнем 1926 г. (в частности, включены данные о внешнеторговых операциях по отдельным товарам, геологических запасах и добыче цветных и редких металлов)⁹. В 1948 г. была уточнена система степеней секретности: обозначение «не подлежит оглашению» заменено на «особой важности», а градация закрепились в виде «С» (секретно), «СС» (совершенно секретно) и «ОВ» (особой важности).

На рубеже 1950-х гг. режим охраны тайны приобрёл комплексный характер. Постановление ЦК КПСС 1958 г. «О мерах по сохранению государственной тайны», а также утверждённые Советом Министров СССР в 1959 г. новый «Перечень сведений, составляющих государственную тайну» и «Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР» регламентировали меры защиты и распределяли функции надзора. В том же году Положение о КГБ при Совете Министров СССР закрепило его компетенцию, включая контрразведывательные задачи и защиту каналов связи от перехвата, в этих целях развивались специализированные каналы связи и фельдъегерская связь. Данные меры были направлены на предотвращение утечки важных государственных данных и укрепление национальной безопасности¹⁰.

Кодифицирующее значение для позднесоветского этапа имело постановление Совета Министров СССР от 3 декабря 1980 г. № 1121–387,

го.-2012. – № 27. – С. 899–903.

⁶ Постановление СНК СССР от 27.04.1926 «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25431#JLGGKBVYXQttENOG> (дата обращения: 04.02.2026).

⁷ Столяров Н.В. Организация защиты государственной тайны в России // [Электронный ресурс]. URL: https://kaspro.com/library/organizatsiya_zashchity_gosudarstvennoy_tayny_v_rossii (дата обращения: 30.01.2026).

⁸ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 02.02.2026).

⁹ Постановление Совмина СССР от 08.06.1947 № 2009 «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35936#u9I4JBVbCmf9IxmZM> (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁰ М.В. Зеленов Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал-2012.-С.143–159.

¹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. – 30 см. Т. 18 (1767–1769). Ст. 13.042. С. 416–417 // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/358611> (дата обращения: 27.01.2026).

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией чл.кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О.И. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984–1994. – 22 см. Т. 6. С. 163–411. // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/1874387> (дата обращения: 28.01.2026).

³ Указ от 10 июля 1914 г. «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» // [Электронный доступ]. URL: <https://museumreforms.ru/node/13702> (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ Шигапова, К.Р. Правовые основы института государственной тайны в России: эволюция и характеристика / К.Р. Шигапова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 18 (152). – С. 261–263.

⁵ Подлужная А.М. Внешняя цензура в России в 1920-е – 1930-е гг. / Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

утвердившее «Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну», и порядок установления степеней секретности применительно к сведениям, содержащимся в работах, документах и изделиях. На его основе министерства и госкомитеты СССР и РСФСР формировали ведомственные перечни (как правило, с грифом «ДСП» (для служебного пользования)), согласуемые с Главным управлением по охране государственных тайн в печати, они включали в том числе материалы без грифа секретности, распространение которых могло причинить ущерб государственным интересам.

В 1980-е гг. параллельно уточнялось понятие «открытая публикация»: в 1981–1989 гг. оно охватывало широкий круг форм публичного распространения сведений (печать, телевидение, выступления, кинопоказы, публичная защита научных работ и др.), а в 1989 г. было дополнено, в частности, экспонированием на выставках и распространением отдельных служебных документов без грифа секретности. Расширение данного подхода корреспондировало политике гласности периода перестройки (1985–1991 гг.), ориентированной на снижение цензурных барьеров и увеличение прозрачности информационного обмена между государством и обществом.

В настоящее время обеспечение режима секретности регулируется разветвленной системой правовых норм, элементы которой могут быть разграничены по различным основаниям. В рамках данного исследования мы рассмотрим их по одному из ключевых критериев классификации – по юридической силе. Так, Конституция России закрепляет право каждого гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, одновременно предусматривая возможность ограничения прав и свобод законом при соблюдении критериев необходимости и соразмерности (ч. 4 ст. 29, 55)¹. На данном основании была выстроена законодательная конструкция государственной тайны как специального правового режима. Основу данного режима представляет Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (далее по тексту – Закон о государственной тайне), закрепивший принципы отнесения сведений к государственной тайне, уровни секретности, основы допуска и организационные элементы защиты. В рассматриваемом нормативном акте впервые получило официальное закрепление понятие «режим секретности», определяемое как совокупность требований, правил, а также организационных, технических и иных мер, направленных на защиту сведений, составляющих государственную тайну². Основной целью введения указанного режима является предупреждение случаев утечки или несанкционированного доступа к таким сведениям, способных повлечь причинение ущерба национальным интересам государства. Учитывая, что положения статьи 5 Закона о государственной тайне носят отсылочный характер и обеспечивают системную взаимосвязь режима защиты государственной тайны с иными сферами правового регулирования: с порядком определения сведений, подлежащих засекречиванию; с регламентацией деятельности органов безопасности и спецслужб; с нормами, регулирующими обеспечение транспортной и информационной безопасности; с правилами организации оперативно-розыскной деятельности; с положениями о защите критически важных объектов инфраструктуры; а также с нормами, определяющими полномочия специальных государственных служб и войск в области обеспечения безопасности государства.

Параллельно развивалась рамочная регламентация информационных отношений: от Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (исторически значимого для становления отрасли) к действующему Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который формализовал категорию информации ограниченного доступа и обозначил общие требования к защите информации. В статье 9 указанного закона закреплена бланкетная норма, согласно которой сохранность сведений, отнесенных к государственной тайне, регулируется законодательством Российской Федерации в сфере защиты государственной тайны³.

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», не подпадая напрямую под действие режима секретности

в его классическом (государственно-тайном) понимании, тем не менее реализует сходные охранительные механизмы: устанавливает обязанность обеспечения конфиденциальности сведений, ограничивает круг лиц, имеющих доступ к персональным данным, предусматривает запреты на их несанкционированное распространение и обработку, а также закрепляет меры юридической ответственности за нарушение данных требований⁴. Таким образом, он формирует автономный правовой режим защиты частной информации, структурно и функционально сопоставимый с отдельными элементами режима секретности, что в совокупности формирует особый охранительный механизм защиты частной информации сопоставимо с отдельными компонентами режима секретности.

Для цифрового контура существенен и Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», поскольку охрана секретных сведений всё чаще зависит от устойчивости и защищенности информационных систем критической инфраструктуры. Данная зависимость приобретает особую актуальность в связи с тем, что сведения о мерах по обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также о состоянии её защищенности от компьютерных атак, отнесенные действующим законодательством к сведениям, составляющим государственную тайну, что требует применения комплексных мер защиты⁵.

Важным маркером институционализации стало также закрепление ответственности за нарушения режима секретности: уголовно-правовые запреты за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих государственную тайну (ст. 283, 284 УК РФ), а также административная и дисциплинарная ответственность в рамках служебных правоотношений.

Однако нельзя не отметить, что в цифровую эпоху развития государственных институтов, режим секретности также развивается в среде стратегического планирования и требований информационной безопасности России. Значимыми являются Доктрина информационной безопасности и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, задающие «рамку» угроз и приоритетов, так как защита информации имеет первостепенное значение при режиме секретности. При этом указанные стратегические документы определяют ключевые направления государственной политики в области защиты информации, устанавливают перечень актуальных угроз и формируют систему приоритетов, обеспечивающих сохранение конфиденциальности сведений, составляющих государственную тайну, в условиях цифровой трансформации государственного управления.

Современная динамика развития информационных технологий и их внедрение в оборонную деятельность государства объективно повышают требования к обеспечению режима государственной тайны и к мерам по предотвращению неправомерного доступа к соответствующим сведениям, особенно в рамках проведения Российской Федерации специальной военной операции. На этом фоне актуализируется роль уполномоченных органов, обеспечивающих организацию защиты государственной тайны, соблюдение установленного порядка допуска и обращения с секретными сведениями, а также профилактику и пресечение нарушений режима секретности. При этом ключевым вызовом становится качественная трансформация угроз информационной безопасности: наблюдается отчётливый сдвиг от классических каналов утечки информации (физический вынос носителей, вербовка сотрудников, несанкционированное копирование документов) к высокотехнологичным методам противоправного доступа. Среди последних – фишинговые атаки с применением методов социальной инженерии⁶, целевые вторжения в защищённые сети (APT-атаки⁷), эксплуатация уязвимостей программного обеспечения, использование вредоносного кода для перехвата данных в режиме реального времени. Особую опасность представляют комбинированные атаки, сочетающие технические методы с психологическим манипулированием персоналом, имеющим доступ к секретной информации. Так, в современных

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.02.2026).

² Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.02.2026).

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.02.2026).

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.02.2026).

⁵ Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 05.02.2026).

⁶ Атаки, при которых злоумышленники используют обман и манипуляцию, чтобы убедить жертву раскрыть конфиденциальные данные, например, банковскую информацию или пароли. В основе метода – использование человеческого фактора, а не технических уязвимостей программ.

⁷ APT-атаки (англ. Advanced Persistent Threat – «продвинутая постоянная угроза») – заранее подготовленные, целенаправленные и технически изощренные атаки. Обычно характеризуются длительным скрытым присутствием злоумышленника в скомпрометированной информационной системе.

условиях российские стратегические объекты неизменно остаются приоритетной целью для субъектов противоправной кибердеятельности. Согласно аналитическим данным компании Positive Technologies за период с июля 2024 года по сентябрь 2025 года, на территорию Российской Федерации приходилось от 14% до 16% от общего числа успешно реализованных кибератак в мировом масштабе; при этом доля атак, зафиксированных на пространстве СНГ, составила 72%¹. Данная эволюция угроз обуславливает необходимость комплексного ответа, предполагающего: модернизацию технической инфраструктуры защиты посредством внедрения средств криптографической защиты нового поколения и систем обнаружения и предотвращения вторжений; актуализацию нормативно-правовой базы в части критериев отнесения информации к государственной тайне с учётом современных форматов данных и способов их обработки; совершенствование организационно-управленческих механизмов, включая пересмотр процедур допуска и контроля доступа, а также систематическое повышение квалификации лиц, имеющих доступ к секретным сведениям в области информационной безопасности и распознавания новых цифровых угроз.

Следовательно, современная эволюция режима секретности демонстрирует двойственную природу: с одной стороны – сохранение традиционных элементов (грифы секретности, процедуры допуска, ответственность за разглашение); с другой – адаптацию к цифровым реалиям через внедрение технологических решений и согласование разнотраслевых режимов защиты информации. Это обуславливает потребность в дальнейших исследованиях, направленных на поиск оптимального баланса между преемственностью правовых институтов и инновациями, обеспечивающими защиту информации в условиях цифровой трансформации.

Таким образом, историческая эволюция режима секретности в Российской Федерации может быть описана как движение от преимущественно административно-ведомственных практик к более формализованной правовой модели, встроенной в конституционные ограничения и отраслевое регулирование информации. На основе этого, мы можем выделить несколько этапов развития.

Первый этап (с образования Российской империи до условно дореволюционного периода начала XX вв.) характеризуется тем, что охрана сведений, относимых к государственным интересам, обеспечивалась главным образом инструментами служебной дисциплины и административного распорядительства. Регламентация носила фрагментарный и ведомственно-локальный характер: правила обращения с документами и ограничение их распространения зависели от принадлежности к определённой службе, статуса лица и внутреннего порядка учреждения. В таких условиях говорить о едином универсальном правовом режиме секретности затруднительно: имело место совокупность разрозненных практик, подкрепляемых механизмами ответственности и контролем по линии государственной службы. Не прослеживалась упорядоченность правовых актов, не существовало централизованной системы защиты государственной тайны.

Второй этап (советский период) связан с формированием централизованной модели секретности, в рамках которой ограничение доступа к значительным массивам информации приобрело системное значение для функционирования государственного управления. Регулятивный массив, определявший порядок засекречивания, обращения и хранения материалов, в значительной степени формировался подзаконными и ведомственными актами, ориентированными на режимную дисциплину и предотвращение утечек. Указанная модель обеспечивала высокий уровень управляемости режима. Стоит отметить, что для советского периода характерна высокая динамика нормативно-правового регулирования режима секретности, выражавшаяся в регулярном пересмотре и актуализации перечней сведений, подлежащих отнесению к государственной тайне, а также в корректировке процедур их охраны и допуска к ним. По нашему мнению, указанная изменчивость обусловлена, прежде всего, трансформацией военно-политической обстановки в связи с угрозой национальной безопасности, развитием оборонной промышленности и научно-технического комплекса, расширением компетенций специальных и ведомственных органов, а также усложнением системы государственного управления и межведомственного информационного обмена, требовавших постоянного уточнения предмета секретности и юридических механизмов его защиты.

Третий этап (постсоветская институционализация) обусловлен конституционным закреплением свободы информации и одновременным признанием допустимости её ограничения исключительно феде-

ральным законом и лишь в целях защиты конституционно значимых ценностей. На данном основании была выстроена законодательная конструкция государственной тайны как специального правового режима. Существенное значение для завершения институциональной модели имеет установление юридической ответственности за нарушения режима: уголовно-правовые запреты на разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих соответствующие сведения (ст. 283, 284 УК РФ), выступают гарантийным элементом охраны режима и средством превенции. Тем самым режим секретности получает более чёткие контуры: ограничения доступа связываются с нормативно установленными основаниями, процедурами и компетенциями, а также с ответственностью, подлежащей применению в рамках законности и принципа вины.

Четвёртый этап (цифровой, продолжающийся), находящийся в активной фазе развития, обусловлен трансформацией материальной основы информационного оборота – преобладающей генерацией, обработкой и хранением сведений в электронных системах, что влечёт эволюцию модели «защиты документа» в систему управления доступом и контроля операций с данными, затрудняет применение классических режимных требований (учёт экземпляров, ограничение копирования, контроль перемещения носителей), смещает акцент на организационно-технические меры защиты (идентификацию и аутентификацию субъектов доступа, криптографическую защиту информации, управление уязвимостями информационных систем), формирует нормативную базу не только через законодательство о государственной тайне и информационное законодательство, но и через смежные правовые режимы (регулирование защиты персональных данных и безопасности критической информационной инфраструктуры), порождает необходимость согласования традиционных процедур засекречивания и допуска с технологическими особенностями электронного документооборота, требует переоценки критериев секретности ввиду рисков, связанных с аналитической обработкой больших массивов данных (когда корреляция формально несекретных фрагментов может приводить к раскрытию чувствительных сведений), при этом не отменяет институт секретности, а предполагает его системную адаптацию, эффективность которой обеспечивается взаимосвязанной реализацией трёх условий: повышением юридической определённости нормативных требований, технологической реализуемостью защитных мер и соблюдением конституционно установленных пределов ограничения прав и свобод.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 (ред. от 08.08.2024) «О государственной тайне» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Указ от 10 июля 1914 г. «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» // [Электронный доступ]. URL: <https://museum-reforms.ru/node/13702>.
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/.
7. Постановление СНК СССР от 27.04.1926 «Об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25431#-JLGGKBVYXQhTENOG>.
8. Постановление Совмина СССР от 08.06.1947 № 2009 «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35936#u9l4JBvBcmf9lxZM>.
9. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации [Текст]: Учебно-методическое пособие / Ассоц. «Юрид. центр», Фе-

¹ Россия против кибершпионажа: как защищают стратегические отрасли. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/How-strategic-industries-are-protected-in-Russia (дата обращения: 14.02.2026).

дер. служба безопасности РФ. Упр. по СПб. и Лен. обл.; Ред. М.А. Вус, А.В. Федоров. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 605с.

10. Зеленов М.В. Военная и государственная тайна в РСФСР и СССР и их правовое обеспечение (1917–1991 гг.) // Ленинградский юридический журнал – 2012. – С. 143–159.

11. Столяров Н.В. Организация защиты государственной тайны в России // [Электронный ресурс]. URL: https://kaslpro.com/library/organizatsiya_zashchity_gosudarstvennoy_tayny_v_rossii.

12. Подлужная А.М. Внешняя цензура в России в 1920-е – 1930-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 899–903.

13. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С. 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 5. (1713–1719): [№ 2620–3479]. – Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств.е.и.в. канцелярии, 1830–1851. – [1], 781 с. Ст. 2791. С. 97–98 // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/358645>.

14. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. – 30 см. Т. 7 (1723–1727). Ст. 4409, 4418, 4481. С. 203, 207, 270. // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/358647>.

15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. – 30 см. Т. 18 (1767–1769). Ст. 13.042. С. 416–417 // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/358611>.

16. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общей редакцией чл.-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О.И. Чистякова. – Москва: Юридическая литература, 1984–1994. – 22 см. Т. 6. С. 163–411. // [Электронный ресурс]. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/1874387>.

17. Россия против кибершпионажа: как защищают стратегические отрасли. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/How-strategic-industries-are-protected-in-Russia.

18. Шигапова, К.Р. Правовые основы института государственной тайны в России: эволюция и характеристика / К.Р. Шигапова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 18 (152). – С. 261–263.

THE EVOLUTION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE SECRECY REGIME IN RUSSIA: BETWEEN TRADITION AND DIGITAL REALITY

Balychev A.P.
SYNERGY MOSCOW UNIVERSITY

The article examines the evolution of the legal foundations of the secrecy regime in Russia, from the origins of its formation to adaptation to the conditions of digital reality. The purpose of the work is to comprehensively characterize the historical stages of the development of this legal institution, identify patterns of its transformation and identify promising areas of improvement in the context of technological challenges. The author identifies and analyzes the key stages of the development of the institute of state secrets, revealing the specifics of legal regulation and the practice of its implementation at each of them.

Keywords: state secret, secrecy regime, confidential information, legal regulation, information security, digitalization, tradition.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

2. Law of the Russian Federation of July 21, 1993, No. 5485–1 (as amended on August 8, 2024) “On State Secrets” // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

3. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on June 24, 2025) “On Information, Information Technology, and Information Protection” (as amended and supplemented, effective January 1, 2026) // Access from the ConsultantPlus reference and legal system.

4. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 “On Personal Data” (as amended on June 24, 2025) // Access from the ConsultantPlus reference and legal system.

5. Decree of July 10, 1914 “On Approval of the Temporary Regulations on Military Censorship” // [Electronic access]. URL: <https://museumreforms.ru/node/13702>.

6. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936) [Electronic resource]. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1936/red_1936/3958676/.

7. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 27, 1926 “On Approval of the List of Information Which, by Its Content, is a Specially Protected State Secret” [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=25431#JLGGKBVYXQttENOG>.

8. Resolution of the USSR Council of Ministers of June 8, 1947, No. 2009, “On Establishing a List of Information Constituting a State Secret, the Disclosure of Which is Punishable by Law.” [Electronic resource]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35936#u914JBVBcmf9lxzM>.

9. State Secrets and Their Protection in the Russian Federation [Text]: Study Guide / Assoc. “Legal Center”, Federal Security Service of the Russian Federation. Administration for St. Petersburg and Leningrad Region; Ed. M.A. Vus, A.V. Fedorov. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. – 605 p.

10. Zelenov M.V. Military and state secrets in the RSFSR and the USSR and their legal support (1917–1991) // Leningrad Law Journal – 2012. – Pp. 143–159.

11. Stolyarov N.V. Organization of the protection of state secrets in Russia // [Electronic resource]. URL: https://kaslpro.com/library/organizatsiya_zashchity_gosudarstvennoy_tayny_v_rossii.

12. Podluzhnaya A.M. External censorship in Russia in the 1920s – 1930s // Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. – 2012. – No. 27. – Pp. 899–903.

13. Complete collection of laws of the Russian Empire: [Collection 1st. From 1649 to December 12, 1825]. Vol. 5. (1713–1719): [No. 2620–3479]. – Saint Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830–1851. – [1], 781 p. Art. 2791. Pp. 97–98 // [Electronic resource]. Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/358645>.

14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649: [Collection 1: to December 12, 1825]. – Saint Petersburg: In the Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830–1851. – 30 cm. V. 7 (1723–1727). Art. 4409, 4418, 4481. Pp. 203, 207, 270. // [Electronic resource]. Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/358647>.

15. Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649: [Collection 1: to December 12, 1825]. – St. Petersburg: In the printing house of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830–1851. – 30 cm. V. 18 (1767–1769). Art. 13.042. Pp. 416–417 // [Electronic resource]. Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/358611>.

16. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes / edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Law, Professor O.I. Chistyakova. – Moscow: Legal Literature, 1984–1994. – 22 cm. Vol. 6. Pp. 163–411. // [Electronic resource]. B.N. Yeltsin Presidential Library. URL: <https://www.prlib.ru/item/1874387>.

17. Russia against cyber espionage: how strategic industries are protected. // [Electronic resource]. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/How-strategic-industries-are-protected-in-Russia.

18. Shigapova, K.R. Legal basis of the institute of state secrets in Russia: evolution and characteristics / K.R. Shigapova. – Text: direct // Young Scientist. – 2017. – No. 18 (152). – P. 261–263.

Классификация информации и информационных технологий: аспекты правового регулирования и защиты

Азамов Владимир Александрович,

аспирант, Московский финансово-юридический университет
E-mail: abtf10@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые аспекты классификации информации и информационных технологий, с акцентом на их правовое регулирование и защиту. В условиях стремительного развития цифровых технологий и их влияния на различные сферы общественной жизни, важность четкой классификации становится очевидной для обеспечения эффективного правового надзора и защиты данных. Автор анализирует основные понятия, связанные с информацией и информационными технологиями. Предложена многогранная классификация информации по различным критериям, включая ее форму, ценность и субъектов, что позволяет систематизировать и упорядочить знания в данной области. В рамках дальнейшего анализа вводятся различные модели информационных технологий, включая средства хранения и обработки данных, системный и программный компоненты. Одним из ключевых аспектов статьи является исследование правового регулирования, касающегося информации и информационных технологий. В статье рассматриваются существующие законодательные и нормативные акты, регулирующие защиту персональных данных, авторские права и кибербезопасность. Анализируется их эффективность и актуальность в условиях современных вызовов. В статье также рассматриваются проблемы, возникающие в процессе правового регулирования, включая дефицит механизма защиты прав, сложность адаптации законодательства к быстро меняющимся технологиям и угрозы кибербезопасности. Предлагаются рекомендации по улучшению правового регулирования в данном секторе, включая внедрение более гибких и адаптивных подходов.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, классификация, правовое регулирование, защита данных, кибербезопасность, законодательство.

Введение

Информация, информационные технологии и защита информации играют ключевую роль в современном обществе, охватывая широкий спектр аспектов, включая экономику, социальные отношения, безопасность и правовые системы. Понимание этих понятий и их правового регулирования необходимо для адекватной реакции на вызовы цифровой эпохи.

Информация – это социально значимые данные, которые подлежат интерпретации и приносят ценность для пользователей. Исходя из разных областей знаний, можно выделить несколько определений информации.

В общем смысле информация – это любой набор данных, который может быть использован для принятия решений, формирования знаний или выполнения действий [4, с. 5]. В информатике информация представляет собой данные, организованные таким образом, чтобы они были полезными и интерпретируемыми.

Информационные технологии – это совокупность методов, процессов и инструментов, используемых для сбора, хранения, обработки и распространения информации. Информационные технологии охватывают широкий спектр направлений, включая:

Программное обеспечение – это набор инструкций и программ, которые управляют работой компьютерных систем.

Аппаратное обеспечение – физические устройства, которые используются для обработки информации.

Телекоммуникационные технологии – средства и методы передачи данных через различные каналы связи.

Жан-Поль Лебон, французский философ и социолог, известен своими исследованиями в области информации и коммуникаций. В его трудах рассматриваются различные аспекты информации, ее роль в обществе и влияние на процессы взаимодействия [7, с. 236]. Ученый подчеркивает, что информация становится ключевым ресурсом в современном мире, определяющим как индивидуальные, так и социальные отношения. Работы Жан-Поля Лебона подчеркивают сложность и многогранность понятия информации. Он акцентирует внимание на ее социальной природе и роли в формировании общественных процессов. Понимание информации как динамичного элемента взаимодействия помогает лучше осознать вызовы, стоящие перед современным обществом в эпоху глобализации и цифровизации.

Основные подходы к классификации информации и информационных технологий

Классификация информации и информационных технологий представляет собой важный процесс, который позволяет структурировать знания и упрощает доступ к ним. В условиях стремительного роста объема данных и технологических изменений, понимание различных подходов к классификации становится критически важным для эффективного управления информацией.

Классификация информации и информационных технологий выступает фундаментальным механизмом для оптимизации процессов хранения, обработки и защиты ресурсов, позволяя структурировать разнородные элементы в унифицированные категории на основе их семантики, функциональности и уровня абстракции [3, с. 15].

Классификация информации важна как для эффективного управления данными, так и для их правовой защиты. Наиболее популярная классификация информационных технологий включает: операционные информационные технологии, поддерживающие основные бизнес-процессы; управленческие информационные технологии, играющие роль в принятии управленческих решений; аналитические информационные технологии, позволяющие производить глубокий анализ данных [1, с. 23].

Информация может быть классифицирована на несколько категорий, таких как: фактическая информация (данные, основанные

на фактах, цифрах и статистике); понятийная информация (охватывает концепции, теории и модели); процессная информация (описывает последовательности действий и методов).

Существует несколько источников информации, которые можно классифицировать:

Первичные источники – данные, собранные непосредственно исследователем (например, опросы, эксперименты).

Вторичные источники – анализ данных, уже собранных другими (например, статьи, отчеты).

Третичные источники – сводная информация, которая обобщает данные из первичных и вторичных источников (например, справочники).

Защита информации представляет собой совокупность мероприятий, направленных на предотвращение несанкционированного доступа, раскрытия, модификации или разрушения данных. Основные аспекты защиты информации включают:

Конфиденциальность – обеспечение доступа к информации только для авторизованных пользователей.

Целостность – защита информации от несанкционированных изменений.

Доступность – гарантирование, что разрешенные пользователи могут в любое время получить доступ к информации.

Различают несколько уровней и методов защиты информации:

Технические средства (например, антивирусные программы, системы шифрования).

Организационные меры (политики безопасности, контроль доступа).

Правовые механизмы (нормативно-правовые акты, регулирующие защиту данных).

Правовое регулирование информации и информационных технологий включает в себя разработку законодательных систем, обеспечивающих защиту интеллектуальной собственности, персональных данных и прав потребителей. Ключевые элементы правового регулирования включают:

Законодательство о защите данных – регламентирует сбор, обработку и хранение персональных данных, с акцентом на права субъектов данных [5].

Законодательство о кибербезопасности – реализует меры по предотвращению и выявлению киберугроз [6].

Законодательство об авторском праве – защищает интеллектуальную собственность в цифровом пространстве и предотвращает незаконное использование произведений без разрешения [8].

Классификация информации и информационных технологий является необходимым инструментом для упорядочивания знаний и повышения эффективности работы с данными. Разные подходы к классификации помогают лучше понять природу информации и оптимизировать использование технологий.

Аспекты правового регулирования и защиты информации и информационных технологий

Правовое регулирование и защита информации и информационных технологий становятся все более актуальными в условиях цифровизации общества. С увеличением объема обрабатываемых данных и развитием технологий, вопросы защиты информации, конфиденциальности и правовых норм требуют внимания со стороны государства, бизнеса и общества.

К основным аспектам правового регулирования отнесем законодательство о защите данных, регулирующее обработку и защиту персональных данных, является ключевым аспектом правового регулирования в области информационных технологий. Например, общий регламент по защите данных (GDPR) в Европейском Союзе устанавливает строгие нормы по обработке персональных данных, включая права субъектов данных на доступ, исправление и удаление информации.

Федеральный закон о персональных данных (ФЗ-152) в России также регулирует обработку персональных данных, устанавливая обязанности операторов данных по их защите.

Защита интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий включает авторское право, охватывающее программы для ЭВМ, базы данных и другие произведения, создаваемые с использованием технологий. Также патенты, защищающие изобретения, связанные с новыми технологиями и методами обработки информации. И торговые марки, защищающие бренды и наименования, связанные с ИТ-продуктами и услугами [2, с. 45].

Правовые нормы в области кибербезопасности направлены на защиту информационных систем от несанкционированного доступа и атак. Важные аспекты включают:

1. Стандарты и сертификация, обязательные требования к системам защиты информации.

2. Уголовная ответственность: законодательство, устанавливающее ответственность за киберпреступления, включая хакерские атаки и кражу данных.

Правовое регулирование и защита информации и информационных технологий являются необходимыми условиями для обеспечения безопасности данных в современном мире. Эффективная правовая база и внедрение современных технологий защиты способствуют снижению рисков и повышению уровня доверия к цифровым услугам.

Заключение

В условиях стремительного роста объемов данных и постоянной эволюции технологий, необходим комплексный и системный подход к этим вопросам, что подчеркивает актуальность выбранной темы.

Первое, что следует отметить, – это важность классификации информации и информационных технологий. Классификация позволяет не только структурировать знания в данной области, но и упрощает процесс правового регулирования. Правильная и четкая классификация объектов информации помогает законодателям и правозащитникам разработать эффективные механизмы защиты, адаптированные к специфике различных категорий данных и технологий. Классификация должна учитывать такие аспекты, как форма представления информации, ее ценность, контекст использования и субъектов, с которыми она связана.

Второе важное направление нашего анализа касается правового регулирования в области информационных технологий. Современные законодательства, направленные на защиту информации и персональных данных, часто демонстрируют разрывы и недостатки. В частности, сложность адаптации законодательства к постоянным изменениям в технологической среде создает опасные окна для злоупотреблений и утечек данных. Поэтому необходимо развивать юридические механизмы, которые бы учитывали быструю скорость изменения технологий, усиливая тем самым защиту пользователей и организаций.

Кроме того, исследование подтверждает, что правовое регулирование информации должно основываться не только на национальных интересах, но и учитывать глобальные тенденции и практики, что требует международного сотрудничества. Этот подход позволит создать более эффективные системы защиты, которые смогут противостоять вызовам, таким как киберугрозы и интернациональная преступность, связанным с информационными технологиями.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что защита информации и информационных технологий – это не только юридическая проблема, но и вопрос этики, социальной ответственности и поведения в цифровом пространстве. Важным шагом для формирования правовой среды в данной области является повышение уровня осведомленности пользователей о своих правах и обязанностях, а также о возможных угрозах и методах защиты информации.

В заключение, подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что правовое регулирование и защита информации и информационных технологий должны быть динамичными, многоуровневыми и взаимосвязанными. Только комплексный подход позволит обеспечить надежную защиту данных и создать безопасную цифровую среду как для индивидуальных пользователей, так и для общества в целом. В дальнейшем, исследования в этой области должны углубляться и расширяться, сочетая как теоретические, так и практические аспекты для создания более устойчивой правовой инфраструктуры.

Итак, информация, информационные технологии и защита информации представляют собой взаимосвязанные концепты, требующие внимательного правового регулирования. Учитывая динамичное развитие технологий и его влияние на общество, важность формализованного подхода к классификации и защите данных возрастает, что, в свою очередь, подтверждает необходимость дальнейших исследований в этой области.

Литература

- Северин В.С. Современные подходы к определению информации: теоретические аспекты. Информационные технологии и вычислительные системы. 2018. 37(1). С. 23–29.
- Лебедев П.И. Информационные технологии: общие вопросы и классификация. Журнал информационных технологий. 2019. 15(3). С. 45–52.
- Тарасов С.А. Методы и средства защиты информации: практическое руководство. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. 2022. С. 15–28

4. Осмоловская С.М. Средства массовой информации как субъекты публичного и общественного контроля. / Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М.: Перо, 2024. С. 5–8.

5. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152 Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

6. Закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры» от 26.07.2017 № 187 Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

7. Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ Доступно: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

CLASSIFICATION OF INFORMATION AND INFORMATION TECHNOLOGIES: ASPECTS OF LEGAL REGULATION AND PROTECTION

Azamov V.A.

Moscow University of Finance and Law

The article examines the key aspects of the classification of information and information technologies, with an emphasis on their legal regulation and protection. With the rapid development of digital technologies and their impact on various spheres of public life, the importance of clear classification is becoming apparent to ensure effective legal oversight and data protection. The author analyzes the basic concepts related to information and information technology. A multifaceted classification of information according to various criteria is proposed, including its form, value and subjects, which makes it possible to systematize and streamline knowledge in this field. As part of the further analysis, various

information technology models are introduced, including data storage and processing facilities, system and software components. One of the key aspects of the article is the study of legal regulation related to information and information technology. The article examines the existing laws and regulations governing personal data protection, copyright, and cybersecurity. Their effectiveness and relevance in the context of modern challenges are analyzed. The article also examines the problems that arise in the process of legal regulation, including the lack of a mechanism for protecting rights, the difficulty of adapting legislation to rapidly changing technologies, and threats to cybersecurity. Recommendations are proposed to improve legal regulation in this sector, including the introduction of more flexible and adaptive approaches.

Keywords: information, information technology, classification, legal regulation, data protection, cybersecurity, legislation.

References

1. Severin V.S. Modern approaches to information definition: theoretical aspects. Information technologies and computing systems. 2018. 37(1). pp. 23–29.

2. Lebedev P.I. Information technologies: general issues and classification. The Journal of Information Technology. 2019. 15(3). pp. 45–52.

3. Tarasov S.A. Methods and means of information protection: a practical guide. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 2022. pp. 15–28

4. Osmolovskaya S.M. Mass media as subjects of public and public control. / Collection of works by teachers, graduate students and students. Moscow: Pero, 2024. pp. 5–8.

5. Federal Law “On Personal Data” dated 27.07.2006 No. 152 is available: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

6. The Law “On the Security of Critical Information Infrastructure” dated July 26, 2017 No. 187 is available: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

7. Mr. Lebon. Psychology of Peoples and masses. Moscow: Academic Project, 2011. 238 p.

8. The Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) on November 30, 1994, No. 51-FZ is available: https://www.consultant.ru/document/cons_doc

Аскерова Матанат Паша кызы,

д.ю.н., советник юстиции, Академии Юстиции Минюста
Азербайджанской Республики; профессор, зав.кафедрой
«Право» уголовного процесса, криминалистики и судебной
экспертизы Национальной Академии»
E-mail: matanatasgarova@yahoo.com

Статья посвящена процессуальным особенностям оценки экспертного заключения в уголовном судопроизводстве и пределы судебного усмотрения при его использовании. Обосновывается, что экспертное заключение, обладая высокой доказательственной значимостью, не может рассматриваться судом как формально обязательное или априори достоверное доказательство. Показано, что свободная оценка доказательств предполагает активную и критическую позицию суда, включающую проверку научной обоснованности, внутренней логичности и согласованности экспертных выводов с иными доказательствами по делу. Особое внимание уделяется типовым процессуальным рискам, связанным с некритическим восприятием экспертных заключений, эффектом авторитета и подменой судебного усмотрения экспертным мнением. На основе анализа доктрины уголовного процесса и практики Европейского суда по правам человека формулируются процессуальные критерии и гарантии, ограничивающие судебное усмотрение при оценке экспертных доказательств и обеспечивающие справедливость уголовного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное усмотрение; оценка доказательств; экспертное заключение; судебная экспертиза; процессуальная справедливость; мотивированность судебных решений.

Современное уголовное судопроизводство характеризуется высокой степенью роли экспертиз. Они влияют на формирование доказательственной базы, на оценку фактов, на выработку процессуальных решений. В условиях усложнения предмета доказывания и активного использования специальных знаний экспертное заключение всё чаще приобретает ключевое значение для исхода уголовного дела.

Однако судебное усмотрение при оценке экспертных заключений сталкивается с двумя противоречивыми требованиями. С одной стороны – с необходимостью свободной оценки доказательств как основного начала уголовного процесса, предполагающего отсутствие заранее установленной доказательственной силы. С другой стороны – с требованием правовой определённости и научной обоснованности выводов, положенных в основу судебных решений.

Следует отметить, что в УПК Азербайджанской Республики не используется термин «свобода оценки доказательств», тогда как в ст. 17 УПК РФ он прямо закреплён. В статье 33 УПК Азербайджанской Республики используется нейтральное и институционально сдержанное обозначение – «оценка доказательств в уголовном судопроизводстве», без акцента на категорию «свободы». При этом материальное содержание части первой статьи 17 УПК РФ фактически воспроизводится в статье 145.2 УПК Азербайджанской Республики, где закрепляется оценка доказательств по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

Считаем, что отказ законодателя Азербайджанской Республики от использования термина «свобода оценки доказательств» не свидетельствует об отрицании данного начала, а отражает осознанное стремление нормативно сдерживать пределы процессуального усмотрения, трансформировав свободу оценки в юридически обусловленную обязанность мотивированного, рационально объяснимого и проверяемого вывода. Такой подход позволяет избежать абсолютизации судебного усмотрения и снизить риск его подмены субъективным произволом.

В научной литературе справедливо подчёркивается, что «свобода оценки доказательств обеспечивается, прежде всего, свободой внутреннего убеждения субъектов оценивающих доказательств» [10, с.11]. Вместе с тем внутренняя убеждённости судьи не является произвольным психологическим состоянием, а формируется в рамках правовых и этических ориентиров.

Так, указывается, что судья «...руководствуясь законом и совестью, формирует свое внутреннее убеждение о наличии (отсутствии) обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора» [6, с.67]. При этом «совесть является внутренним критерием соблюдения морально-этических правил, а также фактором уверенности субъекта в справедливости и беспристрастности своего мнения» [8, с.100].

Вместе с тем представляется необходимым разграничивать внутреннее убеждение как результат оценочной деятельности суда и судебное усмотрение как процесс выбора между допустимыми альтернативами. Свободная оценка доказательств не означает произвола и ограничивается стандартами доказанности, принципами процессуальной справедливости и требованиями мотивированности судебных решений.

Экспертное заключение, даже при соблюдении всех формальных требований, может иметь различную процессуальную значимость в зависимости от способа его оценки судьёй. Это создаёт риск произвольных решений, процессуальной неопределённости и даже несправедливых приговоров. Анализ пределов судебного усмотрения при оценке экспертных заключений позволяет выявить процессуальные риски и предложить методологические подходы, повышающие объективность и стандартизирующие правоприменение.

Экспертное заключение – это вид доказательства, содержащий выводы лица или группы лиц, обладающих специальными знаниями. В отличие от иных доказательств, оно выражает интерпретацию фактических данных через научную парадигму, а не лишь свидетельские сведения.

По определению Колесниковой Н.С. «заключение судебного эксперта представляет собой оформленный в соответствии с требованиями закона процессуальный документ, содержащий информацию, отражающую ход, результаты экспертного исследования и выводы по вопросам, поставленным в определении или постановлении о назначении судебной экспертизы» [7, с.13]

Экспертное заключение выполняет разъяснительную (помогает суду понять технические аспекты дела), доказательственную (формирует весомые аргументы в пользу одной из версий) и нормативно-конститутивную (влияет на квалификацию деяния) процессуальные функции.

Экспертное заключение в уголовном процессе обладает двойственной природой. С одной стороны, оно является самостоятельным доказательством, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, с другой – представляет собой результат применения специальных знаний, выходящих за пределы профессиональной компетенции суда. Именно эта двойственность предопределяет сложность его процессуальной оценки и повышает риск расширительного судебного усмотрения.

При оценке экспертного заключения опора исключительно на категорию внутреннего убеждения без чётко очерченных методологических и процессуальных ориентиров является недостаточной. Экспертное заключение, даже при формальном соблюдении требований допустимости и относимости, может обладать различной процессуальной значимостью в зависимости от того, какие критерии положены судьей в основу его оценки. В отсутствие таких критериев возрастает риск произвольного предпочтения одного экспертного вывода другому, формального согласия с заключением без анализа его научной состоятельности и подмены оценки доказательств авторитетом эксперта.

Законодательство однозначно определяет, что экспертное заключение не может рассматриваться как доказательство, обладающее заранее установленной доказательственной силой (ст. 33.3 УПК). Экспертное заключение предоставляет суду научно обоснованный материал для формирования внутреннего убеждения; следовательно, суд не вправе автоматически принимать выводы эксперта без их процессуального анализа.

Одним из ключевых вопросов является судебное усмотрение и его пределы при оценке заключения эксперта. Судья должен оценивать экспертное заключение в рамках правоприменительных стандартов, по своему внутреннему убеждению и правосознанию (ст. 25.3 УПК), которые и ограничивают свободную оценку.

Заключение эксперта оценивается в формальном (правовом) и научно-фактическом аспектах. «Под формальным аспектом понимают, в первую очередь, законность назначения и производства экспертизы, т.е. соблюдение на этих этапах всех процессуальных норм. В научно-фактическом отношении оценка заключения эксперта предполагает проверку научной состоятельности принципиальных положений, на основе которых эксперт сделал выводы» [3, с.25]

Судебное усмотрение предполагает, что суд оценивает доказательства свободно, на основе совокупности данных дела и личного убеждения. Как отмечается в научной литературе, «правовое понятие усмотрения предполагает наличие полномочия выбирать между альтернативными вариантами действий...» [17, с.278], при этом «судебное усмотрение всегда должно осуществляться в соответствии с принципами разума и справедливости, а не исходя из индивидуального мнения» [20, с.58].

В.С. Балакин указывает, что законодатель объединил пять принципов оценки доказательств: «1) оценка доказательств по внутреннему убеждению субъекта доказывания; 2) оценка, руководствуясь законом и в соответствии с совестью; 3) оценка каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности; 4) оценка на основе полного, всестороннего и объективного исследования всех имеющихся доказательств; 5) оценка доказательств, при которой никакое оцениваемое доказательство для субъекта оценки не имеет заранее установленной силы» [2, с.77]. В этой связи справедливо отмечается, что «в настоящее время российская теория доказательств рассматривает оценку доказательств, по внутреннему убеждению, в диалектическом единстве объективного и субъективного доказательства, не имеющего заранее установленной силы» [5, с.158]

Считаем, что процессуальная оценка экспертного заключения включает, по меньшей мере, три взаимосвязанных элемента: оценку допустимости (законность назначения экспертизы, компетентность эксперта, соблюдение процессуальной формы); оценку достоверности (научная обоснованность применённой методики, логическая непротиворечивость выводов); оценку доказательственной силы (соотнесение экспертных выводов с иными доказательствами по делу).

Именно на стадиях оценки достоверности и доказательственной силы возникает наибольший простор для судебного усмотрения, что требует его чёткого процессуального ограничения.

Слепая вера в выводы эксперта и склонность придавать повышенное значение мнению эксперта как авторитетному источнику являются одной из типичных ошибок правоприменительной практики. В подобных ситуациях экспертное заключение превращается в неоспоримый

источник истины, что противоречит принципу свободной оценки доказательств; экспертное заключение начинает выполнять функцию «квази-приговора», а доводы стороны защиты утрачивают реальное процессуальное значение.

Исходя из особенностей судебной практики, судьи нередко не отдают экспертное мнение от доказательства как такового, что приводит к формализации судебной оценки и ослаблению процессуального контроля за экспертными выводами.

Как подчёркивается в научной литературе, «окончательно суд проверяет доказательства, в том числе, выводы, содержащиеся в экспертном заключении, на предмет их относимости, допустимости в ходе судебного разбирательства. Оценка относимости заключения эксперта имеет особую ценность, так как позволяет установить связь с обстоятельствами дела, подлежащими доказыванию. Если такая связь экспертным заключением не установлена, суд вправе признать доказательство (экспертное заключение) недопустимым» [15, с.504].

Игнорирование сомнений и отказ от рассмотрения альтернативных экспертных версий, даже если они были представлены сторонами, приводит к формированию неправильных выводов. Это нарушает баланс между сторонами и ограничивает право на защиту.

Пределы судебного усмотрения проявляются, в частности, в аспектах достоверности методологии (суд не вправе игнорировать очевидные методологические недостатки экспертизы), объективности выводов (суд должен оценивать, насколько выводы эксперта согласуются с иными доказательствами по делу), а также при наличии противоречий и альтернатив (при наличии разногласий суд обязан либо инициировать получение дополнительного экспертного знания, либо сопоставить различные экспертные заключения).

Критическим моментом является то, что судья не должен подменять эксперта собственной «судебной экспертизой», но при этом обязан критически оценивать выводы эксперта в случае их необоснованности, противоречивости либо неполноты. Так, судья Европейского суда по правам человека по делу Девинар против Словении Пинто де Альбукерке в особом мнении указал: «Учитывая отсутствие каких-либо объяснений относительно медицинской экспертизы... довольно странно, что национальный суд был готов заменить заключение независимого эксперта собственными наблюдениями судьи» [18, § 7].

Принцип свободной оценки доказательств, являясь фундаментальным началом уголовного судопроизводства, не тождествен произволу. В этой связи подчёркивается, что «усмотрение суда – это установка на процесс субъективного восприятия истинности этих доказательств, в отличие от внутреннего убеждения, которое представляет собой субъективный результат уголовно-процессуальной оценки судом всех проверенных доказательств» [1, с.147].

Отмечается также, что «на формирование внутреннего убеждения судом определенное влияние оказывает внутреннее убеждение прокурора, защитника и других участников судебного разбирательства» [16, с.190], а «неотъемлемым и необходимым свойством внутреннего убеждения является его обоснованность» [12, с.99].

Отклонение выводов эксперта возможно только в результате твёрдого внутреннего убеждения суда в их ошибочности и при обязательном изложении соответствующих мотивов. Это означает, что суд не связан выводами эксперта, но не вправе игнорировать их без мотивированного обоснования и не может подменять экспертное исследование собственными предположениями.

Предел судебного усмотрения проходит там, где суд, не обладая специальными знаниями, начинает оценивать научную состоятельность методики «по существу», не прибегая к дополнительным экспертным средствам. В подобных случаях отказ от назначения дополнительной или повторной экспертизы при наличии сомнений свидетельствует о формализации судебной оценки.

Как подчёркивается в доктрине, «критерий достоверности заключения эксперта как доказательства представляет собой не что иное, как более «строгое» процессуальное требование касательно стандарта этого доказательства...» [4, с.168]. В свою очередь, «непризнание судом заключения эксперта доказательством ввиду отсутствия мотивированности или его убедительности, и будет свидетельствовать о соблюдении процессуальной «справедливости» как надлежащего способа приобретения информации и принятия правосудных судебных решений» [4, с.169].

Особую сложность представляет наличие в деле нескольких экспертных заключений, содержащих противоречивые выводы. Судебное усмотрение в таких случаях не может сводиться к формальному выбору одного из них. Суд обязан выявить причины расхождений, оценить применённые методики и исходные данные, а также мотивировать предпочтение одного заключения другому. Отсутствие такой мотивировки свидетельствует о произвольном использовании судеб-

ного усмотрения и может рассматриваться как нарушение принципа справедливого судебного разбирательства.

Мотивированность судебных решений выступает базовым процессуальным инструментом ограничения судебного усмотрения при оценке экспертного заключения. Она обеспечивает проверяемость судебного рассуждения и препятствует некритическому восприятию экспертных выводов.

Формальная мотивировка, ограниченная указанием на отсутствие оснований для сомнений в экспертизе, не отвечает требованиям процессуальной оценки и фактически расширяет пределы судебного усмотрения.

Мотивировка является способом рационализации судебного усмотрения и его подчинения процессуальным стандартам. В контексте экспертных доказательств это означает, что суд обязан указать, какие именно выводы эксперта приняты или отвергнуты, обосновать доверие либо недоверие к применённой методике, а также показать, каким образом экспертное заключение соотносено с иными доказательствами.

Процессуальная оценка экспертного заключения неразрывно связана со стандартом доказывания. В уголовном процессе экспертные выводы нередко используются для подтверждения обвинительной версии, особенно в делах, где отсутствуют прямые доказательства. Однако стандарт доказывания «вне разумного сомнения» требует, чтобы экспертное заключение не содержало неопределённых или вероятностных формулировок без надлежащего объяснения и было согласовано с совокупностью доказательств по делу.

Оценка экспертного заключения невозможна вне состязательного обсуждения, поскольку суд не обладает специальными знаниями и нуждается в аргументации сторон. Практическое значение состязательности проявляется в том, что сторона защиты вправе ставить под сомнение компетентность эксперта и корректность применённой методики, стороны могут ходатайствовать о допросе эксперта в судебном заседании, допускается представление альтернативных экспертных мнений и консультаций специалистов.

Вместе с тем эффективность состязательного обсуждения экспертного заключения во многом зависит от наличия у стороны защиты реальных процессуальных механизмов влияния на формирование и проверку экспертных доказательств. Одним из таких механизмов является возможность обжалования отказа органа уголовного преследования в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы.

В уголовном процессе Российской Федерации такая возможность прямо предусмотрена: отказ следователя, руководителя следственного органа либо прокурора в назначении экспертизы может быть обжалован в судебном порядке, в том числе в порядке статьи 125 УПК РФ. Тем самым обеспечивается судебный контроль за решениями, способными существенно повлиять на доказательственную базу и последующую оценку доказательств судом.

В уголовном процессе Азербайджанской Республики формально закреплено право обжалования процессуальных действий и решений органа, ведущего уголовное производство. Так, статья 122 УПК Азербайджанской Республики предусматривает возможность подачи жалоб участниками уголовного производства, включая адвоката защиты, на процессуальные действия или решения органа уголовного преследования в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом. Однако статья 449.3 УПК Азербайджанской Республики устанавливает исчерпывающий перечень оснований, по которым адвокат защиты вправе обращаться с жалобой в суд, при этом отказ в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы в данный перечень не включён.

В результате отказ в назначении экспертизы, даже при наличии обоснованных сомнений в достоверности имеющихся доказательств либо необходимости использования специальных знаний, фактически оказывается выведенным из сферы эффективного судебного контроля. Это существенно ограничивает возможность стороны защиты реализовать принцип состязательности на досудебной стадии и влияет на последующую судебную оценку экспертных доказательств, поскольку суд вынужден работать с доказательственным материалом, сформированным без полноценного процессуального баланса сторон.

Состязательность уголовного процесса выполняет корректирующую функцию по отношению к судебному усмотрению. Именно через активную позицию сторон выявляются методологические недостатки экспертизы, альтернативные интерпретации и пределы применимости специальных знаний.

Назначение дополнительной или повторной экспертизы является одним из наиболее действенных процессуальных механизмов ограничения судебного усмотрения при оценке экспертного заключения. Оно позволяет устранить сомнения, связанные с неполнотой, противоречивостью либо методологической уяз-

вимостью первоначального экспертного заключения. Данная позиция получила прямое подтверждение в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, Пленум указал, что «15...при наличии сомнений в обоснованности или достоверности заключения эксперта, а также при наличии противоречий между заключениями экспертов суду следует обсудить вопрос о назначении дополнительной либо повторной экспертизы» [11].

С процессуальной точки зрения повторная экспертиза не должна рассматриваться как исключительная мера. Напротив, в условиях, когда экспертное заключение приобретает решающее значение для исхода уголовного дела, назначение повторной или дополнительной экспертизы выступает инструментом обеспечения объективности доказывания и соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства.

В этой связи следует отметить, что отказ в удовлетворении ходатайств стороны защиты о назначении повторной экспертизы без надлежащей мотивировки может свидетельствовать о формальном подходе суда к оценке экспертных доказательств и о фактическом расширении пределов судебного усмотрения за счёт переноса доказательственной функции на эксперта.

Система судебного пересмотра играет стабилизирующую роль в ограничении судебного усмотрения при оценке экспертных заключений. Апелляционная и кассационная инстанции призваны проверять не научную состоятельность экспертизы как таковую, а процессуальную корректность её оценки судом первой инстанции.

К предмету такой проверки относятся достаточность и логичность мотивировки, соблюдение принципа состязательности при исследовании экспертного заключения, реакция суда на заявленные сомнения и противоречия, а также обоснованность отказа в назначении повторной или дополнительной экспертизы.

Формальный пересмотр, при котором вышестоящий суд ограничивается ссылкой на «оценку доказательств по внутреннему убеждению», не выполняет контрольной функции и способствует воспроизводству процессуальных дефектов. Игнорирование аргументов стороны защиты либо формальный отказ в их оценке приводит к подмене состязательности декларативной формой и усиливает риск неконтролируемого судебного усмотрения.

В качестве обобщающего механизма ограничения судебного усмотрения следует рассматривать внедрение и последовательное применение процессуальных стандартов оценки экспертных доказательств. Речь идёт не о введении жёстких правил доказывания, а о формировании минимальных требований, которым должна соответствовать судебная оценка экспертного заключения.

К таким стандартам относятся обязательность анализа методологии экспертного исследования, проверка воспроизводимости и логической завершенности экспертных выводов, недопустимость вероятностных формулировок без их процессуального объяснения, соотношение экспертных выводов со стандартом доказывания «вне разумного сомнения», а также учёт поведения сторон в процессе сбора и исследования доказательств.

В практике Европейского суда по правам человека подчёркивается, что доказательства могут вытекать из «...из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или аналогичных не опровергнутых презумпций факта. В этом контексте необходимо учитывать поведение сторон в процессе сбора доказательств» [19, § 161].

Применение указанных стандартов позволяет сохранить баланс между свободой оценки доказательств и правовой определётельностью уголовного судопроизводства, не лишая суд усмотрения, но подчиняя его процессуальным гарантиям.

В уголовном процессе Азербайджанской Республики экспертное заключение традиционно занимает значимое место в системе доказательств, которое утверждается и количеством назначенных экспертиз. Так, по данным за 2024 год, в уголовных делах было назначено 149361 судебная экспертиза [9], что свидетельствует о высокой степени зависимости правоприменения от специальных знаний.

Вместе с тем выборочный анализ судебной практики показывает, что процессуальная оценка экспертных заключений нередко носит формализованный характер. Суды нередко исходят из презумпции научной состоятельности экспертизы и ограничиваются проверкой её допустимости, уделяя меньше внимания анализу методологии исследования и логической обоснованности выводов.

Подобный подход приводит к фактическому расширению судебного усмотрения за счёт переноса решающей доказательственной функции на эксперта. В результате экспертное заключение начинает играть доминирующую роль в формировании внутреннего убеждения суда,

что противоречит принципу свободной оценки доказательств и ослабляет процессуальные гарантии стороны защиты.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что процессуальная оценка экспертного заключения является одной из наиболее уязвимых сфер реализации судебного усмотрения в уголовном процессе. Экспертное заключение, обладая высокой доказательственной значимостью и основанное на применении специальных знаний, одновременно создаёт риск подмены судебной оценки авторитетом экспертного мнения, что способно привести к деформации принципа свободной оценки доказательств.

Судебное усмотрение при оценке экспертных заключений не может рассматриваться как неограниченная свобода. Оно должно быть встроено в систему процессуальных ограничений, включающую проверку допустимости и достоверности экспертизы, её соотнесение с иными доказательствами по делу, а также обязательную мотивированность судебных выводов. Выход за эти пределы трансформирует усмотрение в форму скрытого процессуального произвола и подрывает доверие к судебному разбирательству как справедливой процедуре установления истины.

Особую опасность представляет некритическое восприятие экспертных выводов, при котором экспертиза фактически приобретает решающее значение для исхода дела. В подобных случаях суд утрачивает активную роль в доказывании, а состязательность сторон приобретает формальный характер, что нарушает баланс между обвинением и защитой и снижает уровень процессуальной справедливости уголовного судопроизводства.

Анализ доктрины и практики Европейского суда по правам человека показывает, что эффективная оценка экспертного заключения возможна лишь при условии его реального и содержательного обсуждения в состязательном процессе, возможности постановки под сомнение применённой методологии исследования и активного использования дополнительных или повторных экспертиз при наличии разумных сомнений в достоверности экспертных выводов. Именно такие процессуальные механизмы позволяют ограничить судебное усмотрение, не отказываясь от его сущностной роли в уголовном процессе.

Таким образом, пределы судебного усмотрения при оценке экспертного заключения должны определяться не абстрактными декларациями о свободе оценки доказательств, а совокупностью процессуальных гарантий, обеспечивающих проверяемость, предсказуемость и справедливость уголовного судопроизводства. Свобода оценки экспертных заключений должна рассматриваться не как неограниченное усмотрение, а как функционально связанная с обязанностью суда обосновать, почему экспертное мнение признаётся убедительным, достаточным и соответствующим совокупности доказательств по делу. Такой подход позволяет выявить ключевые процессуальные риски, повысить объективность судебных выводов и способствует стандартизации правоприменительной практики.

Литература

1. Азарова, Е.С. Внутреннее убеждение как моральный критерий для реализации усмотрения суда// Государственная служба и кадры. – 2022. – № 2. – С. 147–150. URL: <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-147-150> (дата обращения: 21.01.2026).
2. Балакшин, В.С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов Российского уголовного судопроизводства// Вестник Удмуртского Университета. – 2015. – Т. 25, вып. 4. – С. 75–83.
3. Данилова, Н.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Хрестоматия. В 2 ч. Ч. 2. Судебная экспертиза / Н.А. Данилова, Е.В. Елагина, Т.Г. Николаева; отв. ред. Е.В. Елагина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, – 2019. – 231 с. https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2019_02_05.pdf (дата обращения: 21.01.2026).
4. Егорова, О.А. Убедительность и мотивированность экспертного заключения как гарантия процессуальной «справедливости»// «Colloquium-journal». – 2020. – № 9(61). – С. 166–169. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11626 (дата обращения: 21.01.2026).
5. Зайцева, С.А. Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе// Юридические науки и образование. – 2018. – № 56. – С. 158–170. DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.158-182 (дата обращения: 21.01.2026).
6. Камардина, А.А. Реализация принципа свободы оценки доказательств при производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора// ВЕСТНИК ОГУ. март 2012. № 3 (139). С. 67–71.
7. Колесникова, Н.С. Заключение судебного эксперта в системе криминалистически значимой информации: /Диссертация к.ю.н./, Мо-

сква – 2021. – 258 с. URL: https://istina.msu.ru/download/396292157/1m-dQxl: goAw7RVO0vJGn2_FEZio98qO_A8/ (дата обращения: 21.01.2026).

8. Макеева, И.В. Правила и принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве// Экономика. Право. Общество.2022. Т. 7, № 4 (32). С. 100–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-4-100-105> (дата обращения: 21.01.2026).

9. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Об утверждении «Концепции развития сферы судебной экспертизы в Азербайджанской Республике на 2026–2030 годы» от 11 декабря 2025 г. № 844. URL: <https://president.az/ru/articles/view/70759>

10. Пилюгина, Н.Н. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 23 с.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/

12. Пляшин, С.А. Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств// Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (58). – С. 99–103.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

15. Шитова, Т.В., Чепик, М.М. Об актуальных проблемах оценки заключений экспертов при судебном разбирательстве уголовных дел// Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 503–506. DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_503 (дата обращения: 21.01.2026).

16. Шинкарук, В.М. Значение заключения эксперта для формирования внутреннего убеждения участников судебного разбирательства// Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23. № 4. – С. 187–193. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24> (дата обращения: 21.01.2026).

17. De Smith, Stanley A. and Evans, J. M. «De Smith's Judicial Review of Administrative Action, 4th Edition» (1980). Books. 626 p. URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/faculty_books/249 (дата обращения: 21.01.2026).

18. Devinar v. Slovenia (Application № 28621/15). Judgment, 22 May 2018. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-183127%22%7D> (дата обращения: 21.01.2026).

19. Ireland v. The United Kingdom (Application no. 5310/71). Judgment. 18 January 1978. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-57506%22%7D>

20. Rashmi Goyal and et al. Judicial discretion //Uttarakhand Judicial & Legal Review. – 2022. – Volume 2; Issue 1. – P. 58–70. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s37a68443f5c80d181c42967cd71612af1/uploads/2025/03/202503191544574713.pdf> (дата обращения: 21.01.2026).

PROCEDURAL EVALUATION OF EXPERT OPINION: LIMITS OF JUDICIAL DISCRETION

Askerova M.

Justice Academy of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, National Aviation Academy

The article is devoted to the procedural specificities of evaluating expert opinions in criminal proceedings and to the limits of judicial discretion in their use. It is substantiated that, despite its high evidentiary value, an expert opinion cannot be regarded by a court as formally binding or a priori reliable evidence. It is demonstrated that the principle of free evaluation of evidence presupposes an active and critical position of the court, including verification of the scientific validity, internal consistency, and coherence of expert conclusions with other evidence in the case. Particular attention is paid to typical procedural risks associated with the uncritical acceptance of expert opinions, the authority bias effect, and the substitution of judicial discretion by expert judgment. Based on an analysis of criminal procedure doctrine and the case-law of the European Court of Human Rights, the article formulates procedural criteria and safeguards that limit judicial discretion in the assessment of expert evidence and ensure the fairness of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure; judicial discretion; evaluation of evidence; expert opinion; forensic examination.

References

1. Azarova, E.S. Inner conviction as a moral criterion for the implementation of the court's discretion// Civil service and personnel. – 2022. – No. 2. – Pp. 147–150. URL: <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-147-150> (date of access: 21.01.2026).
2. Balakshin, V.S. The principle of freedom of evaluation of evidence in the system of principles of Russian criminal procedure// Bulletin of Udmurt University. – 2015. – Vol. 25, issue. – Pp. 75–83.
3. Danilova, N.A. Use of specialized knowledge in criminal proceedings. Reader. In Part 2. Forensic examination / N.A. Danilova, E.V. Elagina, T.G. Nikolaeva; ed. by E.V. Elagina. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the

Prosecutor's Office of the Russian Federation, – 2019. – 231 p. https://www.procuror.spb.ru/izdaniya/2019_02_05.pdf (accessed: 21.01.2026).

4. Egorova, O.A. The persuasiveness and motivation of the expert opinion as a guarantee of procedural "fairness" // "Colloquium-journal". – 2020. – No. 9 (61). – P. 166–169. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11626 (accessed on 21.01.2026).

5. Zaitseva, S.A. Genesis of Free Evaluation of Evidence in Russian Criminal Procedure // Legal Sciences and Education. – 2018. – No. 56. – P. 158–170. DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2018.56.158-182 (accessed on 21.01.2026).

6. Kamardina, A.A. Implementation of the Principle of Freedom of Evidence Assessment in Proceedings on Consideration and Resolution of Issues Related to the Execution of a Sentence // BULLETIN OF OSU. March 2012. No. 3 (139). P. 67–71.

7. Kolesnikova, N.S. Forensic Expert's Conclusion in the System of Forensically Significant Information: /Dissertation of Candidate of Law Sciences/, Moscow – 2021. – 258 p. URL:

1. https://istina.msu.ru/download/396292157/1mdQxl:goAw7RV0OvJGn2_FEZio-98qO_A8/ (date of access: 21.01.2026).

8. Makeeva, I.V. Rules and Principles of Evidence Assessment in Criminal Proceedings // Economy. Law. Society. 2022. Vol. 7, No. 4 (32). P. 100–105. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-4-100-105> (accessed: 21.01.2026).

9. Order of the President of the Republic of Azerbaijan On Approval of the "Concept for the Development of Forensic Science in the Republic of Azerbaijan for 2026–2030" dated December 11, 2025 No. 844. URL: <https://president.az/ru/articles/view/70759>

10. Pilyugina, N.N. Freedom of Evidence Assessment in Criminal Proceedings: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov, 2007. 23 p.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2010 No. 28 (as amended on 29.06.2021) "On Forensic Examination in Criminal Cases". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/

12. Pyashin, S.A. Inner Conviction of a Judge in Assessing Evidence // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 4 (58). – P. 99–103.

13. Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280

14. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

15. Shitova, T.V., Chepik, M.M. On Current Issues of Assessing Expert Opinions in Criminal Trials // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 10 (238). – P. 503–506. DOI 10.47643/1815–1337_2024_10_503 (date of access: 21.01.2026).

16. Shinkaruk, V.M. The Importance of an Expert Opinion for the Formation of the Inner Conviction of Participants in Trial // Legal Paradigm. – 2024. – Vol. 23. No. 4. – P. 187–193. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.24> (accessed 21 January 2026).

17. De Smith, Stanley A. and Evans, J. M. "De Smith's Judicial Review of Administrative Action, 4th Edition" (1980). Books.. 626 p. URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/faculty_books/249 (accessed 21 January 2026).

18. Devinar v. Slovenia (Application No. 28621/15). Judgment, 22 May 2018. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001–183127%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001–183127%22]}) (accessed: 01/21/2026).

19. Ireland v. The United Kingdom (Application no. 5310/71). Judgment, 18 January 1978. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001–57506%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001–57506%22]})

20. Rashmi Goyal and et al. Judicial discretion // Uttarakhand Judicial & Legal Review. – 2022. – Volume 2; Issue 1. – P. 58–70. URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s37a68443f5c80d181c42967cd71612af1/uploads/2025/03/202503191544574713.pdf> (accessed: 21.01.2026).

Использование органами прокуратуры искусственного интеллекта в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов

Барциц Сабина Зурабовна,

аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: bbbartsits@mail.ru

В статье представлен научный анализ потенциала интеграции технологий искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры Российской Федерации при реализации полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Анализируются правовые предпосылки формирования данного направления надзорной деятельности, особенности его реализации и значение в системе превентивного контроля. Рассматриваются современные тенденции цифровой трансформации прокуратуры и оценивается потенциал интеллектуальных аналитических инструментов для повышения эффективности выявления коррупционных рисков в нормотворчестве. Обосновывается вывод о целесообразности применения больших языковых моделей как инструмента предварительного выявления коррупционных факторов при сохранении решающей роли прокурора и его ответственности за конечный результат.

Ключевые слова: прокуратура; антикоррупционная экспертиза; нормативные правовые акты; искусственный интеллект; цифровая трансформация; коррупционные факторы.

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов на современном этапе развития правовой системы Российской Федерации сформировалась в качестве самостоятельного и институционально обособленного направления деятельности органов прокуратуры, осуществляемого в рамках надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции и направленного на выявление и устранение коррупциогенных факторов в нормативном регулировании. Контекстуально о проведении такой экспертизы было отмечено еще в Указе Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции», в подпункте 8-в которого на председателя Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции возлагалась обязанность решать организационные и иные вопросы, связанные с проведением экспертных работ без указания их характера[1]. Закрепление антикоррупционной экспертизы в качестве превентивной меры противодействия коррупции впервые было предусмотрено в п. 2 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2]. В качестве субъект производства указанной экспертизы прокуратура названа в первом Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг., утвержденном Президентом Российской Федерации. В соответствии с пункта 4 раздела 4 указанного Национального плана на Генерального прокурора Российской Федерации была возложена обязанность осуществлять комплексный анализ организации проведения органами прокуратуры Российской Федерации антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, при выявлении соответствующих проблем, инициировать и реализовывать меры, направленные на её нормативное и организационное совершенствование[3]. Впоследствии данное направление деятельности получило прямое законодательное закрепление в статье 9.1 Закона о прокуратуре, включённой в его текст Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 171-ФЗ. Указанная норма определяет правовой статус прокуратуры в сфере антикоррупционной экспертизы, устанавливает процессуальные формы прокурорского реагирования при выявлении коррупциогенных положений в нормативных правовых актах, а также предусматривает обязанность соответствующих органов рассматривать требования прокурора об устранении выявленных нарушений и закрепляет возможность их обжалования в установленном порядке. Одновременно с указанными изменениями был принят Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ, специально посвящённый регулированию антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Данным нормативным правовым актом определены правовые основания проведения экспертизы, закреплены базовые принципы её реализации, а также регламентированы ключевые процедурные и организационные аспекты осуществления соответствующей деятельности [4]. Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 утверждены Правила и Методика проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции [5].

В соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона об антикоррупционной экспертизе прокуроры в ходе осуществления своих полномочий проводят антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов органов, организаций, их должностных лиц по вопросам, касающимся: 1) прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; 2) государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона; 3) социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

Осуществление данной экспертизы направлено на установление и анализ в нормативных правовых актах, а также в их проектах, положений, способных порождать коррупционные риски. Речь идет, прежде всего, о нормах, предоставляющих правоприменителю чрезмерно широкие пределы усмотрения либо допускающих необоснованное от-

ступление от общих правил, а также о предписаниях, сформулированных неопределенно, избыточно усложненно или создающих чрезмерные административные и иные обременения для граждан и организаций. Совокупность подобных дефектов нормативного регулирования формирует предпосылки для злоупотреблений и иных коррупционных проявлений. Представляется обоснованной позиция Д. О. Буракова, согласно которой коррупционность нормы обусловлена её способностью формировать избыточное либо неопределённое усмотрение должностного лица. Подобные дефекты правового регулирования создают нормативные предпосылки для злоупотребления полномочиями, поскольку расширенные границы дискреции при отсутствии чётких критериев их реализации объективно повышают риск коррупционного поведения [6]. Легальное закрепление рассматриваемого понятия содержится в части 2 статьи 1 Закона об антикоррупционной экспертизе. При этом статья 2 данного закона формулирует базовые принципы осуществления экспертизы, среди которых выделяются её обязательный характер, а также необходимость анализа проверяемого нормативного правового акта или его проекта в системной взаимосвязи с иными действующими нормативными предписаниями.

Нормативные правовые акты ведомственного характера, издаваемые Генеральной прокуратурой Российской Федерации в различные периоды, включая как ныне действующие, так и ранее действовавшие, содержат развернутое регулирование целей, функций и процедурных организационных особенностей деятельности прокуроров по подготовке и проведению антикоррупционной экспертизы [7,8,9.]. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581, посвящённый вопросам организации прокурорского надзора и реализации иных полномочий в сфере противодействия коррупции, закрепляет обязанность органов прокуратуры осуществлять антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, издаваемых поднадзорными субъектами. К числу таких субъектов отнесены федеральные органы исполнительной власти, Следственный комитет Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы и организации, а также органы местного самоуправления и их должностные лица [10]. Пункт 2.24 названного приказа предусматривает необходимость организации прокурорами взаимодействия с другими участниками антикоррупционной экспертизы при осуществлении соответствующих полномочий. В частности, речь идёт о сотрудничестве с субъектами, осуществляющими независимую оценку нормативных правовых актов на предмет наличия коррупционных положений в порядке, определённом Правилами, утверждёнными постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96.

Со времени нормативного закрепления, рассматриваемого полномочия прокуратуры, сформировалась практика его реализации и накоплен значительный правоприменительный опыт. При этом в правоприменительной практике справедливо подчёркивается, что иные участники антикоррупционной экспертизы, включая органы юстиции, их территориальные подразделения и независимых экспертов, обладают более ограниченными возможностями реагирования. В отличие от них, прокуратура наделена комплексом надзорных полномочий, позволяющих не только выявлять коррупционные положения, но и обеспечивать фактическое устранение допущенных нарушений, а также восстановление нарушенных прав и законных интересов [11].

В целях повышения эффективности проведения антикоррупционных экспертиз для прокурорских работников разработаны, внедрены в практику и используются соответствующие методические рекомендации. Потребность в них безусловно необходима, поскольку названная выше методика, утверждённая Постановлением Правительства Российской Федерации № 96, содержит скорее перечень критериев, которыми следует руководствоваться при оценке проверяемого нормативного правового акта на предмет его возможной коррупционности, а не перечень последовательно выполняемых при решении данной задачи действий и мыслительных операций, что и должна представлять собой методика в общепринятом содержании и смысле этого понятия. В утверждённых этим же Постановлением Правилах проведения антикоррупционной экспертизы методическая составляющая также отсутствует. Поэтому первые публикации, посвященные этой проблеме, фактически содержали в себе рекомендации такого плана [12, 13], которые затем были разработаны. Так, для устранения этих пробелов названных документов и обеспечения прокурорских работников соответствующим методическим инструментарием профессором А. В. Кудашкиным в 2012 году подготовлено пособие «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: теория и практика» [14]. Несколько позднее Генеральной прокуратурой Российской Федерации совместно с Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Национальным ис-

следовательским университетом «Высшая школа экономики» издана памятка «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [15]. Данные вопросы регулярно освещаются в других методических изданиях для прокуроров и статей ученых и практических работников.

О значении данного участка прокурорской надзорной деятельности свидетельствуют сведения о значительном количестве антикоррупционных экспертиз, ежегодно проводимых в органах прокуратуры, и довольно высоком удельном весе удовлетворенных протестов прокуроров на факты выявления в них коррупционных факторов. В частности, только в 2021 г. антикоррупционной экспертизой были охвачены свыше 1 млн нормативных правовых актов при этом в 51 тысяче из них содержалась почти 60 тысяч коррупционных факторов, по которым было внесено более 45 тысяч протестов. Статистические данные за последующие годы свидетельствуют о поступательном улучшении качества нормотворческой деятельности, что во многом обусловлено и превентивным воздействием органов прокуратуры. Так, в 2022 году выявлено около 30 тысяч актов, противоречащих законодательству, в том числе содержащих коррупционные факторы, в которых выявлено чуть менее 36 тысяч нарушений, в 2023 году – свыше 32 тысяч таких актов (чуть менее 40 тысяч нарушений), а в 2024 году – более 31 тысячи (чуть менее 40 тысяч нарушений). Удельный объём проводимых антикоррупционных экспертиз проектов нормативных правовых актов сопоставим с показателями, приведёнными выше, однако несколько ниже по количественным значениям [16]. Данные показатели отражают не только системный характер прокурорского надзора в сфере антикоррупционной экспертизы, но и его практическую эффективность. С одной стороны, масштаб выявляемых нарушений свидетельствует о сохраняющемся уровне коррупционности в нормотворческой деятельности; с другой – о повышении качества превентивного контроля со стороны прокуратуры. Существенный удельный вес нормативных правовых актов и их проектов, в содержании которых прокурорами были установлены положения, обладающие признаками коррупционности, подтверждают актуальность этого участка прокурорской надзорной деятельности, необходимость дальнейшего совершенствования методик антикоррупционной экспертизы, в том числе с использованием современных цифровых решений и инструментов искусственного интеллекта для обеспечения более высокого уровня законности принимаемых нормативных актов. Представляется обоснованной позиция А. Ю. Винокурова о том, что антикоррупционная экспертиза обладает признаками самостоятельного направления прокурорского надзора. По характеру используемых правовых инструментов, включая меры реагирования, она во многом соотносится с надзором за соответствием правовых актов требованиям законодательства. [17].

Новая редакция Концепции цифровой трансформации органов и организации прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, утверждённая приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. № 621, определяет цифровизацию как стратегическое направление развития системы прокуратуры. Документ ориентирован на повышение эффективности деятельности за счёт внедрения современных технологических решений, формирования у сотрудников цифровых компетенций и модернизации системы профессиональной подготовки. Особое внимание уделяется развитию навыков работы с данными, использованию инструментов искусственного интеллекта, включая крупные языковые модели, а также внедрению аналитических цифровых сервисов в повседневную практику. Следует отметить, что в ранее действовавшей Концепции цифровой трансформации до 2025 года подобный акцент на развитии компетенций в сфере искусственного интеллекта прямо не формулировался. Данная эволюция программных установок свидетельствует о возрастающем значении технологической подготовки прокурорских работников и признании цифровых инструментов важным фактором повышения результативности надзорной деятельности.

В научной литературе обоснованно подчёркивается, что за период реализации предыдущей концепции была осуществлена масштабная организационная и техническая модернизация, обеспечивавшая формирование цифровой инфраструктуры прокуратуры и её интеграцию в общегосударственную цифровую среду [18].

Постоянное увеличение и усложнение стоящих перед прокуратурой задач обуславливает необходимость оптимизации процесса их решения, в том числе с применением всех возможных современных цифровых решений, которые могли бы выполнять и аналитико-правовые задачи, улучшать эффективность работы прокуроров, в том числе при производстве антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов [19]. Попытки внедрения технологий искусственного интеллекта при ее проведении были предприняты еще в период реализации пер-

вой Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации [20]. В прокуратурах ряда субъектов Российской Федерации в инициативном порядке стали использоваться возможности искусственного интеллекта в выявлении коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах. В частности, прокуратурах Новгородской, Псковской областей используются разработанные на местном уровне автоматизированные информационные системы, позволяющие проводить предварительный анализ региональных и муниципальных актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов [21]. Однако локальные примеры реализации современных технологий анализа больших объемов данных не привели к их повсеместному целостному применению. На это оказало немаловажное влияние отсутствие должной проработки механизма цифрового анализа нормативных правовых актов на предмет наличия в них признаков коррупциогенности, недостаточная зрелость программного обеспечения, которое было положено в основу проводимых тестовых испытаний. Достижение целей, поставленных перед системами анализа больших объемов данных, невозможно без проработки комплексного системного подхода по их разработке и внедрению на самом высоком уровне. В марте 2024 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации был принят трёхлетний план, ориентированный на последовательное внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры [22]. Указанный документ включает систематизированный комплекс организационных и технологических мер, призванных обеспечить расширение использования цифровых интеллектуальных инструментов в прокурорской практике. Вместе с тем применение технологий искусственного интеллекта в сфере антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов в числе ключевых направлений реализации данного плана прямо не обозначено.

Одновременно в ведомственных актах и публичных выступлениях руководства прокуратуры последовательно подчёркивается необходимость активного внедрения и расширения практики применения интеллектуальных технологий в надзорной деятельности, что свидетельствует о стратегическом характере данного вектора развития [23]. Создание единого унифицированного программного обеспечения на базе Генеральной прокуратуры, позволяющего проводить предварительный анализ НПА на предмет наличия в них признаков коррупциогенности, выявлять иные нарушения требований законодательства следует рассматривать, как одно из направлений реализации Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года по созданию единой цифровой инфраструктуры.

На практике представляется целесообразным создать на базе АИК «Надзор-WEB» цифровую среду, которая позволяла бы применять всю полноту современных цифровых решений для решения аналитико-правовых задач, стоящих перед органами прокуратуры, в том числе и по проведению АКЭ НПА. Современные технологии, основанные на обучении больших языковых моделей (LLM), позволяют анализировать огромные объёмы данных с целью нахождения закономерностей и применения их для решения различных задач, в том числе и связанных с выявлением коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах. Для реализации и практического применения указанной технологии обучаемой модели необходимо предоставить весь объём существующей экспертной практики, экспертные (прокурорские) заключения, на основе которых модель и будет приходить к конечному суждению. Данные материалы могут выполнять функцию своего рода маркеров, определяющих наличие положений коррупциогенного характера в конкретных проверяемых нормативных правовых актах или их проектов. Поддерживая позицию И.Ю. Мурашкина, следует отметить, что достижение должного уровня обоснованности, объективности и верифицируемости выводов антикоррупционной экспертизы предполагает последовательный анализ каждой нормы действующего нормативного правового акта либо каждого положения проекта нормативного правового акта, без исключения отдельных структурных элементов регулирования. [24] Современные автоматизированные информационные системы, используемые в работе органов прокуратуры, позволяют задать достаточный объём данных, необходимых для обучения цифровых систем, с последующим их применения для решения рабочих задач. Цифровым системам необходимо обладать и всей полнотой законодательного материала, что также возможно реализовать ввиду наличия полной оцифрованной законодательной базы, которая может быть применена для дачи выверенного обоснованного суждения. Вместе с тем искусственный интеллект может являться лишь высокотехнологичным помощником прокурора и никак не заменит его ни в рассматриваемой, ни в иной деятельности. Конечная ответственность за результат выполненной с использованием цифровой технологии работы всегда остается за человеком.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 годы (утв. Президентом РФ 31 июля 2008 г. № Пр-1568) // Российская газета. – 2008. – 5 авг. – № 164.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.
6. Бураков Д.О. Понятие проявлений коррупции в контексте антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 5 (91). – С. 75.
7. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 1 октября 2008 г. № 196 «О совершенствовании организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции».
8. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов».
9. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции».
10. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции».
11. Филатов С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (их проектов) // Законность. – 2013. – № 2. – С. 7–9.
12. Кудашкин А. В., Харитонов С.С. Некоторые аспекты организации проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 2 (16). – С. 13–14.
13. Кудашкин А.В. Принципы организации антикоррупционной экспертизы и их реализация в деятельности органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 5 (19). – С. 22–23.
14. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. – М.: Норма; Инфра-М, 2012. – 366 с.
15. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2019. – 32 с.
16. Официальный портал органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.epp.genproc.ru> (дата обращения: 18.10.2025).
17. Винокуров А.Ю. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Настольная книга прокурора: в 2 ч. Ч. 1: практическое пособие / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус, С.Г. Кехлева; под науч. ред. А.Ю. Винокурова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 410.
18. Горошко И.В. Цифровая трансформация органов прокуратуры: вопросы реализации и оценки // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 4 (78). – С. 18.
19. Организация деятельности прокуратур городов и районов, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуратур: учеб. пособие. Ч. 3 / [Э.Э. Агаронова и др.]; под общ. ред. Е.Ю. Лихачёвой; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2020. – С. 85.
20. Генеральная прокуратура тестирует искусственный интеллект для оценки коррупционных факторов в нормативных актах // ТАСС. – 2021. – 16 нояб. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/12936661> (дата обращения: 13.09.2025).
21. Немировский В. Использование информационных систем в деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции // Законность. – 2023. – № 1. – С. 22.

22. План по внедрению технологий искусственного интеллекта и автоматизации деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации на 2024–2026 гг.

23. В Генпрокуратуре РФ станут шире использовать искусственный интеллект // Газета.Ру. – 2024. – 8 дек. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/08/24576404.shtml> (дата обращения: 13.09.2025).

24. Деятельность органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции: учеб. пособие / И.И. Головкин, Г.В. Дытченко, Э.Р. Исламова [и др.]; под ред. И.Ю. Мурашкина. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – С. 86.

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY THE PROSECUTOR'S OFFICE IN CONDUCTING ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF REGULATORY LEGAL ACTS

Bartsits S.Z.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article presents a scientific analysis of the potential for integrating artificial intelligence technologies into the activities of the Russian Federation's prosecuting authorities when exercising their powers to conduct anti-corruption reviews of normative legal acts and draft normative legal acts. It analyzes the legal prerequisites for the formation of this area of supervisory activity, the specifics of its implementation, and its significance in the system of preventive control. It examines current trends in the digital transformation of the prosecutor's office and assesses the potential of intelligent analytical tools to improve the effectiveness of identifying corruption risks in lawmaking. The conclusion is justified that it is expedient to use large language models as a tool for the preliminary identification of corruption-prone factors while maintaining the decisive role of the prosecutor and his responsibility for the final result.

Keywords: prosecutor's office; anti-corruption examination; regulatory legal acts; artificial intelligence; digital transformation; corruption factors.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 19, 2008 No. 815 "On Measures to Counteract Corruption." Collection of Legislation of the Russian Federation, 2008, No. 21, Art. 2429. (in Russian).
2. Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2008 No. 273-FZ "On Combating Corruption." Collection of Legislation of the Russian Federation, 2008, No. 52 (Part 1), Art. 6228. (in Russian).
3. National Anti-Corruption Plan for 2010–2011 (approved by the President of the Russian Federation on July 31, 2008 No. Pr-1568). Rossiyskaya Gazeta, August 5, 2008, No. 164. (in Russian).
4. Federal Law of the Russian Federation of July 17, 2009 No. 172-FZ "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts." Collection of Legislation of the Russian Federation, 2009, No. 29, Art. 3609. (in Russian).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 No. 96 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts." Collection of Legislation of the Russian Federation, 2010, No. 10, Art. 1084. (in Russian).

6. Burakov D.O. The Concept of Manifestations of Corruption in the Context of Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022, No. 5 (91), p. 75. (in Russian).

7. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of October 1, 2008 No. 196 "On Improving the Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Legislation." (in Russian).

8. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of December 28, 2009 No. 400 "On the Organization of Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts." (in Russian).

9. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of August 29, 2014 No. 454 "On the Organization of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Legislation." (in Russian).

10. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation of October 10, 2022 No. 581 "On the Organization of Prosecutorial Supervision and the Exercise of Other Prosecutorial Powers in the Field of Combating Corruption." (in Russian).

11. Filatov S. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts (and Their Drafts). Zakonnost, 2013, No. 2, pp. 7–9. (in Russian).

12. Kudashkin A.V., Kharitonov S.S. Certain Aspects of Organizing Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts by Prosecutor's Offices. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2010, No. 2 (16), pp. 13–14. (in Russian).

13. Kudashkin A.V. Principles of Organizing Anti-Corruption Expertise and Their Implementation in the Activities of Prosecutor's Offices. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2020, No. 5 (19), pp. 22–23. (in Russian).

14. Kudashkin A.V. Anti-Corruption Expertise: Theory and Practice: Scientific and Practical Guide. Moscow: Norma; Infra-M, 2012, 366 p. (in Russian).

15. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts: Guidance Manual. Moscow: Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2019, 32 p. (in Russian).

16. Official Portal of the Prosecutor's Office Bodies of the Russian Federation. Available at: <https://epp.genproc.ru> (accessed 18 October 2025).

17. Vinokurov A. Yu. Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts. In: Kapi-nus O.S. et al. (eds.). Prosecutor's Handbook, in 2 parts, Part 1. 6th ed., revised and expanded. Moscow: Yurait, 2021, p. 410. (in Russian).

18. Goroshko I.V. Digital Transformation of Prosecutor's Offices: Issues of Implementation and Evaluation. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020, No. 4 (78), p. 18. (in Russian).

19. Agarionova E.E. et al. Organization of Activities of City and District Prosecutor's Offices and Equivalent Military and Specialized Prosecutor's Offices: Textbook, Part 3. Ed. by E. Yu. Likhacheva. Moscow, 2020, p. 85. (in Russian).

20. Prosecutor General's Office Tests Artificial Intelligence to Assess Corruption Factors in Regulatory Acts. TASS, November 16, 2021. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/12936661> (accessed 13 September 2025).

21. Nemirovsky V. Use of Information Systems in the Activities of Prosecutor's Offices in Combating Corruption. Zakonnost, 2023, No. 1, p. 22. (in Russian).

22. Plan for the Implementation of Artificial Intelligence Technologies and Automation of Activities in the Prosecutor's Office of the Russian Federation for 2024–2026. (in Russian).

23. Artificial Intelligence to Be Used More Broadly in the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Gazeta.Ru, December 8, 2024. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/12/08/24576404.shtml> (accessed 13 September 2025).

24. Golovko I.I., Dytchenko G.V., Islamova E.R. et al. Activities of Prosecutor's Offices in the Field of Combating Corruption: Textbook. Ed. by I. Yu. Murashkin. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024, p. 86. (in Russian).

Признание и исполнение решений иностранных арбитражных судов в Российской Федерации и Республике Казахстан

Бутрим Алина Олеговна,
старший юрист, EMVE трейдинг
E-mail: alinabutrim.law@gmail.com

Актуальность исследования определяет тот факт, что Российская Федерация и Республика Казахстан, имеют обширные, исторически сложившиеся межгосударственные связи, являются давними экономическими партнерами. Товарооборот между ними увеличивается с каждым годом, растет количество заключаемых договоров, и как следствие, и хозяйственных споров. На помощь приходят международные арбитражи.

Автором анализируются особенности функционирования арбитражных судов двух государств. Делается вывод о том, что признание и исполнение решений иностранных судов в обеих странах обладает сходными чертами, действенным инструментом в разрешении противоречий является международный договор, а в его отсутствие – принцип взаимности. Установление во внутригосударственных законодательствах его более четких критериев, а также уточнение необходимых для его применения процессуальных действий позволит признанию и исполнению решений международного арбитража стать более эффективными.

Ключевые слова: арбитраж, международный договор, принцип взаимности, иностранный элемент, исполнение решений суда, транснациональный арбитраж

В условиях современной глобализации торгово-экономические отношения государств, особенно соседних, играют важную роль в формировании их благосостояния и устойчивости. И Российская Федерация и Республика Казахстан имеют традиционно высокий уровень взаимодействия по всем видам межгосударственных связей, включая торгово-экономические [1, с. 65–66]. Среди стран ближнего зарубежья Казахстан является основным торговым партнером России.

По итогам 2024 года товарооборот России и Казахстана увеличился на 2,7%, составив 27,8 миллиарда долларов. По поручению глав двух государств принимаются меры по увеличению взаимной торговли до 30 миллиардов долларов [2]. Заключается множество соглашений на коммерческом уровне, осложненных иностранным элементом. Неизбежны в таких условиях и рост споров по исполнению договоров и необходимость их разрешения. Таким образом, неотъемлемой частью правового взаимодействия между названными государствами являются международные арбитражи. По своей сути арбитражный суд представляет собой суд, создаваемый или избираемый по согласию сторон для разрешения спора. Однако то, что государства разные, вызывает некоторые отличия в сущности арбитража.

Арбитражный суд в Российской Федерации – это орган судебной власти, имеющий компетенцию разрешения споров между хозяйствующими субъектами (юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями), а также споры между хозяйствующими субъектами и государственными органами. Термины «арбитраж», «арбитражный суд», «третейский суд» являются синонимами. Тем не менее третейский суд в Российской Федерации не является государственным органом, не является частью государственной судебной системы. Передача спора на рассмотрение третейского суда (арбитража) осуществляется по решению сторон. Основанием для обращения для рассмотрения в арбитражном суде будет являться нарушение прав в предпринимательской деятельности и отдельные, определенные в законе противоречия с государственными органами. Для обращения в третейский суд требуется наличие специального соглашения или условия в договоре. Таким образом, в Российской Федерации арбитражный суд – государственный орган, его деятельность регламентируется Арбитражными процессуальным кодексом Российской Федерации, третейский суд в систему государственных органов не входит. Законодательной базой деятельности третейских судов в России являются Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, соглашения сторон и регламенты конкретных третейских учреждений. Система третейских судов включает как постоянно действующие, так и возникающие по необходимости разрешения индивидуального спора. В Российской Федерации постоянно действуют два третейских суда.

Практически любой арбитражный суд, частный или государственный, по сути своей национальный, поскольку имеет место нахождения на определенной территории, подчиняется государственной юрисдикции, в своей деятельности опирается на нормы национального права.

Применительно к третейским судам можно использовать термин как «международный», так и «транснациональный». Конкретизация подобных терминов позволяет понять, что речь идет об арбитражном суде, который рассматривает споры, осложненные иностранным элементом, в правовой основе выходит за рамки внутринационального законодательства.

Споры, осложненные иностранным элементом, имеют место если стороны договора имеют принадлежность к разным государствам, либо имущество, являющееся предметом договора (спора) находится на территории иностранного государства, либо юридический факт (заключение договора) имел место на иностранной территории.

В Республике Казахстан, в отличие от Российской Федерации, нет государственных арбитражных судов [3].

В соответствии со статьей 3 Соглашения между Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и Высшим арбитражным Судом Республики Казахстан от 27 марта 1992 года [4] место рассмотрения спора определяется следующим образом:

– споры по обязательствам между субъектами экономических отношений каждого из государств рассматриваются арбитражными судами по месту постоянного нахождения ответчика;

– споры о праве собственности на имущество рассматриваются судом по месту нахождения имущества;

– споры о признании недействительными актов государственных и иных органов, а также о возмещении убытков, причиненных такими актами, рассматриваются арбитражным судом по месту нахождения органа, принявшего оспариваемый акт;

– если в деле участвуют несколько ответчиков, находящихся на территории разных государств, местом рассмотрения спора будет место нахождения любого ответчика по выбору истца.

Несмотря на наличие указанного соглашения, а также сходство национального арбитражного законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан возникают спорные моменты, связанные тем, ради чего и происходило разбирательство в арбитраже, – с признанием и исполнением принятых решений.

Основания к отказу в исполнении решения суда предусмотрены международными договорами о правовой помощи. Они в основном совпадают для России и Казахстана. Чаще всего отказы следуют, если не соблюден или не надлежащим образом соблюден порядок извещения ответчика о судебном разбирательстве.

Так, Арбитражный суд города Санкт-Петербурга отправил извещение ответчику (казахстанской компании) напрямую, заказным письмом. Ответчик факт получения письма отрицал, а в почтовом уведомлении наименование отправленного документа зафиксировано не было. Это дало повод казахстанскому суду отказать в принудительном исполнении решения российского суда.

Еще один пример. Решением Специализированного межрайонного экономического суда города Астаны с российского общества с ограниченной ответственностью в пользу казахстанской компании была взыскана сумма в размере 8,5 млн тенге и судебные расходы на 250 000 тенге. Российская компания в добровольном порядке отказалась исполнить данное решение. Тогда казахстанское юридическое лицо обратилось за принудительным исполнением решения в Арбитражный суд Челябинской области, который в удовлетворении иска отказал в связи с ненадлежащим извещением ответчика. Дело в том, что заключенный между сторонами договор предусматривал что вся переписка, связанная с данной сделкой, осуществляется через почтовые адреса, в дополнительном соглашении были указаны и адреса электронных почт. В деле отсутствовали доказательства извещения по юридическому или фактическому адресу, как это прописали в договоре. Ненадлежащее уведомление подтверждается и отсутствием отзыва на иск со стороны российского юридического лица. Истец не предоставил Арбитражному суду Челябинской области документальное подтверждение отправки письма тем судом хотя бы на электронную почту заинтересованного лица или его извещения каким-либо другим способом [5].

Суд о взыскании расходов по уплате государственной пошлины и направил дело на новое рассмотрение, поскольку нижестоящими судами не были исследованы все существенные для правильного разрешения дела обстоятельства.

По другому делу Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты о признании и приведении в исполнение решения Специализированного межрайонного экономического суда Мангистауской области Республики Казахстан решения о взыскании расходов по уплате государственной пошлины и направила дело на новое рассмотрение, мотивировав это тем, что нижестоящими судами не были исследованы все существенные для правильного разрешения дела обстоятельства [6].

В Российской Федерации относительно признания и исполнения решений иностранных судов действует принцип подчинения исполнения решений судов других государств российскому законодательству. Основанием будет международный договор или федеральный закон (либо их совокупность). Порядок признания и исполнения решений иностранных судов урегулирован нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Если рассматривать правоприменительную практику судов общей юрисдикции, то можно констатировать, что при отсутствии заключенного и ратифицированного международного договора решение иностранного суда не исполняется. Арбитражная практика в этом отношении более лояльна [7], базируется на принципах взаимности и международной вежливости, и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [8, с. 16].

Следует понимать, что принцип взаимности не является обязательным, в то время как его применение в отсутствие межгосударственно-

го соглашения имеет большое при признании и исполнении решений иностранных судов.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международных договоров РФ» общепризнанными расценивает императивные нормы международного права, признаваемые международным сообществом [9].

По законодательству Республики Казахстан в сфере признания решения иностранного суда приоритет имеют также международные договоры.

В соответствии с Конституцией Республики Казахстан, ратифицированные Казахстаном международные договоры являются частью казахстанского права, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, если сам договор не требует издания закона [10].

Таким образом, и российское, и казахстанское законодательство в качестве основания для признания и исполнения решения иностранных судов требует наличия международного договора.

Основными международными договорами в этой сфере можем считать так называемые Нью-Йоркскую [11] и Европейскую конвенции [12].

По первому документу каждое договаривающееся государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений.

Несмотря на то, что казахстанское законодательство провозглашает приоритет международных договоров перед национальным законодательством, делается оговорка – такой приоритет установлен только для ратифицированных договоров. С учетом этого нюанса, вышеуказанные конвенции нельзя считать приоритетными. Присоединение к ним было осуществлено на основании Указов Президента Республики Казахстан. Однако в соответствии со статьей 14 Закона Республики Казахстан от 30 мая 2005 года № 54-III ратификация осуществляется Парламентом Республики Казахстан [13].

«Связующим звеном» для разрешения споров экономического характера является такой многосторонний договор как Киевское соглашение [14], участниками которого являются страны Содружества независимых государств, в том числе Российская Федерация и Республика Казахстан.

Таким образом, взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в вопросах рассмотрения и разрешения хозяйственных споров, осложненных иностранным элементом, можно охарактеризовать как вполне гармоничное. Обе страны являются участниками многосторонних договоров в сфере транснационального арбитража. Без особого труда определяется и место рассмотрения споров и применимое законодательство. Несмотря на наличие многих позитивных аспектов, во внутреннем законодательстве рассматриваемых государств не детализированы отдельные моменты, влияющие на вынесение справедливого решения, и обеспечивающие его признание и исполнение. Все вопросы невозможно предусмотреть в договоре, поэтому хотя Россия и Казахстан в основном опираются на международные договоры, на втором плане по значимости стоит принцип взаимности. В этой связи предлагается внести изменения в действующее национальное законодательство в плане уточнения, детализации критериев, делающих возможным применение принципа взаимности.

Литература

1. Бактиярова А.Ж., Баудиярова Э.Н. Торгово-экономическое сотрудничество Казахстана и России: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 65–66.
2. Межгосударственные отношения России и Казахстана // URL: <https://ria.ru/20250509/diplomatiya-2015288328.html> (дата обращения 16.01.2026).
3. Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 года № 488-V ЗРК «Об арбитраже» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000488>
4. Соглашение между Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и Высшим арбитражным Судом Республики Казахстан от 27 марта 1992 года «О сотрудничестве и взаимодействии арбитражных судов Республики Казахстан и Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1566/?ysclid=mkzsh0ydfw694809221 (дата обращения 11.01.2026).
5. AC отказал в признании решения казахстанского суда // URL: <https://pravo.ru/news/256275/> (дата обращения 11.01.2026).
6. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 января 2018 г. № 309-ЭС17–13269 // СПС

Гарант <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=525703&ysclid=mkzs4f6axy488347470#diDYi9VvKnf7GHFDk> (дата обращения 15.01.2026)

7. Жукова, К.В. Международные договоры и принцип взаимности при приведении в исполнение иностранных судебных решений в Российской Федерации и Республике Казахстан // Молодой ученый. 2020. № 6 (296). С. 111–114.

8. Габов А. В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесническая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 5–25.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международных договоров РФ»

10. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) // Информационная Система ЮРИСТ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 19.01.2026).

11. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС Консультант Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82d8835cc7b/?ysclid=mkzsb079hr295627836 (дата обращения 11.01.2026).

12. Европейская Конвенция о внешнеторговом арбитраже (Заключена в г. Женеве 21.04.1961) // СПС Консультант Плюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2717/0edc929effd15b7667f9b660e4e3536d8835cc7b/?ysclid=mkzsb079hr295627836 (дата обращения 11.01.2026).

13. Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года № 54-III «О международных договорах Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // https://prg.kz/document/?doc_id=30012948&pos=2;134 (дата обращения 14.01.2026).

14. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.) // СПС Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/?ysclid=mkzsdzymcm170136341 (дата обращения 11.01.2026).

RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF DECISIONS OF FOREIGN ARBITRATION COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Butrim A.O.
EMVE Trading

The relevance of the study is determined by the fact that the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan have extensive, historically established interstate relations and are long-standing economic partners. The trade turnover between them is increasing every year, the number of concluded contracts is growing, and as a result, economic disputes. International arbitrations come to the rescue.

The author analyzes the specifics of the functioning of the arbitration courts of the two states. It is concluded that the recognition and enforcement of decisions of foreign courts in both countries has similar features, an effective tool in resolving contradictions is an international treaty, and in its absence, the principle of reciprocity. The establishment of clearer criteria in domestic legislation, as well as the clarification of the procedural actions necessary for its application, will allow the recognition and enforcement of international arbitration decisions to become more effective.

Keywords: arbitration, international agreement, principle of reciprocity, foreign element, enforcement of court decisions, transnational arbitration

References

1. Baktiyarova A.Zh., Baudiyarova E.N. Trade and economic cooperation between Kazakhstan and Russia: problems and prospects // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2023. Vol. 12. No. 4. Pp. 65–66.
2. Interstate relations of Russia and Kazakhstan // URL: <https://ria.ru/20250509/diplomatiya-2015288328.html> (accessed 16.01.2026).
3. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 8, 2016 No. 488-V SAM “On Arbitration” // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000488>
4. Agreement between the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Republic of Kazakhstan dated March 27, 1992 “On cooperation and interaction of the Arbitration Courts of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation” // SPS Consultant Plus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1566/?ysclid=mkzsh0ydfw694809221 (date of application 11.01.2026).
5. The AU refused to recognize the decision of the Kazakh court // URL: <https://pravo.ru/news/256275/> (accessed 11.01.2026).
6. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 22, 2018 No. 309-ES17–13269 // SPS Garant <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=525703&ysclid=mkzs4f6axy488347470#diDYi9VvKnf7GHFDk> (accessed 15.01.2026)
7. Zhukova, K.V. International treaties and the principle of reciprocity in the enforcement of foreign judgments in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Young Scientist. 2020. No. 6 (296). Pp. 111–114.
8. Gabov A.V., Ganicheva E.S., Glazkova M.E., Zhukov V.M., Kovtkov D.I., Lesnitskaya L.F., Marysheva N.I., Shelutto M.L. The concept of a unified Civil Procedure Code: proposals of the Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2015. No. 5. Pp. 5–25.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.10.2003 No. 5 “On the application by courts of general Jurisdiction of generally recognized principles and norms of International treaties of the Russian Federation”
10. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) // Information System LAWYER. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029 (date of application: 01/19/2026).
11. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New York in 1958) // ATP Consultant Plus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82d8835cc7b/?ysclid=mkzsb079hr295627836 (accessed 11.01.2026).
12. European Convention on Foreign Trade Arbitration (Concluded in Geneva on 04/21/1961) // ATP Consultant Plus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2717/0edc929effd15b7667f9b660e4e3536d8835cc7b/?ysclid=mkzsb079hr295627836 (accessed 11.01.2026).
13. Law of the Republic of Kazakhstan dated May 30, 2005 No. 54-III “On International Treaties of the Republic of Kazakhstan” (with amendments and additions as of 01.01.2026) // https://prg.kz/document/?doc_id=30012948&pos=2;134 (accessed 14.01.2026).
14. Agreement on the procedure for resolving disputes related to business activities (Kiev, March 20, 1992) // SPS Consultant Plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/?ysclid=mkzsdzymcm170136341 (accessed 11.01.2026).

Суд над словом: судебное разбирательство уголовного дела по обвинению Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой

Васяев Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

Статья посвящена так называемому «процессу четырех» – уголовному делу по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. Описывается предыстория и ход судебного процесса, оцениваются доказательства связи двоих из подсудимых с Народно-трудовым союзом, националистической организацией русской эмиграции, ставившей целью подрыв существующей власти в СССР. Дается оценка действий стороны защиты, законности и обоснованности вынесенного приговора в свете современных знаний о роли спецслужб иностранных государств в разжигании «цветных революций», сравнение с наказаниями за антироссийскую пропаганду с Уголовным кодексом РФ.

Ключевые слова: уголовное дело, Александр Гинзбург, Юрий Галансков, Алексей Добровольский, Вера Лашкова, судебное разбирательство, адвокат, сторона защиты, свобода слова, идеологические диверсии.

Во второй половине 1960-х годов в СССР появилось организованное движение диссидентов. Триггером к его возникновению послужил судебный процесс 1966 года над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, которые под псевдонимами опубликовали за рубежом произведения, признанные судом антисоветскими. Состоявшийся два года спустя суд над активистами самиздата Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой, известный как «процесс четырех», укрепил и расширил диссидентское движение. Об этом деле написано немало, но представляет интерес пересмотреть события 60-летней давности, оперируя современными данными о влиянии западных спецслужб на политические процессы в мире.

Напомним, что к началу 1960-х в СССР исчез многолетний страх сталинских времен и привычка «держать язык за зубами». Это совпало с настоящим бумом любви к поэзии. Александр Гинзбург и Юрий Галансков познакомились на площади Маяковского в Москве, где регулярно собиралась молодёжь, читавшие на публику свои и чужие стихи – некоторые из них имели оппозиционный оттенок. Впоследствии часть этих любителей поэзии составила ядро диссидентского движения.

Александр Гинзбург, 1936 г. рождения, москвич из интеллигентной семьи, в 1959–1960 гг. подпольно выпустил три номера альманаха «Синтаксис», где собрал неизданные стихи, в том числе непризнанных поэтов. Власти усмотрели опасность в ходивших по рукам неподцензурных журналах, и в 1960 г. Гинзбурга, учившегося на втором курсе вечернего отделения факультета журналистики, арестовали по подозрению в антисоветской деятельности. Доказать это не удалось, но поскольку имелась установка наказать Гинзбурга, следствие выявило другое, реальное правонарушение: Гинзбург сдал экзамен на аттестат зрелости за приятеля, переклеив для этого фотографию в удостоверение личности, то есть подделав документы. По ч. 1 ст. 196 УК РСФСР Гинзбург получил максимальный двухлетний срок лишения свободы.

Юрий Галансков, 1939 года рождения, был из простой семьи: отец – токарь на московском заводе, мать – уборщица. Юрий рано пошел работать, оканчивал вечернюю школу. Писал стихи, однако больше его интересовала не художественная, а политическая сторона искусства. В 1961 году он стал одним из составителей машинописного сборника «Феникс», в который вошли литературные, политические и религиозные тексты. После того как в 1962 году сборник был опубликован в западногерманском журнале «Грани», Галанскова исключили со второго курса исторического факультета университета и несколько раз направляли на принудительное лечение в психиатрические больницы.

Гинзбург после заключения сменил несколько мест работы, пока не устроился разнорабочим в Государственный Литературный музей. Вскоре там же стал работать Галансков, с которым они сблизились – оба поступили на вечернее отделение Историко-архивного института. Последним, по рекомендации Галанскова, разнорабочим в Литературный музей устроился Алексей Добровольский.

Алексей Добровольский, москвич, 1938 г. рождения, был воспитан матерью в преклонении перед личностью Сталина, и антисталинский доклад Хрущева воспринял столь отрицательно, что за это его исключили из комсомола. Ударившись в другую крайность, Добровольский начал интересоваться религией, изготавливал и распространял листовки антисоветского содержания, за что был арестован и приговорен к 3 годам заключения. В одном лагере с Добровольским находились бывшие коллаборационисты, власовцы, бандеровцы, члены Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (далее по тексту – НТС).

НТС – ныне почти забытая националистическая организация, созданная белой эмиграцией в 1919 году. Целью НТС было свержение советской власти. В годы Второй мировой войны НТС сотрудничал с Русской освободительной армией генерала Власова, занимался пропагандой на оккупированных немцами территориях СССР, а также подготовкой диверсантов. После войны НТС забрасывал в СССР агентов, создававших небольшие ячейки, которыми руководили из зарубежного центра. НТС стремился влиять на общественную жизнь в СССР, распространяя свои книги, журналы и брошюры, а также устанавливая личные контакты с советскими гражданами как за рубежом, так и в СССР.

СР. Органы госбезопасности вели борьбу с агентами НТС — об этом, в частности, рассказывалось в фильме «Ошибка резидента».

После освобождения Добровольский продолжал антисоветскую деятельность, за что его не раз помещали на принудительное лечение в психиатрические больницы.

Суд над Синявским и Даниэлем в феврале 1966 года часть советских писателей и художников и практически вся неформальная творческая интеллигенция считали несправедливым. Поскольку в советской печати суд освещался односторонне, Александр Гинзбург решил составить сборник всех доступных ему материалов о процессе — стенограмм, статей из советской и зарубежной прессы, писем — чтобы затем познакомить с ними представителей советской общественности и органов власти и добиться пересмотра дела. Составленный им сборник, позже ставший известным как «Белая книга по делу Синявского и Даниэля» был отпечатан на машинке в 5 экземплярах, в основном Верой Лашковой — четвертой фигуранткой рассматриваемого нами уголовного дела.

Вера Лашкова родилась в Москве в 1944 году, с шестнадцати лет жила одна — ее родители переехали в Смоленск. После окончания школы Лашкова работала уборщицей, курьером, лаборанткой, машинисткой. В 1965 году поступила в Московский институт культуры на заочный режиссерский факультет и в том же году в компании любителей неформальной литературы познакомилась с Добровольским и Галансковым, который познакомил ее с Гинзбургом. Она печатала отдельные материалы, входившие в «Белую книгу» и альманах «Феникс-66». Для Галанскова — бесплатно, поскольку он предоставил ей пишущую машинку, и она смогла зарабатывать деньги как машинистка-надомница, будучи оформлена лаборанткой в университете. Гинзбург оплачивал работу Лашковой деньгами и продуктами. Напечатав для Добровольского «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», Лашкова показала эту анонимную статью Галанскову, и тот выразил желание разместить ее в своем сборнике «Феникс-66». Этот сборник он вначале задумывал как пацифистский, но после суда над Синявским и Даниэлем включил в него свое письмо М. Шолохову, где в очень резких выражениях осудил позицию писателя по данному делу.

«Белая книга» была готова к концу ноября 1966 года. Один экземпляр Гинзбург передал в КГБ, уведомив, что с остальными хочет ознакомить некоторых депутатов Верховного Совета СССР. Он успел передать сборник И. Эренбургу, имена остальных депутатов неизвестны. На предложение от КГБ сдать все экземпляры сборника и назвать имена тех, кто помогал при составлении, иначе ему грозит арест и осуждение по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), Гинзбург ответил отказом.

В первых числах января 1967 г. сотрудники «Гидроцветметпроекта», работавшие на ротационной машине, принесли в КГБ папку с материалами, которые они посчитали антисоветскими. Выяснилось, что папку передал им некто Радзиевский, а того попросил размножить материалы недавний знакомый Добровольский. Среди других материалов в папке было «Открытое письмо к Шолохову», подписанное Галансковым.

Чтобы пресечь распространение подобной подпольной литературы, в КГБ, где знали о связи Галанскова и Гинзбурга, было принято решение арестовать их и Добровольского. Но поскольку судебный процесс над Синявским и Даниэлем «за литературу» вызвал огромный резонанс и возмущение мировой общественности, привлечь к ответственности их намеревались как организованную группу антисоветчиков, в члены которой «приписали» машинистку Веру Лашкову. Вероятно, ее вычислили в результате слежки за Гинзбургом и Галансковым.

Лашкову арестовали 17 января 1967 г. В тот же день у нее на квартире, а также у Галанскова, Гинзбурга и Добровольского были произведены обыски. Добровольского и Галанскова задержали 19 января, Гинзбурга — 23 января.

Советская пресса молчала об аресте Галанскова и Гинзбурга, хотя в Москве прошла демонстрация протеста из 40 человек, а письма в адрес властей подписывали многие деятели искусства и науки. Зато на Западе, где на момент ареста в журнале НТС «Грани» уже печатались отрывки из «Белой книги по делу Синявского и Даниэля», развернулась кампания в защиту «подпольных писателей», как их там называли. Французская газета взяла интервью у известного советского писателя Юрия Казакова о подпольных писателях в СССР. Он сказал, что таковых не существует, но есть «... очень молодые люди... считающие... что публикация произведения есть знак его посредственности, произведение гениальное не может и не должно появиться в печати. Так считает Гинзбург, главный редактор обозрения «Синтаксис»»¹.

¹ Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литви-

нова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 41–42.

У Галанскова при обыске нашли брошюру НТС, изданную в ФРГ, альманах «Феникс-66», машинописные статьи и материалы, в том числе в фотокопиях.

На квартире Добровольского были изъяты брошюры, напечатанные издательством НТС «Посев», шапирограф (примитивное устройство для размножения текстов), копировальная бумага для тайнописи и крупная сумма денег в рублях и долларах. С этого момента органы следствия сконцентрировались не на содержании написанного фигурантами дела, а на их связях с НТС.

Вначале Добровольский отрицал факт передачи Радзиевскому материалов, но в середине марта 1967 г. начал давать показания. Добровольский показал, что в течение 1966 года получил три бандероли из-за границы с антисоветскими книгами издательства «Посев», письмом от НТС, шапирографом и копиркой для тайнописи, при помощи которой Лашкова под его диктовку написала ответное письмо в НТС о получении посылок.

Находясь на медико-психологической экспертизе в институте Сербского, Добровольский передал Галанскову несколько записок приблизительно одинакового содержания: «Юра! Умоляю тебя. Возьми все на себя...»². Записки перехватывали, но одна дошла до адресата.

В последних числах марта Добровольский изменил показания: с НТС был связан Галансков, он же дал ему шапирограф, антисоветские книги издательства НТС и листовки для размножения и распространения. Шифрованное письмо он диктовал Лашковой по поручению Галанскова; он был свидетелем встреч Галанскова с иностранцами, а также видел у него доллары — помощь с Запада. В дальнейшем Добровольский лишь дополнял подробностями показания о том, что все, найденное у него, включая деньги, которые предназначались для покупки кооперативной квартиры для конспиративных встреч, принадлежит Галанскову: он обменивал доллары, он получал литературу от НТС, и т.д. Добровольский дал показания и против Гинзбурга, с которым был почти незнаком: «Я слышал, что связь с иностранцами Галанскову передал Александр Гинзбург»; «Я слышал, что сборник «Феникс» Галансков составлял вместе с Гинзбургом»³.

До мая месяца Гинзбург отвечал на следствии одно и то же: «Я автор письма Шолохову. Я составитель и редактор журнала «Феникс». Считаю, что действовал в рамках закона, и потому виновным себя не считаю»⁴. А потом вдруг написал «чистосердечные показания», в которых подтвердил все, что говорил о нем Добровольский: встречи с приезжавшими в Москву представителями НТС, получение от них денег, литературы, шапирографа, копирки, переписку с НТС, передачу через этих представителей «Белой книги» и «Феникса». Но вскоре Галансков начал постепенно, день за днем, отказываться от отдельных пунктов предъявленного обвинения. 19 июня он заявил: «Все мои показания, начиная с 6 мая — чистый вымысел. Я сознательно оговорил себя, поддавшись на просьбы, даже мольбы Добровольского»⁵. Но 12 августа Галансков собственной рукой написал показания, в которых опять признался в том, от чего отказался меньше месяца назад. И наконец, 18 сентября, за 3 дня до завершения следствия, Галансков вновь изменил показания, отрицая написанное в августе: «Признавая все то, что на меня наговорил Добровольский, я хотел выручить его, считая, что мне все равно отвечать за составление журнала «Феникс» и «Открытое письмо Шолохову»»⁶. Перепродажу долларов он объяснил бескорыстным желанием помочь Добровольскому, которому принадлежала валюта.

Гинзбург все время следствия держался одних показаний: признавал лишь создание «Белой книги», отрицая участие в составлении альманаха «Феникс-66», передачу того и другого на Запад и любые связи с НТС.

Лашкова, которую Гинзбург и Галансков заранее предупредили, что в случае ареста ничего не надо скрывать, рассказала следствию какие именно материалы печатала, что видела у Галанскова доллары и под его диктовку печатала шифрованное письмо, что брала у Добро-

нова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 41–42.

² Каминская Д.И. Записки адвоката / Дина Каминская. — Москва: Новое изд-во, 2009. С. 319.

³ Там же. С. 321.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Там же. С. 322.

⁶ Там же. С. 323.

вольского книги НТС и под его диктовку печатала через специальную копирку для тайнописи.

В ходе предварительного следствия было опрошено около 50 свидетелей, у некоторых произведены обыски.

12 октября арестованным было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР, а Галанскову еще и по ч. 1 ст. 88 УК РСФСР (нарушение правил о валютных операциях). Адвокатом Галанскова стала Д.И. Каминская, Гинзбурга — Б.А. Золотухин, Добровольского — В.Я. Швейский, Лашковой — С.Л. Ария. Вместе со своими доверителями они почти два месяца изучали 19 томов материалов дела и выстраивали линии защиты.

Судебное разбирательство проходило в Московском городском суде 8–12 января 1968 года. Судебную коллегия по уголовным делам возглавлял судья Миронов Л.К.

В зачитанном прокурором Г.А. Тереховым обвинительным заключении подробно излагалось все, что стало известно следствию об антисоветской деятельности Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой.

Александр Гинзбург обвинялся в связях с антисоветской эмигрантской организацией НТС, передаче на Запад материалов для опубликования; распространении в СССР антисоветской литературы и статей из западной печати; составлении при участии Галанскова сборника материалов о процессе Синявского и Даниэля («Белой книги»); помощи Галанскову в создании журнала «Феникс-66», который впоследствии был передан в НТС.

Юрий Галансков обвинялся: в связях с НТС, получении от НТС средств тайнописи и размножения, антисоветской литературы, листовок и распространении их в СССР, 560 долларов и более 2000 советских рублей; в работе с Гинзбургом над «Белой книгой», организации ее размножения и передаче ее на Запад; в составлении вместе с Гинзбургом сборника «Феникс», его размножении и передаче в НТС; в составлении «Открытого письма Шолохову» и передаче его Добровольскому для размножения; в нарушении правил о валютных операциях.

Алексей Добровольский обвинялся в том, что, вступив в преступную связь с Галансковым и Лашковой занимался антисоветской агитацией и пропагандой, хранением и распространением литературы, изданной НТС, хранил у себя дома переданные ему Галансковым деньги, шапирограф, копирку для тайнописи; размножил с помощью Лашковой антисоветский клеветнический документ «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни»; передал Радзиевскому для размножения типографским способом полученные от Галанскова «Открытое письмо Шолохову» и статью «Российский путь перехода к социализму»¹.

Вера Лашкова обвинялась в том, что, подпав под влияние Галанскова и Гинзбурга с лета 1966 года проводила антисоветскую агитацию и пропаганду; размножала материалы для тенденциозного антисоветского сборника «Белая книга» и сборника «Феникс»; размножила для Добровольского клеветническую статью «Описание событий в Почаевской лавре в наши дни», один из экземпляров которой передала Галанскову; взяла у Добровольского для прочтения брошюру и журнал, изданные НТС, и дала их другим лицам с целью распространения².

Прокурор заключил, что все подсудимые подлежат наказанию по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР, а Галансков, помимо этого, подлежит наказанию по ч. 1 ст. 88 УК РСФСР.

Обратим внимание, что Гинзбург и Галансков названы организаторами преступления, Добровольский — вступившим с ними в преступный сговор, а Лашкова — подпавшей под их влияние.

На вопросы судьи, признают ли они себя виновными, Гинзбург и Галансков ответили отрицательно, Добровольский и Лашкова признали свою вину.

Первым прокурор допросил Добровольского. Тот показал, что с Галансковым познакомился через Веру Лашкову, с которой встречался «в среде молодежи, интересовавшейся вопросами литературного творчества»³. Именно в таких кружках передавался из рук в руки самиздат. Галансков говорил с ним о политике, о том, что в СССР отсутствуют свободы, гарантированные Конституцией, и что «необходима борьба за демократию, но так как подобная борьба преследуется КГБ,

то она должна быть нелегальной»⁴. Галансков дал Добровольскому для ознакомления книги НТС, которые призывают к террору, созданию боевых дружин и «спасению от коммунистического ига через войну». Добровольский повторял то, что говорил на следствии. На вопрос прокурора, можно ли считать, что все это делалось с антисоветским умыслом, он ответил: «Да». Добровольский всячески показывал, что раскаивается, в частности, сказал, что, будучи в 19 лет осужден за антисоветские высказывания, не сделал правильных выводов, поскольку «...вокруг меня в лагере были одни бандеровцы и власовцы»⁵.

Ответы Лашковой на вопросы прокурора в целом не противоречили показаниям Добровольского. Когда в конце он спросил, признает ли она участие в антисоветской деятельности, Лашкова ответила «Да».

В начале допроса прокурором Галансков отказался от всех показаний, данных им в течение следствия. Галансков отрицал, что у них с Гинзбургом общие политические взгляды — его он считал либералом, а себя демократом, и заявил, что на политические темы они не разговаривали и общих дел не имели: он не участвовал в составлении «Белой Книги», а Гинзбург не имеет никакого отношения «альманаху «Феникс»»⁶.

На вопросы прокурора о связях с НТС Галансков отвечал, что до ареста вообще не слышал об НТС, никогда не имел никакой личной связи с представителями этой организации, ничего им не передавал и ничего от них не получал, а показания Добровольского целиком и полностью вымышленные. На вопросы о встречах с иностранцами сказал, что все было наоборот: иностранцы приезжали встречаться с Добровольским, а он, Галансков, был лишь наблюдателем. Добровольский подал реплику, что все было наоборот. Галансков ответил, что это неправда. Про зашифрованное письмо Галансков сказал, что никакого отношения к НТС оно не имеет и адресовалось находящемуся в ссылке поэту-смогисту⁷ Батшеву. Про валюту — что 560 долларов получил от Добровольского и вначале обменял 200 долларов на 600 руб. у валютчика через Ентина, а когда хотел обменять еще 200, его обманули — вместо рублей он получил пачку горчичников. Оставшуюся валюту и рубли он отдал Добровольскому⁸.

Когда настал черед Гинзбурга отвечать на вопросы прокурора, он прежде всего заявил, что никогда не был антисоветчиком. Суд над Синявским и Даниэлем вызвал возмущение во всем мире. Составляя сборник по этому делу, он хотел показать разные точки зрения, и даже если в него попали материалы, приписываемые к антисоветским и инкриминируемые ему, то он сделал это для объективности, а не потому, что разделяет эти взгляды. Гинзбург заявил, что никаких связей с НТС не имел, и не знает, каким образом попал за границу журнал «Синтаксис» и сборник материалов по делу Синявского и Даниэля, опубликованные в журнале НТС — он лишь хотел, чтобы сборник дошел до высших руководителей советского государства, хотел восстановить справедливость. Он признал знакомство с иностранцами, но сказал, что они не имеют отношения к НТС⁹.

Среди множества опрошенных на суде свидетелей в основном были близкие и знакомые подсудимых, описывающие их с самой лучшей стороны, при этом показания по обстоятельствам дела в целом не противоречили показаниям подсудимых. Процессуальной неординарностью для подсудимых и их адвокатов стало появление еще одного свидетеля — гражданина Венесуэлы Николая Борисовича Брокс-Соколова, приехавшего в СССР в качестве туриста в декабре 1967 г. При задержании органами госбезопасности на нем был обнаружен потайной пояс, в котором спрятаны три письма, фотографии Гинзбурга, Галанскова и Добровольского, шапирограф, копирка для тайнописи и советские деньги в сумме 3000 рублей. Брокс-Соколов приехал из Франции, где проходил учебу. Сочувствуя Гинзбургу, Галанскову и Добровольскому, которых на Западе представляли, как подпольных писателей, он согласился на просьбу представителей НТС отвезти в Москву вещи, которые, как он думал, им помогут. О содержимом пояса, кроме трех писем, которые следовало опустить в почтовые ящики, он не знал¹⁰.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 121–122.

⁷ СМОГ — неформальное объединение молодых поэтов, обычно расшифровывающееся как Самое Молодое Общество Гениев. СМОГ участвовал в поэтических чтениях у памятника Маяковскому.

⁸ Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 121–130.

⁹ Там же. С. 130–137.

¹⁰ Там же. С. 187–193.

¹ «Российский путь перехода к социализму» — анонимная статья, ходившая по рукам в Москве, приписывалась академику Е.С. Варге. В ней с марксистских позиций рассматривалось построение социализма в СССР, признанное автором неправильным. В ходе суда прокурор и судья несколько раз делали замечания подсудимым и адвокатам о том, что автор статьи не академик Е.С. Варга. В 1991 г. стало известно, что статья была написана профессором МГУ Г.Н. Поспеловым.

² Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 59–70.

³ Там же. С. 72.

Вероятно, задержание Брокса-Соколова было результатом работы советских разведчиков, хотя некоторые считали, что его «своевременное» появление на процессе подстроено КГБ¹.

Исследовав доказательства, государственный обвинитель выступил в прениях сторон с длинной речью объясняющей о враждебной Советскому Союзу организации НТС, являющейся филиалом ЦРУ – ее истории, целях, методах действия. Далее обвинитель перешел к существующей связи всех подсудимых с НТС, называя Гинзбурга «руководителем закрытой секции НТС в Москве». Пересказав обвинительное заключение со ссылками на показания Добровольского, прокурор заявил, что считает вину подсудимых доказанной и требует следующего наказания: для Галанскова, через которого осуществлялась непосредственная связь с НТС, который занимался антисоветской агитацией и пропагандой, не признал себя виновным и не раскаялся в своих преступлениях – 7 лет лагерей строгого режима по ч. 1 ст. 70, и 3 года лагерей по ч. 1 ст. 88 УК РСФСР, по совокупности 7 лет строгого режима; для Гинзбурга, который имел связь с НТС и занимался антисоветской агитацией и пропагандой, не признал себя виновным и не раскаялся в своих преступлениях – 5 лет лагерей строгого режима по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР; для Добровольского, который был втянут в связи с НТС Галансковым, активной роли не играл, признал себя виновным и раскаялся в своих преступлениях – 2 года лагерей строгого режима по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР; для Лашковой, которая подпала под влияние Галанскова и Гинзбурга, активной роли не играла, признала себя виновной и раскаялась в своих преступлениях – 1 год лагерей строгого режима по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР².

Первым с защитительной речью выступил адвокат Добровольского, Владимир Яковлевич Швейский. Поскольку его подзащитный активно сотрудничал со следствием и признал, что хранение и распространение литературы НТС является преступлением, адвокат мог просить о минимальном наказании. Довольно подробно разобрав биографию Добровольского, Швейский нашел оправдания действиям своего подзащитного в неустойчивой психике и увлечении религией (во времена СССР это считалось не нормальным). Спор с обвинением ограничился тем, что Швейский отрицал криминальный характер вмененного Добровольскому «Описания событий в Почаевской Лавре», поскольку достоверность фактов расправы над монахами Лавры со стороны местных властей на момент суда уже была признана. Сказав, что Добровольский с надеждой смотрит на суд, адвокат завершил свою речь³.

Защитником Веры Лашковой был адвокат Семен Львович Ария. Свою речь он начал с анализа эволюции понятия «антисоветская деятельность» в законодательстве РСФСР. Затем, подробно рассмотрев содержание статьи 70 УК РСФСР и точно определив по ней рамки понятия «антисоветская деятельность», адвокат заявил, что никакое расширительное толкование текста закона не должно иметь места.

Адвокат напомнил, что в формуле обвинения Лашковой нет слов «будучи антисоветски настроенной», следовательно, у нее отсутствовала цель – т.е. она не имела прямого умысла, требуемого ст. 70 УК РСФСР. Затем С.Л. Ария довольно ярко описал жизнь Веры Лашковой – хрупкой девушки, с 16 лет вынужденной самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, в том числе машинописью. Адвокат утверждал, что статьи, признанные криминальными, Лашкова могла перепечатывать, не вникая в их смысл, автоматически, как в большинстве своем делают все машинистки. Если даже признать, что она допускала вред от размножения литературных опусов Гинзбурга, Галанскова, Добровольского, то и это не дает оценить ее печатную работу по признакам ст. 70 УК РСФСР. Интересоваться брошюрами НТС, которые дал ей Добровольский, Лашкова могла из чистого любопытства, свойственного молодежи, к тому же показания свидетелей на суде говорят о том, что она не предлагала им специально ознакомиться с брошюрами, то есть не занималась пропагандой.

Делая вывод, что Лашкова не является особо опасным государственным преступником, к тому же правдиво рассказала обо всем, что ей вменяется, С.Л. Ария просил обвинение, связанное с печатанием «письма Шолохову» и двумя книгами НТС оценить по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР и наказать Лашкову без лишения свободы. Во всей остальной части обвинения адвокат просил оправдать свою подзащитную⁴.

Задача защитницы Юрия Галанскова, Дины Исааковны Каминской, была сложнее, чем у адвокатов других подсудимых. Галансков, признав обличающие его доказательства, вины своей не признал. Если доверитель не признает вины, долг адвоката просить об оправдании, но в данном случае это было невозможно.

Свидетели на суде характеризовали Галанскова как человека со востливого, скромного, всегда готового помочь, бесребренника. Адвокат, симпатизируя ему, списывала проскальзывающую желчность в общении на язвенную болезнь, приступы которой мучили Галанскова все время следствия и суда. Однако она считала его трудным подзащитным и вспоминала, что он специально шел на то, чтобы вызвать раздражение у следствия и суда: «... Юрий относился к предстоящему суду как к балагану и видел наиболее правильную для себя линию поведения в предстоящем процессе в откровенном издевательстве над судом»⁵. Он раздражал участников процесса своей бравадой и насмешками: к примеру, спрашивал у свидетелей за какого депутата они голосовали на выборах в Верховный совет СССР, а на вопрос, для чего он применял меры конспирации и шифры, ответил: «Я готовил себя к тому, чтобы прийти на смену Андропову и возглавить КГБ»⁶.

Начав защитительную речь с того, что показания Гинзбурга и свидетелей доказывают, что Галансков не участвовал в составлении «Белой книги», адвокат не стала далее рассматривать этот пункт обвинения. Из материалов «Феникса» Каминская признала криминальными два: статью Синявского «Что такое социалистический реализм» – что подтверждал вступивший в силу приговор Верховного Суда РСФСР, и «Открытое письмо Шолохову»⁷. Пояснив, что идея ответить на разгромную речь Шолохова на XXIII съезде КПСС в адрес Синявского и Даниэля пришла Галанскову во время пребывания в психиатрической больнице, Каминская обратила внимание суда на то, что письмо обращено к одному человеку и является критикой одного человека, не ставило целью подрыв советской власти, что исключает возможность квалифицировать его по ст. 70 УК РСФСР. Однако, признала адвокат, некоторые формулировки в упомянутых материалах сборника дают основания для признания Галанскова виновным по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР. Обвинение в распространении «Феникса» адвокат посчитала недоказанным.

Часть защитительной речи, касающаяся обвинения Галанскова в связях с НТС, прозвучала наиболее эмоционально. В отличие от адвоката Швейского, который говорил только о своем подзащитном, Каминская много времени уделила личности Добровольского, упоминала о его психопатии, о поставленном диагнозе шизофрении, о болезненной жажде самоутверждения. Адвокат в деталях разобрала его показания, кроме которых почти ничто не обличало Галанскова в связях с НТС; доказывала, что основывать обвинительный приговор на показаниях одного Добровольского нельзя, и обвинила его во лжи: «Лично у меня нет доверия к показаниям Добровольского. Они неоднократно менялись на протяжении всего следствия»⁸. При этом пытаясь объяснить, почему дважды в ходе следствия Галансков подтверждал показания Добровольского, адвокат упомянула неустойчивую психику своего подзащитного и давний диагноз «шизофрения», якобы поэтому он хотел поскорее приблизить суд. Это прозвучало неубедительно. Уверенная в том, что Галансков не связан с НТС, адвокат просила суд оправдать Галанскова по этим эпизодам.

Анализируя аргументы стороны защиты, заметим, что на суде Добровольский и Галансков давали об одних и тех же событиях противоположные показания, и оба меняли их в ходе следствия. Однако Добровольский, изменив первоначальные показания и переложив большую часть вины на Галанскова, в дальнейшем держался этой версии и утверждал, что раскаялся. Галансков же дважды подтверждал показания Добровольского, а под конец следствия отказался от всех прежних показаний и вину свою не признал. Даже самому беспристрастному суду трудно было бы доверять Галанскову.

Касательно обвинения по ч. 1 ст. 88 УК РСФСР, Каминская просила суд принять во внимание, что принадлежность долларов Галанскову не доказана. Он признал, что передал их для обмена, считая, что обмен будет произведен официально. Объяснение прозвучало по-детски: все в СССР знали, что передача валюты для обмена – уже незаконная валютная операция.

канская ассоциация юристов, 2010. С. 105–116.

⁵ Каминская Д.И. Записки адвоката / Дина Каминская. – Москва: Новое изд-во, 2009. С. 324.

⁶ Там же. С. 359.

⁷ Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 216.

⁸ Там же. С. 218.

¹ Жизнь адвоката / С.Л. Ария; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Адвокатская палата Московской обл. – 3-е изд., доп. и испр. – Москва: Американская ассоциация юристов, 2010. С. 338–339.

² Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 198–199.

³ Жизнь адвоката / С.Л. Ария; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Адвокатская палата Московской обл. – 3-е изд., доп. и испр. – Москва: Американская ассоциация юристов, 2010. С. 199–203.

⁴ Жизнь адвоката / С.Л. Ария; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Адвокатская палата Московской обл. – 3-е изд., доп. и испр. – Москва: Амери-

Охарактеризовав Галанскова как человека, которому свойственно чувство личной ответственности и высокая гражданственность, адвокат завершила свою речь пафосно: «Он не искал для себя ни богатства, ни карьеры, ни славы — он хотел только, чтобы восторжествовала справедливость»¹.

Борис Андреевич Золотухин, опытный адвокат, понимал, что его подзащитного Александра Гинзбурга выбрали ключевой фигурой данного дела не случайно: тот «посмел» не только создать сборник по делу Синявского и Даниэля, но отнести экземпляр в КГБ, а еще ознакомиться с ним депутатов Верховного Совета РСФСР. Однако само по себе это не являлось криминальным. В ходе следствия и суда Гинзбург держался одной линией, не признавая за собой вины.

Вначале адвокат напомнил, что из семи пунктов обвинительного заключения, относящихся к Александру Гинзбургу, в речи прокурора упоминались только три: в целях распространения Гинзбург составил тенденциозный сборник материалов по делу Синявского и Даниэля; через Галанскова он нелегально направил этот сборник в НТС; передал Губанову антисоветского содержания вырезки из газет на иностранных языках.

Очень убедительно доказав несостоятельность всех трех пунктов, адвокат заявил, что, по его мнению, обвинение не представило достаточных доказательств для обвинения Гинзбурга в антисоветской деятельности, и завершил: «В этом суде мне выпадает почетная привилегия ... с уверенностью утверждать, что Гинзбург невиновен»². Он просил суд оправдать его подзащитного.

Казалось, что после речи Золотухина Гинзбурга не могут не оправдать, однако судебная коллегия полностью поддержала обвинение — все подсудимые были осуждены на предложенные прокурором сроки. Верховный суд РСФСР оставил приговор Мосгорсуда в силе.

Поскольку сроки исчислялись с момента ареста, Вера Лашкова вышла на свободу через несколько дней после судебного разбирательства. Жила в Калуге и Твери. Продолжала перепечатывать самиздатские материалы, была участницей Фонда помощи политзаключенным. В 1990 г. вернулась в Москву.

Галансков умер в 1972 году в заключении — от перитонита в результате некалтифицированной операции по поводу язвы.

Гинзбург после отбытия срока жил в Подмоскovie, продолжая диссидентскую деятельность. В 1978 г. за антисоветскую пропаганду его приговорили к восьми годам лишения свободы, но год спустя, под давлением мировой общественности, вместе с еще четырьмя политзаключенными обменяли на двух советских разведчиков, осужденных в США. Гинзбург жил в Париже и работал в Русском культурном центре, был обозревателем газеты «Русская мысль». Умер во Франции в 2002 г.

Добровольского диссиденты еще во время суда заклеили как предателя, погубившего своих товарищей, обоглавшего их из низменных интересов. Некоторые считали, что он был провокатором КГБ, которого сначала специально помещали в «психушки» следить за инакомыслящими, а затем устроили в Литературный музей, поближе к Гинзбургу и Галанскову, чтобы в дальнейшем «сдать» их. Впрочем, подтверждений этой версии не нашлось, дело скорее всего в личности Добровольского, довольно странной. После отбытия срока он, отрицая православие, увлекся оккультизмом и славянским неоязычеством. Во время Перестройки вступил в одиозную организацию «Всемирный антиссионистский и антимасонский фронт «Память»». В начале 1990-х, приняв языческое имя Доброслав, организовал в Кировской области языческую общину. Писал брошюры экстремистского содержания; за разжигание антисемитизма и религиозной вражды был приговорен к двум годам лишения свободы условно. Умер в 2013 г.

«Процесс четырех», так же как дело Синявского и Даниэля, вызвал большой резонанс. Уже на третий день судебного разбирательства Лариса Богораз и Павел Литвинов написали «Обращение к мировой общественности» с требованием гласности при производстве по делу и соблюдения законности.

Действительно, нельзя сказать, что в этом деле законность восторжествовала. К моменту суда продолжительность заключения обвиняемых под следствием была превышена. В зал Мосгорсуда пропустили лишь «избранных». Близким осужденных запрещали вести записи на суде, их изымали на выходе из зала, но кое-что удалось сохранить, а остальное в тот же день восполнить рассказами присутствовавших в зале — так Павлом Литвиновым была составлена книга «Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой». Судья неоднократно отводил вопросы адвокатов,

¹ Литвинова П. М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. С. 227.

² Там же. С. 236.

резко обрывал речь свидетелей и, в нарушение ст. 283 УПК РСФСР, после дачи показаний выдворял их из зала суда.

Однако, хотя процесс и задумывался как показательный — власть надеялась поумерить пыл диссидентов, — постановочным его назвать нельзя. Работа защитников не была формальной, они активно участвовали в исследовании доказательств, и в целом это было непросто. «Выбор точной границы, за которой начиналась поддержка политических взглядов подсудимых (а вместе с нею и конец адвокатской карьеры), был доступен только опытным профессионалам, хорошо владевшим к тому же и гибким русским, и эзоповым языком»³.

С. Л. Ария и В. Я. Швейскому удалось «пройти по лезвию», а вот для Бориса Золотухина первый в его жизни политической процесс имел печальные последствия. После публикации в одной из западных газет изложения его речи, в которой среди деятелей, отрицательно отзывавшихся о процессе над Синявским и Даниэлем, адвокат упомянул члена ЦК Французской коммунистической партии Луи Арагона и секретаря ЦК Английской коммунистической партии Джона Голлана, Золотухина исключили из партии и из коллегии адвокатов⁴. Д. И. Каминскую в 1971 году лишили допуска к ведению политических дел, а в 1980-м предложили покинуть страну. Швейский и Ария оставались защитниками диссидентов все годы советской власти.

Решение по данному делу нельзя назвать правосудным полностью. Осуждение Гинзбурга и Лашковой по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР было вопиющей несправедливостью. Что касается обвинения Добровольского и Галанскова по данной статье — сделать правильный вывод здесь сложнее. До сих пор неизвестно, кто из них на суде говорил правду, а кто лгал. В ходе следствия и суда Добровольский наговорил много — но что из этого было ложью? Почти наверняка все, что касалось Гинзбурга, поскольку, по собственному признанию Добровольского, кроме «здравствуй и до свидания» они никаких разговоров не вели.

Брошюры НТС, доллары, листовки, шاپрограф — все это было передано из-за границы с очевидной целью подрыва советской власти. Кому из двоих — Добровольскому или Галанскову — мы, видимо, никогда не узнаем. Добровольский мог иметь связи с НТС еще после первого срока заключения. Однако заметим, что до «процесса четырех» его имя на Западе не упоминалось, а «Феникс» Галанскова еще 1962 г. был напечатан в журнале «Грани», ассоциированном с НТС. Уверения Галанскова в том, что до ареста он не слышал об НТС были ложью. Целый год он тесно сотрудничал с НТС, и был ее членом — позже признались в этой организации⁵.

Галансков лгал и своему адвокату. Симпатизируя своему подзащитному, Каминская была уверена, что он не связан с НТС, но и много позже, узнав об этом, не изменила своего отношения, писала, что ей не важно, был ли Галансков связан с НТС или нет: «Вера в его бескорыстие и доброту осталась у меня непоколебленной». И добавляла: «Не нужно забывать, что в те годы НТС был единственной зарубежной организацией, систематически оказывавшей помощь оппозиционным движениям в Советском Союзе. Благодаря ее деятельности многие люди в моей стране получили возможность читать литературу, издаваемую за рубежом»⁶. Заметим, что в «те годы», ознакомившись в ходе подготовки к процессу с книгами НТС, Каминская сама признавала, что они призывают к свержению советской власти, в том числе насильственными методами, т.е. являются криминальными⁷.

Принято утверждать, что в СССР преследовалось инакомыслие. Это не совсем точно, любой мог мыслить как угодно — преследовалась пропаганда инакомыслия, направленного против советской власти, ее тиражирование. Поэтому в 1967 г. для защиты конституционного строя было создано Пятое управление КГБ СССР, отвечавшее за борьбу с инакомыслием и «идеологическими диверсиями», т.е. диссидентским движением.

В наши дни, наблюдая за вспыхивающими тут и там волнениями, «цветными революциями», мы видим, что идеологические диверсии могут привести к последствиям страшным и разрушительным. И теперь мы знаем, что в любой стране, будь то Сирия, Ливия, Иран, Венесуэла, Грузия или Россия, за ними стоят зарубежные организации, цель которых — свержение существующего строя, смена власти.

³ Жизнь адвоката / С. Л. Ария; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Адвокатская палата Московской обл. — 3-е изд., доп. и испр. — Москва: Американская ассоциация юристов, 2010. С. 334.

⁴ Там же. С. 339.

⁵ Хальтер-Югова А. Никролог из неволи. — Текст: электронный // URL: — https://antimilitary.narod.ru/antology/galanskov/galanskov_nekrolog.htm (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Каминская Д. И. Записки адвоката / Дина Каминская. — Москва: Новое изд-во, 2009. С. 360.

⁷ Там же. С. 329.

Советский Союз, как и любое государство, имел право ограждать себя от идеологических диверсий. В современной России деяния, аналогичные предусмотренным ст. 70 УК РСФСР тоже уголовно наказуемы: по ст.ст. 275.1, 280, 282, 128.1 УК РФ, наказание по которым варьируется от денежного штрафа до лишения свободы на срок до 8 лет. Таким образом, и с точки зрения современного российского законодательства приговор Добровольскому и Галанскову нельзя назвать незаконным и несправедливым.

Литература

1. Жизнь адвоката / С.Л. Ария; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Адвокатская палата Московской обл. – 3-е изд., доп. и испр. – Москва: Американская ассоциация юристов, 2010. – 486 с.
2. Каминская Д.И. Записки адвоката / Дина Каминская. – Москва: Новое изд-во, 2009. – 486 с.
3. Литвинова П.М. Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971. – 634 с.
4. Хальтер-Югова А. Некролог из неволи. – Текст: электронный // URL: – https://antimilitary.narod.ru/antology/galanskov/galanskov_nekrolog.htm (дата обращения: 01.02.2026).

TRIAL OF THE WORD: THE TRIAL OF GALANSKOV, GINZBURG, DOBROVOLSKY, AND LASHKOVA

Vasyev A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

This article examines the so-called «Trial of Four» – the criminal case against Ginsburg, Galanskov, Dobrovolsky, and Lashkova, accused of anti-Soviet agitation and propaganda. It describes the background and progress of the trial and evaluates evidence linking two of the defendants to the NTS (People's Labor Union), a nationalist organization of Russian émigrés whose goal was to undermine the existing government in the USSR. It also assesses the actions of the defense, the legality, and the validity of the sentence in light of current knowledge about the role of foreign intelligence services in fomenting «color revolutions» and compares it with penalties for anti-Russian propaganda under the Russian Criminal Code.

Keywords: criminal case, Alexander Ginsburg, Yuri Galanskov, Alexey Dobrovolsky, Vera Lashkova, trial, defense attorney, freedom of speech, ideological sabotage.

References

1. Life of a Lawyer / S.L. Aria; Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Moscow Region Bar Chamber. – 3rd ed., supplemented and corrected. – Moscow: American Bar Association, 2010. – 486 p.
2. Kaminskaya D.I. Notes of a Lawyer / Dina Kaminskaya. – Moscow: Novoye Izd-vo, 2009. – 486 p.
3. Litvinova P.M. The Trial of Four. Collection of materials on the case of Galanskov, Ginzburg, Dobrovolsky and Lashkova. Compiled and commented by Pavel Litvinov. Amsterdam: Herzen Foundation, 1971. – 634 p.
4. Halter-Yugova A. A Necrologist from Bondage. – Text: electronic // URL: – https://antimilitary.narod.ru/antology/galanskov/galanskov_nekrolog.htm (date of access: 01.02.2026).

Правовые проблемы и перспективы развития института независимой оценки квалификации в сфере услуг (на примере индустрии гостеприимства)

Волкова Екатерина Александровна,

соискатель ученой степени кандидата наук, президент Ассоциации креативных индустрий и инновационного предпринимательства
E-mail: plg52@mail.ru

Статья посвящена комплексному правовому анализу института независимой оценки квалификации (далее – НОК) в контексте его применения к специфической сфере гостеприимства. Цель исследования – выявление системных проблем и коллизий в действующем правовом регулировании НОК, обусловленных недостаточной отраслевой дифференциацией, и разработка научно обоснованных предложений по его совершенствованию. На основе методов сравнительно-правового и системного анализа исследуется нормативная база НОК в России и выявляются ее ключевые правовые дефекты применительно к индустрии гостеприимства. К ним относятся: терминологические противоречия в определении субъектов и процедур НОК; коллизия норм о добровольности оценки с фактическими отраслевыми требованиями; неопределенность юридической силы результатов НОК в системе трудовых правоотношений; а также игнорирование в универсальных процедурах оценки отраслевой специфики, связанной с необходимостью верификации надпрофессиональных компетенций, навыков межкультурной коммуникации и работы в условиях нестандартизированных сервисных процессов. Материал статьи представляет интерес для исследователей в области трудового права, разработчиков профессиональных стандартов, а также для правоприменителей, участвующих в формировании и реализации кадровой политики в сервисном секторе экономики.

Ключевые слова: независимая оценка квалификации, трудовое право, сфера гостеприимства, профессиональные стандарты, квалификация работника.

Введение

Формирование в Российской Федерации института независимой оценки квалификации, нормативной основой которого стал Федеральный закон от 03.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации», представляет собой значимую правовую реформу в сферах труда и образования. Данный институт призван создать объективный вневедомственный механизм подтверждения профессиональной компетенции работников, обеспечивая баланс интересов личности, работодателя и государства. Однако эффективность действия любого правового института определяется его способностью адекватно регулировать конкретные общественные отношения, учитывая их специфику.

Сфера гостеприимства (индустрия туризма, гостиничного и ресторанного дела) образует комплекс правоотношений, характеризующихся высокой динамичностью, сервисной ориентацией и особой природой трудовой функции. Последняя в значительной степени опосредована необходимостью реализации так называемых «гибких» навыков («soft skills») – коммуникативных компетенций, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости и кросс-культурного взаимодействия. Действующая универсальная модель НОК, закрепленная в законе № 238-ФЗ и детализированная в подзаконных актах, изначально разрабатывалась без учета подобной отраслевой специфики. Это порождает системные правовые проблемы: формальные критерии оценки не коррелируют с реальным содержанием труда; процедуры не позволяют верифицировать ключевые для отрасли компетенции; возникает правовая неопределенность в применении результатов НОК в рамках трудовых договоров.

Указанные пробелы и противоречия в регулировании формируют научную проблему, заключающуюся в отсутствии концептуального подхода к адаптации общего института НОК к нуждам сектора услуг. Существующие исследования часто фокусируются на организационно-экономических аспектах, оставляя без должного внимания собственно правовую составляющую: анализ коллизий норм, разработку механизмов отраслевой дифференциации процедур оценки, гармонизацию с международными стандартами квалификаций.

Целью настоящего исследования является комплексный правовой анализ института НОК в Российской Федерации применительно к сфере услуг, выявление системных дефектов его нормативного регулирования и разработка научно обоснованных предложений по его совершенствованию на примере индустрии гостеприимства.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Провести системный анализ нормативной базы НОК (ФЗ № 238-ФЗ, ТК РФ, подзаконные акты) и выявить ее внутренние противоречия.
2. Определить специфику трудовой функции и соответствующих профессиональных компетенций в индустрии гостеприимства как объекта правового регулирования.
3. На основе сравнительно-правового метода исследовать релевантные зарубежные модели оценки квалификаций в сфере услуг (опыт ЕС, США, ОАЭ) с точки зрения их нормативного обеспечения.
4. Сформулировать конкретные предложения по совершенствованию российского законодательства в части введения отраслевых процедур НОК, устранения терминологических коллизий и интеграции с международными квалификационными рамками.

Методологическую основу работы составили общенаучные и частнонаучные методы: формально-логический, сравнительно-правовой, системного анализа, а также метод правового моделирования. Эмпирическую базу образуют Конституция РФ, федеральное законодательство, акты органов исполнительной власти, профессиональные стандарты в сфере гостеприимства, а также международные правовые акты и стандарты в области квалификаций.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении НОК не как абстрактного административно-трудового инструмента, а как сложного правового института, требующего дифференцированного подхода в зависимости от характера регулируемых трудовых отношений. Полученные выводы могут быть использованы в нормотворческой деятельности, в правоприменительной практике, а также в дальнейших научных разработках в области трудового и образовательного права.

Материалы и методы исследования

В статье использованы нормативно-правовые акты РФ (Федеральный закон № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» (2016), Трудовой кодекс РФ (ст. 195.1–195.3, 196–197), Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024 о национальных целях развития до 2030 года), международные документы и стандарты, аналитические отчеты и статистика, а также научные публикации и экспертные мнения по вопросам оценки квалификации в сфере гостеприимства.

Применены такие методы исследования, как сравнительно-правовой анализ для сопоставления российской системы независимой оценки квалификации с зарубежными аналогами; системный анализ для изучения нормативной базы и выявления пробелов и противоречий в регулировании. Использование эмпирического метода позволило выявить ключевые проблемы системы НОК в России и предложить пути ее совершенствования на основе международного опыта.

Основные результаты исследования

Сфера гостеприимства, представленная, прежде всего, гостиничным и ресторанным бизнесом, является одной из ключевых отраслей экономики многих стран, включая Россию. Она обеспечивает значительную долю ВВП, создает рабочие места и способствует развитию смежных отраслей. Формально-правовое признание ее стратегического значения закреплено, в том числе, в указанных нормах, устанавливающих целевые показатели развития. Доля туризма в ВВП России должна достичь 5% к 2030 году, как следует из Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»^[1]. Однако конкурентоспособность этой сферы напрямую зависит от качества подготовки кадров, что делает проблемы правового регулирования процедур оценки квалификации особенно актуальными.

Ключевым противоречием, выявленным в ходе исследования, является дисбаланс между стратегической важностью отрасли и недостаточной адаптированностью к ее потребностям общего института независимой оценки квалификации.

В 2024 году Всемирный совет по путешествиям и туризму (WTTC) опубликовал ежегодный отчет Economic Impact Trends Report, в котором говорится о том, что, несмотря на медленное восстановление глобальных расходов на путешествия, США остаются самым крупным тревел-рынком в мире и принес экономике США в общей сложности \$2,36 трлн^[2]. В отчете отмечается, что Китай сместился на второе место по величине рынка туризма в мире, добавив в ВВП страны \$1,3 трлн. По прогнозам Китай станет крупнейшим в мире рынком путешествий и туризма в текущем десятилетии, аналогичный рост возможен у Индии, которая вероятно займет 4 место, вместо текущего восьмого.

Что касается сферы российского туризма и гостеприимства, то он также по прогнозам экспертов вступает в новую эру, наполненную как вызовами, так и уникальными возможностями для роста. На онлайн-конференции Ассоциации отельеров АМОС был представлен анализ текущих трендов, которые будут определять будущее отрасли. В частности, было отмечено, что стоимость внутреннего туризма растет и на этом фоне вопрос качества продуктов и уровня сервиса становится все более актуальным, особенно при ограниченном числе специалистов^[3]. Это вызов, с которым сфера гостеприимства будет сталкиваться в ближайшее время и игнорирование вопросов компетенций персонала, в том числе независимой оценки квалификации может обойтись бизнесу дороже. С правовой точки зрения, данная ситуация актуализирует вопрос о юридической эффективности и практической применимости норм о НОК как инструмента обеспечения качества человеческого капитала. «Туризм обеспечит каждое третье из всех новых рабочих мест и станет движущей силой восстановления мировой экономики, заявила Джулия Симпсон» – президент и генеральный директор WTTC на Глобальном саммите в Маниле^[4]. По данным WTTC, вклад туризма в мировой ВВП будет расти в среднем на 5,8% ежегодно.

¹ Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

² Travel Daily Media/ Economic Impact Trends Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.traveldailymedia.com/2024-wttc-economic-impact-trends-report-shows-us-still-worlds-most-powerful-tourism-market/>

³ Журнал Hotel.report: У россиян растет запрос на здоровье и индустрию счастья. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.hotel.report/promotion/yuliya-tybakova-urossiyan-rastet-zapros-na-zdorove-i-industriyu-schastyia>

⁴ Портал для профессионалов в области бизнес-туризма и MICE Buying Business Travel RussiaWTTC: В сфере туризма будет создано около 126 млн рабочих мест [Электронный ресурс]. URL: <https://buyingbusinesstravel.com.ru/news/trevel-menedzhment/wttc-v-sfere-turizma-budet-sozdano-okolo-126-mln-rabochikh-mest/>

В условиях глобализации и цифровизации требования к работникам сферы гостеприимства постоянно растут. Клиенты ожидают высокого уровня сервиса, владения иностранными языками, навыками работы с современными цифровыми технологиями. В этой связи нельзя недооценивать значимость и актуальность независимой оценки квалификации работников сферы гостеприимства. Однако существующая нормативно-правовая база и процедурная модель оценки квалификации очевидно не успевают за этими изменениями, что приводит в том числе к несоответствию подготовки сотрудников реальным потребностям рынка, снижению качества услуг и, как следствие, дефициту квалифицированных кадров. Сфера гостеприимства представляет собой уникальный сегмент рынка труда, где традиционные методы оценки квалификации требуют существенной процедурной адаптации в рамках, установленных законом. Особенности отрасли, связанные с необходимостью сочетания технических навыков и развитых социальных компетенций, формируют особые требования к системе независимой оценки квалификации. Эти требования, однако, не нашли адекватного отражения в позитивном праве. Отраслевая оценка квалификации отличается комплексным характером, требующим одновременной проверки:

- профессиональных («hard skills») компетенций (знание систем бронирования, систем автоматизации, стандартов обслуживания);
- надпрофессиональных «гибких» навыков («soft skills»), включая эмоциональный интеллект, кросс-культурную компетентность и стрессоустойчивость.

В российском законодательстве понятие независимой оценки квалификации закреплено в Федеральном законе «О независимой оценке квалификации» № 238-ФЗ от 03.07.2016 и определено как «Независимая оценка квалификации – процедура подтверждения соответствия квалификации соискателя положениям профессионального стандарта или квалификационным требованиям, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, проводимая центром оценки квалификаций в соответствии с настоящим Федеральным законом».

Проведенный анализ статей 195.1–195.3, 196, 197 Трудового Кодекса РФ и Федерального Закона № 238-ФЗ позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование НОК носит рамочный и универсальный характер.

Правовая основа независимой оценки квалификации в России – это Трудовой кодекс РФ (статьи 195.1, 195.2, 195.3, 196, 197)^[5], Постановление Правительства РФ от 16.11.2016 № 1204^[6], а также Приказы Минтруда России об утверждении методик оценки. Объектом оценки является соответствие требованиям профессиональных стандартов, квалификационных справочников и отраслевых требований.

Независимая оценка квалификации в России представляет собой относительно новый институт, направленный на подтверждение профессионального уровня работников и соискателей. Его правовая база сформирована вокруг Федерального закона от 03.07.2016 № 238-ФЗ, однако эффективность регулирования требует дополнительного научного осмысления, особенно с учетом отраслевых особенностей, таких как сфера гостеприимства. Как показал анализ, в основе системных проблем лежат несколько ключевых правовых дефектов.

Как уже отмечалось ранее, регулирование независимой оценки квалификации в России строится на многоуровневой системе нормативных актов. Конституционные гарантии (ст. 37, 72 Конституции РФ)^[7] закрепляют право на труд и профессиональное развитие, отнесение трудового законодательства к совместному ведению. На федеральном уровне ключевыми актами являются Трудовой кодекс РФ (ст. 195.1–195.3, ст. 196–197), определяющий понятие «квалификация» и «профессиональный стандарт», а также регулирующий права и обязанности работника и работодателя при проведении независимой оценки квалификации; Федеральный Закон № 238 (далее – Закон), детализирующий процедуры и статус участников; подзаконные акты. Отраслевое регулирование включает приказы Минтруда о профстандартах. Однако отсутствие четкой иерархии между этими актами порождает правовые коллизии, особенно в динамичных секторах, таких как гостеприимство. В частности, наблюдается терминологическая несогласованность между ТК РФ и ФЗ № 238-ФЗ в определении субъектов оценки.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025).

⁶ Постановление Правительства РФ от 16.11.2016 № 1204 «Об утверждении правил проведения центром оценки квалификаций независимой оценки квалификации в форме профессионального экзамена»

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

Закон определяет независимую оценку квалификации как процедуру подтверждения соответствия квалификации соискателя профессиональным стандартам (статья 1 Закона). Однако уже в статье второй обнаруживаются терминологические противоречия: понятие «независимая оценка» не исключает субъективности из-за отсутствия единых методик; смешения статусов «работника» и «соискателя» усложняет применение норм. Принципы независимой оценки квалификации (статья 4 Закона), включая добровольность и объективность, на практике нарушаются. Например, добровольность ограничена отраслевыми требованиями для отдельных профессий, а объективность зависит от качества работы центров оценки квалификации (далее – ЦОК).

Критике подвергается статус центров оценки квалификации (статья 8 Закона), поскольку их коммерческая деятельность создает риски конфликта интересов, что может подрывать принцип независимости, заложенный в названии и сущности института, а также противоречивые механизмы финансирования, где обязанности работодателей не подкреплены стимулами.

Кроме того, правовой режим независимой оценки квалификации вступает в коллизию с трудовым законодательством, поскольку ТК РФ четко не разграничивает независимую оценку квалификации и аттестацию, а юридическая сила результатов НОК остается спорной. Вопрос о последствиях несоответствия работника результатам НОК, особенно при уже сложившихся трудовых отношениях, законодательно не урегулирован. Универсальный подход закона игнорирует отраслевую специфику. В гостеприимстве, где критичны навыки межкультурной коммуникации и языковая подготовка, применяются общие критерии, что снижает эффективность оценки и стремление применять ее на практике. Международный контекст также выявляет недостатки. Российская система не синхронизирована с Европейской рамкой квалификаций, что затрудняет признание сертификатов за рубежом. Это создает правовые барьеры для интеграции отечественных специалистов в глобальный рынок труда индустрии гостеприимства.

Для повышения эффективности независимой оценки квалификации необходимы:

1. Отраслевая дифференциация – введение специальных глав в ФЗ № 238 для ключевых секторов, включая туризм и гостеприимство, с учетом гибких критериев (например, сезонности занятости). На законодательном уровне требуется закрепить возможность применения специальных оценочных процедур и методик, верифицирующих «soft skills».

2. Гармонизация с международными стандартами. Необходимо имплементировать в национальное законодательство механизмы, аналогичные ECVET (Европейская система зачетных единиц в профессиональном образовании) для обеспечения сопоставимости квалификаций.

3. Процедурные улучшения, исключающие коррупционные риски. Требуется более детальная законодательная регламентация статуса деятельности центров оценки квалификаций (далее – ЦОК), включая механизмы контроля их независимости и качества оказываемых услуг.

Индустрия гостеприимства требует особого регулирования из-за высоких требований к надпрофессиональным навыкам, таким как коммуникация, стрессоустойчивость; сезонности и текучести кадров; разнородности предприятий (от отелей разного уровня до кафе и ресторанов). Однако в действующей системе эти аспекты не учтены, что снижает практическую ценность независимой оценки квалификации для отрасли. Таким образом, возникает правовой вакуум: отрасль нуждается в специальных гарантиях качества рабочей силы, но предоставляемый государством правовой инструмент (НОК) не обладает необходимым процедурным наполнением.

Федеральный Закон № 238-ФЗ заложил основы системы независимой оценки квалификации, но его положения требуют существенной доработки. Оптимизация законодательства должна включать развитие отраслевых подходов, интеграцию международных стандартов и создание стимулов для участников. Для сферы гостеприимства критически важно принятие специальных норм, ориентированных на сервисные компетенции и динамику рынка труда.

Нормативная база оценки опирается на специальные профессиональные стандарты для ресторанного и гостиничного сервиса, дополненные международными требованиями (ISO, стандарты WTTC). Особое значение имеет языковая подготовка – обязательная оценка владения минимум одним иностранным языком.

Методы оценки носят выраженный практико-ориентированный характер:

- кейс-методы с имитацией реальных рабочих ситуаций;
- оценка в условиях, максимально приближенных к реальным (тренажерные номера, ресторанные зоны);
- видео-тестирование поведенческих реакций.

- Трудовая деятельность в гостеприимстве характеризуется:
- Высокой степенью нестандартизированности процессов, требующей оценки креативности и адаптивности сотрудников.
 - Постоянной эмоциональной нагрузкой, что обуславливает необходимость тестирования стрессоустойчивости.
 - Непрерывным циклом обслуживания, предъявляющим особые требования к выносливости персонала.
 - Мультикультурной средой, требующей оценки межкультурной сенситивности.

Ключевые особенности трудовой деятельности приведены в Таблице 1:

Таблица 1

Характеристика	Примеры проявления	Влияние на оценку квалификации
Нестандартизированность процессов	Индивидуальный подход к каждому гостю	Оценка креативности и адаптивности
Высокая эмоциональная нагрузка	Работа с жалобами, конфликтами	Тестирование стрессоустойчивости
Непрерывный цикл обслуживания	Круглосуточная работа отелей	Проверка выносливости и внимательности
Межкультурное взаимодействие	Обслуживание иностранных гостей	Оценка культурной sensitiveness

Трудовые функции можно классифицировать на клиент-ориентированные (персональное обслуживание, конфликт-менеджмент), технологические (работа с системами управления), кросс-функциональные (взаимодействие между отделами и подразделениями).

Основные сложности оценки связаны с субъективностью оценки «soft skills», несоответствием формальных требований реальной практике, сезонными колебаниями квалификационного уровня, высокой текучестью кадров (до 80% в отдельных сегментах).

Современные методы оценки должны включать:

- Цифровые технологии (VR-тренажеры, геймифицированные тесты);
- Метод «тайный гость» для оценки в реальных условиях;
- Анализ big data (работа с системами бронирования, мониторинг отзывов).

Международный опыт (AHLEI, EU Skills Passport) демонстрирует эффективность поэтапной сертификации, накопительных систем оценки, дуальных методов (теория + практика).

Для российской практики были бы актуальны:

- Разработка отраслевого фреймворка компетенций;
- Введение многоуровневой сертификации;
- Создание специализированных центров оценки для курортных зон;
- Интеграция с национальными проектами.

Оценка квалификации в гостеприимстве требует принципиально иного подхода по сравнению с промышленными отраслями. Совершенствование системы независимой оценки квалификации должно сочетать: учет глобальных стандартов; адаптацию к местной, региональной специфике; применение инновационных методов оценки; баланс между стандартизацией и индивидуальным подходом. Эффективная система оценки квалификации может стать важным фактором повышения качества услуг и конкурентоспособности российского гостеприимства на международном рынке.

Современные системы независимой оценки квалификации в сфере гостеприимства демонстрируют значительное разнообразие подходов, обусловленное культурными, экономическими и правовыми особенностями разных стран. Сравнительный анализ международного опыта позволяет выявить как универсальные принципы, так и специфические решения, представляющие особый интерес для совершенствования российской системы оценки квалификаций.

Так, европейская система оценки квалификаций базируется на Европейской рамке квалификаций. Характерными особенностями европейского подхода являются 8-уровневая система квалификаций, принцип непрерывного образования и механизм ECVET для трансфера зачетных единиц.

В сфере гостеприимства особого внимания заслуживают некоторые международные стандарты и программы. Европейский паспорт гостеприимства (Europass Hospitality) – унифицированные стандарты для гостиничного и ресторанного персонала, цель которых сделать навыки и квалификации человека понятными на всей территории Европы. Однако национальные особенности реализации европейской модели демонстрируют вариативность. Так, в Германии действует дуальная система с экзаменами перед торгово-промышленными палатами,

а во Франции введена обязательная сертификация для персонала отелей категории 4* и выше.

В США реализуют децентрализованную модель оценки квалификаций, основанную на федеральном законодательстве США «Workforce Innovation and Opportunity Act» (WIOA), целью которого является улучшение доступа к образованию, обучению и трудоустройству. Его ключевые характеристики: акцент на практические навыки, развитая система отраслевых сертификаций, регулярное подтверждение квалификации. Также в гостиничной индустрии особое значение имеют программы AHLEI – международные образовательные программы в сфере гостеприимства, разработанные Американским институтом отелей и средств размещения. Данная программа включает в себя 12 спецкурсов, призванных охватить все области деятельности в индустрии гостеприимства. А также «ServSafe» – программа обучения безопасности пищевых продуктов и получения сертификатов, разработанная Национальной ассоциацией ресторанов США в области безопасности пищевых продуктов. Её цель – профилактика заболеваний пищевого происхождения за счёт набора руководящих принципов по повышению безопасности и гигиены в процессе приготовления пищи.

Опыт ОАЭ представляет особый интерес благодаря успешной интеграции международных стандартов с местными культурными и религиозными нормами. Особенности: обязательная сертификация для экспатов, жесткие языковые требования (английский + арабский) и специальные программы (например, «Dubai Way»). Современные тенденции в оценке квалификации также включают применение VR-технологий (Сингапур), микро-сертификации (Австралия), блокчейн-реестры квалификаций (Швейцария). Общая сравнительная таблица подходов приведена в Таблице 2.

Таблица 2

Критерий	ЕС	США	ОАЭ
Основа оценки	EQF + ECVET	Компетентностные стандарты	QFE + локальные нормы
Обязательность	Добровольно (кроме медицины)	Обязательно для safety-полей	Обязательно для экспатов
Методы	Портфолио + экзамены	Компьютерное тестирование	Симуляторы + устные экзамены
Срок действия	5 лет	1–3 года	2 года
Языковые требования	1 иностранный (B2)	Только английский	Английский + арабский

Очевидно, что система оценки квалификации в целом нуждается в реформах. Сравнительный анализ международного опыта демонстрирует, что эффективная система оценки квалификаций в гостеприимстве должна сочетать гибкость и адаптивность, практическую ориентированность, учет культурной специфики, использование современных технологий. Для России особенно актуальна разработка системы, которая бы гармонично интегрировала лучшие международные практики с особенностями национального рынка труда и традициями сервиса.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы, имеющие значение для теории и практики трудового права.

Во-первых, институт независимой оценки квалификации, закрепленный Федеральным законом от 03.07.2016 № 238-ФЗ, обладает значительным потенциалом как инструмент формализации и объективизации требований к профессиональным компетенциям. Однако его действующее нормативное регулирование носит излишне универсальный, рамочный характер и не учитывает дифференциацию трудовых отношений в различных отраслях экономики. Это порождает системный правовой дефект, когда общие процедуры неспособны адекватно верифицировать специфические компетенции, что особенно актуально для сферы услуг.

Во-вторых, применительно к индустрии гостеприимства ключевой правовой проблемой выступает несоответствие между комплексным характером требуемых компетенций и ограниченными возможностями их оценки в рамках процедур, предусмотренных законом № 238-ФЗ. Действующие профессиональные стандарты и методики оценки, сконцентрированные преимущественно на технических навыках, не обеспечивают полноценной проверки сервисных и коммуникативных качеств работника, что снижает практическую ценность и юридическую значимость результатов НОК для данной отрасли.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ выявил наличие внутренних коллизий и пробелов в правовом регулировании НОК. К ним относятся терминологическая несогласованность в определении субъектов оценки («соискатель»/«работник») между ФЗ № 238-ФЗ и Трудовым кодексом РФ; правовая неопределенность в разграничении НОК и аттестации работников, а также в юридической силе и последствиях результатов НОК для действующих трудовых отношений; риск нарушения принципа независимости, заложенного в основу института, в связи с коммерческим статусом и потенциальной конфликтностью интересов центров оценки квалификаций, что требует более детальной законодательной регламентации их деятельности.

Кроме того, наиболее существенным внешним правовым барьером является отсутствие законодательно установленных механизмов гармонизации национальной системы квалификаций с международными рамками. Это создает препятствия для признания квалификаций российских специалистов в сфере гостеприимства на глобальном рынке и ограничивает их профессиональную мобильность.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1) Дифференциация правового регулирования: целесообразна разработка и включение в ФЗ № 238-ФЗ специального раздела или статьи, предусматривающей особенности проведения НОК в сфере услуг, с закреплением возможности применения валидных методов оценки «soft skills» (ситуационные кейсы, ассессмент-центры, цифровые симуляторы).

2) Устранение правовых коллизий: необходимо внести согласующие изменения в Трудовой кодекс РФ и ФЗ № 238-ФЗ для четкого разграничения процедур и правовых последствий НОК и аттестации, а также для определения статуса работника, направляемого на оценку.

3) Имплементация международных стандартов: требуется разработка федерального нормативного акта, устанавливающего процедуры сопоставления национальных профессиональных стандартов и квалификаций с международными рамками, в первую очередь в стратегических и экспортно-ориентированных отраслях, к которым относится туризм.

4) Повышение качества и независимости процедуры: законодательное закрепление более строгих требований к аккредитации ЦОК, а также к прозрачности и стандартизации применяемых ими оценочных методик.

Таким образом, реформирование института независимой оценки квалификации в направлении его отраслевой адаптации, внутренней согласованности и международной открытости является необходимым условием для повышения его эффективности как правового инструмента. Для индустрии гостеприимства это станет фактором не только повышения качества услуг, но и укрепления правовых гарантий как для работников в подтверждении их компетенции, так и для работодателей в управлении квалификационным составом персонала.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2011 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

3. Федеральный закон № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485.

4. Постановление Правительства РФ от 16.11.2016 № 1204 «Об утверждении правил проведения центром оценки квалификаций независимой оценки квалификации в форме профессионального экзамена».

5. Указ Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>.

6. Travel Daily Media/ Economic Impact Trends Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.traveldailymedia.com/2024-wttc-economic-impact-trends-report-shows-us-still-worlds-most-powerful-tourism-market>.

7. Журнал Hotel.report: У россиян растёт запрос на здоровье и индустрию счастья. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.hotel.report/promotion/yuliya-rybakova-u-rossiyan-rastet-zapros-na-zdorove-i-industriyu-schastya>.

LEGAL PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF INDEPENDENT QUALIFICATION ASSESSMENT IN THE SERVICE INDUSTRY (ON THE EXAMPLE OF THE HOSPITALITY INDUSTRY)

Volkova E.A.

Association of Creative Industries and Innovative Entrepreneurship

The article is devoted to a comprehensive legal analysis of the institution of independent qualification assessment (hereinafter referred to as NOK) in the context of its application to the specific field of hospitality. The purpose of the study is to identify systemic problems and conflicts in the current legal regulation of NOK, which are caused by insufficient sectoral differentiation, and to develop scientifically grounded proposals for its improvement. Based on the methods of comparative legal and systemic analysis, the article examines the regulatory framework of NOK in Russia and identifies its key legal defects in relation to the hospitality industry. These include: terminological contradictions in the definition of subjects and NOK procedures; a conflict between the norms on the voluntariness of assessment and actual industry requirements; uncertainty about the legal force of NOK results in the system of labor relations; and the disregard of industry-specific requirements in universal assessment procedures, which are necessary to verify overprofessional competencies and intercultural skills.

Keywords: independent qualification assessment, labor law, hospitality industry, professional standards, employee qualifications.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
2. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2011 No. 197-FZ (as amended on 19.12.2022) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2023) [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.
3. Federal Law No. 238-FZ “On Independent Qualification Assessment” [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485.
4. RF Government Resolution No. 1204 of 16.11.2016 “On Approval of the Rules for Conducting an Independent Qualification Assessment in the Form of a Professional Exam by a Qualifications Assessment Center.”
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05.2024 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036.” [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>.
6. Ttravel Daily Media/Economic Impact Trends Report. [Electronic resource]. URL: <https://www.traveldailymedia.com/2024-wttc-economic-impact-trends-report-shows-us-still-worlds-most-powerful-tourism-market>.
7. Hotel.report Magazine: Russians have a growing demand for health and the happiness industry. [Electronic resource]. URL: <https://ru.hotel.report/promotion/yuliya-rybakova-u-rossiyan-rastet-zapros-na-zdorove-i-industriyu-schastya>.

Правовые основы цифровизации лесного хозяйства: внедрение ФГИС ЛК и правовое регулирование электронного учета лесных ресурсов

Данилова Ксения Николаевна,

аспирантка, Чувашского государственного университета
им. И.Н. Ульянова

E-mail: dsks1999@mail.ru

Статья посвящена анализу правовых основ цифровизации лесного хозяйства в Российской Федерации. Рассматривается нормативно-правовое обеспечение перехода к электронной форме ведения государственного лесного реестра, правовой режим функционирования Федеральной государственной информационной системы лесного комплекса (ФГИС ЛК), а также механизм электронных сопроводительных документов на транспортировку древесины. Особое внимание уделяется проблеме разрыва между технологическими возможностями цифровой инфраструктуры и качеством исходных данных о лесном фонде. На основе анализа законодательства, подзаконных актов и судебной практики выявлены ключевые правовые пробелы, препятствующие эффективной цифровой трансформации лесной отрасли, и сформулированы рекомендации по совершенствованию нормативно-правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: цифровизация лесного хозяйства, ФГИС ЛК, государственный лесной реестр, электронные сопроводительные документы, дистанционное зондирование Земли, прослеживаемость древесины, лесное законодательство.

Введение

Российская Федерация располагает лесным фондом площадью около 1,19 млрд гектаров, что составляет приблизительно четверть мировых лесных массивов, и занимает первое место в мире по площади территории, покрытой лесами. Столь значительный ресурсный потенциал порождает объективную потребность в адекватном правовом инструментарии, обеспечивающем эффективный учет, контроль и управление лесными ресурсами. Важность и значимость лесного богатства Российской Федерации, как на национальном, так и на международном уровне, отмечается практически во всех исследованиях по лесной тематике [1].

Тем не менее, на протяжении длительного времени учет лесов осуществлялся преимущественно традиционными методами: посредством натурных обследований, ручного заполнения реестровой документации и бумажного документооборота. Подобная практика неизбежно влекла за собой существенные расхождения в данных, создавала условия для злоупотреблений и не позволяла обеспечить оперативный контроль над оборотом древесины [2].

Нормы Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (далее – ЛК РФ) в его первоначальной редакции не учитывали возможностей, которые предоставляют современные информационные технологии, и потому проблема технологического отставания учетных механизмов от реальных потребностей лесопользования оставалась нерешенной.

Переломным моментом следует считать принятие Федерального закона от 04.02.2021 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования лесных отношений», который нормативно закрепил переход к электронной форме ведения государственного лесного реестра и создание единой информационной системы лесного комплекса. Стратегические ориентиры соответствующего процесса были определены в Распоряжении Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р, утвердившем Стратегию развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г.

В рамках реализации отмеченных изменений правового регулирования лесных отношений в соответствии с прямым указанием ч. 2 ст. 5.1, ч. 7 ст. 93.1 была запущена Федеральная государственная информационная система лесного комплекса (ФГИС ЛК), которая стала обязательной на всей территории Российской Федерации с 1 января 2025 года, окончательно заменив ранее действовавшую систему ЛесГАИ С.

Данный переход, однако, сопряжен с комплексом правовых и организационных проблем. Цифровизация лесного хозяйства порождает не только новые возможности, но и специфические риски, связанные с качеством данных, кадровым обеспечением и нормативными пробелами [3].

Как следствие, целью настоящей статьи является анализ правовых оснований и практики внедрения цифровых технологий в лесном хозяйстве, а также формулирование рекомендаций по совершенствованию нормативно-правового обеспечения соответствующего процесса.

Основная часть

Правовое регулирование цифровизации лесного хозяйства в России представляет собой многоуровневую систему, сформированную сочетанием законодательных и подзаконных актов.

Системообразующим нормативным актом является отмеченный выше Федеральный закон от 04.02.2021 № 3-ФЗ, который ввел новую Главу 10.1 ЛК РФ «Государственный лесной реестр», в которой был определен порядок учета древесины и продукции ее переработки, а также было установлено ведение государственного лесного реестра исключительно в электронной форме. Правила ведения государственного лесного реестра были уточнены в рамках Постановления Правительства РФ от 25.08.2023 № 1378.

Правовую основу создания ФГИС ЛК составили, в первую очередь, ч. 2 и ч. 7 ст. 93.1 ЛК РФ. На более общем уровне функционирование ФГИС ЛК также опирается на Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регулирующий общие вопросы обработки информации в государственных информационных системах.

Существенным элементом системы ведения лесного реестра также стали электронные сопроводительные документы (ЭСД) на транспортировку древесины, подписываемые усиленной квалифицированной электронной подписью (ст. 50.4 – ст. 50.6 ЛК РФ). Данный механизм направлен на обеспечение прослеживаемости движения древесины от места заготовки до пункта переработки или экспорта и является правовым инструментом противодействия нелегальному обороту лесных ресурсов. Введение ЭСД представляется одним из наиболее действенных нововведений, поскольку именно на этапе транспортировки традиционно происходила легализация незаконно заготовленной древесины.

В целом, система электронного учета основана на принципе сквозной прослеживаемости: каждый кубический метр древесины получает уникальный идентификатор на этапе выделения лесосеки. ЭСД и иные данные загружаются в ФГИС ЛК в режиме реального времени. ФГИС ЛК обладает функционалом доступа для сотрудников МВД России, ФНС, ФТС и других ведомств. Без документированного происхождения древесина не может быть введена в легальный оборот.

Однако специфика лесной отрасли (значительные расстояния перевозок, множество этапов переработки) делает задачу прослеживаемости существенно более сложной, чем в других отраслях [4].

В подобном контексте важным технологическим дополнением является интеграция данных ГЛОНАСС. С 1 января 2025 г. оснащение лесохозяйственной техники модулями ГЛОНАСС является обязательным. Система позволяет отслеживать транспортировку древесины в реальном времени, однако, как указывает А.Д. Хромых, ее использование требует комплексного подхода и технических доработок применительно к удаленным территориям [5].

Также стоит отметить, что технологии дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) занимают все более важное место в системе контроля за использованием лесов. Кроме того, ДЗЗ выполняет не только контрольную, но и информационно-аналитическую функцию [6].

В 2025 г. площадь дистанционного мониторинга составила 300 млн гектаров (рост на 12,5%), площадь непрерывного мониторинга – 90 млн гектаров. Мониторинг осуществляется в 40 регионах. Объем незаконной рубки снизился на 32% в 2024 г. и еще на 22% в первом полугодии 2025 г.

Технологический арсенал ДЗЗ охватывает оптическое зондирование (оценка лесного покрова), термальное (обнаружение пожаров), радиолокационное (построение карт рельефа, оценка биомассы), мультиспектральное (анализ химического состава растительности) [2]. К началу 2025 г. применялось более 1,2 тысячи БПЛА с тепловизорами, а лазерное сканирование (LIDAR) обеспечивает построение трехмерных моделей лесных насаждений. Положительный опыт накоплен на региональном уровне: в Югре в 2023 году заработала система видеомониторинга «Лесоохранитель», обнаруживающая источники пожаров на ранних этапах [5].

В целом, ФГИС ЛК представляет собой технологически сложную платформу, объединяющую несколько взаимосвязанных подсистем. Первый компонент предоставляет открытые данные о состоянии лесного фонда, второй выступает рабочим инструментом для участников лесного рынка [7]. Функции системы включают ведение государственного лесного реестра в электронном виде, получение достоверных данных о качественных характеристиках лесов, улучшение качества оказания государственных услуг [6].

Вместе с тем интеграция с множеством информационных систем порождает и определенные риски. Как подчеркивает М.А. Булгакова, сведения ЕГРН являются приоритетными по отношению к данным государственного лесного реестра, что порождает противоречивые сведения о состоянии лесов и создает угрозу перевода лесных земель в земли иных категорий [2]. По оценкам экспертов, различия сведений о границах участков могут привести к фактической потере площади земель лесного фонда [8]. А.Д. Хромых обоснованно предлагает произвести унификацию методик картографирования и усилить роль ФГБУ «Рослесинфорг» в верификации данных [5].

Серьезную озабоченность вызывают технические сбои и дефицит квалифицированных кадров. Л.А. Порошина и соавторы обращают внимание на комплексность проблем цифровизации лесного хозяйства, включая вопросы совместимости информационных систем [4]. Директивные сроки перехода не всегда учитывают различия в технической оснащенности регионов [3]. М.М. Тюков и А.А. Макарова предлагают оптимизировать администрирование лесоустройства на основе платформенных решений с учетом региональных условий [9].

Кроме того, фундаментальной проблемой, предопределяющей эффективность всей системы цифрового лесочета, является достоверность исходных данных.

Согласно данным Счетной палаты РФ, проводившей «Проверку эффективности организации работ и расходования средств на проведение лесоустройства в 2015–2019 годах», сведения о лесах на площади 967 млн гектаров были признаны неактуальными. Наиболее тревожен вывод Счетной палаты: по состоянию на 1 января 2025 г. актуальными являются сведения лишь о 17% земель лесного фонда.

Проблема обостряется тем, что по состоянию на 2019 г. границы лесничества были установлены лишь на 38,3% площади лесного фонда, а в ЕГРН содержалась информация всего о 19% земель данной категории [2].

Судебная практика подтверждает масштабность проблемы: границы Звенигородского лесничества, установленные приказом Рослесхоза от 11.02.2019 № 127, потребовали специальных заключений ФГБУ «Рослесинфорг» о пересечении границ, а урегулирование коллизий осуществлялось в судебном порядке (см.: Решение Арбитражного суда Московской области от 21.07.2023 по делу № А41–44671/22; Решение от 31.07.2024 по делу № А41–21181/22; Решение от 26.07.2024 по делу № А41–16772/2023).

При этом эффективность цифровой системы учета находится в прямой зависимости от корректности исходных данных. Погрешности в определении границ, неактуальность сведений, расхождения между ведомствами подрывают надежность цифрового учета. Формирование приоритетных целей развития лесного комплекса осуществляется на основе недостоверной информации, что создает угрозы не только для отрасли, но и для национальной экономики. Как справедливо подчеркивает В.А. Соколов, снижение достоверности информации о лесном фонде носит критический характер [10].

Совокупность отмеченных проблем указывает на необходимость реализации целого комплекса мероприятий, направленных на совершенствование правового регулирования лесного реестра, ФГИС ЛК, ЭСД, ДЗЗ и иных элементов цифровой системы контроля, надзора и мониторинга в сфере лесопользования.

Так, в частности, необходимо создание правовых гарантий для лесопользователей: правила о том, что технические сбои государственных информационных систем не могут служить основанием для привлечения добросовестного участника оборота к ответственности. Также представляется необходимым нормативно закрепить ускоренную процедуру исправления ошибок в данных ФГИС ЛК с механизмом временного допуска лесопользователя к продолжению деятельности на период верификации.

Также целесообразным видится дальнейшее развитие системы дистанционного мониторинга с утверждением приказом Рослесхоза системы критериев оценки эффективности лесопользования [11].

Важным направлением является расширение межведомственной интеграции ФГИС ЛК. Как убедительно показывает М.А. Булгакова, повышение актуальности информации будет способствовать передаче в ФГИС ЛК данных из всех государственных органов, включая сведения об объемах древесины, изъятой по уголовным делам, уничтоженной пожарами, а также данные о саженцах, высаженных на местах вырубок [2].

Кроме того, правовой статус данных ДЗЗ остается недостаточно определенным. А.Д. Хромых обоснованно указывает на отсутствие нормативных критериев оценки эффективности мониторинга и предлагает выделять функциональные критерии (полнота данных, оперативность реагирования, технологическая оснащенность, качество аналитики) и экономические критерии (финансовая эффективность, оптимизация ресурсов, экономическая отдача) [5]. Нормативное закрепление подобной системы стало бы существенным шагом к повышению эффективности правоприменения.

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что формирование правовой основы цифровизации лесного хозяйства – принятие Федерального закона от 04.02.2021 № 3-ФЗ, введение электронных сопроводительных документов (ст. 50.4 – ст. 50.6 ЛК РФ), запуск ФГИС ЛК – представляет собой закономерный и в целом обоснованный этап развития лесного законодательства. Механизм сквозной прослеживаемости древесины и расширение дистанционного мониторинга уже демонстрируют практическую отдачу, о чем свидетельствует устойчивое снижение объемов незаконной рубки.

Вместе с тем исследование выявило фундаментальное противоречие, подрывающее эффективность всей системы: разрыв между технологическими возможностями цифровой инфраструктуры и качеством исходных данных. По данным Счетной палаты РФ, к началу 2025 г. актуальными являются сведения лишь о 17% земель лесного фонда, что превращает цифровизацию в масштабную автоматизацию недостоверной информации. Проблема усугубляется расхождениями

между данными ЕГРН и государственного лесного реестра, неопределенностью правового статуса данных ДЗЗ, а также неоднородностью технической оснащенности регионов.

В этой связи приоритетными направлениями совершенствования правового регулирования представляются нормативное закрепление гарантий для добросовестных лесопользователей при технических сбоях государственных систем, установление ускоренной процедуры исправления ошибок в ФГИС ЛК, расширение межведомственной интеграции системы, а также определение критериев допустимости данных ДЗЗ в правоприменительной деятельности. Без комплексного подхода, охватывающего правовую, организационную и кадровую составляющие, цифровая трансформация лесной отрасли рискует остаться формальной модернизацией, не обеспечивающей качественного улучшения управления лесными ресурсами страны.

Литература

1. Булгакова М.А. Формирование системы обеспечения экономической безопасности лесного комплекса России: дис. ... д-ра экон. наук. СПбГЭУ. СПб, 2021. 356 с.
2. Булгакова М.А. Отдельные вопросы учета лесных ресурсов в России: проблемы и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21. № 6. С. 35–40.
3. Ямчук Е.В. Цифровизация в лесном хозяйстве: возможности и риски // Муниципальная академия. 2023. № 2. С. 40–45.
4. Порошина Л.А., Матафонова А.Н., Салаватова Ю.А., Дубинина Л.М. Вопросы цифровизации лесного хозяйства и деревообрабатывающей отрасли // Финансовая экономика. 2024. № 4. С. 62–64.
5. Хромых А.Д. Пробелы правового регулирования в области применения и использования государственных информационных систем лесного комплекса // Столыпинский вестник. 2025. Т. 7. № 2.
6. Голышева А.А., Бабкина Е.В. Цифровые технологии в управлении лесным хозяйством // Муниципальная академия. 2024. № 2. С. 306–311.
7. Сушко О.П. Направления и перспективы цифровизации лесного комплекса // ЭПП. 2023. № 11. С. 5128–5142.
8. Бородин О.Б., Чукин И.В., Фомина А.В., Желонкина Е.Э. Государственный лесной реестр как информационная база в системе устойчивого управления землями лесного фонда РФ // Московский экономический журнал. 2022. № 4. С. 10–16.
9. Тюков М.М., Макарова А.А. Цифровая платформа «Лесной кластер». Оптимизация системы администрирования лесоустройства // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2023. Т. 4. № 2. С. 205–210.
10. Соколов В.А. Проблемы лесоустройства в России // Сибирский лесной журнал. 2021. № 1. С. 3–12.

11. Носков В.А. Цифровизация лесного хозяйства // Аграрная наука на Севере – сельскому хозяйству. 2024. № 1. С. 99–103.

LEGAL FOUNDATIONS OF FORESTRY DIGITALIZATION: IMPLEMENTATION OF THE FSIS FC AND LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC ACCOUNTING OF FOREST RESOURCES

Danilova K.N.

I.N. Ulyanov Chuvash State University

The article analyzes the legal foundations of forestry digitalization in the Russian Federation. It examines the regulatory framework for the transition to the electronic form of the state forest registry, the legal regime governing the Federal State Information System of the Forest Complex (FSIS FC), and the mechanism of electronic accompanying documents for timber transportation. Particular attention is paid to the gap between the technological capabilities of the digital infrastructure and the quality of source data on the forest fund. Based on an analysis of legislation, subordinate regulations, and judicial practice, the study identifies key legal gaps hindering effective digital transformation of the forestry sector and formulates recommendations for improving the regulatory framework in this area.

Keywords: forestry digitalization, FSIS FC, state forest registry, electronic accompanying documents, remote sensing, timber traceability, forest legislation.

References

1. Bulgakova M.A. Formation of a System for Ensuring Economic Security of the Forest Complex of Russia: Dis. ... Doctor of Economics. SPbGEU. SPb, 2021. 356 p.
2. Bulgakova M.A. Certain Issues of Forest Resource Accounting in Russia: Problems and Prospects // Problems of Economics and Legal Practice. 2025. Vol. 21. No. 6. pp. 35–40.
3. Yamchuk E.V. Digitalization in Forestry: Opportunities and Risks // Municipal Academy. 2023. No. 2. pp. 40–45.
4. Poroshina L.A., Matafonova A.N., Salavatova Yu.A., Dubinina L.M. Issues of Digitalization of Forestry and Woodworking Industry // Financial Economics. 2024. No. 4. Pp. 62–64.
5. Khromykh A.D. Gaps in Legal Regulation in the Application and Use of State Information Systems of the Forestry Complex // Stolypin Bulletin. 2025. Vol. 7. No. 2.
6. Golysheva A.A., Babkina E.V. Digital Technologies in Forestry Management // Municipal Academy. 2024. No. 2. Pp. 306–311.
7. Sushko O.P. Directions and Prospects of Digitalization of the Forestry Complex // EPP. 2023. No. 11. Pp. 5128–5142.
8. Borodina O.B., Chuksin I.V., Fomina A.V., Zhelonkina E.E. The State Forest Register as an Information Base in the System of Sustainable Management of the Forest Fund of the Russian Federation // Moscow Economic Journal. 2022. No. 4. pp. 10–16.
9. Tyukov M.M., Makarova A.A. Digital Platform "Forest Cluster". Optimization of the Forest Management Administration System // Inter Expo Geo-Siberia. 2023. Vol. 4. No. 2. pp. 205–210.
10. Sokolov V.A. Problems of Forest Management in Russia // Siberian Forestry Journal. 2021. No. 1. pp. 3–12.
11. Noskov V.A. Digitalization of Forestry // Agrarian Science in the North – for Agriculture. 2024. No. 1. pp. 99–103.

Диденко Артем Николаевич,
аспирант, Университет «Синергия»

В статье рассмотрена эволюция понятия права на, так называемую, «авторскую льготу» в патентном законодательстве России и варианты различной трактовки субъективного права на «авторскую льготу» при ее практическом применении, а также влияние на возможность получения патента добросовестными и недобросовестными лицами.

Ключевые слова: патентное право, субъективные права автора, авторская льгота по новизне.

Как известно, статьями 1350–1352 ГК РФ в качестве критерия патентоспособности изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, установлен критерий «новизна», согласно которому:

— *Изобретение является новым, если оно не известно из уровня техники.*

— *Полезная модель является новой, если совокупность ее существенных признаков не известна из уровня техники.*

— *Промышленный образец является новым, если совокупность его существенных признаков, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, не известна из сведений, ставших общедоступными в мире до даты приоритета промышленного образца.*

При этом заявители (авторы) поставлены законом в особое положение и им предоставлена возможность («Авторская льгота» или «льгота по новизне») определить насколько целесообразно для них расходование средств на осуществление патентной защиты разработанного результата интеллектуальной деятельности или патентование с точки зрения возможных расходов-доходов не являются выгодным и они готовы передать его в общественное достояние. Льгота заключается в предоставлении автору или заявителю ограниченного срока для возможной подачи заявки на выдачу патента на такой результат в патентное ведомство, после публикации сведений о нем в печати, демонстрации изделия или даже продажи изделий на рынке.

В настоящее время п. 3 ст. 1350, п. 3 ст. 1351 и п. 4 ст. 1352 ГК РФ предусмотрено, что раскрытие информации, относящейся к изобретению или полезной модели, автором, заявителем либо любым получившим от них прямо или косвенно эту информацию лицом (в том числе в результате экспонирования на выставке), вследствие чего сведения о их сущности стали общедоступными, не является обстоятельством, препятствующим признанию их патентоспособности, при условии, что заявка на выдачу патента подана в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности в течение шести месяцев со дня раскрытия информации. Для промышленного образца этот срок составляет двенадцать месяцев.

«Авторская льгота» или «льгота по новизне» предусмотрена законодательствами практически всех юрисдикций, поддерживающих патентную систему охраны результатов интеллектуальной деятельности. Этот срок составляет в различных странах от 6 до 12 месяцев с момента раскрытия информации. Иными словами, если со дня раскрытия результата прошло меньше установленного законодательством срока, то при экспертизе такое раскрытие не может рассматриваться в качестве обстоятельства порочащего его новизну. Это положение ограничивает перечень источников информации, которые могут быть включены в уровень техники при оценке новизны результата интеллектуальной деятельности.

Такое положение появилось в патентном законодательстве СССР в 1991 г., когда в п. 1 ст. 14 Закона СССР от 31 мая 1991 г. N 2213-I «Об изобретениях в СССР», вступившего в действие с 1 июля 1991 года, указано, что:

Не признается обстоятельством, влияющим на патентоспособность изобретения, раскрытие информации, относящейся к изобретению, заявителем (автором) или любым лицом, получившим от него прямо или косвенно эту информацию, при котором сведения о сущности изобретения стали общедоступными в СССР или за границей, если раскрытие осуществлено не менее чем за 12 месяцев до даты подачи заявки в Госпатент СССР.

Аналогичное положение появилось также в п. 3 ст. 11 Закон СССР от 10.07.1991 N 2328–1 «О промышленных образцах», который, так и не вступил в действие, поскольку это предусматривалось сделать с 1 января 1992 г., а с 26 декабря 1991 года СССР уже прекратил свое существование, хотя применение отдельных положений Закона допускалось в РФ согласно Постановлению СМ РФ от 14 августа 1993 г. N 822, а в соответствии с Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. N231-ФЗ Закон применяется до настоящего времени в части, не противоречащей части четвертой Гражданского Кодекса РФ:

Не признается обстоятельством, влияющим на патентоспособность промышленного образца, раскрытие информации, относящейся к промышленному образцу, заявителем (автором) или любым лицом, получившим от него прямо или косвенно эту информацию, при кото-

ром сведения о сущности промышленного образца стали общедоступными в СССР или за границей, если раскрытие осуществлено не ранее чем за шесть месяцев до даты поступления заявки в Госпатент СССР.

В Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517-1 в статьях 4–6 было внесено практически тождественное положение, предусматривающее единый срок льготы в 6 месяцев для изобретений и промышленных образцов, а также для новых объектов – полезных моделей. Новым законом не признавалось обстоятельством, препятствующим признанию патентоспособности, такое раскрытие информации, относящейся к указанным объектам автором, заявителем или любым лицом, получившим от них прямо или косвенно эту информацию, при котором сведения о сущности этих объектов стали общедоступными, если заявка была подана в Патентное ведомство не позднее шести месяцев с даты раскрытия информации.

Законом предусматривалось (ст. 15) что заявка на выдачу патента подается автором, работодателем или их правопреемником. При этом, если автор переуступил право на получение патента заявителю, в заявке в обязательном порядке, приводятся его подпись и дата (п. 3.1 (11) Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение утвержденные 20 сентября 1993 г.). То есть, фактически, заявка подавалась автором, который указывал заявителя, которому уступил свое право. Однако требование о наличии подписи автора в заявке было исключено в Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденных приказом Роспатента от 6 июня 2003 года N 82, и, таким образом, автор исключался из процесса подачи заявки.

В настоящее время законодательством также не требуется подпись автора в материалах заявки, которая бы подтверждала согласие автора на подачу заявки в Роспатент (передачу автором заявителю права на подачу заявки).

В связи с этим на практике возникают вопросы о правомерности подачи заявки заявителем неуправомоченным лицом без разрешения автора, которые решаются уже в судебном порядке, в том числе при применении права на льготу по новизне. В процессе применения этого положения законодательства в административном или судебном порядке возможность его различного толкования приводит суды к необходимости обращения к научному сообществу.

Так, в одном из таких случаев, при экспертизе заявки на изобретение заявителем, которые также являлись авторами, Роспатентом было отказано в выдаче патента по причине того, что ранее был уже выдан патент на тождественное решение заявителю из недружественной страны, который без согласия этих авторов получил патент на разработанное авторами изобретение. Авторы оспорили это решение экспертизы в Палате по патентным спорам, сославшись на положения об авторской льготе, поскольку заявка была подана менее чем через 6 месяцев после открытой публикации выданного патента. Палата по патентным спорам признала, что противопоставление такого патента является неправомерным и отменило решение экспертизы об отказе в выдаче патента. Однако при этом коллегией Палаты по патентным спорам закон был истолкован таким образом, что заявителям (авторам), решением Роспатента, было отказано в выдаче патента со ссылкой на ранее поданную заявку, по которой был выдан патент на имя заявителя из недружественной страны. Не согласившись с таким решением, авторы подали исковое заявление в Суд по интеллектуальным правам о признании недействительным указанного решения Роспатента. В суде по интеллектуальным правам рассматривалось дело СИП-1078/2023 (C01–1954/2024) и было вынесено решение о том, что к этим заявкам должен быть применено положение о «льготе по новизне» и датой раскрытия информации следует считать не дату подачи первой заявки, а дату публикации сведений о выданном на ее основании патенте, и поскольку срок между этой датой и датой подачи второй заявки был меньше 6 месяцев, то патент все-таки должен быть выдан. Роспатент, в свою очередь, не согласился с таким толкованием закона и подал кассационную жалобу на это решение суда. Президиум Суда по интеллектуальной собственности с целью определения правомерности вынесенного решения обратился к научному сообществу с просьбой истолковать спорные положения законодательства с точки зрения доктрины.

Судебный запрос президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.11.2024 г. содержал вопросы, по которым было предложено высказать профессиональное мнение ученых:

1) В ситуации наличия на дату подачи заявки в общем доступе (абзац третий пункта 2 статьи 1350 ГК РФ) источника (патента, патентной заявки) возможно ли включение в уровень техники для проверки новизны заявки, раскрывающей то же техническое решение, с даты ее подачи на основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 1350 Кодекса?

2) Применяется ли положение об авторской льготе (пункт 3 статьи 1350 ГК РФ) к источнику, включенному в уровень техники на ос-

новании абзаца четвертого пункта 2 статьи 1350 Кодекса (случай (а) – когда такой источник на дату подачи спорной заявки уже является общедоступным по общему правилу, случай (б) – когда такой источник не является общедоступным по общему правилу)?

3) Если ответ на вопрос 2 положительный, какую дату следует считать датой раскрытия информации – дату подачи заявки или дату опубликования заявки (либо дату опубликования патента, если заявка не была опубликована)?

Мнение ученых разделилось по первому вопросу о возможности включения в уровень техники для проверки новизны заявки, раскрывающей то же техническое решение, с даты ее подачи на основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 1350 Кодекса в ситуации наличия на дату подачи заявки в общем доступе (абзац третий пункта 2 статьи 1350 ГК РФ) источника (патента, патентной заявки). Однако это отличие во мнениях не влияло на общий вывод всех ученых о невозможности применения этого положения в конкретных условиях дела. Учеными было единогласно высказано мнение о том, что датой раскрытия информации для целей определения «льготы по новизне» является дата опубликования патента, а не дата подачи заявки на его получение. Практически единогласным было также мнение о применимости положения о «льготе по новизне» к источнику, включенному в уровень техники на основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 1350 Кодекса, как в случае, когда такой источник на дату подачи спорной заявки уже является общедоступным по общему правилу, так и в случае, когда он не является общедоступным по общему правилу.

При этом учеными было указано, что отрицательный ответ на вопрос № 1 обусловлен необходимостью соблюдения балансов интересов авторов и общества в отношении нового технического решения.

Так абзац 3 п. 2 ст. 1350 ГК РФ направлен на исключение ограничения прав общества на уже известное ему техническое решение

Положение абзаца 3 п. 2 ст. 1350 ГК РФ «Уровень техники для изобретения включает любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения» было включено в патентное законодательство с целью соблюдения баланса между интересами общества и интересами автора, для исключения возможного ограничения интересов общества и исключения возможности предоставления патентной защиты в отношении технических решений, которые уже были раскрыты ранее перед обществом. При этом согласно абзацу 2 п. 1 ст. 1350 ГК РФ «Изобретению предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо». Абзац 1 п. 2 ст. 1350 ГК РФ устанавливает критерий определения новизны «Изобретение является новым, если оно не известно из уровня техники».

Предоставление исключительного права техническому решению, которое уже было раскрыто ранее перед обществом, противоречит интересам общества, поскольку общество уже, с момента обеспечения общедоступности ранее раскрытого технического решения, обладает возможностью его использования, в соответствии с его статусом:

– в ограниченных пределах, при охране патентом на территории охраны;

– свободно, в случае открытой публикации или за пределами территории охраны патентом.

При этом не имеет значения вид источника, в котором было раскрыто техническое решение, то есть, таким источником может быть, например, публикация статьи в журнале, информация в рекламе, или публикация описания патента или патентной заявки в изданиях патентных ведомств.

Абзац 4 п. 2 ст. 1350 ГК РФ направлен на стимулирование авторов к раскрытию изобретения и позволяет учесть интересы авторов, которые подали заявку раньше, но ее рассмотрение еще не закончено в патентном ведомстве, и она не опубликована в открытой печати.

Положение абзаца 4 п. 2 ст. 1350 ГК РФ было включено в законодательство с целью стимулирования заявителей (в том числе авторов), которые выявили новое техническое решение, к наиболее ранней подаче заявки на получение патента, имея в виду то, что подача заявки и получение патента являются шагами в направлении раскрытия изобретения перед обществом, и, соответственно, к ускорению развития техники всего человечества в целом:

«При установлении новизны изобретения в уровень техники также включаются при условии их более раннего приоритета все поданные в Российской Федерации другими лицами заявки на выдачу патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, с документами которых вправе ознакомиться любое лицо в соответствии с пунктами 2 и 4 статьи 1385 или пунктом 2 статьи 1394 настоящего Кодекса, и запатентованные в Российской Федерации изобретения, полезные модели и промышленные образцы».

То есть, если изобретатель создал какое-то техническое решение, он должен не мешкая подать заявку, поскольку, как известно, «идеи носятся в воздухе», и аналогичное техническое решение может быть независимо создано другим изобретателем, который окажется более расторопным.

При этом как можно более раннее раскрытие изобретения путем подачи заявки на получение патента отвечает интересам всего общества, баланс между интересами которого и интересами автора поддерживается патентным законодательством.

Однако при наличии уже опубликованной заявки или патента интересы первого (другого) заявителя уже учтены при рассмотрении заявки второго заявителя на основании абзаца 3 пункта 2 статьи 1350 ГК РФ (по общему правилу), и применение правил абзаца 4 пункта 2 статьи 1350 Кодекса (специального правила) не имеет какого-либо смысла с точки зрения охраны прав первого заявителя (а значит и общества) при рассмотрении второй заявки.

Таким образом, в случае если имела место публикация описания патента или заявки, в связи с чем сведения о техническом решении уже включены в уровень техники по общему правилу, применение специального правила в отношении той же информации избыточно и не отвечает замыслу законодателя.

В отношении второго вопроса представляется, что положение об авторской льготе (пункт 3 статьи 1350 ГК РФ) к источнику, включенному в уровень техники на основании абзаца четвертого пункта 2 статьи 1350 ГК РФ применимо как к общедоступным, так и к необщедоступным на дату подачи заявки источникам, что обусловлено необходимостью защиты интересов заявителей (авторов) и общества в отношении недобросовестного патентования иными чем заявитель (автор) лицами и применим.

Законодатель предусмотрел, чтобы никто другой кроме действительного изобретателя не смог воспользоваться его творческими результатами, если этот другой получил информацию раскрывающую изобретение прямо или косвенно от автора (заявителя), изложив это правило, называемое «льготой по новизне». Указанное положение закона призвано защитить добросовестного заявителя (автора) от незаконного патентования результата интеллектуальной деятельности на имя иных (недобросовестных) лиц, которые не являются разработчиками изобретения.

При этом включение источника в уровень техники на основании абзаца 4 пункта 2 статьи 1350 ГК РФ возможно только, если с его документами уже вправе ознакомиться любое лицо в соответствии с пунктами 2 и 4 статьи 1385 ГК РФ или пунктом 2 статьи 1394 ГК РФ. А для указанных случаев обязательным является раскрытие информации в виде публикации заявки (п. 2 и 4 статьи 1385 ГК РФ) или патента (п. 2 статьи 1394 ГК РФ).

То есть, применение авторской льготы обусловлено в любом случае состоявшимся раскрытием информации, в связи с чем положение об авторской льготе применимо как к источникам общедоступным на дату подачи заявки, так и к источникам не являющимся на дату подачи заявки добросовестным заявителем.

Исходя из целей положения законодательства, направленного на защиту интересов заявителей (авторов) и общества в отношении недобросовестного патентования иными чем заявитель (автор) лицами, в качестве даты раскрытия информации для цели определения начала отсчета срока авторской льготы следует рассматривать именно дату опубликования заявки (либо дату опубликования патента, если заявка не была опубликована), а не дату подачи заявки недобросовестным заявителем

Действительно, поскольку в пункте 3 статьи 1350 ГК РФ в качестве даты начала отсчета срока авторской льготы указана именно дата раскрытия информации, вследствие которого сведения о сущности изобретения стали общедоступными, то датой раскрытия следует считать именно дату публикации, с которой стало возможным, в том числе включение в уровень техники источника на основании абзаца 4 пункта 2 статьи 1350 ГК РФ.

Кроме того, если считать датой раскрытия информации дату подачи заявки, то пункт 3 статьи 1350 ГК РФ не будет выполнять свои функции защиты интересов автора от недобросовестного патентования, поскольку недобросовестный заявитель может преднамеренно с целью обхождения ее положений, затягивать публикацию заявки до истечения срока, предусмотрено авторской льготой.

Более того, добросовестный заявитель (автор) получает возможность узнать о нарушении его прав недобросовестным заявителем только после публикации заявки или патента в бюллетене патентного ведомства, а до этого информация о недобросовестно поданной заявке и лице ее подавшем скрыта и недоступна добросовестному заявителю (автору). Именно поэтому в пункте 3 статьи 1350 ГК РФ в качестве даты

начала отсчета срока авторской льготы указана именно дата раскрытия информации, а не дата подачи заявки недобросовестным заявителем.

Таким образом, применение в качестве даты начала исчисления срока предоставления авторской льготы даты подачи заявки недобросовестным заявителем, способствовало бы недобросовестному заявителю в его действиях по обходу закона с противоправной целью, что прямо запрещено в п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Как следует из фабулы дела, противопоставленная заявка на изобретение № 2022104157 с датой приоритета от 17.02.2022 г. была направлена на защиту технического решения, защищенного патентом № 2775021, выданным, согласно открытым данным, на имя заявителя ЭКОСИСТЕМ АГ ИНК (US) из недружественного государства, а его раскрытие состоялось в результате публикации патента 27.06.2022 г.

Таким образом, поскольку в качестве авторов этого патента № 2775021 в заявке № 2022104157 были указаны заявители по заявке № 2022124555, то есть, информация о сущности изобретения заявителем по заявке № 2022104157 была получена от авторов, то к заявке № 2022124555 применимо положение о предоставлении авторской льготы с исчислением срока применения с даты публикации 27.06.2022 г. патента № 2775021.

Президиум суда по интеллектуальным правам согласился с предложенной аргументацией специалистов и отказал в удовлетворении кассационной жалобы Роспатента, признав решение суда первой инстанции правомерным.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что правильным является подход, согласно которому невозможно противопоставление ранее поданной заявки изобретению по поданной позднее заявки, если в числе ее авторов указаны те же лица, что и в первой, и если заявка подается раньше, чем истек шестимесячный срок с даты раскрытия информации (публикации патента) предусмотренный в пункте 3 статьи 1350 ГК РФ. При этом представляется, что помимо необходимости прямого уточнения такого толкования в законодательстве, целесообразно было бы вернуться в законодательстве к имевшемуся ранее положению о наличии подписи авторов в материалах заявки, подтверждающей передачу ими права на ее подачу, что позволило бы исключить возможность подачи заявки от имени недобросовестного заявителя и само возникновение спора как между заявителем и авторами, так и между правоприменителями.

Кроме того, можно сделать вывод о том, что судебная система РФ при рассмотрении споров в сфере интеллектуальной собственности является действенным механизмом толкования положений законодательства и корректировки правоприменения. Особое внимание следует обратить на положительную практику суда по использованию механизма направления судебных запросов ученым по спорным вопросам, что делает такие судебные решения особенно ценными.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1, ч. 4.
2. Закон СССР от 31 мая 1991 г. N 2213-I «Об изобретениях в СССР»
3. Закон СССР от 10.07.1991 N 2328-1 «О промышленных образцах»
4. Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517-1
5. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение утвержденные 20 сентября 1993 г.
6. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на изобретение, утвержденных приказом Роспатента от 6 июня 2003 года № 82.

THE EVOLUTION OF THE SUBJECTIVE RIGHT TO AUTHORS PRIVILEGE

Didenko A.N.
Synergy University

The article examines the evolution of the concept of the right to the so-called "authors privilege" in the patent legislation of Russia and the options for different interpretations of the subjective right to "authors privilege" in its practical application, as well as the impact on the possibility of obtaining a patent by conscientious and unscrupulous persons.

Keywords: patent law, subjective rights of the author, copyright privilege for novelty.

References

1. Civil Code of the Russian Federation, Part 1, Part 4.
2. USSR Law of May 31, 1991 No. 2213-I "On Inventions in the USSR"
3. USSR Law of July 10, 1991 No. 2328-1 "On Industrial Designs"
4. Patent Law of the Russian Federation of September 23, 1992 No. 3517-1
5. Rules for Drafting, Filing, and Reviewing an Application for a Patent for an Invention, approved on September 20, 1993
6. Rules for Drafting, Filing, and Reviewing an Application for a Patent for an Invention, approved by Order of Rospatent No. 82 of June 6, 2003.

Козниченко Станислав Владимирович,
аспирант третьего года обучения кафедры теории права
и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского
гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: st.k.84@mail.ru

В статье анализируется органическая взаимосвязь конституционной идентичности и воинской обязанности граждан связанной с защитой Отечества, как явление конституционной культуры, благодаря чему в конституционном правосознании граждан формируется образ правового государства, строящегося на действующих конституционных нормах и принципах, ценностях и представлениях о себе как о субъектах, обладающими объективными правами, соблюдение которых является высшим смыслом деятельности современного государства и общества.

Ключевые слова: конституционная идентичность, конституционная культура, конституция, конституционные права, конституционные обязанности, граждане, воинская обязанность.

Как конституционная культура, так и в равной степени конституционное правосознание, конституционная идентичность представляют собой результат реализации социокультурного потенциала общества в целом и каждого члена группы в частности.

Указанное обстоятельство позволяет, с одной стороны, характеризовать их в качестве переменной величины, которая актуализирует себя в интервале возможного и действительного, и, с иной стороны, вызывает потребность разграничить перечисленные сложные понятия более подробно.

Составляя одну из предпосылок конституционной культуры, изучаемый вид идентичности отражает ее глубинный уровень и объединяет в такие черты, как историческая память народа об историко-политическом опыте, различные элементы правового сознания.

С позиции авторов под конституционной идентичностью необходимо понимать результат осознания и принятия субъектом конституционно-правовых отношений собственной принадлежности к определенной конституционной культуре, который влечет за собой укоренение распространенных в этой культурной среде паттернов поведения, а также признание высокого значения и необходимости защиты характерного для нее набора ценностей, аксиологических ориентиров.

В содержание конституционной идентичности всегда входит латентная готовность к совершению действий, либо особенному восприятию конституционной реальности, которое соответствует исторически сложившемуся социально-культурному «коду».

Конституционная идентичность сочетает в себе фундаментальные идеи, формирующие основу конституционной культуры и воспринимаемые людьми на интуитивном уровне. Само существование таких идей создает условия для конституционной преемственности в общественном развитии, в том числе и в условиях различных социальных потрясений.

Конституционная идентичность воспринимается как особое состояние, обусловленное целым рядом различных характеристик.

К их числу относятся качественные характеристики конституционного менталитета народа, степень формирования и развития неотделимых от него структур, имеющих духовно-психологическую природу. Также она включает совокупность разнообразных представлений, оценок и эмоций, которые связаны со всеми существовавшими в прошлом и в настоящем процессами конституционной действительности, с перспективами развития новых, только зарождающихся явлений.

Исследуя российскую конституционную идентичность, следует заметить, что она выступает как сложный по природе, многоуровневый и многогранный феномен, объединяющий и сочетающий различные правовые, культурные, исторические и психологические элементы, к числу которых относятся образы, стереотипы мышления и символы, духовно-смысловая инварианта как бессознательного, так и сознательного уровня.

Существенными компонентами конституционной идентичности могут выступать также этнонациональные традиции, типичные психологические реакции на повседневные ситуации.

Полагаем, что в структуре конституционной идентичности необходимо выделить ценностно-нормативное ядро, которое объединяет в себе морально-нравственные и конституционно-правовые ценности, закладывающие основу поведения и восприятия мира той или иной общностью.

Частью обозначенного ядра является конституционный менталитет. Под последним нужно понимать глубинный уровень ментального основания юридической культуры, выраженный в структурированной единой, целостной общности конституционно-правовых представлений, стереотипов, привычек, реакций, в способе восприятия конституционной реальности и т.д.

Как верно отмечает В.Н. Синюков, неоднородность современного российского менталитета, в частности, правового эмпирически очевидна. В нем можно предположить наличие, по крайней мере, трех векторов: нигилизм, утопизм и архаизм.

Но на практике ментальная дифференцированность или, лучше сказать, дезинтегрированность российского общества, несомненно, сложнее и многообразнее [5, с.47].

Правовая система общества существует как образ жизни, как менталитет, в рамках менталитета отличается устойчивостью и трансляцией.

Менталитет является таким понятием, что позволяет сформировать целостное понимание юридической культуры, сознания и поведения личности.

Объясняется это тем фактом, что через правовой менталитет раскрывается специфика отношения к праву, являющееся традиционным для российского общества [3, с.120].

Из сказанного следует, что конституционная идентичность несет стабильность, устойчивость духовно-психологических структур конституционного правосознания, в ней выражаются уникальные особенности, свойственные для конкретного народа.

Применительно к российской конституционной идентичности, то в ней, помимо общих характеристик, присущих континентальной модели, особенно ярко выражены традиционализм, коллективизм, антииндивидуализм, а также склонность к чрезмерной идеализации определенных проявлений жизни. При этом на нее оказало существенное влияние свойственное России религиозное и этическое многообразие.

Сегодня, по отношению к правам и свободам человека для российских граждан традиционным приоритетом являются социальные права, пусть даже в ущерб политическим и личным. Закон в этой картине мира воспринимается не как проявление права и способ защиты прав человека, а как властная воля, основное требование к которой – быть одинаковой для всех.

Одной из важнейших характерных черт российской конституционной идентичности на протяжении всего периода ее исторического развития было стремление к справедливости и поиску правды.

Также для нее для нее всегда было характерным уважение к таким ценностям как сплоченность, верность, крепкая семья и одновременно негативное восприятие явлений, связанных с конкуренцией, предательством и эгоизмом [2, с.13].

В современных реалиях для менталитета россиян свойственно наличие голоса совести, проявление национальной терпимости и гражданственности.

В этом заключены духовно-правовые основания государственно-юридической системы России. При этом особое внимание уделяется патриотизму, который, как представляется, выполняет роль из «духовных нервов» государств [1, с.116–117].

Следует учитывать исторически сложившиеся особенности мышления россиянина, мысли которого не подчиняются логике свойственной для стран Запада, которая характеризуется опорой на формулы и общие суждения.

Традиционные ментальности конституционной идентичности, включая самосознание граждан России, обуславливают наличие отдельных негативных явлений, способных оказывать влияние на общее состояние конституционной культуры российского общества. Это состояние объясняется рядом причин, к числу которых в первую очередь относятся различного рода кризисы, которые возникают во всех областях общественной жизни и особо ярко проявляются в экономических и политических отношениях.

Отечественный правовой менталитет характеризуется тем, что помимо триады «истина–закон–право (правило)», для него свойственна опора на иную триаду «правда–совесть–справедливость», которая у многих субъектов может занимать более высокое положение как предпосылка к поведению индивида. Как следствие, в сознании определенного лица позитивное право и следование правилам не совпадают с понятиями правды и справедливости.

Данная особенность в определенной степени позволяет компенсировать наблюдающее у ряда субъектов безразличие к нормативным предписаниям и ведет к формированию уникальной конституционной идентичности, которая уже служит основой для формирования конституционной культуры, в которой также очевидно преобладает эмоциональный аспект.

Все перечисленные факторы в совокупности оказывают значительное влияние в том числе и на содержание права, возможности повышения уровня конституционной культуры индивида, группы и всего общества.

В свою очередь, рассуждая о перспективах эволюции конституционной идентичности в России, надлежит учитывать, что сегодня не создан правовой комплекс, который позволяет проводить всестороннюю оценку деятельности государства, общества и конкретных личностей.

При этом в рамках дискуссии предпринимается поиск способов создания этого механизма. Особое внимание уделяется вопросу о преодолении негативных явлений, накопившихся за годы реформ.

Важнейшая задача в обозначенной сфере состоит в создании и активном распространении образцов желаемого конституционно-правового поведения, в первую очередь среди молодежи, как главному носителю категории воинской обязанности. В настоящее время

весьма большое число молодых людей обладает низким уровнем юридической грамотности, не имеет четких представлений о том, какие права гарантирует им Конституция Российской Федерации или другие нормы законодательства.

Как представляется, решение существующих проблем возможно только путем проведения преобразований в государственно-правовой жизни.

Иными словами, развитие правовой грамотности будет способствовать образованию и распространению конституционной идентичности, в то время как последняя создаст основу для дальнейшего прогресса конституционной культуры. Также нужно понимать, что важнейшим средством улучшения правовой грамотности является правовое и политическое образование граждан.

Вопросы воинской обязанности регламентируются, прежде всего, в Конституции Российской Федерации. Так, согласно статье 59 Конституции Российской Федерации:

1. Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

2. Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

3. Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданиям противоречит несение военной службы, а также в иных установленных Федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой [4].

Понятие обязанность – это юридическое понятие, когда она предполагает наличие принудительной меры воздействия государства, а также ответственность за ее несоблюдение.

Защита Отечества, интересов государства, забота о его безопасности – одна из важнейших обязанностей гражданина страны.

Суть воинского долга заключается в защите государственного суверенитета и территориальной целостности, обеспечении безопасности государства, отражении вооруженного нападения, а также выполнении задач в соответствии с международными обязательствами государства.

Постоянная готовность выполнить воинский долг – это дело чести и совести каждого мужчины это не только правовое, но и моральное требование, предъявляемое каждому гражданину.

Об этом говорится и в п. 5 Указа Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6].

Таким образом, можно подытожить, что российская конституционная идентичность и воинская обязанность находятся в своем органическом диалектическом единстве и представляют собой элементы системы конституционной культуры российского общества.

Литература

1. Гуревич С.С. Менталитет и культура современного общества М., Юрайт., 2008. С. 116–117.
2. Дорошенко В.Л. Что такое право? // Философия права. 2002. № 3. С. 13.
3. Иконникова С.Н. Русский национальный характер: грани ментальности // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире: VII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2007. С. 120.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Синюков В.Н. Российская правовая система / В.Н. Синюков. Саратов: Полиграфист, 1994. С. 47.
6. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

RUSSIAN CONSTITUTIONAL IDENTITY AND MILITARY DUTY: ISSUES OF CORRELATION

Koznichenko C.V.

St. Petersburg University of the Humanities of Trade Unions

The article analyzes the organic relationship between constitutional identity and the military duty of citizens related to the defense of the Fatherland, as a phenomenon of constitutional culture, which helps to form an image of a legal state in the constitutional legal consciousness of citizens based on existing constitutional norms and principles, values, and ideas about themselves as subjects with objective rights, the observance of which is the highest purpose of the modern state and society.

Keywords: constitutional identity, constitutional culture, constitution, constitutional rights, constitutional duties, citizens, military service.

References

1. Gurevich S.S. *Mentality and Culture of Modern Society*. M., Yurayt., 2008. Pp. 116–117.
2. Doroshenko V.L. What is the Law? // *Philosophy of Law*. 2002. No. 3. P. 13.
3. Ikonnikova S.N. Russian National Character: Facets of Mentality // *Dialogue of Cultures and Civilizations in the Global World: VII International Likhachev Scientific Readings*. St. Petersburg, 2007. P. 120.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by the All-Russian by voting on 12.12.1993, as amended, approved. during the general discussion. voting on 07/01/2020) // The official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 01.05.2025).
5. Sinyukov, V.N. *Russian Legal System* / V.N. Sinyukov. Saratov: Poligrafist, 1994. P. 47.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 09.11.2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values".

Дифференциация обеспечительных мер в административном судопроизводстве в зависимости от предмета оспаривания: проблемы и перспективы

Кокулеков Амат Аргымакович,

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: amatkokulekov@yandex.ru

В статье обоснована классификация обеспечительных мер административном судопроизводстве с учетом отраслевой специфики. Выявлена проблема существенных различий в подходах к их применению в данных типах судопроизводств, которые особенно заметны при рассмотрении дел, имеющих различную правовую природу и социальную значимость. Сделан вывод о целесообразности классификации обеспечительных мер в зависимости от отраслевой специфики в целях минимизации риска злоупотреблений и чрезмерного ограничения публичных интересов, а также повышения предсказуемости судебной практики.

Ключевые слова: дифференциация, классификация, обеспечительные меры, меры предварительной защиты, административное судопроизводство

Введение

Современное административное судопроизводство как вид судебной деятельности, урегулированный судебным административным процессуальным законодательством – Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации¹ (КАС РФ) и Разделом III Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² (АПК РФ), представляет собой форму реализации права граждан и организаций на обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, закрепленного частью 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Несмотря на запутанность своей структуры и природы, обусловленной многообразием норм материального права, в неразрывном единстве с которыми существуют и положения процессуального права, регламентирующие рассмотрение административных дел³, административное судопроизводство, как справедливо указывает А.Т. Боннер, является особым процессуальным порядком рассмотрения определенной категории дел, в основе которого лежат общие правила гражданского судопроизводства, а также обусловленные спецификой публичных правоотношений изъятия из этих правил [Боннер, 2005, с. 866].

Более того, данный тип судопроизводства определяет судебную деятельность одновременно двух ветвей судебной власти, рассматривающих дела, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений. При этом, как указывает М.К. Треушников, сущность административного судопроизводства состоит в том, что суды в порядке, определенном КАС РФ, рассматривают и разрешают не только дела, возникающие из административных правоотношений, но и дела, возникающие из конституционных, налоговых и иных правоотношений [Административное судопроизводство, 2017, с. 12]. Указанное в полной мере распространится и на административное судопроизводство, осуществляемое арбитражными судами.

При этом, как и иные типы судопроизводства, объединенные единой категорией «цивилистический процесс», административное предполагает наличие в числе средств эффективной правовой защиты инструмента, направленного на принятие срочных, оперативных мер, направленных на обеспечение баланса интересов сторон, баланса частных и публичных интересов. Именно таким инструментом являются обеспечительные меры (меры предварительной защиты)⁴.

Обеспечительные меры в административном судопроизводстве занимают особое место в системе процессуальных институтов, направленных на реализацию принципов состязательности и законности, поскольку они по своему назначению нацелены на предотвращение наступления предполагаемых неблагоприятных последствий еще до вынесения судебного решения по существу. Фактически обеспечительные меры выполняют превентивную, предупредительную функцию, что обуславливает необходимость их гибкого и эффективного применения.

Актуальность рассматриваемой темы определяется неоднородностью выводов судов, касающихся применения обеспечительных мер (мер предварительной защиты), что само по себе ставит под сомнение эффективность судебной защиты прав граждан и организаций в административном судопроизводстве.

Имеющиеся в науке гражданского процессуального права выводы и подходы, касающиеся мер по обеспечению иска, представлены достаточно широко, однако после принятия в 2015 году КАС РФ заметно акцентирование научного интереса на анализе особенностей применения обеспечительных мер в административном судопроизводстве [Павлова, 2017; Старилов, 2022], а также на сопоставлении положе-

¹ Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ 130 (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

² Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

³ Под термином «административное дело» в настоящей статье понимаются и дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, поданные арбитражным судам Российской Федерации.

⁴ Далее в рамках настоящей статьи обеспечительные меры арбитражного суда и меры предварительной защиты суда общей юрисдикции объединены под единым термином «обеспечительные меры».

ний об обеспечении иска в административном судопроизводстве с арбитражным судопроизводством [Шарипова, 2018; Галковская, 2024]. В тоже время актуальным остается вопрос, касающийся дифференциации обеспечительных мер (мер предварительной защиты) в административном судопроизводстве в зависимости от предмета оспаривания и обуславливаемой им категории административного дела.

Цель настоящего исследования заключается в формировании комплексного подхода к дифференциации обеспечительных мер (мер предварительной защиты) в административном судопроизводстве с учетом специфики предмета оспаривания.

Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи:

- обосновать целесообразность классификации обеспечительных мер в административном судопроизводстве в зависимости от отрасли права;
- выявить проблемы применения обеспечительных мер в административном судопроизводстве по отдельным категориям административных дел и причин их возникновения в судебной практике;
- выдвинуть предложения по совершенствованию порядка применения обеспечительных мер (мер предварительной защиты) в административном судопроизводстве.

Таким образом, исследование нацелено на выработку концептуальных основ реформирования института обеспечительных мер в административном судопроизводстве, созданию новых подходов к практике их применения с учетом необходимости их согласования с современными потребностями защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Классификация обеспечительных мер в административном судопроизводстве

Принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 1 июня 2023 года № 15¹ обозначило основные принципы применения судами института обеспечения иска в гражданском процессе. Разъяснения, содержащиеся в данном постановлении, регламентируют порядок и условия применения норм института обеспечения иска, объединяя их под единой категорией «обеспечительные меры».

В рамках указанного постановления Пленум Верховного Суда РФ не ставил цели раскрыть все аспекты применения обеспечительных мер. Однако является очевидным, что правоприменительная деятельность требует уточнения ряда аспектов, в частности, вопроса о классификации обеспечительных мер (мер предварительной защиты).

Для этого в ходе исследования использован метод анализа соответствующей судебной практики и системно-структурный метод, позволивший интегрировать различные научные подходы и выявить общие закономерности, а также пробелы в проведенных исследованиях.

Необходимость предварительной защиты в административном судопроизводстве обусловлена как общими принципами обеспечительных мер, так и особенностями сферы административных и иных публичных правоотношений. Именно в этой среде функционируют органы власти, принимаются административные акты и возникают споры, связанные с реализацией административных полномочий, требующие оперативной защиты.

Особенности сферы административных и иных публичных правоотношений определяют содержание многих институтов административного судопроизводства. Во-первых, предмет административного спора – это права и обязанности субъектов в этих отношениях. Во-вторых, основания для возникновения, изменения и прекращения процессуальных прав и обязанностей сторон вытекают из процессуальной формы. Предупредительная функция административного судопроизводства требует активной роли суда, что реализуется, в частности, через институт предварительной судебной защиты.

Законодатель закрепил немалый перечень мер предварительной защиты по административному иску², однако оставил его открытым, в связи с чем их классификация возможна по различным критериям, например, характеру и содержанию мер, виду административного иска, инициатору применения обеспечительных мер и пр. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о наличии особенностей применения обеспечительных мер в административном судопроизводстве в зависимости от предмета оспаривания.

Разобраться в предмете публично-правового спора и мерах предварительной защиты можно, используя модель «объект-предмет». Предмет в данном случае – это конкретное проявление объекта. Если

цель спора – защита публичных прав, свобод и законных интересов (объект), то предметом будут являться сами эти нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы.

Следует различать административный иск в материально-правовом (то, что оспаривается) и процессуальном (обращение в суд) смыслах. Важно помнить, что для административного судопроизводства определяющим фактором является не само по себе действие или бездействие властного органа, а то, что, по утверждению истца, оно нарушает его права и законные интересы. Это подтверждает и положения п.п. 4, 5 ч. 2 ст. 125 КАС РФ, п. 3 ч. 1 ст. 193 и п. 3 ч. 1 ст. 199 АПК РФ.

Как справедливо отмечает А.Я. Львов, связь с предметом спора означает, что заявитель может просить о приостановлении действия только того ненормативного правового акта или решения, которые он оспаривает в суде. Также он может просить об обеспечительных мерах, касающихся исполнения тех действий, которые прямо предусмотрены оспариваемым актом или вытекают из него [Львов, 2005]. Таким образом, обеспечительные меры должны находиться в прямой корреляции с предметом спора, что требует от суда взвешенного подхода, учитывающего баланс между защитой прав граждан и интересами публичного управления.

В этом контексте возможна классификация обеспечительных мер в административном судопроизводстве в зависимости от вида административного иска. К примеру, А.В. Ильин приводит следующую классификацию административных исков:

1. Административные иски об оспаривании административных актов.
 - 1.1. Иск о признании решений, действий незаконными;
 - 1.2. Иск о понуждении к надлежащему исполнению обязанности;
 - 1.3. Иск о запрете отмены благоприятствующего акта;
 - 1.4. Иск о превышении власти;
2. Административный иск о признании бездействия администрации незаконным;
3. Иск о признании существования/отсутствия правоотношения.
4. Превентивный административный иск (иск о купировании угроз) [Ильин, 2024, 27–54].

Приведенная классификация, по словам автора, имеет своим основанием характер реализуемого через суд права требования административного истца [Ильин, 2024, 13–14]. Однако несмотря на различие обозначенных исков, мерой предварительной защиты применительно ко всем ним может выступать основной вид обеспечительной меры в административном судопроизводстве – запрет применения оспариваемого правового акта или его оспариваемых положений в отношении административного истца.

Таким образом, классификация обеспечительных мер в зависимости от требования, заявленного административным истцом (заявителем), не учитывает существенную особенность данного типа судопроизводства – многоотраслевую связь с положениями материального права.

Отсутствие исчерпывающего перечня обеспечительных мер в КАС РФ и АПК РФ создает пространство для судебного усмотрения. С одной стороны, это позволяет гибко реагировать на потребности защиты конкретного истца. С другой – возникает риск злоупотреблений и чрезмерного ограничения публичных интересов [Лупарев, 2017]. В связи с этим, представляется целесообразной разработка классификации обеспечительных мер по отраслям материального права.

Такой подход позволит не только соотносить меры с предметом спора, но и учитывать специфику конкретных отраслей права: налоговой³, исполнительной⁴, социальной, таможенной и т.д. [Чувашова, 2024; Валитов, 2022; Старилов, 2020]. При этом сама классификация будет основываться на том, какие именно права и интересы составляют предмет административного спора и какова степень их чувствительности к возможным необратимым последствиям.

Проблемы применения обеспечительных мер по отдельным категориям административных дел

Несмотря на законодательное закрепление возможности применения обеспечительных мер и в арбитражном и в административном судопроизводстве, практика свидетельствует о наличии существенных различий в подходах к их применению в данных типах судопроизводств. Эти различия становятся особенно заметны при рассмотрении дел, имеющих различную правовую природу и социальную значимость. Кроме того,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

² Главы 7, 21, 22, 24, 27 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

³ Письмо ФНС России от 5 июля 2023 г. № КЧ-4-8/8543@ «О порядке исполнения определений судов о принятии обеспечительных мер».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

важным в данном вопросе является и то, что к положениям главы 24 АПК РФ применимы общие положения главы 8 Кодекса, а равно и подходы арбитражных судов к обеспечительным мерам арбитражного суда в их классическом понимании.

Практика рассмотрения дел, связанных с оспариванием действий (бездействия), решений органов публичной власти: налоговых, таможенных, антимонопольных, органов принудительного исполнения показывает, что применение обеспечительных мер в арбитражном процессе и мер предварительной защиты в административном судопроизводстве нередко приводит к формированию различных процессуальных подходов к одному и тому же материально-правовому предмету спора. Такая дисгармония обусловлена как различиями в природе судопроизводств, так и особенностями правовых критериев, которыми руководствуются суды при принятии временных ограничительных актов.

Во-первых, различаются предмет доказывания и стандарт оценки рисков. В арбитражном процессе преобладает экономический анализ последствий: заявитель должен убедить суд в угрозе причинения значительного имущественного ущерба или затруднительности исполнения будущего решения. В административном судопроизводстве, осуществляемом судами общей юрисдикции, напротив, ключевым является предотвращение существенного нарушения прав гражданина или неоправданного ограничения публичных свобод, что предполагает более высокий акцент на социально-правовые последствия. В связи с этим, к примеру, по спорам об оспаривании действий пристава-исполнителя или оспаривании акта налогового или таможенного контроля суд общей юрисдикции связывает себя балансом публичных и частных интересов, а арбитражный суд ориентируется также и на коммерческие риски заявителя.

Во-вторых, суды по-разному оценивают допустимость вмешательства в публично-правовые отношения до вынесения решения по существу. Арбитражным судам свойственен более гибкий подход, основанный на презумпции недопустимости необоснованных ограничений хозяйственной деятельности. В силу этого они чаще склонны приостанавливать действия налоговых и таможенных органов, требующих взыскания налогов, таможенных пошлин, пени или штрафов, если имеется риск нарушения нормального функционирования предприятия¹. Суды общей юрисдикции обычно проявляют большую осторожность, особенно в делах, затрагивающих обеспечение публичной безопасности, исполнение судебных актов или социально значимые выплаты². В результате по идентичной ситуации суды приходят к различным выводам о необходимости вмешательства.

В-третьих, проблемы возникают из-за разного процессуального инструментария и юридической силы оспариваемых актов. В арбитражном процессе обеспечительные меры обладают большей степенью «исполнительной стабильности», поскольку они подлежат немедленному исполнению и могут затрагивать широкий спектр действий органов власти. Кроме того, на это влияет и то, что основной категорией публично-правовых споров, входящих в компетенцию арбитражного суда (за исключением Суда по интеллектуальным правам), являются дела об оспаривании ненормативных правовых актов. В административном судопроизводстве, осуществляемом судами общей юрисдикции, нормы о мерах предварительной защиты формулируются более сдержанно, ведь в компетенцию суда общей юрисдикции входят дела об оспаривании нормативных правовых актов, что в некотором роде ограничивает суд в выборе механизмов прекращения спорных публичных действий до разрешения дела.

Кроме того, отсутствует единый подход к степени обоснованности заявления о применении обеспечительных мер. В арбитражных судах допускается применение обеспечительных мер при условии *вероятности* наступления неблагоприятных последствий, тогда как КАС РФ требует указания конкретных фактов, свидетельствующих о *реальной угрозе* нарушения прав. Для заявителя это означает различный уровень доказательственной нагрузки.

Наконец, системная проблема вытекает из параллельности юрисдикций и выбора компетентного суда в административном судопроизводстве. Если в одной системе обеспечительная мера применяется, а в другой – отклоняется, это создает риск формального и фактического конфликта судебных актов, снижающего предсказуемость правоприменения.

Таким образом, различия процессуальной природы, целей судопроизводств, критериев допустимости временных мер и порядка их исполнения формируют неоднородную практику применения обеспе-

чительных и предварительных защитных мер при рассмотрении аналогичных публично-правовых споров. В связи с этим, видится целесообразным поиск путей дальнейшего совершенствования применения обеспечительных мер в административном судопроизводстве.

Совершенствование применения обеспечительных мер в административном судопроизводстве

Учитывая значительные различия в целях, объектах правового регулирования и видах публичных правоотношений, для устранения выявленных проблем предлагается классификация обеспечительных мер и мер предварительной защиты с учетом отраслевой специфики, которая позволит их систематизировать в зависимости от природы публично-правового спора и характера действий органов власти:

1. Налоговое право.

Объект защиты: имущественные интересы налогоплательщиков и законность актов налоговых органов.

Типичные меры:

- приостановление действия решения налогового органа о взыскании налогов, пеней, штрафов;
- запрет налоговому органу производить бесспорное списание денежных средств по инкассовым поручениям;
- запрет направления материалов в ФССП России для принудительного взыскания;
- приостановление камеральной или выездной налоговой проверки (в исключительных случаях);
- запрет блокировки счетов или операций по ним (через приостановление действия соответствующего решения).

Специфика: суды акцентируют внимание на предотвращении существенного экономического ущерба и сохранении непрерывности хозяйственной деятельности; риск оценивается прежде всего через финансовые последствия.

2. Таможенное право.

Объект защиты: права участников внешнеэкономической деятельности, связанные с импортом, экспортом, транспортировкой товаров и уплатой таможенных платежей.

Типичные меры:

- приостановление действия решения о доначислении таможенных платежей;
- приостановление действия решений о корректировке таможенной стоимости;
- запрет выпуска товаров без предоставления обеспечения либо, наоборот, запрет создания препятствий выпуску товаров;
- приостановление действия решений о привлечении к административной ответственности.

Специфика: ключевым является предотвращение убытков, возникающих из-за задержки грузов, нарушения логистики и возможного ущерба экспортно-импортным операциям; суды учитывают срочность и динамику оборота товаров.

2. Социальная политика.

Объект защиты: социальные права граждан (пенсионные, трудовые, медицинские, образовательные, жилищные).

Типичные меры:

- приостановление действия решений о прекращении или снижении социальных выплат;
- возложение на орган обязанности временно продолжить предоставление мер социальной поддержки;
- временное сохранение гражданина на учёте как получателя пособий или льгот;
- запрет на выселение при споре о социальном жилье.

Специфика: мерой оценки риска выступает вероятность существенного, а нередко невосполнимого нарушения базовых социальных прав³. Суды общей юрисдикции исходят из приоритета защиты уязвимых категорий и применяют меры даже при отсутствии значимых имущественных потерь.

4. Исполнительное производство.

Объект защиты: права должников, взыскателей и иных лиц в рамках принудительного исполнения судебных актов.

Типичные меры:

- приостановление действия конкретного постановления пристава (о взыскании, аресте имущества, ограничении выезда, взыскании исполнительского сбора и др.);
- запрет совершения приставом отдельных исполнительных действий;
- запрет передачи имущества на реализацию.

¹ Определение Арбитражного суда Московской области от 21 апреля 2023 г. по делу № А41–32272/23.

² Определение Московского городского суда от 22 ноября 2023 г. по делу № 2а-1602/23.

³ Глава 2 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)

Специфика: при рассмотрении споров, касающихся действий судебного пристава-исполнителя суды особенно осторожны, поскольку временная мера может препятствовать исполнению судебного решения. Они оценивают баланс между законностью действий пристава и необходимостью обеспечить реальное исполнение судебного акта.

Предложенная классификация, естественно, не носит исчерпывающий характер, однако позволяет учитывать специфику предмета спора, характер возможного ущерба и степень чувствительности прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений. В налоговых и таможенных спорах ключевым критерием выступает предотвращение имущественного или экономического ущерба; в социальной сфере – защита базовых прав граждан, а в исполнительном производстве – баланс между законностью действий пристава-исполнителя и эффективным исполнением судебного решения. Такая дифференциация обеспечивает более точное соотношение мер с предметом спора, минимизирует риск злоупотреблений и чрезмерного ограничения публичных интересов, а также повышает предсказуемость судебной практики.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что классификация обеспечительных мер в административном судопроизводстве должна строиться с учетом многоуровневой природы публично-правовых споров и их отраслевой специфики. Хотя в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 года № 15 обозначены основные принципы применения института обеспечения иска и объединены различные меры под общей категорией «обеспечительные меры», от отсутствия исчерпывающего перечня таких мер формирует широкое поле для судебного усмотрения, что требует системного подхода к их классификации и применению.

Представляется, что применение отраслевой классификации обеспечительных мер способствует созданию методологической основы для дальнейшего совершенствования их применения в административном судопроизводстве, а также выработке унифицированных подходов к рассматриваемому процессуальному инструменту защиты прав и законных интересов участников публично-правовых отношений и повышает эффективность его функционирования.

Литература

1. Боннер А.Т. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005.
2. Административное судопроизводство: учебник для студентов юридических вузов, факультетов и юристов, повышающих квалификацию (автор главы – М.К. Треушников) / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2017.
3. Павлова Я.В. Институт предварительной защиты в административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.
4. Старилов М.Ю. Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность: монография. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2022.
5. Шарипова А.Р. Сравнительно-правовой анализ обеспечительных мер в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Вып. 4. С. 95–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-obespechitelnyh-mer-v-ugolovnom-arbitrazhnom-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproduzvodstve> (дата обращения: 14.09.2025).
6. Галковская Н.Г. Обновленные рекомендации по применению обеспечительных мер // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы: сборник докладов XIII Московской юридической недели: в 4 ч. Ч. 2. 2024. С. 72–75.
7. Львов А.Я. Особенности применения арбитражными судами обеспечительных мер по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
8. Ильин А.В. Оспаривание административных актов. М.: Статут, 2024.
9. Лупарев Е.Б. Меры предварительной защиты по административному иску: проблемы соотносимости и соразмерности // Кубанское агентство судебной информации Pro-Sud-123.ru: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2017. Вып. 3. С. 42–51. URL: https://pro-sud-123.ru/journals/2017/03/04_%D0%9B%D1%83%D0%BF%D0%B5%D0%B2_%D0%95%D0%91.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

0%D1%80%D0%B5%D0%B2_%D0%95%D0%91.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

10. Чувашова А.С. К вопросу о применении мер предварительной защиты по административным делам об оспаривании решений публичных органов власти // Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые и организационные проблемы и перспективы: сборник статей 52-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистров и молодых ученых. 2024. С. 483–487.

11. Валитов М.М. Меры предварительной защиты как способ обеспечения иска в административном судопроизводстве // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2022. Вып. 6 (69). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/8June2022/MERY%20PREDVARITELNOY%20ZASHITY%20KAK%20SPOSOB%20OBESPECHENIYa%20ISKA%20V%20ADMINISTRATIVNOM%20SUDOPROIZVODSTVE.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

12. Старилов М.Ю. Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2020.

DIFFERENTIATION OF INTERIM MEASURES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS DEPENDING ON THE SUBJECT OF THE DISPUTE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kokulekov A.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article substantiates the classification of interim measures in administrative proceedings, taking into account industry specifics. The problem of significant differences in approaches to their application in these types of legal proceedings has been identified, which are especially noticeable when considering cases of different legal nature and social significance. It is concluded that it is advisable to classify interim measures depending on industry specifics in order to minimize the risk of abuse and excessive restriction of public interests, as well as increase the predictability of judicial practice.

Keywords: differentiation, classification, interim measures, preliminary protection measures, administrative proceedings

References

1. Bonner A.T. (2005). Selected works on civil procedure. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russ.)
2. Treushnikov M.K. (Ed.). (2017). Administrative legal proceedings: a textbook for students of law schools, faculties and lawyers who improve their qualifications (the author of the chapter is M.K. Treushnikov) / Edited by M.K. Treushnikov.
3. Pavlova Ya.V. (2017) Institute of preliminary protection in administrative proceedings: dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Saratov. (In Russ.)
4. Starilov M.Y. (2022). Preliminary protection measures for an administrative claim: theory, judicial practice, problems, effectiveness: monograph. Voronezh: Publishing House of VSU. (In Russ.)
5. Sharipova A.R. (2018). Comparative legal analysis of interim measures in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings // Law Bulletin of Samara University. Issue 4. pp. 95–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-obespechitelnyh-mer-v-ugolovnom-arbitrazhnom-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproduzvodstve> (date of request: 09/14/2025). (In Russ.)
6. Galkovskaya N.G. (2024). Updated recommendations on the application of interim measures // Legal support for the sovereignty of Russia: problems and prospects (pp. 72–75): collection of reports of the XIII Moscow Law Week: at 4 p.m. Part 2. (In Russ.)
7. Lvov A.Ya. (2005). Features of the application of interim measures by arbitration courts in cases arising from administrative and other public legal relations: abstract. diss. ... Candidate of Law. Saratov. (In Russ.)
8. Ilyin A.V. (2024). Challenging administrative acts. Moscow: Statute. (In Russ.)
9. Luparev E.B. (2017). Preliminary protection measures in an administrative claim: problems of comparability and proportionality // Kuban Judicial Information Agency Pro-Sud-123.ru: Legal online electronic scientific journal. Issue 3. pp. 42–51. URL: https://pro-sud-123.ru/journals/2017/03/04_%D0%9B%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2_%D0%95%D0%91.pdf (date of request: 09/14/2025). (In Russ.)
10. Chuvashova A.S. (2024). On the issue of the application of preliminary protection measures in administrative cases challenging decisions of public authorities // Ensuring the security of the individual, society and the state in the context of globalization: legal and organizational problems and prospects (pp. 483–487): collection of articles of the 52nd All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of students, masters and young scientists.
11. Valitov M.M. (2022). Preliminary protection measures as a way to secure a claim in administrative proceedings // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. 6(69). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/8June2022/MERY%20PREDVARITELNOY%20ZASHITY%20KAK%20SPOSOB%20OBESPECHENIYa%20ISKA%20V%20ADMINISTRATIVNOM%20SUDOPROIZVODSTVE.pdf (date of access: 14.09.2025). (In Russ.)
12. Starilov M.Y. (2020). Measures of preliminary protection in administrative proceedings in courts of general jurisdiction: dis. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh. (In Russ.)

Коляса Виталий Станиславович,

преподаватель, кафедра фундаментальных юридических и социально гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия»

E-mail: vit.kolyasa@mail.ru

Зарецкий Андрей Михайлович,

юрисконсульт, ООО «Стальконструкция-1»

E-mail: Zareckiy83@gmail.com

В статье исследуется институт принудительной ликвидации политических партий как ключевой элемент государственного контроля в условиях российской многопартийности. Центральной проблемой является поиск баланса между конституционными принципами идеологического разнообразия и правом государства на защиту основ конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности. На основе анализа эволюции законодательства (включая поправки к Конституции 2020 года) и судебной практики Верховного Суда РФ автор выделяет и систематизирует основные основания для ликвидации: добровольное решение, неустранение нарушений, неучастие в выборах и экстремистская деятельность. Особое внимание уделяется роли судебного усмотрения в квалификации «грубых нарушений». Исследование выявляет тенденцию к ужесточению правового регулирования, где ликвидация выступает не только карательной, но и превентивной мерой, направленной на консолидацию партийной системы и минимизацию в ней рисков радикализма.

Ключевые слова: политические партии, ликвидация политической партии.

В политико-правовой системе современной России политические партии выполняют ряд конституционно закреплённых и функционально значимых ролей, обеспечивающих стабильность государственного управления и реализацию народовластия. В соответствии со ст. 13 Конституции РФ (далее – КРФ), они выступают ключевым институтом политического многообразия и многопартийности. Практическая значимость партий определяется, прежде всего, их исключительной электоральной функцией: согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав», именно политические партии являются основным, а на федеральном и региональном уровне – единственным субъектом выдвижения списков кандидатов, что делает их незаменимым звеном в формировании Государственной Думы и законодательных собраний субъектов Федерации. Помимо этого, партии, представленные в парламенте, обеспечивают функцию представительства и артикуляции интересов через законопроектную деятельность фракций, парламентские запросы и участие в работе комитетов. Таким образом, в условиях российской модели, партии институционально обеспечивают легитимный механизм рекрутирования элит, канал обратной связи между обществом и государством и формализованное участие граждан в политике через процедуры выборов, что прямо способствует реализации принципа народовластия, закреплённого в ст. 3 КРФ.

Конституционно-правовые рамки деятельности политических партий претерпели ряд изменений после вступления в силу поправок в КРФ в 2020 г. Фундаментальную основу деятельности политических партий по-прежнему составляют ст. 13 (идеологическое и политическое многообразие, многопартийность) и ч. 2 ст. 3 КРФ. Однако ключевое значение приобрели новые конституционные принципы, закреплённые поправками 2020 года [10], согласно которым, осуществляется усиление акцента на государственном суверенитете, территориальной целостности, недопустимости отчуждения или призывов к отчуждению территорий РФ ст. 67.1 КРФ, примат национального права РФ над международным правом ст. 79.1 КРФ и исторической правды ст. 67.1 КРФ создало более жёсткие идеологические рамки для партийной деятельности. Запрет действий, направленных на отчуждение территорий, и обязанность руководства РФ предпринимать меры по защите суверенитета напрямую коррелируют с ч. 5 ст. 13 КРФ, ужесточая ответственность политических партий за сепаратистскую или экстремистскую риторику [1].

Отличительной особенностью любого современного демократического общества является наличие гарантированных политических прав, позволяющих гражданам: оказывать влияние и принимать участие в управлении государством как непосредственно, так и через своих представителей; реализовывать своё избирательное право; поступать на государственную и муниципальную службу; реализовывать право на объединение; гарантировать свободу мысли, слова, информации; право на доступ к документам, непосредственно касающимся его прав и свобод и т.д. [13]

Контроль за соблюдением политическими партиями законодательства РФ является неотъемлемым элементом обеспечения конституционного порядка и реализуется через систему мер государственного принуждения, установленную федеральным законодательством. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» к 2026 году продолжает оставаться базовым нормативным актом в области регулирования и функционирования, но с рядом существенных изменений. Актуальная редакция данного закона последовательно ужесточает требования к обеспечению внутрипартийной демократии, финансовой отчётности и прозрачности источников финансирования, что отражает устойчивую законодательную тенденцию, направленную на повышение институциональной устойчивости и публично-правовой ответственности политических партий как ключевых субъектов избирательного процесса. Данный контроль проявляется в следующих формах: приостановление деятельности и ликвидация (запрет деятельности) политической партии [2].

На основании проведённого анализа законодательства и судебной практики в РФ автор выделяет следующие основания для ликвидации деятельности политических партий в России:

1) По решению высшего руководящего органа (съезда) политической партии, например:

0.1. Принятие решения о реорганизации партии: политическая партия «Другая Россия» приняла решение о самороспуске по причине создания новой политической партии «Другая Россия Э.В. Лимонова» [15];

0.2. Принятие решения о полной ликвидации партии: политическая партия «Российская сетевая партия» приняла добровольное решение о прекращении своей деятельности [14].

2) Неустранение в установленный срок нарушений, послуживших основанием для приостановления деятельности (например, осуществление деятельности, противоречащей уставным целям и задачам политической партии; неоднократные грубые нарушения законодательства РФ; нарушения прав и свобод человека и гражданина). Указанная процедура имеет следующую последовательность действий: выявление Минюстом РФ нарушений в ходе осуществляемого надзора и вынесение предупреждения об их ликвидации в установленный срок (не менее 2-х месяцев) → приостановление деятельности по судебному решению Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ (до 6 месяцев)) → ликвидация в случае неисполнения требований, послуживших основаниями приостановления деятельности политической партии.

В качестве примера, можно рассмотреть следующую судебную практику ВС РФ. Систематическое неустранение выявленных Минюстом РФ нарушений законодательства в установленные сроки привело: 1) к приостановлению деятельности Деятельности политической партии «Малого бизнеса» (Устав партии не был утверждён в установленном законом порядке; проведение съезда партии без необходимого кворума и т.д. [5]) и последующей её ликвидацией за неустранение выявленных нарушений [6]; 2) Деятельности политической партии «Партия дела» была приостановлена по следующим основаниям: выявленные ошибки при регистрации сведений об участниках партии; на сайте партии публиковалась недостоверная информация; нарушения порядка проведения съездов партии; обновлённый устав партии был признан недействительным ввиду нарушений, допущенных при проведении съезда, на котором он был принят; отсутствие в Уставе нормы, регламентирующей обязанность по уведомлению соответствующей избирательной комиссии о проведении предвыборных мероприятий [7]. В установленные Минюстом РФ сроки политическая партия не устранила нарушения, что привело к последующей её ликвидации на территории РФ [8].

В силу отсутствия в действующем законодательстве РФ исчерпывающего перечня «грубых нарушений», окончательная правовая квалификация деяния – а именно, признание допущенного общественным объединением нарушения «грубым», создающим основания для его ликвидации или запрета деятельности, – относится к исключительной компетенции суда и осуществляется им в рамках конкретного судебного разбирательства на основе оценки всех обстоятельств дела. ВС РФ рассматривает в качестве «грубого нарушения» законодательства следующие основания: публичная деятельность, направленная на отрицание или умаление основополагающих демократических принципов, прав и свобод, гарантированных КРФ, общепризнанными нормами международного права, международными договорами РФ, федеральными законами, а равно пропаганда войны, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни, призывы к дискриминации, вражде или насилию могут быть квалифицированы как противоправные и образующие состав экстремистской деятельности [3].

3) «Неучастие в политической жизни». Неучастие партии в выборах любого уровня в течение семи лет подряд.

Партия считается «неучаствующей», если она не выдвигала своих кандидатов (списки кандидатов) ни на одних выборах любого уровня в течение 7 лет [2]: выборы Президента РФ; выборы депутатов Государственной Думы РФ; выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ; выборы в органы местного самоуправления (представительные органы, главы муниципальных образований). Факт неучастия выявляется Минюстом РФ в ходе надзора. После выявления нарушения, составляется административное исковое заявление в ВС РФ о ликвидации политической партии. Указанная мера направлена на очищение партийной системы от неработающих, «спящих» или фиктивных организаций, не выполняющих свою основную публично-правовую функцию – участие в формировании органов государственной власти и местного самоуправления посредством выборов. Она стимулирует партии к постоянной электронной активности. По данному основанию в 2019 году было ликвидировано 11 политических партий [11], с 2020 по 2021 г. ещё 17 [12].

4) Совершение экстремистских деяний. Современная судебная практика в РФ по ликвидации политических партий за экстремизм (по Федеральному закону № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») является крайне редкой. Чаще этот механизм при-

меняется к общественным организациям и движениям, а не к зарегистрированным политическим партиям.

В качестве примера, можно рассмотреть следующую судебную практику:

1) Ликвидация межрегиональной общественной организации «Национал-большевистской партии» (НБП). Основаниями послужили действия, направленные на дезорганизацию работы органов государственной власти; захваты административных зданий; в партийной газете и программе партии были выявлены публичные призывы к насильственному свержению или изменению основ конституционного строя РФ, а также действия, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной вражды [9];

2) Ликвидации политической партии «Воля». Основаниями послужили следующие действия: в административном иске, поданном Минюстом РФ, в качестве одного из оснований для ликвидации было указано распространение политической партией печатной продукции под наименованием «Обращение к военнослужащим Российской армии». Правовая квалификация данного материала в качестве экстремистского была установлена ранее вступившим в законную силу решением Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 9 июля 2015 года; на официальном интернет-сайте политических партий, а также на информационных ресурсах ряда её региональных отделений, размещались гиперссылки, ведущие к материалам, признанным судом в установленном порядке экстремистскими. Данный факт был квалифицирован как распространение экстремистских материалов [4].

На основании проведённого анализа можно сделать следующие выводы. Институт ликвидации политической партии в РФ представляет собой сложный, многоступенчатый правовой механизм. Он выполняет двоякую функцию: с одной стороны, служит средством защиты публично-правовых интересов государства и общества от деятельности, нарушающей законодательство, а с другой – является инструментом «санации» партийной системы, стимулирующим партии к постоянному выполнению их основной публичной функции – участию в политических выборах.

Законодательство РФ предусматривает как добровольные (решение съезда), так и принудительные основания для ликвидации (по закону). Последние носят исчерпывающий характер и включают: неустранение нарушений, повлекших приостановление деятельности; неучастие в выборах в течение семи лет; осуществление экстремистской деятельности. Ключевая роль в оценке нарушений и признании их «грубыми» принадлежит суду, который принимает такое решение по своему внутреннему убеждению, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Анализ показывает, что данный институт эволюционировал в инструмент системного нормативного регулирования и превентивного контроля. Установление формальных критериев (например, установление чётких и формальных правил, таких как обязательное участие в выборах хотя бы раз в семь лет) создаёт прозрачные, но обязательные правила, трансформируя партии в постоянных и активных участников публичного процесса. Сложившаяся судебная практика вырабатывает последовательную правовую позицию. В её основе лежит приоритетная задача – защита таких обновлённых конституционных принципов, как суверенитет и территориальная целостность.

Таким образом, современная тенденция свидетельствует о последовательном ужесточении законодательных требований и расширении оснований для государственного вмешательства. В результате, институт ликвидации выступает важным фактором формирования политико-правового ландшафта, отражая общую логику правовой консолидации и управляемости. Он обеспечивает стабильность и предсказуемость партийной системы, минимизируя в ней риски радикализма, но также требует постоянного внимания к соблюдению хрупкого конституционного баланса между принципами многопартийности и необходимыми в демократическом обществе ограничениями.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс
2. Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О политических партиях» // СПС Консультант Плюс
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 64 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // СПС Консультант Плюс

4. Решение от 09.08.2016 г. Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ16–735 [Электронный ресурс] // <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082016-n-akpi16-735/>
5. Решение от 16.05.2022 г. Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ22–241 [Электронный ресурс] // <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16052022-n-akpi22-241/>
6. Решение от 12.01.2023 г. Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ22–1186 [Электронный ресурс] // sudact.ru/vsrf/doc/N37pd4jci-bl8/
7. Решение от 13.11.2023 г. Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ23–1020 [Электронный ресурс] // <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/19-35313381>
8. Решение от 27.11.2024 г. Верховный Суд РФ. Дело № АКПИ24–972 [Электронный ресурс] // https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2427266
9. Решение от 19.04.2007 г. Московский городской суд. Дело № 3–91/2007 [Электронный ресурс] // <https://mos-gorsud.ru/>
10. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс] // <http://duma.gov.ru/news/48953/>
11. Долгих Ф.И. Принудительная ликвидация политических партий за неучастие в выборах – анализ судебной практики//Российская юстиция. 2020. № 10. С. 38–41.
12. Долгих Ф.И. Ликвидация политических партий в России за неучастие в выборах – анализ судебной практики 2019–2021 гг.// Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 4. С. 3–7.
13. Зарецкий, А.М. Введение в юридическую профессию / А.М. Зарецкий; Книга для бакалавров специальности «Юриспруденция». – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2020. – 404 с. – ISBN 978-5-00149-435-5. – EDN NGHBFX.
14. Российская сетевая партия исключена из списка зарегистрированных [Электронный ресурс] // <http://rapsinews.ru/>
15. Партия «Другая Россия» объявила о самороспуске [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/politika/9558293>

ON THE ISSUE OF THE LIQUIDATION OF THE ACTIVITIES OF POLITICAL PARTIES: GROUNDS AND JUDICIAL PRACTICE

Kolyasa V.S., Zaretsky A.M.

Synergy University, Stalkonstruktisia-1 LLC

The article examines the institution of the forced liquidation of political parties as a key element of state control in the context of Russian multi-party system. The central issue is finding a balance between the constitutional principles of ideological diversity and the state's right to protect the foundations of the constitutional order, sovereignty, and ter-

ritorial integrity. Based on an analysis of the evolution of legislation (including the 2020 amendments to the Constitution) and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, the author identifies and systematizes the main grounds for liquidation: voluntary decision, failure to address violations, non-participation in elections, and extremist activities. Special attention is paid to the role of judicial discretion in the qualification of "gross violations." The study reveals a trend towards stricter legal regulation, where liquidation is not only a punitive but also a preventive measure aimed at consolidating the party system and minimizing the risks of radicalism within it.

Keywords: political parties, liquidation of a political party.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) [Electronic resource] // SPS Consultant Plus
2. Federal Law No. 95-FZ of 11.07.2001 (as amended on 23.05.2025) "On Political Parties" // SPS Consultant Plus
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 N 64 (as amended on December 09, 2025) "On certain issues arising during the consideration by the courts of cases related to the suspension or liquidation of non-profit organizations, as well as the prohibition of activities of public or religious associations that are not legal entities" // SPS Consultant Plus
4. The decision of 09.08.2016 of the Supreme Court of the Russian Federation. Case No. AKPI16–735 [Electronic resource] // <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09082016-n-akpi16-735/>
5. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/16/2022. Case No. AKPI22–241 [Electronic resource] // <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16052022-n-akpi22-241/>
6. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.01.2023. Case No. AKPI22–1186 [Electronic resource] // sudact.ru/vsrf/doc/N37pd4jci-bl8/
7. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/13/2023. Case No. AKPI23–1020 [Electronic resource] // <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/19-35313381>
8. The decision of 11/27/2024 of the Supreme Court of the Russian Federation. Case No. AKPI24–972 [Electronic resource] // https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2427266
9. The decision of the Moscow City Court dated 04/19/2007. Case No. 3–91/2007 [Electronic resource] // <https://mos-gorsud.ru/>
10. The new text of the Constitution of the Russian Federation as amended in 2020 [Electronic resource] // <http://duma.gov.ru/news/48953/>
11. Dolgikh F.I. Forced liquidation of political parties for non-participation in elections – analysis of judicial practice//Russian justice. 2020. No. 10. Pp. 38–41.
12. Dolgikh F.I. Liquidation of political parties in Russia for non-participation in elections – an analysis of judicial practice in 2019–2021// State power and local self-government. 2022. No. 4. Pp. 3–7.
13. Zaretsky, A.M. Introduction to the legal profession / A.M. Zaretsky; A book for bachelors of the specialty "Jurisprudence". – Moscow: Editus Limited Liability Company, 2020. – 404 p. – ISBN 978-5-00149-435-5. – EDN NGHBFX.
14. The Russian Network Party is excluded from the list of registered [Electronic resource] // <http://rapsinews.ru/>
15. The Other Russia Party announced its self-dissolution [Electronic resource] // <https://tass.ru/politika/9558293>

Банк России как оператор платформы цифрового рубля: пределы полномочий и юридическая ответственность

Корякина Варвара Константиновна,

независимый исследователь

E-mail: koryakina2015@yandex.ru

В статье рассматривается правовой статус цифрового рубля в национальной платежной системе Российской Федерации и роль Банка России как оператора платформы. Показано, что в публичных разъяснениях 2023 года цифровой рубль нередко описывается как дополнительная форма национальной валюты наряду с наличными и безналичными рублями. Вместе с тем изменения, внесенные Федеральным законом № 339-ФЗ, закрепили цифровые рубли в гражданском законодательстве как безналичные денежные средства, а Федеральный закон «О национальной платежной системе» связывает их оборот с учетом на специальном счете и операциями по увеличению остатка без классической эмиссии. Выделены признаки, отличающие цифровой рубль от средств на счетах кредитных организаций и от электронных денежных средств: обязанное лицо – Банк России, платформенный оборот, запрет на вклады, кредиты и начисление процентов, а также отсутствие прямой конвертации в наличные.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации; цифровой рубль; национальная платежная система; безналичные денежные средства; правовой статус; юридическая ответственность.

Введение

Деньги всегда являлись неотъемлемой частью функционирования мировой экономики, так как именно за счет них реализуются платежные операции. Однако на фоне быстро меняющихся экономических трендов денежная система также эволюционирует. Данная ситуация выражается в появлении новых форм денежных знаков и расчетов. Государство стремится повысить стабильность денежной системы и сделать процесс денежного обращения более удобным и упрощенным. В то же время с появлением новых денежных форм нельзя забывать о легитимности процесса, что выражается в необходимости создания или обновления регуляторной базы.

Актуальность создания национальной цифровой валюты образовалась на фоне роста популярности криптовалюты как средства платежа. До появления криптовалюты суррогаты денег существовали только в наличной форме. При этом на фоне ограниченности правовой системы новый вид платежей не подлежал ранее правовому регулированию, что приводило к росту теневого сектора экономики, появлению DarkNet, где можно было купить нелегальные товары, и тому подобному. В связи с данной проблемой государства были вынуждены предложить населению альтернативу – национальная цифровая валюта центрального банка (central bank digital currency). В Российской Федерации создание законодательной базы повлекло множество вопросов со стороны населения: 1) к какой денежной форме можно относить цифровой рубль; 2) какую роль цифровой рубль играет в национальной денежной платежной системе и так далее. Таким образом, для ответа на вышеперечисленные вопросы необходимо проанализировать правовые источники. Цель данной работы – изучить статус цифрового рубля в денежной системе Российской Федерации.

Научная значимость статьи заключается в систематическом анализе правовой базы цифрового рубля как альтернативы существующим денежным формам в экономике Российской Федерации.

Литературный обзор

Анализу законодательной базы цифрового рубля в Российской Федерации было посвящено много материалов. В рамках данной статьи были изучены такие источники, как положение Банка России «О платформе цифрового рубля» [7], Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [3], доклад Банка России «Концепция цифрового рубля» [10], Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], статья Ситника А.А. «Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования» [9].

В ходе написания статьи применялись следующие методы исследования: сравнительно-правовой анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О национальной платежной системе» и Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» для выявления терминологических расхождений; системный подход к интерпретации официальных разъяснений Банка России 2023 года и выступлений руководства.

Результаты

В ходе написания работы была определена проблема определения экономической сущности цифрового рубля, изучены узкие места законодательной базы в сфере регулирования платежных операций, связанных с цифровым рублем. Также были проанализированы различия между цифровым рублем и безналичными денежными средствами.

Обсуждение

Для начала необходимо определить отличительные характеристики цифрового рубля, чтобы понять, почему его следует обособлять при классификации денежных форм в национальной платежной системе. Российская национальная цифровая валюта обладает специфическими характеристиками, четко отличающими ее от иных денежных средств в обращении. Для цифрового рубля характерна валюта Российской

Федерации, он обращается только через специальную платформу, для него создан отдельный банковский счет, он не подлежит размещению на вкладах и кредитованию, также на него не могут начислять проценты. В то же время стоит отметить, что цифровой рубль нельзя отождествлять с цифровой валютой в понимании закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. В рамках вышеупомянутого закона у цифровой валюты отсутствует должник по обязательству, также она не соответствует статусу международной расчетной единицы, то есть обращение с цифровым рублем и цифровой валютой подчиняется различным нормативным актам [9].

По сути, ключевым отличием цифрового рубля от безналичных средств на счетах кредитных организаций остается статус обязанного лица – Банк России. Научная дискуссия о денежной природе безналичных средств на банковских счетах продолжается, но в отношении цифрового рубля сомнений нет: он полноценно квалифицируется как деньги. Важно отметить, что законодательство избегает термина «эмиссия» для операций по его созданию – часть 2 статьи 7.1 Федерального закона «О национальной платежной системе» говорит об увеличении остатка на счете цифрового рубля [3]. По сути, Банк России осуществляет конвертацию безналичных или электронных денежных средств в цифровые рубли, без возможности прямого обмена с наличными. Хотя в финальной редакции Федерального закона № 340-ФЗ прямого запрета на выдачу наличных нет, из положений части 2 и пункта 1 части 23 статьи 7.1 Федерального закона «О национальной платежной системе» следует, что цифровые рубли переводятся лишь на банковские счета или в электронные средства, исключая наличный оборот без промежуточного этапа [4].

Запрет на вклады, кредитование счетов и начисление процентов выводит цифровой рубль за рамки финансового мультипликатора: его появление не расширяет денежную массу сверх существующего объема. Законодательное словосочетание «увеличение остатка» вполне обосновано, хотя в научных материалах термин «эмиссия» все равно будет применяться для описания фиксации единиц на платформе. Именно поэтому Председатель Банка России назвала цифровой рубль дополнительной формой валюты – она не автономна, а тесно связана с безналичными средствами банков. По структуре регулирования этот механизм напоминает электронные денежные средства: их оператор (кредитная организация) тоже конвертирует клиентские средства без создания «из воздуха», без процентов и кредитов, не увеличивая массу денег. Различия существенны: по электронным средствам обязанным выступает частный субъект, учет ведется без открытия счета через записи обязательств, а переводы возможны наличными для физических лиц [10].

Благоприятно, что счет цифрового рубля признан банковским, что усиливает защиту пользователей платформы, хотя изначальный законопроект № 270838–8 предполагал «цифровые счета (кошельки)» вне этой категории. Отказ от термина «кошелек» логичен, но в практике он приживется. Что касается функций, цифровой рубль исполняет роль средства платежа, но и накопления тоже – не через проценты, а через возможность хранения для будущих нужд, подобно наличным или средствам на расчетных счетах без договорных процентов [9]. Вклады – отдельный случай с начислениями.

Основные отличия цифрового рубля от безналичных денежных средств приведены в таблице 1.

Таблица 1. Отличия цифрового рубля от безналичных денежных средств [9]

Критерий сравнения	Цифровой рубль	Безналичные денежные средства, учтенные на счетах (во вкладах) в кредитных организациях
Обязанное лицо	Банк России	Кредитная организация
Учет	Счет цифрового рубля (вид банковского счета)	Счета (вклады) в кредитной организации
Начисление процентов на остатки	Не начисляются	Могут начисляться
Возможность выдачи кредитов	Нельзя	Можно
Возможность проводить платежи в офлайн-режиме	Можно	Нельзя

Банк России реализует эмиссию цифрового рубля, позиционируя его в качестве дополнительной формы национальной валюты параллельно с наличными и безналичными рублями. Данная концепция Банка России обрела всеобщее признание, что способствовало закреп-

плению за цифровым рублем статуса третьей формы валюты. На конференции в рамках X Московского юридического форума сотрудники юридического департамента Банка России сообщили, что формулировка была дополнена сноской с уточнением: термин «форма денег» употребляется исключительно в экономическом аспекте. Следовательно, обнаруживается существенное расхождение между экономическим и юридическим подходами к проблематике [9].

В докладе Банка России «Концепция цифрового рубля» подчеркивается, что этот инструмент будет создан центральным эмитентом, дополнив наличные и безналичные варианты национальной валюты [10]. Именно такое позиционирование сделало устоявшимся термин «третья форма рубля». Стоит обратить внимание на уточнение, сделанное представителями юридического блока Банка России во время обсуждения на X Московском юридическом форуме: они настояли на примечании, где подчеркивается экономический, а не строго правовой характер термина «форма денег».

Это создает заметное расхождение между экономической трактовкой и юридической нормой. В действующем правовом поле России понятие «форма денег» вообще не фигурирует: в законах о национальной платежной системе и о Банке России говорится лишь о видах безналичных операций, а Гражданский кодекс Российской Федерации оперирует термином «безналичные денежные средства». Поправки в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо приравнивали цифровые рубли к этой категории. Фактически отсутствие физического воплощения отличает их от наличных банкнот и монет, что позволяет избежать лишних сложностей.

Признав цифровой рубль разновидностью безналичных средств и его счет – специальным банковским инструментом, регулятор упростил интеграцию в существующую систему. Теперь цифровые рубли попадают под общую категорию средств на счетах и вкладах, а операции с ними – под стандартные безналичные расчеты. С практической стороны это оптимальный выбор.

Однако Банк России в своих материалах иногда дистанцирует цифровой рубль от традиционных безналичных средств. В разъяснении от весны 2023 года на официальном сайте говорится о нем как о дополнении к двум привычным видам рубля. Аналогичную позицию озвучили на совещании в правительстве Президент, глава Банка России и ее заместители, подчеркивая дополнительный характер новой формы. Директор по платежным системам добавила, что выпуск продолжается параллельно с существующими вариантами, без намерения их вытеснять [9].

Из этих высказываний следует: цифровая форма рублей принципиально отличается от безналичной. Но такая логика не полностью согласуется с нормой Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Уже сейчас заметна терминологическая неопределенность, которая может усилиться в научных дискуссиях. Банкиры из Ассоциации российских банков даже запросили у Банка России четкое определение: третья ли это форма или просто безналичный актив.

По сути, цифровой рубль сочетает оба аспекта. Проблема была установление на этапе эволюции термина «безналичные средства»: раньше он строго обозначал записи на счетах кредитных организаций, а после обновлений в Гражданском кодексе Российской Федерации стал шире, явно включая цифровые рубли. Законодатель ввел общую группу для всех средств на счетах (с цифровыми включительно), но не уточнил, как называть «классику» без них.

В итоге термин теперь двойственен: в широком смысле – все средства на счетах и вкладах; в узком – только традиционные, без цифрового компонента. Именно так его и трактует представитель Банка России. Такое разделение помогает четко разводить цифровой рубль как самостоятельный объект от обычных безналичных записей на счетах банков. Цифровой рубль изначально задумывался как инновация в обращении валюты, и практика это подтверждает: его эмиссия и движение сильно отличаются от стандартных безналичных средств. По внешнему выражению, обязательствам и нормам регулирования он действительно формирует третью категорию денег.

Закключение

Таким образом, анализ правового статуса цифрового рубля выявляет его уникальное положение в российской платежной системе как дополнительной формы национальной валюты, сочетающей признаки безналичных денежных средств и самостоятельного инструмента обращения. Несмотря на терминологические расхождения между экономическим видением Банка России и нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (статья 128, с изменениями по Федеральному закону № 339-ФЗ), а также Федеральным законом «О национальной платежной системе» (статья 7.1), цифровой рубль четко обособляется спецификой эмиссии, платформенного оборота и отсутствием мульт-

типликативных механизмов, что отличает его от традиционных безналичных и электронных средств.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026).
3. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025).
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 N 340-ФЗ (последняя редакция).
5. Федеральный закон от 31.07.2025 N 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 27.10.2025 N 399-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
7. Положение Центрального Банка Российской Федерации «О платформе цифрового рубля». 2023. С. 6.
8. Стандарт платформы цифрового рубля «Требования и рекомендации к пользовательским интерфейсам при совершении операций с цифровым рублем» (версия 4.0) (утв. Банком России) (документ не вступил в силу).
9. Ситник А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2023. С. 23.
10. Доклад Банка России. Концепция цифрового рубля. 2021. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 31.01.2026).

BANK OF RUSSIA AS THE OPERATOR OF THE DIGITAL RUBLE PLATFORM: SCOPE OF POWERS AND LEGAL LIABILITY

Koryakina V.K.

The article examines the legal status of the digital ruble within the national payment system of the Russian Federation and the role of the Bank of Russia as the platform operator. It shows that public explanations released in 2023 often describe the digital ruble as an additional form of the national currency alongside cash and non-cash rubles. At the same time, amendments introduced by Federal Law No. 339-FZ classify digital rubles in civil legislation as non-cash funds, while the law on the national payment system links their circulation to accounting on a special account and to balance-increase operations without classical issuance. The article highlights features distinguishing the digital ruble from funds held with credit institutions and from electronic money: the liable entity is the Bank of Russia, circulation is platform-based, deposits, lending and interest accrual are prohibited, and direct conversion into cash is not available.

Keywords: Central Bank of the Russian Federation; digital ruble; national payment system; non-cash funds; legal status; legal liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law No. 51-FZ dated 30 November 1994 (as amended on 31 July 2025; with amendments dated 25 November 2025; as revised and supplemented; effective from 1 August 2025).
2. Federal Law No. 115-FZ dated 7 August 2001 On Counteracting the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism (as amended on 29 December 2025; as revised and supplemented; effective from 9 January 2026).
3. Federal Law No. 161-FZ dated 27 June 2011 On the National Payment System (as amended on 23 May 2025; as revised and supplemented; effective from 1 October 2025).
4. Federal Law No. 340-FZ dated 24 July 2023 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (latest version).
5. Federal Law No. 339-FZ dated 31 July 2025 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.
6. Federal Law No. 399-FZ dated 27 October 2025 On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.
7. Regulation of the Central Bank of the Russian Federation On the Digital Ruble Platform. 2023. P. 6.
8. Digital Ruble Platform Standard Requirements and Recommendations for User Interfaces in Digital Ruble Transactions (Version 4.0), approved by the Bank of Russia (document not yet in force).
9. Sitnik, A.A. The Digital Ruble as an Object of Financial Law Regulation. Financial Law, 2023, p. 23.
10. Bank of Russia Report. The Digital Ruble Concept. 2021. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (accessed: 31.01.2026).

Предпосылки признания конституционно-правового статуса нерожденного ребенка в странах романо-германской правовой семьи

Кособоков Андрей Львович,

советник отдела развития наднациональных институтов
в ЕАЭС Департамента евразийской интеграции
Минэкономразвития России
E-mail: andreykos98@mail.ru

Завершение Второй мировой войны, ознаменовавшейся беспрецедентным уровнем жестокости и пренебрежением к человеческой жизни, стало точкой отсчета современного дискурса прав человека. В этот период на площадке Организации объединенных наций, ставшей основной новой архитектуры мировой безопасности, был принят ряд документов, направленных на защиту наиболее уязвимых категорий населения, таких как военнопленные, гражданское население в условиях вооруженных конфликтов, беженцы, заключенные, дети, женщины, апатриды. Кроме того, были приняты ключевые документы, заложившие основу современного статуса личности в целом – Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и экономических правах, а также факультативные протоколы к указанным пактам, вместе составляющие Международный билль о правах человека.

Тем не менее, и в середине 20 века, и сегодня не существует консенсуса относительно самого понятия «человек». Ряд влиятельных общественных и религиозных групп, обычно объединяемые термином «pro-life», настаивают, что указанный термин включает в себя человеческое существо на всех стадиях его развития, включая родовую. В связи с этим возникла концепция так называемых пренатальных прав, то есть прав, принадлежащих эмбрионам и плодам.

В данной статье на основе гражданского, уголовного и медицинского законодательства стран континентальной правовой семьи исследуются предпосылки наделения нерожденных детей самостоятельным конституционно-правовым статусом.

Ключевые слова: пренатальные права, правосубъектность, правовой статус личности, эмбрион *in vitro*, nasciturus,

Введение

Сегодня исследования правового статуса эмбрионов и плодов¹ становятся все более актуальными в мире в свете принятия Верховным Судом решения по делу *Dobbs v. Jackson*², которое гласит, что положения Конституции США не предусматривают расширительного толкования права на неприкосновенность частной жизни в контексте признания права на аборт его составной частью. Де-факто оно открыло возможность полного запрета абортов в любом из штатов, в котором идея о наличии у nasciturus прав до рождения имеет значительный общественный и политический вес.

В целом можно отметить, что на данный момент США являются государством, где идея о возникновении человеческой личности до рождения имеет наибольшую поддержку.

Так, на данный момент в подавляющем большинстве штатов имеется уголовное законодательство, предусматривающее составы преступлений непосредственно против нерожденных детей; на федеральном уровне в 2004 году принят *Unborn victims of violence act*³, предусматривающий уголовные наказания за федеральные преступления, в ходе которых пострадали эмбрионы и плоды; в гражданском праве большинства штатов существует иск, позволяющий подать требование о компенсации ущерба от имени погибшего плода⁴. Кроме того, не стоит забывать и об упомянутом решении *Dobbs v. Jackson*, значение и масштаб последствий которого на данный момент все еще сложно оценить.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что полного уравнивания в правах рожденного человека и нерожденного ребенка не произошло ни в одной юрисдикции на уровне штатов и подобный вопрос пока даже не стоит на повестке. На наш взгляд, в свете подобных изменений американского законодательства и правоприменительных подходов можно говорить скорее об усилении тенденции на закрепление и дальнейшее повышение самостоятельного правового статуса nasciturus.

Однако в странах континентального права, несмотря на близость культурных и этических предпосылок, из которых исходят правовые системы европейских стран и обеих Америк, дискуссия о правах нерожденного ребенка хотя и получила определенное развитие, но, тем не менее, значительно меньшее, чем в США.

В отличие от США, правовое регулирование правового статуса nasciturus в странах романо-германской правовой семьи, напротив, традиционно исходит из старого римского принципа, согласно которому приобретение прав увязывается с рождением ребенка. При этом стоит отметить, что существуют отдельные правовые нормы, относящиеся к регулированию статуса эмбрионов и плодов. Например, в конституциях ряда стран, таких как Словакия, Венгрия, Эквадор, Чили, существуют положения о признании ценности жизни еще до рождения⁵. Кроме того, часть стран достаточно сильно ограничивает возможность абортов по желанию (Польша, Андорра, ряд стран Центральной и Южной Америки)⁶, ряд государств позволяет назначать в судебном порядке представителей интересов нерожденного ребенка (Колумбия, Аргентина, Перу)⁷, а также назначать различные ограничения для беременных женщин, склонных к употреблению наркотиков (Норвегия)⁸.

¹ Стоит оговориться, что в медицине термины «эмбрион» и «плод» применяются к различным стадиям развития человеческого организма – до конца восьмой недели беременности и с начала девятой недели соответственно. В данной работе также используются термины «нерожденный ребенок» и «nasciturus» как охватывающие обе стадии развития.

² *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* 597 U.S. 215 (2022).

³ The Unborn Victims of Violent Act 2004 (Public Law 108–212), S. 1841.

⁴ см. иски *Wrongful Death*.

⁵ См. Например, ч. 1 ст. 15 Конституции Словацкой Республики // URL: <http://gov.h1n.ru/wp-content/uploads/2022/07/slovakia.pdf> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

⁶ URL: <https://reproductiverights.org/maps/worlds-abortion-laws/> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

⁷ Mark H. Bonner and Jennifer A. Sheriff. A Child Needs a Champion: Guardian Ad Litem Representation for Prenatal Children // *Wm. & Mary J. Women & L.* 2013. C. 522–523.

⁸ URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2011-06-24-30/KAPITTEL_10#§10-3 (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

Вместе с тем указанные нормы носят по большей части декларативный и фрагментарный характер, и большая их часть существует для регулирования поведения уже родившихся людей.

Однако в связи с упомянутой культурной и этической близостью можно предположить, что страны романо-германского права также, как и США имеют потенциал повышения правового статуса нерожденного ребенка. Цель исследования – ответить на вопрос, какие юридические предпосылки для изменения статуса нерожденных детей на данный момент существуют в широком круге континентальных юрисдикций, причем речь идет о самом высоком, конституционно-правовом статусе, являющимся основой для комплексного регулирования положения субъекта права в государстве.

Для этого в рамках настоящей работы планируется проанализировать несколько отраслей законодательства, обладающих наиболее подходящим для исследования правовым материалом (гражданское, уголовное и медицинское) и охватывающих подавляющую часть потенциальных прав и интересов нерожденного ребенка, которые в перспективе должны войти в ядро его конституционно-правового статуса.

Основная часть

Гражданско-правовые предпосылки

Появление и широкое распространение экстракорпорального оплодотворения в конце прошлого века привели к возникновению новых видов гражданских сделок – договоров на оказание услуг ЭКО, договоров о хранении замороженных эмбрионов и соглашений о порядке распоряжения ими. В то время как законодательство США в этом плане отличается пестротой (ряд американских судов признали замороженные эмбрионы совместной собственностью супругов¹, но некоторые штаты и вовсе признали эмбрионы человеческой личностью²), в странах романо-германской правовой семьи, в том числе и в России, до сих пор идут дискуссии о гражданско-правовой сущности эмбриона.

Связано это, прежде всего, с тем, что в большинстве континентальных юрисдикций нерожденный ребенок, являясь носителем жизни, не признан ни личностью, ни вещью.

Тот факт, что человеческий эмбрион является носителем жизни, нашел отражение и в судебной практике Европейского суда по правам человека. В деле *Parrillo v. Italy*³ суд подчеркнул, что жизнь нерожденного человека по своей сути ничем не отличается от жизни уже родившегося, поэтому к человеческим эмбрионам при любых обстоятельствах следует относиться с должным уважением к человеческому достоинству. На этих же посылах основывается и статья 18 Европейской конвенции о правах человека и биомедицине⁴, запрещающая создание эмбрионов в исследовательских целях, а также обязывающая относиться к эмбриону как к обладающему человеческим достоинством.

Российское законодательство также не считает эмбрионы *in vitro* вещью, однако согласно Закону РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и тканей человека» относит их к категории «органы, их части и ткани, имеющие отношение к воспроизводству человека»⁵. Как известно, подавляющее число государств строго запрещает сделки, предметом которых являются органы и ткани человека.

Несомненно, при создании, хранении, передаче эмбрионов присутствуют некие элементы вещных прав – например, законодательство большинства европейских стран дает возможность мужчине и женщине распоряжаться не использованными в процедуре ЭКО эмбрионами, в том числе уничтожить их, пожертвовать науке или другим людям, не способным зачать собственного ребенка. Тем не менее, в силу упомянутых этических причин страны континентального права устанавливают для них специальный правовой режим.

Во Франции, например, нормы об объектах гражданских прав расположены в книге II Гражданского кодекса – «Имущества и различные изменения права собственности». В то же время в соответствии со статьей 16–1 книги I «О лицах» тело человека, его элементы и продукты жизнедеятельности не могут быть предметом права собственности⁶. ФГК не дает однозначного ответа на вопрос, чем является эмбрион

с точки зрения гражданского права, в связи с чем продолжаются дискуссии о его принадлежности к той или иной категории⁷.

Несомненно, большое число гражданских кодексов стран романо-германского права были приняты значительно раньше, чем технологии, позволяющие получить эмбрион вне женского тела, приобрели широкое распространение, однако, на наш взгляд, тот факт, что до сих пор в их законодательство не внесены соответствующие изменения, не является случайным. Некая «недосказанность» законодателей в отношении нерожденных детей позволяет не накалять градус общественно-политической дискуссии о начале жизни.

Вместе с тем все больше стран принимают отдельные законодательства о защите эмбрионов. Так, подобные законы приняты в Германии, Бельгии, Италии, Нидерландах⁸, а также в ряде других стран. Во Франции подобные нормы были выделены в отдельную главу УК. Возникло такое законодательство по вполне очевидным причинам: научный скачок позволил получить инструментарий для практически неограниченного воздействия на плоды и эмбрионы, в том числе по созданию химер и клонов. Такое вмешательство в геном в перспективе поставило бы под угрозу существование человечества, саму жизнь как явление, в связи с чем возникла необходимость в разработке защитных механизмов. Однако целью было не только обеспечение безопасности, но и защита достоинства человеческой жизни, заключенной в эмбрионах. Так, немало положений указанных законов посвящено функционированию этических комиссий, принимающих решения по чувствительным вопросам исследований на эмбрионах.

При этом анализ указанных законов показывает, что зародыши рассматриваются в них скорее в качестве особого объекта гражданского права – устанавливается область их использования (ЭКО и исследования), разрешаются безвозмездные сделки по их передаче. Вместе с тем отметим, что сказанное касается лишь эмбрионов *in vitro*, а вопрос о статусе нерожденного ребенка в утробе матери остается гораздо менее исследованным.

Однако для некоторых юрисдикций специфика положения нерожденных детей стала аргументом для пересмотра их гражданско-правового статуса. Особенно выделяется итальянский закон, прямо признающий эмбрион субъектом права⁹. В этом же русле выдержана и позиция немецкого конституционного суда, признавшего эмбрион «носителем прав»¹⁰. В этой связи в немецком праве исследования правовой сущности нерожденных детей ведутся не о самой возможности признания за ними статуса субъектов права, а об отличиях статуса рожденных и нерожденных. Причем стоит отметить, что речь идет не только об эмбрионах *in vitro*, но и о nasciturусах. В этой связи интересна позиция одного из ведущих немецких юристов Йорга Нойнера, который отмечает, что nasciturus уже обладает рядом прав и защищен законом¹¹, хотя традиционно считается, что они обладают условной правоспособностью, то есть считаются живыми для ситуаций, когда это в их интересе, но в случае смерти считается, что плод никогда не существовал.

Континентальное законодательство содержит и иные нормы, прямо подчеркивающие человеческое естество внутриутробной жизни. Так, в большинстве стран Европы доступна регистрация смерти для мертворожденных детей как акта гражданского состояния, несмотря на то что с точки зрения континентальной традиции они не успели стать субъектами права.

В Бельгии возможность регистрации закреплена в Гражданском Кодексе, однако большинство европейских государств, таких как Австрия, Испания, Германия, Швейцария, Италия и другие страны, в том числе и Россия, урегулировали данный вопрос в отдельных законах о регистрации актов гражданского состояния¹².

Указанные юрисдикции имеют различия относительно стадии развития ребенка, на которой доступна такая регистрация, но главным является тот факт, что в данной сфере правового регулирования за-

¹ См. Например. Решение Апелляционного суда Миссури по делу *McQueen v. Gadberry* // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/mo-court-of-appeals/1754542.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

² URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/us-state-court-rules-embryos-can-be-considered-children/7497090.html> (Дата обращения: 9 февраля 2026 года).

³ URL: <https://www.echr.coe.int/w/parrillo-v.-italy-no.-46470/11-> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

⁴ URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

⁵ Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 29 ноября 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 г.)

⁶ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006419293 (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

⁷ URL: <https://www.revuegeneraledudroit.eu/blog/2015/04/21/vers-un-genre-juridique-commun-a-lanimal-lembrion-et-le-cadavre/> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

⁸ См. Например, немецкий *Embryonenschutzgesetz* // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

⁹ URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.presidente.della.repubblica:2004;40-art12?vig-> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

¹⁰ URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv088203.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

¹¹ Нойнер.Общая часть гражданского права. 13-ое издание. С.124–125// С.Н/ Векс.Мюнхен. 2023.

¹² См. Например. ст. 20 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.11.1997, N 47, ст. 5340.

кон определенно относится к такому ребенку как к человеку, пусть и мертвому.

Кроме того, необходимо сказать, что многие страны (Германия, Австрия, Ирландия, Нидерланды, Италия, Франция, Эстония и др.) не просто допускают такую регистрацию, но и закрепляют за родителями право дать мертворожденному ребенку имя, которое вносится в официальную документацию. Отметим, что право на имя является одним из фундаментальных прав личности.

Согласно параграфу 9 главы 2 эстонского закона об именах по желанию родителей мертворожденный ребенок получает имя, причем в силу общих положений указанного закона имя должно соответствовать нормам морали, полу ребенка и благозвучности в эстонском языке¹.

В этой связи не является удивительным, что организации, выступающие за права женщин, зачастую скептически относятся к регистрации мертворожденных. Так, после реформы этой процедуры во Франции в 2008 году, в результате которой был отменен порог жизнеспособности для регистрации, развилась общественная дискуссия о влиянии этого решения на право на аборт².

Подводя итог, в целом можно сказать, что континентальное гражданское на данный момент стоит на достаточно ранней стадии дискуссии о пренатальных правах, все еще не урегулировав в достаточной степени основы гражданско-правового статуса нерожденных детей. Вместе с тем учтенные в законодательстве этические установки и практические потребности общества показывают возможность некоторого отступления от принципа живорождения, и, соответственно, установления как минимум квазисубъектного статуса nasciturus, что в перспективе может привести к признанию за ними по американскому примеру ряда гражданских прав, включая право собственности и право на возмещение ущерба.

Уголовно-правовые предпосылки

В то же время главным правовым благом является человеческая жизнь, и защита указанного блага от посягательств третьих лиц является первоочередной задачей уголовного законодательства, которое является не столь гибким в силу тотального преобладания в нем императивных начал над диспозитивными.

Вместе с тем, хотя в странах романо-германской правовой семьи оно полностью отрицает правосубъектность нерожденного ребенка, большинство кодексов европейских стран содержат ряд составов преступлений, непосредственно затрагивающих вопросы защиты внутриутробной жизни. Одним из таких составов является незаконное производство аборта.

Современное российское уголовное законодательство наследует традиции Уголовного кодекса СССР 1961 года, где незаконное прерывание беременности определенно точно относится к преступлениям против здоровья женщины. Вместе с тем подобное расположение материала не вполне типично для уголовных кодексов стран романо-германского права.

Подробнее ознакомимся со структурой некоторых из них. Например, в Уголовном Кодексе Португалии Титул 1 Особенной части «преступления против личности» (Dos crimes contra as pessoas) сконструирован следующим образом: 1) преступления против жизни 2) преступления против внутриутробной жизни (Dos crimes contra a vida intra-uterina) 3) преступления против физической неприкосновенности³. Точно таким же образом выглядит конструкция в Уголовном Кодексе Испании⁴. Уголовные Кодексы Исландии, Сербии, Хорватии, Словении, Северной Македонии и Венгрии не имеют разделов в главах о преступлении против жизни, однако в главах о преступлениях против жизни и здоровья незаконные аборты находятся до статей о причинении вреда здоровью⁵. Сходным выглядит деление в УК Швейцарии, однако в нем имеется деление на разделы, внутри которых находятся главы. В Титуле 1 «преступления против жизни и здоровья» незаконные аборты находятся во второй главе – между нормами, устанавливающими

уголовную ответственность за причинение смерти и вреда здоровью⁶. В уголовных законах Болгарии⁷ и Германии⁸ незаконные аборты также находятся в разделе о преступлениях против жизни. В Финляндии, Люксембурге и Австрии незаконные аборты не относятся к преступлениям против жизни и здоровья, однако они расположены в кодексе непосредственно за ними⁹.

Стоит отметить, что еще УК РСФСР 1922 года имел вполне типичную для европейского законодательства структуру преступлений против жизни, помещая прерывание беременности как с согласия, так и без согласия матери в раздел «убийство»¹⁰.

На основании изложенного можно констатировать, что в странах романо-германской правовой семьи давно сложился консенсус, что жизнь плода не тождественна жизни его матери. Структура же уголовного законодательства большого количества стран показывает, что внутриутробная жизнь уже является отдельным объектом охраны особого рода, сходным с человеческой жизнью, и явно отражает существующие различия между жизнью человека, жизнью нерожденного ребенка и здоровьем женщины.

Хотя уголовный кодекс нашей страны, как и в ряде некоторых других стран, прямо не называет внутриутробную жизнь самостоятельным объектом правовой охраны, считая незаконные действия третьих лиц, приводящие к прекращению беременности, преступлениями против здоровья, стоит отметить следующее. Признак беременности, в отличие от малолетства, всегда упоминается отдельно от беспомощности, в связи с чем можно сделать вывод, что повышенная защита беременных женщин не вызвана каким-либо уязвимым положением потерпевшей (слабость, невозможность защититься). Беременность на ранних сроках зачастую никак не влияет на повседневную активность будущей матери, однако государство наделяет ее жизнь повышенной правовой охраной от действий лиц, знающих о ее беременности. Единственной недискриминационной причиной в таком случае можно признать лишь наличие потенциальной второй жизни внутри материнского организма, что, в свою очередь, вступает в противоречие с концепцией непризнания внутриутробной жизни.

В связи со сказанным выше можно сделать обоснованный вывод, что признание за нерожденным ребенком особого уголовно-правового статуса, хотя бы и не тождественного статусу человеческой личности, но сходного с ним, не противоречит традициям романо-германского права, а, напротив, соответствует им, способствуя выстраиванию более четкой системы объектов преступлений.

Предпосылки в законодательстве о медицине

Также видится целесообразным дать краткий обзор той области законодательства, которая непосредственно нацелена на регулирование взаимодействия с нерожденными детьми. Речь идет о законодательстве в области медицины в той части, в которой оно устанавливает правила оказания медицинской помощи беременным женщинам. Так, Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 октября 2020 г. N 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»¹¹ описывает в том числе ряд заболеваний плода и устанавливает медицинские показания для проведения фетальных хирургических вмешательств. Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, в качестве метода лечения гидронефроза почек плода устанавливает антенатальные функциональные методики для обеспечения оттока жидкости с последующим дренированием при состояниях, угрожающих жизни плода¹².

Нельзя не заметить, что указанные нормативные правовые акты де-факто позволяют определить плод в качестве самостоятельного объекта воздействия, перечисляя список потенциальных заболеваний, как у полноценного пациента, а также признавая за ним наличие жизни

⁶ URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/en (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

⁷ URL: <https://www.parliament.bg/bills/42/402-01-8.pdf> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

⁸ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html> (дата обращения: 10 мая 2025 г.).

⁹ Strafgesetzbuch – StGB, 1974 (BGBl. Nr. 60/1974). Zweiter Abschnitt. Schwangerschaftsabbruch (§§ 96–98) // URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).

¹⁰ УК РСФСР 1922 г. «УК РСФСР», 1922, N 15, ст. 153.

¹¹ Приказ Минздрава России от 20.10.2020 N 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»// СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

¹² Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 N 2353 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

¹ URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/521012019008/consolide> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

² URL: <https://fsspx.news/en/news/france-la-cour-cassation-restores-life-fetus-9929> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

³ Código Penal // <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/decreto-lei/1995-34437675.Decreto-Lei № 48/95 Capítulo II. Dos crimes contra a vida intra-uterina. Artigo 140.Aborto>

⁴ Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal. Título II. Del aborto. // URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444> (дата обращения: 9 февраля 2026 года г.).

⁵ Напр. Статья 132 УК Словении //URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO5050> (дата обращения: 9 февраля 2026 года г.).

уже на дородовой стадии. Этим замечаниям добавляет веса и то, что язык законодательства сложно назвать ценностно нагруженным, потому что имеется неоспоримый факт: врач взаимодействует с отдельным существом, имеющим человеческое строение тела, человеческую систему органов и человеческие заболевания.

Кроме того, необходимо упомянуть и вызовах, которые ставит перед правом развитие фетальной хирургии. Существует ряд медицинских вмешательств, во время которых брюшная стенка беременной женщины рассекается и плод, являющийся объектом операции, буквально появляется на свет. Возникает непростой вопрос, чем этот ребенок отличается от уже родившегося, а ведь от ответа на него зависит, насколько обоснованными являются действующие критерии приобретения правоспособности.

Заключение

В целом можно сказать, что в настоящее время в странах континентального права законодательство, регулирующее статус нерожденного ребенка с субъектных позиций, практически отсутствует, и его зачатки чаще всего можно увидеть в тех случаях, когда возникают правоотношения относительно связанных с беременностью и родами правовых благ между уже родившимися людьми.

Однако обращение к правовым основам романо-германского права, прочно закрепившимся в структуре современного законодательства европейских и иных стран, а также анализ самих существующих (пусть и в не очень большом количестве) фрагментарных правовых норм, явно свидетельствуют о наличии у насцистуров более высокого правового статуса, чем обычно принято считать.

И хотя на данный момент в большинстве континентальных юрисдикций нерожденные дети не признаны носителями прав, в том числе на собственность, здоровье, медицинскую помощь, защиту от внешних посягательств, что укладывается в границы принципа о появлении прав человека с рождения, результаты исследования показывают, что существующая юридическая база стран романо-германского права в ряде случаев позволяет пересмотреть эту «красную линию» и в перспективе на конституционном уровне приблизить правовое положение нерожденного ребенка к статусу личности.

Литература

1. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 24.11.1997, N 47, ст. 5340
2. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 29 ноября 2007 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 г.)
3. Постановление Правительства РФ от 28.12.2023 N 2353 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
4. Приказ Минздрава России от 20.10.2020 N 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 Г. «СУ РСФСР», 1922, N 15, ст. 153.
6. Европейская конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 года // URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
7. Закон ФРГ о защите эмбрионов // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
8. Закон Эстонской Республики об именах от 15 декабря 2004 г. // <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/521012019008/consolide> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
9. Уголовный кодекс Португалии // <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/decreto-lei/1995-34437675.Decreto-Lei № 48/95>
10. Уголовный кодекс Испании // URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444> (дата обращения: 9 февраля 2026 года г.).
11. Уголовный кодекс Словении // URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pre-gledPredpisa?id=ZAKO5050> (дата обращения: 9 февраля 2026 года г.).
12. Уголовный кодекс Швейцарии // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/en (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
13. Уголовный кодекс Болгарии // URL: https://www.parliament.bg/bills/42/402-01_8.pdf (дата обращения: 9 февраля 2026 года).
14. Уголовный кодекс ФРГ // <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html> (дата обращения: 10 мая 2025 г.).
15. Уголовный кодекс Австрии // URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
16. Французский гражданский кодекс // URL: https://www.legi-france.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006419293 (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
17. The Unborn Victims of Violent Act 2004 (Public Law 108–212)), S. 1841.
18. Решение Апелляционного суда Миссури по делу McQueen v. Gadberry // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/mo-court-of-appeals/1754542.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).
19. Решение ЕСПЧ по делу Парилло против Италии // <https://www.echr.coe.int/w/parillo-v.-italy-no.-46470/11-> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
20. Решение Верховного суда США по делу Dobbs v. Jackson Women's Health Organization) 597 U.S. 215 (2022).
21. Нойнер.Общая часть гражданского права. 13-ое издание. C.124–125// С.Н/ Beck.Мюнхен. 2023.
22. Mark H. Bonner and Jennifer A. Sheriff. A Child Needs a Champion: Guardian Ad Litem Representation for Prenatal Children // Wm. & Mary J. Women & L. 2013. С. 522–523.
23. URL: <https://reproductiverights.org/maps/worlds-abortion-laws/> (дата обращения: 9 февраля 2026 года).
24. URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/us-state-court-rules-embryos-can-be-considered-children/7497090.html> (Дата обращения: 9 февраля 2026 года).
25. URL: <https://www.revuegeneraledudroit.eu/blog/2015/04/21/vers-un-genre-juridique-commun-a-lanimal-lembrion-et-le-cadavre/> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
26. URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv088203.html> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
27. URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.presidente.della.repubblica:2004;40-art12!vig=> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)
28. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2011-06-24-30/KAPITTEL_10#§_10-3(дата обращения: 9 февраля 2026 года).
29. URL: <https://fspx.news/en/news/france-la-cour-cassation-restores-life-fetus-9929> (дата обращения: 9 февраля 2026 года)

PREREQUISITES FOR RECOGNIZING THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE UNBORN CHILD IN COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY

Kosobokov A.L.

Department of Eurasian Integration of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

The end of World War II, marked by unprecedented levels of cruelty and disregard for human life, became the starting point for modern human rights discourse. During this period, the United Nations, which became the foundation of the new global security architecture, adopted a number of documents aimed at protecting the most vulnerable categories of the population, such as prisoners of war, civilians in armed conflict, refugees, prisoners, children, women, and stateless persons. Furthermore, key documents were adopted that laid the foundation for the modern status of the individual as a whole: the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the International Covenant on Civil and Economic Rights, and the Optional Protocols to these covenants, which together constitute the International Bill of Human Rights. Nevertheless, both in the mid-20th century and today, there is no consensus on the very concept of “human being.” A number of influential social and religious groups, commonly referred to as “pro-life,” insist that this term encompasses human beings at all stages of development, including prenatal. This has given rise to the concept of so-called prenatal rights, that is, the rights belonging to embryos and fetuses. This article examines the prerequisites for granting unborn children independent constitutional and legal status, drawing on the civil, criminal, and medical legislation of continental European countries.

Keywords: prenatal rights, legal personality, legal status of the individual, in vitro embryo, nasciturus

References

1. Federal Law “On Acts of Civil Status” of 11/15/1997 N 143-FZ // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 11/24/1997, N 47, art. 5340
2. Law of the Russian Federation of December 22, 1992 No. 4180–1 “On the Transplantation of Human Organs and (or) Tissues” (as amended on November 29, 2007) // SPS “ConsultantPlus” (date of access: February 9, 2026)
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 28, 2023 No. 2353 “On the Program of State Guarantees for the Provision of Free Medical Care to Citizens for 2024 and for the Planning Period of 2025 and 2026” // SPS “Consultant Plus” (date of access: February 9, 2026)
4. Order of the Ministry of Health of Russia dated October 20, 2020 No. 1130n “On Approval of the Procedure for the Provision of Medical Care in the Profile of “Obstetrics and Gynecology” // SPS “Consultant Plus” (date (accessed: 9 February 2026)
5. Criminal Code of the RSFSR of 1922 (SU RSFSR), 1922, N 15, Art. 153.

6. European Convention on Human Rights and Biomedicine of 4 April 1997 // URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (accessed: 9 February 2026)
7. Embryo Protection Act of the Federal Republic of Germany // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html> (accessed: 9 February 2026)
8. Names Act of the Republic of Estonia of 15 December 2004 // <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/521012019008/consolide> (accessed: 9 February 2026)
9. Penal Code of Portugal // <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/decreto-lei/1995-34437675>. Decreto-Lei No. 48/95
10. Penal Code of Spain // URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444> (date of access: 9 February 2026).
11. Criminal Code of Slovenia // URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO5050> (date of access: 9 February 2026).
12. Criminal Code of Switzerland // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/en (date of access: (Accessed on February 9, 2026)
13. Criminal Code of Bulgaria // URL: <https://www.parliament.bg/bills/42/402-018.pdf> (Accessed on February 9, 2026).
14. Criminal Code of the Federal Republic of Germany // <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/index.html> (Accessed on May 10, 2025).
15. Criminal Code of Austria // URL: <https://www.jusline.at/gesetz/stgb> (Accessed on February 9, 2026)
16. French Civil Code // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIA-RTI000006419293 (Accessed on February 9, 2026)
17. The Unborn Victims of Violent Act 2004 (Public Law 108-212), S. 1841.
18. Missouri Court of Appeals in McQueen v. Gadberry // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/mo-court-of-appeals/1754542.html> (date of access: February 9, 2026).
19. ECHR decision in Parillo v. Italy // <https://www.echr.coe.int/w/parillo-v.-italy-no.-46470/11-> (date of access: February 9, 2026)
20. US Supreme Court decision in Dobbs v. Jackson Women's Health Organization) 597 U.S. 215 (2022).
21. Neuner. General Part of Civil Law. 13th edition. pp. 124–125// S.H./ Beck. Munich. 2023.
22. Mark H. Bonner and Jennifer A. Sheriff. "A Child Needs a Champion: Guardian Ad Litem Representation for Prenatal Children" // Wm. & Mary J. Women & L. 2013. pp. 522–523.
23. URL: <https://reproductiverights.org/maps/worlds-abortion-laws/> (Accessed February 9, 2026).
24. URL: <https://learningenglish.voanews.com/a/us-state-court-rules-embryos-can-be-considered-children/7497090.html> (Accessed February 9, 2026).
25. URL: <https://www.revuegeneraledudroit.eu/blog/2015/04/21/vers-un-genre-juridique-commun-a-lanimal-lembryon-et-le-cadavre/> (Accessed: 9 February 2026)
26. URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv088203.html> (Accessed: 9 February 2026)
27. URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.presidente.della.repubblica:2004/40-art12!vig=> (Accessed: 9 February 2026)
28. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2011-06-24-30/KAPITTEL_10#S_10-3 (Accessed: February 9, 2026).
29. URL: <https://fspx.news/en/news/france-la-cour-cassation-restores-life-fetus-9929> (Accessed: February 9, 2026)

Современное состояние и перспективы развития правового обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации

Майданевич Юлия Петровна,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры
«Государственное и муниципальное управление», ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»
E-mail: maidanevich@rambler.ru

В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления правовое обеспечение энергетической безопасности приобретает значение конституционно значимой функции государства. В статье на основе анализа новейшего законодательства (2025–2026 гг.) и доктринальных источников исследуется современное состояние системы правового регулирования в сфере защиты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России. Рассматриваются эволюция стратегического планирования (Доктрина энергетической безопасности, Энергетическая стратегия-2050), а также ключевые изменения специального законодательства о безопасности объектов ТЭК и электроэнергетики. Особое внимание уделяется введению правовых режимов функционирования энергетики в условиях чрезвычайных ситуаций, военного положения и мобилизации. Выявлены системные проблемы правового регулирования: отсутствие легальной дефиниции «энергетический суверенитет», дисбаланс в защите от физических и киберугроз, «кризис несогласованных требований» со стороны контролирующих органов, кадровый дефицит и коллизии земельного и градостроительного законодательства. Сформулированы предложения по совершенствованию правового механизма, включая необходимость системной конвергенции различных видов безопасности и гармонизации ведомственных нормативных требований на основе риск-ориентированного подхода.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, топливно-энергетический комплекс, правовое регулирование, энергетический суверенитет, специальные правовые режимы, безопасность объектов ТЭК, электроэнергетика, критическая инфраструктура.

Введение

Энергетическая безопасность, будучи основополагающим элементом системы национальной безопасности Российской Федерации, в современных условиях требует пересмотра подходов к ее правовому опосредованию. Наличие крупнейшего в мире топливно-энергетического комплекса (ТЭК), включающего Единую систему газоснабжения, Единую энергосистему России и магистральные нефтепроводы, делает страну уязвимой для широкого спектра угроз: от санкционных ограничений и технологической блокады до попыток физического и кибернетического воздействия на критическую инфраструктуру. Как справедливо отмечает Ю.И. Скуратов, правовое обеспечение функционирования ТЭК в условиях многополярного мира трансформируется из инструмента отраслевого регулирования в фактор обеспечения государственного суверенитета [7, с. 5]. В связи с этим анализ современного состояния нормативной правовой базы, выявление пробелов и определение направлений ее совершенствования представляются исключительно актуальными.

Литературный обзор

Исследование вопросов энергетической безопасности Российской Федерации и их правовое обеспечение сегодня находится в поле зрения как научных исследователей, так и государственных служащих. При этом исследования носят разноплановый характер, так Исследование данных вопросов нашли отражения Ю.И. Скуратов [7] в своем исследовании указывает на необходимость переосмысления устоявшихся подходов правового обеспечения энергетической безопасности и формирования государственного суверенитета [7]; А.П. Назаров [8] указывает на отсутствие легальной дефиниции «энергетический суверенитет» в актах планирования, что порождает правовую неопределенность при реализации государственной политики [8]; В.В. Романова [9] выявляет дисбаланс между усилением мер физической защиты объектов ТЭК и недостаточностью правового регулирования в сфере противодействия киберугрозам, где нормы носят общий характер [9]; О.А. Символоков [6] обращает внимание на системную проблему межведомственной рассогласованности, обозначая ее как «кризис несогласованных нормативно-технических требований», что снижает эффективность правоприменения [6]. Таким образом, при наличии фундаментальных исследований, посвященных отдельным аспектам безопасности в энергетике, комплексный анализ новейших изменений законодательства 2025–2026 годов и системных проблем правового регулирования в их взаимосвязи остается недостаточно разработанным, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель настоящей работы заключается в комплексном юридическом анализе системы правового обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации на современном этапе, выявлении проблемных аспектов и формулировании научно обоснованных предложений по их преодолению.

Материалы и методы

Теоретическую основу исследования составили труды ведущих специалистов в области энергетического права, безопасности и административного права (О.А. Символоков, В.В. Романова, А.П. Назаров и др.). Методологическую основу работы составили общенаучные методы (диалектический, системно-структурный, анализ и синтез) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты

Базовым документом стратегического планирования является Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 [2]. В соответствии с Доктриной под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечиваются необходимый уровень топливо- и энергоснабжения потребителей, а также выполнение экспортных контрактов. Доктрина систематизирует внешние и внутренние вызовы, среди которых особо выделяются сдвиг мировых

энергетических рынков, рост доли сжиженного природного газа (СПГ) и форсированная климатическая повестка.

Развитием положений Доктрины стала Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 12 апреля 2025 г. № 908-р) [5]. Стратегия ориентирует отрасль на достижение технологического лидерства и гарантированное удовлетворение внутреннего спроса. Однако, как обосновано указывает А.П. Назаров, данные акты, закладывая основы долгосрочного развития, не оперируют напрямую понятием «энергетический суверенитет», хотя содержательно направлены на его обеспечение [8, с. 9]. Легальная дефиниция данного термина отсутствует, что порождает правовую неопределенность при разграничении полномочий между уровнями публичной власти и оценке эффективности мер по снижению критической зависимости от импорта технологий.

Ключевым системообразующим актом в области защиты критической инфраструктуры выступает Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (ред. от 07.07.2025) [1]. Данный нормативный правовой акт устанавливает правовые и организационные основы предотвращения актов незаконного вмешательства (террористических актов и диверсий) в деятельности объектов ТЭК. Закон предусматривает категорирование объектов, обязательную разработку паспортов безопасности и создание систем физической защиты.

Важным шагом в усилении физической защиты стало развитие института ведомственной охраны. Постановлением Правительства РФ от 23.08.2024 № 1134 [4] утверждены положения, регламентирующие деятельность ведомственной охраны головных организаций ТЭК, включая правила применения специальных средств и отдельных видов ручного стрелкового оружия. Это свидетельствует об определенной милитаризации охранных функций в условиях повышенных диверсионных рисков.

Вместе с тем, как отмечает В.В. Романова, на фоне усиления мер физической защиты наблюдается явный дисбаланс в сфере противодействия киберугрозам [9, с. 25]. Действующие нормы Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (№ 187-ФЗ) носят общий характер и недостаточно учитывают специфику объектов ТЭК, особенно в части защиты автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУ ТП). Отсутствие единого системообразующего акта, аналогичного Закону № 256-ФЗ, но посвященного кибербезопасности, приводит к несогласованности требований.

Федеральным законом от 27.10.2025 № 391-ФЗ [3] в Федеральный закон «Об электроэнергетике» внесены существенные изменения, направленные на обеспечение функционирования отрасли в условиях специальных режимов. Законодатель уточнил понятия «надежность» и «устойчивость» электроэнергетической системы, ввел категорию «систем накопления электрической энергии».

Наиболее значимой новеллой является прямое указание на применение особых правил в условиях мобилизации, военного положения, режима контртеррористической операции и чрезвычайной ситуации. Правительство РФ наделяется полномочиями по определению территорий с особыми условиями применения законодательства и созданию Правительственной комиссии по обеспечению безопасности электроснабжения. Важной особенностью является возможность придания актам Правительства обратной силы (с даты введения спецрежима), что позволяет оперативно реагировать на возникающие угрозы. Данные изменения, по сути, формируют правовой фундамент для управления энергетикой в экстраординарных сценариях.

Несмотря на активное обновление законодательства, современное состояние правового обеспечения энергетической безопасности характеризуется рядом системных проблем.

Во-первых, наблюдается «кризис несогласованных нормативно-технических требований» [6, с. 88]. Различные ведомства (Минэнерго, Ростехнадзор, МЧС, Росгвардия, ФСБ) предъявляют к объектам ТЭК требования в области промышленной, пожарной, физической и анти-террористической безопасности, которые нередко дублируются или противоречат друг другу. Отсутствие единого координационного центра и унифицированных стандартов приводит к росту административной нагрузки на бизнес при сохранении (или даже снижении) реальной защищенности.

Во-вторых, реализация Закона № 256-ФЗ сталкивается с кадровым дефицитом. Эффективность охранных мероприятий снижается из-за отсутствия квалифицированных специалистов, способных работать со сложными техническими средствами (антидроновое оружие, системы видеонаблюдения с элементами искусственного интеллекта). Это провоцирует формальный подход к составлению паспортов безопасности.

В-третьих, введение понятия «зона безопасности объекта ТЭК» и установление особого режима использования земель [1] порождают коллизии с нормами Земельного и Градостроительного кодексов РФ. Отсутствие четкого механизма согласования градостроительных планов с органами безопасности и порядка компенсации убытков правообладателям земельных участков, попадающих в такие зоны, создает почву для правовых споров и препятствует развитию территорий.

В-четвертых, упрощение процедур подтверждения квалификации экспертов в области промышленной безопасности через механизм независимой оценки квалификации при недостаточном контроле несет риски снижения качества экспертиз и, как следствие, повышения аварийности [6, с. 90].

Проведенный анализ позволяет заключить, что правовое обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации находится в стадии активной трансформации: от рамочных стратегических установок государство переходит к созданию конкретных правовых механизмов защиты (включая физическую охрану и особые режимы функционирования) в условиях экстраординарных угроз.

Основными направлениями совершенствования правового регулирования должны стать:

1. Законодательное закрепление понятия «энергетический суверенитет» в актах стратегического планирования или федеральном законе для конкретизации целей и критериев оценки государственной политики.

2. Принятие специализированного закона о кибербезопасности объектов ТЭК (или внесение комплексных изменений в Закон № 256-ФЗ) для устранения дисбаланса в защите от физических и цифровых угроз.

3. Гармонизация ведомственных требований на основе риск-ориентированного подхода путем создания единой межведомственной методики оценки объектов ТЭК.

4. Урегулирование земельно-имущественных отношений, связанных с установлением зон безопасности объектов ТЭК, путем внесения изменений в Земельный и Градостроительный кодексы РФ.

5. Совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для нужд ТЭК с усилением практической составляющей и введением механизмов стимулирования реального, а не формального повышения уровня защищенности объектов.

Решение обозначенных проблем позволит сформировать «опережающую» правовую среду, способную адекватно отвечать на современные вызовы и обеспечивать надежную защиту энергетического суверенитета России.

Заключение

По результатам проведенного исследования было установлено, что в условиях геополитической турбулентности и санкционного давления система правового регулирования претерпевает активную трансформацию, направленную на переход от рамочных стратегических установок, закрепленных в Доктрине энергетической безопасности и Энергетической стратегии-2050, к созданию конкретных правовых механизмов защиты объектов ТЭК и формированию особых режимов функционирования электроэнергетики в экстраординарных ситуациях (военное положение, мобилизация, чрезвычайные ситуации).

Анализ специального законодательства, в первую очередь Федерального закона № 256-ФЗ и новелл 2025–2026 годов в сфере электроэнергетики, свидетельствует о стремлении законодателя оперативно реагировать на новые угрозы, включая физические диверсии и необходимость управления отраслью в условиях особых правовых режимов. Вместе с тем выявлен ряд системных проблем, снижающих эффективность правоприменения, среди которых необходимо отметить отсутствие легальной дефиниции «энергетический суверенитет», дисбаланс между мерами физической и киберзащиты, межведомственная рассогласованность требований («кризис несогласованных нормативно-технических требований»), кадровый дефицит, а также коллизии земельного и градостроительного законодательства при установлении зон безопасности объектов ТЭК.

На основе выявленных проблем сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования, включающие: законодательное закрепление категории «энергетический суверенитет», принятие специализированного акта о кибербезопасности объектов ТЭК, гармонизацию ведомственных требований на основе риск-ориентированного подхода, урегулирование земельно-имущественных отношений и совершенствование системы подготовки кадров. Реализация этих мер будет способствовать формированию «опережающей» правовой среды, способной адекватно отвечать на современные вызовы и обеспечивать надежную защиту энергетического суверенитета России.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на углубленную проработку механизмов межведомственного взаимодействия и адаптацию зарубежного опыта правового обеспечения критической инфраструктуры к российским условиям.

Литература

1. О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: федер. закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ; ред. от 07.07.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4604. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2026).
2. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 20. – Ст. 2421. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2026).
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике»: федер. закон от 27.10.2025 № 391-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2026). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Положения о ведомственной охране субъекта топливно-энергетического комплекса...: постановление Правительства РФ от 23.08.2024 № 1134 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 35. – Ст. 5123. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 19.02.2026).
5. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года: распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 16. – Ст. 2890. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2026).
6. Символоков, О.А. Энергетическая безопасность Российской Федерации: совершенствование правового регулирования на основе системного подхода / О.А. Символоков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 1. – С. 85–91.
7. Скуратов, Ю.И. Нормативно-правовая основа функционирования ТЭК России в условиях многополярного мира и санкций коллективного Запада / Ю.И. Скуратов, А.С. Аржевитов, И.И. Барбашин // Современное право. – 2025. – № 5. – С. 5–13.
8. Назаров, А.П. Правовая природа энергетического суверенитета Российской Федерации: концептуально-правовые основы формирования дефиниции / А.П. Назаров // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 3. – С. 8–14.
9. Романова, В.В. Правовое регулирование безопасности в сфере ТЭК: проблемы и перспективы / В.В. Романова // Энергетическое право. – 2025. – № 2. – С. 23–29.
10. Лисица, В.Н. Международно-правовые аспекты обеспечения энергетической безопасности / В.Н. Лисица // Московский журнал международного права. – 2024. – № 4. – С. 65–78.

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LEGAL SUPPORT FOR ENERGY SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maydanevich Yu.P.
Sevastopol State University

In the context of geopolitical instability and sanctions pressure, the legal support of energy security acquires the significance of a constitutionally significant function of the state. Based on an analysis of the latest legislation (2025–2026) and doctrinal sources, the article examines the current state of the legal regulation system in the sphere of protecting the fuel and energy complex of Russia. The evolution of strategic planning (Energy Security Doctrine, Energy Strategy 2050), as well as key changes in special legislation on the safety of fuel and energy facilities and the electric power industry, are analyzed. Particular attention is paid to the introduction of legal regimes for the functioning of the energy sector in emergency situations, martial law, and mobilization. Systemic problems of legal regulation are identified: the absence of a legal definition of “energy sovereignty,” an imbalance in protection against physical and cyber threats, a “crisis of uncoordinated requirements” from regulatory authorities, personnel shortages, and conflicts with land and urban planning legislation. Proposals for improving the legal mechanism are formulated, including the need for systemic convergence of various types of security and the harmonization of departmental regulatory requirements based on a risk-oriented approach.

Keywords: energy security, fuel and energy complex, legal regulation, energy sovereignty, special legal regimes, safety of fuel and energy facilities, electric power industry, critical infrastructure.

References

1. On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities: Federal Law of 21.07.2011 No. 256-FZ: as amended on 07.07.2025 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 30 (Part 1). – Art. 4604. – Accessed from the ConsultantPlus legal reference system (accessed on 19.02.2026).
2. On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2019 No. 216 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 20. – Art. 2421. – Accessed from the ConsultantPlus legal reference system (accessed on February 19, 2026).
3. On Amendments to the Federal Law “On Electric Power Industry”: federal law of October 27, 2025 No. 391-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed on February 19, 2026). – Accessed from the ConsultantPlus legal reference system.
4. On Approval of the Regulation on Departmental Security of a Fuel and Energy Complex Entity...: RF Government Resolution of August 23, 2024 No. 1134 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 35. – Art. 5123. – Accessed from the legal reference system “Garant” (date of access: 19.02.2026).
5. On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2050: Order of the Government of the Russian Federation dated 12.04.2025 No. 908-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 16. – Article 2890. – Accessed from the legal reference system “ConsultantPlus” (date of access: 19.02.2026).
6. Simvolokov, O.A. Energy security of the Russian Federation: improving legal regulation based on a systems approach / O.A. Simvolokov // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2025. – No. 1. – pp. 85–91.
7. Skuratov, Yu.I. Regulatory framework for the functioning of the Russian fuel and energy complex in the context of a multipolar world and sanctions of the collective West / Yu.I. Skuratov, A.S. Arzhevnikov, I.I. Barbashin // Modern law. – 2025. – No. 5. – Pp. 5–13.
8. Nazarov, A.P. Legal nature of the energy sovereignty of the Russian Federation: conceptual and legal basis for the formation of a definition / A.P. Nazarov // Business Security. – 2025. – No. 3. – Pp. 8–14.
9. Romanova, V.V. Legal regulation of security in the fuel and energy complex: problems and prospects / V.V. Romanova // Energy law. – 2025. – No. 2. – Pp. 23–29.
10. Lisitsa, V.N. International legal aspects of ensuring energy security / V.N. Lisitsa // Moscow Journal of International Law. – 2024. – No. 4. – P. 65–78.
10. Lisitsa, V.N. International legal aspects of ensuring energy security / V.N. Lisitsa // Moscow Journal of International Law. – 2024. – No. 4. – P. 65–78.

Механизм конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе

Митин Ярослав Иванович,

Универ ГУП – государственный университет просвещения

В статье исследуется механизм конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе Российской Федерации. Обосновывается, что усложнение социальной структуры и переход к цифровой экономике трансформируют предмет, способы и результаты конституционно-правового воздействия, усиливая значение информационных прав и свобод, новых форм участия граждан в управлении делами государства и конституционных гарантий в цифровой среде. На основе анализа Конституции Российской Федерации и ключевых нормативных правовых актов, регулирующих информационную сферу, цифровую экономику и публичную власть, раскрывается структура механизма конституционно-правового регулирования, включающая конституционные нормы и принципы, субъекты конституционно-правовых отношений, юридические средства и процедуры, а также систему гарантий и ответственности.

Предлагается авторская модель механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе, визуализированная в виде схемы, и формулируются направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, механизм конституционно-правового регулирования, постиндустриальное общество, информационные права человека, цифровая экономика, публичная власть, конституционный контроль, электронная демократия.

Введение

Современное постиндустриальное общество характеризуется приоритетом информационных и коммуникационных технологий, усложнением социального пространства, ростом взаимозависимости государств и масштабным проникновением цифровых решений во все сферы жизнедеятельности. Переход к цифровой экономике сопровождается изменением структуры общественных отношений, в которых центральное место занимает информация, данные, алгоритмы, а также сетевые формы организации публичной власти и гражданской активности. Конституционное право в этих условиях выполняет ключевую функцию нормативного упорядочения общественных отношений и обеспечения баланса интересов личности, общества и государства.

Конституция Российской Федерации в соответствии со статьей 15 обладает высшей юридической силой, прямым действием и применяется на всей территории страны. Законы и иные правовые акты не должны ей противоречить. Статья 18 закрепляет непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность органов государственной власти и обеспечиваемых правосудием. В совокупности эти положения формируют основу механизма конституционно-правового регулирования, в рамках которого конституционные нормы и принципы направляют развитие отраслевого законодательства, правоприменительной практики и деятельности институтов гражданского общества.

В условиях постиндустриального развития особое значение приобретают информационные права и свободы. Статья 29 Конституции РФ закрепляет свободу мысли и слова, запрещает цензуру, гарантирует каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Статья 24 устанавливает обязанности органов государственной власти и местного самоуправления обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, а также запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Эти конституционные положения определяют ядро регулирования общественных отношений в цифровой среде и задают ориентиры для развития законодательства об информации, персональных данных, цифровой идентичности, электронном государственном управлении.

Целью настоящей статьи является раскрытие содержания механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе России, определение его основных структурных элементов и анализ их действия применительно к цифровой сфере.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых-конституционалистов, анализирующих механизм конституционно-правового регулирования, особенности конституционного статуса личности и трансформацию публичной власти в современных условиях, а также работы по теории информационных прав и цифрового конституционализма. Существенное значение имеют исследования, посвященные механизму конституционно-правового регулирования системы органов государственной власти и развитие в них представления о структуре конституционного воздействия на общественные отношения.

Методологическую основу составляют диалектический метод научного познания, позволяющий учитывать противоречивый характер трансформации общественных отношений в постиндустриальном обществе; системный подход, обеспечивающий рассмотрение механизма конституционно-правового регулирования как целостного комплекса взаимосвязанных элементов; формально-юридический метод, применяемый при анализе текстов Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных актов; сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить традиционные и новые формы конституционного воздействия в условиях цифровизации.

Используется также структурно-функциональный анализ, позволяющий выявить функции отдельных элементов механизма регулирования в обеспечении устойчивости общественных отношений.

Результаты и обсуждения

Механизм конституционно-правового регулирования традиционно понимается в науке как система взаимосвязанных средств и элементов, с помощью которых нормы конституционного права воздействуют на общественные отношения. Его ядром являются конституционные нормы и принципы, дополненные системой юридических фактов, субъектным составом, процедурами реализации и охраны, а также конституционным контролем.

Постиндустриальный характер современного общества придает этому механизму новые содержательные черты. Существенно возрастает массив общественных отношений, непосредственно регулируемых конституцией, прежде всего в информационной, цифровой и коммуникационной сферах. Изменяется баланс между прямым действием конституционных норм и опосредованным регулированием через отраслевое законодательство. Расширяются формы участия граждан в осуществлении публичной власти, в том числе посредством цифровых каналов [13].

Конституция РФ [1] закрепляет общие принципы правового статуса личности и организации публичной власти, которые получают конкретизацию в законодательстве о цифровой экономике и информационном обществе. Конституционно-правовое регулирование общественных отношений в постиндустриальном обществе характеризуется усилением значения статей 17–24, 29, 32, 71, 72 Конституции РФ, определяющих объем и содержание основных прав и свобод, ком-

петенцию Российской Федерации и субъектов РФ в информационной сфере и особенности участия граждан в управлении делами государства, включая право избирать и быть избранными, а также право обращаться лично и направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Особую роль играют нормы, закрепляющие информационные права и свободы. Механизм конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе включает их как самостоятельный блок, взаимодействующий с гарантиями неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, уважения чести и достоинства личности. В цифровой среде любая обработка персональных данных, использование технологий искусственного интеллекта и аналитики больших данных затрагивает сферу конституционных прав и подлежит конституционно-правовой оценке [15].

Содержательные элементы механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе можно представить в виде системной модели. В рамках проведенного исследования выделяются четыре взаимосвязанных блока: конституционные нормы и принципы, субъекты конституционно-правовых отношений, юридические средства и процедуры, а также общественные отношения в постиндустриальной сфере. Взаимосвязь указанных элементов представлена на рисунке, сформированном по итогам работы [17].

Элементы механизма конституционно-правового регулирования и их нормативное выражение могут быть представлены в таблице 1.

Таблица 1. Структурные элементы механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе

Элемент механизма	Содержание в конституционно-правовом измерении	Основные источники и НПА РФ
Конституционные нормы и принципы	Установление высшей юридической силы Конституции, прямого действия прав и свобод, основных принципов конституционного строя, признание и гарантия информационных прав	Конституция РФ (ст. 1, 2, 15, 18, 24, 29, 32 и др.); федеральные конституционные законы о Конституционном Суде РФ, о референдуме РФ
Субъекты конституционно-правовых отношений	Определение статуса человека и гражданина, Российской Федерации и ее субъектов, органов государственной власти и местного самоуправления, а также их компетенции в цифровой сфере	Конституция РФ (гл. 2, 3, 4, 5, 7, 8); федеральные законы об общих принципах организации органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления
Юридические средства и процедуры	Конструирование форм реализации и охраны конституционных норм и прав, включая выборы, референдумы, обращения, судебную защиту, конституционный контроль, цифровые сервисы	Федеральные конституционные законы о референдуме РФ, о Конституционном Суде РФ; федеральные законы об основных гарантиях избирательных прав; процессуальное законодательство; НПА о государственных и муниципальных услугах в электронной форме
Общественные отношения в постиндустриальной сфере	Регулирование отношений в цифровой экономике, информационной среде и сфере персональных данных, определение баланса интересов личности, общества и государства	Федеральные законы № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 152-ФЗ «О персональных данных», № 63-ФЗ «Об электронной подписи», № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», стратегические документы цифрового развития

В постиндустриальном обществе информационные права формируют ключевую линию связи между Конституцией и цифровой экономикой. Статья 29 Конституции РФ фиксирует свободу мысли и слова, право свободно искать, получать и распространять информацию, а также свободу массовой информации и запрет цензуры. Эти положения лежат в основе законодательства об информации и информационных технологиях, а также правового режима средств массовой информации и сетевых коммуникаций.

Статья 24 Конституции РФ устанавливает обязательства органов государственной власти и органов местного самоуправления по обеспечению доступа граждан к документам и материалам, непосредственно затрагивающим их права и свободы, и запрещает вмешательство в частную жизнь без согласия лица. В постиндустриальном обществе эти гарантии приобретают особую значимость, поскольку все больше данных о личности фиксируется в электронном виде, в том числе в государственных информационных системах и на частных цифровых платформах.

Конституционные основы информационного статуса личности получают развитие в отраслевом законодательстве. Федеральный закон № 149-ФЗ [4] определяет правовой режим информации, информационных технологий и защиты информации, вводит понятия информации, информационной системы, оператора, владельца сайта, устанавливает права и обязанности участников информационных отношений и закрепляет базовые механизмы ограничения доступа и защиты информации. Федеральный закон № 152-ФЗ [5] формирует специальный режим персональных данных, направленный на защиту частной жизни и информационной автономии личности.

Особого внимания требует анализ Федерального закона № 258-ФЗ [7], который вводит экспериментальные правовые режимы для новых цифровых технологий. С конституционной точки зрения этот

акт представляет собой инструмент гибкой адаптации правового регулирования к технологическим инновациям, позволяющий временно модифицировать действие отдельных норм при сохранении базовых конституционных гарантий. Механизм конституционно-правового регулирования в этом случае реализуется через сочетание принципов верховенства Конституции, недопустимости умаления прав и свобод и допустимости специальных правовых режимов при условии их временного характера, ограниченного предмета и контроля со стороны публичной власти и общества.

Реализация конституционных прав и свобод в постиндустриальном обществе осуществляется посредством комплекса процедур и институтов. Важнейшее значение имеет судебная защита, включая деятельность Конституционного Суда РФ, который рассматривает дела о соответствии законов Конституции и формирует правовые позиции по вопросам информационных прав, свободы массовой информации, защиты персональных данных и цифровой идентичности. На уровне общей юрисдикции и арбитражных судов развиваются практики разрешения споров, связанных с незаконной обработкой данных, ограничением доступа к информации и ответственностью операторов цифровых платформ [14].

Наряду с судебными механизмами существенную роль играют административные и квазисудебные процедуры, связанные с деятельностью уполномоченного по правам человека, уполномоченного по защите прав субъектов персональных данных, профильных органов исполнительной власти. Все эти элементы включаются в механизм конституционно-правового регулирования, обеспечивая превенцию и пресечение нарушений конституционных прав в цифровой среде.

Особое место занимают формы непосредственного участия граждан в осуществлении публичной власти, которые в постиндустриальном обществе все чаще реализуются посредством цифровых техно-

логий. Электронное голосование, цифровые платформы для общественных обсуждений, порталы государственных и муниципальных услуг, сервисы обратной связи между гражданами и органами власти трансформируют традиционные механизмы демократии, делая их более доступными, но одновременно создавая новые риски для тайны

голосования, информационной безопасности и защиты персональных данных [16].

На основе проведенного анализа можно выделить основные направления конституционно-правового воздействия на общественные отношения в постиндустриальном обществе, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Основные направления конституционно-правового воздействия на общественные отношения в постиндустриальном обществе

Направление воздействия	Содержание конституционно-правовой регламентации	Ключевые элементы механизма
Гарантии информационных прав и свобод личности	Закрепление и защита свободы мысли и слова, права на информацию, тайны частной жизни, тайны переписки и связи, обязанности государства обеспечивать доступ к значимой для граждан информации	Нормы Конституции РФ (ст. 23, 24, 29), законодательство об информации и персональных данных, судебная практика по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации и информационной безопасности
Организация публичной власти в цифровую эпоху	Определение статуса и компетенции органов государственной власти и местного самоуправления с учетом цифровизации, закрепление принципов открытости и подотчетности власти, внедрение электронного государства	Нормы о системе органов власти (гл. 3–8 Конституции РФ), федеральные законы об организации государственной власти и местного самоуправления, НПА об электронном правительстве, межведомственном электронном взаимодействии
Регулирование цифровой экономики и оборота данных	Установление конституционных рамок для использования данных в экономике, развитие правового режима цифровых прав, защита от злоупотреблений монопольным положением цифровых платформ	Конституционные положения о свободе экономической деятельности и конкуренции, законодательство об информации, персональных данных, защите конкуренции, специальных цифровых финансовых активах и иных цифровых инструментах
Обеспечение конституционного контроля и ответственности в цифровой сфере	Проверка соответствия нормативных актов Конституции РФ, в том числе в части регулирования цифровых технологий, привлечение к ответственности за нарушения информационных прав и злоупотребления в цифровой среде	Деятельность Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, административная и уголовная ответственность за нарушения информационного законодательства, механизмы конституционных жалоб
Развитие цифровых форм демократии и участия граждан	Использование цифровых технологий для организации выборов, референдумов, общественных обсуждений, обращений граждан, развитие электронных петиций и народных инициатив	Нормы Конституции РФ о народовласти и участии граждан (ст. 3, 32), избирательное законодательство, законодательство о референдуме, НПА о цифровых платформах участия граждан, механизмы общественного контроля

Постиндустриальное общество предъявляет к механизму конституционно-правового регулирования особые требования. Усиление роли цифровых технологий в процессе реализации прав и свобод делает необходимым более точное определение ответственности государства и частных акторов за безопасность информационной инфраструктуры, доступность и качество цифровых государственных услуг, справедливость и прозрачность алгоритмических решений. В то же время развивается тенденция к признанию за гражданином расширенного набора цифровых прав, включая право на защиту цифрового профиля, право на объяснение и оспаривание автоматизированных решений, право на переносимость данных. Эти тенденции требуют дальнейшего осмысления с позиций конституционного права и постепенного закрепления в Конституции и федеральных законах.

Рекомендации по совершенствованию механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе целесообразно формулировать исходя из того, что данное общество развивается быстрее, чем изменяется нормативная основа, а значит, задача права состоит не только в фиксации уже сложившихся практик, но и в опережающем формировании рамок допустимого поведения для государства, бизнеса и граждан. Механизм конституционно-правового регулирования в этих условиях нуждается в концептуальном «перенастроении», предполагающем усиление его прогностической и программной функций.

Одним из ключевых направлений развития механизма должно стать доктринальное и, по возможности, нормативное уточнение содержания информационных и цифровых прав человека. Конституционные формулы о свободе информации, защите частной жизни и тайны коммуникаций нуждаются в современном толковании с учетом практики использования больших данных, алгоритмических систем принятия решений и трансграничного характера цифровых коммуникаций. Рекомендательно формировать устойчивую систему конституционных интерпретаций, в которой были бы обозначены пределы допустимой автоматизированной обработки персональных данных, требования к прозрачности алгоритмов, минимальные стандарты информированного согласия и гарантии права на судебную защиту в случае цифровой дискриминации. Такая система могла бы складываться на основе правовых позиций Конституционного Суда, обобщений судебной практики и официальных доктринальных документов конституционного характера.

Дополнительного внимания требует согласованность конституционного уровня регулирования с быстро развивающимся массивом отраслевых актов, посвященных цифровой экономике и информационной безопасности. Механизм конституционно-правового регулирования будет более эффективным, если при разработке и изменении

профильных федеральных законов систематически проводится их предварительная конституционно-правовая экспертиза, учитывающая воздействие норм на права и свободы личности, а также на баланс компетенций между Российской Федерацией и ее субъектами. Речь идет не о формальной проверке на отсутствие прямых противоречий тексту Конституции, а о содержательном анализе возможных ограничений прав, новых обязанностей частных лиц и государства, скрытых форм вмешательства в сферу автономии личности.

Серьезный потенциал совершенствования механизма заключен в институциональном укреплении конституционного контроля за цифровой сферой. Представляется перспективным развитие практики рассмотрения конституционных жалоб граждан и их объединения по вопросам, связанным с обработкой данных, блокировкой интернет-ресурсов, применением технологий искусственного интеллекта в публичном управлении. Одновременно важна системная обратная связь между Конституционным Судом, законодателем и правоприменительными органами, выражающаяся в подготовке официальных отчетов и докладов о состоянии конституционности цифрового регулирования и о выявленных рисках для прав и свобод. Такие документы могли бы становиться основанием для планомерной корректировки отраслевого законодательства и подзаконных актов.

Перспективным направлением выглядит дальнейшее развитие механизмов участия граждан в осуществлении публичной власти на основе цифровых технологий при сохранении конституционных гарантий демократических процедур. Механизм конституционно-правового регулирования должен предусматривать институциональные и технологические решения, которые обеспечивали бы подлинную тайну голосования в режиме дистанционного электронного голосования, проверяемость результатов выборов и референдумов, доступность процедур для всех групп населения, включая цифрово уязвимые. Рекомендуется уделять особое внимание нормотворческому закреплению требований к независимому аудиту электронных избирательных систем и к публичной отчетности органов власти о функционировании цифровых платформ участия граждан.

Особое значение для устойчивости механизма имеет качественное регулирование статуса и ответственности крупных цифровых платформ, фактически выполняющих функции инфраструктурных посредников в осуществлении конституционных прав на информацию, объединение, участие в публичной дискуссии. Концепция конституционно значимых частных акторов предполагает, что такие структуры должны нести повышенную обязанность учитывать стандарты прав человека и конституционные принципы в своей деятельности. Рекомендательно развивать модель, при которой законодатель прямо устанавливает обязанности цифровых платформ по защите свободы выражения

мнения, недопущению произвольного удаления контента и блокировки аккаунтов, обеспечению прозрачности алгоритмов ранжирования информации и обработки жалоб пользователей, а также закрепляет механизмы публичного контроля и отчетности этих акторов перед обществом и государством.

Дальнейшее совершенствование механизма конституционно-правового регулирования в постиндустриальном обществе невозможно без системного использования экспериментальных правовых режимов. Однако сам институт экспериментального регулирования нуждается в конституционно-правовых «ограничителях». Практика создания «регуляторных песочниц» в цифровой сфере должна сопровождаться четким определением пределов допустимого ограничения прав и свобод, обязательностью оценки конституционно значимых рисков и установлением процедур участия граждан и экспертного сообщества в оценке результатов экспериментов. Оптимальным решением могла бы стать разработка специального конституционно-правового стандарта проведения правовых экспериментов, включающего требования к их прозрачности, временным рамкам, объему отклонений от общих норм и механизмам компенсации возможного ущерба для участников.

Важной составляющей рекомендаций является повышение конституционно-правовой компетентности органов публичной власти и правоприменителей в цифровой сфере. Механизм конституционного регулирования предполагает наличие не только формальных норм, но и профессиональной среды, способной интерпретировать и применять эти нормы с учетом постиндустриальных реалий. Поэтому следует развивать специализированные программы подготовки и переподготовки судей, сотрудников органов исполнительной власти, депутатов и муниципальных служащих, в которых уделялось бы особое внимание вопросам цифровых прав, информационной безопасности, этики искусственного интеллекта, особенностям обращения с большими данными. Такая образовательная политика должна опираться на современные научные разработки в области цифрового конституционализма и международных стандартов в сфере прав человека.

Реализация обозначенных рекомендаций позволит придать механизму конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе более системный, проактивный и человекоцентричный характер. При сохранении фундаментальных основ российской конституционной модели этот механизм сможет гибко реагировать на вызовы цифровой эпохи, обеспечивая сочетание технологического прогресса с устойчивым соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что механизм конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе является сложной многоуровневой системой, в которой конституционные нормы и принципы определяют стратегические ориентиры развития цифрового пространства, а отраслевое законодательство и правоприменительная практика обеспечивают конкретизацию и реализацию этих ориентиров. В постиндустриальную эпоху в структуре механизма усиливается значение информационных прав и свобод, институтов конституционного контроля, цифровых форм участия граждан в управлении делами государства, а также специальных правовых режимов, ориентированных на технологические инновации.

Предложенная модель механизма, визуализированная в виде схемы и раскрытая с помощью таблиц, демонстрирует взаимосвязь конституционных норм и принципов, субъектного состава, юридических средств и процедур с реальными общественными отношениями в цифровой среде. Она показывает, что конституционно-правовое регулирование не ограничивается установлением базовых прав и организационных основ власти, а пронизывает всю систему цифровой экономики и информационного общества, задавая для нее рамки допустимого и справедливого поведения.

Дальнейшее развитие механизма конституционно-правового регулирования общественных отношений в постиндустриальном обществе предполагает уточнение конституционных гарантий информационных прав и цифровых свобод, совершенствование форм конституционного контроля в отношении нормативных актов, регулирующих цифровую сферу, усиление прозрачности и отчетности органов публичной власти и частных цифровых платформ, а также систематизацию и кодификацию цифрового законодательства. Реализация этих задач позволит укрепить конституционные основы постиндустриального развития России и обеспечить гармоничное сочетание технологического прогресса с уважением к достоинству и свободе личности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2710.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
6. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.
7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.
8. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
10. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.
13. Конюхова И. История государственного и конституционного права России 2-е изд., пер. и доп. Учебное пособие для вузов. – ЛитРес, 2023. – 553 с.
14. Кравец И.А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 1 (158). – С. 33–47.
15. Стаханова Е.Ю. Модели конституционного регулирования экономики: сравнительно-правовой анализ // Juridical Analytical Journal. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 32–43.
16. Тупилов Н.В. Конституционно-правовой режим в современной России // Московский юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 34–44.
17. Шкорбатова Н.В. Некоторые конституционно-правовые особенности информационных прав и свобод человека и гражданина // Государство и право в эпоху глобальных перемен. – 2022. – С. 467–468.

THE MECHANISM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF SOCIAL RELATIONS IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Mitin Ya.I.

State University of Education

This article examines the mechanism of constitutional and legal regulation of social relations in the post-industrial society of the Russian Federation. It is argued that the increasing complexity of the social structure and the transition to a digital economy are transforming the subject, methods, and results of constitutional and legal influence, enhancing the importance of information rights and freedoms, new forms of citizen participation in public administration, and constitutional guarantees in the digital environment.

Based on an analysis of the Constitution of the Russian Federation and key regulatory legal acts governing the information sphere, the digital economy, and public authority, the article reveals the structure of the constitutional and legal regulation mechanism, including constitutional norms and principles, subjects of constitutional and legal relations, legal means and procedures, as well as a system of guarantees and liability.

The author proposes a model of the mechanism of constitutional and legal regulation of social relations in a post-industrial society, visualized as a diagram, and outlines directions for its further development.

Keywords: constitutional rights and freedoms, mechanism of constitutional and legal regulation, post-industrial society, human information rights, digital economy, public authority, constitutional control, e-democracy.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. No. 237.
2. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 13. Article 1447.
3. Federal Constitutional Law of June 28, 2004 No. 5-FKZ "On the Referendum of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 27. Article 2710.
4. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.
5. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.
6. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Art. 2036.
7. Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.
8. Federal Law of 06.10.1999 No. 184-FZ "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 42. Art. 5005.
9. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Art. 3822.
10. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.
11. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4179.
12. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.
13. Konyukhova I. History of State and Constitutional Law of Russia 2nd ed., trans. and add. Textbook for universities. – LitRes, 2023. – 553 p.
14. Kravets I.A. Strategic Constitutionalism and Constitutional Changes: The State and Citizens in Constitutional Forecasting and in Public-Law Communication // Current Issues of Russian Law. – 2024. – Vol. 19. – No. 1 (158). – Pp. 33–47.
15. Stakhanova E. Yu. Models of Constitutional Regulation of the Economy: A Comparative Legal Analysis // Juridical Analytical Journal. – 2024. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 32–43.
16. Tupikov N.V. Constitutional and legal regime in modern Russia // Moscow Law Journal. – 2023. – No. 1. – P. 34–44.
17. Shkorbatova N.V. Some constitutional and legal features of information rights and freedoms of man and citizen // State and Law in the Era of Global Change. – 2022. – P. 467–468.

Экспериментальные правовые режимы в сфере ИИ: новые инструменты для обеспечения технологического суверенитета

Моторин Артем Сергеевич,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: artyom.motorin2018@yandex.ru

В статье рассматривается институт экспериментальных правовых режимов (ЭПР) как ключевой механизм адаптивного регулирования в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ). Автор анализирует эволюцию российского подхода – от отраслевого введенного в городе Москве эксперимента к универсальной системе, закрепленной в Федеральном законе № 258-ФЗ, выделяя её стратегический потенциал для обеспечения технологического суверенитета. Проводится сравнительный анализ зарубежных аналогов («регуляторных песочниц») в Европейском союзе, США и Китае, выявляются их специфические черты и организационные модели. На основе выявленных тенденций и отечественных особенностей предлагаются новые инструменты для усиления роли ЭПР, такие как создание целевых отраслевых «супер-песочниц», введение специальных налоговых стимулов и формирование межотраслевых экспериментальных кластеров. Делается вывод, что ЭПР представляют собой стратегический ресурс для формирования конкурентного, основанного на национальных приоритетах правового поля экономики данных, позволяя тестировать и внедрять адекватные правовые модели в условиях технологических вызовов.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, искусственный интеллект, правовое регулирование, технологический суверенитет, цифровые инновации, регуляторные песочницы, законность, правовой анализ, импортозамещение.

Введение

Динамичное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) формирует беспрецедентный вызов для правовых систем, обусловленный необходимостью сбалансированного обеспечения инновационного прогресса, безопасности, защиты прав граждан и национальных интересов. Традиционное право, не успевая за скоростью технологических изменений, создает правовые вакуумы. В этих условиях возрастает значимость механизмов опережающего (адаптивного) регулирования, ключевым из которых в российской практике выступают экспериментальные правовые режимы (далее – ЭПР).

ЭПР представляет собой установление на ограниченной территории или для определенного круга субъектов специальных правовых условий, временно отступающих от общих норм законодательства, с целью тестирования инновационных продуктов, услуг или бизнес-моделей.

Указанный режим занимает промежуточное положение между опережающим регулированием и отсрочкой его введения. Это не просто временное изъятие, а целенаправленное создание экспериментального нормативного массива для проверки гипотез о будущем стабильном регулировании. Таким образом, происходит трансформация традиционной статичной правовой определенности в динамичную, адаптивную категорию.

Как отмечается в научной литературе, «значение правового эксперимента для урегулирования общественных отношений в области цифровизации неоспоримо, поскольку, с одной стороны, это позволяет адаптировать существующее правовое регулирование к новым реалиям, сделать его более гибким и «податливым», с другой – предвидеть возможные негативные последствия и устранить потенциальные риски не только от технологии *per se*, но и от ее недостаточного (или, наоборот, чрезмерного) регулирования посредством принятия нормативного правового акта»¹.

Анализ эволюции и механизмов ЭПР в Российской Федерации

Первой попыткой создания целостного ЭПР для искусственного интеллекта стал введенный в городе Москве эксперимент, инициированный Федеральным законом от 24.04.2020 № 123² (далее – Закон № 123), ключевым аспектом регулирования которого стали особенности обработки персональных данных для формирования региональных составов данных. Закон предусмотрел возможность обработки обезличенных данных без согласия субъекта на основании соглашений с уполномоченным органом, что было направлено на устранение одного из главных барьеров для развития ИИ – доступа к большим массивам данных для обучения алгоритмов.

Его особенностью стало то, что режим был привязан к территории города Москвы и установлен сроком на пять лет. Несмотря на то, что узкая специализация Закона № 123 позволила детально проработать вопросы, связанные с данными для ИИ, она выявила его главный недостаток – это отсутствие универсального механизма для апробации иных аспектов регулирования ИИ, таких как ответственность, сертификация, применение в новых отраслях. Этот опыт стал катализатором для разработки и принятия Федерального закона № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций»³ (да-

¹ Черешнева И.А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности // Право и политика. 2023. № 12. С. 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnyy-pravovoy-rezhim-v-sfere-tsifrovyyh-innovatsiy-k-voprosu-ob-obespechenii-pravovoy-opredelennosti?ysclid=mj92w1qptm224676345> (дата обращения: 17.12.2025).

² Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». [Электронный ресурс]: сайт правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 19.12.2025).

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». [Электрон-

лее – Закон № 258), который институционализировал саму процедуру создания ЭПР.

Принятый в июле 2020 года Закон № 258 создал постоянную и гибкую основу для создания ЭПР в разных сферах. Его принципиальным отличием стала универсальность, что позволило устанавливать ЭПР по широкому перечню направлений (от медицины и транспорта до госуправления и промышленности) и на различных территориях – от муниципалитета и до всей страны. В отличие от эксперимента, Закон № 258 напрямую работает на технологический суверенитет, позволяя создавать точечные регуляторные условия под конкретные импортозамещающие или опережающие проекты, включенные в приоритетные направления.

Другим важным отличием стало установление прозрачной процедуры: от подачи инициативы до обязательного мониторинга и оценки эффективности при координирующей роли уполномоченного органа – Минэкономразвития России. Значительную роль играют организации предпринимательского сообщества (например, АНО «Цифровая экономика»), проводящие экспертизу инициатив и обеспечивающие взаимодействие между государством и разработчиками.

Итогом эксперимента должно стать совершенствование общего регулирования, когда успешные результаты трансформируются в конкретные законодательные инициативы, формируя адаптированное национальное правовое поле для экономики данных. В научной литературе отмечается, что «правильно организованный правовой эксперимент может стать надежным инструментом для предотвращения ошибок в нормотворчестве, что, в свою очередь, минимизирует риски возникновения негативных социально-экономических последствий, вызванных введением непродуманных или несвоевременных правовых норм»¹.

Анализ зарубежного опыта «регуляторных песочниц»

Концепция «регуляторных песочниц» (regulatory sandboxes), зародившаяся за рубежом, позволяет выявить специфику российской модели ЭПР. Первопроходцем стала Великобритания в 2016 году, создав песочницу для финтех-компаний. Впоследствии инструмент получил распространение в ЕС, США, Китае и других странах.

Европейский союз (ЕС)

«Регуляторные песочницы» ЕС – это контролируемые среды, которые позволяют новаторам тестировать инновационные технологии, системы искусственного интеллекта и бизнес-модели под надзором регулирующих органов по всему Европейскому союзу»².

Ключевым драйвером развития данного института стал Закон ЕС об искусственном интеллекте (AI Act)³, который обязывает каждое государство-член создать как минимум одну подобную песочницу для ИИ до августа 2026 года. Участие в таких проектах предоставляет компаниям защиту от административных штрафов при условии соблюдения установленных регулятором правил. Наряду с фокусом на ИИ, практика песочниц в ЕС применяется и в иных сферах, таких как финансовые технологии, цифровое здравоохранение и кибербезопасность.

Страны-члены ЕС обладают гибкостью в выборе организационной модели реализации песочниц в рамках общего законодательства:

- 1) Централизованная модель: создание единого специализированного органа (например, Агентства по ИИ) для надзора за всеми песочницами.
- 2) Децентрализованная модель: распределение надзорных функций между существующими отраслевыми регуляторами (в сфере защиты данных, финансов, здравоохранения и т.д.).
- 3) Гибридная (координационная) модель: комбинированный подход с назначением ведущего регулятора и привлечением профильных ведомств.

Специального наднационального правового акта, аналогичного российскому закону об ЭПР, в ЕС не принято; данный инструмент рассматривается как элемент политики по совершенствованию регулирования (better regulation). Координирующую роль играют Европейская Комиссия и отраслевые регуляторы, такие как Европейский централь-

ный банк (в сфере финтеха). Реализация пилотных проектов зачастую носит добровольный характер для государств-членов, строго ограничена по времени, сектору и условиям. Участвующие страны обязаны предоставлять Комиссии детальные отчеты, оценивающие влияние эксперимента на ключевые социально-экономические показатели.

Общий анализ «регуляторных песочниц» в рамках ЕС показывает, что они:

- не ограничены определенной частью финансового сектора, но являются межсекторальными (например, банковское дело, инвестиционная деятельность и услуги, а также страхование);
- открыты как для действующих учреждений (фирм, которые уже присутствуют на рынке), так и для новых участников (фирм, которые предлагают войти или только что вошли на рынок) и других фирм (например, поставщиков технологий, сотрудничающих с финансовыми институтами);
- не ограничиваются тестированием регулируемых финансовых услуг, но могут также включать другие продукты или услуги, которые позволяют или облегчают предоставление регулируемых финансовых услуг другой стороной или содействуют решениям соответствия (например, противодействие отмыванию денег (AML), блокчейн и технологии соответствия), или регулирующие технологии (RegTech), или новые продукты и услуги, которые имеют отношение к защите клиентов или соображениям финансовой стабильности (например, использование криптоактивов для обеспечения доступа к технологиям блокчейна);
- не допускают в рамках ЕС даже на этапе тестирования предоставления регулируемых финансовых услуг без лицензии;
- не связаны с изменением правил регулирования, которые установлены в законодательстве ЕС и (или) национальном законодательстве, но могут включать в себя изменения в осуществлении надзорных полномочий, уже доступных компетентным органам в отношении применения нормативных требований на этапе испытаний;
- предоставляют конкретные условия входа, по которым кандидаты на участие в «песочнице» оцениваются для определения права на участие;
- не ограничиваются только финансовыми инновациями, но требуют демонстрации подлинных инноваций для обеспечения возможности участия в «песочнице»;
- предполагают определение параметров тестирования, указываемых в каждом конкретном случае, как часть условий, позволяющих участвовать в «песочнице»;
- обеспечивают контролируемый выход из «песочницы» либо с продолжением, либо с прекращением действия предлагаемого регулирования»⁴.

США

США, являясь мировым лидером в области инноваций, используют децентрализованную многоуровневую модель регулирования, в которой «песочницы» развиваются в таких сферах, как финтех, беспилотный транспорт, агротехнологии и образование.

Отсутствие единого федерального закона о финтехе компенсируется активностью федеральных агентств и, в большей степени, законодательств отдельных штатов, выступающих в роли «лабораторий» для правовых экспериментов. Это формирует фрагментированную, но гибкую регуляторную среду.

На федеральном уровне, например, Бюро по финансовой защите потребителей (CFPB) реализует программу «Catalyst», предоставляя компаниям письма «о неприменении мер» (no-action letters)⁵. На уровне штатов сформировались полноценные регуляторные песочницы (первой выступила Аризона, за ней последовали Юта, Невада, Флорида), управляемые различными органами власти штатов (Генеральной прокуратурой, департаментами торговли и др.) на стандартизированных условиях (сроком до 2 лет с возможностью продления).

В сфере беспилотного транспорта федеральное регулирование носит преимущественно рекомендательный характер, что создает определенные сложности. В секторах сельского хозяйства, биотехнологий и образования доминирующую роль играют не государственные ЭПР, а частные и университетские акселераторы и инкубаторы, выполняю-

ный ресурс]: сайт правовой системы КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 19.12.2025).

¹ Шахов Д.В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18 (5). С. 180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vedenie-eksperimentalnyh-pravovyh-rezhimov-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii?ysclid=mj92rnb3of932246370> (дата обращения: 20.12.2025).

² Компания GDPRLocal . официальный сайт. URL: <https://gdprlocal.com/eu-regulatory-sandbox/> (дата обращения: 22.12.2025)

³ The European Council and the Council of the European Union. Официальный сайт Европейского совета и Совета Европейского союза. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/artificial-intelligence/> (дата обращения: 22.12.2025).

⁴ Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт // науч. ред. В.Н. Южаков. М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС. 2020. С. 19. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42314349> (дата обращения: 18.12.2025).

⁵ Борзенкова Е., Нэнг Вонг Ю., Глинецкий Б., Громова Е., Диденко А., Р. Журов [и др.] Опыт создания экспериментальных правовых режимов в России и иностранных государствах / Центр международных и сравнительно-правовых исследований. М., 2021. С. 201. URL: <https://iclr.ru/publications/187?ysclid=mj8cn0mhe185620541> (дата обращения: 22.12.2025).

щие функции инновационных «песочниц» для стартапов и академических проектов.

Китай

В отличие от западных стран, где «регуляторные песочницы» часто являются точечной реакцией на технологические вызовы, в Китае «это устоявшаяся многолетняя практика, накопленная регулятором за годы проведения реформ»¹, интегрированная в правовую систему страны. Ее ключевые особенности:

1. Отсутствие базового закона об ЭПР: практика основана на общих принципах правовой системы и политике реформ.
2. Два основных метода: а) принятие законов или нормативных актов для временного применения с последующей доработкой; б) создание специальных пилотных зон на региональном или отраслевом уровне.
3. Централизованное управление: все локальные инициативы реализуются в строгом соответствии с национальными пятилетними планами и отраслевыми стратегиями, что обеспечивает единство политического курса.

Наиболее динамично данный инструмент развивается в сфере финансовых технологий, чему способствует масштабная пользовательская база и целенаправленная государственная политика, реализуемая через специальные планы развития. Ключевым инструментом выступает создание экспериментальных демонстрационных зон (например, в Пекине и Шанхае) с особыми регуляторными условиями, налоговыми льготами и программами привлечения специалистов.

Цифровая трансформация аграрного сектора, являясь приоритетом, реализуется через пилотные проекты «цифровых деревень», создание национальных центров больших данных и внедрение новых бизнес-моделей. В промышленности, в рамках стратегии «Сделано в Китае 2025», механизм ЭПР воплощается через создание тысяч зон экономического и технологического развития. Кроме того, Китай лидирует по количеству пилотных проектов «умных городов», где тестируются комплексные решения на основе интернета вещей и больших данных.

Потенциал ЭПР для обеспечения технологического суверенитета и перспективные инструменты

В отличие от многих зарубежных аналогов, изначально сфокусированных на финтехе, российское законодательство об ЭПР заложило широкую отраслевую основу, что является конкурентным преимуществом. Цели Закона № 258-ФЗ, такие как «совершенствование общего регулирования по результатам реализации экспериментального правового режима» и «привлечение инвестиций в развитие предпринимательской деятельности в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», напрямую коррелируют с задачами технологического суверенитета, придавая модели промышленно-стратегическую ориентацию.

Российская модель ЭПР приобрела более выраженную промышленно-стратегическую и государственно-управленческую ориентацию, что соответствует национальным приоритетам в области технологической независимости.

Технологический суверенитет подразумевает не только наличие собственных разработок, но и способность государства формировать адекватную и конкурентную правовую среду, защищающую национальные интересы, данные, инфраструктуру и этические ценности. Закон № 258 раскрывает для этого следующий потенциал:

- 1) Активное формирование «правил игры»: тестирование собственных регуляторных гипотез в контролируемых условиях (например, в области ответственности за вред от ИИ, регулирования генеративного ИИ).
- 2) Создание конкурентных преимуществ для отечественных разработчиков: гибкие регуляторные условия внутри «песочницы» снижают издержки выхода на рынок для российских компаний, позволяя им быстрее доводить продукты до зрелости, что является прямым инструментом импортозамещения в сфере регулирования.
- 3) Защита цифрового пространства и данных: ЭПР могут быть использованы для тестирования режимов суверенного хранения и обработки данных, используемых для обучения национальных моделей ИИ, а также механизмов контроля за экспортом критически важных алгоритмов и технологий.

4) Снижение рисков и повышение доверия: Поэтапное, подконтрольное внедрение инноваций под наблюдением регулятора позволяет минимизировать системные риски и накапливать основанную на фактических данных практику, что в перспективе повышает общественное и бизнес-доверие к технологиям ИИ. «Польза, даваемая ИИ, на сегодня существенно нивелируется имеющимися у граждан опасениями и предубеждениями, с которыми, вероятно, требуется работать отдельно при внедрении различных инициатив в сфере ИИ»².

В этой связи, реализация потенциала ЭПР сопряжена с такими вызовами, как:

- риск регуляторной фрагментации: временный характер специального регулирования и возможность создания множества локальных режимов могут создать нестабильность для бизнеса, не участвующего в эксперименте, и усложнить правоприменительную практику;
- сложность оценки результатов: требуется разработать четкие метрики успешности эксперимента не только с технологической, но и с социально-правовой точки зрения;
- баланс с правами человека: любые отступления, особенно в области персональных данных, должны быть соразмерными, обоснованными и сопровождаться усиленными гарантиями защиты, ЭПР не должен становиться инструментом для обхода базовых конституционных гарантий;
- эффективность трансфера результатов: проблема заключается в налаживании бесперебойного механизма перевода успешных результатов эксперимента в законодательство. Необходимы четкие критерии оценки эффективности ЭПР и ответственность регуляторов за последующую нормотворческую работу;
- необходимость квалификации регулятора: уполномоченные органы должны обладать высокой экспертизой как в области права, так и в технологиях ИИ.

Законодательство об ЭПР создает уникальную возможность разработки новых правовых инструментов, обеспечивающих технологический суверенитет и ускоряющих внедрение инноваций в экономику. «Использование правовых инструментов для формирования правового обеспечения достижения технологического суверенитета позволит вывести на новый уровень процессы разработки нормативных актов и практики их применения»³. На основе вышеизложенного, можно предложить следующие инструменты ЭПР по обеспечению технологического суверенитета:

1. Целевые отраслевые «супер-песочницы» с фокусом на импортозамещение. Суть инструмента состоит в создании ЭПР не для одной компании, а для целой кооперации предприятий под конкретную задачу технологического суверенитета (например, «полный цикл производства автономной сельхозтехники»). Опыт ЕС показывает важность поддержки целых экосистем через такие инициативы, как «AI Factories» и GenAI4EU для стимулирования спроса в стратегических секторах⁴. Анализ также указывает, что ЭПР должны смещать фокус с точечных проблем компаний на решение комплексных отраслевых задач.

Установление специального регулирования, упрощающего взаимодействие между разработчиками ПО, производителями аппаратного обеспечения, поставщиками данных и конечными заказчиками в рамках одного эксперимента. Это может включать специальные контрактные модели, упрощенный обезличенный доступ к отраслевым данным, создаваемым в рамках эксперимента.

2. Особые налоговые льготы и поддержка инвесторов. Требуется разработка налоговой политики, поощряющей разработку и использование отечественных инновационных решений в рамках ЭПР. Налоговые послабления для организаций, внедряющих отечественный софт и оборудование, создадут дополнительные стимулы для инвестиций в отечественное производство. Например, льготные ставки налога на прибыль и имущество для предприятий, использующих инновационные технологии, прошедшие испытание в рамках ЭПР.

3. Расширение сферы действия и круга субъектов права участия в ЭПР. Помимо закрепленных сфер действий Закона № 258, необходимо расширить их перечень, и, как следствие, перечень лиц, имеющих право инициировать запуск ЭПР. Помимо коммерческих структур,

² Беликова К.М. Экспериментальное правовое регулирование в сфере искусственного интеллекта в России (на примере г. Москвы) // Проблемы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 5. С. 52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68610942> (дата обращения: 18.12.2025).

³ Степанова М.Н. Правовые вопросы обеспечения технологического суверенитета в условиях цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 2 (45). С. 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-voprosy-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ An official website of the European Union / An official EU website. Официальный сайт Европейского союза. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-office> (дата обращения: 22.12.2025).

¹ Борзенкова Е., Нэнг Вонг Ю., Глинецкий Б., Громова Е., Диденко А., Р. Журов [и др.] Опыт создания экспериментальных правовых режимов в России и иностранных государствах / Центр международных и сравнительно-правовых исследований. М., 2021. С. 119. URL: <https://iclr.ru/publications/18?ysclid=mjj8cn0mhe185620541> (дата обращения: 22.12.2025).

доступ к участию в программах следует разрешить государственным предприятиям, научным организациям и образовательным учреждениям, проводящим фундаментальные исследования. Например, установление порядка включения научно-исследовательских институтов и образовательных учреждений в список потенциальных инициаторов запуска ЭПР.

4. Межотраслевые и кросс-региональные экспериментальные кластеры. Закон № 258-ФЗ позволяет устанавливать режим на территории одного или нескольких субъектов. Целесообразно создавать ЭПР, объединяющие усилия регионов-лидеров в разных отраслях (например, ИИ-разработки в Москве, тестирование на производственных мощностях в Татарстане, внедрение в логистике на Дальнем Востоке), что позволит отрабатывать сквозные цепочки создания стоимости, минимизируя зависимость от внешней инфраструктуры.

Заключение

Институт экспериментальных правовых режимов, эволюционировавший от Закона № 123 к универсальной системе, получивший правовое обеспечение в Законе № 258, представляют собой сложный, но мощный инструмент правовой инженерии. Их двойственная природа – сочетание черт особого экономического режима и масштабного правового эксперимента – позволяет говорить о них как о стратегическом ресурсе технологического суверенитета.

Правильно организованный правовой эксперимент позволяет тестировать новые нормы до их широкого внедрения, снижая риски ошибок в законодательстве и связанные с ними социально-экономические издержки. Такой подход делает ЭПР идеальным инструментом для обеспечения технологического суверенитета в условиях внешних ограничений и быстро меняющейся технологической среды. Он позволяет мобилизовать внутренние ресурсы, тестируя и отбирая наиболее эффективные правовые модели для поддержки отечественных разработок, что напрямую соотносится с задачами технологической политики, сформулированными на государственном уровне.

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». [Электронный ресурс]: сайт правовой системы КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 19.12.2025).
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». [Электронный ресурс]: сайт правовой системы КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 19.12.2025).
3. Беликова К.М. Экспериментальное правовое регулирование в сфере искусственного интеллекта в России (на примере г. Москвы) / К.М. Беликова // Проблемы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – № 5. – С. 45–52. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68610942> (дата обращения: 18.12.2025).
4. Борзенкова Е., Нэнг Вонг Ю., Глинецки Б., Громова Е., Диденко А., Р. Журов [и др.] Опыт создания экспериментальных правовых режимов в России и иностранных государствах / Центр международных и сравнительно-правовых исследований. – М., 2021. – 221 с. – URL: <https://iclr.ru/ru/publications/18?ysclid=mjj8cn0mhe185620541> (дата обращения: 22.12.2025).
5. Ефремов А.А., Добролюбова Е.И., Талапина Э.В., Южаков В.Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / А.А. Ефремов, Е.И. Добролюбова, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков // науч. ред. В.Н. Южаков. – М.: Издательский дом «Дело». РАНХиГС. 2020. – 126 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42314349> (дата обращения: 18.12.2025).
6. Степанова М.Н. Правовые вопросы обеспечения технологического суверенитета в условиях цифровой трансформации / М.Н. Степанова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – № 2. – (45). – С. 39–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-voprosy-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 20.12.2025).
7. Черешнева И.А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности / И.А. Черешнева // Право и политика. – 2023. – № 12. – С. 27–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnyy-pravovoy-rezhim-v-sfere-tsifrovyyh-innovatsiy-k-voprosu-ob-obespechenii-pravovoy-opredelennosti?ysclid=mj92w1qptm224676345> (дата обращения: 17.12.2025).

pravovoy-opredelennosti?ysclid=mj92w1qptm224676345 (дата обращения: 17.12.2025).

8. Шахов Д.В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации / Д.В. Шахов // Экономика. На-логи. Право. – 2025. – № 18(5). – С. 178–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-eksperimentalnyh-pravovyh-rezhimov-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii?ysclid=mj92rnb3of932246370> (дата обращения: 20.12.2025).

9. Компания GDPRLocal. официальный сайт. – URL: <https://gdprlocal.com/eu-regulatory-sandbox/> (дата обращения: 22.12.2025).

10. An official website of the European Union An official EU website. Официальный сайт Европейского союза. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-office> (дата обращения: 22.12.2025).

11. The European Council and the Council of the European Union. Официальный сайт Европейского совета и Совета Европейского союза. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/artificial-intelligence/> (дата обращения: 22.12.2025).

EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN AI: NEW TOOLS FOR ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Motorin A.S.

O.E. Kutafin University

This article analyzes the institution of experimental legal regimes (ELRs) as a key mechanism for proactive legal regulation in the field of digital technologies, particularly artificial intelligence (AI). Based on a study of Moscow's pilot implementation in accordance with Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020, the advantages and limitations of this model are revealed. The primary focus is on the potential of Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020, «On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations» for creating a flexible legal environment stimulating the development and implementation of domestic AI technologies. It is concluded that ELRs are becoming a strategic tool not only for reducing regulatory barriers but also for actively shaping technological sovereignty through the turnkey testing of national regulatory standards and solutions.

Keywords: experimental legal regimes, artificial intelligence, legal regulation, technological sovereignty, digital innovation, regulatory sandboxes, legality, legal analysis, import substitution.

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ «On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation.» [Electronic resource]: website of the ConsultantPlus legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (date of access: December 19, 2025).
2. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ «On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation – the Federal City of Moscow and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law «On Personal Data.» [Electronic resource]: website of the ConsultantPlus legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (date of access: 19.12.2025).
3. Belikova K.M. Experimental legal regulation in the field of artificial intelligence in Russia (on the example of Moscow) / K.M. Belikova // Gaps in Russian legislation. – 2024. – Vol. 17. – No. 5. – Pp. 45–52. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68610942> (date of access: 18.12.2025).
4. Borzenkova E., Nang Wong Y., Glinetsky B., Gromova E., Didenko A., R. Zhurov [et al.] Experience of Creating Experimental Legal Regimes in Russia and Foreign States / Center for International and Comparative Legal Studies. – M., 2021. – 221 p. – URL: <https://iclr.ru/ru/publications/18?ysclid=mjj8cn0mhe185620541> (date of access: 22.12.2025).
5. Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N. Experimental Legal Regimes: Foreign Experience and the Russian Start / A.A. Efremov, E.I. Dobrolyubova, E.V. Talapina, V.N. Yuzhakov // scientific. ed. V.N. Yuzhakov. – M.: Delo Publishing House. RANEP. 2020. – 126 p. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42314349> (date of access: 12/18/2025).
6. Stepanova M.N. Legal issues of ensuring technological sovereignty in the context of digital transformation / M.N. Stepanova // Law and order: history, theory, practice. – 2025. – No. 2. – (45). – P. 39–42. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-voprosy-obespecheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (date of access: 12/20/2025).
7. Chereshneva I.A. Experimental legal regime in the field of digital innovation: on the issue of ensuring legal certainty / I.A. Chereshneva // Law and Politics. – 2023. – No. 12. – Pp. 27–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnyy-pravovoy-rezhim-v-sfere-tsifrovyyh-innovatsiy-k-voprosu-ob-obespechenii-pravovoy-opredelennosti?ysclid=mj92w1qptm224676345> (date of access: 17.12.2025).
8. Shakhov D.V. Introduction of experimental legal regimes in the context of digital transformation / D.V. Shakhov // Economy. Taxes. Law. – 2025. – No. 18 (5). – P. 178–186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-eksperimentalnyh-pravovyh-rezhimov-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii?ysclid=mj92rnb3of932246370> (accessed: 20.12.2025).
9. GDPRLocal. Official website. – URL: <https://gdprlocal.com/eu-regulatory-sandbox/> (accessed: 22.12.2025).
10. An official website of the European Union. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/ai-office> (accessed: 22.12.2025).
11. The European Council and the Council of the European Union. Official website of the European Council and the Council of the European Union. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/artificial-intelligence/> (date of access: 22.12.2025).

Дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы квалификации, соразмерности санкций и единообразия правоприменения

Николаев Артём Игоревич,

студент магистратуры кафедры правовых основ, МГУ

E-mail: nikolaev.a.i0407@gmail.com

В статье исследуются проблемы дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения через призму квалификации проступка, установления вины, выбора соразмерной санкции и обеспечения единообразия правоприменительной практики. На основе анализа Федеральных законов N 273-ФЗ и N 79-ФЗ, подзаконного регулирования, судебных позиций и доктринальных подходов показано, что рассматриваемая ответственность сохраняет дисциплинарную природу, но реализуется в специальном антикоррупционном режиме с особыми основаниями, сроками и процедурами. Выявлены ключевые проблемы: отсутствие четкого нормативного разграничения дисциплинарного проступка и коррупционного дисциплинарного правонарушения, неопределенность роли вины при применении специальных составов и напряжение между императивностью отдельных мер (включая увольнение в связи с утратой доверия) и необходимостью индивидуализации взыскания. Обоснована необходимость уточнения признаков состава, последовательного закрепления значения вины и выработки единых критериев выбора дисциплинарной меры.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; государственные служащие; коррупционные правонарушения; утрата доверия; дисциплинарное взыскание; правовое регулирование.

В условиях усиления антикоррупционных требований к государственной службе дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения приобретает особое значение как правовой механизм обеспечения служебной дисциплины и соблюдения установленных запретов, ограничений и обязанностей. Специфика данного института обусловлена сочетанием общих положений служебного законодательства и специальных норм антикоррупционного регулирования, предусматривающих особые основания и порядок привлечения к ответственности.

Актуальность исследования определяется сохраняющейся неоднородностью правоприменительной практики при квалификации коррупционных дисциплинарных проступков, установлении вины и выборе соразмерной меры дисциплинарного воздействия.

Цель статьи состоит в выявлении основных проблем правового регулирования и практики применения дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения на основе анализа законодательства, судебных позиций и доктринальных подходов.

Нормативная база рассматриваемого института формируется прежде всего Законом № 273-ФЗ [1] и Законом № 79-ФЗ [2]. Закон о противодействии коррупции устанавливает общий принцип: за коррупционные правонарушения физические лица несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. В правоприменении и доктрине данное положение служит исходным основанием для квалификации ответственности гражданского служащего как дисциплинарной, если применяются меры, предусмотренные законодательством о государственной службе.

Закон № 79-ФЗ, в свою очередь, сочетает общий режим дисциплинарной ответственности и специальные антикоррупционные предписания. Общий дисциплинарный проступок определяется как виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, что позволяет выделить его ключевые признаки: вину служащего и функциональную связь нарушения с исполнением служебных обязанностей.

Специальный антикоррупционный механизм включает ст. 59.1–59.3 Закона № 79-ФЗ: ст. 59.1 закрепляет виды взысканий за нарушение антикоррупционных ограничений и обязанностей (замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии); ст. 59.2 – основания увольнения в связи с утратой доверия; ст. 59.3 – порядок применения взысканий, включая специальные правила оценки обстоятельств и сроки (шесть месяцев со дня поступления информации и предельный трехлетний срок со дня совершения правонарушения).

Существенное значение для правоприменения имеет и положение Закона № 273-ФЗ о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия: соответствующие сведения подлежат включению в реестр, если иное не установлено федеральными законами. Это усиливает последствия дисциплинарной меры и, следовательно, повышает требования к качеству квалификации и соразмерности решения.

С.С. Терещук [3] фиксирует исходную проблему как отсутствие четкого нормативного разграничения понятий дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения при наличии разных механизмов ответственности. Автор показывает, что в литературе предлагаются разные конструкции (включая попытки выделять «служебную» ответственность), но делает вывод об отсутствии достаточных оснований для признания ответственности за коррупционные правонарушения самостоятельным видом юридической ответственности.

Позиция С.С. Терещука соответствует подходу, согласно которому коррупционное дисциплинарное правонарушение рассматривается как вид дисциплинарного проступка, а не самостоятельный вид юридической ответственности.

Ключевой для темы является сформулированная С.С. Терещуком дефиниция: «дисциплинарное коррупционное правонарушение – это неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей,

ограничений и запретов, установленных в целях противодействия коррупции...». Данная формулировка методологически значима, поскольку сохраняет признак вины и одновременно расширяет объем служебных обязанностей за счет антикоррупционных ограничений и запретов. Следовательно, квалификация основывается на включении антикоррупционных требований в структуру служебной дисциплины, а не на их трактовке как автономного вне-дисциплинарного основания.

С.В. Завитова [4] также отмечает, что в нормативных актах отсутствует четкий перечень коррупционных правонарушений, что расширяет усмотрение правоприменителя при отнесении нарушения к коррупционному. В тексте работы отдельно подчеркивается, что субъект отдельных коррупционных проступков носит «специальный» характер, поскольку определенные требования (например, по декларированию) распространяются лишь на отдельные категории должностей. Для квалификации это означает, что правоприменителю недостаточно зафиксировать само нарушение; необходимо установить применимость конкретного антикоррупционного требования к конкретному служащему.

В.И. Майоров и Р.А. Пестов [5], анализируя специфику дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, также связывают проблематику с двойственностью нормативного регулирования: общий порядок дисциплинарной ответственности сосуществует со специальным антикоррупционным механизмом, что порождает вопросы разграничения оснований и процедур. Авторы показывают, что специфика проявляется не в разрыве с дисциплинарной ответственностью, а в особом предмете регулирования и специальных правилах применения взысканий. Такой подход усиливает тезис о необходимости единообразных квалификационных критериев при сохранении специальных антикоррупционных норм.

Проблема вины в представленных материалах является одной из центральных. А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев [6] отмечают, что введение специальных правил по коррупционным правонарушениям сформировало «параллельный механизм назначения дисциплинарных взысканий». Авторы подчеркивают, что законодатель приводит перечень нарушений без указания признаков правонарушения (в том числе виновности), а специальный перечень обстоятельств, учитываемых при назначении взыскания по антикоррупционным составам, не включает указание на степень вины. Из этого они выводят риск такого толкования, при котором «не требуется учитывать не только степень вины, но и саму вину».

Данный тезис корреспондирует с наблюдениями С.В. Завитовой: в работе прямо говорится о ситуациях, когда нарушение антикоррупционных требований связано с действиями другого лица (например, супруга), и автор считает, что отсутствие прямого указания на установление вины не должно препятствовать учету этих обстоятельств, особенно при решении вопроса об увольнении по утрате доверия. Здесь проблема квалификации переходит в проблему справедливости санкции: при формально установленном нарушении вопрос о виновности влияет на выбор меры и допустимость самой ответственности.

С.С. Терещук, рассматривая субъективную сторону, прямо указывает, что нормативное требование установления вины применительно к коррупционному дисциплинарному правонарушению в явном виде не закреплено, но вопрос о наличии/отсутствии вины должен быть решен при привлечении к ответственности. В качестве аргумента автор обращается к самой структуре оснований увольнения по утрате доверия, где закон использует признаки заведомости и осознанного поведения (например, представление заведомо недостоверных сведений), что затрудняет полностью «безвиновное» понимание соответствующих составов. Даже при специальном антикоррупционном регулировании вопрос вины остаётся ключевым для правильной квалификации и устойчивости решения при обжаловании.

Отдельно А.Ю. Соколов и О.А. Лакаев анализируют поправки 2023 года, установившие освобождение от ответственности, если невыполнение антикоррупционных правил вызвано не зависящими от служащего обстоятельствами. Авторы подчеркивают, что такая модель фактически исходит из наличия объективной стороны правонарушения, но исключает ответственность из-за объективных факторов, т.е. проблема вины решается не на уровне общего состава, а через специальное основание освобождения. В их оценке это не полностью вписывается в общую логику освобождения от ответственности в уголовном и административном праве, поскольку здесь речь идет именно об отсутствии вины. Такой вывод прямо связан с темой единообразия: при сохранении неопределенности основного состава нагрузка переносится на исключения, что может усиливать расхождения в правоприменении.

Вопрос соразмерности санкций наиболее остро проявляется в соотношении ст. 59.1 и 59.2 Закона № 79-ФЗ. Закон разграничивает случаи, где допускается выбор среди нескольких дисциплинарных взыска-

ний, и случаи, где предусмотрено увольнение в связи с утратой доверия. При этом ст. 59.3 требует учитывать характер правонарушения, его тяжесть, обстоятельства совершения и соблюдение служащим других ограничений и обязанностей. Уже это сочетание норм создает внутреннее напряжение между императивностью некоторых последствий и необходимостью индивидуализации.

С.Е. Чаннов [7] показывает данное напряжение через практический контекст: по его наблюдению, руководители нередко стремятся сохранить квалифицированных служащих, допустивших нарушения, не повлекшие серьезных негативных последствий, и вместо увольнения применяют более мягкие меры. Одновременно автор отмечает нечеткость формулировок об утрате доверия: с одной стороны, нормы позволяют ссылаться на отсутствие утраты доверия у представителя нанимателя, с другой – императивная конструкция ст. 59.2 формально предполагает обязательность увольнения в перечисленных случаях. Тем самым проблема соразмерности в работах Чаннова описывается как противоречие между целями неотвратимости антикоррупционных мер и потребностью учитывать фактическую общественную опасность конкретного деяния.

Характерным является вывод С.Е. Чаннова о необходимости более гибкого регулирования: законодательство, по мнению автора, должно допускать применение более мягких дисциплинарных санкций в случаях, когда формально подпадающее под антикоррупционный запрет деяние в конкретной ситуации не влечет значительных негативных последствий. Автор связывает решение с введением понятия малозначительности и закреплением его в законе, чтобы одновременно обеспечить неотвратимость наказания и сократить произвольное усмотрение представителя нанимателя.

В.И. Кузнецов [8], анализируя основания и условия применения взысканий, также исходит из необходимости индивидуализации. В его материале показано, что судебная оценка законности увольнения по утрате доверия связана не только с формальным наличием нарушения, но и с оценкой обстоятельств, характеризующих служебное поведение, причинную связь с исполнением должностных обязанностей и степень подрыва доверия/авторитета органа. В таком подходе соразмерность выступает не абстрактным принципом, а конкретным критерием судебного контроля за дисциплинарным решением.

Л.А. Ломакина [9] подчеркивает, что различия между основаниями и процедурами применения взысканий за «обычные» дисциплинарные проступки и коррупционные правонарушения не всегда обеспечивают понятность и единообразие для правоприменителя. Автор связывает риски с несогласованностью регулирования и прямо пишет, что Закон № 79-ФЗ «не содержит единообразного подхода к понятию служебной дисциплины».

И.В. Григорьев и М.В. Крипак [10] отмечают, что в ряде ситуаций сам законодатель оставляет представителю нанимателя пространство для разрешения вопроса о доверии/недоверии служащему, что прямо влияет на вариативность практики. Их формулировка о том, что «в отдельных случаях законодатель сам дает представителю нанимателя возможность разрешать вопрос о доверии или недоверии служащему», показывает, что проблема единообразия заложена в самой конструкции закона, а не только в ошибках правоприменителя. Следовательно, достижение единообразия в этой части неизбежно требует либо более точных законодательных критериев, либо устойчивых судебных стандартов их применения.

В.И. Кузнецов в итоговых выводах также фиксирует системную проблему, что Закон № 79-ФЗ не содержит единообразного подхода к понятию служебной дисциплины и в сочетании с выводами Л.А. Ломакиной это показывает совпадение оценок разных авторов относительно нормативной неопределенности как источника разнонаправленной практики.

Процедурный блок в представленных материалах раскрывается через сочетание закона о службе, подзаконных актов Президента РФ и Правительства РФ. Указ Президента РФ № 309 [11] утверждает положения, связанные с проверкой достоверности и полноты сведений и соблюдения требований к служебному поведению, а также вопросы работы комиссий. В частности, в указе закреплены положения о проверке достоверности и полноты сведений и о порядке рассмотрения президиумом Совета при Президенте РФ вопросов, касающихся соблюдения антикоррупционных требований. Тем самым проверка и работа комиссий включаются в процедуру принятия дисциплинарного решения и влияют на доказательственную базу по делу.

Постановление Правительства РФ № 207 [12] конкретизирует порядок проверки сведений о доходах и иных антикоррупционных данных для федеральных государственных служащих. В Правилах указано, что основанием проверки является решение руководителя (либо уполномоченного им лица), а сама проверка может включать беседу,

получение пояснений, направление запросов в органы и организации. Нормативно закреплены и сроки: проверка осуществляется в срок до 60 дней с возможностью продления до 90 дней. Для единообразия правоприменения этот блок важен тем, что он формализует доказательственную основу дисциплинарного решения.

Указ Президента РФ № 120 [13] содержит изменения, связанные с работой комиссий и рассмотрением отдельных заявлений, в том числе в контексте признания причин объективно препятствующими исполнению отдельных обязанностей. В тексте акта отражено, что соответствующие вопросы рассматриваются комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также консультативными органами.

М.Б. Добробаба [14] в производстве показывает, что специальные процедуры по делам о коррупционных правонарушениях фактически развиваются как особый процессуальный блок внутри дисциплинарного производства. Автор в аннотации указывает, что нормативно установленные особенности связаны с субъектами проверки, механизмом ее проведения, отсутствием требования о получении объяснений и сроками давности, но делает вывод, что эти отличия «не имеют принципиального характера» и могут быть встроены в общую процедуру. Такой вывод важен для проблемы единообразия: он направлен не на отказ от антикоррупционной специфики, а на процессуальную унификацию при сохранении материальных оснований.

С.В. Завитова, со своей стороны, подчеркивает практическое значение комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и одновременно выделяет проблемы в определении сроков привлечения к ответственности. Порядок привлечения по ст. 59.3 имеет особенности и строится на проверке кадрового подразделения по профилактике коррупционных правонарушений. В совокупности с подзаконным регулированием это подтверждает: процедурная неоднородность является не случайным отклонением, а системной характеристикой действующего механизма.

Статья 59.3 Закона № 79-ФЗ предусматривает специальные сроки привлечения за коррупционные правонарушения (шесть месяцев со дня поступления информации и три года со дня совершения), а также исключения из течения сроков. Ю.П. Кузякин и А.И. Мухин [15] обращают на это внимание как на одну из особенностей дисциплинарной ответственности служащих за коррупционные правонарушения по сравнению с «обычным» дисциплинарным режимом. Их текст прямо сопоставляет месячный срок применения обычного взыскания и более длительные сроки для антикоррупционных составов.

С одной стороны, увеличение сроков объективно расширяет возможности выявления и проверки сложных коррупционных нарушений, особенно связанных с декларированием и проверкой сведений. С другой стороны, как следует из анализа Ю.П. Кузякина и А.И. Мухина, само по себе наличие специальных сроков не снимает проблему критериев привлечения к ответственности, поскольку авторы указывают на отсутствие достаточно определенных критериев, которые могли бы быть положены в основу решения. Следовательно, продление сроков без уточнения квалификационных и санкционных стандартов не гарантирует единообразия.

Л.А. Ломакина также анализирует вопрос сроков и порядка применения взысканий за коррупционные правонарушения через соотношение ст. 58 и ст. 59.3 Закона № 79-ФЗ, отмечая необходимость системного толкования и существующие сложности правоприменения. В совокупности с материалами о проверке (Указ № 309 и Постановление № 207) это показывает, что сроки нельзя рассматривать изолированно: они встроены в цепочку «получение информации – проверка – комиссия – решение представителя нанимателя». Единообразие здесь зависит не от одного срока, а от согласованности всей процедуры.

И.Ю. Шаговик [16] рассматривает проблему соотношения дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих, включая вопрос о возможности одновременного привлечения и проблему дискреционных полномочий при назначении дисциплинарных взысканий. Автор обозначены вопросы прозрачности дисциплинарных процедур, снижения коррупционных рисков и публичности решений по дисциплинарным взысканиям в коррупционных делах.

В тексте И.Ю. Шаговика подчеркивается дискуссионность вопроса о допустимости одновременного привлечения к дисциплинарной и административной ответственности за одно и то же нарушение, в том числе через отсылку к принципу *pop bis in idem*. Даже если конкретные выводы автора носят дискуссионный характер, сама постановка вопроса показывает, что проблема соразмерности санкций на практике выходит за пределы «внутри-дисциплинарного» выбора меры и может затрагивать межотраслевое сочетание мер ответственности. В контексте рассматриваемых материалов это усиливает аргумент в пользу бо-

лее четких критериев квалификации и разграничения оснований реагирования.

Проведенное исследование позволяет заключить, что дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения представляет собой специальный сегмент дисциплинарной ответственности, функционирующий в рамках общего института служебной ответственности и регулируемый специальными антикоррупционными нормами. Вместе с тем правоприменительная практика выявляет устойчивые проблемы, связанные с квалификацией соответствующих проступков, установлением и оценкой вины, а также соблюдением требования соразмерности дисциплинарных санкций.

Повышение эффективности правового регулирования в рассматриваемой сфере предполагает нормативное уточнение признаков коррупционного дисциплинарного правонарушения, последовательное закрепление значения вины в механизме привлечения к ответственности и формирование единообразных подходов к выбору меры дисциплинарного воздействия. Реализация указанных направлений будет способствовать повышению предсказуемости правоприменения и обеспечению баланса между задачами противодействия коррупции и гарантиями прав государственного служащего.

Литература

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 22.02.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 22.02.2026).
3. Терещук С. С. К вопросу о разграничении дисциплинарного проступка и дисциплинарного коррупционного правонарушения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1 (150). – С. 137–142.
4. Завитова С.В. Дисциплинарная ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы правоприменительной практики // *Ius Publicum et Privatum*. – 2019. – № 2. – С. 15–20.
5. Майоров В. И., Пестов Р.А. Специфика дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // *Юристы-Правоведы*. – 2023. – № 1 (104). – С. 35–41.
6. Соколов А. Ю., Лакаев О.А. Правовое регулирование вины государственных служащих в совершении коррупционных дисциплинарных проступков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 3 (158). – С. 64–71.
7. Чаннов С.Е. Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? // *Актуальные проблемы российского права*. – 2014. – № 10. – С. 2197–2203.
8. Кузнецов В. И., Трунцевский Ю.В., Ломакина Л.А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // *Журнал российского права*. – 2020. – № 1. – С. 159–169.
9. Ломакина Л.А. Некоторые проблемы правового регулирования ответственности государственных гражданских служащих за утрату доверия // *Журнал российского права*. – 2019. – № 12. – С. 168–173.
10. Григорьев И. В., Крипак М.В. Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // *Административное и муниципальное право*. – 2018. – № 5. – С. 1–10.
11. Указ Президента РФ от 02.04.2013 N 309 (ред. от 31.12.2025) «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144338/ (дата обращения: 22.02.2026).
12. Постановление Правительства РФ от 13.03.2013 N 207 (ред. от 06.11.2014) «Об утверждении Правил проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей руководителей федеральных государственных учреждений, и лицами, замещающими эти должности» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143364/ (дата обращения: 22.02.2026).
13. Указ Президента РФ от 08.03.2015 N 120 (ред. от 15.07.2015) «О некоторых вопросах противодействия коррупции» // [электрон-

ный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176134/ (дата обращения: 22.02.2026).

14. Добробаба М.Б. Особенности внесудебного дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 86–89.

15. Кузякин Ю. П., Мухин А.И. Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // Юридическая наука. – 2023. – № 9. – С. 46–51.

16. Шаговик И.Ю. Соотношение дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих // Epomen. Global. – 2025. – № 60. – С. 71–76.

DISCIPLINARY LIABILITY OF CIVIL SERVANTS FOR CORRUPTION OFFENSES: PROBLEMS OF QUALIFICATION, PROPORTIONALITY OF SANCTIONS, AND UNIFORMITY OF LAW ENFORCEMENT

Nikolaev A.I.

Lomonosov Moscow State University

The article examines disciplinary liability of public servants for corruption-related offenses in terms of legal qualification, guilt assessment, proportionality of sanctions, and uniformity of law enforcement. Based on Federal Laws No. 273-FZ and No. 79-FZ, subordinate anti-corruption regulation, judicial positions, and doctrinal approaches, the paper shows that this liability remains disciplinary in nature but is implemented through a special anti-corruption regime with specific grounds, time limits, and procedures. The study identifies persistent problems: the absence of a clear statutory distinction between general disciplinary misconduct and a corruption disciplinary offense, ambiguity regarding the role of guilt in special anti-corruption compositions, and tension between mandatory sanctions (including dismissal due to loss of trust) and the need for individualized punishment. The article substantiates the need to clarify the features of the offense, consistently recognize the significance of guilt, and develop uniform criteria for selecting disciplinary measures.

Keywords: disciplinary liability; public servants; corruption-related offenses; loss of trust; disciplinary sanction; legal regulation.

References

1. Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 (as amended on 28.12.2025) «On Countering Corruption» // [electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed: 22.02.2026).

2. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 (as amended on 28.12.2025) «On the State Civil Service of the Russian Federation» // [electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed: 22.02.2026).

3. Tereshchuk S.S. On the distinction between a disciplinary offense and a disciplinary corruption offense // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 1 (150). – pp. 137–142.

4. Zavitova S.V. Disciplinary liability of civil servants for corruption offenses: problems of law enforcement practice // *Ius Publicum et Privatum*. – 2019. – No. 2. – pp. 15–20.

5. Mayorov V. I., Pestov R.A. Specific features of disciplinary liability of civil servants for corruption offenses // *Yurist-Pravoved*. – 2023. – No. 1 (104). – pp. 35–41.

6. Sokolov A. Yu., Lakaev O.A. Legal regulation of the guilt of civil servants in committing corruption-related disciplinary offenses // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2024. – No. 3 (158). – pp. 64–71.

7. Channov S.E. Can a corruption offense be considered minor? // *Actual Problems of Russian Law*. – 2014. – No. 10. – pp. 2197–2203.

8. Kuznetsov V. I., Truntsevsky Yu. V., Lomakina L.A. Dismissal of state civil servants due to loss of trust: problems of theory and practice // *Journal of Russian Law*. – 2020. – No. 1. – pp. 159–169.

9. Lomakina L.A. Some problems of legal regulation of liability of state civil servants for loss of trust // *Journal of Russian Law*. – 2019. – No. 12. – pp. 168–173.

10. Grigoriev I. V., Kripak M.V. Features of disciplinary liability of civil servants for corruption offenses // *Administrative and Municipal Law*. – 2018. – No. 5. – pp. 1–10.

11. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 02.04.2013 (as amended on 31.12.2025) «On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law 'On Countering Corruption'» (together with the «Regulation on the Procedure for Sending Requests to the Federal Financial Monitoring Service in the Course of Inspections for the Purposes of Countering Corruption») // [electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144338/ (accessed: 22.02.2026).

12. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 207 of 13.03.2013 (as amended on 06.11.2014) «On Approval of the Rules for Verifying the Accuracy and Completeness of Information on Income, Property, and Property-Related Obligations Submitted by Citizens Applying for Positions of Heads of Federal State Institutions and by Persons Holding These Positions» // [electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143364/ (accessed: 22.02.2026).

13. Decree of the President of the Russian Federation No. 120 of 08.03.2015 (as amended on 15.07.2015) «On Certain Issues of Countering Corruption» // [electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176134/ (accessed: 22.02.2026).

14. Dobrobaba M.B. Features of out-of-court disciplinary proceedings in cases of corruption offenses // Bulletin of South Ural State University. Series: Law. – 2017. – Vol. 17. – No. 1. – pp. 86–89.

15. Kuzyakin Yu. P., Mukhin A.I. Features of disciplinary liability of civil servants for corruption offenses // *Legal Science*. – 2023. – No. 9. – pp. 46–51.

16. Shagovik I. Yu. Correlation between disciplinary and administrative liability of state civil servants // Epomen. Global. – 2025. – No. 60. – pp. 71–76.

Использование цифровых валют центральных банков в бюджетном процессе: российский и зарубежный опыт

Сечина Елена Юрьевна,

аспирант, кафедра финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
E-mail: s2021889@edu.msal.ru

Исследование посвящено актуальной проблеме интеграции цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) в бюджетный процесс. Новизна работы заключается в сравнительном анализе подходов России, Китая и Казахстана, позволяющем выявить не только общие перспективы использования ЦВЦБ для повышения прозрачности и контроля государственных финансов, но и специфику национальных моделей. Особое внимание уделяется анализу российского проекта «цифровой рубль», который позиционируется не как замена существующих электронных сервисов, а как их дополнение, и законодательным изменениям, закрепляющим его использование для налоговых платежей и администрирования.

Ключевые слова: цифровые валюты центральных банков, цифровой рубль, бюджетный процесс, налоговое администрирование, государственные платежи.

Введение

В эпоху цифрового развития в целях создания новых платежных инструментов цифровые валюты центральных банков (далее – ЦВЦБ) активно внедряются в платежную систему и имеют высокий потенциал для построения альтернативных механизмов расчетов. И хотя вопрос актуальности и необходимости внедрения цифровых валют по-прежнему остается спорным, в настоящий момент многие страны активно разрабатывают свои ЦВЦБ, в том числе Российская Федерация, работающая над проектом цифровой рубль.

Как отмечается в Концепции цифрового рубля, одним из преимуществ, которое может стимулировать распространение цифрового рубля в обществе и государстве, является возможность использовать его в бюджетном процессе [3]. Рассмотрим данное направление подробнее на примере опыта Российской Федерации и некоторых зарубежных стран.

Цель исследования

Провести сравнительный анализ возможностей и существующего опыта использования ЦВЦБ в бюджетном процессе на примере Российской Федерации, Китая и Казахстана.

Методы исследования

Сравнительно-правовой и сравнительно-экономический анализ нормативных актов и официальных документов; изучение данных пилотных проектов; обобщение зарубежного опыта.

ЦВЦБ может использоваться для осуществления правительственных платежей G2P и P2G (правительство-гражданин/гражданин – правительство). По мнению Международного Валютного Фонда, «во многих странах такие платежи в настоящее время осуществляются наличными, что является дорогостоящим, сопряженным с рисками и непрозрачным процессом» [9]. Для российской практики это утверждение неверно, поскольку большую часть платежей в бюджет население уплачивает через систему ГИС ГМП, используя разные каналы входа (портал госуслуг, личный кабинет налогоплательщика, терминалы, МФЦ) на разных устройствах, а социальные выплаты, зарплатные бюджетникам (за редким исключением) осуществляются на счета, открытые в любом банке, к которым выпущены карты «МИР». Для получения налоговых вычетов по НДФЛ (имущественных, социальных) в личном кабинете налогоплательщика есть опция выбора любого банковского счета налогоплательщика (даже без привязки к банковским картам), на который зачисляется сумма вычета в тот же или на следующий день после принятия решения налогового органа о вычете.

В Российской Федерации НСПК «МИР» используется также для приобретения льготными категориями граждан товаров и услуг за счет средств соответствующих бюджетов на основе ГИС «Электронный сертификат». В 2023–2024 гг. проводился пилотный проект в отдельных регионах по использованию виртуальной социальной карты, упрощающей оплату проезда на транспорте [3]. Таким образом, в отличие от многих стран использование ЦР можно рассматривать не как альтернативу наличным платежам G2P и P2G, а дополнение к уже имеющимся электронным сервисам.

В 2025 году в Бюджетный кодекс Российской Федерации были внесены изменения, направленные на интеграцию цифрового рубля в систему публичных финансов. Новеллы носят системный характер и создают правовую основу для использования национальной цифровой валюты при исполнении бюджетов бюджетной системы РФ [2].

В БК РФ официально введено понятие «счёт цифрового рубля Федерального казначейства», что позволяет открывать и вести указанные счета на платформе цифрового рубля Банка России в целях отражения операций со средствами бюджетов. Участникам системы казначейских платежей предоставлено право осуществлять расчёты в цифровых рублях, что открывает возможность для перевода бюджетных средств в цифровой форме как между уровнями бюджетной системы, так и при расчётах с юридическими и физическими лицами [7].

Законодателем установлен трёхэтапный переход к полномасштабному использованию цифрового рубля при исполнении бюджетов (табл. 1).

Таблица 1

Этап	Период	Содержание
I этап	2025 год	Обязательное применение цифрового рубля при исполнении федерального бюджета в отношении закрытого перечня расходов, утверждаемого Правительством РФ по согласованию с Банком России.
II этап	с 2026 года	Распространение обязательного использования цифрового рубля на любые расходы федерального бюджета.
III этап	с 2027 года	Внедрение цифрового рубля в бюджеты всех уровней бюджетной системы РФ (федеральный, региональные, местные), а также в бюджеты государственных внебюджетных фондов.

Как мы видим, к 2027 году формируется унифицированный правовой режим использования цифрового рубля в публичных финансах, охватывающий как доходную (налоговые и неналоговые поступления), так и расходную части бюджетов.

ЦВЦБ может также использоваться при уплате налогов (в качестве налогоплательщиков и налоговых агентов) физическими и юридическими лицами, а также при оплате государственных (муниципальных) контрактов, предоставления субсидий организациям (B2G и G2B). Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» содержит положения об использовании цифрового рубля при уплате налогов и налоговом администрировании, которые вступили в силу с 01.01.2025 [1]. Данная редакция НК РФ включает следующие нормы: ст. 11 – определение «счет цифрового рубля», ст. 76 – взыскание недоимок за счет цифровых рублей и приостановление банковских операций, ст. 86 – обязанность операторов платформы ЦР предоставлять по запросу налоговых органов информацию об операциях на счетах ЦР и остатках средств на этих счетах, ст. 132, 134, 135.1 – ответственность операторов платформ ЦР, ст. 149 – операции с использованием ЦР не подлежат обложению НДС, ст. 271–273 – правила определения налоговой базы по налогу на прибыль организации по операциям с ЦР.

Как отмечает И. И. Кучеров, включение цифрового рубля в налоговые правоотношения – это не просто расширение перечня форм уплаты налогов. Счет цифрового рубля становится объектом налогового контроля: операторы платформы обязаны предоставлять информацию об остатках и операциях, что позволяет налоговым органам в режиме реального времени получать данные для принудительного взыскания недоимок и приостановления операций [8].

Использование ЦВЦБ, в том числе, в рамках бюджетного процесса, во многих странах сейчас осуществляется в режиме пилотных проектов в отдельных регионах. Наиболее масштабный опыт таких проектов в Китае, который представляет интерес не только потому, что это самая крупная экономика мира, но и потому что на высшем уровне принято решение о расчетах с использованием ЦВЦБ. Цифровой юань (e-CNY) применяется для уплаты налогов и для осуществления отдельных выплат из бюджета (зарплата государственных служащих, субсидии, связанные с проездом) [11].

Китайский опыт по сбору налогов и других обязательных платежей на основе ЦВЦБ имеет особенности, связанные с разнообразием применяемых сценариев (уплата налогов и взносов на социальное страхование физическими лицами, предприятиями, предприятиями с иностранными инвестициями), льгот и технологий в отдельных провинциях с целью выработки наиболее приемлемого варианта (вариантов). Объем налоговых платежей на основе e-CNY на конец 2023 года в округе Сянчэн города Сучжоу составил 20 млрд юаней, уплаченных около 20000 налогоплательщиками, на начало 2024 года в провинции Фуцзянь объем налоговых платежей в цифровых юанях превысил 36 млрд (для сравнения: общий объем транзакций с использованием в середине 2023 г. составил 1,8 трлн) [12].

При этом опыт Китая в части использования ЦВЦБ для налогового администрирования необходимо рассматривать с учетом необходимости преодоления сложившейся в этой стране значительной децентрализации деятельности налоговых органов этой страны и их взаимодействия с банками, что не характерно для России. Бюджетные расходы в Китае на платформе ЦВЦБ кроме выплат госслужащим связаны с продвижением использования e-CNY – еще в октябре 2023 г. в Шэньчжэне открылся «индустриальный парк цифрового юаня», резиденты которого получают кроме бесплатной аренды льготные кредиты и субсидию 100 млн юаней на три года [10].

Еще один пример использования ЦВЦБ при исполнении бюджетов по расходам иллюстрирует Республика Казахстан, где в 2024 году

тестирование ЦВЦБ в отношении исполнения бюджетов по расходам в части оплаты государственных закупок и перечисления государственных субсидий. «Цифровой тенге, работающий на основе смарт-контрактов, обещает гарантировать, что выделенные из бюджета средства будут расходоваться строго по назначению... Это становится возможным благодаря интеграции с государственными базами данных и реестрами, ведению «белых» и «черных» списков юридических лиц, категорий товаров и услуг» [13]. Пилотные проекты по использованию цифрового тенге касаются закупок строительных услуг и субсидий сельскому хозяйству.

Особенностью ЦВЦБ в соответствии с проектами зарубежных государств, которые актуальны для операций по исполнению бюджета являются бесплатность проведения операций, а также такие возможности, как: перевод средств домохозяйствам, не имеющих счетов в банках и стабильного интернета (при офлайн режиме использования ЦВЦБ) [14]; в отдельных случаях «программирования» на основе смарт-контрактов (например, предусмотрена для e-CNY) [15].

Результаты

Определены ключевые направления применения ЦВЦБ в бюджетном процессе: выплаты населению (G2P), сбор налогов, госзакупки и субсидии (G2B/B2G). Выявлены особенности российской модели (интеграция в развитую цифровую экосистему), китайской (масштабные пилотные проекты по сбору налогов) и казахстанской (акцент на целевое расходование средств через смарт-контракты).

Заключение

Таким образом, «будучи одним из крупнейших плательщиков и получателей платежей в экономике, правительства оказывают огромное влияние на то, какие платежные методы становятся общепринятыми» [16]. Использование ЦВЦБ в бюджетном процессе обладает значительным потенциалом для повышения эффективности, прозрачности и контроля за государственными финансами. Успешное внедрение зависит от адаптации технологических решений к национальным особенностям уже существующей финансовой инфраструктуры и регуляторной среды. Государство, выступая крупнейшим участником платежного оборота, может стать ключевым драйвером распространения ЦВЦБ.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах: Федеральный закон № 610-ФЗ: [принят Государственной Думой 12 декабря 2023 года: одобрен Советом Федерации 15 декабря 2023 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 312-ФЗ: [принят Государственной Думой 27 июня 2025 года: одобрен Советом Федерации 5 июля 2025 года]. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 29. – Ст. 5214
3. Российская Федерация. Правительство. О проведении эксперимента по использованию виртуальных социальных карт при предоставлении гражданам за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации мер социальной защиты (поддержки) при пользовании транспортными услугами: Постановление Правительства РФ № 884: [от 31 мая 2023 года]. – Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 23 (ч. II). – Ст. 4194.
4. Центральный банк Российской Федерации. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. – Москва: Банк России, 2020. – 56 с. – Текст: непосредственный.
5. Центральный банк Российской Федерации. Цифровой рубль. – Текст: электронный // Банк России: официальный сайт. – URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 03.01.2026).
6. Матыцин, Ф.О. Налогообложение операций, связанных с использованием цифровой валюты в России и Китае / Ф.О. Матыцин. – Текст: непосредственный // Научный аспект. – 2024. – № 2 (12). – С. 1454–1461.
7. Артюхин, Р.Е. Бюджетно-правовое регулирование совершения операций с цифровым рублем // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 1 (182).
8. Кучеров, И.И. Цифровой рубль как объект налогового-правового регулирования / И.И. Кучеров. – Текст: непосредственный // Финансовое право. – 2024. – № 3. – С. 2–7.
9. How Should Central Banks Explore Central Bank Digital Currency? – Текст: электронный // International Monetary Fund: e-library. – 2023. –

8 September. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2023/09/08/How-Should-Central-Banks-Explore-Central-Bank-Digital-Currency-538504> (дата обращения: 10.01.2026).

10. China's digital yuan to be used for government wages. – Текст: электронный // Ledger Insights. – 2023. – 24 April. – URL: <https://www.ledgerinsights.com/china-digital-yuan-cbdc-government-wages/> (дата обращения: 10.12.2025).

11. Шулян, Л. Пилотный проект цифрового юаня распространялся на 17 провинций и городов / Л. Шулян. – Текст: электронный // Business Times. – 2024. – 30 января. – URL: <https://www.ctee.com.tw/news/20240130700146-439901> (дата обращения: 10.12.2025).

12. CBDC 'industrial park' opens in China to advance digital currency development. – Текст: электронный // Global Government Fintech. – 2023. – 24 October. – URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/cbdc-industrial-park-opens-in-china-to-advance-digital-currency-development/> (дата обращения: 15.12.2025).

13. Казахстан тестирует использование цифровой валюты центрального банка в государственных закупках. – Текст: электронный // Global Government Fintech. – 2024. – 26 марта. – URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/kazakhstan-tests-central-bank-digital-currency-use-in-public-procurement/> (дата обращения: 10.12.2025).

14. CBDC Digital Rupee vs UPI – Explained. – Текст: электронный // EZTax: портал по соблюдению налогового законодательства Индии. – URL: <https://eztax.in/upi-vs-cbdc-digitalrupee> (дата обращения: 14.09.2025).

15. Future of digital currency in India. – Текст: электронный // PwC India: официальный сайт. – URL: <https://www.pwc.in/research-and-insights-hub/future-of-digital-currency-in-india.html> (дата обращения: 10.02.2026).

16. Confusion: digital money is creating opportunities and dilemmas for policy makers. – Текст: электронный // ODI: website. – 2021. – 31 August. – URL: <https://odi.org/en/insights/coinfusion-digital-money-is-creating-opportunities-and-dilemmas-for-policymakers/> (дата обращения: 10.02.2026).

THE APPLICATION OF CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCIES IN BUDGETING: A COMPARISON OF RUSSIAN AND INTERNATIONAL PRACTICES

Sechina E.Yu.

Kutafin Moscow State Law University

The study is devoted to the urgent problem of integrating central bank digital currencies into the budget process. The novelty of the work lies in a comparative analysis of the approaches of Russia, China and Kazakhstan, which allows us to identify not only the general prospects for using central securities to increase transparency and control of public finances, but also the specifics of national models. Special attention is paid to the analysis of the Russian digital ruble project, which is positioned not as a replacement for existing electronic services, but as their complement, and legislative changes that consolidate its use for tax payments and administration.

Keywords: central bank digital currencies, digital ruble, budget process, tax administration, government payments.

References

1. Russian Federation. Laws. On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees: Federal Law No. 610-FZ: [adopted by the State Duma on December 12, 2023; approved by the Federation Council on December 15, 2023]. – Text: electronic // ConsultantPlus: legal reference system. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: January 10, 2026).

2. Russian Federation. Laws. On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 312-FZ: [adopted by the State Duma on June 27, 2025; approved by the Federation Council on July 5, 2025]. – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 29. – Art. 5214

3. Russian Federation. Government. On conducting an experiment in using virtual social cards to provide citizens with social protection (support) measures when using transport services, financed from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation: RF Government Resolution No. 884: [dated May 31, 2023]. – Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 23 (Part II). – Art. 4194.

4. Central Bank of the Russian Federation. Digital Ruble: report for public consultations. – Moscow: Bank of Russia, 2020. – 56 p. – Text: direct.

5. Central Bank of the Russian Federation. Digital Ruble. – Text: electronic // Bank of Russia: official website. – URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (date of access: 03.01.2026).

6. Matytsin, F.O. Taxation of Transactions Related to the Use of Digital Currency in Russia and China / F.O. Matytsin. – Text: direct // Scientific aspect. – 2024. – No. 2 (12). – P. 1454–1461.

7. Artyukhin, R.E. Budgetary and legal regulation of transactions with the digital ruble // Actual problems of Russian law. 2026. No. 1 (182).

8. Kuchеров, I.I. Digital ruble as an object of tax and legal regulation / I.I. Kuchеров. – Text: direct // Financial law. – 2024. – No. 3. – P. 2–7.

9. How Should Central Banks Explore Central Bank Digital Currency? – Text: electronic // International Monetary Fund: e-library. – 2023. – 8 September. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2023/09/08/How-Should-Central-Banks-Explore-Central-Bank-Digital-Currency-538504> (date of access: 10.01.2026).

10. China's digital yuan to be used for government wages. – Text: electronic // Ledger Insights. – 2023. – 24 April. – URL: <https://www.ledgerinsights.com/china-digital-yuan-cbdc-government-wages/> (date of access: 10.12.2025).

11. Shuliang, L. The digital yuan pilot project has spread to 17 provinces and cities / L. Shuliang. – Text: electronic // Business Times. – 2024. – January 30. – URL: <https://www.ctee.com.tw/news/20240130700146-439901> (date of access: 10.12.2025).

12. CBDC 'industrial park' opens in China to advance digital currency development. – Text: electronic // Global Government Fintech. – 2023. – October 24. – URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/cbdc-industrial-park-opens-in-china-to-advance-digital-currency-development/> (date of access: 15.12.2025).

13. Kazakhstan tests the use of central bank digital currency in public procurement. – Text: electronic // Global Government Fintech. – 2024. – March 26. – URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/kazakhstan-tests-central-bank-digital-currency-use-in-public-procurement/> (date of access: 10.12.2025).

14. CBDC Digital Rupee vs UPI – Explained. – Text: electronic // EZTax: portal for tax compliance in India. – URL: <https://eztax.in/upi-vs-cbdc-digitalrupee> (date of access: 14.09.2025).

15. Future of digital currency in India. – Text: electronic // PwC India: official website. – URL: <https://www.pwc.in/research-and-insights-hub/future-of-digital-currency-in-india.html> (date of access: 10.02.2026).

16. Confusion: Digital Money is Creating Opportunities and Dilemmas for Policymakers. – Text: electronic // ODI: website. – 2021. – 31 August. – URL: <https://odi.org/en/insights/coinfusion-digital-money-is-creating-opportunities-and-dilemmas-for-policymakers/> (date of access: 10.02.2026).

Фофанова Анна Юрьевна,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра
юриспруденции, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический
университет»

E-mail: fofanovaau@mauniver.ru

Актуальность исследования вызвана появлением цифровых финансовых активов (ЦФА) и необходимостью их интеграции в финансовую систему. Действующее регулирование, основанное на Федеральном законе № 259-ФЗ, остается фрагментарным, что затрудняет эффективное использование технологии и требует научного анализа для его совершенствования. Цель статьи заключается в комплексном анализе формирования института ЦФА в системе финансового права России и разработка предложений по его развитию. Задачи включают: определение правовой природы ЦФА, УЦП и ГЦП; исследование инфраструктуры рынка и роли Банка России; оценку практики применения; выявление существующих проблем; формулирование рекомендаций по совершенствованию регулирования. Результаты. В России создается специальный финансово-правовой режим для цифровых активов с централизованным надзором. ЦФА представляют собой цифровую форму традиционных имущественных прав. Рынок демонстрирует быстрый рост, но его развитие сдерживают правовые пробелы, фрагментация технологических платформ, отсутствие интероперабельности, неопределенность налогового режима и риски кибербезопасности. Выводы. Для формирования эффективного правового режима необходимы: кодификация законодательства о ЦФА в единый акт; внедрение стимулирующего и прозрачного налогового регулирования; создание условий для технологической интеграции платформ и роста ликвидности; гармонизация национальных норм с международными стандартами финансового регулирования цифровых активов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, финансовое право, правовое регулирование, цифровые права, Банк России, оператор информационной системы, финансовый рынок.

Введение

Цифровая трансформация экономики обусловила появление новых видов объектов гражданских прав и финансовых инструментов, среди которых центральное место занимают цифровые финансовые активы (далее – ЦФА). Интеграция данных активов в финансовую систему представляет собой сложный процесс, требующий формирования адекватного правового регулирования, обеспечивающего баланс между стимулированием инноваций, защитой прав инвесторов и обеспечением финансовой стабильности [12].

Российская Федерация сравнительно недавно встала на путь формализации правового режима цифровых активов. Ключевым шагом в этом направлении стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Однако, как отмечают исследователи, действующее регулирование характеризуется фрагментарностью, наличием правовых пробелов, концептуальных противоречий и экспериментально-правовым характером, что затрудняет эффективное внедрение технологий распределенных реестров в деятельность финансовых институтов [12, 13, 17].

Актуальность статьи определяется необходимостью комплексного анализа сложившейся правовой конструкции цифровых прав и ЦФА в системе финансового права России, выявления проблем правоприменения и определения векторов дальнейшего развития законодательства в условиях роста киберугроз, трансграничного характера операций и необходимости формирования альтернативных источников финансирования в условиях санкционного давления.

Материалы и методы исследований

Методологической базой статьи выступают научные публикации, освещающие проблему правового регулирования цифровых финансовых активов в финансовом праве РФ.

В работе применен системный подход для изучения нормативно-правовой базы, регулирующей выпуск и обращение ЦФА и цифровых прав в Российской Федерации. Использован формально-юридический метод в ходе интерпретации положений Федерального закона № 259-ФЗ [2, 3], Гражданского кодекса РФ (ст. 141.1) [1], подзаконных актов Банка России, а также норм налогового и административного законодательства. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский подход к регулированию цифровых активов (модель специального регулирования) с опытом зарубежных юрисдикций, в частности, либеральных (США, Канада, Австралия), адаптационных (ЕС, Сингапур) и запретительных (Китай) моделей [7, 12]. Историко-правовой метод использован для ретроспективного анализа формирования понятийного аппарата и института цифровых посредников. Метод теоретического обобщения и моделирования применен для анализа инфраструктуры рынка цифровых прав.

Результаты и обсуждения

Федеральный закон № 259-ФЗ [3] ввел в правовой оборот базовые понятия, создав основу для регулирования новых цифровых объектов [12]. Нормативная дефиниция «цифрового права», закрепленная в статье 141.1 ГК РФ [1], определяет данное понятие как обязательственные или иные права, особенность которых состоит в том, что их содержание, условия реализации, а также возможность распоряжения ими полностью зависят от правил конкретной информационной системы. Осуществить или передать цифровое право можно исключительно в рамках той же технологической среды, где оно было создано и учтено [15].

В научной литературе подчеркивается, что перевод прав в цифровую форму представляет собой, прежде всего, изменение способа их фиксации, а не возникновение принципиально новой правовой категории. Так, Л.Ю. Василевская обоснованно указывает, что в результате оцифровки происходит цифровое оформление уже существующих имущественных прав: обязательственных, корпоративных, исключительных, а не создание некоего самостоятельного их вида [6, 19].

На основе законодательных актов в РФ выделяются две основные группы цифровых прав: утилитарные цифровые права (УЦП) и цифровые финансовые активы (ЦФА), сочетание которых образует гибридные цифровые права (ГЦП) [12, 18].

Утилитарные цифровые права (УЦП) регламентируются Федеральным законом от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ [2]. По своей правовой природе они представляют собой цифровой аналог сертификата, удостоверяющего право требования на будущую поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг или предоставление интеллектуальных прав [12]. В международной практике близкими по функционалу являются так называемые утилитарные токены и токены, обеспеченные активами.

Цифровые финансовые активы (ЦФА) определены в Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ [3] и охватывают права имущественного характера, такие как денежное требование, право из эмиссионной ценной бумаги, а также право на участие в капитале непубличного акционерного общества [12]. Данная категория соответствует зарубежным инвестиционным токенам. Следует отметить, что, как справедливо указывает И.М. Конобеевская, цифровые права по своей сути не образуют абсолютно нового объекта гражданских прав, а выступают современной, технологически обусловленной формой фиксации традиционных имущественных правомочий [11, 19].

Гибридные цифровые права (ГЦП) являются комплексным цифровым инструментом, который объединяет в себе характеристики как УЦП, так и ЦФА. Примером может служить право, которое одновременно содержит денежное требование и обязательство по передаче определенного товара. В мировой практике аналогами подобных конструкций можно считать некоторые виды стейблкоинов и невзаимозаменяемые токены (NFT), выполняющие инвестиционно-утилитарные функции [12, 18].

ЦФА, таким образом, законодатель позиционирует не как самостоятельный объект, а как форму удостоверения имущественных, преимущественно финансовых, прав, что сближает их с традиционными финансовыми инструментами, но в цифровой среде. В отличие от ЦФА, цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных (цифровой код), не являющаяся законным средством платежа, но могущая быть объектом инвестирования [14]. Законодатель прямо запрещает использование цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ, но допускает гражданско-правовые сделки с ней, тем самым признавая ее имущественную природу [9, 14]. Данный претензионный подход в отношении платежной функции сближает российскую модель с китайской.

Правовое регулирование обращения цифровых прав в России осуществляется в рамках модели специального регулирования с выделением цифровых активов в отдельный объект [12, 16]. Осуществление операций требует особой цифровой инфраструктуры, ключевым звеном которой выступают цифровые платформы, регулируемые государством [4]. Выпуск и обращение происходят на двух типах площадок: инвестиционных платформах – для УЦП и вторичного обращения ЦФА – и в информационных системах – для выпуска и первичного обращения ЦФА [12].

Центральную роль в инфраструктуре играют операторы информационных систем (ОИС) – юридические лица, включенные в соответствующий реестр Банка России и обеспечивающие выпуск и учет ЦФА в частных (приватных) блокчейнах, а также операторы обмена ЦФА, например, Московская биржа, организующие совершение сделок [10, 12, 19]. По состоянию на апрель 2025 г. Банком России зарегистрировано 15 операторов информационных систем, включая ПАО «Сбербанк», АО «Альфа-Банк», ООО «Атомайз» и др. [19]. Критики отмечают, что обязательное участие таких посредников (ОИС и операторов обмена) противоречит изначальной сути технологии распределенных реестров – непосредственности, – и технически оборот ЦФА мог бы осуществляться без них, что является упущенным преимуществом [10].

Банк России осуществляет надзор за деятельностью операторов, согласовывает правила информационных систем и обмена, ведет публичные реестры, что формирует «легальный» сегмент рынка под публичным контролем [13, 16, 19]. Регулирование отличается жесткими требованиями, включая правила исключения из реестра, и ограничивает доступ неквалифицированных инвесторов.

Сфера использования цифровых прав расширяется: от выпуска финансовых продуктов и токенизации низколиквидных активов (недвижимость, драгметаллы) до решения внутрикорпоративных задач в виде мотивационных программ, как в ГМК «Норникель», и инструментов предпродажи, например, ГЦП на вино, проживание в отеле, поддержку реставрации объектов культуры [12, 18].

Однако следует отметить наличие следующих проблем: – нечеткость классификации, отсутствие судебной практики, пробелы в регулировании смарт-контрактов и исполнения обязательств по ГЦП, расплывчатость терминов [12, 18]. Отсутствие единого комплексного закона, регулирующего все аспекты обращения ЦФА

и криптовалют, порождает правовую неопределенность и дублирование функций регуляторов [8];

– фрагментация инфраструктуры, риски безопасности смарт-контрактов [12, 18]. Как показывают исследования, 83% организаций считают, что единые стандарты обеспечат взаимодействие различных блокчейн-сетей, что критически важно для масштабного внедрения [5];

– низкая ликвидность, ограниченность вторичного рынка, высокие барьеры входа для розничных инвесторов [18];

– отсутствие специальных положений, сдерживающее расширение рынка [8, 9]. В настоящее время существуют следующие отличия в налоговых режимах: цифровая валюта признается имуществом, а по операциям с ЦФА применяются общие правила налогообложения доходов от реализации имущественных прав с учетом цифровой формы и обязанностей налоговых агентов [16]. Такое различие требует гармонизации налогообложения ГЦП, определение базы при различных способах погашения, урегулирование вопросов НДС [18].

Рост числа кибератак представляет серьезную угрозу: цифровые финансовые активы подвержены рискам хищения, мошенничества и кибершпионажа. Правовое противодействие включает уголовную ответственность (ст. 159.6 УК РФ, гл. 28 УК РФ) и административное регулирование безопасности [15]. Судебная практика развивается в сторону признания цифровой валюты предметом преступления против собственности [14].

Существенным пробелом является регулирование трансграничного обращения. Хотя с 2024 года законодательно разрешено использовать ЦФА и ГЦП в международных расчетах, детальный механизм интеграции иностранных цифровых прав и их обращения на российских платформах не разработан [12]. Опыт ЕС, в частности, регламенты MiCA, DLT-пилот, и США показывает пути гармонизации и создания единых стандартов [5, 16]. Формирование специальной регуляторной инфраструктуры для криптовалютных операций, включая возможность организации торгов на инфраструктуре Московской биржи, создает важный прецедент, который может быть распространен и на ЦФА [5].

Судебная практика остается неоднородной в вопросах признания цифровой валюты имуществом и допустимости доказательств, что создает правовую неопределенность [14]. Отсутствие четких правовых определений и противоречия между позициями различных надзорных органов (ЦБ РФ, Минфин) усугубляют ситуацию и создают риски для бизнеса [8].

Обобщая проведенное исследование можно говорить о том, что:

– правовое регулирование цифровых финансовых активов и иных цифровых прав в РФ находится на начальном этапе своего становления: в настоящее время сформирован базовый понятийный аппарат и двухуровневая классификация (УЦП и ЦФА), реализована модель специального регулирования с активной ролью Банка России;

– рынок цифровых прав демонстрирует быстрый количественный рост и расширение сфер применения (финансирование МСП, токенизация активов, корпоративные программы), выступая альтернативным источником инвестиций в условиях цифровизации и внешних ограничений, что особенно актуально для субъектов МСП и крупного бизнеса [17];

– дальнейшее развитие сдерживается комплексом правовых (неопределенность статуса ГЦП, пробелы, дублирование регуляторных функций), технологических (фрагментация, отсутствие интероперабельности), экономических (низкая ликвидность, высокая концентрация рынка) и фискальных (неурегулированность налогообложения) проблем;

– задачами дальнейшего развития являются: совершенствование законодательной базы, включая гармонизацию налогового законодательства; развитие инфраструктуры в части создания единой платформы, стандартов интероперабельности; стимулирование спроса и расширение круга инвесторов, в том числе через сегментацию по уровню квалификации; гармонизация трансграничного регулирования; обеспечение кибербезопасности и защита прав потребителей.

Выводы

Таким образом, формирование эффективного правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации представляет собой сложный, многоаспектный и динамичный процесс. Для цифровых активов вводятся специальные нормы финансового права, отличные от общих гражданско-правовых правил. Основную роль в этом процессе играет Банк России как главный регулятор финансового рынка. Существующая классификация: УЦП, ЦФА, ГЦП, задаёт основу для дальнейшей работы над законами.

В России создана система, в которой ключевые участники рынка – операторы платформ – подчиняются жёсткому контролю со стороны

государства, что помогает снизить риски, но может ограничивать некоторые преимущества технологии, например, её способность удешевлять операции.

Цифровые активы стали реальным инструментом для привлечения денег, особенно для малого и среднего бизнеса, и используются внутри крупных компаний. Для полноценного развития рынка нужно решить несколько проблем:

- фрагментарность и противоречивость нормативной базы, неопределенность в разграничении полномочий органов финансового контроля;
- отсутствие специального налогового режима, создающего предсказуемые условия для участников рынка и стимулирующего инновации в финансовой сфере;
- фрагментация технологических платформ, отсутствие интероперабельности, что противоречит целям развития единого финансового пространства.

Для формирования зрелого и конкурентоспособного правового режима необходима системная работа в русле финансового права по следующим направлениям:

- разработка комплексного закона, интегрирующего нормы о выпуске, обращении, надзоре за ЦФА, а также защиты инвесторов в систему финансового законодательства;
- внедрение прозрачного и стимулирующего налогового режима, устраняющего неопределенность для эмитентов и инвесторов;
- создание правовых условий для технологической интеграции платформ и развития ликвидного вторичного рынка в рамках политики развития финансового рынка;
- активное участие в выработке и адаптации международных стандартов финансового регулирования цифровых активов для обеспечения правовых условий их трансграничного оборота.

Таким образом, институт цифровых финансовых активов активно формируется в рамках российского финансового права. Успех этого процесса будет определяться способностью законодателя и регулятора создать сбалансированный режим, который, обеспечивая необходимый публичный контроль и финансовую стабильность, не будет подавлять инновационный потенциал технологии и позволит интегрировать новые инструменты в национальную и глобальную финансовую систему. Дальнейшие научные исследования должны быть сфокусированы на углубленном анализе финансово-правовых аспектов налогообложения, пруденциального регулирования операторов и защиты прав потребителей на рынке ЦФА.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
2. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>
4. Болаев А.В. Использование прямых иностранных инвестиций в КНР // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – № 4–3. – Том. 6. – С. 364–367. – EDN: PUYIKR.
5. Буранов Д.В. Правовой режим цифровых акций в России: тенденции регулирования и перспективы развития в условиях цифровизации финансового рынка / Д.В. Буранов // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Сборник материалов XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 24 апреля 2025 года. – Москва: Московский городской педагогический университет, 2025. – С. 53–55. – EDN: ABXOKQ.
6. Василевская Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5(102). – С. 111–119.
7. Габисов Э.В. Понятие, подходы к правовому регулированию выпуска и оборота цифровых финансовых активов в Российской Федерации и за рубежом: сравнительно-правовой анализ / Э.В. Габисов // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104–8. – С. 92–96. – DOI 10.18411/trnio-12-2023-438. – EDN: IUIWWD.

8. Дейнека А.Г. Цифровые права в Гражданском кодексе России: Непосредственные последствия и долгосрочные перспективы // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020.

9. Дургарян К.В. Цифровые финансовые активы и цифровые права как базис для развития цифровой экономики России / К.В. Дургарян // Вестник Международного юридического института. – 2024. – № 1–2(86–87). – С. 39–43. – EDN: KDINTW.

10. Ефимцева Т.В. Операторы цифровых финансовых активов в Российской Федерации / Т.В. Ефимцева, Т.С. Ляпкина // Oeconomia et Jus. – 2024. – № 1. – С. 59–69. – DOI 10.47026/2499–9636–2024–1–59–69. – EDN: PRGLKH.

11. Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 3. – С. 332.

12. Кубасова Т.И. Альтернативное финансирование предпринимательства в условиях цифровизации российской экономики (на примере цифровых прав) / Т.И. Кубасова // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1515–1529. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1515–1529. – EDN: BBVLYD.

13. Кырлан М.Г. Гражданско-правовое регулирование использования блокчейн-технологии в деятельности кредитных организаций / М.Г. Кырлан // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 11(211). – С. 254–259. – DOI 10.24158/tipor.2025.11.30. – EDN: GSUEHL.

14. Лексин М.Р. Особенности регулирования обращения цифровых финансовых активов в российском праве / М.Р. Лексин // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2025. – Т. 56, № 4. – С. 104–112. – DOI 10.21779/2224–0241–2025–56–4–104–112. – EDN: ZNPRBC.

15. Мазеин А.В. Правовое регулирование обеспечения кибербезопасности цифровых финансовых активов в России / А.В. Мазеин, С.С. Сметанина // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации (шифр –МКАА): Сборник материалов IX международной научно-практической конференции, Москва, 25 июля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. – С. 46–55. – EDN: VGPDMS.

16. Натаева З.А. Правовой статус гражданского оборота цифровых активов / З.А. Натаева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 10. – С. 344–346. – DOI 10.47643/1815–1329_2025_10_344. – EDN: KIOCYN.

17. Старовойтов В.Г. Цифровые финансовые активы как инструмент финансирования субъектов малого, среднего предпринимательства и крупного бизнеса в Российской Федерации / В.Г. Старовойтов // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2025. – № 6. – С. 47–60. – DOI 10.7256/2454–0668.2025.6.76993. – EDN: QZDSIK.

18. Стулова О.Е. Гибридные цифровые права: состояние, проблемы и перспективы развития / О.Е. Стулова, А.Г. Артемьев // Современная экономика и право: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 17 сентября 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 24–30. – EDN: ZGEBNV.

19. Шамоян А.А. Цифровые финансовые активы в банковской системе Российской Федерации: правовые аспекты регулирования / А.А. Шамоян // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 4(104). – С. 911–915. – EDN: FLBSRS.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN THE FINANCIAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Fofanova A.Yu.
Murmansk Arctic University

The relevance of this study is precipitated by the emergence of digital financial assets (DFAs) and the imperative for their integration into the financial system. The prevailing regulatory framework, anchored in Federal Law No. 259-FZ, remains fragmented, thereby impeding the technology's effective utilization and necessitating scholarly scrutiny for its enhancement. The article's objective is to conduct a comprehensive analysis of the formation of the DFA institution within the system of Russian financial law and to formulate proposals for its advancement. The tasks encompass: delineating the legal nature of DFAs, utility digital rights (UDRs), and hybrid digital rights (HDRs); examining the market infrastructure and the role of the Bank of Russia; assessing practical applications; identifying extant systemic impediments; and articulating recommendations for refining the regulatory architecture. Results. A distinct financial-legal regime for digital assets, characterized by centralized oversight, is being established in Russia. DFAs constitute a digital embodiment of traditional proprietary rights. While the market exhibits robust expansion, its progression is hampered by legislative lacunae, fragmentation of technological platforms, lack of interoperability, ambiguity within the taxation regime, and cybersecurity vulnerabilities. Conclusions. Forging an efficacious legal framework necessitates: the codification of DFA

legislation into a unified statute; the implementation of a stimulative and transparent tax regulation; the establishment of conditions for technological platform integration and liquidity enhancement; and the harmonization of national norms with emerging international standards for the financial regulation of digital assets.

Keywords: digital financial assets, financial law, legal regulation, digital rights, Bank of Russia, information system operator, financial market.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One). Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (latest edition). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
2. On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 259-FZ of August 2, 2019 (latest edition). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (latest edition). [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: <https://www.consultant.ru>
4. Bolaev A.V. Use of foreign direct investment in China // *Economic Bulletin of the Rostov State University*. – 2008. – No. 4–3. – Vol. 6. – P. 364–367. – EDN: PUYIKR.
5. Buranov D.V. The Legal Regime of Digital Shares in Russia: Regulatory Trends and Development Prospects in the Context of Financial Market Digitalisation / D.V. Buranov // *Problems of Realising Human and Civil Rights in the Context of Modern Social Transformations: Collection of Materials of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation in Memory of Professor F.M. Rudinsky*, Moscow, April 24, 2025. – Moscow: Moscow City Pedagogical University, 2025. – P. 53–55. – EDN ABXOKQ.
6. Vasilevskaya L. Yu. Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Right // *Actual Problems of Russian Law*. – 2019. – No. 5(102). – P. 111–119.
7. Gabisov E.V. The Concept, Approaches to the Legal Regulation of Issuance and Circulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation and Abroad: A Comparative Legal Analysis / E.V. Gabisov // *Trends in the Development of Science and Education*. – 2023. – No. 104–8. – P. 92–96. – DOI 10.18411/trnio-12–2023–438. – EDN IUIIWW.
8. Deyneko A.G. Digital Rights in the Civil Code of Russia: Immediate Consequences and Long-Term Prospects // *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. – 2020.
9. Durgaryan K.V. Digital Financial Assets and Digital Rights as the Basis for the Development of Russia's Digital Economy / K.V. Durgaryan // *Bulletin of the International Law Institute*. – 2024. – No. 1–2(86–87). – P. 39–43. – EDN KDINTW.
10. Efimtseva T.V. Operators of Digital Financial Assets in the Russian Federation / T.V. Efimtseva, T.S. Lyapkina // *Oeconomia et Jus*. – 2024. – No. 1. – P. 59–69. – DOI 10.47026/2499–9636–2024–1–59–69. – EDN PRGLKH.
11. Konobeevskaya I.M. Digital Rights as a New Object of Civil Rights // *Izvestiya of Saratov University. Series «Economics. Management. Law»*. – 2019. – No. 3. – P. 332.
12. Kubasova T.I. Alternative Financing of Entrepreneurship in the Context of Digitalisation of the Russian Economy (on the Example of Digital Rights) / T.I. Kubasova // *Baikal Research Journal*. – 2024. – Vol. 15, No. 4. – P. 1515–1529. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1515–1529. – EDN BBYLYD.
13. Kyrilan M.G. Civil Law Regulation of the Use of Blockchain Technology in the Activities of Credit Institutions / M.G. Kyrilan // *Theory and Practice of Social Development*. – 2025. – No. 11(211). – P. 254–259. – DOI 10.24158/tipor.2025.11.30. – EDN GSUEHL.
14. Lyoksin M.R. Features of Regulating the Circulation of Digital Financial Assets in Russian Law / M.R. Lyoksin // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. – 2025. – Vol. 56, No. 4. – P. 104–112. – DOI 10.21779/2224–0241–2025–56–4–104–112. – EDN ZNPRBC.
15. Mazein A.V. Legal Regulation of Ensuring Cybersecurity of Digital Financial Assets in Russia / A.V. Mazein, S.S. Smetanina // *Current Aspects of the Development of Science and Society in the Era of Digital Transformation (code – ICAC): Collection of Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*, Moscow, July 25, 2023. – Moscow: Alef Publishing House LLC, 2023. – P. 46–55. – EDN VGPDMC.
16. Nataeva Z.A. Legal Status of Civil Circulation of Digital Assets / Z.A. Nataeva // *Agrarian and Land Law*. – 2025. – No. 10. – P. 344–346. – DOI 10.47643/1815–1329_2025_10_344. – EDN KIOCYN.
17. Starovoitov V.G. Digital Financial Assets as a Tool for Financing Small, Medium-Sized Enterprises and Large Businesses in the Russian Federation / V.G. Starovoitov // *National Security / Nota Bene*. – 2025. – No. 6. – P. 47–60. – DOI 10.7256/2454–0668.2025.6.76993. – EDN QZDSIK.
18. Stulova O.E. Hybrid Digital Rights: State, Problems and Development Prospects / O.E. Stulova, A.G. Artemyev // *Modern Economics and Law: Experience of Theoretical and Empirical Analysis: Collection of Articles of the IX International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, September 17, 2025*. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science”, 2025. – P. 24–30. – EDN ZGEBNV.
19. Shamoyan A.A. Digital Financial Assets in the Banking System of the Russian Federation: Legal Aspects of Regulation / A.A. Shamoyan // *Scythian. Student Science Issues*. – 2025. – No. 4(104). – P. 911–915. – EDN FLBSRS.

Володина Нина Витальевна,

доктор юридических наук, доктор философских наук,
профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: nina_volodina@mail.ru

Будай Сергей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, декан, Университет
прокуратуры Российской Федерации
E-mail: bsn1902@yandex.ru

Хайрутдинова Ирина Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин Университета
прокуратуры Российской Федерации
E-mail: au-lingva@mail.ru

Статья посвящена проблемам цифровизации в современном обществе, которая рассматривается как процесс преобразования информации и несет как положительные, так и отрицательные последствия. Обсуждаются различные подходы к исследованию цифровых технологий в науке и их влияние на жизнь общества. Авторы подчеркивают важность совершенствования законодательной базы для обеспечения безопасного использования цифровых технологий, учитывая риски, связанные с нарушением прав граждан. Основное внимание уделяется искусственному интеллекту и его потенциальному влиянию на человека, а также угрозам манипуляции сознанием и кибератакам. В статье выделяются основные группы рисков в цифровой среде: регуляторные, технологические, экономические и социальные. Проблемы, возникающие в результате внедрения цифровых технологий, требуют комплексного подхода и дальнейших исследований для создания эффективных механизмов регулирования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, законодательная база, искусственный интеллект, кибератаки, угрозы, риски, цифровая среда.

В современном понимании цифровизация рассматривается как процесс преобразования и использования информации, сопровождается как положительным воздействием, так и определенными рисками при использовании новых технологий. Существуют разные подходы к исследованию современных проблем развития цифровых технологий в науке. Отметим, что цифровое отображение – это один из способов представления информации, но цифровые технологии стали активным инструментом для обеспечения жизнедеятельности современного общества, без которых невозможно дальнейшее развитие, однако их применение несет определенные риски и ограничения. Правовая база этой области требует дальнейшей разработки с учетом продолжающейся цифровой трансформации и дальнейших научных исследований в этой сфере.

На актуальность проблемы указал К. Шваб, который описал направления развития цифровых технологий: «...мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины» [9]. В современную эпоху разработка новых цифровых технологий приводит к замещению биологической среды человека на технологическую, а в теории управления указывается, что наблюдаемость системы есть важное условие для управляемости, и эффективность определяется получением большого объема информации. Поэтому государственные структуры и коммерческие организации активно внедряют цифровые приложения, используя новые цифровые технологии, но часто не учитывают риски при их использовании. Характерна тенденция: сначала внедрить ту или иную цифровую программу, а затем обратить внимание на риски, например, на те, которые нарушают права и свободы гражданина и человека. Создание законодательной базы с учетом предполагаемых рисков при использовании новых цифровых технологий является приоритетной задачей любого современного государства при цифровой трансформации.

Главная роль в цифровой трансформации принадлежит искусственному интеллекту (далее ИИ), и возникают вопросы, касающиеся того, насколько вмешательство ИИ отразится на развитии человека, а также что останется человеку при дальнейшем развитии ИИ. Отметим, что ИИ – это «искусственная программа», имеющая свои ограничения. Отличие ИИ от естественного интеллекта в том, что он (ИИ) имеет логичную структуру, работает по алгоритмам и не может принимать нелогичных решений. Если ИИ достигнет абсолютизации, то возникнут риски деградации человека. Кроме того, создаются реальные угрозы для манипулирования человеческим сознанием и управления обществом. Масштабная цифровая трансформация создает риски относительно конфиденциальных данных и кибератак.

Одной из проблем современного общества при широком внедрении цифровых технологий являются риски и угрозы. Приведем структуру рисков в цифровой среде [4] и выделим следующие:

1) регуляторные:

- регуляторы-операторы не способны соблюдать требования законодательства в силу разных причин;
- выход технологий за пределы понятийного аппарата нормативно правового акта (далее НПА);
- саморегулирование рынка не работает в части добросовестности.

Проверка соблюдения НПА требует различных средств:

2) технологических:

- повышенная стоимость технологий безопасности и их недоступность;
- стихийная цифровизация;
- необходимость контроля порождает большую интеграцию систем, что повышает риски безопасности.

3) экономических:

- по данным Счетной палаты Российской Федерации, расчет государственных расходов на государственные информационные системы был затруднен [3];
- слабый контроль государственного управления за экономической оцифровкой;
- сокращение должностей при процессе оцифровки.

4) социальных

- смещение полномочий органов власти;
- потеря контроля над разграничением прав доступа к информации;
- процессы внутри не равны процессам на «бумаге»;
- недоступность контроля за личной информацией человека и защита его прав.

Совершая правовую базу по использованию цифровых технологий, необходимо ориентироваться на концепцию экологии технологий [6], и иметь в виду, что любая цифровая технология имеет свои пределы применения и может нанести ущерб, как отдельному человеку, так и государству, а также привести к непредсказуемым последствиям. Концепция экологии технологий представлена комплексом идей и подходов, направленных на минимизацию негативного воздействия цифровых технологий, и предполагает обеспечение равного доступа к цифровым услугам и технологиям независимо от места проживания и уровня дохода. Следуя данной концепции, необходимы повышение компьютерной грамотности среди уязвимых групп населения и организация специализированных проектов и программ поддержки удаленных регионов.

О последствиях использования цифровых технологий писал Дж. Нейсбит: «... мы предпочитаем быстрые решения во всех областях – от религии до здорового питания; испытываем страх перед технологией и преклоняемся перед ней; перестали различать реальность и фантазию; принимаем насилие как норму жизни; любим технологию, как дети любят игрушки; наша жизнь стала отстраненной и рассеянной» [8].

Обратим внимание на следующее выражение: «Увлечение компьютерными играми заменило реальную физическую нагрузку и общение со сверстниками на функцию нажатия соответствующих кнопок. Тем самым, если говорить строго, при неконтролируемом развитии и применении цифровых технологий у человека наиболее успешно будет развиваться только функция нажатия кнопки. Все же остальные возможности будут зависеть от программ компьютера и сервисных исполнительных механизмов» [7].

Использование цифровизации в образовательном процессе имеет преимущества, но возникают и негативные последствия. Так, обучающиеся становятся зависимыми от цифровых инструментов, что снижает способность мыслить критически и самостоятельно, искать информацию вне цифровых приложений, полагаясь исключительно на устройства и приложения, теряя умение концентрироваться и анализировать традиционным способом. Возникают проблемы концентрации внимания, идет постоянный поток отвлекающей информации, делая процесс изучения менее эффективным. Цифровизация и использование цифровых устройств предполагает кибербуллинг и психологический стресс, так как социальные сети и цифровые платформы дают возможность анонимного общения, что приводит к агрессии и травле, люди подвергаются негативному воздействию, и это сказывается на психологическом здоровье и самооценке.

Рассмотрим одну из таких социально опасных проблем, как кибербуллинг. Впервые это понятие разработал американский ученый Билл Белси, определив его (кибербуллинг) как использование информационных и коммуникативных технологий для сознательного и систематического агрессивного поведения индивида или группы, целенаправленного на оскорбление и унижение других людей [12].

Одной из «первых в мире жертв кибербуллинга» (*I was the world's first cyberbullying victim, says Monica Lewinsky as she hits public speaking circuit.*)¹ стала Моника Левински, которая из-за конфликта с Президентом США² долгое время подвергалась травле (взлом электронной почты, агрессивные телефонные звонки, послания с угрозами и т.д.) [10].

Приведем некоторые данные. Согласно Всемирной организации здравоохранения, 11% мальчиков и 8% девочек в возрасте 11–13 лет становились жертвами кибербуллинга (их унижали и оскорбляли в электронных сообщениях два-три раза в месяц). Российские исследования 2013 года подтверждают, что 10% подростков (в среднем по стране) регулярно подвергаются буллингу. Согласно данным исследования компании Microsoft (2015 г.), 49% российских школьников в возрасте от 8 до 17 лет в той или иной степени подвергались кибербуллингу [2].

В 2011 г. исследователи Робин Ковальски, Сьюзан Лимбер, Патриция Агатстон в книге «Кибербуллинг: «Буллинг в цифровом веке» выделили следующее [11]:

- *флейминг* (англ. flaming – воспламенение) – быстрый, эмоциональный обмен репликами, часто в публичном чате или конференции;
- *харассмент* (англ. harassment – притеснение) – настойчивые и агрессивные реплики и поступки, направленные конкретному человеку, которые вызывают у него возмущение, волнение, стресс;
- *гриферы* (griefers) – онлайн-игроки, которые намеренно преследуют других игроков с целью уничтожения наслаждения от игры (применяют ругательства, мошенничество, блокировки частей игр и др.);
- *кибертролли* (cyber trolls) – публикация недоброжелательной информации на различных интернет-ресурсах, в социальных сетях, провоцирующей негативный эмоциональный всплеск;
- *киберсталкинг* (cyberstalking; от англ. to stalk – преследовать, выслеживать) – преследование жертвы при помощи электронных коммуникаций;
- *секстинг* (sexting) – обнародование фото и/или видео интимного характера;
- *клевета* (диссинг – denigration) – обнародование обманчивой, унижающей, обвиняющей информации;
- *аутинг* (разглашение персональных данных);
- *социальная изоляция* (бойкот) – избегание жертвы, демонстративное нежелание общаться, исключение из электронных групп и/или бесед;
- *хеппислепинг* – название видеороликов с записями реальных сцен насилия. Первый случай произошел в английском метро, где подростки избивали случайных прохожих, а их «соратники» записывали это на камеры мобильных устройств.

Внедрение цифровых технологий в образование

Активное использование цифровых технологий в области образования имеет несомненно положительное значение.

Внедрение цифровых технологий в образование регулируется рядом документов:

Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В статье 16 предусмотрено, что организации вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ.

Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2021 № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации». Документ направлен на повышение эффективности процессов функционирования организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и предоставление равного доступа к качественному верифицированному цифровому образовательному контенту и цифровым образовательным сервисам.

Утверждены и вступили в силу с 1 января 2026 г. три новых национальных стандарта, определяющих применение искусственного интеллекта в образовательной сфере.

Данные стандарты предоставляют четкие регламенты, которые определяют направление развития решений на основе искусственного интеллекта в образовании. В частности, стандарты охватывают следующие аспекты:

1. ГОСТ Р 72391–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам магистратуры. Общие положения и методика испытаний.»
2. ГОСТ Р 72392–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам магистратуры. Общие положения и методика испытаний.»
3. ГОСТ Р 72394–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Общие положения и методика испытаний.» [2].

В связи с этим, до указанной даты вступления стандартов в силу, разработчикам программного обеспечения и образовательным учреждениям рекомендовалось тщательно изучить содержание данных стандартов и провести анализ существующих информационных технологий на предмет их соответствия новым требованиям.

Отметим также, что применение цифровых технологий приводит к информационной перегрузке, так как человек сталкивается с большим объемом информации, что мешает развитию аналитического мышления и умению выделять главное. Кроме того, возникает риск формирования т.н. «клипового» и «кликерного» сознания при получении информации в концентрированном виде. Риск заключается и в том, что преобладание занятий, представленных в цифровом фор-

¹ перевод авторов статьи «Я была первой в мире жертвой киберзапугивания», – говорит Моника Левински, выступая на публике.

² Скандал Клинтон – Левински (англ. Clinton–Lewinsky scandal) – громкий американский политический скандал, разразившийся в 1998 году вследствие обнародования факта сексуальных отношений между 52-летним президентом США Биллом Клинтон и 25-летней сотрудницей Белого дома Моникой Левински.

мате, влечет за собой деформацию мыслительной деятельности обучающихся, виртуальная среда рушит границы самостоятельного видения учебного процесса.

Несомненно, цифровизация является мощным инструментом преобразования разных сфер общественной жизни, о чем свидетельствует Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [1].

Вместе с тем при применении цифровых технологий возникают риски, которые необходимо предусмотреть при внедрении новых цифровых программ, а также необходимо разрабатывать и совершенствовать правовую базу, позволяющую минимизировать эти риски с целью защиты прав юридических и физических лиц.

Несмотря на плюсы интеграции цифровых технологий в образование, нельзя игнорировать отрицательные стороны, и поэтому необходим баланс между традиционными методами обучения и использованием новейших цифровых технологий. Следует развивать медиаграмотность и ответственное отношение к использованию цифровых программ, платформ и устройств как в преподавательской, так и студенческой среде.

Исследование современных проблем развития цифровых технологий актуально, так как:

во-первых, формируется новая реальность, в которой цифровые технологии активно преобразуют жизнь, меняя модели поведения, коммуникации и т.д;

во-вторых, понимание последствий цифровизации помогает эффективно адаптироваться к новым условиям существования и разрабатывать стратегии развития общества;

в-третьих, важна минимизация рисков и угроз, так как быстрое распространение цифровых технологий порождает новые вызовы и опасности;

в-четвертых, рассмотрение существующих проблем позволяет выявлять потенциальные риски и угрозы и предпринимать необходимые меры.

Таким образом, исследование современных проблем развития цифровых технологий имеет важное научное и практическое значение, обеспечивая основу для формирования эффективной государственной политики и успешного развития нашего государства.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». // Интернет-версия системы ГАРАНТ: дата обращения 14 февраля 2026 г.
2. Приказ Росстандарта от 20.11.2025 N 1436-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». // Интернет-версия системы ГАРАНТ: дата обращения 14.02.2026 г.
3. Бюллетень Счетной палаты № 8 (297) 2022 г. // Интернет ресурс: ach.gov.ru, дата обращения 15.02.2026 г.
4. Бауэр Т.А. Из выступления в Университете прокуратуры Российской Федерации по теме «Эпоха глобальной цифровизации: новые вызовы и угрозы – как соблюсти права и законные интересы участников правоотношений», 15.04.2025 г.
5. Боровникова Н.С. Кибербуллинг: виды и особенности проявления. Международный научно-исследовательский журнал № 11 (25). / Интернет ресурс: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.86> (дата обращения. 15.04.2025)
6. Иванов В.В. Технологическое пространство и экология технологий // Вестник РАН. 2011. Т. 81, № 5, с. 414–418.
7. Иванов В.В. Информационные технологии: ожидания, возможности, риски // Проектирование будущего. Проблемы цифровой

реальности: труды 3-й Международной конференции (6–7 февраля 2020 г.г. Москва), М., ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. С. 18–27.

8. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 381 с.

9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Изд-во «Э», 2017. 208 с.

10. Из выступления Моники Левински на конференции в Норвегии в 2015 г., Интернет ресурс: www.dailymail.co.uk, дата обращения 11 февраля 2026 г.

11. Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). Cyberbullying: Bullying in the digital age (2nd.ed). Chichester: Wiley-Blackwell.

12. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

THE RELEVANCE OF STUDYING MODERN PROBLEMS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Volodina N.V., Buday S.N., Khayrutdinova I.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article addresses the challenges of digitalization in modern society, viewing it as a process of information transformation that brings both positive and negative consequences. Various approaches to studying digital technologies in science and their impact on societal life are discussed. The authors emphasize the importance of a legal framework to ensure the safe use of digital technologies while considering the risks related to violations of citizens' rights. Special attention is given to artificial intelligence and its potential impact on humanity, as well as threats of consciousness manipulation and cyberattacks. The article identifies key groups of risks in the digital environment: regulatory, technological, economic, and social. The issues arising from the implementation of digital technologies require a comprehensive approach and further research to create effective regulatory mechanisms.

Keywords: digitalization, digital technologies, legislative framework, artificial intelligence, cyberattacks, threats, risks, and the digital environment.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation No. 637-r dated March 16, 2024 "On Approval of the Strategic Direction for Digital Transformation of Public Administration". Internet version of the GARANT system: accessed on February 14, 2026.
2. Order of Rosstandart dated 20.11.2025 N 1436-st "On Approval of the National Standard of the Russian Federation". Internet version of the GARANT system: accessed on February 14, 2026.
3. Bulletin of the Accounts Chamber No. 8 (297) 2022. Internet resource: ach.gov.ru, accessed on February 15, 2026.
4. Bauer T. A. From a speech at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on the topic "The Era of Global Digitalization: New Challenges and Threats – How to Respect the Rights and Legitimate Interests of Legal Entities," April 15, 2025.
5. Borovnikova N.S. Cyberbullying: types and features of its manifestation. International Scientific Research Journal No. 11 (25). / Online resource: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.125.86> (date of request April 15, 2025).
6. Ivanov, V.V. Technological Space and Ecology of Technologies // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 81, No. 5, pp. 414–418.
7. Ivanov V.V. Information Technologies: Expectations, Opportunities, and Risks // Designing the Future. Problems of Digital Reality: Proceedings of the 3rd International Conference (February 6–7, 2020, Moscow), Moscow, Keldysh Institute of Applied Mathematics, 2020, pp. 18–27.
8. Naisbit, D. High Technology, Deep Humanity: Technology and Our Quest for Meaning. Moscow: AST: Transittkniga, 2005. 381 p.
9. Shvab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: E Publishing House, 2017. 208 p.
10. From a Speech by Monica Lewinsky at a conference in Norway in 2015, Online resource: www.dailymail.co.uk, (date of request February 11, 2026).
11. Kowalski, R. M., Limber, S. P., & Agatston, P. W. (2011). Cyberbullying: Bullying in the digital age (2nd.ed). Chichester: Wiley-Blackwell.
12. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation. URL: http://www.cyberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Современные подходы к публично-правовому регулированию государственной экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду

Шуров Елисей Алексеевич,

аспирант, кафедра государственного права, юридический факультет, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: eliseyshurov@gmail.com

В статье анализируются инновационные направления публично-правового регулирования государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) и оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в Российской Федерации на примере положений Постановления Правительства РФ от 28.05.2024 № 694. Исследуются ключевые нововведения: расширенная цифровизация процедур рассмотрения проектов, активизация роли общественного участия посредством институционализации общественных обсуждений в онлайн- и офлайн-форматах, увеличение открытости и повышение профессиональных стандартов при формировании экспертных комиссий.

Особое внимание уделяется выявленным проблемным аспектам в действующем законодательном регулировании: рискам цифрового неравенства, дефицита детализированности порядка отбора и ротации внештатных экспертов, отсутствию единообразных процедур публичного контроля и обратной связи. На основе выявленных проблем предлагаются рекомендации по комплексному обеспечению доступности экспертных процедур, направленных на все категории граждан, стандартизацию конкурсных механизмов, а также развитие системы разъяснительно-консультационной поддержки для социально уязвимых групп.

Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативной базы в части соразмерности между инновационными цифровыми решениями и гарантиями, осуществляющими прозрачность, открытость и равноправное участие в экологически значимых публичных процедурах.

Ключевые слова: государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ), оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), Постановление № 694, инновации в экологическом праве, публично-правовое регулирование, общественное участие, электронные процедуры, цифровизация экспертизы, экспертные комиссии, внештатные эксперты, конкурсный отбор, прозрачность и открытость процедур, ротация экспертов, цифровое неравенство, доступность экологической информации, стандартизация процедур, публичный контроль, информационная поддержка граждан, экологический мониторинг.

Современные экологические вызовы, которые связаны с ростом промышленного и инфраструктурного строительства, ставят целью не столько сам факт предоставления эффективной оценки воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, сколько осуществление развития передовых механизмов публично-правового регулирования. Государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ) и оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) в современной реальности выступают ключевыми инструментами обеспечения устойчивого развития, избегания возможных рисков экологических катастроф и повышения доверия социума в области принятия решений в сфере природопользования.

Последние годы характеризуются усилением роли информационных технологий, а также запросом социума на прозрачность проводимых государственных процедур, что является существенным мотивом в области разработки инновационных подходов к регулированию ГЭЭ и ОВОС. В этом ракурсе принятие Постановления Правительства РФ от 28.05.2024 № 694 является важнейшим этапом цифровой трансформации, что влечет за собой внедрение современных стандартов государственно-общественного взаимодействия в экологической сфере.

Актуальность инновационных подходов в области принятия решений, связанных со сферой природопользования, связана, прежде всего, с активизацией освоения природных ресурсов и осуществлением глобальных инвестиционных проектов как в РФ, так и мире, что, в свою очередь, влечет усиление нагрузки на экологические системы.

Отметим, что само современное общество настаивает на максимальной прозрачности и подотчетности принимаемых решений в области природопользования, а также возможности влияния социума на принятые решения. Информационную открытость и оперативность государственных подходов и контроля обеспечивают современные дистанционные формы подачи документов, онлайн-мониторинг, а также цифровые платформы. Немаловажным фактором является заимствование положительного зарубежного опыта, а также ориентир на международные стандарты, дающие возможность выходить на качественно более совершенный уровень национальных процедур ГЭЭ и ОВОС, гармонизируя экологические стандарты в рамках трансграничного взаимодействия.

Стоит также отметить успешность рискориентированного подхода, заключающегося в индивидуализации процесса экспертизы, опираясь на степень экологических угроз, что приводит, в свою очередь, к росту управляемости и достижению эффективности процедурных аспектов экспертизы.

Немаловажным фактором является также профессионализация самого экспертного сообщества, заключающаяся в учреждении институтов аккредитации и ротации экспертов, что приводит к снижению коррупционных и лоббистских рисков, а также установлению индивидуальной ответственности эксперта.

Таким образом, глобальные вызовы современности предопределили особую значимость внедрения инновационных подходов в публично-правовое регулирование экологической экспертизы, что становится уже не столько предметом научных дискуссий, сколько критически значимым направлением государственной политики страны.

С 01.09.2024 вступило в силу Постановление Правительства РФ от 28.05.2024 № 694 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» (далее – Постановление № 694) [1]. Признаются утратившими силу Постановление Правительства от 7 ноября 2020 г. № 1796 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» [2] и изменяющие его акты.

Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 673-ФЗ [3] ранее уже внес изменения в Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [4] касаясь проведения оценки воздействия на окружающую среду, порядок которой должен быть установлен Правительством Российской Федерации. Помимо этого, в Федеральном законе № 7-ФЗ уточнены цели проведения экологической экспертизы.

Принятые поправки в Федеральный закон № 174-ФЗ [5] изменили структуру статьи 11, в которой определены объекты государственной

экологической экспертизы федерального уровня, случаи, при которых не требуется проведение государственной экологической экспертизы проектной документации, а также порядок подтверждения соответствия вносимых в проектную документацию изменений и случаи, при которых не требуется подтверждение соответствия вносимых в проектную документацию изменений.

Остановимся на инновационных составляющих Постановления Правительства № 694.

1. Цифровизация процедур, которая связана со следующими аспектами внедрения современных IT-решений в процессы ГЭЭ, значительно меняющие организацию, а также реализацию экологической экспертизы в Российской Федерации.

Во-первых, активно идет процесс создания и функционирования единой государственной электронной системы для хранения, регистрации и учета документов, ориентированных на проведение ГЭЭ. Отметим, что все материалы, будь то заявления, проекты, заключения, протоколы заседаний, теперь загружаются и хранятся в электронном виде, исключая, таким образом, дублирование бумажных и цифровых версий, что приводит к уменьшению риска потери документов, а также повышая документарную прозрачность.

Во-вторых, Постановление предоставило возможность подачи онлайн заявок. Так, организации или частные лица как заявители теперь имеют право подавать на ГЭЭ все необходимые документы в электронной форме (за исключением случаев, если такие материалы содержат сведения, составляющие государственную тайну, и (или) относятся к служебной информации ограниченного распространения) с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – единый портал) или ведомственного программного ресурса в форме электронных документов, подписанных:

– для юридических лиц – усиленной квалифицированной электронной подписью или усиленной неквалифицированной электронной подписью;

– для физических лиц – усиленной квалифицированной электронной подписью, усиленной неквалифицированной электронной подписью или простой электронной подписью.

Стала возможной предварительная проверка полноты и корректности сведений прямо в электронной системе, что приводит к сокращению числа возвратов и отказов. Таким образом, электронная подача заявок обеспечивает единые стандарты, приводит к сокращению субъективного фактора и дает возможность оперативного прохождения каждого этапа.

Помимо этого, предоставлена возможность электронного информационного сопровождения рассмотрения заявки, так как все уведомления (будь то статус рассмотрения, необходимость доработки, назначение общественных обсуждений и итоговое заключение) поступают в личный кабинет заявителя. Отметим, что существует механизм «истории изменений» (на каждом шаге процесса идет сохранение информации о принятых действиях и ответственных лицах). Заявителю предоставлено право получать автоматические напоминания о важных датах рассмотрения, что приводит к более ответственному отношению сторон и обеспечивает дисциплину документооборота.

Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (ее территориальный орган) или уполномоченный орган субъекта Российской Федерации обеспечивает размещение на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет») уведомления о начале работы экспертной комиссии государственной экологической экспертизы, содержащего информацию о сроке проведения такой экспертизы, форме, дате, времени и месте проведения организационного заседания экспертной комиссии.

Таким образом, цифровизация ГЭЭ, опираясь на пункты Постановления Правительства № 694, предоставила возможность данному инструменту стать оперативным, максимально прозрачным, удобным для заявителей и экспертного сообщества, а также обеспечила реальный механизм защиты непосредственно самих документов от злоупотреблений со стороны государственных органов.

Однако, в пункте 6 данного постановления отсутствуют положения, которые бы предоставляли заявителям право альтернативной подачи документов на бумажном носителе. К тому же, отсутствует регламентация сопровождения заявителей, не имеющих доступа к интернету, либо же обладающих недостаточными цифровыми навыками. Данная ситуация создает риски возникновения цифрового неравенства для части заявителей: населения удаленных сельских населенных пунктов и малых городов, граждан пожилого возраста, социально незащищенных групп, а также организаций, которые в силу ряда причин не располагают квалифицированными IT-специалистами. Складывается си-

туация, когда значительная часть населения фактически ограничена в праве на участие в публичных процедурах экологической экспертизы.

В целях устранения указанных проблем и предоставления равного доступа всем группам населения к процедурам ГЭЭ, целесообразно дополнить Положение следующими нормами (таблица 1)

Таблица 1. Предложения по совершенствованию положений Постановления Правительства № 694 в аспекте цифровизации

Дополнение	Пояснение
Гарантированное право подачи документов в традиционном формате	Предусмотреть обязательный прием заявок, материалов и обращений равно как в электронной, так и в бумажной форме, устанавливая одинаковую юридическую силу для обеих форм с возможностью получения информации заявителем на бумажном носителе.
Организация оказания информационной и разъяснительной поддержки	Внести в обязанности органам, осуществляющим экологическую экспертизу, обеспечение консультационной поддержки, предусмотрев такие формы работы, как «горячие линии», мобильные пункты с целью проведения разъяснительных встреч для жителей отдаленных районов и социально уязвимых категорий заявителей
Ознакомление общественности с проектной документацией и материалами ОВОС	Предусмотреть обязанность ответственных лиц в части выкладки бумажных экземпляров документов с целью ознакомления населения в администрациях районов, муниципальных образований и иных местах массового посещения граждан.
Разработка и внедрение программ цифрового просвещения	Законодательно закрепить необходимость введения специализированных курсов и обучающих программ для заявителей о правилах работы с цифровыми платформами ГЭЭ. В рамках их внедрения закрепить выделение финансирования на проведение информационно-разъяснительных кампаний в СМИ, включая радио, телевидение, Интернет-источники и печать.

Таким образом, процесс цифровизации в сфере государственной экологической экспертизы должен предусматривать параллельные и эффективные офлайн-альтернативы, а также развитие доступной системы поддержки и обучения граждан. Только при такой комплексной модернизации процедур создается полноценная возможность обеспечения реализации равных прав всех категорий заявителей на участие в публичных экологических процессах, предотвращая, таким образом, риски цифрового неравенства.

2. Следующий аспект нововведений касается большей прозрачности и публичности, что предполагает усиления роли социума на всех этапах экологической экспертизы.

Согласно действующим требованиям и нововведениям, закрепленным Постановлением Правительства РФ от 28.05.2024 № 694, для всех проектов, которые подлежат государственной экологической экспертизе (ГЭЭ), проведение общественного обсуждения – обязательный этап. Игнорирование этого, либо же формальный подход к его проведению угрожает признанием материалов ГЭЭ неполными и возможностью отказа в согласовании проекта.

Процедура общественного обсуждения, согласно пунктам Постановления, прямо интегрирована в электронную платформу ГЭЭ, что приводит к прозрачности и прослеживаемости стадий оформления процедуры обсуждения, а также публикации материалов и фиксации итогов.

Форматы обсуждения предложены разные: это и очная форма (собраний, слушания, встречи с населением, к примеру, в местных Домах культуры, муниципалитетах); предусматривается также дистанционный формат (вебинары, онлайн-конференции, формы обратной связи, заложенные на цифровой платформе ГЭЭ). К тому же, организациям-заявителям и органам ГЭЭ теперь вменено в обязанности размещение всех проектов, ОВОС и иной документации для ознакомления общественности на официальных интернет-ресурсах.

Протокол проведения обсуждений выступает обязательным документом, так как в нем закреплены все высказанные мнения, замечания, предложения, а также итоги голосования по спорным вопросам (при их наличии).

Протокол приобщается к материалам ГЭЭ, получая, таким образом, официальный статус, ибо его выводы и рекомендации учитываются экспертной комиссией и имеют вес при итоговом анализе относительно принятия финального решения. При наличии существенных разногласий между заинтересованными сторонами итоговое заключение должно содержать мотивированные выводы органа ГЭЭ по каждому спорному вопросу.

Несмотря на явный прогресс, Постановление № 694 содержит следующие проблемы:

1. Неполная детализация процедуры очных обсуждений: отсутствует понимание, каким образом муниципалитеты и органы ГЭЭ будут оповещать жителей отдаленных и труднодоступных территорий, которые ограничены в доступе к интернету.

2. Несовершенная защита прав отдельных категорий граждан, так как нет полных гарантий и условий для участия социально незащищенных групп (сюда можно отнести лиц с инвалидностью, пожилых граждан, жителей без интернет-навыков).

3. Не разработаны стандартизированные требования к содержанию протокола (отсутствует единый унифицированный шаблон), что приводит к игнорированию мелких, но важных замечаний.

Исходя из этого, актуальны предложения, разработанные в таблице 1 (в части размещения бумажных экземпляров всех материалов в администрациях и МФЦ; рассылки уведомлений через местные СМИ и органы самоуправления; мобильных консультационных пунктов, волонтерской помощи). Также стоит предусмотреть перевод на жестовый язык, а также сопровождение лиц с ограничениями здоровья.

Безусловно, настоятельной необходимостью является разработка и закрепление унифицированного шаблона протокола, обязательного для всех участников процедуры.

4. Сформирована система рискоориентированного подхода путем введения градации проектов по степени экологического риска с возможностью упрощенной экспертизы для незначительных объектов.

Теперь проекты подразделяются на несколько категорий, исходя из масштабов и потенциального экологического ущерба (высокий, средний, низкий риск), ориентируясь на объемы выбросов, близость к особо охраняемым природным территориям (ООПТ), вовлеченности водных и биоресурсов, а также масштаба территориального воздействия.

Для объектов низкого экологического риска устанавливается сокращенная процедура, предполагающая минимум документации, небольшие сроки рассмотрения. Для таких объектов предусматривается возможность автоматизированной экспертизы с минимальным участием экспертов. Как представляется, данная модель служит целям снижения нагрузки на органы, ускорение реализации социально-значимых и малых проектов без ущерба качеству надзора.

Следует также отметить, что для каждой категории риска установлена «персонализированная» частота и форма контроля, так, для высокорисковых проектов обязательны выездные проверки, малые рискованные проекты обычно ограничиваются мониторингом по электронной системе.

5. Организация межведомственного взаимодействия путем активного участия профильных ведомств и объединений экспертиз по смежным вопросам (будь то экология, здоровье, культурное наследие и т.п.), что позволяет учитывать широкий круг возможных последствий проектов для самого социума, природной среды, а также здоровья и культурных ценностей.

Межведомственное взаимодействие заключается в том, что в состав экспертных комиссий кроме представителей Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) включаются эксперты Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), если вопросы касаются здравоохранения, Министерства культуры (аспекты культурного наследия), Министерства строительства (непосредственно по строительным проектам), либо же Министерства сельского хозяйства (в части агроэкологии) и др. Каждое ведомство проводит детальный анализ представленного проекта по своему профилю: какое влияние он окажет на окружающую среду, не нарушает ли он санитарно-эпидемиологические нормы, осуществляется ли сохранность исторических памятников при внедрении проекта в жизнь.

В случае сложных, многогранных проектов речь уже идет не об отдельной проверке каждым органом, а о комплексной совместной экспертизе. Для проектов с повышенным риском (будь то строительство объектов у памятников культуры, либо же промышленных объектов рядом с жилыми зонами) решение принимается путем согласования между всеми профильными ведомствами.

В сложных случаях создается комиссия с участием специалистов разных органов. Эксперты проводят совместные заседания (в том числе в онлайн формате), проводится обсуждение проекта, учитывая поступившие межведомственные замечания и позиции сторон. Итоговое заключение комиссии является по сути консолидированной точкой зрения всех вовлеченных в обсуждение ведомств. Необходимость доработок, либо же внесение коррективов должно быть зафиксировано в едином протоколе.

В таблице 2 приведены примеры конкретных случаев участия разных ведомств в согласовании проектов по разным сферам.

Таблица 2. Примеры конкретных случаев межведомственного взаимодействия при принятии проектного решения

Сфера проекта	Привлекаемые ведомства
Строительство объекта у водоема	Федеральное агентство водных ресурсов Российской Федерации (Росводресурсы), Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет), Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор)
Разработка месторождения	Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды), Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд) в части трудовых рисков
Близость строящегося объекта к памятникам культуры	Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры), органы по охране культурного наследия (Федеральный орган охраны объектов культурного наследия – Департамент государственной охраны культурного наследия, исполнительные органы субъектов Российской Федерации либо структурные подразделения высших исполнительных органов субъектов, уполномоченные в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, местные администрации либо входящие в их структуру и уполномоченные в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия отраслевые (функциональные) или территориальные органы)

6. Постановление Правительства № 694 актуализирует состав экспертов путем введения системы независимой аккредитации экспертов и ротации специалистов в комиссиях для повышения объективности.

Теперь эксперты допускаются к участию в ГЭЭ только пройдя независимую аккредитацию в специально утвержденном для этого реестре. Непосредственно вопросами аккредитации занимаются уполномоченные органы, а также независимые экспертные организации с обязательной ежегодной/периодической проверкой.

Эксперту необходимо обладать высшим профильным образованием, опытом работы; должно быть полное отсутствие конфликта интересов, а также ему вменяется регулярно подтверждать свою квалификацию.

Перечень аккредитованных экспертов должен быть опубликован онлайн, что является гарантией прозрачности как непосредственно для заявителей, так и для общества.

Эксперты включаются в разные комиссии по принципу ротации и случайной выборки посредством электронной системы, что обеспечивает фактор независимости, исключающий конфликт интересов, так как эксперт не полномочен рассматривать проект организации, к которой он имеет отношение.

Состав комиссии формируется индивидуально под каждую экспертизу, учитывая специфику объекта, зону, либо же соответствующую отрасль. Учитывается также участие каждого эксперта, отзывы о его работе, статистика отклоненных или оспоренных заключений.

Следует, однако, отметить, что пункт 3 Постановления № 694 устанавливает, что формирование экспертных комиссий по ОВОС для федеральных объектов осуществляется Росприроднадзором, либо же его территориальными органами; для региональных объектов предусмотрены уполномоченные органы субъектов РФ.

В состав комиссий включаются как штатные сотрудники органа, так и внештатные эксперты из числа профильных ученых (ВУЗов, НИИ), а также специалисты инженерных и проектных компаний, независимые сертифицированные эксперты, члены профессиональных реестров и др.

Назначение таких внештатных экспертов производится посредством письменного приглашения, по результатам открытого отбора (если есть актуальные реестры). В отдельных случаях назначение происходит по итогам конкурса (особенно это касается крупных и социально значимых объектов).

Однако, в сфере назначения внештатных экспертов существуют законодательные пробелы и риски, которые сформулированы в таблице 3.

Исходя из этого, следует уточнить и стандартизировать порядок отбора именно внештатных экспертов путем законодательного закрепления алгоритма открытого и прозрачного отбора (может осуществляться путем публикации извещений, где будут содержаться понятные сроки, условия участия и т.п.).

Установить для внештатных экспертов идентичные штатным экспертам критерии включения и пребывания в реестре экспертов, где бы ими подтверждалось профильное образование (опыт проведения экспертиз), отсутствие конфликтов, аттестация, а также рекомендации

коллег. Следует законодательно закрепить для них также регулярную актуализацию анкет и портфолио.

Таблица 3. Правовые пробелы и риски назначения внештатных экспертов

Проблема	Описание
Отсутствие единого порядка при отборе кандидатов	Нет нормативного закрепления прозрачного алгоритма привлечения внештатных экспертов. Установленный в Постановлении формат «по усмотрению» органа допускает фаворитизм, лоббизм и субъективизм в отборе.
Отсутствие единообразной конкурсной процедуры	Нет четко установленного универсального порядка конкурсного отбора для крупных и значимых проектов; конкурс оказывается порой ситуативно и не всегда открыто.
Отсутствие контроля добросовестности	Не урегулированы аспекты исключения из реестра в случае выявленных нарушений со стороны эксперта или конфликта интересов

Также было бы целесообразно прописать строгий порядок исключения из реестра по определенным критериям (непрофессионализм, нарушение этики, подтвержденный лоббизм и т.п.). Необходимо также включить институт независимых наблюдателей на конкурсах.

Важным шагом явилось бы включение требований отчетности годового аудита относительно состава привлеченных экспертов, с обнародованием статистики нарушений или успешных кейсов ротации.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что инновационные элементы российской регуляции проведения Государственной экологической экспертизы включают в себя следующее:

1) цифровизация процедур, заключающаяся в переходе большинства этапов взаимодействия на электронные платформы, что ведет к ускорению, повышению прозрачности и контролируемости процессов;

2) усиление роли общественности путем обязательного проведения общественных обсуждений с официальной фиксацией итогов, расширением форматов (очное и дистанционное участие, публикация материалов онлайн);

3) независимая аккредитация и ротация экспертов посредством введения единых требований к обязательной аккредитации, актуализации опыта, объективному формированию комиссий, а также контролю за ротацией и исключением недобросовестных специалистов;

4) открытость и пробирность, связанные с внедрением принципов прозрачности (формированием реестров экспертов, электронных журналов и протоколов), созданием базы данных по материалам экспертизы.

5) превентивный подход через рискоориентированные процедуры (введение категоризации проектов на основе потенциального ущерба; упрощенные или ускоренные процедуры для низкорисковых объектов; возможность создания «экологических общественных советов», а также аккумуляции видеоотзывов, общественных возражений, интегрируя их в итоговое решение по рассматриваемому проекту).

Выявленными проблемами являются:

1) цифровое неравенство (отсутствие гарантированной офлайн-альтернативы, что приводит к отсутствию у широких слоев населения, особенно в регионах, среди пожилых и социально уязвимых групп, к полноценному доступу и праву участия);

2) отсутствие детализации правового регулирования (нечеткость закрепления процедур включения, конкурсного отбора, ротации и исключения внештатных экспертов; отсутствие унифицированных стандартов оформления протоколов, дефицит обязательных требований к доступности материалов для офлайн-ознакомления);

3) дефицит обеспечения равных возможностей участия в общественных процедурах: (недостаток юридически закрепленных инструментов в части консультационной и разъяснительной поддержки для групп с низкими цифровыми компетенциями);

4) ограниченность публичного контроля и обратной связи (отсутствие регулирования института независимых наблюдателей и механизма публичной отчетности за прозрачность процедур).

Исходя из этого, в целях достижения реальной эколого-правовой справедливости и публичного доверия остается устранить указанные пробелы путем расширения и сохранения офлайн-доступа, четкости нормирования процедуры отбора экспертов и стандартизации участия общества, обеспечив права всех граждан и поддержку самых уязвимых из них.

Литература

1. Постановление Правительства России от 28 мая 2024 г. № 694 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409014710/> (дата обращения 08.10.2025)

2. Постановление Правительства РФ от 7 ноября 2020 г. № 1796 «Об утверждении Положения о проведении государственной экологической экспертизы» (с изменениями и дополнениями) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 11 ноября 2020 г. № 0001202011110029 (документ утратил силу)

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экологической экспертизе», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 4 части 4 статьи 2 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 25.12.2023 № 673-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465623/ (дата обращения 06.10.2025)

4. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изм. от 31 июля 2025 г. № 304-ФЗ) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125350/> (дата обращения 07.10.2025)

5. Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (с изм. от 31 июля 2025 г. № 304-ФЗ) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://base.garant.ru/10108595/> (дата обращения 07.10.2025)

INNOVATIVE APPROACHES TO PUBLIC LEGAL REGULATION OF STATE ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENTS

Shurov Ye.A.

Herzen State Pedagogical University of Russia

The article analyzes innovative directions of public legal regulation of state environmental expertise (SEE) and environmental impact assessment (EIA) in the Russian Federation on the example of the provisions of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 694 dated May 28, 2024. Key innovations are being explored, including the expanded digitalization of project review procedures, the activation of public participation through the institutionalization of public discussions in online and offline formats, and increased transparency and professional standards in the formation of expert commissions. Special attention is paid to the identified gaps in the current legislative regulation: the risks of digital inequality, the lack of detail in the selection and rotation of freelance experts, and the absence of uniform procedures for public control and feedback. Based on the identified problems, recommendations are proposed for the comprehensive provision of expert procedures that are accessible to all categories of citizens, the standardization of competitive mechanisms, and the development of a system of explanatory and advisory support for socially vulnerable groups.

The paper concludes that there is a need to further improve the regulatory framework in terms of the balance between innovative digital solutions and guarantees that ensure transparency, openness, and equal participation in environmentally significant public procedures.

Keywords: state environmental impact assessment (SEIA), environmental impact assessment (EIA), Decree No. 694, innovations in environmental law, public law regulation, public participation, electronic procedures, digitalization of expertise, expert commissions, freelance experts, competitive selection, transparency and openness of procedures, rotation of experts, digital inequality, accessibility of environmental information, standardization of procedures, public control, information support for citizens, and environmental monitoring.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 28, 2024 No. 694 “On Approval of the Regulation on Conducting State Environmental Expertise” [Electronic resource] // Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409014710/> (date of access 08.10.2025)

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 7, 2020 No. 1796 “On Approval of the Regulation on Conducting State Environmental Expertise” (with amendments and additions) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) November 11, 2020 No. 0001202011110029 (document no longer in effect)

3. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Environmental Expertise”, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition of Clause 4 of Part 4 Article 2 of the Federal Law “On the Transfer of Lands or Land Plots from One Category to Another” dated 25.12.2023 No. 673-FZ (latest revision) [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465623/ (date of access 06.10.2025)

4. Federal Law of 10 January 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection” (as amended on 31 July 2025 No. 304-FZ) [Electronic resource] // Access mode: <https://base.garant.ru/12125350/> (date of access 07.10.2025)

5. Federal Law of 23 November 1995 No. 174-FZ “On Environmental examination” (as amended on July 31, 2025, No. 304-FZ) [Electronic resource] // Access mode: <https://base.garant.ru/10108595/> (date of access 10/07/2025)

Игровое имущество и цифровое наследство: правовая квалификация

Бакаев Дмитрий Андреевич,

аспирант ФГАОУ ВО Волгоградский государственный университет

E-mail: dim.backaew2014@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовой квалификации виртуального игрового имущества и механизмов его наследования в условиях цифровизации экономики. Актуальность исследования обусловлена существенной экономической ценностью игровых активов и отсутствием их чёткого правового статуса в российском гражданском праве. Исследуются теоретические подходы к определению правовой природы игровых активов, включая обязательственную, вещно-правовую и информационную концепции. Рассматривается международный опыт регулирования цифрового наследства в Германии, США и азиатских странах, а также российская судебная практика. Выявлены основные проблемы: противоречие между пользовательскими соглашениями и законодательством, применение статьи 1062 ГК РФ к игровым активам, отсутствие механизмов наследования цифрового имущества. Обосновывается необходимость признания виртуального игрового имущества объектом гражданских прав и закрепления правового статуса цифрового наследства. Рассмотрены этические аспекты посмертной приватности.

Ключевые слова: виртуальное имущество, цифровое наследство, игровые активы, правовая квалификация, пользовательские соглашения, цифровая идентичность.

Введение

Современная экономика переживает масштабную трансформацию, обусловленную цифровизацией практически всех сфер общественной жизни. Одним из наиболее развивающихся секторов стала индустрия видеоигр, которая за последние два десятилетия превратилась из нишевого развлечения в глобальную индустрию с многомиллиардными оборотами. По данным на 2023 год, игровая аудитория в Российской Федерации составляет около 88 миллионов человек, что эквивалентно примерно 60% населения страны [2]. При этом экономическая значимость отрасли подтверждается впечатляющими цифрами: только за девять месяцев 2023 года российские граждане потратили на видеоигры и внутриигровые покупки приблизительно 135 миллиардов рублей.

Однако стремительное развитие цифровых технологий опережает темпы адаптации правовой системы [1]. В результате возникает противоречие между фактической экономической ценностью виртуальных активов и отсутствием их четкого правового статуса [3]. Особую остроту приобретает проблема квалификации игрового имущества – виртуальных предметов, персонажей, внутриигровой валюты – и возможности их передачи по наследству. Рынок внутриигровых предметов и виртуальных покупок демонстрирует впечатляющий рост: только сегмент внутриигровых азартных механик и лут-боксов в 2025 году оценивается в 22,7 миллиарда долларов США [16]. При этом цена редких коллекционных предметов в играх может достигать десятков и даже сотен тысяч долларов. В этих условиях отсутствие эффективных механизмов правовой защиты владельцев цифровых активов создает серьезные риски нарушения их имущественных прав.

Обзор литературы

Научная доктрина, посвященная правовому статусу цифровых активов, в настоящее время находится в стадии активного формирования. Теоретические основы исследования опираются как на классические правовые концепции, так и на современные подходы к осмыслению виртуального пространства.

Трудовая теория собственности, восходящая к работам Дж. Локка, рассматривает право собственности как результат приложения труда к природным ресурсам. Применительно к виртуальному миру это означает, что игрок, вложивший время и усилия в приобретение или «добычу» редкого игрового предмета, имеет законные основания претендовать на права в отношении этого объекта [5]. Теория личности М. Радин, напротив, акцентирует внимание на связи между личностью владельца и объектом собственности. С этой точки зрения игровой аккаунт или персонаж становятся продолжением цифровой идентичности пользователя, что требует особого режима правовой защиты [4]. Утилитарные теории фокусируются на обеспечении эффективности экономического оборота и предлагают рассматривать распределение прав на цифровые объекты через призму минимизации транзакционных издержек.

Значительный вклад в понимание статуса цифрового наследства внесла практика зарубежных судов. Знаковым стало решение Федерального верховного суда Германии 2018 года, который признал договор на использование социальной сети частью наследственной массы в силу принципа универсального правопреемства [14]. Суд постановил, что договор с социальной сетью входит в состав наследства в соответствии с параграфом 1922 Германского гражданского уложения, а личный характер переписки не препятствует наследованию, поскольку физические письма также переходят к наследникам [10].

В США ключевую роль играет Пересмотренный единообразный закон о доступе уполномоченных лиц к цифровым активам (RUFADAA), создавший легальный механизм управления цифровым наследием. Этот нормативный акт устанавливает трехуровневую иерархию: в первую очередь учитываются внутренние инструменты платформы, затем – указания в завещании, и лишь в последнюю очередь – условия пользовательского соглашения [5].

В отечественной литературе дискуссия концентрируется вокруг интерпретации статьи 128 Гражданского кодекса РФ и возможности включения игровых активов в категорию «иного имущества». Рожкова (2025) указывает на проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов и необходимость четкого определения их юридической сущности [4].

Центральная проблема заключается в конфликте между объективно существующей экономической ценностью игрового имущества и неопределенностью его правового статуса. Традиционная цивилистическая доктрина оперирует категориями материальных вещей и имущественных прав, в то время как виртуальные объекты обладают специфическими характеристиками, затрудняющими их однозначную квалификацию.

Можно выделить несколько ключевых проблемных узлов. Во-первых, существует противоречие между положениями лицензионных соглашений крупнейших игровых платформ и интересами пользователей. Компании, такие как Blizzard Entertainment и Valve, в своих соглашениях прямо запрещают передачу аккаунтов и предметов третьим лицам, квалифицируя права пользователя исключительно как временную лицензию на использование контента [6]. Во-вторых, в российской судебной практике споры об игровом имуществе нередко рассматриваются через призму статьи 1062 ГК РФ, что фактически лишает пользователей возможности судебной защиты их имущественных интересов [12]. В-третьих, принцип универсального правопреемства сталкивается с техническими и юридическими барьерами: наследники зачастую не могут получить доступ к цифровым активам умершего из-за политики конфиденциальности провайдеров сервисов.

Методы

Настоящее исследование базируется на комплексе общенаучных и специально-юридических методов. Основу работы составляет сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию игрового имущества и цифрового наследства в различных правовых системах. Это позволяет выявить наиболее эффективные модели легализации виртуальных активов и оценить перспективы их адаптации к российским правовым реалиям.

Формально-юридический метод применен для анализа содержания статей 128, 1112 и 1062 Гражданского кодекса РФ, а также положений Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах». Кроме того, проведен анализ пользовательских соглашений крупнейших игровых платформ и актуальной судебной практики. Исследование носит теоретико-прикладной характер и опирается на синтез существующих доктринальных позиций и precedентов.

Результаты и обсуждение

Правовая природа игрового имущества: три концептуальных подхода

Определение юридической природы виртуальных объектов является отправной точкой для установления режима их оборота и наследования. В современной науке выделяются три основных концептуальных подхода.

Согласно обязательственному (сервисному) подходу, отношения между пользователем и разработчиком игры рассматриваются как договор оказания услуг. Виртуальные объекты при этом не признаются имуществом пользователя; последний лишь получает временное право доступа к контенту [4]. Данный подход значительно упрощает регулирование для разработчиков, однако лишает пользователей имущественных гарантий и фактически исключает возможность наследования игровых активов.

Вещно-правовой подход предполагает признание виртуальных объектов «бестелесными вещами», обладающими признаками, аналогичными материальным объектам. Сторонники этой концепции указывают на три ключевые характеристики игрового имущества: соперничество (использование объекта одним лицом исключает одновременное использование другими), постоянство (объект существует независимо от того, находится ли пользователь в сети), и взаимосвязанность (способность объектов взаимодействовать внутри игровой экосистемы и обладать внешней экономической ценностью) [5].

Информационный подход рассматривает виртуальные объекты как записи в информационной системе, наделяющие владельца определенными правами. Эта концепция в наибольшей степени соответствует технологической сути цифровых активов, однако требует детального законодательного закрепления [4].

В российской судебной практике последних лет намечается тенденция к признанию цифровых активов имуществом. В ряде дел о банкротстве арбитражные суды относили криптовалюту к категории «иного имущества» на основании статьи 128 ГК РФ [8]. Этот подход потенциально применим и к игровому имуществу. Вместе с тем практика применения статьи 1062 ГК РФ создает парадоксальную ситуацию: актив стоимостью в тысячи долларов может быть похищен без возможности судебной защиты [12].

Роль пользовательских соглашений (EULA) в регулировании виртуальной собственности

Лицензионные соглашения выступают основным регулятором отношений в виртуальных игровых мирах. В пользовательском соглашении Blizzard прямо указывается, что использование платформы носит лицензионный характер, а не продажу товара, и никакие права собственности на игры или виртуальный контент не передаются пользователю [6]. Аналогичным образом Steam устанавливает, что аккаунты являются непередаваемыми, и служба поддержки официально подтверждает невозможность передачи библиотеки игр по наследству [9].

Такая позиция компаний обосновывается необходимостью контроля над внутриигровой экономикой. Однако если пользователь вложил значительные денежные средства, полное лишение его прав в случае смерти может рассматриваться как несправедливое условие договора. В некоторых юрисдикциях предпринимаются попытки законодательно закрепить право на передачу цифровых копий игр [7].

Международный опыт правового регулирования цифрового наследства

Проблема передачи цифровых активов по наследству решается в различных правовых системах неодинаково. Германия занимает лидирующие позиции в признании цифрового наследства. Верховный суд Германии подчеркнул, что личный характер переписки не препятствует наследованию, поскольку физические письма также переходят к наследникам. При этом наследники получают право на «пассивный доступ» — ознакомление с содержимым аккаунта без права отправки новых сообщений [10] [14].

Российская специфика и современные тенденции

В Российской Федерации вопрос цифрового наследства находится в стадии формирования. Важным шагом стало принятие Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», который признал цифровые права объектами гражданских прав [4]. Однако игровые активы в большинстве случаев не подпадают под определение цифровых финансовых активов, поскольку выпускаются в централизованных системах.

Индикатором для развития правового режима игрового имущества служит судебная практика по криптовалютам. Арбитражные суды начали относить криптовалюту к категории «иного имущества» на основании статьи 128 ГК РФ [8]. В 2025 году в Государственную Думу был внесен законопроект о признании криптовалюты, нажитой в браке, совместно нажитым имуществом [13], что свидетельствует о постепенном признании цифровых активов полноценными объектами имущественных споров.

Этические аспекты: посмертная приватность и цифровая идентичность

Центральным является вопрос о посмертной приватности. В итальянской судебной практике суды разрешают доступ наследникам на основании «семейного интереса» и «коммеморативного интереса», если только умерший прямо не запретил это [11].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об ответственности разработчиков за создание аддитивного игрового контента. В 2025–2026 годах появились судебные иски к Blizzard Entertainment о преднамеренном создании дизайна игр, вызывающего зависимость [15]. Возникает правовая коллизия между интересами разработчика и защитой вложенных пользователем ресурсов, в рамках которой блокировка аккаунта с накопленными активами может рассматриваться как несоразмерная мера воздействия.

Направления совершенствования российского законодательства

Необходимо дополнение статьи 128 ГК РФ путем включения категории «виртуального имущества». Требуется реформа статьи 1062 ГК РФ с указанием, что требования о защите прав на возмездно приобретенное игровое имущество подлежат судебной защите. Целесообразно законодательное закрепление цифрового наследства путем обязывания провайдеров предоставлять наследникам доступ к цифровым активам.

Заключение

Проведенное исследование выявило глубокий разрыв между технологической реальностью и нормативным регулированием в сфере игрового имущества и цифрового наследства. Виртуальные объекты, обладая всеми признаками имущества — экономической ценностью, оборотоспособностью и возможностью индивидуализации, — остаются в «серой зоне» российского права, часто лишаясь судебной защиты из-за неправильного применения статьи 1062 ГК РФ.

Анализ теоретических подходов показал, что наиболее перспективной является концепция «цифровых вещей» (*res digitales*), позволяющая применять традиционные вещно-правовые способы защиты. Международный опыт демонстрирует два основных пути: признание цифровых активов объектом универсального правопреемства (Германия) или создание специальных механизмов фидуциарного доступа с приоритетом воли наследодателя (США).

Для России наиболее перспективным представляется гибридный подход, сочетающий признание игрового имущества в качестве «иного имущества» по статье 128 ГК РФ с одновременным ограничением произвола разработчиков в рамках пользовательских соглашений. Игровой аккаунт и связанные с ним ценности должны рассматриваться как актив, созданный трудом и средствами пользователя, что дает законные основания для его включения в наследственную массу. Только через комплексное законодательное закрепление статуса виртуальных объектов и механизмов их наследования возможно обеспечить адекватную защиту прав миллионов граждан в эпоху тотальной цифровизации.

Литература

1. Аламова С.М., Гайнутдинова А.Р. Правовые риски в современной правоприменительной деятельности: общетеоретические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 77–81. EDN KUSVWV.
2. Дьяченко А.А., Плохов С.В. К вопросу об использовании игровых активов в преступной деятельности // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 121–131. doi: 10.17816/RJLS641997
3. Левкин И.В., Аламова С.М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 года / Под редакцией Р.Ф. Степаненко, А.Б. Мезяева, С.Н. Тагаевой, С.М. Аламовой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. С. 129–134. EDN LWWDQC.
4. Рожкова М.А. Проблемы установления самостоятельного правового режима для цифровых объектов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. N 2 (48). С. 146–157.
5. Aswathy Prakash G. Death in the era of perpetual digital afterlife: digital assets, posthumous legacy, ownership and its legal implications // National Law School Journal. 2019–20. 15. P. 124–141.
6. Blizzard End User License Agreement // Blizzard Entertainment. (2026). URL: <https://www.blizzard.com/en-us/legal/simple/2c72a35c-bf1b-4ae6-99ec-80624e1b429c/blizzard-end-user-license-agreement> (Дата обращения: 05.02.2026).
7. Connor J. Valve could soon be forced to make Steam game libraries inheritable // TweakTown. 2024. URL: <https://www.tweaktown.com/news/100958/valve-could-soon-be-forced-to-make-steam-game-libraries-inheritable/index.html> (Дата обращения: 20.01.2026).
8. Cryptocurrency as property: A new reference point for judicial practice // Valen Legal. 2025. URL: <https://valen-legal.com/news/cryptocurrency-as-property-a-new-reference-point-for-judicial-practice/> (Дата обращения: 20.01.2026).
9. Dawe L. No leaving a Steam account in a will after you die according to Valve // GamingOnLinux. 2024. URL: <https://www.gamingonlinux.com/2024/05/no-leaving-a-steam-account-in-a-will-after-you-die-according-to-valve/> (Дата обращения: 20.01.2026).
10. Maget Dominicé, A., Haux, D.H. The Decision of the German Federal Court of Justice against Facebook: Opportunity to Define Digital Heritage? // Santander Art and Culture Law Review. 2020. Vol. 6. n 2. P. 251–260. doi: 10.4467/2450050XSNR.20."
11. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts // The Italian Law Journal. 2022. Vol. 8. № 1. P. 407–423."
12. Online games in Russia: Legal issues // ADVANT Beiten. 2024. URL: https://www.advant-beiten.com/fileadmin/beiten/Flyer_2024/Online_Games_in_Russia_Legal_Issues_ADVANT_Beiten_EN.pdf (Дата обращения: 15.01.2026).
13. Russia rejects crypto as money but expands legal recognition // Digital Watch Observatory. 2025. URL: <https://dig.watch/updates/russia-rejects-crypto-as-money-but-expands-legal-recognition> (Дата обращения: 20.01.2026).
14. Unrestricted active and continued use of social media accounts by heirs // Noerr. 2025. URL: [https://www.noerr.com/en/insights/unrestricted-](https://www.noerr.com/en/insights/unrestricted-active-and-continued-use-of-social-media-accounts-by-heirs)

active-and-continued-use-of-social-media-accounts-by-heirs (Дата обращения: 05.02.2026).

15. World of Warcraft lawsuit // Robert King Law Firm. February 2026. URL: <https://www.robertkinglawfirm.com/mass-torts/video-game-addiction-lawsuit/world-of-warcraft-lawsuit/> (Дата обращения: 29.01.2026).

16. Zope R. In-game gambling and loot boxes market report, 2032 // Persistence Market Research. 2025. November 28. URL: <https://www.persistencemarketresearch.com/market-research/in-game-gambling-and-loot-boxes-market.asp> (Дата обращения: 05.02.2026).

GAME PROPERTY AND DIGITAL INHERITANCE: LEGAL CLASSIFICATION

Bakaev D.A.
Volgograd State University

This article analyzes the legal classification of virtual in-game assets and the mechanisms for their inheritance in the context of economic digitalization. The relevance of this research is determined by the significant economic value of in-game assets and the lack of a clear legal status for them in Russian civil law. Theoretical approaches to defining the legal nature of in-game assets are explored, including the concepts of obligation, property rights, and information rights. International experience in regulating digital inheritance in Germany, the United States, and Asian countries, as well as Russian judicial practice, are considered. Key issues are identified: the contradiction between user agreements and legislation, the application of Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation to in-game assets, and the lack of mechanisms for the inheritance of digital property. The need to recognize virtual in-game assets as an object of civil rights and to establish the legal status of digital inheritance is substantiated. The ethical aspects of posthumous privacy are considered.

Keywords: virtual property, digital inheritance, game assets, legal qualification, user agreements, digital identity.

References

1. Alamova S.M., Gainutdinova A.R. Legal risks in modern law enforcement: general theoretical problems // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 4. pp. 77–81. EDN KUSVWV.
2. Dyachenko A.A., Plokhov S.V. On the use of game assets in criminal activity // Russian Journal of Legal Research. 2024. Vol. 11. No. 4. pp. 121–131. doi: 10.17816/RJLS641997
3. Levkin I.V., Alamova S.M. Protection of digital assets // Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference, Kazan, February 16, 2023 / Edited by R.F. Stepanenko, A.B. Mezyaeva, S.N. Tagaeva, S.M. Alamova. Kazan: University of Management "TISBI", 2023. Pp. 129–134. EDN LWWDQC.
4. Rozhkova M.A. Problems of Establishing an Independent Legal Regime for Digital Objects // Journal of the Intellectual Property Court. 2025. No. 2 (48). Pp. 146–157.
5. Aswathy Prakash G. Death in the Era of Perpetual Digital Afterlife: Digital Assets, Posthumous Legacy, Ownership, and Its Legal Implications // National Law School Journal. 2019–20. 15. Pp. 124–141.
6. Blizzard End User License Agreement // Blizzard Entertainment. (2026). URL: <https://www.blizzard.com/en-us/legal/simple/2c72a35c-bf1b-4ae6-99ec-80624e1b429c/blizzard-end-user-license-agreement> (Accessed: 05.02.2026).
7. Connor J. Valve could soon be forced to make Steam game libraries inheritable // TweakTown. 2024. URL: <https://www.tweaktown.com/news/100958/valve-could-soon-be-forced-to-make-steam-game-libraries-inheritable/index.html> (Accessed: 20.01.2026).
8. Cryptocurrency as property: A new reference point for judicial practice // Valen Legal. 2025. URL: <https://valen-legal.com/news/cryptocurrency-as-property-a-new-reference-point-for-judicial-practice/> (Accessed: 20.01.2026).
9. Dawe L. No leaving a Steam account in a will after you die according to Valve // GamingOnLinux. 2024. URL: <https://www.gamingonlinux.com/2024/05/no-leaving-a-steam-account-in-a-will-after-you-die-according-to-valve/> (Accessed: 01/20/2026).
10. Maget Dominicé, A., Haux, D.H. The Decision of the German Federal Court of Justice against Facebook: Opportunity to Define Digital Heritage? // Santander Art and Culture Law Review. 2020. Vol. 6. n 2. P. 251–260. doi: 10.4467/2450050XSNR.20."
11. Maspes I. Digital Inheritance, Right of the Heirs to Access to the Deceased User's Account, Non-Transferability Clauses: An Overview in the Light of Two Judgments Issued by Italian Courts // The Italian Law Journal. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 407–423."
12. Online games in Russia: Legal issues // ADVANT Beiten. 2024. URL: https://www.advant-beiten.com/fileadmin/beiten/Flyer_2024/Online_Games_in_Russia_Legal_Issues_ADVANT_Beiten_EN.pdf (Accessed: 20.01.2026).
13. Russia rejects crypto as money but expands legal recognition // Digital Watch Observatory. 2025. URL: <https://dig.watch/updates/russia-rejects-crypto-as-money-but-expands-legal-recognition> (Accessed: 20.01.2026).
14. Unrestricted active and continued use of social media accounts by heirs // Noerr. 2025. URL: <https://www.noerr.com/en/insights/unrestricted-active-and-continued-use-of-social-media-accounts-by-heirs> (Accessed: 05.02.2026).
15. World of Warcraft lawsuit // Robert King Law Firm. February 2026. URL: <https://www.robertkinglawfirm.com/mass-torts/video-game-addiction-lawsuit/world-of-warcraft-lawsuit/> (Accessed: 29.01.2026).
16. Zope R. In-game gambling and loot boxes market report, 2022 // Persistence Market Research. 2025. November 28. URL: <https://www.persistencemarketresearch.com/market-research/in-game-gambling-and-loot-boxes-market.asp> (Accessed: 05.02.2026).

Правовые особенности цифровой эмиссии акций в Российской Федерации: вызовы и перспективы

Буранов Дмитрий Вадимович,

аспирант департамента права института экономики,
управления и права, ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»
E-mail: favn532@mail.ru

В работе проведён анализ правовых особенностей выпуска и обращения акций в форме цифровых финансовых активов в Российской Федерации. Исследованы противоречия между классической конструкцией бездокументарной ценной бумаги и технологической природой распределённого реестра. Рассмотрены ограничения действующего законодательства: узкий круг потенциальных эмитентов, пробелы в регулировании деятельности операторов информационных систем, отсутствие презумпции достоверности блокчейн-записей. Проведено сравнение с зарубежными моделями регулирования (Регламент MiCA, германское и швейцарское законодательство). Обоснована концепция цифрового титула как трёхуровневого права. Цель: юридический анализ особенностей цифровой эмиссии акций, выявление системных противоречий и формулирование предложений по совершенствованию нормативной базы. Методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод системного анализа, метод правового моделирования. Результаты: выявлено глубокое противоречие между традиционной конструкцией бездокументарной ценной бумаги и технологической природой распределённого реестра; предложена концепция цифрового титула как трёхуровневого права; сформулированы меры по совершенствованию законодательства: расширение круга эмитентов, легализация смарт-контрактов, установление стандартов для операторов платформ, усиление защиты миноритарных акционеров.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровые акции, распределённый реестр, блокчейн, смарт-контракты, правовое регулирование, бездокументарные ценные бумаги, защита прав инвесторов

Введение

Принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее – ФЗ-259) ознаменовало начало новой эпохи в развитии российского фондового рынка. Законодатель создал правовую основу для функционирования цифровых эмиссионных инструментов, однако стремительный рост рынка опережает процессы законодательной адаптации. По данным Банка России, за первый квартал 2025 года объём выпуска цифровых финансовых активов составил более 274 млрд рублей, что в пять раз превышает показатели аналогичного периода предыдущего года [16, с. 1]. Столь динамичное развитие рынка обнажает фрагментарность правового регулирования и множество институциональных пробелов, влияющих на эффективность защиты прав участников оборота.

Основная проблема заключается в отсутствии чёткого ответа о правовой природе акций в форме ЦФА: каким образом соотносятся нормы ГК РФ о бездокументарных ценных бумагах (статьи 142, 149) [2] и регулирование цифровых прав (статья 141.1)? Является ли цифровая акция новым объектом гражданских прав или особой формой фиксации традиционной эмиссионной ценной бумаги? Отсутствие единства мнений создаёт неопределённость для правоприменения.

Целью исследования является юридический анализ особенностей цифровой эмиссии акций, выявление системных противоречий и формулирование предложений по совершенствованию нормативной базы через: исследование соотношения норм ГК РФ и законодательства о ЦФА; выявление пробелов в защите прав инвесторов; сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта; разработку предложений по устранению правовых пробелов.

Правовой анализ цифровой эмиссии акций

Традиционная модель основана на концепции бездокументарной ценной бумаги (статья 142 ГК РФ), где запись в реестре имеет правоустанавливающее значение, но не является самостоятельным объектом оборота. ЦФА (часть 2 статьи 1 ФЗ-259) меняют эту логику: сама запись в распределённом реестре становится первоисточником права через криптографические механизмы и консенсусные алгоритмы валидации.

Данное противоречие порождает фундаментальную проблему: классическая конструкция основана на юридической фикции «овеществления» прав при централизованном учёте с ответственным субъектом, тогда как в децентрализованной системе правовое значение записи определяется технологическим механизмом консенсуса. В литературе предлагаются различные подходы: от признания цифровой акции разновидностью бездокументарных ценных бумаг с особым способом фиксации [15, с. 108–110] до понимания её как самостоятельного объекта – цифрового права по статье 141.1 ГК РФ, удостоверяющего права по эмиссионной ценной бумаге [13, с. 39–40].

Наиболее обоснованным представляется понимание цифровой акции как трёхуровневого комплексного субъективного права, включающего имущественный компонент (право на дивиденды и ликвидационную квоту), корпоративный компонент (право на участие в управлении и получение информации) и информационно-учётный компонент (право на надлежащую фиксацию и подтверждение прав в системе учёта).

Признание информационно-учётного компонента самостоятельным элементом правовой природы акции позволяет преодолеть противоречие между концепцией бездокументарной ценной бумаги и режимом цифровых прав, рассматривая способ фиксации не как техническую формальность, а как неотъемлемую часть самого субъективного права, определяющую механизмы его осуществления и защиты в цифровой среде.

Федеральный закон № 259-ФЗ устанавливает базовые параметры правового регулирования цифровых финансовых активов, однако многие его положения вызывают критику со стороны исследователей. Прежде всего, вызывает вопросы определение ЦФА, содержащееся в части 2 статьи 1. Законодатель относит к ЦФА цифровые права, включающие «возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам» и «права участия в капитале непубличного акционерного общества». Буквальное толкование данной нормы приводит к выводу, что ЦФА не являются эмиссионными ценными бумагами как таковыми, а лишь удостоверяют возможность осуществления прав по ним.

Ещё более серьёзным ограничением является положение части 2 статьи 1 ФЗ-259, согласно которому в форме ЦФА могут выпускаться права участия в капитале только непубличного акционерного общества. Иными словами, акции публичных акционерных обществ не могут быть выпущены в форме ЦФА. Данное ограничение не имеет убедительного экономического или правового обоснования. Публичные акционерные общества, акции которых обращаются на организованных торгах, в наибольшей степени нуждаются в современных технологиях учёта и обращения ценных бумаг, позволяющих снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность корпоративных отношений, обеспечить более эффективную защиту прав миноритарных акционеров.

В научной литературе высказываются различные объяснения данного законодательного решения. Некоторые авторы полагают, что законодатель стремился обеспечить поэтапное внедрение новых технологий, начиная с менее рискованного сегмента рынка — непубличных компаний с ограниченным кругом акционеров [12, с. 320–321]. Другие исследователи указывают на опасения регулятора относительно рисков, связанных с применением блокчейн-технологий на публичном рынке, включая риски кибератак, потери криптографических ключей, ошибок в программном коде смарт-контрактов [11, с. 48–52]. Однако ни одно из этих объяснений не оправдывает категорического запрета: более разумным представляется установление повышенных требований к выпуску цифровых акций публичными обществами (усиленное раскрытие информации, дополнительные стандарты безопасности, обязательный аудит программного кода), но не полное исключение такой возможности.

Серьёзные проблемы содержатся в регулировании деятельности операторов информационных систем. Статья 6 ФЗ-259 требует внесения оператора в реестр Банка России, однако не устанавливает детальных требований к технологической инфраструктуре, стандартам кибербезопасности и механизмам обеспечения неизменности записей в распределённом реестре, ограничиваясь лишь общим указанием на обязанность обеспечивать «сохранность информации» (ч. 5 ст. 6 ФЗ-259). Особенно острой является проблема защиты прав инвесторов при прекращении деятельности оператора: статья 7 ФЗ-259 предусматривает возможность передачи прав на ЦФА другому оператору, однако не требует обязательного резервирования данных, не устанавливает механизм автоматического перехода управления при банкротстве и не определяет ответственность за убытки инвесторов при утрате доступа к системе. Отдельного внимания заслуживает регулирование смарт-контрактов: часть 2 статьи 4 ФЗ-259 фактически легализует их применение, однако не раскрывает критериев юридической силы и не решает практических вопросов их функционирования.

Европейский Союз принял Регламент о рынках криптоактивов (MiCA), вступивший в полную силу 30 декабря 2024 года [6], создающий всеобъемлющую систему регулирования на основе принципа технологической нейтральности и функциональной эквивалентности: схожие по экономическому содержанию инструменты подлежат единообразному регулированию независимо от формы существования [7, с. 3–12]. Принципиальным отличием от российского подхода является отсутствие ограничений по кругу эмитентов: Регламент MiCA допускает токенизацию любых финансовых инструментов, включая акции публичных компаний, при соблюдении требований к раскрытию информации и лицензированию операторов платформ, одновременно устанавливая жёсткие пруденциальные требования к операторам, включая минимальный размер капитала, стандарты управления рисками и обязательства по противодействию отмыванию денег.

Германия в 2021 году приняла Закон об электронных ценных бумагах (eWpG) [5], допускающий выпуск облигаций (с перспективой распространения на акции) посредством записей в распределённом реестре. Швейцария внедрила концепцию DLT-ценных бумаг, предусматривающую выпуск акций через распределённый реестр без требования специального лицензирования оператора, но с детальными технологическими требованиями и признанием записи в реестре полноценным правоустанавливающим фактом. Люксембург занимает наиболее либеральную позицию, допуская токенизацию любых ценных бумаг и рассматривая блокчейн лишь как способ фиксации прав без изменения правовой природы инструмента [9, с. 45–58].

Центральной проблемой правоприменения является доказательственная сила записей в блокчейне: российская судебная практика признаёт их электронными доказательствами в значении статьи 71 АПК РФ [1] и статьи 55 ГПК РФ [3], однако требует дополнительных подтверждений связи записи с конкретным лицом, что не учитывает технологическую природу распределённого реестра с его криптографическими механизмами валидации. Отсутствие законодательного закрепления презумпции достоверности блокчейн-записей создаёт правовую неопределённость и нивелирует основное преимущество технологии — обеспечение неизменности и прослеживаемости транзакций, что требует внесения изме-

нений в законодательство о ЦФА с закреплением презумпции достоверности валидированных записей с возможностью опровержения при доказывании технологических сбоев или несанкционированного доступа.

Серьёзные трудности возникают при применении смарт-контрактов: часть 2 статьи 4 ФЗ-259 допускает автоматическое исполнение обязательств, однако не решает вопросы правовой квалификации ошибок в коде и оснований судебного вмешательства [10, с. 60–62]. В научной литературе предлагаются различные подходы: от понимания смарт-контракта как технического средства исполнения [8, с. 112–115] до признания его самостоятельной формой договора [14, с. 56–58]. Наиболее обоснованным представляется промежуточный подход, признающий смарт-контракт договором при условии волеизъявления сторон, определённости алгоритма и технологической возможности верификации, с сохранением права на судебную защиту при доказывании существенных ошибок, несоответствия алгоритма действительной воле или обстоятельств непреодолимой силы, что обеспечивает баланс между технологическими преимуществами и правовыми гарантиями.

Проведённый анализ позволяет сформулировать комплекс мер по совершенствованию правового регулирования цифровой эмиссии акций в Российской Федерации.

Принципиальное значение имеет введение в законодательство понятия «цифрового титула» как правовой категории, отражающей специфику фиксации прав в распределённом реестре. Цифровой титул следует определить как запись в информационной системе, удостоверяющую права по эмиссионной ценной бумаге и являющуюся первоисточником таких прав. Данное определение позволит отграничить цифровые акции от традиционных бездокументарных ценных бумаг и создаст правовую основу для применения специального регулирования. Необходимо установить коллизионные правила на случай одновременного учёта прав в традиционном реестре владельцев и распределённом реестре, закрепив презумпцию приоритета последнего при соблюдении технологических требований к инфраструктуре и валидации транзакций.

Целесообразным представляется расширение круга потенциальных эмитентов цифровых акций путём распространения возможности их выпуска на публичные акционерные общества. При этом следует исходить из принципа функциональной эквивалентности: акции публичных обществ, выпущенные с использованием технологии распределённого реестра, должны квалифицироваться как эмиссионные ценные бумаги с особым способом учёта прав. Это обеспечит применение полного комплекса требований законодательства о рынке ценных бумаг, включая стандарты раскрытия информации, правила листинга, механизмы защиты миноритарных акционеров и надзорные полномочия регулятора. Целесообразно дополнить законодательство об акционерных обществах специальными положениями о выпуске акций с использованием распределённого реестра, установив повышенные требования к раскрытию информации и обязательный аудит программного кода смарт-контрактов.

Кроме того, важное значение приобретает законодательное закрепление критериев юридической силы смарт-контрактов и пределов автоматизации исполнения обязательств. Представляется целесообразным внесение изменений в статью 434 ГК РФ, регулирующую форму договора, путём дополнения её положениями о договоре, заключённом посредством программного кода. Подобное предложение согласуется с позицией ряда исследователей, обосновывающих необходимость признания электронной формы договора, выраженной в программном коде, наряду с традиционными письменной и устной формами [8, с. 116–117; 14, с. 59–61]. Смарт-контракт должен признаваться договором, поскольку он отвечает всем существенным признакам договора в смысле статьи 420 ГК РФ: представляет собой соглашение двух или нескольких лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. При этом программный код выступает особой формой фиксации волеизъявления сторон, а автоматическое исполнение алгоритма — способом исполнения обязательства. Признание смарт-контракта договором требует соблюдения следующих условий: наличие волеизъявления сторон на заключение договора в форме программного кода, определённости условий исполнения обязательств и технологическая возможность верификации исполнения без вмешательства третьих лиц.

Необходимо внесение изменений в законодательство об акционерных обществах, распространяющих на квазиказначейские акции режим казначейских акций. Акции общества, принадлежащие подконтрольным ему юридическим лицам, не должны предоставлять права голоса и учитываться при определении кворума собрания акционеров.

Следует законодательно закрепить презумпцию достоверности записей в распределённом реестре. Запись, прошедшая процедуру валидации в соответствии с правилами функционирования информаци-

онной системы, должна признаваться достоверным доказательством цифрового права с возможностью её оспаривания при доказывании технологического сбоя, несанкционированного доступа или ошибки в программном коде. Данная норма обеспечит правовую определённость и повысит доверие к цифровым эмиссионным инструментам.

Заключение

В заключение констатируем выявление глубокого противоречия между традиционной конструкцией бездокументарной ценной бумаги, основанной на централизованной системе учёта прав, и технологической природой распределённого реестра, где запись становится первоисточником права благодаря криптографическим механизмам и консенсусной валидации. Это противоречие не является лишь технической особенностью — оно требует переосмысления фундаментальных правовых категорий. Предложенная концепция цифрового титула как трёхуровневого права позволяет преодолеть искусственное разделение между «акцией» и «цифровым правом на осуществление прав по акции», признавая информационно-учётный компонент неотъемлемой частью субъективного права в цифровой среде.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2025).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2025).
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Gesetz über elektronische Wertpapiere (eWpG) vom 3. Juni 2021 [Electronic resource] // Bundesministerium der Justiz. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (accessed: 02.08.2025).
6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) [Electronic resource] // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu> (accessed: 27.01.2026).
7. Белицкая А.В. Правовое регулирование криптоактивов в передовых юрисдикциях Европы / А.В. Белицкая, И.С. Шиткина // Предпринимательское право. — 2021. — № 3. — С. 3–12.
8. Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом / Е.Е. Богданова // Lex Russica (Русский закон). — 2019. — № 7 (152). — С. 108–118.
9. Василевская Л.Ю. Цифровые финансовые активы: международный опыт регулирования / Л.Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19, № 6. — С. 45–58.
10. Душаева А.А. Проблемы применения смарт-контрактов в деятельности компании / А.А. Душаева // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2019. — № 10 (217). — С. 58–64.
11. Жихарев А.Г. К вопросу о безопасности обработки информации с использованием смарт-контрактов / А.Г. Жихарев, В.В. Киданов, О.С. Фёфелов // Научный результат. Информационные технологии. — 2023. — Т. 8, № 1. — С. 46–55.
12. Лавровская Т.Б. Тренды в развитии непубличных акционерных обществ: размещение акций на инвестиционных платформах, особая конструкция привилегированных акций / Т.Б. Лавровская // Новеллы права, экономики и управления 2021: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции, Гатчина, 26–27 ноября 2021 года. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. — Т. 2. — С. 319–322.
13. Мельникова Т.В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав / Т.В. Мельникова, Н.А. Никиташина, Ю.В. Шалыева // Юрист. — 2023. — № 11. — С. 37–42.
14. Одинцов С.В. Смарт-контракты в предпринимательской деятельности: сравнительно-правовой анализ правового регулирования / С.В. Одинцов, Е.А. Наклескина // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2022. — № 10 (253). — С. 53–63.

15. Роднова О.М. Правовая природа цифровых акций / О.М. Роднова // Демидовский юридический журнал. — 2025. — Т. 15, № 2. — С. 106–113.

16. Садовникова Н.А. Российский рынок цифровых финансовых активов: состояние и перспективы / Н.А. Садовникова // Финансы и кредит. — 2025. — Т. 31, № 4. — С. 856–872.

LEGAL FEATURES OF DIGITAL ISSUANCE OF SHARES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

Buranov D.V.

Moscow City Pedagogical University

This paper analyzes the legal features of the issuance and circulation of shares in the form of digital financial assets in the Russian Federation. It examines the contradictions between the classical construct of the uncertificated security and the technological nature of distributed ledgers. Constraints of the current legislation are considered: a narrow circle of potential issuers, gaps in the regulation of information system operators, and the absence of a presumption of reliability for blockchain records. A comparison with foreign regulatory models (the MiCA Regulation, German and Swiss law) is conducted. The concept of a digital title as a three-tier right is substantiated. Purpose: legal analysis of the features of digital issuance of shares, identification of systemic contradictions, and formulation of proposals for improving the regulatory framework. Methods: formal-legal, comparative-legal, method of system analysis, method of legal modeling. Results: a deep contradiction between the traditional construct of the uncertificated security and the technological nature of the distributed ledger was identified; the concept of a digital title as a three-tier right was proposed; measures to improve legislation were formulated: broadening the range of issuers, legalizing smart contracts, establishing standards for platform operators, strengthening protection of minority shareholders.

Keywords: digital financial assets, digital shares, distributed ledger, blockchain, smart contracts, legal regulation, uncertificated securities, investor protection

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 15.12.2025) (with amendments and additions, effective from 01.01.2026) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». — URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 15.12.2025). (In Russian).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 31.07.2025, with amendments from 25.11.2025) (with amendments and additions, effective from 01.08.2025) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». — URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 15.12.2025). (In Russian).
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 15.12.2025, with amendments from 22.12.2025) (with amendments and additions, effective from 01.01.2026) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». — URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 15.12.2025). (In Russian).
4. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025, with amendments from 20.01.2026) [Electronic resource] // SPS «ConsultantPlus». — URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 15.12.2025). (In Russian).
5. Gesetz über elektronische Wertpapiere (eWpG) vom 3. Juni 2021 [Electronic resource] // Bundesministerium der Justiz. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (accessed: 02.08.2025).
6. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) [Electronic resource] // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu> (accessed: 27.01.2026).
7. Belitskaya A.V. Legal regulation of crypto-assets in leading European jurisdictions / A.V. Belitskaya, I.S. Shitkina // Business Law. — 2021. — No. 3. — Pp. 3–12. (In Russian).
8. Bogdanova E.E. Problems of application of smart contracts in transactions with virtual property / E.E. Bogdanova // Lex Russica. — 2019. — No. 7 (152). — Pp. 108–118. (In Russian).
9. Vasilevskaya L. Yu. Digital financial assets: international regulatory experience / L. Yu. Vasilevskaya // Actual Problems of Russian Law. — 2024. — Vol. 19, No. 6. — Pp. 45–58. (In Russian).
10. Dushaeva A.A. Problems of application of smart contracts in company activities / A.A. Dushaeva // Property Relations in the Russian Federation. — 2019. — No. 10 (217). — Pp. 58–64. (In Russian).
11. Zhikharev A.G. On the issue of information processing security using smart contracts / A.G. Zhikharev, V.V. Kidanov, O.S. Fefelov // Research Result. Information Technologies. — 2023. — Vol. 8, No. 1. — Pp. 46–55. (In Russian).
12. Lavrovskaya T.B. Trends in the development of non-public joint-stock companies: placement of shares on investment platforms, special construction of preferred shares / T.B. Lavrovskaya // Novelties of Law, Economics and Management 2021: collection of scientific papers. — Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2022. — Vol. 2. — Pp. 319–322. (In Russian).
13. Melnikova T.V. Digital financial assets as objects of civil rights / T.V. Melnikova, N.A. Nikitashina, Yu.V. Shalyaeva // Lawyer. — 2023. — No. 11. — Pp. 37–42. (In Russian).
14. Odintsov S.V. Smart contracts in business activities: comparative legal analysis of legal regulation / S.V. Odintsov, E.A. Nakleskina // Property Relations in the Russian Federation. — 2022. — No. 10 (253). — Pp. 53–63. (In Russian).
15. Rodnova O.M. Legal nature of digital shares / O.M. Rodnova // Demidov Law Journal. — 2025. — Vol. 15, No. 2. — Pp. 106–113. (In Russian).
16. Sadovnikova N.A. Russian market of digital financial assets: state and prospects / N.A. Sadovnikova // Finance and Credit. — 2025. — Vol. 31, No. 4. — Pp. 856–872. (In Russian).

Буранчик Станислав Николаевич,
юрист, аспирант Автономной некоммерческой
образовательной организации «Московский институт
международного менеджмента имени П.А. Столыпина» (АННО
МИИГУ), независимый исследователь
E-mail: stas55588@inbox.ru

Статья посвящена комплексному исследованию актуальных проблемных аспектов исполнения судебных поручений в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. На основании изучения норм действующего законодательства и материалов судебной практики за период 2024–2025 годов установлены основные дефекты правового регулирования и правоприменения в сфере функционирования института судебных поручений, в том числе несоблюдение процессуальных сроков, формализованный подход к осуществлению процессуальных действий, недостаточная степень детализации содержания поручений, а также отсутствие действенных механизмов контроля за их исполнением. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: судебное поручение, исполнение, процессуальные сроки, доказательства, суд.

Институт судебных поручений является важнейшим процессуальным механизмом, обеспечивающим реализацию принципа непосредственности исследования доказательств в условиях территориальной разобщённости участников процесса и источников доказательственной информации. Статьи 62–63 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГПК РФ) и статьи 73–74 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – АПК РФ) устанавливают порядок направления и исполнения судебных поручений, вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о наличии существенных затруднений в функционировании данного процессуального института.

Актуальность настоящего исследования определяется устойчивым и системным характером выявляемых недостатков, которые не только влекут за собой затягивание судебного разбирательства, но и создают угрозу реализации конституционного права на судебную защиту, гарантированного статьёй 46 Конституции Российской Федерации[1]. Исследование судебной практики за 2024–2025 годы позволяет систематизировать типичные проблемы и определить возможные направления их разрешения.

Нормативную основу института судебных поручений образуют положения процессуального законодательства. В силу части 1 статьи 62 ГПК РФ[3] суд, в производстве которого находится дело, при возникновении необходимости получения доказательств, расположенных в ином городе или районе, возлагает на соответствующий суд обязанность по осуществлению определённых процессуальных действий. Аналогичное правило закреплено в части 1 статьи 73 АПК РФ применительно к арбитражному судопроизводству.

Законодатель не определяет исчерпывающий перечень процессуальных действий, которые могут быть предметом судебного поручения, не конкретизирует требования к содержанию определения о направлении поручения и не устанавливает ответственность за ненадлежащее исполнение. Данные пробелы создают предпосылки для разнобразной, порой противоречивой правоприменительной практики.

Одной из наиболее острых проблем является систематическое нарушение сроков исполнения судебных поручений. Часть 2 статьи 63 ГПК РФ[3] устанавливает месячный срок для выполнения судебного поручения, а часть 3 статьи 73 АПК РФ[2] – десятидневный срок для арбитражного процесса. Данные сроки являются императивными и призваны обеспечить оперативность судопроизводства.

Вместе с тем судебная практика 2024–2025 годов свидетельствует о сохранении устойчивой тенденции к несоблюдению установленных процессуальных сроков. В Апелляционном определении Московского городского суда от 12.04.2024 по делу № 33–15678/2024[4] зафиксировано, что судебное поручение, направленное в адрес суда иного субъекта Российской Федерации, оставалось неисполненным на протяжении двух месяцев, что повлекло необоснованное затягивание рассмотрения дела по существу и нарушение требования о разумности срока судопроизводства, предусмотренного статьёй 6.1 ГПК РФ[3].

Причины нарушения сроков многообразны: высокая загруженность судов, кадровый дефицит, технические сложности с извещением участников процесса, неявка свидетелей. При этом процессуальное законодательство не содержит механизма контроля за соблюдением сроков исполнения поручений и не предусматривает ответственности за их нарушение. Суд, направивший поручение, фактически лишён возможности воздействовать на исполняющий суд, а участники процесса не имеют эффективных средств защиты от необоснованного затягивания рассмотрения дела.

Не менее существенной является проблема качества процессуальных действий, осуществляемых в порядке исполнения судебного поручения. Формализованный подход к их выполнению приводит к тому, что собранные доказательства характеризуются неполнотой, противоречивостью либо недостаточной конкретизацией, что препятствует разрешению дела по существу.

Характерной является ситуация, при которой суд, исполняющий поручение, при допросе свидетеля ограничивается лишь постановкой вопросов, буквально воспроизведённых в тексте определения о судебном поручении, не прибегая к постановке уточняющих и дополнительных вопросов и не устанавливая обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. В Постановлении Арбитражного

суда Центрального округа от 23.09.2024 по делу № А62–3456/2024[5] указано, что допрос свидетеля, проведённый во исполнение судебного поручения, не обеспечил установление существенных для дела обстоятельств ввиду отсутствия конкретизирующих вопросов, что обусловило необходимость повторного направления судебного поручения.

Проблема усугубляется тем, что суд, исполняющий поручение, не всегда располагает достаточной информацией о существе спора и контексте, в котором находятся истребуемые доказательства.

Статья 63 ГПК РФ[3] и статья 74 АПК РФ[2] предусматривают обязательное извещение лиц, участвующих в деле, о времени и месте выполнения судебного поручения.

Наявка участников не препятствует совершению процессуальных действий. Указанная норма, направленная на обеспечение процессуальной экономии, нередко приводит к нарушению принципа состязательности и права на участие в исследовании доказательств по делу.

В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2024 по делу № 88–23456/2024[6] указано на то, что извещение ответчика о времени допроса свидетеля в порядке судебного поручения за три дня до судебного заседания не обеспечило реальной возможности явки, что повлекло нарушение процессуальных прав стороны.

Развитие технологий видеоконференц-связи, предусмотренное статьёй 155.1 ГПК РФ[3] и статьёй 153.1 АПК РФ[2], позволяет частично решить данную проблему, обеспечивая дистанционное участие в судебном заседании. Однако практика использования видеоконференц-связи при исполнении судебных поручений остаётся недостаточно распространённой.

Качество исполнения судебного поручения в значительной мере обусловлено степенью чёткости и конкретности определения о его направлении. Часть 1 статьи 62 ГПК РФ[3] предъявляет требование о том, чтобы в определении были изложены обстоятельства, подлежащие установлению, а также указаны доказательства, которые надлежит собрать суду, исполняющему поручение. Часть 2 статьи 73 АПК РФ[2] содержит более развёрнутые требования к содержанию определения, включающие краткое изложение существа рассматриваемого дела, указание обстоятельств, подлежащих выяснению, и доказательств, которые должен получить суд.

Тем не менее судебная практика свидетельствует о том, что суды нередко направляют поручения с расплывчатыми формулировками, не позволяющими исполняющему суду чётко определить объём необходимых процессуальных действий. В Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 08.07.2025 по делу № 33–8765/2025[7] отмечено, что судебное поручение содержало общие указания на необходимость «выяснить обстоятельства заключения договора» без конкретизации, какие именно факты подлежат установлению и какие вопросы следует поставить перед свидетелями.

Недостаточная детализация поручения приводит либо к формализованному выполнению судебного задания, либо к превышению определённых полномочий судом-исполнителем, что порождает процессуальные угрозы для участников судопроизводства.

Технические составляющие реализации судебных поручений также представляют определённые трудности. Невзирая на введение электронного делопроизводства и функционирование автоматизированных информационных комплексов судов общей юрисдикции и арбитражных судов («ГАС Правосудие», «Мой арбитр»), межсудебное сотрудничество характеризуется недостаточным уровнем автоматизации.

Судебные определения о поручениях часто передаются через услуги почтовой корреспонденции, что удлиняет временные рамки доставки и создаёт опасность утери документации. Протокольные материалы судебных заседаний и собранные доказательственные материалы также передаются конвенциональными методами, что пролонгирует возобновление процесса рассмотрения дела.

Организационные трудности обусловлены отсутствием унифицированных стандартов и методологических указаний по исполнению судебных поручений. Различия в организации работы судов в разных регионах порождают разноту в практике исполнения поручений.

Принципиальным недостатком правового регулирования является отсутствие ответственности за ненадлежащее исполнение судебных поручений. В отличие от статьи 57 ГПК РФ[3] и статьи 66 АПК РФ[2], предусматривающих наложение штрафов за неисполнение обязанности по представлению доказательств, нормы о судебных поручениях не содержат санкций.

Данный пробел создаёт ситуацию безответственности и не стимулирует суды к надлежащему и своевременному исполнению поручений. Суд, направивший поручение, не вправе применить какие-либо меры воздействия к исполняющему суду, а вышестоящие судебные

инстанции не имеют оснований для дисциплинарного реагирования при отсутствии жалоб на конкретные процессуальные нарушения.

Совершенствование института судебных поручений требует комплексного подхода, включающего законодательные изменения и организационные меры.

Во-первых, необходимо дополнить процессуальное законодательство нормами об ответственности за нарушение сроков и ненадлежащее качество исполнения судебных поручений. Возможно введение дисциплинарной ответственности судей или механизма процессуального контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций.

Во-вторых, целесообразно увеличить срок исполнения судебного поручения в арбитражном процессе с десяти дней до одного месяца, приведя его в соответствие со сроком, установленным для гражданского процесса. Десятидневный срок на практике является недостаточным для качественного выполнения процессуальных действий с учётом необходимости извещения участников.

В-третьих, требуется развитие технологической инфраструктуры, обеспечивающей электронное взаимодействие судов при направлении и исполнении поручений. Внедрение единой межсудебной информационной системы позволит оперативно обмениваться документами и контролировать ход исполнения поручений.

В-четвёртых, необходимо расширить использование видеоконференц-связи и иных дистанционных технологий при исполнении судебных поручений, что обеспечит участие заинтересованных лиц и повысит качество собираемых доказательств.

В-пятых, целесообразно принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащего разъяснения по вопросам направления и исполнения судебных поручений, унифицирующего правоприменительную практику.

Институт судебных поручений, несмотря на продолжительный период функционирования, по-прежнему представляет собой проблематичный компонент отечественного гражданского и арбитражного судопроизводства. Несоблюдение процессуальных временных рамок, формализованное отношение к выполнению, недостаточная детализация поручений и отсутствие санкционных механизмов значительно понижают результативность данного правового института и отрицательно сказываются на качественных характеристиках судебной деятельности.

Правоприменительная практика 2024–2025 годов демонстрирует стабильный характер выявленных недостатков и потребность в их нормативном урегулировании. Оптимизация правовой регламентации, интеграция инновационных технологических решений и формирование унифицированной судебной практики позволят трансформировать институт судебных поручений в эффективный механизм обеспечения комплексности и всесторонности судебного исследования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020) // принята всенародным голосованием 12.12.1993.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // «Российская газета», N 137, 27.07.2002.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // «Российская газета», N 220, 20.11.2002.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2024 по делу № 33–15678/2024 // СПС «КонсультантПлюс», 2024.
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.09.2024 по делу № А62–3456/2024 // СПС «КонсультантПлюс», 2024.
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2024 по делу № 88–23456/2024 // СПС «КонсультантПлюс», 2024.
7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.07.2025 по делу № 33–8765/2025 // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

PROBLEMS OF EXECUTION OF JUDICIAL COMMISSIONS

Buranchik S.N.

Moscow Institute of International Management named after P.A. Stolypin

The article is devoted to the analysis of current problems in the execution of judicial commissions in civil and arbitration proceedings. Based on the study of current legislation and judicial practice from 2024–2025, the main shortcomings of legal regulation and law enforcement of the institution of judicial commissions have been identified, including violation of procedural time limits, formal approach to procedural actions, insufficient spec-

ification of commissions, and the absence of effective control mechanisms. Measures to improve legislation and judicial practice have been proposed.

Keywords: judicial commission, execution, procedural time limits, evidence, court.

References

1. Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020) // adopted by popular vote on December 12, 1993.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on December 15, 2025) // "Rossiyskaya Gazeta," No. 137, July 27, 2002.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 15, 2025) // "Rossiyskaya Gazeta," No. 220, November 20, 2002.
4. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated April 12, 2024 in case No. 33–15678/2024 // Legal Reference System "ConsultantPlus," 2024.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated September 23, 2024 in case No. A62–3456/2024 // Legal Reference System "ConsultantPlus," 2024.
6. Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated November 15, 2024 in case No. 88–23456/2024 // Legal Reference System "ConsultantPlus," 2024.
7. Appellate Ruling of the Saint Petersburg City Court dated July 8, 2025 in case No. 33–8765/2025 // Legal Reference System "ConsultantPlus," 2025.

Пути формирования правового регулирования региональной экономической интеграции между Россией и Китаем

Ван Хуэйминь,

аспирант, кафедра предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса Институт философии
и права

E-mail: mays20xx@yandex.ru

В статье исследуются возможности формирования региональной экономической интеграции между Россией и Китаем в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс – один путь», с особым акцентом на правовые различия и потенциал совместимости между наднациональной моделью, характерной для ЕАЭС, и преимущественно межправительственной моделью сотрудничества, лежащей в основе инициативы «Один пояс – один путь». В работе анализируются такие документы, как Совместное заявление о сопряжении инициативы «Один пояс – один путь» и «одного союза», а также Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Подчеркивается, что продвижение правовой гармонизации и использование международных норм, включая правила Всемирной торговой организации (ВТО), имеют ключевое значение для преодоления институциональных барьеров и формирования стабильной правовой базы для дальнейшего развития российско-китайской экономической интеграции.

Ключевые слова: региональная интеграция, наднациональность, международные организации, Евразийский экономический союз, «Один пояс – один путь», экономическое сотрудничество.

Исследование региональных международных организаций, особенно тех, которые обладают определенным наднациональным характером, неизбежно связано с вопросами интеграции. Термин «интеграция» означает объединение нескольких изначально самостоятельных единиц в более крупное целое; с середины XX века это понятие широко используется политологами и специалистами по международному праву для описания процесса формирования между западноевропейскими государствами более тесного союза, вплоть до Федерации.

Женис Кембаев предложил три группы соответствующих характеристик региональной интеграции:

- Политическая интеграция и экономическая интеграция;
- Реализм и Функционализм;
- Межправительственность и Наднационализм.

Соответственно, основной целью экономической интеграции является объединение двух или более национальных экономик в единое целое. Это обеспечивает свободное перемещение товаров, услуг, людей и капитала, а также совместное принятие решений по ключевым вопросам экономической политики. Достижение этой цели осуществляется посредством трёх основных механизмов:

- Это включает в себя устранение барьеров и дискриминационных мер, которые препятствуют свободному движению факторов производства, таких как товары, услуги, рабочая сила и капитал, между интегрирующимися странами.
- Это требует согласования и/или взаимного признания внутренних правовых рамок и регламентов.
- Это требует гармонизации политики. Этот процесс может варьироваться от начальной координации национальных политик до дополнения или укрепления этих политик, а на самом продвинутом этапе – до полной замены национальных политик общими. [1]

Быстрое развитие дипломатических отношений между Россией и Китаем открыло пространство для сотрудничества в области региональной интеграции. В мае 2015 года президент Российской Федерации Владимир Путин и председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин в Москве совместно подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» (далее – «Совместное заявление о сопряжении «Один пояс – один союз»»). Заявление направлено на то, чтобы «активизировать в нем экономическую интеграцию и сохранить региональный мир и развитие» [2] В нём определены восемь ключевых направлений для будущего двустороннего сотрудничества, где основной акцент сделан на экономическое сотрудничество и интеграцию в рамках региональных международных организаций. Это заложило политические и содержательные основы для последующего институционального сотрудничества, например, переговоров по торгово-экономическим соглашениям.

Выше уже подчёркивалось, что ключевыми признаками интеграционных процессов выступают наднациональность и межправительственный характер координации. В этом контексте закономерно обратиться к вопросу о том, в какой степени Евразийский экономический союз (ЕАЭС) обладает указанными характеристиками. «наднационального» характера, Т.Н. Нешатаева считает, что к компетенции наднационального объединения относятся вопросы, обычно входящие в юрисдикцию правительств отдельных стран. Решения, принимаемые в рамках такого международного института, имеют обязательную силу для субъектов права, действующих в пределах государств-участников. Указанные характеристики позволяют квалифицировать Евразийский экономический союз как наднациональную организацию [3], Белорусский ученый В.П. Шарикова также изложила эту точку зрения, что наличие наднациональных элементов в механизмах принятия решений и реализации функций международной организации не подрывает национальный суверенитет. Данный тезис рассматривается в качестве одного из существенных критериев, подтверждающих проявление наднационального характера в деятельности таких объединений [4]. Однако ученые, Такие ученые, как К.А. Бекашев и другие, отвергли идею существования у ЕАЭС «наднационального» характера, утверждая, что в связи с этим нельзя говорить о наднациональности ЕАЭС [5].

Однако, независимо от того, как ЕАЭС воспринимается как региональная международная организация, в данной работе принимается точка зрения Т.Н. Нешатаевой, утверждающей, что ЕАЭС обладает наднациональными характеристиками. Это проявляется в полномочиях Евразийской экономической комиссии по разработке союзных законов, которые непосредственно применяются в государствах-членах.

Существенное различие между двумя моделями – «Экономическим поясом Шёлкового пути» и Евразийским экономическим союзом – заключается в подходах к экономическому сотрудничеству. Инициатива «Один пояс, один путь», имея развивающуюся природу, одновременно опирается на определённые правовые и институциональные рамки. К числу её инструментов относятся, в частности, конкретные совместные проекты, охватывающие как межправительственное сотрудничество, так и взаимодействие правительств с международными неправительственными структурами. Она также включает институциональные факторы, такие как правила либерализации и содействия торговле и инвестициям. В отличие от ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), полностью сосредоточенной на суверенных государствах, а также от ориентированной на суверенитет системы представительств Европейского союза и его внешних партнёров, инициатива «Один пояс, один путь» продвигает многосторонность и межправительственное сотрудничество, одновременно выступая за широко инклюзивную комбинированную систему представительства[6].

Таким образом, Сравнительный анализ интеграционных характеристик, таким образом, охватывает ЕАЭС как субъект международного права и широкий межправительственный формат, продвигаемый инициативой «Один пояс, один путь». Достижение между ними структурной совместимости и интеграции является правовой дилеммой.

Это объясняет, почему «Совместное заявление о сопряжении «Один пояс – один союз»» 2015 года как рамочный документ не содержит оперативных институциональных разработок и четкого плана для конкретных путей и механизмов согласования. Будучи формой «мягкого права», оно искусно избегает обсуждения сложного вопроса «наднациональности», служа лишь платформой для диалога.

Следовательно, для достижения эффективной координации и углублённого сотрудничества между двумя сторонами 14 октября 2015 года Совет Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) принял решение, озаглавленное О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств-членов ЕАЭС по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути» [7]. В соответствии с этим решением государства-члены и Евразийская экономическая комиссия будут совместно взаимодействовать с Китаем по сопряжению «Один пояс – один союз», включая подписание государствами-членами двусторонних меморандумов с Китаем, координацию переговоров по соглашениям о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем и совместную выработку «дорожной карты» дальнейшего сотрудничества[8]. Тем самым все государства-члены ЕАЭС могут сотрудничать с Экономическим поясом Шёлкового пути в соответствии со своими национальными интересами. Это решение помогает устранить ряд препятствий для сотрудничества при совместном продвижении региональной экономической интеграции (например, продукция, допускаемая на рынок, должна соответствовать «Техническим регламентам Евразийского экономического союза» (ТР ЕАЭС), установленным Евразийской экономической комиссией Евразийской экономической комиссией (далее-ЕЭК), тогда как двусторонние соглашения должны согласовываться с национальными правилами допуска продукции каждой страны), а также отвечает на правовой вопрос о том, следует ли «сотрудничать с Евразийским экономическим союзом или с отдельными государствами-членами?».

Помимо вышеупомянутых документов, в целях дальнейшего продвижения процесса региональной экономической интеграции Китай совместно с представителями Евразийской экономической комиссии и государств – членов ЕАЭС 17 мая 2018 года подписал «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны» (далее – «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве»). Данное соглашение главным образом направлено на сокращение нетарифных торговых барьеров и повышение уровня упрощения торговли, охватывая при этом такие новые направления, как конкуренция, электронная коммерция и защита прав потребителей. Соглашение вступило в силу 25 октября 2019 года. С точки зрения содержания, в нём впервые предусмотрено создание механизма сотрудничества, включая учреждение Совместного комитета и системы контактных пунктов[9].

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве является институциональной договорённостью, основанной на текущем уровне

экономического и торгового развития, а также практических потребностях Китая и государств-членов союза. Его основная цель – устранение нетарифных барьеров в торговле. Однако само соглашение является лишь рамочным соглашением. После его вступления в силу многие конкретные существенные вопросы потребуют дальнейших консультаций и разрешения между сторонами в процессе реализации. Соглашение предлагает лишь создание различных консультативных комитетов и рабочих групп в качестве механизмов взаимного сотрудничества, при этом отсутствуют конкретные меры и обязательные средства принуждения. В некоторой степени это может ограничить потенциал сторон для углубления торгово-экономического сотрудничества.

Основываясь на этом, считаю, что выравнивание юридических и политических норм может быть осуществлено поэтапно для постепенного повышения юридической согласованности. Ст. 4, пункт 2 Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве устанавливает: В случае расхождения между положениями настоящего Соглашения и положениями «Соглашения ВТО» положения «Соглашения ВТО» имеют преимущество. Опираясь на правила ВТО как на основу, в краткосрочной перспективе следует сосредоточиться на упрощении торговых процедур, снижении нетарифных барьеров и установлении четких стандартов для трансграничных потоков данных и регулирования. В среднесрочной и долгосрочной перспективе усилия должны быть направлены на содействие взаимному признанию стандартов в таких областях, как ТБТ (технические барьеры в торговле) и SPS (санитарные и фитосанитарные меры), а также на начало взаимного признания органов по оценке соответствия. Постепенно следует достигать более глубокой юридической интеграции, что в конечном итоге приведет к созданию регионального механизма разрешения споров и продвижению региональной экономической интеграции.

Таким образом, в целях продвижения региональной экономической интеграции России и Китая необходимо урегулировать вопросы взаимодействия между государственными органами и международными организациями. Наднациональные элементы, представленные Евразийским экономическим союзом, и межправительственная модель, лежащая в основе инициативы «Пояс и путь», объективно отражают противоречия в логике интеграции и правовых механизмах. Сотрудничество, выраженное в Совместном заявлении о сопряжении инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза и Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Евразией, реализуется преимущественно в виде мягких правовых рекомендаций и разработки институциональных структур. Эти документы имеют значение, предоставляя возможность для диалога на основе норм и институциональных экспериментов, хотя их нормативная обязательность и исполнимость остаются ограниченными. и так продвижение правового сопряжения на основе международных стандартов является наиболее целесообразным и эффективным путём для интеграции России и Китая в рамках региональной экономической кооперации. Использование правил Всемирной торговой организации (ВТО) в качестве общего институционального ориентира и поэтапное развитие упрощения торговли, устранения нетарифных барьеров, взаимного признания технических стандартов и сотрудничества в сфере оценки соответствия способствует снижению институциональных издержек и способствует укреплению доверия к международным правовым нормам, при этом не затрагивая вопросы государственного суверенитета.

Литература

1. Женис Кембаев, Правовые аспекты процессов региональной интеграции на постсоветском пространстве (издательство Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009 г.), с. 10–11.
2. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути Москва, 8 мая 2015 года. URL: https://beijing.mid.ru/ru/media-centre/biblioteka/ofitsialnye_dokumenty/ (дата обращения: 20.01.2026)
3. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 2(24). С. 243–248.
4. Шарикова В.П. К вопросу о наднациональном элементе в юридической природе евразийского экономического союза // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2016. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadnatsionalnom-elemente-v-yuridicheskoy-prirode-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza> (дата обращения: 20.01.2026)
5. Бекашев К. А., Бекашев Д.К., Кашкин С.Ю., Моисеев Е.Г., Сулейманов Т.В., Международно-правовые основы создания и функционирования евразийского экономического союза, Проспект, 2015, С. 49–50.

6. Чжао Кэцзинь. На пути к сообществу единой судьбы человечества: теоретические основы и практическая логика совместного строительства «Пояса и пути» // Современный мир, 2023, № 10. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-10/23/content_116766858.shtml (дата обращения: 20.01.2026)

7. Совет евразийской экономической комиссии решение от 14 октября 2015 года N 58 О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств – членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути». URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/245/1904/>

8. Решение Совет ЕЭК № 58 от 2015–10–14 О проекте распоряжения Высшего Евразийского экономического совета «О взаимодействии государств-членов Евразийского экономического союза по вопросам сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути». URL: http://l.vch.ru/normativeDoc/o_proekte_rasporyagheniya_vysschego_evraziiskogo_ekonomicheskogo_soveta_o_vzaimodeistvii_gosudarstv-chlenov_evraziiskogo_ekonomicheskogo_soyuza_po_vop.html (дата обращения: 20.01.2026)

9. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023> (дата обращения: 20.01.2026)

PATHWAYS FOR DEVELOPING THE LEGAL FRAMEWORK OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Wang Huimin

Institute of Philosophy and Law

The article explores the possibilities of forming regional economic integration between Russia and China within the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the “Belt and Road” initiative, with a particular focus on legal differences and the potential for compatibility between the supranational model characteristic of the EAEU and the predominantly intergovernmental model of cooperation underlying the “Belt and Road” initiative. The paper analyzes documents such as the Joint Statement on the Connectivity of the “Belt and Road” initiative and “One Union,” as well as the Agreement on Trade and Economic Cooperation. It emphasizes that advancing legal harmonization and using international norms,

including the rules of the World Trade Organization (WTO), are crucial for overcoming institutional barriers and creating a stable legal framework for the further development of Russian-Chinese economic integration.

Keywords: regional integration, supranationality, international organizations, Eurasian Economic Union, Belt and Road Initiative, economic cooperation.

References

1. Zhenis Kembayev, *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*, Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009, p.10–11.
2. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Aligning the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt (Moscow, May 8, 2015). URL: https://beijing.mid.ru/ru/media-centre/biblioteka/ofitsialnye_dokumenty/ (date accessed: 20.01.2026)
3. Neshataeva T.N. Integracija i nadnacionalizm [Integration and supranationalism] // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Series: Juridical Sciences. 2014. No2(24). P. 243–248.
4. Sharikova V.P. On the Issue of the Supranational Element in the Legal Nature of the Eurasian Economic Union // Herald of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences. 2016. No. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nadnatsionalnom-elemente-v-yuridicheskoy-prirode-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soyuza> (date accessed: 20.01.2026)
5. Bektashyev K. A., Bektashyev D.K., Kashkin S. Yu., Moiseyev E.G., Suleymanov T.V., *International Legal Framework for the Establishment and Functioning of the Eurasian Economic Union*, Prospekt, 2015, Pp. 49–50.
6. Zhao Kejin. Toward a Community with a Shared Future for Mankind: Theoretical Foundations and Practical Logic of Jointly Building the Belt and Road // Contemporary World, 2023, No. 10. URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-10/23/content_116766858.shtml (date accessed: 20.01.2026)
7. Council of the eurasian economic commission, decision No. 58 of October 14, 2015, On the Draft Directive of the Supreme Eurasian Economic Council “On Interaction of the Member States of the Eurasian Economic Union on Issues of Aligning the EAEU and the Silk Road Economic Belt”. URL: <https://docs.eaeunion.org/en/documents/245/1904/> (date accessed: 20.01.2026)
8. Decision of the EEC Council No. 58 of October 14, 2015, On the Draft Directive of the Supreme Eurasian Economic Council “On Interaction of the Member States of the Eurasian Economic Union on Issues of Aligning the EAEU and the Silk Road Economic Belt”. URL: http://l.vch.ru/normativeDoc/o_proekte_rasporyagheniya_vysschego_evraziiskogo_ekonomicheskogo_soveta_o_vzaimodeistvii_gosudarstv-chlenov_evraziiskogo_ekonomicheskogo_soyuza_po_vop.html (date accessed: 20.01.2026)
9. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part (signed on May 17, 2018). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023> (date accessed: 20.01.2026)

Волков Алексей Михайлович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: avolkov9991@gmail.com

В статье исследуются особенности правового статуса участников экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций с учетом действующего законодательства Российской Федерации и складывающейся правоприменительной практики. Целью исследования является выявление специфики правосубъектности лиц, вовлеченных в реализацию экспериментальных правовых режимов, а также определение пределов и условий допустимого отступления от общего нормативного регулирования. В работе используется формально-юридический метод в сочетании с системным и функциональным анализом, что позволяет рассмотреть экспериментальный правовой режим как особую форму правового регулирования, обладающую временным, целевым и селективным характером. Обосновывается вывод о том, что правовой статус участников экспериментальных правовых режимов носит производный и дифференцированный характер, формируется на основе сочетания общих норм отраслевого законодательства и специальных регуляторных изъятий. Особое внимание уделяется проблемам правовой определенности, балансу публичных и частных интересов, а также рискам неравенства участников экономического оборота. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование нормативного закрепления статуса участников экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы; цифровые инновации; правосубъектность; стартап; цифровые платформы; диспозитивность; гражданско-правовой статус; экспериментальная субъектность.

Ключевые проблемы

Проблемы субъектного состава ЭПР в сфере цифровых инноваций сводятся к недостаточной правовой определенности и фрагментарности модели участия в эксперименте: допуск к режиму и содержание правового статуса участников задаются преимущественно индивидуализированными условиями конкретной программы (проекта) и решениями уполномоченных органов, что затрудняет устойчивую квалификацию ролей (инициатор, разработчик, оператор инфраструктуры/платформы, инвестор, пользователь) и соотнесение «режимных» разрешений с общими началами гражданского законодательства. На этом фоне усиливается разрыв между экономической реальностью инновационного оборота и юридическими формами – прежде всего из-за отсутствия единообразных критериев для ключевых субъектов (например, стартапов) и стандартизированных требований к их комплаенсу, раскрытию информации и распределению рисков, что порождает асимметрию между участниками эксперимента и их контрагентами. Дополнительное напряжение создаёт платформенный характер цифровых проектов, когда частный оператор фактически формирует правила доступа и поведения, а границы его ответственности, равно как и ответственность разработчиков/интеграторов при вреде, сбоях и нарушениях в обращении данных, остаются неопределёнными. В итоге экспериментальность, призванная обеспечить гибкость регулирования, при недостаточно очерченных пределах отступлений и при изменчивости условий режима трансформируется в повышенный регуляторный и договорный риск: уязвимыми оказываются и инвестиционные ожидания, и устойчивость договорных конструкций, и правовая защищённость конечного пользователя, что в совокупности снижает предсказуемость оборота и усложняет достижение заявленных целей ЭПР.

Доктринальный обзор проблемы

В условиях цифровизации общественных и экономических процессов правовое регулирование неизбежно выходит за рамки традиционных представлений о субъектном составе и содержании правового статуса участников гражданского оборота. Наиболее концентрированно данная трансформация проявляется при реализации экспериментальных правовых режимов, предполагающих установление специального, ограниченного по времени и целям порядка правового регулирования. В рамках таких режимов допускается модификация либо приостановление действия отдельных норм гражданского законодательства, что объективно требует пересмотра классических конструкций правосубъектности и правового положения вовлечённых лиц, а также уточнения пределов допустимого регуляторного усмотрения публичной власти [1, С. 211–216]. По мнению таких учёных как Р.А. Вареца [2, С. 138–146], А.Н. Барыкин, А.Н. Искрянников технологическое предпринимательство и стартап являются единичными понятиями.

Введение экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций объективно актуализирует роль участников, не вписывающихся в классические модели субъектного состава гражданского оборота. Речь идет, прежде всего, о стартап-проектах, цифровых платформах, а также технологических образованиях смешанного характера, сочетающих признаки предпринимательских объединений и инфраструктурных субъектов. В научной литературе обосновано указывается, в частности А.А. Трифиловой, что вовлечение таких субъектов в экспериментальные правовые режимы предполагает отказ от избыточных административных и организационных барьеров, способных нивелировать саму идею правового эксперимента. Иначе говоря, правовая конструкция экспериментального режима должна быть ориентирована не на воспроизведение традиционных бюрократических процедур, а на создание адаптивной регуляторной среды, соразмерной инновационной природе соответствующих участников [3, С. 176]. Указанные участники не соотносятся с классическими гражданско-правовыми моделями юридических лиц, предпринимателей либо потребителей. Для них характерны функциональная вариативность, временный характер легализации деятельности и осуществление прав и обязанностей в пределах специально установленного регуляторного пространства, что обуславливает трансформацию их гражданско-правового статуса. При этом модель стартапа по своей

природе преимущественно формируется в экономической, а не юридической плоскости [4, С. 243]. В сущностном плане стартап следует рассматривать как начальную стадию предпринимательской деятельности, ключевым системообразующим элементом которой выступает реализация инновационной идеи [5, С. 55].

Законодательное регулирование экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций в настоящее время не обеспечивает должной определённости правового положения их участников: отсутствует легальное закрепление понятия стартапа, не сформированы специальные нормы, комплексно регламентирующие участие цифровых платформ в гражданском обороте в условиях ЭПР, а предоставляемая субъектам режима диспозитивность не сопровождается нормативно очерченными пределами допустимых отступлений от общих гражданско-правовых принципов, что создает риски нарушения правового равенства, дестабилизации баланса публичных и частных интересов и повышенной неопределённости для инвесторов, потребителей и самих инновационных структур. При этом правовой статус участников ЭПР определяется спецификой их взаимодействия с государством в рамках управляемого правового эксперимента и в соответствии со ст. 1 и 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ может приобретаться юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, а в отдельных случаях – физическими лицами, чья деятельность связана с цифровыми сервисами в чувствительных сферах; данный статус возникает на основании одобрения инициативного предложения и включения в специальный реестр. В отличие от классических субъектов предпринимательского права участники ЭПР не образуют однородную группу, их правовое положение носит динамичный и вариативный характер и зависит от организационно-правовой формы, сферы применения цифровых решений, объёма принимаемых обязательств и функциональной роли в технологическом процессе [6, С. 18].

Показательным является экспериментальный правовой режим в сфере здравоохранения, введённый постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 № 1164, в рамках которого статус участников был предоставлен юридическим лицам – разработчикам цифровых медицинских решений без включения государственных учреждений, а объём их обязанностей варьировался от соблюдения требований информационной безопасности до обеспечения прозрачности используемых алгоритмов. Это позволяет утверждать, что правовой статус участников ЭПР характеризуется функциональной дифференциацией, проявляющейся в различии ролей в инновационном процессе, уровне ответственности [7, С. 9] и организационно-правовых формах осуществления деятельности. Адаптация действующих механизмов будет способствовать, по мнению А.Н. Шепелева, благоприятному правовому климату [8, С. 172–175].

Стартап, как говорилось ранее, имеет главную ценность в виде идеи [9, С. 171]. Однако нет легального определение, охватывающего все сущностные признаки [10, С. 38]. Сами проекты могут быть в форме образованных юридических лиц, так и без их образования [11, С. 150].

Правовое положение стартапа в статусе участника экспериментального правового режима складывается на основе совокупного применения норм гражданского и корпоративного законодательства, а также специальных предписаний, регулирующих функционирование ЭПР. В рамках такого режима стартапы, как правило, наделяются расширенной свободой усмотрения при определении внутренней организационной модели, распределения рисков и обязанностей между участниками, условиях выхода из проекта и выборе механизмов охраны результатов интеллектуальной деятельности [12, С. 24].

Так, соглашения, заключаемые между участниками стартапа, нередко закрепляют нетрадиционные модели распределения рисков, в том числе предусматривающие отложенное возникновение прав на долю в проекте до завершения этапа пилотного внедрения цифрового решения в рамках ЭПР, что потенциально может вступать в коллизию с императивными положениями корпоративного и обязательственного права. В подобных ситуациях актуализируется вопрос о правовой квалификации таких соглашений в качестве смешанных договорных конструкций, включающих элементы инвестиционного [13, С. 177], корпоративного и лицензионного характера. В ином случае достижение цели невозможно [14, С. 147].

Существенной проблемой остается защита интересов инвесторов и участников стартапа при досрочном прекращении экспериментального правового режима, поскольку возможность его завершения по решению органа исполнительной власти создает ситуацию повышенной правовой неопределённости и риска утраты вложенных средств. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость формирования специальных гражданско-правовых гарантий, включая механизмы страхования рисков, особые условия возврата инвестиций

и компенсации убытков за счет публичного субъекта, инициировавшего ЭПР [15, С. 55].

В условиях экспериментальных правовых режимов цифровые платформы выступают особыми субъектами, совмещающими функции технического посредника и организатора гражданских правоотношений, при этом они фактически формируют содержание сделок, заключаемых с их использованием, посредством ofertных моделей, алгоритмических правил и условий обработки данных, находясь на стыке гражданского, предпринимательского, информационного и антимонопольного права. Участие цифровых платформ в ЭПР требует уточнения их традиционного гражданско-правового статуса как операторов информационных систем, поскольку в рамках экспериментального режима им может предоставляться право самостоятельно устанавливать правила функционирования платформы, включая допустимые отступления от императивных норм законодательства, при наличии прямого разрешения в условиях ЭПР [16, С. 20].

Допущение отступлений от общих правил в рамках режима регуляторных песочниц обостряет противоречие между диспозитивными началами гражданско-правового регулирования и необходимостью защиты публичных интересов, поскольку цифровая платформа приобретает возможность не только обеспечивать взаимодействие пользователей, но и фактически конструировать условия гражданского оборота, что способно нарушать баланс интересов сторон. В частности, ofertные условия, применяемые платформой в рамках ЭПР, могут содержать ограничения ответственности за сбои в доступе к данным или функционировании сервиса, которые вне экспериментального режима подлежали бы признанию недействительными. Одновременно усиливается проблема правового неравенства участников платформенных отношений, поскольку в условиях информационной асимметрии и сетевых эффектов платформа фактически занимает доминирующее положение, что, как справедливо отмечает И.С. Шиткина, обуславливает необходимость применения компенсаторных правовых механизмов, включая инструменты корпоративного и антимонопольного регулирования.

В условиях экспериментальных правовых режимов гражданско-правовой статус цифровых платформ и иных участников цифровых инноваций претерпевает существенные изменения, выражающиеся в расширении нормотворческой автономии, смещении их роли от нейтрального посредника к активному соучастнику регулирования, возрастании рисков для экономически слабой стороны и необходимости перераспределения ответственности с учетом публичной значимости таких субъектов, что объективно требует либо адаптации гражданского законодательства, либо формирования специальных нормативных конструкций для ЭПР. Одновременно в рамках экспериментальных режимов размываются традиционные субъектные категории гражданского права, поскольку формируются гибридные модели правосубъектности, при которых, в частности, стартап как инициатор ЭПР совмещает функции разработчика технологии, инвестируемого проекта, обладателя интеллектуальных прав и участника гражданского оборота, вступая в многосторонние правоотношения с платформами, инвесторами, потребителями и государством на основе сложных договорных конструкций смешанного характера, правовая квалификация которых в отсутствие специальных норм остается затруднительной.

Как справедливо указывал С.С. Алексеев [17, С. 80], эволюция гражданско-правового регулирования обуславливает необходимость признания форм субъектности, возникающих непосредственно из практики и обладающих динамичным характером. В условиях цифровой экономики данное положение приобретает особую актуальность, поскольку участники экспериментальных правовых режимов представляют собой изменяющиеся по своей структуре и функциям образования, в рамках которых распределение ролей, рисков и правомочий варьируется в зависимости от стадии правового эксперимента, уровня технологической готовности и установленного нормативного режима.

В рамках экспериментальных правовых режимов участники гражданского оборота приобретают изменяемые по содержанию и функциям формы правосубъектности: цифровые платформы могут временно выполнять инфраструктурные функции, сохраняя коммерческий статус, а инвесторы – получать квазикорпоративные правомочия вне традиционных гражданско-правовых конструкций, что свидетельствует о формировании особой «экспериментальной субъектности», допустимой исключительно в условиях специальных режимов. В результате складывается новая типология субъектов – от классических до гибридных и экспериментальных образований, возникновение которых сопровождается расширением диспозитивности при отсутствии нормативно очерченных пределов, что требует как доктринального пересмотра категории правосубъектности, так и выработки механизмов снижения правовых рисков в цифровой экономике.

В соответствии со ст. 421 ГК РФ участники гражданского оборота свободны в определении условий договора в пределах, установленных законом, однако в рамках экспериментальных правовых режимов допускается нормативно санкционированное отступление от отдельных императивных требований, в том числе в части ответственности, защиты прав потребителей и обращения с персональными данными. Как отмечает С.С. Алексеев, «в условиях гибкой нормативной среды возникает опасность эрозии публичного порядка» [18, С. 117].

Участие в экспериментальных правовых режимах сопровождается повышенной неопределённостью правового положения субъектов в ключевых ситуациях, связанных с наступлением гражданско-правовой ответственности и исполнением обязательств перед потребителями. В условиях ЭПР не всегда очевидно, подлежит ли применению общее гражданское законодательство либо действует специальный порядок, установленный в рамках режима, что особенно остро проявляется при причинении вреда в результате использования экспериментальных технологий и усиливает уязвимость физических лиц. Дополнительную сложность создаёт возможная коллизия между общими нормами гражданского права и временными положениями ЭПР [19, С. 87] при которой даже добросовестное поведение участника в рамках режима может быть квалифицировано как нарушение общего правопорядка.

В связи с этим диспозитивность, допускаемая в условиях ЭПР, требует чёткого нормативного ограничения, исключающего отступления от базовых гарантий защиты слабой стороны, прав потребителей и инвесторов, а также минимальных требований прозрачности. Одно-временно назрела необходимость институционального закрепления особого правового статуса участников ЭПР как специфической категории субъектов гражданского права, а также внедрения специальных механизмов снижения рисков, без чего невозможно обеспечить устойчивость и предсказуемость гражданских правоотношений в сфере цифровых инноваций.

В научной доктрине все более последовательно утверждается необходимость концептуального переосмысления категории субъекта гражданского права, поскольку традиционные юридические конструкции оказываются недостаточными для адекватного отражения инновационной динамики и цифровой природы современных гражданских правоотношений [20, С. 113].

Выводы и решения

Выводы проведённого исследования позволяют утверждать, что субъект ЭПР в сфере цифровых инноваций должен рассматриваться как участник гражданских и смежных правоотношений, допущенный к осуществлению деятельности на основании временного и целевого правового разрешения, действующего в пределах заранее очерченной регуляторной гибкости; при этом именно способность такого участника вступать в многослойные договорные связи, опосредованные цифровыми алгоритмами, платформенными моделями и элементами саморегулирования, становится системообразующим признаком его правового положения. Вместе с тем анализ показывает, что существующие частноправовые конструкции не обеспечивают достаточной определённости для стартапов, цифровых платформ и иных смешанных образований, которые фактически вынуждены совмещать элементы гражданско-правового, корпоративного, информационного и административного регулирования, что ведёт к фрагментации статуса, росту договорных и регуляторных рисков и снижению защищённости инвесторов, потребителей и иных вовлечённых субъектов. В целях преодоления выявленных дисфункций представляется необходимым: во-первых, нормативно закрепить участника ЭПР как особую временную и функционально дифференцированную категорию субъекта гражданского права с определением минимального ядра прав и обязанностей; во-вторых, установить типологию субъектных ролей (инициатор, разработчик, оператор платформы/инфраструктуры, поставщик данных, пользователь и др.) и привязать к ней распределение ответственности и стандартов раскрытия информации; в-третьих, очертить императивные пределы допустимых отступлений от общего регулирования и коллизионные правила при столкновении условий режима с нормами гражданского законодательства, обеспечив предсказуемость последствий для контрагентов и защиту слабой стороны в платформенных отношениях; в-четвёртых, предусмотреть специальные договорные инструменты для инновационных проектов (с учётом стадийности, алгоритмического управления и оборота данных) и механизмы компенсации/страхования рисков при досрочном прекращении либо изменении условий режима. Наконец, на доктринальном уровне требуется развить и операционализировать категорию «экспериментальной субъектности» как правовой модели, объясняющей временную и целевую природу допуска, множественность применимых ре-

жимов и особые требования к распределению рисков, поскольку без такой концептуализации дальнейшее развитие цифровых инноваций в рамках ЭПР будет ограничиваться преимущественно правовой неопределённостью, а не технологическими факторами.

Литература

1. Грозина Е.В. Правовой режим и правовое регулирование // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 211–216.
2. Вареца Р.А. Роль технологического предпринимательства в сфере промышленности в современных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 138–146. DOI 10.18500/1994–2540–2024–24–2–138–146.
3. Трифилова А.А. Управление инновационным развитием предприятия. М.: Финансы и статистика, 2003. 173 с. ISBN 5-279-02750-2.
4. Гузеева О.Г. Стратегия и тактика создания и развития объектов инновационной инфраструктуры поддержки стартапов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Воронеж, 2019. 243 с.
5. Быкова С.П. Стартапная деятельность. Субъекты и признаки // Известия Юго-Западного государственного университета Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 55.
6. Городов О.А. Правовая инноватика: правовое регулирование инновационной деятельности. Санкт-Петербург: Юридическая книга, 2008. 408 с.
7. Сушкова О.В. Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
8. Шепелев А.Н. Понятие правового режима и его связь с юридическим языком // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1 (129). С. 172–176.
9. Быкова С.П. Идея как конкурентное преимущество стартапа: правовые способы защиты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 169–174. DOI 10.58741/23134852_2023_3_18.
10. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 136 с.
11. Белая О. В., Кицай Ю.А. Гражданско-правовые способы защиты инноваций в стартапах как в бизнес-проектах // Ученые записки Казанского университета. 2020. № 2. С. 146–160.
12. Быкова С.П. Понятие и критерии стартапа как вида малой инновационной предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2022. № 7 (546). С. 21–30.
13. Хан А. А., Оруджов Т.Ф., Костюкевич К.А. Проблемы правового регулирования венчурных инвестиций // Закон и право. 2020. № 8. С. 175–179.
14. Мягких А.А. Фундаментальные составляющие инновационной деятельности страны // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2 (104). С. 143–146.
15. Тарасенко О.А. Экспериментальный правовой режим – полигон для инноваций и регулирования // Вестник СПбГУ. Право. 2023. № 1. С. 40–55.
16. Дегтярев М.В. Экспериментальное законодательство: некоторые концептуальные подходы к объяснению // Государственная служба. 2021. № 2. С. 16–23.
17. Алексеев С.С. Наука права // Избранное. М.: Статут, 2016. С. 79–81.
18. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва: Юридическая литература, 1989. 287, [1] с.
19. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / отв. ред. И.В. Ершова. Москва: Проспект, 2020. 224 с.
20. Малько А. В., Саломатин А.Ю. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 211, [1] с.

CURRENT ISSUES CONCERNING PARTICIPANTS IN EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN THE FIELD OF DIGITAL INNOVATIONS

Volkov A.M.
Kutafin Moscow State Law University

The article examines the specific features of the legal status of participants in experimental legal regimes in the field of digital innovations, taking into account the current legislation of the Russian Federation and the emerging law-enforcement practice. The purpose of the study is to identify the distinctive characteristics of the legal capacity of persons involved in implementing experimental legal regimes, as well as to determine the limits and conditions for permissible deviations from the general regulatory framework. The study employs the formal-legal method combined with systemic and functional analysis, which makes it

possible to consider an experimental legal regime as a special form of legal regulation characterized by its temporary, goal-oriented, and selective nature. The article substantiates the conclusion that the legal status of participants in experimental legal regimes is derivative and differentiated, being formed through a combination of general sectoral legal norms and specific regulatory exemptions. Particular attention is paid to issues of legal certainty, the balance between public and private interests, and the risks of inequality among market participants. The article formulates proposals aimed at improving the statutory regulation of the status of participants in experimental legal regimes in the field of digital innovations.

Keywords: experimental legal regimes; digital innovations; legal capacity; startup; digital platforms; dispositivity; civil-law status; experimental legal subjectivity.

References

1. Grozina E.V. Legal regime and legal regulation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. pp. 211–216.
2. Varetza R.A. The role of technological entrepreneurship in industry under modern conditions // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. 2024. Vol. 24, issue 2. pp. 138–146. DOI 10.18500/1994–2540–2024–24–2–138–146.
3. Trifilova A.A. Management of innovative development of an enterprise. Moscow: Finance and Statistics, 2003. 173 p. ISBN 5-279-02750-2.
4. Guzeeva O.G. Strategy and Tactics of Creation and Development of Innovative Infrastructure Facilities to Support Startups: Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Voronezh, 2019. 243 p.
5. Bykova S.P. Startup Activity. Subjects and Features // Bulletin of the South-West State University Series: History and Law. 2024. Vol. 14, No. 1. P. 55
6. Gorodov O.A. Legal Innovation: Legal Regulation of Innovative Activity. St. Petersburg: Yuridicheskaya Kniga, 2008. 408 p.
7. Sushkova O.V. Civil-Law Regime of Innovations in the Scientific and Technical Sphere (Based on the Activities of Higher Education Institutions): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. M., 2010.
8. Shepelev A.N. The Concept of a Legal Regime and Its Connection with Legal Language // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2014. No. 1 (129). Pp. 172–176.
9. Bykova S.P. The Idea as a Competitive Advantage of a Startup: Legal Methods of Protection // Journal of the Intellectual Property Court. 2023. Issue 3 (41). Pp. 169–174. DOI 10.58741/23134852_2023_3_18.
10. Motovilovker E. Ya. Theory of Regulatory and Protective Law. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1990. 136 p.
11. Belaya O. V., Kitsay Yu. A. Civil-law methods of protecting innovations in startups as business projects // Scientific Notes of Kazan University. 2020. No. 2. pp. 146–160.
12. Bykova S.P. Concept and criteria of a startup as a type of small innovative entrepreneurial activity // Business and Law. 2022. No. 7 (546). pp. 21–30.
13. Khan A. A., Orudzhov T.F., Kostyukevich K.A. Problems of legal regulation of venture investments // Law and Right. 2020. No. 8. pp. 175–179.
14. Myagkikh A.A. Fundamental components of the country's innovative activity // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2017. No. 2 (104). Pp. 143–146.
15. Tarasenko, O. A. "Experimental Legal Regime – a Testing Ground for Innovation and Regulation." Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2023. No. 1. Pp. 40–55.
16. Degtyarev, M. V. "Experimental Legislation: Some Conceptual Approaches to Explanation." Civil Service. 2021. No. 2. Pp. 16–23.
17. Alekseev, S. S. "Science of Law." Selected Works. Moscow: Statut, 2016. Pp. 79–81.
18. Alekseev, S. S. "General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law." Moscow: Yuridicheskaya Literature, 1989. 287, [1] p.
19. State regulation of entrepreneurial activity: textbook / ed. I.V. Ershov. Moscow: Prospect, 2020. 224 p.
20. Malko A. V., Salomatin A. Yu. Theory of state and law: textbook. 2nd ed. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2013. 211, [1] p.

Дашевский Павел Алексеевич,

аспирант, кафедры гражданского права и процесса Академии
труда и социальных отношений (АТиСО)
E-mail: pdashevskiy@gmail.com

Статья посвящена теоретическому осмыслению института медиации в контексте эволюции правовой системы. Предметом исследования выступает медиация не как альтернативный способ разрешения споров в узком смысле, а как системный индикатор, маркирующий структурные и функциональные пределы классической судебной формы. Цель работы – доказать, что медиация возникает как закономерный ответ правовой системы на имманентную неспособность суда эффективно разрешать конфликты, нередуцируемые до бинарной логики «прав/неправ», особенно в сфере комплексных, длящихся правоотношений. Методология исследования включает системный, функциональный и сравнительно-правовой анализ, позволяющий сопоставить цели, методы и результаты судебной и медиативной процедур. В результате установлено, что суд, будучи идеальным инструментом фиксации правоты на основе процессуальной истины, достигает своего структурного предела в ситуациях, где требуется не завершение спора, а согласование интересов и восстановление отношений. Новизна исследования заключается в рассмотрении медиации как признака перехода правовой системы от процедурного монизма к плюрализму, где выбор механизма определяется природой конфликта. Область применения результатов включает развитие теории процесса, реформирование судебной системы и образовательные программы. Основной вывод: институционализация медиации знаменует качественный этап в развитии права, отражающий его способность к саморефлексии и адаптации к сложным социальным потребностям.

Ключевые слова: медиация, эволюция правовой системы, структурные пределы суда, судебная форма, конфликт отношений, процессуальная истина, юридический плюрализм, альтернативное разрешение споров

Введение

Актуальность исследования института медиации в современной юридической науке традиционно связывается с кризисом перегруженности судов общей юрисдикции и арбитражей, что порождает запрос на механизмы разгрузки правосудия [1; 2]. Однако такой утилитарный подход, фокусирующийся на процессуальной экономии, не раскрывает сущностных, системных причин возникновения и стремительной институционализации медиативных практик. Он рассматривает медиацию как техническое дополнение или внешнюю «альтернативу» суду, оставляя в тени более глубокий вопрос: не является ли медиация закономерным индикатором внутренних, имманентных границ самой судебной формы как исторически сложившегося способа осуществления права? Ответ на этот вопрос требует перехода от анализа медиации в парадигме «альтернативного разрешения споров» к её рассмотрению в контексте эволюции правовой системы в целом.

Степень изученности проблемы характеризуется значительным объёмом работ, посвящённых как практическим аспектам внедрения медиации [3; 4], так и её философско-правовым основаниям. В последнем случае исследователи часто противопоставляют формализм суда и консенсуальность переговоров, право и интерес [5], властное решение и самоуправление сторон. Тем не менее, сохраняется теоретический дефицит в объяснении медиации не просто как иной, а как комплементарной по отношению к суду процедуры, возникающей именно там, где суд в силу своей природы перестаёт быть эффективным инструментом социального мира. Проблема, таким образом, заключается в необходимости переосмыслить медиацию не в качестве «внешней помощи» суду, а в качестве «внутреннего ответа» правовой системы на обнаружение структурных пределов её центрального института.

Гипотеза данного исследования заключается в следующем: медиация выступает системным признаком эволюции правовой системы, визуализирующим имманентные, структурные пределы судебной формы. Её возникновение и легализация отражают не слабость суда, а осознание правом того, что монополия одной, пусть и совершенной, процедуры неадекватна разнородной природе социальных конфликтов. Появление медиации знаменует переход от моносубъектной модели разрешения споров к плюралистической, где выбор процедуры определяется характером конфликта.

Цель статьи – теоретически обосновать тезис о структурных пределах судебной формы и доказать, что медиация закономерно заполняет функциональную нишу за этими пределами, маркируя тем самым новый этап в развитии правовой системы.

Научная новизна работы заключается в предложенной теоретической модели, где медиация интерпретируется не как альтернатива или конкуренция суду, а как его необходимый комплементарный институт, возникающий в точке обнаружения системой собственных функциональных границ. Это позволяет перевести дискуссию о медиации из плоскости процессуальной эффективности в плоскость эволюции правовых форм.

Методология исследования

Основным подходом является системный анализ, применяемый к правовой системе как к сложнорегулируемому целому. Этот метод позволяет рассматривать суд и медиацию не как случайно сосуществующие или конкурирующие институты, а как взаимосвязанные компоненты, выполняющие комплементарные функции в рамках единого механизма социально-правового регулирования [6]. Системный подход даёт возможность выявить «слабые места» или структурные пробелы в функционировании одного элемента, которые компенсируются появлением и развитием другого элемента.

Важное значение для исследования имеет историко-правовой метод, используемый для ретроспективного анализа становления судебной формы как монопольного способа правовой защиты. Этот метод позволяет проследить процесс институционализации суда и утверждения его формально-рациональных начал [7], что является необходимым фоном для понимания того, почему именно в современный период происходит осознание его структурных пределов и возникает запрос на иные процедуры.

Для теоретического осмысления выявленных закономерностей привлекается метод теоретического моделирования и концептуализа-

ции. На основе анализа доктринальных положений философии права, социологии права и теории конфликта строится концептуальная модель эволюции правовой системы от монопроцедурной к плюралистической. Теоретической опорой при этом служат работы, посвящённые коммуникативным действиям и социальным системам [8; 9], а также юридическому плюрализму [10].

Результаты исследования

Проведённое исследование позволило выявить и систематизировать имманентные характеристики судебной формы, которые определяют её структурные пределы, и показать, как институт медиации функционально компенсирует эти ограничения. Результаты представлены в двух взаимосвязанных блоках.

Анализ позволяет выделить три фундаментальные черты суда как социально-правового института, которые, обеспечивая его эффективность в одной сфере, одновременно создают непреодолимые барьеры в другой.

Первичной функцией суда является не урегулирование конфликта в широком социальном смысле, а разрешение спора о праве посредством властного применения нормы. Суд устанавливает, какая из сторон обладает объективированным, подкреплённым доказательствами правом [11]. Итоговое решение есть акт окончательного завершения юридического спора – «разрезание гордиева узла». Однако такое завершение часто носит характер навязанного прекращения, которое может игнорировать сохраняющуюся конфликтную динамику между сторонами вне правового поля. Решение отвечает на вопрос «кто прав?», но не решает проблему «как жить дальше?», если отношения сторон предполагают продолжение.

Процедура суда направлена на установление не абсолютной, а юридической истины, которая конструируется из представленных и допущенных доказательств в рамках строгих процессуальных правил [12]. Это приводит к неизбежной редукции сложного социального конфликта до бинарной правовой схемы. Эмоции, неформальные договорённости, неочевидные экономические интересы, ценность будущих отношений – все это остаётся за рамками «имеющих значение для дела обстоятельства».

Таким образом, суд, выполняя свою прямую функцию, может невольно способствовать эскалации социального противостояния, требуя от сторон того, для чего он структурно не предназначен: управления постконфликтными отношениями. Данные характеристики и вытекающие из них пределы наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1. Имманентные характеристики и структурные пределы судебной формы

Характеристика суда	Сущностное содержание	Структурный предел
Цель и результат	Властное разрешение спора о праве через фиксацию правоты	Завершает юридический спор, но не разрешает социальный конфликт. Не работает на восстановление/сохранение отношений
Метод познания	Установление формальной истины на основе допустимых доказательств	Редукция многогранного конфликта до бинарной правовой модели. Игнорирование внеправовых аспектов
Создаваемый эффект	Правовая определённость и возможность принудительного исполнения	Риск превращения правовой определённости в социальную фикцию, если конфликт переносится во внесудебное пространство

Выявленные пределы суда формируют функциональную нишу, которую закономерно занимает медиация. Её процедурные принципы являются прямой антитезой судебным ограничениям, что позволяет компенсировать системный дефицит.

В отличие от суда, медиация ориентирована не на прошлое, а на будущее сторон. Её цель – выработка взаимоприемлемого, жизнеспособного соглашения, которое учитывает не только юридические позиции, но и лежащие в их основе интересы и потребности [13]. Такой результат не является навязанным вердиктом, а представляет собой договорённость, в создании которой участвуют сами стороны. Это превращает итог процедуры из акта завершения в инструмент построения новой модели взаимодействия.

Медиативная процедура принципиально нередуктивна. Она работает с конфликтом во всей его полноте, предоставляя сторонам пространство для выражения эмоций, обсуждения скрытых мотивов и неочевидных обстоятельств [4]. Медиатор не выносит решений, а фасилитирует диалог, помогая сторонам самим проанализировать ситуацию и найти выход. «Истиной» здесь становится не формально

установленный факт, а взаимное понимание причин конфликта и путей его преодоления.

Сравнительный функциональный анализ двух процедур, представленный в таблице 2, демонстрирует их комплементарность, а не конкуренцию.

Таблица 2. Сравнительный функциональный анализ судебной и медиативной процедур

Критерий сравнения	Судебная форма	Медиативная процедура	Функциональная компенсация
Целеполагание	Установление правоты, защита нарушенного права	Согласование интересов, поиск взаимоприемлемого решения	Заполняет нишу споров, где важен не «победитель», а жизнеспособный исход для обеих сторон
Роль нейтрального лица	Судья – арбитр, применяющий норму и выносящий обязывающее решение	Медиатор – фасилитатор, организующий диалог, но не навязывающий содержание решения	Компенсирует дефицит самоуправления и ответственности сторон в судебном процессе
Основа для решения	Норма права и установленные факты	Интересы, потребности и реальные возможности сторон	Компенсирует редукцию сложного конфликта, работая с его полным контекстом
Характер итога	Властное, обязательное для исполнения решение	Добровольное медиативное соглашение	Компенсирует риск социальной фикции решения, создавая легитимный для сторон план действий
Основной социальный эффект	Правовая определённость, прецедент, формальное окончание спора	Восстановление/сохранение отношений, снижение враждебности, реальное исполнение	Компенсирует деструктивное влияние суда на длительно существующие отношения

Таким образом, результаты исследования показывают, что медиация возникает и институционализируется не вместо суда, а рядом с ним, заполняя чётко очерченную системную нишу.

Обсуждение результатов

Обнаруженные структурные пределы суда не являются его временным недостатком или ошибкой проектирования. Они представляют собой имманентное свойство любой формализованной процедуры, стремящейся к универсальности, определённости и единообразию [9]. Кризис возникает тогда, когда правовая система, исторически оформившаяся вокруг суда как монопольного центра, сталкивается с запросом на разрешение конфликтов, которые по своей природе не поддаются формально-рациональной редукции. Традиционный подход, пытающийся решить эту проблему путём усложнения судебной процедуры или возложения на судью несвойственных ему функций, оказывается тупиковым, так как не преодолевает базовых характеристик судебной формы, описанных выше.

Медиация в этом контексте выступает не как техническое новшество, а как системный ответ на выявленный дефицит. Её появление свидетельствует о том, что правовая система развивается по пути процедурного плюрализма. Это означает переход от модели, где единственной легитимной и общеобязательной формой разрешения спора является властное решение суда, к модели, где существует меню легитимных процедур, и выбор оптимальной из них определяется природой конфликта [14].

Институционализация медиации, таким образом, может рассматриваться как признак зрелости правовой системы, способной к саморефлексии и адаптивной дифференциации. Это знаменует переход от реактивной модели, в которой система пассивно ожидает формализованного иска о нарушении права, к пропонентной и превентивной модели.

Это расширяет само понятие правовой защиты. Если традиционно оно сводилось к судебной защите субъективного права, то теперь дополняется идеей защиты правового интереса в сохранении социально-экономических связей и коммуникаций. Медиация защищает не столько абстрактное право, сколько конкретную возможность сторон продолжать взаимодействие, минимизируя транзакционные издержки вражды [15; 16]. В этом смысле она выполняет важную социально-экономическую функцию, которую суд в принципе не может выполнять в силу своей структуры.

Выявленная комплементарность создаёт основу для построения эффективных интегративных моделей взаимодействия суда и медиации. Речь идёт не о механическом перенаправлении дел из суда, а о создании процессуальных фильтров и навигаторов. Суд может и должен на ранних стадиях идентифицировать дела, по своей природе относящиеся к «конфликтам отношений», и активно предлагать сторонам опробовать медиацию, разъясняя её функциональные преимущества в их ситуации.

Основной контраргумент против представленной концепции состоит в том, что она якобы умаляет роль и авторитет суда. Однако проведённый анализ показывает обратное. Признание структурных пределов – признак силы, а не слабости института. Чёткое осознание того, для чего суд создан и где заканчивается область его максимальной эффективности, позволяет укрепить его легитимность.

Заключение

Проведённый анализ позволил выявить и обосновать имманентные, структурные пределы классической судебной формы. Установлено, что эти пределы коренятся не в организационных недостатках, а в существенных характеристиках суда как института: его ориентации на фиксацию правоты и завершение спора, работе с процедурной истиной, редуцирующей сложный конфликт, и создании правовой определённости, которая может вступить в противоречие с продолжающейся социальной реальностью.

Показано, что медиация закономерно возникает как институт, компенсирующий данные структурные дефициты. Её процедурный дизайн, ориентированный на согласование интересов, работу с полной конфликтной реальностью и выработку сторонами добровольного соглашения о будущем, является прямой функциональной антитезой ограничениям суда.

На основе проведённого системного и функционального анализа сделан основополагающий вывод: институционализация медиации выступает не просто расширением инструментария разрешения споров, а индикатором качественного сдвига в развитии правовой системы. Этот сдвиг заключается в переходе от процедурного монизма, централизованного на властном решении суда, к процедурному плюрализму, где выбор адекватной формы определяется природой конфликта.

Литература

- Кузьмин, А.В. Гражданское право. Общая часть / А.В. Кузьмин, Ю.С. Алексеева, В.В. Косарева, М.А. Грузинская. – Гатчина: Изд-во ГИ-ЭФПТ, 2024. – 214 с.
- Савенков, В.В. Проблемы осуществления функции содействия в отношении третейских судов / В.В. Савенков, Г.С. Андрейченко, И.И. Иванов, М.Н. Бреус // Столыпинский вестник. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 77–86.
- Ромазанов, А.А. Судебно-инкорпорированные программы альтернативного разрешения споров и их влияние на судебную систему: опыт США / А.А. Ромазанов // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 1 (157). – С. 136–140.
- Шамликашвили, Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного разрешения споров / Ц.А. Шамликашвили. – Москва: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2017. – 77 с.
- Гаджиев, Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
- Маякунов А.Э. Системный подход в юриспруденции: методологический аспект / А.Э. Маякунов, Н.А. Токмашова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 25–27.
- Вебер, М. Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии / М. Вебер; пер. с нем.; под ред. Л.Г. Ионина. – Москва: Издательство ГУ ВШЭ, 2019. – 542 с.
- Архипов, С.И. Дискурсивная теория права и демократии Ю. Хабермаса / С.И. Архипов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 3. – С. 5–14.
- Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновского. – Москва: Логос, 2004. – 232 с.
- Бирюков, С.В. Право в свете философских интерпретаций плюрализма / С.В. Бирюков // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 3 (102). – С. 3–7.
- Карелина, С.А. Теория судебных доказательств профессора М.К. Треушникова и ее применение в делах о банкротстве / С.А. Карелина // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2024. – № 6. – С. 161–177.
- Голубовский, В. Процесс доказывания и оценка доказательств: советский и современный опыт / В. Голубовский // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 3. – С. 80–83.

13. Фишер, Р. Путь к согласию, или Переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри; пер. с англ. – Москва: Наука, 1992. – 158 с.

14. Габрилян, Р.Р. Правовой плюрализм: от генезиса теоретической концепции к реализации в современных условиях / Р.Р. Габрилян, И.Н. Ключевская, Е.Н. Кониная // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 4. – С. 161–167.

15. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз; пер. с англ. Б. Пинскера. – Москва: Новое издательство, 2007. – 224 с.

16. Левушкин, А.Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения / А.Н. Левушкин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7 (71). – С. 138–145.

MEDIATION AS A SIGN OF THE EVOLUTION OF THE LEGAL SYSTEM

Dashevskii P.A.

Academy of Labor and Social Relations

This article is devoted to a theoretical understanding of the institution of mediation in the context of the evolution of the legal system. The subject of the study is mediation not as an alternative dispute resolution method in the narrow sense, but as a systemic indicator delineating the structural and functional limits of the classical judicial form. The goal of the study is to demonstrate that mediation arises as a natural response of the legal system to the inherent inability of the court to effectively resolve conflicts that cannot be reduced to the binary logic of “rights/wrongs,” especially in the sphere of complex, ongoing legal relations. The research methodology includes a systemic, functional, and comparative legal analysis, allowing for a comparison of the goals, methods, and results of judicial and mediation procedures. It is established that the court, being an ideal instrument for establishing rights based on procedural truth, reaches its structural limit in situations where the goal is not the resolution of a dispute, but the reconciliation of interests and the restoration of relations. The novelty of the study lies in its examination of mediation as a sign of the legal system's transition from procedural monism to pluralism, where the choice of mechanism is determined by the nature of the conflict. The application of the results includes the development of process theory, judicial reform, and educational programs. The main conclusion: the institutionalization of mediation marks a qualitative stage in the development of law, reflecting its capacity for self-reflection and adaptation to complex social needs.

Keywords: mediation, evolution of the legal system, structural limits of the court, judicial form, conflict of relationships, procedural truth, legal pluralism, alternative dispute resolution.

References

- Kuzmin, A.V. Civil Law. General Part / A.V. Kuzmin, Yu.S. Alekseeva, V.V. Kosareva, M.A. Gruzinskaya. – Gatchina: Publishing House of GIEFPT, 2024. – 214 p.
- Savenkov, V.V. Problems of Implementing the Facilitation Function in Relation to Arbitration Courts / V.V. Savenkov, G.S. Andreychenko, I.I. Ivanov, M.N. Breus // Stolypin Bulletin. – 2020. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 77–86.
- Romazanov, A.A. Court-Incorporated Alternative Dispute Resolution Programs and Their Impact on the Judicial System: The US Experience / A.A. Romazanov // Law and State: Theory and Practice. – 2018. – No. 1 (157). – Pp. 136–140.
- Shamlikashvili, Ts.A. Mediation – a Modern Method of Out-of-Court Dispute Resolution / Ts.A. Shamlikashvili. – Moscow: Interregional Center for Management and Political Consulting, 2017. – 77 p.
- Gadzhiev, G.A. Ontology of Law: (A Critical Study of the Legal Concept of Reality): Monograph / G.A. Gadzhiev. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. – 320 p.
- Mayakunov, A.E. Systems Approach in Jurisprudence: Methodological Aspect / A.E. Mayakunov, N.A. Tokmashova // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 6 (222). – Pp. 25–27.
- Weber, M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology / M. Weber; translated from German; edited by L.G. Ionin. – Moscow: HSE Publishing House, 2019. – 542 p.
- Arkipov, S. I.J. Habermas's Discursive Theory of Law and Democracy / S.I. Arkipov // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. – 2016. – No. 3. – Pp. 5–14.
- Luhmann, N. Society as a Social System / N. Luhmann; translated from German by A. Antonovsky. – Moscow: Logos, 2004. – 232 p.
- Biryukov, S.V. Law in Light of Philosophical Interpretations of Pluralism / S.V. Biryukov // Siberian Legal Bulletin. – 2023. – No. 3 (102). – Pp. 3–7.
- Karelina, S.A. Theory of Judicial Evidence of Professor M.K. Treushnikov and Its Application in Bankruptcy Cases / S.A. Karelina // Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. – 2024. – No. 6. – Pp. 161–177.
- Golubovsky, V. The Process of Proof and Evaluation of Evidence: Soviet and Modern Experience / V. Golubovsky // Russian-Asian Legal Journal. – 2025. – No. 3. – Pp. 80–83.
- Fisher, R. The Path to Agreement, or Negotiations without Defeat / R. Fisher, W. Ury; trans. from English. – Moscow: Nauka, 1992. – 158 p.
- Gabrielyan, R.R. Legal Pluralism: From the Genesis of the Theoretical Concept to Implementation in Modern Conditions / R.R. Gabrielyan, I.N. Klyukovskaya, E.N. Konina // Humanitarian and Legal Studies. – 2019. – No. 4. – Pp. 161–167.
- Coase, R. Firm, Market, and Law / R. Coase; trans. from English by B. Pinsker. – Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2007. – 224 p.
- Levushkin, A.N. Mediation in entrepreneurial activity: problems of law enforcement efficiency / A.N. Levushkin // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2020. – No. 7 (71). – Pp. 138–145.

Долотина Регина Рашидовна,

к.ю.н., доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения им. К.Н. Гусова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: rdolotina@mail.ru

Статья посвящена защите трудовых прав работника профсоюзами в условиях цифровизации кадровых процедур и корпоративных коммуникаций, при которой юридически значимые действия и документы формируются и обращаются преимущественно в электронных системах работодателя, а доступ к этим данным становится существенным фактором эффективности защиты. На основе доктринального и системного анализа норм ТК РФ, правовых позиций Конституционного и Верховного Судов РФ, а также правоприменительной практики установлено, что цифровизация трудовых отношений, усиливая процедурный формализм, может снижать эффективность профсоюзного контроля при отсутствии реальной независимости профсоюзов. В связи с этим предлагаются критерии оценки такой независимости и механизм обеспечения доказуемости профсоюзного участия в условиях электронного документооборота. Обосновывается, что целью изменений должно стать не формальное наделение профсоюзов дополнительными полномочиями, а создание условий для их реальной автономии и возможность бесспорного подтверждения соблюдения процедур в цифровой среде.

Ключевые слова: работник, работодатель, профсоюз, трудовые права, судебная защита, цифровизация, электронный документооборот.

Защита трудовых прав работника является одним из ключевых условий обеспечения стабильности трудовых отношений. В системе гарантий особое место занимает профсоюзная защита, сочетающая коллективные механизмы влияния с представительством и правовой поддержкой конкретного работника.

В современных трудовых отношениях ключевое значение приобретает не столько декларативное наличие гарантий, сколько эффективность инструментов защиты нарушенного права как на стадии предупреждения нарушений, так и при восстановлении правового положения работника. Профсоюзная защита реализуется через комплекс правовых средств, таких как участие в социальном партнерстве, контроль соблюдения трудового законодательства, представительство работников и содействие в доказывании по трудовым спорам, что напрямую влияет на результативность защиты. Расширение участия профсоюзов в социальном партнерстве является важным шагом в направлении более справедливых и равноправных трудовых отношений [6].

Вместе с тем действенность указанных средств во многом определяется организационными и процедурными условиями их реализации на уровне работодателя. Цифровизация кадровых процессов и коммуникаций трансформирует эти условия, смещая акцент с формального закрепления гарантий на их практическую реализуемость, фиксацию нарушений и изменение условий формирования и представления доказательств сторонами.

Для профсоюзов это означает, что вопрос реализации трудовых гарантий в цифровой инфраструктуре работодателя становится ключевым, включая порядок уведомлений, доступ к информации, а также фиксацию юридически значимых действий.

В указанных условиях ключевым становится вопрос не только об объеме законодательно закрепленных полномочий профсоюзов, но и об их фактической способности к защите трудовых прав работника в организационной среде работодателя при использовании электронного документооборота и корпоративных ИТ-систем. Именно поэтому анализ профсоюзной защиты неизбежно смещается к оценке ее эффективности и влияния на исход трудового спора.

Востребованность профсоюзов как первичного правозащитного механизма остается низкой. Как показывают данные ВЦИОМ, лишь 6% работников при нарушении прав обращаются в профсоюз. К основным барьерам относятся отсутствие профсоюза в организации (28%) и недоверие к его эффективности (25%). Вследствие этого даже при наличии профсоюза, как правило, в нем состоит менее половины работников (44%) [20]. В совокупности эти показатели подтверждают «разрыв» между возможным участием профсоюза (ст. 370, 373, 374 ТК РФ) и фактическим использованием профсоюзной защиты работниками. Профсоюз редко подключается на ранней стадии трудового спора, вследствие чего снижаются возможности профилактики нарушения, своевременной фиксации обстоятельств и последующего представительства сопровождения работника.

Зачастую формализм профсоюзного участия выражается в отсутствии правовых последствий за игнорирование работодателем мнения представительного органа и риске аффилированности последнего с работодателем.

Вопрос о фактической результативности профсоюзной защиты во многом упирается в содержание и юридическую действенность контрольной функции профсоюзов. Для корректной оценки современных ограничений данной функции представляется оправданным обратиться к исторической траектории развития институтов контроля за соблюдением трудового законодательства в отечественном регулировании – от ранних форм фабричного надзора к постсоветской модели, закрепленной в Трудовом кодексе РФ.

В дореволюционной России предпосылки контрольной функции в сфере труда формировались через фабричную инспекцию и ранние формы государственного и общественного контроля за соблюдением рабочих законов. Устав о промышленном труде (изд. 1913 г.; систематизация по состоянию на 1915 г.) закреплял детализированные правила фабрично-заводской дисциплины и формировал предпосылки контроля за условиями труда [8]. Параллельно развивались механизмы обязательного страхования рабочих (закон 23 июня 1912 г.), которые можно рассматривать как раннее закрепление охранительных механизмов в сфере труда [19].

В советский период профсоюзы были тесно включены в систему управления производством и социального обеспечения, что проявлялось в развитии профсоюзных органов и широких полномочиях по участию в локальном нормотворчестве (КЗоТ РСФСР 1971 г.).

В современной модели, закрепленной в Трудовом кодексе РФ, профсоюзный контроль сохраняется, однако по своему действию он во многом носит процедурный характер. Как правило, профсоюз фиксирует нарушение и обращается к работодателю, а при необходимости инициирует защиту через государственную инспекцию труда либо суд (ст. 370 ТК РФ). Реагирование на нарушения профсоюзом и даже сама их фиксация оказываются зависимыми от доступа к цифровым данным и корпоративным регламентам работодателя.

Полемика в доктрине разворачивается вокруг вопроса, является ли такая трансформация естественным следствием перехода к рыночной экономике и разграничения публичного и частного контроля либо представляет собой дефект нормативной конструкции, нарушающий баланс интересов. Сторонники «достаточности» действующей модели исходят из того, что профсоюзный контроль не должен подменять государственный надзор, а его ключевые задачи – профилактика нарушений и медиация. Критики, напротив, указывают, что при отсутствии действительных последствий игнорирования требований профсоюза контроль рискует превратиться в символическую процедуру, не обеспечивающую реального охранительного эффекта [11, 14, 15].

Особое место занимает механизм учета мотивированного мнения профсоюза при увольнении его члена по инициативе работодателя. Статья 373 ТК РФ закрепляет последовательность стадий и сроков: направление работодателем проекта приказа и документов, сроки подготовки мнения, проведение консультаций, оформление разногласий и возможность обжалования. Однако закон не содержит критериев мотивированности такого мнения. Согласно разъяснению Пленума ВС РФ, отсутствие мотивированного мнения (непредставление в срок либо немотивированность) позволяет работодателю произвести увольнение без его учета [4].

Правоприменительные риски усиливаются при цифровизации кадровых процедур. Обмен документами и соблюдение сроков в корпоративной среде обеспечиваются средствами электронного документооборота. Однако действующее регулирование не содержит специальных правил подтверждения направления и получения материалов, идентификации участников и обеспечения неизменности электронных документов. В доктрине обосновывается необходимость выработки стандартов «цифровой верификации (цифрового подтверждения)» профсоюзного участия и требований к доказательственной базе мотивированного мнения [16, 17].

Ограничение эффективности профсоюзной защиты обусловлено также условиями функционирования профсоюзов на локальном уровне. Риск представляет аффилированность выборных органов с работодателем вследствие финансовой зависимости, кадровых пересечений и фактического контроля работодателя над ресурсами и инфраструктурой профсоюза. При таких условиях профсоюз утрачивает автономность, ориентируясь на поддержание стабильности и снижение конфликтности в ущерб правозащитной функции. Профсоюз, находящийся под влиянием работодателя (аффилированный, «карманный», «желтый» профсоюз) снижает реальную способность выполнять представительную и правозащитную функции, поскольку зависимость ведет к подмене интересов работников логикой внутрикорпоративной лояльности [7, 9, 12]. Международные трудовые стандарты прямо исходят из недопустимости вмешательства работодателя в деятельность организаций работников. Положения Конвенции МОТ № 98 ориентируют национального законодателя и правоприменение на создание механизмов, препятствующих контролю работодателя над организациями работников и обеспечивающих их независимость [18].

В развитие этих принципов надзорные механизмы МОТ аккумулируют подходы к квалификации вмешательства и подчеркивают необходимость реальной независимости профсоюзов как предпосылки эффективного коллективного представительства [2].

Противодействие аффилированным профсоюзам требует не расширения их полномочий, а обеспечения автономии: независимость от работодателя, исключение его контроля над ресурсами, внешняя «сертификация» независимости [13] и процедурные стандарты электронного взаимодействия, предотвращающие формальность участия профсоюзов в корпоративных процессах.

В цифровой среде фиксирование юридически значимых действий, сроков и факта получения документов становится ключевым для доказуемости реального участия профсоюза и подтверждения учета его позиции, снижая риск формального соблюдения требований закона при фактическом контроле работодателем профсоюзной инфраструктуры.

Рассмотренные риски аффилированности усиливают ключевую проблему. При формальном соблюдении процедур профсоюзное участие может не обеспечивать реальной защиты, а профсоюзные гарантии – утрачивать практическое значение. Поэтому вопрос выходит за пределы «внутренней» организации социального партнерства и затрагивает конституционно-правовые гарантии свободы объединения и независимости профсоюзов.

Так, Конституционный Суд РФ [3], рассматривая гарантии выборных профсоюзных работников (ч. 3 ст. 374 ТК РФ), фактически подчеркнул необходимость судебного контроля, исключающего формальное обесценивание профсоюзных гарантий. Вместе с тем в типичном трудовом споре вопрос аффилированности профсоюзного органа нередко не становится самостоятельным предметом доказывания, что затрудняет оценку реальной независимости представительства.

В этой связи представляется обоснованным использовать функциональный подход к выявлению фактической подконтрольности – по аналогии с тем, как в корпоративном праве оценивается наличие решающего влияния на деятельность организации, что концептуально отражено в конструкции контролирующего лица [1, 5]. Вместе с тем указанная аналогия не означает применения корпоративно-правовых норм или последствий корпоративного контроля к отношениям в сфере труда. Переносу подлежит не институт в целом, а критерии выявления фактической зависимости, такие как наличие у работодателя возможностей определять кадровые решения, управлять ресурсами и инфраструктурой профсоюза либо иным образом формировать его позицию и действия, включая доказательственную фиксацию участия в процедурах.

В целях практического применения данного подхода целесообразно сформулировать критерии, позволяющие оценить степень реальной независимости профсоюзного органа от работодателя. При этом зависимость не должна выводиться только из одного признака. Необходимо учитывать совокупность обстоятельств; именно устойчивое сочетание кадровых, ресурсных и поведенческих индикаторов способно свидетельствовать о фактическом доминировании работодателя.

1. *Кадровая независимость.* Оценивается отсутствие у работодателя решающего влияния на формирование выборных органов профсоюза и на содержание их повестки, включая способность прямо или косвенно определять персональный состав, блокировать альтернативные кандидатуры либо формировать позицию профоргана по ключевым вопросам, связанным с защитой трудовых прав работников.

2. *Финансовая и организационно-техническая автономия.* Проверяется наличие у профсоюза самостоятельных ресурсов и инфраструктуры (включая каналы коммуникации и хранения документов), позволяющих осуществлять деятельность без риска блокирования доступа, изменения или утраты документов со стороны работодателя.

3. *Оценка фактического участия профсоюза в представительстве и защите социально-трудовых прав и интересов работников.* Анализируется наличие мотивированной позиции и действий профсоюза в предусмотренных законом процедурах либо участие без обоснования позиции и без влияния на результат.

4. *Риск-индикаторы конфликта интересов (личная и организационная заинтересованность).* Учитываются обстоятельства, свидетельствующие о возможной заинтересованности руководителей профсоюзного органа в сохранении благоприятных отношений с работодателем (карьерная, материальная и иные формы зависимости).

Таким образом, эффективность профсоюзной защиты в условиях цифровизации определяется не формальным объемом полномочий, а процедурной реализуемостью гарантий и доказуемостью профсоюзного участия. Цифровизация трансформирует условия реализации гарантий, тем самым актуализируя вопрос о фиксации нарушений и изменения порядка формирования и представления доказательств. Аналогичная динамика опережающего развития технологий по отношению к юридическим механизмам прослеживается и в иных сферах регулирования цифровой экономики [10].

На этом фоне усиливается риск формализации профсоюзных процедур, когда соблюдение сроков и наличие документов подменяют оценку реальности консультаций и содержательности позиции профсоюза. Дополнительным ограничителем выступает аффилированность профсоюзных структур с работодателем, которая внешне может маскироваться корректным исполнением процедур, но фактически ограничивает защиту трудовых прав работников. В конечном счете задача правоприменения состоит в том, чтобы профсоюзные гарантии работали как охранительный механизм, а не как формальная стадия, после которой трудовой спор неизбежно переносится исключительно в судебную плоскость.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. – N 209–210. – 02.11.2002
2. ILO Convention No. 98 (Right to Organise and Collective Bargaining) // URL: <https://www.ilo.org/media/334646/download> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.06.2021 N 26-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.К. Сергеевой» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – N 10. – 2021.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – N 72. – 08.04.2004
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета. – N 297. – 29.12.2017
6. Буянова М.О. Проблемы расширения участия профсоюзов в социальном партнерстве / М.О. Буянова // Социальное партнерство и политика занятости: материалы V Международной научно-практической конференции: сборник научных статей. – М., 2023.
7. Гаранина И.Г., Аллелевельд Р. Вопросы соотношения конвенции ОВЪЕДО и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / Гаранина И.Г., Аллелевельд Р. // В сборнике: Правовые аспекты нациестроительства в России: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Редколлегия: Г.П. Кулешова [и др.]. – 2020. – С. 167–171.
8. Громан В.В. Устав о промышленном труде. Пг., 1915 / Громан В.В. // URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
9. Демиева А.Г. Проблемы сближения законодательства о предпринимательской деятельности стран-участниц ЕАЭС / Демиева А.Г. // Наука и школа. – 2017. – № 1. – С. 9–19
10. Демиева А.Г. Правовое регулирование криптовалют: тенденция развития / Демиева А.Г. // Ex Jure. – 2018. – № 1. – С. 18–29.
11. Климова С.Г. Профсоюзы в поисках влияния / Климова С.Г. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzu-v-poiskah-vliyaniya> (дата обращения: 11.02.2026).
12. Лапшин В.Ю. Консолидация интересов субъектов рынка труда как фактор его развития в современных условиях России / Лапшин В.Ю. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsolidatsiya-interesov-subektov-rynka-truda-kak-faktor-ego-razvitiya-v-sovremennyh-usloviyah-rossii/pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
13. Логунова В.С. Злоупотребление правом профсоюзными организациями / Логунова В.С. // Трудовые и социально-обеспечительные отношения: практика правоприменения. Сборник работ участников Четырнадцатой международной межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, прошедшей на факультете права НИУ «Высшая школа экономики» 22 апреля 2019 года / под редакцией М.О. Буяновой. – М., 2019. – 456 с.
14. Михальская А.О. Правовые модели расторжения трудового договора по инициативе работодателя в России и за рубежом / Михальская А.О. // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 7–1. – С. 42–52
15. Проценко Е.В., Черных А.Б. Оценка эффективности правовой деятельности профсоюзов на современном этапе / Проценко Е.В., Черных А.Б. // Социология и право. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 285–290
16. Филипова И.А. Защита трудовых прав в Российской Федерации / Филипова И.А. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (1). – С. 310–316
17. Цаплин С.А. Методы защиты трудовых прав работников профессиональными союзами / Цаплин С.А. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-zashchity-trudovykh-prav-rabotnikov-professionalnymi-soyuzami> (дата обращения: 11.02.2026).
18. Шестерякова И.В. Международные трудовые нормы и трудовое право: проблемы взаимодействия / Шестерякова И.В. // В сборнике: Типичная и нетипичная занятость: перспективы исследований и регулирования (Пятое Гусовские чтения). Материалы Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 16–21
19. Элиассон Л.С. Законы об обеспечении рабочих на случай болезни и о страховании их от несчастных случаев 23 июня 1912 г. СПб., 1914 // minfin.gov.ru (дата обращения: 11.02.2026).
20. Данные опроса ВЦИОМ от 29.04.2021 – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-i-mai-rossijane-o-trudovykh-pravakh-i-prazdnike-truda?utm_source (дата обращения: 11.02.2026).

PROTECTION OF LABOR RIGHTS OF AN EMPLOYEE BY TRADE UNIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Dolotina R.R.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the role of trade unions in safeguarding employees' labour rights in the context of the digitalisation of HR procedures and corporate communications, where legally relevant acts and documents are generated, processed and circulated predominantly within the employer's electronic systems, and access to such data becomes a significant determinant of the effectiveness of protection. Drawing on a doctrinal and systematic analysis of the Labour Code of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as relevant law-enforcement practice, the article argues that the digitalisation of labour relations – by reinforcing procedural formalism – may diminish the effectiveness of trade-union oversight in the absence of genuine union independence. Against this background, it proposes criteria for assessing such independence and outlines a mechanism for ensuring the legal verifiability and evidential reliability of trade-union participation under electronic document management. It is further contended that reform should aim not at the merely formal conferral of additional powers upon trade unions, but at creating conditions for their real autonomy and for reliable verification of compliance with statutory procedures in the digital environment.

Keywords: employee, employer, trade union, labor rights, judicial protection, digitalization, electronic document management.

References

1. Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 29.12.2025) «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» // Rossiyskaya gazeta. – N 209–210. – 02.11.2002
2. ILO Convention No. 98 (Right to Organise and Collective Bargaining) // URL: <https://www.ilo.org/media/334646/download> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.06.2021 N 26-P «Po delu o provere konstitutsionnosti chasti tret'yey stat'i 374 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanki Ye.K. Sergeevoy» // Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva RF. – N 10. – 2021.
4. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 N 2 (red. ot 09.12.2025) «O primenenii sudami Rossiyskoy Federatsii Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // Rossiyskaya gazeta. – N 72. – 08.04.2004
5. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21.12.2017 N 53 (red. ot 23.12.2025) «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s privilecheniyem kontroliruyushchikh dolzhnika lits k otvetstvennosti pri bankrotstve» // Rossiyskaya gazeta. – N 297. – 29.12.2017
6. Buyanova M.O. Problemy rasshireniya uchastiya profsoyuzov v sotsial'nom partnerstve / M.O. Buyanova // Sotsial'noye partnerstvo i politika zanyatosti: materialy V Mezhnunarodnoy nauchnoy konferentsii: sbornik nauchnykh statey. – M., 2023.
7. Garaniina I.G., Alleveld R. Voprosy sootnosheniya konventsii OV'YEDO i Yevropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod / Garaniina I.G., Alleveld R. // V sbornike: Pravovyye aspekty natsiyestroyitel'stva v Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhnunarodnym uchastiyem. Redkollegiya: G.P. Kuleshova [i dr.]. – 2020. – S. 167–171.
8. Groman V.V. Ustav o promyshlennom trude. Pg., 1915 / Groman V.V. // URL: <https://minfin.gov.ru> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
9. Demiyeva A.G. Problemy sblizheniya zakonodatel'stva o predprinimatel'skoy deyatel'nosti stran-uchastnits YEAS / Demiyeva A.G. // Nauka i shkola. – 2017. – № 1. – S. 9–19
10. Demiyeva A.G. Pravovoye regulirovaniye kriptovalyut: tendentsiya razvitiya / Demiyeva A.G. // Ex Jure. – 2018. – № 1. – S. 18–29.
11. Klimova S.G. Profsoyuzy v poiskakh vliyaniya / Klimova S.G. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profsoyuzu-v-poiskah-vliyaniya> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
12. Lapshin V. Yu. Konsolidatsiya interesov sub'yektov rynka truda kak faktor yego razvitiya v sovremennykh usloviyakh Rossii / Lapshin V.Yu. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsolidatsiya-interesov-subektov-rynka-truda-kak-faktor-ego-razvitiya-v-sovremennykh-usloviyakh-rossii/pdf> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
13. Logunova V.S. Zloupotrebleniye pravom profsoyuznymi organizatsiyami / Logunova V.S. // Trudovyye i sotsial'no-obespechitel'nyye otnosheniya: praktika pravoprimereniya. Sbornik rabot uchastnikov Chetyrnadtsatoy mezhnunarodnoy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh, proshedshey na fakul'tete prava NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» 22 aprelya 2019 goda / pod redaktsiyey M.O. Buyanovoy. – M., 2019. – 456 s.
14. Mikhail'skaya A.O. Pravovyye modeli rastorzheniya trudovogo dogovora po initsiativе rabotodatelaya v Rossii i za rubezhom / Mikhail'skaya A.O. // Voprosy rossiyskogo i mezhnunarodnogo prava. – 2022. – T. 12. – № 7–1. – S. 42–52
15. Protseenko Ye.V., Chernykh A.B. Otsenka effektivnosti pravovoy deyatel'nosti profsoyuzov na sovremennom etape / Protseenko Ye.V., Chernykh A.B. // Sotsiologiya i pravo. – 2023. – T. 15. – № 2. – S.285–290
16. Filipova I.A. Zashchita trudovykh prav v Rossiyskoy Federatsii / Filipova I.A. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2013. – № 6 (1). – S. 310–316
17. Tsaplin S.A. Metody zashchity trudovykh prav rabotnikov professional'nymi soyuzami / Tsaplin S.A. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-zashchity-trudovykh-prav-rabotnikov-professionalnymi-soyuzami> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
18. Shesteryakova I.V. Mezhnunarodnyye trudovyye normy i trudovoye pravo: problemy vzaimodeystviya / Shesteryakova I.V. // V sbornike: Tipichnaya i netipichnaya zanyatost: perspektivy issledovaniy i regulirovaniya (Pyatye Gusovskie chteniya). Materialy Mezhnunarodnoy nauchnoy konferentsii. – 2020. – S. 16–21
19. Eliyasson L.S. Zakony ob obespechenii rabochikh na sluchay bolezni i o strakhovanii ikh ot neschastnykh sluchayev 23 iyunya 1912 g. SPb., 1914 // minfin.gov.ru (data obrashcheniya: 11.02.2026).
20. Dannyye oprosa VTSIOM ot 29.04.2021 – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-i-mai-rossijane-o-trudovykh-pravakh-i-prazdnike-truda?utm_source (data obrashcheniya: 11.02.2026).

Эффективное управление занятостью населения: современные вызовы и методы реформирования в России

Ефремова Ирина Викторовна,

аспирант, кафедра Юридических дисциплин, ОЧУВО

Московский Инновационный Университет

E-mail: o.babick@yandex.ru

В статье рассматриваются ключевые методы в сфере реформирования государственного управления занятостью населения в текущих условиях трансформации современного рынка труда. Актуальность исследования обусловлена острой необходимостью перехода от пассивной формы мероприятий в сфере содействия занятости к активной модели, которая будет направлена на первоочередные задачи, такие как: развитие человеческого капитала, повышение качества трудовых ресурсов и обеспечение гибкости институциональной среды. В статье приведен анализ нормативно-правовых, институциональных, экономических, программно-целевых, цифровых и социальных методов модернизации и усовершенствования системы управления занятостью. Отдельно были выделены методы цифровизации государственных услуг, внедрения персонального подхода в деятельности служб занятости, продвижения механизмов государственно-частного партнёрства и пути формирования системы непрерывного профессионального образования. В статье объясняется значимость оценки эффективности реализуемых мер. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к реформированию, обеспечивающего устойчивость рынка труда, снижение структурной безработицы и повышение конкурентоспособности рабочей силы.

Ключевые слова: государственное управление занятостью, рынок труда, политика занятости, реформирование, цифровизация занятости, человеческий капитал, служба занятости, активная политика занятости.

Государственное управление занятостью населения играет ключевую роль в обеспечении стабильности социально-экономического развития страны. В современных условиях, особенно в период восстановления рынка труда после пандемии COVID-19 и рекордным количеством введенных против Российской Федерации недружественными странами санкций неопределенности, важно разработать и применять на практике эффективные методы для реформирования системы управления занятостью в России. В данной статье предлагается рассмотреть основные вызовы, которые преодолевает государство в сфере труда и занятости, а также возможный комплекс мер по улучшению в данной сфере.

Рынок труда в Российской Федерации в последние годы успешно развивается в непростых условиях глобальных экономических изменений, демографических сдвигов, технологической трансформации и внешнеэкономических ограничений. Однако, при текущем рекордно низком уровне официальной безработицы, система управления занятостью нуждается в комплексе мероприятий по модернизации инструментов государственной политики, институциональной среды и механизмов регулирования занятости.

По данным статистики, в 2024–2025 гг. уровень безработицы в России достиг исторически минимальных значений – около 2–2,3%, тем не менее это не привело к полному отсутствию проблем на рынке труда, так как продолжают сохраняться структурные дисбалансы и скрытая безработица.

Рассмотрим современные вызовы в управлении занятостью, начиная с фактора экономической нестабильности. Наблюдающаяся неопределенность в экономической сфере, которая возникла по причине финансового кризиса, нововведений во внешней торговле, оказывает негативное воздействие на рынок труда, возникают такие проблемы, как сокращение рабочих мест, увеличение безработицы, эти аспекты требуют немедленного вмешательства. [1]

Стоит отметить, что российский рынок труда отличается высокой территориальной неоднородностью. Пока в одних регионах наблюдается кадровый дефицит, в других регионах страны, наоборот, возрастает безработица из-за ограниченных возможностей трудоустройства.

Такой дисбаланс вызван прежде всего различиями в уровне экономического развития разных регионов, отраслевой специализацией, а так же неравномерными миграционными потоками.

В сложившейся ситуации требуется оперативное создание программ внутренней трудовой мобильности, повышение эффективности работы региональных служб занятости, а также проведение эффективной комплексной региональной политики в сфере труда.

К сожалению, даже при низком уровне официальной безработицы продолжают сохраняться формы латентной незанятости, то есть неполная занятость, вынужденные отпуска, простои предприятий, неофициальное оформление. Среди трудоспособного населения наблюдается рост численности работников, которые работают в режиме неполной занятости. Все это свидетельствует о имеющихся скрытых проблемах в некоторых секторах экономики в отдельных регионах.

Среди современных вызовов можно выделить реформирование производственных цепочек, необходимость импортозамещения некоторых компонентов и комплектующих, формирование в сжатые сроки технологического суверенитета нашей страны, отток некоторой части высококвалифицированных специалистов. Вышеупомянутые причины усиливают потребность в развитии единой национальной системы подготовки кадров, проведение мероприятий по стимулированию и популяризации научно-технологической занятости, повышению производительности труда.

Рассмотрим еще один фактор, оказывающий воздействие на сферу труда, такой как непрерывные технологические изменения. За последние годы произошла своего рода революция в области цифровизации и автоматизации производства, что неизбежно привело к изменениям спроса на рабочую силу. Некоторые виды профессии утрачивают свою актуальность, в то время как повышается спрос на новые специальности, формируются новые требования к компетенциям, навыкам и квалификации работников. [3]

Современный российский рынок труда можно охарактеризовать своеобразным парадоксом, то есть при низком уровне безработицы

большинство предприятий испытывают существенный дефицит кадров.

Это связано в первую очередь с имеющимся несоответствием структуры подготовки кадров потребностям экономики, вышеупомянутой территориальной неравномерностью занятости, низкой трудовой мобильностью населения.

После проведенного анализа мной были выделены основные сферы, в которых на наших глазах растет дефицит кадров. В крупных городах это прежде всего промышленность и строительство, область высоких технологий, в менее крупных городах это здравоохранение и образование.

Одновременно с этим в отдельных секторах наблюдается стабильное сокращение занятости, что является признаком структурной перестройки экономики.

Рассмотрим далее более подробно принципы цифровизации и автоматизации, которые оказывают радикальное воздействие на рынок труда. На данный момент можно выделить сокращение, так называемых, традиционных рабочих мест, например, сокращение кассиров и повсеместное введение касс самообслуживания. При этом не первый год наблюдается рост спроса на цифровые и междисциплинарные компетенции, то есть от работника требуются навыки всесторонней работы, а не выполнение механических действий по шаблону. Также увеличивается роль гибких форм занятости, вырос процент самозанятых в отдельных специальностях, например, фотограф, дизайнер интерьера, копирайтер, блогер.

Можно сделать вывод, что в современных условиях государственная служба занятости должна плавнo начать осуществлять переход от модели учета безработных к модели управления имеющимися компетенциями и перспективными карьерными траекториями, поскольку на текущий момент времени цифровая экономика требует постоянного переобучения работников под новые требования. Также нельзя не отметить, что уже в ближайшем будущем автоматизация может неизбежно привести к сокращению занятости на число до миллиона рабочих мест, что неизбежно требует развития имеющийся системы опережающего обучения и переквалификации.

В Российской Федерации современный рынок труда можно охарактеризовать увеличением новых форм занятости, то есть наблюдается рост платформенной занятости, самозанятости, дистанционной онлайн работы, частичной и проектной занятости. Данный фактор, к сожалению, является катализатором к созданию новых управленческих проблем, а именно необходимость немедленной адаптации трудового законодательства, обеспечение социальных гарантий, учет данных слоев работников в статистике по занятости, а также своевременное формирование новых механизмов налогообложения и пенсионного и социального страхования.

Одним из факторов, оказывающим влияние на рынок труда, можно выделить существующие демографические изменения. Старение населения, миграционные процессы, изменения касающиеся количества человек в одной семье — все эти аспекты оказывают непосредственное влияние на спрос трудовых ресурсов и требует адаптации самой системы занятости.

Среди ключевых вызовов я предлагаю выделить демографическое старение населения. Средний возраст трудоспособного работающего населения уже превышает 42 года, при этом сокращается доля работников в наиболее продуктивной и востребованной возрастной группе 25–44 лет. Сложившиеся ситуация неизбежно приводит к уменьшению предложения востребованных кадров, росту финансовой нагрузки на систему социальной защиты, вынужденной необходимости продления трудовой активности слоя старшей возрастной группы, заметному усилению конкуренции среди регионов и отраслей за квалифицированные кадры.

Текущая демографическая ситуация будет приводить к неизбежному формированию долгосрочный кадровый дефицит, который сам по себе становится системным ограничением экономического роста, в связи с этим, на данный момент, в Российской Федерации проводится демографическая политика по повышению рождаемости, в частности увеличение форм поддержки для молодых семей с детьми, многодетных семей, одиноких родителей.

Государственное управление занятостью является структурным элементом социально-экономической политики, направленным в первую очередь на обеспечение эффективного функционирования рынка труда, последующее снижение безработицы, развитие человеческого капитала и в качестве итога повышение уровня жизни населения. В условиях текущей цифровой трансформации экономики, рассмотренных демографических изменений и роста новых форм занятости традиционные механизмы регулирования рынка труда постепенно, но заметно

утрачивают эффективность, что обуславливает оперативную необходимость их всецелого реформирования.

Целью реформирования можно назвать переход от достаточно пассивной, имеющийся на данный момент, модели поддержки безработных к активной модели управления занятостью, ориентированной в первую очередь на предупреждение безработицы, а помимо этого, на развитие компетенций работников и формирование гибкого рынка труда.

Среди нормативно-правовых методов реформирования ключевым аспектом выступает необходимое совершенствование законодательной базы, регулирующей сферу занятости, такие как, обновление законодательства о занятости с учётом цифровых платформ и дистанционной занятости, правовое закрепление новых форм трудовых отношений работников, повышение гибкости трудового законодательства при этом обеспечение доступности социальных гарантий, внедрение механизмов социального партнёрства.

В качестве результата можно выделить формирование современной институциональной среды, непременно соответствующей новым условиям рынка труда.

На этапе институциональные преобразования реформирования будет невозможно без всесторонней трансформации системы органов государственной службы занятости. Среди институциональных методов предлагаю выделить модернизацию уже имеющихся центров занятости и переход к, так называемой, клиентоориентированной модели, постепенное создание единой цифровой платформы занятости с доступом к базе работодателей любого звена, оптимизация межведомственного взаимодействия, необходимо развитие государственно-частного партнёрства в сфере трудоустройства.

Конкретно говоря, современная российская служба занятости должна выполнять не только функцию регистрации безработных, но и выступать карьерным навигатором и оператором развития компетенций, напрямую взаимодействовать с работодателями.

В сфере экономических методов существуют экономические инструменты, направленные в свою очередь на стимулирование занятости и повышение активности и заинтересованности работодателей и работников. Предлагаю выделить некоторые методы, например, субсидирование создания рабочих мест, существенные налоговые льготы для работодателей, трудоустройства социально уязвимые категории населения, государственная поддержка малого предпринимательства и самозанятости, развитие бюджетных программ переобучения и повышения квалификации, внедрение механизмов социального контракта. Данные меры будут способствовать повышению спроса на рабочую силу и повышению качества кадров.

Помимо этого, важно содействовать созданию гибкого и адаптивного рынка труда, при этом эффективно реагировать на изменения спроса в экономике. Среди методов можно использовать стимулирование создания временных рабочих мест, развитие онлайн работы, а также поддержку предпринимательства. [5]

Отдельного внимания заслуживают программно-целевые методы, важным инструментом реформирования является реализация государственных программ содействия занятости. Основные направления программ представляют собой сферу содействия занятости молодежи, стремление к повышению занятости граждан старшего возраста, трудовая интеграция инвалидов, развитие региональных рынков труда, поддержка занятости в моногородах с возможным расширением альтернативных сфер деятельности в данном городе. Программный подход позволяет учитывать территориальные и социально-демографические особенности.

Одним из влияющих факторов является цифровизация системы управления занятостью, в свою очередь цифровая трансформация является на текущий момент одним из наиболее эффективных методов реформирования.

Предлагаю рассмотреть возможности по созданию новых цифровых сервисов поиска работы или модернизацию уже существующих, то есть отсеивать заведомо не правдивых вакансий, использование больших данных для прогнозирования грядущей потребности в кадрах, внедрение для безработных персональных карьерных траекторий, развитие онлайн-обучения в необходимых отраслях, электронный документооборот.

В современном мире цифровые технологии повышают доступность услуг, сокращают сроки трудоустройства и снижают административные барьеры.

Социальные методы имеют особое значение, тем самым направлены на повышение конкурентоспособности рабочей силы. Можно выделить развитие системы непрерывного образования, проведение профориентации населения, повышение уровня трудовой мобильности, поддержка для уязвимых категорий граждан. Данные методы

в долгосрочной перспективе смогут обеспечивать социальную устойчивость и постепенное снижение структурной безработицы.

Таким образом, современная политика занятости должна осуществлять переход от шаблонной поддержки безработных к активному управлению уже имеющимся человеческим капиталом. В ближайшем будущем ключевыми направлениями модернизации станут цифровые платформы трудоустройства, индивидуальные карьерные кейсы, аналитика и прогнозирование потребности в кадрах, интеграция и прямое взаимодействие системы образования и работодателей. Для успешного реформирования управления занятостью нельзя не выделить качественную подготовку кадров, соответствующих требованиям современного рынка труда и обладающих необходимыми компетенциями. Необходимо провести своего рода реформирование системы профессионального образования и переподготовки работников. Это может включать как создание новых учебных программ, курсов по повышению квалификации, так и внедрение программ поддержки предпринимательства для стимулирования самозанятости.[7]

Для определения эффективности работы службы занятости необходим мониторинг и оценка эффективности текущей политики занятости. То есть, современное реформирование предполагает внедрение механизмов оценки результатов. Основными инструментами будут являться анализ показателей занятости и безработицы, оценка качества трудоустройства безработных и выпускников, мониторинг карьерных траекторий граждан, внедрение системы ключевых показателей эффективности. Это позволит своевременно корректировать государственную политику и быстро реагировать на новые вызовы.

Конечно же реформирование государственного управления занятостью представляет собой комплексный процесс, включающий нормативно-правовые, институциональные, экономические, программно-целевые, цифровые и социальные методы. Их реализация постепенно обеспечивает переход к активной политике занятости, ориентированной на развитие человеческого капитала, повышение гибкости рынка труда и, как следствие, в целом устойчивый экономический рост.

В современной Российской Федерации приоритетным становится создание интегрированной системы управления занятостью, основанной на цифровых технологиях, межведомственном взаимодействии и индивидуализации услуг для всех слоев населения.

Для успешного и эффективного в перспективе реформирования системы управления занятостью необходимо развивать механизмы активного трудоустройства и поддержки тех, кто вынужден остаться без работы. Инструменты решения этой проблемы могут включать программы для переобучения безработных, разностороннюю поддержку при поиске работы, стимулирование создания новых рабочих мест.[4]

Стоит заметить, что в последние несколько лет безработица достигла рекордно низких значений, особенно среди молодежи до 25 лет и выпускников. Данный факт свидетельствует на практике о правильном курсе проводимой государством социальной политики в сфере труда и занятости населения.

Заключение

Государственное управление занятостью требует постоянного мониторинга и адаптации к изменяющимся условиям. Современные неизбежные вызовы, такие как экономическая нестабильность, технологические изменения и демографические сдвиги, требуют своевременной разработки новых методов и стратегий реформирования. Актуальным становится развитие системы образования, создание гибкого рынка труда и активное трудоустройство, все это ключевые направления, способствующие эффективному управлению занятостью населения в России. Без сомнения, успешное решение этих задач в короткие сроки позволит обеспечить стабильность и процветание для всех слоев населения и рост экономики страны в целом.

Современные вызовы в управлении занятостью населения в Российской Федерации носят всесторонний и долгосрочный характер. Ключевыми среди них на текущие годы являются демографическое старение, структурный кадровый дефицит, цифровизация экономики, распространение нестандартных форм занятости и региональные диспропорции.

В нынешних условиях приоритетом государственной политики будет являться переход к модели опережающего управления рынком труда, основанной на развитии человеческого капитала, гибкости институтов занятости и тесной координации системы образования с работодателями и, как следствие, с потребностями экономики.

Литература

1. Бондарева Э. С., Шавин В.А., Чершинцева Е.А., Зенков М.Ю., Бирюкова Т.А., Богатырева Н.В., Слесарев С.А., Тишин Р.В. Комментарий к Закону РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации (постатейный). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Брюхина Е. Р., Патырбаева К.В. К вопросу о соотношении заемного труда и труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим или юридическим лицам // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 107–111.
3. Орловский, Ю. П., Нуртдинова, А. Ф., Чиканова, Л. А., Белицкая, И.Я. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный) (отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.П. Орловский; 3-е изд.). – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. – 608 с. Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / И.Я. Белицкая, Д.Л. Кузнецов, Ю.П. Орловский и др.; под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. – М.: КОНТРАКТ, 2020. – 152 с.
4. Перевалов, В.Д. Теория государства и права. Учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2022. – 34 с.
5. Попов, Л. Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – 544 с. Попов, Л.Л. Административные процедуры: монография / отв. ред. Л.Л. Попов, С.М. Зубарев. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 240 с.
6. Россинский, Б. В., Старилов, Ю.Н. Административное право. Учебник. – М.: Норма, 2023. – 640 с.
7. Худякова С. С., Турчина О.В. К вопросу о содержании правовой категории «деловые качества» в современном трудовом праве России // Трудовое право. 2020. № 4. С. 67–72.

EFFECTIVE EMPLOYMENT MANAGEMENT: CURRENT CHALLENGES AND REFORM METHODS IN RUSSIA

Efremova I.V.

Moscow Innovation University

This article examines key methods for reforming public employment management in the current context of the transformation of the modern labor market. The relevance of the study stems from the urgent need to transition from passive employment promotion measures to an active model focused on priority objectives such as developing human capital, improving the quality of the workforce, and ensuring institutional flexibility. The article provides an analysis of regulatory, institutional, economic, program-targeted, digital, and social methods for modernizing and improving the employment management system. Special attention is paid to methods for digitalizing public services, introducing a personalized approach to employment services, promoting public-private partnership mechanisms, and developing a system of continuous professional education. The article explains the importance of assessing the effectiveness of implemented measures. A comprehensive approach to reform is required to ensure labor market stability, reduce structural unemployment, and improve the competitiveness of the workforce.

Keywords: public employment management, labor market, employment policy, reform, digitalization of employment, human capital, employment service, active labor market policy

References

1. Bondareva E. S., Shavin V.A., Chershintseva E.A., Zenkov M. Yu., Biryukova T.A., Bogatyreva N.V., Slesarev S.A., Tishin R.V. Commentary on the Law of the Russian Federation of April 19, 1991 No. 1032–1 "On Employment of the Population in the Russian Federation (article-by-article). [Electronic resource]. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
2. Bryukhina E. R., Patyrbaeva K.V. On the issue of the ratio of borrowed labor and the labor of employees temporarily sent by the employer to other individuals or legal entities // Gaps in Russian legislation. 2019. No. 7. pp. 107–111.
3. Orlovsky, Yu. P., Nurtidina, A. F., Chikanova, L. A., Belitskaya, I. Ya. Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (brief, article-by-article) (ed. by Doctor of Law, prof. Yu.P. Orlovsky; 3rd ed.). – M.: ООО "Law Firm Contract", 2021. – 608 p. Features of regulation of labor relations in the digital economy: monograph / I. Ya. Belitskaya, D. L. Kuznetsov, Yu.P. Orlovsky et al.; edited by Yu.P. Orlovsky, D.L. Kuznetsov. – M.: CONTRACT, 2020. – 152 p.
4. Perevalov, V.D. Theory of State and Law. Textbook and practical course. – M.: Yurayt, 2022. – 34 p.
5. Popov, L.L., Migachev Yu.I. Administrative law of the Russian Federation: textbook / rep. ed. L.L. Popov. 2nd ed., revised. and additional – Moscow: RG-Press, 2019. – 544 p. Popov, L.L. Administrative procedures: monograph / rep. ed. L.L. Popov, S.M. Zubarev. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. – 240 p.
6. Rossinsky, B.V., Starilov, Yu.N. Administrative law. Textbook. – M.: Norma, 2023. – 640 p.
7. Khudyakova S. S., Turchina O.V. On the content of the legal category "business qualities" in modern labor law of Russia // Labor law. 2020. No. 4. P. 67–72.

Заварзин Александр Константинович,
юрист, аспирант, независимый исследователь
E-mail: sukasuda@bk.ru

В статье проводится комплексное исследование доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с процессуальным правопреемством в случае реорганизации юридических лиц в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства. Посредством анализа норм действующего законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также материалов судебной практики за период 2023–2025 годов установлены основные затруднения в сфере правоприменения, в частности: установление момента возникновения правопреемства, порядок распределения обязательств при реорганизации в форме разделения и выделения, а также вопросы функционального правопреемства при реорганизации юридических лиц. Выработаны рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: процессуальное правопреемство, реорганизация юридического лица, универсальное правопреемство, суд, закон.

Институт процессуального правопреемства выполняет ключевую роль в обеспечении преемственности и непрерывности судебной защиты в условиях изменения субъектного состава материального правоотношения. Реорганизация юридического лица, представляя собой один из предусмотренных законом способов прекращения и образования юридических лиц, с неизбежностью порождает необходимость разрешения вопроса о дальнейшей судьбе процессуальных правоотношений, участником которых являлся реорганизуемый субъект.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, реорганизация остаётся востребованным инструментом корпоративной реструктуризации, и количество соответствующих заявлений о процессуальном правопреемстве сохраняется на стабильно высоком уровне. Во-вторых, практика выявляет многочисленные проблемы, не получившие однозначного нормативного решения: от определения момента правопреемства до распределения обязательств между несколькими правопреемниками. В-третьих, правовые позиции высших судебных инстанций, сформулированные в 2023–2025 годах, существенно обогатили понимание природы процессуального правопреемства и требуют доктринального осмысления.

Процессуальное правопреемство представляет собой переход процессуальных прав и обязанностей от одного лица к другому в связи с выбытием стороны из материального правоотношения. Данный институт является производным от материального правопреемства и не может существовать автономно от него. Вместе с тем процессуальное правопреемство обладает собственной спецификой, определяемой целями и задачами судопроизводства.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28.05.2024 № 26-П[5] выразил основополагающую правовую позицию относительно правовой природы процессуального правопреемства. Суд констатировал, что разрешение вопроса о правопреемстве, в особенности на стадии исполнения судебного акта, позволяет квалифицировать его как самостоятельный обособленный спор, исход которого не обязательно находится в непосредственной взаимосвязи с результатами рассмотрения дела по существу. Указанный спор предполагает наличие собственного предмета доказывания, а именно — установление факта правопреемства в рамках материальных правоотношений, что обуславливает необходимость представления сторонами надлежащих доказательств и их исследования и оценки судом.

В контексте реорганизационных процедур юридических субъектов правопреемство носит универсальный (полный) характер. Согласно положениям статьи 58 ГК РФ[3], при проведении реорганизации посредством слияния, присоединения, разделения, выделения или преобразования весь комплекс правомочий и обязательств реорганизуемой организации передается её правопреемнику. Универсальность правопреемства означает передачу правопреемнику всего массива прав и обязанностей реорганизуемого субъекта, включая те правоотношения, которые находятся на стадии судебного рассмотрения или стали объектом исполнительного производства.

Основу правового регулирования процессуального правопреемства составляют часть 1 статьи 44 ГПК РФ[4] и часть 1 статьи 48 АПК РФ[2]. Обе нормы предусматривают реорганизацию юридического лица в качестве самостоятельного основания для замены стороны в процессе.

Материально-правовую основу правопреемства при реорганизации образуют нормы главы 4 ГК РФ[3], прежде всего статьи 57–60.2 ГК РФ[3]. Статья 58 ГК РФ[3] детально регламентирует переход прав и обязанностей при различных формах реорганизации, устанавливая специфику правопреемства для каждой из них.

На стадии исполнительного производства применению подлежит статья 52 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1], предусматривающая возможность замены стороны исполнительного производства правопреемником.

Слияние и присоединение представляют собой реорганизационные формы, характеризующиеся консолидацией имущественных активов и обязательственной массы нескольких юридических субъектов. При слиянии весь массив прав и обязанностей каждой из реорганизуемых организаций передается новообразованному юридическому субъекту. При присоединении правомочия и обязательства присоединяемой организации переходят к принимающему юридическому лицу.

Процессуальная замена при данных формах реорганизации характеризуется относительной ясностью, поскольку правопреемник определяется однозначно – это вновь созданное юридическое лицо (при слиянии) либо принимающая организация (при присоединении). Обязательность формирования передаточного акта при данных реорганизационных формах не установлена, что значительно облегчает процесс доказывания правопреемственных отношений.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении по делу № 88–19160/2025 от 23.07.2025 г. [9] указал, что наличие либо отсутствие оформленного процессуального правопреемства не влияет на материально-правовое требование, перешедшее в результате реорганизации. Установление процессуального правопреемства обеспечивает возможность принудительного взыскания ранее присуждённой судом задолженности, однако его отсутствие не может служить препятствием для реализации права, перешедшего в порядке универсального правопреемства.

Разделение и выделение являются реорганизационными формами, следствием которых становится образование двух и более самостоятельных субъектов на основе одного юридического лица. При разделении реорганизуемая организация утрачивает правосубъектность, а её правомочия и обязательства распределяются между новообразованными юридическими лицами согласно передаточному акту. При выделении реорганизуемый субъект не утрачивает правоспособности, при этом определённый объем его правомочий и обязательств переходит к одному или нескольким вновь учрежденным юридическим лицам.

Именно данные реорганизационные формы вызывают наибольшие сложности при идентификации надлежащего правопреемника. Передаточный акт должен содержать положения о правопреемственных отношениях применительно ко всему массиву обязательств реорганизуемого субъекта в отношении всех кредиторов и должников. Однако судебная практика демонстрирует, что передаточный акт не всегда включает полную информацию о распределении обязательственных правоотношений, особенно когда на момент реорганизации существование обязательства не представлялось очевидным или находилось под сомнением.

Законодательством предусмотрен защитный механизм для кредиторов в условиях неопределенности правопреемника. В силу пункта 5 статьи 60 ГК РФ [3], если передаточный акт не дает возможности определить правопреемника по обязательству, либо когда из содержания акта или иных обстоятельств следует, что при реорганизации активы и пассивы были распределены недобросовестно, что привело к значительному ущемлению прав кредиторов, все новообразованные юридические лица несут солидарную ответственность по соответствующему обязательству.

Данное положение имеет важное процессуальное значение. При невозможности определения единственного правопреемника кредитор получает возможность заявить требование ко всем новообразованным организациям как к солидарным должникам. Следовательно, процессуальная сукцессия может проявляться не в простой замене стороны, а в вовлечении нескольких правопреемников в процесс в статусе соответчиков.

Особенность преобразования состоит в том, что фактически субъект правоотношения остаётся тем же самым, изменяется лишь его правовая форма. Это обуславливает определённую условность процессуального правопреемства при преобразовании: по существу речь идёт не столько о замене стороны, сколько об уточнении её наименования и организационно-правовой формы.

Вместе с тем формальные требования законодательства обязывают суд выносить определение о процессуальном правопреемстве и в случае преобразования, поскольку происходит изменение субъекта – юридическое лицо в прежней организационно-правовой форме прекращает существование, а права и обязанности переходят к юридическому лицу в новой организационно-правовой форме.

Одной из центральных практических проблем является определение момента, начиная с которого возникает правопреемство и, как следствие, появляющаяся процессуальная возможность осуществления правопреемства. Законодательство связывает наступление указанного момента с государственной регистрацией юридического лица, образуемого в результате реорганизации, а применительно к присоединению – с внесением в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности присоединённого юридического лица.

В силу пункта 4 статьи 57 ГК РФ [3] юридическое лицо считается реорганизованным с момента государственной регистрации юридических лиц, образуемых в результате реорганизации. При реорганизации в форме присоединения реорганизация юридического лица, к которому производится присоединение, признаётся завершённой с момента

внесения в ЕГРЮЛ записи о прекращении деятельности присоединённого юридического лица.

До момента осуществления государственной регистрации реорганизация не может считаться завершённой, а правопреемство – наступившим. Следовательно, суд лишён правовых оснований для удовлетворения заявления о процессуальном правопреемстве, если на момент его рассмотрения соответствующая запись о реорганизации в ЕГРЮЛ не внесена. В правоприменительной практике нередки случаи преждевременной подачи подобных заявлений, основанных на принятом решении о реорганизации, но поданных до завершения процедуры государственной регистрации. Такие заявления подлежат оставлению без удовлетворения.

Реорганизация юридического лица является комплексной и протяжённой во времени процедурой, включающей принятие решения о реорганизации, уведомление регистрирующего органа и кредиторов, опубликование сообщения о реорганизации, удовлетворение предъявленных требований кредиторов, составление передаточного акта (при разделении и выделении), а также государственную регистрацию. Совокупная продолжительность данной процедуры может составлять несколько месяцев.

На протяжении всего периода осуществления реорганизации юридическое лицо продолжает свою деятельность и сохраняет процессуальную правоспособность в полном объёме. Соответственно, судебное производство с его участием может осуществляться в обычном порядке. Вместе с тем законодательство допускает возможность приостановления производства по делу.

Статья 216 ГПК РФ предоставляет суду полномочие приостановить процесс по делу при реорганизации юридического лица, являющегося стороной спора. Аналогичная норма содержится в статье 144 АПК РФ [2]. Приостановление осуществляется до установления правопреемника лица, участвующего в процессе.

Для подтверждения процессуальной сукцессии, связанной с реорганизацией, заявитель должен предоставить суду доказательства, подтверждающие факт реорганизации и переход правомочий и обязательств к правопреемнику.

Основным доказательством является выписка из ЕГРЮЛ с информацией о реорганизации. Данная выписка должна подтверждать: прекращение существования реорганизованного субъекта (при слиянии, присоединении, разделении, преобразовании) либо его продолжение с одновременным формированием нового субъекта (при выделении); факт учреждения юридического лица-правопреемника; способ его формирования через реорганизацию, а также идентификационные данные реорганизованного субъекта.

При разделении и выделении дополнительно представляется передаточный акт, подтверждающий переход к правопреемнику конкретного обязательства, являющегося предметом судебного разбирательства. В случае если передаточный акт не позволяет определить правопреемника, заявитель должен обосновать применение солидарной ответственности всех вновь созданных юридических лиц.

Кроме того, могут представляться: решение уполномоченного органа юридического лица о реорганизации, договор о слиянии или присоединении, учредительные документы правопреемника, содержащие сведения о реорганизации.

Верховный Суд Российской Федерации в пункте 35 Постановления Пленума от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» [6] разъяснил объём судебной проверки при рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве. Хотя данное постановление посвящено уступке требования, изложенные в нём подходы применяются по аналогии и к правопреемству при реорганизации.

Суд обязан установить: имела ли место реорганизация и каков её итог; перешло ли к правопреемнику конкретное правомочие или обязательство, составляющее предмет спора; предъявлен ли исполнительный документ ко взысканию (на исполнительный стадии); инициировано ли исполнительное производство, не завершено ли оно и не прекращено ли; не истекли ли сроки для предъявления исполнительного листа.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении по делу № 305–ЭС23–2873 от 17.07.2023 г. [8] подтвердила данную позицию, указав на необходимость всесторонней проверки всех обстоятельств, релевантных для разрешения вопроса о правопреемстве. Часть 2 статьи 44 ГПК РФ [4] закрепляет, что все процессуальные действия, осуществленные до вступления правопреемника в процесс, являются для него обязательными в той же степени, в какой они были бы обязательными для замененного лица. Данное положение воплощает

принцип процессуальной непрерывности и направлено на исключение необходимости повторного осуществления процессуальных действий.

Вместе с тем возникает вопрос о процессуальных гарантиях для правопреемника. Правопреемник не участвовал в совершении процессуальных действий до своего вступления в процесс и мог не знать о судебном разбирательстве. Обязательность для него ранее совершённых действий ограничивает его возможности по защите своих интересов.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 10.12.2019 г. № 53[7] разъяснил, что вопросы процессуального правопреемства после принятия третейским судом решения, в том числе на стадии исполнительного производства, подлежат рассмотрению судом в порядке, предусмотренном статьёй 44 ГПК РФ[4] и статьёй 48 АПК РФ[2].

Правопреемник должен быть надлежащим образом извещён о судебном разбирательстве и иметь возможность ознакомиться с материалами дела. Данное право вытекает из общих принципов гражданского судопроизводства и является необходимым условием реализации права на судебную защиту.

При вступлении в процесс правопреемник вправе заявить ходатайство об ознакомлении с материалами дела, о предоставлении времени для подготовки правовой позиции, о вызове свидетелей и представлении дополнительных доказательств. Суд обязан обеспечить правопреемнику разумную возможность для реализации данных прав.

Анализ практики позволяет выделить основания для отказа в удовлетворении заявлений о процессуальном правопреемстве при реорганизации:

- отсутствие доказательств завершения реорганизации (внесения записи в ЕГРЮЛ);
- невозможность определить правопреемника по конкретному обязательству при разделении или выделении;
- окончание исполнительного производства фактическим исполнением;
- истечение срока предъявления исполнительного документа без его восстановления;
- наличие вступившего в законную силу определения по вопросу о правопреемстве;
- недоказанность перехода к заявителю конкретного права или обязанности.

Одной из ключевых проблем остаётся неопределённость в вопросе о правопреемнике при разделении и выделении. Передаточный акт не всегда содержит исчерпывающие сведения о распределении обязательств, что порождает споры и затягивает судебные разбирательства.

Решением могло бы стать законодательное закрепление требования о детализации передаточного акта с указанием всех судебных и исполнительных производств с участием реорганизуемого юридического лица. Кроме того, целесообразно расширить информационный обмен между регистрирующими органами и судами для своевременного выявления реорганизации сторон по делам, находящимся в производстве.

Процессуальное законодательство не устанавливает специальных сроков рассмотрения заявлений о правопреемстве. На практике рассмотрение может затягиваться, особенно при необходимости истребования дополнительных доказательств или привлечения заинтересованных лиц.

Установление сокращённых сроков рассмотрения заявлений о правопреемстве способствовало бы процессуальной экономии и своевременной защите прав участников процесса.

Различия в формулировках статьи 44 ГПК РФ[4] и статьи 48 АПК РФ[2], а также отсутствие единых разъяснений высших судебных инстанций применительно к правопреемству при реорганизации порождают неединообразие практики. Принятие совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам процессуального правопреемства, охватывающего все основания правопреемства и все виды судопроизводства, способствовало бы унификации правоприменения.

Институт процессуального правопреемства при реорганизации юридических лиц играет важную роль в обеспечении непрерывности судебной защиты и стабильности гражданского оборота. Анализ законодательства и судебной практики 2023–2025 годов позволяет констатировать в целом эффективное функционирование данного института при наличии ряда проблем правоприменения.

Ключевыми проблемами являются: определение момента возникновения правопреемства и его соотношение с государственной регистрацией реорганизации; распределение обязательств между несколькими правопреемниками при разделении и выделении; соблюдение временных ограничений на стадии исполнительного производства; обеспечение процессуальных гарантий для правопреемника, вступающего в уже начатый процесс.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 28.05.2024 № 26-П[5], о самостоятельном характере спора о правопреемстве и собственном предмете доказывания создают методологическую основу для совершенствования правоприменения. Признание правопреемства обособленным спором предполагает более тщательную судебную проверку оснований правопреемства и соблюдение процессуальных гарантий всех участников.

Статистика свидетельствует о преобладании реорганизации в форме присоединения среди оснований для правопреемства юридических лиц, что объясняется востребованностью данной формы в практике корпоративной реструктуризации. Вместе с тем высокий процент отмены судебных актов по данной категории дел указывает на необходимость дальнейшей работы по формированию единообразных подходов к разрешению типовых ситуаций.

Совершенствование правового регулирования процессуального правопреемства при реорганизации требует комплексного подхода, включающего детализацию требований к передаточному акту, установление сокращённых сроков рассмотрения заявлений, развитие информационного обмена между регистрирующими органами и судами, а также принятие обобщающих разъяснений высших судебных инстанций.

Литература

1. Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об исполнительном производстве» // «Российская газета», N 223, 06.10.2007.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // «Российская газета», N 137, 27.07.2002.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.12.2025) // «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // «Российская газета», N 220, 20.11.2002.
5. Постановление Конституционного Суда РФ № 26-П от 28.05.2024 г. // СПС «Консультант Плюс», 2024.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «Консультант Плюс», 2017.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 10.12.2019 г. разъяснил // СПС «Консультант Плюс», 2019.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.07.2023 г. № 305-ЭС23–2873 // СПС «Консультант Плюс», 2023.
9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции в по делу № 88–19160/2025 от 23.07.2025 г. // СПС «Консультант Плюс», 2025.

PROBLEMS OF PROCEDURAL SUCCESSION IN THE REORGANIZATION OF LEGAL ENTITIES

Zavarzin A.K.

This article conducts a comprehensive study of doctrinal and law enforcement problems related to procedural succession in cases of reorganization of legal entities within the framework of civil and arbitration proceedings. Through analysis of current legislation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice materials for the period 2023–2025, the main difficulties in the field of law enforcement have been identified, in particular: determining the moment of succession, the procedure for distribution of obligations during reorganization in the form of division and spin-off, as well as issues of functional succession during reorganization of legal entities. Recommendations have been developed aimed at improving law enforcement practice.

Keywords: procedural succession, reorganization of a legal entity, universal succession, court, law.

References

1. Federal Law No. 229-FZ dated October 2, 2007 (as amended on December 29, 2025) "On Enforcement Proceedings" // Rossiyskaya Gazeta, No. 223, October 6, 2007.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 137, July 27, 2002.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on December 25, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, December 8, 1994.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on December 15, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 220, November 20, 2002.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 26-P dated May 28, 2024 // ConsultantPlus Legal Reference System, 2024.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 dated December 21, 2017 "On Certain Issues of Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on Change of Persons in an Obligation Based on a Transaction" // ConsultantPlus Legal Reference System, 2017.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 dated December 10, 2019 // ConsultantPlus Legal Reference System, 2019.

8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES23-2873 dated July 17, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System, 2023.

9. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction in case No. 88-19160/2025 dated July 23, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System, 2025.

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Карташов Иван Вячеславович,

студент АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: williebgx@gmail.com

Ковригина Елена Борисовна,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: elenakovrigina361@gmail.com

В работе исследуются правоприменительные проблемы и коллизии, возникшие в ходе практической реализации изменений, внесённых в Федеральный закон «О рекламе». В их числе – сложности определения субъекта, обязанного получить уникальный идентификатор (erid); проблема распределения финансовой нагрузки между участниками рекламной цепочки, возникающей в связи с уплатой трёхпроцентных обязательных отчислений; противоречия между нормативно-правовым материалом и разъяснениями регулирующих и контролирующих органов. Рассмотрены легальные определения понятий, таких, как «реклама», «информация», «рекламная система», «операторы рекламных данных», а также понятие «самореклама», под которой понимается официально не закреплённая, но широко применяемая в отрасли терминология, подразумевающая размещение информации на собственных ресурсах. Указанное способствует созданию прозрачного, конкурентного и финансово-урегулированного рынка в цифровой среде.

Ключевые слова: реклама, интернет-реклама, маркировка, токен, erid, самореклама, обязательные отчисления.

В сфере рекламы трудится огромное количество людей, представителей самых разных профессий. Разрешение многих вопросов на современном этапе развития правового регулирования рекламной деятельности легло на плечи юристов. С рекламой мы встречаемся везде, иногда даже не осознавая, что это именно реклама, регулируемая Федеральным законом от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ № 38) [1], а не иное сообщение, информация, рассматриваемая с точки зрения норм Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

ФЗ № 38 трактует рекламу как информацию, распространённую любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределённому кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке (п. 1 ст. 3). Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ к информации относит сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Следовательно, понятие «информация» является более широким по сравнению с понятием «реклама». Однако возникает вопрос, как отличить рекламу от иного сообщения, особенно в сети «Интернет»?

Основной новеллой отечественного законодателя, обращенной к участникам соответствующего рынка в сети «Интернет», стала вменяемая субъектам рекламного рынка обязанность маркировать рекламу соответствующим образом: каждое рекламное объявление обязано содержать пометку формата «Реклама».

Также законодатель изменениями в ФЗ № 38 ввёл в понятийный аппарат новых участников оборота рекламы, неизбежно участвующих в нём в интернет-пространстве наряду с классическими рекламодателями, рекламопроизводителями и рекламораспространителями.

Так, п. 13 ст. 3 ФЗ № 38 содержит определение рекламной системы – информационная система и (или) программа для ЭВМ, которые предназначены и используются для организации распространения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламы посредством принадлежащих третьим лицам информационных ресурсов (сайтов, страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», информационных систем и (или) программ для ЭВМ). Пункт 14 содержит определение её оператора (далее – ОРС), т.е. лица, осуществляющего деятельность по обеспечению функционирования рекламной системы.

Рекламная система – инструмент, используемый оператором, который в свою очередь является таким же рекламораспространителем, как и любое другое лицо, прежде занимавшееся этой деятельностью в реальном мире (например, рекламные агентства): примером могут выступить платформы AdSense от Google, Директ от Яндекс, Ads от Telegram и другие, работающие как в рамках собственной эко-системы (например, Telegram Ads занимается распространением рекламы исключительно в рамках мессенджера Telegram и связанных с ним продуктов), так и на сторонних ресурсах через API (встраивание рекламных блоков перед демонстрацией содержания веб-страницы, рекламные блоки на ней).

Важно не путать ОРС с операторами рекламных данных (далее – ОРД) – владельцами программ для ЭВМ, предназначенных для установления факта распространения рекламы и (или) социальной рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», уполномоченные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (далее – Роскомнадзор) осуществлять учёт рекламы и (или) социальной рекламы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и предоставлять информацию в такой федеральный орган исполнительной власти (ч. 5 ст. 18.1 ФЗ № 38).

В отличие от ОРС, ОРД не занимаются распространением рекламы – в их задачу входит учёт рекламы, оборачиваемой в Интернете, путём присвоения каждому рекламному сообщению уникального идентификатора erid с его последующей передачей в Единый реестр интернет-рекламы (далее – ЕРИР) соответствующих сведений.

Как следует из определения, ОРД обретает свой статус по утверждению Роскомнадзором в результате отбора [2] (п. 7 ст. 18.1 ФЗ № 38). На сегодняшний день, в России статусом ОРД наделены всего 7 организаций [7]: ООО «Яндекс Оператор Рекламных Данных», ООО «Озон ОРД», ООО «ОРД-А», ООО «Лаборатория Разработки», ООО «Первый ОРД», ООО «ВК Рекламные Технологии», ООО «МедиаСкаут».

Роскомнадзор, в соответствии с ч. 1 ст. 18.1 ФЗ № 38, осуществляет учёт, хранение и обработку информации о распространённых в Интернете рекламе и (или) социальной рекламе, в т.ч. сведений о рекламодателях и рекламораспространителях таких рекламы и (или) социальной рекламы, ОРС в целях обеспечения прослеживаемости рекламной деятельности, ведущейся в Интернете. Во исполнении этой функции, Роскомнадзором был создан упомянутый ранее ЕРИР, хранящий в себе все данные, зашифрованные посредством eirid: уникальные идентификаторы (токены) либо же кликовые ссылки; сведения о рекламодателе, рекламораспространителе, ОРС, посредниках (в т.ч. их ИНН); информация о заключённых договорах между всеми субъектами рекламных правоотношений (реквизиты договоров, такие как номера, даты, стороны, суммы); текстовые и графические данные креативов (их образцы и метаданные).

Вышеперечисленные сведения, подаваемые в реестр ещё до публикации рекламного объявления, дополняются иными в процессе его показа: актами платежей по заключённым договорам и статистикой показов рекламы (их количеством, датами, площадками и стоимостью) [4]. Все сведения, подаваемые в ЕРИР, передаются через ОРД, как уже ранее упоминалось и, на основании ч. 13 ст. 18.1 ФЗ № 38 подлежат хранению Роскомнадзором в течении 3 лет, а согласно п. 10 Правил, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 28.05.2022 г. N 974 [3] – поданные сведения подлежат ежемесячной актуализации через ОРД в течение года с момента публикации рекламного материала.

На практике же выявляются некоторые особенности: так, рекламные креативы в текстовом и графическом исполнении действительно подпадают под эти требования, а вот видеоматериалы – нет, как следует из содержания ранее упомянутого п. 10 Правил. Полагаем, что это связано с особенностями индексации такой информации в поисковых системах, которые куда чаще в поисковой выдаче демонстрируют именно такой контент вне зависимости от сроков их публикации. Если видеоролик, опубликованный 10 лет назад, содержит рекламное сообщение, то потребитель его неизбежно увидит, а значит процесс распространения рекламы в таком виде контента не прекращается никогда.

Важный аспект регулирования рекламы в Интернете касается такого явления, как самореклама. В материальном мире её понимание достаточно простое: под саморекламой может пониматься, например, наклейка на витрине магазина, сообщающая проходящим мимо людям о скидках на представленные товары; выпуск каталогов и буклетов производителя с целью ознакомления потребителя с собственным ассортиментом и т.п. В цифровом же мире возникают проблемы с ограничением саморекламы от рекламы, и, как следствие, необходимость соблюдения требований ФЗ № 38 в части её регистрации и учёта в ЕРИР, маркировки.

Например, будет ли признано рекламой сообщение продавца, информирующее потребителей о появлении бесплатного подписочного сервиса, которое направлено неопределённому кругу лиц и имеет своей целью привлечение их внимания к данному сервису? Ответ на этот вопрос даёт ФАС [5] как регулятор в сфере рекламы: подобные сведения не будут признаны рекламой, если направлены на извещение потребителей о существовании услуги, находящейся на сайте компании (или ином её ресурсе, например, странице в социальной сети), представляющей её и является кратким.

Однако, там же, регулятор подчёркивает, что: «вместе с тем в отдельных случаях, когда размещаемая на сайте информация о товарах, услугах направлена не столько на информирование потребителя о деятельности компании, в т.ч. об ассортименте производимых или реализуемых товаров, работ, услуг, ценах, сколько на привлечение внимания к конкретному лицу, его товару, работе, услуге и их выделение среди однородных товаров, работ, услуг (например, путём размещения стационарного баннера, размещаемого на каждой странице сайта и не связанного с содержанием таких страниц, всплывающего окна и т.п.), такая информация может быть признана рекламой, и на такую информацию распространяются требования Федерального закона «О рекламе», в том числе, содержащиеся в ст. 18.1 данного Федерального закона».

Данное уточнение регулятора означает, что приведённое ранее сообщение о появлении подписочного сервиса будет признано рекламой в том случае, если оно будет, к примеру, закреплено в верху ленты на странице компании в социальной сети или же появляться на всплывающем баннере на сайте.

В то же время, на отраслевой конференции «Национальный рекламный форум Регионы» в сентябре 2025 года, представитель ФАС Татьяна Никитина [8] дала следующий комментарий по поводу выделения на ресурсах производителей части своего ассортимента (в т.ч. путём размещения стационарных баннеров, закреплённых сообщений и другого): «Вопрос, на который мы ответили безусловно: если это ресурс производителя, создателя товара, услуги, мероприятия, т.е. там производитель товара, лица, которые оказывают услугу, которые проводят мероприятие, создателя, того, кто это делает, то информация об этом товаре, об этой услуге, об этом мероприятии на своём ресурсе рекламой не является. Точка. Без условий. Любая, выделенные, не выделенные, в рамочке, не в рамочке, со словами «моя хорошая», «удачная» и т.д. – не реклама, потому что это часть деятельности».

Таким образом, в случае с интернет-рекламой, весьма ограниченное количество информации, публикуемой на официальных ресурсах производителя, может быть признано саморекламой. Официальные комментарии ведомства, регулирующего рынок рекламы, постоянно дополняются, иногда создавая между собой противоречие, что за собой влечёт непонимание со стороны участников рынка, вынуждая их обращаться к регулятору в каждом конкретном случае.

С 01.04.2025 года раз в квартал со всей распространяемой в Интернете рекламы обязаны отчисляться платежи с части дохода, полученного от услуг по её реализации (распространению), в федеральный бюджет с целью использования их в качестве мер государственной поддержки для правообладателей программ для ЭВМ или баз данных, включённых в соответствующий реестр, предусмотренный ст. 12.1 Федерального закона от 27.07.2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», и обеспечения поддержки развития и функционирования информационных ресурсов, перечень которых устанавливается Правительством РФ (ч. 1 ст. 18.2 ФЗ № 38).

Обязательные отчисления устанавливаются на уровне 3%. Базой их расчёта является доход, полученный в течении календарного квартала рекламораспространителями, ОРС от реализации услуг по распространению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей рекламы, находящихся на территории России (ч. 3 ст. 18.2 ФЗ № 38).

Несмотря на прямое указание на осуществление отчислений с деятельности, связанной с распространением рекламы, обязанность по осуществлению обязательных отчислений возложена на всех участников рекламной цепочки, а не только на рекламораспространителей, что следует из практики: например, в случае участия рекламного агентства в качестве посредника, оно будет обязано уплатить 3% со своего вознаграждения в качестве агента (по соответствующему договору), поскольку его деятельность будет подпадать под определение «услуг по распространению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламы». В таком случае, каждый иной участник (например, ОРС, получивший от агентства заказ на размещение в интересах рекламодателя объявления в рекламной системе), заключивший с агентством договор, также будет обязан самостоятельно уплатить со своего дохода те же 3%.

В классическом же варианте, уплатить за всех участников рекламной цепочки обязательные отчисления может только один субъект (реklamораспространитель, ОРС или посредник), что освободит иных участников от такой обязанности. В том же случае, если рекламораспространителем является иностранное лицо, то обязанность по уплате (а также уведомлению контрагента об её осуществлении) обязательных отчислений ложится уже на рекламодателя, удерживающего требуемую сумму для уплаты отчислений (ч. 5 ст. 18.2 ФЗ № 38).

Таким образом на практике получается, что обязанность по совершению обязательных отчислений за распространение интернет-рекламы возложена на всех участников рекламной цепочки, а не только рекламораспространителей.

Авторы предлагают рассмотреть гипотетическую ситуацию, ещё не получившую практическое урегулирование: существует ли у блогера обязанность уплатить отчисления в размере 3% от дохода в том случае, если снятый им видеоролик информационного характера (обзор новинок производителя косметической продукции) на добровольных началах (без получения денежного вознаграждения или иных материальных и нематериальных благ от производителя), если он является партнёром рекламной сети видеохостинга и получил от неё доход?

Блогер, теоретически, может быть признан рекламораспространителем (и практика работы ФАС, а также её регулярные ответы участникам рынка на обращения подтверждают возможность подобного признания), если в созданном им контенте будут усматриваться признаки рекламы (чрезмерная эмоциональная реакция, подчёркивание достоинств и нивелирование недостатков продукции, отсутствие про-

дукции конкурентов в сравнении и т.д.) [6] даже в отсутствие дохода от производителя обзорываемой продукции: определение рекламы, содержащееся в п. 1 ст. 3 ФЗ № 38 не содержит упоминания признака её возмездности.

Однако, особенность данного примера заключается в том, что блогер получил доход от программы монетизации видеохостинга, где разместил свой контент. Трансформация интернет-пространства за последнее десятилетие значительно изменила сам принцип существования таких платформ: будучи бесплатными для пользователей (как зрителей, так и создателей контента), их владельцы зарабатывают на встраиваемой рекламе, демонстрируемой перед и во время просмотра материалов на них, делясь с создателями меньшей частью доходов. По сути, это означает формирование договорных отношений между платформой и создателем контента, когда второй поддерживает интерес к самой платформе посредством создания и размещения на ней контента, а первая делится с ним частью прибыли от монетизации его интеллектуальной собственности. У блогера появляется мотивация создания контента с целью его использования в качестве места для размещения платформой рекламы.

Получается, в случае признания созданного блогером видеоролика рекламой, он всё равно получает за её распространение доход, но не от производителя обзорываемой продукции, а от платформы, на которой разместил соответствующий материал. Следовательно, руководствуясь ч. 1 ст. 18.2 ФЗ № 38, на него возлагается обязанность по уплате трёхпроцентных отчислений с полученного дохода от партнёрской программы рекламной сети платформы. Вопрос признания самой платформы в качестве посредника или же ещё одного рекламораспространителя (например, в качестве ОРС) остаётся открытым. Правоприменительной и судебной практике, а также регулятору отношений в сфере рекламы ещё предстоит дать соответствующую правовую оценку подобной ситуации, пока что ещё неизвестной им.

Отдельно следует упомянуть, что ФЗ № 38 в ч. 12 ст. 18.2 предусматривает привилегированных субъектов, не уплачивающих обязательные отчисления: теле- и радиовещателей, информативности и крупные федеральные издания в случае участия в их уставном капитале государства или муниципалитета; получения финансирования из федерального бюджета в течение года; печать периодики с ежегодным тиражом, определяемого в зависимости от частоты выхода издания.

Помимо этого, трёхпроцентные отчисления не уплачиваются за рекламу, транслируемую за пределами РФ. Т.е. в том случае, если ОРС выступает иностранным лицом, демонстрирующее рекламные объявления всей аудитории ресурсов, где осуществляет показ рекламных объявлений (например, Google AdSense), то тогда их показы зарубежным пользователям не должны регистрироваться в ЕРИР. В случае же с платформами, где не осуществляется сбор геолокационных метрик пользователей, это может породить проблему для рекламодателей, связанную с переплатой обязательных отчислений за показы рекламы иностранным пользователям.

В заключение отметим оперативность реагирования регуляторов и контролирующих органов на обращения субъектов рекламного рынка и их активное взаимодействие с представителями отрасли не только в рамках официальных встреч и иных формальных мероприятий, но и в форме участия в качестве спикеров на профильных конференциях, организуемых участниками рынка. Подобный симбиоз публичных и частных образований, плодотворно способствует достижению одной из главных целей, поставленных государством в вопросе регулирования рекламы: создание прозрачного, конкурентного и финансово-регулируемого рынка в цифровой среде.

Литература

1. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // URL: <https://base.garant.ru/12145525/> (дата обращения: 05.11.2025);
2. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2022 г. N 966 «Об утверждении Положения о создании и деятельности комиссии по отбору оператора рекламных данных, а также условий отбора оператора рекламных данных» // URL: <https://base.garant.ru/404767137/> (дата обращения: 18.12.2025);
3. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2022 г. N 974 «Об утверждении Правил взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с операторами рекламных данных, включая порядок, формат и сроки предоставления в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых

коммуникаций информации о распространенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе и (или) социальной рекламе» // URL: <https://base.garant.ru/404767163/> (дата обращения: 18.12.2025);

4. Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2022 N 1362-р (ред. от 18.09.2025) «Об утверждении состава информации о распространенных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» рекламе и (или) социальной рекламе, подлежащих учету, хранению и обработке Роскомнадзором» // URL: <https://base.garant.ru/404773803/> (дата обращения: 18.12.2025);

5. Письмо Федеральной антимонопольной службы от 27.04.2023 N 08/32849/23 «Об информации в сети «Интернет» // URL: <https://base.garant.ru/407764710/> (дата обращения: 03.12.2025);

6. Информация ФАС России «ФАС уточнила, какая информация признается рекламой» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432232/ (дата обращения: 30.11.2025);

7. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/register/> (дата обращения: 03.12.2025);

8. Официальный сайт Главного форума о рекламе в регионах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://regions.advertisingforum.ru/vzaimodejstvie-industrii-s-organami-vlasti/> (дата обращения: 19.12.2025).

CASUISTRY IN LEGAL DISCUSSIONS ABOUT THE LEGAL REGULATION OF ADVERTISING ACTIVITIES ON THE INTERNET

Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.
Moscow International University

The article examines the law enforcement problems and conflicts that have arisen during the practical implementation of the amendments to the Federal Law "On Advertising". Among them are difficulties in identifying the legal entity required to obtain a unique identifier (erid); the problem of distributing the financial burden between participants in the advertising chain, arising from the payment of mandatory three percent deductions; contradictions between regulatory materials and explanations from regulatory and supervisory authorities. Legal definitions of concepts such as "advertising", "information", "advertising system", "advertising data operators", as well as the concept of "self-promotion", which refers to terminology that is not officially fixed, but is widely used in the industry, implying the placement of information about their own resources. This contributes to the achievement of one of the main goals set by the government in the issue of advertising regulation: the creation of a transparent, competitive and financially regulated market in the digital environment.

Keywords: advertising, online advertising, labeling, token, erid, self-promotion, mandatory deductions.

References

1. Federal Law No. 38-FZ of 13.03.2006 (as amended on 31.07.2025) "On Advertising" (as amended and supplemented, intro. effective from 01.09.2025) // URL: <https://base.garant.ru/12145525/> (date of request: 05.11.2025);
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 966 dated May 28, 2022 "On Approval of the Regulations on the Establishment and Operation of the Commission for the Selection of an Advertising Data Operator, as well as the conditions for the selection of an advertising data Operator" // URL: <https://base.garant.ru/404767137/> (date of request: 18.12.2025);
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 974 dated May 28, 2022 "On Approval of the Rules of Interaction of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications with Advertising Data Operators, including the Procedure, Format and Deadlines for Providing information to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on information Distributed in information and telecommunication network "Internet" for advertising and (or) social advertising" // URL: <https://base.garant.ru/404767163/> (date of request: 18.12.2025);
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.05.2022 N 1362-r (as amended on 18.09.2025) "On approval of the composition of information on advertising and (or) social advertising distributed on the Internet, subject to registration, storage and processing by Roskomnadzor" // URL: <https://base.garant.ru/404773803/> (date of request: 18.12.2025);
5. Letter of the Federal Antimonopoly Service dated 27.04.2023 N 08/32849/23 "On information on the Internet" // URL: <https://base.garant.ru/407764710/> (date of request: 03.12.2025);
6. Information from the FAS of Russia "The FAS clarified which information is considered advertising" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_432232/ (date of request: 30.11.2025);
7. The official website of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/register/> (date of request: 03.12.2025);
8. The official website of the Main Forum on advertising in the regions [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://regions.advertisingforum.ru/vzaimodejstvie-industrii-s-organami-vlasti/> (date of access: 19.12.2025).

Признание и приведение в исполнение инвестиционных арбитражных решений в государствах Латинской Америки

Лопатухин Клим Дмитриевич,

аспирант кафедры международного частного права, МГЮА
им. О.Е. Кутафина

E-mail: kdlopatukhin@gmail.com

В статье проанализированы подходы Бразилии, Перу и Мексики к признанию и приведению в исполнение инвестиционных арбитражных решений. Автором выявлено, что Бразилия придерживается изоляционной модели, Перу ориентируется на интеграцию, а Мексика применяет гибридную модель. Выявленные различия обусловлены историческими факторами и стремлением государств сбалансировать привлечение инвестиций с сохранением национального суверенитета.

Ключевые слова: международный инвестиционный арбитраж, МЦУИС, двусторонний инвестиционный договор, доктрина Кальво, Латинская Америка, соглашение о сотрудничестве и упрощении процедур инвестирования.

В эпоху развития многополярного мира существующие трансграничные инвестиционные потоки сталкиваются с политико-правовыми барьерами, что свидетельствует о росте и значимости механизмов разрешения инвестиционных споров. Ключевой элемент этой системы – признание и приведение в исполнение арбитражных решений – в странах Латинской Америки демонстрирует выраженную неоднородность. Несмотря на общую тенденцию к интеграции в мировую экономику, государства региона придерживаются существенно различающихся подходов к исполнению международных арбитражных решений. Это порождает правовую неопределённость для инвесторов и требует детального научного осмысления.

Актуальность исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Впервые, наблюдается фрагментарность ратификации основополагающих международных конвенций: многие страны региона, включая Бразилию, не присоединились к Вашингтонской конвенции 1965 года [3, с. 429–441], или НьюЙоркской конвенции 1958 года [4]. Во-вторых, национальные правовые режимы демонстрируют значительное разнообразие в вопросах взаимодействия между международными арбитражами и государственными судами. В-третьих, в Латинской Америке до сих пор ощутимо влияние исторических правовых доктрин – прежде всего доктрины Кальво, которая на протяжении десятилетий формировала настороженное отношение к международному арбитражу. Эти особенности создают правовую неопределённость, требующую системного анализа.

Проблематика исследования заключается в противоречии между потребностью инвесторов в предсказуемых и унифицированных механизмах признания и приведения в исполнение инвестиционных арбитражных решений и фактической разнородностью правовых режимов в странах Латинской Америки. С одной стороны, для устойчивого притока иностранных инвестиций критически важны надёжные гарантии исполнения арбитражных решений, обеспечивающие защиту прав инвесторов и минимизацию рисков. С другой – государства региона, руководствуясь историческими правовыми традициями и стремлением сохранить национальный суверенитет, формируют существенно различающиеся подходы к взаимодействию с международными арбитражными механизмами: Бразилия придерживается изоляционной модели без ратификации ключевых конвенций, Перу ориентируется на интеграцию через национальное регулирование, а Мексика выстраивает гибридную систему. Такая неоднородность создаёт правовую неопределённость, что ведёт к росту издержек инвесторов, увеличению сроков разрешения споров и отказу от проектов в регионе. Для государств это, в свою очередь, оборачивается снижением инвестиционной привлекательности и утратой конкурентных преимуществ на глобальном рынке капитала.

В настоящей работе рассматривается правовое регулирование признания и приведения в исполнение инвестиционных арбитражных решений в странах Латинской Америки. В фокусе исследования – сравнительный анализ правовых режимов Бразилии, Мексики и Перу. В ходе нашего исследования мы хотим выявить сходства и различия в подходах данных государств к:

- процедурам утверждения арбитражных решений национальными судами;
- требованиям к арбитражным оговоркам;
- взаимодействию с международными арбитражными институтами (МЦУИС, ЮНСИТРАЛ);
- влиянию двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) и альтернативных механизмов защиты инвесторов.

Среди государств Латинской Америки, деятельность на территории которых привлекает иностранных инвесторов, наиболее интересен опыт признания и приведения в исполнение инвестиционных арбитражных решений Бразилии, потому что ее правовой опыт в развитии системы арбитража отличается как от российского, так и от большинства стран Латинской Америки. Кроме того, Бразилия является одним из крупнейших государств Латинской Америки, чье население составляет почти половину от общего числа населения в указанном регионе.

Бразильское государство, по состоянию на 1 января 2026 г., по-прежнему не ратифицировало Вашингтонскую конвенцию, ни НьюЙоркскую. В целом, у Бразилии в настоящее время нет единого пути

с государствами, которые принимают процедуру разрешения арбитражных инвестиционных споров в органах МЦУИС, более того, государство никогда нельзя было назвать прямым участником системы двусторонних инвестиционных договоров – ДИД. Вместо этого в стране действует своя система поддержки интересов иностранных инвесторов, основанная на Соглашении о сотрудничестве и упрощении процедур инвестирования, или CFIA [5]. По существу, такие соглашения отчасти напоминают традиционные двусторонние инвестиционные договоры (ДИД), но при этом имеют специфическую природу, хотя в базе международных инвестиционных соглашений интерпретируются именно как договоры категории «ДИД».

О различиях в оформлении международных инвестиционных соглашений, влияющих и на процедуру принятия решений в рамках инвестиционного арбитража инвесторов Бразилии, свидетельствует разница в количестве подписанных и вступивших в силу двусторонних инвестиционных договоров (ДИД). В сравнении с другими государствами Латинской Америки, у Бразилии отмечено всего 4 действующих двусторонних инвестиционных договора (ДИД) на момент проведения исследования [6], но в этом государстве инвестиционная деятельность отличается от привычного, в рамках деятельности МЦУИС, формата и заключается в оформлении, преимущественно, международных инвестиционных договоров в формате Соглашений о сотрудничестве и упрощении инвестиционных процессов (CFIA), а не двусторонних инвестиционных договоров (ДИД). Но при этом непричастность Бразилии к соблюдению условий Вашингтонской и Нью-Йоркской конвенций, посвященных арбитражному разрешению международных споров, значительно усложняет сам процесс их рассмотрения сторонами, участвующими в заключении договоров CFIA.

Бразилия старается компенсировать отсутствие ратификации конвенций через Соглашения о сотрудничестве и упрощении процедур инвестирования (CFIA). В результате чего идёт фокус на административные гарантии (упрощение регистрации, налоговые льготы), но при этом CFIA имеют существенные ограничения с точки зрения защиты инвесторов: отсутствует прямой доступ к МЦУИС, есть зависимость от воли государства.

Кроме опыта Бразилии, интересно также исследовать и развитие международного арбитража в Перу и Мексике. В Перу по состоянию на 01.01.2026 г. отсутствуют подписанные, но не вступившие в силу торговые двусторонние инвестиционные договоры международного уровня (действующих ДИД – 26) [7]. Такая правовая система, которая бы предусматривала подробное исследование деятельности арбитражных органов, более того, описывала бы принципы, особенности признания и приведения в исполнения решений международных инвестиционных арбитров, в Перу отсутствует. В этом латиноамериканском государстве основным актом, регулирующим деятельность арбитражных органов, включая процедуру признания и приведения в исполнение их решений, является Законодательный декрет № 1071 [8], описывающий общие условия проведения арбитража. При этом в декрете описывается единая форма проведения арбитражных процедур – данное обстоятельство характерно и для Гондураса, имеющего аналогичный единый арбитражный закон.

В Перу же приоритет отдаётся двусторонним инвестиционным договорам (ДИД), которые обеспечивают правовую определённость, гарантируют доступ к международному арбитражу (ICSID, ad hoc), а также снижают риски экспроприации. Контроль над признанием и приведением в исполнение решения международного инвестиционного арбитража осуществляет Верховная торговая палата государства, к стране которого принадлежит иностранный инвестор-ответчик в органах международного арбитража. При отсутствии указанного органа ответственность берет на себя Верховный суд. При этом особое значение для определения юрисдикции имеет территориальный фактор.

Для Мексики характерной особенностью является содействие деятельности независимых судов государственными, что является необычной практикой для стран Латинской Америки, которые стали применять арбитраж как средство решения инвестиционных споров несколько позднее, чем прочие государства мира, представляющие интерес для иностранных инвесторов (а именно – после 1980-х). Причина, по которой в Латинской Америке сам процесс арбитражного разрешения коммерческих и инвестиционных споров начал осуществляться позднее большинства развитых и развивающихся государств, связана с влиянием «доктрины Кальво» [2, с. 68–69].

Основу данной доктрины, которая была предложена юристом К. Кальво из Аргентины еще в 1868 г., составил свод правил, связанных с недопущением правовой дискриминации кредиторов стран Латинской Америки [1, с. 69–81]. Доктрина стала своеобразным правовым инструментом против стран ЕС, Франции и Великобритании, которые вторглись на территорию Уругвая, Мексики, Аргентины, и против США,

которые чрезмерно активно защищали интересы своих американских инвесторов, вкладывающих средства в предприятия латиноамериканских стран и требующих несоизмеримо большие компенсации вследствие возникновения спорных ситуаций при несоблюдении инвестиционных соглашений латиноамериканскими предпринимателями [2, с. 68–69]. Впоследствии, следование доктрине Кальво привело Бразилию, Перу, иные латиноамериканские государства к возможности отмены решения международного арбитража национальными верховными судами, в связи с наличием у них указанной компетенции.

Доктрина Кальво оказала важное влияние на историческое развитие, закрепив определённые принципы, а именно: принцип исключительной юрисдикции национальных судов по спорам с иностранцами; принцип недопустимости дипломатического вмешательства в защиту иностранных инвесторов; принцип приоритета внутреннего законодательства над международными обязательствами. Сегодня доктрина формально не действует, но её отголоски прослеживаются в настроенности к международному арбитражу, жёстких требованиях к процедуре признания решений, а также широкой дискреции национальных судов при оценке «публичного порядка». Таким образом, современные правовые режимы Бразилии и Перу являются результатом постепенной эволюции от жёсткого суверенитета к частичному признанию международных стандартов.

Таким образом, Бразилия и Перу демонстрируют принципиально разные подходы к интеграции в глобальную арбитражную систему. Бразилия не ратифицировала Вашингтонскую и НьюЙоркскую конвенции, что создаёт правовую неопределённость для инвесторов, дополнительные барьеры (а именно – обязательное утверждение решений Федеральным верховным судом), риск отказа в исполнении по мотивам «публичного порядка» или несоответствия внутреннему законодательству. Перу, в свою очередь, присоединилось к НьюЙоркской конвенции и реализует её положения посредством Законодательного декрета № 1071, что обеспечивает упрощённую процедуру признания решений, предсказуемость для иностранных инвесторов, а также взаимодействие с международными институтами (МЦУИС, ЮНСИТРАЛ).

Из вышесказанного вытекает вопрос: почему Бразилия, несмотря на экономическую мощь, сохраняет изоляционную позицию? Это может быть связано с рядом причин.

Во-первых, историческое развитие Бразилии связано с борьбой за независимость и суверенитет, что укрепилось в национальном сознании. Принцип доктрины Кальво и по сей день находит отражение в подходе Бразилии к международному праву.

Во-вторых, ратификация Вашингтонской или Нью-Йоркской конвенций может привести к утрате суверенитета в вопросах исполнения арбитражных решений. Это также может отразиться на возможности защиты национальных интересов.

В-третьих, период военной диктатуры в Бразилии (1964–1985 гг.) оказал сильнейшее влияние на политическую культуру Бразилии: укрепился страх перед любыми формами внешнего вмешательства, в том числе перед международными арбитражными механизмами.

В-четвертых, следует учесть активное участие Бразилии в региональных интеграционных проектах (например, МЕРКОСУР, БРИКС), где страна стремится к формированию альтернативных механизмов регулирования споров, которые учитывают специфику Латинской Америки и снижают зависимость от «западных» арбитражных институтов.

В свою очередь Мексика делает ставку на более диверсифицированную модель поведения. Она сочетает в себе национальное законодательство (Закон об иностранных инвестициях 1993 г. с обновлениями [9]), двусторонние соглашения о поощрении и защите инвестиций (FIPPA, около 30 договоров [10]), многосторонние механизмы (USMCA, соглашения о свободной торговле с более чем 40 странами). Такая модель поведения позволяет Мексике сохранить баланс между привлечением инвестиций (за счёт гарантий защиты прав инвесторов) и контролем над основными секторами экономики. Также Мексика может использовать преимущества международного арбитража при наличии двусторонних и многосторонних договорённостей, адаптироваться к меняющимся экономическим условиям через гибкую интеграцию в региональные и глобальные структуры.

Таким образом, в Латинской Америке существуют разнообразные подходы к регулированию иностранных инвестиций – от изоляционистских тенденций Бразилии до гибридной модели Мексики и ориентированной на двусторонние инвестиционные договоры (ДИД) стратегии Перу.

Но несмотря на различия, можно отметить тенденцию к сближению правовых режимов. Наблюдается рост числа двусторонних инвестиционных договоров (ДИД) в регионе, принятие законов, основанных на Типовом законе ЮНСИТРАЛ (как в Перу), постепенное признание принципов международного арбитража.

Проведённый анализ правовых режимов признания и приведения в исполнение инвестиционных арбитражных решений в Бразилии, Мексике и Перу демонстрирует существенное разнообразие подходов в Латинской Америке. Бразилия придерживается изоляционной модели с жёстким контролем национальных судов и опорой на альтернативные механизмы (CFIA), что обусловлено историческими факторами и стремлением сохранить суверенитет. Перу, напротив, ориентируется на интеграцию в международную арбитражную систему через ратификацию Нью-Йоркской конвенции и национальное регулирование. Мексика выбирает сбалансированный путь, сочетая национальное законодательство, двусторонние соглашения (FIPPA) и многосторонние механизмы (USMCA).

Таким образом, различия в правовых режимах отражают не только юридические особенности каждой страны, но и их стратегические приоритеты в привлечении иностранных инвестиций при сохранении контроля над национальной экономикой, при этом, несмотря на различия, сохраняется тенденция к сближению правовых режимов. Однако указанные обстоятельства порождают риски для иностранных инвесторов при осуществлении инвестиционной деятельности на территории государств Латинской Америки, в которых сильное влияние имеет доктрина Кальво.

Литература

1. Малов О.А. Тенденции развития международного коммерческого арбитража в Латинской Америке: правовые аспекты // Московский журнал международного права. 2017. № 3. С. 69–81
2. Мамедов Л.Р. Доктрина Кальво и принцип исчерпания внутренних средств правовой защиты // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 68–69
3. Конвенция по урегулированию инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. 1996. Т. 1. С. 429–441.
4. Конвенция о признании и приведении в исполнение международных арбитражных решений // Welcome to United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/ny_conv.pdf (Дата обращения – 08.01.2025).
5. Будущее: правовое регулирование инвестиционных споров. О создании инвестиционного арбитража на базе БРИКС // Росконгресс URL: <https://roscongress.org/materials/budushchee-pravovoe-regulirovanie-investitsionnykh-sporov-o-sozdanii-investitsionnogo-arbitrazha-na/> (Дата обращения – 09.01.2025).
6. Investment Policy Hub URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/27/brazil> (дата обращения – 08.02.2026).
7. Investment Policy Hub URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/165/peru> (дата обращения – 08.02.2026).

8. Legislative Resolution No. 24810 of 24 May 1988 (published in the Official Gazette on 25 May 1988) // United Nations UNCITRAL URL: https://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=cmsspage&pageid=11&menu=835&opac_view=-1 (Дата обращения – 09.01.2025).

9. Закон «Об иностранной инвестиционной деятельности» URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9293> (дата обращения – 08.02.2026).

10. Инвестиционные возможности Мексики (часть 1). URL: <https://reab.pro/ru/info/market-reviews/investment-opportunities-in-mexico-part-1> (дата обращения – 08.02.2026).

RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF INVESTMENT ARBITRATION AWARDS IN LATIN AMERICAN COUNTRIES

Lopatukhin K.D.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article examines the approaches of Brazil, Peru, and Mexico to the recognition and enforcement of investment arbitration awards. The author identifies that Brazil adheres to an isolationist model, Peru follows an integration-oriented approach, while Mexico employs a hybrid model. These differences are found to stem from historical factors and the states' pursuit of balancing investment attraction with the preservation of national sovereignty.

Keywords: international investment arbitration, ICSID, bilateral investment treaty, Calvo doctrine, Latin America, cooperation and investment facilitation agreement.

References

1. Malov O.A. Trends in the Development of International Commercial Arbitration in Latin America: Legal Aspects // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 3. pp. 69–81
2. Mamedov L.R. The Calvo Doctrine and the Principle of Exhaustion of Local Remedies // Eurasian Law Journal. 2021. No. 7 (158). pp. 68–69
3. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Natural or Legal Persons of Other States (concluded in Washington on March 18, 1965) // Public International Law. Collection of documents. 1996. Vol. 1. pp. 429–441.
4. Convention on the Recognition and Enforcement of International Arbitral Awards // Welcome to United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/ny_conv.pdf (Accessed 08.01.2025).
5. The Future: Legal Regulation of Investment Disputes. On the Creation of Investment Arbitration on the BRICS Basis // Roscongress URL: <https://roscongress.org/materials/budushchee-pravovoe-regulirovanie-investitsionnykh-sporov-o-sozdanii-investitsionnogo-arbitrazha-na/> (Accessed 09.01.2025).
6. Investment Policy Hub URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/27/brazil> (Accessed 08.02.2026).
7. Investment Policy Hub URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/countries/165/peru> (accessed 08.02.2026).
8. Legislative Resolution No. 24810 of 24 May 1988 (published in the Official Gazette on 25 May 1988) // United Nations UNCITRAL URL: https://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=cmsspage&pageid=11&menu=835&opac_view=-1 (accessed 09.01.2025).
9. Law "On Foreign Investment Activity" URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9293> (accessed 08.02.2026).
10. Investment Opportunities in Mexico (Part 1). URL: <https://reab.pro/ru/info/market-reviews/investment-opportunities-in-mexico-part-1> (accessed 08.02.2026).

Каменев Арсений Юрьевич,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Образовательное учреждение профсоюзов высшего
образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: kamenevarseniy@vk.com

В статье рассматривается категория обременительных условий договора с позиции доктрины и практики её применения судами. На основе анализа автор приходит к выводу, что по действующему законодательству термины обременительные условия и несправедливые условия договора являются тождественными. При этом, по буквальному смыслу закона обременительный характер условия договора приобретают в том случае, когда более экономически (материально, конкурентно) сильная сторона договора недобросовестно использует свое преимущественное положение для навязывания своих условий, не выгодных для другой более слабой стороны. В статье анализируются возможные способы защиты субъектов от несправедливых договорных условий и делается вывод о том, что для участников арбитражных споров и, в целом, для суда конструкция с признанием несправедливых условий ничтожными является более желательной, поскольку исключает необходимость в судебном акте фиксировать изменение условия договора (как это необходимо при разрешении требований по иску об изменении условий договора). В заключении автор ставит вопрос о необходимости более широкого применения категории обременительных условий при разрешении споров о защите субъектов предпринимательской деятельности, поскольку их статус не должен презюмировать экономическое равенство сторон в договорных правоотношениях, т.е. критерий профессионализма при разрешении таких споров не должен приниматься судами во внимание, что должен в будущем учесть и Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: обременительные условия договора, несправедливые условия договора, изменение условий договора, ничтожность условий договора, способы защиты.

Гражданско-правовое соглашение предполагает наличие определенного баланса сторон в получаемых благах и иных условиях. Однако, на практике такой баланс достигается далеко не всегда: зачастую в договорных правоотношениях экономически одна сторона сделки превосходит другую. В такой ситуации сильная сторона диктует другой стороне условия сделки. Такое положение вещей обусловило наличие в законодательстве механизма признания условий договора несправедливыми или обременительными. Однако, как в теории, так и на практике это механизм вызвал не мало вопросов, что требует их детального исследования.

В юридической литературе авторы при изучении понятия несправедливых условий определяют его содержание как «нарушение договорного равновесия в пользу более сильной стороны, которая недобросовестной воспользовалась своим преимущественным положением» [1, с. 116]. Если анализировать положения п. 2 ст. 428 ГК РФ, то стоит заключить, что законодатель такого рода условия именует обременительными. При этом, Пленум ВАС РФ в п. 9 постановления от 14.03.2014 № 16¹ использовал термин несправедливые условия, расширив его применение вне конструкции договора присоединения. Представляется, что в условиях определенного законодателем термина, стоит склоняться к его использованию при наименовании правового явления. Иное приводит к разночтению судебной практики и неоправданному увеличению правовой терминологии. В обозначенных правовых реалиях закономерно сделать вывод, что по действующему законодательству термины обременительные условия и несправедливые условия являются тождественными.

Из п. 2 ст. 428 ГК РФ следует, что законодатель понимает под обременительными условиями такие условия гражданско-правового соглашения, которые не противоречат закону и иным правовым актам, но лишают эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, а равно исключают или ограничивают ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо те условия, которые слабая сторона исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. Пункт 3 указанной статьи также констатирует, что возможностью изменения условий договора или его расторжения наделена сторона, которая была поставлена в положение неравенства переговорных возможностей и не имеющая возможности согласовать иные условия договора. Следовательно, по буквальному смыслу указанное определение также сводится к тому, что обременительный характер условия договора приобретают в том случае, когда более экономически сильная сторона договора недобросовестно использует свое преимущественное положение для навязывания своих условий, не выгодных для другой более слабой стороны сделки.

А.Г. Карапетов, применяя научно-практический подход к анализу несправедливых (обременительных) условий, отметил, что формальное соответствие условия гипотезе пунктов 2, 3 статьи 428 ГК РФ еще не делает его а priori несправедливым. Такой характер договорного условия определяется посредством анализа судом конкретных обстоятельств, природы и всех условий договора, поскольку нетипичность того или иного условия договора может быть предопределена структурой гражданско-правового соглашения или правами и обязанностями, которые им предусмотрены. Определение аномальности и несбалансированности условий зависит также от того, кто является «слабой» стороной договора – некоммерческий субъект оборота (потребитель) или субъект предпринимательской деятельности [4, с. 284–286]. Представляется, что автор достаточно точно установил, что определение того или иного условия как несправедливого является субъективным и в большинстве своем зависит от судейского усмотрения. Несправедливое условие является таковым только в рамках совокупности условий и природы конкретного гражданско-правового соглашения, заключенного с конкретным субъектом. Указанный постулат подтверждает и сложившаяся судебная практика относительно применения п.п. 2, 3 ст. 428 ГК РФ. В частности, в одних случаях, анализируя возможность изменения условий соглашения в части установления условия о цене применительно к договору поставки нефтепродуктов, суды приходят к выводу, что отсутствие этого положения в договоре не является

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

для стороны обременительным¹. В другом деле – суды рассматривают отсутствие в соглашении аналогичной возможности корректировки арендной платы в договоре аренды обременительным для стороны условием². Следовательно, несправедливый характер условия того или иного соглашения определяется исключительно посредством его сопоставления в системе всех условий соглашения и его природы. Более того, такой подход предполагает, что законодатель или Пленум Верховного Суда Российской Федерации не могут дать даже примерный перечень условий, которые должны признаваться судами несправедливыми.

В то же время исследователи не оставляют попытки выделить перечень факторов, которые суды в большинстве своем учитывают при признании того или иного условия договора несправедливым. Так, А.А. Коцкова на основе анализа судебной практики выделила следующие подобные обстоятельства: действительное соотношение переговорных возможностей, уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере, конкуренцию на соответствующем рынке, наличие у стороны, которая присоединилась к договору, реальной возможности вести переговоры, наличие возможности у стороны заключить аналогичный договор с другим контрагентом, вынужденный характер присоединения к предложенным условиям [5, с. 302–308]. Представляется, что указанный перечень факторов может указывать на несправедливость условия, навязанного «сильной» стороной договора. Однако, само по себе их наличие не позволяет в обязательном порядке презюмировать обременительный характер договорного условия, для констатации такого вывода необходима целая совокупность факторов, которая оценена судом сквозь призму системы условий конкретного договора и обстоятельств его заключения.

Данный способ защиты (иски об изменении условий договора или его расторжении на основании п. п. 2, 3 ст. 428 ГК РФ) применяется на практике, чему во многом способствует и Конституционный Суд Российской Федерации. Так, в 2023 году Конституционный Суд Российской Федерации дал конституционно-правовое толкование положениям п. 2 и 3 ст. 428 ГК РФ применительно к частному случаю их применения, когда одной стороной сделки выступает потребитель. Высшая судебная инстанция посчитала, что лишение потребителя возможности приобрести товар за рыночную стоимость без заключения договора потребительского кредита и страхования (без возможности их досрочного и одностороннего прекращения) является обременительным условием³. В то же время стоит отметить, что зачастую при применении положений ст. 428 ГК РФ, прежде всего, обращается внимание на правовой статус «слабой» стороны договора. В частности, если лицо, обращающееся с иском об изменении условий договора или его расторжении со ссылкой на обременительность условия, является потребителем, то, опираясь на практику Верховного Суда РФ о презумпции определения условий договора продавцом⁴, подобные иски суды удовлетворяют. Однако, стоит отметить, что заявление иска об изменении или расторжении договора ввиду наличия обременительных условий не является единственным вариантом способа защиты.

Анализируя практику применения способов защиты, связанных с оценкой условий договора в качестве несправедливых, А.А. Громов выделил следующие механизмы:

- признание обременительного условия договора неакцептованным;
- признание несправедливого условия ничтожным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ;
- изменение условий договора или его расторжение [2, с. 191].

Стоит согласиться с автором, что из всех предложенных способов оценка договорного условия в качестве несправедливого в рамках признания его ничтожным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ пользуется большей популярностью на практике. В частности, Арбитражный суд Московского округа, рассматривая дело о взыскании неосновательно-го обогащения, согласился с доводами истца (акционерного общества) о том, что установление Банком (ответчиком) дифференцированной шкалы взимаемых комиссий с существенным расхождением (более чем в 50 000 раз) в зависимости от суммы переводимых денежных

средств является несправедливым договорным условием. Такое условие носит заградительный характер для переводов денежных средств на счета физических лиц. На основании ст. 10, 168 ГК РФ такое условие признано судами ничтожным⁵. Представляется, что для участников арбитражных споров и, в целом, для суда конструкция с признанием несправедливых условий ничтожными является более желательной, поскольку исключает необходимость в судебном акте фиксировать изменение условия договора. Также стоит признать, что сама доктрина и практика применения способа защиты о признании условия договора ничтожным является более развитой, нежели способы изменения условия договора или его расторжения на основании ст. 428 ГК РФ.

Приведенный пример из судебной практики затрагивает также сложный вопрос использования перечисленных способов защиты в рамках отношений, где обе стороны являются субъектами предпринимательской деятельности. Равенство сторон в гражданско-правовых отношениях далеко не всегда характерно для субъектов предпринимательской деятельности, поскольку в ряде случаев реализация своих прав, гарантированных гражданским законодательством, для организационно и экономически более слабой стороны может привести к срыву потенциальных договорных правоотношений. В результате такая экономически «слабая» сторона вынуждена соглашаться порой на условия, которые не выгодны для нее и навязаны сильным субъектом предпринимательской деятельности. И проблема заключается в том, что в рамках предпринимательских отношений категория «слабой стороны» практически не используется и практика, которая могла бы создать основы создания модели коррекции подобного положения развивается в низких темпах. Так, К.А. Черновол, исследуя конституционно-правовые вопросы применимости термина «слабая сторона» в правовом регулировании предпринимательской деятельности, заключил, что указанный термин применяется в большей степени в публичных правоотношениях, но правовое регулирование предпринимательской деятельности, которое определено нуждается в такой категории, ее не использует [6, с. 4–5].

Как указал Пленум ВАС РФ в п. 10 постановления от 14.03.2014 № 16, при рассмотрении споров о защите от несправедливых условий суд должен оценивать условия в совокупности. В частности, отмечено, что суды должны учитывать уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере⁶. То есть в случае, если лицо является профессиональным участником определенного рынка, то данный фактор расценивается в пользу того, что определенное договорное условие не будет квалифицировано как несправедливое, поскольку лицо осознает суть условия и такую ситуацию нельзя расценить как вынужденную. Безусловно, в данном случае приведено наиболее негативное толкование фактора профессионализма в определенной сфере. Следовательно, в настоящее время перед теорией и практикой стоит вопрос о том, насколько критерий профессионализма в той или иной сфере деятельности должен предопределять возможности защиты «слабой» стороны договорных правоотношений от несправедливых условий.

Представляется, что занятие тем или видом деятельности на профессиональной основе (что, в целом, и предполагает статус субъекта предпринимательской деятельности) еще не обеспечивает равенство субъектов договорных правоотношений в такой сфере. Так, Н.Г. Гусельникова пришла к выводу, что субъект предпринимательской деятельности также может являться слабой стороной договорных правоотношений, поскольку может уступать другому субъекту предпринимательской деятельности в материальных, информационных и конкурентных возможностях [3, с. 43]. На основании такого вывода стоит заключить, что положения ст. 428 ГК РФ, а также в целом способы защиты слабой стороны договора могут применяться к субъектам предпринимательской деятельности не только в исключительных случаях. Представляется, что основные обстоятельства, которые должна доказать сторона в таком споре, – это то, что несправедливое условие договора было ей навязано другой стороной ввиду её материального, конкурентного или иного превосходства, лишившее «слабую» сторону переговорных возможностей.

Таким образом, обременительный характер условия договора приобретают в том случае, когда более экономически (материально, конкурентно) сильная сторона договора недобросовестно использует свое преимущественное положение для навязывания своих условий, не выгодных для другой более слабой стороны. Именно данные факторы должны учитывать суды при разрешении споров о защите субъектов предпринимательской деятельности от несправедливых условий до-

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2025 № Ф05–10530/2025 по делу № А40–162526/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.09.2025 № Ф05–14152/2025 по делу № А40–303274/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2023 № 305-ЭС23–12470 по делу № А40–65321/2022 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2025 № Ф05–12036/2025 по делу № А40–204056/2024 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

говора. Критерий профессионализма при разрешении таких споров не должен приниматься судами во внимание, что должен в будущем учесть и Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Литература

1. Бекиева А.Э. Несправедливые условия договоров // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 3. – С. 115–116.
2. Громов А.А. Способы защиты, применяемые против несправедливых договорных условий // Закон. – 2025. – № 3. – С. 177–192.
3. Гусельникова Н.Г. Слабый субъект в договорном правоотношении: проблемы идентификации // Юридические исследования. – 2019. – № 5. – С. 36–45.
4. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2020. – 1425 с.
5. Коцоева А.А. Несправедливые договорные условия: российский подход в контексте зарубежного опыта // Опыты цивилистического исследования. Вып. 6. М., 2024. С. 302–308.
6. Черновол К.А. Применимость термина «слабая сторона» в правовом регулировании предпринимательской деятельности: конституционно-правовое исследование // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1. – С. 1–6.

PROTECTION AGAINST ONEROUS CONTRACT CONDITIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL REVIEW

Kamenev A.Yu.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines the category of burdensome contractual terms from the perspective of the doctrine and the practice of their application by courts. Based on the analysis, the

author concludes that, according to the current legislation, the terms burdensome contractual terms and unfair contractual terms are identical. However, according to the literal meaning of the law, contractual terms become burdensome when the more economically (materially, competitively) powerful party to the contract unfairly uses its advantageous position to impose terms that are not beneficial to the other, weaker party. The article analyzes possible ways to protect subjects from unfair contractual terms and concludes that the recognition of unfair terms as null and void is more desirable for participants in arbitration disputes and, in general, for the court, as it eliminates the need for a court order to record a change in the terms of a contract (as is necessary when resolving claims for a change in the terms of a contract). In conclusion, the author raises the issue of the need for a broader application of the category of burdensome conditions in resolving disputes related to the protection of business entities, as their status should not presume economic equality between the parties in contractual relations. Therefore, the criterion of professionalism should not be taken into account by the courts when resolving such disputes, which should be considered by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in the future.

Keywords: burdensome contract terms, unfair contract terms, change of contract terms, nullity of contract terms, methods of protection.

References

1. Bekieva A.E. Unfair Terms of Contracts // State Service and Personnel. – 2019. – No. 3. – Pp. 115–116.
2. Gromov A.A. Methods of Protection Used Against Unfair Contract Terms // Law. – 2025. – No. 3. – Pp. 177–192.
3. Guselnikova N.G. The Weak Subject in a Contractual Relationship: Problems of Identification // Legal Research. – 2019. – No. 5. – Pp. 36–45.
4. Contract Law (General Part): Article-by-Article Commentary on Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by A.G. Karapetov. – Moscow: M-Logos, 2020. – 1425 p.
5. Kotsoeva A.A. Unfair Contractual Terms: The Russian Approach in the Context of Foreign Experience // Civil Research Experiences. Issue 6. Moscow, 2024. Pp. 302–308.
6. Chernovol, K.A. Applicability of the Term “Weak Party” in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity: A Constitutional and Legal Study. Aktualnye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk. 2015. no. 1. Pp. 1–6.

Создание реестра недееспособных лиц, как способ защиты их прав при совершении сделок с имуществом

Костоломов Александр Сергеевич,

аспирант, кафедра «гражданско-правовые дисциплины»,
Аккредитованное образовательное частное учреждение
высшего образования «Московский финансово-юридический
университет МФЮА»

В статье рассматривается проблема недостаточной защищенности имущественных прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан в действующей системе гражданского оборота. Автор анализирует ключевой недостаток современной модели, заключающийся в информационной закрытости факта установления недееспособности, что создает условия для совершения ничтожных сделок непосредственно самим гражданином или для злоупотреблений со стороны недобросовестного опекуна. Доказывается, что существующие правовые механизмы носят преимущественно последующий, восстановительный характер и не способны эффективно предотвращать нарушения. В качестве решения предлагается создание централизованного государственного реестра лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными. Обосновывается концепция реестра с ограниченным доступом, принципами функционирования которого должны стать законность, конфиденциальность и строгая целевая направленность. Показано, что предоставление регламентированного доступа к реестру нотариусам, органам Росреестра и финансовым организациям позволит осуществить действенный превентивный контроль за сделками с имуществом подопечных. В работе делается вывод о том, что внедрение такого информационного ресурса технически обеспечит реализацию норм гражданского законодательства, сместив акцент с восстановления нарушенных прав на их профилактику, повысит правовую определенность для добросовестных участников оборота и создаст новый стандарт защиты наиболее уязвимых субъектов гражданского права.

Ключевые слова: недееспособность, ограниченная дееспособность, опека, попечительство, реестр, защита прав, сделки, имущественные права, гражданский оборот, государственная регистрация.

Цель исследования – установить особенности создания реестра недееспособных лиц, как способа защиты их прав при совершении сделок с имуществом. Проблема исследования состоит в том, что институт дееспособности, закрепленный в статьях 21–30 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является фундаментальным элементом правосубъектности физического лица, определяющим его возможность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Признание гражданина недееспособным (статья 29 ГК РФ) или ограниченно дееспособным (статья 30 ГК РФ) представляет собой крайнюю меру гражданско-правового характера, направленную на защиту имущественных и личных неимущественных интересов лица, которое в силу психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, либо, будучи зависимым, ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Однако сам по себе судебный акт о признании лица недееспособным, вступив в законную силу, не создает заверщенного механизма защиты. Ключевая роль отводится институтам опеки и попечительства, регулируемым Федеральным законом от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Опекун выступает законным представителем недееспособного, совершая от его имени и в его интересах все сделки. Согласно пункту 2 статьи 32 ГК РФ, опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель – давать согласие на совершение сделок по отчуждению имущества подопечного, сдачи его внаем (аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других сделок, влекущих уменьшение имущества подопечного^[1, 9].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика выявляет системные проблемы. Основная из них заключается в информационной закрытости факта недееспособности для добросовестных участников гражданского оборота. В настоящее время сведения о признании лица недееспособным содержатся лишь в решении суда, которое не является общедоступным в силу положений процессуального законодательства о защите персональных данных и частной жизни. Данные об опекунах (попечителях) аккумулируются в органах опеки и попечительства по месту жительства подопечного, но эта информация также рассредоточена и не интегрирована в единое информационное пространство.

Следствием данной латентности являются две основные группы рисков. Во-первых, это риск совершения сделок непосредственно самим недееспособным лицом, которое, несмотря на судебное решение, формально сохраняет документы, удостоверяющие личность, и может выступать контрагентом. Такая сделка в силу статьи 171 ГК РФ является ничтожной, однако признание ее таковой возможно только в судебном порядке по иску опекуна или иного заинтересованного лица. Это порождает длительные судебные тяжбы, в ходе которых имущество может быть отчуждено, а восстановление первоначального положения затруднено. Добросовестный приобретатель, не знавший и не могший знать о недееспособности контрагента, несет убытки, теряя и имущество, и уплаченные денежные средства^[10–11].

Во-вторых, существует риск злоупотреблений со стороны самого опекуна (попечителя), который, действуя в нарушение требований закона и без согласия органа опеки, может совершить сделку по отчуждению имущества подопечного. Проверить полномочия опекуна на совершение конкретной сделки, особенно если она касается недвижимого имущества, находящегося в ином субъекте Российской Федерации, крайне сложно. Нотариус или регистрирующий орган (Росреестр), принимая документы на совершение нотариального действия или государственную регистрацию прав, не имеют оперативного и надежного канала для верификации как статуса представителя, так и наличия обязательного предварительного разрешения органа опеки.

Правовая природа реестра недееспособных лиц лежит в плоскости публично-правовых гарантий реализации частноправовых интересов. Он должен выполнять охранительную и превентивную функции. Охранительная функция заключается в создании дополнительного барьера на пути незаконного отчуждения имущества. Превентивная – в дисци-

плировании как самих опекунов, так и участников оборота, побуждая последних к проявлению осмотрительности. В зарубежных правовых системах существуют различные модели решения данной проблемы. В ряде стран (например, в Германии) ведение реестра недееспособных (подопечных) является прерогативой судов, решения которых доступны для ознакомления ограниченному кругу лиц, включая нотариусов и финансовые учреждения, при наличии обоснованного интереса. Во Франции существует система судебных опекунов и централизованный национальный реестр мер по защите совершеннолетних, доступ к которому имеют судьи, нотариусы и банки. Общим является принцип ограничения, но функционально необходимой доступности конфиденциальной информации, обеспечивающий баланс между правом на частную жизнь и безопасностью гражданского оборота [12].

В Российской Федерации уже действуют успешные аналоги – Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), Федеральный реестр сведений о банкротстве, реестр дисквалифицированных лиц. Их опыт показывает, что централизация юридически значимой информации в руках уполномоченного государственного органа с регламентированными процедурами предоставления сведений значительно повышает прозрачность и стабильность правоотношений.

Целью создания реестра является формирование единого, достоверного и актуального источника информации о гражданах, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными, и об их законных представителях, предназначенного для использования в целях защиты имущественных прав таких граждан при совершении сделок.

Основополагающими принципами ведения реестра должны выступать законность, конфиденциальность и безопасность данных, ограниченный доступ, актуальность и достоверность, а также межведомственное электронное взаимодействие. Принцип законности подразумевает формирование реестра исключительно на основании вступивших в законную силу судебных решений. Принцип конфиденциальности и безопасности данных обусловлен тем, что информация, содержащаяся в реестре, относится к категории специальных персональных данных (данные о состоянии здоровья), что требует соответствия строгим стандартам защиты в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». Принцип ограниченного доступа означает, что предоставление сведений из реестра не должно носить публичный или свободный характер; доступ предоставляется только определенным законом субъектам и только в объеме, необходимом для достижения конкретной законной цели. Принцип актуальности и достоверности требует оперативного внесения изменений на основании информации от судов и органов опеки и попечительства. Принцип межведомственного электронного взаимодействия предполагает автоматизированный обмен данными между судами, Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), нотариатом, кредитно-финансовыми организациями и органами опеки [7–9].

Структурно реестр может включать блоки сведений о лице, признанном недееспособным или ограниченно дееспособным, такие как ФИО, дата рождения, СНИЛС, реквизиты судебного решения. Другой блок должен содержать информацию о законном представителе, включая ФИО, статус, дату назначения, контактные данные соответствующего органа опеки. Отдельно необходимо отражать сведения об ограничениях и специальных условиях, таких как характер ограничений для ограниченно дееспособных, наличие или отсутствие запрета на совершение определенных видов сделок, установленного судом или органом опеки. Также целесообразно создать блок о предварительных разрешениях органов опеки на конкретные сделки с возможностью прикрепления электронной копии такого разрешения.

Ключевым вопросом является определение круга субъектов, имеющих право на запрос информации из реестра. В него логично включить нотариусов при удостоверении любой сделки, связанной с отчуждением имущества, либо при удостоверении доверенности на совершение таких сделок. Нотариус обязан проверить дееспособность сторон, и наличие лица в реестре будет являться безусловным основанием для отказа в совершении нотариального действия в пользу этого лица, кроме случаев, когда законный представитель действует при наличии надлежаще оформленного разрешения органа опеки. Органы Росреестра также должны иметь обязательный доступ к реестру при государственной регистрации перехода или ограничения права на недвижимое имущество. Запрос в реестр должен стать неотъемлемой частью процедуры регистрации, а наличие сведений о недееспособности одной из сторон сделки при отсутствии документов, подтверждающих законность представительства и соблюдение требований статьи 37 ГК РФ, должно служить основанием для приостановления или отказа в государственной регистрации. Финансово-кредитные организации,

в особенности при оформлении крупных кредитов, ипотеки, открытия счетов и проведении операций по ним, также могут быть включены в круг лиц, имеющих право на запрос, что позволит предотвратить финансовые махинации. Сами органы опеки и попечительства будут использовать реестр как инструмент внутреннего контроля и координации, особенно в случаях смены места жительства подопечного [2, 6].

Внедрение реестра повлечет значимые правовые последствия. Для сделок, совершенных с нарушением установленного порядка доступа к информации, можно предложить введение презумпции недобросовестности контрагента, если он не запросил соответствующие сведения в случаях, когда такая проверка была предусмотрена законом. Это создаст важный стимул для участников оборота к проявлению должной осмотрительности. Реестр станет техническим инструментом, обеспечивающим фактическую реализацию существующих норм о недействительности сделок, совершенных недееспособными лицами (статья 171 ГК РФ) или с нарушением правил распоряжения имуществом подопечного (статья 37 ГК РФ). Он позволит перейти от восстановления нарушенных прав к их предупреждению [1].

Создание такого реестра неизбежно сталкивается с серьезными вызовами в области защиты прав субъектов персональных данных. Информация о психическом здоровье относится к специальной категории данных, обработка которой допускается только при наличии специальным образом выраженного согласия субъекта или в исключительных случаях, предусмотренных законом. В данном случае основанием обработки должен стать именно федеральный закон, устанавливающий цели, принципы и гарантии создания реестра. Цель обработки – защита публичных интересов, а также жизненно важных интересов самого субъекта данных (недееспособного лица). Необходимо предусмотреть максимальную степень обезличивания информации при предоставлении сведений. Например, контрагенту или нотариусу система может давать не развернутый ответ, а лишь сигнал «красный/зеленый свет»: наличие или отсутствие ограничений для совершения сделки конкретным лицом в конкретный момент. Подробные сведения (решение суда, диагноз) должны предоставляться в зашифрованном виде только органам опеки и судам.

Важным этическим и правовым требованием является обеспечение права подопечного на реабилитацию и восстановление дееспособности. В случае отмены судом решения о недееспособности, запись в реестре должна быть немедленно и бесследно аннулирована или переведена в архивный статус, полностью исключающий ее использование, чтобы избежать стигматизации лица и ущемления его прав в будущем [3–5].

Таким образом, создание государственного реестра недееспособных и ограниченно дееспособных лиц представляется своевременным и необходимым шагом в развитии цивилистического инструментария защиты прав уязвимых участников гражданского оборота. Такой реестр не создает новых существенных ограничений, а технически обеспечивает действенность уже существующих норм гражданского и семейного права. Он способен стать эффективным средством профилактики правонарушений, снижения судебной нагрузки, связанной с оспариванием ничтожных и оспоримых сделок, и повышения общего уровня правовой безопасности в имущественном обороте. Реализация данного проекта требует тщательной законодательной проработки, прежде всего, принятия специального федерального закона или внесения масштабных изменений в действующие законы «Об опеке и попечительстве» и «О государственной регистрации недвижимости». В законе должны быть четко определены оператор реестра, порядок его формирования, состав включаемых сведений, исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право на доступ, процедуры такого доступа, меры защиты информации и ответственность за неправомерное использование. Техническая реализация должна базироваться на современных защищенных технологиях, обеспечивающих межведомственное взаимодействие в режиме реального времени.

В конечном итоге, предлагаемый механизм направлен на достижение справедливого баланса между защитой частной жизни недееспособного гражданина, охраной его имущественных прав от злоупотреблений и обеспечением стабильности гражданского оборота, что полностью соответствует принципам социального государства и целям правового регулирования, заложенным в статье 2 Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.06.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 10.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 (ред. от 09.02.2022) «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8. рименко Ю.В. Гражданско-правовая защита имущественных прав и интересов недееспособных совершеннолетних граждан // Вестник ННГУ. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-zaschita-imuschestvennyh-prav-i-interesov-nedeеспособnyh-sovershennoletnih-grazhdan> (дата обращения: 04.02.2026).

7. Лакметкина, Ю.С. Некоторые проблемы применения законодательства о недееспособности граждан и пути их решения / Ю.С. Лакметкина. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). – Москва: Буки-Веди, 2017. – С. 47–50. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13354>.

8. Бисултанов Дени Ширваниевич, Волкова Анастасия Александровна, Тарасевич Ксения Александровна О некоторых аспектах признания и учёта недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в реалиях современного гражданского общества // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-priznaniya-i-uchyota-nedeеспособnyh-ili-ogranichenno-deеспособnyh-lits-v-realiyah-sovremenno-grazhdanskogo> (дата обращения: 04.02.2026).

9. Руденко, И.А. Проблемы обеспечения прав недееспособных лиц в гражданском праве и процессе / И.А. Руденко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 6 (401). – С. 200–202. – URL: <https://moluch.ru/archive/401/88677>.

10. Тепман Л.Н., Доронин Г.В. Особенности сделок с недвижимостью // Вестник экономической безопасности. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sdelok-s-nedvizhimostyu-1> (дата обращения: 04.02.2026).

11. Александров А. Ю., Трубетская М.В. ПРАВОВЫЕ РИСКИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С ОБЪЕКТАМИ НЕДВИЖИМОСТИ ПО ДОВЕРЕННОСТИ // Форум молодых ученых. 2019. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-voznikayushchie-pri-sovershenii-sdelok-s-obektami-nedvizhimosti-po-doverennosti> (дата обращения: 04.02.2026).

12. Хлопотов, С.Н. Гражданско-правовое регулирование сделок с недвижимым имуществом / С.Н. Хлопотов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 45 (544). – С. 367–371. – URL: <https://moluch.ru/archive/544/119104>.

CREATION OF A REGISTER OF INCAPACITATED PERSONS AS A WAY TO PROTECT THEIR RIGHTS WHEN MAKING PROPERTY TRANSACTIONS

Kostolomov A.S.

Moscow University of Finance and Law

The article examines the problem of insufficient protection of the property rights of incapacitated and disabled citizens in the current system of civil turnover. The author analyzes

the key drawback of the modern model, which consists in the information secrecy of the fact of establishing incapacity, which creates conditions for the commission of insignificant transactions directly by the citizen himself or for abuse by an unscrupulous guardian. It is proved that the existing legal mechanisms are mainly of a follow-up, restorative nature and are not able to effectively prevent violations. As a solution, it is proposed to create a centralized state register of persons recognized by the court as legally incompetent or with limited legal capacity. The concept of a registry with limited access is substantiated, the principles of which should be legality, confidentiality and strict targeting. It is shown that providing regulated access to the registry to notaries, Rosreestr bodies and financial organizations will allow effective preventive control over transactions with the property of wards. The paper concludes that the introduction of such an information resource will technically ensure the implementation of civil law norms, shifting the focus from restoring violated rights to their prevention, increase legal certainty for bona fide participants in trafficking and create a new standard for the protection of the most vulnerable subjects of civil law.

Keywords: incapacity, limited legal capacity, guardianship, trusteeship, registry, protection of rights, transactions, property rights, civil turnover, state registration.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 24, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

2. Federal Law dated April 24, 2008 No. 48-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Guardianship and Trusteeship" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 17. – Art. 1755.

3. Federal Law dated July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on July 14, 2022) "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part 1). – Art. 3451.

4. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ (as amended on December 25, 2023) "On State Registration of Real Estate" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 29 (Part I). – Art. 4344.

5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 15, 2022 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2022. – No. 10.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 (as amended on February 9, 2022) "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – No. 8. рименко Ю.В. Civil Law Protection of Property Rights and Interests of Incapacitated Adult Citizens // Bulletin of UNN. 2019. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-zaschita-imuschestvennyh-prav-i-interesov-nedeеспособnyh-sovershennoletnih-grazhdan> (accessed: February 4, 2026).

7. Lakhmetkina, Yu.S. Some problems of application of the legislation on incapacity of citizens and the ways of their solution / Yu.S. Lakhmetkina. – Text: direct // Actual problems of law: materials of the VI Intern. scientific conf. (Moscow, December 2017). – Moscow: Buki-Vedi, 2017. – Pp. 47–50. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13354>.

8. Bisultanov Deni Shirvanovich, Volkova Anastasia Aleksandrovna, Tarasovich Ksenia Aleksandrovna On some aspects of recognition and registration of incapacitated or partially incapacitated persons in the realities of modern civil society // Ural Journal of Legal Research. 2023. No. 1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-priznaniya-i-uchyota-nedeеспособnyh-ili-ogranichenno-deеспособnyh-lits-v-realiyah-sovremenno-grazhdanskogo> (date of access: 04.02.2026).

9. Rudenko, I.A. Problems of Ensuring the Rights of Incapacitated Persons in Civil Law and Procedure / I.A. Rudenko. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – No. 6 (401). – P. 200–202. – URL: <https://moluch.ru/archive/401/88677>.

10. Tepman L.N., Doronin G.V. Features of Real Estate Transactions // Bulletin of Economic Security. 2014. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sdelok-s-nedvizhimostyu-1> (date of access: 04.02.2026).

11. Aleksandrov A. Yu., Trubetskaya M.V. LEGAL RISKS ARISING WHEN EXECUTING TRANSACTIONS WITH REAL ESTATE BY POWER OF ATTORNEY // Forum of Young Scientists. 2019. No. 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-riski-voznikayushchie-pri-sovershenii-sdelok-s-obektami-nedvizhimosti-po-doverennosti> (date of access: 04.02.2026).

12. Khlopotov, S.N. Civil regulation of transactions with real estate / S.N. Khlopotov. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – No. 45 (544). – P. 367–371. – URL: <https://moluch.ru/archive/544/119104>.

Лопатухин Клим Дмитриевич,

аспирант кафедры международного частного права, МГЮА

им. О.Е. Кутафина

E-mail: kdlopatukhin@gmail.com

Рост числа инвестиционных споров между иностранными инвесторами и государствами вынуждает обращаться за защитой прав в международный инвестиционный арбитраж – один из альтернативных механизмов разрешения конфликтов. Автор настоящей работы выявляет особенности международного инвестиционного арбитража в сравнении с международным коммерческим арбитражем, а также межгосударственными судебными инстанциями на примере Международного Суда ООН. В статье утверждается, что международный инвестиционный арбитраж, сочетая черты международного судопроизводства и частного арбитража, занимает самостоятельное место в системе средств разрешения международных споров.

Ключевые слова: международный инвестиционный арбитраж, коммерческий арбитраж, МЦУИС, иностранный инвестор, государство.

В современном мире международные споры все чаще решаются с помощью альтернативных юрисдикционных механизмов – вненациональных судов. Международный инвестиционный арбитраж (МИА) – один из таких ключевых инструментов урегулирования конфликтов между иностранными инвесторами и государствами. Его актуальность обусловлена ростом числа инвестиционных споров, отсутствием единого подхода к ряду аспектов арбитражного разбирательства, трансформацией глобальной правовой среды (отход от универсализма к гибким региональным и двусторонним моделям).

Цель настоящей работы – раскрыть правовую природу международного инвестиционного арбитража, проанализировать его особенности и сравнить с близкими по характеру институтами, такими как международный коммерческий арбитраж и межгосударственные судебные органы. Исследование опирается на труды ведущих российских ученых-цивилистов, специализирующихся в области международного частного и инвестиционного права.

Международный инвестиционный арбитраж представляет собой особый механизм разрешения споров между иностранным инвестором (частным лицом или компанией) и государством, принимающим инвестиции. В отличие от классического коммерческого арбитража, основанного на соглашении между частными сторонами, инвестиционный арбитраж вытекает из суверенного акта государства – международного договора о защите инвестиций, которым, в сущности, государство дает согласие на передачу определенной категории споров с иностранными инвесторами в арбитраж. То есть юрисдикция инвестиционного арбитража основывается не на частном договоре, а на международно-правовом акте, посредством которого государство добровольно ограничивает свою судебную компетенцию в пользу наднационального форума.

Основная задача МИА – деполитизировать и нейтрализовать споры, связанные с иностранными инвестициями, предоставив инвестору и государству независимую площадку для их разрешения. Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС, англ. ICSID) стал первым специализированным институтом, предназначенным для арбитража инвестиционных споров. Благодаря системе инвестиционного арбитража иностранный инвестор получает возможность непосредственно (минуя дипломатическую защиту со стороны государства своей национальной принадлежности) предъявить иск против государства-хозяина инвестиций за нарушение его международно-правовых обязательств по защите инвестиций. Тем самым устраняется необходимость прибегать к политическим методам урегулирования споров и обеспечивается правовой механизм защиты инвестора.

С точки зрения национального права, инвестиционный арбитраж занимает особое положение. Если коммерческие арбитражи, как правило, привязаны к национальной юрисдикции (месту арбитража) и регулируются императивными нормами закона страны места арбитража, то арбитраж по Вашингтонской конвенции 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами (Вашингтонская конвенция) оторван от какой-либо национальной юрисдикции. Арбитражное разбирательство по правилам МЦУИС не имеет «места арбитража» в традиционном смысле и практически полностью выведено из-под контроля национальных судов. В соответствии с Вашингтонской конвенцией, решение арбитража является окончательным и не подлежит обжалованию ни в одной национальной инстанции (доступны лишь специальные процедуры пересмотра, интерпретации или аннулирования в рамках МЦУИС).

Государства-участники МЦУИС обязаны признавать арбитражные решения и приводить их в исполнение как решения собственных судов, внутренние суды не вправе пересматривать такие решения по существу или отказывать в признании по мотивам публичного порядка или иной причине. Эта «самодостаточная» система исполнения отличает инвестиционный арбитраж МЦУИС от коммерческого арбитража, решения которого исполняются на основании Конвенции о признании и приведении в исполнение международных арбитражных решений 1958 г. (Нью-Йоркская конвенция) с возможностью отказа в признании по ограниченному перечню оснований (отсутствие действительного арбитражного соглашения, нарушение принципов надлежащего процесса, противоречие публичному порядку и др.). В случае же *ad hoc*

арбитражей по инвестиционным спорам (например, в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ) механизм исполнения действительно опирается на Нью-Йоркскую конвенцию, поскольку такие споры формально рассматриваются вне рамок МЦУИС и считаются иностранными арбитражными решениями.

В литературе справедливо отмечается уникальная *дуалистическая природа* инвестиционного арбитража. С одной стороны, в нем заложены публично-правовые элементы: споры касаются реализации государством своих международных обязательств; решения трибуналов основываются на международном праве; субъектами спора являются частное лицо и суверен. С другой стороны, сам формат разбирательства заимствован из коммерческого арбитража – дело рассматривается вне государственной судебной системы, судьи (арбитры) избираются сторонами, процедура гибка, решение носит обязательный характер только для участников спора и исполняется как итог частного соглашения об арбитраже. Этот синтез частноправовых и публично-правовых начал порождает сложные вопросы: например, о пределах юрисдикции арбитража в отношении актов государственной власти, о соотношении решений арбитров с нормами национального законодательства и решениями национальных судов, о балансе частных и публичных интересов. Многие из этих вопросов до сих пор дискутируются. Некоторые авторы указывают, что инвестиционный арбитраж по своей сути ближе к механизмам международного публичного права и даже имеет *конституционно-правовое измерение* (в части ограничения суверенитета государства на судебный иммунитет [3]). Другие, напротив, подчеркивают его сходство с частным арбитражем. В действительности правовой режим МИА уникален и не может быть сведён исключительно ни к публично-правовой, ни к частной модели – в этом состоит принципиальное отличие данного института, требующее особого анализа.

Международный коммерческий арбитраж и инвестиционный арбитраж имеют общие черты, однако, различия между ними носят фундаментальный характер. Ключевое отличие заложено в природе спорных правоотношений и источнике согласия на арбитраж. **Коммерческий арбитраж** возникает на основе *автономии воли сторон*: юрисдикция очерчена соглашением частноправовых субъектов. **Инвестиционный арбитраж** основан на международном договоре: согласие государства рассматривать споры с инвесторами в арбитраже предшествует конкретному конфликту и дается *erga omnes* для неопределенного круга потенциальных инвесторов из иностранного государства.

Отсюда вытекает второе важное отличие – **асимметрия статусов** сторон. Инвестор формально пользуется равными процессуальными правами с государством-ответчиком, однако предмет спора обычно связан с осуществлением государством публичных функций (например, введение закона или административного акта, затронувшего инвестиции).

Таким образом, инвестиционный арбитраж служит своего рода наднациональным «судом» по контролю определенных действий государства, тогда как коммерческий арбитраж – это способ разрешения частного спора, не затрагивающего прямых суверенных интересов государства.

Важное отличие заключается также в **правовой базе и применимом праве**. В коммерческих спорах применимое материальное право обычно избрано сторонами в контракте либо определяется коллизионными нормами; зачастую это какое-либо национальное право. В инвестиционных спорах ключевую роль играют нормы международного права – положения инвестиционного договора, нормы международного обычного права (например, принцип недискриминации, требование справедливого режима и т.п.), общие принципы права. Инвестиционный арбитраж, таким образом, *подчиняется императивным нормам международных договоров*, тогда как коммерческий арбитраж – императивным нормам места проведения арбитража и согласованному сторонами материальному праву контракта.

Процедурно оба вида арбитража могут выглядеть схоже, но и здесь есть отличия. **Принцип конфиденциальности** традиционно более выражен в коммерческом арбитраже: разбирательство и решение обычно остаются закрытыми для третьих лиц. В инвестиционном арбитраже на первый план выходит **принцип прозрачности (гласности)** процесса, поскольку спор затрагивает публичные интересы – действия государства имеют значение для общества, налогоплательщиков и т.д. Таким образом, именно отношение к гласности разбирательства зачастую называется одним из наиболее заметных различий между коммерческим и инвестиционным арбитражем.

В коммерческом арбитраже каждая сторона свободна как в выборе арбитров, так и в формулировании своих требований (в пределах договора). Инвестиционный арбитраж первоначально задуман преимущественно как механизм защиты прав **инвестора**; именно инвестор обычно выступает истцом, а государство – ответчиком. Несмотря на это,

в инвестиционном арбитраже имеется возможность *встречных исков*, что обеспечивает баланс интересов сторон [1, с. 344–379].

Наконец, **исполнение решений** различается, как было указано ранее. Решения коммерческого арбитража исполняются через механизм признания в национальных судах по правилам Нью-Йоркской конвенции 1958 г., при этом могут возникнуть сложности, связанные с исполнением решения в суде страны происхождения или с иммунитетом государства (если государственный орган был стороной коммерческого контракта). В случае же инвестиционного арбитража по Вашингтонской конвенции решение подлежит исполнению непосредственно, как судебное решение государства – участника Конвенции, без какой-либо экзекватуры.

Подводя итог, можно констатировать: международный инвестиционный арбитраж, несмотря на схожесть процессуальной формы с коммерческим арбитражем, существенно отличается по *правовой природе*. Его появление обусловлено необходимостью защитить частные инвестиции средствами международного права, он вовлекает государство в качестве ответчика за реализацию публичной власти, опирается на международные договоры как источник юрисдикции и обладает особыми режимами исполнения решений.

Другим полезным ракурсом сравнительного анализа является сопоставление инвестиционного арбитража с **межгосударственными судебными инстанциями** (пример: Международный Суд ООН). Принципиальное отличие – **субъектный состав и стоящий за ним порядок обращения**. В международные суды (такого типа, как Международный Суд ООН) имеют право обращаться *только государства*. Частные лица не обладают самостоятельной правосубъектностью в межгосударственном судебном процессе.

Следующий аспект – **юрисдикция и применимое право**. Межгосударственные суды (включая Международный Суд ООН) обладают общей юрисдикцией на основании согласия государств, и рассматривают споры по нормам международного права (как договорного, так и обычного). Например, Международный Суд ООН не разбирает индивидуальные требования инвесторов. Инвестиционные арбитражи – более узкоспециализированные форумы: их юрисдикция основана на конкретных инвестиционных договорах и ограничена вопросами нарушения этих договоров или связанных норм.

Процедура межгосударственных судов, как правило, более формализована, в ней участвуют представители государств (дипломаты, государственные юристы). Инвестиционный арбитраж более гибок; инвестор и государство представлены либо юридическими фирмами, либо штатными юрисконсультами, процесс ближе к коммерческому арбитражу по стилю.

Исполинов А.С. [2, с. 80–96] обращает внимание, что инвестиционный арбитраж оказался на стыке международного публичного и конституционного права, поскольку затрагивает основы суверенных прав и требует их ограничений ради обеспечения верховенства права в международных экономических отношениях. Практика МИА выступает полигоном, на котором проверяется, насколько эффективно мировое сообщество может обеспечить справедливое разрешение споров между государством и частным лицом, избегав как диктата государства, так и злоупотреблений со стороны корпораций.

Таким образом, международный инвестиционный арбитраж сочетает черты международного судопроизводства (рассмотрение спора с участием государства, применение норм международного права, влияние на реализацию суверенных прав) и черты частного арбитража (инициатива частного истца, гибкость процесса, необходимость исполнения решения через национальные механизмы). Его нельзя отождествлять ни с тем, ни с другим полностью; он занимает *самостоятельное место* в системе средств разрешения международных споров. Кроме того, проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, *по своей сущности* инвестиционный арбитраж представляет механизм защиты прав иностранных инвесторов, основанный на международном договоре и подразумевающий рассмотрение споров вне национальных судов. Его возникновение – закономерный отклик на потребность деполитизировать инвестиционные конфликты и предоставить бизнесу правовые гарантии при работе за рубежом. Ключевое отличие от других форм арбитража заключается в том, что юрисдикция здесь проистекает из суверенного волеизъявления государства, закрепленного в международном соглашении, а не из контракта между частными сторонами. Тем самым государство заранее допускает возможность оспаривания своих суверенных действий перед независимым трибуналом, что является качественно новым элементом по сравнению с коммерческим арбитражем.

Во-вторых, инвестиционный арбитраж существенно отличается от **международного коммерческого арбитража** по ряду параметров:

состав сторон (частный инвестор против государства вместо двух коммерческих субъектов), природа спорных отношений (публично-правовой элемент и чисто частный спор), правовая база (международные договоры и нормы международного права и контракт и национальное право), режим конфиденциальности (прозрачность процесса в инвестиционных спорах в силу вовлечения публичных интересов) и порядок исполнения решений (специальный международно-правовой режим по Вашингтонской конвенции, минимизация роли национальных судов). В то же время оба института имеют общие черты арбитражной процедуры, что исторически позволило использовать наработанный потенциал коммерческого арбитража при создании МИА.

В-третьих, в сравнении с **межгосударственными судебными механизмами** инвестиционный арбитраж продемонстрировал высокую эффективность в защите частных интересов, став своего рода «судом первой инстанции» для инвестора против государства. Он устранил пробел традиционного международного права, наделив частных лиц **прямым** процедурным правом взыскивать убытки с государства, не дожидаясь дипломатической защиты. Решения трибуналов привели к существенным выплатам инвесторам, подтвердив реальность ответственности государств за нарушения инвестиционных обязательств (пример — дело ЮКОСа, завершившееся беспрецедентной суммой компенсации в \$50 млрд).

В-четвертых, анализ **субъектного состава, правовой базы, процедуры и юрисдикции** МИА подтверждает его комплексный гибридный характер. С одной стороны — самостоятельные принципы (прямое действие международного права, ограниченный суверенный иммунитет, автономия процесса от национального права), с другой — необходимое взаимодействие с национальными правовыми системами на стадии исполнения решений, применение национального права *in subsidium* и пр.

В-пятых, **международная практика** МИА свидетельствует о востребованности этого механизма и его влиянии на поведение государств и инвесторов.

Литература

1. Бурова А.С. Инвестиционный арбитраж как двусторонняя дорога: встречные иски государств к иностранным инвесторам в свете последней практики и нового поколения международных инвестиционных договоров // Новые горизонты международного арбитража: сборник статей. 2020. Вып.6. С. 344–379.
2. Исполинов А.С. Куда идет современный инвестиционный арбитраж? // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 80–96.
3. Признание и исполнение решений международных инвестиционных арбитражей / А.И. Бессонова; Уральск. гос. юрид. ун-т, каф. гражд. процесса. Москва: Статут, 2020. 224 с.

THE ESSENCE OF INTERNATIONAL INVESTMENT ARBITRATION AND ITS DIFFERENCES FROM RELATED INSTITUTIONS

Lopatukhin K.D.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The increase in the number of investment disputes between foreign investors and states compels parties to seek protection of their rights through international investment arbitration — one of the alternative dispute resolution mechanisms. The author identifies the specific features of international investment arbitration in comparison with international commercial arbitration, as well as inter-State judicial bodies, using the International Court of Justice as an example. The article contends that international investment arbitration, by combining characteristics of international judicial proceedings and private arbitration, occupies an independent position within the system of international dispute resolution.

Keywords: international investment arbitration, commercial arbitration, ICSID, foreign investor, state.

References

1. Burova A.S. Investment arbitration as a two-way street: counterclaims of states against foreign investors in light of the latest practice and the new generation of international investment treaties // New horizons of international arbitration: a collection of articles. 2020. Issue 6. Pp. 344–379.
2. Ispolinov A.S. Where is modern investment arbitration heading? // Russian Law Journal. 2015. No. 3. Pp. 80–96.
3. Recognition and enforcement of decisions of international investment arbitrations / A.I. Bessonova; Ural State Law University, Department of Civil Procedure. Moscow: Statut, 2020. 224 p.

Лосев Илья Дмитриевич,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса
и международного частного права, Юридический институт
Российского университета дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: 1142240061@rudn.ru

В статье исследуется трансформация предмета современного финансового права в контексте расширения частноправовых начал. Анализируется дуализм публично-правового и частноправового регулирования в финансовой сфере, а также конкретные проявления этого взаимодействия на примере институтов финансового рынка. Исследование выполняется в рамках частноправового подхода, что соответствует направленности п. 13 Паспорта специальности 5.1.3. «Частноправовые аспекты финансовых отношений». Традиционная централизованная система учета, основанная на взаимодействии множества посредников, сталкивается с проблемами высоких операционных издержек, рисков контрагентов и временных задержек при расчетах. В статье рассмотрены ключевые архитектурные модели (публичные, частные и гибридные блокчейны) и их применимость в инфраструктуре рынка капитала. Основные выводы работы заключаются в том, что блокчейн способен кардинально трансформировать пост-трейдинговые процессы, обеспечивая прямой учет прав собственности, автоматизацию расчетов через смарт-контракты и существенное повышение устойчивости системы к мошенничеству и операционным ошибкам. Доказано, что внедрение распределенных реестров открывает путь к созданию интегрированной финансовой экосистемы с практически мгновенными расчетами (T+0).

Ключевые слова: блокчейн, распределенный реестр, учет ценных бумаг, смарт-контракты, цифровизация, финансовые технологии, расчеты по ценным бумагам, децентрализация.

Введение

Традиционная доктрина, определяющая финансовое право, как сугубо публичную отрасль, в последние десятилетия подвергается переосмыслению. Эволюция рыночных отношений, усложнение финансовых инструментов и глобализация приводят к стиранию четких границ между публичными и частными интересами в экономике. Данная статья ставит целью исследовать финансовые отношения именно сквозь призму частного права, выявив те их аспекты, где преобладают принципы диспозитивности, автономии воли и равенства сторон. Такой подход позволяет не только углубить теоретическое понимание современного финансового права как комплексной, пограничной отрасли, но и решить ряд практических коллизий. Важно подчеркнуть, что настоящее исследование сознательно ограничивается частноправовым ракурсом анализа в соответствии с паспортом специальности 5.1.3. (п. 13), что задает его конкретную методологическую рамку.

Данная модель, сформировавшаяся в эпоху доминирования бумажных носителей, демонстрирует ряд системных недостатков в условиях растущих объемов и скорости совершения сделок: фрагментация данных, необходимость сверки между участниками, длительные циклы расчетов (T+2 и более) и связанные с этим риски ликвидности и контрагента [7]. Технология распределенного реестра (блокчейн) предлагает парадигмальный сдвиг, позволяя перейти от разрозненных учетных систем к единому, синхронизированному и неизменяемому источнику истины о правах собственности. Это создает предпосылки для устранения посредников, снижения издержек и минимизации рисков. Однако на пути практической реализации возникают вопросы, связанные с производительностью, регулированием и интеграцией с существующей инфраструктурой [1].

Целью данного исследования является анализ потенциала технологии блокчейн для трансформации системы учета ценных бумаг и выявление ключевых преимуществ, вызовов и ограничений, связанных с ее внедрением. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проследить эволюцию учетных систем; систематизировать архитектурные подходы к построению блокчейн-решений для финансового рынка; оценить воздействие технологии на пост-трейдинговые процессы; сформулировать перспективные направления для дальнейших исследований и регулирования.

Материалы и методы

Исследование базируется на применении методов сравнительного анализа, синтеза и моделирования. Были проанализированы современные научные публикации, отчеты международных финансовых организаций (Банк международных расчетов, IOSCO) и практические кейсы внедрения блокчейна (например, проекты ASX, SIX Digital Exchange). Методологической основой выступила концепция цифровой трансформации финансовой инфраструктуры.

Ключевыми рассматриваемыми технологиями и концепциями явились:

1. Распределенный реестр (Distributed Ledger Technology, DLT)
2. Смарт-контракты
3. Консенсус-алгоритмы (Proof-of-Stake, Practical Byzantine Fault Tolerance)
4. Токенизация активов

Разработанная концептуальная модель блокчейн-системы учета ценных бумаг включает несколько уровней. Фундаментальным является уровень учета прав собственности, на котором токенизированные ценные бумаги отражаются в реестре как цифровые активы, привязанные к конкретному владельцу через криптографические ключи. Следующий уровень – уровень расчетов и исполнения – обеспечивает автоматическое проведение расчетов по сделке по принципу «поставка против платежа» (DvP) через исполнение смарт-контрактов, что исключает риск неисполнения обязательств.

Практическая ценность блокчейна для учета ценных бумаг проявляется в нескольких ключевых аспектах, среди которых можно выделить кардинальное повышение прозрачности и надежности реестра. Поскольку каждая операция фиксируется в распределенном журнале и проверяется консенсусом сети, формируется защищенный от задним числом искажений аудит-трейл, что исключает возможность манипуляций с историей владения. Существенный экономический эффект

достигается за счет сокращения издержек, так как технология позволяет устранить из цепочки множественных посредников и отказаться от трудоемких процессов ручной сверки данных между ее участниками. Еще одним важным преимуществом является радикальное ускорение расчетных циклов вплоть до перехода к модели мгновенных (Т+0) расчетов, что высвобождает капитал и минимизирует контрагентские риски. Наконец, автоматизация корпоративных процедур через смарт-контракты сводит к минимуму административные затраты и операционные ошибки, связанные с человеческим фактором.

Однако на пути массового внедрения технологии сохраняются серьезные барьеры. Главным вызовом остается нормативно-правовая неопределенность: действующее законодательство большинства стран пока не признает цифровые токены в качестве легитимного удостоверения права собственности на ценные бумаги, создавая тем самым значительные риски для инвесторов и эмитентов.

Серьезную озабоченность вызывает вопрос производительности и масштабируемости, особенно для публичных блокчейнов, где пропускная способность может быть недостаточной для обработки пиковых нагрузок глобальных финансовых рынков. Проблема взаимодействия (интероперабельности) различных блокчейн-платформ и их интеграции с унаследованными системами участников рынка требует разработки единых стандартов и протоколов. Нормативный вакуум и киберриски, связанные с уязвимостями смарт-контрактов и безопасностью приватных ключей, создают дополнительные барьеры для широкого применения.

Теоретические основания частноправового измерения финансового права

Дискуссия о соотношении публичного и частного в финансовом праве является центральной для определения его современного предмета. Традиционный взгляд, согласно которому финансовое право регулирует исключительно отношения по формированию и использованию публичных фондов денежных средств, в современной науке пересматривается. В работах таких авторитетных ученых, как О. Н. Горбунова[8], последовательно обосновывается позиция, что предмет финансового права охватывает и отношения, возникающие в процессе финансовой деятельности государства и муниципальных образований, что создает теоретическую основу для включения в орбиту финансово-правового регулирования смежных областей. Этот расширительный подход создает основу для изучения финансовых инструментов и отношений, имеющих частную природу, но подверженных существенному публично-правовому влиянию.

Данная теоретическая позиция находит свое развитие и конкретизацию. Так, Е. М. Ашмарина[9] в своих исследованиях подчеркивает комплексный характер современного финансового права, указывая на взаимопроникновение публичных и частных начал. Это проявляется в регулировании таких сфер, как рынок ценных бумаг, инвестиционная деятельность, корпоративные финансы и внутренний финансовый контроль в организациях. Безусловно, эти институты содержат значительный публичный элемент в виде государственных нормативов и надзора, однако их фундамент составляют классические частноправовые конструкции – договоры, обязательства, решения органов управления юридических лиц.

Таким образом, в научной литературе финансовое право все чаще характеризуется как пограничная (комплексная) отрасль, для которой свойственен методологический дуализм. С одной стороны, оно использует императивный метод властных предписаний для защиты публичных финансовых интересов и обеспечения стабильности. С другой – оно не может эффективно функционировать без учета диспозитивных начал, лежащих в основе рыночной экономики. Как отмечает С. В. Запольский [10], происходит постоянное взаимодействие и трансформация юридических конструкций: под влиянием экономических потребностей частноправовые механизмы могут обрести публично-правовыми гарантиями, и наоборот. Именно эта динамичная зона взаимодействия представляет наибольший интерес для частноправового исследования финансовых отношений.

Конкретные проявления частноправовых начал в финансовых отношениях

Анализ современного законодательства и практики позволяет выделить несколько ключевых областей, где частноправовые аспекты финансовых отношений выражены наиболее ярко.

Во-первых, это сфера договорных отношений на финансовом рынке. Договоры купли-продажи ценных бумаг, договоры присоединения к правилам доверительного управления паевыми инвестиционными фондами, клиринговые и депозитарные соглашения – все они

строятся на базовых принципах гражданского права. Однако их содержание и исполнение жестко регламентированы федеральными законами (например, № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг») и подзаконными актами Банка России. Здесь мы наблюдаем классический пример «частного права в публичной обертке»: стороны вступают в отношения по собственной воле, но их свобода договора ограничена в публичных интересах – для защиты прав инвесторов и обеспечения прозрачности рынка.

Во-вторых, к частноправовым аспектам можно отнести механизмы внутреннего (корпоративного) финансового контроля. Процедуры одобрения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, формирования и использования резервных фондов акционерного общества, распределения прибыли – это внутренние финансовые отношения, урегулированные, прежде всего, нормами Гражданского кодекса и Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Государство задает здесь лишь общие рамки, оставляя значительный простор для корпоративного саморегулирования через уставы и локальные нормативные акты, что является прямым отражением диспозитивности.

В-третьих, вызывает интерес правовая природа новых финансовых технологий (FinTech). Смарт-контракты, краудфандинг, P2P-кредитование изначально развивались в плоскости частного договорного права, часто вне зоны внимания регулятора. Их последующее законодательное оформление – это процесс «наложения» публично-правовых требований (по борьбе с отмыванием денег, защите потребителей) на частноправовую основу. Исследование этой динамики также требует частноправового инструментария для анализа исходных правоотношений между разработчиком и пользователем, заемщиком и кредитором.

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ традиционной и блокчейн-ориентированной моделей учета демонстрирует принципиальные различия между ними. Архитектура традиционной системы является централизованной и иерархической, в то время как блокчейн-модель предполагает распределенную и одноранговую сеть. В традиционной системе требуется множество посредников (депозитарий, регистратор, клиринговая палата), тогда как в блокчейне их роль минимизируется или устраняется. Процесс сверки записей в традиционной модели является многократным и занимает значительное время, в то время как в блокчейне реестр един для всех участников, и сверка не требуется. Одним из наиболее ощутимых преимуществ распределенного реестра является преодоление инерции традиционных расчетных систем. Там, где классическая инфраструктура предполагает многосуточный цикл (Т+2), блокчейн создает техническую основу для моментального завершения сделок (Т+0). Эта же логика радикально меняет подход к корпоративным действиям. Рутинные, отнимающие значительные ресурсы и уязвимые для ошибок процессы выплаты дивидендов или организации голосований трансформируются в предсказуемые и самоисполняющиеся алгоритмы, закодированные в смарт-контрактах.

Заключение

Хотя технология и не является панацеей, она предлагает конкретные пути для построения более эффективной и устойчивой финансовой инфраструктуры. Ее внедрение способно сместить акцент с затратного администрирования и длительных сверок на прямые, защищенные и прозрачные взаимодействия между участниками рынка. Успех этой трансформации, однако, лежит не в технологической плоскости, а в организационной: он потребует формирования новых регуляторных подходов и беспрецедентного уровня кооперации между разработчиками, финансовыми институтами и надзорными органами.

Ключевыми направлениями для будущих исследований и практической деятельности являются: разработка адаптивного правового поля, признающего цифровые активы; создание высокопроизводительных и интероперабельных блокчейн-решений; обеспечение кибербезопасности и защита прав конечных инвесторов; формирование международных стандартов для DLT-инфраструктуры финансовых рынков.

Литература

1. Bank for International Settlements. Project Atlas: Tracking cryptoassets across borders // Bank for International Settlements. – 2023. – URL: <https://www.bis.org/statistics/atlas.htm> (дата обращения: 31.01.2024).
2. Bank for International Settlements. Project Atlas: Tracking cryptoassets across borders. – 2023. – URL: <https://www.bis.org/statistics/atlas.htm> (accessed: Jan. 31, 2024).
3. International Organization of Securities Commissions. Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets // International Or-

ganization of Securities Commissions. – 2023. – URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD749.pdf> (дата обращения: 31.01.2024).

4. International Organization of Securities Commissions. Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets. – 2023. – URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD749.pdf> (accessed: Jan. 31, 2024).

5. Гайдук В.Ю. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в России и за рубежом // (на англ.: “Peculiarities of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Abroad”). – 2024. – URL: <https://ssrn.com/abstract=5346847> (дата обращения: 31.01.2024).

6. Gaiduk V.Y. Peculiarities of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Abroad. – 2024. – DOI: 10.2139/ssrn.5346847.

7. Эфимова Л. Г., Сиземова О. В., Чуб Д. В. Цифровые финансовые активы: концепт и правовая природа // BRICS Law Journal. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 32–57. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-1-32-57

8. Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России: проблемы теории и практики. – М.: Проспект, 2021. – 352 с.

9. Ашмарина Е.М. Современное финансовое право: вопросы теории и практики. – М.: Норма, 2022. – 288 с.

10. Запольский С.В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. – М.: РГ-Пресс, 2020. – 256 с.

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF SECURITIES ACCOUNTING

Losev I.D.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The relevance of the study is driven by the global trend of digitalization of financial markets and the search for solutions to improve the efficiency, reliability, and transparency of recording rights to securities. The traditional centralized accounting system, based on the interaction of multiple intermediaries, faces challenges of high operational costs, counterparty risks, and time delays in settlements. The article analyzes blockchain technolo-

gy as the next stage in the evolution of accounting systems – from paper-based records through electronic databases to distributed ledgers. Key architectural models (public, private, and hybrid blockchains) and their applicability in capital market infrastructure are considered. The main conclusions of the work are that blockchain can radically transform post-trade processes, providing direct recording of ownership rights, automation of settlements through smart contracts, and a significant increase in the system's resilience to fraud and operational errors. It is proven that the implementation of distributed ledgers paves the way for the creation of an integrated financial ecosystem with almost instantaneous settlements (T+0).

Keywords: blockchain, distributed ledger, securities accounting, smart contracts, digitalization, financial technologies, securities settlement, decentralization.

References

1. Bank for International Settlements. Project Atlas: Tracking Cryptoassets Across Borders. – Basel: BIS, 2023. – URL: <https://www.bis.org/statistics/atlas.htm> (accessed: January 31, 2024).

2. International Organization of Securities Commissions. Policy Recommendations for Crypto and Digital Asset Markets. – IOSCO, 2023. – URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD749.pdf> (accessed: January 31, 2024).

3. Girich M. G., Ermokhin I.S., Levashenko A.D. Comparative Analysis of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in Russia and Other Countries // International Organisations Research Journal. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Pp. 176–192.

4. Rizvanova I. A., Belova M.T. Features and Regulation of the Application of Distributed Ledger Technology // University Bulletin. – 2024. – No. 11. – Pp. 195–204.

5. Gavrilo V. N., Rafikov R.M. Cryptocurrency as an Object of Civil Law in the Legislation of Russia and Some Foreign Countries // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2019. – No. 1. – Pp. 51–59.

6. Vyazhev D. Yu., Tishchenko O.V. Cryptocurrency as an Object of Civil Law Regulation // Problems of Socio-Economic Development of Siberia. – 2022. – No. 2. – Pp. 35–38.

7. Abuzov A. Yu. Decentralized Finance: Preconditions and Development Prospects // Creative Economy. – 2023. – Vol. 17, No. 8. – Pp. 2675–2690.

8. Gorbunova, O. N. (2021). Financial Law and Financial Monitoring in Modern Russia: Problems of Theory and Practice. Moscow, Russia: Prospekt.

9. Ashmarina, E. M. (2022). Modern Financial Law: Issues of Theory and Practice. Moscow, Russia: Norma.

10. Zapolskiy, S. V. (2020). Debatable Issues of the Theory of Financial Law. Moscow, Russia: RG-Press.

Доктрина центра основных экономических интересов как основание для возбуждение основного производства в отношении иностранного юридического лица

Масленников Степан Евгеньевич,

аспирант, Московский городской педагогический университет
E-mail: maslennikovse@mgu.ru

В современном мире, когда международные отношения и хозяйственный оборот вышли на совершенно новый уровень (создание международного бизнеса, имеющего широкие экономические интересы в различных юрисдикциях) особую актуальность приобретают вопросы защиты интересов кредиторов и работников такого бизнеса в случае его несостоятельности. В настоящей статье рассматривается доктрина центра основных экономических интересов как основание для возбуждения в отношении иностранного должника основного производства, по результатам которого автор приходит к выводу о необходимости закрепления в российском законодательстве положений Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (1997 г.) для упрощения процесса признания иностранными судами решений российских судов о введении в отношении должника основного производства, а также презумпции совпадения центра основных экономических интересов должника с местом его регистрации при условии нахождения органов управления должника на территории данного государства на протяжении последних 12 месяцев для эффективного решения проблемы банкротного туризма (forum shopping).

Ключевые слова: Трансграничная несостоятельность, COMI, UNCITRAL Model Law, Регламент ЕС 2015/848, российское банкротство.

Введение

Глобализация экономических отношений и интернационализация предпринимательской деятельности существенно повлияли на характер и масштабы деятельности коммерческих организаций из различных юрисдикций, наиболее успешные из которых масштабировали свою деятельность до общемирового уровня. В случае же несостоятельности подобных международных компаний в условиях, когда активы и операционная деятельность компаний распределены по разным юрисдикциям возникает проблема определения компетентного суда для возбуждения дела о банкротстве в отношении подобных организаций. Для решения указанной проблемы традиционные коллизионные привязки для определения компетентного форума, основанные на формальном критерии, основанном на месте инкорпорации юридического лица (напр. п. 1 ст. 1202 ГК РФ) оказывается недостаточным. Вызвано это тем, что место ведения основной экономической деятельности международной компании может находиться вне государства, на территории которого данная компания зарегистрирована. Ярким примером подобного положения дел могут являться компании, формально зарегистрированные на территории офшорных юрисдикций. Такие организации могут вести свою деятельность на территории иных государств, имея основные активы, работников и контрагентов на территории соответствующих стран, оставаясь при этом формально зарегистрированными на территории офшорных юрисдикций, например для целей налоговой оптимизации или сокрытия сведений о своих бенефициарах.

Помимо этого, в ситуации несостоятельности международных групп компаний, осуществляющих свою деятельность на территории различных юрисдикций, особую актуальность приобретает проблема определения компетентного суда, решения которого могут быть признаны и приведены в исполнение судами иных государств, на территории которых могут располагаться активы и кредиторы данного должника. Связана обозначенная проблема с возможным нежеланием судов отдельных государств признавать решения судов иных государств в стремлении защитить интересы кредиторов – резидентов собственного государства, пострадавших от несостоятельности своего контрагента. Подобное положение дел в отсутствие общепринятого механизма определения надлежащей подсудности делает сложно выполнимой задачу по концентрации активов международных компаний, а также требований их кредиторов в рамках одного производства по делу о несостоятельности, что делает невозможным проведение мероприятий по наиболее эффективной реализации активов должника, равно как и проведению реабилитационных мероприятий по восстановлению платежеспособности несостоятельного должника с применением активов, находящихся на территории различных государств.

Основная часть

В Российской Федерации на протяжении длительного времени институт трансграничного банкротства не получал должного развития. Вместе с тем, для иных развитых стран указанные проблемы встали в полный рост куда ранее, ввиду чего поиск путей их разрешения также начался куда раньше посредством определения «центра основных экономических интересов должника».

Так в праве Европейского союза вопрос об определении компетентного суда для компании, ведущей свою деятельность на территории различных государств – участников ЕС, поднимался неоднократно.

Так, в деле Eurofood IFSC Ltd. (Case C-341/04, 2006) суд ЕС столкнулся с проблемой параллельного возбуждения 2 производств по банкротству в отношении одной организации судами двух стран-участниц ЕС.

Факты дела заключаются в том, что в 1997 году Eurofood IFSC Ltd. была зарегистрирована в Ирландии, являясь при этом 100% дочерней компанией Parmalat SpA, зарегистрированной на территории Италии. В январе 2004 года по ходатайству Bank of America NA Высший суд Ирландии назначил для Eurofood IFSC Ltd. временного ликвидатора, наделив его полномочиями вступать во владение всеми активами компании, управлять ее делами, открывать банковский счет на ее имя и давать указания юристам от ее имени. В феврале 2004 года на основании заявления о признании несостоятельным Eurofood IFSC Ltd. окружной

суд Пармы (Италия), приняв во внимание, что центр основных интересов Eurofood IFSC Ltd. находится в Италии, постановил, что он обладает международной юрисдикцией для определения того, находится ли Eurofoods IFSC Ltd. в состоянии неплатежеспособности. 23.03.2004 в соответствии с постановлением Высокого суда по законодательству Ирландии производство по делу о банкротстве Eurofood открыто в Ирландии в день подачи Bank of America заявления – 27.01.2004. Ввиду нахождения центра основных экономических интересов Eurofood в Ирландии, суд постановил, что разбирательство, начатое в Ирландии, было основным. Помимо этого, суд отметил закономерность отказа ирландских судов в признании данного решения в соответствии со ст. 26 Регламента ввиду обстоятельств судебного разбирательства в окружном суде Пармы. Установив, что Eurofood является неплатежеспособной, Высокий суд вынес постановление о ликвидации и назначил мистера Фаррелла ликвидатором.

Разрешая образовавшийся конфликт, суд ЕС пришел к выводу о необходимости применения презумпции, закрепленной в втором предложении статьи 3(1) Постановления Совета (ЕС) № 1346/2000 от 29 мая 2000 года о производстве по делу о несостоятельности в ситуации, когда должником становится дочерняя компания, чей офис регистрации, равно как и офис ее материнской компании, находятся в различных стран-участниц ЕС. Содержание данной презумпции заключается в том, что в подобных ситуациях центр основных экономических интересов дочернего общества находится в том государстве, где находится его зарегистрированный офис, пока не доказано обратное. Сам по себе факт наличия контроля со стороны материнской компании, находящейся на территории иностранного государства недостаточно для опровержения данной презумпции.

Анализируя данное дело P.R. Wautelet приходит к выводу о необходимости учета фактической реальности над формальной стороной при разрешении вопроса о центре основных экономических интересов должника [2, 103].

Вопрос определения центра основных экономических интересов должника получил развитие в деле Interedil Srl, рассмотренном Судом ЕС в 2011 году (Case C-396/09, 2011), где суд УС указал на необходимость придания приоритетного значения месту центрального управления компаний, что возможно установить объективными факторами доступными третьим лицам. В случае совпадения места нахождения органов управления должника с регистрационным офисом и принятия ими управленческих решений в данном месте способом, который может быть проверен третьими лицами, презумпция, содержащаяся в данном положении, не подлежит опровержению. В случае нахождения органов управления компании в ином месте по отношению к месту регистрации, наличие активов и контрактов по использованию данных активов в ином государстве-члене ЕС по отношению к стране регистрации, не может рассматриваться как достаточный фактор для опровержения данной презумпции, за исключением случаев, если офис регистрации компании находится в другой стране-участнице ЕС. Для установления факта нахождения центра основных экономических интересов Должника на территории иного государства-члена ЕС необходима всесторонняя оценка всех релевантных факторов способами, доступными для третьих лиц.

Помимо этого, рассматриваемое решение содержало сомнительное утверждение о необходимости определения центра основных экономических интересов компании нового офиса регистрации при его смене до инициации

Следующим шагом для разрешения противоречий, связанных с определением компетентного суда в делах о трансграничной несостоятельности на территории Европейского союза стало принятие регламента № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О процедурах банкротства» (далее – «Регламент») позволяющее инициировать основную процедуру банкротства в государстве – члене ЕС, на территории которого находится центр основных интересов должника (место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами, п. 1 ст. 3 Регламента), а также введение вторичной процедуры банкротства, охватывающая лишь имущество должника, находящегося на территории данного государства (п. 2 ст. 3 Регламента). Помимо этого, Регламент регулирует значительное количество иных аспектов, связанных с проведением основной и вторичных процедур банкротства, а именно: порядок сотрудничества и взаимодействия между судами (ст. 42 Регламента), конкурсного управляющего и судами (ст. 43 Регламента), осуществление прав кредиторами (ст. 45 Регламента и т.п.).

Следует отметить, что аналогичное регулирование закреплено в Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности

(1997 г.), положения которого имплементированы в законодательство более чем 60 государств

В практике Российских судов длительное время сама возможность возбуждения в отношении иностранного юридического лица дела о банкротстве на территории РФ воспринималась негативно [3, 80]. Однако, с введением в отношении Российской Федерации беспрецедентных санкций в 2022 году ранее занимаемый подход начал активно пересматриваться.

Результатом пересмотра российскими судами подхода о возможности возбуждения в отношении иностранного юридического лица стало принятие СКЭС ВС РФ определения от 08.02.2024 № 305-ЭС23–15177 по делу № А40–248405/2022 (далее – «**Определение по делу Вествок**»).

В данном судебном акте Верховным судом Российской Федерации впервые определены критерии введения в отношении иностранного должника процедур, предусмотренных Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон о банкротстве»), российскими арбитражными судами в рамках основного или вторичного производства.

При этом, из содержания Определения по делу Вествок следует, что экстерриториальным эффектом наделяется лишь основное производство в отношении иностранного должника. Из этого следует, что ВС РФ восприняло деление производств о банкротстве иностранного должника на основное и вторичное, закрепленное в Типовом законе.

Согласно выработанной ВС РФ позиции при возбуждении основного производства по делу о банкротстве арбитражным судам необходимо установить нахождение центра основных интересов иностранного должника на территории Российской Федерации. Данный факт может подтверждаться рядом обстоятельств, таких как: местонахождение основного имущества, производственных активов, большинства кредиторов должника на территории РФ, место извлечения основных доходов должника находится на территории РФ, а также иных критериев. При этом, перечень обстоятельств, подтверждающих факт нахождения центра основных интересов должника на территории Российской Федерации, является открытым, что позволяет заявителям по делу о банкротстве приводить любые иные доказательства в поддержку своей позиции.

Безусловно, положительная тенденция связана с пониманием практической целесообразности открытия конкурсного производства на территории Российской Федерации, несмотря на факт инкорпорации должника в иностранном государстве. Однако, хотя окказиональное восполнение пробелов закона судами допустимо, целый пласт норм таким образом восполнен быть не может. Российское законодательство о банкротстве не приспособлено для регулирования отношений с иностранным элементом, в связи с чем необходима разработка специального регулирования [5, 32].

Вместе с тем, использование категории центра основных экономических интересов для возбуждения основного производства в отношении должника требует решения ряда правовых проблем, игнорирование которых способно существенно сократить эффективность применения данной доктрины.

Так развитие практики российских судов по определению центра основных экономических интересов на территории РФ и введении в отношении иностранного должника основного производства по делу о несостоятельности неизбежно приведет к необходимости признания и приведения в исполнения решений российских судов судами иностранных государств, на территории которых могут располагаться активы соответствующего должника, что может составить существенную проблему ввиду отсутствия какого-либо законодательного регулирования данной категории отношений в Российской Федерации.

Как отмечает Е.В. Моховой, независимо от восприятия или невосприятия международных стандартов российскими судами, признание российских производств за рубежом будет осуществляться с учетом этих международных стандартов: во всех странах, инкорпорировавших типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, в иных странах, воспринявших близкие подходы, например, страны – участницы ЕС, принявшие Регламент, российское банкротство будет рассматриваться через призму основного производства и неосновного/вторичного производства. Таким образом, представляется оправданным и обоснованным при анализе проблематики доступа к банкротству для иностранных корпораций ориентироваться на Типовой закон 1997 года и на Регламент [4, 136].

В этой связи, с целью гармонизации подходов к определению центра основных экономических интересов для введения основного производства в отношении иностранного должника российским судом и упрощения процесса признания такого решения иностранными судами представляется необходимым имплементировать в российское

законодательство нормы типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г.

Иной, не менее важной проблемой, связанной с определением центра основных экономических интересов должника, является проблема «банкротного туризма» (forum shopping), актуальность которой отмечается как в иностранной [1, 19], так и в отечественной литературе [7, 3].

Суть обозначенной проблемы заключается в возможности манипуляции недобросовестным должником местом возбуждения дела о своем банкротстве для усложнения процесса получения удовлетворения своих требований со стороны кредиторов. В области трансграничной несостоятельности подобные злоупотребления могут, в частности, выражаться в следующем:

1. В изменении должником страны своей регистрации незадолго до возбуждения в его отношении дела о банкротстве.

2. Перевода активов должника в пользу обособленного подразделения, дочернего общества компании, осуществляющего деятельность в ином государстве для создания иллюзии наличия центра основных интересов на территории основного государства с целью манипуляции над подсудностью основного производства по банкротству данной компании.

Действующее российское законодательство не содержит положений для борьбы с подобными злоупотреблениями со стороны иностранных компаний, обладающих центром основных экономических интересов на территории РФ.

Однако, подобные злоупотребления со стороны российских должников уже неоднократно встречались в практике российских судов. Выражаются данные злоупотребления в попытке смены должником в преддверии собственного банкротства места жительства, региона регистрации юридического лица для переноса судебного разбирательства по делу о банкротстве в иной арбитражный суд.

На уровне высших судебных инстанций данная проблема получила освещение в определении судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.03.2019 № 308-ЭС18-25635 по делу № А63-9583/2018. В рассматриваемом деле СКЭС ВС РФ пришла к выводу о возможности, в исключительных случаях, опровержения презумпции совпадения места жительства гражданина с адресом регистрации при предоставлении доказательств, подтверждающих такое несоответствие. Помимо этого, данная позиция сформировала правило о возможности упрощения процесса перекладывания на должника бремени доказывания обоснования подсудности при смене адреса регистрации незадолго до возбуждения дела о банкротстве. Таким образом, ВС РФ предоставляет судам нижестоящих инстанций указание на необходимость всестороннего исследования обстоятельств изменения должником места жительства незадолго до возбуждения дела о банкротстве. Помимо этого, аналогичные требования предъявляются к судам в части необходимости исследования всех существенные обстоятельства, повлиявшие на банкротство организации, в обособленных спорах о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности [6, 6].

Для решения данной проблемы в сфере трансграничной несостоятельности представляется необходимым закрепить в Законе о банкротстве отдельную главу о трансграничной несостоятельности, содержащую презумпцию совпадения центра основных экономических интересов должника с местом его регистрации при условии нахождения органов управления должника на территории данного государства на протяжении последних 12 месяцев. Введение подобной презумпции позволит эффективно бороться с возможными злоупотреблениями со стороны должника, связанными с манипуляциями должником над подсудностью дела о его банкротстве, а также соответствует подходу, занятому судом ЕС в деле Interedil Srl о привязке центра основных экономических интересов должника к месту центрального управления компаний. Более того, данное решение способствует развитию идей, выработанных практикой российских судов по разрешению проблемы «банкротного туризма» должников внутри территории РФ.

Заключение

Подводя итоги следует отметить, что определение центра основных экономических интересов должника для введения в отношении должника основного производства по делу о банкротстве представляется необходимым и способом решения конфликтов, связанных с определением компетентного суда в делах о банкротстве международных компаний, получившим свое закрепление в положениях типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., а также Регламента. Данный подход также получил закрепление в Определении по делу Вествок, что свидетельствует о движении российского правового регулирования данного вопроса в сторону международных актов.

Вместе с тем, использование категории центра основных экономических интересов должника для возбуждения основного производства в отношении должника включает в себя необходимость признания соответствующего решения российского суда судами иностранных государств при признании и приведении в исполнение соответствующего решения. При рассмотрении подобного заявления суды иностранных государств будут ориентироваться, в том числе на критерии определения центра основных экономических интересов должника, закрепленных в типовом законе ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, в странах, имплементировавших в свое законодательство положения типового закона, а также в Регламенте в странах-участниках ЕС.

В этой связи для решения проблемы гармонизации процесса признания и приведения в исполнение иностранными судами решений российских судов о введении основного производства в отношении иностранного должника представляется необходимым закрепить в Законе о банкротстве отдельную главу о регулировании трансграничной несостоятельности, имплементировав в нее положения типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, а также наработки Регламента в части критериев для определения центра основных экономических интересов должника на территории РФ.

Помимо этого, использование категории центра основных экономических интересов порождает проблему возможных манипуляций со стороны должника, связанных с возможным изменением должником страны своей регистрации незадолго до возбуждения в его отношении дела о банкротстве, либо перевода активов в пользу обособленного подразделения, дочернего общества компании, осуществляющего деятельность в ином государстве для создания иллюзии наличия центра основных интересов на территории основного государства с целью манипуляции над подсудностью основного производства по банкротству данной компании (forum shopping).

Российское законодательство не содержит каких-либо механизмов для решения данной проблемы, ввиду чего представляется необходимым закрепление в Законе о банкротстве главы о трансграничной несостоятельности с положением о презумпции совпадения центра основных экономических интересов должника с местом его регистрации при условии нахождения органов управления должника на территории данного государства на протяжении последних 12 месяцев. Введение подобной презумпции позволит эффективно бороться с возможными злоупотреблениями со стороны должника, связанными с манипуляциями должником над подсудностью дела о его банкротстве, а также соответствует подходу, занятому судом ЕС в деле Interedil Srl о привязке центра основных экономических интересов должника к месту центрального управления компаний.

Литература

1. Walters A. United States' Bankruptcy Jurisdiction Over Foreign Entities: Exorbitant or Congruent? (February 16, 2017). *Journal of Corporate Law Studies* (Forthcoming) 40 p.
2. Wautelet, Patrick R., Some Considerations on the Center of the Main Interests as Jurisdictional Test Under the European Insolvency Regulation (November 2006). P 73–104.
3. Завьялов С.О., Лаццарини Д.Ю. Трансграничная юрисдикция российского суда в условиях санкционных ограничений // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7. С. 78–88
4. Мохова Е.В. Банкротство иностранных компаний в Российской Федерации: теоретические основы, развитие судебной практики, проблемы и перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 5. С. 107–136; № 6. С. 134–177.
5. Пойда В.В., Татаринов М.К. Унификация и гармонизация критериев подсудности дел о трансграничной несостоятельности в интеграционных объединениях: опыт ЕС и ЕАЭС // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 3. С. 30–34.
6. Ситдикова Л.Б. Особенности и порядок привлечения к субсидиарной ответственности руководителя должника при банкротстве // Юрист. 2024. № 7. С. 2–7.
7. Ярков В.В. Злоупотребления при выборе компетентного суда // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 3–4.

THE DOCTRINE OF THE CENTER OF BASIC ECONOMIC INTERESTS AS A BASIS FOR INITIATING MAIN PROCEEDINGS AGAINST A FOREIGN LEGAL ENTITY

Maslennikov S.E.
Moscow City Pedagogical University

In the modern world, when international relations and business turnover have reached a completely new level (the creation of an international business with broad economic

interests in various jurisdictions), issues of protecting the interests of creditors and employees of such a business in the event of its insolvency are becoming particularly relevant. This article examines the doctrine of the center of basic economic interests as the basis for initiating main proceedings against a foreign debtor, as a result of which the author comes to the conclusion that it is necessary to consolidate in Russian legislation the provisions of the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (1997) in order to simplify the process of recognition by foreign courts of Russian court decisions on the introduction of main proceedings against the debtor., as well as the presumption that the center of the debtor's main economic interests coincides with the place of its registration, provided that the debtor's governing bodies have been located in the territory of this state for the past 12 months to effectively solve the problem of bankrupt tourism (forum shopping).

Keywords: Cross-border insolvency, COMI, UNCITRAL Model Law, EU Regulation 2015/848, Russian bankruptcy.

References

1. Walters A. United States' Bankruptcy Jurisdiction Over Foreign Entities: Exorbitant or Congruent? (February 16, 2017). *Journal of Corporate Law Studies* (Forthcoming) 40 p.
2. Wautelet, Patrick R., Some Considerations on the Center of the Main Interests as Jurisdictional Test Under the European Insolvency Regulation (November 2006). P 73–104.
3. Zavyalov S.O., Lazzarini D. Yu. Cross-border Jurisdiction of the Russian Court under Sanctions Restrictions // *Property Relations in the Russian Federation*. 2024. No. 7. pp. 78–88
4. Mokhova E.V. Bankruptcy of Foreign Companies in the Russian Federation: Theoretical Foundations, Development of Judicial Practice, Problems, and Prospects // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 5. Pp. 107–136; No. 6. Pp. 134–177.
5. Poyda V.V., Tatarinov M.K. Unification and Harmonization of Jurisdiction Criteria for Cross-Border Insolvency Cases in Integration Associations: Experience of the EU and the EAEU // *Arbitration and Civil Procedure*. 2025. No. 3. Pp. 30–34.
6. Sitdikova L.B. Features and Procedure for Bringing the Head of the Debtor to Subsidiary Liability in Bankruptcy // *Jurist*. 2024. No. 7. Pp. 2–7.
7. Yarkov V.V. Abuses in the Selection of a Competent Court // *Arbitration and Civil Procedure*. 2023. No. 7. Pp. 3–4.

Критерии достаточного уровня творческого труда пользователя при разрешении вопроса правовой охраны музыкальных произведений, созданных с помощью компьютерных программ и приложений

Медведев Артём Александрович,

аспирант, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: medvedev23061999@mail.ru

В статье рассматривается вопрос относительно правовой охраны музыкальных произведений, созданных с использованием функционала различных компьютерных программ и приложений.

Как отмечается автором, основная проблема в рассматриваемых случаях состоит в том, что музыкальные композиции не создаются с нуля, а синтезируются самой программой по заданному пользователем мелодическому рисунку, либо же основаны на имеющихся в программах звуковых заготовках и пакетах, в которые пользователь может вносить изменения. То есть, достаточно сложно отделить творческий вклад от функционала самой программы.

Вместе с тем, поскольку наличие «творческого труда» является обязательным критерием, позволяющим распространять на создаваемые работы правовую охрану объектов авторских прав, автором предлагаются критерии, свидетельствующие о наличии достаточного уровня творческого труда автора, чтобы предоставлять создаваемым с помощью компьютерных программ и приложений музыкальным композициям такую правовую охрану.

Ключевые слова: музыкальные произведения, правовая охрана, пользователи, компьютерные программы, звуковые заготовки, творческий труд, синтезирование музыки.

История создания музыки с помощью компьютерных программ берёт своё начало ещё с 1957 года, когда американским инженером, сотрудником компании «Bell Labs» Максом Мэтьюзом на компьютере IBM был написан первый 17-секундный звуковой фрагмент¹.

В 1960 году Макс Мэтьюз уже вместе с командой разработчиков создаёт первую в мире компьютерную музыкальную программу MUSIC-N, посредством которой компьютер мог синтезировать различные мелодии².

В дальнейшем, в 1989 году компанией «Steinberg» была выпущена программа Cubase, в функционале которой используется горизонтальный таймлайн (визуальное представление звукового ряда во временной шкале), ставший стандартом для всех современных средств создания и записи музыки.

Считается, что начиная с этого момента компьютер стал полноценным звукозаписывающим устройством³.

Дальнейшее же развитие и совершенствование программного обеспечения, с помощью которого возможно придумывать музыку вообще без использования «традиционных» музыкальных инструментов (например, гитар, барабанов и пианино), привело к тому, что в наши дни создание музыки в цифровой среде с помощью специальных компьютерных программ и приложений постепенно стало преобладающей формой создания работ в музыкальной индустрии.

Так, согласно сведениям из открытых источников, по состоянию на конец 2024-го года общий оборот рынка музыки, созданной в цифровых форматах, составил более 29,5 миллиардов долларов США⁴.

И большинство музыкальных произведений в цифровой среде как раз создаётся с использованием различных компьютерных программ и приложений⁵.

В качестве примеров современных программных средств, позволяющих создавать музыку в цифровом пространстве, можно привести такие компьютерные программы, как FL Studio, Ableton Live, Logic Pro X, Reaper, MainStage, а также такие приложения, как например, Walk Band и Garage Band.

С их помощью создание музыки становится доступным не только профессиональным музыкантам, но и пользователям без профессионального образования и опыта в этой сфере при условии оплаты доступа к подобным программам и приложениям в пользу их разработчиков.

Все приведённые программные продукты, безусловно имеют свои функциональные особенности, однако, по существу, **работают по одному заложенному принципу** – посредством встроенных в них электронных инструментов и плагинов, синтезирующих звучание музыкальных инструментов (как правило длиной не более одной или двух нот) по заданному пользователем мелодическому рисунку, а также посредством содержащихся в них звуковых шаблонов пользователям предоставляется возможность объективизации своих идей в музыкальные композиции любого жанра.

Иными словами, **основная проблема** в рассматриваемом случае состоит в том, что при создании музыки в цифровом пространстве с помощью различных компьютерных программ и приложений, композиции не создаются с нуля.

¹ Развитие компьютерных технологий в музыке XX века // [Электронный ресурс] URL: <https://samesound.ru/music/5032-razvitie-kompyuternyh-tehnologij-v-muzyke-xx-veka> (дата обращения: 04.02.2025).

² Развитие компьютерных технологий в музыке XX века // [Электронный ресурс] URL: <https://samesound.ru/music/5032-razvitie-kompyuternyh-tehnologij-v-muzyke-xx-veka> (дата обращения: 04.02.2025).

³ Там же.

⁴ IFPI: обзор цифровых преобразований в музыкальной индустрии за последние десять лет // [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/ifpi-looks-at-a-decade-of-digital-transformation-in-the-music-industry-73661> (Дата обращения: 19.09.2025).

⁵ Бедрум-продюсеры: как не выходя из дома начать создавать музыку // [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: https://www.aillfordj.ru/news/sovety_i_gidy/bedrum_prodyusery_kak_ne_vykhodya_iz_doma_nachat_sozdavay_muzyku/ (Дата обращения: 20.09.2025).

В используемых пользователем программах и приложениях уже имеются определённые стандартные звуковые заготовки, которые могут извлекаться пользователем, либо же (в зависимости от особенностей функционирования конкретного редактора) музыка будет как бы синтезироваться самой программой, т.е. в обоих случаях попросту отсутствует эффект рождения музыки «под пальцами композитора», в отличие от создания музыки с помощью традиционных музыкальных инструментов (например, путём наигровки мелодии на гитаре или пианино).

Однако, как отмечает исследователь И.Б. Горбунова, все утверждения о том, что так называемая «синтезаторная музыка» создаётся автоматически, являются совершенно необоснованными¹.

В рассматриваемом случае **работа автора** состоит в **подборе** имеющихся в библиотеке специальных компьютерных программ звуковых шаблонов и заготовок, их построении, систематизации, расположении в определённой последовательности, **переделке и ином видоизменении**, либо же в определении **содержательной части** работы (например, в части структуры, состава играющих инструментов, длительности, заложения собственных мелодии и ритма в звуковые отрывки), которые в дальнейшем уже синтезируются самой программой в воспроизводимую слушателем форму.

Однако положения п. 1 ст. 1257, пп. 2 п. 2 и п. 7 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – **ГК РФ**)² прямо содержат указание на **наличие «творческого труда» автора** в качестве **обязательного критерия правовой охраны** объектов авторских прав.

При этом, как разъяснено в п. 80 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации», творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств.

Вместе с тем, результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

То есть, с точки зрения толкования действующих законодательных норм, от установления творческого участия автора в создании музыкальных композиций в цифровом пространстве, определяется возможность предоставления подобным композициям правовой охраны.

Предполагается, что использование функционала специальных компьютерных программ и приложений для создания музыки в качестве вспомогательных средств не может однозначно свидетельствовать об отсутствии творческого участия автора в процессе создания музыкальных композиций подобным образом. Действия пользователя по применению программного обеспечения могут быть расценены в качестве творческого вклада автора в создание работы.

При этом, в любом случае необходимо учитывать степень влияния пользователя на финальный результат работы, а также степень контроля процесса создания объекта с его стороны (т.е. можно ли говорить о наличии пусть и технически сложного, но всё же инструмента для написания музыки, в руках автора, или же программное обеспечение самостоятельно формирует звуковой материал без какого-либо значительного участия пользователя).

Поскольку какие-либо чёткие критерии, с помощью которых возможно установление степени достаточности творческого вклада автора в создание работы на законодательном уровне попросту отсутствуют, в рассматриваемой ситуации представляется необходимым определить – в каких конкретных случаях уровень творческого труда пользователя в создание музыкальной работы с использованием компьютерных программ и приложений будет достаточным для того, чтобы наделить такую работу правовой охраной.

Вследствие же неоднозначности процессов и алгоритмов работы современных технологических средств, используемых при создании музыки, данный вопрос представляется достаточно неоднозначным.

Более того, функционал современных компьютерных программ и приложений зачастую свидетельствует о том, что процесс создания в них тех или иных объектов становится технически опосредованным, наблюдается определённая типизация и стандартизация средств и форм выражения своей индивидуальности пользователем, затрудняя процесс доказывания авторства на музыкальные произведения в подобных ситуациях.

Поэтому попытка предоставить ответ на вопрос относительно достаточности творческого вклада пользователя в процесс создания му-

зыкальных произведений, в целях предоставления им правовой охраны, как раз будет дана именно в настоящей статье.

Вместе с тем, по мнению автора, прежде чем более подробно переходить к изучению данного вопроса, изначально необходимо определить, что же из себя представляет **понимание творческого труда автора**.

Ни на уровне действующего законодательства, ни на уровне разъяснений высших судебных инстанций не определено – что из себя представляет творческая деятельность автора и вообще творчество.

Подходы к определению сущности творчества имеются лишь на уровне научной доктрины. Условно их они подразделяются на субъективный и объективный.

Субъективный подход предполагает, что охраноспособное произведение должно отражать в себе личность и индивидуальность автора, его уникальный авторский стиль, личный отпечаток и т.п. (О.С. Иоффе³, В.И. Серебровский⁴, В.А. Дозорцев⁵ и др.).

Объективный подход исходит из понимания того, что условием предоставления произведению правовой охраны является не субъективно – творческий характер деятельности автора, а творческий характер результата, его новизна (М.В. Гордон⁶, В.Я. Ионас⁷ и др.⁸).

Среди сторонников первого подхода В.И. Серебровский рассматривал произведение как «совокупность идей, мыслей и образов, которые, вне всякого сомнения, не могут существовать отдельно от личности автора»⁹.

По мнению А.В. Нестерова, «творческая психофизическая индивидуальность автора проявляется в виде оригинальности творческого почерка, характерного только конкретному автору», и, поскольку «у людей не существует двух одинаковых психик, то и самостоятельно созданные произведения разными авторами всегда будут отличаться»¹⁰.

Иными словами, произведение несёт отпечаток личности автора, подчёркивает его индивидуальность и, как следствие, его неповторимый (уникальный) авторский стиль (язык). Особенности психики, мировосприятия, эрудиции и кругозора не могут не накладывать отпечаток на создаваемые работы¹¹.

Таким образом, все представленные исследователи исходили из понимания того, что творческая деятельность представляет собой отражение субъективных проявлений личности автора (его индивидуальные особенности, профессиональный уровень, авторский стиль, язык и т.п.) в выражении конкретной идеи, мысли или образа.

Исходя из толкования положений ст. 1257 и 1259 ГК РФ можно прийти к выводу о том, что **отечественное законодательство**, по существу, основывается на субъективном подходе: требование творчества предъявляется к труду автора, а не к его характеру.

Подобного подхода придерживаются и страны романо – германской правовой семьи.

Как отмечали исследователи Л. Бентли и Б. Шерман в странах континентального права термин «творчество» указывает на то, что обсуждаемый объект является плодом интеллектуального усилия личности, а не на характер труда его создателя¹².

По этой причине в дальнейшем при любом упоминании творческого труда автора речь будет идти преимущественно о его понимании с точки зрения субъективного подхода к оценке творческой деятельности автора.

Возвращаясь же к музыкальным произведениям, созданным с помощью функционала компьютерных программ и приложений, стоит отметить, что в **российской судебной практике** всё же встречалось несколько дел, в которых были даны разъяснения относительно возможности правовой охраны композиций, состоящих из совокупности звуковых заготовок программных аудиоредакторов.

³ Иоффе О.С. Советское гражданское право: В 3 т. Л., 1965. Т. 3. С. 5

⁴ Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., Изд-во АН СС-СР. 1956. С. 34

⁵ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М.: Статут, 2003. С. 280

⁶ Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. С. 63

⁷ Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.: Юридическая литература, 1963. С. 23

⁸ Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97.

⁹ Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., Изд-во АН СС-СР. 1956. С. 32.

¹⁰ Нестеров А.В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. С. 32.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: Авторское право (Пер. с англ. В.Л. Вольфсона). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 87

¹ Горбунова И.Б. Электронные музыкальные инструменты: к проблеме становления исполнительского мастерства // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 4.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 773.

Так, например, в рамках рассмотрения спора по иску гражданина Вдовченко А.В. к композитору Булаткину Е.Н., на основании изучения заключений специалистов, суды пришли к выводу о том, что представленный истцом аудиоматериал в цифровой форме, содержащий в себе композицию под названием «Young Starz Music – Remembering Kate», фактически представляет собой по смыслу и содержанию ничто иное, как совокупность программных заготовок (циклических лупов) в форме гармонической стандартной последовательности звуков музыкального аудиоредактора FL Studio с нулевой долей авторского участия и оригинальности. Исходя из чего, представленная работа не может быть квалифицирована в качестве музыкального произведения и не может иметь авторства¹.

В другом случае, по итогам рассмотрения иска Абрамова Г.М. к ООО «Музыкальный лейбл «Блэк Стар»» о взыскании компенсации за незаконное использование мелодии из произведения «OIKI – Hands Up» в композиции «В щелки» в исполнении артистов ООО «Музыкальный лейбл «Блэк Стар» проекта «Black Star Mafia», судебные инстанции установили, что музыкальное произведение «OIKI – Hands Up» представляет собой набор широко распространенных стандартизированных звуковых элементов, которые являются общедоступными, в силу чего, определить их авторскую принадлежность практически невозможно. Кроме того, мелодия из композиции «OIKI – Hands Up» достаточно схожа с мелодией песни «Jogi» группы «Panjabi MC», выпущенной ещё в 2003 году².

Выводы судов по означенным судебным делам исходят из понимания того, что представляются возможными ситуации, когда отдельные звуковые элементы из разных музыкальных произведений могут быть достаточно схожи друг с другом только по той причине, что их авторами используются одни и те же программы для создания музыки и содержащиеся в них исходные звуковые заготовки и шаблоны.

Получается, что чисто теоретически возможна ситуация, когда создатель музыкального произведения предъявит иск о нарушении исключительных прав к другому лицу, в произведении которого содержатся схожие элементы, считая, что эти элементы были взяты из его работы.

В свою очередь, суд установит отсутствие нарушения исключительных прав, несмотря на схожесть двух разных работ, поскольку общие элементы были использованы из общей библиотеки звуковых образцов и не являются творческими.

И приведенные выше выводы судебных инстанций позволяют говорить о том, что главная проблема в рассматриваемом случае состоит в **необходимости установления творческого вклада** автора в процесс создания музыкальных композиций подобным способом и **разграничении** этого творческого вклада **от уже имеющихся** в программах стандартизированных **звуковых элементов** (не являющихся творческими с точки зрения законодательства и использующихся на основании лицензионного соглашения с разработчиком программы).

Подобные музыкальные композиции могут быть признаны охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности только в том случае, если судами будет установлен творческий вклад автора в процесс их создания.

Вместе с тем, как справедливо отмечается Е.С. Дементьевой, поскольку при создании цифровой музыки творческий вклад автора более специфичен, решение вопроса о разграничении охраняемых элементов музыкального произведения, в отношении которых автор вложил свои навыки и умения от неохранных элементов, представляется достаточно сложным³.

В этой связи достаточно интересна позиция датского исследователя В. Веинке, согласно которой, решая вопрос, является какая-либо работа охраняемым объектом авторских прав или нет, необходимо углубиться в исследование о том, действительно ли в данном случае автор внёс свой творческий и духовный вклад или всего лишь по счастливой случайности создал что-то «оригинальное» в компьютерной программе. Творческая работа в любом случае должна отражать отпечаток индивидуальности автора⁴.

Иными словами, получается, что с позиции этого автора несмотря на то, что в случаях создания музыки в специальных компьютерных

программах для ЭВМ и приложениях, творческая деятельность автора заключается именно в подборе и видоизменении звуковых заготовок, использующихся в качестве вспомогательного материала, сырья, для создания музыки, либо же в придании мелодического рисунка этим звуковым заготовкам.

В этой связи представляется необходимым изучить также **зарубежную судебную практику** в рамках рассматриваемого вопроса.

Однако поскольку конкретные судебные акты, касающиеся основательного анализа признаков творческого участия автора при создании музыкальных произведений с помощью программ и приложений, практически отсутствуют, возможно проанализировать судебные акты, затрагивающие рассматриваемый вопрос применительно к другим объектам авторских прав.

Ведь содержащиеся в них подходы могут быть по аналогии применены и в отношении музыкальных произведений.

Так, достаточно интересный правовой подход относительно определения того – какие элементы работы подлежат правовой охране, а какие находятся за её пределами, применяется в судебной практике США.

Так, например в своём решении по делу Computer Assoc. Int'l, Inc. v. Altai, Inc. (1992) в рамках анализа структуры компьютерной программы, Апелляционный суд Второго округа США указал, что неохранные элементы должны быть определены и отсеяны до того, как работа будет рассматриваться в целом на предмет её правовой охраны. Затем уже должно производиться отсеивание основных идей, выражений работы от других элементов, являющихся стандартными в интерфейсе программы⁵.

Указанные выводы суда, по существу, являются частным примером применения **доктрины дихотомии идея/выражение (idea/expression dichotomy)**, которая исходит из понимания того, что правовая охрана конкретной работы ограничена пределами её идеи, поскольку идеи являются отправной точкой любой творческой деятельности⁶.

Получается, что согласно приведённому решению американского суда, цель создания, назначение и функциональные возможности такой программы являются её идеей, всё остальное представляет собой выражение самостоятельной идеи новой работы (т.е., творческой работы автора).

В рамках дела See Straughter v. Raymond (2011) суд Округа Колумбия прямо отметил, что композитор может объединить самые разнообразные элементы, не подлежащие защите по отдельности, для формирования музыкального произведения – такие элементы, как «текст, ритм, высота звука, каденция, мелодия, гармония, темп, фразировка, структура, последовательность аккордов, инструментальные фигуры и др. Несмотря на это, подобное произведение будет подлежать правовой охране»⁷.

По существу, с точки зрения доктрины дихотомии идея/выражение правовой охране подлежали бы только те элементы музыкальной композиции, в которые автор внёс свою творческую идею (например, путём оригинального расположения звуковых эффектов в определённой последовательности, создания оригинальных ритмических и мелодических рисунков в звуковых заготовках компьютерных программ).

В свою очередь, на стандартные звуковые шаблоны и заготовки, а также звуковые образцы, содержащиеся в специальных программах и не содержащие в себе авторский отпечаток, правовая охрана не распространялась бы.

В рамках рассмотрения дела Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury, касающегося правовой охраны компьютерной программы, Высший Европейский суд также пришёл к выводу о том, что когда возникающая **форма** (визуальная, звуковая или текстовая) **продиктована техническим назначением** этих компонентов, то **такое выражение критерию творчества не соответствует**, поскольку различные способы реализации идеи настолько ограничены, что идея и выражение становятся неразделимыми⁸.

Если у автора нет возможности для его собственных решений из-за того, что содержание работы определяется ограниченными рамками для создания объекта или другими уже заложенными специальными

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2019 по делу № 33-22655/2019 // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 04.09.2024).

² Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2018 года по делу № 33-18570/2018 // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 05.09.2024).

³ Дементьева Е.С. Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. С. 1.

⁴ Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. М.: Юрид. лит., 1979. С. 31.

⁵ Computer Assoc. Int'l, Inc. v. Altai, Inc., 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (Дата обращения: 21.03.2025).

⁶ Eleonora Rosati. The Idea/Expression Dichotomy at Crossroads // Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. P. 12.

⁷ Straughter v. Raymond, No. CV 08-2170 CAS (CWx), 2011 U.S. Dist. LEXIS 93068 (C.D. Cal. Aug. 19, 2011) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (дата обращения: 21.03.2025).

⁸ Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury. Judgment of the European Court of Justice of 22.12.2010, Case № C-393/09 (§ 48, 49). – режим доступа: URL: <https://curia.europa.eu/juris/recherche.jsf?language=en> (Дата обращения: 11.05.2025).

средствами, то создаваемый результат будет лишён индивидуальности.

С позиции суда, если различные способы реализации идеи настолько ограничены, то идея и выражение становятся неразделимыми¹.

По части компиляции, выборки тех или иных объектов в единую работу соответствующие разъяснения были даны Верховным Судом США при рассмотрении дела *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel.* Суд отметил, что необходимыми элементами для получения защиты авторских прав в качестве сборника являются: «(1) сбор и сборка уже существующих материалов, фактов или данных, (2) выбор, координация или расположение этих материалов, и (3) **создание, в силу особого творческого выбора, координации, требующего** определённого уровня и качества **навыков, приёмов, умений**»².

При этом, подобный творческий выбор должен быть более креативным, чем простое механическое упорядочивание объектов в числовом или алфавитном порядке.

По мнению исследователя Джереми Кинга, выбор конкретных образцов в компьютерной программе позволяет получить необходимые творческий порог, поскольку решение о том, какие именно образцы использовать, является достаточно творческим мнением³.

По мнению автора, изложенный в приведённых выше судебных актах, а также в научной доктрине подход, мог бы быть применён по аналогии и в отношении музыкальных произведений, создающихся в специальных компьютерных программах и приложениях по созданию музыки.

Ещё раз хотелось бы отметить, что при создании музыки с помощью специальных компьютерных программ **требуется не просто выборка** определённых уже содержащихся в программе отрывков звуковых фрагментов и расположение их в определённой последовательности (подобная выборка будет охраняться отдельно, без охраны самого созданного таким способом произведения, при условии наличия творческого выбора при осуществлении выборки), **а именно внесение изменений в** уже находящиеся в программе **звуковые отрывки**, т.е. **их структурное и содержательное видоизменение**.

Иными словами, что для распространения правовой охраны на создаваемые с использованием программного обеспечения музыкальные работы, процесс их создания должен находиться под значительным контролем пользователя.

Если же использующееся программное обеспечение ограничивает возможности пользователя по созданию работы, например, предоставляя возможность исключительно технического выбора содержащихся в ней звуковых элементов без возможности внесения в них каких-либо изменений, то в подобном случае трудно говорить о наличии творческого труда автора в создание музыкальной композиции не представляется возможным, поскольку творческий отпечаток его личности будет минимальным.

То есть, здесь как раз идёт речь о тех случаях, когда способы реализации идеи (расположение звуковых элементов в определённой последовательности) настолько ограничены, что идея и выражение (музыкальная композиция, состоящая из заимствованных звуковых элементов) становятся неразделимыми.

Подводя итог всему вышесказанному, автор со своей стороны хотел бы предложить собственные **критерии, свидетельствующие о наличии субъективной творческой деятельности автора** при создании музыки с помощью компьютерных программ и приложений, которые могли бы быть использованы, например, судебной практикой, в рамках разрешения вопроса правовой охраны создаваемых такими способами музыкальных композиций:

А) выражение в создаваемом музыкальном произведении автором своего **интеллектуального труда**, восприятия объективных явлений мира и своей реакции на них посредством определённой идеи и концепции **через призму своих личностных особенностей**;

Б) участие автора не просто в создании общего формата произведения, **а в формировании его содержательной и структурной частей работы** (применительно к музыкальным произведениям – формирование не только названия, формата, продолжительности и жанра композиции, а разработка её мелодического рисунка, мелодии и темпа в использующиеся звуковые отрывки, выбор состава музыкальных инструментов), т.е. выход за рамки простого использования звуковых

элементов, разработанных самой программой, без вложения собственных интеллектуальных усилий;

В) в случае отсутствия формирования содержательной и структурной частей работы – наличие **значительной степени изменений и доработки используемых звуковых фрагментов** (содержащиеся в специальных компьютерных программах для создания музыки), по общему правилу, неохранных авторским правом – путём добавления и удаления тех или иных отрывков, отдельных музыкальных инструментов, изменения тональности, ритма, темпа, экспорта сгенерированных звуков в формат MID и т.д.;

Г) в случае отсутствия формирования содержательной и структурной частей работы – **возможность правовой охраны** разработанного пользователями **определённого расположения звуковых элементов** музыкальной композиции в определённой последовательности, при условии значительной степени творческого выбора, но без предоставления правовой охраны самим созданным таким способом произведениям.

Думается, что приведённые критерии будут полностью коррелироваться с положениями действующего ГК РФ и позицией Пленума Верховного суда Российской Федерации, согласно которым возможно создание охраняемого объекта авторских прав с использованием различных технических средств в качестве вспомогательных инструментов.

Ведь в случае определения пользователем содержательной и структурной частей музыкальной композиции с использованием различного программного обеспечения можно говорить о наличии, пусть и технически сложного, но всё же вспомогательного инструмента для написания музыки, в руках автора.

Таким образом, фактически, субъективный подход к пониманию творческого характера произведения применительно к музыкальным произведениям, создающимся с использованием специальных компьютерных программ и приложений, попросту будет модифицирован с учётом специфики цифровых технологий по сравнению с созданием музыки при помощи обычных, традиционных музыкальных произведений. Каких-либо существенных различий здесь попросту не будет.

Литература

1. Eleonora Rosati. The Idea/Expression Dichotomy at Crossroads. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. – 72 p.
2. King Jeremy. Tiny, Tiny Copyright: An Examination of the Copyrightability of Sampler Instruments and its Impact on Derivative Works // The Columbia Journal of Law & the Arts. 2021. Vol. 45, № 1. – 39 p.
3. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности (перевод с английского В.Л. Вольфсона). СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – 533 с.
4. Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. М.: Юрид. лит., 1979. – 231 с.
5. Горбунова И.Б. Электронные музыкальные инструменты: к проблеме становления исполнительского мастерства // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. – 7 с.
6. Гордон М.В. Советское авторское право. М.: Госюриздат, 1955. – 232 с.
7. Дементьева Е.С. Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. – 53–60 с.
8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. М.: Статут, 2003. – 416 с.
9. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.: Юридическая литература, 1963. – 138 с.
10. Иоффе О.С. Советское гражданское право: В 3 т. Л., 1965. Т. 3. – 347 с.
11. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. – 75–119 с.
12. Нестеров А.В. Критерий творчества: юридический аспект // Российский судья. 2018. № 1. – 31–37 с.
13. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., Изд-во АН СССР. 1956. – 283 с.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 773.
15. Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury. Judgment of the European Court of Justice of 22.12.2010, Case № C-393/09 (§ 48, 49). – режим доступа: URL: <https://curia.europa.eu/juris/recherche.jsf?language=en> (Дата обращения: 11.05.2025).
16. Computer Assoc. Int'l, Inc. v. Altai, Inc., 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (Дата обращения: 21.03.2025).

¹ Там же

² *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co.*, 499 U.S. 340, 361 (1991) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (дата обращения: 25.07.2025).

³ King Jeremy. Tiny, Tiny Copyright: An Examination of the Copyrightability of Sampler Instruments and its Impact on Derivative Works // The Columbia Journal of Law & the Arts. 2021. Vol. 45, № 1. P. 18.

17. Feist Publications, Inc.v. Rural Tel. Serv. Co., 499 U.S. 340, 361 (1991) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (Дата обращения: 25.07.2025).

18. Straughter v. Raymond, No. CV 08–2170 CAS (CWx), 2011 U.S. Dist. LEXIS 93068 (C.D. Cal. Aug. 19, 2011) // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Westlaw» (дата обращения: 21.03.2025).

19. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.05.2019 по делу № 33–22655/2019 // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 04.09.2024).

20. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.06.2018 года по делу № 33–18570/2018 // [Электронный ресурс] – режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 05.09.2024).

21. IFPI: обзор цифровых преобразований в музыкальной индустрии за последние десять лет // [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: <https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/ifpi-looks-at-a-decade-of-digital-transformation-in-the-music-industry-73661> (Дата обращения: 19.09.2025).

22. Бедрум-продюсеры: как не выходя из дома начать создавать музыку // [Электронный ресурс] – режим доступа: URL: https://www.allfordj.ru/news/sovety_i_gidy/bedrum_prodyusery_kak_ne_vykhodya_iz_doma_nachat_sozdavat_muzyku/ (Дата обращения: 20.09.2025).

23. Развитие компьютерных технологий в музыке XX века // [Электронный ресурс] URL: <https://samesound.ru/music/5032-razvitiye-kompyuternyh-tehnologij-v-muzyke-xx-veka> (дата обращения: 04.02.2025).

CRITERIA FOR A SUFFICIENT LEVEL OF CREATIVE WORK OF THE USER WHEN RESOLVING THE ISSUE OF LEGAL PROTECTION OF MUSICAL WORKS CREATED USING COMPUTER PROGRAMS AND APPLICATIONS

Medvedev A.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article discusses the issue of legal protection of musical works created using the functionality of various computer programs and applications.

As noted by the author, the main problem in these cases is that musical compositions are not created from scratch, but are synthesized by the program itself according to a user-defined melodic pattern, or they are based on sound blanks and packages available in the programs, into which the user can make changes. That is, it is quite difficult to separate the creative contribution from the functionality of the program itself.

At the same time, since the presence of “creative work” is a mandatory criterion that allows the legal protection of copyright objects to be extended to the created works, the author suggests criteria indicating that there is a sufficient level of creative work by the author to provide such legal protection to musical compositions created using computer programs and applications.

Keywords: musical works, legal protection, users, computer programs, sound blanks, creative work, music synthesis.

References

1. Eleonora Rosati. The Idea/Expression Dichotomy at Crossroads. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. – 72 p.

2. Jeremy King. Tiny, Tiny Copyright: An Examination of the Copyrightability of Sampler Instruments and its Impact on Derivative Works // The Columbia Journal of Law & the Arts. 2021. Vol. 45, No. 1. – 39 p.

3. L. Bentley, B. Sherman. Intellectual Property Law (translated from English by V.L. Wolfson). St. Petersburg: Legal Center-Press, 2004. – 533 p.

4. V. Weinke. Copyright. Regulation, Foundations, Future. Moscow: Legal Literature, 1979. – 231 p.

5. I. B. Gorbunova. Electronic Musical Instruments: On the Problem of Developing Performing Mastery // Theory and Practice of Social Development. 2015. No. 2. – 7 p.

6. Gordon M.V. Soviet Copyright. Moscow: Gosyurizdat, 1955. – 232 p.

7. Dementyeva E.S. Problems of Legal Regulation of the Digital Form of a Work // IP. Copyright and Related Rights. 2016. No. 7. – 53–60 p.

8. Dozortsev V.A. Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles. Moscow: Statut, 2003. – 416 p.

9. Jonas V. Ya. The Criterion of Creativity in Copyright and Judicial Practice. Moscow: Legal Literature, 1963. – 138 p.

10. Ioffe O.S. Soviet Civil Law: In 3 Volumes. Leningrad, 1965. Vol. 3. – 347 p.

11. Kashanin A.V. Creative Character as a Condition of Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright // Civil Law Bulletin. 2007. No. 2. – 75–119 p.

12. Nesterov A.V. Creativity Criterion: Legal Aspect // Russian Judge. 2018. No. 1. – 31–37 p.

13. Serebrovsky V.I. Issues of Soviet Copyright. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1956. – 283 p.

14. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.04.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 9. Article 773.

15. Bezpečnostní softwarová asociace v. Ministerstvo kultury. Judgment of the European Court of Justice of 22.12.2010, Case No. C-393/09 (§ 48, 49). – access mode: URL: <https://curia.europa.eu/juris/recherche.jsf?language=en> (Accessed: 11.05.2025).

16. Computer Assoc. Int'l, Inc.v. Altai, Inc., 982 F.2d 693 (2d Cir. 1992) // [Electronic resource] – access mode: SPS “Westlaw” (Accessed: March 21, 2025).

17. Feist Publications, Inc.v. Rural Tel. Serv. Co., 499 U.S. 340, 361 (1991) // [Electronic resource] – access mode: SPS “Westlaw” (Accessed: July 25, 2025).

18. Straughter v. Raymond, No. CV 08–2170 CAS (CWx), 2011 U.S. Dist. LEXIS 93068 (C.D. Cal. Aug. 19, 2011) // [Electronic resource] – access mode: SPS “Westlaw” (date of access: March 21, 2025).

19. Appellate ruling of the Moscow City Court dated May 30, 2019 in case No. 33–22655/2019 // [Electronic resource] – access mode: SPS “Consultant Plus” (date of access: September 4, 2024).

20. Appellate ruling of the Moscow City Court dated June 18, 2018 in case No. 33–18570/2018 // [Electronic resource] – access mode: SPS “Consultant Plus” (date of access: September 5, 2024).

21. IFPI: A Review of Digital Transformation in the Music Industry over the Past Ten Years // [Electronic resource] – access mode: URL: <https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/ifpi-looks-at-a-decade-of-digital-transformation-in-the-music-industry-73661> (Accessed: 19.09.2025).

22. Bedroom Producers: How to Start Creating Music Without Leaving Home // [Electronic resource] – access mode: URL: https://www.allfordj.ru/news/sovety_i_gidy/bedrum_prodyusery_kak_ne_vykhodya_iz_doma_nachat_sozdavat_muzyku/ (Accessed: 20.09.2025).

23. The Development of Computer Technologies in 20th-Century Music // [Electronic resource] URL: <https://samesound.ru/music/5032-razvitiye-kompyuternyh-tehnologij-v-muzyke-xx-veka> (accessed: 04.02.2025).

Административное судопроизводство как самостоятельная процессуальная форма защиты публичных прав: проблемные аспекты

Морозова София Юрьевна,

аспирант сектора процессуального права, Институт
государства и права Российской академии наук
E-mail: sofia1706@bk.ru

В статье анализируется конституционно-правовой статус административного судопроизводства как самостоятельной формы правосудия. Выявляются системные коллизии, вызванные фрагментацией регулирования публично-правовых споров между Кодексом административного судопроизводства РФ, Арбитражным процессуальным кодексом РФ, Кодексом об административных правонарушениях РФ и отдельными институтами Гражданского процессуального кодекса РФ. Такая дифференциация, основанная на формальных признаках, а не на материальной природе спора, порождает ошибки в выборе процессуального кодекса, возврат заявлений и фактическую утрату права на судебную защиту вследствие пропуска процессуальных сроков. Рассмотрение публично-правовых конфликтов по нормам частноправовых кодексов лишает участников процесса специальных гарантий КАС РФ – активной роли суда в установлении обстоятельств дела, смещения бремени доказывания на орган власти и обязательного участия прокурора. Подобная практика нарушает конституционный принцип равенства перед законом и судом, поскольку идентичные по существу конфликты разрешаются по различным процессуальным правилам в зависимости от формального статуса заявителя. Обосновывается необходимость унификации всех категорий дел, возникающих из публичных правоотношений, в едином процессуальном пространстве КАС РФ как условия реализации конституционного императива самостоятельности административного судопроизводства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, публичное право, КАС РФ, фрагментация, подведомственность, публичный интерес.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году закрепило административное судопроизводство в качестве самостоятельной процессуальной формы, предназначенной для защиты публичных прав и интересов. Однако реализация этого института на практике остается незавершенной. Публично-правовые споры регулируются разрозненно: помимо КАС РФ, порядок их рассмотрения предусмотрен в разделе III АПК РФ, главах 24–32 КоАП РФ, а также в отдельных институтах ГПК РФ (дела о принудительной госпитализации, об ограничении дееспособности, о выселении из жилых помещений, предоставленных по договору социального найма). Такая раздробленность порождает коллизии подведомственности, затрудняет определение надлежащего процессуального порядка и в ряде случаев приводит к утрате права на судебную защиту вследствие ошибок в выборе процессуального кодекса.

Несмотря на прямое конституционное основание административного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ) [1], в самом Кодексе административного судопроизводства отсутствует нормативно закреплённый, юридически обязательный критерий разграничения частноправовых и публично-правовых споров. Как отмечает Е.В. Михайлова, законодатель при дифференциации гражданской процессуальной формы допустил хаотичное сочетание двух разнородных подходов: субъектного критерия (основанного на соотношении правовых статусов участников спора – равном или неравном) и критерия материально-правовой природы дела. При этом ни один из этих критериев не получил четкого законодательного оформления в КАС РФ. [2]

В результате в правоприменительной практике доминирует формальный подход: дела распределяются между процессуальными кодексами не по материальной природе спора, а по субъектному составу или предмету заявленного требования. Такие категории дел, как пенсионные споры, споры об изъятии земельных участков для государственных нужд, коррупционные иски прокурора об обращении имущества в доход государства, по своей юридической природе полностью соответствуют критериям публично-правовых конфликтов, установленным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36: в них отсутствует равенство сторон, одна из них реализует властные полномочия, а спор затрагивает интересы неопределённого круга лиц. [3] Тем не менее указанные дела нередко рассматриваются по ГПК РФ или АПК РФ как частноправовые.

Эта двойственность подхода законодателя – использование функционального критерия (разграничение по характеру правоотношений на публичные и частные) при принятии КАС РФ и одновременное сохранение материально-правового критерия (деление по субъектному составу или предмету спора) – порождает правовую неопределённость. Одни и те же по сути публично-правовые конфликты оказываются в разных процессуальных режимах в зависимости от формальных признаков: кем является заявитель (гражданин или индивидуальный предприниматель) или какой нормативный акт был оспорен. Такая ситуация не только нарушает принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), но и приводит к несоответствию процессуальной формы материальной природе спора, что подрывает саму основу правосудия.

Часть 2 статьи 118 Конституции РФ устанавливает административное судопроизводство как одну из пяти самостоятельных форм отправления правосудия наряду с конституционным, гражданским, арбитражным и уголовным. Эта норма закрепляет исчерпывающий перечень процессуальных форм, в рамках которых реализуется судебная защита субъективных прав и законных интересов. А.Б. Зеленцов и О.А. Ястребов в учебнике «Судебное административное право» (2017) предложили рассматривать систему процессуальных норм КАС РФ как самостоятельную отрасль судебного права, равноценную гражданскому и арбитражному процессуальному праву. При этом авторы подчёркивают служебную роль судебного административного права по отношению к материальному административному праву: оно выступает процессуальным инструментом реализации норм административного права через механизмы правосудия. [4]

Ю.Н. Старилов, анализируя предпосылки принятия Кодекса административного судопроизводства РФ, подчёркивал, что его появление – не просто техническое изменение процессуальных норм, а ре-

ализация конституционного принципа разделения властей и гарантия эффективной защиты прав граждан от произвола государственной администрации. По его мнению, принятие Кодекса ознаменовало переход от «суда общего профиля» к специализированному административному правосудию, адекватному природе публично-правовых отношений. В этой связи он предлагал в качестве основного критерия разграничения не формальное «неравенство сторон», а наличие публичного интереса – то есть затрагивается ли в споре интерес всего общества и обеспечивается ли законность деятельности органов власти. Именно этот критерий, а не отсутствие диспозитивности, должен, по его убеждению, лежать в основе отнесения дела к сфере административного судопроизводства.[5]

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году стало логическим завершением конституционного императива, заложенного в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ ещё в 1993 году. Более двадцати лет административное судопроизводство формально существовало в конституционном тексте, но на практике «растворялось» в гражданском процессе (Раздел II ГПК РФ) и арбитражном процессе (Глава 23 АПК РФ). КАС РФ устранил эту аномалию, закрепив специализированный процессуальный режим для защиты публичных прав и интересов, основанный на активной роли суда в установлении обстоятельств дела, ограничении распорядительных прав сторон, смещении бремени доказывания в пользу гражданина и обязательном участии прокурора в определённых категориях дел.

Однако фрагментация сохраняется. Значительная часть публично-правовых споров по-прежнему регулируется другими кодексами. Так, КоАП РФ представляет собой гибридный акт, сочетающий материальные нормы (составы административных правонарушений) и процессуальные правила (главы 24–32), что порождает методологические противоречия и затрудняет формирование административно-процессуальной доктрины как самостоятельной отрасли права. Аналогично, в ГПК РФ остались институты, имеющие ярко выраженную публичную природу: дела о принудительной госпитализации в психиатрический стационар (ст. 301–304), об ограничении дееспособности (ст. 281–287), о выселении из жилых помещений, предоставленных по договору социального найма.[6] Несмотря на то что такие споры характеризуются неравенством сторон, реализацией одной из них властных полномочий и защитой интересов неопределённого круга лиц, они рассматриваются в рамках гражданского процесса, где доминируют принципы диспозитивности и формального равенства – что противоречит самой сути публично-правовых отношений.

Фрагментация регулирования публично-правовых споров порождает системные последствия. Прежде всего, она создаёт правовую неопределённость в вопросах подведомственности: заявитель не может однозначно определить, в каком процессуальном порядке – гражданском, арбитражном или административном – следует защищать своё право. Ошибка в выборе кодекса влечёт возврат заявления (ст. 135 ГПК РФ, ст. 129 АПК РФ), затягивание рассмотрения дела и, в ряде случаев, утрату права на судебную защиту вследствие пропуска процессуальных сроков.

Во-вторых, сохраняющаяся дифференциация по субъектному составу, а не по материальной природе спора, подрывает конституционный принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Один и тот же публичный интерес – например, оспаривание одного и того же акта налогового органа – защищается по разным правилам в зависимости от формального статуса заявителя: гражданин обращается в суд общей юрисдикции по КАС РФ, а индивидуальный предприниматель – в арбитражный суд по АПК РФ. Такой подход противоречит требованию равного доступа к правосудию и создаёт необоснованные барьеры для реализации конституционных гарантий.

В-третьих, лица, вынужденные обращаться в суд по ГПК РФ или АПК РФ, лишаются специальных процессуальных гарантий, предусмотренных КАС РФ: активной роли суда в истребовании доказательств по собственной инициативе, смещения бремени доказывания на орган власти, а также применения штрафных санкций по ст. 122 КАС РФ за уклонение от представления доказательств.

Ещё на этапе разработки КАС РФ ведущие учёные предупреждали об этих рисках. В частности, Н.А. Чечина неоднократно подчёркивала, что без создания единого процессуального кодекса для всех публично-правовых споров или хотя бы единых принципов для КАС РФ и АПК РФ судебная система неизбежно столкнётся с хронической неопределённостью в вопросах подведомственности и подсудности.[7] Эта проблема была предсказуема – и сегодня она стала реальностью.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 предложило критерий отнесения дела к административному производству: спор возникает из публичных правоотношений, если стороны находятся в состоянии структурного неравенства, одна из сто-

рон реализует публично-властные полномочия по отношению к другой, отсутствует автономия воли и имущественная самостоятельность участников, а спор затрагивает интересы неопределённого круга лиц (публичный интерес). Однако этот критерий носит рекомендательный характер и не закреплён в самом КАС РФ как обязательный юридический тест. В результате суды часто руководствуются формальными признаками (статус заявителя, предмет спора), игнорируя материальную природу конфликта.

Наглядным примером системного несоответствия служат антикоррупционные иски прокурора об обращении в доход государства имущества, приобретённого должностными лицами за счёт необоснованных расходов. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П прямо указал, что требования прокурора об обращении в доход государства имущества, приобретённого вследствие нарушения антикоррупционных запретов, носят публично-правовой характер.[8] Они направлены не на защиту частного интереса, а на восстановление публичного порядка и реализацию конституционных принципов противодействия коррупции. Е.В. Михайлова тоже отмечает, что отношения, возникающие при требовании об обращении имущества в доход государства вследствие нарушения антикоррупционных запретов, носят не гражданско-правовой, а публично-правовой характер.[9] Это обусловлено тем, что такие отношения вытекают из реализации государством своих властных полномочий, в частности, контроля за соответствием расходов должностных лиц их законным доходам.

Тем не менее такие дела до сих пор рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства по нормам ГПК РФ. Например, в Решении Сыктывкарского городского суда от 27 ноября 2024 г. по делу № 2–11518/2024 иск заместителя Генерального прокурора РФ был рассмотрен с применением статей 235, 322 и 1080 Гражданского кодекса РФ, несмотря на прямую ссылку суда на публичный интерес и нарушение антикоррупционных норм. При этом ни в содержании иска, ни в мотивировочной части решения не содержалось даже упоминания о КАС РФ, несмотря на то, что спор касался публичной функции органа власти, нарушения конституционных принципов противодействия коррупции и защиты интересов неопределённого круга лиц.[10] Это создаёт парадокс: КАС РФ признаёт спор публичным, но процедура остаётся частноправовой.

Аналогичная проблема наблюдается в налоговых спорах. Оспаривание одного и того же решения налогового органа о доначислении налогов может привести к рассмотрению дела по разным процессуальным кодексам: если заявитель – гражданин (не ИП) – дело рассматривается по КАС РФ; если заявитель – индивидуальный предприниматель – дело рассматривается по АПК РФ (Раздел III). При этом материальная природа спора идентична: в обоих случаях речь идёт об оспаривании акта органа публичной власти, реализующего властные полномочия в сфере налогообложения. Различие лишь в статусе заявителя формально переводит публично-правовой конфликт из одной процессуальной системы в другую, что нарушает принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ).

Несоответствие материальной и процессуальной форм порождает серьёзные правовые риски. Ошибки в выборе подведомственности приводят к возврату заявлений, затягиванию процесса и утрате права на судебную защиту из-за пропуска сроков. Даже если суд первой инстанции вынес правильное по существу решение, но рассмотрел дело по неверному процессуальному кодексу, вышестоящая инстанция обязана отменить решение как вынесенное с существенным нарушением норм процессуального права (п. 4 ч. 4 ст. 310 АПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Таким образом, формальная ошибка в выборе процедуры ведёт к утрате материальной защиты.

Это противоречие подтверждает тезис Е.В. Михайловой: процессуальная форма должна соответствовать природе защищаемого права. Применение частноправовой процедуры к публично-правовому спору не только формально некорректно, но и подрывает саму цель правосудия – эффективную и справедливую защиту нарушенных прав и интересов.[11] Частноправовые отношения основаны на равенстве сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности, тогда как публично-правовые характеризуются изначальным неравенством участников, отсутствием диспозитивности и реализацией одной из сторон публично-властных полномочий. Поэтому, как справедливо отмечает Е.В. Михайлова, если гражданское право и законный интерес обуславливают такие основополагающие начала гражданского процесса, как диспозитивность, равенство сторон, свобода процессуального поведения, принцип формальной истины и пассивная роль суда, то публичное право и публичный интерес должны определять иные – противоположные – правила административного судопроизводства. Их защита требует не модификации гражданской процессуальной модели, а создания самостоятельной процессуальной формы.

Гражданский процесс строится на принципе диспозитивности: стороны свободно распоряжаются своими правами, вправе отказаться от иска, признать требования или заключить мировое соглашение. Суд выступает в роли пассивного арбитра, не выходящего за рамки заявленных требований, а бремя доказывания ложится на ту сторону, которая ссылается на соответствующие обстоятельства (ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ). Цель такого процесса – разрешение частного спора между равными субъектами. Совершенно иной подход закреплён в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.12.2024 № 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции». Здесь прямо указано, что суд: «по собственной инициативе истребует доказательства» (п. 23); «разъясняет сторонам не только их права, но и обязанности, исходя из норм права, подлежащих применению» (п. 28); «опрашивает административного ответчика по существу возражений... вне зависимости от того, представлены ли письменные возражения» (п. 29); «самостоятельно определяет состав лиц, участвующих в деле» (п. 15).[12] Такая модель основана на признании изначального неравенства сторон в публично-правовых отношениях и призвана компенсировать процессуальную уязвимость гражданина. Административное судопроизводство, напротив, предполагает активную роль суда: он вправе выходить за пределы заявленных требований, самостоятельно определять состав участников процесса и истребовать доказательства по собственной инициативе (ст. 151 КАС РФ). Бремя доказывания законности оспариваемого акта возлагается на административного ответчика – орган публичной власти (ст. 61 КАС РФ). Распорядительные права сторон ограничены, поскольку публичное право не может быть предметом частной сделки. Цель процесса – не примирение сторон, а контроль за законностью публичной власти и защита интересов неопределённого круга лиц.

Когда публично-правовые дела рассматриваются по ГПК РФ или АПК РФ, заявитель лишается критически важных гарантий, предусмотренных КАС РФ. Во-первых, в гражданском процессе суд не вправе по собственной инициативе запрашивать документы у органа власти, что делает установление объективной истины практически невозможным. Между тем, как подчеркивает В.К. Пучинский, образцово проведенная подготовка означает совершение всего необходимого для установления истины по делу – без активной роли суда в сборе доказательств эта задача невыполнима. [13] Во-вторых, в ГПК РФ участие прокурора носит факультативный характер, тогда как в КАС РФ он участвует в определённых категориях дел в обязательном порядке (ст. 40 КАС РФ), выступая в роли институционального защитника публичного интереса. Отсутствие прокурора в гражданском процессе оставляет публичный интерес без надлежащей защиты. В-третьих, гражданский процесс предполагает формальный подход к срокам: пропуск процессуального срока влечёт автоматический отказ в удовлетворении требования. В административном судопроизводстве суд обязан выяснить причины пропуска и при наличии уважительных оснований восстановить срок (ст. 112 КАС РФ), что особенно важно, учитывая информационное неравенство между гражданином и органом власти.

Применение принципа диспозитивности к публично-правовому спору, где одна сторона – орган власти с неограниченным доступом к информации и ресурсам, а другая – гражданин, превращает формальное равенство сторон в юридическую фикцию и делает справедливое разрешение дела невозможным.

Публичное право, в отличие от частного, как объект судебной защиты принадлежит не только тому субъекту, который считает его нарушенным, а неопределённому кругу лиц – всему обществу. По этой причине распоряжение публичным правом ограничено: если спор затрагивает объективный публичный интерес (например, законность нормативного акта или антикоррупционные гарантии), он не может быть предметом отказа от иска, признания требований или мирового соглашения. В то же время, как отмечает Е.В. Михайлова, примирение в административном судопроизводстве допустимо в тех случаях, когда спор затрагивает субъективное публичное право конкретного лица (например, компенсация за нарушение разумных сроков судопроизводства), но недопустимо, когда речь идёт об объективном публичном интересе (например, оспаривание нормативного акта или коррупционный иск прокурора).

Главной проблемой современной системы административной юстиции является не отсутствие Кодекса административного судопроизводства РФ, а его неполное и фрагментарное внедрение. Несмотря на принятие КАС РФ в 2015 году, публично-правовые споры продолжают разрешаться по разным процессуальным кодексам в зависимости от формального статуса заявителя, а не от материальной природы конфликта. Это нарушает принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ), создаёт коллизии подведомственности и ве-

дёт к утрате права на судебную защиту из-за ошибок в выборе процессуальной формы.

Завершение реформы административной юстиции требует стратегической унификации всех категорий дел, возникающих из публичных правоотношений, в рамках единого процессуального режима – КАС РФ. Речь идет не о формальном «переносе» дел из одного кодекса в другой, а о завершении начатого в 2015 году процесса становления административной юстиции – через создание единого процессуального пространства, в котором все публично-правовые споры, независимо от того, кто их инициирует (гражданин, организация, индивидуальный предприниматель или прокурор), будут рассматриваться по единым, адекватным их природе правилам. Такой шаг не является новой реформой, а представляет собой логическое завершение конституционного императива, заложенного в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ ещё в 1993 году.

Только при условии устранения фрагментации административное судопроизводство сможет реализовать свою подлинную функцию – обеспечить соответствие процедуры существу спора, гарантировать активную роль суда в установлении объективной истины и создать эффективную систему контроля за законностью публичной власти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
2. Михайлова Е. В. «О критериях разграничения процессуальных форм защиты субъективных гражданских прав и законных интересов в Российской Федерации» // журнал «Российская юстиция», № 2, февраль 2024 г.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»
4. Зеленцов А. Б., Ястребов О.А. «Судебное административное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция», издательство «Статут» (Москва), 2017
5. Старилов Ю.Н. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: значение для судебной и административной практики // Административное право и процесс. 2015. № 7.
6. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ
7. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»
9. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): монография, М: Проспект, 2014. – 280 с.
10. Решение по делу № 2–11518/2024 от 27.02.2025 – об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного в нарушение законодательства о противодействии коррупции. УИД 11RS0001–01–2024–019902–42 Дело № 2–1391/2025 <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-6c79d15a-0101-5c61-812c-90c9f9000fa3/>
11. Михайлова Е.В., Новиков Н.А. Процессуальная форма судебной примирительной процедуры: понятие, правовая природа и принципы // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 4.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 N 41 «О подготовке административного дела к судебному разбирательству в суде первой инстанции»
13. Пучинский В.К. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству, Госюриздат, Москва, 1962

ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS AS AN INDEPENDENT PROCEDURAL FORM OF PROTECTING PUBLIC RIGHTS: PROBLEMATIC ASPECTS

Morozova S.Yu.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the constitutional and legal status of administrative proceedings as an independent form of justice. Systemic conflicts are emerging due to the fragmentation of the regulation of public law disputes between the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and certain institutions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Such differentiation, based on formal criteria

rather than the material nature of the dispute, leads to errors in the choice of procedural code, the return of applications, and the actual loss of the right to judicial protection due to the expiration of procedural deadlines. The consideration of public law conflicts under the rules of private law codes deprives the participants of the process of the special guarantees provided by the Administrative Procedure Code of the Russian Federation, such as the active role of the court in establishing the circumstances of the case, shifting the burden of proof to the authority, and the mandatory participation of a prosecutor. This practice violates the constitutional principle of equality before the law and the courts, as conflicts that are identical in substance are resolved under different procedural rules, depending on the formal status of the applicant. The article substantiates the need to unify all categories of cases arising from public legal relations in the unified procedural space of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation as a condition for implementing the constitutional imperative of the independence of administrative proceedings.

Keywords: administrative proceedings, public law, Administrative Procedure Code of the Russian Federation, fragmentation, jurisdiction, public interest.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020].
2. Mikhailova E.V. "On the Criteria for Distinguishing Procedural Forms of Protecting Subjective Civil Rights and Legitimate Interests in the Russian Federation" (Rossiyskaya Yustitsiya magazine, No. 2, February 2024)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 36 dated 27 September 2016 (as amended on 17 December 2020) "On Certain Issues of Application by Courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation"

4. Zelentsov, A. B., and Yastrebov, O. A. "Judicial Administrative Law: A Textbook for University Students Studying Law," Statut Publishing House (Moscow), 2017
5. Starilov, Yu.N. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: Significance for Judicial and Administrative Practice // Administrative Law and Procedure. 2015. No. 7.
6. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 14.11.2002 No. 138-FZ
7. Chechina N.A. Selected Works on Civil Procedure. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2004
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.10.2024 No. 49-P "On the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, Article 197, paragraph 1, Article 200, paragraph 2, and Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court"
9. Mikhailova, E.V. Procedural Forms of Protection of Subjective Civil Rights, Freedoms, and Legitimate Interests in the Russian Federation (Judicial and Non-Judicial): Monograph, Moscow: Prospekt, 2014. – 280 p.
10. Decision in case No. 2–11518/2024 dated 27.02.2025 – on the confiscation of property obtained in violation of anti-corruption legislation. Case No. 2–1391/2025
11. Mikhailova Ekaterina Vladimirovna, Novikov Nikolai Alekseevich Procedural Form of a Judicial Conciliation Procedure: Concept, Legal Nature, and Principles // Vestnik SPb-GU. Series 14. Law. 2023. No. 4.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.12.2024 No. 41 "On Preparing an Administrative Case for Trial in the Court of First Instance"
13. V.K. Puchinsky, Preparation of Civil Cases for Trial, Gosyurizdat, Moscow, 1962

Особенности реализации стартапной деятельности в выпускных квалификационных работах в высших учебных заведениях: правовой аспект

Назарова Мария Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета
E-mail: marianazarova.555@mail.ru

В статье обозначены проблемы реализации стартапной деятельности в Российской Федерации, обозначен пробел в правовом поле, обозначена позиция Президента в отношении развития инновационной деятельности и рассмотрены особенности реализации и регулирования стартапной деятельности в учебных заведениях. Обозначен вектор развития российского законодательства в сфере стартапной деятельности посредством выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: стартап, бизнес, венчур, политика государства, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, инновации, образование, выпускные квалификационные работы, образовательные организации.

В условиях глобальной цифровизации экономики и социальных отношений, а также стратегического курса Российской Федерации на достижение технологического суверенитета, феномен стартапной деятельности приобретает ключевое значение. В современных условиях ведется непрерывный поиск форм осуществления и поддержки предпринимательской деятельности, позволяющих сочетать традиции и инновации в решении современных вызовов, которые обусловлены, прежде всего, активным импортозамещением, развитием цифровых технологий и их адаптации в многополярном мире. Стартапы выступают не только драйверами экономического роста и импортозамещения, но и основным инструментом коммерциализации инноваций, создания новых рабочих мест и повышения конкурентоспособности страны на международной арене.

В мире современных технологий и постоянной эволюции бизнеса стартапы играют ключевую роль в экономическом развитии. Президент Владимир Путин неоднократно подчеркивал значимость инновационных инициатив для России. Он отмечает, что «стартапы способны обеспечить новое дыхание в традиционных отраслях и стать основой для создания высокотехнологичных решений» [21].

Путин акцентирует внимание на необходимости создания благоприятной экосистемы для стартапов и подчеркивает, что «стартапы – это не просто бизнес, это будущее, которое требует поддержки и защиты как со стороны государства, так и общества в целом» [21].

Это включает в себя поддержку молодых предпринимателей через доступ к финансированию, менторству и образовательным программам. Государственные меры также направлены на стимулирование сотрудничества между университетами, научными центрами и бизнесом, что способствует развитию новаторских идей и проектов.

Стартапы становятся не только экономическим ресурсом, но и инструментом повышения конкурентоспособности страны на мировых рынках. В.В. Путин призывает к активному внедрению и использованию цифровых технологий и их развитию, который способен привлечь инвестиции и создать новые рабочие места.

Президент России Владимир Путин считает необходимым создавать максимально комфортные условия для стартапов и обеспечить максимальную свободу для творческих людей. С таким призывом он выступил на конференции по искусственному интеллекту AI Journey.

«Именно люди, их талант, энергия являются главным фактором успеха не только в сфере искусственного интеллекта, но и по всем направлениям технологического развития», – сказал В.В. Путин. – «Мы должны обеспечить максимальную свободу для творчества, деловой инициативы, создать лучшие условия, благоприятное, дружественное пространство для каждого, кто запускает стартап, рискует, выводит на рынок прорывные продукты» [21].

По мнению главы российского государства, такой народ должен быть уверен в том, что он нужен и получит поддержку, в том числе правовую, что смогут добиться успеха именно в России.

Вместе с тем, на сегодняшний день, правовое регулирование стартапов в России представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий в себя взаимодействие различных норм законодательства, направленных на поддержку инновационной экономики и предпринимательства. Основными аспектами данного регулирования являются налоговые льготы, системы грантов и субсидий, а также создание специальных экономических зон, которые способствуют развитию новых технологий.

Ключевую роль в этом процессе играют федеральные и региональные программы, направленные на поддержку малых и средних предприятий, особенно в высокотехнологичных сферах. Существуют правовые инструменты, такие как венчурное финансирование и акселерационные программы, которые помогают стартапам привлекать инвестиции и развивать свои проекты.

Однако, между стартапами и государственными органами существуют определенные сложности, включая не всегда ясные налоговые условия и бюрократические барьеры. В последние годы наблюдается позитивная динамика в области легислативных изменений, направленных на упрощение регистрации бизнеса и снижение административных барьеров. Этот процесс требует постоянного совершенствования зако-

нодательства для создания благоприятной экосистемы, способствующей устойчивому развитию стартапов в России.

Проблемы стартапов в РФ многогранны и разнообразны.

Во-первых, недостаток доступа к финансированию остается одной из главных преград. Многие начинающие предприниматели сталкиваются с трудностями в поиске инвесторов, готовых вложить средства в их идеи, особенно на ранних стадиях развития.

Во-вторых, бюрократические препоны и сложность в получении необходимых разрешений часто тормозят процессы реализации проектов. Это создает не только финансовые, но и временные затраты, что в условиях динамичного рынка может быть фатальным.

Третьей важной проблемой является нехватка квалифицированных кадров. Разрыв между теми, кто стремится заняться инновациями, и теми, кто готов их поддержать, порождает дефицит специалистов, способных реализовать амбициозные идеи.

Кроме того, сильно выражена проблема инфраструктуры. Многие регионы не готовы предоставить условия для развития стартапов, что приводит к концентрации ресурсов в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург. Это создает неравномерное распределение возможностей и затрудняет доступ к ним для молодых компаний, находящихся в отдаленных регионах нашей страны.

Правовое регулирование стартапов в Российской Федерации включает несколько аспектов и зависит от различных факторов, таких как организационно-правовая форма стартапа, сфера деятельности компании, а также использование инновационных технологий.

Отсутствие полноценной и понятной законодательной основы создает многочисленные проблемы и затруднения при разрешении конкретных гражданских дел по спорам, возникающим в связи с осуществлением стартапной деятельности, защите прав ее участников в процессе привлечения инвестиций, реализации инновационных идей, сохранении конфиденциальной информации и прочее.

Кроме того, отсутствует единообразие в отношении понимания правовой сущности стартапа, что объясняется в первую очередь фрагментарностью и бессистемностью проводимых научных исследований, и лишь потом недостаточным количеством тематических научных исследований. Неоднородность теоретических выводов и предположений, отсутствие универсальных решений для исследуемого правового явления требует создания комплексного научного представления о стартапной деятельности.

Инновации для гражданского законодательства не являются новой областью исследования, однако, современные правоотношения, возникающие в этой области не лишены пробелов. Большинство цивилистов считают неотъемлемой частью инноваций результаты интеллектуальной деятельности, в частности в исследованиях А.С. Ворожеевич [13, с. 169], О.А. Городова [10, с. 18], О.В. Сушковой [11, с. 9]. Однако, в нормативных правовых актах, напротив, инновации не ассоциируются с результатами интеллектуальной деятельности.

В Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ [1] под инновациями понимается внедрение нового или значительно улучшенного продукта (товара, услуги) или процесса, новый метод продаж или организационный метод в деловой практике, создание новых рабочих мест или улучшение внешних связей.

В контексте Концепции инновационной политики Российской Федерации [4], определение инноваций соотносится с ранее существующим понятием, согласно которому инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности, воплотившийся в новый или усовершенствованный продукт, представленный на рынке, либо в новый или усовершенствованный технологический процесс, применяемый в практической деятельности.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» вводит понятие «цифровые инновации» [2], основной характеристикой которых является внедрение новых или существенно усовершенствованных продуктов, процессов, методов (включая результаты интеллектуальной деятельности) в рамках определенных направлений.

Анализируя приведенные определения, можно выделить общие признаки, присущие легальному понятию «инновация»: наличие научной основы и новизны; реализация; коммерциализация.

В этой связи уместно упомянуть, что в 2021 году на уровне Министерства науки и высшего образования Российской Федерации была официально инициирована программа «Стартап как диплом», которая в пилотном варианте функционировала с 2017 года. Данная программа ориентирована на решение задач цифровой экономики и предполагает вовлечение студентов в процессы, связанные с развитием стартапов. В рамках программы студентам предоставляется возможность презен-

товать свою выпускную квалификационную работу в форме действующего бизнес-проекта или идеи, находящейся на стадии разработки.

Выполнение выпускной квалификационной работы посредством стартапа представляет собой перспективную коллаборацию классической формы ее защиты с применением цифровых технологий, закрепляющий при подготовке работы освоенные в ходе обучения цифровые компетенции [9, с. 229].

В 2022 году было принято Постановление Правительства РФ от 8 июля 2022 года № 1225 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета Фонду инфраструктурных и образовательных программ в целях создания и поддержки инструментов университетского венчурного строительства (университетские «стартап-студии»).

Учебные заведения высшего образования осуществляют разнообразные научные исследования, которые имеют потенциал для коммерциализации через создание стартапов. Возникновение стартапов в университетах способствует трансферу технологий из научной среды в промышленный сектор. Это может способствовать возникновению новых отраслей и улучшению конкурентоспособности страны на международной арене. Данная деятельность также способствует формированию предпринимательской культуры.

В 2023 году Правительство Москвы и Правительство Российской Федерации предприняли важные шаги в сфере правового регулирования деятельности стартапов. Постановление Правительства Москвы от 21 апреля 2023 года № 700-ПП [3] впервые предоставило определение стартапа на основе признания его участия в кластере. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» [5] закрепило определение технологического стартапа как молодого предприятия, основанного на инновационной идее и направленного на разработку продуктов с применением новых технологий.

Данный тренд правового обеспечения деятельности стартапов свидетельствует о пристальном внимании государства к развитию этой сферы на всех уровнях. Еще в 2012 году Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 года [20] высказал необходимость государственной поддержки стартапов.

В 2013 году был принят Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года [8], в котором стартапы рассматривались в контексте снижения налоговой нагрузки.

Одним из ключевых направлений реализации этой стратегии стала программа «Стартап как диплом», внедренная в вузах. С 2021 года эта программа включена в национальный проект «Наука и университеты», реализуемый в соответствии с Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 [7] и от 21 июля 2020 года № 474 [6], и направлена на развитие молодежного предпринимательства.

С 2020 года Министерство науки и высшего образования Российской Федерации осуществляет мониторинг практики защиты стартап-проектов в качестве выпускных квалификационных работ (ВКР). В 2022 году Постановлением Правительства РФ были определены понятия «университетская стартап-студия» и «университетский стартап».

В 2022 году Министерством науки и высшего образования Российской Федерации были разработаны и направлены вузам методические рекомендации. Эти рекомендации касаются создания условий, которые способствуют развитию практики поддержки студентов при подготовке и защите выпускных квалификационных работ (ВКР) в формате «Стартап как диплом».

На основе обозначенного считаем уместным обозначить вектор развития российского законодательства в сфере стартапной деятельности посредством выпускных квалификационных работ в высших учебных заведениях:

- создание публичного реестра учебных заведений, в которых реализуется программа «Стартап как ВКР»;
- правовая организация работы венчуров и учебных заведений;
- внесение изменений в приказ Минобрнауки России от 22 июля 2021 года № 645 «Об утверждении образцов и описания документов о высшем образовании и о квалификации и приложений к ним» в части утверждения образца дополнительного приложения к диплому, выполненному в рамках программы «Стартап как ВКР» [14, с. 25];
- включение в программу дисциплины «Предпринимательское право» обязательного для изучения раздела «Стартапная деятельность как средство инвестиций».

Представляется, что исследования, проводимые в целях совершенствования процесса защиты выпускных квалификационных работ в виде стартапа, заслуживают поддержки [19, 15, 17, 16, 18, 9, 12],

однако исследования, направленные на совершенствование защиты выпускных квалификационных работ в формате стартапов, безусловно, заслуживают внимания и поддержки. При этом необходимо помнить о специфике правового регулирования таких отношений и не сводить весь фокус исключительно к организационно-методологическим аспектам реализации программы.

Литература

1. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон № 127-ФЗ: [принят Гос. Думой от 12 июля 1996 г.: одобрен Советом Федерации 7 авг. 1996 г.: послед. ред.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 23.11.2024).
2. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон № 258-ФЗ: [принят Гос. Думой 22 июля 2020 г.: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г.: послед. ред.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 23.11.2025).
3. О внесении изменений в Постановление Правительства Москвы от 25 апреля 2019 года № 435-ПП: постановление Правительства Москвы от 21 апреля 2023 г. № 700-ПП // Mos.Ru: официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/51219220/> (дата обращения: 23.11.2025).
4. О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы: постановление Правительства Рос. Федерации от 24 июля 1998 г. № 832 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 32, ст. 3886.
5. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 03.02.2026).
6. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 23.11.2025).
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 23.11.2024).
8. О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года: письмо Минэкономразвития России от 21 мая 2012 г. № 9833-ак/д03 // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 23.11.2025).
9. Богдан, В.В. Цифровизация на «выходе»: стартап как диплом – новая форма защиты выпускной квалификационной работы / В.В. Богдан // Трансформация концептуальных основ подготовки юристов для сферы бизнеса в условиях цифровой экономики: монография / отв. ред.: И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. Москва, 2022. – С. 229–236.
10. Городов, О.А. Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности) / О.А. Городов. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. – 402 с.
11. Сушкова, О.В. Гражданско-правовой режим инноваций в научно-технической сфере (на примере деятельности высших учебных заведений) / Сушкова Ольга Викторовна: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 28 с.
12. Уралов, А.А., Гущина, А.А. Стартапы университета. Концепция развития бизнес-инкубаторов и акселераторов в высших учебных заведениях Российской Федерации / А.А. Уралов, А.А. Гущина. – Москва, 2020. – 130 с.
13. Ворожевич, А.С. Инновация: проблемы доктринального и нормативного определения / А.С. Ворожевич // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 9. – С. 169–176.
14. Ершова И. В., Петраков А.Ю. Программа «Стартап как ВКР» – драйвер развития молодежного предпринимательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 8 (108). – С. 22–28.
15. Шуванов, И.Б., Шуванова, В.П., Круглова, М.С., Круглова, Л.Э. Исследование готовности обучающихся к разработке выпускной квалификационной работы в виде стартапа / И.Б. Шуванов, В.П. Шуванова, М.С. Круглова, Л.Э. Круглова // Гуманизация образования. – 2022. – № 4. – С. 22–34.

16. Провоторова, О.А. Инновационно ориентированное развитие учебных организаций через взаимодействие преподавателя-лидера с профессиональной бизнессредой / О.А. Провоторова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1(104). – С. 300–301.

17. Продолятченко, П.А. Особенности руководства студенческим проектом «Стартап как диплом» по специальности «Экономика» / Продолятченко, П. А. // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 6(59). – С. 684–689.

18. Пронина, Ю.О. Сопровождение и реализация программы «Стартап как диплом» как вида инновационной методики образовательного процесса Ю.О. Пронина // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 168–169.

19. Трофимова, Е.В. Цифровые технологии в бизнесе юридических фирм как источник идей для проектов обучающихся, реализуемых в рамках программы «Стартап как ВКР» / Е.В. Трофимова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 118–126.

20. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения: 23.11.2025).

21. Конференция по искусственному интеллекту от 9 ноября 2019 года // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62003> (дата обращения: 23.11.2025).

FEATURES OF START-UP ACTIVITIES IN GRADUATE WORKS AT HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: LEGAL ASPECTS

Nazarova M.G.

North Caucasus Institute (branch) of Moscow University of Humanities and Economics

The article outlines the problems of implementing startup activities in the Russian Federation, identifies a gap in the legal field, outlines the position of the President regarding the development of innovative activities and examines the specifics of the implementation and regulation of startup activities in educational institutions. The vector of development of Russian legislation in the field of start-up activities through graduate qualification programs is indicated.

Keywords: startup, business, venture, government policy, intellectual property, artificial intelligence, innovation, education, graduation papers, educational organizations.

References

1. On Science and State Scientific and Technical Policy: Federal Law No. 127-FZ: [adopted by the State Duma on July 12, 1996: approved by the Federation Council on August 7, 1996: last ed.] // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed: November 23, 2024).
2. On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ: [adopted by the State Duma on July 22, 2020: approved by the Federation Council on July 24, 2020: last ed.] // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (accessed: 23.11.2025).
3. On Amendments to Moscow Government Resolution No. 435-PP of April 25, 2019: Moscow Government Resolution No. 700-PP of April 21, 2023 // Mos.Ru: official website of the Mayor of Moscow. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/51219220/> (accessed: 23.11.2025).
4. On the Concept of Innovation Policy of the Russian Federation for 1998–2000: Resolution of the Government of the Russian Federation of July 24, 1998 No. 832 // Coll. legislation of the Russian Federation. 1998. No. 32, Article 3886.
5. On Approval of the Concept of Technological Development through 2030: Order of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 No. 1315-r // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (accessed: February 3, 2026).
6. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 “On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030” // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (accessed: November 23, 2025).
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation through 2024” // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed: November 23, 2024).
8. On the long-term socio-economic development forecast of the Russian Federation through 2030: letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated May 21, 2012 No. 9833-ak/d03 // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed: November 23, 2025).
9. Bogdan, V.V. Digitalization at the “exit”: a startup as a diploma – a new form of defense of the final qualifying work / V.V. Bogdan // Transformation of the conceptual foundations of training lawyers for business in the digital economy: monograph / eds. Moscow, 2022. – Pp. 229–236.
10. Gorodov, O.A. Legal innovation (legal regulation of innovation activity) / O.A. Gorodov. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2008. – 402 p.
11. Sushkova, O.V. Civil-law regime of innovations in the scientific and technical sphere (on the example of the activities of higher educational institutions) / Sushkova Olga Viktorovna: author’s abstract. dis. ... Cand. of Law. – Moscow, 2010. – 28 p.

12. Uralov, A.A., Gushchina, A.A. University Startups. The Concept of Development of Business Incubators and Accelerators in Higher Education Institutions of the Russian Federation / A.A. Uralov, A.A. Gushchina. – Moscow, 2020. – 130 p.

13. Vorozhevich, A.S. Innovation: Problems of Doctrinal and Normative Definition / A.S. Vorozhevich // Actual Problems of Humanities and Natural Sciences. – 2011. – No. 9. – Pp. 169–176.

14. Ershova, I.V., Petrakov, A. Yu. The “Startup as a Final Qualifying Work” Program – a Driver of Youth Entrepreneurship Development // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2023. – No. 8 (108). – P. 22–28.

15. Shuvanov, I.B., Shuvanova, V.P., Kruglova, M.S., Kruglova, L.E. Study of students' readiness to develop a final qualification work in the form of a startup / I.B. Shuvanov, V.P. Shuvanova, M.S. Kruglova, L.E. Kruglova // Humanization of education. – 2022. – No. 4. – P. 22–34.

16. Provotorova, O.A. Innovatively oriented development of educational organizations through the interaction of a teacher-leader with the professional business environment / O.A. Provotorova // The world of science, culture, education. – 2024. – No. 1 (104). – P. 300–301.

17. Prodolyatchenko, P.A. Features of managing the student project “Startup as a Diploma” in the specialty “Economics” / Prodolyatchenko, P. A. // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2023. – No. 6 (59). – P. 684–689.

18. Pronina, Yu.O. Support and implementation of the program “Startup as a Diploma” as a type of innovative methodology of the educational process Yu.O. Pronina // Eurasian Law Journal. – 2023. – No. 11 (186). – P. 168–169.

19. Trofimova, E.V. Digital technologies in the business of law firms as a source of ideas for student projects implemented within the framework of the program “Startup as a Final Qualifying Work” / E.V. Trofimova // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL). – 2022. – No. 12 (100). – P. 118–126.

20. Address of President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation, December 12, 2012 // Consultant Plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (accessed: November 23, 2025).

21. Conference on Artificial Intelligence, November 9, 2019 // President of Russia: website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62003> (accessed: 23.11.2025).

Нечепорук Надежда Александровна,

соискатель учёной степени кандидата наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Статья посвящена анализу правовой природы вещных прав, их классификации и особенностям защиты. Рассматривается понятие вещных прав, а именно правовые возможности лица по отношению к конкретной вещи, включая право владения, пользования и распоряжения. Автор уделяет внимание различным видам вещных прав, таким как право собственности, право ограниченного вещного пользования (сервитуты, право застройки и т.д.), а также заложенным правам.

Ключевые слова: гражданский оборот, вещные права, право собственности, защита вещных прав.

Вещные права занимают центральное место в гражданском обороте, поскольку именно они обеспечивают юридическое закрепление отношений между субъектами права и объектами материального мира. Вещные права регулируют способы владения, пользования и распоряжения имуществом, что создает основу для стабильности и предсказуемости гражданско-правовых отношений. Согласно части 2 статьи 35 Конституции РФ «каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, как единолично, так и совместно с другими лицами». Это право позволяет своему обладателю использовать принадлежащее ему имущество в собственных интересах, т.е. извлекать выгоду из распоряжения имуществом. Гражданское законодательство постоянно совершенствуется, из этого вытекает и новизна исследования данной работы. Сложность и неопределенность состоит в том, что термин «вещные права» обладает большой емкостью данного понятия. Все это создает трудности как для законодательного определения вещных прав, так и для их толкования в ходе правоприменительной практики.

Россия относится к группе государств романо-германской правовой системы. Однако отечественное законодательство, регулирующее общественные отношения по поводу вещных прав, как отмечают ученые и другие исследователи, прошло свой уникальный путь развития. Этот уникальный путь отличается от формирования вещных прав в других государствах романо-германской правовой семьи. По мнению Сушко Н.А., в отечественной доктрине гражданского права не сформировался такой глубокий и дифференцированный подход к изучению различных вещных прав как в западных странах с долгой историей рыночных традиций [7, с. 76–79].

Как отмечено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [4], в современной редакции ГК РФ отсутствует комплекс взаимосвязанных институтов вещного права, имеющих своей основой право собственности и объединенных развернутой системой общих норм вещного права. В законодательстве многие из этих институтов отсутствуют, а другие лишь намечены «пунктирно» и с серьезными при этом искажениями (пункт 5 Введения).

Концепция основывается на идее необходимости создания полноценной системы ограниченных вещных прав, которая могла бы удовлетворить потребности участников гражданского оборота также в основном, именно на вещном праве (максимально стабильном и защищенном) режиме пользования чужим имуществом.

Отсутствие у российского законодательства исторически сложившейся и практически отработанной нормативной базы для реализации вещных прав представляет собой первоочередную проблему в данной области. Даже после принятия и введения в действие части первой Гражданского кодекса РФ в 1995 году (далее – Гражданский Кодекс, ГК РФ), как отмечают ученые-цивилисты, существующие нормы не способны надлежащим образом регулировать отношения в области вещных прав. В действительности, а именно в практической деятельности, основную часть работы по выстраиванию эффективных способов реализации вещных прав выполняют судебные органы. Пленумы Верховного суда РФ в данной сфере часто имеют наиболее важное значение, чем даже законодательные акты. Данное обстоятельство, по нашему мнению, является проблемой, которую необходимо разрешить. Одним из вариантов решения является реформирование существующих норм.

До настоящего времени блок изменений в гражданское законодательство, касающийся правового регулирования вещных прав, не реализован, соответствующие поправки не внесены. Тем не менее, действующая редакция раздела II ГК РФ с учетом основных подходов, сложившихся в судебной практике относительно вопроса осуществления и защиты вещных прав (в том числе и Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» [5]), позволяют участникам гражданского оборота достаточно эффективно вступать в отношения по поводу принадлежности вещей и должным образом реализовывать свои имущественные интересы в данной сфере.

Согласно статьям 209, 216 ГК РФ к вещным имущественным правам относятся: право собственности и ограниченные вещные права.

Основным, базовым, всеобъемлющим вещным правом является право собственности. Именно собственнику, в соответствии с пунктами 1,2 статьи 209 ГК РФ принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе, по своему усмотрению, совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам, и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, продолжая являться собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Ограниченные вещные права в той или иной мере производны от права собственности и характеризуются меньшим (в сравнении с правом собственности) уровнем господства титульного владельца над вещью.

К ограниченным вещным правам относятся:

Право пожизненного наследуемого владения земельным участком: право, предоставляющее владение и использование земельного участка, но не право распоряжения.

Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком: право использовать земельный участок без ограничения срока, но без права продажи.

Право сервитута предоставляет ограниченное право использования чужого имущества, например, для прохода или проезда (частный и публичный сервитуты).

Право хозяйственного ведения и оперативного управления применяется для имущества, закрепленного за государственными или муниципальными учреждениями и предприятиями.

Право залога: ограниченное вещное право, которое обеспечивает обязательства должника перед кредитором, предоставляя кредитору право на удовлетворение своих требований за счет стоимости заложенного имущества.

Права, вытекающие из права собственности:

Узус (право пользования) – ограниченное право пользования вещью без права извлечения доходов.

Узуфрукт – право пользования чужим имуществом с извлечением из него плодов и доходов.

Суперфиций – право строительства на чужой земле.

Эмфитевзис – право долгосрочного сельскохозяйственного использования земли.

Иные вещные права. Законом могут устанавливаться и другие виды вещных прав, которые служат интересам гражданского оборота и обеспечивают эффективное использование имущества.

Отметим, что действующее законодательство более детально регламентирует право собственности – наиболее значимый институт вещного права. Однако правовое регулирование ограниченных вещных прав, на наш взгляд, недостаточно, и не соответствует требованиям развития имущественных отношений на современном этапе. Из чего можно сделать вывод, что законодательство в основном регулирует право собственности, а другие вещные права пребывают в «непонятном» состоянии. Создание эффективной системы вещных прав, которая в полной мере учитывала бы интересы всех участников данных отношений, является не просто решением, а необходимостью.

Важность эффективного функционирования вещных прав, их стабильность и защита для развития рыночных отношений и социально-экономического благополучия в нашей стране неоспорима. Однако, в российском законодательстве проблемой является отсутствие развитого механизма посессорной защиты владения. Под посессорной защитой понимается защита реального господства лица над вещью на основе его фактического отношения к предмету владения. Это не связано с владением как элементом субъективного вещного права, а скорее с фактическим господством лица над вещью, независимо от вопроса о праве на него и способах его приобретения. Это важно учитывать при разработке механизмов защиты владения.

Защита не только собственников имущества, но и других участников имущественных отношений должна обеспечиваться развитой правовой системой. Однако процесс перехода к более развитым формам сервитуту и других ограниченных вещных прав, соответствующим рыночным условиям, происходит медленно. Намечившаяся конкуренция между гражданским и земельным законодательством, по существу – между частным и публичным правом, усложняет регулирование земельных отношений, представляя собой проблему.

В данной сфере регулирование некоторых вопросов берет на себя земельный кодекс РФ (далее – Земельный кодекс, ЗК РФ). Граждан-

ский кодекс применяется, если иное не предусмотрено Земельным кодексом, что создает некоторого рода зависимость первого от второго. В положении статьи 3 Земельного кодекса указывается, что имущественные отношения по вопросам владения, пользования и распоряжения земельными участками регулируются гражданским законодательством, и снова при условии, если иное не предусмотрено земельным законодательством и иными нормативными правовыми актами.

Подобный подход мог оправдывать себя в условиях приоритета публичной собственности на землю, однако в настоящее время частная собственность на землю выступает важным фактором развития рыночной экономики, поэтому данный подход представляется не таким актуальным, как ранее. Необходимо обеспечить соответствие нормативных предписаний гражданского и земельного законодательства, который приведет к балансу частных и публичных интересов в этой очень сложной и важной для общества и государства сфере правового регулирования. Важно отметить, что недвижимое имущество имеет прямое влияние на развитие экономики, так как связано с вещными правами. Поэтому следует гармонизировать законы, осуществляющие регулирование вещных прав и положений о недвижимом имуществе и его регистрации.

Вещное право предполагает предоставление человеку определенных гарантий, в числе которых важнейшей является неприкосновенность собственности. Этот принцип содержится не только в гражданском законодательстве, но имеет и конституционное закрепление [9, с. 361–372]. Однако, на практике, ситуация с реализацией данного принципа требует дальнейшего совершенствования.

Анализ нормативных правовых актов, научных исследований, позволяет сделать вывод о том, что в сфере законодательного регулирования вещных прав в отечественной практике имеется ряд недостатков, которые обусловлены различными факторами, но в целом связаны с развитием данного института конкретно в нашей отечественной практике. Как сказано ранее, в нашей стране данный институт развивался по особому пути, что сыграло важную роль.

В России существуют проблемы, связанные с законодательством о вещных правах, которые были выявлены в ходе исследования, назовем некоторые из них:

- недостаточная развитость и полнота нормативной основы регулирования вещных отношений;
- значительная роль в регулировании вещных отношений отводится судам и судебной практике, в особенности постановлениям пленумов Верховного суда РФ, что не характерно для стран с развитым порядком;
- отсутствие полноценной системы ограниченных вещных прав в гражданском законодательстве. При этом основное внимание уделяется нормам о праве собственности, в то время как другие вещные права регламентируются минимально, что по нашему мнению, не соответствует потребностям дальнейшего социально-экономического развития.

Важной задачей, требующей изменений, является проблема реформирования нормативного регулирования вещных прав Гражданским кодексом РФ.

А.В. Феоктистов и Д.Е. Феоктистов, доценты кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета, отмечают, что изменение структуры гражданско-правового регулирования вещных прав в законодательстве является одной из главных проблем [8, с. 148–151], так как в России применяется пандектная система построения нормативных актов. Отсутствие общих положений о вещном праве отрицательно влияет на регулирование указанных отношений.

Л.Ю. Василевская, профессор, доктор юридических наук, в своей работе анализировала проект по внесению изменений в Гражданский кодекс РФ, касающийся формирования новой системы ограниченных вещных прав. При этом она отметила, что в законопроекте № 47538–6/5 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено возникновение любого ограниченного вещного права на основании заключенного договора об установлении вещного права, согласно ст. 224 п. 3 [6, с. 110–117]. Возможно авторы реформы хотели перенять немецкий опыт. Однако, в отличие от немецкого подхода в российском Гражданском кодексе и законопроекте, о котором говорила Василевская, отсутствует конструкция вещного договора, что вызывает определенные вопросы. Установление ограниченного вещного права через договор, как источника возникновения обязательств, фактически противоречит идее разделения вещных и обязательственных прав.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что реформирование Гражданского кодекса в части нормативного регулирования вещного права является необходимостью, однако и в этом деле существуют

определенные вопросы, которые необходимо тщательно проработать. Мы согласны с позицией Феоктистовых о необходимости реформирования Гражданского кодекса РФ по вопросу регулирования вещных прав нормами права, однако к данному вопросу необходимо серьезно подойти и глубоко проанализировать, потому как по замечанию Василевской в случае, если договор будет являться основанием возникновения вещного права, это не совпадает с разграничением вещных и обязательственных прав.

С целью развития института вещных прав требуется глубокое и всестороннее изучение данных отношений. Как вариант, с целью разрешения этого вопроса, необходимо:

провести исследование законодательства зарубежных стран и сформировать на его основе собственное законодательство, которое соответствовало бы требованиям нашего государства;

проанализировать, закрепленные в российской законодательной базе требования, определить и дополнить пробелы отсутствующими компонентами;

изменения и реформы требуются не только на законодательном уровне, но и в правоприменительной практике.

Многие ученые также склоняются к мнению, что необходимо реформировать законодательство в сфере регулирования вещных правоотношений.

Важной особенностью защиты вещных прав является возможность их защиты, как при наличии фактов нарушения права, так и в превентивных целях и в случаях, если это установлено законом. В нашем государстве исторически сложилось два основных способа защиты вещных прав:

путем виндикационного иска, который заключается в истребовании имущества из чужого незаконного владения путем принудительного истребования вещи;

путем негаторного иска, что заключается в требовании по устранению препятствий и барьеров на право собственности (создание препятствий для пользования вещью) и не имеет отношения к лишению собственника права на владение вещью (статья 304 ГК РФ).

Главой 20 Гражданского кодекса РФ закреплены положения о защите и восстановлении права собственности и иных вещных прав граждан. Согласно смыслу ст. 301 ГК РФ, собственнику принадлежит исключительное право по истребованию своего имущества из чужого незаконного владения. Истребование имущества из незаконного владения восстановление вещного права над имуществом осуществляется путем подачи искового заявления, виндикационного заявления в соответствующий суд. При этом в статье не раскрыт порядок, процедура и принципы восстановления нарушенных прав, а также истребование собственником имущества из незаконного владения. При этом именно собственник, либо его представитель, оспаривающее в судебном порядке законность владения и настаивающее об истребовании имущества, обязан доказывать факт нарушения его права над спорным имуществом. Законодательством также не закреплено, что необходимо относиться к доказательственной базе в подобном случае. Анализируя судебную практику можно сделать вывод о том, что доказательствами могут являться выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество, так и другая интересующая информация, подтвержденная документально.

Рассмотрим ст. 302 ГК РФ, которой установлено истребование имущества от добросовестного приобретателя. Несмотря на то, что данной статьей полностью раскрыты полномочия собственника об истребовании имущества у добросовестного приобретателя. Однако в судебной практике имели место случаи, при которых лишиться правомочия и истребовать имущество, которое представляет собой жилое помещение, у добросовестного приобретателя, который ссылаясь на выписку из ЕГРП приобрел имущество и в установленном законом порядке зарегистрировал вещное право на спорное имущество, по иску бывшего супруга, который является участником общей совместной собственности, не совершивший правовых мер по контролю над общим имуществом супругов, не представляется возможным.

Следовательно, нормативное толкование понятия добросовестный приобретатель, сегодня отсутствует, вследствие чего возникают трудности в доказывании статуса добросовестного приобретателя и разумности действий, связанных с приобретением спорного имущества. Как результат появление мотивированных жалоб на отрицательные судебные решения и поступление дел во все существующие инстанции судопроизводства.

Однако, согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ положения пункта 1 ст. 302 ГК РФ являются законными и не противоречащими Конституции РФ, что исключает иное его толкование в судебной практике.

В судопроизводстве лицо, к которому предъявляется требование об изъятии имущества, признается добросовестным приобретателем спорного имущества лишь в случае, если правовая сделка по приобретению спорного имущества соответствует всем признакам действительности сделки, за исключением случаев, если сделка совершена лицом, без законных оснований.

Также, законодателем не предусмотрено восстановление собственником нарушенного права в отношении денежных средств либо ценных бумаг на предъявителя, в случае, если они находятся у добросовестного приобретателя. Таким образом, не каждое вещное право гарантировано законодательством.

В завершение, необходимо отметить, что в настоящее время актуален вопрос, касающийся толкования статьи 304 ГК РФ.

Согласно норме указанной статьи, собственник имеет право требовать устранения нарушений относительно его прав над имуществом. При этом нарушения не связаны с лишением собственника права владения имуществом. Законодатель не раскрыл правовую природу указанной нормы. Анализируя судебную практику можно сделать вывод о том, что защита права на имущество, не связанного с его лишением возможно путем подачи негаторного искового заявления. В негаторном иске, как правило, просительная часть шире чем просительная часть в виндикационном иске, так как собственник или иной титульный владелец вправе просить ответчика возместить убытки, связанные с препятствием, оказанным последним.

На основе изучения российского законодательства, научной литературы и судебной практики можно сделать вывод о том, что Гражданским кодексом РФ предусмотрена целая Глава, касающаяся вопроса защиты вещных прав собственника. Однако, с целью устранения неполного понимания правовой нормы, необходимо более точное и расширенное обоснование понятия и системы защиты вещных прав.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 – ФЗ // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ, № 11, ноябрь 2009.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2010.
6. Василевская Л.Ю. Реформирование законодательства о вещных правах и об их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права – 2018. – № 9 (94). – С. 110–117.
7. Сушко Н.А. Вещное право в системе современного гражданского права // Евразийский союз ученых. – 2017. – № 10 (43). – С. 76–79.
8. Феоктистов А.В., Феоктистов Д.Е. Проблемные вопросы вещного права в России // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (217). – С. 148–151.
9. Щенникова Л.В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 361–372.

PROPERTY RIGHTS: CONCEPT, TYPES, PROTECTION

Necheporuk N.A.

Lebedev Russian State University of Justice

The article is devoted to the analysis of the legal nature of property rights, their classification and features of protection. The concept of property rights is considered, namely, the legal capabilities of a person in relation to a specific thing, including the right to own, use and dispose. The author pays attention to various types of property rights, such as property rights, the right of limited property use (easements, building rights, etc.), as well as collateral rights.

Keywords: Civil turnover, property rights, property rights, protection of property rights.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Article 3301.
3. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, 29.10.2001, No. 44, Article 4147.
4. The Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation dated October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 11, November 2009.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated April 29, 2010 (as amended on December 12, 2023) "On Certain Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Ownership Rights and Other Property Rights" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 7, July 2010.
6. Vasilevskaya L. Yu. Reforming the Legislation on Property Rights and Their Protection: Contradictions, Problems, and Development Trends // Actual Problems of Russian Law – 2018. – No. 9 (94). – Pp. 110–117.
7. Sushko N.A. Property Law in the System of Modern Civil Law // Eurasian Union of Scientists. – 2017. – No. 10 (43). – Pp. 76–79.
8. Feoktistov A.V., Feoktistov D.E. Problematic Issues of Property Law in Russia // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 1 (217). – Pp. 148–151.
9. Shchennikova L.V. The Concept of Property Law in the Arguments of Russian Civil Law Scholars // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2017. – No. 37. – P. 361–372.

Новиков Имад Заурович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, ОУП ВО «АТиСО»

E-mail: Imadaev0802@gmail.com

Статья посвящена исследованию природы, оснований и содержания обязанностей корпоративных консультантов. Центральное место в работе занимает проблема обоснования распространения фидуциарных обязанностей на корпоративных консультантов, которые, в отличие от директоров, агентов, адвокатов и доверительных управляющих, формально не наделены полномочиями на совершение юридически значимых действий от имени клиента. На основе критического анализа теории полномочий фидуциара, теории критического ресурса и доктрины уязвимости автор приходит к выводу о том, что фидуциарный характер обязанностей корпоративных консультантов обусловлен объективной конструкцией консультационных правоотношений: информационной асимметрией, передачей контроля над критически значимыми ресурсами клиента и свободой профессионального усмотрения (профессионального суждения) консультанта. В статье обосновывается, что договор корпоративного консультирования должен включать три фидуциарных компонента: обязанность лояльности, обязанность заботливости и обязанность информирования.

Ключевые слова: фидуциарные обязанности, корпоративный консультант, обязанность лояльности, обязанность заботливости, обязанность информирования, конфликт интересов, информационная асимметрия, уязвимость, профессиональное суждение.

Введение

Проблема фидуциарных обязанностей корпоративных консультантов находится на стыке нескольких фундаментальных вопросов частного права: определения границ фидуциарной конструкции, квалификации консультационных правоотношений и выработки адекватных механизмов защиты интересов клиента в условиях информационной асимметрии. Несмотря на то что фидуциарные обязанности финансовых корпоративных консультантов получили достаточно глубокую проработку в англо-американской доктрине, их распространение на корпоративных консультантов в целом остается предметом научных дискуссий. Между тем именно в отношениях консультирования уязвимость клиента оказывается особенно острой: клиент раскрывает конфиденциальную информацию, полагается на независимость профессионального суждения и, как правило, не способен самостоятельно оценить качество полученных рекомендаций.

Настоящая статья посвящена анализу природы и содержания фидуциарных обязанностей корпоративных консультантов в сравнительно-правовой перспективе. Автор исследует генезис фидуциарной конструкции, сопоставляет ее реализацию в правовых системах общего и континентального права, критически оценивает основные теории фидуциарности применительно к консультационным отношениям и формулирует выводы о структуре фидуциарных обязанностей консультантов в российском праве.

Основная часть

Генезис, сущность и содержание фидуциарных обязанностей

Фидуциарные обязанности как правовая категория берут свое начало в английском общем праве, где они формировались путем последовательного расширения круга отношений, признаваемых аналогичными трасту.

Традиционно в английском праве применялся категориальный подход [1], в соответствии с которым напрямую к фидуциарным правоотношениям относились только отношения с участием агентов, директоров компаний, трасти и адвокатов (в силу адвокатской монополии в Англии *de facto* здесь можно говорить о распространении фидуциарности на всех юрисконсультов). Само положение лица в определенной правовой роли предreshало возникновение фидуциарных обязанностей.

Параллельно (для квалификации иных отношений) развивался подход, основанный на фактических обстоятельствах, когда суды оценивали конкретные условия отношений (наличие у одной стороны дискреционных полномочий, уязвимость другой стороны, неравенство переговорных позиций и др.) и на этом основании квалифицировали отношения как фидуциарные [2].

Историческое сосуществование этих двух методов правовой квалификации фидуциарных отношений обуславливает принципиальную сложность их теоретического осмысления. Границы соответствующей правовой остаются подвижными: она не выводилась из единого теоретического постулата, а складывалась эмпирически, через обобщение казуистической судебной практики.

Вместе с тем в современной доктрине можно констатировать наличие условного консенсуса относительно субстантивного ядра фидуциарных обязанностей. Как указывает Д. В. Ломакин, сущностным признаком фидуциарных правоотношений следует считать способность фидуциара посредством собственных односторонних действий воздействовать на правовую сферу фидуцианта, формируя или изменяя его правовое положение [3]. Подобная возможность, что существенно, не обязательно возникает из договора: она может опираться на общее правовое регулирование и существовать в том числе в рамках преддоговорного этапа [4].

Что касается содержания исследуемой категории, то, в наиболее общем виде, выделяются три фидуциарных обязанности: обязанность лояльности (*duty of loyalty*), обязанность должной заботливости (*duty of care*) и обязанность информирования/отчетности (*duty to inform, duty to account*) [5]. Каждая из них выполняет самостоятельную функцию в системе фидуциарного регулирования, однако их совместное действие образует единый механизм ограничения дискреционной власти лица, действующего в чужом интересе.

Обязанность лояльности составляет ядро фидуциарной конструкции и является тем элементом, который наиболее отчетливо отграничивает фидуциарные отношения от обычных договорных обязательств.

Содержательно она требует от фидуциара не использовать предоставленное ему усмотрение для удовлетворения собственных интересов, интересов аффилированных лиц, близких родственников или иных лиц, с которыми фидуциар связан, равно как и интересов прочих клиентов, перед которыми он одновременно несет обязательства. Помимо этого, фидуциару запрещено получать личную выгоду из реализации своих полномочий [6]. При наличии неразрешенного конфликта интересов действует презумпция нарушения интересов фидуцианта, и от фидуциара требуется получение предварительного информированного согласия на действия в условиях такого конфликта [5].

В англо-американских юрисдикциях современные суды оценивают соблюдение обязанности лояльности преимущественно через профилактические правила: запрет конфликта интересов и запрет извлечения неразрешенной выгоды [7]. В континентальных правовых системах данная обязанность получила различное институциональное оформление. Германскому праву соответствует доктрина *Treupflicht* – обязанность верности, охватывающая всех лиц, ведущих чужое дело, включая профессиональных консультантов [8]. Во французском праве обязанность лояльности была признана Кассационным судом в деле *Vilgrain* 1996 г. и впоследствии развита судебной практикой, однако до настоящего времени она не кодифицирована и функционирует как общий принцип права.

В российском корпоративном праве функциональным аналогом обязанности лояльности выступает требование добросовестности, закрепленное в п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и конкретизированное в пп. 1 п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62, рассматривающем совершение директором сделок с конфликтом интересов как самостоятельное основание ответственности. Тем не менее за пределами собственно корпоративных отношений (в частности, в отношениях с внешними корпоративными консультантами) аналогичная обязанность в российском праве системно не закреплена. Нормы ГК РФ ограничиваются лишь запретом представителю совершать сделки в отношении себя лично (п. 3 ст. 182 ГК РФ), который, как справедливо отмечается в литературе, легко обходится при совершении сделки с подконтрольным лицом или близким родственником [5].

В свою очередь, обязанность должной заботливости подразумевает приложение фидуциаром необходимых усилий, компетенции и профессионального мастерства при реализации своего усмотрения. Если обязанность лояльности, по образному выражению Б.Б. Джонсона, означает запрет «красть», то обязанность заботливости представляет собой предписание «быть внимательным» [6]. Она призвана обеспечить высокое качество реализации усмотрения фидуциара, а не только его направленность на интересы доверителя.

В английском праве ст. 174 Закона о компаниях 2006 г. закрепляет обязанность проявлять разумную осторожность, компетентность и тщательность. Вместе с тем необходимо учитывать, что после решения по делу *Bristol and West Building Society v. Mothew* 1996 г. английская доктрина исключила обязанность заботливости из числа собственно фидуциарных, признав, что специфические фидуциарные средства защиты должны применяться только при нарушении обязанности лояльности, тогда как за нарушение обязанности заботливости достаточно общих правил договорной или деликтной ответственности. В США, напротив, обе обязанности сохраняют фидуциарный статус, хотя стандарт судебного контроля за ними существенно различается: в частности, через применение правила делового суждения (*business judgment rule*).

В германском праве аналогичную функцию выполняет *Sorgfaltspflicht* – обязанность заботливости, закрепленная в § 93 Закона об акционерных обществах 1965 г. (AktG) в виде стандарта заботливого и добросовестного управленца. Во французском праве обязанность заботливости выражается через обязанность усердия и консультирования (*devoir de diligence et conseil*), подчеркивающую активный характер профессиональной ответственности. В российском праве ближайшим аналогом является требование разумности действий директора (п. 3 ст. 53 ГК РФ), содержание которого раскрыто в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62.

Обязанность информирования и отчетности подкрепляет и обеспечивает реализацию двух первых обязанностей, корректируя проблему информационной асимметрии между фидуциаром и фидуциантом. Она обязывает фидуциара вести учет действий, совершенных при реализации усмотрения, предоставлять отчет об исполнении поручения и раскрывать значимую информацию, включая сведения о воз-

никших конфликтах интересов [9, с. 308–309]. Благодаря этой обязанности фидуциант получает возможность оценить действия фидуциара, удостовериться в добросовестном исполнении поручения либо выявить нарушения и инициировать привлечение к ответственности.

В российском праве обязанность информирования имеет ряд нормативных проявлений: для поверенного она установлена ст. 974 ГК РФ, для комиссионера – ст. 999 ГК РФ, для доверительного управляющего – п. 4 ст. 1020 ГК РФ. При этом только в отношении поверенного законодатель предусмотрел право доверителя в любой момент потребовать полные сведения о ходе исполнения поручения. Для корпоративных консультантов, чьи отношения с клиентами не подпадают под указанные поименованные договорные типы, аналогичная обязанность институционально не закреплена.

Таким образом, проведенный анализ трех базовых фидуциарных обязанностей обнаруживает общую функциональную логику: все они направлены на ограничение дискреционной власти лица, действующего в чужом интересе, при сохранении за ним достаточной свободы усмотрения.

В то же время, каждая обязанность выполняет собственную роль: лояльность препятствует использованию доверенного положения в личных целях, заботливость устанавливает требования к качеству принимаемых решений, а информирование создает условия для контроля со стороны доверителя.

Однако, даже внутри англо-американской традиции не существует полного единства в определении границ фидуциарной конструкции, а в континентальных правовых системах функциональные аналоги этих обязанностей оказались рассредоточены по различным институтам и договорным типам, не образуя единого целостного механизма.

Основания распространения фидуциарных обязанностей на корпоративных консультантов

Центральным вопросом при обсуждении фидуциарных обязанностей корпоративных консультантов является проблема обоснования: почему консультант, формально не наделенный полномочиями на совершение сделок от имени клиента, должен нести обязанности, традиционно ассоциируемые с директорами, доверительными управляющими, адвокатами и агентами?

Теория полномочий фидуциара П.Б. Миллера предлагает отвечать на этот вопрос через критерий наделения полномочиями: фидуциарные отношения возникают тогда, когда фидуциар получает полномочия, реализуемые по его усмотрению, для деятельности в чужих интересах [10]. Данная теория удовлетворительно описывает положение трасти, агента и директора корпорации, однако она не охватывает отношения с корпоративными консультантами. Консультант в строгом смысле не получает от клиента полномочий на совершение сделок или иных юридически значимых действий – он лишь формулирует профессиональные рекомендации, оставляя окончательное решение за клиентом. Исключением здесь могут быть лишь корпоративные юридические консультанты.

Сходные затруднения возникают при обращении к трем критериям фидуциарной сделки, предложенным И.И. Зикуну: 1) реализация фидуциаром принадлежащего другому лицу права, 2) требование действовать наилучшим для бенефициара образом и 3) невозможность обратить правовые последствия совершенных фидуциаром действий [1].

Применительно к правоотношениям корпоративного консультирования первый и третий критерии на первый взгляд оказываются неприменимыми: консультант, как правило, не осуществляет чужого права, а его рекомендации не порождают юридически необратимых последствий – они реализуются действиями самого клиента.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что указанные критерии проявляют ограниченность не только применительно к консультантам, но и к классической сфере корпоративного управления. Директор корпорации, выступая ее единоличным исполнительным органом, не является отдельным лицом, распоряжающимся чужим правом: представляя корпорацию, он распоряжается ее собственными правами. Критерий юридической необратимости также носит условный характер. В частности, решения совета директоров и единоличного исполнительного органа могут быть признаны недействительными, например, по п. 3 ст. 43 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Кроме того, судебная практика стран общего права начиная с последних десятилетий XX в. последовательно распространяет фидуциарный стандарт на правоотношения с участием финансовых и иных профессиональных консультантов.

Ключевым прецедентом здесь стало решение Верховного суда Канады по делу *Hodgkinson v. Simms* 1994 г., в котором налоговые кон-

сультанты рекомендовали клиенту инвестировать средства в проект, с которым они были аффилированы, не раскрыв этого обстоятельства. Суд квалифицировал отношения как фидуциарные, указав, что правило о недопустимости конфликта интересов подлежит безусловному соблюдению, а юридическая необратимость действий фидуциара определяется не гипотетической (не)возможностью фидуцианта защитить свои интересы впоследствии, а его разумными ожиданиями от реализации обязанностей фидуциаром.

Данное решение имеет принципиальное значение для анализируемой проблематики по нескольким причинам. Во-первых, суд отошел от требования тотальной зависимости клиента от консультанта как обязательного условия фидуциарности, посчитав достаточным, что клиент обоснованно рассчитывал на компетентность и беспристрастность консультанта. Во-вторых, было подтверждено, что перечень фидуциарных правоотношений является открытым, а их квалификация зависит от фактических обстоятельств дела и, прежде всего, от степени зависимости клиента от профессионального суждения контрагента, определяемой через критерий доверия и критерий уязвимости.

В развитие этого подхода в российском праве можно привести позицию И.З. Аюшеевой и Т.В. Сойфер, которые предложили разграничивать фидуциарные сделки как категорию, привязанную к лично-доверительному элементу, и фидуциарные обязанности как категорию, квалифицируемую на основании объективных характеристик правоотношения: уязвимого положения фидуцианта, долга фидуциара последовать наилучшие интересы другой стороны и особого режима ответственности, предполагающего перенос бремени доказывания [11].

Именно подобное объективное понимание фидуциарных обязанностей, основанное на критерии уязвимости, представляется наиболее адекватным для описания отношений корпоративного консультирования, где лично-доверительный элемент не имеет определяющего значения.

При опоре на доктрину уязвимости выделенные И.И. Зикунм критерии фидуциарности могут рассматриваться как соблюденные применительно к корпоративному консультированию при определенной их модификации:

- критерий распоряжения чужим правом трансформируется в критерий косвенного распоряжения через формулировку профессиональных рекомендаций для совершения юридически значимых действий;
- критерий юридической необратимости приобретает характер разумных ожиданий конкретного правового результата;
- критерий исполнения обязанности наилучшим для бенефициара образом остается неизменным.

По сходным основаниям можно утверждать, что при использовании доктрины уязвимости применительно к правоотношениям с участием корпоративных консультантов и критерий наделяния полномочиями также соблюдается, хотя и в модифицированном виде: консультант предоставляет обоснованные рекомендации, на основании которых клиенты принимают решения и совершают действия. В отсутствие консультаций или при ином профессиональном суждении эти решения, вероятно, были бы иными.

Впрочем, наряду с критерием уязвимости существуют иные теоретические основания, позволяющие обосновать фидуциарный характер обязанностей корпоративных консультантов.

В частности, Д.Г. Смит предложил теорию, согласно которой фидуциарные отношения возникают в ситуации, когда одно лицо вверяет другому контроль над ресурсом, имеющим для передающей стороны существенное значение. При этом автор толкует понятие критического ресурса расширительно: оно не сводится к имущественным объектам или формальным правомочиям на заключение сделок, а охватывает также конфиденциальные сведения, раскрываемые фидуциантом для получения профессиональной помощи [12]. Данная теория позволяет объяснить фидуциарный элемент в отношениях с корпоративными консультантами через объективную структуру этих отношений: клиент-корпорация раскрывает сведения, составляющие коммерческую тайну, а консультант на их основании самостоятельно формулирует рекомендации, реализуя профессиональное усмотрение в отношении этого и иных ресурсов, принадлежащих корпорации.

Дополнительный ракурс анализа предлагает А. Лэйби, обративший внимание на то, что преобладающая теория полномочий оставляет без объяснения целый пласт отношений, в которых фидуциарные обязанности существуют у лиц, не наделенных какими-либо полномочиями со стороны клиента, а лишь предоставляющих ему профессиональные рекомендации. По мнению исследователя, главной задачей фидуциарных обязанностей в сфере консультирования является защита беспристрастности профессионального суждения, а ключевым инструментом такой защиты служит институт предотвращения конфликта интересов [13; 14].

Теория Д.Г. Смита объясняет, почему возникает потребность в фидуциарной защите – вследствие передачи контроля над критическим ресурсом. В свою очередь, подход А. Лэйби раскрывает механизм такой защиты: обеспечение независимости суждения через правила о конфликте интересов.

Синтез обеих позиций позволяет выстроить следующее обоснование: фидуциарные обязанности корпоративных консультантов порождаются информационной асимметрией и профессиональным усмотрением, а реализуются через обеспечение добросовестности и предотвращение конфликта интересов (*duty of loyalty*), а также через разумное и конфиденциальное обращение с критическими ресурсами корпорации (*duty of care*).

Иными словами, фидуциарные обязанности возникают в отношениях, где невозможно заранее предписать обязанному лицу конкретные действия, а его поведение неизбежно определяется оценочными стандартами. При этом, как справедливо указывает И.Н. Махалин, обязанность действовать в чьих-то интересах приобретает смысл лишь тогда, когда у обязанного лица имеется выбор, каким образом реализовать свои обязанности; при отсутствии усмотрения достаточно конкретных предписаний [5; 15]. Именно невозможность заранее исчерпывающим образом определить содержание обязанностей консультанта порождает потребность в фидуциарном стандарте как механизме последующего контроля за добросовестностью и разумностью его усмотрения.

В этом контексте принципиальное значение приобретает концепция М. Конаглена, обосновавшего, что фидуциарные обязанности по существу представляют собой защитный механизм для надлежащего исполнения нефидуциарных обязанностей. Их назначение – не столько поддержание абстрактного идеала лояльности, сколько предупреждение ситуаций, в которых у фидуциара возникает соблазн отступить от надлежащего исполнения своих нефидуциарных обязательств [7; 16].

Данный подход имеет непосредственное значение для обоснования фидуциарных обязанностей корпоративных консультантов. Консультант принимает на себя обязательство предоставить клиенту методологически и аналитически обоснованные рекомендации. Фидуциарные обязанности в этом контексте выступают не самостоятельным предметом обязательства, а инструментом обеспечения надлежащего качества основной услуги.

Фидуциарные обязанности корпоративных консультантов следуют классической триаде, однако с заметным перераспределением приоритетов. На первый план выходит обязанность лояльности, гарантирующая беспристрастность профессиональной оценки посредством регулирования конфликта интересов. Обязанность заботливости формулирует требования к компетентности, добросовестности, а также к бережному и конфиденциальному обращению с ресурсами корпорации-клиента. Обязанность информирования носит обеспечительный характер: она сокращает разрыв в информированности между консультантом и заказчиком.

При этом следует подчеркнуть, что масштаб и степень интенсивности фидуциарных обязанностей консультанта не совпадают с теми, что возложены на руководителя юридического лица: если директор связан постоянными фидуциарными обязательствами на протяжении всего периода осуществления полномочий, то обязанности консультанта определяются предметом и условиями конкретного договора, профессиональной специализацией и применимым регуляторным режимом.

Заключение

Фидуциарность обязанностей корпоративных консультантов обусловлена конструкцией консультационных правоотношений, при которых клиент доверяет консультанту доступ к критически значимым ресурсам (в частности, к конфиденциальной корпоративной информации, а также к иным корпоративным ресурсам), а консультант на этой основе формулирует обоснованное профессиональное суждение, реализуя собственное усмотрение в интересах клиента. Принципиальная невозможность заблаговременно (*ex ante*) и исчерпывающе регламентировать содержание профессионального суждения консультанта в сочетании с информационной асимметрией между ним и клиентом порождают повышенную уязвимость клиента и, как следствие, потребность в использовании фидуциарных стандартов для эффективной *ex post* защиты последнего.

С практической точки зрения отмеченное выше свидетельствует о необходимости интеграции фидуциарных элементов в договорную конструкцию корпоративного консультирования. Иными словами, договор корпоративного консультирования, понимаемый как неопределенный договор смешанного типа, должен включать три ключевых фидуциарных компонента: обязанность лояльности (включая раскры-

тие конфликта интересов), обязанность заботливости (включая конфиденциальное обращение с информацией клиента) и обязанность информирования. Эти элементы являются не привнесенными извне ограничениями, а органически присущими свойствами консультационных правоотношений, вытекающими из их объективной конструкции.

Литература

1. Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 52–102.
2. Miller P.B. A Theory of Fiduciary Liability // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56. № 2. P. 241–247.
3. Ломакин Д.В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хозяйство и право. 2019. № 1(504). С. 3–26.
4. Грундман Ш. Траст и Treuhand в конце XX в.: ключевые проблемы и смещение интересов // Частное право и финансовый рынок: сборник статей. Выпуск 1 / Отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. С. 296–297.
5. Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152–200.
6. Johnson B. B. A Theory of Corporate Fiduciary Duties // Brigham Young University Law Review. 2024. Vol. 49. Iss. 4. P. 1013–1062.
7. Conaglen M. Fiduciary Loyalty: Protecting the Due Performance of Non-Fiduciary Duties. Oxford: Hart Publishing, 2011. 332 p.
8. Gelter M., Helleringer G. Fiduciary Principles in European Civil Law Systems. ECGI Law Working Paper. 2018. № 392. 50 p.
9. Penner J.E. Law of Trusts. Oxford: Oxford University Press, 2022. 544 p.
10. Criddle E.J., Miller P.B., Sitkoff R.H. The Oxford Handbook of Fiduciary Law. Oxford, 2019. 1032 p.
11. Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 52–102.
12. Аюшеева И.З., Сойфер Т.В. К вопросу о доверии в гражданском праве // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 9–20.
13. Smith D.G. The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // Vanderbilt Law Review. 2002. Vol. 55. P. 1412.
14. Laby A.B. Book Review: Philosophical Foundations of Fiduciary Law // Law and Philosophy. 2016. Vol. 35. № 1. P. 436–455.
15. Gold A.S., Miller P.B. Philosophical Foundations of Fiduciary Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. 436 p.
16. Easterbrook F.H., Fischel D.R. Contract and Fiduciary Duty // Journal of Law and Economics. 1993. Vol. 36. № 1. Part 2. P. 425–451.
17. Conaglen M. The Nature and Function of Fiduciary Loyalty // Law Quarterly Review. 2005. Vol. 121. P. 452–480.

FIDUCIARY DUTIES OF CORPORATE ADVISORS

Novikov I.Z.

Academy of Labour and Social Relations

The article examines the nature, grounds, and content of the duties of corporate advisors. The central focus of the study is the problem of justifying the extension of fiduciary duties to corporate advisors who, unlike directors, agents, attorneys, and trustees, are not formally vested with the authority to perform legally significant acts on behalf of the client. Based on a critical analysis of the fiduciary power theory, the critical resource theory, and the vulnerability doctrine, the author concludes that the fiduciary nature of corporate advisors' duties is determined by the objective structure of advisory legal relationships: information asymmetry, the transfer of control over the client's critical resources, and the advisor's professional discretion (professional judgment). The article argues that a corporate advisory agreement should incorporate three fiduciary components: the duty of loyalty, the duty of care, and the duty to inform.

Keywords: fiduciary duties, corporate advisor, duty of loyalty, duty of care, duty to inform, conflict of interest, information asymmetry, vulnerability, professional judgment.

References

1. Zikun I.I. The Structure of Trust Management in Civil Law: Non-Fiduciary Fiduciary Nature // Civil Law Bulletin. 2017. No. 3. pp. 52–102.
2. Miller P.B. A Theory of Fiduciary Liability // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56. No. 2. pp. 241–247.
3. Lomakin D.V. Fiduciary Nature in Civil Law Revisited // Business and Law. 2019. No. 1(504). pp. 3–26.
4. Grundman Sh. Trust and Treuhand at the End of the 20th Century: Key Issues and Shifting Interests // Private Law and the Financial Market: Collection of Articles. Issue 1 / Ed. M.L. Bashkatov. Moscow: Statut, 2011. Pp. 296–297.
5. Makhalin, I.N. "The Doctrine of Fiduciary Duties: A Defender of Trust in the Guise of an English Spy" // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 1. Pp. 152–200.
6. Johnson, B.B. "A Theory of Corporate Fiduciary Duties" // Brigham Young University Law Review. 2024. Vol. 49. Iss. 4. Pp. 1013–1062.
7. Conaglen, M. "Fiduciary Loyalty: Protecting the Due Performance of Non-Fiduciary Duties." Oxford: Hart Publishing, 2011. 332 p.
8. Gelter, M., Helleringer, G. "Fiduciary Principles in European Civil Law Systems." ECGI Law Working Paper. 2018. No. 392. 50 p.
9. Penner J.E. Law of Trusts. Oxford: Oxford University Press, 2022. 544 p.
10. Criddle E.J., Miller P.B., Sitkoff R.H. The Oxford Handbook of Fiduciary Law. Oxford, 2019. 1032 p.
11. Zikun I.I. The Structure of Trust Management in Civil Law: Non-Fiduciary Fiduciary Nature // Bulletin of Civil Law. 2017. No. 3. pp. 52–102.
12. Ayusheeva I.Z., Soyfer T.V. On the Issue of Trust in Civil Law // Lex Russica. 2022. Vol. 75. No. 11. pp. 9–20.
13. Smith D.G. The Critical Resource Theory of Fiduciary Duty // Vanderbilt Law Review. 2002. Vol. 55. P. 1412.
14. Laby A.B. Book Review: Philosophical Foundations of Fiduciary Law // Law and Philosophy. 2016. Vol. 35. No. 1. P. 436–455.
15. Gold A.S., Miller P.B. Philosophical Foundations of Fiduciary Law. Oxford: Oxford University Press, 2014. 436 p.
16. Easterbrook F.H., Fischel D.R. Contract and Fiduciary Duty // Journal of Law and Economics. 1993. Vol. 36. No. 1. Part 2. P. 425–451.
17. Conaglen M. The Nature and Function of Fiduciary Loyalty // Law Quarterly Review. 2005. Vol. 121. P. 452–480.

Признание факта как результат примирительных процедур в современном цивилистическом процессе России

Параскевиди Марк Александрович,

аспирант, ассистент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье исследуется признание факта как специфический результат примирительных процедур в гражданском, арбитражном и административном процессе России. Особое внимание уделяется определению юридической силы признания, достигнутого в рамках судебного примирения, медиации и переговоров. Автор обосновывает, что такое признание не тождественно судебному (ввиду отсутствия процессуальной формы в рамках совершения примирительных процедур) и такое признание не может рассматриваться как классическое внесудебное признание (ввиду режима конфиденциальности). Предлагается квалифицировать его как «внесудебное признание, совершенное в рамках примирительной процедуры». Отдельно рассматривается значение признания, оформленного в итоговом документе примирительной процедуры для судебного примирения и медиации. На основе анализа гарантий конфиденциальности делается вывод о необходимости дифференцированного подхода к доказательственному значению таких признаний: в гражданском и административном процессе предлагается допускать их использование в качестве доказательственных фактов при отказе стороны от их дальнейшего подтверждения в суде, сохраняя приоритет конфиденциальности для арбитражного процесса.

Ключевые слова: признание факта; признание иска; примирительные процедуры; судебное примирение; медиация; переговоры; внесудебное признание; доказательственный факт; конфиденциальность; гражданский процесс; арбитражный процесс; административное судопроизводство.

Вводные положения об институте признания и видах признания в цивилистическом процессе

На сегодняшний день термин «признание» широко используется в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ) и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее – КАС РФ). В процессуальном законодательстве указывается на возможность признания решений (иностранных судов и иностранных третейских судов), признания иска и признания обстоятельств (фактов). В доктрине гражданского процессуального права советского периода указывалось также на признание документов [4].

Признание факта выступает как разновидность доказательства (объяснений лиц, участвующих в деле). С признанием обстоятельств связывается особое процессуальное последствие – сторона, которая основывает на этих фактах свои требования или возражения, освобождается от необходимости их дальнейшего доказывания [5].

Помимо всего прочего в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ признание факта упоминается в качестве возможного результата примирительных процедур (ст. 153.⁷ ГПК РФ, ст. 137.⁵ КАС РФ и ст. 138.⁶ АПК РФ). Особенности этой разновидности признания фактов, главным образом, будет посвящено настоящее исследование.

Актуальность исследования в контексте развития примирительных процедур

На современном этапе особая практическая значимость исследования вопросов признания фактов связана с концептуальными изменениями в цивилистическом процессуальном законодательстве. Как известно, законодатель в 2019 году включил примирение сторон в число задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства [6], что закономерно должно было привести к расширению сферы применения примирительных процедур. В рамках проведения таких процедур заинтересованные лица не только стремятся к достижению консенсуса по предмету спора (ликвидации спора своим соглашением по существу заявленных требований). Возможным результатом может стать согласие с существованием определенных фактических обстоятельств, имеющих значение для дела (признание фактов).

В указанном случае можно вести речь о достижении специфического результата примирительных процедур. В связи с этим возникает вопрос о том, является ли такое признание судебным, прежде всего, по своим последствиям, или же речь идет о внесудебном признании обстоятельств. Если относить его к последней разновидности признания, то является ли оно классическим внесудебным признанием, которое возможно вне рамок примирительных процедур и на которое стороны нередко ссылаются в процессе рассмотрения дела. Следовательно, признание факта, выступающее результатом обращения к примирительным процедурам, нуждается в самостоятельном научном осмыслении. В этой связи исследование признания факта как результата обращения к примирительным процедурам представляется одним из наиболее перспективных направлений развития проблематики признания фактов в современном российском процессе, ориентированном на широкое применение альтернативных методов разрешения конфликтов.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учебник для юридических школ и курсов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 71.

⁵ См. подробнее: Избранные работы профессора А.К. Сергун / сост. Д.А. Туманов, Д.Ю. Ионова, А.В. Чайкина. – М.: ИД «Городец», 2026. – стр. 142–143; Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с.

⁶ Федеральный закон от 26.07.2019 N 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. N 30. ст. 4099

Правовая природа признания факта в примирительных процедурах

Возможность признания факта как результата примирительной процедуры в действующем отечественном процессуальном законодательстве закреплена в ст. 153.⁷ ГПК РФ, в ст. 137.⁷ КАС РФ, и ст. 138.⁶ АПК РФ, что формирует его особый правовой режим, отличный от общего порядка признания обстоятельств по смыслу ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, ст. 65 КАС РФ и ст. 70 АПК РФ.

Привлекательность возможности такого признания обстоятельств обусловлена гибкостью внесудебных процедур, менее формальной обстановкой их проведения, в отличие от обстановки в судебном заседании, фокусе примирительных процедур, в первую очередь, на интересах самих сторон примирения, а также принципом конфиденциальности, особенно по признанию фактов, которые носят чувствительный (sensitive facts) для сторон характер, например, в семейных или наследственных делах. К. А. Малюшин абсолютно справедливо отмечает, что «принцип конфиденциальности является краеугольным камнем процедуры медиации, без которого она утрачивает свой смысл» [1].

Особый интерес представляет вопрос, какова же юридическая сила признания факта в рамках примирительной процедуры, и тождественно ли такое признание судебному. Иначе говоря, будет ли оно принято судом с освобождением другой стороны от необходимости дальнейшего доказывания признанного факта независимо от заявления стороны, от которой оно должно исходить, о таком признании в самом процессе.

Непроцессуальный характер примирительных процедур

Для ответа на поставленный вопрос необходимо определить правовую природу отношений, складывающихся в ходе примирительных процедур. Это имеет принципиальное значение для решения вопроса о юридической силе достигнутых в их рамках результатов. Следует присоединиться к позиции тех ученых, которые обосновывают непроцессуальный характер данных отношений.

Как убедительно указывает С. С. Казиханова, отношения, возникающие в примирительных процедурах между их участниками (включая даже процедуру судебного примирения, где определенную роль играет судебный примиритель), по своей природе не являются процессуальными и не входят в предмет гражданского процессуального права. Автор, разделяя традиционный для отечественной процессуальной науки подход, подчеркивает, что гражданские процессуальные правоотношения не мыслимы без участия суда как обязательного субъекта, обладающего властными полномочиями, а деятельность посредника (медиатора, судебного примирителя) лишена властного характера. Кроме того, в примирительных процедурах действуют иные, чуждые процессу принципам: добровольность, сотрудничество, конфиденциальность, равноправие сторон [2].

С. С. Казиханова обоснованно критикует попытки отдельных авторов расширить предмет гражданского процессуального права за счет включения в него отношений по примирению, справедливо указывая, что объединение в одной отрасли качественно разнородных (публично-правовых и частноправовых) отношений разрушает ее традиционное понимание и не имеет практической пользы. Даже отношения, возникающие между судебным примирителем и судом (право примирителя знакомиться с материалами дела, право суда запрашивать информацию о ходе процедуры), не являются по своей правовой природе процессуальными, поскольку не имеют важного признака последних – связанности с разрешением гражданского дела в определенной системе гарантий (гражданской процессуальной форме).

Следовательно, всё, что происходит в рамках примирительных процедур, находится вне рамок гражданской процессуальной формы, которая представляет собой уникальную систему гарантий, обеспечивающих правильное разрешение дела, действительную защиту прав и отправление правосудия в целом. Как подчеркивают Д. А. Туманов и Е. Г. Стрельцова, именно наличие особого режима гарантий, минимизирующих возможность произвола, отличает деятельность суда от любых иных форм защиты прав и предопределяет его исключительную роль [3].

¹ Малюшин К. А. Процессуальные последствия процедуры медиации: допустимость изменения исковых требований и встречного иска в контексте принципов диспозитивности и добросовестности // Вестник гражданского процесса. 2025. N 4. С. 288–298.

² Казиханова С. С. К вопросу о природе отношений по примирению и целесообразности их регулирования в цивилистических процессуальных кодексах // Вестник гражданского процесса. 2021. N 3. С. 109–131. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-109-131 (www.doi.org).

³ Туманов Д. А., Стрельцова Е. Г. О некоторых концептуальных вопросах правосудия по гражданским делам // Закон. 2018. N 1. С. 28–45.

Соотношение признания факта как результат примирительной процедуры с судебным признанием факта

Исходя из изложенного, признание факта в примирительной процедуре не может быть тождественно судебному признанию, предусмотренному ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, ст. 65 КАС РФ и ст. 70 АПК РФ. Судебное признание всегда совершается в рамках процессуальной формы перед судом. Оно фиксируется в протоколе судебного заседания или в письменном заявлении признающей факт стороны, которое приобщается к делу. Его принятие или непринятие осуществляется судом (под контролем суда), который проверяет его на предмет соответствия действительности и отсутствия обстоятельств, предусмотренных ч. 3 ст. 68 ГПК РФ, ч. 5 ст. 65 КАС РФ и ч. 4 ст. 70 АПК РФ (например, заблуждение, обман, насилие, угроза).

Понятие и значение внесудебного признания

Возникает вполне логичный вопрос о том, какое значение будет иметь признание факта, достигнутое в рамках примирительных процедур, если в дальнейшем судебном процессе сторона о нем не заявит (то есть судебное признание впоследствии не состоится). Представляется, что такое признание будет являться внесудебным. Для ответа на этот вопрос обратимся подробнее к вопросу о понятии и правовом значении внесудебного признания.

Еще в науке гражданского процессуального права дореволюционного периода признание делили на два основных вида в зависимости от момента его совершения: судебное и внесудебное [4].

Так, Т. М. Яблочков отмечал, что судебное признание может быть совершено в двух формах: письменной (путем подачи соответствующих бумаг в суд) либо устной, с обязательным занесением показаний в протокол судебного заседания. Исследуя институт внесудебного признания, ученый констатировал отсутствие в законодательстве того периода специальных норм, его регламентирующих [5]. К категории внесудебных он относил признания, сделанные в частном разговоре, в личной переписке, а также показания, данные при производстве по другому делу (уголовному или гражданскому). Принципиально важным представляется вывод автора о том, что внесудебное признание «defacto» не должно порождать правовых последствий, поскольку лицо, его совершившее, могло не осознавать юридической значимости своих действий в отличие от сделанного в суде признания.

В советский период развития процессуальной науки С. В. Курылевым также был сформулирован следующий подход к пониманию внесудебного признания [6]. Так, исследуя природу признания факта, ученый пришел к выводу, что внесудебное признание, по сути, не может считаться признанием в процессуальном смысле этого слова. Обосновывается данная позиция тем, что подобное признание совершается вне установленных процессуальным законом форм получения доказательств, а следовательно, не может быть квалифицировано в качестве судебного доказательства.

Внесудебное признание как доказательственный факт

Иного подхода придерживался М. К. Треушников, который отмечал, что «Внесудебное признание есть по своей природе доказательственный факт. Поэтому термином внесудебное признание обозначается не объяснение стороны как доказательство, а доказательственный факт, имевший место вне связи с гражданским процессом, до процесса» [7]. Следует согласиться с представителями той позиции, согласно которой внесудебные признания являются доказательственными фактами. Из этого же исходит и судебная практика.

⁴ Интересно, что такое деление признания получало нормативное закрепление. В главе VI Гражданского кодекса Франции 1804 года, регламентирующей доказательство, содержится отдельное IV отделение, посвященное признанию. В ст. 1354 кодекса, во-первых, определяется признание, а во-вторых, устанавливается, что «признание, противопоставляемое стороне, является или внесудебным, или судебным» (*L'aveu qui est opposé à une partie est ou extrajudiciaire ou judiciaire*). Судебное признание при этом легально определяется как заявление, сделанное в суде стороной или её специально уполномоченным представителем (*L'aveu judiciaire est la déclaration que fait en justice la partie ou son fondé de pouvoir spécial*).

⁵ Т. М. Яблочков Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль, 1910. Стр. 91–99.

⁶ Курылев С. В. Избранные труды / С. В. Курылев; [редкол.: д.ю.н., проф. Т. Е. Абова и др.], Каф. гражд. процесса юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, Каф. гражд., арбитраж. процесса и труд. права, юрид. фак. КубГ У. – Краснодар: Советская Кубань, 2010. – [1], 831 с. ил., портр.; 21. – (Классика российской процессуальной науки).

⁷ М. К. Треушников Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. – с. 180. ISBN 978-5-907358-66-9

Так, суд апелляционной инстанции расценил признание ответчиком долга в телефонном разговоре не как судебное признание (по ч. 2 ст. 68 ГПК РФ), а как доказательственный факт, обстоятельство, которое само по себе не подтверждает передачу денег, но в совокупности с другими доказательствами (снятия истцом денег со счета, покупки ответчиком автомобиля) и в отсутствие опровержения сделанного признания ответчиком позволяет суду установить искомый факт наличия заемных отношений. При этом доказательственный факт был признан относимым, подтверждающее его доказательство допустимым и достоверным (ответчик не оспорил подлинность записей), что позволило суду противопоставить внесудебное признание возражениям ответчика в отношении указанного искомого факта (в виде отрицания факта) [1].

Однако отнесение признания факта, достигнутого в ходе примирительной процедуры, к виду внесудебного признания, тем не менее, не исключает возможных отличий его от признания фактов, сделанных, например, в частной переписке, в письме контрагенту или межличностном общении. Последнее в процессе может являться доказательственным фактом, как было указано ранее, и подлежит последующей оценке судом наряду с иными доказательствами.

Специфика признания факта в различных примирительных процедурах

Для признания факта, сделанного в ходе примирительных процедур, вывод о том, что оно может выступать в качестве доказательственного факта, неоднозначен. Рассмотрим вопрос о доказательственном значении внесудебного признания, сделанного в примирительной процедуре, применительно к каждой из них.

Судебное примирение

Особый режим установлен для фактов, признанных в ходе судебного примирения (ст. 153.⁶ ГПК РФ, ст. 138.⁵ АПК РФ, ст. 137.⁶ КАС РФ). Эта примирительная процедура регулируется Регламентом проведения судебного примирения, который утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда [2]. В силу закрепленного в нем принципа конфиденциальности, любые признания, прозвучавшие в рамках этой процедуры, не могут быть использованы в качестве доказательств в суде, если только стороны не договорились об ином. В ч. 1 ст. 6 названного Регламента указано, что стороны вправе определить объем ограничения распространения информации, связанной с судебным примирением. В абз. 2 ч. 2 ст. 6 Регламента проведения судебного примирения указано, что вся информация, созданная или полученная в ходе судебного примирения, вне зависимости от формы носителя не подлежит разглашению или распространению участниками судебного примирения без письменного согласия сторон.

Из этого можно сделать вывод, что в случаях, когда сделанное в результате судебного примирения признание факта не было трансформировано стороной в процессуальное признание факта в судебном заседании, оно не будет иметь никакого значения. Получается, во всяком случае, если соглашением сторон не предусмотрено иное, сторона может отказаться от подтверждения признанного в рамках судебного примирения обстоятельства в суде (не заявлять о нем). А другая сторона должна будет его доказывать, не имея возможности сослаться на то, что этот факт уже признавался процессуальным оппонентом.

Только соглашение сторон может придать доказательственную силу достигнутым договоренностям, в том числе о фактах, от заявления о которых в суде сторона отказалась. Если такая возможность была оговорена, стороны могут представить в суд доказательства признания обстоятельств. В этом случае такое признание будет оцениваться судом не как судебное признание, а как доказательственный факт, который, в свою очередь, нужно проверить (установить с помощью доказательств). Таким образом, законодатель, устанавливая строгие гарантии конфиденциальности в примирительных процедурах, сознательно жертвует доказательственным потенциалом внесудебных признаний, совершенных в ходе их проведения, стимулируя тем самым стороны к добросовестному и открытому диалогу без опасения, что их заявления впоследствии будут обращены против них.

Это означает, что признание, прозвучавшее, но не оформленное как результат процедуры, не может быть представлено суду даже в качестве доказательственного факта.

Медиация

Аналогичный правовой режим конфиденциальности признания обстоятельств закреплён и в законе о медиации, что подтверждает единство

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 26.07.2023 по делу N 33-29443/2023 (УИД 77RS0033-02-2022-019010-66).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // «Российская газета». 2019. N 254.

подхода законодателя к охране тайны сведений, полученных в ходе примирительных процедур. Также, как для судебного примирения, решен вопрос о значении признания, сделанного в рамках процедуры медиации. В силу прямого указания п. 3 ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» стороны, медиатор и иные участники процедуры не вправе ссылаться в ходе судебного разбирательства на информацию о признаниях, сделанных одной из сторон в ходе медиации, если только стороны не договорились об ином [3]. Следовательно, признание фактов, прозвучавшее в ходе медиативной сессии, также не обладает доказательственной силой и не может быть положено в основу судебного решения, если оно в дальнейшем не будет подтверждено в суде по правилам о признании фактов, и стороны не заключили соглашения о возможности ссылки на такие признания, сделанные в ходе примирительной процедуры.

Признание, оформленное как результат проведения процедуры судебного примирения, медиации

В отличие от признания, прозвучавшего в рамках примирительной процедуры, но не нашедшего отражения в итоговом документе, надлежащим образом оформленное внесудебное признание факта, совершенное в результате примирительной процедуры, представляется способно в последствии приобрести доказательственное значение и стать источником сведений для суда. Итогом завершения примирительной процедуры является составление документа, фиксирующего достигнутые договоренности: по результатам судебного примирения стороны могут заключить соглашение, которое подлежит рассмотрению судом (информация о достижении результата примирения и само ходатайство о его принятии или утверждении передаются суду судебным примирителем), [4] а по итогам медиации составляется медиативное соглашение, которое стороны вправе передать на утверждение в суд [5]. В случае, если такое соглашение, содержащее признание определенных обстоятельств в рамках примирительной процедуры, все-таки оказывается в материалах дела, но впоследствии одна из сторон отказывается от его утверждения, оно безусловно автоматически не становится судебным признанием по смыслу ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, ст. 65 КАС РФ и ст. 70 АПК РФ. Само по себе отсутствие последующего судебного признания не лишает суд возможности исследовать содержание данного документа, поскольку он представляет собой письменное доказательство, объективно существующее в деле и подлежащее оценке наряду с иными доказательствами.

В данной связи следует согласиться с позицией Е.Г. Стрельцовой [6], которая на примере неутвержденных мировых соглашений обоснованно указывает, что «Соглашение, не достигнутое сторонами, стало источником сведений для суда об искомом факте», а использование такого рода документов «Не противоречит положениям ГПК и АПК, поскольку не существует запрета на изучение судом неутвержденного мирового соглашения». Аналогичный подход, по мнению исследователя, применим и к результатам примирительных процедур: сам факт составления соглашения и его содержание могут выступать в качестве доказательственного факта, существование которого устанавливается с помощью таких доказательств, как текст самого соглашения, и который в совокупности с иными доказательствами по делу способен подтвердить или опровергнуть обстоятельства, входящие в предмет доказывания по рассматриваемому судом делу.

Такой подход имеет ряд преимуществ как с точки зрения интересов правосудия, так и с позиции защиты прав участвующих в деле лиц. Во-первых, он отвечает процессуальной экономии, поскольку игнорирование содержания соглашения, уже поступившего в материалы дела, вынуждало бы сторону заново доказывать те обстоятельства, которые оппонент уже однажды признал, что ведет к неоправданному затягиванию процесса и несению дополнительных судебных расходов. Как верно отмечает Е.Г. Стрельцова, отсутствие прямого запрета на изучение таких документов позволяет суду использовать уже имеющуюся

³ Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ». 2010. N 31. ст. 4162.

⁴ Статья 24. Результаты судебного примирения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 N 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения». «Российская газета». 2019. N 254.

⁵ Статья 12. Медиативное соглашение. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // «Собрание законодательства РФ». 2010. N 31. ст. 4162.

⁶ Е.Г. Стрельцова «Может ли неутверждённое мировое соглашение по делу стать источником сведений для суда?». – URL: https://www.zakon.ru/blog/2020/01/22/mozhet_li_neutverzhdyonnoe_mirovoe_soglashenie_po_delu_stat_istochnikom_svedenij_dlya_suda – Дата публикации: 22.01.2020 (дата обращения: 21.02.2026).

ся информацию, не начиная процесс доказывания сначала. Во-вторых, предлагаемый подход служит важной гарантией против недобросовестного процессуального поведения, не позволяя стороне использовать примирительную процедуру как тактический инструмент для «выведывания» позиции противника с последующим отказом от своих слов в суде, что дисциплинирует участников процесса. В-третьих, такой подход укрепляет доверие к примирительным процедурам в целом, позволяя избежать ситуации, при которой достигнутые и письменно зафиксированные договоренности не имеют никакого юридического значения при последующем судебном разбирательстве. Наконец, такой подход не нарушает и гарантий конфиденциальности, установленных законом, поскольку соглашение, переданное на утверждение в суд, утрачивает статус сугубо конфиденциальной информации о ходе переговоров и становится официальным документом, адресованным суду, что позволяет суду получить максимально полное представление о фактических обстоятельствах дела без ущерба для доверительного характера самой примирительной процедуры.

Переговоры

Особого внимания в контексте исследуемой проблематики заслуживает вопрос о правовой природе и допустимости признания факта, сделанного сторонами в ходе переговоров. Переговоры – одна из примирительных процедур, упомянутых в отдельных статьях процессуальных кодексов (ст. 153.⁴ ГПК РФ, ст. 137.⁴ КАС РФ, ст. 138.³ АПК РФ). В отличие от судебного примирения и медиации, процедура переговоров как способ урегулирования спора не имеет такой детальной нормативной регламентации в отраслевом процессуальном законодательстве, что порождает неопределенность в квалификации сделанных в их рамках заявлений о признании обстоятельств.

Представляется, что ключевое значение для определения значения такого признания имеет процессуальный контекст, в котором переговоры проводятся. По логике примирительных процедур и принципов, которым они подчинены, если переговоры инициированы и проводятся во исполнение определения суда об их назначении в качестве примирительной процедуры по смыслу статей 153.¹ ГПК РФ, 137.¹ КАС РФ и 138.¹ АПК РФ, то на них в полной мере должны распространяться гарантии конфиденциальности, присущие всем примирительным процедурам. В таком случае признание факта, прозвучавшее в ходе санкционированных судом переговоров, но не приведших к ожидаемому результату, не может быть использовано стороной в качестве доказательственного факта в ходе производства по делу, если иное не предусмотрено соглашением между ними. Такой подход обеспечивает реализацию основополагающей цели примирительных процедур – создание доверительной среды, стимулирующей стороны к открытому диалогу без опасения, что любое сделанное заявление будет обращено против них в суде.

Однако, представляется, что, если переговоры проходили в досудебном порядке, являясь элементом обычного делового оборота (посредством переписки, электронных сообщений, личных встреч или без вынесения судом соответствующего определения), сделанное в их рамках признание утрачивает связь с гарантиями конфиденциальности. В данной ситуации подобное признание следует квалифицировать как классическое внесудебное признание, которое *defacto* выступает в качестве доказательственного факта. Как справедливо отмечал М.К. Треушников, такое признание существует объективно, вне связи с процессом, и впоследствии, при возбуждении дела, может быть представлено суду и подлежать оценке наряду с иными доказательствами по правилам относимости, допустимости и достоверности [1].

Таким образом, именно факт проведения переговоров на основании судебного определения является той легитимной процессуальной предпосылкой, которая трансформирует правовой режим признания факта из режима «внесудебного признания» в режим «внесудебное признание, в рамках примирительной процедуры», и последний, по общему правилу, не предполагает наделение такого признания доказательственной силой при недостижении конечного результата.

Выводы

Таким образом, признание факта как результат примирительной процедуры нельзя отождествлять ни с классическим судебным признанием (из-за отсутствия процессуальной формы его фиксации и совершения вне рамок процессуальной формы), ни с традиционным внесудебным признанием (из-за особого режима конфиденциальности его осуществления, лишаящего его доказательственной силы). Определяя правовую природу и сущность признания факта как результата примирительной процедуры, представляется, что такое признание возможно квалифи-

цировать как «внесудебное признание, совершенное в рамках примирительной процедуры».

Несмотря на нормативное закрепление гарантий конфиденциальности для процедур судебного примирения и медиации, следует задуматься о том, насколько такой безусловный запрет на использование признаний, сделанных в ходе этих процедур, соответствует интересам граждан – наиболее уязвимых участников процесса. Для профессиональных участников конфиденциальность зачастую является приоритетом, позволяющим сохранить репутацию, коммерческую тайну, решить какие-то тактические вопросы, связанные в том числе с дальнейшим сотрудничеством сторон как контрагентов. Однако для обычного гражданина, обратившегося за судебной защитой, ситуация может выглядеть иначе. Вступив в примирительную процедуру добросовестно, рассчитывая на урегулирование спора и получив от оппонента признание ключевых для дела обстоятельств (например, факта передачи денег, наличия родства или причинения вреда), гражданин вправе ожидать, что это признание будет впоследствии иметь юридическое значение.

Правовая природа признания факта, достигнутого в ходе примирительных процедур, напрямую зависит от процессуального поведения сторон и формы фиксации их договоренностей. В отличие от простого признания, не порождающего правовых последствий в силу принципа конфиденциальности, признание, оформленное как результат проведения процедуры судебного примирения или медиации (путем составления соглашения, переданного на рассмотрение суда), обретает иное процессуальное значение. Хотя такое признание и не становится судебным в смысле ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, ст. 65 КАС РФ и ст. 70 АПК РФ оно трансформируется в объективно существующее и фиксация признания в итоговом документе примирительной процедуры выводит его из-под строгого режима конфиденциальности, позволяя суду в случае последующего отказа стороны от своих слов исследовать содержание соглашения наряду с иными доказательствами по делу, что служит важной гарантией против недобросовестного поведения и способствует реализации задач судопроизводства.

Если же примирение не состоялось, а оппонент в суде отрицает ранее признанные факты, действующий режим конфиденциальности лишает добросовестную сторону возможности ссылаться на эти сведения. Для гражданина это оборачивается не только потерей времени и ресурсов, затраченных на процедуру примирения, но и утратой ценного доказательственного материала, что может быть им воспринято как нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В итоге это подрывает доверие граждан к примирительным процедурам в целом.

Поэтому, представляется, что безоговорочное распространение строгих правил конфиденциальности на все случаи признания фактов в ходе примирения, не вполне отвечает интересам заинтересованных в судебной защите лиц.

Полагаем, что для решения этого вопроса в нормативном закреплении нуждается дифференцированный подход. Действительно, с одной стороны, конфиденциальность должна защищать сам процесс переговоров и сделанные в его рамках предложения по урегулированию спора, но она не должна превращаться в инструмент сокрытия добровольно сделанных и объективно существующих заявлений о фактах.

В гражданском и административном судопроизводстве, где на стороне спора зачастую выступают граждане, не обладающие специальными юридическими познаниями и равными процессуальными возможностями с оппонентом, следовало бы усилить механизмы защиты их прав и интересов. Признание факта, сделанное в ходе примирительной процедуры и впоследствии не подтвержденное сделавшей его стороной в суде, должно приниматься в качестве доказательственного факта. В гражданском процессе и административном судопроизводстве следует предусмотреть общее правило, что сторона может ссылаться на признания обстоятельств, сделанные другой стороной в рамках примирительной процедуры, если она впоследствии откажется от судебного признания этих фактов. Однако можно предусмотреть, что стороны могут своим соглашением специально оговорить иное. То, что на сделанные в ходе примирительной процедуры признания фактов нельзя будет ссылаться. Такой подход позволил бы предотвратить ситуации, когда гражданин в силу незнания о таких правилах соглашается на примирительную процедуру и не получает абсолютно никакого результата от участия в ней.

Напротив, в арбитражном процессе, который по общему правилу носит профессиональный характер и предполагает участие лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, приоритет следует сохранить за принципом конфиденциальности. Профессиональные участники оборота, действующие на свой риск, в меньшей степени

¹ М.К. Треушников Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. – с. 180. ISBN 978-5-907358-66-9

нуждаются в подобной «опеке» и способны самостоятельно оценить последствия и риски отказа от фиксации достигнутых договоренностей в итоговом документе, равно как и предусмотреть в соглашении о применении примирительной процедуры возможность раскрытия конфиденциальной информации. Такой дифференцированный подход позволил бы соблюсти баланс между публично-правовым интересом в стимулировании примирения и частноправовым интересом граждан в получении справедливой судебной защиты.

Литература

1. Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
2. Избранные работы профессора А.К. Сергун / сост. Д.А. Туманов, Д.Ю. Ионова, А.В. Чайкина. – М.: ИД «Городец», 2026. – 832 с.
3. Казиханова С.С. К вопросу о природе отношений по примирению и целесообразности их регулирования в цивилистических процессуальных кодексах // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 3. – С. 109–131. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-109-131. – URL: www.doi.org (дата обращения: 21.02.2026).
4. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учебник для юридических школ и курсов. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 224 с.
5. Курылев С.В. Избранные труды / С.В. Курылев; [редкол.: д.ю.н., проф. Т.Е. Абова и др.]. – Краснодар: Советская Кубань, 2010. – 831 с.
6. Малиюшин К.А. Процессуальные последствия процедуры медиации: допустимость изменения исковых требований и встречного иска в контексте принципов диспозитивности и добросовестности // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 4. – С. 288–298.
7. Треушников М.К. Судебные доказательства. – 5-е изд., доп. – М.: ИД «Городец», 2021. – 304 с. – ISBN 978-5-907358-66-9.
8. Туманов Д.А., Стрельцова Е.Г. О некоторых концептуальных вопросах правосудия по гражданским делам // Закон. – 2018. – № 1. – С. 28–45.
9. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Ярославль: Тип. Губ. правления, 1910. – 326 с.

RECOGNITION OF FACT AS A RESULT OF CONCILIATION PROCEDURES IN THE MODERN CIVIL PROCESS OF RUSSIA

Paraskevidi M.A.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

The article examines the recognition of a fact as a specific result of conciliation procedures in civil, arbitration and administrative proceedings in Russia. Special attention is paid to determining the legal force of recognition achieved through judicial reconciliation, mediation and negotiations. The author argues that such a confession is not identical to a judicial one (due to the lack of a procedural form in the framework of conciliation procedures) and such a confession cannot be considered as a classic extrajudicial confession (due to the confidentiality regime). It is proposed to qualify it as “an extrajudicial confession made as part of a conciliation procedure.” The significance of the recognition formalized in the final document of the conciliation procedure for judicial reconciliation and mediation is considered separately. Based on the analysis of confidentiality guarantees, it is concluded that there is a need for a differentiated approach to the evidentiary value of such confessions: in civil and administrative proceedings, it is proposed to allow their use as evidentiary facts if the party refuses to confirm them further in court, while maintaining the priority of confidentiality for the arbitration process.

Keywords: recognition of a fact; recognition of a claim; conciliation procedures; judicial reconciliation; mediation; negotiations; extrajudicial recognition; evidentiary fact; confidentiality; civil procedure; arbitration; administrative proceedings.

References

1. Civil procedure: textbook / V.V. Argunov, E.A. Borisova, N.S. Bocharova and others; edited by M.K. Treushnikov. – 5th ed., reprint. and add. – M.: Statute, 2014. – 960 p.
2. Selected works of Professor A.K. Sergun / comp. D.A. Tumanov, D.Y. Ionova, A.V. Chaikina. – M.: Publishing house “Gorodets”, 2026. – 832 p.
3. Kazikhanova S.S. On the issue of the nature of reconciliation relations and the expediency of their regulation in civil procedural codes // Bulletin of Civil Procedure. – 2021. – No. 3. – pp. 109–131. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-109-131. – URL: www.doi.org (date of reference: 02/21/2026).
4. Kleinman A.F. Civil procedure: a textbook for law schools and courses. Moscow: Legal Publishing House of the NKYU USSR, 1940. 224 p.
5. Kurylev S.V. Selected works / S.V. Kurylev; [editorial board: Doctor of Law, prof. T.E. Abova et al.] – Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 2010. – 831 p.
6. Malyushin K.A. Procedural consequences of the mediation procedure: the permissibility of changing claims and counterclaims in the context of the principles of dispositivity and good faith // Bulletin of the Civil Procedure. – 2025. – No. 4. – pp. 288–298.
7. Treushnikov M.K. Judicial evidence. – 5th ed., supplement – Moscow: Gorodets Publishing House, 2021. – 304 p. – ISBN 978-5-907358-66-9.
8. Tumanov D.A., Streltsova E.G. On some conceptual issues of justice in civil cases // Law. – 2018. – No. 1. – pp. 28–45.
9. Yablochkov T.M. Textbook of Russian civil procedure. Yaroslavl: Tip. Gubernatorial Board, 1910. – 326 p.

Поеров Сергей Валерьевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; налоговый консультант, член Палаты налоговых консультантов России; заместитель руководителя, ООО «Бюро Юридических Решений»

E-mail: poerov@buroresheniy.ru

Актуальность статьи обусловлена отсутствием чёткого доктринального и терминологического соответствия между гражданско-правовым институтом реституции и специальными последствиями недействительности сделок в конкурсном праве.

Целью статьи является сравнительно-правовой анализ сущности и целей реституционных механизмов в делах о несостоятельности, выявление их принципиального отличия от общегражданской реституции и обоснование необходимости концептуального переосмысления или терминологического размежевания в российской правовой системе.

Методология исследования включает в себя формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и системный методы анализа, что позволило сопоставить российские нормы с положениями законодательства Германии и Австрии, а также проследить генезис института реституции.

Автор приходит к выводу о фундаментальном несоответствии между классической двусторонней реституцией, направленной на восстановление первоначального положения сторон и последствиями недействительности сделок в банкротстве (ст. 61.6 Закона о банкротстве). Последние преследуют утилитарную цель увеличения конкурсной массы для пропорционального удовлетворения требований всех кредиторов, при этом имущество возвращается не контрагенту, а в конкурсную массу. Сравнение с правовыми порядками Германии и Австрии показывает, что в европейских моделях реституционные последствия недействительности в банкротстве ориентированы на защиту добросовестного контрагента на основе принципа встречного удовлетворения. Автор отмечает дискуссионность предлагаемых в доктрине концепций и обосновывает, что оспаривание сделок в банкротстве по своей природе является не способом защиты нарушенного права, а правовым средством защиты имущественной массы в интересах кредиторов.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, оспаривание сделок, правовая модель, совершенствование законодательства, оспоримость сделок, неплатежеспособность должника, правовые последствия оспаривания, реституция, недействительность сделок, правовое регулирование, защита прав кредиторов.

Направленность развития гражданского законодательства в последние несколько лет позволяет сделать вывод, что законодатель пошел по пути конкретизации последствий признания сделок недействительными в зависимости от основания признания сделки недействительной, то есть по пути определения специальных последствий.

Одним из наиболее распространенных правовых последствий признания сделок недействительными в рамках процедур несостоятельности является реституционный механизм, воспринятый из римского и пандектного права институт, возникший как преторское установление, целью которого было восстановление возникшего правоотношения в первоначальное состояние для устранения возможных негативных последствий вследствие объективно неправомерного поведения одной из сторон (а иногда и обеих сторон) правоотношения без цели привлечения виновной стороны к юридической ответственности, в Юстиниановом праве институт реституции стал восприниматься как способ устранения несправедливости, в том числе вследствие неукоснительного соблюдения правовых норм[1, с. 71].

Как отмечает А.М. Джанаева, в римском праве реституция играла роль средства защиты права в случае, когда нормы позитивного права противоречили принципу справедливости, а применение института реституции было обусловлено восстановлением существующего правового порядка[2, с. 12].

Современное и российское, и зарубежное право не восприняло в чистом виде реституцию – какой она сформировалась в юстиниановом праве и получила развитие в немецком пандектном праве. Как отмечает Ю.С. Морозова, в российском гражданском праве «...применение последствий недействительности сделки охватывается реституционными отношениями, основаниями для возникновения которых выступают такие юридические факты, как совершение и исполнение недействительной сделки, а их содержание составляет совокупность реституционных правопритязаний и обязанностей» [3, с. 589], сам механизм реституции сохраняет дискуссионный характер.

При проведении сравнительно-правового анализа понимания реституции, как правового последствия признания сделки недействительной в рамках отношений несостоятельности, необходимо исходить из того, что само понимание сущности реституции в российской и зарубежной моделях правового регулирования существенно отличаются. Так, например, О.В. Савенкова указывает, что «...В иностранных правовых системах реституция понимается как вообще любой возврат чего-либо, в том числе имущества, переданного по договору, впоследствии расторгнутому или признанному недействительным, или как возврат того, что было несправедливо получено, в том числе если такое условие зафиксировано в договоре. «Реституционные убытки» по иностранному законодательству возмещаются посредством и права реституции, и возмещения убытков» [4, с. 38], а в отечественном правовом порядке, как отмечает Д.В. Добрачев, реституционное право как гражданско-правовой институт отсутствует, существует же он только в цивилистической доктрине[5, с. 177].

С появлением в римском праве преторского интердикта «*restitutio in integrum*», как способа защиты имущественных интересов граждан, посредством применения которого можно было разрешать спорные ситуации, в которых обе стороны правоотношения могли действовать недобросовестно, что делало невозможным применение норм строго права для разрешения правового спора, институт реституции вошел в законодательство многих стран континентального права с некоторой спецификой в понимании его значения. По сути это можно говорить о торжестве справедливости, как духа закона, над его формализмом – буквой закона, это был мост между статичным цивилистическим правом и потребностями развивающимся гражданским оборотом.

Как отмечают современные исследователи, реституция уже не как инструмент разрешения правового спора, а как следствие признания сделки недействительной, является предметом исследования, актуальность которого растет с расширением практики применения данного института во все большем числе правоотношений охранительного характера[6, с. 11], поскольку понимание реституции как последствия признания сделки недействительной в смысле, заложенном российским законодателем в ст. 167 ГК РФ, существенно отличается от понимания последствий признания сделки недействительной по основаниям, установленным Законом о банкротстве[7].

Следует отметить, что общим правилом, характеризующим понимание реституции в российском гражданском законодательстве, при-

знается двусторонняя реституция, что отражено в нормах п. 2 ст. 167 ГК РФ. Об этом же свидетельствуют и изменения, внесенные в ст. 179 ГК РФ Федеральным Законом РФ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть 1 Гражданского Кодекса РФ» [8], норма которой ранее предусматривала возможность применения односторонней реституции как правового последствия признания сделки недействительной, под которой законодателем понималось восстановление первоначального имущественного положения добросовестной стороны сделки и обращение имущества, полученного другой стороной, в доход государства, однако данное положение в силу своего конфискационного характера неоднократно подвергалось критике в научной среде [9, с. 46].

В регулировании отношений несостоятельности (банкротства) в российском праве применение последствий признания сделок должника недействительными по основаниям, которые установлены Законом о банкротстве, нельзя отнести ни к двусторонней, ни к односторонней реституции, поскольку ни лицо оспаривающее сделку, ни должник не получают материального удовлетворения от признания сделки, с участием должника, недействительной: это касается и сделок, совершенных в период подозрительности, и сделок, совершенных с предпочтением. Итогом признания таких сделок недействительными становится включение стоимости имущества или самого имущества в конкурсную массу, а выгодоприобретатель, по признанной судом недействительной сделке, может лишь надеяться на включение своего права требования в реестр требований конкурсных кредиторов должника, и то только в том случае, если сам при совершении сделки действовал добросовестно.

С.А. Кузнецов, исследуя проблему сущности последствий признания сделки недействительной по основанию, предусмотренному нормами ст. ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве также приходит к выводу, что данные последствия нельзя считать двусторонней реституцией в том смысле, в котором она обозначена в п. 2 ст. 167 ГК РФ, поскольку применение двусторонней реституции не соответствует целям, которые преследуются заявителем и арбитражным управляющим при рассмотрении заявления о признании недействительной сделки, совершенной в период подозрительности или с предпочтением [10, с. 262].

Ключевой проблемой на наш взгляд, видится разрыв между классической реституцией и реституционными механизмами в банкротстве.

Нормативной основой, закрепляющей реституцию в российском праве, признается норма, содержащаяся в п. 2 ст. 167 ГК РФ – где используется словосочетание *«каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке»*

В гражданском праве доминирует двусторонняя реституция: взаимный возврат исполненного, цель которого – восстановление исходного положения сторон.

Законодателем, в п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве, используется выражение: *«подлежит возврату в конкурсную массу»*.

Сравнивая данные нормы, мы и приходим к следующему: в конкурсном праве последствия недействительности сделки – это, по сути, обязательства схожие с реституцией, но не являющиеся ей в принципе. Ведь целью применения последствий недействительности в обособленных спорах в банкротстве является не восстановление *«status quo»* для контрагентов, а пополнение конкурсной массы в интересах всех кредиторов на основе принципа *«pari passu»* – равного и наиболее полного удовлетворения требований кредиторов, при этом права контрагента по оспоренной сделке – уходят на второй план.

Анализ понимания «реституционных» последствий признания сделки недействительной, в рамках отношений несостоятельности, и сравнение с зарубежным правом показывает ключевую дихотомию в целях:

В европейском праве: применение двусторонней реституции в банкротстве направлено на защиту добросовестного контрагента должника. Закон стремится к балансу интересов. Краеугольным правилом, лежащим в основе института реституции, в том числе и в отношениях банкротства, является понимание абстрактного характера вещного договора, согласно которого оба контрагента становятся собственниками полученного по сделке, поэтому переданная по сделке, впоследствии признанной недействительной, вещь передается продавцу.

Наиболее полный обзор немецкого законодательства о несостоятельности, основу которого составляет Положение о несостоятельности (*Insolvenzordnung*) действующее с 01.01.1999 года, мы находим у Т.П. Шишмаревой [11, с. 239], которая приходит к выводу, что в основе немецкой концепции применения последствий недействительности сделок в отношениях несостоятельности лежит, во-первых, римский «Паулианов иск», получивший развитие в итальянских статутах и пандектном праве, и, во-вторых, принцип отчуждения имущества, принятый должником с целью причинения вреда кредиторам, если приобретателю известно об этом намерении должника или он приобретает имущество безвозмездно [11, с. 206].

В немецком праве понимание применения последствий признания сделки недействительной формировалось со времен действия Конкурсного устава 1877 г., основные положения которого через двадцать лет вошли в состав ныне действующего ГГУ. Основной идеей, как было указано ранее, является понимание абстрактного характера вещного договора (возникновение права собственности на полученное по сделке). Согласно п. 2 § 144 Положения о несостоятельности встречное предоставление должно быть выдано из конкурсной массы до той поры, пока оно сохранило индивидуальные признаки и не смешалось с иными входящими в конкурсную массу предметами (это касается прежде всего вещей, т.е. случаев банкротства покупателя) либо пока конкурсная масса является увеличившейся на размер стоимости данного предоставления. И только в остальных случаях контрагент признается обычным конкурсным кредитором, который должен заявить свои требования для включения их в реестр требований кредиторов.

В официальном комментарии к Положению о несостоятельности указывается, что «Встречным предоставлением является все, что контрагент передал в порядке обмена встречными благами по оспоримому договору и что фактически попало в имущество несостоятельного должника. Это требование представляет собой обязательство конкурсной массы (текущее требование в терминологии российского закона) в соответствии с подп. 3 п. 2 § 55 Положения о несостоятельности, и его заявление для включения в реестр требований кредиторов не требуется. Контрагент вправе удерживать полученное им по недействительной сделке, пока не будет погашено его требование к конкурсной массе. Точнее, исполнение этих требований будет проводиться одновременно» [12, с. 1448].

Последствия признания сделки недействительной по немецкому законодательству о несостоятельности предполагают аналогичные действия в случае, если признание сделки недействительной состоялось уже после того, как началось рассмотрение дела о несостоятельности должника: по оспоримой сделке требования о возврате полученного возникают как бы в момент оспаривания; если этот момент наступает после открытия конкурсного производства, имеет место текущее требование и действует подп. 3 п. 2 § 55 Положения о несостоятельности.

В законодательстве о несостоятельности Австрийской республики действуют нормы о применении последствий недействительности сделок в рамках производства по делам о банкротстве, аналогичные тем нормам, которые бытуют в немецком законодательстве, хотя в цивилистической доктрине есть и существенные отличия: если для немецкого права характерно понимание абстрактного характера вещного договора, то, например, в Австрии и Швейцарии господствует каузальная теория, что, впрочем, не отражается на понимании сущности последствий признания сделки недействительной в отношениях несостоятельности: отчуждатель изымает свою вещь из конкурсной массы приобретателя, а приобретатель должен встать в очередь вместе с иными кредиторами, при этом подчеркивается, что подобное неравное отношение смягчается принципом встречного характера реституционных требований и их одновременного исполнения. Более того, этот принцип в полной мере работает и в конкурсном производстве [13, с. 101].

В российском праве: реституционные последствия используются исключительно в утилитарных интересах кредиторов в делах о банкротстве. Добросовестность контрагента игнорируется, его права защищаются по «остаточному принципу» – через заявление требований в реестр требований кредиторов должника.

В регулировании отношений несостоятельности по российскому праву последствия признания сделок должника недействительными, по специальным, банкрутным основаниям, нельзя отнести ни к двусторонней, ни односторонней реституции, поскольку ни заявитель, ни должник не получают материального удовлетворения от признания сделки с участием должника недействительной: это касается и сделок, совершенных в период подозрительности, и сделок, совершенных с предпочтением. Итогом становится включение стоимости имущества или самого имущества, в конкурсную массу, а выгодоприобретатель по признанной судом недействительной сделке может лишь надеяться на включение своего права требования в реестр требований конкурсных кредиторов, да и то только в том случае, если сам при совершении сделки действовал добросовестно.

В связи с этим многие исследователи говорят о невозможности считать такую «банкрутную реституцию» двусторонней реституцией о которой идет речь в ГК РФ.

Дискуссионный характер затронутой темы и терминологическая неопределенность, проявляющаяся через обсуждаемые проблемные моменты: понятия «двусторонняя» и «односторонняя» реституция плохо применимы к отношениям несостоятельности в конкурсном праве, где возврат идет не стороне, а в «конкурсную массу».

Предложения о «специальной реституции в банкротстве» (выдвинутые Морозовой Ю.С.) являются продуктивными с точки зрения развития доктрины, но полагаем, что такое предложение очень спорно, поскольку признание сделок недействительными в банкротстве, имеют совершенно иные цели, нежели цели, установленные в ст. 12 ГК РФ – как способ защиты нарушенных прав.

Видится, что устанавливая последствия недействительности в ст. 61.6 Закона о банкротстве – законодатель закладывает принцип «*pari passu*» – как наиболее полное удовлетворение требований кредиторов должника, что не соответствует основному принципу реституции – возврат в первоначальное состояние.

Заключение. Подводя итог, мы приходим к следующим выводам:

Не соответствие классической реституции и реституционных механизмов в банкротстве. Проведенный анализ позволяет констатировать фундаментальное расхождение между классическим цивилистическим институтом реституции (ст. 167 ГК РФ), направленным на восстановление первоначального имущественного положения сторон, и охранительными механизмами Закона о банкротстве (ст. 61.6). Последние имеют утилитарную цель – увеличение конкурсной массы для соблюдения принципа равного и полного удовлетворения кредиторов, что ни по субъекту возврата (конкурсная масса), ни по конечному результату (конвертация права контрагента в реестровое требование) не может быть квалифицировано ни как двусторонняя, ни как односторонняя реституция в традиционном ее понимании.

Сравнение с правопорядками Германии и Австрии выявляет ключевую дихотомию в целеполагании реституционных механизмов в отношении несостоятельности. Если в европейских моделях последствия недействительности в банкротстве, базируясь на принципе абстрактности/каузальности и встречного удовлетворения, стремятся к защите добросовестного контрагента, то российская модель последовательно жертвует его (*прим. автора*: контрагента) интересами в угоду абстрактной массе кредиторов, допуская защиту лишь по «остаточному принципу» через реестр требований.

Исследование подтверждает наличие серьезной доктринальной и терминологической проблемы. Предлагаемые в науке концепции (напр., «специальная реституция в банкротстве») носят продуктивный, но дискуссионный характер, поскольку институт оспаривания сделок в банкротстве по своей природе является не способом защиты нарушенного права (ст. 12 ГК РФ), а инструментом охраны конкурсной (имущественной) массы должника в экономических интересах группы лиц – кредиторов. Это требует либо выработки новой, автономной от цивилистики, терминологии конкурсного права, либо четкого доктринального размежевания этих понятий.

Перспективность развития законодательства и правоприменительной практики, для целей преодоления выявленного дисбаланса и приближения к стандартам справедливого правосудия. Сформулировано предложение о разработке и внедрении в российскую правовую доктрину и, впоследствии, в судебную практику теории относительного оспаривания применительно к сделкам с добросовестными контрагентами. Основная идея заключается в переходе от парадигмы полной недействительности сделки к модели ее судебной корректировки, позволяющей сохранить часть обязательств или модифицировать последствия, тем самым обеспечивая разумный компромисс между интересами кредиторов и добросовестного участника оборота.

Литература

1. Солодовникова С.В. Генезис реституции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 2. С. 71.
2. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.
3. Морозова Ю.С. Особенности применения реституции при оспаривании сделок в рамках процедуры банкротства // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 38. С. 589.
4. Савенкова О.В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения: Сб. ст. / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 38.
5. Добрачев Д.В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации Российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. С. 177.
6. Егоров А.В. Реституция по недействительным сделкам при банкротстве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 12. С. 11.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступившими в силу 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ № 43 от 28.10.2002 г.

8. Федеральный Закон РФ от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть 1 Гражданского Кодекса РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1412.

9. Праскелова Д.В. Особенности применения последствий недействительности оспоримых сделок // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3. С. 46.

10. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 262–263.

11. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. 239 с., 206 с.

12. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht. 3 Aufl. 2009. § 144. Rn. 19, 21. S. 1448.

13. Iro G. Das Zug-um-Zug-Prinzip im Insolvenzverfahren // Oesterreichisches Recht der Wirtschaft. 1985. S. 101 ff.

RESTITUTION IN ISOLATED DISPUTES IN BANKRUPTCY CASES: «STATUS QUO ANTE» OR «PARI PASSU»

Poerov S.V.

Kutafin Moscow State Law University, Chamber of Tax Consultants of Russia, LLC
«Bureau of Legal Solutions»

The relevance of the article is due to the lack of a clear doctrinal and terminological correspondence between the civil law institution of restitution and the special consequences of the invalidity of transactions in bankruptcy law.

The purpose of the article is a comparative legal analysis of the essence and objectives of restorative mechanisms in insolvency cases, identifying their fundamental differences from civil restitution and substantiating the need for conceptual rethinking or terminological differentiation in the Russian legal system.

The research methodology includes formal-legal, comparative-legal, historical-legal and systematic methods of analysis, which made it possible to compare Russian norms with the provisions of the legislation of Germany and Austria, as well as to trace the genesis of the institute of restitution.

The author comes to the conclusion about the fundamental discrepancy between the classical bilateral restitution aimed at restoring the original position of the parties and the consequences of the invalidity of bankruptcy transactions (art. 61.6 of the Bankruptcy Law). The latter pursue the utilitarian goal of increasing the bankruptcy estate in order to proportionally satisfy the claims of all creditors, while the property is returned not to the counterparty, but to the bankruptcy estate. A comparison with the legal systems of Germany and Austria shows that in European models, the restorative consequences of invalidity in bankruptcy are focused on protecting a bona fide counterparty based on the principle of mutual satisfaction. The author notes the controversial nature of the concepts proposed in the doctrine and argues that challenging bankruptcy transactions is by its nature not a way to protect a violated right, but a legal means of protecting the estate in the interests of creditors.

Keywords: bankruptcy law; debtor insolvency; challenging transactions; transaction avoidance; legal consequences of avoidance; improvement of legislation; restitution; invalidity of transactions; debtor's insolvency; legal regulation of bankruptcy; protection of creditors' rights.

References

1. Solodovnikova S.V. Genesis of Restitution // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2015. No. 2. P. 71.
2. Dzhanaeva A.M. The Concept of Restitution: Comparative Legal Analysis of the Institution in the Russian and Anglo-American Legal Systems: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2015. P. 12.
3. Morozova Yu.S. Features of the Application of Restitution When Challenging Transactions in Bankruptcy Proceedings // Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching the Russian Language in Universities and Schools. 2022. No. 38. P. 589.
4. Savenkova O.V. Compensation for Damages in Modern Civil Law // Damages and the Practice of Their Compensation: Collection of Articles / Ed. M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2006. Page 38.
5. Dobrachev D.V. Development of the Institute of Compensation for Damages in Light of the Modernization of Russian Civil Legislation: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Yustitsinform, 2012. Page 177.
6. Egorov A.V. Restitution for Invalid Transactions in Bankruptcy // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 12. P. 11.
7. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented, entered into force on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation No. 43 of 28.10.2002
8. Federal Law of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1412.
9. Praskelova D.V. Features of the Application of the Consequences of Invalidity of Voidable Transactions // Legal State: Theory and Practice. 2014. No. 3. P. 46.
10. Kuznetsov S.A. Main Problems of the Legal Institute of Insolvency (Bankruptcy): Monograph. Moscow: Infotropic Media, 2015. Pp. 262–263.
11. Shishmareva T.P. Invalidity of Transactions and Actions in Insolvency Proceedings in Russia and Germany. Moscow: Statut, 2018. 239 p., 206 p.
12. Hamburger Kommentar zum Insolvenzrecht. 3 Aufl. 2009. § 144. Rn. 19, 21. P. 1448.
13. Iro G. Das Zug-um-Zug-Prinzip im Insolvenzverfahren // Oesterreichisches Recht der Wirtschaft. 1985. P. 101 ff.

Криптовалюта в составе конкурсной массы при реализации процедуры банкротства физического лица. Продажа с торгов криптовалюты в рамках конкурсной процедуры

Пугачева Татьяна Михайловна,
арбитражный управляющий, НП СРО АУ «Достояние»
E-mail: Tm.Pugacheva@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию правовых проблем включения криптовалюты в конкурсную массу при реализации процедуры банкротства физического лица, а также особенностей продажи криптовалюты с торгов в рамках конкурсной процедуры. Предметом исследования выступают нормы законодательства о банкротстве, материалы судебной практики и доктринальные позиции ученых-правоведов. Цель работы – выявление ключевых правовых проблем реализации криптовалюты в процедурах банкротства и формулирование предложений по их разрешению. Методология исследования включает формально-юридический анализ, системный подход и метод анализа судебной практики. В результате исследования установлены основные организационно-правовые сложности, связанные с оценкой, хранением и реализацией криптовалюты арбитражным управляющим. Сформулированы рекомендации по совершенствованию правового регулирования торгов криптовалютой в процедурах банкротства.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; криптовалюта; конкурсная масса; торги; арбитражный управляющий; цифровые активы; реализация имущества; блокчейн.

Современный этап развития экономических отношений характеризуется масштабной цифровизацией всех сфер общественной жизни, что неизбежно влечет за собой появление новых объектов гражданского оборота. Среди наиболее значимых инноваций последнего десятилетия особое место занимают криптовалюты, представляющие собой цифровые активы, функционирующие на основе технологии распределенных реестров (блокчейн). Стремительный рост стоимости и оборота криптовалют обусловил необходимость их правовой квалификации и определения места в системе объектов гражданских прав.

Согласно статистике ЦБ РФ, объёмы операций с криптоактивами, в которых участвуют жители России, демонстрируют значительные показатели. Т.Б. Гуляева и П.С. Герасин обоснованно подчёркивают, что необходимость законодательного урегулирования сферы криптовалют обострилась на фоне существенного удорожания ряда цифровых валют и расширения масштабов торговли российскими гражданами виртуальными активами [1]. Данные факторы делают насущным вопрос о включении криптовалютных средств в имущественную базу несостоятельности граждан-должников и организации их дальнейшей продажи через аукционные механизмы.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых проблем, возникающих при включении криптовалюты в конкурсную массу должника-гражданина и её реализации посредством торгов, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Статья 131 ФЗ № 127-ФЗ от 26.10.2002 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) трактует конкурсную массу как весь комплекс активов банкрота, существующих к моменту инициации конкурсного производства и обнаруженных в процессе банкротных мероприятий. Чтобы разобраться в понятии «имущество» применительно к этой норме, следует опереться на положения статьи 128 ГК РФ, которая классифицирует объекты гражданских прав на материальные ценности, правомочия имущественного характера и прочие активы.

Долгое время правовой статус криптовалюты оставался неопределённым, что порождало противоречивую судебную практику. Показательным является дело о банкротстве И. Царькова (дело № А40–124668/2017), в рамках которого Арбитражный суд города Москвы первоначально отказал во включении криптовалюты Bitcoin в конкурсную массу, мотивируя решение отсутствием криптовалюты в перечне объектов гражданских прав. Однако Девятый арбитражный апелляционный суд отменил данное определение, указав, что криптовалюта обладает экономической ценностью для кредиторов и не может быть произвольно исключена из конкурсной массы [2].

Вступление в силу ФЗ № 259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) способствовало упорядочению законодательства в области криптовалютного регулирования. Посредством статьи 19 этого нормативного акта в Закон о банкротстве были интегрированы положения, квалифицирующие цифровую валюту как имущественный объект в рамках действия указанного федерального закона. Э.К. Кутуев и Э.С. Карпов справедливо отмечают, что данные законодательные новации окончательно легитимировали процедуру зачисления криптовалютных активов в состав имущественной массы банкрота [3].

Тем не менее юридическая сущность криптовалюты по-прежнему вызывает научные споры. М.Ю. Хорошавин обоснованно обращает внимание на то, что законодательная дефиниция цифровой валюты не содержит отсылки к цифровым правам, что отличает её от понятия «цифровые финансовые активы» [4]. Законодатель специально акцентирует: применительно к цифровой валюте не существует субъекта, несущего обязательства перед её держателями. Это позволяет рассматривать криптовалюту через призму категории «прочее имущество» в контексте статьи 128 ГК РФ, исключая её принадлежность к традиционным имущественным правам.

Существенной проблемой в процессе формирования конкурсной массы выступает анонимный характер криптовалютных операций. Блокчейн-технология базируется на принципе распределённой фиксации информации о совершённых операциях среди многочисленных

вычислительных устройств, формирующих общую сетевую инфраструктуру. Такая архитектура гарантирует защиту от манипулирования извне, но одновременно создаёт серьёзные препятствия для установления личности держателей цифровых активов.

Т.П. Шишмарева резонно указывает, что конфиденциальность владения выступает ключевым барьером при формировании конкурсной массы из криптовалютных средств [5]. Данные о цифровых активах обычно содержатся в специализированных электронных хранилищах, войти в которые можно исключительно при наличии уникальных шифров (паролей доступа). Криптографические кошельки делятся на идентифицированные, создание которых сопряжено с указанием личной информации пользователя, и неидентифицированные, открытие которых происходит без раскрытия сведений о владельце.

Нормы о несостоятельности предоставляют арбитражному управлению полномочия запрашивать данные о банкроте и его активах (статья 20.3 Закона о банкротстве). Специализированные положения, касающиеся банкротства физических лиц, устанавливают для должника императивное требование раскрывать финансовому управляющему всю информацию об имеющихся активах по его запросу (пункт 9 статьи 213.9 Закона о банкротстве). Однако должники нередко отказываются раскрывать информацию о криптоактивах или предоставляют недостоверные сведения.

В случае отказа должника от добровольного раскрытия информации финансовый управляющий может прибегнуть к механизму истребования доказательств в порядке статьи 66 АПК РФ. В судебной практике имеются примеры удовлетворения подобных ходатайств. Так, Арбитражный суд Ульяновской области удовлетворил ходатайство финансового управляющего об истребовании сведений от криптобиржи Binance [6]. Вместе с тем эффективность данного механизма ограничена в силу того, что большинство криптовалютных бирж находятся за пределами российской юрисдикции.

Практика показывает, что арбитражные управляющие используют разнообразные способы выявления криптоактивов должника: анализ банковских выписок на предмет транзакций с криптобиржами, проверку декларирования доходов в налоговых органах, направление запросов в криптовалютные биржи, а также привлечение специализированных организаций, осуществляющих поиск криптовалют. Н.В. Алексеев обоснованно констатирует, что информация, добытая описанными методами, квалифицируется в качестве опосредованных доказательств, служащих финансовому управляющему основанием для инициирования процедуры зачисления цифровых активов в состав имущественной массы банкротства [7].

Одной из ключевых проблем при работе с криптовалютой в рамках конкурсной процедуры является определение её стоимости. Высокая волатильность криптовалютного рынка существенно затрудняет применение традиционных методов оценки имущества. Стоимость криптовалюты может изменяться на десятки процентов в течение суток, что создает значительные риски как для кредиторов, так и для должника.

Д.А. Гаврин констатирует необходимость обращения финансовых управляющих к профильным оценщикам либо к ценовым данным торговых криптовалютных платформ при определении стоимости цифровых активов [8]. Каждый из методов характеризуется серьёзными ограничениями: экспертное сопровождение влечёт существенные расходы, тогда как опора на биржевые показатели сопряжена с вероятностью неточностей вследствие волатильности рыночной конъюнктуры.

В судебной практике встречаются различные подходы к решению данной проблемы. В деле № А50–6372/2018 Арбитражный суд Пермского края при оценке криптовалюты OneCoin руководствовался котировками на момент совершения оспариваемых сделок [9]. Представляется целесообразным нормативное закрепление порядка определения стоимости криптовалюты в процедурах банкротства с указанием источников получения ценовой информации и методики расчета средневзвешенной стоимости за определенный период.

После получения доступа к криптоактивам должника перед финансовым управляющим встает задача обеспечения их сохранности. Нормативные акты не содержат регламентации процедуры обеспечения сохранности цифровой валюты лицом, осуществляющим управление процессом несостоятельности, при этом базовые положения Закона о банкротстве вменяют управляющему в обязанность предпринимать весь комплекс действий, направленных на предотвращение утраты активов, составляющих имущественную массу банкротства.

На сегодняшний день практикуется несколько вариантов обеспечения сохранности цифровых валют. Первый вариант представляет собой размещение на платформах криптовалютного обмена, что создаёт оперативность в проведении транзакций, но одновременно несёт угрозы компрометации платформы либо её финансовой несостоятельности. Второй вариант предполагает применение профильных элек-

тронных хранилищ, которые классифицируются на онлайн-кошельки с непрерывным интернет-соединением и офлайн-кошельки, гарантирующие изолированное содержание криптоактивов.

К.В. Валов аргументированно выдвигает предложение о законодательном установлении императива содержания цифровых валют методом, предотвращающим их противоправное завладение посторонними субъектами, а именно – исключительно посредством офлайн-хранилищ [10]. Данное предложение представляется целесообразным, поскольку использование автономных способов хранения минимизирует риски утраты криптоактивов в результате хакерских атак или технических сбоев.

Согласно общим правилам Закона о банкротстве, имущество должника подлежит реализации посредством проведения торгов. Статья 110 Закона устанавливает, что продажа имущества должника осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона с последовательным повышением цены. Применение данных норм к криптовалюте сопряжено с рядом практических и правовых сложностей.

Прежде всего, возникает вопрос о площадке для проведения торгов. Традиционные электронные торговые площадки, аккредитованные для проведения торгов в рамках процедур банкротства, не располагают техническими возможностями для работы с криптоактивами. Реализация криптовалюты через криптобиржи также вызывает затруднения, поскольку такие площадки не интегрированы в систему торгов по банкротству и не обеспечивают соблюдение установленных законом процедур.

Дополнительную сложность создает необходимость конвертации криптовалюты в рубли для последующего распределения денежных средств между кредиторами. Российские банки практически не работают с криптовалютами напрямую, что вынуждает финансовых управляющих прибегать к услугам криптобирж для обмена цифровых активов на фиатные деньги. При этом процесс такой конвертации нормативно не урегулирован, что создает правовую неопределенность.

В научной литературе высказываются различные предложения по организации торгов криптовалютой. И.Ю. Гизатулин и В.И. Мокрушин указывают на необходимость создания специализированных площадок для реализации цифровых активов в процедурах банкротства либо интеграции существующих криптобирж в систему торгов по банкротству [11]. О.Г. Тверитинова и А.С. Федьков предлагают рассмотреть возможность проведения торгов криптовалютой через специальные разделы действующих электронных торговых площадок с привлечением технических специалистов [12].

Представляется, что оптимальным решением было бы законодательное закрепление особого порядка реализации криптовалюты в процедурах банкротства. Такой порядок должен предусматривать: возможность привлечения специализированных посредников для проведения торгов; требования к обеспечению безопасности транзакций; механизм фиксации стоимости криптовалюты на момент продажи; порядок конвертации вырученных средств в рубли для распределения между кредиторами.

Отдельным вниманием заслуживает проблема оспаривания сделок с криптовалютой, совершенных должником в ущерб кредиторам. Поскольку криптовалюта признается имуществом для целей Закона о банкротстве, к сделкам с ней применяются общие основания оспаривания, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 данного Закона.

М.С. Ляшенко и О.А. Андреева справедливо указывают, что основаниями для оспаривания сделок с криптовалютой могут выступать: отчуждение цифровых активов по заниженной цене; безвозмездная передача криптовалюты аффилированным лицам; приобретение неликвидных цифровых активов в обмен на ликвидные [13]. Вместе с тем анонимный характер криптовалютных транзакций существенно затрудняет выявление подозрительных сделок и установление контрагентов должника.

В судебной практике имеются примеры успешного оспаривания сделок с криптовалютой. В деле № А50–6372/2018 Арбитражный суд признал недействительной цепочку сделок по приобретению монет OneCoin по основанию, предусмотренному пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, и применил реституцию в виде возврата криптовалюты в конкурсную массу [9]. Однако особенности технологии блокчейн исключают возможность принудительной отмены транзакций, что ограничивает эффективность механизма реституции.

М. Кандыба и Ю. Ахонина отмечают отсутствие в настоящее время механизмов принудительного исполнения судебных решений о возврате криптовалюты, что обусловлено техническими особенностями блокчейн-систем [14]. В этой связи представляется целесообразным введение специального основания для привлечения к субсидиарной ответственности лиц, в пользу которых был осуществлен вывод криптоактивов, в случае невозможности их возврата в конкурсную массу.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что включение криптовалюты в конкурсную массу и её последующая реализация с торгов сопряжены с комплексом правовых и практических проблем, обусловленных специфическими характеристиками данного вида имущества: анонимностью, децентрализацией, высокой волатильностью.

Несмотря на законодательное закрепление статуса криптовалюты как имущества для целей Закона о банкротстве, механизмы работы с цифровыми активами в конкурсных процедурах остаются нормативно неурегулированными. Для повышения эффективности процедур банкротства с участием криптовалюты представляется необходимым:

- разработать методику оценки стоимости криптовалюты в процедурах банкротства с учетом её волатильности;
- нормативно закрепить требования к порядку хранения криптоактивов арбитражным управляющим;
- установить особый порядок проведения торгов криптовалютой с определением допустимых площадок и процедур;
- предусмотреть специальное основание субсидиарной ответственности за вывод криптоактивов в ущерб кредиторам;
- расширить полномочия арбитражных управляющих по истребованию информации о криптоактивах должника.

Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс интересов кредиторов и должников, повысить прозрачность конкурсных процедур и минимизировать риски злоупотреблений при работе с цифровыми активами в делах о банкротстве.

Литература

1. Алексеев Н.В. Цифровые валюты в конкурсной массе должника // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 1 (29). – С. 85–90.
2. Гаврин Д.А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 1. – С. 75–82.
3. Гизатулин И.Ю., Мокрушин В.И. Правовое регулирование криптовалюты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 2–1 (101). – С. 258–261.
4. Гуляева Т.Б., Герасин П.С. Проблемы включения в конкурсную массу криптовалюты при процедуре банкротства физического лица // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 3. – С. 111–118.
5. Кандыба М., Ахонина Ю. Оспаривание сделок должника с криптовалютами: регулирование и практика // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». – 2022. – № 1. – С. 63–65.
6. Кутуев Э.К., Карпов Э.С. Проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника // Финансовое право. – 2025. – № 4. – С. 20–23.
7. Ляшенко М.С., Андреева О.А. Теоретические методы правового регулирования цифровых финансовых валют (криптовалюты) в Российской Федерации // Вестник науки. – 2024. – № 1 (70). – С. 294–304.
8. Тверитинова О.Г., Федьков А.С. Криптовалюта как объект конкурсной массы в банкротстве граждан: перспективы законодательного регулирования // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 278–282.

9. Хорошавин М.Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // Цивилист. – 2024. – № 4. – С. 66–73.

10. Шишмарева Т.П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7 (71). – С. 37–42.

CRYPTOCURRENCY IN THE BANKRUPTCY ESTATE DURING INDIVIDUAL BANKRUPTCY PROCEEDINGS. SALE OF CRYPTOCURRENCY AT AUCTION WITHIN BANKRUPTCY PROCEDURES

Pugacheva T.M.

NP SRO AU "Dostoyanie"

The article is devoted to a comprehensive study of the legal problems of including cryptocurrency in the bankruptcy estate during individual bankruptcy proceedings, as well as the specifics of selling cryptocurrency at auction within bankruptcy procedures. The subject of the study includes bankruptcy legislation, judicial practice materials, and doctrinal positions of legal scholars. The purpose of the work is to identify key legal problems in the realization of cryptocurrency in bankruptcy procedures and formulate proposals for their resolution. The research methodology includes formal legal analysis, a systematic approach, and the method of analyzing judicial practice. As a result of the study, the main organizational and legal difficulties associated with the valuation, storage, and realization of cryptocurrency by the bankruptcy trustee have been identified. Recommendations for improving the legal regulation of cryptocurrency auctions in bankruptcy proceedings have been formulated.

Keywords: individual bankruptcy; cryptocurrency; bankruptcy estate; auction; bankruptcy trustee; digital assets; asset realization; blockchain.

References

1. Alekseev N.V. Digital currencies in the debtor's bankruptcy estate // Economics. Sociology. Law. – 2023. – No. 1 (29). – P. 85–90.
2. Gavrin D.A. Digital financial assets and currency in insolvency (bankruptcy) cases // Russian Law: Education, Practice, Science. – 2023. – No. 1. – P. 75–82.
3. Gizatulin I.Yu., Mokrushin V.I. Legal regulation of cryptocurrency // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 2–1 (101). – P. 258–261.
4. Gulyaeva T.B., Gerasin P.S. Problems of including cryptocurrency in the bankruptcy estate in individual bankruptcy proceedings // North Caucasus Legal Bulletin. – 2025. – No. 3. – P. 111–118.
5. Kandyba M., Akhonina Yu. Challenging the debtor's transactions with cryptocurrencies: regulation and practice // Banking Review. Supplement "FinLegal". – 2022. – No. 1. – P. 63–65.
6. Kutuev E.K., Karpov E.S. Problems of including cryptocurrency in the debtor's bankruptcy estate // Financial Law. – 2025. – No. 4. – P. 20–23.
7. Lyashenko M.S., Andreeva O.A. Theoretical methods of legal regulation of digital financial currencies (cryptocurrencies) in the Russian Federation // Science Bulletin. – 2024. – No. 1 (70). – P. 294–304.
8. Tveritinova O.G., Fedkov A.S. Cryptocurrency as an object of the bankruptcy estate in consumer bankruptcy: prospects for legislative regulation // Education and Law. – 2024. – No. 2. – P. 278–282.
9. Khoroshavin M. Yu. On the question of including cryptocurrency in the debtor's bankruptcy estate // Civilist. – 2024. – No. 4. – P. 66–73.
10. Shishmareva T.P. Cryptocurrency as part of the bankruptcy estate of an insolvent debtor // Bulletin of O.E. Kutafin University (MSAL). – 2020. – No. 7 (71). – P. 37–42.

Рожманова Анастасия Александровна,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский
университет», ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный
Университет»

E-mail: a08.arozhmanova@bk.ru

Цель исследования. Изучение и анализ форм защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции в Российской Федерации, включая патентование, гражданско-правовые и административные механизмы, с выявлением проблем их правового регулирования и разработкой предложений по совершенствованию законодательства для стимулирования инновационной деятельности в сельском хозяйстве. Методы. Исследование основано на нормативно-правовом анализе Гражданского кодекса РФ и международных соглашений. Применен сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного законодательства. Использован системный подход для оценки взаимодействия форм защиты. Результаты. Установлено, что патентование обеспечивает юридическую защиту селекционных достижений, но ограничено сложностью процедуры и существенными финансовыми затратами. Гражданско-правовые механизмы, включая судебную защиту и лицензионные договоры, эффективны, но осложнены доказыванием нарушений. Административные меры, реализуемые Россельхознадзором, оперативны, но ограничены ресурсами и низкими штрафами. Выявлены проблемы: сложность идентификации нарушений, недостаточная правовая грамотность сельхозпроизводителей, устаревшие нормы. Заключение. Защита интеллектуальных прав на селекционные достижения требует модернизации законодательства. Перспективы включают цифровизацию с использованием блокчейн-технологий, усиление юридической ответственности, государственную поддержку селекции и образовательные программы для субъектов сельскохозяйственной деятельности.

Ключевые слова: генетическая селекция, интеллектуальные права, селекционные достижения, патентование, гражданско-правовая защита, административные меры, Россельхознадзор, государственный реестр.

Введение

Генетическая селекция, которая направлена на создание новых сортов растений и пород животных с улучшенными характеристиками, рассматривается в качестве ключевого элемента инновационного развития сельского хозяйства. В Российской Федерации результаты генетической селекции выступают в качестве объектов интеллектуальной собственности, что подчеркивает их особую экономическую и стратегическую значимость. Защита интеллектуальных прав на селекционные достижения обеспечивает стимулирование научных исследований, способствует привлечению инвестиций, а также поддержку продовольственной безопасности. На текущий момент времени выделяется несколько форм защиты таких прав, каждая из которых обладает не только своей уникальной спецификой, но и определенными проблемами, прямо указывающими на наличие недостатков в актах действующего законодательства. Решение таких проблем, с учетом стратегического значения результатов генетической селекции для обеспечения продовольственной безопасности, следует рассматривать не только в качестве актуального, но и приоритетного направления совершенствования отечественного законодательства.

Цель исследования – изучение и анализ форм защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции в Российской Федерации, включая патентование, гражданско-правовые и административные механизмы, а также выявление проблем их правового регулирования и разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Материалы и методы

Исследование форм защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции основано на комплексном анализе нормативных, эмпирических и теоретических источников, отражающих правовое регулирование и практическое применение механизмов защиты в Российской Федерации.

Материалы исследования включили в себя следующие категории источников информации:

- нормативные правовые акты;
- международные документы в области регулирования интеллектуальных прав на селекционные достижения;
- научная литература.

Методы исследования были выбраны с учетом правовой природы объекта и включили в себя:

- нормативно-правовой анализ, примененный с целью изучения структуры и содержания законодательства, регулирующего патентование, гражданско-правовую и административную защиту селекционных достижений;
- сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления российского законодательства с актами международного частного права;
- системный метод, использованный с целью изучения взаимодействия патентной, гражданско-правовой и административной форм защиты, а также их практического влияния на стимулирование селекционной деятельности;
- обобщение и синтез, примененные с целью формулировки выводов о проблемах и перспективах развития законодательства в области защиты прав интеллектуальной собственности на результаты генетической селекции.

Результаты и их обсуждение

Согласно статье 1412 Гражданского кодекса Российской Федерации «Объектами интеллектуальных прав на селекционные достижения являются сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений, если эти результаты интеллектуальной деятельности отвечают установленным настоящим Кодексом требованиям к таким селекционным достижениям»¹.

В указанной статье также раскрывается, что именно следует понимать под сортом растений и породой животных. Так, «сортом растений является группа растений, которая независимо от охранных способностей

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

определяется по признакам, характеризующим данный генотип или комбинацию генотипов, и отличается от других групп растений того же ботанического таксона одним или несколькими признаками. Сорт может быть представлен одним или несколькими растениями, частью или несколькими частями растения при условии, что такая часть или такие части могут быть использованы для воспроизводства целых растений сорта. Охраняемыми категориями сорта растений являются клон, линия, гибрид первого поколения, популяция».

В свою очередь, «породой животных является группа животных, которая независимо от охраноспособности обладает генетически обусловленными биологическими и морфологическими свойствами и признаками, причем некоторые из них специфичны для данной группы и отличают ее от других групп животных. Порода может быть представлена женской или мужской особью либо племенным материалом, то есть предназначенным для воспроизводства породы животными (племенными животными), их гаметами или зиготами (эмбрионами). Охраняемыми категориями породы животных являются тип, кросс линий».

Законодательно определено, что для отнесения того или иного объекта к категории селекционных достижений необходимо, чтобы он соответствовал признакам новизны, однородности, стабильности и отличимости. Интеллектуальные права на такие достижения включают исключительное право, право авторства и право на получение патента. В отличие от изобретений, селекционные достижения обладают биологической природой, что предопределяет специфику их правовой защиты. Например, воспроизведение того или иного сорта возможно через посадочный материал, что требует применения особых мер государственного контроля за оборотом [1, с. 145].

М.С. Коняшин выделяет несколько факторов, обуславливающих значимость защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции:

- создание нового сорта требует от производителя не только существенных финансовых, но и временных затрат (в среднем 10–15 лет, в зависимости от сложности процесса);
- незащищенность способствует росту нарушений, выраженных в незаконном воспроизводстве полученных в результате генетической селекции достижений, что, в свою очередь, сказывается на стимулировании инновационной деятельности и развитии сельского хозяйства в целом [2, с. 25].

Е.С. Резник отмечает, что защита прав интеллектуальной собственности в области генетической селекции необходима для обеспечения стабильного и устойчивого развития геномной инженерии, биотехнологий и иных инновационных отраслей. По мнению автора, для Российской Федерации, как мирового лидера в области сельского хозяйства, такая защита представляет особую важность и актуальность [3, с. 254].

В своем исследовании Н.А. Зеленко указывает на то, что в качестве основной и одной из наиболее эффективной форм защиты прав интеллектуальной собственности на результаты генетической селекции следует рассматривать патентование [4, с. 63]. Аналогичного мнения придерживаются Л.В. Ладочкина [5, с. 106], О.В. Попова [6, с. 27], Д.М. Филин [7, с. 61] и А. Батзориг [8, с. 327].

Статья 1413 ГК РФ закрепляет «Патент выдается на селекционное достижение, отвечающее критериям охраноспособности и относящееся к ботаническим и зоологическим родам и видам, перечень которых устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим нормативно-правовое регулирование в сфере сельского хозяйства». Охраноспособность селекционного достижения предполагает его соответствие четырем ключевым критериям: новизна, отличимость, однородность, стабильность.

Пункт 3 статьи 1413 ГК РФ раскрывает новизну селекционного достижения следующим образом: «Сорт растений и порода животных считаются новыми, если на дату подачи заявки на выдачу патента семена или племенной материал данного селекционного достижения не продавались и не передавались иным образом селекционером, его правопреемником или с их согласия другим лицам для использования селекционного достижения»:

- 1) на территории Российской Федерации ранее чем за один год до указанной даты;
- 2) на территории другого государства ранее чем за четыре года или, если это касается сортов винограда, древесных декоративных, древесных плодовых культур и древесных лесных пород, ранее чем за шесть лет до указанной даты».

Пункт 4 статьи 1413 ГК РФ определяет отличимость селекционного достижения: «Селекционное достижение должно явно отличаться от любого другого общеизвестного селекционного достижения, существующего к моменту подачи заявки на выдачу патента».

Пункт 5 статьи 1413 ГК РФ указывает на то, что под однородностью селекционного достижения необходимо понимать: «Растения одного сорта, животные одной породы должны быть достаточно однородны по своим признакам с учетом отдельных отклонений, которые могут иметь место в связи с особенностями размножения».

Пункт 6 статьи 1413 ГК РФ определяет стабильность селекционного достижения: «Селекционное достижение считается стабильным, если его основные признаки остаются неизменными после неоднократного размножения или в случае особого цикла размножения – в конце каждого цикла размножения».

Процедура патентования предполагает обязательное прохождение через следующие этапы:

- подачи заявки: заявителем предоставляются сведения о селекционном достижении, которые включают в себя описание его существенных характеристик, доказательства, свидетельствующие о новизне;
- формальная экспертиза, в ходе которой осуществляется проверка полноты документов, соответствие требованиям, закрепленным в актах действующего законодательства;
- проведение испытаний уполномоченными учреждениями, в ходе которых устанавливается факт соответствия достижения признакам отличимости, стабильности и однородности;
- выдача патента, осуществляемая только по результатам успешного прохождения экспертизы [9, с. 226].

Исключительное право на селекционное достижение признается и охраняется при условии государственной регистрации селекционного достижения в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений, в соответствии с которой федеральный орган исполнительной власти по селекционным достижениям выдает заявителю патент на селекционное достижение.

Патент предоставляет правообладателю исключительное право на использование селекционного достижения, включая не только производство и продажу семян или племенного материала, но и их экспорт в другие государства. Объем охраны интеллектуальных прав на селекционное достижение, предоставляемой на основании патента, определяется совокупностью существенных признаков, зафиксированных в описании селекционного достижения.

Несмотря на эффективность патентной защиты, она характеризуется некоторыми ограничениями. Так, к примеру, допускается использование селекционного достижения в личных некоммерческих целях или в научных исследованиях. Подобные ограничения позволяют обеспечить баланс между интересами правообладателей и общества, позволяя субъектам сельскохозяйственной деятельности сохранять семена с целью их дальнейшего посева в пределах собственных участков [10, с. 163].

Н.С. Бессараб, рассматривая преимущества патентования результатов генетической селекции, также делает указание на определенные недостатки. Так, патентование позволяет обеспечить высокий уровень юридической защиты и экономические выгоды для правообладателей, однако, сам процесс получения патента является достаточно сложным и требует больших затрат, что создает существенные барьеры для незначительных по размеру и капиталу селекционных организаций. Помимо этого, патентная защита ограничивается сроком действия, а также требует активного контроля за выявлением нарушений со стороны самого правообладателя [11, с. 217].

Помимо патентования, выделяются иные гражданско-правовые механизмы защиты, включающие в себя судебную защиту прав. Так, в случае нарушения, например, несанкционированного производства семян, правообладатель может обратиться в суд с иском о возмещении убытков или выплате компенсации;

- прекращении совершения ответчиком действий, нарушающих исключительное право;
- возмещении убытков или выплате компенсации;
- изъятии и уничтожении материала, который был произведен незаконно.

Лицензионные договоры выступают в качестве эффективного инструмента защиты, так как позволяют правообладателю осуществлять контроль за использованием конкретного селекционного достижения. Статья 1235 ГК РФ указывает на то, что «по лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах». Лицензиат может использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором. Право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивиду-

лизации, прямо не указанное в лицензионном договоре, не считается предоставленным лицензиату.

В Российской Федерации лицензия может быть исключительной или неисключительной, включать в себя указание на конкретную территорию или способы использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности. Существенные условия договора, обязательные к выполнению каждой стороной, снижают риск нарушений, однако полностью не исключают их полностью, так как данный фактор находится в прямой зависимости от добросовестности участников, о чем верно замечает в своем исследовании М.В. Украинчук [12, с. 153].

Е.Л. Минина выделяет несколько проблем гражданско-правовой защиты селекционных достижений. По мнению автора, данная область характеризуется сложностью доказывания нарушений, особенно в случаях, когда имеет место биологическое воспроизведение сорта. Молекулярно-генетический анализ, который используется с целью идентификации конкретного сорта, требует наличия специализированных лабораторий, оснащенных сложным и дорогостоящим оборудованием, производства экспертизы, что существенно сказывается на затратах [13, с. 75]. Б.А. Воронин и Я.В. Воронина делают указание на такую проблему, как низкий уровень правовой грамотности сельхозпроизводителей. Исследователи отмечают, что особенно данная проблема распространена в мелких организациях, которые не могут позволить себе нанять квалифицированного юриста в области права интеллектуальной собственности. Отсутствие знаний о формах защиты интеллектуальных прав существенно сказывается на практической эффективности данного института [14, с. 27].

Еще одна форма защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции – административно-правовая, реализуется через деятельность уполномоченных органов государства и Россельхознадзора в частности. Россельхознадзор осуществляет государственный контроль и надзор за оборотом семян, проводит проверки на их соответствие Государственному реестру. Россельхознадзор осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы с привлечением уполномоченных и подведомственных ей организаций, которые аккредитованы и имеют лицензии в установленной сфере деятельности, во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями. Нарушение законодательных требований в области использования результатов генетической селекции и защиты прав на них может повлечь применение в отношении виновных лиц мер административной и иной юридической ответственности [15, с. 5].

Таможенное регулирование в Российской Федерации заключается в установлении порядка и правил регулирования таможенного дела в Российской Федерации. Таможенное дело в Российской Федерации представляет собой совокупность методов и средств обеспечения соблюдения порядка и условий ввоза товаров в Российскую Федерацию, вывоза товаров из Российской Федерации, их нахождения и использования в Российской Федерации или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, порядка исчисления, уплаты, взыскания и обеспечения таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, порядка проведения таможенного контроля, порядка соблюдения запретов и ограничений, установленных в соответствии с правом Союза (и/или) законодательством Российской Федерации, а также обеспечения реализации властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами. Именно по этой причине, Таможенная служба Российской Федерации в рамках своей целевой деятельности предотвращает нарушения, связанные с незаконным ввозом семян на территорию Российской Федерации. Сегодня таможенные органы активно используют цифровые платформы для мониторинга импорта, государственных реестров и анализа иной информации, напрямую связанной с оборотом семян и иных объектов, связанных с селекционными достижениями [16, с. 125].

Е.А. Летова высказывается о том, что административные меры защиты прав интеллектуальной собственности характеризуются своей оперативностью и эффективностью для пресечения нарушений, обладающих массовым характером. В то же время, их применение на практике значительно ограничено административными ресурсами и не всегда позволяет компенсировать убытки, которые понес правообладатель вследствие нарушения принадлежащих ему исключительных прав [17, с. 149]. Помимо этого, предусмотренные законодательством административные штрафы и иные виды наказаний незначительны по уровню своей строгости, что также негативно сказывается на про-

филактике правонарушений в области защиты права интеллектуальной собственности на результаты генетической селекции [18, с. 174].

Российская Федерация является участником Международной конвенции по охране новых сортов растений¹, которая устанавливает минимальные стандарты в области защиты селекционных достижений. Данный документ требует от участников предоставления исключительного права на срок, который не должен быть менее 20 лет и допускает некоторые ограничения, включая право фермера.

Несмотря на наличие актов международного частного права в области защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции, различия в национальных законодательствах создают существенные сложности в области международной защиты. Так, к примеру, в Европейском Союзе допускается патентование генетически модифицированных организмов, тогда как в Российской Федерации они запрещены для выпуска в окружающую среду [19, с. 239]. Отсутствие более значимых и глобальных документов в области международного права также не способствует международной защите соответствующих прав, что сказывается на межгосударственном сотрудничестве в области обмена селекционными достижениями, их оборота [20, с. 98].

Последняя проблема сегодня является наиболее актуальной, так как генная инженерия и биологические технологии в целом развиваются достаточно стремительными темпами, что приводит к появлению новых сортов растений и пород животных на регулярной основе, которые могут быть использованы в сельском хозяйстве. Отсутствие твердой международно-правовой основы, позволяющей обеспечить надлежащую защиту прав, распространяющихся на селекционные достижения, создает барьеры для импорта и экспорта семян, иных объектов.

Выводы

Защита интеллектуальных прав на результаты генетической селекции в Российской Федерации осуществляется через патентование, гражданско-правовые и административно-правовые механизмы. Несмотря на наличие широкой совокупности форм такой защиты, по-прежнему наблюдаются существенные проблемы в их нормативно-правовом регулировании, требующие внесения изменений в акты действующего законодательства. На число выявленных проблем относятся:

- сложность идентификации и доказывания нарушений, требующая производства дорогостоящих лабораторных исследований, существенных финансовых затрат;
- недостаточный уровень правовой осведомленности сельхозпроизводителей о возможностях и формах защиты прав на результаты генетической селекции;
- ограниченность ресурсов государственного надзора, обусловленная масштабом рынка семян в Российской Федерации;
- несоответствие законодательства современным тенденциям развития селекционных технологий.

С целью решения обозначенных проблем можно предложить следующие перспективные направления совершенствования форм защиты интеллектуальных прав на результаты генетической селекции:

- усиление мер юридической ответственности, предполагающее повышение нижних пределов административных штрафов и повышение строгости иных административно-правовых и уголовных наказаний;
- государственная поддержка инновационной деятельности, позволяющая стимулировать деятельность отечественных селекционеров;
- внедрение специализированных образовательных программ для субъектов сельскохозяйственной деятельности, включающих в себя правовые дисциплины.

Литература

1. Мухаметжанов, А.С., Фомин, О.С. Государственное регулирование развития селекции / А.С. Мухаметжанов, О.С. Фомин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 9. – С. 143–152.
2. Коняшин, М.С. Эволюция законодательства в сфере регулирования института селекционных достижений / М.С. Коняшин // Новый юридический вестник. – 2021. – № 1 (25). – С. 22–28.
3. Резник, Е.С. Правовое регулирование селекции / Е.С. Резник // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты. – 2022. – № 1. – С. 253–255.
4. Зеленко, Н.А. Селекционное достижение как объект права интеллектуальной собственности и его охрана / Н.А. Зеленко // Трибуна ученого. – 2022. – № 3. – С. 59–71.

¹ Международная конвенция по охране новых сортов растений (Заключена в г. Париже 02.12.1961) // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Доступно: <https://www.consultant.ru/>

5. Ладочкина, Л.В. Понятие и условия охраноспособности селекционных достижений / Л.В. Ладочкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 5 (124). – С. 105–108.
6. Попова, О.В. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в сельском хозяйстве и АПК / О.В. Попова // Право интеллектуальной собственности. – 2020. – № 3. – С. 26–30.
7. Филин, Д.М. Объекты интеллектуальных прав на селекционные достижения: проблемы теории и практики / Д.М. Филин // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке. – 2020. – № 1. – С. 59–64.
8. Батзориг, А. Особенности правового статуса селекционера и автора селекционного достижения по законодательству Российской Федерации / А. Батзориг // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. – 2023. – № 1. – С. 326–328.
9. Орёл, Д.С. К вопросу о правовых гарантиях применения современной биотехнологии при создании селекционных достижений / Д.С. Орёл // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития. – 2024. – № 1. – С. 225–231.
10. Летова, Е.А. Объекты живой природы в системе объектов права интеллектуальной собственности / Е.А. Летова // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 160–167.
11. Бессараб, Н.С. Селекционные достижения как объекты интеллектуальной собственности: история и современность / Н.С. Бессараб // Образование и право. – 2024. – № 1. – С. 213–221.
12. Украинчук, М.В. Некоторые актуальные правовые аспекты развития и защиты селекционных достижений в Российской Федерации / М.В. Украинчук // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правовой организации общества: от теории к практике. материалы Всероссийской научно-практической конференции ученых, практиков, аспирантов, магистрантов и студентов. – Краснодар, 2024. – С. 152–155.
13. Минина, Е.Л. Тенденции развития законодательства об отраслях сельского хозяйства / Е.Л. Минина // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 10. – С. 68–81.
14. Воронин, Б.А., Воронина, Я.В. О правовом регулировании отношений в области селекционных достижений / Б.А. Воронин, Я.В. Воронина // В сборнике: Актуальные проблемы исследования современной науки и практики в России и за рубежом: экономика, управление и право. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2023. – С. 24–30.
15. Джалилов, Э.А. К вопросу об уголовно-правовой охране топологий интегральных микросхем и селекционных достижений / Э.А. Джалилов // Правоотношения в инновационной экономике. – 2022. – Т. 2. – № 1 (2). – С. 2–9.
16. Оноприенко, О.Ф. Селекционное достижение: режим общественного достояния в России / О.Ф. Оноприенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (144). – С. 119–131.
17. Летова, Е.А. Понятия «селекционные достижения» и «селекционная деятельность» в российском праве интеллектуальной собственности / Е.А. Летова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17. – № 6. – С. 140–159.
18. Летова, Е.А. Защита прав селекционеров как стимулирующий фактор развития агробизнеса / Е.А. Летова // Государство и право. – 2021. – № 8. – С. 171–175.
19. Ширкова, И.В. Проблемы международного регулирования не-традиционных объектов интеллектуальной собственности / И.В. Ширкова // Заметки ученого. – 2023. – № 9. – С. 236–240.
20. Амангельды, А.А. Взаимодействие права интеллектуальной собственности с отдельными отраслями публичного права / А.А. Амангельды // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2023. – № 3 (74). – С. 97–105.

FORM OF PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS

Rozhmanova A.A.

Belgorod State National Research University, South-West State University

Purpose of research. Study and analysis of forms of protection of intellectual property rights to the results of genetic selection in the Russian Federation, including patenting, civil and administrative mechanisms, with the identification of problems of their legal regulation and the development of proposals for improving legislation to stimulate innovation in agriculture. Methods. The study is based on the legal analysis of the Civil Code of the Russian Federation and international agreements. The comparative legal method is applied to compare Russian and foreign legislation. Results. It has been established that patenting provides legal protection for selection achievements, but is limited by the complexity of the procedure and significant financial costs. Civil law mechanisms, including judicial protection and license agreements, are effective, but complicated by proving violations. Administrative measures implemented by the Rossetelkhoz nadzor are prompt, but limited by

resources and low fines agricultural producers, outdated norms. Conclusion. The protection of intellectual rights to breeding achievements requires the modernization of legislation. Prospects include digitalization using blockchain technologies, increased legal liability, state support for breeding and educational programs for agricultural entities.

Keywords: genetic selection, intellectual rights, selection achievements, patenting, civil protection, administrative measures, Rossetelkhoz nadzor, state register.

Conflict of interest: the author declares the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

References

1. Mukhametzanov, A.S., Fomin, O.S. Gosudarstvennoye regulirovaniye razvitiya selektsii [State regulation of the development of breeding] / A.S. Mukhametzanov, O.S. Fomin // Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii. – 2021. – № 9. – P. 143–152. (In Russ.)
2. Konyashin, M.S. Evolution of Legislation in the Sphere of Regulation of the Institute of Selection Achievements / M.S. Konyashin // New Legal Bulletin. – 2021. – № 1 (25). – P. 22–28. (In Russ.)
3. Reznik, E.S. Legal Regulation of Selection / E.S. Reznik // Management, Economics and Law: Problems, Research, Results. – 2022. – № 1. – P. 253–255. (In Russ.)
4. Zelenko, N.A. Selection achievement as an object of intellectual property rights and its protection / N.A. Zelenko // Tribune of the scientist. – 2022. – № 3. – P. 59–71. (In Russ.)
5. Ladochkina, L.V. Ponyatie i usloviya okhranovosobnosti selektsionnykh dostizheniya [The concept and conditions of protection of selection achievements] / L.V. Ladochkina // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2018. – № 5 (124). – P. 105–108. (In Russ.)
6. Popova, O.V. Pravovoye regulirovaniye intellektual'noy sobstvennosti v sel'skokhozyaystvo i agro-industrial complex [Legal regulation of intellectual property in agriculture and agriculture]. – 2020. – № 3. – P. 26–30. (In Russ.)
7. Filin, D.M. Objects of Intellectual Rights for Selection Achievements: Problems of Theory and Practice / D.M. Filin // Experimental and Theoretical Studies in Modern Science. – 2020. – № 1. – P. 59–64. (In Russ.)
8. Batzorig, A. Osobennosti pravovogo statusa selektsionera i avtora selektsionnogo dostizheniya po zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [Features of the legal status of a breeder and the author of a selection achievement under the legislation of the Russian Federation] / A. Batzorig // Pravovaya zashchita intellektual'noy sobstvennosti: problemy teorii i praktiki [Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice]. – 2023. – № 1. – P. 326–328. (In Russ.)
9. Oryol, D.S. K voprosu o pravovykh garantiakh primeneniya sovremennoy biotekhnologii pri sozdaniy selektsionnykh dostizheniy [On the issue of legal guarantees of the application of modern biotechnology in the creation of selection achievements] / D.S. Oryol // Intellectual property in the modern world: challenges of time and development prospects. – 2024. – № 1. – P. 225–231. (In Russ.)
10. Letova, E.A. Ob'ekty zhivoy prirody v sisteme ob'ektov prava intellektual'noy sobstvennosti [Objects of Living Nature in the System of Objects of Intellectual Property Law] / E.A. Letova // Gaps in Russian Legislation. – 2022. – Т. 15. – № 6. – P. 160–167. (In Russ.)
11. Bessarab, N.S. Selection Achievements as Objects of Intellectual Property: History and Modernity / N.S. Bessarab // Education and Law. – 2024. – № 1. – P. 213–221. (In Russ.)
12. Ukrainchuk, M.V. Some Actual Legal Aspects of Development and Protection of Selection Achievements in the Russian Federation / M.V. Ukrainchuk // In the collection: Actual problems of the state and legal organization of society: from theory to practice. materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Scientists, Practitioners, Graduate Students, Undergraduates and Students. – Krasnodar, 2024. – P. 152–155. (In Russ.)
13. Minina, E.L. Trends in the development of legislation on the branches of agriculture / E.L. Minina // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2023. – Т. 27. – № 10. – P. 68–81. (In Russ.)
14. Voronin, B.A., Voronina, Y.V. On the legal regulation of relations in the field of selection achievements / B.A. Voronin, Y.V. Voronina // In the collection: Actual problems of research of modern science and practice in Russia and abroad: economics, management and law. Proceedings of the All-Russian National Scientific and Practical Conference. – Yekaterinburg, 2023. – P. 24–30. (In Russ.)
15. Jalilov, E.A. K voprosu ob ugovolno-pravovogo okhrana topologii integral'nykh mikrokh i selektsionnykh dostizheniya [On the issue of criminal law protection of topologies of integrated circuits and selection achievements] / E.A. Jalilov // Pravootnosheniya v innovatsionnoy ekonomike [Legal relations in the innovative economy]. – 2022. – Т. 2. – № 1 (2). – P. 2–9. (In Russ.)
16. Onoprienko, O.F. Selection Achievement: Regime of Public Property in Russia / O.F. Onoprienko // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2022. – № 1 (144). – P. 119–131. (In Russ.)
17. Letova, E.A. Ponyatiya «selektsionnye dostizheniya» i «selektsionnaya deyatelnost'» v rossiyskom prave intellektual'noy sobstvennosti [The Concepts of "Selection Achievements" and "Selection Activity" in the Russian Law of Intellectual Property] / E.A. Letova // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2022. – Т. 17. – № 6. – P. 140–159. (In Russ.)
18. Letova, E.A. Zashchita prav seliterov kak stimulushchiyushchiy faktor razvitiya agrobiznesa [Protection of the rights of breeders as a stimulating factor in the development of agrobusiness] / E.A. Letova // Gosudarstvo i pravo. – 2021. – № 8. – P. 171–175. (In Russ.)
19. Shirkova, I.V. Problems of International Regulation of Non-Traditional Objects of Intellectual Property / I.V. Shirkova // Notes of a Scientist. – 2023. – № 9. – P. 236–240. (In Russ.)
20. Amangeldy, A.A. Interaction of intellectual property law with certain branches of public law / A.A. Amangeldy // Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2023. – № 3 (74). – P. 97–105.

Семейная медиация в Российской Федерации: данные судебной статистики и процессуальная конструкция обязательной первой встречи с медиатором

Сафроненко Иван Александрович,
адвокат
E-mail: advokatsafron@gmail.com

Статья посвящена оценке фактического применения медиации в семейных спорах и разработке процессуально нейтральной модели обязательной первичной досудебной встречи с медиатором по семейным делам, как одной из мер по совершенствованию семейного законодательства, в том числе в части укрепления института брака и поддержки семьи.

На материалах официальной судебной статистики («Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» (форма № 2, полугодовая)) показано, что примирительные исходы, фиксируемые отчетностью как «медиация, судебное примирение», в семейных делах остаются статистически незначительными. То есть медиация по семейным спорам не используется в полном объеме, несмотря на наличие нормативной основы для её применения. Хотя именно медиация способствует снижению конфликтности, выработке устойчивых договорённостей по вопросам детей и имущества, а также профилактике повторных обращений в суд.

По обобщенному показателю дел, возникающих из семейных правоотношений, число прекращений производств по итогам медиации или судебного примирения составило 258 (за 1 п/г 2024) и 267 (за 1 п/г 2025) при 41 018 и 32 679 всех прекращенных производствах этой категории дел за соответствующие периоды. Таким образом, количество дел, прекращенных именно в результате медиации, судебного примирения составляет всего 0,629% (за 1 п/г 2024) и 0,817% (за 1 п/г 2025) от общего количества прекращенных дел по семейным правоотношениям. По делам непосредственно о расторжении брака супругов, имеющих детей, соответствующий показатель еще ниже и составил 39 прекращений в результате медиации, судебного примирения (из 20 063 прекращенных дел) в 1 п/г 2024 г. и 15 (из 12 886 прекращенных дел) в 1 п/г 2025 г. то есть 0,194% и 0,116% соответственно. Поскольку форма № 2 не разделяет медиацию и судебное примирение для семейных споров, приведенные значения следует рассматривать как верхнюю границу вклада медиации в судебный сегмент.

С целью снижения количества семейных споров предлагается модель обязательной первичной встречи (информационная сессия и консультация у медиатора, не отождествляемая с началом процедуры медиации), с критериями применимости, перечнем исключений (домашнее насилие, срочная судебная защита, объективная невозможность равноправного участия и др.), процессуальными последствиями и измеримыми показателями эффективности внедрения.

Ключевые слова: Семейные споры, медиация, судебное примирение, примирительные процедуры, обязательный досудебный порядок, мировое соглашение, доступ к правосудию, интересы ребенка.

Введение

Институт медиации в Российском праве действует с 2010 года и допускается в том числе для споров, возникающих из семейных правоотношений (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»). В гражданском процессе с 2019 года предусмотрен комплекс примирительных процедур (гл. 14.1 ГПК РФ), включая медиацию (ст. 153.5 ГПК РФ). Таким образом, нормативная основа сформирована.

Проблема находится в плоскости применения. Семейные споры остаются массовой категорией дел, но примирительные механизмы не оказывают значительного влияния на решение конфликта в суде. Суд, по общему правилу, разрешает спор и фиксирует правовые последствия (расторжение брака, алименты, место жительства ребенка, порядок общения и т.п.). А в ходе разработки медиативного соглашения стороны могут учесть больше фактических обстоятельств и индивидуальных особенностей, детально проработать специфические договоренности сторон, закрепить гибкие правила поведения на будущее, что снижает риск повторных обращений в суд при изменении ситуации.

В конце 2025 года Правительство РФ утвердило план мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (распоряжение Правительства РФ от 23.12.2025 № 3999-р). В опубликованных материалах, связанных с утверждением плана (включая официальные сообщения и публикации СМИ со ссылкой на план), упоминаются необходимость проработки предложений по обязательному досудебному порядку урегулирования отдельных семейных конфликтов с применением медиации; принятия организационных мер (правовое просвещение в сфере медиации и создание реестра медиаторов). Тем самым тема переходит из академической дискуссии в плоскость нормотворчества и организационного внедрения.

Цель настоящей статьи: 1) показать на основе официальной статистики масштаб применения медиации в семейных делах; 2) объяснить, почему действующая модель добровольного обращения к медиации в большинстве семейных конфликтов не работает должным образом; 3) предложить юридически корректную модель обязательной первичной встречи с медиатором, совместимую с принципом добровольности и правом на судебную защиту.

Задачи исследования: а) выделить статистически измеримые показатели применения примирительных процедур; б) определить типологию семейных споров по пригодности к медиативному урегулированию; в) сформулировать предложения по правовому регулированию и организации первичной встречи с медиатором.

Состояние научной разработанности проблемы

В Российском праве и научной литературе медиация понимается как альтернативный способ урегулирования спора при содействии независимого и беспристрастного посредника (медиатора), основанный на добровольном согласии сторон и их самостоятельности в выработке взаимоприемлемого решения. Процедура может применяться как до обращения в суд, так и после передачи спора на рассмотрение суда. Ключевые принципы медиации составляют добровольность, конфиденциальность, равноправие сторон и нейтральность медиатора.

Медиация, по общему правилу, финансируется сторонами медиации (если нет иной договоренности).

В научных публикациях о медиации (в том числе в работах, посвященных структуре медиации, а также проблемам внедрения примирительных процедур в гражданском процессе) устойчиво выделяются следующие препятствия:

- 1) слабые экономические стимулы для сторон по сравнению с «обычным» судебным разрешением;
- 2) низкая информированность и недоверие к институту посредничества;
- 3) отсутствие устойчивой практики направления дел на медиацию на ранних стадиях конфликта;
- 4) дефицит специализации и единых стандартов качества, особенно применительно к семейным делам.

Для семейных споров указанные факторы усиливаются спецификой предмета. Зачастую спор затрагивает длительные отношения, эмоциональный фон, интересы ребенка и необходимость поддерживать минимальный уровень взаимодействия родителей. Поэтому семейная медиация одновременно рассматривается и как перспективное, и как наиболее требовательное к квалификации посредника направление.

Научная проблема формулируется так: при наличии нормативных инструментов (Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ и гл. 14.1 ГПК РФ) примирительные исходы в семейных делах статистически не заметны, следовательно, требуются уточнения правового механизма раннего информирования сторон, объективных критериев применимости и исключений, а также экономических и организационных условий применения.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования является официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ («Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» (форма № 2, полугодовая)) за 1 полугодие 2024 года и 1 полугодие 2025 года. Для анализа использованы показатели раздела 1 формы № 2 по строке «Дела, возникающие из семейных правоотношений», а также показатели раздела 2 по подкатегории «о расторжении брака супругов, имеющих детей». Ключевые данные: 1) прекращено производств; 2) из прекращенных: споры, урегулированные путем проведения процедуры медиации, судебного примирения.

Дополнительно применены методы: формально-юридический (анализ норм Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ, гл. 14.1 ГПК РФ, Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ); нормативное моделирование (разработка варианта закрепления обязательной досудебной первичной встречи в гражданском судопроизводстве).

Ограничение исследования состоит в том, что форма № 2 фиксирует примирение в судебном сегменте и не отражает внесудебную медиацию, завершившуюся до подачи иска. Кроме того, отчетность объединяет в одном показателе медиацию и судебное примирение для семейных споров, что не позволяет разделить вклад каждого инструмента.

Основные результаты исследования

Официальная судебная статистика

Общие семейные дела (раздел 1 форма № 2 (полугодовая)). В разделе 1 формы № 2 по строке 1 «Дела, возникающие из семейных правоотношений» показатели имеют следующий смысл: графа 13 отражает число дел, по которым производство прекращено; графа 14 отражает часть прекращенных дел, где основанием прекращения указано урегулирование спора путем медиации или судебного примирения.

Сопоставление данных за 1 полугодие 2024 и 1 полугодие 2025 гг. приведено в таблице 1.

Таблица 1. Семейные дела. Сравнение показателей формы № 2 (полугодовой) (раздел 1 строка 1) за 1 полугодие 2024 и 1 полугодие 2025 гг.

Показатель (форма № 2, раздел 1, строка 1)	1 п/г 2024 (кол-во дел)	1 п/г 2025 (кол-во дел)	Изменение (кол-во дел)
Прекращено производств (графа 13)	41 018	32 679	-8 339
Из прекращенных: урегулированы медиацией, судебным примирением (графа 14)	258	267	9

Из таблицы 1 следует, что при сокращении прекращенных производств (-8 339), показатель «медиация, судебное примирение» практически не меняется (+9). Относительная доля урегулирования через медиацию, судебное примирение среди прекращенных дел выросла с 0,629% до 0,817%, однако остается ниже 1%. С учетом объединения медиации и судебного примирения по семейным делам в одном статистическом показателе можно констатировать, что вклад медиации в судебном сегменте семейных дел, вероятно, еще ниже указанных значений.

Дела о расторжении брака супругов, имеющих детей (раздел 2 форма № 2 (полугодовая)). Для оценки наиболее медиабельной части семейных конфликтов целесообразно отдельно рассмотреть дела о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей. Именно в этих делах формальный судебный акт о расторжении брака может полностью не решить сопутствующие вопросы (о детях, расходах, вза-

имодействии родителей) и потому потенциально допускает договоренности, соглашения сторон.

Сопоставление показателей по указанной подкатегории приведено в таблице 2.

Таблица 2. Расторжение брака супругов, имеющих детей. Показатели формы № 2 (полугодовой) (раздел 2) за 1 полугодие 2024 и 1 полугодие 2025 гг.

Показатель (форма № 2, раздел 2, строка 2)	1 п/г 2024 (кол-во дел)	1 п/г 2025 (кол-во дел)	Изменение (кол-во дел)
Поступило дел (графа 2 «Поступило дел в отчетном периоде»)	204 661	163 059	-41 602
Всего прекращено (графа 13 «прекращено»)	20 063	12 886	-7 177
Из прекращенных: урегулированы медиацией/судебным примирением (графа 14)	39	15	-24

Данные таблицы 2 показывают одновременное снижение общего потока дел данной категории и снижение числа примирительных прекращений. Если в 1 п/г 2024 г. урегулирование через медиацию/судебное примирение отмечено в 39 делах при 20 063 прекращенных делах (0,194%), то в 1 п/г 2025 г. показатель составил 15 дел при 12 886 прекращенных делах (0,116%). Даже принимая во внимание агрегирование медиации и судебного примирения, статистика свидетельствует, что в ядре семейных конфликтов вокруг детей примирительные процедуры в судебном сегменте остаются редким исключением.

Интерпретация

Низкие показатели рационально объясняются не отсутствием правовых норм, а текущими стимулами сторон и процедурными условиями. Во многих семейных делах обращение к примирению происходит уже после подачи иска, когда конфликт достиг высокой степени эскалации, стороны вовлечены в судебное разбирательство и ориентированы на быстрый формальный исход. В этих условиях медиация воспринимается как дополнительная трата времени и средств с неопределенным результатом.

Из статистики следует практический вывод: в рамках государственной политики и нормотворческой работы по увеличению доли медиации в семейных конфликтах – наибольший потенциал имеют раннее информирование сторон и первичная оценка возможности внесудебного урегулирования, а также создание экономических и организационных условий для обращения к посреднику до обращения в суд.

Предлагаемая модель обязательной первичной встречи с медиатором

Понятие и пределы обязательности

Под обязательной первичной встречей предлагается понимать обязательное посещение сторонами разовой информационной сессии у медиатора, на которой разъясняются правовая природа медиации и судебного примирения; возможные результаты (соглашение, мировое соглашение, нотариальное соглашение, отказ от иска); ориентировочная стоимость и сроки медиации; риски недобровольности и небезопасности переговоров. В рамках встречи медиатор проводит первичную оценку возможности применения медиации по объективным критериям и фиксирует, имеются ли ограничивающие исключения. Обязательность относится к получению информации и прохождению первичной оценки рисков в ходе информационной встречи, а последующее начало процедуры медиации остается добровольным.

Важно разнести первичную встречу и процедуру медиации. Начало процедуры медиации связано с согласием сторон на ее проведение и заключением соглашения о применении процедуры медиации (Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ). Информационная первичная встреча не должна рассматриваться как начало процедуры медиации и не влечет обязательства вести переговоры по существу.

Показатели эффективности применения примирительных процедур

Оценка внедрения обязательной медиативной встречи должна быть измеримой. Минимальный набор показателей: 1) доля дел, где проведена первичная встреча; 2) доля дел, где стороны после встречи согласились на медиацию; 3) доля дел, завершившихся соглашением (мировым соглашением в суде, нотариальным соглашением и т.п.); 4) устойчивость соглашений (например, отсутствие повторных исков по тем же вопросам в течение 12 месяцев); 5) влияние на сроки рассмотрения и нагрузку судов.

Судебный технический учет можно организовать без дополнительной работы судьи. В карточке дела (на уровне делопроизводства) секретарь судебного заседания либо канцелярия проставляет 1–2 специализированных учетных кода на основании подтверждения медиатора (встреча проведена / исключение / отказ / соглашение).

Внесудебный сегмент рационально учитывать через реестр медиаторов или аккредитованных центров с фиксацией только факта обращения и исхода встречи (без раскрытия содержания переговоров), что позволяет получать агрегированную статистику без вмешательства в конфиденциальность.

Критерии пригодности спора к медиативному урегулированию

Обязательная первичная встреча оправдана, когда предмет спора допускает согласование условий без нарушения императивных норм и с последующим юридическим оформлением результата. Типичные категории: споры о месте жительства ребенка и порядке общения; участие в воспитании; распределение расходов на ребенка; алиментные соглашения; раздел имущества супругов.

В части расторжения брака при наличии детей, медиация является центральной темой, поскольку даже первичная информационная встреча с медиатором может подтолкнуть стороны к пересмотру своих намерений.

Если стороны настаивают на прекращении семьи, то медиация может быть эффективна для урегулирования сопутствующих вопросов, снижения конфликтности взаимодействия родителей, учета интересов детей.

Исключения и защитные механизмы

Механизм медиативной встречи должен содержать исключения, когда обязательная встреча не проводится либо проводится в особом режиме (раздельные встречи, дистанционно, с участием представителей), чтобы не ухудшать положение уязвимой стороны.

К числу исключений целесообразно отнести ситуации, подтверждаемые объективными данными: а) сведения о домашнем насилии, угрозах, преследованиях, принуждении (например, заявления в полицию, материалы по ст. 6.1.1 КоАП РФ, уголовным делам, постановлением об ограничительных мерах, обращения в медучреждения, сообщения в органы опеки); б) случаи, где равноправное участие объективно невозможно (недееспособность, ограниченная дееспособность, отсутствие владения русским языком без переводчика, тяжелое состояние здоровья, фактическая недоступность стороны); в) дела, требующие немедленной судебной защиты (обеспечительные меры, риск вывоза ребенка за границы РФ, необходимость срочных временных мер); г) отсутствие надлежащего извещения другой стороны или системное уклонение от явки, подтвержденное медиатором.

В случае наличия сведений об обстоятельствах, при которых медиативная встреча исключается, суд обязан принять исковое заявление без обязанности сторон пройти первичную встречу с медиатором.

Контроль исключений следует организовать при предъявлении иска. Основание исключения фиксируется судом по имеющимся доказательствам, представленных заявителем, или поступивших в суд от органов внутренних дел, органов опеки и попечительства, медицинских учреждений, либо других компетентных органов.

Защитные механизмы при проведении первичной встречи: возможность раздельных встреч; стандартизированная анкета первичной оценки рисков; запрет на использование информации, полученной на встрече, при доказывании; фиксация лишь факта посещения и результата первичной оценки (без раскрытия содержания); минимально необходимые требования к квалификации медиатора для семейных дел (специализированное обучение, стажировка, включение в реестр).

Предложения по правовому регулированию и организации первичной встречи с медиатором

Процессуальное закрепление

Досудебная стадия: для отдельных требований, а именно: о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей; об определении места жительства ребёнка; об определении порядка общения с ребёнком; о взыскании и (или) изменении размера алиментов; о разделе имущества супругов при наличии спора о детях – устанавливается обязанность посетить первичную встречу до подачи заявления в суд. Если в течение 14 дней с момента обращения одной из сторон к медиатору медиативная встреча была проведена, но процедура медиации не была начата в результате отсутствия договоренности сторон – суд принимает заявление. Если в течение 14 дней с момента обращения одной из сторон к медиатору медиативная встреча не состоялась по причинам, не зависящим от заявителя, включая уклонение другой стороны от явки,

подтвержденное медиатором, – суд принимает заявление и учитывает это обстоятельство при вынесении решения.

Последствие невыполнения обязанности посещения первичной медиативной встречи: оставление заявления без движения по аналогии с требованиями ст. 136 ГПК РФ.

В любом случае за сторонами сохраняется право на проведение процедуры медиации в ходе судопроизводства в соответствии с гл. 14.1 ГПК РФ.

Экономические и организационные условия

С 1 января 2025 г. существенно выросли прямые издержки развода. Государственная пошлина при подаче искового заявления о расторжении брака составляет 5 000 руб. (пп. 5 п. 1 ст. 333.19 НК РФ), государственная пошлина за государственную регистрацию расторжения брака, включая выдачу свидетельства, составляет 5 000 руб. с каждого из супругов (пп. 2 п. 1 ст. 333.26 НК РФ, в ред. Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ).

Рост затрат по уплате госпошлины (сбора, взимаемого с лиц при их обращении в государственные органы) сам по себе не делает медиацию уязвимым выбором, но создает окно для стимулов к информационной медиативной встрече, если будет предусмотрен простой и безопасный механизм первичного обращения к посреднику и законодательное регулирование этого механизма.

Предлагаемые меры

А) бюджетное финансирование или субсидирование обязательной первичной медиативной встречи через региональные программы; б) субсидирование государством последующей медиации для социально уязвимых категорий и по спорам о детях; в) создание реестра медиаторов, специализация семейных медиаторов, а также контроль качества работы медиаторов (единые минимальные требования к обучению и подтверждению квалификации); г) ведение медиаторами (организациями, осуществляющими медиацию) минимальной обезличенной отчетности о количестве проведенных первичных встреч и их исходах по кодам направлений (без раскрытия содержания переговоров), с предоставлением агрегированных данных уполномоченному органу для целей оценки эффективности внедрения.

Оценка предложенной модели

Сценарная оценка возможного эффекта первичной медиативной встречи, как обязательного досудебного порядка урегулирования семейных споров

В настоящей статье используется сценарная оценка как расчёт «что будет, если». Оценка не является прогнозом, а показывает порядок величин возможного результата при заданных целевых показателях. Такой подход применяется при подготовке и оценке нормотворческих решений, он помогает сопоставить варианты воздействия и ожидаемый эффект.

Целью регуляции в рамках предлагаемой модели является, в первую очередь, сохранение семьи и решение споров, возникающих из семейных правоотношений, путём медиации либо вследствие проведения обязательной первичной информационной встречи с медиатором, создающей условия для подготовки и последующего оформления соглашения (в том числе мирового соглашения в суде).

В качестве базы использован показатель «Поступило дел в отчетном периоде» (форма № 2 раздел 1 строка 1 графа 2) по делам, возникающим из семейных правоотношений, за 1 п/г 2024 г. и аналогичный показатель за 1 п/г 2025 г.

Сценарии, при которых часть семейных споров разрешается путем отказа от спора либо путем урегулирования спора с участием посредника (медиатора) без обращения в суд, рассматриваются в таблице 3.

Научная новизна и практическая значимость

Научная новизна статьи состоит в следующем.

1) Предложен измеримый набор показателей эффективности первичной встречи и медиации в семейных спорах, привязанный к действующей судебной статистике, и показаны способы получения недостающих данных без дополнительной нагрузки на судью, путем минимального учета на уровне делопроизводства и (или) через отчетность медиаторов (организаций), содержащую обезличенные сведения о проведенных первичных встречах и медиациях по кодам направлений, при условии внедрения механизма предоставления такой отчетности.

2) Разработана модель обязательной первичной медиативной встречи, юридически отличная от обязательной медиации. Добровольность процедуры медиации сохраняется, а право на судебную защиту не ограничивается.

3) Сформулированы критерии применимости и исключений, основанные на объективных признаках риска и невозможности равноправного участия.

Практическая значимость заключается в возможности использования предложений при подготовке поправок к Федеральному закону

Таблица 3. Сценарная оценка уменьшения числа поступивших дел, возникающих из семейных отношений (на 2027 год)

Сценарий	База: поступи- ло дел (гр. 2)	Целевой показатель: доля урегулирования споров без обращения в суд	Ожидаемое уменьшение поступления дел в суд (абс.)	Ожидаемое поступление дел после внедрения (абс.)	Комментарий
А) система качества (ре- естр, специализация, стандарты медиации) + информирование	341 829	0,5%	1 709	340 120	Более высокий показатель при доверии к институту семейной медиации и стабильной инфра- структуре.
Б) бюджетное финанси- рование первичной информа- ционной встречи	341 829	1,5%	5 127	336 702	Часть заявителей после разъяс- нений отказывается от подачи иска либо оформляет соглаше- ние без обращения в суд.
В) первичная встреча + адресное субсидирова- ние медиации по спорам о детях	341 829	5%	17 091	324 738	Рост доли урегулирования при снижении финансового барьера и фокусе на спорах о детях.

Примечание. Таблица не учитывает «вторичный эффект»: уменьшение связанных споров (о порядке общения, алиментах, месте проживания ребёнка), которое возможно при устойчивых соглашениях. Для количественной оценки такого эффекта нужна отдельная статистика обращений после процедуры медиации и устойчивости соглашений.

Заключение

Сравнение официальной судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде РФ (формы № 2 полугодовой, за 1 полугодие 2024 и 1 полугодие 2025 гг.) показывает, что примирительные исходы, учитываемые как «медиация, судебное примирение», в семейных делах остаются единичными. Даже в делах о расторжении брака при наличии детей доля таких исходов составляет менее одного процента.

Следовательно, дальнейшее развитие института медиации в семейных спорах требует не декларативного расширения доступности, а точного правового механизма раннего информирования о возможности медиации, интеграции обязательной первичной медиативной встречи в гражданский процесс, объективных критериев применимости и исключений, а также финансирования и контроля качества медиации.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140445> (дата обращения: 02.02.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025). // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (дата обращения: 02.02.2026).

3. Семейный кодекс Российской Федерации: кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). Ст. 24, 65. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925> (дата обращения: 04.02.2026).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.12.2025). Ст. 333.19, 333.40. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058> (дата обращения: 10.02.2026).

5. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009> (дата обращения: 10.02.2026).

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2025 № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных Российских духовно-нравственных ценностей на период до 2036 года». – URL: <http://static.government.ru/>

от 27.07.2010 № 193-ФЗ и ГПК РФ, а также при проектировании порядка направления сторон к медиатору и учета результатов примирительных процедур в судах общей юрисдикции.

<media/files/F97eQrqZ69i8LtMF46bxjpeFG5WesvI4.pdf> (дата обращения: 04.02.2026).

7. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей (форма № 2 (полугодовая): 1 полугодие 2024 г.; 1 полугодие 2025 г.). – URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 10.02.2026).

8. Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. (ред.). Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2023. 272 с.

9. Плешанов А. Г. Унификация норм о примирительных процедурах и ее основные параметры (по Федеральному закону от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // Юридическая наука. 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unifikatsiya-norm-o-primiritelnyh-protsedurah-i-ee-osnovnyye-parametry-po-federalnomu-zakonu-ot-26-07-2019-197-fz> (дата обращения: 06.02.2026).

10. Летова Н. В. Медиация как способ урегулирования семейных споров // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3. С. 189–199. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199. – URL: https://vestnik-rpa.com/pdf/2024/3/vestnik_rpa_3_2024_Letova_NV.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

11. Попов П. П., Гапченко В. С., Игнатович А. В. Обязательная предварительная встреча с медиатором как средство эффективного разрешения семейных конфликтов // Педагогика: история, перспективы. 2020. Т. 3, № 5. – URL: <https://dpo-journal.ru/index.php/pvsvz/article/view/145> (дата обращения: 10.02.2026).

FAMILY MEDIATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: COURT STATISTICS AND THE PROCEDURAL STRUCTURE OF THE MANDATORY FIRST MEETING WITH THE MEDIATOR

Safronenko I. A.

This article examines the actual use of mediation in family disputes and the development of a procedurally neutral model for mandatory initial pre-trial meetings with a mediator in family cases as one measure to improve family law, including strengthening the institution of marriage and family support. Based on official judicial statistics (“Report on the Work of Courts of General Jurisdiction in the Consideration of Civil and Administrative Cases at First Instance” (Form No. 2, semi-annual), it is shown that conciliatory outcomes, recorded in the reports as “mediation, judicial conciliation,” in family cases remain statistically insignificant. This suggests that mediation in family disputes is not being fully utilized, despite the existence of a regulatory framework for its use. However, mediation does contribute to reducing conflict, developing sustainable agreements regarding children and property matters, and preventing repeated court filings. Based on the aggregated indicator of cases arising from family legal relations, the number of proceedings terminated following mediation or judicial reconciliation amounted to 258 (for the first half of 2024) and 267 (for the first half of 2025), respectively, out of 41,018 and 32,679 total terminated proceedings in this category of cases for the corresponding periods. Thus, the number of cases terminated specifically as a result of mediation or judicial reconciliation amounts to only 0.629% (for the first half of 2024) and 0.817% (for the first half of 2025) of the total number of terminated cases in family legal relations. For cas-

es directly related to the dissolution of marriage between spouses with children, the corresponding figure is even lower, amounting to 39 terminations as a result of mediation and judicial reconciliation (out of 20,063 cases terminated) in the first half of 2024 and 15 (out of 12,886 cases terminated) in the first half of 2025—that is, 0.194% and 0.116%, respectively. Since Form No. 2 does not distinguish between mediation and judicial reconciliation for family disputes, the figures given should be considered the upper limit of mediation's contribution to the judicial segment.

In order to reduce the number of family disputes, a model of a mandatory initial meeting (an information session and consultation with a mediator, not equated with the beginning of the mediation procedure) is proposed, with applicability criteria, a list of exceptions (domestic violence, urgent judicial protection, objective impossibility of equal participation, etc.), procedural consequences and measurable indicators of the effectiveness of implementation.

Keywords: Family disputes, mediation, judicial reconciliation, conciliation procedures, mandatory pre-trial procedure, settlement agreement, access to justice, interests of the child.

References

1. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ "On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140445> (accessed: February 2, 2026).
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 15, 2025). // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (accessed: February 2, 2026).
3. Family Code of the Russian Federation: Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024). Art. 24, 65. // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925> (accessed: 04.02.2026).
4. Tax Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended on 15.12.2025). Art. 333.19, 333.40. // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102067058> (accessed: 10.02.2026).
5. Federal Law of 12.07.2024 No. 176-FZ "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on the Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation." // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407120009> (accessed: 10.02.2026).
6. Order of the Government of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 3999-r «On Approval of the Action Plan («Roadmap») for the Implementation of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values for the Period up to 2036.» – URL: <http://static.government.ru/media/files/F97eQrQZ69i8LtMF46bxjpeFG5WesvI4.pdf> (accessed: 04.02.2026).
7. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Consolidated Statistical Information on the Activities of Federal Courts of General Jurisdiction and Justices of the Peace (Form No. 2 (semi-annual): 1st half of 2024; 1st half of 2025). – URL: <https://cdep.ru/?id=79> (date accessed: 10.02.2026).
8. Nosyreva E. I., Filchenko D. G. (eds.). Negotiations in Civil Law and Civil Procedure: Monograph. Moscow: Statut, 2023. 272 p.
9. Pleshanov A. G. Unification of Norms on Conciliation Procedures and Its Main Parameters (according to Federal Law of 26.07.2019 No. 197-FZ) // Legal Science. 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/unifikatsiya-norm-o-primiritelnyh-protsedurah-i-ee-osnovnye-parametry-po-federalnomu-zakonu-ot-26-07-2019-197-fz> (date of access: 06.02.2026).
10. Letova N. V. Mediation as a Method of Resolving Family Disputes // Bulletin of the Russian Law Academy. 2024. No. 3. pp. 189–199. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199. – URL: https://vestnik-rpa.com/pdf/2024/3/vestnik_rpa_3_2024_Letova_NV.pdf (date of access: 10.02.2026).
11. Popov P. P., Gapchenko V. S., Ignatovich A. V. Mandatory preliminary meeting with a mediator as a means of effective resolution of family conflicts // Pedagogy: history, prospects. 2020. Vol. 3, No. 5. – URL: <https://dpo-journal.ru/index.php/pvsz/article/view/145> (date of access: 10.02.2026).

Срок исковой давности по требованию о признании обязательств супругов общими в деле о банкротстве

Сергеев Георгий Олегович,
аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета
E-mail: georgysergeev1999@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы применения и определения момента начала течения срока исковой давности по требованию о признании обязательств должника общими обязательствами супругов в деле о банкротстве.

Ключевые слова: признание обязательств супругов общими, срок исковой давности, банкротство, требования кредиторов

Значительный рост потребительского банкротства, наблюдаемый в последние годы, поставил перед арбитражными судами сложные вопросы в области гражданского и семейного права, а также арбитражного процесса, актуальность которых в отечественном правовом порядке назрела на протяжении многих лет. В числе наиболее дискуссионных направлений судебной практики выделяется категория споров о признании требования кредитора к должнику общим обязательством супругов, получившая активное развитие в рамках дел о банкротстве граждан.

Предписания действующего позитивного российского права устанавливают презумпции активов и пассивов супругов: активы презюмируются общими (ст. 34 СК РФ), а пассивы презюмируются личными (ст. 45 СК РФ). Так как презумпция личного характера обязательства должника является лишь установленным законодателем предположением, то она может быть опровергнута кредитором в рамках состязательного процесса.

При опровержении презумпции личного характера обязательства кредитор получает право обращения взыскания не только на личное имущество должника и причитающуюся ему долю в общем имуществе супругов, а на все общее имущество супругов, а при его недостаточности – на личное имущество супруга должника. Это обуславливает очевидный экономический интерес кредитора в опровержении презумпции личного характера обязательства должника – увеличение потенциального размера удовлетворения требования за счет дополнительной имущественной массы.

При предъявлении в деле о банкротстве требования о признании обязательства общим, супругу как ответчику доступны возражения об истечении давности, нивелирующие процессуальные притязания заявителя. Доктрина и правоприменительная практика до сих пор не выработали единообразных подходов по вопросам, связанным с применением института исковой давности по указанной категории споров, что создает существенные риски как для кредиторов, так и для супругов должников и, как следствие, подтверждает актуальность поднятого вопроса.

Продолжительное время в правоприменительной практике арбитражных судов кассационной инстанции практически полностью доминировал подход о неприменении срока исковой давности к требованиям о признании долга общим [1]. Наиболее распространенная аргументация сводилась к тому, что такое притязание: (1) не является требованием о взыскании, а направлено на распределение средств от реализации имущества [2]; (2) носит процедурный характер, целью разрешения является констатация наличия либо отсутствия юридического факта [3]; (3) носит констатирующий характер и не предполагает выдачу исполнительного листа [4].

Еще большую неопределенность в рассматриваемый вопрос и судебную практику внес Верховный суд РФ в определении по делу Е.М. Темниковой [5]. На разрешение экономической коллегии передан следующий вопрос: возможно ли возбуждение процедуры банкротства в отношении супруга должника на основании судебного акта о признании долга общим, при отсутствии решения суда о взыскании долга? Коллегия ответила отрицательно, указав, что нельзя инициировать процедуру банкротства супруга должника по судебному акту, устанавливающему общий долг.

Несмотря на то, что вопросы срока исковой давности не были предметом рассмотрения Верховного суда РФ в вышеуказанном деле, изложенная в судебном акте позиция впоследствии получила расширительное толкование (и значительное распространение) в судебной практике именно при разрешении вопроса о применении давностного срока. Наглядным примером является дело из Уральского округа, в котором судебные акты суда первой и апелляционной инстанции были приняты до рассмотрения вышеуказанного дела Верховного суда РФ и по ним судами был применен срок исковой давности, а постановление кассационного суда, выражавшее несогласие с позицией о применимости срока исковой давности, уже после.

Мотивируя отказ в удовлетворении притязаний кредитора, суды исходили из истечения срока исковой давности. По их мнению, начало течения данного срока надлежит исчислять по истечении шести месяцев с момента вступления в законную силу решения о взыска-

нии. Именно этот временной промежуток, как полагали суды, является достаточным для того, чтобы добросовестный взыскатель, действуя разумно, мог получить информацию о результатах исполнительного производства, выяснить семейное положение должника и также оценить перспективы инициирования спора о признании долга общим.

Кассационная инстанция не согласилась с таким подходом, подчеркнув принципиальное различие в правовой природе заявленного требования. Как отметил суд округа, предметом обращения выступало не взыскание задолженности, а требование о признании обязательства общим. Ввиду указанной специфики, резюмировал кассационный суд, институт исковой давности к подобного рода заявлениям неприменим [6].

При всей устойчивости в судебной практике правовой позиции арбитражных судов кассационной инстанции, не распространяющей исковую давность на подобные требования, такой подход вызывает обоснованные сомнения с точки зрения справедливого соотношения интересов сторон. Ведь имущественные права супруга должника умаляются за счет удовлетворения требований кредитора – супруг должника лишается права получения части средств, соответствующей его доле в общем имуществе, вырученных от реализации общего имущества.

Доктрина цивилистического процесса традиционно выделяет три вида исковых притязаний: (1) о признании (установительные, декларативные); (2) о присуждении (исполнительные); (3) о преобразовании (конститутивные). Правовая квалификация притязания определяется по его содержанию, а не по наименованию (в данном случае – как требования о признании) и обусловлена процессуальной целью иска, а также правовыми последствиями его удовлетворения.

Если рассматривать предложенный казус применительно к общим догматическим соображениям, то в соответствии с традиционными научными представлениями об установительных притязаниях известна позиция, что по искам о признании давность не течет (В.М. Гордон, 1906 [7]; М.А. Гурвич, 1961 [8]; Е.А. Крашенинников, 1997 [9]). Следовательно, в случае отнесения требования о признании долга общим к установительному притязанию давность по нему применяться не должна.

В рассматриваемой проблеме квалифицировать требование как иск о признании затруднительно, поскольку для исков о признании характерно отсутствие понуждения ответчика к активным действиям и фактического присуждения к исполнению. В данном случае, супруг должника присуждается к исполнению по обязательству должника.

Представляется, что формальное отнесение притязания кредитора к «процедурному», не направленному на взыскание денежных средств, не учитывает реальных последствий его удовлетворения. Результатом признания обязательства общим является возможность обращения взыскания на долю в имуществе второго супруга, то есть реализация прямого имущественного интереса кредитора. Требования кредиторов о признании обязательств должника общими обязательствами супругов являются притязаниями имущественного характера и, направлены на защиту права кредитора, что обуславливает вывод о необходимости применения исковой давности к таким притязаниям.

В пользу применения исковой давности к требованиям о признании долга общим могут быть приведены и политико-правовые доводы (общего характера). Неприменение давности ставит супруга должника в неограниченный по времени риск лишения не только общего, но и личного имущества, что противоречит базовым принципам правопорядка, включая принцип правовой определенности, стабильности гражданского оборота и защиты добросовестного участника правоотношений.

Позиция о неприменимости срока исковой давности по существу означает бессрочную угрозу имущественным интересам супруга должника, независимо от того, насколько давно возникло само обязательство. Такой подход игнорирует само предназначение института исковой давности, введение которого законодателем наряду с иными причинами обусловлено, в том числе, невозможностью для ответчика по истечении длительного времени эффективно защищаться против предъявленного требования ввиду объективных сложностей со сбором и сохранением доказательств.

Дискуссия о распространении давности на заявления кредиторов о квалификации долга в качестве общего сохраняет свою актуальность, как и вопрос о том, как определять начало ее течения. Ключевым этапом в унификации подходов судов стала фиксация правовой позиции в п. 48 «Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан» (далее – Обзор), призванная устранить имеющиеся противоречия. Верховный Суд РФ дезавуировал прежде доминировавшую судебную практику, задав иной вектор развития: требование квалифицировано как иск о присуждении, на который распространяется общий срок исковой давности [10].

Приведенная в Обзоре позиция не ограничивается указанием на применимость исковой давности к требованию о признании обязательства общим, но затрагивает и вопрос определения момента начала течения соответствующего срока – выведено общее правило о том, что срок исковой давности для предъявления требований к солидарным должникам начинает течь в один и тот же день (абз. 7 п. 48 Обзора). В тоже время допускается исключение из общего правила – если о направлении предоставленного должнику на общие нужды семьи кредитор узнал в банкротстве (абз. 10 п. 48 Обзора).

К сожалению, в Обзоре не получили освещения правовые позиции кассационных судов, действительно заслуживающие внимания высшей судебной инстанции. Например, нетипичная для данной категории спора аргументация по рассматриваемому вопросу приведена кассационным судом Уральского округа, который указал, что такой иск: «напрямую вытекает из семейных отношений и основан на положениях СК РФ. Согласно п. 1 ст. 9 СК РФ на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется. Срок исковой давности для иска о признании обязательств супругов общими СК РФ не установлен, в связи с чем к рассматриваемым правоотношениям исковая давность не применяется» [11].

Закрепляя сформулированный в Обзоре правовой подход, Верховный Суд РФ рассмотрел дело М.С. Иванова по вопросу применения исковой давности к требованию о признании долга общим [12]. В процедуре банкротства кредитором инициирован спор о квалификации долга в качестве общесупружеского (об опровержении презумпции), в рамках которого со стороны должника последовало возражение об истечении давностного срока.

Суды отклонили заявление о пропуске срока исковой давности, мотивировав это тем, что на требование об установлении долга общим срок давности не распространяется. Аргументация судов строилась на выработанном в правоприменительной практике подходе, согласно которому данное «требование не связано со взысканием денежных средств, а направлено на определение порядка распределения выручки от реализации совместно нажитого имущества».

Верховный Суд РФ применил позицию, изложенную в абз. 6 п. 48 Обзора (о квалификации требования как иска о присуждении) и отметил, что, признавая требование неподпадающим под действие давности, суды не указали, к какому из исключений, предусмотренных ст. 208 ГК РФ (и иными законами), оно относится. Иными словами, нормативных оснований для изъятия данного требования из-под действия исковой давности не имеется. Вместе с тем, указав на подверженность требования о признании долга общим погашающему воздействию исковой давности, вопрос об ее исчислении остался открытым.

Несмотря на крайнюю актуальность вопроса в судебной практике, доктрина до сих пор не предложила его содержательного разрешения, ограничиваясь констатацией общих правил. Между тем вопрос об исчислении срока исковой давности по требованиям о признании обязательств общими неизбежно возникнет в судебной практике вновь (и, вероятно, уже в качестве основного). В этой связи своевременная выработка наукой обоснованных критериев и подходов приобретает не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение.

Отечественным позитивным правом предусмотрен двухэлементный состав, запускающий давностный срок – с момента, когда лицо знает (или должно знать): (1) о факте нарушении права; (2) о надлежащем ответчике (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Исходя из фундаментального принципа «для неспособного к защите давность не течет» судебной практикой выработан подход о необходимости наличия третьего элемента – знания об основаниях предъявления иска [13]. Возникает вопрос: когда кредитор может разумно предполагаться знающим об основаниях для предъявления иска?

Представляется неразумным требовать от кредитора чрезмерной осмотрительности в судебном процессе о присуждении должника к исполнению, подразумевающей выяснение вопросов, не связанных с предметом спора: о том, состоит ли должник в браке и было ли направлено полученное по обязательству на нужды семьи.

Иногда суды связывают течение срока исковой давности с возможностью установления необходимых кредитором обстоятельств для заявления требования об общности долга при принудительном исполнении решений о взыскании с должника денежных средств в исполнительном производстве. При применении такого подхода следует установить, проводились ли в рамках исполнительного производства мероприятия, в результате которых кредитор мог получить информацию о том, кто является супругом (личности), а также об основаниях (фактах) для возникновения реальной возможности по реализации притязания к ответчику.

Учитывая, что вопрос определения момента начала исчисления давности весьма оценочный, то его решение напрямую зависит от фак-

тических обстоятельств конкретного конкурсного процесса и обстоятельств, предшествовавших ему. Как правило, реальная возможность получения информации о судьбе предоставления (актива) в адрес должника возникает у кредитора после введения в отношении должника процедуры банкротства.

В рамках исполнительного производства у кредитора отсутствует возможность обязать должника и (или) супруга должника раскрыть сведения относительно внутренних взаимоотношений супругов и судьбе предоставленного финансирования под риск признания долга общим или неосвобождения должника от исполнения обязательств перед кредитором. Такая возможность у кредитора имеется только в судебном процессе. Риск непредставления таких сведений со стороны должника и (или) супруга должника не может возлагаться на кредитора. Инициировать процесс о признании долга общим кредитор может при наличии той совокупности доказательств (как правило косвенных), которая позволила выдвинуть минимальные сомнения в личном характере обязательства должника.

По смыслу упомянутых правовых норм и подходов судебной практики при определении момента начала течения срока исковой давности по заявлению о признании обязательства должника общим обязательством супругов в процедуре банкротства необходимо учитывать, что срок исковой давности не может начать течь ранее момента возникновения у кредитора объективной возможности для реализации притязания.

Таким образом, начало течения срока исковой давности определяется моментом с которого кредитор знает или может разумно предполагаться знающим о нарушении своих прав, о личности надлежащего ответчика и об основаниях для предъявления требования. Кредитор не имеет объективной возможности для реализации требования до тех пор, пока ему не станет известно о матримониальном статусе должника (нахождении в браке) и о том, кто именно является его супругом (личности ответчика).

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.07.2023 № Ф06–9039/2021 по делу № А72–12782/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.03.2023 № Ф05–847/2022 по делу № А40–160346/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.08.2023 № Ф04–6696/2019 по делу № А27–18167/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.02.2024 № Ф09–1318/23 по делу № А50–28676/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 № 309-ЭС22–16470 по делу № А71–2503/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.04.2023 № Ф09–8721/19 по делу № А76–9287/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гордон В.М. Иски о признании. Ярославль, 1906.

8. Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961.

9. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997.

10. «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.11.2023 № Ф09–9078/22 по делу № А60–8281/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение СКЭС ВС РФ от 24.10.2025 № 307-ЭС25–6752 по делу № А56–13766/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.02.2019 № 305-ЭС16–20779(32) по делу № А40–154909/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

THE LIMITATION PERIOD FOR A CASE ON RECOGNITION OF COMMON OBLIGATIONS OF SPOUSES IN A BANKRUPTCY CASE.

Sergeev G.O.

St. Petersburg State University

The article examines the issues of application and determination of the moment of commencement of the limitation period for the claim for recognition of the debtor's obligations as common obligations of spouses in a bankruptcy case.

Keywords: recognition of spouses' obligations as common, statute of limitations, bankruptcy, creditors' claims

References

1. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated July 21, 2023, No. F06–9039/2021 in case No. A72–12782/2017 // SPS "ConsultantPlus".
2. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated March 14, 2023, No. F05–847/2022 in case No. A40–160346/2016 // SPS "ConsultantPlus".
3. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated August 8, 2023, No. F04–6696/2019 in case No. A27–18167/2018 // SPS "ConsultantPlus".
4. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated February 26, 2024 No. F09–1318/23 in case No. A50–28676/2021 // SPS "ConsultantPlus".
5. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2022 No. 309-ES22–16470 in case No. A71–2503/2021 // SPS "ConsultantPlus".
6. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated April 6, 2023 No. F09–8721/19 in case No. A76–9287/2018 // SPS "ConsultantPlus".
7. Gordon V.M. Claims for Recognition. Yaroslavl, 1906.
8. Gurvich, M.A., "Preventive Statutes of Limitations in Soviet Civil Law." Moscow, 1961.
9. Krashenninnikov, E.A., "The Concept and Subject of the Statute of Limitations." Yaroslavl, 1997.
10. "Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Individuals" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 18, 2025) // SPS "ConsultantPlus".
11. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated November 1, 2023, No. F09–9078/22, Case No. A60–8281/2022 // SPS "ConsultantPlus".
12. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 24, 2025 No. 307-ES25–6752 in case No. A56–13766/2023 // SPS "ConsultantPlus".
13. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2019 No. 305-ES16–20779(32) in case No. A40–154909/2015 // SPS "ConsultantPlus".

Сморгунова Валентина Юрьевна,
доктор философских наук, профессор
E-mail: prof_smorgunova@mail.ru

Мухудадаев Магомед Османович,
доктор политических наук, доцент
E-mail: theorylaw02@mail.ru

Садакова Диана Анатольевна,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: sadakovadiana@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы организации гражданско-правового образования в средних и высших образовательных учреждениях. Реализация данной модели в аудиторном и внеаудиторном форматах. Трансформация понятия гражданственности в условиях современных социальных процессов. Роль внеучебной деятельности, в частности, волонтерской в формировании гражданских компетенций.

Ключевые слова: гражданско-правовое образование, гражданско-правовые добродетели, гражданственность, патриотизм, глобальные социальные процессы.

В современном российском образовательном пространстве, обладающем глубокими историческими корнями в сфере воспитания гражданина, наблюдается определенный переход от модели гражданско-го наставничества к междисциплинарному взаимодействию. Прямая трансляция установок в аудиторном формате признаётся малоэффективной, что стимулирует педагогическое сообщество к поиску новых моделей формирования правовой культуры и гражданской идентичности. «Правовая культура молодежи формируется под воздействием роста её гражданской компетентности, а гражданская компетентность, в свою очередь, повышается в силу приобщения личности к наличествующей в обществе гражданско-правовой культуре»¹. Одним из перспективных направлений считается междисциплинарная интеграция гражданско-правовых принципов в образовательный процесс на всех уровнях, что позволяет закладывать основы правосознания в рамках изучения различных предметов. Параллельно получают развитие и внеучебные программы, направленные на активизацию гражданской позиции обучающихся. Тем не менее, в учебные планы продолжают включаться и специальные дисциплины, фокусирующиеся на основах гражданско-правовых знаний.

На современном этапе «гражданское образование» представляет собой комплексный воспитательно-образовательный феномен, объединяющий социально-правовые знания, а также обучение в сфере прав человека. Последнее определяется как целенаправленный процесс воспитания, информирования, просвещения и практической деятельности, призванный вооружить обучающихся соответствующими знаниями, умениями, сформировать понимание, установки и модели поведения. Конечная цель такого образования – расширение возможностей личности для содействия укреплению универсальной культуры прав человека в обществе и защиты основных свобод.

В научно-педагогической практике сложился ряд ключевых моделей организации гражданско-правового образования.

- Междисциплинарная модель: интеграция гражданско-правового содержания в структуру различных учебных предметов, исходя из убеждения, что становление правосознания и правовой культуры требует совокупного воздействия всей образовательной среды.
- Модульная модель: включение отдельных граждановедческих компонентов в содержание смежных дисциплин.
- Метапредметная (сквозная) модель: принципы гражданственности и правовой культуры пронизывают всю образовательную программу.

Основными содержательными элементами современного гражданско-правового образования в России выступают:

- становление гражданина как самостоятельной независимой личности, которая добровольно принимает на себя ряд обязательств по реализации определённых государством и обществом стандартов поведения, а также принятие на себя ответственности за выполнение правовых норм и норм морали и нравственности;
- принятие экономических, социально-правовых, общекультурных обязательств, свойственных гражданам, прописанных в нормативно-правовых актах и существующих в виде основополагающих социально-культурных принципов: забота о себе, семье, окружающих, справедливость², уважение их прав и свобод, реализация общественных обязанностей (например, голосование, уплата налогов, забота о благоустройстве и т.п.);
- уважение прав и свобод других, их человеческого достоинства, терпимое отношение к представителям других взглядов, культур, национальностей, религий и т.п.;
- руководство при принятии решений прежде всего универсальными общечеловеческими принципами, в особенности, если происходит столкновение разных взглядов, традиций, идей;
- участие в общегражданских делах, подчинение собственных интересов общему благу;
- поддержка функционирования социальных и правовых институтов;
- уважение к закону и развитие личной инициативы;

¹ Сморгунова В. Ю. Человеческое измерение права. Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 300 с. С. 224

² Ильин А. В., Карамышев О. М., Юдина М. И. Конституционные аспекты справедливости в отечественном праве // Жива ли справедливость в праве?.. – СПб.: Алетейя, 2022. С. 163–212

— критическое мышление и противостояние манипуляции со стороны кого бы то ни было, выработка самостоятельности и независимости суждений, рациональное обоснование собственной позиции.

Для реализации данных содержательных элементов и смыслов помимо аудиторной работы важную функциональную роль играет внеаудиторная деятельность. В рамках этой работы проводится становление навыков критического мышления, гражданственности, формирование гражданско-правовых ценностей, навыков гражданской активности.

В рамках научного и общественного дискурса разработаны подходы к организации гражданско-правового образования: интегративный, институционально-ценностный и системный.

Основное содержание интегративного подхода состоит в том, что гражданско-правовое образование не самостоятельно, а представляет собой одно из направлений в социально-научных дисциплинах. Это может быть отдельный курс в школе или вузе, в котором интегрируются содержание социальных наук, в целом, и правовых наук, в частности.

Ряд исследователей концентрируется на правовой составляющей гражданско-правового образования, понимая его ядром сущность и содержание правового государства. Следовательно, основополагающей целью гражданско-правового образования можно считать правовую социализацию, самореализацию. Гражданско-правовое образование само по себе предполагает в контексте эмоционально-оценочного, ценностного, когнитивного и деятельностного освоения правовой реальности социума наличие специализированного гражданско-правового образования, которое как бы погружено в социально-духовное пространство, в котором реализуется вовлечение молодежи в жизнь гражданского общества. Это можно считать важным для развития правосознания молодежи¹.

Институционально-ценностный подход особый акцент делает на понятии гражданственности. Следовательно, сущность гражданско-правового образования состоит в том, все его инструменты направлены на становление ответственного гражданина, который осмысленно разрабатывает свою социально-правовую позицию. Важным вопросом становится формирование личности с присущими ей гражданскими качествами и добродетелями. Нужно отметить, что подобная гражданско-правовая позиция формируется в сложном и противоречивом процессе развития и воспроизводства социальных связей и внутри социума. Отдельно взятая личность играет в этом процессе важную роль, в особенности, когда находится в процессе становления гражданственности, и тогда гражданско-правовые добродетели выполняют нормативно-регулирующую функцию в обществе и цементируют традиционные устои государства². Одной из важнейших гражданско-правовых добродетелей в процессе образовательно-воспитательной деятельности на юридическом факультете можно считать законопослушность («подчинение закону»). Законопослушность рассматривается как «феномен социальной, гражданской жизни и качество человеческого умовосприятия, нравственности, деятельности и отношения»³, становясь предметом философской и теоретико-правовой рефлексии.

На основе проблем реальной жизни в процессе обучения и воспитания должна сформироваться ценностная составляющая правовой личности. Преподавателю и наставнику необходимо помнить о существовании и влияние на становление личности как личностных, так и социальных кризисов, несомненно, накладывающих отпечаток на данные процессы⁴. В современных исследованиях фигурируют некоторые негативные выводы относительно правовой социализации молодежи, связанные со следующими основополагающими факторами: деформация включения человека в те или иные социальные структуры; отсутствие фундаментальной необходимости в реализации собственной гражданской позиции; деформация семейного отношения к воспитанию, — всё это ведёт к отсутствию значимых ориентиров в будущем и свидетельствует о необходимости дальнейшего развития гражданско-правового образования⁵.

Это придаёт дисциплинам, входящим в цикл гражданско-правового образования ценностно-воспитательный аспект, и воспитательное воз-

действие на обучающихся признаётся ведущим. В этом случае оно может носить как формальный, так и неформальный характер, осуществляться как в классе/аудитории, так и вовне.

Представители системного подхода к гражданско-правовому образованию предполагают, что оно должно носить целенаправленный системный характер, оказывать формирующее воздействие на правосознание и правовую культуру путём развития основных компетенций, таких как критическое мышление, креативность, гражданственность и т.п. Понимаемое в системном ключе гражданско-правовое образование имеет целью преобразование имеющейся системы образования. Основная идея — это формирование специфического образовательного пространства, в котором происходит влияние на то, как человек мыслит, как формирует своё поведение. Такое образование не нейтрально по отношению к обучающимся, поскольку очень важным представляется сам результат.

В рамках гражданско-правового образования было бы целесообразно использовать такие образовательные технологии, как проблемное обучение, критический анализ. Это позволяет педагогам рассматривать и подвергать анализу как современные, так и исторические проблемы, что позволяет провести аналогии и на примере показать, как появляются конфликтные ситуации, какие условия способствуют эскалации, какие могут быть предприняты меры и в каком контексте они могут сработать. Как правило, такая методика вызывает интерес у обучающихся, что, в свою очередь, влечёт формирование внутренней мотивации. Ещё одним позитивным моментом такого рода обучения можно считать рефлексия, которая требует приложения определённых сформированных навыков, умений и приобретённых ценностей.

Для положительной имитации профессионального процесса стоит использовать деловые игры, тренинги, мастер-классы. В игровом пространстве можно прожить неприятные ситуации, связанные с правовым и морально-нравственным выбором. Впоследствии реальные ситуации не станут неожиданными, и обучающиеся смогут сориентироваться в ситуации и принять верное решение.

Необходимо включать студентов и школьников во внеучебную деятельность образовательной организации: студенческие и школьные советы, научные общества, дискуссионные клубы, научно-практические конференции, социальные проекты, конкурсы и акции. Возможно, окажется успешной волонтерская деятельность, в рамках которой обучающиеся приобретут навыки оказания бескорыстной помощи, что значительно повысит уровень их правовой культуры.

Содействием формированию активной гражданской позиции может оказать авторитетный наставник. Например, это мог бы быть куратор учебных групп, классный руководитель, лицо, отвечающее за воспитательную работу, организующее школьные и внешкольные мероприятия. Но очень важно, чтобы его слова и поступки были значимыми для обучающихся. Транслируемые им ценности не подвергались бы отрицанию и проверке, как это часто случается с теми идеями, которые обычно преподносят в рамках обычно сложившегося образовательного процесса.

Обучающиеся вовлекаются в структурированную спланированную педагогом дискуссию на занятиях, в рамках которой могут быть обсуждены разные позиции по поводу одной и той же проблемы, а также потенциальные последствия. Обучающиеся могут в силу своего знания и понимания ситуации, своей осведомлённости попытаться принять решение и обсудить его в группе. «В течение лекции преподавателю необходимо постоянно ставить вопросы, это стимулирует студентов к осмыслению изучаемых проблем, к пониманию того, что могут быть положительные и отрицательные стороны, разные позиции, несколько вариантов решения. Задавая вопрос, преподаватель ведёт обсуждение, но не наводит на ответ, который кажется верным именно ему»⁶. В процессе такого обучения эффективно развивается мышление, а также происходит сверка самых разнообразных взглядов. Иногда просто узнать, что на одну и ту же ситуацию разные люди смотрят по-разному, может стать значимым для развития правовой культуры. Это важно с точки зрения формирования конструктивного поведения в рамках конфликтной ситуации: мы привыкли видеть в конфликтах негативный социальный фактор, однако конфликтологи настаивают, что конфликты могут способствовать более широкому обсуждению взаимных разногласий, что расширяет возможности по урегулированию. В будущем это будет способствовать уменьшению потенциальной возможности проявления таких негативных проявлений молодёжной

¹ Липинский Д. А., Иванов А. А. Правосознание и юридическая анония // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 114–127

² Сморгунова В. Ю. Лояльность как феномен правовой культуры // История государства и права. 2007. № 6. С. 35–37.

³ Сморгунова В. Ю. Человеческое измерение права. Монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — 300 с. С. 15

⁴ Калинина Е. Ю. Кризисное правосознание молодежи в период общественных трансформаций / Семейная медиация в ювенальной политике. Сборник статей международной научно-практической конференции. — СПб.: Алеф-пресс, 2014. С. 98–100.

⁵ Мухадаев М. О., Садакова Д. А. Содержание гражданско-правового образования: история и современность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 65–70.

⁶ Сморгунова В. Ю., Калинина Е. Ю. Современные образовательные технологии в обучении на юридическом факультете: формирование правосознания и становление профессионала // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 191. С. 21–31. С. 29

активности как экстремизм¹ и будет способствовать минимализации вовлечения детей и подростков в подобную деятельность посредством мошеннических акций.

В связи с глобализационными процессами понятие гражданственности выходит на новый уровень: это и понимание человека как гражданина своей страны, но также и как представителя культурного и национального сообщества. Гражданственность приобретает расширенные черты и характеристики. Во многом эта характеристика (или компетенция) связана с другой, близкой по смыслу, но в другой понятийной плоскости, патриотизмом. Патриотизм обладает энергией интеграции людей во взаимодействие, в том числе, путём формирования пространства исторической памяти². Согласно нашей авторской концепции, «сообщество, способствуя эмоционально-оценочному и организационно-деятельностному их объединению, развитию их правовой культуры, выступая тем самым фактором укрепления правового порядка и стабилизации общественной жизни в рамках определённого социума»³.

Глобальный элемент концепта гражданственность включает в себя формирование включённости обучающегося в глобальные проблемы человечества (климатическая проблема, глобальное потепление, глобальное засорение мирового океана пластиком, ухудшение качества озонового слоя Земли, глобальные экологические проблемы, насилие, неграмотность, нарушение прав человека в странах третьего мира, нетерпимость, дискриминация, ксенофобия и т.п. Результатом такого воспитания становится формирование личности, которая озабочена глобальными проблемами. Мировые проблемы становятся личными.

Национальный компонент демонстрирует взаимную детерминацию понятий гражданственности и государства. С правовой точки зрения гражданство связано с определённым государством, это, собственно, и есть, в соответствии с российским законодательством, устойчивая связь человека и государства, имеет отношение к формированию нации. «Человек, приобретший в процессе социализации гражданскую позицию, не может её лишиться; она может измениться преобразоваться, но она навсегда прописывается в правовой, гражданско-правовой культуре человека»⁴.

Современный элемент связан с предположением о формировании нового типа взаимоотношений между индивидом и государством. В частности, речь идёт о цифровой трансформации общества, в рамках которой рушатся прежние устойчивые связи и появляются новые, смысл которых находится в процессе становления. В частности, речь идёт о цифровом социально-правовом пространстве, которое представляется виртуальным, эфемерным. В нём перестают действовать привычные нам законы и правила, в том числе, правовые.

Литература

1. Ильин А.В., Карамышев О.М., Юдина М.И. Конституционные аспекты справедливости в отечественном праве // Жива ли справедливость в праве? – СПб.: Алетейя, 2022. С. 163–212
2. Калинин Е.Ю. Кризисное правосознание молодёжи в период общественных трансформаций / Семейная медиация в ювальной политике. Сборник статей международной научно-практической конференции. – СПб.: Алеф-пресс, 2014. С. 98–100.
3. Липинский Д. А., Иванов А.А. Правосознание и юридическая аномия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 114–127.
4. Мухудадеев М.О., Садакова Д.А. Содержание гражданско-правового образования: история и современность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 191. С. 65–70.

5. Нижник Н.С. Память о Великой Отечественной войне как детерминанта патриотического воспитания курсантов Санкт-Петербургского Университета МВД России // Актуальные направления развития стратегии патриотического воспитания. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Великой Победы. – Краснодар, 2025. С. 152–156.

6. Рукинов В.А., Садакова Д.А. Толерантность как противодействие экстремизму и социокультурным конфликтам в молодежной среде // Экономика, педагогика и право. 2018. № 4. С. 1.

7. Сморгунова В.Ю. Лояльность как феномен правовой культуры // История государства и права. 2007. № 6. С. 35–37.

8. Сморгунова В.Ю. Патриотическое правосознание как предмет компаративного анализа // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 18–23.

9. Сморгунова В.Ю. Человеческое измерение права. Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – 300 с.

10. Сморгунова В.Ю., Калинин Е.Ю. Современные образовательные технологии в обучении на юридическом факультете: формирование правосознания и становление профессионала // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 191. С. 21–31. С. 29

LEGAL CONCEPTS AND THE MISSION OF CIVIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

Smorgunova V.Yu., Mukhudadaev M.O., Sadakova D.A.

This article examines the organization of civic education in secondary and higher educational institutions. The implementation of this model in both classroom and extracurricular formats. The transformation of the concept of citizenship in the context of modern social processes. The role of extracurricular activities, particularly volunteering, in the development of civic competencies.

Keywords: civic education, civic virtues, citizenship, patriotism, global social processes.

References

1. Ilyin A.V., Karamyshev O.M., Yudina M.I. Constitutional Aspects of Justice in Domestic Law // Is Justice Alive in Law? – St. Petersburg: Aleteya, 2022. pp. 163–212
2. Kalinina E. Yu. Crisis Legal Awareness of Young People during Social Transformations / Family Mediation in Juvenile Policy. Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: Alef-Press, 2014. pp. 98–100.
3. Lipinsky D.A., Ivanov A.A. Legal Awareness and Legal Anomie // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (67). pp. 114–127.
4. Mukhudadaev M.O., Sadakova D.A. The Contents of Civil and Legal Education: History and Modernity // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2019. No. 191. Pp. 65–70.
5. Nizhnik N.S. Memory of the Great Patriotic War as a Determinant of Patriotic Education of Cadets of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Current Directions for the Development of the Strategy of Patriotic Education. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Great Victory. – Krasnodar, 2025. Pp. 152–156.
6. Rukinov V.A., Sadakova D.A. Tolerance as a Counteraction to Extremism and Sociocultural Conflicts Among the Youth // Economics, Pedagogy and Law. 2018. No. 4. P. 1.
7. Smorgunova V. Yu. Loyalty as a Phenomenon of Legal Culture // History of the State and Law. 2007. No. 6. Pp. 35–37.
8. Smorgunova V. Yu. Patriotic Legal Consciousness as a Subject of Comparative Analysis // Philosophy of Law. 2008. No. 1 (26). Pp. 18–23.
9. Smorgunova V. Yu. The Human Dimension of Law. Monograph. – St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2008. – 300 p.
10. Smorgunova V. Yu., Kalinina E. Yu. Modern Educational Technologies in Teaching at the Faculty of Law: Formation of Legal Consciousness and Development of a Professional // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2019. No. 191. Pp. 21–31. P. 29

¹ Рукинов В.А., Садакова Д.А. Толерантность как противодействие экстремизму и социокультурным конфликтам в молодежной среде // Экономика, педагогика и право. 2018. № 4. С. 1.

² Нижник Н.С. Память о Великой Отечественной войне как детерминанта патриотического воспитания курсантов Санкт-Петербургского Университета МВД России // Актуальные направления развития стратегии патриотического воспитания. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Великой Победы. – Краснодар, 2025. С. 152–156

³ Сморгунова В.Ю. Патриотическое правосознание как предмет компаративного анализа // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 18–23. С. 18

⁴ Сморгунова В.Ю. Человеческое измерение права... С. 224.

Проблемы разграничения оспоримых и ничтожных сделок на рынке ценных бумаг: теоретические критерии и судебная практика

Терлецкий Дмитрий Игоревич,

аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук
E-mail: info@gaugn.ru

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем разграничения оспоримых и ничтожных сделок в сфере оборота ценных бумаг. Автор исследует доктринальные основания классификации недействительных сделок, закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации, с акцентом на критерии нарушения публичного порядка и частных интересов. Особое внимание уделяется специфике ценных бумаг как объектов гражданских прав, в частности принципу публичной достоверности и фигуре добросовестного приобретателя, которые существенно модифицируют общие подходы к применению последствий недействительности. В работе проводится детальный разбор спорных аспектов квалификации на примере конкретных категорий дел из судебной практики Верховного Суда РФ и арбитражных судов: нарушение требований подзаконных нормативных актов, совершение крупных сделок и сделок с заинтересованностью без надлежащего одобрения, а также мнимость и притворность в операциях на организованном рынке. В заключении формулируются выводы о преобладающей тенденции судов к ограничительному толкованию ничтожности в пользу оспоримости для обеспечения стабильности оборота, а также предлагаются рекомендации по унификации правоприменительного подхода.

Ключевые слова: недействительность сделок, оспоримые сделки, ничтожные сделки, рынок ценных бумаг, ценные бумаги, добросовестный приобретатель, публичная достоверность, судебная практика, Гражданский кодекс РФ, разграничение критериев.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена фундаментальным значением института недействительности сделок для обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота, что приобретает особую значимость в сфере обращения ценных бумаг, характеризующейся высокой интенсивностью и динамизмом правовых отношений. Правовые последствия признания сделки недействительной, такие как двусторонняя реституция и особый режим защиты добросовестного приобретателя, исключаящий в ряде случаев виндикацию, оказывают кардинальное влияние на права и обязанности участников рынка. Несмотря на наличие в Гражданском кодексе Российской Федерации систематизированных формальных критериев разграничения оспоримых и ничтожных сделок, закрепленных в статьях 166, 168–179 ГК РФ, правоприменительная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к квалификации нарушений, допущенных при совершении сделок с ценными бумагами. Суды зачастую дают различную оценку характеру одних и тех же пороков сделки, что порождает правовую неопределенность и создает значительные риски для добросовестных участников оборота.

Целью данной статьи является выявление и комплексный анализ теоретических и практических проблем, связанных с разграничением оспоримых и ничтожных сделок на рынке ценных бумаг, а также формулирование на этой основе предложений по унификации судебного подхода. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: раскрыть доктринальные основания классификации недействительных сделок; проанализировать специальные основания и особенности недействительности сделок с ценными бумагами; исследовать и систематизировать спорные случаи из судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и арбитражных судов; сформулировать конкретные критерии для более четкого и предсказуемого разграничения оспоримых и ничтожных сделок в рассматриваемой сфере.

Классический доктринальный подход к дифференциации недействительных сделок на оспоримые и ничтожные базируется на критерии характера нарушенного интереса. Как справедливо отмечает Н.В. Кагальникова, ничтожность сделки представляет собой абсолютную недействительность, возникающую в силу прямого указания закона вне зависимости от судебной констатации данного факта [3, с. 104]. Основанием для ничтожности выступает грубое нарушение публичного правопорядка, основ правопорядка и нравственности, что делает сделку порочной изначально, в момент ее совершения. В противоположность этому, оспоримость относима к сделкам с относительной недействительностью, которые могут быть признаны таковыми исключительно решением суда по иску специально уполномоченного законом лица. Подобный порок затрагивает преимущественно сферу частных интересов конкретного субъекта, не посягая непосредственно на основы публичного порядка, что обуславливает необходимость активных действий заинтересованной стороны для реализации последствий недействительности.

Более детальную систематизацию критериев разграничения предлагает Н.В. Кагальникова, указывая, что отличительными признаками ничтожной сделки являются: прямое указание закона на ничтожность; недействительность независимо от нарушения прав участников сделки и третьих лиц; невозможность конвалидации (исцеления) сделки; возможность констатации ничтожности судом по собственной инициативе в публичных целях; специальный трехгодичный срок исковой давности [3, с. 105]. Данный перечень формальных признаков позволяет проводить более точную квалификацию, выходя за рамки классической дихотомии «публичный-частный интерес».

Нормативная база, регламентирующая данные институты, сосредоточена в Гражданском кодексе Российской Федерации. Ключевое значение приобретает статья 168 ГК РФ, выполняющая роль общей нормы о недействительности сделки, не соответствующей требованиям закона или иных правовых актов. Исторически сложившаяся широкая трактовка данной нормы, позволявшая признавать ничтожными любые противоправные сделки, породила в доктрине и практике характеристику ее как «каучуковой». Помимо общей нормы, законодатель устанавливает специальные основания ничтожности, к числу которых относятся сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (статья 169 ГК РФ), а также мнимые и притворные сделки (статья 170 ГК РФ). В отличие от них, перечень

оспоримых сделок носит более специализированный характер и включает, в частности, сделки юридических лиц, выходящие за пределы их правоспособности, сделки с заинтересованностью, сделки, совершенные несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, гражданами, ограниченным судом в дееспособности, а также сделки, совершенные под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы или стечения тяжелых обстоятельств.

Критический анализ сложившейся практики применения статьи 168 ГК РФ выявляет устойчивую тенденцию к «расширительному» подходу в квалификации ничтожных сделок. Данный подход, при котором ничтожными признаются любые, даже незначительные, нарушения предписаний закона, является в высшей степени проблематичным для оборота ценных бумаг. Его повсеместное применение создает серьезную угрозу стабильности рынка, поскольку потенциально позволяет ставить под сомнение действительность множества заключенных сделок по формальным основаниям спустя длительное время, что прямо подрывает принципы публичной достоверности ценной бумаги и защиты добросовестного приобретателя. Последовательное применение расширительной трактовки ничтожности игнорирует диспозитивную природу значительной части норм, регулирующих рынок ценных бумаг, и приводит к необоснованному ограничению свободы договора, а также к наступлению чрезмерно жестких гражданско-правовых последствий в ситуациях, когда это не вызывается необходимостью защиты публичных интересов.

Проблема усугубляется отсутствием в законодательстве легальных определений как недействительности сделки, так и публичных интересов. Как справедливо отмечает Ю.И. Мурзич, данная терминологическая неопределенность приводит к противоречивой судебной практике, поскольку суды лишены четких ориентиров для оценки того, посягает ли конкретное нарушение на основы правопорядка или нет [6, с. 294]. В условиях такого правового вакуума «расширительный» подход к ничтожности создает существенные риски для стабильности рынка.

Квалификация недействительности сделок с ценными бумагами существенно модифицируется под влиянием отраслевых принципов и специального регулирования рынка. Фундаментальное значение приобретает принцип публичной достоверности, в силу которого добросовестный владелец ценной бумаги считается законным обладателем удостоверенного ею права. Данный принцип создает объективированное восприятие содержания права по ценной бумаге, ограничивая возможность оспаривания легитимации ее держателя. В контексте недействительности сделок это порождает существенное ограничение: даже при наличии порока в основании приобретения ценной бумаги одним из прежних владельцев, последующее ее отчуждение добросовестному приобретателю приводит к невозможности истребования актива у конечного владельца. Таким образом, публичная достоверность выполняет защитную функцию, экранируя добросовестного приобретателя от пороков прав его предшественников, что кардинальным образом сужает сферу применения реституционных последствий. В контексте применения последствий недействительности это приводит к кардинальному сужению сферы применения реституции. Как обоснованно указывает Д.В. Мещеряков, судебная практика последовательно исходит из того, что последствия недействительности сделки в виде двусторонней реституции не подлежат применению в случае невозможности виндикации ценных бумаг у добросовестного возмездного приобретателя по правилам статьи 302 ГК РФ [4, с. 28]. Следовательно, даже при установлении ничтожности базовой сделки, права конечного добросовестного приобретателя оказываются защищенными в приоритетном порядке, что модифицирует общие положения о недействительности сделок и подчеркивает специальный характер регулирования оборота ценных бумаг.

Центральной фигурой в данном механизме выступает добросовестный приобретатель, критерии добросовестности которого раскрываются в судебной практике. Добросовестность понимается как отсутствие у приобретателя сведений о правах третьих лиц на ценную бумагу или о пороках в сделках предшествующего титула, при условии, что он проявил разумную осмотрительность при совершении операции. Влияние данной фигуры на квалификацию недействительности носит дифференцированный характер. Общее правило заключается в том, что ничтожность сделки, будучи абсолютным пороком, не может быть «исцелена» последующей передачей вещи добросовестному приобретателю.

Особенности бездокументарных ценных бумаг, выраженные в их дематериализованной природе и учете прав в реестровой или депозитарной системе, порождают уникальную проблему применения последствий недействительности к целым цепочкам сделок. Поскольку переход прав на бездокументарные ценные бумаги осуществляется посредством внесения записей по счетам, признание недействительной одной сделки в цепи трансферов ставит вопрос о правомерности всех последующих записей и, как следствие, о правах последующих приобретателей. Тех-

ническая сложность и экономическая нецелесообразность «отката» всей цепочки транзакций вынуждает правоприменителя искать баланс между защитой права собственности первоначального владельца и стабильностью оборота, что часто приводит к ограничительному толкованию оснований для ничтожности в таких правоотношениях.

Отдельную сложность представляет собой квалификация нарушений специального регулирования, в частности, норм Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и подзаконных актов Банка России. Нарушение требований к процедуре эмиссии, раскрытию информации, совершению сделок с инсайдерской информацией или манипулированием рынком далеко не всегда получает однозначную оценку с точки зрения гражданско-правовых последствий. Ключевым вопросом является определение того, влечет ли конкретное нарушение ничтожность сделки по правилам статьи 168 ГК РФ, либо оно создает лишь основания для ее оспаривания, либо порождает исключительно административную или уголовную ответственность, не затрагивая гражданскую действительность самой сделки. Судебная практика по данному вопросу отличается противоречивостью, однако прослеживается тенденция, согласно которой нарушения процедурного характера, не посягающие напрямую на основы правопорядка, квалифицируются как основания для оспаривания, а не ничтожности, особенно если они могут быть устранены или санкционированы впоследствии.

Особую значимость имеет вопрос о последствиях нарушения процедуры эмиссии. Согласно сложившейся практике, размещение акций до государственной регистрации их выпуска влечет ничтожность соответствующих сделок. Однако, как разъяснено в Обзоре практики Президиума ВАС РФ № 63, сам по себе факт такого размещения не является основанием для отказа в государственной регистрации выпуска акций для их последующего размещения в установленном порядке [8]. Данная позиция свидетельствует о стремлении правоприменителя не блокировать хозяйственную деятельность эмитента окончательно, а обеспечить исправление допущенных нарушений, что, по своей сути, также соответствует идее «исцеления» порока, более характерной для оспоримых сделок.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в рассматриваемой сфере является квалификация сделок, нарушающих требования подзаконных нормативных актов. Доктринальное решение данного вопроса предполагает дифференциацию в зависимости от характера нарушенной нормы. Нарушение императивных предписаний федерального закона традиционно рассматривается как основание для ничтожности сделки по статье 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. В противоположность этому, несоблюдение положений подзаконных актов, включая инструкции Банка России и правила организаторов торговли, в большинстве случаев формирует состав оспоримости, при условии что такие нарушения не затрагивают фундаментальные основы правопорядка. Данный подход находит подтверждение в судебной практике, в частности, в Определении Верховного Суда РФ № 310-ЭС20-2781, где Суд указал на необходимость оценки характера нарушенного интереса и учета принципа добросовестности [9].

Правовой режим крупных сделок и сделок с заинтересованностью демонстрирует целенаправленный выбор законодателя в пользу конструкции оспоримости. Закрепление в статьях 173.1 и 174 Гражданского кодекса Российской Федерации именно оспоримой природы данных сделок имеет глубокое теоретическое обоснование. Такой подход позволяет защитить корпоративные интересы, не подвергая излишним рискам добросовестных контрагентов, которые могут не располагать информацией о внутренних корпоративных процедурах. Как отмечает Ю.И. Мурзич, доктрина корпоративного права исходит из того, что потенциальная возможность последующего одобрения сделки делает неоправданным придание ей изначально ничтожного характера, поскольку это исключало бы гибкость в управлении хозяйственной деятельностью общества [6, с. 294].

Яркой иллюстрацией проблемы квалификации и поиска баланса между частными и публичными началами является дело о «двойной продаже» акций, рассмотренное Верховным Судом РФ (Определение № 310-ЭС20-2781). Как отмечено в материалах судебной практики, Суд, не квалифицируя сделку с аффилированным лицом прямо как мнимую, указал на недобросовестность поведения продавца и необходимость защиты прав первоначального приобретателя, по сути, применив последствия, сходные с последствиями недействительности ничтожной сделки, для восстановления нарушенного частного интереса [9]. Данная правовая позиция демонстрирует гибкий, содержательный подход, при котором формальное основание для ничтожности (мнимость) отступает перед необходимостью пресечь недобросовестное поведение и защитить разумные ожидания добросовестного участника оборота, что свидетельствует о тенденции к использованию более гибкого инструментария оспоримости в сложных корпоративных конфликтах.

Современное регулирование, установленное статьей 173.1 Гражданского кодекса РФ, знаменует собой последовательный отказ от ранее господствовавшего жесткого подхода к сделкам, выходящим за пределы правоспособности юридического лица. Действующая доктрина исходит из презумпции добросовестности контрагента, который не несет обязанности по проверке соответствия сделки уставным целям деятельности другой стороны. Критерий очевидности выхода за пределы правоспособности трактуется в пользу сохранения силы сделки, что обеспечивает стабильность гражданского оборота и защищает разумные ожидания его участников.

Процессуальные последствия неправильной квалификации природы недействительности сделки имеют системообразующее значение. Доктрина гражданского процесса последовательно разграничивает последствия ошибки в квалификации оспоримых и ничтожных сделок, подчеркивая различие в субъектном составе лиц, имеющих право на оспаривание, сроков исковой давности и пределах применения принципа сохранения силы части сделки. Теоретическое обоснование данного разграничения коренится в различной природе охраняемых законом интересов: в случае оспоримости защищаются относительные частные интересы определенного круга лиц, тогда как ничтожность направлена на защиту абсолютных публичных интересов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать системные выводы, имеющие значение для правоприменительной практики. Анализ показал, что формальных критериев, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации, недостаточно для однозначной квалификации недействительных сделок на рынке ценных бумаг. Установлено, что решающим фактором при разграничении оспоримых и ничтожных сделок должен становиться не формальный характер нарушения, а сущностный признак – характер нарушенного интереса, то есть вопрос о том, затрагивает ли порок сделки фундаментальные основы правопорядка и публичные интересы или же он касается исключительно сферы частных интересов конкретных лиц. Современная судебная практика демонстрирует последовательное движение в сторону ограничительного толкования оснований ничтожности в пользу оспоримости, что продиктовано объективной необходимостью обеспечения стабильности оборота ценных бумаг. Принцип публичной достоверности и институт защиты добросовестного приобретателя выступают в качестве системообразующих элементов, которые должны учитываться при решении любого вопроса о недействительности сделок в данной сфере.

В целях унификации судебной практики и повышения правовой определенности представляется целесообразным разработать и закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации комплекс разъяснений, ориентирующих суды на последовательное выявление характера нарушенного интереса в каждом случае оспаривания сделки. Целесообразно внедрить в правоприменительную практику презумпцию оспоримости сделки в сложных и спорных случаях, когда закон прямо не указывает на ничтожность, а нарушение не носит характер грубого посягательства на основы правопорядка. Одновременно с этим следует рекомендовать судам активизировать внимание на установлении добросовестности приобретателя ценных бумаг уже на начальных стадиях рассмотрения дела, поскольку данный фактор имеет определяющее значение для выбора правового режима недействительности и применения ее последствий.

В результате проведенного исследования был осуществлен комплексный анализ теоретических и практических проблем разграничения оспоримых и ничтожных сделок на рынке ценных бумаг. Рассмотрены доктринальные основания классификации недействительных сделок, проанализирована специфика ценных бумаг как объекта гражданских прав и выявлено влияние специальных принципов регулирования рынка, в частности принципа публичной достоверности и защиты добросовестного приобретателя, на квалификацию недействительности. Исследование подтвердило наличие значительных трудностей в правоприменении, связанных с отсутствием однозначных критериев для разграничения составов оспоримости и ничтожности при нарушении различных нормативных предписаний. Значимость исследуемой проблемы обусловлена необходимостью поддержания баланса между двумя фундаментальными правовыми ценностями: защитой нарушенных частных прав участников рынка и обеспечением стабильности и предсказуемости гражданского оборота ценных бумаг. Дальнейшее развитие доктрины и судебной практики в данном направлении видится в выработке более четких и системных критериев оценки, позволяющих учитывать как природу нарушенной нормы, так и фигуру контрагента по сделке, что в конечном итоге будет способствовать повышению уровня правовой защищенности всех добросовестных участников рынка.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
3. Кагальницкова Н.В. Теоретико-правовые проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве // Legal Concept. – 2015. – № 1. – С. 104–109.
4. Мещеряков Д.В. Некоторые проблемы последствий недействительности сделок с ценными бумагами // Журнал российского права. – 2005. – № 6 (102). – С. 26–32.
5. Микова Е.В. Проблемы гражданско-правового регулирования сделок купли-продажи эмиссионных ценных бумаг // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 10. – С. 274–277.
6. Мурзич Ю.И. Особенности разграничения ничтожных и оспоримых сделок // Молодой ученый. – 2023. – № 52 (499). – С. 293–296.
7. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 33, Пленума ВАС РФ № 14 от 04.12.2000 // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 2.
8. Обзор практики разрешения споров, связанных с отказом в государственной регистрации выпуска акций и признании выпуска акций недействительным: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.04.2001 № 63 // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 7.
9. Определение Верховного Суда РФ от 03.11.2020 № 310-ЭС20-2781 по делу № А54-4848/2018 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02062020-n-310-es20-2781-po-delu-n-a54-48482018/?ysclid=mi33u1vhlv695132532>

PROBLEMS OF DISTINGUISHING DISPUTED AND NULL TRANSACTIONS IN THE SECURITIES MARKET: THEORETICAL CRITERIA AND JUDICIAL PRACTICE

Terletskiy D.I.

State Academic University of Gumanitir Sciences

This article is devoted to a comprehensive analysis of current problems of distinguishing between voidable and void transactions in the securities market. The author examines the doctrinal foundations for the classification of invalid transactions, as enshrined in the Civil Code of the Russian Federation, focusing on the criteria of violation of public policy and private interests. Particular attention is paid to the specifics of securities as objects of civil rights, in particular, the principle of public reliability and the figure of the bona fide acquirer, which significantly modify the general approaches to the application of the consequences of invalidity. The paper provides a detailed analysis of controversial aspects of qualification using the example of specific categories of cases from the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and arbitration courts: violation of the requirements of by-laws, execution of major transactions and interested-party transactions without proper approval, as well as pretense and sham in operations on the organized market. In conclusion, findings are formulated about the prevailing tendency of courts to interpret voidability restrictively in favor of contestability to ensure the stability of commerce, and recommendations for unifying law enforcement approaches are proposed.

Keywords: invalidity of transactions, voidable transactions, void transactions, securities market, securities, bona fide acquirer, public reliability, judicial practice, Civil Code of the Russian Federation, distinction of criteria.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on February 24, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. On the Securities Market: Federal Law of April 22, 1996, No. 39-FZ (as amended on August 4, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 17. – Art. 1918.
3. Kagalitskova N.V. Theoretical and Legal Problems of Distinction between Voidable and Voidable Transactions in Civil Law // Legal Concept. – 2015. – No. 1. – P. 104–109.
4. Meshcheryakov D.V. Some issues of the consequences of invalidity of transactions with securities // Journal of Russian Law. – 2005. – No. 6 (102). – P. 26–32.
5. Mikova E.V. Issues of civil-law regulation of transactions of purchase and sale of securities // Actual problems of humanitarian and natural sciences. – 2009. – No. 10. – P. 274–277.
6. Murzich Yu.I. Features of the distinction between voidable and voidable transactions // Young scientist. – 2023. – No. 52 (499). – P. 293–296.
7. On certain issues of practice in resolving disputes related to the circulation of bills of exchange: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 14 of 04.12.2000 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2001. – No. 2.
8. Review of the practice of resolving disputes related to the refusal of state registration of a share issue and the recognition of a share issue as invalid: Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 23.04.2001 No. 63 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2001. – No. 7.
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 3, 2020 No. 310-ES20-2781 in case No. A54-4848/2018 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02062020-n-310-es20-2781-po-delu-n-a54-48482018/?ysclid=mi33u1vhlv695132532>

Проблема понимания сущности искусственного интеллекта в контексте права интеллектуальной собственности

Ткач Максим Юрьевич,

аспирант кафедры интеллектуальных прав, МГЮА
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
E-mail: TkachM99@mail.ru

Искусственный интеллект (далее – ИИ) прочно укоренился в нашей повседневной жизни, сегодня уже с трудом можно представить жизнь без него, однако остается нерешенным вопрос об его сущности, что он из себя представляет. Путем анализа мнений и точек зрения отечественных и зарубежных ученых, автор настоящей статьи попытается ответить на этот вопрос. Помимо этого, в настоящей статье производится анализ основных подходов к определению ИИ, выделяя ключевые аспекты, такие как когнитивные функции, автономность, этические и законодательные рамки. Статья ссылается на работы ведущих мыслителей, исследующих как технические, так и философские аспекты ИИ, включая их влияние на общество и культуру.

В отечественной доктрине внимание уделяется как потенциальным угрозам, так и возможностям, связанным с развитием ИИ, в то время как зарубежные исследования сосредоточены на более широких гуманитарных и этических вопросах. Таким образом, статья подчеркивает важность междисциплинарного подхода к изучению ИИ, который может помочь в выработке сбалансированной и осознанной стратегии его внедрения в жизнь общества.

Также исследуются различия в подходах к образованию и подготовке специалистов в области ИИ, что, в свою очередь, влияет на восприятие этой технологии в различных культурных контекстах. Статья завершает выводами о необходимости создания единой концептуальной рамки для лучшего понимания и применения ИИ в будущем.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, сущность искусственного интеллекта, отечественная доктрина, автономные системы, научное понимание, нормативно правовые акты, регулирующие правоотношения связанные с использованием искусственного интеллекта).

Введение

Исследования такого характера, сегодня встречаются довольно-таки часто, ввиду того что вопрос, касающийся сущности ИИ поставлен достаточно давно. За это время сформировалось большое количество многочисленных подходов, трактовок, дифференциаций понятия ИИ, а также классификаций ИИ в зависимости от уровня развития, функциональности, сферы применения.

Не менее интересным являются анализ сформировавшихся в России точки зрения, определений на понимание того, чем является ИИ и какие он признаки и критерии включает в себя. В России, ученые выявляли сходства и различия в подходах, отраженных в своих определениях, это же отразилось на концепциях о результатах интеллектуальной деятельности, созданных ИИ.

Материалы и методы

Настоящая работа базируется на анализе истории становления ИИ, рассмотрении различных точек зрения отечественных ученых на то, что представляет из себя ИИ по своей сути, а также подбору наиболее подходящей модели закрепления принадлежности прав на произведения, созданные ИИ. Методологическую основу данной статьи составляют такие методы как: анализ, синтез, обобщение, исторический, диалектический и индуктивный методы.

Литературный обзор

Теоретической основой для написания настоящего исследования послужили научные работы таких ученых как: Анке М., Болотовой Л.С., Васильева А.А., Вознюк П.А., Морхарта П.М., Марголина, И. Д., Джона С.М., Джона Л., Матаевой М.Х., Ручкина В.Н., Ревинского О.В., Синельникова В.Н., Ущeko А.В., Фулина В.А., Фишера В., Шпоппера Д.

Результат

В данной статье автор на основе проведенного анализа научной литературы представленных ученых, автор предлагают один из возможных путей решения существующей проблемы в области понимания искусственного интеллекта, а также проблемы связанной с концепцией о правовом статусе результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ.

Обсуждение

Интеллект является неотъемлемой частью человека, сопровождающая его на протяжении всей его жизни, демонстрируя его, как существо способное анализировать, планировать, координировать и сознательно приспосабливаться к сложившейся ситуации, контролировать свое поведение и действовать для достижения поставленной цели. Эту способность человек и человечество на протяжении всего своего существования развивали и продолжают развивать, делая свою жизнь и жизнь будущих поколений лучше и легче. В своем стремлении к упрощению жизни человечество задумалось над созданием «искусственного интеллекта», системы, способной полностью имитировать деятельность человека, связанную с планированием, решением задач, обучением и самообучением и улучшением своего функционала и тем самым создать перспективу замены человека машиной в некоторых или нескольких областях.

С момента появления термина «искусственный интеллект» в 1956 году во время семинара в Дармут-колледже в США, организаторами которого выступили – Джон Мак-Карти, Марвин Мински, Натаньель Рочестер и Клод шеннон минуло 69 лет. Однако прошедшие чуть больше полвека никак не уменьшили ее актуальности на сегодняшний день, наоборот дискуссии теоретиков и практиков на тему развития искусственного интеллекта только возросли.

В период с 1957 г. по 1974 г. искусственный интеллект вступил в «золотой век» своего технического развития, этому поспособствовали несколько факторов: массовость, снижение стоимости за единицу и общедоступность. В сравнении с предыдущими моделями положительно повлияли на их распространение, среди широкого круга населения, также улучшилось программное обеспечение.

Следующие пять лет с 1975 по 1980 год наблюдался небольшой кризис или как некоторые его называли «Зима искусственного интеллекта», обусловлено это было сокращением финансирования и, сле-

довательно, общим спадом интереса к данной области. Выделяются несколько причин возникновения такого кризисного периода, каждая из этих причин следует из друг друга. Во-первых, желание общества сразу создать «идеальный» ИИ, однако при имеющихся на тот момент технологиях этого нельзя было достичь. Во-вторых, достижение такого результата требовало бы огромных вложений как финансовых, так и материальных. И, в-третьих, нецелесообразность вложений в технологии ИИ, поскольку на тот момент ИИ делал только свои первые шаги, то задачи он мог выполнять самые простые, из-за чего инвесторы не видели смысла вкладываться в то, что может сделать человек и тем более лучше¹.

В 1980-е годы интерес к ИИ возродился благодаря двум ключевым факторам: совершенствованию методов анализа данных и росту финансирования исследований. Джоном Хопфилдом и Дэвидом Румелхартом был разработан и внедрен так называемый метод «Глубокого обучения», он давал возможность машинам извлекать знания из приобретенного опыта. Параллельно этому Эдвард Фейгенбаум разработал концепцию экспертных систем, имитирующих принятие решений специалистами-человеками путем накопления инструкций экспертов в конкретных областях. Такие программы предлагали квалифицированные рекомендации пользователям даже без специальной подготовки, активно применялись в промышленном секторе².

В начале нового тысячелетия, ИИ благодаря успехам в машинном обучении, особенно глубоком обучении, удержал популярность. Нейросети же, в свою очередь, продемонстрировали выдающиеся результаты в обработке изображений, понимании речи и анализе текста. Сегодня метод «Глубокого обучения» широко применяется многими известными мировыми кампаниями такими как Apple, Google и Facebook в рамках технологий распознавания лиц, виртуального помощника, системы рекомендаций в стриминговых сервисах.

Для большинства людей такая реальность многих уже не секрет, что искусственный интеллект уже глубоко просочился во все сферы жизни, таким образом делегировав не только те традиционные виды деятельности, которые ранее выполнялись только человеком, но и те, которые ранее считались недостижимыми или не возможными к выполнению. В связи с этим трудно переоценить ту роль искусственного интеллекта, которую он играет в настоящее время, сегодня ИИ используется в различных сферах, как например в медицине, где при помощи использования ИИ в качестве инструмента поддержки борьбы с вирусной пандемией, суть которого заключалась в проведении прогноза эволюции вспышек заболеваний и проведения исследований для разработки вакцины и лечения³. В сфере образования ИИ используется в качестве образовательной платформы, такой, как например Carnegie Learning, использующая алгоритм MATNia, этот алгоритм основан на ИИ и машинном обучении для создания персонализированных математических курсов для каждого ученика. Сама программа основана на принципе адаптивного обучения, которая учитывает индивидуальные потребности каждого учащегося⁴.

Помимо этого, уже на протяжении вот уже многих лет ИИ демонстрирует возможность самостоятельного создания произведений искусства. Так ИИ GAN (Generative Adversarial Network) создал в 2018 году «Портрет Эдмона де Бельями», алгоритмы этой нейросети были обучены на основе изучения тысячи различных портретов, и несмотря на отсутствие «руки» человека в процессе написания этой картины ее оценили довольно-таки высоко с профессиональной точки зрения⁵. Еще одним примером такого искусства является созданный в 2024 году нейросетью мультфильм «Стихотворения тысячелетий» это был

первый случай, когда ИИ Sora от OpenAI и CMG Media GPT от China Media. полностью и самостоятельно создали мультфильм.

Вместе с пониманием возможностей, которые открывает нам использование искусственного интеллекта, необходимо также подчеркнуть о существовании градации искусственного интеллекта по его функциональным возможностям на «слабый», «узкий» и «сильный».

Если судить по названию, то достаточно просто понять, чем они друг от друга отличаются, однако все обстоит намного интересней.

«Слабый» искусственный интеллект, который некоторые также называют узкий искусственный/специализированный, представляет собой систему, целью которой является разработка и выполнение узкого круга задач, поэтому эти системы ограничены в своем функционале и соответственно не могут и не должны иметь собственное сознание.

Поэтому их превосходство над человеком сводится к быстрому и эффективному выполнению заложенной в него функции, за рамки которой они выйти не способны.

В качестве примера «слабого» или как его еще называют «ограниченного» ИИ можно привести ряд современных приложений: к примеру, системы распознавания голоса человека (Siri и Alexa), созданные такими компаниями, как Google и Apple и технология в области беспилотного автономного вождения автомобилями Tesla Autopilot от компании Tesla. Всех их объединяет один свойственный данному виду ИИ признак – это узконаправленная функциональность.

Вторым типом – является «общий» ИИ (AGI) его выделяющей особенностью являются заложенные изначально в него функции в приобретении знаний, их анализе и применении в разных сферах деятельности. Он также способен выполнять умственные задачи аналогичные тем, которые решает человек и что самое важное в процессе выполнения их он не зависит от рамок тех алгоритмов, которыми связан «слабый» ИИ. Пока что этот вид ИИ существует только в теории, ввиду отсутствия необходимых для его воссоздания технологий.

Третий вид называется – «сильный» ИИ. Если когнитивный уровень первых двух видов ИИ был либо ниже, либо на уровне человека, то этот вид ИИ превосходит его. Более того он осознает себя как личность, следовательно он может предпринимать непредсказуемые для человека действия, что не может не вызывать этические вопросы касающиеся безопасности и контроля за подобной технологией.

В целом, развитие подобного вида ИИ открывает широкие перспективы для решения важнейших мировых проблем, развития медицины и экономики, но в тоже время сопряжено с существенными рисками, среди которых потеря управления и угроза нанесения вреда человеку. Поэтому создание надежного нормативного правового регулирования становится одной из важнейших задач.

Таким образом, польза и эффективность ИИ становится весьма востребованной, поскольку это помогает улучшить качество жизни каждого человека, уменьшить количество ошибок, которые допускает человек и наверное главное уменьшить финансовые и временные затраты в рамках одного человека или целой кампании при достижении определенного результата. Но одновременно с этим до сих пор остается дискуссионным вопрос, о том, как следует воспринимать ИИ с точки зрения терминологии, а также тех свойств и признаков, которые должны входить в них.

Вместе с этим, не стоит забывать о правовом аспекте введения технологии ИИ в жизнь человека, особенно касающиеся права интеллектуальной собственности.

Во-первых, это связано с неопределенностью его правового положения ввиду возможности его использования, как в качестве вспомогательного инструмента, так и в качестве самостоятельного субъекта (автора) способного самостоятельно создавать результаты интеллектуальной деятельности.

Во-вторых, вопрос правосубъектности также поднимает вопрос кому принадлежат права на созданные результаты интеллектуальной деятельности? Все это требует законодательного регулирования.

Все выше описанные вопросы нуждаются в ответах, но для ответа на них нужен анализ понятий и критериев, входящих в них, это позволит определить природу ИИ, а также особенности подходов наших ученых.

Как уже ранее было сказано, в настоящее время разработано и продолжает разрабатываться большое количество понятий, определений и терминов ИИ, с одной стороны, это дает возможность ознакомиться и проанализировать большое количество точек зрения и взглядов и выделить общие закономерности и тенденции. С другой стороны, создание новых определений и терминов, каждое из которых может, как и быть абсолютно самостоятельным по своей сути, так и быть сформированным на основе уже имеющихся с небольшими отличия, это в свою очередь усложняет поиск и выведение общих критериев и классификаций определений. Поэтому ни одно из созданных на се-

¹ Марголин, И. Д., Дубовская Н.П. «Основные этапы развития искусственного интеллекта» // Текст: непосредственный // Молодой ученый. –2018. – № 20 (206). – С. 23–26. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/206/50536/>. (дата обращения: 02.02.2026).

² Вознюк П.А. «ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» // Глобус: технические науки. 2019. № 3 (27) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-sovremennoe-sostoyaniye-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 02.02.2026).

³ «ИИ и контроль коронавируса Ковид-19» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ii-i-kontrol-koronavirusa-kovid-19> (дата обращения 02.02.2026).

⁴ Ущюко А. В. «Искусственный интеллект в образовании. применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования» // Вестник науки. 2023. № 6 (63) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-obespecheniya-adaptivnosti-obrazovaniya> (дата обращения: 02.02.2026).

⁵ «Произведения, созданные ИИ и получившие признание» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://zen.ru/a/Z0n1Z1EmpV-fIRfN> (дата обращения 02.02.2026).

годня определений не получило единого или хотя бы подавляющего большинства со стороны научного сообщества одобрения.

Некоторые идентифицируют ИИ как компьютеризованную систему, способную принимать самостоятельные решения для достижения поставленных перед ней задач исходя из существующей реальности, важным критерием такого определения является наличие интеллекта схожего с человеческим. В противовес этому некоторые авторы выводят определение согласно которому ИИ также считается компьютеризованной системой, руководствуется не «разумом», а заложенными в него алгоритмами, позволяющими ему функционировать.

В качестве примера первого определения можно упомянуть созданное, совместно А.В. Понкиным и А.И. Редкиным определение ИИ, согласно которому «ИИ» – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия¹. Для большего понимания сущности ИИ логичным будет провести анализ признаков, которые содержатся в этом определении. Первый признак, который можно выделить из этого определения – это разносторонность материальной формы ИИ, второй признак – это высокий уровень возможностей для анализа и обработки информации, третий признак – это эквивалентный человеческому уровень когнитивных функций, четвертый признак – возможность хранения большого объема данных для последующего анализа и внедрения и пятый заключительный признак – это способность к самообучению.

Как мы видим перечень признаков весьма впечатляющим как по количеству признаков, так и по их смыслу, все представленные признаки смело можно отнести к «сильному» искусственному интеллекту.

В следующем определении, автором которого является известный российский ученый П.М. Морхарт есть схожие с предыдущим признаки, но и также выделяются некоторые новые согласно этому определению ИИ – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерноаппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе био-кибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), наделённая/обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий, таких, как распознавание образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (мыслепопорождающее и смысловоспринимающее) мышление, анализ и оценка;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптивирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска (genetic algorithm – эвристический алгоритм поиска, с сохранением важных аспектов «родительской информации» для «последующих поколений» информации), накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения (в том числе – на своих ошибках и своём опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологии;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем².

Приведенное определение так же, как и предыдущее используют признаки свойственные только «сильному» искусственному интеллекту, единственным новым признаком, является разработка и использованием системы тестов для диагностики работы собственных систем.

Вот еще несколько определений:

По мнению Л.С. Болотовой «искусственный интеллект» это некоторая компьютерная и искусственная система, имеющая способность имитации способностей человека путем, получения, обработки, хранения информации и знаний, а также способность взаимодействовать

с таковыми различными действия, совокупно называемые мышлением³.

Признаками «искусственного интеллекта» по данному определению являются:

1. Способность осуществлять когнитивные функции человека;
2. Способность к поиску, передаче и хранению информации;
3. Способность восприятия информации;
4. Способность принимать решения.

Еще одним схожим по набору признаков определением является определение:

В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский толкуют искусственный интеллект как компьютерную программу, созданную человеком и способную (в силу заложенной в неё командной архитектуры) создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности⁴.

Это определение содержит следующие признаки:

1. Способность осуществлять когнитивные функции человека;
2. Способность к поиску, передаче и восприятию информации;
3. Способность принимать решения.

Проанализировав выше представленные два определения можно заметить, что по сравнению с предыдущими двумя, они содержат в себе гораздо меньшее количество признаков, из этого напрашивается вывод, что перед нами определение так называемого «слабого» искусственного интеллекта.

В завершении разбора понятий и признаков искусственного интеллекта в российской доктрине хочу привести еще пример двух определений:

По мнениям В.Н. Ручкину и В.А. Фулину, «Искусственный интеллект – это совокупность мета-процедур – представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и т.п., – имитирующих деятельность человека;

система искусственного интеллекта – аппаратный и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов мышления человека и неотличимо от решений, которые принимались бы человеком-экспертом, т.е. профессионалом в данной предметной области⁵».

В первом определении есть следующие признаки:

1. Способность осуществлять когнитивные функции человека;
2. Способность к поиску, передаче, восприятию, хранению и корректировке информации.

Во втором определении представлены следующие признаки:

1. Способность осуществлять когнитивные функции человека;
2. Принятие самостоятельных решений.

Таким образом мы можем видеть, что конструкция каждого доктринального понятия искусственного интеллекта зависит от видения и мнения автора того понятия касательно того, что должно входить в это понятие и что вообще из себя представляет искусственный интеллект. Это может быть как широкое определение с такими признаками как: самосознание, самостоятельность совершаемых действий и наличие когнитивных функций и способностей человека, так и в узком смысле, где из признаков есть только: когнитивные функции и способность по поиску, передаче и хранению информации. Одновременно с этим важно отметить, что прослеживаются и общие черты большинства отечественных исследователей в своих определениях указывают искусственный интеллект, как компьютерную систему, также все исследователи выделяют такие признаки как наличие когнитивных способностей и способность хранения и передачи информации. Этот анализ позволил нам выделить общие черты, выделяемые отечественными исследователями.

Рассмотрев взгляды на понимание ИИ в России, а также проанализировав сходства и различия в представленных подходах, логичным будет дальше разобрать концепции, которые пытаются разрешить вопрос о принадлежности прав на произведения, созданные ИИ.

Далее мы рассмотрим и проанализируем четыре теории идеи которых могут помочь в разрешении вопроса о принадлежности исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных ИИ.

Одной из таких теорией является – «Трудовая теория» Дж. Локка излагал ее значение так: «Что бы человек ни извлекал из того состоя-

¹ Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. термин «Искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика № 7–8–2018–41 С. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-iskusstvennyy-intellekt-v-rossijskom-prave-doktrinalnyy-analiz> (дата обращения 02.02.2026)

² Морхарт П.М. «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» диссертация кандидата юридических наук – Москва, 2017 – С. 30. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf (дата обращения 02.02.2026).

³ Болотова Л.С. «Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях»: Учебник. – М., 2012. – 664 с. – С. 31.

⁴ Синельникова В.Н., Ревинский О.В. «Права на результаты искусственного интеллекта» // Копирайт. – 2017. – № 4. – С. 17–27. – С. 18.

⁵ Ручкин В.Н., Фулин В.А. «Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы». – СПб.: БХВ-Петербург, 2009. – 240 с.

ния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью»¹.

Если накладывать положения этой теории на право интеллектуальной собственности, то получится последовательность результатов которой является результат интеллектуальной деятельности, получившийся из взаимодействия человека с ресурсами, которые его окружают и принадлежат ему является. Ключевым аргументом данной теории является утверждение о том, что интеллектуальный труд подразумевает возможность использования результата интеллектуальной деятельности как следствие этого самого труда, что имеет значение для обоснования исключительного права. Однако в то же время, поскольку сами результаты интеллектуальной деятельности «созданы» ИИ он соответственно не нуждается в какой-то либо форме вознаграждения его труда. Одновременно с этим для того, нужно понимать, что ИИ не может, в отличие от человека, создавать объекты по собственной инициативе. Ввиду технического развития уровня ИИ сегодня, при выполнении поставленной перед ним задачи руководствуется заложенной в него базой данной, а наполнением этой базой данной служат как раз таки охраняемые произведения, которые ИИ использует при создании своего «произведения». Однако подобный процесс влечет за собой проблему, связанную с необходимостью признания такого способа использования самостоятельным способом, которое в свою очередь требует разрешения правообладателей.

Следующей теория – «Личная теория», была создана представителями немецкой классической философии И. Кантом и Г. Гегелем, в ее основе было заложено утверждение, что всех созданных человеком произведениях в его деталях находит отражение его личность, талант и воля, это, в свою очередь, обеспечивает введение, созданных произведений в его сферу надзора, также они «создают социальные и экономические условия, способствующие творческой интеллектуальной деятельности, которая, в свою очередь, важна для процветания человека»². Тем не менее внедрение этой теории. Впрочем, внедрение вышеуказанного положения на практике осложнено следующим – ввиду того чтобы произведение считалось творчески созданным, оно должно закрепить в себе отпечаток личности и воли его автора, в то время как ИИ не обладает ни тем, ни другим и может только копировать множество произведений и создавать из частиц других произведений что-то свое, но в котором не будет никаких индивидуальных особенностей. Поэтому положение данной теории не будут подходить для гарантирования личных немущественных прав авторов.

Далее мы разберем сразу две схожие теории – это «Теория справедливого вознаграждения» и «Утилитарная концепция исключительных прав». В основе первой теории лежит идея о том, что общество, используя плоды труда одного конкретного автора, обязано поощрить его за создание этого произведения. Помимо использования важен еще факт его полезности, тоже самое говорил применительно об изобретениях Дж. Стюарт Милль «вознаграждение зависит от того, будет ли изобретение признано полезным, и чем больше польза, тем больше вознаграждение»³. Вдобавок к тому нельзя забывать, что человек создает результат интеллектуальной деятельности, оглядываясь на то, что было создано до него и тем самым вдохновляясь этим. «Каждый человек есть не только продукт своих личных способностей, но в то же время и произведение своего века, прежних веков, полученного им образования и всего виденного и пережитого им в мире»⁴. Потому следовательно. Поэтому предоставление правовой охране произведению должно предоставляться также на основе соблюдения интересов автора, правообладателя, общества и принципа справедливости и чего пока что на практике в случае с произведениями, созданными ИИ сложно достичь. Вместе с этим, стоит отметить потенциальную возможность применения этой статьи в отношении прав

тех лиц, чьи объекты, результаты интеллектуальной деятельности были только с частичным применением возможностей ИИ.

Вторая теория – «Утилитарная концепция исключительных прав» отчасти напоминает предыдущую теорию, но имеет одно важное отличие, заключающееся в цели достижения справедливости, в данной теории конечной целью является достижение социально-экономических аспектов. Схожего мнения придерживается И. Бентам, который в своей утилитарной теории утверждает о том, что одной из целей принятия законов, является извлечение максимальной пользы для максимального числа граждан, а также увеличение благосостояния этих граждан. Кроме того, данная теория стремится. К стимулированию и развитию творческой деятельности граждан, развитию культуры, повышению благосостояния, а также раскрытию результатов интеллектуальной деятельности обществу посредством перехода их в общественное достояние. А поскольку ИИ можно рассматривать как следствие развития научно-технического прогресса, то данная концепция выглядит, как наиболее подходящая модель легитимации результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ. Прежде всего, это заметно на росте их внедрения в экономический оборот, означающий рост потребности общества в результатах интеллектуальной деятельности, созданных ИИ и тем более возможность их приобретения. Тем более, что полезность и перспективность самой технологии ИИ никем уже не ставится под сомнение, единственная загвоздка в рамках права интеллектуальной собственности заключается в правовом регулировании.

Заключение

При подведении заключения, хотелось бы отметить, сложность и многогранность выбранной темы, а также представить варианты путей решения связанных с правовым регулированием результатов интеллектуальной деятельности, созданных ИИ. Для начала необходимо будет на законодательном уровне ввести градацию уровней искусственного интеллекта на «слабый» и «сильный» с подробным описанием присущих им признаков, перечнем выполняемых, возможных к выполнению ими задач. Помимо этого стоит ввести два сравнительных понятия «творческая деятельность человека» и «деятельность ИИ». Помимо этого автор статьи на основе проведенного анализа считает, что произведения, результаты интеллектуальной деятельности, которые были созданы ИИ, без вмешательства, содействия человека в большей степени не могут быть приравнены к результатам интеллектуальной деятельности и должны использоваться в качестве объектов общественного достояния, позволив использовать их любому желающему. С другой стороны как быть с теми результатами интеллектуальной деятельности, произведения, где участие человека имеет ключевую роль? Здесь нужно решить вопрос о творческой составляющей, создаваемого произведения. Если человек подошел к созданию произведению механически путем нажатия кнопки или поставлением задачи, то подобное нельзя относить к произведению созданным совместно с ИИ. Но если доля участия человека в создании была заметна, оставила на произведении «след», который ИИ не искажил и само произведение соответствует критериям охраноспособности, то права на произведение нужно закреплять за автором.

Принципиально другой будет ситуация, когда объект создавался человеком с использованием технологии ИИ – здесь необходимо решение вопроса о наличии творческой составляющей, на что указывалось ранее. Если условие о творческом характере создания нового объекта соблюдено, то независимо от факта использования технологии ИИ или иной технологии либо технического средства автором будет признаваться человек, создавший этот объект. То есть в случае удовлетворения признакам охраноспособного произведения, подобные результаты следует признавать оригинальными, созданными с помощью технологий и/или их продуктов, а исключительное право на такой результат признавать за соответствующим автором – человеком.

Литература

1. Анке Мерланд. «Закон об искусственном интеллекте и интеллектуальной собственности» // 2024 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=4203360>.
2. Болотова Л.С. «Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях»: Учебник. – М., 2012. – 664 с. – С. 31.
3. Васильев А.А., Шоппер Д., Матаева М.Х. термин «Искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юристингистика № 7–8–2018 – С. 41 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-prave-doktrinalnyy-analiz>.
4. Вознюк П.А. «История развития и современное состояние искусственного интеллекта» // Глобус: технические науки. 2019. № 3 (27). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/>

¹ John Locke. «Two Treatises on Government». Third Edition, 1698. Цит. no: Menell, Peter S. and Lemley, Mark A. and Merges, Robert P. and Balganes, Shyamkrishna. Intellectual Property in the New Technological Age: 2021 – Chapters 1 and 2 (July 11, 2021) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=3884159>. (дата обращения 02.02.2026).

² Fisher W. «Theories of intellectual property» // New essays in the legal and political theory of property / ed. by R. Munzer. Cambridge, 2001. P. 168–193.

³ John Stuart Mill. «Principles of Political Economy» (1902) Book V, 548. Цит. no: Hilty, Reto and Hoffmann, Jorg and Scheuerer, Stefan, Intellectual Property Justification for Artificial Intelligence (February 11, 2020). Draft chapter. Forthcoming in: J.-A. Lee, K.-C. Liu, R.M. Hilty (eds.), Artificial Intelligence & Intellectual Property, Oxford, Oxford University Press, 2020, Forthcoming, Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper No. 20–02 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3539406> (дата обращения 02.02.2026).

⁴ Moerland, Anke. «Artificial Intelligence and Intellectual Property Law». // 2024 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=4203360> (дата обращения 02.02.2026).

article/n/istoriya-razvitiya-i-sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta.

5. Джон Локк. «Два трактата о правлении». Третье издание, 1698 г. Цит. по: Менелл, Питер С. и Лемли, Марк А. и Мергес, Роберт П. и Балганеш, Шьямкришна. Интеллектуальная собственность в новую технологическую эпоху: 2021 – Главы 1 и 2 (11 июля 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ssrn.com/abstract=3884159>.

6. Джон Стюарт Милль. «Принципы политической экономии» (1902). Книга V, 548. Цит. по: Хилти, Рето и Хоффманн, Йорг и Шеуерер, Стефан, Обоснование интеллектуальной собственности для искусственного интеллекта (11 февраля 2020 г.). Проект главы. Ожидается публикация в: Дж.-А. Ли, К.-С. Лю, Р.М. Хилти (ред.), Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность, Оксфорд, Oxford University Press, 2020, Ожидается публикация в исследовательской работе Института инноваций и конкуренции Макса Планка № 20–02. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3539406>.

7. «ИИ и контроль коронавируса Ковид-19» // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ii-i-kontrol-koronavirusa-kovid-19>.

8. Марголин, И. Д., Дубовская Н.П. «Основные этапы развития искусственного интеллекта» // – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 20 (206). – С. 23–26. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/206/50536/>.

9. Морхарт П.М. «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» диссертация кандидата юридических наук – Москва, 2017 г. – С. 30. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf.

10. «Произведения, созданные ИИ и получившие признание» // 2024 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://dzen.ru/a/Z0niZ1EmpV-flRfN>.

11. Ручкин В.Н., Фулин В.А. «Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы». – СПб.: БХВ-Петербург, 2009. – 240 с.

12. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. «Права на результаты искусственного интеллекта» // Копирайт. – 2017 г. – № 4. – С. 17–27. – С. 18.

13. Ущехо А. В. «Искусственный интеллект в образовании. применение искусственного интеллекта для обеспечения адаптивности образования» // Вестник науки. 2023. № 6 (63). Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-obespecheniya-adaptivnosti-obrazovaniya>.

14. Фишер У. «Теории интеллектуальной собственности» // Новые эссе по правовой и политической теории собственности / под ред. Р. Мунцера. Кембридж, 2001. С. 168–193.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE ESSENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Tkach M.Yu.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is firmly rooted in our daily lives, today it is difficult to imagine life without it, but the question of its essence, what it is, remains unresolved. By analyzing the opinions and points of view of domestic and foreign scientists, the author of this article will try to answer this question. In addition, this article

analyzes the main approaches to the definition of AI, highlighting key aspects such as cognitive functions, autonomy, ethical and legislative frameworks. The article refers to the works of leading thinkers exploring both technical and philosophical aspects of AI, including their impact on society and culture. Russian doctrine focuses on both potential threats and opportunities associated with the development of AI, while foreign research focuses on broader humanitarian and ethical issues. Thus, the article highlights the importance of an interdisciplinary approach to the study of AI, which can help develop a balanced and informed strategy for its implementation in society. It also examines differences in approaches to education and training of AI specialists, which, in turn, affects the perception of this technology in different cultural contexts. The article concludes with conclusions about the need to create a unified conceptual framework for a better understanding and application of AI in the future.

Keywords: Artificial intelligence, the essence of artificial intelligence, domestic doctrine, foreign doctrine, autonomous systems, scientific understanding, regulatory legal acts regulating legal relations related to the use of artificial intelligence).

References

1. Anke Merland. «The Law on Artificial Intelligence and Intellectual Property» // 2024 // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ssrn.com/abstract=4203360>.

2. Bolotova L.S. «Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge»: Textbook. Moscow, 2012. 664 p. – p. 31.

3. Vasiliev A.A., Shpopper D., Mataeva M.H. the term «Artificial intelligence» in Russian law: doctrinal analysis» // Legal Linguistics No. 7–8–2018 – p. 41 // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-prave-doktrinalnyy-analiz>.

4. Voznyuk P.A. History of development and the current state of artificial intelligence» // Globus: Technical Sciences. 2019. No. 3 (27). // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta>.

5. John Locke. «Two Treatises on Government. Third Edition», 1698. Quote by: Menell, Peter S. and Lemley, Mark A. and Merges, Robert P. and Balganes, Shyamkrishna. Intellectual Property in the New Technological Age: 2021 – Chapters 1 and 2 (July 11, 2021). // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ssrn.com/abstract=3884159>.

6. John Stuart Mill. «Principles of Political Economy» (1902) Book V, 548. Quote by: Hilty, Reto and Hoffmann, Jorg and Scheuerer, Stefan, Intellectual Property Justification for Artificial Intelligence (February 11, 2020). Draft chapter. Forthcoming in: J.-A. Lee, K.-C. Liu, R.M. Hilty (eds.), Artificial Intelligence & Intellectual Property, Oxford, Oxford University Press, 2020, Forthcoming, Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper No. 20–02. // [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ssrn.com/abstract=3539406>.

7. «AI and Control of the COVID-19 Coronavirus» // [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/ii-i-kontrol-koronavirusa-kovid-19>.

8. Margolin, I. D., Dubovskaya N.P. «The Main Stages of the Development of Artificial Intelligence» // Young Scientist. – 2018. – No. 20 (206). – Pp. 23–26. // [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://moluch.ru/archive/206/50536/>.

9. Morkhart P.M. «The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems» dissertation of the Candidate of Law sciences – Moscow, 2017 – p. 30. // [Electronic resource] – Access mode: URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf.

10. «Works Created by AI and Received Recognition» // 2024 // [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://dzen.ru/a/Z0niZ1EmpV-flRfN>.

11. Ruchkin V.N., Fulin V.A. «Universal Artificial Intelligence and Expert Systems». – St. Petersburg: BHV– 2009. – 240 P.

12. Sinelnikova V.N., Revinsky O.V. «Rights to the Results of Artificial Intelligence» // Copywrite. – 2017. – No. 4. – Pp. 17–27. – P. 18.

13. Ushcheko A. V. «Artificial intelligence in education. application of artificial intelligence to ensure adaptive education» // Bulletin of Science. 2023. No. 6 (63). // [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-dlya-obespecheniya-adaptivnosti-obrazovaniya>.

14. Fisher W. «Theories of intellectual property» // New essays in the legal and political theory of property / ed. by R. Munzer. Cambridge, 2001. P. 168–193.

Торгашов Константин Сергеевич,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

E-mail: torgashov.ks@gmail.ru

В статье исследуются механизмы комплаенса в сфере защиты интеллектуальной собственности (ИС) на крупных цифровых платформах, выступающих в качестве организаторов торговли. Сравнительный анализ международного гиганта Amazon и российского лидера Ozon позволяет выявить общие тенденции и национальные особенности построения комплаенс-систем. Цель работы – на основе анализа научных подходов и эмпирических данных обосновать научную новизну, заключающуюся в синтезе концепции «адаптивного комплаенса» для цифровых платформ, учитывающей их двойственную природу как технологических компаний и регуляторных акторов. В статье критически рассматриваются взгляды современных российских ученых на проблему, предлагается авторская позиция по дальнейшему развитию комплаенс-моделей.

Ключевые слова: цифровые платформы, комплаенс, интеллектуальная собственность, Amazon, Ozon, правообладатели, контрафакт, посредническая ответственность.

Цифровизация глобальной экономики привела к доминированию платформенных моделей, в которой такие компании, как Amazon и Ozon, выступают не просто как ритейлеры, а как сложные экосистемы, организующие взаимодействие миллионов продавцов и покупателей. Такая трансформация породила фундаментальный вызов в области защиты интеллектуальной собственности. Платформы де-факто становятся частными регуляторами, разрабатывающими и внедряющими сложные комплаенс-системы для борьбы с контрафактной продукцией. Актуальность исследования обусловлена ростом объема контрафакта в электронной коммерции, усилением регуляторного давления на платформы по всему миру и необходимостью выработки эффективных моделей, балансирующих интересы правообладателей, добросовестных продавцов и самих платформ. В связи с преимущественно электронным документооборотом возможна недобросовестная активность участников платформ, подмена удостоверяющих документов, несовершенство систем проверки, что неминуемо приводит к появлению контрафактных товаров на цифровых платформах. Наиболее часто нарушаются исключительные права на товарные знаки и фирменные наименования правообладателей; использование процедур комплаенса способно напрямую повысить эффективность пресечения распространения контрафакта путем упрощения выявления нарушителей и установления объемов проданной продукции.

Целью статьи является рассмотрение на основе сравнительного анализа комплаенс-механизмов в сфере интеллектуальной собственности на примере Amazon и Ozon, выявления их сильных и слабых сторон, а также с учетом существующих научных подходов формулирование авторской концепции в отношении подхода к внедрению механизмов комплаенса на цифровых платформах с соблюдением баланса защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и экономической целесообразности процедур.

В рамках данного исследования комплаенс понимается в его расширенной трактовке, выходящей за рамки формального следования нормам права. Комплаенс можно описать как набор процессов и процедур в рамках конкретной сферы, направленных на обеспечение соблюдения государственных норм и законов. Цифровые платформы являются относительно новым инструментом взаимодействия, из-за чего процедуры комплаенса имеют существенные недостатки и несоответствия требованиям законодательства. Как справедливо отмечает J. Claydon, комплаенс в современной корпоративной практике является структурным элементом социальной ответственности бизнеса, направленным на формирование доверительных отношений со стейкхолдерами и превентивное управление рисками [1, с. 430]. Применительно к цифровым платформам данная концепция приобретает особое звучание, поскольку доверие пользователей и правообладателей становится ключевым активом, а комплаенс-системы трансформируются из оборонительного механизма в инструмент создания конкурентного преимущества.

В современной российской правовой доктрине сформировалось несколько ключевых подходов к осмыслению комплаенса цифровых платформ. Один из ведущих исследователей в данной области, В.С. Манохин, рассматривает платформы как «частных порядковых инстанций», чья комплаенс-политика направлена на минимизацию экстерналий, связанных с нарушениями интеллектуальных прав. Он подчеркивает, что комплаенс трансформируется из пассивного следования нормам в активное нормотворчество, где правила платформы зачастую строже государственных предписаний [2, с. 21]. С данной позицией сложно не согласиться, поскольку она точно отражает объективную реальность: Brand Registry от Amazon или «Бренд-защита» от Ozon действительно устанавливают процедуры, выходящие за рамки базовых требований закона о посреднической ответственности (ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ [3], § 512(c) Digital Millennium Copyright Act (DMCA) [4] в США).

Однако рассмотренный подход, на наш взгляд, недооценивает экономическую детерминированность таких систем. Комплаенс здесь – не столько публичная служба, сколько инструмент управления репутационными и финансовыми рисками самой платформы. Это коррелирует с позицией Е.А. Войниканис, которая акцентирует внимание на конфликте интересов, присущем платформе: с одной стороны, она заинтересована в чистоте маркетплейса, с другой – в максимальной

росте числа продавцов и товарного ассортимента [5, с. 20]. Исследователь справедливо указывает на то, что чрезмерно жесткие, неавтоматизированные комплаенс-процедуры могут замедлить рост платформы, что вынуждает ее искать компромиссные, а не абсолютно эффективные решения.

С другой стороны, Э.Л. Сидоренко в своих работах делает упор на технологическую составляющую комплаенса, рассматривая алгоритмы проактивного выявления контрафакта (например, через машинное обучение и анализ изображений) как ключевой элемент современной системы. Он утверждает, что будущее за предиктивным комплаенсом, который предотвращает нарушения до их совершения [6, с. 21]. С данной точкой зрения можно частично согласиться, однако она несет в себе риски «алгоритмической слепоты» и злоупотреблений. Автоматизированные системы, как показывает практика, могут ошибаться, блокируя добросовестных продавцов, чьи товары имеют сходство с охраняемыми объектами интеллектуальной собственности, а процедуры апелляции зачастую остаются недостаточно проработанными.

Таким образом, в российском научном дискурсе доминируют три взаимодополняющих, но и конкурирующих подхода: институциональный, экономико-управленческий и технологический. Настоящее исследование, не отрицая их ценность, исходит из необходимости синтетического подхода, рассматривающего комплаенс как адаптивную, многоуровневую систему, находящуюся под постоянным влиянием регуляторного пресса, экономических интересов и технологических возможностей. Эмпирической иллюстрацией продуктивности такого синтетического подхода служит сравнительный анализ комплаенс-практик ведущих маркетплейсов, когда теоретические конструкции обретают конкретные организационно-технические очертания.

Практика Amazon представляет собой наиболее развитую и комплексную модель, сформированную под воздействием жесткого законодательства и многочисленных судебных исков. Ее краеугольным камнем является программа Brand Registry, доступ к которой получают правообладатели, зарегистрировавшие свои товарные знаки [7]. Участники программы получают доступ к инструментам проактивного мониторинга и удаления контрафактных листингов, включая автоматизированный поиск по тексту и изображениям. Кроме того, Amazon развивает программу Transparency, предполагающую нанесение на товары уникальных QR-кодов, проверяемых при отгрузке, и проект Project Zero, передающий правообладателям возможность напрямую удалять подозрительные предложения.

Данная система демонстрирует эволюцию от реактивной модели, основанной на уведомлении правообладателей, к гибридной, при которой проактивные технологические инструменты сочетаются с делегированием полномочий самим брендам. Это подтверждает тезис о технологизации, тем не менее, также иллюстрирует риски, отмеченные Е.А. Войничанис: передача права на удаление контента правообладателям (Project Zero) породила волну злоупотреблений, когда крупные бренды использовали этот инструмент для недобросовестной конкуренции против малых продавцов [5, с. 25].

Деятельность российских маркетплейсов, в частности Ozon, разворачивается в условиях активного формирования специализированного законодательства. Знаковым событием, закрепляющим правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации, стало принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» [8]. Данный акт, вступающий в силу с 1 октября 2026 года, впервые на законодательном уровне определяет понятийный аппарат и устанавливает системные принципы взаимодействия между операторами цифровых платформ, их партнерами и пользователями. Закон вводит ключевые требования, непосредственно влияющие на архитектуру комплаенса, включая ведение государственного реестра платформ, запрет на размещение товаров, изъятых из оборота, и, что наиболее существенно для защиты прав потребителей и правообладателей, — обязанность оператора четко информировать о своем посредническом статусе. Это создает новую нормативную рамку, в которой таким игрокам, как Ozon, предстоит выстраивать свои комплаенс-процедуры, балансируя между требованиями национального законодательства и необходимостью следования лучшим международным практикам.

Российская платформа Ozon, в свою очередь, демонстрирует иной путь развития комплаенса, обусловленный как меньшими ресурсами, так и спецификой национального правового поля. Ключевым инструментом является сервис «Бренд-защита», функционально схожий с Brand Registry, но менее автоматизированный [9]. Правообладатель подает заявку на блокировку, которую рассматривает специальная команда модераторов Ozon. В свою очередь, это создает более высокую нагрузку на персонал платформы и приводит к большим срокам реакции по сравнению с Amazon. При этом Ozon активно развивает со-

трудничество с таможенными органами и правообладателями в рамках предварительных договоренностей, что является адаптацией к локальным условиям.

Главное отличие заключается в подходе к данным. Amazon, обладая колоссальными вычислительными мощностями, делает ставку на предиктивные алгоритмы, анализирующие поведение продавцов, отзывы покупателей и паттерны заказов для выявления подозрительной активности. Ozon лишь начинает внедрять подобные системы, и его комплаенс в значительной степени остается ручным и реактивным. Это наглядно показывает, как экономический масштаб и технологический капитал определяют эффективность комплаенс-архитектуры, что подтверждает экономико-управленческий подход.

Для детального сравнения эффективности данных подходов целесообразно провести сравнительный анализ по ключевым направлениям комплаенс-деятельности.

1. Верификация правообладателей и регистрация брендов. В основе комплаенс-политики Amazon лежит институт Brand Registry, характеризующийся строгими процедурами верификации. От правообладателей требуется предоставление легализованных документов, подтверждающих факт регистрации товарного знака в авторитетных национальных или наднациональных патентных ведомствах, таких как Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) или Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO). Подобный подход формирует высокий порог входа в систему, что, с одной стороны, выступает гарантом достоверности сведений о правообладателе, а с другой — минимизирует риски несанкционированной апроприации брендов. В противоположность этому, платформа Ozon в рамках сервиса Ozon Brand применяет упрощенный регламент верификации, адаптированный к специфике национального рынка. Для регистрации признается достаточным предъявление свидетельства, выданного Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент). Данная модель обеспечивает повышенную доступность для локальных производителей, однако порождает риск формирования фрагментированной системы защиты, не интегрированной в глобальные реестры, что становится значимым барьером при интернационализации бизнеса. Таким образом, ключевая дихотомия заключается в ориентации Amazon на универсализацию и превентивное фильтрование контрагентов, в то время как стратегия Ozon нацелена на оптимизацию и адаптацию в рамках национальной юрисдикции.

2. Механизмы противодействия контрафактной продукции. Антиконтрафактная стратегия Amazon базируется на реализации многоуровневой системы, интегрирующей технологические инновации в области искусственного интеллекта с моделью делегирования части полномочий самим правообладателям. В рамках программы Project Zero последним предоставляется функционал для автономного удаления листингов, идентифицированных как контрафактные, с использованием алгоритмов машинного обучения для верификации визуального и текстового контента. Результатом внедрения данной модели является сокращение временного лага между выявлением и пресечением нарушения до нескольких часов. В свою очередь, Ozon демонстрирует зависимость от традиционных методов, основанных на ручном труде: премодерации товарных карточек и реактивной обработке поступающих жалоб силами штатных модераторов, что увеличивает процедурный цикл до 1–3 рабочих дней. Сравнительный анализ эффективности позволяет констатировать, что уровень автоматизации Amazon обеспечивает сокращение операционного цикла в 5–7 раз относительно российской платформы. Вместе с тем, делегирование правообладателям функций контроля сопряжено с существенным риском их злоупотребления своими полномочиями.

3. Защита авторского контента и патентов. Проактивная комплаенс-модель Amazon находит свое отражение в применении специализированных инструментов, таких как программа Transparency, основанная на генерации уникальных идентификационных кодов для каждой товарной единицы, что детерминирует исключение возможности подмены оригинальной продукции на этапах логистической цепочки. Для досудебного урегулирования патентных коллизий используется процедура Utility Patent Neutral Evaluation, предполагающая привлечение независимых экспертов для арбитража. Ozon в данном контексте ограничивается декларативными нормами, закрепленными в пользовательском соглашении, что на практике индуцирует бесконтрольное реплицирование товарных описаний и изображений различными продавцами. Отсутствие специализированных юрисдикционных механизмов актуализирует для правообладателей необходимость обращения в государственные судебные инстанции, что наглядно иллюстрируется кейсом о противоправном использовании товарного знака «Baby Go». Проведенное сопоставление релевантно подтверждает ранее выдвинутый тезис: подход Amazon характеризуется превентивностью, трансли-

руя комплаенс в плоскость превенции, тогда как модель Ozon остается в рамках парадигмы постфактумного реагирования.

4. Международное сотрудничество и регулирование. Amazon сформировал глобализованную экосистему защиты интеллектуальной собственности, обеспечивая синхронизацию стандартов в более чем 20 странах присутствия. Инициатива IP Accelerator ориентирована на содействие малым и средним предприятиям в процедурах регистрации товарных знаков через сеть аккредитованных юридических партнеров, а установление формализованного взаимодействия с правоохранительными структурами (в частности, с INTERPOL) потенцирует эффективность противодействия транснациональному контрафакту. Ozon концентрирует операционную деятельность в сегменте локального рынка, выстраивая кооперацию преимущественно с Роспатентом. Несмотря на запуск в 2022 году пилотной инициативы по усилению контроля товарных потоков из государств-членов ЕАЭС [10], уровень интеграции с международными базами данных (такими как TMview) остается релевантным ограничителем, сужающим инструментальную базу для противодействия контрафакту, обладающему трансграничной природой.

Проведенный анализ позволяет критически оценить обе модели. Модель Amazon, при всей ее технологической мощи, страдает от проблемы «человеческого фактора», вынесенного за скобки: окончательные решения по апелляциям принимают низкооплачиваемые сотрудники, часто не имеющие глубоких познаний в тонкостях интеллектуальной собственности, что ведет к ошибкам и несправедливым блокировкам. Модель Ozon, в свою очередь, непрозрачна и недостаточно масштабируема, что создает риски для ее устойчивости по мере роста платформы.

По результатам проведенного исследования предлагается концепция «адаптивного комплаенса» для цифровых платформ, которая включает следующие элементы:

1. Трехуровневая система принятия решений. Сочетание автоматических алгоритмов (уровень 1) для первичного скрининга, профессиональных модераторов-экспертов в области интеллектуальной собственности (уровень 2) для сложных кейсов и быстрых апелляций, и внешнего арбитражного органа с участием представителей правообладателей, ассоциаций продавцов и независимых экспертов (уровень 3) для разрешения спорных ситуаций. Данная система снимает противоречие между технологичностью и рисками злоупотреблений.

2. Экосистемный подход к данным. Комплаенс-система должна не просто защищать, но и генерировать ценность. Анонимизированные данные о попытках продажи контрафакта могут быть предоставлены правообладателям для анализа уязвимостей их цепочек распределения, а также регуляторам для выявления организованных преступных групп. Такой подход трансформирует комплаенс из центра затрат в инструмент создания доверия во всей экосистеме.

3. Дифференциация политик в зависимости от типа продавца и товара. Единые правила для всех неэффективны. Комплаенс-политика должна быть риско-ориентированной: для новых продавцов из «серых» юрисдикций и товаров высокой степени риска (люксовые бренды, электроника) применяются строжайшие проверки (вплоть до предварительного физического осмотра складов), в то время как для проверенных годами продавцов и товаров с низкими рисками действует упрощенный режим.

Такая концепция согласуется с институциональным подходом, однако наполняет его конкретным технологическим и процедурным содержанием, преодолевая его некоторый абстрактный характер. Она признает экономические ограничения, но предлагает пути превращения комплаенса из статьи расходов в актив.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Сравнительный анализ комплаенс-практик Amazon и Ozon в сфере защиты интеллектуальной собственности демонстрирует общую тенденцию к переходу от пассивной посреднической модели к активной регуляторной. Однако траектории этого перехода различны и определяются технологическим потенциалом, регуляторной средой и этапом развития компании. Существующие в российской науке подходы к осмыслению данного феномена – институциональный, экономико-управленческий и технологический – являются ценными, но недостаточными по отдельности. Они требуют синтеза в рамках более комплексной модели. Предложенная в статье концепция «адаптивного комплаенса», основанная на трехуровневой системе принятия решений, экосистемном использовании данных и дифференциации политик, призвана преодолеть выявлен-

ные недостатки как практик ведущих платформ, так и их теоретического осмысления. Дальнейшие исследования могут быть направлены на детальную проработку экономической целесообразности и правовых механизмов внедрения предложенных элементов, в частности, создания независимых арбитражных органов при платформах.

Литература

1. Claydon, J. (2013). Compliance/Legal Compliance. In: Idowu, S.O., Capaldi, N., Zu, L., Gupta, A.D. (eds) Encyclopedia of Corporate Social Responsibility. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28036-8_353
2. Манохин, В.С. Юридический комплаенс: теория, техника, практика: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2024. – 25 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс, 2025.
4. Закон об авторском праве в цифровую эпоху – Digital Millennium Copyright Act (DMCA) // https://web.archive.org/web/20150908175258/https://ru.wikipedia.org/wiki/Digital_Millennium_Copyright_Act (дата обращения:)
5. Войниканис, Е.А. Большие (персональные) данные: проблема баланса интересов / Е.А. Войниканис // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 4 (34). – С. 19–27.
6. Сидоренко, Э.Л. Защита прав пользователей цифровых платформ: основные подходы / Э.Л. Сидоренко // Мировой судья. – 2023. – № 1. – С. 21–24.
7. Amazon // <https://sell.amazon.com/brand-registry>
8. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (документ не вступил в силу) // СПС КонсультантПлюс, 2025.
9. Ozon // <https://seller.ozon.ru/>
10. Федеральная таможенная служба // <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti>

COMPLIANCE OF DIGITAL PLATFORMS: FOREIGN COUNTRIES' EXPERIENCE

Torgashov K.S.

Russian State University of Justice

This article investigates compliance mechanisms in the field of intellectual property (IP) protection on major digital platforms that act as trade organizers. A comparative analysis of the international giant Amazon and the Russian leader Ozon makes it possible to identify general trends and national specifics in the construction of compliance systems. The aim of the work is to substantiate the scientific novelty, based on the analysis of scientific approaches and empirical data, which consists in synthesizing the concept of «adaptive compliance» for digital platforms, taking into account their dual nature as both technology companies and regulatory actors. The article critically examines the views of contemporary Russian scholars on the problem and proposes the author's position on the further development of compliance models.

Keywords: digital platforms, compliance, intellectual property, Amazon, Ozon, rights holders, counterfeit, intermediary liability.

References

1. Claydon, J. (2013). Compliance/Legal Compliance. In: Idowu, S.O., Capaldi, N., Zu, L., Gupta, A.D. (eds) Encyclopedia of Corporate Social Responsibility. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-28036-8_353
2. Manokhin, V.S. Legal compliance: theory, technique, practice: abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. – Vladimir, 2024. – 25 p.
3. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) // SPS ConsultantPlus, 2025.
4. Digital Millennium Copyright Act (DMCA) // https://web.archive.org/web/20150908175258/https://ru.wikipedia.org/wiki/Digital_Millennium_Copyright_Act (accessed:)
5. Voinikanis, E.A. Big (personal) data: the problem of balancing interests / E.A. Voinikanis // Journal of the Intellectual Property Court. – 2021. – No. 4 (34). – P. 19–27.
6. Sidorenko, E. L. "Protecting the Rights of Digital Platform Users: Basic Approaches" // Magistrate. – 2023. – No. 1. – Pp. 21–24.
7. Amazon // <https://sell.amazon.com/brand-registry>
8. Federal Law of July 31, 2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" (the document has not entered into force) // SPS ConsultantPlus, 2025.
9. Ozon // <https://seller.ozon.ru/>
10. Federal Customs Service // <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti>

Об отдельных правовых рисках при оказании фитнес-услуг в период действия обязательства аренды с физкультурно-спортивной организацией

Васькевич Владимир Петрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: vaskevich_vlad@mail.ru

Экзекова Лина Муссовна,

ассистент кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургского государственного экономического университета
E-mail: l_shayn@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные риски возникновения ответственности за нарушение неимущественных прав потребителя фитнес-услуг в сфере охраны здоровья в период действия договора аренды между тренером и фитнес-центром на конкретных примерах, когда травма получена: (а) вследствие использования некачественного оборудования из-за коррозии металла, допущенной организацией-арендодателем; (б) на территории организации-арендодателя вне занятий с тренером. Сделан вывод о вероятности предъявления требований как в отношении тренера на основании действующих частноправовых отношений оказания фитнес-услуг, так в отношении фитнес-центра.

Сформированы рекомендации, среди которых, в том числе, включение в договор условия об обязанности осуществлять контроль за благополучной фитнес-средой для упрощения процессов дальнейшего предъявления регрессного требования, а также создания основы для суброгации при наличии страхования ответственности. Авторами полагается, что такая обязанность должна быть закреплена за арендодателем в соответствии с правовой природой арендного обязательства, однако оставляется на усмотрение сторон. Сформулировано и предложено авторское определение благополучной фитнес-среды для дальнейшего применения в договорной практике.

Ключевые слова: договор аренды, защита потребителей, фитнес-услуги, регрессное требование, суброгация, ответственность, правовые риски.

Современные реалии характеризуются перманентным развитием фитнес-индустрии, которая, в свою очередь, содержит в своем багаже признаков наличие многочисленных правовых споров с посетителями физкультурно-спортивных организаций¹ (регулирование деятельности которых подпадает под гражданское законодательство [3, с. 41]), в том числе из-за ущерба, связанного с получением на территории центра травм².

Речь в большей степени, разумеется, идет о вреде, причиненном в результате предоставления фитнес-услуг, не соответствующих требованиям безопасности, хотя порой дело, конечно, усугубляется проблемой любительского посещения таких организаций.

Совершенно справедливо подчеркивается в науке «двойственная» природа деятельности фитнес-центров по оказанию фитнес-услуг, которая проявляется в том, что она, казалось бы, направленная «на улучшение физического здоровья и физической формы клиента», неизбежно сопряжена с повышенной вероятностью причинения вреда жизни и здоровью с учетом уязвимости человеческого организма и ряда угроз и рисков, с которыми потребитель может столкнуться в фитнес-центре [4, с. 135].

Эти угрозы существуют даже при отсутствии, например, взаимодействия со спортивным инвентарем или непосредственного совершения действий физкультурно-оздоровительного характера. Так, например, практика содержит случай, когда посетитель фитнес-центра получил закрытую черепно-мозговую травму и сотрясение мозга вследствие падения из-за того, что вдоль бассейна было разлито много воды, и несмотря на то, что лицо находилось в обуви, исключаяющей скольжение, и преодолеvalo путь спокойным шагом, оно не смогло избежать опасности³. В целом, зачастую травмы происходят именно в зонах душевых и раздевалок из-за вышеуказанной причины (мокрая и скользкая поверхность).

Еще одной распространенной потенциальной опасностью является некомпетентность фитнес-тренеров в различных ее проявлениях, начиная с неправильного составления плана занятий и излишней нагрузки на организм посетителя, заканчивая ненадлежащим наблюдением и контролем. Так, при выполнении гимнастического упражнения под руководством тренера лицо получило травму, при этом не было предпринято никаких мер по (а) вызову медицинского работника, (б) оказанию первой доврачебной помощи, (в) транспортировке пострадавшего в медицинское учреждение⁴.

В случаях, когда услуги оказываются тренерами, являющимися сотрудниками организации, любые претензии потребителя разрешаются в рамках его отношений с фитнес-центром. Вопросы привлечения к ответственности сотрудника за ненадлежащее исполнение им трудовых обязанностей выходит за рамки законных интересов потребителя. Но если некомпетентность тренера влечет нарушение неимущественных прав лица в сфере охраны здоровья в рамках его частноправовых отношений с заказчиком фитнес-услуг, ответственность, разумеется, несет сам тренер.

Данные примеры наиболее прозрачны в своем прогнозе. Нами же усматривается необходимость в анализе вопроса, как будут распределены правовые риски в части ответственности перед потребителем, когда между физкультурно-спортивной организацией и тренером заключается договор аренды нежилого помещения на территории фитнес-центра в целях проведения спортивно-оздоровительных мероприятий и (или) спортивных тренировок и занятий с третьими ли-

¹ Согласно ч. 1 ст. 30.1 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» фитнес-центры являются физкультурно-спортивными организациями, целью деятельности которых является оказание гражданам услуг по физической подготовке и физическому развитию // СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

² См. например: Решение Заволжского районного суда города Твери от 15.09.2025 по делу № 2–563/2025; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2023 по делу № 88–16048/2023 // СПС «Консультант Плюс».

³ Решение Ломоносовского районного суда города Архангельска от 15.04.2025 по делу № 2–1972/2025 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Апелляционное определение Московского областного суда от 09.04.2025 № 33–7454/2025 // СПС «Консультант Плюс».

цами, и третьим лицам во время таких тренировок причиняется вред не по вине тренера. Рассмотрим возможные примеры ниже.

Во-первых, наше внимание привлекло одно любопытное дело, в рамках которого лицо в уведомлении о расторжении договора аренды указало, что «в связи с произошедшими обильными дождями, затоплением арендуемого помещения (фитнес-центра) относительная влажность воздуха поднялась более, чем на 80%, что в свою очередь начало вызывать коррозию тренажеров»¹.

Само дело не включало в себя правовых проблем с потребителями, но дело в том, что коррозия металла – явление, которое оказывает ключевое влияние на износостойкость и надежность оборудования [5, с. 513], способно спровоцировать появление сколов и иных недостатков вещей, которые впоследствии при контакте с субъектом вполне могут стать причиной травмы.

В соответствии с п. 1 ст. 612 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) арендодатель отвечает за недостатки переданного в аренду имущества (даже если при заключении сделки ему о них не было известно). Но арендатор также по общему правилу обязуется согласно п. 2 ст. 616 ГК РФ поддерживать имущество в исправном состоянии, производить за свой счет текущий ремонт и нести расходы на содержание имущества. Более того, у арендатора с посетителем территории центра есть правовые отношения по оказанию услуг, регулирование которых подпадает под действующее законодательство о защите прав потребителей, определяющее, что предоставляемая потребителю услуга должна быть безопасной для его жизни и здоровья².

Тогда что превалирует в таком случае – обязанность фитнес-центра предоставлять имущество без недостатков или обязанность тренера создать безопасные условия при оказании фитнес-услуги? И как это соотносится с риском нести ответственность перед потребителем в случае, если тот получит соответствующие травмы из-за допущенных недостатков?

Мыслится, что потребитель – лицо с правовой уязвимостью, а потому нуждается в повышенной защите со стороны законодателя. Споры с его участием практически всегда завершаются не в пользу оппонентов, а различие составляют лишь объемы требований, самыми сомнительными из которых зачастую являются компенсации морального вреда. В любом случае, целью настоящего изыскания предстает не дискуссия в части реальной правовой уязвимости потребителя, ведь ставить под сомнение данный аспект в цивилистической литературе считается за моветон, хотя добросовестность потребителя порой исключает себя из его поведения³. Нашим намерением, скорее, является подчеркнуть, что отношения с таким лицом превалируют в любом случае.

Нарушение неимущественных прав потребителя служит основой для взыскания убытков в виде расходов, понесенных на лечение и связанных с временной нетрудоспособностью, компенсации морального вреда, а также возникновения обязанности выплатить штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя на основании действующего законодательства в сфере защиты прав потребителей⁴.

При этом, как нам видится, потребитель может предъявить вышеозначенные требования как в отношении тренера в рамках договорного иска (такие требования вытекают из ненадлежащего исполнения фитнес-услуги), так в отношении фитнес-центра, в том числе в рамках деликтного иска (тогда спорные отношения будут считаться возникшими из причинения вреда).

При предъявлении потребителем требований вследствие нарушения его прав в сфере охраны здоровья в результате использования оборудования ненадлежащего качества, тренер (после удовлетворения этих требований) может осуществить регрессное требование в отношении фитнес-центра, однако существует риск: если обильные дожди не являются периодическим явлением в регионе, а также если их невозможно было прогнозировать, тогда затопление арендуемого помещения может быть признано форс-мажорными обстоятельствами, то есть такими обстоятельствами, при которых любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий [7, с. 393].

Для снижения такого риска следует смещать акценты на последующие действия арендодателя, утверждая, что кроме допущения повышения влажности в помещении организация также небрежно отнеслась и к его последствиям – собственно, коррозии тренажеров. Иначе бы данные последствия были не иначе как устранены (например, посредством замены оборудования), ведь недостатки переданного в аренду имущества находятся в зоне ответственности арендодателя.

В усиление данного основания в договор аренды необходимо прямо включать обязанность фитнес-центра обеспечивать среду, которая, как мы полагаем, должна презюмировать ежедневный профилактический уход за оборудованием. Дадим этому наименованию благополучной и безопасной фитнес-среды. Наличие названного условия в соглашении послужит для нивелирования или минимизации рисков, связанных с возможным использованием контрагентом в качестве аргумента обязанности арендатора поддерживать имущество в исправном состоянии (ведь таковая предполагается, только если иное не предусмотрено договором) и облегчит процессы, связанные с регрессными требованиями.

Отметим также возможность обратиться к институту, который позволит сохранить ценный ресурс в виде времени и пропустить этап регресса. И таким институтом является страхование ответственности, при котором страховщик выплатит возмещение по наступлении страхового случая третьему лицу – потребителю фитнес-услуги. А уже после самостоятельно предъявит требования в порядке суброгации в адрес физкультурно-спортивной организации в отсутствие вины арендатора на основании договора аренды.

Стоит остановиться на том, что здесь тоже есть соответствующие риски, о которых арендатору не стоит забывать. Специфика института суброгации заключается в том, что страховщик, выплатив возмещение страхователю, приобретает право требования, которое было у страхователя (это основное отличие суброгации от регресса, обладающего признаками самостоятельности и независимости [8, с. 47]). В случае, когда это требование отсутствует у лица первоначального (из-за отказа страхователя от права требования), то страховщик, по сути, лишается своего законного права по его вине. Тогда он может отказаться от выплаты страхового возмещения, а если оно уже выплачено – требовать возврата суммы страхового возмещения.

Второй интересный для рассмотрения пример в ключе анализа распределения правовых рисков – вред, причиненный здоровью потребителя, вне отношений с фитнес-центром, однако на его территории. То есть, когда лицо прибыло на территорию фитнес-объекта для получения услуги в виде спортивных тренировок с лицом, которое арендует помещение на территории фитнес-центра, и получает травму по дороге на тренировку или после нее.

Например, судебная практика продолжает пополняться делами о полученных травмах в общественных местах, включая торговые комплексы и те же фитнес-центры. Приведем пример, когда лицо поскользнулось на территории парковочного пространства фитнес-центра и обратилось в суд с исковыми требованиями к организации. Несмотря на то, что судом исковые требования не были удовлетворены за рядом обстоятельств, интересно, что им подчеркивалась обязанность спортивного комплекса обеспечивать, в том числе, возможность безопасного перемещения по парковочному пространству, являющемуся прилегающей к зданию фитнес-центра территорией⁵.

Ошибочно полагать, что, когда лицо приходит на персональные занятия с тренером, оно никак не контактирует в правовом поле с фитнес-центром. Приведем интересный пример, когда посетитель гипермаркета при входе в торговый объект получила травму из-за некорректно сработавшей системы автоматического открывания дверей. В этом деле суд прямо пояснил, что «право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с продавцом (исполнителем) или нет», а так как истец «пришла в гипермаркет, в котором осуществляет торговую деятельность ответчик, за приобретением товаров», следовательно травма получена «в процессе получения услуги розничной торговли на торговом объекте»⁶.

Таким образом, фитнес-центр может быть привлечен к ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности при предоставлении услуг, который он будет обязан возместить согласно действующему законодательству в сфере защиты прав потребителей⁷.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2024 № 305-3С24-15281 по делу № А41-18303/2021 // СПС «Консультант Плюс»

² См. п. 1 ст. 6 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

³ См., например: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 № 88-661/2024 (88-29670/2023) // СПС «Консультант Плюс»

⁴ См. п. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁵ Решение Лефортовского районного суда города Москвы от 19.08.2024 по делу № 2-6093/2024 // СПС «Консультант Плюс»

⁶ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.07.2021 № 33-13066/2021 // СПС «Консультант Плюс»

⁷ См. ст. 14 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

Итак, фитнес является элементом спортивного мира, включающего множество различных видов правоотношений [1, с. 6–7], частью физической культуры, в качестве его квалифицирующего признака выступает оказание услуг населению по организации и проведению физкультурных мероприятий [6, с. 93], а в качестве цели – обеспечение физического и психического здоровья человека самими современными методиками и технологиями [2, с. 152, 155].

При этом, как изложено выше, оказание фитнес-услуг презюмирует различные юридические риски в сфере охраны здоровья потребителей как лиц с повышенной правовой уязвимостью. И фитнес-тренеру, и фитнес-центру при оформлении арендных отношений необходимо быть к таким рискам готовым, так как зачастую они приобретают совершенно нетипичные формы проявления.

Как правило, предоставляемые в аренду помещения на территории фитнес-объекта включают в себя оборудование, спортивный инвентарь, тренажеры и мебель, их состояние должно соответствовать требованиям качества для беспрепятственного использования по назначению. Однако случается так, что оборудование по какой-то причине приходит в негодность, что приводит к повышению рисков использования, а после – к несчастным случаям и травмам.

Поэтому рекомендуется включать дополнительно в соглашение пункт об обеспечении благополучной фитнес-среды. Сформулируем определение такого понятия для возможного применения в договорной практике.

Благополучная фитнес-среда – это существование условий безопасности на территории физкультурно-спортивных организаций, осуществляющих услуги по физической подготовке и физическому развитию граждан, предполагающих, в том числе, обеспечение беспрепятственного передвижения внутри и около пространства фитнес-объекта, профилактический уход за оборудованием, контроль за его корректной работой и безопасностью эксплуатации.

На наш взгляд, такая обязанность должна быть закреплена за фитнес-центром, ведь если предоставленное в аренду имущество не может быть использовано по его назначению арендатором, это противоречит самой природе арендного обязательства. Но следуя принципу свободы договора, субъекты могут договориться о распределении указанной обязанности по своему усмотрению (например, закрепление обязанности об обеспечении благополучной фитнес-среды за арендодателем за вычетом из указанного профилактического ухода за оборудованием и распределением его на арендатора). Таким образом, стороны по договору аренды осуществят распределение рисков при оформлении отношения и усилят эффект безопасности в сфере охраны здоровья граждан-потребителей.

Литература

1. Асадуллин М.Р. К вопросу о совершенствовании законодательства о спорте // Спорт: экономика, право, управление. – 2025. – № 3. – С. 5–7.
2. Гарина О.Г. Фитнес-услуги как средство привлечения граждан к систематическим физкультурно-оздоровительным занятиям // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2019. – № 1 (75). – С. 151–155.
3. Гирфанов И.И. Корпоративное управление в физкультурно-спортивных организациях: гражданско-правовой аспект // Юридический мир. – 2017. – № 7 (247). – С. 40–43.
4. Кванина В.В., Спиридонова А.В., Тихомирова А.В. Страхование ответственности фитнес-центров как инструмент защиты прав потре-

бителей фитнес-услуг // Человек. Спорт. Медицина. – 2019. – Т. 19. – № S2. – С. 129–139.

5. Кудина А.В., Соколов И.О. Коррозия – биотехническая система разрушения технических объектов, снижающая их качество и надежность // Наука и техника. – 2020. – № 6. – С. 512–520.

6. Пирог Д.Ю. Перспективы правового регулирования фитнеса в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 9. – С. 92–96.

7. Старикова О.Н. О некоторых проблемах свидетельствования обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажора) в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 7. – С. 392–395.

8. Фролова Н.М. Правовая природа регрессных требований // Хозяйство и право. – 2022. – № 12. – С. 46–63.

ON CERTAIN LEGAL RISKS IN THE PROVISION OF FITNESS SERVICES DURING THE PERIOD OF THE LEASE AGREEMENT WITH A PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS ORGANIZATION

Vaskevich V.P., Ekzekova L.M.

Saint Petersburg State University of Economics

This article examines specific risks of liability for violating the non-property rights of a fitness service consumer in the area of health protection during a lease agreement between a trainer and a fitness center, using specific examples. An injury occurred: (a) as a result of using poor-quality equipment due to metal corrosion caused by the lessor; (b) on the lessor's premises outside of training sessions with a trainer. A conclusion is reached regarding the likelihood of claims being brought against both the trainer based on existing private law relations for the provision of fitness services and against the fitness center.

Recommendations are formulated, including, among other things, the inclusion of a clause in the agreement requiring the maintenance of a safe fitness environment to simplify the process of subsequent recourse claims and to create a basis for subrogation in the presence of liability insurance. The authors believe that such an obligation should be assigned to the lessor in accordance with the legal nature of the lease obligation, but it is left to the discretion of the parties. A definition of a safe fitness environment is formulated and proposed for future application in contractual practice.

Keywords: lease agreement, consumer protection, fitness services, recourse claim, subrogation, liability, legal risks.

References

1. Asadullin M.R. On the issue of improving the legislation on sports // Sports: economics, law, management. – 2025. – No. 3. – P. 5–7.
2. Garina O.G. Fitness services as a means of attracting citizens to systematic physical education and health classes // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. – 2019. – No. 1 (75). – P. 151–155.
3. Girfanov I.I. Corporate governance in physical education and sports organizations: civil law aspect // Legal world. – 2017. – No. 7 (247). – P. 40–43.
4. Kvanina V.V., Spiridonova A.V., Tikhomirova A.V. Liability insurance of fitness centers as a tool for protecting the rights of consumers of fitness services // Man. Sport. Medicine. – 2019. – Vol. 19. – No. S2. – P. 129–139.
5. Kudina A.V., Sokorov I.O. Corrosion is a biotechnical system of destruction of technical objects, reducing their quality and reliability // Science and Technology. – 2020. – No. 6. – P. 512–520.
6. Pirog D. Yu. Prospects for Legal Regulation of Fitness in the Russian Federation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2018. – No. 9. – P. 92–96.
7. Starikova O.N. On Some Issues of Evidence of Force Majeure Circumstances in the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 7. – P. 392–395.
8. Frolova N.M. Legal Nature of Regressive Claims // Business and Law. – 2022. – No. 12. – P. 46–63.

Правовые основания включения в состав общего имущества многоквартирного дома объектов социальной инфраструктуры, созданных на основе использования денежных средств участников долевого строительства

Яковлев Юрий Сергеевич,

юрисконсульт Проектно-технического центра «Эксперт»

E-mail: yys29@mail.ru

В статье анализируются положения законодательства об участии в долевом строительстве в части приобретения участниками долевого строительства права общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры, создание которых осуществлялось посредством использования их денежных средств. В результате проведённого исследования сделан вывод о противоречии существующего порядка приобретения участниками долевого строительства права общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры общим положениям гражданского законодательства об исполнении обязательств и разработаны предложения, направленные на устранение данного противоречия. Также сделан вывод о том, что в случае приобретения участниками долевого строительства права общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры, данные объекты не входят в состав общего имущества в многоквартирном доме.

Ключевые слова: объекты социальной инфраструктуры, участники долевого строительства, право общей долевой собственности, общее имущество, многоквартирный дом.

Действующим законодательством предусмотрены случаи приобретения участниками долевого строительства права общей долевой собственности на имущество, которое не указано в нормативном перечне общего имущества в многоквартирном доме. В соответствии с частью 1 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», строительство, реконструкция объекта социальной инфраструктуры и (или) уплата процентов и основной суммы долга по целевым кредитам (целевым займам) на их строительство, реконструкцию за счёт денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору, допускаются при условии, если после ввода такого объекта в эксплуатацию на такой объект возникает право общей долевой собственности у участников долевого строительства или такой объект безвозмездно передается застройщиком в государственную или муниципальную собственность. В связи с изложенным возникает вопрос: распространяется ли на данные объекты правовой режим общего имущества в многоквартирном доме?

Для осуществления анализа правового регулирования общественных отношений по приобретению участниками долевого строительства права общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры изначально следует определить, что именно стоит понимать под объектами социальной инфраструктуры.

Действующие нормативные акты не содержат ни определения понятия «объекта социальной инфраструктуры», ни примерного перечня объектов данного назначения. Из содержания действующих правовых актов можно сделать вывод, что по интересующему нас вопросу какие-либо упоминания содержатся лишь в акте технического законодательства, который не является нормативным (пункт 61 ГОСТ Р 59811–2021). Данным актом предусмотрен перечень объектов социальной инфраструктуры с беспрепятственным доступом, к которым относятся объекты здравоохранения, образования, социального обеспечения и социальной защиты населения.

К сожалению, по вопросу о том, что следует понимать под объектами социальной инфраструктуры, ничего, кроме приведённой выше информации, действующие правовые акты не содержат. Однако до 28 января 2023 года [9] правовым актом в области стандартизации был утверждён достаточно подробный перечень объектов социальной инфраструктуры. Согласно пункту 3.19 СП 136.13330.2012, к объектам социальной инфраструктуры, например, относились здания и помещения медицинских учреждений, здания и помещения, в которых расположены учреждения культуры, и т.п. По причине того, что иных разъяснений действующие правовые акты не содержат, думается, что данный перечень не утратил своей актуальности и именно им следует руководствоваться при ответе на вопрос о том, что стоит понимать под объектами социальной инфраструктуры.

В соответствии с частью 2 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ, после ввода в эксплуатацию объекта социальной инфраструктуры право общей долевой собственности на такой объект возникает у участников долевого строительства, заключивших с застройщиком соглашения о возникновении у них доли в праве общей долевой собственности на такой объект, если доля общей площади жилых помещений, площади нежилых помещений, являющихся объектами долевого строительства по договорам, заключённым с участниками долевого строительства, составляет не менее пятидесяти процентов от общей площади жилых помещений, площади нежилых помещений, являющихся объектами долевого строительства по всем договорам, заключённым с участниками долевого строительства, денежные средства которых использовались застройщиком на строительство, реконструкцию такого объекта социальной инфраструктуры.

При этом размер доли участника долевого строительства в праве общей долевой собственности участников долевого строительства, заключивших с застройщиком соглашения о возникновении у них доли в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры, определяется пропорционально доле общей площади жи-

лого помещения или площади нежилого помещения, являющихся объектом долевого строительства по договору долевого участия в строительстве (часть 9 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ).

На основании изложенного возникает вопрос: кто становится собственником объекта социальной инфраструктуры, если соглашение о возникновении доли в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры заключат менее половины участников долевого строительства?

Ответ на данный вопрос отчасти содержится в тексте закона (часть 4 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ) и сводится к тому, что если в соглашении с участниками долевого строительства содержится условие о том, что доля участников долевого строительства, заключивших с застройщиком соглашения о возникновении у них доли в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры, составляет менее пятидесяти процентов, то данный объект подлежит безвозмездной передаче в государственную (муниципальную) собственность.

Если подобного условия в соглашении нет, по всей видимости, право собственности на объект социальной инфраструктуры возникает у застройщика на основании пункта 1 статьи 218 Гражданского кодекса РФ. Однако в случае реализации данного сценария стоит констатировать, что денежные средства участников долевого строительства использовались на строительство объекта социальной инфраструктуры незаконно, поскольку для данных целей денежные средства участников долевого строительства можно использовать лишь в случае, когда право собственности на объект социальной инфраструктуры возникнет у участников долевого строительства либо безвозмездно у публично-правового образования, а также созданных либо контролируемых им юридических лиц (часть 1 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ) [4, с. 71; 11, с. 448].

Тем не менее типовая форма [6] соглашения о возникновении у участника долевого строительства права на долю в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры (подпункт «б» пункт 5 типового соглашения) допускает вариативность в отношении наличия условия о безвозмездной передаче данного объекта в государственную (муниципальную) собственность в случае, когда соглашения о возникновении права на долю в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры заключат менее половины участников долевого строительства, чьи денежные средства использовались при строительстве данного объекта, тем самым порождая ситуации правовой неопределённости.

Следовательно, если возникновение права общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры у участников долевого строительства невозможно по причине недостаточного количества участников долевого строительства, заключивших с застройщиком соглашение о возникновении данного права, то объект социальной инфраструктуры безальтернативно (вне зависимости от содержания вышеуказанного соглашения) должен подлежать безвозмездной передаче в государственную (муниципальную) собственность.

Также определённые сомнения вызывает нормативное регулирование общественных отношений по приобретению участниками долевого строительства права общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры в части придания соглашениям о возникновении у участников долевого строительства доли в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры правовых свойств, присущих голосованию при принятии решения общим собранием участников гражданско-правового сообщества.

Как было указано ранее, нормативное регулирование анализируемых общественных отношений исходит из идеи о том, что если большинство участников долевого строительства откажутся от заключения с застройщиком соглашения о возникновении права общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры, то оставшиеся в меньшинстве участники долевого строительства, вопреки заключённому соглашению о возникновении права на долю в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры, будут вынуждены смириться с невозможностью исполнения данного соглашения, поскольку возникновение права общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры у участников долевого строительства возможно исключительно в том случае, если соглашения о возникновении данного права (двусторонние сделки) заключат более пятидесяти процентов участников долевого строительства (исчисляется исходя из площади объекта долевого строительства).

С точки зрения общих положений обязательственного права (статьи 308 и 309 Гражданского кодекса РФ), которые, вне всякого сомнения, регулируют анализируемые общественные отношения и в силу пункта 2 статьи 3 Гражданского кодекса РФ имеют приоритет перед

нормами законодательства об участии в долевом строительстве, непустым является ситуация, когда лицо, заключившее соглашение о строительстве недвижимой вещи и исполнившее свои обязательства по оплате строительных работ, утратит право требования к застройщику по причине того, что большинство лиц, которые не являются стороной вышеуказанного соглашения, отказались от приобретения права общей долевой собственности на возводимый объект.

Основными началами гражданского законодательства являются недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (пункт 1 статьи 1 Гражданского кодекса РФ), а также то, что физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе, причём ограничение данных прав допустимо лишь на основании существенных мотивов (пункт 2 статьи 1 Гражданского кодекса РФ). Одним из случаев ограничения воли участников гражданских отношений является реализованный посредством юридической конструкции решения общего собрания участников гражданско-правового сообщества (глава 9.1. Гражданского кодекса РФ) демократический принцип подчинения меньшинства воле большинства, являющийся вынужденным способом регламентации общественных отношений, в которых достижение компромисса между участниками сообщества признаётся более ценным, нежели автономия воли отдельного участника.

С целью недопущения бесосновательного ограничения автономии воли участников гражданских отношений положения главы 9.1 Гражданского кодекса РФ распространяются на указанные исключительно законом виды гражданско-правовых сообществ [5, 8]. В данной связи следует отметить, что совокупность участников долевого строительства, денежные средства которых использовались при строительстве объектов социальной инфраструктуры, действующим законодательством не относится к числу гражданско-правовых сообществ, в отношении которых подлежат применению положения главы 9.1 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, положения части 2 статьи 18.1 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ противоречат общим началам обязательственного права в части постановки исполнения обязательства застройщика по возникновению у участника долевого строительства права на долю в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры в зависимости от воли третьих лиц (в соглашении не участвующих).

Также необходимо учитывать, что правовое положение лиц, не заключивших с застройщиком соглашение о возникновении права общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры, не способно измениться от количества собственников объекта социальной инфраструктуры, поскольку право на долю в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры у них в любом случае возникнуть не может. По данной причине представляется верным допустить возникновение у участников долевого строительства права общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры вне зависимости от количества участников долевого строительства, заключивших с застройщиком соглашение о возникновении данного права.

Поскольку у участников долевого строительства (собственников помещений в многоквартирном доме) согласно действующему законодательству потенциально способно возникнуть право общей долевой собственности на объекты социальной инфраструктуры, необходимо определить, распространяется ли на данные объекты правовой режим общего имущества в многоквартирном доме.

Хотя теоретически и возможно помыслить ситуацию, при которой собственниками объекта социальной инфраструктуры становятся все участники долевого строительства, даже в этом случае объекты социальной инфраструктуры не входят в состав общего имущества в многоквартирном доме, поскольку:

1) объект социальной инфраструктуры, в отличие от общего имущества в многоквартирном доме (пункт 1 статьи 290 Гражданского кодекса РФ), имеет самостоятельное (осуществление образовательной деятельности, предоставление медицинских услуг и т.п.), а не вспомогательное назначение;

2) право общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры возникает исключительно на основании волеизъявления участника долевого строительства, тогда как право общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме возникает у собственников помещений в многоквартирном доме вне зависимости от их воли (статья 38 Жилищного кодекса РФ).

Литература

1. ГОСТ Р 59811–2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Безбарьерная среда жизнедеятельности инвалидов. Термины и определения. М.: ФГБУ «РСТ», 2021.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон № 51-ФЗ [принят 30 ноября 1994 г.: в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства РФ. 1999. № 32. Ст. 3301.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 188-ФЗ [принят 29 декабря 2004 г.: в ред. от 08 августа 2024 г.] // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.

4. Кирсанов А.Р. Законодательство о долевом строительстве: прошлое, настоящее и будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 6. С. 64–74.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

6. Об утверждении типового соглашения о возникновении у участника долевого строительства доли в праве общей долевой собственности на объект социальной инфраструктуры: Постановление Правительства РФ от 03.02.2017 № 131 (ред. от 02.08.2022) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 8. Ст. 1229.

7. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 2. Ст. 556.

9. Приказ Минстроя России от 27.12.2022 № 1137/пр «Об утверждении Изменения № 2 к СП 136.13330.2012 «Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения».

10. СП 136.13330.2012. Свод правил. Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения (утв. Приказом Госстроя от 25.12.2012 N 112/ГС). М.: Госстрой, 2013.

11. Трапезников В.А. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2020. – 624 с.

LEGAL GROUNDS FOR THE INCLUSION IN THE COMMON PROPERTY OF AN APARTMENT BUILDING OF SOCIAL INFRASTRUCTURE FACILITIES CREATED USING FUNDS FROM SHARED CONSTRUCTION PARTICIPANTS

Yakovlev Yu.S.

Design and Technical Center «Expert»

The article analyzes the model of legal regulation of social relations that arise during the formation of land plots that are part of the common property in an apartment building. In the course of studying scientific works and law enforcement practice relevant to the topic of this study, it was established that in the current legal realities, there are far from being rare cases when a land plot under an apartment building is not formed, which indicates the ineffectiveness of the existing model of legal regulation of the analyzed social relations and the need to change this model that follows from this conclusion. In order to achieve a uniform approach to the formation of land plots that are part of the common property in an apartment building, a model of legal regulation has been proposed that is based on the absence of a need for the owners of the premises (carports) in the apartment building to express their will.

Keywords: land plot, common property in an apartment building, apartment building, right of common shared ownership, owners of premises in an apartment building.

References

1. GOST R 59811–2021. The national standard of the Russian Federation. Barrier-free living environment for the disabled. Terms and definitions. Moscow: Federal State Budgetary Institution “PCT”, 2021.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Federal Law No. 51-FZ [adopted on November 30, 1994: as amended. dated August 08, 2024] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1999. No. 32. Art. 3301.
3. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law No. 188-FZ [adopted on December 29, 2004: as amended. dated August 08, 2024] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1. Art. 14.
4. Kirsanov A.R. Legislation on shared-equity construction: past, present and future // Property relations in the Russian Federation. 2017. No. 6. Pp. 64–74.
5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2018) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 28, 2018) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 1.
6. On Approval of a Model Agreement on the Emergence of a Share in the Right of Common Shared Ownership of a Social Infrastructure Facility by a Participant in Shared Construction: Decree of the Government of the Russian Federation No. 131 dated February 3, 2017 (as amended on August 2, 2022) // Collection of Laws of the Russian Federation. 2017. No. 8. Art. 1229.
7. On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 214-FZ dated December 30, 2004 (as amended on December 26, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 40.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/28/2021 No. 55-P “In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 7, Part 1 of Article 44, Part 5 of Article 46, paragraph 5 of Part 2 of Article 153 and Article 158 of the Housing Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen T.S. Malkova” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 2. Art. 556.
9. Order of the Ministry of Construction of Russia dated December 27, 2022 No. 1137/pr “On approval of Amendment No. 2 to SP 136.13330.2012 “Buildings and structures. General provisions for design, taking into account the accessibility for people with reduced mobility”.
10. SP 136.13330.2012. Code of rules. Buildings and structures. General Provisions for Designing Buildings with Accessibility for People with Limited Mobility (approved by Order No. 112/GS of the State Construction Committee dated December 25, 2012). Moscow: Gosstroy, 2013.
11. Trapeznikov, V.A. Commentary on Federal Law No. 214-FZ of December 30, 2004, “On Participation in the Shared Construction of Multi-Family Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (article-by-article). 2nd edition, revised and expanded. and add. Moscow: Prospekt, 2020. – 624 p.

Особенности сдерживания организованной преступности: уголовно-правовые и криминалистические проблемы

Вагабов Вагаб Гусенгаджиевич,

аспирант, Юридический институт, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 11vagab5@gmail.com

Работа посвящена исследованию ключевых аспектов противодействия групповой преступности в контексте современных правовых реалий России. Автор проводит углубленный анализ системных коллизий и пробелов в законодательном обеспечении ответственности за организацию преступных сообществ, предусмотренной положениями статьи 210 Уголовного кодекса РФ. Важным аспектом обсуждения являются криминалистические трудности, возникающие при доказывании преступлений данной категории, что делает их расследование особенно сложным. В статье уделено внимание вопросам, касающимся эффективности уголовных репрессий как средства сдерживания организованной преступности. На основе проведенного анализа автор предлагает ряд направлений для улучшения не только законодательной базы, но и практики следствия и судебного разбирательства. Данный вектор предполагает как глубокую модернизацию действующего законодательства, так и апробацию инновационных тактико-криминалистических алгоритмов, направленных на существенное повышение результативности мер по нейтрализации деятельности структурированных криминальных формирований.

Ключевые слова: организованная преступность, коррупция, предупреждение, преступное сообщество, уголовная ответственность, доказывание, латентность

Современная организованная преступность в России демонстрирует высокую степень адаптивности, стратегически перестраивая свою деятельность. Ее ключевой тенденцией стал уход от традиционных «уличных» форм к более сложным, латентным и экономически выгодным направлениям, что требует от правоохранительных органов новых подходов и компетенций.

Основные усилия преступных групп сосредоточены на глубоком проникновении в легальную экономику с целью ее криминализации. Они эволюционируют в предпринимательские сети, стремящиеся к контролю над экономическими процессами. Важным направлением стала киберпреступность, включающая не только мошенничества, но и сложные атаки на бизнес, а также использование криптовалют для отмывания средств [3].

Трансформировались и традиционные криминальные ниши, такие как игровой бизнес. После законодательных ограничений он массово переместился в онлайн-сегмент, где преступные группы контролируют нелегальные казино и платежные шлюзы, а также сохранился в виде закрытых подпольных клубов, что невозможно без глубоких коррупционных связей. Этот бизнес часто соседствует с нелегальным кредитованием и вымогательством.

Характерными чертами современной российской организованной преступности в этих сферах являются, во-первых, тесный симбиоз с коррупцией, когда успех операций напрямую зависит от административного ресурса и подконтрольных чиновников. Во-вторых, преобладание гибких сетевых структур вместо жестких иерархий, где под конкретные задачи создаются временные альянсы специалистов, что затрудняет их выявление. В-третьих, ключевые фигуры стремятся к легальному статусу, отодвигая прямое насилие на второй план и делая основную опору на экономическое давление и манипуляции в правовом поле.

Организованная преступность проходит, тем самым, стратегическую передислокацию в экономическую и цифровую сферы, адаптируясь к новым реалиям, что требует концептуального единства применяемых мер. В данном контексте представляется методологически обоснованным рассмотрение категорий «сдерживание» и «предупреждение» в их общепреентивном значении как концептуально близких. Нормативным основанием для такого подхода служат положения статьи 43 УК РФ, где предупреждение совершения новых преступлений как цель наказания раскрывается через механизм психического воздействия на сознание потенциальных правонарушителей. В свою очередь, профилактика преступных деяний представляет собой более широкий, ресурсоемкий и межведомственный процесс. С уголовно-правовой точки зрения, сдерживающая функция реализуется через создание и совершенствование нормативных конструкций, обеспечивающих неотвратимость и соразмерность ответственности. Это предполагает конкретизацию правовых конструкций для верной квалификации и минимизации латентности организованной преступности. При этом криминалистическое изменение сдерживания сосредоточено на обеспечении неотвратимости, раскрытия и доказывания, что служит практическим обеспечением уголовно-правовых запретов. Это требует перехода от фиксации отдельных эпизодов к формированию целостной доказательственной базы, реконструирующей системные характеристики сообщества: его структуру, финансы, коммуникации и коррупционные связи. Фундаментальной предпосылкой результативного функционирования указанного механизма выступает унификация понятийно-категориального аппарата, используемого всеми субъектами правоприменения и законотворчества. Становление дефиниции «организованная преступность» в отечественном дискурсе носит непродолжительный характер, что обуславливает наличие широкого спектра доктринальных интерпретаций данного феномена.

П.В. Агапов подчеркивает, что организованная преступность образует «систему взаимосвязанных, образующих определенную целостность преступных деяний» [7]. Организованная преступность – это единая система организованных преступлений, связанных между собой.

Как отмечают Д.Н. Тишкин, С.В. Бабенко и Н.С. Костенко, зачастую проявления организованной преступности связаны с политическими процессами, что является актуальной проблемой на протяжении последних лет [6]. При этом, с этой точки зрения организованная преступность может быть рассмотрена как «криминальная деятельность, осуществляющаяся группой устойчивого и организованного характера, предварительно объединивших принадлежащие им ресурсы в целях преступной деятельности». В.Е. Иванова придерживается позиции, в соответствии с которой под организованной преступностью следует рассматривать: «сложное социальное явление, требующее координации реализации верховенства закона от законодательной власти, государства, национальных властей, правоохранительных органов, а также органов местного самоуправления» [2].

Согласно позиции В.В. Меркурьева, представляющего первое направление, данное явление детерминировано как совокупность иерархизированных структурных объединений, деятельность которых сопряжена с институционализацией теневого рыночного пространства. Подобная трактовка коррелирует с экономической моделью, где специфика рыночных отношений заключается в обороте изъятых из легального оборота объектов и оказании услуг, носящих деструктивный характер.

Альтернативная парадигма переносит акцент на социальную составляющую, исследуя формы деструктивной интеракции криминальных сообществ с социальными, государственными институтами. Рассматриваемый подход позволяет интерпретировать организованную преступность не просто как совокупность деликтных актов, а как масштабный социальный процесс, обусловленный комплексом макроэкономических, политических и аксиологических факторов. В рамках данной логики криминальная консолидация выступает специфической формой адаптации к системному неблагополучию, становясь ответом на вызовы: глубокая имущественная поляризация населения, стагнация рынка труда и институциональная коррупция [5].

Представляется, что организованная преступность – это качественно особая, высоколатентная форма преступности, представляющая собой устойчивую, иерархически структурированную или сетевую систему, интегрированную в легальную экономику и социальные институты. Ее деятельность носит долгосрочный, стратегический характер и направлена на систематическое извлечение сверхприбыли путем криминализации экономических отношений, монополизации теневых рынков и эксплуатации правовых пробелов.

Проблема сдерживания этой формы преступности представляет собой сложную задачу, успешное решение которой зависит от эффективного взаимодействия уголовно-правовых и криминалистических механизмов. На практике это взаимодействие сталкивается с множеством серьезных проблем, которые существенно снижают общую эффективность контрпреступной политики. Первые – уголовно-правовые проблемы сдерживания. Основой уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью в России является статья 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Несмотря на то, что данная норма подверглась множественным изменениям, она продолжает вызывать активные дискуссии в научной среде и создает сложности при ее применении на практике.

С точки зрения уголовного права основные признаки «организованной преступности» можно представить в виде следующего перечня ключевых характеристик:

- стратегическое планирование и детальная подготовка совершаемых противоправных деяний, исключающие спонтанный характер преступного поведения;
- наличие устойчивого консенсуса между участниками относительно осуществления систематической, а не эпизодической криминальной деятельности;
- высокая степень внутренней интеграции и сплоченности, обеспечивающая единство целей и психологическую устойчивость преступного формирования;
- глубокая функциональная специализация, выраженная в строгом распределении обязанностей и конкретных задач между всеми членами структуры;
- многоуровневая система субординации, предполагающая наличие жесткой иерархии и отлаженных механизмов внутреннего управления;
- константность и стабильность функционирования, позволяющие преступному объединению сохранять жизнеспособность на протяжении длительного времени;
- реализация комплекса защитных мер, направленных на активную нейтрализацию усилий правоохранительной системы и создание барьеров для привлечения виновных к ответственности;
- органическая связь с коррупционными механизмами, используемыми в качестве инструмента обеспечения безнаказанности и лоббирования интересов группы;

– доминирование корыстной мотивации, при которой извлечение незаконной прибыли и накопление материальных активов выступают в роли фундаментального стимула деятельности.

Перечисленные признаки находят свое отражение в нормах статей 208, 209 и 210 Уголовного кодекса РФ. Это позволяет сделать вывод, что общее понимание организованной преступности фактически сводится к набору отдельных черт, описывающих конкретные формы групповых правонарушений. По нашему мнению, такой подход мешает воспринимать организованную преступность как целостное и опасное социальное явление. Данная проблема объясняется тем, что в современном законодательстве до сих пор не закреплено единое и четкое определение «организованной преступности», которое могло бы охватить все стороны этого термина, имеющего фундаментальное значение для уголовного права, криминалистики и криминологии. При детальном изучении каждой статьи в отдельности (208, 209 и 210 УК РФ) выявляются сложности в описании их специфических признаков. Это создает серьезные препятствия в процессе правовой квалификации преступлений и, как следствие, затрудняет привлечение виновных лиц к заслуженной ответственности.

Ключевым признаком преступного сообщества согласно ч. 4 статьи 35 УК РФ, является сплоченность его участников для совместного совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Данная оценочная категория, несмотря на разъяснения, данные в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12, продолжает вызывать трудности в правоприменении.

Правоприменительная практика обнаруживает серьезные сложности в разграничении преступного сообщества и группы лиц по предварительному сговору, что нередко ведет к ошибкам при квалификации содеянного.

Устойчивость организованной группы предполагает её долговременное существование и способность к совершению преступлений на протяжении определенного периода времени. Вопрос об устойчивости требует оценки ряда факторов, включая стабильность состава, наличие предварительного сговора, регулярность преступной деятельности и сохранение структуры группы вне зависимости от привлечения её участников к уголовной ответственности [4].

Вопрос уголовно-правовой квалификации заключается в установлении четких критериев дифференциации между организованной группой и группой лиц, действующих согласно предварительной договоренности, что предусмотрено положениями части второй статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Четкая иерархия внутри криминального объединения выступает определяющим показателем структурированности группы. Распределение функциональных обязанностей между участниками охватывает различные аспекты противоправной деятельности, включая непосредственное совершение преступных деяний, сбор информации, логистическое сопровождение и обеспечение безопасности. Дифференциация ролевых функций соучастников зачастую носит условный характер, создавая сложности при определении степени вовлеченности каждого члена преступного формирования в противозаконную деятельность.

Все эти критерии в судебной практике образуют основу для принятия решения о наличии организованного преступного сообщества, в ситуации, когда взаимодействие преступников основывается на едином замысле, скоординированных методах работы и совместном использовании криминальных ресурсов (например, Определением шестого кассационного суда общей юрисдикции № 77–4708/2021 от 19.10.2021 Шестого кассационного суда общей юрисдикции).

Критерии разграничения преступного сообщества и организованной группы в правоприменительной практике требуют особой конкретизации. Демчук С.Д. справедливо отмечает, что устойчивость является базовой характеристикой организованного соучастия, которая должна проявляться в криминальной деятельности, а не в родственных, дружеских или иных личных отношениях между соучастниками [1].

При рассмотрении уголовных дел, связанных с деятельностью организованных преступных групп, судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к квалификации действий участников и определению меры их ответственности. Различия в правоприменении обусловлены сложностью установления признаков организованной группы, различием в интерпретации фактических обстоятельств дела и необходимостью индивидуального подхода к назначению наказания. Анализ судебных решений показывает, что судами допускаются различные ошибки, а также существуют противоречия в квалификации преступных действий, что приводит к отмене или изменению приговоров вышестоящими инстанциями.

Примером такой ситуации является дело Танаева В.В. и Лисиной А.А., рассмотренное в Определении Судебной коллегии по уго-

ловным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2023 года № 59-УД23–2–К9. В этом случае обвиняемые были привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе группы. Впоследствии кассационная инстанция внесла изменения в приговор суда первой инстанции и апелляционное постановление, приняв во внимание доводы кассационной жалобы представителя потерпевшего. Данный случай показывает, что судебные инстанции нередко пересматривают квалификацию преступлений, что подчеркивает сложность правоприменения в этой сфере и необходимость унификации судебной практики.

Если уголовный закон устанавливает запрет, то криминалистика разрабатывает инструменты, делающие нарушение этого запрета доказательно рискованным. Применительно к организованной преступности это предполагает смещение акцента с доказывания единичных эпизодов на выявление и документирование системных признаков сообщества: его структуры, иерархии, финансовых потоков, правил поведения, коррупционных связей и механизмов обеспечения безопасности. То есть криминалистическое сдерживание носит упреждающий и деструктурирующий характер, подрывая саму основу устойчивости преступного образования. При этом сложности, возникающие в процессе уголовно-правовой квалификации, тесно связаны с криминалистическими проблемами, касающимися формирования доказательственной базы. В первую очередь, стоит отметить, что организованная преступная деятельность обладает высоким уровнем латентности и конспирации. Это означает, что такие преступные группы действуют в условиях глубокой скрытности, прибегая к использованию коррупционных связей и создавая сложные, многоуровневые системы безопасности. В результате, получение информации о внутренней структуре преступных групп, распределении ролей среди участников, а также о планировании их преступной деятельности становится крайне затруднительным. Привычные формы следственной работы, включая допросы и очные ставки, зачастую демонстрируют низкую результативность ввиду круговой поруки и атмосферы запугивания, характерной для организованных структур. Массовый отказ участников от предоставления значимой информации существенно ограничивает возможности органов следствия. В таких условиях ключевая роль в формировании доказательственной базы закономерно переходит к материалам оперативно-розыскной деятельности, которые становятся основным источником изобличающих сведений. Именно эти результаты формируют основу доказательств, включая материалы, полученные в ходе прослушивания телефонных переговоров, видеонаблюдения, контролируемых поставок, а также данные, полученные от конфиденентов. Правовая регламентация использования таких данных, как это предусмотрено главой 50.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), создает дополнительные процессуальные барьеры. Часто возникают ситуации, когда оперативные данные, которые могут указывать на существование преступного сообщества, не могут быть преобразованы в допустимые доказательства. Это происходит из-за невозможности раскрыть источник информации или соблюсти все формальные требования к проведению оперативного мероприятия, что в свою очередь ставит под сомнение целостность и законность собранных данных. Не менее важной является проблема использования специальных знаний в ходе расследования. Для анализа финансовых потоков, расшифровки электронных коммуникаций и реконструкции сетевых связей между фигурантами дел необходимо привлекать экспертов в таких областях. Как финансовый анализ, IT-криминалистика и социология. Стоит упомянуть о сложности консолидации доказательств, когда дело касается множественных эпизодов преступной деятельности. Дела, рассматриваемые по статье 210 УК РФ, часто являются многоэпизодными и могут объединять различные преступления, начиная от убийства и заканчивая легализацией денежных средств. Формирование единой, логической непротиворечивой картины, которая бы продемонстрировала именно «сплоченность» преступного сообщества, представляет собой серьезную задачу. Это требует не только тщательной работы следственных органов, но и способности к интеграции разрозненных данных и доказательств, что в условиях многоэпизодного расследования становится сложной задачей.

Эффективность оперативно-розыскной деятельности сегодня напрямую зависит от способности правоохранительных органов использовать передовые технологии, такие как искусственный интеллект для анализа больших данных, биометрические системы идентификации и методы цифровой криминалистики. Эти инструменты позволяют выявить сложные сетевые связи преступных сообществ, анализировать финансовые потоки, отслеживать коммуникации в зашифрованных каналах и прогнозировать криминальную активность. Однако внедрение таких технологий должно сопровождаться развитием адекватного правового регулирования, обеспечивающего баланс между необходи-

мостью защиты общественной безопасности и неприкосновенностью частной жизни граждан. Данный баланс может быть достигнут через четкое законодательное определение условий, оснований и пределов применения цифровых инструментов в ОРД. Включая установление требований к получению судебных санкций для наиболее вторгающихся и агрессивных методов. Закрепление процедур контроля со стороны прокуратуры и обеспечение прозрачности отчетности.

Сложность сбора доказательств также обусловлена наличием такого фактора, как коррупция. Обеспечение безопасности, получение доступа к экономическим активам и возможность влиять на государственные решения становятся доступными для преступных сообществ прежде всего благодаря налаженным коррупционным каналам. Особую опасность в этой связи представляет коррупция в высших эшелонах власти, когда лидеры криминальных структур вступают в прямой сговор с высокопоставленными чиновниками и представителями местного самоуправления. Такое взаимодействие обеспечивает организованной преступности административное покровительство, позволяет заранее получать сведения о планируемых операциях силовых ведомств и даже вмешиваться в вопросы назначения на ключевые государственные посты.

Исключительную остроту приобретает проблема коррумпированности кадрового состава правоохранительного аппарата. Отдельные представители силовых ведомств, злоупотребляя предоставленными им государством полномочиями в интересах криминальных структур, осуществляют целенаправленное блокирование процессуальной деятельности. Это находит выражение в преднамеренном разрушении доказательственной базы, фальсификации материалов проверок, а также в систематической передаче конфиденциальных сведений о планах оперативно-розыскных мероприятий. В результате лидеры и активные участники группировок получают возможность заблаговременно уничтожать улики, оказывать давление на свидетелей или скрываться от следствия, что сводит к минимуму вероятность их привлечения к ответственности.

Систематический характер подобных проявлений не только аннулирует результаты работы добросовестных сотрудников, но и провоцирует эрозию общественного доверия к институтам государственной власти, способствуя росту правового нигилизма среди населения. Параллельно с этим, использование коррупционных рычагов выступает ключевым инструментом экспансии организованной преступности в легальный сектор экономики. Посредством подкупа должностных лиц, ответственных за принятие регуляторных решений, преступные сообщества обеспечивают себе монопольные преимущества при распределении государственных контрактов, получении квот и разрешительной документации. Такая интеграция криминалитета в бизнес-среду не только облегчает процесс легализации (отмывания) незаконно нажитых капиталов, но и ведет к деформации рыночных отношений, при которой законные механизмы конкуренции подменяются теневым администрированием.

Для эффективного подавления коррупционных основ организованной преступности требуется реализация системы правовых и управленческих мер. В плоскости совершенствования законодательства необходимо сосредоточиться на следующих приоритетах:

- введение обязательного тестирования на полиграфе для сотрудников ведомств, чьи должности характеризуются повышенной коррупционной уязвимостью;
- качественное расширение круга должностных лиц, обязанных отчитываться о своем финансовом состоянии, при одновременном усилении контроля за их реальными расходами;
- внедрение передовых цифровых инструментов совместно с детальной правовой регламентацией, в целях обеспечения неприкосновенности частной жизни и легитимности действий правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации общества.

Современная криминалистика требует комплексного и системного подхода к расследованию организованной преступности, что позволяет более эффективно выявлять и пресекать преступные действия, но и создает условия для устойчивого сдерживания таких сообществ, подрывая их внутренние структуры и механизмы. Развитие навыков и методов адаптации к новым вызовам является важным приоритетом в деятельности правоохранительных органов и криминалистов в современных реалиях жизни.

Литература

1. Демчук С.Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия // Lex Russica. 2022. № 2. С. 34–45. 6. Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации)

в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 80–90.

2. Иванова В.Е., Севостьянов Р.А. Подходы к определению понятия организованной преступности // Научно-издательский центр «Аспект» // [Электронный ресурс]: <https://№ a-jour№ al.ru/10–2023-pravo/6496-podhody-kopredele№ iyu-po№ yatiya-orga№ izova№№ oi-prestup№ osti> (дата обращения: 17.01.2026).

3. Козаев Н.Ш. Тенденции развития и проблемы противодействия современной организованной преступности // Судебная экспертиза и исследования. 2024. № 3. С. 50–53.

4. Меркурьев В.В. Организованная преступность: понятие, состояние, структура, динамика и результаты реагирования // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 136.

5. Молодежная наука: сборник материалов Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Иркутск: Российский государственный университет правосудия, 2024. 434 с.

6. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Костенко Н.С. Организованная преступность как глобально-криминальная среда // Философия права. 2023. № 2. С. 138–145.

7. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2013. 60 с.

CHARACTERISTICS OF COMBATING ORGANIZED CRIME: CRIMINAL LAW AND FORENSIC ISSUES

Vagabov V.G.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This work is devoted to the study of key aspects of combating group crime in the context of the modern legal realities of Russia. The author conducts an in-depth analysis of sys-

temic conflicts and gaps in the legislative support of responsibility for the organization of criminal associations, provided for by the provisions of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. An important aspect of the discussion is the criminalistic difficulties that arise in proving crimes of this category, which makes their investigation especially difficult. The article pays attention to the issues related to the effectiveness of criminal repression as a means of deterring organized crime. Based on the analysis, the author proposes a number of directions for improving not only the legislative framework, but also the practice of investigation and trial. This vector involves both a deep modernization of the current legislation and the approbation of innovative tactical and forensic algorithms aimed at significantly increasing the effectiveness of measures to neutralize the activities of structured criminal formations.

Keywords: organized crime, corruption, prevention, criminal community, criminal liability, proof, latency

References

1. Demchuk S.D. Criminal-legal features of a criminal community (criminal organization) and their relationship with the features of other forms of complicity // Lex Russica. 2022. No. 2. pp. 34–45. 6. Kapinus O.S. Features of a criminal community (criminal organization) in the context of the new note to Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 80–90.

2. Ivanova V.E., Sevostyanov R.A. Approaches to Defining the Concept of Organized Crime // Scientific Publishing Center "Aspect" // [Electronic resource]: <https://№ a-jour№ al.ru/10–2023-pravo/6496-podhody-kopredele№ iyu-po№ yatiya-orga№ izova№№ oi-prestup№ osti> (date of access: 17.01.2026).

3. Kozhaev N. Sh. Development Trends and Problems of Combating Modern Organized Crime // Forensic Examination and Research. 2024. No. 3. pp. 50–53.

4. Merkuriev V.V. Organized Crime: Concept, State, Structure, Dynamics, and Results of Response // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2014. No. 2. P. 136.

5. Youth Science: Collection of Materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Irkutsk: Russian State University of Justice, 2024. 434 p.

6. Tishkin D.N., Babenko S.V., Kostenko N.S. Organized Crime as a Global Criminal Environment // Philosophy of Law. 2023. No. 2. Pp. 138–145.

7. Agapov P.V. Fundamentals of Counteracting Organized Criminal Activity: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.08. Moscow, 2013. 60 p.

Возвращение полномочий по возбуждению уголовного дела прокурору как мера усиления противодействия преступности

Власов Дмитрий Викторович,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности института аспирантуры, МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: 11dmr@mail.ru

Прокуратура занимает особое место в системе государственных органов, обеспечивая координацию правоохранительной деятельности в рамках противодействия преступности. Поэтому регулирование полномочий прокурора – это и вопрос эффективности противодействия преступности. В числе полномочий прокурора особо выделяются те, которые позволяют ему осуществлять уголовное преследование, в том числе на досудебной стадии производства. Ранее такие полномочия предполагали и возбуждение уголовного дела прокурором; в настоящее же время он лишён этой возможности, в связи с чем нередко ведутся дискуссии. К этой дискуссии присоединяется и автор в рамках данной статьи. Целью исследования избран анализ проблемы возвращения полномочий по возбуждению дела прокурору в контексте усиления противодействия преступности. В ходе анализа предоставленные прокурору полномочия рассматриваются на предмет их достаточности для эффективного противодействия преступности. Изучается и опыт отдельных стран по регулированию полномочий прокурора. Особое внимание обращается на имевшиеся ранее у прокурора полномочия возбуждать уголовные дела. В этом контексте пристально изучается советский опыт и опыт постсоветской России. Выдвигается и обосновывается идея по возвращению указанных полномочий.

Ключевые слова: уголовное дело; полномочия прокурора; Прокуратура Российской Федерации; противодействие преступности; советская прокуратура.

Введение

Прокуратура, без сомнения, занимает одно из важнейших мест в системе отечественных правоохранительных органов, являясь субъектом, выполняющим функции координирующего звена в противодействии преступности. В этой связи вопросы полномочий прокуратуры (полномочий прокурора) становятся одними из ключевых в рамках поиска путей совершенствования практики противодействия преступности. И не последнее место в этой проблематике занимает тема возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела, особенно в контексте усиления борьбы с преступностью. О наличии единодушия среди ученых в указанном вопросе говорить пока не приходится; законодатель же этот вопрос также пока не рассматривает. При этом определённый опыт наделения прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела имеется. И в условиях острой необходимости поиска мер, которые были бы более эффективны в деле противодействия преступности, рассматриваемый вопрос представляет особый интерес.

Целью настоящей статьи является анализ проблемы возвращения полномочий по возбуждению дела прокурору в контексте усиления противодействия преступности.

Основная часть

Рассматривая вопрос полномочий прокурора, уместно в первую очередь обратиться к базовым источникам российского законодательства, которые регламентируют статус и деятельность данного органа и его должностных лиц. И совершенно очевидно, что прокуратура занимает особое место в системе органов публичной власти, особенно с учетом ч. 1 ст. 129 Конституции РФ [1], которая закрепляет за данным ведомством статус единой системы надзорных органов, причем уполномоченных и на осуществление уголовного преследования, и на выполнение прочих функций. В то же время статус прокуратуры не вполне определен, если учесть размещение норм о ее деятельности в одной главе с нормами о деятельности органов правосудия. Эта неопределенность в некоторой степени создает и предпосылки для потенциальной трансформации прокуратуры в том или ином направлении, особенно с учетом функции уголовного преследования.

Также стоит обратить внимание на полномочия прокуратуры (прокуроров), предусмотренные специальным законодательством, источниками которого выступают Федеральный закон от «О прокуратуре Российской Федерации» [4] (далее – Закон о прокуратуре) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ).

П. 1 ст. 1 Закона о прокуратуре во многом дублирует конституционные положения, возлагая на прокуратуру в том числе полномочия по выполнению уголовного преследования. В п. 2 указанной статьи дается отсылка к уголовно-процессуальному законодательству в части регулирования полномочий прокурора по уголовному преследованию. Одновременно с тем в указанном пункте отмечается и координирующая деятельность прокуратуры в области противодействия преступности со стороны правоохранительных органов. П. 2 ст. 35 рассматриваемого Закона наделяет прокурора статусом государственного обвинителя в рамках осуществления уголовного преследования именно в суде.

Примечательно, что в настоящее время прокурор не наделён правом возбуждать уголовные дела. Однако, Закон о прокуратуре в п. 2 ст. 1 наделяет его правом возбуждать дела об административных правонарушениях, согласно нормам КоАП РФ [3] (далее – КоАП).

Ст. 37 УПК РФ также наделяет прокурора правом на осуществление уголовного преследования и закрепляет за ним ряд полномочий, в том числе по надзору за порядком приёма, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, истребованию и проверке решений об отказе в возбуждении уголовного дела и пр. Причём спектр полномочий указанной статьей не ограничивается, хотя в целом он определяется именно нормами УПК РФ и расширительному толкованию не подлежит.

Право возбудить уголовное дело, например, применительно к делам публичного обвинения, согласно ч. 1 ст. 146 УПК РФ, имеют:

1. Орган дознания.
2. Дознаватель.
3. Руководитель следственного органа.

4. Следователь.

В этом случае перечень уполномоченных субъектов является исчерпывающим.

В ст. 318 и других нормах УПК РФ прокурор тоже не упоминается среди лиц, наделенных правом возбуждать уголовное дело, хотя его согласие на возбуждение уголовного дела в отдельных случаях требуется, например, когда материалы о признаках преступления рассматривает дознаватель, согласно ч. 3 ст. 318 УПК РФ.

Вопрос пересмотра круга полномочий прокурора и возвращения ему ранее имевшегося права возбуждать уголовное дело, безусловно, является спорным. При этом идея возвращения указанных полномочий во многом видится логичной. Одновременно с этим и взгляды противников возвращения указанных полномочий тоже понятны. Очевидно, что в значительной степени исключение из компетенции прокурора рассматриваемых полномочий было обусловлено стремлением российского законодателя обеспечить более последовательное разделение властей, в том числе и в контексте правоохранительной деятельности, исключить излишнюю концентрацию властных полномочий правоохранительной направленности в руках одного ведомства. Авторы идеи полагали, что возбуждать уголовные дела должны исключительно органы, уполномоченные на предварительное расследование (предварительное следствие и дознание).

Примечательно, что в этом случае прокуратура не стала исключительно надзорным органом, ведь функция уголовного преследования у неё сохранилась, пусть и в «урезанном» виде. И в этой связи сохранение прокуратуры именно в статусе надзорного органа, выполняющего одновременно и функцию уголовного преследования, отвечает давно устоявшейся традиции.

Тем не менее, в этих условиях возможности прокуратуры оказываются весьма ограниченными в части противодействия преступности, особенно если идти к серьёзных должностных преступлений и организованной преступности. Именно поэтому в научном дискурсе нередко высказываются идеи о целесообразности наделения прокуроров правом возбуждать уголовные дела. Подобная мера, очевидно, должна способствовать усилению работы в области противодействия преступности.

В этом контексте справедливым видится уточнение о том, что речь идёт о возвращении некогда имевшейся у прокуроров функции. Поэтому уместно обратиться к советскому опыту и опыту регулирования деятельности прокуратуры, который был накоплен в весьма непростых постсоветских условиях 1990–2000-х гг.

Здесь представляет особый интерес УПК РСФСР 1922 г. [9] как источник, ярко характеризующий указанный отечественный исторический опыт развития с первых лет существования Советского государства. Ст. 96 указанного Кодекса предусматривала перечень поводов к возбуждению уголовного дела, среди которых было и предложение прокурора, а также непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда.

Конечно, указанную норму об участии прокурора в возбуждении уголовного дела нельзя считать в полной мере императивной. В ней прослеживается значительная роль диспозитивности. Сама конструкция «предложение прокурора», очевидно, означала, что речь шла именно об инициативе, следовать которой было не обязательно. Хотя, учитывая специфику правовых реалий того времени, такое предложение было особо значимым, его вряд ли было уместно игнорировать.

Поскольку прокурор уголовное дело возбудить не мог изначально при выявлении признаков преступления, а мог именно предложить это сделать поднадзорному органу (должностному лицу), то субъектом, возбуждающим уголовные дела, прокурор не являлся.

В описанных выше условиях разграничение полномочий органов следствия и органов надзора было достаточно последовательным и очевидным. При этом сама инициатива прокурора, выражавшаяся именно в возможности выдвинуть предложение о возбуждении уголовного дела, видится вполне оправданной, особенно для тех реалий, когда должностные лица были весьма свободны в принятии юридически значимых решений по своему усмотрению в области уголовного судопроизводства.

Возможно, опыт того времени уместно заимствовать и в современных отечественных реалиях, хотя наделение прокурора полномочием именно предложить возбуждение уголовного дела применительно к современному уголовно-процессуальному законодательству должно предполагать проведение максимально тщательных исследований. В этой связи уместно подчеркнуть и фактическую суть выдвижения прокурором предложения компетентному органу о возбуждении уголовного дела: оно выражалось в том, что прокурор в конкретном случае де-факто усматривал какое-либо уголовно наказуемое нарушение закона (признаки преступления), однако вопрос уголовного преследо-

вания некоторые сомнения вызывал. Подобные сомнения могли и могут иметь место, например, при малозначительности противоправного деяния, допускающей отказ от уголовного преследования именно в силу этого обстоятельства.

В этом контексте можно сказать об определённом усилении роли прокуратуры, которое было очевидным после XX съезда КПСС в 1956 г., когда фактически провозгласили курс на укрепление законности, что означало и отказ от прежней практики привлечения к уголовной ответственности без какого-либо надзора [20, с. 223].

Поэтому представляющей интерес видится ст. 116 УПК РСФСР 1960 г. [10], которая также не закрепляла положений по возбуждению дела прокурором. Но он был обязан осуществлять именно надзор за соблюдением законности при возбуждении уголовного дела компетентным органом. Соответственно, основные функции в связи с возбуждением уголовных дел выполняли следователи либо орган дознания. Прокурор же, в свою очередь, был уполномочен отменять постановления следователя или органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела и в таком случае самостоятельно возбуждать дело. В этом смысле он имел довольно широкие полномочия, которые многим исследователям и представителям законодательных органов в советское и постсоветское время виделись особенно ценными и во многом даже образцовыми.

По указанной причине и после распада СССР определённые полномочия прокурора в части реализации уголовного преследования именно путём возбуждения уголовного дела продолжали сохраняться. Безусловно, такую практику, поддерживавшуюся отечественным законодателем, можно оценивать по-разному; тем не менее, она была пересмотрена лишь в 2007 г. И этот пересмотр заслуживает особого внимания, поскольку помогает не только лучше понять реалии того времени, но и более полноценно осмыслить саму идею возвращения прокурору права возбуждать уголовное дело, которая в течение последних лет активно обсуждается и в научном дискурсе, и в кругах представителей власти.

Итак, право прокурора возбудить уголовное дело было исключено из его полномочий в результате внесения в УПК РФ изменений Федерального законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ [5]. Авторы соответствующего законопроекта, который в результате поддержки парламентского большинства был принят в качестве указанного выше Федерального закона № 87-ФЗ, в Пояснительной записке изложили обоснование. Там, в частности, говорилось именно об идее организационного отграничить функции надзора от функций дознания и предварительного следствия в контексте рассмотрения уголовных дел. В рамках такой идеи предлагалось также учредить Следственный комитет прокуратуры РФ [6]. То есть идея законодателей на тот момент была вполне здоровой и совершенно оправданно нашла поддержку большинства. Хотя некоторые сомнения все же оставались.

Рассматриваемые изменения в значительной степени носили именно организационный характер. Предполагалось, что непосредственно полномочия прокуратуры, как ведомства, затронуты не будут, а если и будут затронуты, то не столь существенно. Однако, если учесть, что в дальнейшем Следственный комитет стал совершенно самостоятельным органом, то возможности уголовного преследования именно со стороны прокуратуры, как ведомства, стали ещё более ограниченными.

Важно отметить, что при обсуждении анализируемый законопроект, предполагавший изъятие из компетенции прокурора права возбуждать уголовное дело, был поддержан не всеми, что представляется закономерным. Некоторые представители законодательного органа весьма жестко высказались по поводу указанной правотворческой инициативы. Например, А.Е. Хинштейн в ходе обсуждения дал отрицательную оценку указанного законопроекта, поскольку фактически прокурор лишался возможности вмешиваться в противозаконные действия следственных органов. Также А.Е. Хинштейн подчеркнул необходимость сохранения за прокурором права отменять незаконные постановления следователя о прекращении уголовного дела. Причем указанная идея поддерживалась и рядом других депутатов. Отмечалась и недопустимость порядка, при котором сам орган следствия надзирал бы за собой, не имея никакого стороннего надзора [7].

Нельзя не признать, что критика указанного законопроекта была вполне аргументированной и состоятельной. Хотя оспаривать и идею организационного разграничения надзорных функций и функций уголовного преследования тоже крайне сложно. При этом уместно заметить, что рассматривавшийся законопроект в полной мере соотносился с идеей разделения властей и обеспечения эффективной системы сдержек и противовесов.

Нужно сказать, что исключение из компетенции прокурора права возбуждать уголовное дело не повлекло за собой прекращения дис-

куссии в научной среде по поводу соответствующих полномочий в целом и полномочий применительно к уголовному судопроизводству и уголовному преследованию в частности. В этих условиях в научном дискурсе по-прежнему занимает значимое место проблематика расширения прокурорских полномочий и возврата к прежнему положению.

В контексте изложенного взгляды отдельных авторов представляют особый интерес. А.В. Спирин в своей диссертации подчеркнул выраженность проблематики прокурорских полномочий в деле уголовного преследования. Более того, указанным автором было подчеркнута отсутствие системного подхода в законодательном изложении прав и обязанностей прокурорских работников. Такая несистемность была усмотрена, в частности, в отсутствии каких-либо возможностей оказывать влияние на решение многих значимых вопросов в рамках уголовного преследования. В контексте же лишения прокурора права возбуждать уголовное дело указанный автор обратил особое внимание на риски безвозвратной утраты доказательств, ведь если уголовное дело прекращено, а прокурор в силу недостаточной широты своих полномочий не смог своевременно среагировать, то очевидно, что доказательства, которые имеют принципиальное значение для раскрытия преступления (потенциального преступления), могут быть с большой вероятностью утрачены. И в сложившихся условиях прокурор, выявивший серьёзные нарушения закона со стороны следователя, достаточных возможностей обеспечить привлечение виновного к уголовной ответственности тоже не имеет [18, с. 4].

С точкой зрения указанного автора следует согласиться. В этой связи те полномочия, которые были предоставлены прокурору и в советское время, и в постсоветский период до принятия в 2007 г. Федерального закона № 87-ФЗ, безусловно, указанную проблему исключали. В то же время нет никаких оснований для утверждения о том, что институт прокуратуры до лишения прокурора права возбуждать уголовное дело был совершенным и не имел каких-либо изъянов.

Е.А. Игнатенко и В.Н. Смыслова акцентируют внимание на роли прокурора в противодействии преступности именно в контексте обеспечения национальной безопасности. Ими обосновывается целесообразность расширения прокурорских полномочий за счет права возбуждать уголовные дела в случаях выявления признаков деятельности, угрожающей государственной безопасности. То есть идея касается полномочия возбуждать уголовные дела лишь по отдельным составам преступления, причем наиболее опасным [13, с. 153–154].

В.Н. Исаенко обращает особое внимание на значительное количество постановлений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, отменяемых в дальнейшем. В подобных случаях принято проводить дополнительную проверку соответствующей информации о преступлении, но такая проверка не всегда ведёт к положительным результатам, поэтому идея возвращения прокурору права возбуждать уголовное дело рассматривается как средство устранения нарушений законодательства, а также как мера, способствующая усилению дисциплины среди сотрудников следственных органов. Одновременно с тем, указанный автор подчёркивает недостаточность полномочий прокурора возбуждать уголовное дело только после отмены неправомерного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, обосновывая особую значимость именно упреждающего аспекта прокурорского надзора [14, с. 55].

С.В. Корнакова акцентирует внимание на наличии некоторого дисбаланса: имея широкие полномочия надзора за деятельностью должностных лиц, прокуроры наделены меньшим объёмом полномочий в части надзора за следователями. Исходя из этого, указанный автор высказывается в поддержку идеи возвращения прокурору полномочий, которые были утрачены им в связи с реформой в 2007 г. [15, с. 149].

А.В. Ларина также высказывается в поддержку идеи расширения прокурорских полномочий по возбуждению уголовного дела, причём не только в случае отмены постановления органа дознания или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом она выделяет Российскую Федерацию как единственное государство среди членов СНГ, в котором прокурор не имеет полномочий принимать решение по сообщению о преступлении [16, с. 12, 65].

О.В. Левченко высказывается о концептуальной неверности положений, лишающих прокурора правом возбуждать уголовное дело, поскольку, по его мнению, прокурор должен играть определяющую роль в работе правоохранительных органов. При этом данный автор признает наличие явного противоречия между прокурором и следователем: если ранее руководящую роль играл прокурор, то в настоящее время она перешла к руководителю следственного органа, в связи с чем имеет место определённая конкуренция процессуальных и надзорных полномочий прокурора и полномочий руководителя следственного органа [17, с. 7].

Обосновывая мысль о расширении полномочий прокурора путём наделения его правом возбуждать уголовные дела, обратим внимание на сложившуюся практику необоснованного перенаправления материалов проверок сообщений о преступлениях из одного следственного органа в другой. Подобную практику И.В. Стуконог характеризует в качестве средства сокрытия преступлений от учёта [19, с. 86].

Определённый интерес представляет и зарубежный опыт, отражающий в целом правовое регулирование деятельности прокуратуры и её компетенцию в части осуществления уголовного преследования и возбуждения уголовных дел. Здесь уместно особое внимание обратить на Беларусь, правовая система которой, как и российская правовая система, в значительной степени унаследовала советский опыт. УПК Республики Беларусь [11] на момент проведения настоящего исследования в ст. 179 в контексте регулирования полномочий по надзору за законностью возбуждения уголовного дела предусматривает право прокурора отменить постановление органа дознания, следователя или нижестоящего прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении проверки, и возбудить уголовное дело. Можно без сомнений утверждать, что уголовно-процессуальное законодательство Беларуси в части регулирования полномочий прокурора сохранило прежнюю практику, которая имела место в советский период. Думается, что такой подход является вполне обоснованным и его целесообразно принять во внимание в рамках осмысления российской проблематики прокурорских полномочий в связи с возвращением к опыту прошлых лет.

А.Н. Гасымов обращает внимание на зарубежный опыт, отмечая определённую близость уголовно-процессуального законодательства ряда постсоветских государств российскому законодательству, в том числе и в части уголовного преследования и регулирования соответствующих полномочий прокурора. Так, многие страны по аналогии с российским законодательством тоже наделяют прокурора правом отменять постановления органов предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела, но вместе с этим и предоставляют ему право возбуждать уголовное дело, если соответствующий отказ был неправомерен. Помимо Беларуси, в круг таких государств входят, в частности, Туркменистан и Армения [12, с. 93–94]. С.В. Корнакова подчёркивает и в законодательстве большинства европейских государств наличие норм, позволяющих прокурору самостоятельно возбуждать и прекращать уголовные дела. В этом плане законодательство России кардинально отличается [15, с. 154].

В контексте проводимого анализа определённый интерес представляет и позиция Конституционного Суда РФ. Во многом аналогичный вопрос рассматривался применительно к административному преследованию и возбуждению дел об административном правонарушении. В абз. 6 п. 3 Постановления от 06.04.2023 № 15-П [8] Конституционный Суд РФ не усмотрел какого-либо несоответствия Основному Закону страны в тех положениях, которые позволяют прокурору возбуждать дело об административном правонарушении. Соответствующие полномочия именно применительно к реализации административной ответственности Конституционный Суд расценил именно как необходимость реагирования исходя из фактических обстоятельств дела, для восстановления правопорядка, в том числе с точки зрения целей и задач прокурорского надзора. Наличие указанных прав прокурора Конституционный Суд признал уместным на случай, когда специально уполномоченные органы по тем или иным причинам надлежало не реагировали на нарушение закона.

Если учесть изложенную позицию, то можно полагать, что с точки зрения конституционной законности никаких противоречий в наделении прокурора правом возбуждать уголовное дело усмотрено не будет, ведь аналогичным образом можно будет истолковать соответствующие полномочия и применительно к уголовно-процессуальному законодательству. То есть, по аналогии с производством по делам об административных правонарушениях, возвращение полномочий прокурору по возбуждению уголовного дела может быть связано с необходимостью принятия мер именно ввиду отсутствия должной реакции со стороны тех органов, которые уполномочены проводить предварительное расследование.

Размышляя о расширении полномочий прокурора, уместно отметить потенциальное наличие нескольких вариантов решения. Во-первых, соответствующие полномочия могут быть введены применительно к случаям, когда прокурор отменяет постановление следователя или органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела, одновременно возбуждая уголовное дело.

Второй вариант решения рассматриваемой проблемы может состоять в наделении прокурора правом возбуждать уголовные дела не только в результате отмены неправомерного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, но и, например, в результате

рассмотрения сообщений о преступлениях, получаемых, в частности, от граждан, либо в результате изучения материалов прокурорских проверок. При этом наделение прокурора полномочием по возбуждению уголовного дела может касаться как всех без исключения категорий дел, так и отдельных категорий дел, усиление уголовного преследования по которым особенно актуально. То есть возможны различные альтернативы, но в любом случае будет очевидно усиление роли прокуратуры в деле противодействия преступности.

Выводы

В результате проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие выводы относительно возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела.

1. Указанная идея представляется оправданной как с точки зрения доктрины уголовного процесса, так и с точки зрения действующего законодательства. Не противоречит она и позиции Конституционного Суда РФ в той части, в какой прокурор должен принимать меры реагирования в случае вынесения следователем или дознавателем неправомερных решений, связанных с отказом в возбуждении уголовного дела.

2. В современных реалиях прокурор лишен возможности оперативно реагировать на неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела. Одновременно с тем, советский и современный российский опыт прошлых лет отражает достаточно эффективную реализацию полномочий прокурора по возбуждению уголовного дела. Зарубежный опыт не отличается единообразием, хотя в отдельных странах за прокурором сохранено право возбуждать уголовное дело в том случае, когда со стороны поднадзорного органа допущен неправомерный отказ в его возбуждении.

3. С учетом изложенного представляется целесообразным дополнить ст. 37 УПК РФ положением о том, что в случае выявления незаконного и необоснованного решения следователя или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор отменяет соответствующее постановление и возбуждает уголовное дело.

4. Возможно, определенные изменения придется внести и в ст. 148 УПК РФ, в частности, в часть 6, а также в другие нормы, однако этот аспект требует более тщательной проработки, а потому в рамках настоящей статьи не рассматривается. И в целом возможны разные варианты возвращения полномочий по возбуждению уголовного дела прокурору, выбор же конкретного пути – более узкая, частная задача.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (I часть). – Ст. 4921.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
5. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.
6. Законопроект № 401900–4. Пояснительная записка к проекту федерального закона О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/401900-4#bh_histras (дата обращения: 04.02.2026).
7. Законопроект № 401900–4. Стенограммы обсуждений // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/401900-4> (дата обращения: 04.02.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 № 15-П «По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»...» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 16. – Ст. 2989.
9. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Ко-

дексом Р.С.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. – 1922. – № 20–21. – Ст. 230 (документ утратил силу).

10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592 (документ утратил силу).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16.07.1999 № 295-3 (ред. от 17 февраля 2025 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295> (дата обращения: 04.02.2026).

12. Гасымов А.Н. К вопросу о надзорной деятельности прокурора в досудебном производстве зарубежных стран // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 3(67). – С. 88–96.

13. Игнатенко Е.А., Смылова В.Н. Обеспечение национальной безопасности в контексте наделения прокурора полномочиями по возбуждению уголовных дел // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(232). – С. 152–154.

14. Исаенко В.Н. О дефиците полномочий прокурора в современном досудебном уголовном судопроизводстве // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 49–56.

15. Корнакова С.В. Полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 3. – С. 149–155.

16. Ларина А.В. Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 186 с.

17. Левченко О.В. Проблемные аспекты участия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2023. – № 1. – С. 5–15.

18. Спирин А.В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.

19. Стуконог И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2020. – 238 с.

20. Упоров И.В. Гуманизация советского уголовного процесса после смерти Сталина // Оригинальные исследования. – 2024. – Т. 14, № 10. – С. 221–227.

RESTORING THE POWER TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS TO THE PROSECUTOR AS A MEASURE TO ENHANCE CRIME PREVENTION

Vlasov D.V.

Moscow State Law Academy named after. O.E. Kutafina

The Prosecutor's Office holds a special position in the system of state authorities, providing coordination of law enforcement activities aimed at countering crime. Therefore, the regulation of the prosecutor's powers is also a matter of the efficiency of counteracting crime. Among these powers, particular emphasis is placed on those that enable him to conduct criminal prosecution, including during the pretrial phase. Previously, such powers included the authority to initiate criminal proceedings by the prosecutor; however, currently, he lacks this ability, leading to frequent debates. This debate is joined by the author within the scope of this article. The aim of the study is to analyze the issue of restoring the prosecutor's power to initiate criminal cases in the context of enhancing efforts against crime. During the analysis, the provided powers of the prosecutor are examined regarding their adequacy for effectively countering crime. Additionally, the regulatory practices of certain countries concerning the prosecutor's powers are explored. Special focus is given to the previous authority of the prosecutor to initiate criminal cases. Within this context, close attention is paid to studying both the Soviet experience and the post-Soviet period in Russia. Furthermore, an argument supporting the restoration of these specific powers is presented and justified.

Keywords: criminal proceedings; prosecutor's powers; Prosecutor's Office of the Russian Federation; crime prevention; Soviet prosecution.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 237.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (part I). – Art. 4921.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 12/29/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 1 (part I). – Art. 1.
4. Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 (as amended on 29.12.2025) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 47. – Art. 4472.
5. Federal Law No. 87-FZ dated 06/05/2007 (as amended on 12/22/2014) "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Feder-

al Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 24. – Art. 2830.

6. Bill No. 401900–4. Explanatory note to the draft Federal Law On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // CREATION of the GAS "Lawmaking". – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/401900-4#bh_histras (date of reference: 02/04/2026).

7. Draft Law No. 401900–4. Transcripts of discussions // CREATION of the GAS "Lawmaking". URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/401900-4> (date of reference: 02/04/2026).

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04/06/2023 No. 15-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph nine of paragraph 2 of Article 1, paragraphs one and two of paragraph 1 and sentence one of paragraph 2 of Article 21, paragraph 2 of Article 22 and paragraph 3 of Article 27 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" ..." // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 16. – Art. 2989.

9. Resolution of the Central Executive Committee of the Russian Federation dated 05/25/1922 "On the Criminal Procedure Code" (together with the Criminal Procedure Code of the RSFSR) // SU RSFSR. – 1922. – No. 20–21. – Art. 230 (the document is no longer valid).

10. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) (as amended on 29.12.2001) // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1960. – No. 40. – Art. 592 (the document has become invalid).

11. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus No. 295-Z dated 16.07.1999 (as amended on February 17, 2025) // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK9900295> (date of reference: 02/04/2026).

12. Gasimov A.N. On the issue of the prosecutor's supervisory activities in pre-trial proceedings in foreign countries // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No 3(67). – pp. 88–96.

13. Ignatenko E.A., Smyslova V.N. Ensuring national security in the context of authorizing the prosecutor to initiate criminal cases // Law and the State: theory and practice. – 2024. – No 4(232). – pp. 152–154.

14. Isaenko V.N. On the shortage of prosecutor's powers in modern pre-trial criminal proceedings // Lobbying in legislation. – 2024. – Vol. 3, No. 1. – pp. 49–56.

15. Kornakova S.V. The powers of the prosecutor in the field of criminal proceedings in Russia and abroad // Actual problems of Russian law. – 2025. – T. 20, No. 3. – pp. 149–155.

16. Larina A.V. Discretionary powers of the prosecutor in pre-trial proceedings in Russia and other CIS countries (comparative legal research): dissertation of the cand. jurid. nauk. – M., 2018. – 186 p.

17. Levchenko O.V. Problematic aspects of the prosecutor's participation in the initiation of a criminal case // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Humanities and Social Sciences. – 2023. – No. 1. – pp. 5–15.

18. Spirin A.V. The powers of the prosecutor to supervise the procedural activities of the preliminary investigation bodies: issues of theory, practice, legislative regulation: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences. – Yekaterinburg, 2014. – 23 p.

19. Stukonog I.V. Procedural powers of the prosecutor to ensure compliance with deadlines in the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences'. – Krasnodar, 2020. – 238 p.

20. Uporov I.V. Humanization of the Soviet criminal process after Stalin's death // Original research. – 2024. – Vol. 14, No. 10. – pp. 221–227.

Обеспечение права осуждённых на минимальный уровень жизни: сравнительно-правовой анализ законодательства Вьетнама и Российской Федерации в контексте гуманизации уголовного правосудия

Динь Ван Лиём,

доктор юридических наук, преподаватель Университета социальных и гуманитарных наук Виньского университета
E-mail: liemdv@vinhuni.edu.vn

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу механизмов обеспечения права осуждённых на минимальный уровень жизни во Вьетнаме и Российской Федерации в контексте гуманизации уголовного правосудия и международных стандартов прав человека. Методологической основой исследования выступают United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Правила Нельсона Манделы, 2015 г.) и International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966 г.). Проведено сопоставление норм о питании, жилой площади, медицинском обеспечении и общественном контроле. Установлено, что вьетнамская модель характеризуется государственно-патерналистским подходом с достаточно конкретизированными натуральными нормами обеспечения, однако испытывает трудности в части индексации стандартов и развития независимого внешнего контроля. Российская модель отличается дифференцированными стандартами жилой площади, развитием общественного контроля через механизм ОНК и программами модернизации уголовно-исполнительной системы до 2030 года. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и практики исполнения наказаний во Вьетнаме.

Ключевые слова: права человека; минимальный уровень жизни; осуждённые; исполнение наказаний; сравнительное право; гуманизация.

Введение

В условиях развития правового государства и укрепления международных стандартов прав человека гуманизация уголовной политики рассматривается как один из ключевых индикаторов зрелости правовой системы. Это предопределяет трансформацию уголовного правосудия от преимущественно карательной модели к модели, ориентированной на ресоциализацию, восстановление социальной справедливости и уважение человеческого достоинства осуждённых.

В данном контексте право осуждённых на обеспечение минимального уровня жизни – включая питание, жилую площадь, одежду, санитарно-гигиенические условия и медицинскую помощь – выступает как базовая группа гарантий, непосредственно связанная с принципом запрета бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Лишение свободы по приговору суда не может рассматриваться как основание для ограничения указанных прав сверх объёма, прямо предусмотренного законом.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов:

1. Условия содержания в местах лишения свободы остаются одной из наиболее чувствительных сфер в области прав человека;
2. Государства континентальной правовой семьи стремятся к нормативной детализации режима содержания, однако разрыв между законодательными стандартами и фактической практикой их реализации сохраняется;
3. Степень гуманизации уголовно-исполнительной системы всё чаще рассматривается как показатель эффективности государственного управления и уровня правовой культуры общества.

Цель настоящей статьи – проанализировать и сопоставить правовые механизмы обеспечения минимального уровня жизни осуждённых во Вьетнаме и Российской Федерации, а также определить возможные направления совершенствования вьетнамского законодательства с учётом международных стандартов.

Задачи исследования включают:

1. определение международной нормативной основы регулирования;
2. анализ правового регулирования во Вьетнаме;
3. анализ законодательства Российской Федерации;
4. оценку механизмов контроля и прозрачности;
5. формулирование сравнительных выводов и рекомендаций.

Методологическую основу исследования составляют нормативный анализ, сравнительно-правовой метод и правозащитный подход, ориентированный на принцип человеческого достоинства как фундаментальную ценность современного уголовного правосудия.

Обзор научных исследований

В современной юридической науке исследование условий содержания осуждённых развивается по трём основным направлениям.

Во-первых, правозащитный подход, который подчёркивает значение человеческого достоинства, принцип эквивалентности медицинской помощи и позитивные обязательства государства по обеспечению минимальных условий содержания.

Во-вторых, управленческий подход, рассматривающий условия содержания как фактор, непосредственно влияющий на эффективность исправления и ресоциализации, а также как показатель качества публичного администрирования.

В-третьих, сравнительно-правовой подход, анализирующий различия моделей правового регулирования, в частности между моделью «социального обеспечения» и моделью «стимул – дисциплина», основанной на труде.

В Российской Федерации значительное внимание уделяется реформированию уголовно-исполнительной системы, стандартизации условий содержания и развитию общественного контроля через ОНК. Во Вьетнаме исследования сосредоточены на обеспечении прав человека в системе исполнения наказаний и совершенствовании материальной базы учреждений. Однако комплексный сравнительный анализ двух стран, особенно в аспекте независимого общественного контроля, остаётся недостаточно разработанным.

Международные стандарты как основа сравнительного анализа

Ключевым универсальным ориентиром выступают Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными ООН (Правила Нельсона-Манделы), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году.

Правила 12–27 закрепляют требования к жилой площади, вентиляции, освещению, температурному режиму и санитарным условиям. Особое значение имеет обязанность обеспечения достаточного по питательной ценности питания и доступности медицинской помощи на основе принципа эквивалентности с гражданской системой здравоохранения.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) закрепляет право на достаточный жизненный уровень (ст. 11) и право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12). В отношении лиц, лишённых свободы, данные положения означают наличие у государства позитивной обязанности обеспечивать минимальные условия существования независимо от статуса осуждённого.

Таким образом, международные стандарты исходят из недопустимости снижения минимального уровня жизни вследствие лишения свободы.

Правовое регулирование во Вьетнаме

Правовое регулирование условий содержания осуждённых во Вьетнаме основывается на Законе об исполнении уголовных наказаний 2019 года и подзаконных нормативных актах.

Отличительной чертой является достаточно высокая степень количественной конкретизации норм, прежде всего в сфере питания. Законодатель использует модель установления натуральных норм (рис, мясо, рыба, овощи и др.) и денежного эквивалента.

Преимуществом данного подхода является ясность и проверяемость установленных стандартов. Вместе с тем он характеризуется недостаточной гибкостью в условиях инфляции и региональной дифференциации цен, а также ограниченной ориентацией на современные стандарты нутрициологии (калорийность, содержание белков и витаминов).

Минимальные стандарты жилой площади закреплены нормативно, однако на практике отдельные учреждения сталкиваются с проблемой перегруженности и устаревшей инфраструктуры.

Медицинская помощь организуется через тюремные медицинские подразделения с возможностью направления в гражданские учреждения здравоохранения. Основными проблемами остаются кадровое обеспечение и материально-технические ресурсы.

Правовое регулирование в Российской Федерации

Базовым нормативным актом является Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Характерной особенностью российского регулирования является дифференциация минимальной жилой площади в зависимости от категории осуждённых (в частности, для женщин и несовершеннолетних устанавливаются повышенные стандарты).

Нормы питания ориентированы на расчёт энергетической ценности и пищевой структуры рациона.

Система медицинского обеспечения строится на принципе эквивалентности медицинской помощи и взаимодействии с системой обязательного медицинского страхования.

Значимой особенностью является функционирование общественных наблюдательных комиссий (ОНК), осуществляющих внешний общественный контроль условий содержания.

Сравнительный анализ

Сравнительный анализ механизмов обеспечения минимального уровня жизни осуждённых во Вьетнаме и Российской Федерации целесообразно проводить по совокупности нормативных, институциональных и правозащитных критериев. В качестве методологического ориентира используются положения Правил Нельсона-Манделы и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика механизмов обеспечения минимального уровня жизни осуждённых

Критерии	Вьетнам	Российская Федерация	Международные стандарты
Жилая площадь	Общий минимальный стандарт, единый для большинства категорий	Дифференцированный стандарт (ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации)	Адекватная площадь, предотвращение переполненности
Питание	Натуральные нормы + денежный эквивалент	Нормы энергетической ценности и физиологические нормы питания	Достаточное, сбалансированное и питательное питание

Критерии	Вьетнам	Российская Федерация	Международные стандарты
Медицина	Медицинская часть учреждения + направление в гражданские учреждения	Принцип эквивалентности; взаимодействие с системой ОМС	Эквивалентность медицинской помощи гражданской системе
Защита уязвимых групп	Ограниченная дифференциация	Повышенные стандарты для женщин и несовершеннолетних	Принцип материального (субстантивного) равенства
Индексация нормативов	Отсутствие системного механизма корректировки по инфляции	Корректировка подзаконными актами	Обязанность обеспечения реальной достаточности условий
Контроль и надзор	Прокурорский надзор и ведомственный контроль	Государственный + общественный контроль (ОНК)	Эффективный и независимый внешний мониторинг
Доступ к дополнительным товарам	Ограниченный	Организованная система тюремных магазинов (ларьков)	Возможность приобретения предметов первой необходимости по разумным ценам (Правило 60 Правил Нельсона-Манделы)

Источник: составлено автором на основе законодательства Вьетнама, УИК РФ и международных стандартов.

Аналитические выводы

Нормативная конкретизация и её пределы

Вьетнамская модель отличается высокой степенью формальной определённости, особенно в части натуральных норм питания. Это обеспечивает проверяемость и ясность юридической обязанности государства. Однако отсутствие механизма регулярной индексации создаёт риск формального соблюдения норм при фактическом снижении их реальной ценности.

Российская модель демонстрирует большую гибкость благодаря использованию подзаконного нормотворчества и ориентации на физиологические показатели, что позволяет адаптировать нормы к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Дифференциация как показатель гуманизации

Существенным различием является дифференциация жилой площади в российском законодательстве, закреплённая в ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Повышенные стандарты для женщин и несовершеннолетних отражают переход от формального равенства к субстантивному равенству.

Во вьетнамском праве доминирует единый стандарт, что обеспечивает универсальность регулирования, но ограничивает возможности учёта индивидуальных потребностей.

Медицинское обеспечение и принцип эквивалентности

Российская модель более явно институционализирует принцип эквивалентности медицинской помощи, включая взаимодействие с системой обязательного медицинского страхования.

Во Вьетнаме медицинская помощь организована внутри пенитенциарной системы с возможностью перевода в гражданские учреждения, однако интеграция с общей системой здравоохранения менее структурирована.

Контроль как гарантия реализации прав

Наиболее существенное различие касается механизма контроля. Во Вьетнаме контроль осуществляется преимущественно государственными органами (прокурорский надзор и ведомственные проверки).

В Российской Федерации функционирует смешанная модель, включающая общественные наблюдательные комиссии (ОНК), действующие на основании Федерального закона № 76-ФЗ от 10 июня 2008 г. Наличие независимого общественного мониторинга усиливает прозрачность системы и расширяет каналы выявления нарушений.

Обобщающая оценка

Вьетнамская модель может быть охарактеризована как централизованная и социально-обеспечительная, с высокой степенью нормативной определённости.

Российская модель сочетает государственные гарантии с дифференциацией стандартов, гибкостью регулирования и элементами общественного контроля, что приближает её к более комплексной правозащитной модели.

Таким образом, различия носят не только технический, но и концептуальный характер, отражая разные подходы к соотношению государственной обязанности, индивидуальной ответственности осужденного и механизмов внешнего контроля.

Углублённая сравнительная аргументация

Законодательная философия: «социальное обеспечение» и «общественный договор»

Законодательство Вьетнама последовательно отражает философию социального обеспечения: государство несёт ответственность за гарантирование минимального уровня жизни каждому осужденному. Обязанность по обеспечению базовых материальных условий содержания носит безусловный характер и не ставится в зависимость от трудовой активности либо имущественного положения осужденного.

В свою очередь, модель Российской Федерации в определённой степени опирается на элементы концепции «общественного договора»: осужденный получает возможность улучшить условия своего содержания посредством труда, накоплений и доступа к товарам и услугам в рамках установленного режима.

Это не означает полной «маркетизации» минимальных прав. Обеспечение базового уровня жизни остаётся обязанностью государства. Однако российская модель предоставляет более широкое пространство для применения механизма «стимулирование – дисциплина», основанного на трудовой занятости и поведении осужденного в процессе исправления.

Законодательная техника: пенитенциарная среда как пространство реализации прав

Существенным отличием является законодательная техника. Российское регулирование демонстрирует тенденцию к детальной регламентации элементов среды содержания: освещение, температурный режим, санитарные условия, условия труда, доступ к информации и иные параметры.

Во вьетнамском праве акцент преимущественно делается на количественные нормативы питания, обеспечения одеждой и предметами первой необходимости.

С точки зрения прав человека условия содержания не сводятся исключительно к объёму питания и площади помещения. Они представляют собой совокупность факторов среды, влияющих на физическое и психическое здоровье лица. В этой связи более детализированная регламентация параметров среды создаёт лучшие предпосылки для проверки соблюдения стандартов, их оценки и последующего совершенствования.

Рекомендации и предложения

Дифференциация минимальной жилой площади

Целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в законодательство Вьетнама в направлении дифференциации минимальных стандартов жилой площади с учётом уязвимых категорий осужденных – женщин, несовершеннолетних, пожилых лиц и лиц с хроническими заболеваниями.

Опыт Российской Федерации, закреплённый в ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, может служить ориентиром для перехода от формального равенства к материальному (субстантивному) равенству.

Механизм индексации норм питания с учётом ИПЦ и стандартов нутрициологии

Необходимым направлением реформы является разработка механизма корректировки норм питания на основе индекса потребительских цен (ИПЦ) либо регулярного обновления с учётом рыночных колебаний.

Одновременно целесообразен переход от исключительно весовых нормативов к комбинированной модели: натуральные нормы + стандарты пищевой ценности (калорийность, содержание белков, витаминов и микроэлементов).

Такой подход позволит снизить риск ситуации, при которой нормы формально соблюдаются, но фактически оказываются недостаточными вследствие инфляции или изменения структуры потребления.

Пилотное внедрение независимого общественного контроля

Существующий механизм прокурорского надзора во Вьетнаме представляет собой важный элемент институционального контроля.

Вместе с тем целесообразно дополнить его пилотными формами независимого общественного мониторинга.

Особое внимание может быть сосредоточено на наиболее чувствительных сферах: организация питания, складирование продовольствия, функционирование медицинских подразделений, санитарные условия и процедуры рассмотрения жалоб.

Независимый общественный контроль не подменяет государственный надзор, а выступает дополнительным инструментом повышения прозрачности и эффективности выявления нарушений. В качестве ориентира может служить модель общественных наблюдательных комиссий (ОНК), действующих в Российской Федерации на основании Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ.

Поэтапная модернизация пенитенциарной инфраструктуры и медицинской помощи

Для обеспечения реального, а не декларативного минимального уровня жизни необходима долгосрочная программа модернизации устаревших учреждений исполнения наказаний во Вьетнаме. Приоритетными направлениями являются:

- увеличение жилой площади;
- обеспечение надлежащей вентиляции и естественного освещения;
- улучшение санитарных условий;
- модернизация медицинских подразделений и укрепление кадрового потенциала.

Данные меры могут рассматриваться как инвестиции в сферу прав человека, поскольку затраты на улучшение условий содержания нередко оказываются ниже социальных издержек, связанных с рецидивом преступности и социальной деградацией личности.

Заключение

Обеспечение права осужденных на минимальный уровень жизни является существенным индикатором гуманизма и уровня правовой культуры государства.

Проведённый анализ показывает, что Вьетнам сформировал относительно конкретизированную нормативную систему, особенно в части норм питания и прокурорского надзора за исполнением наказаний. Вместе с тем сохраняются проблемы материально-технического характера, ресурсные ограничения и недостаточная развитость независимого внешнего контроля.

Российская Федерация демонстрирует ряд примечательных решений: дифференцированные стандарты жилой площади для защиты уязвимых категорий, расчёт питания на основе энергетической ценности, функционирование общественных наблюдательных комиссий и курс на модернизацию уголовно-исполнительной системы до 2030 года.

Сравнительный анализ позволяет определить возможные направления реформирования во Вьетнаме: повышение стандартов содержания, усиление прозрачности, внедрение механизмов индексации нормативов и пилотное развитие общественного контроля.

В условиях гуманизации уголовного правосудия обеспечение минимального уровня жизни представляет собой не только юридическое требование, но и фундаментальное условие сохранения человеческого достоинства осужденных и их успешной ресоциализации.

Ограничением настоящего исследования является преимущественно нормативный характер анализа без детального эмпирического изучения фактических условий содержания в различных типах учреждений. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать оценка соответствия правового регулирования практике его реализации, а также углублённый анализ механизмов подачи жалоб и возмещения вреда в случае нарушения прав осужденных.

Литература

1. Coyle A., Fair H. A Human Rights Approach to Prison Management. 3rd ed. London: International Centre for Prison Studies, 2021.
2. Lê Minh Chuẩn. Quyền của người bị kết án phạt tù ở Việt Nam: дис. ... д-ра юрид. наук. Hà Nội: Học viện Khoa học xã hội, 2019.
3. Nguyễn Văn Quân. Bảo đảm quyền con người trong thi hành án hình sự ở Việt Nam hiện nay. Hà Nội: NXB Tư pháp, 2021.
4. Quốc hội Việt Nam. Luật Thi hành án hình sự. Hà Nội, 2019.
5. United Nations. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR). New York: United Nations, 1966.
6. United Nations. United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules). New York: United Nations, 2015.
7. Van Zyl Smit D., Snacken S. Principles of European Prison Law and Policy: Penology and Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2009.
8. Walmsley R. World Prison Population List. 13th ed. London: Institute for Crime & Justice Policy Research, 2023.

9. Chính phủ Việt Nam. Nghị định số 133/2020/NĐ-CP quy định chi tiết một số điều của Luật Thi hành án hình sự. Hà Nội, 2020.

10. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: федер. закон Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (с изм. и доп.).

11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп.).

ENSURING THE RIGHT OF CONVICTED PRISONERS TO A MINIMUM STANDARD OF LIVING: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF VIETNAM AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE HUMANIZATION OF CRIMINAL JUSTICE

Dinh Van Liem

University of Social Sciences and Humanities

This article provides a comparative legal analysis of the mechanisms for ensuring the right of convicted prisoners to a minimum standard of living in Vietnam and the Russian Federation in the context of the humanization of criminal justice and international human rights standards. The methodological foundation of the study is based on the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules, 2015) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966).

The paper compares legal provisions on nutrition, living space, medical care, and public oversight mechanisms. The findings indicate that the Vietnamese model is characterized by a state-paternalistic approach with relatively specific in-kind standards of provision; however, it faces challenges regarding the indexation of standards in response to price fluctuations and the development of independent external oversight. The Russian model features

differentiated standards of living space, the development of public oversight through the Public Monitoring Commissions (ONK), and modernization programs for the penal enforcement system through 2030.

The article proposes recommendations for improving legislation and penal enforcement practice in Vietnam.

Keywords: human rights; minimum standard of living; convicted prisoners; penal enforcement; comparative law; humanization.

References

1. Coyle A., Fair H. A Human Rights Approach to Prison Management. 3rd ed. London: International Centre for Prison Studies, 2021.
2. Government of Vietnam. (2020). Decree No. 133/2020/ND-CP detailing a number of articles of the Law on Execution of Criminal Judgments. Hanoi.
3. Le, M. C. (2019). Rights of sentenced prisoners in Vietnam (Doctoral dissertation, Academy of Social Sciences). Hanoi.
4. Nguyen, V. Q. (2021). Ensuring human rights in the execution of criminal judgments in Vietnam. Hanoi: Justice Publishing House.
5. National Assembly of Vietnam. (2019). Law on Execution of Criminal Judgments. Hanoi.
6. Russian Federation. (1997). Criminal Executive Code of the Russian Federation (Federal Law No. 1-FZ of January 8, 1997, as amended).
7. Russian Federation. (2008). Federal Law No. 76-FZ of June 10, 2008 on Public Control over Ensuring Human Rights in Places of Forced Detention (as amended).
8. United Nations. (1966). International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. New York: United Nations.
9. United Nations. (2015). United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (the Nelson Mandela Rules). New York: United Nations.
10. Van Zyl Smit, D., & Snacken, S. (2009). Principles of European Prison Law and Policy: Penology and Human Rights. Oxford: Oxford University Press.
11. Walmsley, R. (2023). World Prison Population List (13th ed.). London: Institute for Crime & Justice Policy Research.

Совершенствование уголовной политики и мер предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: опыт Кыргызстана и России

Какешов Бакыт Дайрабаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института КНУ им. Ж. Баласагына
E-mail: Kakeshov777@gmail.com

Салишев Сергей Николаевич,

аспирант Отдела аспирантуры Бурятского государственного университета имени Дорджи Баназарова
E-mail: salishev.s.n@gmail.com

В работе подробно анализируется проблема профилактики преступлений, особенно тех, которые наносят ущерб конституционному строю и национальной безопасности Кыргызской Республики и иных стран Центральной Азии. Автор акцентирует внимание на историческом развитии концепции превентивных мер, начиная с работ Ш. Монтескье и других мыслителей, а также на сложности практической реализации этих идей в условиях современных социальных и экономических реалий. Основная идея заключается в необходимости перехода от репрессивных методов к системной профилактической стратегии, основанной на научных исследованиях, межведомственном взаимодействии и международном сотрудничестве. В статье подчеркивается роль конституционных норм и правовых рамок, которые определяют возможности и ограничения в сфере предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Особое внимание уделено необходимости формирования эффективных институтов, объединяющих усилия национальных органов и международных структур, а также внедрению современных технологий и методик в борьбу с транснациональной преступностью. В целом, работа подчеркивает, что для успешной борьбы с преступностью необходимо внедрение системы комплексных профилактических мер, основанных на передовых научных разработках и международном опыте, а также политическая воля руководства и согласованные действия всех заинтересованных институтов.

Ключевые слова: уголовная политика, безопасность государства, конституционный строй, меры предупреждения преступлений.

Проблема предотвращения преступлений занимает одно из центральных мест в мировой теории и практике борьбы с правонарушениями. Приоритет у превентивных мер перед другими методами противодействия преступности, вероятно, впервые был сформулирован Ш. Монтескье в своем известном сочинении «О духе законов» [1, с.231] несмотря на то, что подобные идеи были высказаны ранее такими мыслителями, как Аристотель, Платон и Фукидид, он также их поддерживал.

Известный английский утопист Томас Мор, изучая общественные причины преступности, включая алкоголизм и нищету, отмечал: «Ограничьте произвол богатых и их жадность, напоминаящую монополию. Поддерживайте меньше лентяев... я спрашиваю: не вы ли создаете воров, чтобы затем их наказывать?» Русские революционные демократы и позднее марксистские ученые поддерживали и развивали профилактический подход к борьбе с преступностью и правонарушениями.

Л.Н. Радищев высказывал мнение о том, что вместо постоянного применения насилия для наказания преступлений необходимо изменить сами поступки таким образом, чтобы они переставали повторяться и становились обоснованными. Также, К. Маркс говорил, что умный законодатель должен предотвращать преступления, чтобы не приходилось наказывать за них.

Превращение этой концепции в практический инструмент для борьбы с преступностью оказалось длительным и сложным процессом. На практике, все последние попытки изменить подход к преступности с карательного на предупреждающий (профилактический) частично или полностью завершались неудачей. Как мелкие эксперименты отдельных идеалистов, так и масштабные национальные проекты оказывались неэффективными. Согласно автору, социальные проекты в итоге лишь усилили сомнения в эффективности стратегии предотвращения преступности. Он считает, что основные причины неудач в использовании преимущественно профилактической стратегии борьбы с преступностью связаны с следующими факторами:

Во-первых, недооценка реального уровня преступности. В криминологических исследованиях преобладает оценка скрытой преступности, которая предполагается значительно выше зарегистрированной, и требует дополнительных исследований для уточнения. Важно отметить, что классические преступления, такие как убийства, изнасилования, кражи и другие, требуют особого внимания в силу их опасности и высокой вероятности обнаружения следов преступления. Исследования показывают, что скрытый уровень преступности может быть значительно выше официальной статистики, что называется феноменом сверхлатентности или гиперлатентности. Когда массово нарушаются уголовно-правовые запреты, количество зарегистрированных преступлений сильно зависит от эффективности работы системы по привлечению нарушителей к ответственности. Этот феномен не является уникальным для современной преступности, так как уже в XIX веке он был подробно изучен П. Лафаргом в отношении Франции. Отсутствие убедительных аргументов в пользу того, что лишь небольшая часть общества совершает преступления, явно способствовало созданию иллюзии, что возможно полностью предотвратить преступность.

Во-вторых, более эффективен, чем простой штраф или тюремное заключение. Важно учитывать, что преступление имеет различные причины и наказание должно быть сбалансированным и адекватным, чтобы дать возможность человеку исправиться и вернуться к нормальной жизни. Исполнение ответственности, включая систему отбывания наказания в виде лишения свободы, играет важную роль в предотвращении преступности и обуздании преступных действий, способствуя их уменьшению и прелатству их распространению. Модели профилактики и наказания преступлений плохо «уживаются».

В-третьих, ограниченные финансовые ресурсы общества могут ограничить возможность осуществления значительных инвестиций в предупреждение преступлений. Исследования показывают, что расходы на предотвращение преступности в разы превышают затраты на уголовное преследование, так как требуют серьезных изменений в социальной структуре. Многие профилактические меры также могут достичь своего предела, после чего дополнительные инвестиции становятся менее эффективными (например, вовлечение граждан в поддержание порядка, информационные кампании по защите от престу-

плений, работа с осужденными). К 70-м годам прошлого века государства тратили в среднем 9% бюджета на судебную-правовую систему, ввиду ограниченности финансовых ресурсов, вероятность выделения достаточных средств на профилактику преступлений в ближайшем будущем крайне мала. Тем не менее, необходимо стремиться к перераспределению средств в этом направлении.

В-четвертых, также проблемой является упрощенное понимание криминологических факторов, влияющих на уровень преступности. Некоторые из этих факторов обычно рассматриваются как способствующие преступности, такие как бедность, безработица, наркотическая и алкогольная зависимость, в то время как другие считаются препятствующими – высокий уровень жизни, наличие работы, хорошее образование и высокий уровень интеллекта. Однако, на практике воздействие этих факторов может варьироваться в зависимости от социального контекста и типа преступлений.

В-пятых, по мнению автора, основная ошибка заключается в недостаточной ясности в постановке задач и непонимании, какие именно результаты должны быть достигнуты. По мнению специалистов в области криминологии, исследования и история показывают, что невозможно полностью избавиться от всех причин преступности. Сосредоточение на исключении или уменьшении отдельных факторов имеет ограниченную эффективность, так как не предоставляет четкого плана для оптимизации использования ресурсов. Поэтому важным аспектом успешной уголовной политики является определение конкретной цели предотвращения преступности.

Из-за различных ошибок, сделанных при воплощении идеи, нацеленной на борьбу с преступностью, доверие к этой профилактической концепции было подорвано, что привело к снижению интереса государства к этому аспекту уголовной политики. Неудачные попытки применения данной модели для борьбы с преступностью на различных уровнях – местном, региональном, государственном и международном – не означают, что успешное снижение уровня преступности и отдельных видов преступлений с помощью превентивных мер невозможно. Проблема заключается в неправильном определении целей и ошибочных подходах к их достижению.

В настоящее время мировое сообщество, включая Кыргызскую Республику (далее-КР), имеет достаточные ресурсы и опыт для разработки и внедрения эффективной уголовной политики, направленной на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности, с упором на проактивные меры. Многие страны считают недопустимым использование исторически сложившейся модели, основанной на применении репрессивных методов в борьбе с преступностью, для решения данной проблемы.

В данном случае перед КР возникает более сложная задача из-за недостаточного финансирования борьбы с преступностью. Необходимо осуществить значительные изменения в расходах, направив их на профилактику преступлений, а также искать дополнительные источники финансирования вне бюджета. Важное значение имеет научно обоснованный подход к решению практических задач в области предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР. По мере того, как страна движется в сторону демократии и правового государства, уголовная политика должна претерпеть значительные изменения. Вместо того, чтобы полагаться исключительно на уголовное наказание в борьбе с преступностью, необходимо больше внимания уделить предупреждению и профилактике правонарушений. Это ключевое изменение должно быть направлено на предотвращение преступлений против основ конституционного строя и обеспечение безопасности государства, несмотря на противоречивые тенденции.

Автор отмечает, что значимость предотвращения обсуждаемых преступлений в качестве основного метода борьбы с преступностью в настоящее время объясняется несколькими факторами:

– во-первых, прежде всего, профилактика является наиболее гуманным способом поддержания общественного порядка и защиты законных интересов. Превентивные меры не только обеспечивают защиту общества от преступности, но также помогают неустойчивым личностям избежать дальнейшего морального упадка, предотвращая их превращение в преступников, и избавляют от практически неизбежного уголовного наказания.

– во-вторых, профилактика преступлений считается наиболее эффективным методом борьбы с преступностью, поскольку она предоставляет больше возможностей для предотвращения преступных действий исключения их из общества, чем другие меры.

– в-третьих, последнее время наблюдается устойчивая тенденция перераспределения ответственности за предотвращение преступлений не только на систему уголовной юстиции. Этот новый подход открывает широкие возможности для профилактики преступности и других правонарушений, которые рассматриваются как важная комплексная

задача государства, достижение которой возможно только в результате совместных усилий. управленческих и исполнительных структур, а также активном вовлечении широкого круга граждан;

– в-четвертых, наступил уникальный период, когда криминология укрепились как социальная наука и стала активным участником реформ, проводимых в стране. В настоящее время криминологическая наука способна не только регистрировать и описывать негативные последствия дезорганизации общественных структур, но и более глубоко изучать причины и механизмы их возникновения, предлагая профессионалам меры по предотвращению преступности и других правонарушений.

– в-пятых, на всех уровнях уголовной политики – от директив до законодательства и применения норм – признается опасность тотальной криминализации общества из-за избыточного использования уголовных наказаний как основного инструмента борьбы с преступностью. «Социальная политика должна быть ориентирована на будущее, эффективной и гуманной».

Для того чтобы борьба с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства стала приоритетной задачей в уголовной политике, необходимо перейти от простых заявлений к конкретным мерам. Это требует всестороннего обеспечения на уровне идеологии, законодательства, организации, информационной поддержки, кадров и научных исследований. Данное исследование будет сконцентрировано на макроуровне общества, поскольку необходимо рассмотреть отдельно юридические нормы, региональные и местные меры профилактики, а также индивидуальные аспекты проблемы из-за их значимости.

Включающая различные органы и институты, ответственные за обеспечение законности и справедливости. взаимодействие между различными отраслями, включающее разнообразные нормативные акты, основано на ведомственных постановлениях, особенно в сферах Государственного комитета национальной безопасности (далее-ГКНБ) и Министерства внутренних дел (далее-МВД) КР, направленных на предотвращение преступлений против конституционного строя и безопасности страны. Исследователи считают, что нестабильность, противоречия и имеющиеся проблемы в этой системе объясняются сложными объективными и субъективными факторами. В учебной и научной литературе часто отмечается, что основой правового регулирования превентивных мер в борьбе с преступностью является Конституция КР, которая является основным законом страны. Конституционное регулирование играет важную роль как основа для всех ключевых аспектов правового подхода к предотвращению преступлений, хотя конкретное содержание этих аспектов не определено. При этом, используется метод технико-юридического анализа, где конституционные нормы находят свое уточнение в других нормативных актах. Например, принятие в конституции человека как высшей социальной ценности развивается через совокупность норм, которые служат ориентиром для определения системы приоритетов в области борьбы с преступностью. Конституция устанавливает правовую основу не только для определения приоритетов, но и для определения легальных форм их реализации, а также участия различных субъектов в предотвращении преступлений [2, ст. ст. 89–115].

В тексте Конституции отсутствует упоминание конкретного понятия «предупреждение преступлений»; вместо этого используются более общие понятия – «обеспечение правопорядка» [2, п. 4 ч. 1 ст. 91] или «борьба с преступностью» [2, п. 3 ч. 1 ст. 91]. Конституция также не утверждает превосходство мер по профилактике преступлений над другими способами их пресечения. Согласно анализу норм Конституции КР, Кабинет министров КР несет ответственность за их выполнение, как считает автор текста, указывается на необходимость решения проблемы создания профилактической функции законодательства.

Прежние версии Конституции КР [2, 1993 г., 2007 г., 2010 г.] также не уделяли должного внимания профилактике преступлений как отдельной социальной функции государства. Функция предупреждения в системе уголовного законодательства (включая уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и оперативно-розыскное законодательство) из-за своей наказывающей природы (в основном как мера возмездия) имеет уникальное содержание и ограниченные возможности. Этот вывод не так сильно связан с оперативно-розыскным законодательством, так как в соответствии со статьей 8 Закона КР «Об оперативно-розыскной деятельности» (1998 г.) основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий могут выступать различные факты, такие как наличие начатого уголовного дела или информация о признаках планируемого, совершенного или уже совершенного противоправного деяния, а также о лицах, причастных к ним, в случае отсутствия достаточной информации для возбуждения уголовного дела [3, п.п. 1 и 2 ст. 8]. Интерпретация оснований для

проведения оперативно-розыскных мероприятий может оказать как положительное воздействие, предоставляя возможность для ранней профилактики, так и негативное, заключающееся в ограничении прав граждан, не совершивших противоправных действий. Решение этой дилеммы более сложно, чем кажется, поскольку при высоком уровне преступности в стране практически невозможно избежать временных ограничений личных свобод граждан для предотвращения серьезных правонарушений. Законодатель должен обеспечить такое регулирование этих ограничений, чтобы они были обоснованными.

До введения Уголовного кодекса КР (далее-УК КР) в 1997, 2017 и 2021 годах [4], вопрос предотвращения преступлений в Кыргызстане был актуален в области уголовного законодательства, исследования ученых, таких как М.М. Исаев, В.Н. Кудрявцев, С.В. Максимов, А.И. Марцев, А.В. Наумов, показывают, что уголовное право рассматривается не только как инструмент наказания, но и как средство предупреждения преступлений. Они подтверждают, что четкость угрозы наказания имеет большее влияние на уровень преступности, чем само наказание [153]. Исходя из вывода, автор считает верным, количество правонарушений не может автоматически превратиться в общественно опасное действие. В некоторых случаях законодатель оставил в УК КР нормы, структурно схожие с административно-правовыми. Такие нормы могут либо иметь, либо не иметь аналогов в Кодексе об административных правонарушениях КР, которые выполняют функцию ранней профилактики. В уголовно-процессуальном законодательстве КР всегда есть требование для следователя выявить факторы и обстоятельства, которые способствовали совершению преступления (часть 3 статьи 19 УПК КР), и принять меры для их предотвращения [5].

При расследовании уголовного дела и вынесении постановления следователь привлекает внимание должностных лиц государственных органов и других организаций к фактам нарушения закона, причинам и условиям, способствовавшим преступлению. Таким образом, предупредительная функция данных субъектов в борьбе с преступностью является предсказательной, так как строится на анализе и обобщении уже имеющихся данных для предотвращения будущих преступлений законодатель справедливо считает, что если типичные причины и условия, способствующие совершению преступлений, не будут устранены, они будут продолжать действовать. Исследование указанных норм, включая те, которые регулируют форматы официальных документов, отправляемых следователем, показывает, что они слишком общие и не всегда соответствуют современным научным представлениям о том, как можно предотвратить преступления. Автор считаем, что обязанность следователя по предотвращению преступлений должна быть также распространена на прокуроров, осуществляющих надзор.

В отличие от прежних правил, новое уголовно-исполнительное законодательство (УИК КР 2017 года) впервые уделяет особое внимание предотвращению совершения новых преступлений не только осужденными, но и другими лицами (статья 3) [6]. Это произошло в результате предварительно установленных и обоснованных эффектов общего и специализированного предупредительного воздействия, которое осуществляется законодательством и его применением.

Однако, автор высказывает несогласие с распространенным мнением о том, что превентивное воздействие уголовно-исполнительного законодательства оказывает влияние только на «нестабильных граждан, особенно на тех, кто ведет антиобщественный образ жизни» [250]. Воздействие наказаний за преступления распространяется на всех, способных воспринимать их как реальность, и не может быть выборочным. Поэтому профилактическая функция уголовно-исполнительного законодательства должна включать в себя не только охрану и надзор за осужденными, но и другие меры.

Проведенный анализ показал, что недостаточное внимание уделяется законодательным и оперативным мерам в области уголовного права, уголовного процесса и преступной деятельности, направленным на предотвращение преступности в значительной степени способствовала недостаточная эффективность данного направления развития уголовной политики в законах, регулирующих деятельность специализированных государственных органов. Большую часть мер по борьбе с преступностью и негативными явлениями в КР составляли Указы Президента и постановления Кабинета министров КР. Однако, необходимо отметить, что многие законы, принятые с момента обретения независимости страны, на данный момент не действуют и не содержат положений о предотвращении угрозы для конституционного строя и безопасности государства. Исследование обращений и указов всех президентов КР, начиная с момента обретения независимости, в отношении урегулирования и предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности, демонстрирует следующее: не было явных указаний на улучшение основ профилактики преступлений в целом и предотвращение преступлений против основ консти-

туционного строя и безопасности государства. Большинство документов были посвящены депутатам Жогорку Кенеша (Парламент) КР, вопросам реформирования органов власти и местного самоуправления, структуре судов и правоохранительных органов, а также юбилейным событиям и другим темам. Что касается деятельности Президентов КР, следует отметить высокую степень их активности в систематических попытках реформирования системы борьбы с преступностью в республике, что подтверждается количеством директивных указаний.

Политические события, произошедшие в 2005, 2010 и 2020 годах, не способствовали развитию концепции улучшения уголовной политики в борьбе с преступлениями, направленными на нарушение основ Конституции и обеспечение безопасности КР.

В настоящее время Президент КР Жапаров С.Н. активно работает над укреплением всех аспектов борьбы с преступностью в целом, включая противодействие преступлениям, угрожающим конституционному строю и безопасности страны. Важные вопросы, которые долгое время оставались без внимания, начинают активно обсуждаться и решаться на уровне законодательной, исполнительной и судебной власти. В своем обращении к народу 24 марта 2024 года Президент подчеркнул необходимость справедливого управления и национального единства [7]. Под руководством Председателя ГКНБ КР Ташиева К.К. активно решаются важные вопросы, связанные с укреплением национальной безопасности, территориальной целостностью, суверенитетом и борьбой с преступностью. Деятельность Председателя ГКНБ КР является примером того, как строится демократическое, суверенное, светское и правовое государство. Охрана и защита суверенитета и территориальной целостности страны играют ключевую роль в этом процессе. Концепция уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР играет особую роль в обеспечении правопорядка и борьбы с преступностью. Для решения указанных задач руководством страны и ведомством создаются все необходимые условия: выделяются средства на закупку тылового имущества и специальной техники, которая будет передана в подразделения охраны границы; регулярно обсуждаются вопросы правительственных делегаций Кыргызстана и Таджикистана по определению и установлению государственной границы [8]. В целях создания единой системы исследовательских кадров-повышение численности преподавательского состава для органов национальной безопасности, расширение научной базы по вопросам обеспечения национальной безопасности в Кыргызстане. По указанию Президента КР Жапарова С.Н. была учреждена Академия Государственной комиссии по национальной безопасности КР имени генерал-лейтенанта А. Бакаева на основе Института профессиональной переподготовки и повышения квалификации ГКНБ [6].

По мнению автора, необходимо активно бороться с преступностью, нарушающей основы конституционного строя и безопасность КР, не ожидая появления новых угроз или способов совершения преступлений. Проработка вопросов совершенствования борьбы должна начинаться на этапе прогнозирования и планирования в научных институтах ГКНБ КР, что является новым направлением в изучении противодействия и предупреждения преступлений. При этом, важно учитывать национальные интересы, безопасность республики, жизнь граждан и развитие государственных и общественных институтов в условиях современного мирового порядка. Изучение проблем теории уголовного права в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, включая оперативно-розыскную деятельность ГКНБ, требует научно обоснованного подхода к разработке методологии. Особое значение в этом вопросе имеет законодательное закрепление Концепции уголовной политики в борьбе с преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства. С момента становления независимой КР, во всех ее министерствах и ведомствах укрепилась концептуальная связь между теорией, наукой и практикой. взаимодействие между научно-исследовательскими институтами и практическими подразделениями было недостаточно эффективным, что приводило к неэффективной работе. Специализированные научно-исследовательские институты играют ключевую роль в разработке правовых стандартов, методических подходов и проведении необходимых исследований. Они также тестируют эти исследования на практике, исправляя ошибки и улучшая работу практических подразделений на основе разнообразных данных – опросов, анкетирования, оценки рисков и других эмпирических материалов. Результаты научных исследований редко находят практическое применение, большинство законопроектов разрабатывают общественные фонды и некоммерческие организации, а не профильные кафедры юридических факультетов вузов, как было бы логично.

Внедрение современных принципов правового регулирования и повышение эффективности уголовного процесса. По мнению автора, все инициативы должны происходить из научных учреждений, которые сотрудничают с заинтересованными организациями для решения важных вопросов общественной и государственной значимости. Например, новый Диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Академии ГНБ КР может заниматься изучением основных направлений развития ГНБ КР, включая преступления против конституционного строя и безопасности государства. Эти задачи могут быть выполнены только путем взаимодействия теории, практики и научных исследований. При обсуждении реализации программ по борьбе с преступностью следует отметить, что, несмотря на наличие отдельных разделов, посвященных предупреждению правонарушений (включая преступления), профилактические меры, по мнению автора исследования, занимают всего лишь пятую часть всех мероприятий, направленных на противодействие преступности.

Основные недостатки заключаются в следующем: во-первых, отсутствие конкретных расходов на выполнение каждого отдельного профилактического мероприятия, что затрудняет оценку их результативности. Во-вторых, затраты на проведение подобных программ фактически сравниваются с бюджетными расходами на деятельность правоохранительных органов, что обязывает выделить остаточное финансирование для профилактики преступлений. В-третьих, отсутствуют четкие нормативные критерии, по которым можно оценить эффективность запланированных профилактических мер. Увеличение эффективности законодательства в области уголовного права для профилактики преступлений связано с значительными различиями в его основных элементах. Недавнее исследование показывает необходимость разработки сбалансированной уголовной политики для предотвращения преступлений, угрожающих основам конституционного строя и безопасности государства.

Например, 189 из 216 участников опроса согласились с тем, что концепцию уголовной политики КР нужно рассматривать как систему мер по обеспечению безопасности государства от различных угроз, учитывая имеющиеся ресурсы и возможности, а также как детальный план конкретных действий, в то время как 27 респондентов выразили противоположное мнение.

Далее, на вопрос: «Каково ваше мнение о том, что подразумевается под уголовной политикой в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства? Половина опрошенных выразили мнение, что уголовная политика в области национальной безопасности включает в себя стратегию и тактику государственных органов. опрос показал, что 45,6% респондентов считают, что уголовная политика в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства охватывает стратегию и тактику органов государственной власти по обеспечению безопасности личности, общества и государства от различных угроз, включая политические, экономические, социальные, военные, техногенные, экологические, информационные и другие, с учетом имеющихся ресурсов. Это направление управления направлено на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз различного характера.

Из результатов социологического исследования видно, что всеобщее понимание уголовной политики является распространенным. в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, как стратегии и тактики государственных органов и управления, направленных на защиту личности, общества и государства от различных угроз, включая политические, экономические, социальные, военные, техногенные, экологические, информационные и другие, с учетом имеющихся ресурсов.

Так, уголовная политика играет важную роль во внутренней и внешней стратегии государства по предотвращению преступлений, направленных против конституционного строя и государственной безопасности. С момента обретения независимости Кыргызстаном и его вступления в мировое сообщество это значение стало еще более важным. Помимо явных преимуществ интеграции, республика столкнулась с новыми вызовами для ее безопасности, такими как борьба с международным терроризмом, экстремизмом и другими формами международной преступности. В данном контексте автор утверждает, что изучение вопросов уголовной политики в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства имеет значимость с точки зрения внешней политики. Для обеспечения стабильности как внутри страны, так и за её пределами, уголовная политика должна согласовывать усилия против международного терроризма, экстремизма и других преступных деяний. Это важно для укрепления международного сотрудничества в борьбе с нарушениями, которые угрожают конституционному строю и безопасно-

сти государства. В общем, международное сотрудничество в борьбе с преступлениями против основ конституционного строя и государственной безопасности представляет собой сложную систему взаимодействий. Включает в себя согласованные действия в области внутренней политики, законодательства, правоприменения, организационного и управленческого аспектов, а также информационную и научно-исследовательскую работу. В этом процессе участвуют государства, их правительства, официальные лица, а также международные учреждения, занимающиеся предотвращением преступлений, борьбой с преступностью и обращением с нарушителями закона.

В данном контексте сотрудничества в области предотвращения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности включают в себя следующее:

- обмен опытом и консультации по вопросам практического сотрудничества;
- согласование общих взглядов и основных принципов при разработке международных соглашений и других правовых документов, направленных на противодействие преступности, включая преступления против установленного порядка и безопасности государства;
- регулярные совещания сотрудников и обмен информацией для изучения практики и работы организаций, занимающихся предупреждением таких преступлений;
- формирование равноправных рабочих групп из экспертов для изучения опыта применения законов, организации таких мероприятий, как научно-практические конференции и семинары, а также для разработки совместных программ по борьбе с преступностью и создания международных соглашений, направленных на установление нормативно-правовой базы для сотрудничества в данной области.
- проведение научных исследований с целью борьбы с преступностью;
- совместных проектах с целью повышения эффективности работы органов правопорядка. международные встречи по борьбе с преступностью являются ключевым событием. Содействие государств, международных организаций и доноров необходимо для привлечения экспертов из Центральной Азии (далее-ЦА) к участию в инициативах по борьбе с преступностью на субрегиональном и региональном уровнях во главе с Россией.

Основное внимание следует уделять развитию и улучшению международных отношений и сотрудничеству в рамках международных организаций, таких как ООН, ЕС, ОБСЕ, ОЭСР, ШОС, ОДКБ, Лига тюркоязычных государств, с участием других стран и международных структур.

Анализ мнения исследователей показывает, что в практике борьбы с преступностью можно выделить три уровня международной поддержки: информационный, технический и стратегический. Стратегическая помощь направлена на разработку новых стратегий предотвращения и контроля преступности. Международное сообщество играет ключевую роль в разработке и тестировании новой политики, анализе результатов и других аспектах.

В этой связи профессор К.М. Осмоналиев отмечает, что несмотря на важность, подчеркнутую Дж. Трависом, взаимодействие на разных уровнях в борьбе с преступностью, следует отметить, что для государств, получающих помощь, особое внимание должно быть уделено третьему уровню. это объясняется тем, что невозможно бесконечно полагаться на техническую поддержку, и поэтому государству приходится находить свои собственные ресурсы [9, с.75].

Согласно мнению автора диссертации, за последние годы стало ясно, что взаимодействие с указанными международными организациями часто приводит к дублированию или пересечению их деятельности. По его мнению, необходимо активнее внедрять принцип интеграции и взаимодополняемости в проекты, которые государственные учреждения ЦА и России реализуют для решения общих задач, включая улучшение внутренней и внешней безопасности региона [11]. Одним из определенных направлений является укрепление важности сотрудничества для повышения контроля на границах в регионе, а также для укрепления возможностей правоохранительных органов и таможен России в противодействии международному терроризму [10]. Это позволит более эффективно использовать ресурсы, предоставляемые международными организациями, и одновременно решать несколько важных задач, стоящих перед странами ЦА и России в рамках совместных инициатив. В результате, международные организации часто выступали как катализаторы в области международного сотрудничества по борьбе с преступностью в ЦА и России, и оценить их важность в реализации политики по противодействию транснациональной преступности сложно. Их инициативы обычно оказывают положительное воздействие на развитие и осуществление уголовной политики, а также на методическую и техническую поддержку в этой области. Активное

сотрудничество Кыргызстана с международными институтами демонстрирует готовность совместно противостоять вызовам, связанным с наркоторговлей, терроризмом и экстремизмом, тем самым уменьшая негативные последствия преступной деятельности и повышая стабильность и безопасность.

Согласно общепринятому мнению, основными элементами механизма международного сотрудничества в области противодействия преступности являются стандартные договоренности (элементы договорно-правового характера, а также институционально-организационные аспекты. Переписать текст, чтобы он был уникальным: Рассмотрены вопросы организационно-структурного, организационно-управленческого, информационного, методического и ресурсного характера. Речь идет о создании различных международных организаций для сотрудничества в борьбе с преступностью, их деятельности и обеспечении этой деятельности.

Автор отмечает, что для успешной реализации, координации и контроля мероприятий по предотвращению преступлений против основ конституционного строя и обеспечению безопасности государств ЦА и России (СНГ) необходимо создание эффективного институционального органа, действующего на межгосударственном уровне. Однако, согласно мнению автора, успешное партнерство может привести к обилию формальных договоров. К сожалению, все еще сохраняются препятствия на пути сотрудничества, связанные с разным уровнем экономического развития и уникальными культурными традициями. В странах, где угрозы от транснациональных преступных групп не признаются серьезной проблемой, обычно не уделяется должного внимания перенаправлению системы уголовного правосудия на борьбу с преступлениями против основ конституционного строя и государственной безопасности.

Подводя итог, подчеркнем, что международное сотрудничество не должно наносить ущерб национальным интересам. Современные методы борьбы с преступностью не могут обойтись без заключения международных договоров и принятия на себя обязательств по их выполнению. Неисполнение таких договоренностей часто приводит к формализации процесса.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- Для эффективного предотвращения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в ЦА и России необходимо создать межгосударственную структуру, которая будет координировать и осуществлять уголовную политику в регионе. Однако, для достижения этой цели необходима настойчивая политическая воля со стороны лидеров стран ЦА и России, чтобы повысить уровень сотрудничества в борьбе с преступностью.
- Для улучшения эффективности международного сотрудничества и согласования национального законодательства различных стран без ущерба для их суверенитета необходимо перейти к использованию общей терминологии в соответствии с международными стандартами. Это позволит обеспечить единое понимание и выполнение обязательств, установленных в международных соглашениях, и подтвердит общую волю сторон к их исполнению.
- Необходима стратегия в области уголовной политики, которая будет направлена на предотвращение преступлений, угрожающих конституционной системе и государственной безопасности, и обеспечит эффективное выполнение международных обязательств. Требуется улучшить сотрудничество между спецслужбами стран ЦА и России и разработать законодательную базу для предотвращения преступлений, затрагивающих национальную безопасность.
- Важное значение при реализации уголовной политики в сфере предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности КР и России имеет научно обоснованный подход. Научные исследовательские институты должны заниматься разработкой нормативно-правовой базы, методологическими исследованиями и проведением необходимых мероприятий. проведение исследований, проверка эффективности этих исследований в реальной сфере правоприменения и так далее.

Литература

1. Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
2. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: (введ. в действие Законом Кырг. Респ. от 5 мая 2021 г.). – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=m0x-gl2ov6y741999244>. – Загл. с экрана.

3. Закон Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 октября 1998 года № 131.

4. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127.

5. Уголовно-Процессуальный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129.

6. Уголовно-исполнительный кодекс КР 2017 года 31 января 2017 года № 17.

7. Садыр Жапаров обратился к кыргызстанцам по случаю очередной годовщины Мартовской народной революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kg.akipress.org/news:2081581/>. – Загл. с экрана.

8. Ташиев К.К., обсудил с таджикским коллегой вопросы делимитации границы с РТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20240316/tashiye-delimitatsiya-granitsa-tadzhikistan-1083462335.html>. – Загл. с экрана.

9. Осмоналиев, К.М. Уголовная политика современного Кыргызстана: становление и развитие [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / К.М. Осмоналиев. – М., 2005. – 332 с.

10. Босхолов, С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.С. Босхолов. – М., 1999. – 594 с.

11. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел [Текст]: учеб. / [Д.И. Аминов, Л.И. Беляева, С.С. Босхолов и др.]; под ред. Л.И. Беляевой. – М.: Акад. упр. МВД России, 2003. – 245 с.

IMPROVING CRIMINAL POLICY AND MEASURES TO PREVENT CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL ORDER AND STATE SECURITY: THE EXPERIENCE OF KYRGYZSTAN AND RUSSIA

Kakeshov B., Salishev S.

Kyrgyz National University. Zh. Balasagyna, Dorji Banazarov Buryat State University

This paper analyzes in detail the problem of crime prevention, especially those that damage the constitutional order and national security of the Kyrgyz Republic and other Central Asian countries. The author focuses on the historical development of the concept of preventive measures, starting with the works of Sh. Montesquieu and other thinkers, as well as the complexity of the practical implementation of these ideas in modern social and economic realities. The main idea is the need to move from repressive methods to a systematic preventive strategy based on scientific research, interagency cooperation and international cooperation. The article highlights the role of constitutional norms and legal frameworks that define opportunities and limitations in preventing crimes against the foundations of the constitutional order and the security of the State. Special attention is paid to the need to form effective institutions that combine the efforts of national authorities and international structures, as well as the introduction of modern technologies and techniques in the fight against transnational crime. In general, the work emphasizes that in order to successfully combat crime, it is necessary to introduce a system of comprehensive preventive measures based on advanced scientific developments and international experience, as well as the political will of the leadership and coordinated actions of all interested institutions.

Keywords: criminal policy, state security, constitutional system, crime prevention measures.

References

1. Montesquieu, Ch. Selected Works [Text] / Ch. Montesquieu. – М.: Gospolitizdat, 1955. – 800 p.
2. Constitution of the Kyrgyz Republic [Electronic resource]: (enacted by the Law of the Kyrgyz Republic of May 5, 2021). – Access mode: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=m0xgl2ov6y741999244>. – Title from the screen.
3. Law of the Kyrgyz Republic "On Operational-Investigative Activities" dated October 16, 1998 No. 131.
4. Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021 No. 127.
5. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021, No. 129.
6. Criminal Executive Code of the Kyrgyz Republic of 2017, January 31, 2017, No. 17.
7. Sadyr Japarov addressed the people of Kyrgyzstan on the occasion of the next anniversary of the March People's Revolution [Electronic resource]. – Access mode: <https://kg.akipress.org/news:2081581/>. – Headline from the screen.
8. Tashiev K.K. discussed border delimitation issues with the Republic of Tajikistan with his Tajik counterpart [Electronic resource]. – Access mode: <https://ru.sputnik.kg/20240316/tashiye-delimitatsiya-granitsa-tadzhikistan-1083462335.html>. – Headline from the screen.
9. Osmonaliev, K.M. Criminal Policy of Modern Kyrgyzstan: Formation and Development [Text]: Dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / K.M. Osmonaliev. – М., 2005. – 332 p.
10. Boskholov, S.S. Criminal Policy of Modern Russia in the Context of Constitutional and Legal Reform [Text]: Dis. ... Doctor of Law: 12.00.08 / S.S. Boskholov. – М., 1999. – 594 p.
11. Criminal Policy and Its Implementation by Internal Affairs Bodies [Text]: Text-book / [D.I. Aminov, L.I. Belyaeva, S.S. Boskholov et al.]; edited by L.I. Belyaeva. – М.: Acad. Management. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. – 245 p.

Калдаева Дарья Николаевна,
выпускница магистратуры ДВФУ 2024 г. по направлению
подготовки юриспруденция
E-mail: daria.kaldaeva@gmail.com

В исследовании рассматриваются проблемы, возникающие при определении допустимых пределов необходимой обороны. Устанавливается, что оборонительные действия соразмерны угрозе. В статье рассматриваются физические ограничения успешной обороны после непосредственного начала нападения. Для достижения целей настоящего исследования были использованы следующие методы: формально-юридический метод, анализ, конкретизация, дедукция, индукция. Автор пришел к выводу о необходимости расширения перечня ситуаций, когда любая оборона является допустимой. При определении соответствия выбранного способа защиты необходимо руководствоваться также тем, как воспринимал ситуацию защищавшийся и невозможность предвидеть действия нападающего.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, соразмерность.

К числу редких случаев, когда законом допускается причинение вреда другому лицу, является необходимая оборона. Каждый человек может оказаться в ситуации угрозы его жизни и здоровью, когда для их защиты потребуются применить насилие. Тем не менее из-за сложности в определении допустимых пределов необходимой обороны лицо может отказаться от сопротивления, поскольку страх перед наступлением юридической ответственности может оказаться сильнее. В случае успешного отражения нападения при наступлении смерти или причинения тяжкого вреда агрессору защищающийся оказывается на скамье подсудимых и суд устанавливает соразмерность его действий.

Любая оборона допустима, когда одним из родовых объектов посягательства является или может являться личность, а видовым – жизнь. В соответствии с частью 1 статьи 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Добавим, что опасным для жизни признается не непосредственная возможность причинения смерти, но и те действия, которые причинят тяжкий вред здоровью. Согласно пункту 5.1.1 Приказа Минздрава России от 08.04.2025 № 172н тяжкий вред здоровью – вред опасный для жизни человека. В остальных случаях согласно части 2 статьи 37 УК РФ необходимая оборона должна соответствовать характеру и степени посягательства.

При установлении факта оборонительных действий устанавливается, что умысел лица был направлен исключительно на защиту от посягательства со стороны потерпевшего (или воспринимался как таковой – мнимая оборона): соответствие выбранного способа защиты от угрожающей опасности; осознание обороняющимся (или его отсутствие) соответствия его действий угрожаемой опасности. При выявлении каждого обстоятельства могут возникнуть ошибки, которые приведут к неправильному решению по делу. В действиях лица усматриваются признаки состава превышения пределов необходимой обороны, если «отсутствовала необходимость умышленно причинить нападающему тяжкий вред здоровью или смерть, и обороняющийся это осознавал» [4, 27].

Промежуток времени, когда допустимо оказывать сопротивление, устанавливает временной предел, а соотношения посягательства и способа защиты качественный и количественный. Момент начала обороны и ее интенсивность зависят от объекта посягательства.

Отметим, что в действительности можно говорить о том, что необходимая оборона, исключая преступность деяния, пропорциональна возникшей угрозе. Допуская причинение смерти или тяжкого вреда здоровью в случае посягательства на жизнь, мы соотносим охрану объектов – жизни защищающегося или защищаемого и нападающего с поведением соответствующих лиц. Следовательно, действия защищающегося должны быть менее интенсивными или совпадать по последствиям с предикатным результатом действия агрессора.

Оценочный характер соответствия действий защищающегося и нападающего несет в себе риски для лица, оказавшего сопротивление: «квалификации правонарушений и определении виновности зачастую отдается тому, кто понес больший физический или материальный ущерб в результате конфликта» [8, 35]. Минимизировать ошибки позволила бы конкретизация допустимого вреда: «какой вред можно причинять в конкретной ситуации (при защите жилища, здоровья, половой свободы и т.д.)» [9, 106]. Однако перечисление всех объектов посягательств и соответствующих им допустимых защитных действий при всей привлекательности трудноосуществимо ввиду невозможности предусмотреть все [5, 89].

Более того, при конкретизации допустимых действий будут установлены новые пределы допустимой самообороны. Установление определенных границ предполагает оценочный характер. При разграничении допустимых пределов сохранится проблема оказания сопротивления в случае наличия угрозы охраняемым объектам в момент конкретного посягательства, а именно установления допустимости выбранного способа защиты.

Возможно сформулировать закрытый перечень посягательств, при которых допустимо применение любых способов защиты. Обращаем внимание на то, что угроза жизни или тяжкого вреда здоровью может быть следствием преступлений против свободы, перечислен-

ных в главе 17 УК РФ, и преступлений против половой свободы и неприкосновенности, перечисленных в главе 18 УК РФ. У жертвы не может быть оснований доверять утверждениям злоумышленника, что он ограничится причинением вреда не опасного для жизни человека. Для упрощения доказывания предлагаем расширить перечень объектов посягательства, защита которых допустима любыми способами.

В момент нападения объективно оценить объект посягательства представляется затруднительным, более того «требовать от обороняющегося сохранять хладнокровие и адекватно воспринимать обстановку в момент посягательства безнравственно» [11, 40]. Определить степень угрожающей опасности может быть сложно, тем более определить, что нападающий допускает причинение именно смерти или тяжкий вред здоровью. В случае применения насилия со стороны нападающего или возможности его применения определить или предвидеть область удара и определить ее как потенциально способную привести к последствиям, при которых любая самооборона будет допустима, затруднительно.

При определении действительности угрозы необходимо учитывать не только объективный критерий реальности угрозы, но и субъективный. «Субъективный критерий предполагает установление того, насколько вероятным предполагалось потерпевшему осуществление угрозы» [7, 75]. Исключение субъективного критерия при оценке реальности угрозы было бы неверным, поскольку угроза адресована конкретному лицу для достижения конкретной цели. Особенно в условиях, когда лицо, угрожающее нападением, знакомо со своей жертвой и угроза сформулирована с учетом личностных особенностей жертвы. По этой причине видится необходимым в качестве одного из доказательств виновности/невиновности лица при оборонительных действиях в ответ на угрозу в рамках экспертизы устанавливать интерпретацию действий потерпевшего подозреваемым/обвиняемым.

В момент нападения или его угрозы для защиты важна быстрота реакции, а возможности оказать сопротивление после первого удара уже может не быть. Неопределенность цели поражения и траектории удара ставят обороняющееся лицо в заведомо невыгодное положение. У обороняющегося лица нет обязанности избегать столкновения, спастись бегством – концепция *Duty to retreat* не применима. В развитых правовых порядках распространены принцип *Stay on your ground* [6, 126]. Допустимость активной самообороны подтверждается пунктом 1 Постановления Пленума ВС от 27 сентября 2012 г. № 19 (далее – ПП ВС № 19), в котором говорится о распространении положений статьи 37 УК РФ в том числе на случаи, когда существовала возможность извлечь общественно опасного посягательства. В то же время возникает проблема определения пространственного предела оказания активного сопротивления. Иными словами, вопрос допустимости приближения со стороны лица, в отношении которого существует угроза посягательства, к лицу, от которого эта угроза исходит.

Наличие самой физической возможности защититься от нападающего зависит от дистанции между сторонами конфликта. На дистанции поражения вред лицу может быть причинен одним ударом, т.к. «на дистанции поражения любая неожиданная и быстрая атака достигнет цели» [10, с.105]. За пределами поля поражения при последовательном нанесении ударов (штурмовом бою) «все последующие удары станут неотбитаемыми даже если противник легко парирует первый удар» [10, с.105].

Соответственно, возникает вопрос допустимости активных действий со стороны защищающегося, когда он находится вне дистанции поражения, уже существует угроза применения насилия, но нет возможности установить будет ли оно опасным для жизни. Поскольку, приблизившись до дистанции поражения отражение первого удара нападающим затруднительно по причине, указанной выше, получается, что лицо получает право на активные превентивные действия только в пределах дистанции поражения.

Стоит учитывать, что обороняющийся не должен ожидать первого удара или наступления его последствий. При определении соразмерности необходимо обращать внимание не только и не столько на последствия, которые наступили для обороняющегося, сколько на последствия, которые могли бы наступить в случае если бы лицо не оказало сопротивления. Если ограничить активные действия лица по предотвращению потенциального насилия, возможно опасного для жизни лица, положения о допустимости любого способа защиты при угрозе применения насилия опасного для жизни лица теряют смысл.

При реализации своего права на необходимые действия обороняющегося направлены на предотвращение вреда со стороны нападающего, а не на причинение агрессору конкретного вреда определенной степени тяжести. В определении ВС РФ от 5 сентября 2023 г. № 25-УД23–12-К4 суд прекратил дело о причинении тяжкого вреда здоровью о превышении пределов допустимой обороны за отсутстви-

ем состава преступления, учитывая, что в этот момент, когда были реальные основания полагать, что жене угрожает действительная опасность и был нанесен удар в прыжке двумя ногами в область бедра нападающего, который по-сути имел цель не причинить телесные повреждения, а оттолкнуть его от женщин, к которым он применял непосредственное насилие и угрожал более серьезными последствиями, после того как нападавший упал другие противоправные действия к нему не применялись.

Момент окончания допустимости самообороны тесно связан с качественными и количественными ограничениями. При положительном ответе на вопрос: были ли действия обороняющегося ответными на исходящую от потерпевшего угрозу, устанавливается соразмерность действий. Если для защиты жизни и здоровья критически важен момент начала оборонительных действий, то для исключения ответственности за превышение пределов – момент окончания.

Лицо не ограничено в способах защиты когда сохраняется угроза жизни; но должно соизмерять свои действия, когда прекращается угроза жизни если и существуют иные угрозы. Так в определении ВС РФ от 5 марта 2024 г. № 18-УД23–44-К4 пришел к выводу о наличии превышения самообороны, поскольку предмет, используемый нападавшим с целью применения в отношении осужденного насилия, опасного для жизни, после двух попыток его использования распался; при таких обстоятельствах осужденный осознавал, что дальнейшие действия со стороны потерпевшего не будут сопряжены с насилием, опасным для его жизни и с непосредственной угрозой применения такого насилия в отношении родителей. Однако, несмотря на данные обстоятельства, нанес серию ножевых ранений, что явно не соответствовало дальнейшему характеру и опасности посягательства со стороны потерпевшего.

Согласно части 2.1 статьи 37 УК РФ не является превышением необходимой самообороны действия, если вследствие неожиданности посягательства лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения. В пункте 4 ПП ВС № 19 перечислены обстоятельства, которые подлежат выяснению для определения неожиданности посягательства.

Для практического руководства в повседневной жизни в случае угрозы на анализ конкретных обстоятельств в разных делах просто нет времени. Действующие принципы в вопросах самообороны способны выступить руководящим началом для лица в ситуации, когда есть угроза его жизни. В пункте 13 ПП ВС № 19 приводится открытый перечень обстоятельств, которые подлежат учету при определении наличия или отсутствия пределов превышения необходимой обороны. Тем не менее, не представлены принципы оценки соотношения действий обороняющегося лица и агрессивного потерпевшего.

Предлагаем разработать тест пропорциональности действий обороняющегося и нападающего. Он в свою очередь не исключит субъективную составляющую, но позволит формализовать обстоятельства, которые подлежат установлению. Например, в свете соотношения действий лиц любое поведение безоружного лица будет выглядеть обоснованным.

Число рассматриваемых в судах дел по вопросам превышения необходимой самообороны остается незначительным. Процент оправдательных приговоров в случае причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны постепенно увеличивается, но не превышает 5,5%: 2020–0,44%; 2021–0,4%; 2022–0,93%; 2023–1,54%; 2024–5,3% [19]. В месте с тем не прослеживается соответствующая тенденция в случае причинения тяжкого вреда здоровью в результате превышения пределов необходимой обороны, где процент оправдательных приговоров составляет: 2020–0,82%; 2021–0%; 2022–1,7%; 2023–0,58%; 2024–0,58% [19].

Как можно заметить в 2023 и 2024 годах вероятность быть оправданным была выше, если была причинена смерть потерпевшему. В 2023 и 2024 годах вероятность быть осужденным к лишению свободы за причинение тяжкого вреда здоровью выше по сравнению с причинением смерти: 2023–13,9% и 7,8%; 2024–10,6% и 7,7% соответственно. В случае причинения смерти в результате защиты от посягательства в качестве доказательства будут использованы показания подозреваемого/обвиняемого, а в случае причинения тяжкого вреда здоровью будут использованы в качестве доказательств по делу еще показания потерпевшего. Учитывая действие презумпции невиновности, в условиях отсутствия свидетелей получается, что обвинить защищающегося в превышении пределов самообороны проще, если был причинен тяжкий вред здоровью, а не смерть. Соответствующие обстоятельства не располагают к соизмерению действий по защите в ответ на нападение.

Основной риск заключается не столько в процентном соотношении оправдательных и обвинительных приговоров по этой категории

дел, сколько в возможной неправильной квалификации. В отношении обороняющегося лица может быть возбуждено уголовное дело по статье 105 УК РФ. В определении от 10 января 2023 г. № 35-УД22-21-А1 ВС РФ подтвердил выводы нижестоящих судов, что лицо действовало в состоянии необходимой обороны и его действия не образуют состав преступления, но обвинение было предъявлено по пункту «а», части 2, статьи 105 УК РФ. В кассационном определении ВС РФ от 11 января 2023 г. № 35-УД22-20-К2 указано, что судами первой и второй инстанции верно установлено, что действия, связанные с производством из огнестрельного оружия выстрелов в нападавшего, повлекших причинение телесных повреждений и наступление его смерти, обоснованно признаны необходимой обороной, но обвинение было предъявлено по части 1 статьи 105 УК РФ.

Даже если имело место превышение пределов необходимой обороны положение лица заметно ухудшается, если в отношении него возбуждается дело за более тяжкое преступление или лицо привлекается к ответственности за более тяжкое преступление. ВС РФ в определении от 5 марта 2024 г. № 18-УД23-44-К4 переквалифицировал обвинение по части 1 статьи 105 УК РФ на часть 1 статьи 108 УК РФ. Кассационным определением ВС от 16 июля 2025 г. № 48-УД25-13-К7 дело направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку судом некоторые обстоятельства дела не получили надлежащей оценки – в первой инстанции лицо было осуждено по части 1 статьи 108 УК РФ и части 1 статьи 114 УК РФ, а судом апелляционной инстанции был вынесен новый приговор, по которому лицо было признано виновным по части 1 статьи 105 УК РФ и части 3 статьи 30 УК РФ, пункту «а» части 2 статьи 105 УК РФ.

В ситуации, когда суды первой инстанции не могут своевременно установить наличие или отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, при относительно небольших сроках давности по делам о превышении пределов необходимой обороны дела прекращаются на основании истечения сроков. После рассмотрения уголовного дела в ВС РФ и его направления на новое рассмотрение определением от 23 июля 2025 г. № 56-УД25-9-К9, постановлением от 12 сентября 2025 года Партизанским судом уголовное дело было прекращено.

Таким образом, при установлении пределов необходимой обороны требуется исходить из соотношения действий обороняющегося и агрессивного потерпевшего. Ограниченный круг объектов посягательств, при которых допустимы любые оборонительные действия, усложняет процесс доказывания действий в допустимых пределах обороны. Когда причинение вреда жизни лица не охватывается умыслом нападающего, в случае насильственных действий, жертва не может быть уверена в безопасности своей жизни. Для целей упрощения доказывания допустимости применения любых способов защиты предлагаем расширить перечень объектов посягательств, защита которых допустима любыми способами.

Действия по защите допустимы не только в момент начала посягательства, но и в момент реальной угрозы. По этой причине можно говорить о допустимости превентивных действий в ситуации угрозы. Сложность вызывает соотношение конкретных оборонительных действий с потенциальными действиями агрессивного потерпевшего, когда последний еще не перешел к активным действиям. Для определения реальности угрозы и ее характера необходимо учитывать не только объективный критерий, но и субъективный.

Соразмерность действий учитывается в каждом конкретном случае. Существует открытый перечень обстоятельств, подлежащих учету. В то же время нет общих принципов, которые позволили бы интерпретировать соотношение рассматриваемых обстоятельств. Предлагается разработать тест пропорциональности в рамках которого будут установлены общие принципы рассмотрения конфликтной ситуации и определения соответствия действий участников конфликта.

Литература

1. Уголовный кодекс: Федеральный Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025)). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
2. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: Приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (в ред. от 09.12.2025). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. Гарбатович Д.А. Необходимая оборона: алгоритм квалификации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. № 4. С. 22–28.

5. Звечаровский И.Э. Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону / И.Э. Звечаровский, С.В. Пархоменко // Академия генеральной прокуратуры РФ, Иркутский юридический институт (филиал). Иркутск, 1997. С. 126.

6. Колоколов Н.А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом – моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпция невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 120–132.

7. Кроз М.В. Лекция 5. Психологический анализ взаимодействия преступника и жертвы в криминальной ситуации / М.В. Кроз // Криминальная психология. – Москва: Проспект, 2016. – С. 68–81.

8. Мадатов О.Я. От права сильного к праву слабого: трансформация принципов самообороны в условиях кризиса правоохранительной системы // Право и политика. 2025. № 8. С. 29–57.

9. Мартыненко Н.Э. Необходимая оборона: проблемы ее законодательного установления и практического применения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 100–108.

10. Махов С.Ю. Двигательная реакция в самообороне // Наука-2020. 2016. № 1 (7). С. 101–108.

11. Тасаков С.В. Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне и поиск их совершенствования // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 37–43.

12. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 23 июля 2025 г. № 56-уд25-9-к9. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 16 июля 2025 г. № 48-УД25-13-К7. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 5 марта 2024 г. № 18-УД23-44-К4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 10 января 2023 г. № 35-УД22-21-А1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 11 января 2023 г. № 35-УД22-20-К2. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

17. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 5 сентября 2023 г. № 25-УД23-12-К4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

18. Постановлением Партизанского районного суда от 12 сентября 2025 года по делу № 25РС0024-01-2023-001111-25. – URL: <https://partyzansky-prm.sudrf.ru/>.

19. Судебная статистика РФ: Агентство правовой информации, 2015–2026. – URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 15.01.2026). – Текст: электронный.

PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF SELF-DEFENSE

Kaldaeva D.N.

This study examines the problems that arise when determining the permissible limits of necessary defense. It establishes that defensive actions are commensurate with the threat. The article discusses the physical limitations of successful defense after the initial attack. The following methods were used to achieve the goals of this study: formal legal method, analysis, specification, deduction, and induction. The author concluded that it is necessary to expand the list of situations in which any defense is acceptable. It is also necessary to consider how the defender perceived the situation and the impossibility of anticipating the attacker's actions for determination of the limits of the defence.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, proportionality

References

1. Criminal Code: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025). – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
2. On approval of the Procedure for determining the severity of harm caused to human health: Order of the Ministry of Health of Russia dated 08.04.2025 No. 172n (as amended on 19.08.2025). – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
3. On the application by the courts of legislation on necessary defense and causing harm during the detention of a person who has committed a crime: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 No. 19 (as amended on 09.12.2025). – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.
4. Garbatovich, D. A. "Necessary Defense: Qualification Algorithm" // SUSU Bulletin. Law Series. 2016. No. 4. pp. 22–28.
5. Zvecharovsky, I. E. "Criminal Law Guarantees for the Exercise of the Right to Necessary Defense" / I. E. Zvecharovsky, S. V. Parkhomenko // Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Irkutsk Law Institute (branch). Irkutsk, 1997. p. 126.

6. Kolokolov, N. A. "General Principles of Necessary Defense." Part One: Theoretical, Historical, and Practical Issues Related to the Application of the Castle Doctrine (My Home is My Castle), Stand Your Ground (Not Obligated to Run), Affirmative Defense (Presumption of Innocence), Intruder Culpability (The Attacker is Guilty a Priori), Immunity from Civil Suit, and the Duty to Retreat Concept // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. pp. 120–132.

7. Kroz M.V. Lecture 5. Psychological Analysis of the Interaction between a Criminal and a Victim in a Criminal Situation / M.V. Kroz // Criminal Psychology. – Moscow: Prospect, 2016. – pp. 68–81.

8. Madatov O. Ya. From the Right of the Strong to the Right of the Weak: Transformation of the Principles of Self-Defense in the Context of a Crisis in the Law Enforcement System // Law and Politics. 2025. No. 8. Pp. 29–57.

9. Martynenko N.E. Necessary Defense: Problems of Its Legislative Establishment and Practical Application // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (63). Pp. 100–108.

10. Makhov S. Yu. Motor Reaction in Self-Defense // Science-2020. 2016. No. 1 (7). Pp. 101–108.

11. Tasakov S.V. Moral Principles of the Criminal Law on Necessary Defense and the Search for Their Improvement // Bulletin of the Mordovian University. 2006. No. 1. Pp. 37–43.

12. Determination of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated July 23, 2025, No. 56-ud25–9-k9. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.

13. Cassation Determination of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated July 16, 2025, No. 48-UD25–13-K7. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.

14. Cassation Determination of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated March 5, 2024, No. 18-UD23–44-K4. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Text: electronic.

15. Cassation Ruling of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated January 10, 2023, No. 35-UD22–21-A1. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Electronic text.

16. Cassation Ruling of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated January 11, 2023, No. 35-UD22–20-K2. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Electronic text.

17. Ruling of the Criminal Collegium of the Supreme Court dated September 5, 2023, No. 25-UD23–12-K4. – Accessed from the ConsultantPlus SPS. – Electronic text.

18. Resolution of the Partizansky District Court of September 12, 2025, in case No. 25RS0024–01–2023–001111–25. – URL: <https://partyzansky-prm.sudrf.ru/>.

19. Judicial Statistics of the Russian Federation: Legal Information Agency, 2015–2026. – URL: <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (date of access: January 15, 2026). – Text: electronic.

Керимов Шёхлет Мюзэффер оглы,

доцент, доктор философии в области права, доцент кафедры «Право» факультета «Экономика и право» Национальной академии авиации Азербайджана

Шарифов Рашад Мамед оглы,

доктор философии в области права, старший преподаватель кафедры «Право» факультета «Экономика и право» Национальной академии авиации Азербайджана

Маликзаде Тогрул Азер оглы,

докторант Центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Азербайджанской Республики

В статье представлено комплексное уголовно-правовое и криминологическое исследование кибермошенничества как одной из наиболее динамично развивающихся форм преступных посягательств на собственность в условиях ускоренной цифровизации. На материале Азербайджанской Республики раскрываются механизмы совершения мошенничества в электронной информационной среде, особенности социальной инженерии и виктимологические факторы. Показано, что стремительное развитие онлайн-банкинга, электронных платежей и цифровых сервисов, являющееся важным ресурсом модернизации Азербайджана, одновременно формирует новые «окна возможностей» для преступников, использующих информационную асимметрию, доверчивость и поведенческие уязвимости пользователей. Отмечается, что такие социально значимые качества, как взаимовыручка, уважение к семейным связям и религиозно-нравственным ценностям, в целом выступая социальным капиталом, в отдельных случаях превращаются в инструмент убеждения и манипулирования со стороны злоумышленников.

Систематизируются наиболее типичные и новые способы кибермошенничества: фишинг и создание «клон-сайтов» банков/кредитных организаций; вишинг и телефонные сценарии под видом «службы безопасности банка»; компрометация аккаунтов в мессенджерах (WhatsApp/Telegram) с последующей рассылкой просьб о срочном переводе денежных средств; мошенничество под предлогом «льготного кредита»; фиктивная аренда жилья/авто/яхт с требованием предоплаты; продажа несуществующих товаров и «дистанционная продажа автомобиля» с легендой о нахождении продавца за границей; инвестиционные и криптовалютные пирамиды; SIM-swap (перевыпуск номера); манипулирование одноразовыми паролями (OTP); а также применение технологий искусственного интеллекта, включая deepfake, для имитации голоса и изображения близких лиц либо руководителей организаций. Дополнительно выделяются сценарии, в которых мошенники апеллируют к религиозным мотивам (пожертвования, «садака», помощь нуждающимся) и к морали/состраданию, снижая критичность восприятия информации и ускоряя принятие ошибочных решений.

Особое внимание уделено квалификационным проблемам в рамках статьи 178 УК Азербайджанской Республики (мошенничество), вопросам доказывания цифровых следов, трансграничности и практике противодействия со стороны органов внутренних дел. На примере операции Главного управления по борьбе с киберпреступностью МВД Азербайджана по пресечению схемы «фальшивых кредитов» (около 500 потерпевших, ущерб порядка 400 000 манатов) раскрывается типовой криминальный механизм: создание копий официальных страниц, сбор реквизитов карт (включая CVV) и одноразовых паролей, последующее «расслоение» похищенных средств через онлайн-казино и иные ресурсы с целью маскировки происхождения средств и дальнейшее обналичивание.

В заключительной части обосновывается необходимость точечной модернизации уголовного законодательства: введение квалифицирующего признака совершения мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) либо в электронной информационной среде в структуру статьи 178 УК АР; включение «киберспособа» в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (статья 61 УК АР) при отсутствии его прямого закрепления в диспозиции; унификация терминологии («информационные технологии», «интернет-информационный ресурс», «информационно-телекоммуникационные сети» и др.) и развитие межведомственных протоколов реагирования (банки–операторы–полиция) с учетом международных стандартов, включая положения Будапештской конвенции.

Ключевые слова: кибермошенничество; мошенничество; цифровизация; электронная информационная среда; информационно-коммуникационные технологии; социальная инженерия; deepfake; виктимология; искусственный интеллект; уголовное право; статья 178 УК АР.

Введение

Цифровая трансформация, охватывающая ключевые сферы общественной жизни Азербайджанской Республики, выступает одним из определяющих факторов социально-экономического развития и модернизации государственного управления [1;2]. Последовательное внедрение цифровых решений, расширение доступности электронных услуг и активное развитие финансовых технологий отражают устойчивую государственную стратегию, ориентированную на инновационность, эффективность и повышение качества сервисов для населения. Формирование электронного правительства, распространение онлайн-банкинга, безналичных платежей и цифровых платформ существенно повышают комфорт и доступность услуг, а также укрепляют позиции Азербайджана как заметного регионального центра цифрового развития. Вместе с тем цифровая среда объективно порождает и новые угрозы, среди которых особое место занимает кибермошенничество, демонстрирующее высокую адаптивность и многообразие преступных сценариев.

Социальная структура азербайджанского общества характеризуется выраженным уровнем доверия, устойчивостью семейных связей, уважением к религиозным и моральным ценностям, что в целом способствует социальной стабильности и солидарности [7;16]. Однако именно эти позитивные качества в отдельных случаях используются кибермошенниками как ключевой ресурс социального инжиниринга¹. Преступники целенаправленно манипулируют доверием, апеллируют к состраданию, религиозному долгу, семейной ответственности, а также к фактору срочности, формируя у жертвы иллюзию легитимности, неизбежности и «неотложности» действий, которые в действительности приводят к утрате имущества и компрометации персональных данных.

Мошенничество как уголовно наказуемое деяние закреплено в статье 178 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики и определяется как завладение чужим имуществом либо приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [14]. Диспозиция нормы традиционно носит общий характер и исторически формировалась применительно к «классическим» формам обмана. Однако масштабирование цифровых технологий, развитие дистанционных сервисов и появление новых способов коммуникации обусловили необходимость адаптации традиционных конструкций мошенничества к цифровым сценариям. Это нередко порождает трудности квалификации, а также риск неоднородности правоприменения, поскольку фактические механизмы хищения в цифровой среде могут сочетать элементы обмана, вмешательства в информационные процессы, использования идентификаторов и иных специфических инструментов, не всегда прямо отраженных в уголовно-правовой терминологии.

Кибермошенничество в Азербайджанской Республике проявляется в многочисленных и постоянно эволюционирующих формах [18]. Наиболее распространенным способом является фишинг – получение конфиденциальных данных потерпевших путем создания поддельных интернет-ресурсов банков, государственных органов или крупных коммерческих структур. Такие сайты внешне копируют официальные страницы, используют схожие доменные имена и элементы корпоративного дизайна, нередко продвигаются через социальные сети и поисковые системы. Потерпевшие, не распознавая подделку, вводят данные банковских карт, логины и пароли, что позволяет преступникам осуществлять несанкционированные операции и вывод средств.

Схожим по механизму выступает вишинг – телефонное или голосовое мошенничество, при котором злоумышленники представляют сотрудников банков, операторов связи, правоохранительных органов либо иных «авторитетных» структур. Используя психологическое давление и создавая стрессовую ситуацию, они сообщают о якобы подо-

¹ Социальный инжиниринг (Social Engineering) – это психологический метод взлома, направленный на манипуляцию людьми с целью получения конфиденциальной информации, доступа к системам или совершения определенных действий.

зрительных операциях, блокировке счетов, угрозе утраты средств либо необходимости «срочной верификации». В рамках таких сценариев потерпевших вынуждают сообщать одноразовые коды, реквизиты карт, подтверждать транзакции либо выполнять действия, фактически обеспечивающие доступ преступникам к финансовым ресурсам.

Особую опасность в последние годы представляют схемы, основанные на использовании мессенджеров и социальных сетей. Компрометация аккаунтов граждан в WhatsApp, Telegram и иных платформах позволяет злоумышленникам действовать от имени реального лица, направляя его контактам сообщения с просьбами о срочной финансовой помощи. Подобные обращения часто воспринимаются как достоверные, поскольку исходят от знакомого, родственника или коллеги, а потому вероятность «быстрого» исполнения перевода существенно возрастает. Указанный фактор усиливает виктимность: социальная близость и доверие нередко подменяют необходимость проверки, а «срочность» сообщения снижает способность к критическому анализу.

Отдельного внимания заслуживают мошеннические схемы с использованием религиозных мотивов [7;20]. Преступники обращаются к гражданам под видом представителей религиозных организаций или благотворительных фондов, осуществляющих сбор пожертвований на помощь нуждающимся, лечение больных либо строительство культовых объектов. Апелляция к религиозным чувствам и моральным обязательствам человека способна существенно снизить уровень критического восприятия информации, формируя готовность к «немедленной» передаче денег и персональных данных без должной проверки легитимности обращения.

В условиях технологического прогресса активно применяются средства искусственного интеллекта, включая технологии deepfake [11; 25]. С их использованием формируются поддельные аудио- и видеосообщения, имитирующие голос и изображение родственников, руководителей организаций либо публичных лиц. Такие сообщения используются для убеждения потерпевших в необходимости срочного перевода денежных средств, передачи конфиденциальной информации или совершения иных действий, приводящих к имущественному ущербу. Данная форма кибермошенничества отличается повышенной латентностью и сложностью выявления, поскольку «визуальная» или «голосовая» достоверность подделки существенно усиливает эффект убеждения и снижает вероятность сомнений.

К числу иных распространенных способов относятся мошенничество при онлайн-покупках и аренде имущества, фиктивные инвестиционные проекты и криптовалютные схемы, продажа несуществующих товаров и услуг, а также «романтическое мошенничество», при котором преступники длительное время выстраивают доверительные отношения с жертвой с целью последующего завладения денежными средствами. В совокупности указанные модели демонстрируют, что кибермошенничество выступает не только «технологическим», но и социально-психологическим феноменом, основанным на эксплуатации доверия, эмоций и поведенческих стереотипов.

Значительная часть кибермошенничества носит трансграничный характер, что обусловлено природой цифровой среды, не признающей государственных границ и территориальных ограничений. Использование глобальных сетей связи, зарубежных хостинг-провайдеров, виртуальных частных сетей (VPN), анонимизирующих сервисов, мессенджеров и криптовалют позволяет преступникам организовывать и реализовывать мошеннические схемы из-за пределов Азербайджанской Республики, воздействуя на потерпевших, находящихся на её территории. В подобных ситуациях преступная деятельность нередко строится по многоуровневой модели: установление контакта с жертвой осуществляется из одного государства, инфраструктура (серверы, фишинговые сайты, поддельные платформы) размещается в другом, а «перераспределение» и обналичивание похищенных средств проводится через финансовые инструменты и счета, связанные с третьими юрисдикциями [9; 15; 21].

Трансграничность существенно осложняет выявление преступников, сбор и закрепление доказательств, а также реализацию уголовного преследования. Возникают вопросы юрисдикции, допустимости цифровых доказательств, оперативного получения данных от иностранных провайдеров и финансовых организаций, что нередко приводит к затягиванию расследований и снижению эффективности правоприменения. В этих условиях особое значение приобретает международно-правовое сотрудничество, включая механизмы взаимной правовой помощи, экстрадиции и оперативного обмена информацией, предусмотренные международными договорами и, прежде всего, Будапештской конвенцией о киберпреступности, к которой присоединилась Азербайджанская Республика [21;25]. Следовательно, трансграничный характер кибермошенничества усиливает обществен-

ную опасность рассматриваемого явления и требует не только совершенствования национального уголовного законодательства, но и активного участия в международных инициативах по противодействию киберпреступности, гармонизации правовых подходов и развитию институциональных механизмов межгосударственного взаимодействия [9; 15].

В условиях цифровой экономики широкое распространение получают многоэтапные схемы, основанные на предварительном анализе поведения потенциальных жертв. Преступники активно используют открытые источники информации (социальные сети, сайты объявлений, форумы), формируя «цифровой профиль» потерпевшего. Анализируются интересы, предполагаемый уровень дохода, семейное положение, особенности круга общения, элементы самоидентификации и поведенческие привычки. Полученные сведения позволяют выстраивать индивидуализированные сценарии обмана, повышающие эффективность воздействия за счет точного подбора аргументации и «жизненного» контекста.

Широко применяются схемы, связанные с размещением фиктивных объявлений о продаже автомобилей, недвижимости, земельных участков, а также о сдаче в аренду квартир, загородных домов, яхт и иной дорогостоящей собственности. Злоумышленники, как правило, объясняют невозможность личной встречи нахождением за пределами Азербайджанской Республики (командировка, лечение, религиозное паломничество), что снижает подозрительность потерпевших. Под предлогом бронирования объекта они требуют предварительную оплату либо передачу данных банковской карты, после чего прекращают связь и блокируют каналы коммуникации.

Отдельную группу образуют схемы, основанные на использовании так называемых «подставных» банковских карт и счетов, оформленных на лиц, не осознающих преступного характера действий либо находящихся в социально уязвимом положении. Такие лица используются в качестве номинальных держателей счетов («дропов»), через которые осуществляется транзит и обналичивание похищенных денежных средств. Это усложняет доказательство организованного характера преступной деятельности, дифференциацию ролей участников и установление бенефициаров преступного дохода.

В последние годы фиксируется рост мошенничества, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта. Помимо deepfake-аудио- и видеосообщений, используются автоматизированные чат-боты, имитирующие диалог с банковскими сотрудниками или представителями государственных органов. Применение подобных технологий позволяет масштабировать противоправную деятельность, минимизировать личный контакт и повышать латентность преступлений. Преступные группы могут действовать из-за пределов Азербайджанской Республики, использовать анонимные средства связи, подставные банковские карты, электронные кошельки и криптовалюты, что затрудняет выявление и пресечение преступной деятельности. При этом злоумышленники нередко учитывают национально-культурные особенности и владеют азербайджанским языком, что повышает убедительность коммуникации и эффективность воздействия на потерпевших.

Виктимологический анализ показывает, что жертвами кибермошенничества чаще становятся лица пожилого возраста, граждане с невысоким уровнем цифровой грамотности, а также лица, находящиеся в эмоционально нестабильном состоянии (стресс, страх, тревога, переживание семейных обстоятельств). Однако потенциальной жертвой может стать любой пользователь цифровых сервисов, что свидетельствует о необходимости широкомасштабных профилактических мер, ориентированных на разные возрастные и социальные группы.

Противодействие кибермошенничеству в Азербайджанской Республике осуществляется в рамках деятельности Министерства внутренних дел, в структуре которого функционируют специализированные подразделения по борьбе с киберпреступностью[5]. Практика раскрытия сложных мошеннических схем подтверждает наличие институционального потенциала государства в данной сфере. Показательным примером является операция Главного управления по борьбе с киберпреступностью МВД по пресечению деятельности группы, создававшей копии официальных страниц ряда банков и небанковских кредитных организаций и распространявшей в социальных сетях объявления о «льготных кредитах». Введенные в заблуждение внешним сходством ресурсов потерпевшие сообщали злоумышленникам банковские данные (номер карты, CVV) и одноразовые коды (ОТР), после чего со счетов осуществлялись несанкционированные списания; для сокрытия следов средства переводились на счета незаконных онлайн-казино и иные ресурсы с последующим обналичиванием. По имеющимся сведениям, количество потерпевших достигло около 500 человек, а сумма ущерба составила порядка 400 000 манатов.

Важную роль играет международное сотрудничество, прежде всего в рамках Будапештской конвенции о киберпреступности (Конвенция Совета Европы от 23 ноября 2001 г.), подписанной и ратифицированной Азербайджаном [21]. Указанный международный инструмент задает базовые стандарты криминализации отдельных деяний, процедурные механизмы сбора электронных доказательств и модель взаимодействия компетентных органов разных государств. С учетом изложенного представляется необходимым дальнейшее совершенствование уголовного законодательства Азербайджанской Республики и сопряженных механизмов правоприменения [4; 16].

Во-первых, целесообразно структурно дополнить статью 178 УК АР квалифицирующим признаком (либо самостоятельной частью), непосредственно отражающим повышенную общественную опасность деяний, совершаемых «с использованием информационно-коммуникационных технологий либо в электронной информационной среде». Данная формула позволит охватить типовые схемы, в которых обман реализуется через цифровые каналы коммуникации (фишинг, вишинг, компрометация аккаунтов), а изъятие имущества осуществляется путем несанкционированных электронных транзакций. Законодательное закрепление критерия «киберспособа» будет способствовать единообразию квалификации и более четкому разграничению мошенничества со смежными составами, включая преступления против информационной безопасности (незаконный доступ, вмешательство в системы и иные формы противоправного воздействия на информационные процессы).

Во-вторых, оправданным является включение «киберспособа» в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (статья 61 УК АР), в форме универсального признака: «совершение преступления с использованием ИКТ, электронных носителей информации либо в электронной информационной среде», при одновременном соблюдении запрета двойного учета, если соответствующий признак будет предусмотрен в диспозиции в качестве квалифицирующего элемента.

В-третьих, требуется унификация терминологии в Особенной части УК АР (и при необходимости – в Общей части либо в примечаниях): «информационные технологии», «интернет-информационный ресурс», «информационно-телекоммуникационные сети», «одноразовый пароль (OTP)», «фиктивный аккаунт/профиль», «глубокая подделка (deepfake)» и иные понятия, значимые для квалификации и доказывания. Терминологическая определенность снижает риск разночтений, способствует предсказуемости правоприменения и облегчает закрепление цифровых доказательств.

В-четвертых, необходимо институционально закрепить межведомственные протоколы быстрого реагирования (банки – операторы связи – платежные провайдеры – полиция), предусматривающие ускоренную блокировку подозрительных транзакций, временную заморозку средств на транзитных счетах, оперативную фиксацию цифровых следов (логи, IP-данные, устройства, цепочки переводов), а также развитие практики специализированной подготовки следователей и судебных экспертов.

В-пятых, с учетом того, что значительная часть атак опирается на доверчивость, традиции взаимопомощи и религиозные чувства, профилактика должна сочетать правовые и социальные меры: массовое обучение цифровой грамотности, стандарты информирования населения (в том числе на азербайджанском и русском языках, а также на языках малочисленных народов, проживающих на территории Азербайджанской Республики), регулярные предупреждения о недопустимости передачи CVV и OTP третьим лицам, развитие механизмов «второго канала проверки» (перезвон в банк по официальному номеру), а также поддержка программ для уязвимых групп, прежде всего пожилых граждан.

Таким образом, кибермошенничество представляет собой многогранное социально-правовое явление, требующее системного и междисциплинарного подхода. Эффективное противодействие данному виду преступности возможно при сочетании точечной модернизации уголовного законодательства, устойчивой правоприменительной практики, технологической готовности финансового сектора и формирования у граждан навыков безопасного поведения в цифровой среде.

Литература

1. Азербайджанская Республика. Уголовный кодекс. Баку: Hüquq Yayımları Evi, 2021. 767 с.
2. Азербайджанская Республика. Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 03.04.1998 (с изм. и доп.). URL: e-qanun.az/framework/3525.
3. Азербайджанская Республика. Закон «О национальной безопасности» от 29.06.2004 (с изм. и доп.). URL: e-qanun.az/framework/5455.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Азербайджанской Республики: комментарий к ст. 1–189–1 / под ред. проф. Ф.Й. Сэмэндерова. Баку: Hüquq Yayın Evi, 2019. 704 с.

5. Азербайджанская Республика. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Азербайджанской Республики. Баку: MSV NƏŞR, 2017. 479 с.

6. Calallı İ. İnformatika terminlərinin izahlı lüğəti. Bakı: İnformasiya Texnologiyaları; Bakı nəşriyyatı; AMEA İnformasiya Texnologiyaları İnstitutu, 2017. 997 s. URL: https://ict.az/uploads/Informasiya_terminlərinin_izahlı_lugeti.pdf.

7. Məcidli S.T. Kibercinayətlər. Bakı: Avropa İntegrasiya Mərkəzi, 2019. 315 s.

8. Rzayeva S.N. Cinayətin edilmə üsulu obyektiv cəhətin əlaməti kimi // Heydər Əliyev və Azərbaycanın hüquqi dövlət quruculuğu: Beynəlxalq elmi-praktiki konfrans materialları. Bakı, 2016. S. 95–97.

9. Rzayeva S. N., Sadiqlı V.A. Transmilli cinayət kimi kibercinayətlərin anlayışı və ictimai təhlükəliliyi // Qanun. 2021. № 10 (324). S. 65–72.

10. Səməndərov F.Y. Cinayət hüququ. Ümumi hissə: dərslik. Bakı: Hüquq Yayın Evi, 2018. 724 s.

11. AR DİN-in rəsmi məlumatı (kibermühitdə dələduzluq riskləri və xəbərdarlıq). URL: <https://mia.gov.az/?az/news/view/1581/>.

12. Türkiye Cumhuriyeti. Türk Ceza Kanunu (5237). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf>.

13. Самедова Ш.Т. Уголовное право Азербайджанской Республики. Особенная часть: учебник: в 2 т. Баку: Айдынгулу, 2020. Т. 1. 824 с.

14. Coffman K. G., Odlyzko A.M. Growth of the Internet. July 6, 2001. P. 44.

15. Pawar S. C., Mente R. S., Chendage B.D. Cyber Crime, Cyber Space and Effects of Cyber Crime // Punyashlok Ahilyadevi Holkar Solapur University. 2021. Vol. 7, Iss. 1. P. 210–214. URL: https://www.researchgate.net/publication/349352653_Cyber_Crime_Cyber_Space_and_Effects_of_Cyber_Crime.

16. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография. М., 2018. С. 221–222.

17. Лопашенко Н.А. Законодательная форма мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504–513.

18. Метелкина О.В. Теоретико-правовые аспекты и уголовно-правовая характеристика кибермошенничества // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 389–391. URL: <https://moluch.ru/archive/601/131254>.

19. Токаева Ю. В., Кривецкая Т.П. Основные схемы совершения кибермошенничества и возможности противодействия со стороны внутреннего контроля // Учетно-аналитическое обеспечение – информационная основа экономической безопасности: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 ч. М., 2017. С. 365–369.

20. Chernousov I. Специалисты фиксируют рост кибератак на благотворительные организации // Российская газета. 2020.

21. Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001) и Дополнительный протокол (при наличии применимости к исследуемой тематике): нормативные положения и рекомендации.

22. Webroot. Overview of phishing trends, 2019: analytical materials (open sources).

23. Ironscales. Phishing and social attack reviews: analytical materials (open sources).

24. Банк России. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств (пример сравнительного анализа подходов к мониторингу) // Официальные материалы Банка России. 2023. URL: cbr.ru/statistics/ib/.

25. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2020: ключевые тенденции киберпреступности и мошенничества (для сравнительного контекста).

CYBERFRAUD IN AZERBAIJAN: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Kerimov Sh., Sharifov R., Malikzade T.

Azerbaijan National Aviation Academy, Forensic Science Center under the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan

The article provides an expanded criminal-law and criminological study of cyber fraud as a rapidly evolving form of property crime in the context of accelerated digitalization. Using the Republic of Azerbaijan as a case study, the authors describe typical mechanisms of fraud in the digital environment and identify victimological factors shaped by strong social solidarity, family ties and moral-religious values. The paper emphasizes that Azerbaijan's active digital transformation (e-government, online banking and cashless payments) is a major development advantage, yet it also creates new opportunities for offenders exploiting information asymmetry and human trust.

The study systematizes common and emerging schemes: phishing and cloned banking websites, vishing ("bank security" calls), messenger account takeovers (WhatsApp/Tel-egram) followed by urgent money-transfer requests, "low-interest loan" bait, fake rentals and prepayment scams, remote car-sale scams, investment and crypto pyramids, SIM-swap attacks, OTP manipulation, and AI-enabled deepfake audio/video used to imitate relatives or executives. The paper also notes fraud scenarios exploiting religious and charitable narratives to reduce critical thinking and accelerate victim compliance.

Special attention is paid to qualification challenges under Article 178 of the Criminal Code of Azerbaijan (fraud), digital evidence and cross-border enforcement, as well as the role of Azerbaijan's law-enforcement agencies. The authors justify targeted legislative improvements: introducing an ICT-related qualifying element within Article 178, adding a "cyber method" as an aggravating circumstance in Article 61 where appropriate, and unifying terminology and response protocols in line with international standards, including the Council of Europe Budapest Convention.

Keywords: cyber fraud; fraud; digitalization; digital environment; information and communication technologies; social engineering; deepfake; victimology; artificial intelligence; criminal law; Article 178 of the Criminal Code of Azerbaijan.

References

1. The Republic of Azerbaijan. Criminal Code. Baku: Hüquq Yayım Evi, 2021. 767 p.
2. The Republic of Azerbaijan. Law on Information, Informatization, and Information Protection dated 03.04.1998 (as amended). Available at: e-qanun.az/framework/3525.
3. The Republic of Azerbaijan. Law on National Security dated 29.06.2004 (as amended). Available at: e-qanun.az/framework/5455.
4. Commentary on the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan: Commentary on Articles 1–189–1 / edited by prof. F.Y. Samenderov. Baku: Hüquq Yayın Evi, 2019. 704 p.
5. The Republic of Azerbaijan. Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Azerbaijan Republic. Baku: MSV NƏŞR, 2017. 479 p.
6. Callallı İ. İnformatika terminlərinin izahlı lüğəti. Baku: İnformasiya Texnologiyaları; Bakı nəşriyyatı; AMEA İnformasiya Texnologiyaları İnstitutu, 2017. 997 s. URL: https://ict.az/uploads/Informasiya_terminlərinin_izahlı_lugeti.pdf.
7. Məcidli S.T. Kibercinayətlər. Bakı: Avropa İnteqrasiya Mərkəzi, 2019. 315 s.
8. Rzaeva S.N. materialları. Bakı, 2016. S. 95–97.
9. Rzaeva S. N., Sadiqli V.A. Transmilli cinayət kimi kibercinayətlərin anlayışı və ictimai təhlükəliliyi // Qanun. 2021. No. 10 (324). S. 65–72.
10. Səməndərov F.Y. Cinayət hüququ. Ümumi hissə: dərslik. Bakı: Hüquq Yayın Evi, 2018. 724 s.
11. AR DİN-in rəsmi məlumatı (kibermühitdə dələduzluq riskləri və xəbərdarlıq). URL: <https://mia.gov.az/?/az/news/view/1581/>.
12. Türkiye Cumhuriyeti. Türk Ceza Kanunu (5237). URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5237.pdf>.
13. Samedova Sh.T. Criminal law of the Azerbaijan Republic. Special part: textbook: in 2 volumes. Baku: Aydinoglu, 2020. Vol. 1. 824 p.
14. Coffman K. G., Odlyzko A.M. Growth of the Internet. July 6, 2001. P. 44.
15. Pawar S. C., Mente R.S., Chendage B.D. Cyber Crime, Cyber Space and Effects of Cyber Crime // Punyashlok Ahilyadevi Holkar Solapur University. 2021. Vol. 7, Iss. 1. P. 210–214. URL: https://www.researchgate.net/publication/349352653_Cyber_Crime_Cyber_Space_and_Effects_of_Cyber_Crime.
16. Efremova M.A. Criminal Law Protection of Information Security: Monograph. Moscow, 2018. P. 221–222.
17. Lopashenko N.A. Legislative form of fraud: forced questions and forced answers // Criminological journal of the Baikal state university of economics and law. 2015. Vol. 9. No. 3. Pp. 504–513.
18. Metelkina O.V. Theoretical and legal aspects and criminal-legal characteristics of cyber fraud // Young scientist. 2025. No. 50 (601). Pp. 389–391. URL: <https://moluch.ru/archive/601/131254>.
19. Tokaeva Yu. V., Krivetskaya T.P. Basic schemes for committing cyber fraud and the possibilities of counteraction by internal control // Accounting and analytical support – the information basis of economic security: interuniversity. collection of scientific papers. tr.: in 2 parts. Moscow, 2017. pp. 365–369.
20. Chernousov I. Experts record an increase in cyberattacks on charitable organizations // Rossiyskaya Gazeta. 2020.
21. Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest, 23.11.2001) and the Additional Protocol (if applicable to the topic under study): regulations and recommendations.
22. Webroot. Overview of phishing trends, 2019: analytical materials (open sources).
23. Ironscales. Phishing and social attack reviews: analytical materials (open sources).
24. Bank of Russia. Review of reporting on information security incidents during funds transfers (an example of a comparative analysis of monitoring approaches) // Official materials of the Bank of Russia. 2023. URL: cbr.ru/statistics/ib/.
25. Europol. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2020: Key Cyber-crime and Fraud Trends (for comparative context).

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель, кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, совершаемых при насильственном выбрасывании или сбрасывании потерпевшего с высоты. Автор указывает, что подобные преступления очень распространены, например по данным ВОЗ падение с высоты лидирует как причина смерти от травм среди подростков. По мнению автора, при решении вопроса о правильной оценке ситуации, при которой потерпевшего намеренно сбрасывают с достаточной высоты, имеет значение большое количество различных факторов. В частности, существенное значение для квалификации имеет высота, с которой сбрасывают потерпевшего. Как значительную высоту автор определяет два метра. Сбрасывание с высоты до двух метров возможно квалифицировать по различным статьям УК РФ, в зависимости от обстоятельств происшедшего и наступивших последствий. Сбрасывание же с большей высоты во всех случаях следует оценивать как убийство или как покушение на убийство. По мнению автора, в силу распространенности подобного преступного деяния законная и обоснованная оценка случаев выбрасывания или сбрасывания потерпевшего с высоты является чрезвычайно важной, поскольку спектр ответственности в подобных случаях возможен от ответственности административной до ответственности за особо тяжкое преступление.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, сбрасывание или выбрасывание, значительная высота, убийство, вред здоровью различной тяжести, побои, административная ответственность.

Значение обоснованной квалификации деяния при насильственном выбрасывании или сбрасывании потерпевшего с высоты в практической деятельности следственных и судебных органов трудно переоценить. Следует отметить, что подобные преступления очень распространены, поскольку выбрасывание с высоты является простейшим способом причинения вреда здоровью. Так, согласно сайту ВД-ПО, по данным ВОЗ падение с высоты лидирует как причина смерти от травм среди подростков [1].

При решении вопроса о правильной оценке ситуации, при которой потерпевшего намеренно сбрасывают с достаточной высоты, имеет значение большое количество различных факторов. Прежде, всего, это последствия подобного выбрасывания: повлекло ли оно смерть, вред здоровью различной тяжести или просто физическую боль. Уже здесь имеют место определенные проблемы. Например, если потерпевший был выброшен с первого этажа здания с высоты 1, 5–2 метра и следствием этого падения явились только физическая боль или легкий вред здоровью, то правильной будет квалификация по наступившему результату или все же как покушения на убийство? Сложность такой оценки, в первую очередь, в том, что при подобном падении возможны фактически любые последствия – и просто боль и смертельный исход. Таким образом, определить направленность умысла виновного здесь очень сложно.

К оценке подобных ситуаций следует подходить индивидуально. Прежде всего, следует установить, насколько возможно точно, все обстоятельства подобного выбрасывания, в частности имело ли место придание ускорения при выбрасывании, а также то, в каком положении был выброшен виновный. Если будет установлено, что потерпевший был намеренно выброшен с большой скоростью и при этом виновный преднамеренно направил его головой вниз, то, даже в случае отсутствия у потерпевшего телесных повреждений, подобный деликт следует расценивать как покушение на убийство. Безусловно, велик соблазн квалифицировать любое выбрасывание с высоты как покушение на убийство, однако подобное будет противоречить предусмотренному ст. 6 УК РФ принципу справедливости, так как далеко не всех случаях виновный имеет умысел на причинение смерти.

Например, как следует из Определения Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2023 г. № 45-УДП23–31К7 [2], в приговоре Свердловского областного суда от 07.10. 2022 г. указано, что Г., находясь в состоянии алкогольного опьянения, из личной неприязни, вызванной плачем семимесячного Г., с целью его убийства нанес ладонью удар по голове ребенка, после чего взял потерпевшего на руки и выбросил его из окна дома с высоты не менее 190 см, на расстояние не менее 125 см от стены дома на грунтовое покрытие. Смерть потерпевшего не наступила, так как ему была вовремя оказана медицинская помощь.

Суд признал Г. виновным по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть в покушении на убийство малолетнего, заведомо находящегося в беспомощном состоянии.

По результатам рассмотрения апелляционного представления суд отменил приговор и оправдал Г. за отсутствием состава преступления, кассационный суд согласился с решением суда апелляционной инстанции.

Однако Верховный Суд РФ указал, что апелляционная инстанция не учла ряд обстоятельств по делу: обстановку происшедшего, агрессивность виновного, его предварительные угрозы потерпевшему, высоту, с которой был выброшен потерпевший, и наличие бетонного покрытия.

Поэтому апелляционный приговор и решение кассационной инстанции были отменены.

Указанная ситуация ярко характеризует подобный случай – выбрасывание с небольшой, менее двух метров, высоты, мотив преступления – раздражение от плача ребенка, отсутствие, на первый взгляд, умысла на причинение смерти. Подобный недостаточно тщательный анализ происшедшего и повлек вынесение оправдательного приговора по делу. Однако более тщательное исследование деталей происшедшего, таких как поведение виновного до совершения преступления и непосредственно механизм выбрасывания ребенка, меняют оценку происшедшего с отсутствия состава преступления на особо тяжкое преступление.

Следует отметить, что вынесение оправдательного приговора в любом подобном случае возможно только при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотренных главой 8 УК РФ. Умышленное выбрасывание потерпевшего с высоты во всех случаях представляет существенную общественную опасность, может повлечь любые последствия вплоть до причинения смерти и поэтому требует соответствующей юридической оценки. При отсутствии телесных повреждений и недоказанности умысла на причинение смерти возможна также и квалификация по ст. 6.1.1 КоАП РФ. При причинении же вреда здоровью или смерти деликт следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ.

Также в ряде случаев умышленное выбрасывание происходит со значительной высоты: второго, третьего или более высоких этажей либо же с высотных зданий или сооружений. Полагаем, что «значительной высотой» является любая высота, превышающая 2 метра, то есть рост высокого человека. Сбрасывание потерпевшего с высоты более двух метров представляет гораздо большую общественную опасность.

Приговором Новоуральского городского суда Свердловской области от 09.06.2021 г. [3] установлена вина ФИО по ст. 105 ч. 1 УК РФ, то есть в совершении убийства. ФИО, в состоянии алкогольного опьянения, после ссоры, вытолкнул Х. из окна дома, с достаточно большой высоты, что повлекло причинение большого количества различных травм, повлекших смерть потерпевшего.

Полагаем, что выбрасывание потерпевшего лица с подобной высоты, даже при отсутствии телесных повреждений, исключает квалификацию по статьям 6.1.1 КоАП РФ или 116 УК РФ. Виновный, являясь вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, не может не знать, что падение с подобной высоты во всех случаях может повлечь наступление смерти. Таким образом, выталкивая потерпевшего из окна либо иным способом принуждая его к падению со значительной высоты, он либо желает наступления его смерти или допускает ее наступление либо относится к этому безразлично. При этом даже наличие на месте падения снега, травы, песка и т.п. не исключает виновности, поскольку в любом случае не гарантирует безопасности падения.

Соответственно, выбрасывание или сбрасывание потерпевшего с высоты более двух метров следует в случае наступления смерти квалифицировать как оконченное убийство, во всех иных случаях – как покушение на убийство с соответствующими квалифицирующими признаками. Иная оценка, например по ст. 111 ч. 4 УК РФ, то есть как умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, будет необоснованной, поскольку выбрасывание с высоты производится умышленно, при этом виновный желает или предвидит возможность наступления смерти потерпевшего. Доводы же виновного о том, что, выбрасывая потерпевшего с большой высоты, он не желал его смерти, в подобных случаях являются только его личной оценкой происшедшего.

В.В. Остробородов и Н.И. Гульков полагают, что на построение следственных версий влияют индивидуальные особенности повреждения, их расположение, а также результат осмотра трупа сразу при его обнаружении [4]. С данным утверждением трудно не согласиться, так как, например, наличие у потерпевшего определенных телесных повреждений, полученных до падения с высоты, свидетельству-

ет о применении к нему предварительного насилия, повлекшего его последующее падение.

Таким образом, в силу распространенности подобного преступного деяния законная и обоснованная оценка случаев выбрасывания или сбрасывания потерпевшего с высоты является чрезвычайно важной, поскольку спектр ответственности в подобных случаях возможен от ответственности административной до ответственности за особо тяжкое преступление.

Литература

1. Сайт ВДПО. URL <https://вдпо.рф/facts/prosto-posidet-na-podokonnike-statistika-glavnogo-ubiysy-podrostkov-v-gorode> (дата обращения 21.02.2026 г.)
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2023 г. N 45-УДП23–31К. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23082023-n-45-udp23-31k7/> (дата обращения 21.02.2026 г.)
3. Приговор Новоуральского городского суда Свердловской области от 09.06.2021 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/usLUEaOZY7gc/> (дата обращения 21.02.2026 г.)
4. Остробородов В.В., Гульков Н.И. Медико-криминалистическая характеристика повреждений, формирующихся при падении с высоты собственного роста и при ударах твердыми тупыми предметами / Остробородов В.В., Гульков Н.И. Закон и право. N 5. 2021. С. 182–184.

ACCIDENTS: REASONABLE QUALIFICATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification of crimes committed by forcefully throwing or dropping the victim from a height. The author points out that such crimes are very common, for example, according to the WHO, falls from a height are the leading cause of death from injuries among teenagers. In particular, the height from which the victim is thrown is crucial for the qualification. The author defines two meters as a significant height. Dropping from a height of up to two meters can be classified under various articles of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the circumstances and consequences of the incident. Dropping from a higher height should always be considered as murder or attempted murder. According to the author, due to the prevalence of such criminal acts, it is crucial to provide a legal and reasonable assessment of cases involving the throwing or dropping of a victim from a height, as the range of liability in such cases can range from administrative liability to serious criminal charges.

Keywords: Crime classification, criminal liability, dropping or throwing, significant height, murder, various degrees of bodily harm, beatings, and administrative liability.

References

1. VDPO website. URL <https://vdpo.ru/facts/prosto-posidet-na-podokonnike-statistika-glavnogo-ubiysy-podrostkov-v-gorode> (accessed on February 21, 2026).
2. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 23, 2023, No. 45-UDP23–31K. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23082023-n-45-udp23-31k7/> (date of appeal 02/21/2026)
3. Verdict of the Novouralsky City Court of the Sverdlovsk region dated 06/09/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/usLUEaOZY7gc/> (accessed 02/21/2026)
4. Ostrorodov V.V., Gulkov N.I. Medical and forensic characteristics of injuries formed when falling from a height of their own height and when struck by hard objects with blunt objects / Ostrorodov V.V., Gulkov N.I. The Law and the law. N 5. 2021. pp. 182–184.

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н. доцент, кафедра безопасности в цифровом мире,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Совершение мошенничества осложняется использованием в качестве способа совершения преступления информационно-коммуникационных технологий, что зачастую приводит к проблемам в квалификации как в силу наличия правовых пробелов в конструкции диспозиций уголовных норм, так и в результате латентного характера таких деяния. Так, имеются проблемы в квалификации мошенничества с использованием цифровых валют, а также искусственного интеллекта, которые находят особое распространение в криминальной среде. Как следствие, в рамках настоящей статьи особый акцент сделан на выявлении проблем законодательной регламентации уголовной ответственности за мошенничество с применением информационно-коммуникационных технологий, а также обосновании рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, в т.ч. посредством конструирования отдельных редакций норм уголовного законодательства, что позволит повысить эффективность выявления таких преступных деяний и их квалификации на практике. Полученные выводы и сформулированные предложения могут иметь особый научный интерес, а также найти отражение в правоприменительной и законотворческой сфере.

Ключевые слова: мошенничество, цифровые технологии, искусственный интеллект, информационно-коммуникационные технологии, цифровая валюта.

Цифровые технологии активно внедряются во все сферы общественных отношений. Однако они имеют не только преимущества, но и несут определенные угрозы, в т.ч., которые выражаются в использовании таких технологий как способов совершения преступлений. Учитывая, что одними из часто совершаемых преступлений являются преступления против собственности, то применение информационно-коммуникационных технологий в данной сфере стало крайне актуальным. Особый рост можно наблюдать преступных деяний, связанных с мошенничеством, в которых фигурируют цифровые технологии.

Как следствие, борьба с такими деструктивными явлениями актуализирована и в рамках стратегических документов. Например, в Указе Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [10].

Примечательно отметить, что проблема профилактики и расследования мошенничества с применением цифровых технологий приоритизирована в ежегодных докладах правоохранительных органов. Систематически злоумышленники придумывают новые способы использования цифровых технологий, посредством которых совершают мошеннические деяния. Как следствие, активная борьба с таким мошенничеством является основополагающей целью на сегодняшний день, что можно подтвердить и статистическими данными.

Из данных Судебного департамента следует, что за 2024 год по ст. 159–159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ [9]) было осуждено 3700 человек, за 2023 год – 4832 человека, за 2022 год – 5110 человек, за 2021 год – 5502 человека, за 2020 год – 6404 человека [8].

Анализ статистических данных демонстрирует тенденцию к снижению совершения в целом такого преступления как мошенничество. Вместе с тем, это также может указывать и на латентный характер таких преступных деяний, что особенно может быть характерно для роста случаев совершения мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий [4, с. 225]. Главным образом, это связано с тем, что использование преступниками цифровых технологий зачастую вызывает трудности у правоохранительных органов при выявлении и расследовании таких преступлений.

Фактически все преступления, совершаемые с помощью цифровых технологий, на сегодняшний день именуются многими авторами как «киберпреступления» [2, с. 215]. В свою очередь, мошенничество с применением информационно-коммуникационных технологий охватывает мошенничество с электронными средствами платежа; с компьютерной информацией; цифровыми валютами; искусственным интеллектом; фишинг и др. Как следствие, такое разнообразие способов совершения мошенничества с помощью цифровых технологий указывает на отсутствие единой терминологической основы, а именно определения «цифровые технологии» в контексте уголовно-правовых отношений.

Более того, отсутствие легального толкования указанного термина способствует его смешению и с иными. Например, с информационными технологиями, однако последние определены законодателем в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12].

При этом определение понятия «информационно-телекоммуникационной сеть» нашло отражение в рамках Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [6]. Тогда как Пленум Верховного Суда РФ оставил без внимания толкование «информационно-коммуникационных технологий», «цифровых технологий». Как следствие, имеется необходимость в легальном толковании таких технологий.

В данной связи необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 абзацем следующего содержания: информационно-коммуникационные технологии – это совокупность средств, методов и систем обработки, передачи и хранения цифровой информации, включая компьютерное оборудование, сети связи, программное обеспечение и интернет-технологии, используемые для совершения преступлений, связанных с мошенничеством, для осуществления дистанционных атак, обхода систем безопасности, создания поддельных цифровых документов или фишинговых схем, а также для маскировки преступных действий и скрытия следов в цифровой среде.

Для выявления конкретных видов таких технологий следует обратиться к актуальным способам совершения мошенничества. Если обратиться к анализу специальных составов мошенничества, то под заголовок «мошенничество с применением информационно-коммуникационных технологий» подходит как ст. 159.3 УК РФ, так и ст. 159.6 УК РФ.

В 2012 году в России появилась уголовная ответственность за мошенничество с электронными платежами, закрепленная в статье 159.3 УК РФ как «Мошенничество с использованием платежных карт». Эта редакция ограничивала сферу ответственности, исключая случаи косвенного использования платежных систем (например, Apple Pay). В 2018 году статья была изменена, путем расширения объективной стороны преступления. Однако несмотря на внедрение цифровых технологий и рост мошенничества, практика показывает, что данная уголовная норма недостаточно эффективна. Фактически многие преступления остаются нераскрытыми, а квалификация по ст. 159.3 УК РФ вызывает трудности. С развитием технологий появляются новые способы мошенничества, что усложняет борьбу с ними и требует дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности. В частности, речь идет о цифровых валютах, которые на сегодняшний день квалифицируются по ст. 159 УК РФ [7], а не по ст. 159.3 УК РФ.

Вместе с тем, учитывая специфику цифровой валюты, представляется наиболее целесообразным квалифицировать преступления, в которых она фигурирует, в рамках ст. 159.3 УК РФ. Однако для этого необходимо прямое законодательное указание.

Как следствие, предлагается дополнить диспозицию ч. 1 ст. 159.3 УК РФ «в том числе с помощью цифровой валюты». Представляется, что ст. 159.3 УК РФ нуждается в конкретизации с учетом массовости совершения мошенничества с использованием цифровой валюты. Дополнение ст. 159.3 УК РФ такой конкретизацией позволит сделать практику правоприменения более единообразной. В свою очередь, это позволит сделать ст. 159.3 УК РФ специальной для квалификации мошенничества с криптовалютой, что будет являться более обоснованным, чем квалификация по общей норме – ст. 159 УК РФ.

Для обеспечения единообразной практики правоприменения представляется необходимым в рамках Примечания к ст. 159.3 УК РФ конкретизировать определение цифровой валюты применительно как к данному составу преступления, так и в целом в контексте уголовно-правовых отношений.

Еще одним составом, на который следует обратить внимание, является ст. 159.6 УК РФ. Исследуя преступления в сфере использования электронно-вычислительных машин (компьютеров), систем и компьютерных сетей и сетей электросвязи, целесообразно анализировать и преступления, которые случаются в процессе информационных отношений в целом.

Вред при совершении несанкционированного вмешательства в большей степени связан не с компьютерной техникой, безопасностью или порядком ее использования или безопасности использования сетей электросвязи, а по поводу информации, которая обрабатывается в ЭВМ, системами, компьютерными сетями, и информации, получаемой или передаваемой с использованием сетей электросвязи.

На сегодняшний день уже используются компьютеры V поколения, отличительной чертой которых является наличие принципа искусственного интеллекта. Основное отличие между компьютерами IV и V поколений, которая нас интересует в данном случае, заключается в скорости совершения действий, что может пригодиться для быстрого сокрытия следов совершения преступления.

Вместе с тем, информация о совершении преступлений компьютерам V поколения отсутствует, что связано с тем, что они более совершенны и такие преступления остаются в числе латентной преступности. Доказывание по таким преступлениям требует более глубокого познания в области программирования и опыта работы с такими ЭВМ.

Развитие технологий увеличивает возможности мошенничества благодаря новым уязвимостям и расширению доступа к конфиденциальной информации. Чем больше данных и систем – тем сложнее обнаружить фальсификации, ведь электронные изменения могут остаться незамеченными. Современные системы позволяют легко исправлять документы без следов, что создает риски при отсутствии эффективных средств контроля и защиты. Недостаточная информационная безопасность повышает угрозы и требует разработки надежных систем защиты и мониторинга [5, с. 249].

Более того, если обратиться к практике правоприменения, то можно выявить огромное количество различных вариаций применения цифровых технологий при совершении мошенничества. Мошенничество всё чаще осуществляется с помощью интеллектуальных возможностей преступников, использующих цифровые технологии и гло-

бальную сеть Интернет. Например, среди таких технологий достаточно часто встречаются различные акции, фишинг и др. Все эти деяния совершаются в сети Интернет, зачастую под анонимными аккаунтами и «левыми» номерами, на которые зарегистрированы страницы. Современные методы включают и автоматизированные схемы, такие как создание поддельных сайтов, фишинговых сообщений и подделка документов [3, с. 77].

Многоаспектность способов использования информационно-коммуникационных технологий при совершении мошенничества предопределяет актуальность дополнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 абзацем следующего содержания:

К цифровым технологиям относятся, например, автоматизированные системы управления, использующие специфические алгоритмы для обхода систем безопасности; программы и скрипты, автоматизирующие создание фишинговых сайтов, поддельных аккаунтов и подделок документов; технологии маскировки и скрывания следов, такие как VPN, прокси-серверы и программы анонимизации; автоматические боты и системы, используемые для рассылки мошеннических сообщений или фальшивых рекламных объявлений; системы автоматизации (автоматические звонки или сообщения через мессенджеры); искусственный интеллект (например, генерация искусственного голоса, официальных документов, изображения человека и прочее).

Предлагаемый перечень не носит исчерпывающий характер, но позволит создать общее понимание о разновидностях цифровых технологий, с помощью которых совершается мошенничество. В свою очередь, это упростит и квалификацию таких преступлений, способствуя более единообразной практике правоприменения.

При этом нельзя не отметить, что искусственный интеллект таит в себе гораздо больше угроз, чем это может представляться на первый взгляд. Фактически ст. 159–159.6 УК РФ не выделяют специфику совершения мошенничества с применением искусственного интеллекта. В данной связи квалификация таких деяний происходит по общим нормам (ст. 159–159.6 УК РФ).

Возможности искусственного интеллекта на сегодняшний день безграничны, что и сулит определенные угрозы для нормального функционирования общественных отношений. Посредством нейросети злоумышленники придумывают различные мошеннические схемы, а также используют их в процессе совершения преступления. В свою очередь, это связано с наличием правовых пробелов в регулировании искусственного интеллекта в целом, что и легализует использование нейросети для реализации преступных деяний.

Искусственный интеллект все активнее внедряется в сферы мошенничества, значительно усложняя борьбу с преступлениями в киберпространстве. Например, нейросеть используется для создания реалистичных голосовых моделей, которые позволяют проводить мошеннические звонки от лица представителей банков, государственных органов. Такие звонки на практике убеждают потерпевшего раскрывать личные данные, платежную информацию или совершать финансовые операции (в том числе через смс сообщения).

Кроме того, искусственный интеллект применяется для подделки официальных документов, таких как паспорта, водительские удостоверения и др. Такие поддельные документы обладают высокой степенью реалистичности и вполне вероятно, что проходят проверку. Аналогичным образом создаются фальшивые изображения и видеозаписи, так называемые «дипфейки», которые показывают знаменитостей, политиков или других публичных личностей. Социальные сети на сегодняшний день пестрят подобными материалами, созданными нейросетью. При этом выявить «автора» таких дипфейков крайне проблематично в силу анонимного характера распространения. При этом сами материалы трудно отличить от настоящих, что создает угрозу распространения дезинформации и шантажа.

Искусственный интеллект используется и для автоматизированного создания фальшивых профилей в социальных сетях. Например, поддельных аккаунтов, использующих сгенерированные изображения и истории, что позволяет преступникам распространять ложную информацию в широких массах интернет-пользователей. В частности, это выдуманные истории про детей и взрослых, которые нуждаются в материальной помощи в силу наличия того или иного тяжелого заболевания.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что искусственный интеллект имеет особую общественную опасность, поэтому мошенничество с использованием искусственного интеллекта необходимо выделить в отдельный состав преступления. В данной связи предлагается дополнить Особенную часть УК РФ еще одним специальным составом мошенничества – статьей 159.7 УК РФ «Мошенничество с использованием искусственного интеллекта». В таком случае будет актуализи-

рован вопрос о конструкции данной нормы и отграничении данного состава от смежных, в том числе от общего состава мошенничества.

Предлагаемая ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество с использованием искусственного интеллекта» имеет ряд отличий от уже действующих ст. 159 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ. Основное отличие заключается в способе совершения преступления, который по ст. 159.7 УК РФ будет являться обязательным при установлении объективной стороны преступления и связан именно с использованием искусственного интеллекта при совершении мошеннических деяния. Для обеспечения единообразного толкования данного термина, минимизации ошибок в квалификации и упрощении отграничения данного состава от смежных и от общей нормы в виде ст. 159 УК РФ, необходимо в конструкции предлагаемой статьи предусмотреть Примечание, в рамках которого будет представлено легальное определение искусственного интеллекта применительно к уголовно-правовым отношениям в целом и в особенности к составу мошенничества.

Диспозиция преступления ст. 159.7 УК РФ может включать в себя следующие возможные выражения объективной стороны преступления:

- совершение деяний, направленных на хищение чужого имущества или приобретение имущественных прав путем обмана с использованием технологий искусственного интеллекта,
- создание и/или использование поддельных голосовых, видео, текстовых или графических материалов, с помощью которых обманом происходит введение в заблуждение,
- использование искусственного интеллекта для автоматизированной подделки или фальсификации данных, документов, изображений или иных цифровых объектов с целью совершения мошеннических действий.

Таким образом, дополнение УК РФ специальным составом мошенничества позволит урегулировать специфику совершения мошенничества с использованием искусственного интеллекта, подчеркнув общественную опасность такой технологии.

Вместе с тем, для совершенствования борьбы с мошенничеством с применением информационно-коммуникационных технологий важно подходить комплексно. Речь идет не только о совершенствовании уголовного законодательства, но и соответствующей подготовке кадров и повышении квалификации действующих сотрудников правоохранительных органов, поскольку для выявления таких преступлений зачастую требуются специальные познания. В данной связи следует согласиться с позицией авторов, которые указывают на латентность мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий, что связано и с низкой эффективностью предварительного следствия, обусловленной объективными факторами, такими как недостаток квалифицированных специалистов с высоким уровнем знаний в области компьютерных технологий [1, с. 102].

Как следствие, актуализируется вопрос о повышении квалификации действующих сотрудников с учетом цифровизации совершаемых преступлений. Использование специальных знаний концептуально важно при расследовании таких мошенничеств, так как привлечение экспертов помогает собрать доказательства и существенно влияет на ход дела. Без нужных знаний выявить подобные преступления достаточно проблематично, что может создать иллюзию снижения их числа, хотя на самом деле их может быть больше, особенно в Интернете, где обнаружение крайне затруднено [11, с. 206].

Для решения данной проблемы необходимо говорить о разработке программы повышения квалификации для правоохранительных органов «Выявление, расследование и квалификация мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий». Особый акцент на преступлениях, совершаемых с помощью цифровых технологий, должен быть сделан и при подготовке кадров (в вузах в качестве отдельного предмета).

Кроме того, необходимо разработать и принять ведомственный акт, исходящий от МВД РФ, в рамках которого следует урегулировать особенности выявления, тактики расследования мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий, а также порядок и формы взаимодействия между правоохранительными органами при расследовании таких преступлений. Соответственно, необходимо разработать и принять такой ведомственный нормативный правовой акт, что позволит более тщательно спланировать выявление и расследование таких преступлений.

Таким образом, в настоящее время на практике достаточно часто совершаются мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий, хотя и статистические данные свидетельствуют о снижении преступлений квалифицируемых по ст. 159–159.6 УК РФ. Вместе с тем, это может свидетельствовать и о латентном характере таких преступных деяний, что связано с наличием трудно-

стей в выявлении и квалификации мошенничеств, совершаемых с помощью цифровых технологий. В данной связи в рамках настоящего исследования были выделены некоторые проблемы, которые нуждаются в разрешении. В частности, предложены поправки в ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, а именно уточнении, что в рамках данной статьи происходит квалификация и мошенничества с использованием цифровых валют.

Кроме того, в рамках настоящего исследования обоснована необходимость дополнения УК РФ специальным составом мошенничества – ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество с использованием искусственного интеллекта».

Дополнительно сформулированы редакции терминологических основ, а именно конкретизировано понятие информационно-коммуникационных технологий и виды цифровых технологий, которыми следует дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, что позволит наполнить его актуальными позициями по вопросу проблематики квалификации такого мошенничества, поскольку ежегодно преступники придумывают новые способы совершения мошенничества с использованием цифровых технологий, поэтому практика нуждается в обновлении особенностей квалификации таких преступлений и отграничений от смежных.

Решение выявленных проблем должно носить комплексный характер, поэтому обоснована необходимость пересмотра подхода к повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, поскольку для расследования и выявления таких преступлений нужны специальные познания. Кроме того, предложено урегулировать тактику расследования таких преступлений и специфику взаимодействий между правоохранительными органами, что позволит сделать более эффективным как выявление, так и расследование уголовных дел по преступлениям, связанным с совершением мошенничества с применением информационно-коммуникационных технологий. В данной связи предложено принять ведомственный акт, исходящий от МВД РФ по данным вопросам.

Литература

1. Проблемы квалификации мошенничества с применением высокотехнологичных информационных технологий / В.П. Алехин, Ю.Ю. Бугаенко, И.С. Чирьев, П.С. Жукова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 12. – С. 101–107.
2. Батракова, Л.Г. Мошенничество в эпоху цифровых технологий / Л.Г. Батракова // Коммуникация – Общество – Человек: Сборник научных трудов IV Национальной научно-практической конференции научно-педагогических и практических работников с международным участием, Ярославль, 09–11 октября 2025 года. – Ярославль, 2025. – С. 213–217.
3. Гармышев, Я.В. Квалификация мошенничества с использованием компьютерных технологий. Вопросы законодательства и правоприменительной практики / Я.В. Гармышев // Закон и право. – 2021. – № 2. – С. 76–82.
4. Желудков, М.А. Некоторые вопросы по выявлению латентности мошенничеств в сфере цифровых технологий / М.А. Желудков, Д.С. Дудник // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Кострома, 25–26 апреля 2024 года. – Кострома, 2024. – С. 223–227.
5. Королева, Л.П. Противодействие мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности с применением информационных технологий / Л.П. Королева, А.И. Гучмазов // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 245–251.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2023.
7. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани № 1–412/2025 от 27.08.2025 по делу № 1–412/2025 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/vJOEU8GakxWO/> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Судебный департамент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.02.2026).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

11. Ушаков, С. И. К вопросу об использовании специальных знаний при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием информационных технологий / С.И. Ушаков, Ю.Н. Наумова // *Право и управление*. – 2024. – № 3. – С. 204–209.

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Milaeva M.Yu.

Bauman Moscow State Technical University (national research university)

Fraud is complicated by the use of information and communications technology (ICT) as a method of committing crimes, which often leads to challenges in classification due to both legal gaps in the design of criminal provisions and the latent nature of such acts. For example, there are challenges in classifying fraud involving digital currencies and artificial intelligence, which are particularly prevalent in the criminal world. Consequently, this article places particular emphasis on identifying the challenges in legislative regulation of criminal liability for ICT fraud and substantiating recommendations for improving legal regulation in this area, including through the development of specific versions of criminal law provisions, which will improve the effectiveness of identifying and classifying such criminal acts in practice. The findings and proposals may be of particular scientific interest and may also find application in law enforcement and legislative development.

Keywords: fraud, digital technologies, artificial intelligence, information and communication technologies, digital currency.

References

1. Problems of qualification of fraud with the use of high information technologies / V.P. Alekhine, Yu.Yu. Bugaenko, I.S. Chiriev, P.S. Zhukova // *Humanities, socio-economic and social sciences*. – 2023. – No. 12. – Pp. 101–107.

2. Batrakova, L.G. Fraud in the digital age / L.G. Batrakova // *Communication – Society – Man: Collection of scientific papers of the IV National scientific and practical conference of scientific, pedagogical and practical workers with international participation*, Yaroslavl, October 9–11, 2025. – Yaroslavl, 2025. – Pp. 213–217.

3. Garmyshev, Ya.V. Qualification of fraud using computer technologies. Legislation and Law Enforcement Practice Issues / Ya.V. Garmyshev // *Law and Right*. – 2021. – No. 2. – P. 76–82.

4. Zheludkov, M.A. Some Issues on Detecting Latency of Fraud in the Sphere of Digital Technologies / M.A. Zheludkov, D.S. Dudnik // *Problems of Law Enforcement Activity at the Current Stage: Collection of Papers of the III All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference*, Kostroma, April 25–26, 2024. – Kostroma, 2024. – P. 223–227.

5. Koroleva, L.P. Combating Fraud in the Sphere of Entrepreneurship Using Information Technology / L.P. Koroleva, A.I. Guchmazov // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. – 2024. – No. 3 (62). – P. 245–251.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunications Networks, Including the Internet” // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 3. 2023.

7. Verdict of the Vakhitovsky District Court of Kazan No. 1–412/2025 of 27.08.2025 in Case No. 1–412/2025 // [Electronic resource]. – Access mode: <http://sudact.ru/regular/doc/vJOEU8GakxWO/> (date of access: 01.02.2026).

8. Judicial Department [Electronic resource]. – Access mode: <https://cdep.ru/?id=79> (date accessed: 01.02.2026).

9. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 25. Art. 2954.

10. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 “On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2017. No. 20. Art. 2902.

11. Ushakov, S.I. On the issue of using specialized knowledge in the investigation of fraud committed using information technology / S.I. Ushakov, Yu.N. Naumova // *Law and Management*. – 2024. – No. 3. – P. 204–209.

12. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on June 24, 2025) “On Information, Information Technologies, and Information Protection” // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

Кулиев Сиявуш Теймурович,
аспирант Института мировой экономики
E-mail: mamed12011978@mail.ru

В статье приводится определение киберпреступлений и охарактеризован спектр угроз, которые киберпреступления обуславливают; утверждается, что классификация киберпреступлений может быть построена на основе различных критериев и охарактеризованы их основные виды: представлен авторский подход к типологии киберпреступлений по сферам воздействия; подчеркивается, что отображение основных сфер воздействия помогает расставить приоритеты в защите от киберугроз для социального благополучия общества.

Ключевые слова: киберпреступления, информационно-телекоммуникационные технологии, IT-технология, сетевые компьютерные преступления, информационные, интернет-преступления.

Под киберпреступлениями понимаются такие преступные действия, которые осуществляются с использованием информационно-коммуникационных технологий, цифровых устройств и компьютерных сетей.

В российском уголовном законодательстве киберпреступления регулируются несколькими статьями Уголовного кодекса РФ [1]. Основные виды таких преступлений включают:

Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Это деяние заключается в несанкционированном доступе к охраняемой законом компьютерной информации, если оно повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации.

Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ). К этому виду преступлений относится создание, распространение или использование программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств её защиты.

Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Преступление заключается в нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, повлекшем уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации и причинившем крупный ущерб.

Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). Этот состав преступления направлен на защиту критической информационной инфраструктуры страны.

Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Подразумевает хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Преступление совершается с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчётной или иной платёжной карты.

Как представляется, в большинстве случаев киберпреступления соотносятся с травлей в интернете и онлайн-преследованиями, которые наносят глубокие психологические травмы (особенно, молодежи), порой доводя до трагических исходов. Распространение запрещенного контента и вербовка в экстремистские организации в социальных сетях размыывают традиционные общественные ценности, радикализируют общество.

Киберпреступления стали неотъемлемой частью современной цифровой эпохи, представляя собой сложное и многогранное явление. Их типология позволяет систематизировать знания о различных формах противоправной деятельности в киберпространстве. И это является ключевым для понимания их сущности, разработки мер противодействия и минимизации последствий [3].

Следует отметить, что киберпреступность не просто как правонарушение технического характера, а как деятельность, прямо посягающую на социальные основы общества. Ущерб конфиденциальности, целостности и доступности данных, причинение многоаспектного ущерба индивиду и государству, также квалификация этих деяний как общественно опасных – это все указывает на то, что объектом атак становятся сами социальные права граждан. Подрыв доверия к цифровым институтам, дестабилизация экономики, манипуляция общественным сознанием, угрозы критической инфраструктуре – все это также снижает социальную стабильность.

Эволюция методов преступников демонстрирует их способность быстро адаптироваться к новым технологиям и социальным трендам [11]. Активно развиваются схемы социальной инженерии, включая фишинг с использованием чат-ботов и копированием официальных ресурсов [6]. Особую озабоченность вызывает целенаправленная дея-

тельность против несовершеннолетних, где преступники маскируются под представителей образовательных учреждений. Начинается эра использования искусственного интеллекта для совершенствования атак, что требует адекватного технологического ответа. Региональные различия в уровне киберпреступности коррелируют с уровнем технологического развития территорий, – наиболее высокие показатели наблюдаются в регионах с развитой цифровой инфраструктурой, что подтверждает тесную связь между цифровизацией и киберрисками [13].

Для более детального анализа приведенных угроз перейдем от общих определений к структурированной классификации киберпреступлений, влияющих на социальную стабильность.

Классификация киберпреступлений может быть построена на основе различных критериев, таких как цель атаки, используемые методы, объект посягательства или мотивация правонарушителей. Однако, как справедливо указывает Б.Э. Шавалеев [16], наиболее наглядной и распространенной является типология, основанная на характере и направленности противоправных действий.

В частности, одной из наиболее экономически разрушительных категорий являются преступления, направленные на незаконное завладение финансовыми средствами. Сюда относятся разные мошеннические схемы: фишинг (когда злоумышленники под видом легитимных организаций выманивают у жертв конфиденциальные банковские данные); использование вредоносного программного обеспечения, – в частности, программ-шпионов (троянов) и программ-шантажистов (которые блокируют доступ к данным до выплаты выкупа).

Отдельное место занимает мошенничество с банковскими (платежными) картами (скимминг [9] и кардинг [10]). Экономический ущерб от таких преступлений исчисляется триллионами долларов ежегодно. Он подрывает доверие граждан к финансовым институтам и электронным платежным системам. А вирусные программы, незаметно внедренные в банковскую деятельность, годами могут осуществлять хищения средств со счетов, как частных лиц, так и компаний.

Следующая масштабная категория, – киберпреступления, связанные с посягательством на конфиденциальность, целостность и доступность данных. Кибератаки в этой сфере часто имеют, как подчеркивает П.Н. Кобец [7], не столько финансовую, сколько стратегическую или дестабилизирующую цель. Ярким примером являются атаки типа «отказ в обслуживании», когда злоумышленники перегружают серверы потерпевших огромным количеством запросов, выводя из строя веб-сайты, онлайн-сервисы и критически важную инфраструктуру [2]. Последствия таких атак могут парализовать работу интернет-сайтов, больниц, вызывая недовольство среди населения. Не менее опасными являются взломы баз данных, приводящие к утечке персональной информации многочисленных пользователей. Такие инциденты наносят репутационный ущерб, открывают возможность для последующих целевых атак, шантажа и кражи личных данных.

Особую угрозу представляют преступления против критической информационной инфраструктуры. Объектами атак становятся системы энергоснабжения, водоснабжения, транспорта, здравоохранения и связи. Успешная кибератака на такой объект может привести к катастрофическим последствиям, сопоставимым с последствиями стихийного бедствия или теракта. Например, взлом систем управления энергосетями может оставить без электричества целые города, а атака на информационные системы больницы, – напрямую угрожать жизни пациентов. Подобные действия – указывает Д.В. Пучков [12] – часто носят признаки кибертерроризма или кибершпионажа и могут осуществляться как криминальными группировками, так и государствами в рамках гибридных войн.

Отдельное внимание уделяется исследователями [4] преступлениям, нарушающим общественную безопасность и нравственность. К этой категории относится кибербуллинг, – травля и преследование в интернете. Она может довести жертвы, особенно подростков, до тяжелых психологических травм (и даже, – до суицида). Распространение запрещенного контента, – такого как, например, материалы с актами насилия, – также является серьезным киберпреступлением. Социальные сети и мессенджеры стали площадкой для вербовки в экстремистские и террористические организации. Там преступники используют различные методы манипуляции для вовлечения уязвимых лиц в противоправную деятельность [14].

Также, имеют место киберпреступления, связанные с нарушением авторских прав и интеллектуальной собственности. Пиратство, несанкционированное копирование и распространение программного обеспечения, фильмов, музыки и книг наносит, как указывает М.А. Константинов [8], серьезный ущерб креативным индустриям, а промышленный шпионаж, осуществляемый через кибератаки, позволяет недобросовестным конкурентам похищать коммерческие тайны, патенты

и ноу-хау. Это подрывает конкурентоспособность компаний и целых государств [5].

То есть, охарактеризованные киберпреступления обуславливают широкий спектр угроз, каждая из которых имеет свои специфические цели, методы и последствия – от финансового мошенничества до атак на критическую инфраструктуру. Все указанные формы противоправной деятельности эволюционируют вместе с технологиями, требуя адекватного и комплексного противодействия со стороны общества, бизнеса и государства.

Представленная типология наглядно демонстрирует, что различные виды киберпреступлений целенаправленно атакуют ключевые основы социальной стабильности. Экономически-ориентированные атаки подрывают финансовое благополучие граждан и доверие к экономическим институтам. Атаки на критическую инфраструктуру создают прямые угрозы физической безопасности и здоровью населения, парализуя жизнеобеспечение. Преступления против общественной безопасности размывают моральные устои общества, наносят психологические травмы. То есть, киберпреступность выполняет роль системного дестабилизатора, воздействуя одновременно на экономическую, физическую и психосоциальную составляющие социальной сферы общества.

В таблице 1 представлена многогранность и масштаб угроз, которые позволяют оценить, что киберриски, – это не только вопрос технологических сбоев, но и прямая угроза социальному благополучию и общественному порядку.

Таблица 1. Типология киберпреступлений по сферам воздействия [16]

Тип киберпреступления	Ключевые характеристики и методы	Основные сферы воздействия
Экономико-ориентированные преступления	Главная цель – прямая финансовая выгода. Методы: фишинг, вишинг, скимминг, вредоносное ПО (трояны, программы-вымогатели), кардинг, бизнес-компрометация по email.	Финансовая сфера (банки, платежные системы, финтех). Корпоративный сектор (любые компании как источник выкупа или мошеннических транзакций). Розничная онлайн-торговля.
Преступления против конфиденциальности и доступности данных	Цель: хищение, уничтожение, блокировка или публикация конфиденциальных данных; нарушение работы сервисов. Методы: взлом баз данных, DDoS-атаки, утечки инсайдерской информации.	Технологические компании и социальные сети (как владельцы массивов данных). Государственные учреждения (порталы услуг, базы данных). Здравоохранение (медицинские записи). Образование.
Преступления против критической инфраструктуры (КИИ)	Цель: саботаж, дестабилизация, причинение физического ущерба. Методы: целевые APT-атаки, внедрение в системы SCADA/ICS, создание уязвимостей в цепях поставок.	Энергетика (электросети, нефте- и газопроводы). Транспорт (управление движением, авиация, железная дорога). Водоснабжение и коммунальное хозяйство. Системы здравоохранения (больницы, лаборатории).
Преступления против общественной безопасности и нравственности	Цель: причинение психологического вреда, манипуляция общественным сознанием, распространение деструктивного контента. Методы: кибербуллинг, доксинг, создание и распространение запрещенного контента, вербовка в экстремистские группы.	Социальные сети и мессенджеры (основная площадка). Образовательная среда (школы, университеты). Информационно-психологическая сфера общества.

Представленная типология киберпреступлений позволяет систематизировать многообразие цифровых угроз, с которыми сталкивается современное общество. В ее основе не простое перечисление методов, а -ключевой критерий – первичная цель атаки. Такой подход помогает понять глубинные мотивы правонарушителей, и конечные последствия их действий, а также превращает хаотичный набор кибератак в структурированную систему: в ней каждая категория имеет четкие очертания и специфику.

Классификация киберпреступлений может быть многомерной. Однако, одной из наиболее наглядных является типология, основанная на основном объекте посягательства. В рамках указанной типологии

можно выделить несколько крупных, дуализированных, но концептуально разных категорий.

Составленная типология, во-первых, позволяет выявить мотивационное ядро каждого типа преступлений. Четкое разделение на экономические, дестабилизирующие и социально-разрушительные деяния позволяет понять, не «что» делают злоумышленники, а «зачем» они это делают. Это критически важно для профайлинга преступников, прогнозирования их следующих шагов. Например, финансовая мотивация предполагает поиск новых способов монетизации [15]. А атака на критическую информационную инфраструктуру (далее – КИИ) может преследовать политические или идеологические цели, и – это требует совершенно иного подхода к защите и ответным мерам.

Во-вторых, наглядно демонстрирует трансграничный и межсекторный характер киберугроз. Один и тот же метод, например, вредоносное программное обеспечение может использоваться в разных категориях: программа-вымогатель может атаковать как частную компанию (экономическая категория), так и больницу (критическая информационная инфраструктура). Но последствия будут кардинально разными. Это показывает, что защитные меры не могут быть универсальными: они должны быть адаптированы под специфику и критичность защищаемого актива.

В-третьих, отображение основных сфер воздействия помогает расставить приоритеты в защите от киберугроз для социального благополучия общества. Становится очевидно, что воздействие на финансовый сектор и критическую инфраструктуру имеет наибольшие системные риски, вызывающие каскадный эффект в экономике и социальной жизни. В то же время, преступления против общественной безопасности, хотя и не всегда ведут к прямым финансовым потерям, разрезают социальную ткань, подрывая доверие и чувство безопасности граждан.

Представленная типология не только систематизирует киберугрозы через призму их мотивации и приоритетности, но и указывает их прямое воздействие на самые уязвимые группы населения. В сфере труда и социального обеспечения экономически мотивированные атаки (например, мошенничество с выплатами или блокировка систем соцслужб) лишают средств к существованию пенсионеров, инвалидов и многодетные семьи. Социально-разрушительные преступления, – кибербуллинг, доксинг и психологические манипуляции, – наносят глубокие травмы, разрушают личное пространство, подрывают чувство защищенности.

Это методологическое понимание структуры угроз находит свое прямое подтверждение в объективных количественных данных, которые демонстрируют растущие масштабы явления.

Представленная структурированная классификация киберпреступлений определяет следующие ее значения – она:

– Наглядно демонстрирует, как различные виды киберпреступлений целенаправленно атакуют разные основы социальных структур общества: от финансового сектора, – где главной целью является прямая экономическая выгода, – и до критической инфраструктуры, – где на кону стоит физическая безопасность и стабильность государства.

– Служит важным аналитическим инструментом. Она дает возможность идентифицировать приоритетные направления защиты в зависимости от их сферы деятельности и уязвимостей. Понимание того, какая категория угроз оптимальнее всего для конкретного сектора, является первым шагом к построению эффективной и целенаправленной системы кибербезопасности.

– Является не просто классификатором, а стратегической картой угроз. Она позволяет осознать многогранность киберпреступности в целом, и выстроить многоуровневую, скоординированную систему защиты социальных прав.

Таким образом, представленная типология предлагает структурированный взгляд на ландшафт киберпреступлений, группируя их по доминирующей цели и основным сферам воздействия. Значение представленного в ней подхода заключается в наглядном отображении того, как разные типы цифровых атак могут представлять угрозу для различных сегментов социальной стабильности в обществе.

Киберпреступления, ориентированные на снижение социальной стабильности составляют, по разным оценкам, большую долю всей противоправной активности в сети. Киберпреступления против конфиденциальности, целостности и доступности данных, – это, к примеру, масштабные утечки персональных данных. Когда, в результате взлома баз данных, в открытый доступ или на темновые форумы попадают личные данные миллионов пользователей: паспортные данные, адреса, переписки, медицинские истории. В отличие от сугубо финансовых атак, здесь цель может быть шире: нанесение репутационного ущерба, дестабилизация работы организации или получение доступа к стратегической информации.

Особую группу составляют киберпреступления против критической информационной инфраструктуры (КИИ). Атаки на КИИ направлены на системы, отказ или нарушение работы которых может привести к катастрофическим последствиям для национальной безопасности, здоровья населения и экономики.

Наконец, существует обширный пласт киберпреступлений против общественной безопасности и нравственности. К ним относится кибербуллинг, – систематическая травля и преследование в интернете, которая может доводить жертв, особенно подростков, до тяжелых депрессий и суицидов; распространение запрещенного контента (это материалы, пропагандирующие насилие и экстремизм; детская порнография).

В заключении отметим, что современное киберпространство стало новой, пятой сферой человеческой деятельности наряду с сушей, морем, воздухом и космосом. И оно породило свой собственный, уникальный спектр угроз. Эти угрозы, объединяемые под общим термином «киберпреступления», отличаются крайним разнообразием по своим целям, методам и последствиям. Для их системного понимания, прогнозирования и эффективного противодействия необходима четкая типология, которая позволит классифицировать эти противоправные деяния по ключевым признакам. Такой подход не только структурирует знания, но и выявляет уязвимые точки цифрового общества.

Предложенная типология киберпреступлений по сферам воздействия наглядно демонстрирует, что киберпреступность, – это не монолитное явление, а сочетание разнонаправленных угроз. И все эти формы требуют дифференцированного подхода к их профилактике, расследованию и нейтрализации. Понимание этой типологии является необходимым шагом для построения эффективной системы кибербезопасности на всех уровнях обеспечения социальной стабильности.

Литература

1. Федеральный закон от 25.05.2023 № 189-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3479.
2. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–23.
3. Вилисова И.Б. Предотвращение киберпреступлений согласно УК РФ // EESJ. 2022. № 9 (85). С. 35–38.
4. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16), С. 89–92.
5. Исаева К.А., Эркинбеков Э.Э. Теоретические и уголовно-правовые аспекты шпионажа // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 523–525.
6. Киберпреступность в России и СНГ 2023–2024 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ict.moscow/projects/ai/research/kiberprestupnost-v-rossii-i-sng-2023-2024/> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Кобец П.Н. Правовые основы предупреждения киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2 (85). С. 101–105.
8. Константинов М.А. Война за информацию: стратегии защиты от промышленного шпионажа // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 11. С. 288–292.
9. Маргарян Я.А., Овчинникова Н.Г., Жабько Л.Л. Актуальные проблемы мошенничества в сфере финансов // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 37 С. 1–6.
10. Морозова Н.В., Мамчуев А.К., Хатуаев Т.А. Мошенничество при обслуживании банковских карт // Вестник Академии знаний. 2022. № 6 (53) С. 346–349.
11. Названы самые популярные мошенничества 2025 года и способы борьбы с ними [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2025/10/05/nazvany-samye-populyarnye-moshennichstva-2025-goda-i-sposoby-borby-s-nimi.html> (дата обращения: 23.01.2026).
12. Пучков Д.В. Кибертерроризм как новая угроза // Викимолочия. 2021. Т. 8. № 4. С. 382–390.
13. Россия – одна из стран с очень высоким уровнем киберугроз [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://techno.st/materials/rossiya-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-poloviny-prestuplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (дата обращения: 23.01.2026).
14. Серебренникова А.В. Кибертерроризм: причины и условия // Colloquium-journal. 2021. № 17 (104). С. 47–49.
15. Тишкин Д.Н., Артюхин О.А., Крицкая А.А. К вопросу о технологии гибридной войны: проблемы организованной преступности // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 157–164.

16. Шавалеев Б.Э. Классификация киберпреступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 3 (49). С. 93–97.

TYPES OF CYBERCRIMES UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW

Kuliev S.T.

Institute of World Economy

This article defines cybercrimes and describes the range of threats that cybercrimes pose; it is argued that the classification of cybercrimes can be built on the basis of various criteria and their main types are characterized: the author's approach to the typology of cybercrimes by areas of influence is presented; it is emphasized that the display of the main spheres of influence helps to prioritize protection against cyber threats for the social well-being of society.

Keywords: cybercrimes, information and telecommunication technologies, IT technologies, network computer crimes, information, and Internet crimes.

References

1. Federal Law of May 25, 2023 No. 189-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 22. Article 3479.
2. Bartosh A.A. Interaction in hybrid warfare//Military thought. 2022. № 4. P. 6–23.
3. Vilisova I.B. Prevention of cybercrimes according to the Criminal Code of the Russian Federation//EESJ. 2022. № 9 (85). P. 35–38.
4. Gazizyanov T.A., Mansurova Z.R. Psychology of cyberbullying. Types and reasons for cyberbullying//Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023. NO. 4 (16). P. 89–92.
5. Isaeva K.A., Erkinbekov E.E. Theoretical and criminal legal aspects of espionage//Agrarian and land law. 2025. № 2. P. 523–525.
6. Cybercrime in Russia and the CIS 2023–2024 [Electronic resource] Access mode: <https://ict.moscow/projects/ai/research/kiberprestupnost-v-rossii-i-sng-2023-2024/> (accessed: 23.01.2026).
7. Kobets P.N. Legal foundations for the prevention of cybercrimes: domestic and foreign experience//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (85). P. 101–105.
8. konstantinov M.A. War for information: strategies for protection against industrial espionage//Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 11. P. 288–292.
9. Margaryan Y.A., Ovchinnikova N.G., Zhabyko L.L. Actual problems of fraud in the field of finance//Economics and modern management: theory and practice. 2014. № 37. S. 1–6.
10. Morozova N.V., Mamchuev A.K., Khatuaev T.A. Fraud in servicing bank cards//Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. № 6 (53) P. 346–349.
11. Named the most popular scams of 2025 and ways to combat them [Electronic resource] Access mode: <https://www.mk.ru/economics/2025/10/05/nazvany-samye-populyarnye-moshennichestva-2025-goda-i-sposoby-borby-s-nimi.html> (accessed: 23.01.2026).
12. Puchkov D.V. Cyberterrorism as a new threat//Victimology. 2021. VOL. 8. № 4. P. 382–390.
13. Russia is one of the countries with a very high level of cyber threats [Electronic resource] Access mode: <https://techno.st/materials/rossiia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-pолоviny-prestuplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (contact date: 23.01.2026).
14. Serebrennikova A.V. Cyberterrorism: reasons and conditions//Colloquium-journal. 2021. № 17 (104). P. 47–49.
15. Tishkin D.N., Artyukhin O.A., Kritskaya A.A. To the question of hybrid warfare technology: problems of organized crime//Philosophy of law. 2020. № 1 (92). P. 157–164.
16. Shavaleev B.E. Classification of cybercrimes//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (49). P. 93–97.

Возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (280 УК РФ): криминологическое исследование

Кургузкина Елена Борисовна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
юриспруденции, АНОО ВО «Воронежский экономико-
правовой институт»

E-mail: lawprof2020@mail.ru

Потапов Арсений Вячеславович,

аспирант кафедры юриспруденции, АНОО ВО «Воронежский
экономико-правовой институт»

E-mail: arsenya-potapov@mail.ru

Бор Андрей Андреевич,

аспирант кафедры юриспруденции, АНОО ВО «Воронежский
экономико-правовой институт»

E-mail: bor.aa@list.ru

Исследование посвящено пониманию экстремизма и экстремистской деятельности, проводится сравнительный анализ на основе судебной статистики состояния, динамики преступлений в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), определяется возможный прогноз развития данных видов преступности. На основе криминологического анализа данных о лицах, совершающих преступления в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, сформирован криминологический портрет личности, склонной к совершению исследуемых преступлений, который можно использовать для индивидуальной профилактики данных преступлений.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, экстремизм, возбуждение ненависти, призывы к экстремизму, личность преступника.

Опасность экстремизма и экстремистской деятельности в мире и в Российской Федерации, в частности, не вызывает сомнений. Исследованию различных аспектов экстремизма и экстремистской деятельности посвящены ряд научных работ [1,2,3,5,9]. Однако сравнительного криминологического анализа ст.ст. 282 и 280 УК РФ не проводилось.

Законодательное определение экстремизма даётся в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114.

В соответствии со ст. 3 ФЗ № 114 противодействие экстремистской деятельности должно осуществляться по следующим основным направлениям: 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности и 2) выявление предупреждение и пресечения экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Для успешного осуществления противодействия экстремистской деятельности необходимо иметь представление о динамике преступлений экстремистской направленности, а также об имеющих существенное значение для индивидуальной профилактики характерных признаках и чертах личности экстремистов.

Проведённые криминологическое исследование охватывает пятилетний период в 2020 по 2024 годы. Анализу подвергались данные по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 280 и 282 УК РФ, Всего за исследуемый период было зарегистрировано 512 преступлений в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и 2374 публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) [8].

Исследование данных уголовной статистики за пять лет с 2020 по 2024 годы по применению ст.ст. 280 и 282 УК показывает при определённых колебаниях тенденцию увеличения числа преступлений данного вида. Если за 2020 год было совершено 63 преступления, предусмотренных ст. 282 УК РФ, и 367 преступлений, предусмотренных ст. 280 УК РФ, то до 2022 года включительно наблюдается безусловный рост указанных преступлений соответственно до 150 и 660 случаев. В 2023 году отмечается довольно резкое снижение до 88 и 394 преступлений соответственно. Затем вновь отмечается рост до 120 и 467 за 2024 год.

Показатели динамики по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 282 и 280 УК РФ показывают абсолютный базисный прирост к 2020 году плюс 100 и плюс 57 случаев. Экстраполирование абсолютных цепных изменений возбуждения ненависти и вражды и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности определяет вектор возрастания данных криминальных деяний. При этом, если за 2021 год оно составило 23 и 119 преступлений соответственно, за 2022 год – 69 и 174, то за 2023 год по отношению к предыдущему наблюдаются абсолютные цепной спад минус 67 и минус 266 криминальных деяний исследуемых видов. Затем за 2023 год вновь наблюдается абсолютный цепной прирост 22 и 73 деяния соответственно.

Темп роста базисный за исследуемый пятилетний период характеризуется в основном положительными показателями. Базисный темп роста за 2024 год по отношению к 2020 году составил 190% пуск и 127%. При этом базисный темп роста увеличился 2022 году затем замедлился к 2024 году.

Цепной темп роста исследуемых преступлений, предусмотренных статьями 282 и 280 УК РФ имеет в целом положительную динамику. За 2021 год темп роста цепной составил 137% и 132% соответственно от уровня 2020 года, за 2022 год – 180% и 136% от предыдущего года, за 2023 год – 57% и 60% от уровня 2022 года, за 2024 год – 136% и 119% от предыдущего года.

Темп прироста базисный по преступным проявлениям в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, а также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности развивался в основном в разной степени ин-

тенсивности в сторону увеличения и за 2024 год относительно 2020 года составил 90% и 27% соответственно.

Цепной темп прироста в основном развивался по нарастающей и составляет за 2021 год 37% и 32%; за 2022 год – 80% и 36%; за 2023 год минус 40% и минус 43%; за 2024 год – 20% и 19%.

Динамика темпа наращивания к уровню 2020 года составила 36% и 32%; к уровню 2023 года – 110% и 47%. Затем наблюдалось снижение темпа до минус 106% и минус 72% к уровню 2022 года. Затем снова наблюдалось наращивание темпа совершения исследуемой группы преступлений.

Выборочный анализ показывает, что чаще всего данные преступления совершаются в интернет-пространстве.

Например, Б. был осуждён Октябрьским райсудом г. Саратова по части первой статьи 282 УК за то, что совершил действия направленные на возбуждение ненависти и вражды и а также на унижение достоинства гражданина по признакам принадлежности к русской нации, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе патриотов, с использованием сети «Интернет» в социальной сети «В контакте» [6].

Или Октябрьским райсудом г. Саратова по ст. 280 УК РФ был осуждён А., у которого сложилось негативное мнение в отношении органов власти и, реализуя преступный умысел, направленный на публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, используя персональный компьютер и сеть «Интернет», понимая, что размещение информации будет доступно неограниченному кругу лиц, выложил на своей странице в социальной сети «В контакте» текст, содержащий призывы стрелять приверженцев руководства страной, то есть совершил действия, направленные на публичные призывы к воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, соединённые с насилием либо угрозой его применения, что является экстремистской деятельностью. Кроме того размещал на своей странице в сети «Интернет» неоднократно нацистскую символику [7].

За исследуемые 5 лет к уголовной ответственности было привлечено 355 (по ст. 282 УК РФ) и 1.355 человек (по ст. 280 УК РФ) соответственно. Из них по наиболее тяжкому составу 252 и 1.236. В динамике количество привлечённых к уголовной ответственности лиц варьировала от 34 и 265 за 2020 год до 87 и 312 в 2024 году соответственно. Рост совершивших эти преступления шёл не плавным, а волнообразно. Пик приходится на 2022 год – 94 и 370 человек соответственно.

По половому составу большинство преступлений в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, а также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершаются мужчинами. Женщины составляют соответственно 5% и 6% от совершивших исследуемые преступления.

По признакам возраста за период с 2020 по 2024 годы лиц совершивших, уголовно наказуемые деяния, предусмотренные ст.ст. 282 и 280 УК РФ с 16 до 17 лет составляет 4% и 5%, с 18 до 24 лет – 13% и 14%, с 25 до 29 лет – 10% и 13%, с 30 до 49 лет – 30% и 51%, старше 50 лет – 18% и 6%.

Средний возраст лиц, склонных к совершению исследуемых деяний, рассчитанных с использованием интервального вариационного ряда при помощи средней арифметической взвешенной, составил 36 лет.

Принято считать, что обычно высокий уровень образования является антикриминогенным фактором. В данном же случае следует признать, что лица с начальным образованием и неграмотные составляют меньшинство из всех изучаемых лиц, совершивших криминальные деяния данного вида. Лица, имеющие начальное образование, составляют соответственно 10% и 13% от всех преступников указанной категории за исследуемые 5 лет. Лица, не имеющие начального образования – 26% и 14%. Совершившие преступления, предусмотренные ст.ст. 282 и 280 УК РФ, имеющие высшее и среднее профессиональное образование – 40% и 48%; имеющие среднее образование – 24% и 25%. То есть, при совершении анализируемых преступлений у достаточно большой группы лиц высокий уровень образования способствует экстремистским проявлениям.

Полагаем, что для данной категории преступников образование как бы расширяет возможности получения негативной информации и использования её для формирования мировоззрения определённой направленности, приводящей к экстремистским выпадам.

Местные жители совершают указанные преступления соответственно в 61% и 85% от общего числа указанных категорий лиц. Из всех совершивших данные преступления соответственно 69% и 91% граждане России.

Среди лиц, привлечённых за исследуемый период к ответственности по ст.ст. 282 и 280 УК РФ, ранее совершали преступления в 31% и 28% случаев соответственно.

Группой лиц преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст.ст. 282 и 280 УК РФ, совершено немного: в общей сложности 7% и 1% соответственно.

По социальному положению исследуемые экстремистские преступления совершались наёмными рабочими в 15% и 27% случаях; служащими – в 4% и 3%; предпринимателями – в 0,3%, и 1%; учащимися – в 1% и 2%; студентами – в 2% и 2%; лицами без постоянного источника дохода – в 40% и 46%. Иными словами, среди совершающих данные преступления лица без постоянного источника дохода составляют самую многочисленную группу.

В состоянии алкогольного опьянения совершается 3% и 0,8%, что свидетельствует об умышленном неспонтанном характере экстремистской деятельности.

Исследовав аналитические данные, можно сформировать обобщённый портрет преступника, совершающего преступления в виде возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, а также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Это мужчина примерно 36 лет, имеющий высшее или средне-техническое образование, не имеющий постоянного источника дохода, гражданин России, местный житель.

Проведённый криминологический анализ может быть использован для предупреждения преступлений экстремистской направленности.

Литература

1. Антонян Ю.М. Понятие и причины экстремизма/ Ю.М. Антонян, В.А. Ратицкая// Научный портал ВНИИ МВД России. 2021. № 4 (56). С. 21–29.
2. Бадаева Ю.Р. Криминологический портрет личности преступника, совершившего преступление, предусмотренное статьей 282 УК РФ/Ю.Р. Бадаева// Молодой учёный. 2019. № 47 (285). С. 255–257.
3. Долин В.А. Этнорелигиозный экстремизм: сущностные признаки и факторы возникновения / В.А. Долин // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 2 (85). С. 176–180.
4. Кургузкина Е.Б. Понятие экстремизма/ Е.Б. Кургузкина// Научный портал МВД России. 2010 № 1. С. 101–105.
5. Махмутова К.М. Проблемы определения понятия «экстремизм» / К.М. Махмутова // Научный электронный журнал «Меридиан». 2021. № 9 (62). С. 123–125.
6. Приговор по уголовному делу № 1–252/ 2023 Волжского районного суда г. Саратова от 11.09.2023.
7. Приговор по уголовному делу № 1–28/2017 Октябрьского районного суда г. Саратов от 27.02.2017.
8. Сводный отчет по России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» // ГИАЦ МВД России за 2020 г.; 2021 г.; 2022 г.; 2023 г.; 2024 г.
9. Экстремизм и его причины/ Ю.М. Антонян, А.В. Растокинский, Я.И. Гишинский, И.Ю. Сундиев, В.В. Аванесян. М.: Логос, 2020. 312 с.

INCITEMENT OF HATRED OR ENMITY, AS WELL AS HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY (ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND PUBLIC CALLS FOR EXTREMIST ACTIVITIES (280 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Kurguzkina E.B., Potapov A.V., Bor A.A.
Voronezh Institute of Economics and Law

The article is dedicated to comprehending extremism and extremist action, spends a relative analysis restye on forensic statistics of the position and dynamics of felony in the form of arousal to loathing or enmity, as well as debasement of human merit (art. 282 of the Criminal Code) and public invocation for extremist activity (art. 280 of the Criminal Code), identifies the feasible prognosis of the clarification of these sorts of felony. Repose on the criminological analysis of information on persons who commit crimes in the form of arousal to loathing or enmity, as well as debasement of human merit and public invocation for extremist activity, a criminological portrait of a person inclined to commit the crimes under investigation has been formed, which can be used for individual prevention of these crimes..

Keywords: criminological characteristics, extremism, incitement to hatred, calls for extremism, criminal identity.

References

1. Antonyan, Yu.M. The concept and causes of extremism/ Yu.M. Antonyan, V.A. Ratchitskaya // Scientific Portal of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (56). According to S. N. 21–29.
2. Badaeva Yu.R. Criminological portrait of the personality of the criminal who committed the crime under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation/Yu.R. Badaeva // A young scientist. 2019. № 47 (285). According to s.n. 255–257.

3. Dolin V.A. Ethnoreligious extremism: essential signs and factors of occurrence / V.A. Dolin // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 28. No.2 (85). According to S. N. 176–180.

4. Kurguzkina E.B. The concept of extremism/ E.B. Kurguzkina// Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010 No. 1. pp.101–105

5. Makhmutova M.N. Problems of defining the concept of “extremism” / M.N. Makhmutova // Scientific electronic journal Meridian. 2021. № 9 (62). According to S. N. 123–125.

6. Verdict in criminal case No. 1–28/2017 of the Oktyabrsky District Court of Saratov dated 27.02.2017.

7. Verdict in criminal case No. 1–252/ 2023 of the Volzhsky District Court of Saratov dated 11.09.2023.

8. Summary report on Russia “on the state of crime and the results of the investigation of crimes” // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2020; 2021; 2022, 2023, 2024.

9. Extremism and its causes/ Yu.M. Antonyan, A.V. Rastokinsky, Ya. I. Gilinsky, I. Yu. Sundiev, V.V. Avanesyan, M.: Logos, 2020. pp. 312.

Эволюция и перспективы развития российского законодательства о противодействии кибертерроризму

Милаева Майя Юрьевна,

к.ю.н., доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: milaeva-bmstu@mail.ru

Соколов Максим Юрьевич,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире»,
Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: 25082006ms@gmail.com

В работе анализируется эволюция российского антитеррористического законодательства в контексте вызовов цифровой эпохи. Констатируется, что действующие нормы УК РФ и Федерального закона «О противодействии терроризму» носят фрагментарный характер и не образуют целостной системы для квалификации кибератак террористической направленности, что приводит к правовой неопределённости и проблемам в правоприменении. На основе анализа международного опыта и моделей правового регулирования (ЕС, США, Китай) обосновывается необходимость криминализации кибертерроризма как отдельного состава преступления. Ключевым предложением является введение в Уголовный кодекс РФ специальной статьи 205.7 «Кибертеррористический акт» с детализацией объективных и субъективных признаков. Для эффективной реализации нормы также рекомендуется синхронизировать терминологию в профильном законе и оптимизировать межведомственное взаимодействие силовых структур и спецслужб.

Ключевые слова: кибертерроризм, антитеррористическое законодательство, квалификация преступлений, криминализация, правовая неопределённость.

Введение

Анализ текущего правового поля показывает, что формирование анти-террористического законодательства Российской Федерации началось с принятия базовых нормативных актов, определяющих общие подходы к противодействию терроризму. В 1990-х годах были заложены основы правового регулирования через Уголовный кодекс РФ, где статьи 205 и 205.1 устанавливали ответственность за террористические акты и содействие террористической деятельности. Эти нормы отражали традиционные представления о терроризме как о физическом насилии или угрозе его применения. Дальнейшее развитие законодательной базы произошло в 2006 году с принятием Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который систематизировал правовые механизмы борьбы с этим явлением. Закон ввел понятие террористической деятельности, определил полномочия органов власти и установил основы международного сотрудничества. Однако данный нормативный акт не учитывал специфику цифровых технологий. Переход к цифровой эре потребовал переосмысления традиционных подходов к безопасности. «Термин „кибертерроризм“ впервые был использован сотрудником Калифорнийского института безопасности и разведки Барри К. Коллинсом в середине 1980-х годов [10, с.189]». Это понятие постепенно вошло в международный дискурс, поставив перед российским законодателем задачу адаптации существующих норм к новым вызовам.

Первые шаги по модификации правовой базы в ответ на киберугрозы были предприняты в 2010-х годах через внесение изменений в Уголовный кодекс РФ. Добавление статьи 273.1 в 2013 году криминализировало создание и распространение вредоносных компьютерных программ, что стало реакцией на рост киберпреступности. Однако данные нормы не содержали прямых указаний на террористическую составляющую компьютерных атак. Специфика кибертерроризма была частично учтена в 2016 году с принятием поправок к Федеральному закону «О противодействии терроризму». В статье 3 появилось упоминание об информационно-телекоммуникационных сетях как возможной среде совершения террористических актов. Параллельно в УК РФ ввели статью 205.6, устанавливающую ответственность за несообщение о преступлениях террористической направленности, включая кибератаки. Дальнейшее развитие законодательства проявилось в утверждении Стратегии противодействия терроризму в РФ на период до 2025 года, где отдельный раздел посвящен киберугрозам. Документ предусматривает меры по защите критической информационной инфраструктуры и созданию системы мониторинга киберпространства. Тем не менее, эти положения носят декларативный характер и требуют конкретизации в отраслевом законодательстве.

Стоит отдельно выделить один из основополагающих стратегических документов государства. Так, согласно п. 45, пп. «г» «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 05.10.2009) (далее концепция) кадровое обеспечение противодействия терроризму осуществляется по следующим основным направлениям: подготовка специалистов в специфических областях противодействия терроризму (противодействие идеологии терроризма, ядерному, химическому, биологическому терроризму, кибертерроризму и другим его видам) [8]. Таким образом, из анализа указанной нормы можно сделать вывод, что под кибертерроризмом понимается разновидность терроризма. Исходя из системного толкования, данное преступление можно определить как разновидность идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий в киберпространстве.

Динамика законодательных изменений отстает от скорости развития кибертеррористических угроз. Существующие нормы сохраняют фрагментарный характер, не образуя целостной системы противодействия таким преступлениям. Отсутствие легального определения кибертерроризма затрудняет квалификацию соответствующих деяний и применение мер ответственности. Анализ эволюции законодательства выявляет необходимость разработки специальных составов преступлений, учитывающих особенности кибертерроризма. Совершен-

ствование правовой базы должно включать как репрессивные меры, так и превентивные механизмы защиты информационной инфраструктуры.

Основная часть

Проведенный анализ показывает, что существующие нормы Уголовного кодекса РФ и Федерального закона «О противодействии терроризму» имеют ограниченную применимость к киберпространству. Статьи УК РФ, обозначенные как ст. 205 и ст. 205.1–205.5, закрепляют ответственность за террористические деяния и сопряженные с ними составы преступлений, устанавливая признаки общественно опасных действий и их последствий. Текст этих норм традиционно ориентирован на причинение значительного вреда людям и общественному порядку, что исторически соотносилось с физическими методами совершения преступлений. Ключевые элементы состава терроризма, такие как направленность на запугивание населения, создание угрозы жизни и здоровью или вывод из строя жизненно важных систем, остаются неопределёнными при анализе киберопераций, способных вызвать аналогичные последствия. Однако установление причинно-следственной связи между кибератакой и физическими последствиями представляет собой методологическую и доказательственную проблему. Вследствие этого правоприменение на практике требует консервативной интерпретации норм и часто опирается на расширительные толкования, что повышает правовую неопределённость. Таким образом, существующая конструкция статей может быть применена к отдельным инцидентам с использованием цифровых средств, но делает это фрагментарно. Практика демонстрирует, что без явного нормативного указания на цифровые способы совершения террористических актов остаются риски несогласованного квалифицирования деяний. Это указывает на потребность в законодательном уточнении.

Федеральный закон № 35-ФЗ формулирует общие определения терроризма и мер по его противодействию, ориентированные на комплексный юридический и организационный ответ. Дефиниции в законе подчеркивают угрозу публичной безопасности и необходимость принятия превентивных мер, однако в тексте отсутствует системное выделение действий в цифровой среде как самостоятельного способа совершения террористических преступлений. Такая формулировка затрудняет однозначную квалификацию действий, которые по своей природе остаются нематериальными и не сопровождаются традиционными признаками физического насилия. Отсутствие нормативно закреплённой терминологии, соотносимой с информационными операциями и инцидентами в киберпространстве, создаёт правовую неоднородность при применении мер, предусмотренных законом. В результате правоохранительные органы и специальные службы вынуждены адаптировать существующие процедуры к цифровому контексту, что усложняет оперативное реагирование и правовую оценку деяний. Необходимы целевые поправки, которые обеспечат сопоставимость понятийного аппарата закона с реалиями цифровых угроз.

В правоприменительной практике выявляются коллизии вследствие пересечения компетенций разных правоохранительных институтов и различий в подходах к квалификации киберинцидентов. Одни ведомства склонны рассматривать такие инциденты как киберпреступления с целью привлечения по статьям, связанным с компьютерной безопасностью, тогда как другие настаивают на квалификации как террористических деяний при наличии признаков общественной опасности. Эта неоднородность приводит к разнонаправленной судебной практике и затрудняет формирование единых методик расследования. Техническая сторона установления принадлежности атаки конкретным субъектам и доказательства причинно-следственной связи между цифровой операцией и наступившими последствиями усложняет процесс квалификации. Последствием выявленных коллизий становится как неправильная квалификация инцидентов с общественно опасными последствиями, так и излишняя криминализация действий, не обладающих признаками террористической угрозы. Для минимизации таких рисков необходимы унифицированные методические рекомендации, межведомственные протоколы взаимодействия и целенаправленные изменения в нормативной базе.

В поисках оптимальных решений полезно обратиться к зарубежным моделям правового регулирования борьбы с кибертерроризмом.

1) Европейский союз выработал комплексный подход к регулированию кибертерроризма через директивы и агентства специализированного профиля. «Директива NIS (Directive on security of network and information systems) устанавливает обязательные требования к безопасности сетей и информационных систем операторов критической инфраструктуры» – данная норма обеспечивает превентивный контроль над ключевыми объектами. Механизмы взаимопомощи между государствами-членами ЕС позволяют оперативно реагировать на трансграничные киберугрозы. Такой подход демонстрирует баланс

между национальными интересами и общеевропейской безопасностью.

2) Соединённые Штаты Америки акцентируют внимание на расширенных полномочиях спецслужб и межведомственной координации. «Закон USA PATRIOT ACT предоставляет правоохранительным органам широкие возможности мониторинга цифровых коммуникаций при расследовании террористических угроз». Департамент внутренней безопасности DHS (Department of Homeland Security) координирует действия ФБР, АНБ и киберкомандования вооружённых сил. Эта модель отличается высокой степенью централизации управления в кризисных ситуациях.

3) Китайская модель делает акцент на государственном контроле над интернет-пространством и жёстком регулировании цифровых платформ. Концепция «киберсуверенитета» закреплена в национальном законодательстве, предусматривающем фильтрацию контента и идентификацию пользователей. «Закон КНР о кибербезопасности обязывает компании хранить данные на территории страны и предоставлять доступ по запросу властей». Подобный подход минимизирует риски внешнего вмешательства, но ограничивает развитие открытых цифровых экосистем.

Анализ успешных зарубежных практик выявляет три ключевых элемента эффективного противодействия кибертерроризму:

1) Превентивные меры включают регулярный аудит защищённости критической инфраструктуры и создание систем раннего предупреждения. В ЕС функционирует агентство ENISA, разрабатывающее стандарты кибербезопасности для государств-членов. Эти механизмы позволяют минимизировать уязвимости до реализации угроз.

2) Межведомственное взаимодействие обеспечивает согласованность оперативного реагирования. В США созданы специализированные киберподразделения в структурах ФБР и Министерства обороны, координирующие действия при кибератаках. «Совместные учения и единые протоколы обмена информацией повышают эффективность реагирования на инциденты». Европейский центр борьбы с киберпреступностью (EC3) демонстрирует аналогичную модель кооперации на национальном уровне.

3) Международное сотрудничество остаётся необходимым условием противодействия трансграничным киберугрозам. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция) устанавливает общие стандарты расследования цифровых инцидентов. «Двусторонние соглашения об экстрадиции и правовой помощи упрощают преследование преступников в юрисдикциях разных стран». Однако различия в национальных законодательствах продолжают затруднять унификацию подходов.

Адаптация зарубежного опыта к российским правовым реалиям требует учёта национальной специфики безопасности. Модель китайского «киберсуверенитета» может быть частично применена для усиления контроля над критической информационной инфраструктурой РФ. При этом европейские механизмы межведомственной координации целесообразно интегрировать в систему Национального центра управления обороной. Ограниченная применимость зарубежных норм обусловлена различиями в правовых системах и геополитических приоритетах. Российское законодательство должно сочетать жёсткие меры по защите цифрового пространства с участием в международных инициативах по стандартизации. «Разработка многоуровневой системы реагирования на кибертерроризм требует синтеза лучших мировых практик и национальных интересов».

«Сегодня с полной ответственностью можно утверждать о том, что международный кибертерроризм входит в число самых серьезных потенциальных угроз безопасности в мире. Его опасность становится более важной, чем проблематика, связанная с ядерным оружием или различными международными локальными конфликтами. Вследствие широкого и повсеместного распространения Интернета, и различных телекоммуникационных технологий, цифровая террористическая деятельность представляет угрозу для всей экономической или социальной глобальной системы [7, с.25]».

Действующее уголовное законодательство РФ содержит пробелы при квалификации кибератак террористической направленности. Статьи 205, 272 и 273 УК РФ не в полной мере охватывают комплексный характер таких деяний, особенно в части психологического воздействия на население и масштаба последствий. Отсутствие четкого разграничения между кибертерроризмом и смежными составами приводит к сложностям в правоприменительной практике. Необходимость выделения самостоятельного состава обусловлена потребностью в точном определении объекта посягательства и специфических способов совершения преступления.

Сравнительный анализ международного опыта криминализации кибертерроризма демонстрирует различные подходы к определению данного явления:

1) «Первая модель, преобладающая в 78% резолюций СБ ООН (2020–2023), акцентирует правовые аспекты, связывая терроризм с нарушением базовых принципов международного права. Типичным примером служит резолюция 2565 (2021), где террористические акты определяются как «преднамеренные нападения на гражданское население, противоречащие Женевским конвенциям и Уставу ООН» [16, с.47].»

2) Законодательство США и стран ЕС выделяет кибертерроризм в отдельную категорию, акцентируя цель дестабилизации критической инфраструктуры. Эти модели служат основой для адаптации российских норм с учетом национальной специфики.

Предлагаемая формулировка специального состава «кибертерроризм» должна включать объективные и субъективные признаки. К объективной стороне следует отнести противоправный доступ к информационным системам критической инфраструктуры и создание угрозы их функционированию. Субъективная сторона предполагает прямой умысел и цель нарушения общественной безопасности или воздействия на принятие решений органами власти.

Для устранения существующего пробела предлагается ввести в Главу 24 Уголовного кодекса Российской Федерации специальный состав – статью 205.7 «Кибертеррористический акт». Введение отдельной нормы обусловлено необходимостью точного отражения специфики объекта посяательства (информационные системы, сети и системы управления объектами критической информационной инфраструктуры), способов совершения (цифровые, нематериальные) и характера причиняемого вреда, который может носить не только физический, но и масштабный социально-экономический и психологический характер. Предлагаемая редакция статьи 205.7 УК РФ может иметь следующий вид:

Статья 205.7. Кибертеррористический акт

1. Воздействие на информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, системы управления объектами критической информационной инфраструктуры в целях дестабилизации их функционирования, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, если эти действия создали опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;
б) с использованием своего служебного положения;
в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба, —

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) с использованием вредоносных компьютерных программ;
б) путем несанкционированного доступа к компьютерной информации;

в) иными общеперсональными способами, — наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ, химических или биологических агентов;
б) повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;

в) повлекли умышленное причинение смерти человеку, — наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы.

Примечание. Лицо, участвовавшее в подготовке кибертеррористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Данная конструкция состава позволяет охватить как сами акты цифрового воздействия с террористической целью, так и их наиболее опасные квалифицированные виды, обеспечивая соразмерность наказания тяжести содеянного.

Обоснование необходимости криминализации кибертерроризма становится очевидным при рассмотрении гипотетического сценария кибератаки на автоматизированную систему управления энергетическим комплексом РФ. Злоумышленники, используя уязвимости SCADA-систем (Supervisory Control and Data Acquisition – «диспетчерское управление и сбор данных»), инициируют каскадное отключение подстанций в ключевом регионе. Подобные действия приводят к длительному нарушению энергоснабжения промышленных предприятий и объектов жизнеобеспечения населения. Данный пример иллюстрирует типичные цели кибертерроризма – дестабилизацию критической инфраструктуры и создание социальной напряженности. Квалификация указанных действий по действующему УК РФ вызывает сложности из-за отсутствия специального состава. Применение статей 205 (террористический акт) или 274.1 (неправомерный доступ к критической информационной инфраструктуре) не учитывает специфику комбинированных киберугроз. «Понятие „киберпреступность“ широко используется в криминологии и практической деятельности полиции... однако вопрос о точном и полном понимании... до сегодняшнего дня остается открытым» [6, с.94]. Это подтверждает необходимость четкой законодательной фиксации признаков кибертерроризма. Социально-экономические последствия описанного инцидента при отсутствии адекватной правовой оценки были бы значительными. Помимо прямых финансовых потерь от простоя предприятий, возникли бы системные риски для транспортной логистики и медицинских учреждений. Длительные перебои в энергоснабжении могли бы спровоцировать массовые беспорядки, создав дополнительные угрозы национальной безопасности. Отсутствие специальной нормы затрудняет оценку ущерба и возмещение вреда потерпевшим. Введение специального состава «кибертерроризм» в УК РФ позволило бы эффективнее предотвращать подобные инциденты. Четкие критерии противоправности действий в киберпространстве упростили бы доказывание умысла на дестабилизацию общества. Совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия на основе новой нормы ускорило бы реагирование на угрозы. Моделирование данного кейса подтверждает, что предлагаемые изменения минимизируют правоприменительные риски.

Наконец, успешная реализация новых норм требует их интеграции в систему государственного противодействия терроризму, что предполагает создание эффективных механизмов межведомственного взаимодействия и терминологических уточнений. В рамках Федерального закона «О противодействии терроризму» необходимо закрепить легальное определение «кибертеррористического акта», синхронизированное с предлагаемой уголовно-правовой нормой. Это создаст терминологическое единство. Ключевое значение имеет оптимизация межведомственного взаимодействия ФСБ, МВД, Роскомнадзора и Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ). Требуется:

1. Разработать и законодательно утвердить единые протоколы оперативного обмена информацией о киберугрозах террористической направленности.

2. Создать на базе НКЦКИ или Национального антитеррористического комитета (НАК) консолидированную платформу для мониторинга и анализа таких угроз.

3. Утвердить типовые методики расследования кибертеррористических актов, включающие правила сбора и фиксации цифровых доказательств.

4. Четко разграничить компетенции ведомств на всех стадиях – от выявления инцидента до процессуального расследования.

Заключение

Таким образом, анализ эволюции нормативной базы, международного опыта и конкретных инцидентов показывает, что существующие статьи УК РФ (205, 272, 273) не в полной мере охватывают специфику деяний, сочетающих террористические цели с цифровыми способами реализации, что ведет к правовой неопределенности и проблемам в квалификации.

В качестве основного решения предлагается комплекс взаимосвязанных мер:

1. Введение в УК РФ новой статьи 205.7 «Кибертеррористический акт», детально описывающей объективную сторону, цели и квалифицирующие признаки данного преступления.

2. Уточнение терминологии в Федеральном законе «О противодействии терроризму» и оптимизация межведомственных механизмов взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб для оперативного выявления, расследования и пресечения актов кибертерроризма.

Реализация данных предложений позволит сформировать целостную и адекватную современным вызовам правовую модель противодействия кибертерроризму в Российской Федерации. Это не только ликвидирует существующие пробелы, но и усилит стратегические позиции России в сфере международной кибербезопасности, создав основу для гармонизации подходов в рамках ЕАЭС, ШОС и других международных форматов.

Литература

1. Авсентьев А.О., Воронцова Д.П., Дворянкин С.В. и др. Факторы информационно-психологического воздействия, негативно влияющего на социальную среду // Безопасность информационных технологий. – 2025. – № 4. – С. 136–148.
2. Бегисhev И.Р., Денисов В.В. Метапреступность: ключевые криминологические горизонты цифровой эпохи // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – № 6. – С. 575–586.
3. Большаков А.Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 90–106.
4. Жмуров Д.В. Викимизация населения в глобальных цифровых конфликтах // Вопросы российского и международного права. – 2023. – № 5. – С. 504–514.
5. Извальцева, Е.В. Современный подход применения судебных экспертиз при расследовании преступлений террористической направленности / Е.В. Извальцева, М.Ю. Милаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 12(100). – С. 607–611. – EDN IIAIAL.
6. Карабеков К.О. Понятие киберпреступности в Российской Федерации и Республике Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – № 5. – С. 94–102.
7. Кобец П.Н. Кибертерроризм как важная угроза национальной безопасности Российской Федерации и основы его предупреждения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2022. – № 1. – С. 23–28.
8. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009. – URL: <https://rg.ru/documents/2009/10/20/zakon-dok.html> (дата обращения: 05.02.2026).
9. Мазуров В.А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУРа. – 2010. – № 1. – С. 41–45.
10. Мельник С.С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1. – С. 187–192.
11. Милаева, М.Ю. Значение судебной экспертизы для расследования по уголовным делам о киберпреступлениях / М.Ю. Милаева, К.О. Сафронов // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 10(98). – С. 71–76. – EDN HBOSTI.
12. Миронов, Б.А. Современный взгляд на понятие преступления в сфере компьютерной информации / Б.А. Миронов, М.Ю. Милаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 10(98). – С. 248–254. – EDN PSCTXD.
13. Степанов-Егианц В.Г. Понятийно-терминологические основы безопасного обращения компьютерной информации в уголовно-правовом аспекте // Право и политика. – 2015. – № 4. – С. 592–596.
14. Татаринова Л.Ф. Проблемы определения правовой природы информационного терроризма // Вестник. Серия международные отношения и международное право. – 2018. – № 4. – С. 71–74.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025 N 420-ФЗ). – Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 05.02.2026).
16. Холов С.Х. Концептуальные подходы к анализу терроризма как фактора дестабилизации современных международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2025. – № 1. – С. 41–52.

17. Захаров С.А. Современный взгляд на терроризм в России: спорные вопросы и их решения / С.А. Захаров, М.Ю. Милаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 4(92). – С. 533–541. – EDN SRBFVX.

THE EVOLUTION AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF RUSSIAN LEGISLATION ON COUNTERING CYBERTERRORISM

Milaeva M.Yu., Sokolov M.Yu.

Bauman Moscow State Technical University (National research university)

This paper analyzes the evolution of Russian anti-terrorism legislation in the context of the challenges of the digital era. It is stated that the current provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Countering Terrorism" are fragmented and do not form a coherent system for qualifying cyberattacks of a terrorist nature, which leads to legal uncertainty and problems in law enforcement. Based on an analysis of international experience and legal regulation models (EU, USA, China), the article substantiates the need to criminalize cyberterrorism as a separate crime. The key proposal is to introduce a special article 205.7 "Cyberterrorist Act" into the Criminal Code of the Russian Federation, detailing the objective and subjective characteristics. To effectively implement this provision, it is also recommended to synchronize the terminology in the relevant law and optimize the interagency cooperation between law enforcement agencies and special services.

Keywords: cyberterrorism, anti-terrorist legislation, criminal classification, criminalization, legal uncertainty.

References

1. Avsentyev, A.O., Vorontsova, D.P., Dvoryankin, S.V., et al. "Factors of Information and Psychological Impact Negatively Affecting the Social Environment" // Information Technology Security. – 2025. – No. 4. – pp. 136–148.
2. Begishev, I.R., Denisovich, V.V. "Metacrime: Key Criminological Horizons of the Digital Age" // All-Russian Criminological Journal. – 2025. – No. 6. – pp. 575–586.
3. Bolshakov, A.G. "The Phenomenon of Political Terrorism in the Era of the Information and Digital Revolution in Modern Society" // Political Science. – 2018. – No. 4. – pp. 90–106.
4. Zhmurov, D.V. Victimization of the Population in Global Digital Conflicts // Issues of Russian and International Law. – 2023. – No. 5. – P. 504–514.
5. Izvaltseva, E. V. A Modern Approach to the Application of Forensic Expertise in the Investigation of Terrorist-Related Crimes / E.V. Izvaltseva, M. Yu. Milaeva // Skif. Issues of Student Science. – 2024. – No. 12(100). – P. 607–611. – EDN IIAIAL.
6. Karabekov K.O. The Concept of Cybercrime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law. – 2022. – No. 5. – P. 94–102.
7. Kobets P.N. Cyberterrorism as the most important threat to the national security of the Russian Federation and the principles of its prevention // National security and strategic planning. – 2022. – No. 1. – Pp. 23–28.
8. The concept of countering terrorism in the Russian Federation: approved. by the President of the Russian Federation on 05.10.2009. – URL: <https://rg.ru/documents/2009/10/20/zakon-dok.html> (date of access: 05.02.2026).
9. Mazurov V.A. Cyberterrorism: concept, problems of counteraction // Reports of TUSUR. – 2010. – No. 1. – Pp. 41–45.
10. Melnik S.S. Legal regulation of cyberextremism and cyberterrorism: problems and prospects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1. – P. 187–192.
11. Milaeva, M. Yu. The Importance of Forensic Science for Investigating Criminal Cases Concerning Cybercrime / M. Yu. Milaeva, K.O. Safronov // Skif. Student Science Issues. – 2024. – No. 10(98). – P. 71–76. – EDN HBOSTI.
12. Mironov, B. A. A Modern View of the Concept of Computer Crime / B.A. Mironov, M. Yu. Milaeva // Skif. Student Science Issues. – 2024. – No. 10(98). – P. 248–254. – EDN PSCTXD.
13. Stepanov-Egiyants V.G. Conceptual and Terminological Foundations of Secure Handling of Computer Information in the Criminal Law Aspect // Law and Politics. – 2015. – No. 4. – P. 592–596.
14. Tatarinova L.F. Problems of Defining the Legal Nature of Information Terrorism // Bulletin. Series: International Relations and International Law. – 2018. – No. 4. – P. 71–74.
15. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 17.11.2025 N 420-F3). – Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (date of access: 05.02.2026).
16. Kholov S. Kh. Conceptual approaches to the analysis of terrorism as a factor in destabilizing modern international relations // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2025. – No. 1. – P. 41–52.
17. Zakharov S.A. A modern view of terrorism in Russia: controversial issues and their solutions / S.A. Zakharov, M. Yu. Milaeva // Skif. Issues of student science. – 2024. – No. 4 (92). – P. 533–541. – EDN SRBFVX.

Ольдеева Деля Антоновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: upravo2014@yandex.ru

В статье рассматриваются наиболее дискуссионные вопросы квалификации получения взятки, возникающие в современной правоприменительной практике. Особое внимание уделяется анализу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, проблемам определения признаков специального субъекта, отграничению оконченного преступления от неоконченной деятельности, а также разграничению взяточничества и смежных составов (в том числе дарение, провокация). На основе изучения судебной практики автором выявлены типичные ошибки в квалификации групповых форм взяточничества и предложены пути совершенствования правоприменения в условиях цифровизации экономических отношений. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда РФ, кассационных судов общей юрисдикции, а также статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Ключевые слова: получение взятки, должностное лицо, квалификация преступлений, судебная ошибка, группа лиц по предварительному сговору, провокация взятки, судебная практика, Пленум Верховного Суда, оперативно-розыскная деятельность.

Противодействие коррупции остается одним из приоритетных направлений уголовной политики Российского государства. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о том, что количество осужденных за преступления коррупционной направленности, хотя и демонстрирует тенденцию к стабилизации, продолжает оставаться на высоком уровне [1]. В структуре этих преступлений получение взятки (ст. 290 УК РФ) занимает особое место, поскольку посягает на основы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, дискредитируя их в глазах общества.

Однако простота законодательной формулировки состава получения взятки обманчива. Правоприменительная практика неизменно сталкивается с многочисленными сложностями при квалификации содеянного по ст. 290 УК РФ. Эти сложности обусловлены как бланкетным характером уголовно-правовых норм, отсылающих к массиву административного и служебного законодательства, так и многообразием способов маскировки преступной деятельности, а также активным развитием общественных отношений, в том числе связанных с цифровизацией экономики.

Целью настоящей работы является комплексный анализ наиболее актуальных проблем квалификации получения взятки, выявление причин судебных ошибок и формулирование научно обоснованных рекомендаций по их устранению. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотреть новеллы в разъяснениях высшей судебной инстанции; проанализировать дискуссионные аспекты определения признаков специального субъекта; исследовать проблемы квалификации неоконченной преступной деятельности и отграничения взяточничества от смежных деяний; выявить типичные ошибки при квалификации групповых форм преступления; оценить влияние провокационных действий на квалификацию содеянного; определить перспективы развития судебной практики.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системно-структурный) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический) методы. Эмпирическую базу работы образуют постановления Пленума Верховного Суда РФ, материалы судебной практики судов общей юрисдикции за период 2019–2025 гг., а также аналитические обзоры состояния законности в сфере противодействия коррупции.

Вопросы квалификации взяточничества традиционно находятся в фокусе внимания высшей судебной инстанции. Базовым документом, систематизирующим правовые позиции по данной категории дел, является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [2]. Несмотря на то, что последние изменения в данный акт были внесены несколько лет назад, его положения продолжают оставаться предметом доктринального толкования и порождают дискуссии в связи с появлением новых форм общественно опасного поведения.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего необходимостью осмысления того, насколько существующие разъяснения Пленума соответствуют современным реалиям. В частности, в научной литературе обоснованно ставится вопрос о необходимости дополнительных разъяснений по следующим аспектам:

- квалификация получения взятки в условиях цифровой трансформации государственного управления (использование государственных информационных систем, оказание государственных услуг в электронном виде);
- определение момента окончания преступления при использовании для передачи взятки электронных средств платежа и криптовалюты;
- дифференциация ответственности за получение взятки в зависимости от степени общественной опасности деяния с учетом новых форм соучастия.

Анализ судебной практики показывает, что суды, руководствуясь разъяснениями Пленума, в целом единообразно подходят к решению типичных вопросов квалификации. Однако по мере усложнения способов совершения преступлений возникают ситуации, требующие либо

расширительного толкования существующих разъяснений, либо принятия новых.

Так, например, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» [3] уточнил ряд важных позиций, касающихся ответственности за посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество. Было разъяснено, что понимается под значительным размером взятки применительно к ст. 291.2 УК РФ, а также уточнены условия освобождения от уголовной ответственности при деятельном раскаянии.

Тем не менее, правоприменительная практика продолжает сталкиваться с ситуациями, когда грань между преступным и не преступным поведением оказывается размытой. Особую остроту эта проблема приобретает в связи с распространением так называемой «бытовой коррупции», где сложно отграничить подарок от взятки, а также в связи с активизацией оперативно-розыскной деятельности, граничащей с провокацией преступления.

Исследование проблем квалификации получения взятки в контексте разъяснений Пленума Верховного Суда РФ представляется не только актуальным, но и практически значимым для обеспечения единообразия судебной практики и реализации принципа неотвратимости ответственности за коррупционные преступления.

В науке уголовного права существуют дискуссионные вопросы и относительно определения должностного лица (специального субъекта преступления).

Состав получения взятки сконструирован таким образом, что его субъектом может выступать только специальное лицо – должностное лицо. Согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ, должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ [4].

Казалось бы, законодательное определение достаточно четко очерчивает круг субъектов. Однако на практике установление признаков должностного лица вызывает наибольшие сложности и служит основанием для отмены или изменения судебных решений.

Одной из наиболее распространенных ошибок является расширительное толкование понятия «организационно-распорядительные функции» и отнесение к ним чисто профессиональных обязанностей работника. Как справедливо отмечается в п. 4 Постановления Пленума № 24, не являются должностными лицами те работники, которые выполняют сугубо профессиональные или технические обязанности, даже если они трудятся в государственном органе или учреждении [2].

Дискуссионным остается вопрос об отнесении к числу должностных лиц врачей, педагогов, иных специалистов. Судебная практика исходит из того, что врач государственного или муниципального учреждения здравоохранения может быть признан должностным лицом лишь в том случае, если на него в установленном порядке возложено выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций. Например, заведующий отделением, главный врач, его заместители. Рядовой же врач, выполняющий лечебно-диагностические функции, должностным лицом не является, а следовательно, получение им денег от пациента за оказание медицинской помощи не может квалифицироваться как получение взятки.

Вместе с тем, существует позиция, согласно которой отдельные профессиональные действия врача (выдача листа нетрудоспособности, оформление справок для получения водительских прав, решение вопроса о госпитализации) могут содержать элементы властных полномочий. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что выдача медицинских документов, удостоверяющих факты, влекущие юридические последствия, может рассматриваться как выполнение организационно-распорядительных функций, если право выдачи таких документов делегировано врачу соответствующим локальным актом [4].

Аналогичные споры возникают в отношении педагогических работников. Преподаватель, принимающий экзамен, осуществляет контрольные функции и уполномочен принимать решение о соответствии знаний студента установленным критериям. Является ли это организационно-распорядительной функцией? Пленум Верховного Суда РФ в п. 24 Постановления № 24 разъяснил, что под видом взятки в таких случаях возможно квалифицировать получение денег за выставление завышенной оценки, однако при этом необходимо установить, что преподаватель был наделен правом принимать такое решение единолично. Если оценка выставляется комиссией или автоматизированной системой, состав получения взятки отсутствует.

Особую сложность представляет квалификация действий лиц, выполняющих функции должностного лица по специальному полномочию. К ним относятся, например, присяжные заседатели, общественные инспекторы, лица, привлеченные к выполнению функций в чрезвычайных ситуациях.

Дискуссионным является вопрос о том, может ли быть признан должностным лицом эксперт государственного учреждения, проводящий судебную экспертизу по поручению следователя. С одной стороны, эксперт не является представителем власти, с другой – он выполняет важные процессуальные функции, от результатов которых зависит принятие процессуальных решений. Судебная практика идет по пути признания эксперта должностным лицом на период проведения экспертизы, поскольку он реализует полномочия, делегированные ему государством (судом, следователем).

Другой проблемный аспект – статус лиц, фактически выполняющих организационно-распорядительные функции, но не назначенных на должность в установленном порядке. В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 6 Постановления Пленума № 24, отсутствие надлежащего оформления назначения на должность не освобождает лицо от ответственности за получение взятки, если оно фактически выполняло соответствующие функции. Однако доказывание факта такого выполнения представляет значительную сложность и требует тщательного анализа должностных регламентов, распоряжений вышестоящих лиц и иных доказательств.

Принципиальное значение имеет разграничение должностных лиц (субъектов получения взятки) и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (субъектов коммерческого подкупа). Ошибки в определении статуса субъекта влекут неправильную квалификацию: вместо ст. 290 УК РФ применяется ст. 204 УК РФ, либо наоборот.

Критерием разграничения выступает организационно-правовая форма и источник финансирования организации. Если организация является государственным или муниципальным учреждением (например, государственный вуз, больница), ее руководители и иные управленцы являются должностными лицами. Если же речь идет об акционерном обществе, даже со стопроцентным государственным участием, его менеджеры признаются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой организации, за исключением случаев, когда им делегированы государственно-властные полномочия [6].

Таким образом, установление признаков специального субъекта требует комплексного анализа нормативной базы, регламентирующей статус лица, и фактического содержания выполняемых им функций. Ошибки в этой части квалификации являются наиболее распространенными и влекут отмену приговоров.

В теории уголовного права существенную проблематику представляет квалификация деяний в ситуациях, когда взятка получена, но обусловленное ею действие (бездействие) не было реализовано. Подобные случаи сопряжены с рядом ошибок в уголовно-правовой оценке, что обусловлено сложностью дифференциации стадий преступной деятельности и определения момента окончания состава преступления.

Состав получения взятки сконструирован как формальный. Преступление считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ценностей независимо от того, совершило ли оно обусловленные действия (бездействие) в пользу взяткодателя. Данная конструкция порождает ряд сложных вопросов квалификации, особенно в ситуациях, когда взятка получена, но обещанное действие не совершено либо не могло быть совершено в силу объективных причин.

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума № 24, получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части предмета взятки. Однако в условиях цифровизации расчетов определить этот момент становится все сложнее.

При безналичных переводах момент окончания преступления связывается с поступлением денежных средств на счет должностного лица (или указанного им лица) и появлением у него реальной возможности распорядиться ими. Если перевод осуществляется на банковскую карту родственника или иного доверенного лица, возникает вопрос: окончено ли преступление в момент зачисления средств на счет посредника или в момент, когда должностное лицо узнало об этом и получило доступ к средствам? Правоприменительная практика исходит из того, что преступление окончено с момента зачисления средств на любой счет, подконтрольный должностному лицу, поскольку он получает реальную возможность распорядиться деньгами через посредника [7].

Еще более сложная ситуация складывается при использовании криптовалюты. Криптовалютные транзакции носят анонимный характер, а доступ к средствам обеспечивается знанием закрытого ключа.

Момент окончания преступления в таких случаях предлагается связывать с моментом перечисления криптовалюты на кошелек, контролируемый должностным лицом, либо, в случае передачи ключей, с моментом их фактической передачи [8; 32].

Если должностное лицо получило взятку, но не совершило обещанного действия (бездействия) в пользу взяткодателя, содеянное, как правило, квалифицируется как оконченное получение взятки. Отсутствие результата не влияет на квалификацию.

Однако возникают ситуации, когда несовершение действия связано с объективными обстоятельствами, исключающими возможность его совершения. Например, должностное лицо получило взятку за содействие в поступлении в вуз, но приемная кампания была отменена из-за пандемии. В таких случаях возможна квалификация как покушение на мошенничество, если должностное лицо заведомо не могло повлиять на результат и лишь создавало видимость возможности такого влияния.

Ключевое значение для квалификации имеет направленность умысла. Если должностное лицо реально обладало полномочиями и намеревалось совершить действие, но не совершило его по независящим от него причинам, содеянное должно квалифицироваться как оконченное получение взятки. Если же оно заведомо не могло совершить действие и использовало свой статус для получения денег под предлогом будущего содействия, содеянное образует состав мошенничества.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 24 Постановления № 24 специально обратил внимание на такие случаи, указав, что получение должностным лицом ценностей за совершение действий, которые заведомо не могут быть им осуществлены ввиду отсутствия соответствующих полномочий, следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Отдельную проблему представляет квалификация так называемой «взятки-благодарности», когда вознаграждение передается после совершения действия (бездействия). В таких случаях также необходимо устанавливать наличие предварительной договоренности о передаче вознаграждения либо осознание должностным лицом того, что вознаграждение передается именно за уже совершенные действия.

В соответствии с п. 11 Постановления Пленума № 24, если имущественные выгоды предоставлены за уже совершенные без предварительной договоренности действия, состав получения взятки отсутствует при условии, что должностное лицо не осознавало, что вознаграждение передается ему за ранее совершенные действия. На практике доказать наличие такой осведомленности крайне сложно, что создает проблемы для привлечения к ответственности лиц, получающих «благодарности» за уже выполненную работу.

Одним из наиболее сложных аспектов квалификации является разграничение получения взятки и обычного подарка, что особенно актуально в контексте так называемой «бытовой коррупции». Правоприменительная практика испытывает серьезные затруднения при определении того, где заканчиваются подарок, дарение и начинается уголовно наказуемое деяние.

Законодательство и судебная практика выработали ряд критериев, позволяющих отграничить подарок от взятки. Во-первых, это стоимость подарка. Гражданский кодекс РФ (ст. 575) допускает дарение обычных подарков стоимостью не более 3000 рублей государственным и муниципальным служащим в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей [9]. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 Постановления № 24, получение должностным лицом даже малоценного подарка может быть квалифицировано как взятка, если будет установлено, что подарок передан за совершение конкретных действий (бездействие) по службе.

Во-вторых, ключевое значение имеет **обусловленность** передачи ценностей. Подарок, как правило, не обусловлен совершением каких-либо действий в пользу дарителя и может быть приурочен к общеизвестному событию (день рождения, юбилей, праздник). Взятка всегда обусловлена либо уже совершенными, либо будущими действиями должностного лица.

В-третьих, важным критерием является **систематичность**. Систематическое получение подарков от одного и того же лица, даже если каждый из них не превышает установленный лимит, может свидетельствовать о завуалированной форме взяточничества. Судебная практика знает примеры, когда получение цветов, конфет и коньяка на регулярной основе от предпринимателя расценивалось как взятка за общее покровительство.

Особую сложность представляет квалификация ситуаций, когда взятка формально передается не самому должностному лицу, а его родственникам или иным близким лицам. В соответствии с п. 9 По-

становления Пленума № 24, ответственность за получение взятки наступает и в тех случаях, когда взятка передается родственникам или близким должностного лица с его согласия, либо если он не возражал против этого и использовал свои служебные полномочия в пользу взяткодателя.

Дискуссионным остается вопрос: можно ли считать взяткой получение родственником чиновника подарка от лица, заинтересованного в решении вопроса, если чиновник об этом не знал? Пленум Верховного Суда РФ дает отрицательный ответ. В таких случаях состав получения взятки отсутствует, однако возможна квалификация действий родственника как посредничества во взяточничестве или мошенничества (если родственник ввел взяткодателя в заблуждение относительно возможности повлиять на решение).

Таким образом, позиция Пленума Верховного Суда РФ представляется доктринально верной и соответствующей принципу законности. Исключение ответственности чиновника за взятку при его неосведомленности является обоснованным. В то же время, Верховный Суд РФ, указывая на возможную квалификацию действий родственника как мошенничества или посредничества, демонстрирует системный подход, позволяющий привлечь виновных лиц к ответственности и не допустить пробелов в праве, используя иные составы Уголовного кодекса. Это подчеркивает эволюцию судебного толкования в сторону более тонкой дифференциации ответственности в сфере противодействия коррупции.

Литература

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 10.02.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 2.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (в редакции от 11 июня 2020 года) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 10.02.2026).
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 05.02.2025 № 10–1234/2025 // Архив Мосгорсуда.
7. Апелляционное постановление № 22–6073/2023 от 5 октября 2023 г. по делу № 1–77/2023 // sudact.ru
8. Агеев В.Н. Криптовалюта как предмет взяточничества: проблемы правового регулирования и пути их преодоления // Полицейская деятельность. – 2025. – № 6. – С. 18–33.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION OF BRIBERY: THEORY, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Oldeeva D.A.

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

This article examines the most controversial issues of qualification of bribery arising in modern law enforcement practice. Special attention is paid to the analysis of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the problems of determining the signs of a special subject, distinguishing a completed crime from an unfinished activity, as well as distinguishing bribery from related elements (gift, provocation). Based on the study of judicial practice, the author identifies typical errors in the qualification of group forms of bribery and suggests ways to improve law enforcement in the context of digitalization of economic relations. The empirical base of the study includes materials of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, cassation courts of general jurisdiction, as well as statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: bribery, official, qualification of crimes, judicial error, group of persons by prior conspiracy, provocation of bribery, judicial practice, Plenum of the Supreme Court, operational investigative activity.

References

1. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2023 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru> (date of appeal: 02/10/2026).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/09/2013 No. 24 (as amended on 12/09/2025) "On Judicial practice in Cases of bribery and other corruption crimes" // ConsultantPlus: legal reference system URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (date of application: 02/10/2026).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/24/2019 No. 59 "On Amendments to the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24 "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Corruption other corruption crimes" and No. 19 dated October 16, 2009

"On Judicial Practice in Cases of Abuse of Office and Abuse of Office" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2020. – No. 2.

4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (as amended on 12/28/2024) // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 No. 19 "On Judicial Practice in Cases of Abuse of Office and Abuse of Office" (as amended on June 11, 2020) // ConsultantPlus: legal reference system URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (date of appeal: 02/10/2026).
6. The Moscow City Court's Appeal ruling dated 02/05/2025 No. 10–1234/2025 // Archive of the Moscow City Court.
7. Appeal Judgment No. 22–6073/2023 dated October 5, 2023, in case No. 1–77/2023 // sudact.ru
8. Ageev, V.N. Cryptocurrency as an Object of Bribery: Problems of Legal Regulation and Ways to Overcome Them // Police Activities. – 2025. – No. 6. – Pp. 18–33.
9. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on December 13, 2024) // Federal Register of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.

Кряжева Светлана Геннадьевна,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России

В статье представлена часть результатов эмпирического исследования, направленного на выявление детерминирующих факторов рецидивной преступности среди осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима. Результаты исследования раскрывают ключевые социально-демографические характеристики данной категории лиц, причины совершения ими повторных преступлений. Авторами выделена и проанализирована устойчивая система взаимосвязанных факторов, сгруппированных в три блока: психофизиологический, социально-экономический и социально-психологический. Делается вывод о том, что в целях эффективной профилактики рецидивной преступности необходима комплексная, непрерывная и индивидуализированная работа, направленная на лечение аддикций, содействие трудовой и бытовой адаптации, восстановление социальных связей и психологическую коррекцию индивидуально-психологических характеристик, влияющих на успешность ресоциализации.

Ключевые слова: рецидивная преступность; повторное преступление; исправительная колония строгого режима; ресоциализация; уголовно-исполнительная система.

Профилактика повторной преступности как общественно-опасного явления, на сегодняшний день является одним из главных направлений политики государства. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с тем, что лица, неоднократно совершающие преступления, остаются устойчивым источником криминальной угрозы, демонстрируя глубокое неприятие социальных норм и ценностей [1]. Особое место в контексте данной проблемы занимают осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строгого режима. Эта категория представляет собой наиболее «сложный» контингент, многие из них отбывают наказание за совершение особо тяжких преступлений, рецидив преступлений и опасный рецидив преступлений.

В статье представлена часть научного исследования, в котором приняли участие осужденные мужского пола, отбывающие наказание в исправительных колониях строгого режима (1371 человек). Анализ представленных данных позволяет раскрыть некоторые социально-демографические особенности рассматриваемой категории осужденных, а также факторы, способствующие совершению ими повторных преступлений.

В результате проведенного исследования было выявлено, что наибольшее число осужденных, принявших участие в исследовании, находилось в следующих возрастных группах: 30–39 лет (41,6%) и 40–49 лет (29,5%). Образовательный уровень осужденных также имел свои особенности. Наибольшее количество из них характеризовались преобладанием полного среднего образования (44,7%), при этом каждый пятый (17,5%) имел неполное среднее, а высшее имелось лишь у 3,7%. В связи с этим следует отметить, что низкий образовательный уровень может напрямую коррелировать с ограниченными легальными возможностями самореализации: ограничение на рынке труда, финансовая неустойчивость, сужение круга возможностей и трудоустройства на высокооплачиваемую работу и т.д.

Более половины опрошенных (55,1%) имели от трех и более судимостей. Наибольшая доля опрошенных имели две (26,3%) и три (22,6%) судимости. Четыре судимости имели 17,5%, пять судимостей – 10,9%, 6 судимостей – 7,1%, 7 судимостей – 6,2%, 8 судимостей – 3,2%, от 9 и более судимостей – 6,2%. Полученные данные могут свидетельствовать об устойчивости криминальной карьеры, глубоком усвоении преступного образа жизни, а также о социальной изоляции осужденного, освобождающегося из исправительного учреждения.

Семейный статус осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях строгого режима, также имеет свои особенности: большинство из них никогда не состояли в браке (39,8%) либо разведены (16,4%). В незарегистрированных отношениях состояли 15,8%. При этом 28,2% опрошенных среди основных проблем, с которыми они столкнулись после освобождения из предыдущего исправительного учреждения назвали отсутствие поддержки семьи и близких. Полученные данные могут свидетельствовать о критической роли социального одиночества в контексте изучения рецидивной преступности. Вместе с тем А.В. Вилкова, Е.Ю. Холопова подчеркивают, что эта категория осужденных в целом склонна избегать общения, поддерживая контакт с очень узким кругом людей [2]. Выявленная тенденция может свидетельствовать о том, что, с одной стороны, социальное одиночество является фактором уязвимости после освобождения (нет поддержки, помощи в трудоустройстве и т.д.). С другой – склонность к ограничению круга общения может свидетельствовать о том, что социальное одиночество может быть не только вынужденным обстоятельством, но и частью личностной установки, убеждения, сформированного еще до заключения под стражу или усугубленное им.

Ключевым фактором, определяющим криминальное поведение, выступает возраст первого попадания в места лишения свободы. Более половины опрошенных (55,4%) впервые оказались в исправительном учреждении в возрасте 18–24 лет, а каждый четвертый (26,5%) – в несовершеннолетнем возрасте. Выявленные возрастные периоды – это время активного формирования личности, ценностных ориентаций, социальных навыков и т.д. Социальная среда исправительного учреждения оказывает сильное влияние на формирующуюся личность, которое может способствовать формированию новой системы ценностей, в частности, альтернативной общепринятой, а также привести к изменению восприятия правовых норм. Полученные данные сопоставимы с выводами Н.А. Коломытцева о том, что около 40% субъектов особо опасного рецидива совершили первое преступление в несовершеннолетнем возрасте [3].

Анализ ответов осужденных позволил выявить основные причины совершения ими повторных преступлений. На первом месте – состояние алкогольного или наркотического опьянения (42,5%). Второй по значимости причиной стало неблагоприятное материальное положение (39,7%). К третьей причине были отнесены – социально-психологические (негативное влияние окружения (36%), поиск острых ощущений (30,3%), особенности характера – конфликтность, импульсивность (28,4%), криминальная романтика (22%).

После освобождения из последнего исправительного учреждения осужденные столкнулись со следующими трудностями (по убыванию): проблема трудоустройства – 67,5%; отсутствие денег – 47,1%; отсутствие планов на жизнь – 36,4%; отсутствие жилья – 34,1%; неприятие общества – 33,3%; отсутствие поддержки семьи и близких – 28,2%; трудности получения образования – 25,5%; наличие заболеваний – 22,7%.

Проведенный анализ позволяет выделить не просто набор отдельных обстоятельств, а систему взаимосвязанных факторов, которые можно сгруппировать в блоки: психофизиологический блок, социально-экономический блок, социально-психологический блок.

1. Психофизиологический блок. В ходе исследования была выявлена доминирующая роль состояния наркотического и алкогольного опьянения (42,5%) в совершении повторных преступлений после освобождения. Выявленное обстоятельство может указывать на глубокую аддитивную проблему у рассматриваемой категории осужденных. Полученные результаты коррелируют с исследованием Е.А. Антонян, в котором отмечается что каждый третий, совершающий повторное преступление, страдает алкоголизмом, каждый четвертый – наркоманией, каждый двенадцатый (8,3%) заражен ВИЧ-инфекцией [4]. При этом употребление психоактивных веществ может свидетельствовать не только о наличии химической зависимости, но и о наличии дисфункциональной, избегающей копинг-стратегии, возникающей при столкновении с проблемами после освобождения из исправительного учреждения (отсутствие работы, жилья, социальная изоляция, психологическая травма и т.д.), влиянии привычного социального окружения, для которого алкоголь и наркотические средства являются частью ритуала, способом коммуникации.

2. Социально-экономический блок. Неблагоприятное материальное положение – это не просто отсутствие денег. Эта проблема часто является прямым следствием ключевой постпенитенциарной проблемы – системного затруднения в трудоустройстве (67,5%). Лица, освобождаясь из исправительного учреждения, часто сталкиваются с дискриминацией на рынке труда, с отсутствием необходимых профессиональных навыков, предвзятым отношением со стороны потенциальных работодателей. Это полностью или частично лишает их возможности устроиться на высокооплачиваемую работу, способствуя возвращению к криминальным способам решения материальных проблем. Неоднократно судимые лица часто до осуждения не имеют постоянного источника доходов. К этому же блоку относится фактор отсутствия жилья, что было выделено осужденному в числе основных трудностей, с которыми они столкнулись после освобождения. При этом отсутствие жилья может быть как следствие социально-экономического неблагополучия, так и причиной углубления кризиса (без прописки/регистрации крайне затруднительно бывает устроиться на официальную работу, оформить социальные пособия, получить медицинскую помощь и т.д.).

3. Социально-психологический блок. Осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях строго режима, имеют ряд личностных особенностей, например, неадекватная самооценка (завышенная или заниженная), избирательность в общении, скрытность, сдержанность. Кроме того, автор отмечает, что этим осужденным характерна ригидность, конфликтность, импульсивность, неуверенность в себе, осторожность, пассивность, эгоистичность, тревожность, подозрительность и т.д. Возвращаясь к результатам нашего исследования, анализируя социально-психологические причины совершения повторных преступлений, выделенные респондентами (негативное влияние окружения, поиск острых ощущений, особенности характера – конфликтность, импульсивность, криминальная романтика), можно заключить, что отрицательное влияние социального окружения часто означает возвращение в криминальную среду, которая заменяет утраченные социальные связи, имеющиеся вне исправительного учреждения. В свою очередь поиск острых ощущений и романтизация преступного образа жизни может указывать на деформацию мотивационно-ценностной сферы, где риск и противоправные действия воспринимаются как приемлемый способ самоутверждения. При этом такие черты характера, как конфликтность и импульсивность могут затруднять адаптацию к жизни вне учреждения, способствовать быстрому возвращению к привычным, агрессивным моделям поведения в сложных ситуациях. В рамках сказанного приведем результаты исследования А.В. Звонова, С.А. Пичугина, которое

продемонстрировало результаты опроса сотрудников правоохранительных органов и судей на предмет причин совершения повторных преступлений. На первом месте были отмечены отрицательные морально-психологические качества осужденного, вера в безнаказанность (65,6%). В рамках социально-психологического блока следует отметить и фактор раннего попадания в места лишения свободы, разрыв социально-полезных связей, многократность судимостей, способствующих усвоению и укреплению норм криминальной субкультуры.

Таким образом, рецидивная преступность среди ранее судимых мужчин, отбывающих наказание в исправительной колонии строгого режима, является не следствием единичного фактора, а результатом функционирования устойчивой системы факторов. При этом выделенные блоки факторов не действуют изолированно, а находятся в отношениях взаимной детерминации, образуя замкнутый цикл, который может воспроизводить криминальное поведение.

Разорвать этот цикл точечными мерами (например, только содействием в трудоустройстве или только психологической коррекцией индивидуально-психологических особенностей личности) не принесет значимого результата. Необходима комплексная, непрерывная, индивидуализированная работа, направленная на лечение и профилактику аддикций, содействие в трудоустройстве и бытовой адаптации, восстановление социально-полезных связей, а также на психологическую коррекцию индивидуально-психологических особенностей, препятствующих успешной ресоциализации.

Только такой многоуровневый подход позволяет преодолеть факторы, детерминирующие рецидивную преступность, в частности, через целенаправленное психолого-педагогическое воздействие, которое должно начинаться уже в период отбывания наказания. Именно воспитательной работе с осужденными, впервые отбывающими наказание в исправительных учреждениях строгого режима, необходимо уделять первоочередное значение для минимизации постпенитенциарной преступности. Однако для рецидивистов, составляющих основную часть в учреждениях строгого режима, эта работа должна быть принципиально иной – более интенсивной, индивидуализированной и длительной. Более того, эта работа должна продолжаться и после освобождения из исправительного учреждения. В частности, в рамках постпенитенциарной probation.

Литература

1. Кражева С.Г., Москвитина М.М. Наркотическая и алкогольная зависимость как детерминанта совершения повторных преступлений // Наркоконтроль. 2022. № 3. С. 11–15.
2. Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Система отношений осужденных // Перспективы науки. 2022. № 6(153). С. 157–159.
3. Коломытцев Н.А. Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. 221 с.
4. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 345 с.

ON THE FACTORS OF RECIDIVISM: RESEARCH RESULTS

Kryazheva S.G., Sobolev N.G.

Federal Penitentiary Service of Russia

This article presents some of the results of an empirical study aimed at identifying the determining factors of recidivism among convicted male prisoners serving sentences in maximum-security penal colonies. The study's results reveal key sociodemographic characteristics of this category of individuals and the reasons for their recidivism. The authors identified and analyzed a stable system of interrelated factors grouped into three areas: psychophysiological, socioeconomic, and sociopsychological. They conclude that effective prevention of recidivism requires comprehensive, continuous, and individualized interventions aimed at treating addictions, facilitating work and everyday adaptation, restoring social connections, and psychologically correcting the individual psychological characteristics that influence successful resocialization.

Keywords: recidivism; repeat offense; maximum security penal colony; resocialization; penal system.

References

1. Kryazheva S.G., Moskvitina M.M. Narkoticheskaya i alkogolnaya zavisimosti kak determinanta soversheniya povtornykh prestupleniy // Narkokontrol. 2022. № 3. S. 11–15.
2. Vilkova A. V., Kholopova E. Yu. Sistema otnosheniy osuzhdennykh // Perspektivy nauki. 2022. № 6(153). S. 157–159.
3. Kolomytsev N.A. Osobo opasnyy retsidiv prestupleniy i borba s nim: monografiya. 3-e izd. pererab. i dop. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii. 2005. 221 s.
4. Antonyan E.A. Lichnost retsidivista: kriminologicheskoye i ugovolno-ispolnitelnoye issledovaniye: dis. ... d-ra yurid. nauk. M. 2014. 345 s.

Значение и юридическая природа обстоятельств, установленных постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении

Прошин Владимир Михайлович,

адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»

E-mail: advokat.proshin.v.m@gmail.com

До недавнего времени в судебной практике было принято руководствоваться исключительно пунктами 2 и 3 части 3 статьи 392 ГПК РФ в вопросе пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам, признавая при этом обстоятельства вновь открывшимися лишь тогда, когда они установлены вступившим в законную силу приговором. При этом, как указал Конституционный Суд РФ в своём постановлении, часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации не препятствует суду в соответствии с ее пунктом 1 принять в качестве оснований для пересмотра судебного постановления существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю, в том числе установленные постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. Данная позиция Конституционного Суда РФ обязывает суды принимать во внимание любые основания для сомнения в действительности используемых доказательств в ходе рассмотрения гражданских (хозяйственных) споров, если они принимают форму юридического факта, характер содержания которого основывается в том числе и на установленных результатах доказательного процесса в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии, имеющих юридическую значимость за рамками уголовного процесса. Когда речь идёт об обеспечении допуска к правосудию и права на судебную защиту, юридическая природа сомнения в действительности используемых доказательств в ходе рассмотрения гражданских (хозяйственных) споров, основанная на обстоятельствах, установленных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, не может быть проигнорирована.

Ключевые слова: вновь открывшиеся обстоятельства, приговор суда, уголовное судопроизводство, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении, гражданский спор, пересмотр судебного акта, доказательный процесс, юридическая природа сомнения, процессуальный акт, противоправных характер обстоятельств, основание для пересмотра судебного решения, правоотношения, срок давности, допустимость доказательств, преюдиция.

Конституционный Суд РФ принял Постановление от 16.01.2025 г. № 1-П по итогам рассмотрения жалоб ряда граждан, оспаривающих конституционность толкования и применения статьи 390.14 и части третьей статьи 392 ГПК РФ. Суды в ходе правоприменительной практики решая вопрос об основаниях для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, исповедуя строго формальный подход, руководствуются исключительно пунктами 2 и 3 части третьей статьи 392 ГПК РФ, признавая обстоятельства вновь открывшимися лишь тогда, когда они установлены вступившим в законную силу приговором. При этом постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности не расцениваются в качестве обстоятельств, влекущих пересмотр судебных актов. [1, 2]

Сделанные Конституционным Судом РФ выводы в положении указанного постановления наделяет новым конституционным смыслом итоги завершения отдельных стадий уголовного судопроизводства, придавая, в частности, результату доказательного процесса на досудебной стадии в части установления обстоятельств, согласно статье 73 УПК РФ входящих в предмет доказывания по уголовному делу, юридическую значимость, определяющую не только итоги расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, но и обеспечивающую доступ к правосудию и право судебной защиты в гражданских правоотношениях. [3]

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16.01.2025 г. № 1-П (абз. 3 п. 1.5), а также ссылаясь на ранее вынесенные определения по аналогичным проблемам (определения от 22 апреля 2010 года № 613-О-О, от 19 июня 2012 года № 1220-О, от 28 сентября 2023 года № 2379-О и др.), обращаясь к вопросу о пересмотре вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам, указал, что часть третья статьи 392 ГПК Российской Федерации не препятствует суду в соответствии с ее пунктом 1 принять в качестве оснований для пересмотра судебного постановления существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю, в том числе установленные постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении. Конституционный Суд РФ приходит к выводу о допустимости подтверждения в процедурах уголовного судопроизводства иными, помимо приговора, процессуальными актами значимых в силу своего уголовно противоправного характера обстоятельств (подлог документов, сообщение заведомо ложных сведений и др.), ставящих под сомнение само существо решения по рассмотренному по правилам Гражданского процессуального кодекса спору, в том числе имущественного характера, в качестве законного и обоснованного акта правосудия. [4, 5, 6]

То есть, по мнению Конституционного Суда РФ, когда речь идёт об обеспечении допуска к правосудию и права на судебную защиту, юридическая природа сомнения в действительности используемых доказательств в ходе рассмотрения гражданских (хозяйственных) споров, основанная на обстоятельствах, установленных на досудебной стадии уголовного судопроизводства, не может быть проигнорирована. Правовой смысл положений Постановления Конституционного Суда РФ обязывает суды принимать во внимание любые основания для сомнения в действительности используемых доказательств в ходе рассмотрения гражданских (хозяйственных) споров, если они принимают форму юридического факта, характер содержания которого основывается в том числе и на установленных результатах доказательного процесса в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии, имеющих юридическую значимость за рамками уголовного процесса. Данное обстоятельство исключает для судов, возможность ограничиваться установлением формальных условий применения нормы при исследовании по существу фактических обстоятельств в ходе рассмотрения гражданских (хозяйственных) споров при наличии любых оснований для сомнения в действительности используемых в данном споре доказательств.

Так Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции разъяснил, что может быть положено в основание признания недействительным договора, заключённого под психологическим давлением мошенников. В декабре 2023 года гражданин взял кредит на 1,67 млн руб.

в Промсвязьбанке под влиянием мошенников, заявив, что ему угрожали лица, представившиеся во время разговора по телефону сотрудниками правоохранительных органов и Банка России. Далее гражданин снял деньги в банкомате и перевёл заёмные средства третьим лицам. Затем, с целью защитить свои права, заёмщик подал в Октябрьский райсуд Новосибирска иск к банку о признании кредитного договора недействительным. Гражданин представил заключение психолого-психиатрической экспертизы, согласно которой он не мог «противостоять нажиму» мошенников, и другие материалы проверки правоохранительных органов. В декабре 2024 года первая инстанция отказала истцу, посчитав, что договор содержал все существенные условия, а доказательств отсутствия воли гражданина на получение займа не было. Суд в решении также указал, что приговора по уголовному делу нет, а материалы следственных органов не устанавливают обязательных для суда обстоятельств. Апелляция это поддержала. Однако Кассационный суд 30 сентября 2025 года направил дело на новое рассмотрение в первую инстанцию. Согласно постановлению кассации, важное значение имеет наличие возбуждённого по обращению гражданина уголовного дела по поводу принуждения к совершению сделки под угрозой насилия, уничтожения или повреждения имущества либо распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких (ч. 1 ст. 179 УК РФ). [7, 8] Формируемая судебной практикой позиция придаёт качество всеобщей оборачиваемости и применимости в иных правоотношениях установленным обстоятельствам на досудебной стадии уголовного судопроизводства, если эти обстоятельства значимы для правильной правовой оценки события, ставшего предметом исследования по гражданскому (хозяйственному) спору и объективно влияют на законность, обоснованность и справедливость итогового решения по делу.

При этом Конституционный Суд РФ обстоятельствам, установленным на основе решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, придавая характер межотраслевой юридической значимости, отказывает в предоставлении статуса преюдициальности (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ; ст. 90 УПК РФ), обращая внимание судов на обязательность учёта очевидных различий в правовой природе, субъектах и порядке принятия, в юридической силе и последствиях между состоявшимся на досудебной стадии уголовного судопроизводства постановлением о прекращении уголовного дела и приговором суда. Правовой смысл этих различий, вытекающий из Постановления Конституционного Суда РФ, предполагает, что такие постановления не могут во всех случаях безоговорочно приниматься судами, разрешающими гражданские и иные отнесенные к их компетенции дела, как свидетельствующие о наличии вновь открывшихся обстоятельств и влечь пересмотр судебных актов без надлежащей и всесторонней оценки судом их существенности для конкретного дела. Правовой смысл толкования Конституционным Судом РФ норм по вопросу об основаниях для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, сводится по сути к фокусированию внимания правоприменителей на наличие в правилах доказывания презумпции достоверности и действительности установленных процессуальным решением на досудебной стадии уголовного судопроизводства обстоятельств пока это не опровергнуто в ходе всестороннего судебного рассмотрения гражданского (или иного) дела.

В дополнение к вышеизложенному положения Постановления Конституционного Суда РФ придаёт дополнительный смысл институту реабилитации в части правовых последствий при отсутствии оснований для её применения (глава 18 УПК РФ). Лица, в отношении которых меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения срока давности и т.д. (ч. 4 ст. 133 УПК РФ), признаются не только не имеющими права на реабилитацию, но данные лица, в отношении которых постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности установлены обстоятельства события преступления, совершение его (причастность к нему) данным лицом и т.д., в рамках иных правоотношений обречены нести бремя неблагоприятных последствий исхода доказательного процесса, как в силу достоверности и действительности установленных обстоятельств на досудебной стадии в ходе уголовного судопроизводства, так и в силу межотраслевой юридической значимости данных обстоятельств. И данные обстоятельства, установленные на досудебной стадии уголовного судопроизводства, будут иметь презумпцию наличия юридического факта и влечь юридические последствия как для нереабилитированного лица, в отношении которого вынесено соответствующее постановление, так и для иных лиц с ним связанных в рамках гражданских (семейных, жилищных, наследствен-

ных, хозяйственных и иных) правоотношениях, когда для законного и объективного рассмотрения спора в этих отношениях вышеупомянутые обстоятельства имеют существенное значение. То есть процессуальное решение на досудебной стадии уголовного судопроизводства формирует не только основание для отказа в реабилитации, но и универсальную (межотраслевую) доказанность обстоятельств уголовно-правового характера не приговором суда, а мотивированным содержанием процессуального решения на досудебной стадии, что не смотря на прекращение уголовного преследования, влечёт юридические последствия для лиц, связанных с установленными обстоятельствами.

Вынесенное Постановление Конституционного Суда РФ вводит в практику судов более широкое понимание и применение дискреции сомнения при решении вопроса о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам. Основания для принятия решения о признании обстоятельств вновь открывшимися не ограничиваются рамками вступившего в законную силу приговора. Сомнения суда в формировании не соответствующих действительности доказательств, использованных в ранее рассмотренном по правилам ГПК РФ споре, могут основываться на обстоятельствах, отражённых в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Широта дискреции в постановке вопроса о сомнении в действительности доказательств, использованных в ранее рассмотренном споре по правилам ГПК РФ, стирает какие-либо правовые рамки, искусственно возведённые ранее имеющим место толкованием вышеуказанных норм в деле гарантий права на судебную защиту и обеспечения доступа к правосудию.

Юридическая значимость результата доказательного процесса по уголовному делу на досудебной стадии, завершившегося постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности уголовного преследования, придавая содержанию установленных данным постановлением обстоятельств характер межотраслевой применимости и востребованности, формирует универсальный характер оснований для судебного сомнения (устомнения) при принятии решения о признании обстоятельств вновь открывшимися, что практически исключает формально-правовые препятствия в реализации права на судебную защиту и доступ к правосудию. Исправление судебного решения в любом случае при наличии сомнений в его правосудности, если в нем неверно отражены существенно значимые обстоятельства события, ранее установленные процессуальным решением на досудебной стадии уголовного судопроизводства, и ставшие предметом исследования по делу по правилам ГПК РФ, либо им дана неправильная правовая оценка, – является сутью реальной судебной защиты, связанной с восстановлением нарушенных прав и свобод.

При этом, устанавливая обязательность принимать во внимание и оценивать существование обстоятельств дела, установленных процессуальными актами на досудебной стадии уголовного судопроизводства, Конституционный Суд РФ фактически ставит вопрос о допустимости доказательств, которые должны быть подтверждены только определёнными средствами доказывания (ст. 60 ГПК РФ). Например обстоятельства преступления дать уголовно-правовую оценку можно только в рамках уголовного процесса. В данном случае к таковым определённым средствам доказывания следует относить в том числе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Таким образом, положения Постановления Конституционного Суда РФ подводят к выводу о стадийной завершенности доказательного процесса указанными процессуальными актами, указывают на межотраслевую оборачиваемость результата такого доказывания, пригодного для использования как установленное юридически значимое обстоятельство, например, сведения о факте подтверждения самого события преступления, о совершении деяния (подозрении в совершении) конкретным лицом, о наличии в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела. Значит сбор, проверка и оценка доказательств в ходе уголовного судопроизводства (ст. 85 УПК РФ) на досудебной стадии формируют объём универсальных сведений об обстоятельствах преступления, значение которых в выяснении действительности обстоятельств, положенных в основание требований и возражений сторон в гражданско-правовом споре (ст. 56 ГПК РФ), играет существенную роль. Следовательно, не смотря на незавершённость полного цикла уголовного судопроизводства приговором суда, доказательный процесс досудебной стадии имеет юридически значимую результативную завершенность, так как фактические обстоятельства, установленные и подтверждённые доказательствами, положенными в основу мотивировки процессуального

решения, формируют достоверные и достаточные данные о событии преступления, юридическая обязательность и универсальность которых не может быть проигнорирована в качестве предпосылки для надлежащего пересмотра гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Как указал Конституционный Суд РФ (абз. 2 п. 4): «Орган или должностное лицо, осуществляющие уголовное судопроизводство, принимают соответствующее процессуальное решение в зависимости от стадии, на которой выявлено истечение срока давности (часть первая статьи 212, статья 213 и пункт 1 части первой статьи 254 УПК Российской Федерации), а его мотивировка должна базироваться на нормах материального и процессуального права, на доказательствах, подтверждающих само событие преступления, правильность квалификации содеянного, совершение деяния (подозрение в совершении) конкретным лицом, наличие в деянии всех признаков состава преступления, нашедших отражение в материалах дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года N 16-П, от 7 марта 2017 года N 5-П, от 19 мая 2022 года N 20-П и от 18 июля 2022 года N 33-П)». [9, 10, 11, 12]

По мнению Конституционного Суда РФ, предпосылками для надлежащего пересмотра гражданских дел по вновь открывшимся обстоятельствам на основе решения об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности, является мотивировка процессуального решения, опирающегося на фактические обстоятельства, установленные и подтвержденные доказательствами. Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении в связи с истечением срока давности, по сути, являются итоговыми, завершающими производство по уголовному делу процессуальными актами, констатирующими событие преступления, совершение его (причастность к нему) конкретным лицом.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 г. № 1-П.
2. Гражданско-процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.).
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025 г.).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 года N 613-О-О.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 года N 1220-О.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 года N 2379-О.
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025 г.).
8. Коммерсант. Пятница 14 ноября 2025 г. № 210. С. 8. Контекст «Кредит под давлением признали недействительным» к статье «Экспорт высокой пробы».
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года N 16-П.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 года N 5-П.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 года N 20-П.

12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 года N 33-П.

THE MEANING AND LEGAL NATURE OF THE CIRCUMSTANCES ESTABLISHED BY THE DECISION TO REFUSE TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS OR TO TERMINATE THEM

Proshin V.M.

Moscow Bar Association "Zashchita"

Until recently, judicial practice generally relied exclusively on paragraphs 2 and 3 of Part 3 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation when reviewing final judicial decisions based on newly discovered circumstances, recognizing such circumstances as newly discovered only when they were established by a final judgment. However, as the Constitutional Court of the Russian Federation indicated in its ruling, Part 3 of Article 392 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation does not prevent a court, in accordance with paragraph 1 thereof, from accepting as grounds for reviewing a judicial decision material circumstances that were not and could not have been known to the applicant, including those established by a decision to refuse to initiate criminal proceedings or to terminate them. This position of the Constitutional Court of the Russian Federation obliges courts to take into account any grounds for doubting the validity of evidence used during the consideration of civil (commercial) disputes if it takes the form of a legal fact, the content of which is based, among other things, on the established results of the evidentiary process in criminal proceedings at the pre-trial stage, and which has legal significance beyond the criminal process. When it comes to ensuring access to justice and the right to judicial protection, the legal nature of doubts about the validity of evidence used during the consideration of civil (commercial) disputes, based on circumstances established at the pre-trial stage of criminal proceedings, cannot be ignored.

Keywords: Newly discovered circumstances, court verdict, criminal proceedings, decision to refuse to initiate criminal proceedings or to terminate them, civil dispute, review of a judicial act, evidentiary process, legal nature of doubt, procedural act, unlawful nature of circumstances, grounds for review of a judicial decision, legal relations, statute of limitations, admissibility of evidence, prejudice.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 16, 2025 No. 1-P.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on July 31, 2025).
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on October 27, 2025).
4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 22, 2010 No. 613-O-O.
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 19, 2012 No. 1220-O.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 28, 2023 No. 2379-O.
7. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on October 15, 2025).
8. Kommersant. Friday, November 14, 2025, No. 210. Page 8. Context: "Loan under pressure declared invalid" to the article "High-grade export."
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2011, No. 16-P.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 7, 2017, No. 5-P.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 19, 2022, No. 20-P.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022, No. 33-P.

Самедов Джахангир Сеймур оглы,
аспирант, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
E-mail: dzhaxars@bk.ru

Работа посвящена комплексному исследованию проблем уголовной ответственности за вред, причиненный участникам в ходе спортивных состязаний. Цель статьи – детальный анализ теоретических и практических аспектов квалификации таких деяний, а также выявление пробелов в действующем законодательстве. Методология исследования базируется на анализе норм УК РФ, судебной практики и сопоставлении отечественных и зарубежных доктринальных подходов к спортивному насилию. Согласно результатам исследования, причинение вреда на соревнованиях нормативно не отнесено к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, и данное обстоятельство обуславливает практические трудности, связанные с дифференциацией нарушений правил и умышленных деяний. Особое внимание уделено рискам в контактных видах спорта и обеспечению безопасности несовершеннолетних спортсменов. Новизна работы заключается в обосновании необходимости законодательного расширения пределов правомерного причинения вреда с учетом общественно полезной цели спорта и обоснованного риска. Согласно выводам исследования, существует потребность в устранении нормативных противоречий с одновременным обеспечением баланса между безопасностью в процессе физкультурно-спортивной деятельности и сохранением привлекательности спортивной деятельности как социального института. Результаты исследования могут быть реализованы при совершенствовании нормотворчества в сфере физической культуры и спорта и правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: спортивные соревнования, правила соревнований, контактные виды спорта, вред здоровью, умысел, уголовная ответственность, законодательный пробел

В числе направлений государственной политики Российской Федерации выделяется направление, связанное с физической культурой и спортом. Регламентирующий соответствующую сферу ФЗ № 329-ФЗ от 04.12.2007 содержит дефиницию спорта в качестве средства, обеспечивающего пропаганду здорового образа жизни. Спорт представляет собой нормативно урегулированную легальную деятельность. В то же время тренировки, спортивные соревнования являются травмоопасными, а спортивная деятельность может причинить вред здоровью. Подобный риск является значительным в боксе, борьбе и прочих видах спорта, именуемых контактными. Противоборства в данных видах спорта могут приводить к тяжким последствиям.

При причинении общественно опасного вреда на тренировках, спортивных соревнованиях может возникать необходимость оценки произошедшего в том числе и в уголовно-правовом аспекте.

Анализ законодательства позволяет отметить, что ситуации, когда спортивные соревнования сопровождаются причинением вреда, нормативно должным образом не урегулированы.

Причинение вреда в процессе спортивных соревнований не входит в состав исключающих преступность деяния обстоятельств.

Изучение судебной практики свидетельствует о затруднениях, возникающих при дифференциации причинения вреда на соревнованиях при применении допустимых приемов, при нарушении правил, и при причинении вреда с умыслом.

Смерть или причинение тяжкого вреда здоровью являются достаточно частыми последствиями единоборств. При подобных обстоятельствах вина за произошедшее может лежать на организаторах соревнований, на не остановившем поединок судье, и на участнике соревнований.

В доктрине представлены различные подходы к трактовке сопутствующего спортивным соревнованиям вреда.

Существует мнение о необходимости исключения ответственности лица, причинившего вред в указанных условиях. Данного подхода придерживался, в частности М.Д. Шаргородский, изложивший его в середине прошлого века в публикации, посвященной уголовно-правовому анализу посягательств на здоровье и жизнь.

По мнению приверженцев указанного подхода общественная опасность насилия вне спортивной сферы существенно выше в сопоставлении с опасностью насильственных действий, совершаемых в спортивных состязаниях. Отмечается, что спортивные состязания будут являться существенно менее зрелищными и менее качественными в случае, если участники спортивных состязаний будут опасаться причинить вред в соревновательном процессе.

Доминирование данного подхода обуславливает, очевидно, ограниченность судебной практики, связанной с насилием в спорте. Интерес со стороны органов правоохраны к соответствующим вопросам является ограниченным, при этом разрешение противоречий между спортсменами осуществляется спортивными структурами без привлечения правоохранительных органов.

В сопоставлении с мировой практикой российская практика в подобных вопросах практически не отличается. Следует отметить, что за рубежом в науке проанализированы случаи насилия на соревнованиях и выдвинуты предложения в отношении дифференциации правомерного и неправомерного причинения вреда.

В регби, хоккее, бейсболе, баскетболе, футболе, во многих контактных видах спорта применение насилия не является чем-то из ряда вон выходящим.

С точки зрения случаев, когда причинение вреда на состязаниях обуславливает уголовное преследование, хоккей занимает за рубежом ведущее место.

Анализ зарубежной практики позволяет выделить два подхода.

Первый предполагает понимание спортивного насилия в качестве культуры спортивного состязания, части игры. При этом отмечается высокая частота нарушения правил при физическом взаимодействии участников соревнований. Нарушение правил не рассматривается как экстраординарное событие, игроки исходят из того, что насилие, в том числе выходящее за рамки правил, является элементом игры. Свидетельством принятия данного обстоятельства игроками является то, что спортсмены используют экипировку, предназначенную для защиты. Согласно данной позиции, в качестве правомерного следует рассма-

тривать вред, обусловленный соответствующими правилами игры действиями; в то же время ответственность по уголовному закону может наступить в случае, если вред был причинен, когда игрок не соблюдал правила.

Второй подход основан на необходимости применять уголовно-правовые средства для того, чтобы обеспечивать спортивное поведение игроков и соблюдение правил соревнований, а также для того, чтобы противодействовать жестокости в спорте. На основе анализа практики спортивных соревнований приверженцы указанного мнения отмечают, что борьба с жестокостью в спорте силами исключительно спортивных институтов неэффективна; обеспечение правомерного поведения на спортивных состязаниях возможно лишь силами правоохранительных органов. В противоположность первому из указанных подходов в данном случае отмечается, что согласие участников соревнований на возможное причинение вреда имеет вторичное значение, определяющая роль принадлежит защите государством такого блага, как здоровье населения.

Необходимо особо обратить внимание на спортсменов, не достигших совершеннолетия. Данные спортсмены также участвуют в тренировочном процессе, в различных спортивных мероприятиях, в том числе мероприятиях соревновательного характера. В то же время данные спортсмены не обладают необходимыми для обеспечения всех требующихся мер предосторожности спортивными навыками. В этой связи необходимо, чтобы учебно-тренировочная и соревновательная деятельность спортсменов данной категории осуществлялась с безопасных условий, и обеспечивалась максимальная предусмотрительность и осторожность со стороны организующих спортивные мероприятия и спортивное обучение организаций, учреждений.

Уголовный закон предусматривает, что в случае, если существует определенная цель, являющаяся общественно полезной, и при обоснованном риске в рамках достижения указанной цели причиняется вред, содеянное не должно квалифицироваться как преступное деяние (ст. 40 УК РФ).

Спорт, согласно представленной В.П. Васильевым дефиниции, представляет собой характеризующиеся определением победителей формы состязаний с соответствующими мероприятиями и процедурами, направленные на то, чтобы решать присущие определенному этапу развития общества задачи, способствовать совершенствованию человека[4].

Развитие навыков, необходимых для побед на спортивных соревнованиях, представляет собой общественно полезную цель; данная цель является определяющей при отработке болевых приемов на тренировках по самбо. Но в некоторых случаях спортсмен может отклоняться от указанной цели, и руководствоваться стремлением причинить вред сопернику. В этом случае будет налицо умышленное причинение вреда здоровью.

Регламентация ответственности спортсменов, тренеров должна основываться в том числе на учете следующего обстоятельства. Спорт – и любительский, и профессиональный – обладает ценностью, значимостью для общества. Регулирование ответственности не должно быть избыточно мягким или избыточно строгим. Как в первом, так и во втором случае спорт утратит привлекательность в качестве вида общественной деятельности.

Спортивная подготовка, тренировки согласно ФЗ № 329-ФЗ предполагают участие на систематической основе в спортивных (в том числе состязательных) мероприятиях и осуществляются для того, чтобы способствовать физическому развитию, физическому воспитанию спортсменов[2].

При этом указанный Федеральный закон предусматривает обязанность соблюдения в рамках мероприятий тренировочно-учебного характера требований безопасности (пункт первый части второй ст. 24 ФЗ № 329-ФЗ).

В смешанных единоборствах, боксе и ряде иных видов спорта соревнования непосредственно предполагают, что один из соперников причиняет тот или иной вред второму участнику.

Однако участник спортивного состязания может нарушать правила, и причинять при этом сопернику избыточный вред.

Так, правила соревновательных мероприятий по ММА исключают возможность нанесения ударов по суставам в случае, если направление ударов не соответствует естественному сгибу. Совершая подобные удары, участник состязания может причинить вред сопернику, при этом его действия будут совершены за пределами предусмотренных правил[3].

В данной ситуации требуется выявить пределы ответственности участника.

Действия будут квалифицироваться исходя из наступивших последствий как причинение смерти или причинение тяжкого вреда здоровью при наличии умысла, т.е. по ст. 105 либо ст. 111 УК РФ.

При квалификации необходимо для выявления умысла выявлять, соответственно, как причинитель вреда относился к совершаемым им действиям.

В некоторых ситуациях представления участников состязаний в отношении регламента соревнований являются недостаточно полными, т.е. спортсмен может полагать, что действует в рамках правил. В этом случае содеянное будет рассматриваться как неосторожное деяние. Также следует указать на ситуации, при которых в смешанных единоборствах сопернику причиняется вред в условиях, когда спортсмен не слышит сигнал рефери или когда вред причиняется случайным образом.

Причинение вреда возможно не только в соревновательной практике, но и в тренировочном процессе. Примером может являться случай, когда спортсмены отработывали на тренировке прием, направленный на завоевание победы в поединке, связанный с заламыванием голеностопа до момента, когда соперник сдастся. Один из спортсменов при проведении приема сломал сопернику ногу[5].

Таким образом, на данный момент действующий в Российской Федерации уголовный закон не относит к числу исключаящих преступность деяния обстоятельств причинение вреда оппоненту на спортивных состязаниях. Подобный пробел нормативного регулирования требует устранения. По замечанию специалистов, уголовное законодательство развивается на современном этапе в направлении гуманизации. Представляется необходимым законодательно расширить пределы правомерного причинения вреда, т.к. сегодня налицо несоответствие действующих норм имеющимся доктринальным работам.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – (дата обращения: 24.02.2026).
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: [ред. от 28.11.2025] // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
3. Об утверждении правил вида спорта «смешанное боевое единоборство (ММА)» [Электронный ресурс]: приказ Минспорта России от 01.10.2019 № 788. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». – (дата обращения: 24.02.2026).
4. Васильев, В.П. Правовой режим профессиональной деятельности спортсмена: цивилистическое исследование [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Васильев Вадим Петрович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. – Казань, 2022. – 450 с.
5. В Мытищах на тренировке по самбо школьник из мести сломал ногу однокласснику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: life.ru. – (дата обращения: 24.02.2026).

CONDITIONS FOR THE LEGALITY OF CAUSING HARM WHEN PARTICIPATING IN SPORTS COMPETITIONS

Samedov Dz.

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article is devoted to a comprehensive study of criminal liability for harm caused to participants during sports competitions. The aim of the article is to provide a detailed analysis of the theoretical and practical aspects of classifying such acts, as well as to identify gaps in current legislation. The research methodology is based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, and a comparison of domestic and foreign doctrinal approaches to sports violence. According to the study's results, causing harm during competitions is not legally classified as a circumstance precluding the criminality of an act, and this circumstance creates practical difficulties associated with differentiating between rule violations and intentional acts. Particular attention is paid to the risks in contact sports and ensuring the safety of minor athletes. The novelty of this work lies in its substantiation of the need for legislative expansion of the limits of lawful harm, taking into account the socially beneficial purpose of sport and the justified risk. According to the study's findings, there is a need to eliminate regulatory inconsistencies while simultaneously ensuring a balance between safety during physical education and sports activities and maintaining the attractiveness of sports as a social institution. The study's findings can be implemented through improved rule-making in the field of physical education and sports and law enforcement activities by law enforcement agencies.

Keywords: sports competitions, competition rules, contact sports, harm to health, intent, criminal liability, legislative gap

References

1. Constitution of the Russian Federation [Text]: adopted by popular vote on 12.12.1993; (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>. – (date of access: 24.02.2026).
2. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation [Text]: federal law of 04.12.2007 No. 329-FZ: [as amended on 28.11.2025] // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 50. – Art. 6242.
3. On Approval of the Rules of the Sport “Mixed Martial Arts (MMA)” [Electronic resource]: Order of the Ministry of Sport of Russia dated 01.10.2019 No. 788. – Access mode: SPS “ConsultantPlus”. – (date of access: 24.02.2026).
4. Vaskevich, V.P. Legal Regime of Professional Activities of an Athlete: Civil Law Research [Text]: Dis. ... Doctor of Law: 12.00.03 / Vaskevich Vadim Petrovich; [Place of Defense: Kazan. (Volga Region) Federal University]. – Kazan, 2022. – 450 p.
5. In Mytishchi, during Sambo training, a schoolboy broke his classmate's leg out of revenge [Electronic resource]. – Access mode: life.ru. – (date of access: 24.02.2026).

Особенности временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии впервые

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, УИС ФКУ НИИ ФСИН России

Проблема организации психологического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей на разных этапах отбывания наказания учитывает важность и необходимость вскрытия фундаментальных психологических структур, способных трансформировать представления подростка о жизненном пути в рамках социально одобряемых потребностей и интересов.

Применение психодиагностических методов анализа событий и переживаний, обеспечивает целостное восприятие подростком Я-концепции, взаимосвязи Я-концепции с событиями прошлого и настоящего и актуализации значимости активной позиции. Обращение к глубинным, зачастую неосознаваемым или ранее вытесненным переживаниям подростка-правонарушителя позволяет раскрыть качественные особенности жизненного пути, причины деструктивных оценочных и регулятивных механизмов.

Проведено эмпирическое исследование особенностей временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в условиях социальной изоляции впервые. Выявлены доминирующие показатели в структуре временной перспективы, отличительные особенности временной перспективы у различных категорий несовершеннолетних правонарушителей. Автором предпринята попытка оценки смысловой организации временной перспективы, а также дифференциации представлений о событиях прошлого, настоящего и будущего в жизненном пути несовершеннолетнего, их взаимосвязь

Ключевые слова: временная перспектива, несовершеннолетний осужденный впервые, воспитательная колония, негативное прошлое, фаталистическое настоящее, жизненный путь.

Актуальность организации и совершенствования психологического сопровождения несовершеннолетних, содержащихся в условиях социальной изоляции обусловлена экзистенциальной и перманентной необходимостью в ресоциализации подростка, коррекции его асоциальных убеждений, навыков, сформировавшихся под влияние окружающей действительности (семья, школа, друзья и знакомые и т.п.).

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 г., второй этапе предусматривает дальнейшее совершенствование работы по исправлению и социальной поддержке подростка [6].

Приказ Минюста РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 определяет концептуальные принципы и требования к организации индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации несовершеннолетних, с учетом социально-психологических и иных свойств и качеств подростка [5].

Представляется, что комплексная и системная работа, направленная на ориентацию несовершеннолетнего на путь исправления и реинтеграции в гражданское общество, невозможна без осознанного самоопределения и самопринятия, активизации внутренних ресурсов, проработки прошлого, анализа настоящего и построения перспектив на будущее [4]. Рассмотрение подростком событий собственного прошлого, критичная переосмысленность настоящего и поиск наиболее конструктивных событий будущего возможно посредством работы с временной перспективой [1].

В отечественных (К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн, Е.И. Головаха, А.А. Кроник и др.) и зарубежных (Л.К. Франк, К. Левин, Т.Коттл, Ж. Ньюттен и др.) исследованиях, посвященных изучению особенностей временной перспективы у различных категорий граждан, отмечается что она характеризуется как фундаментальный и многоаспектный процесс, организующий целостное восприятие человеком собственной жизнедеятельности как на индивидуальном, так и на социальном уровне [3, с. 180–183].

Психотерапевтические возможности временной перспективы как целостного психологического конструкта в работе с несовершеннолетними, позволяют включить в коррекционный процесс фундаментальные события и отношение к ним, оказавших существенное влияние на личность подростка, его жизненную позицию, отношение к семье, труду, поиску и реализации механизмов удовольствия и безопасности.

Возможность оценки несовершеннолетним в работе с психологом прошедших событий и воспоминаний о людях, с которыми подросток общался на разных этапах жизненного пути позволяет переоценить и принять ранее вытесненные эмоции, переживания, страхи, актуализировать значимость активной жизненной позиции, поиску механизмов самоутверждения социально одобряемым способом.

Согласимся с позицией отечественных психологов А.А. Кроника и Е.И. Головаха о том, что временная перспектива – это генерализованный процесс жизни, на котором раскрываются базовые жизненные события, значимые для человека последовательно и взаимосвязанно [2].

На современном этапе развития отечественной пенитенциарной психологии существует заказ на проведение исследований, посвященных анализу внутренней организации психических предикторов активности и личностной самоорганизацию (психические защиты, иррациональные установки мышления, автономность и принятие себя, Я-концепция, самооценка и самопринятия) несовершеннолетнего на разных этапах отбывания наказания.

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии впервые, на базе УФСИН России по Вологодской области. Выборку составили 40 человек (20 несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание впервые, первая группа, и 20 осужденных, отбывающих наказание неоднократно).

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности временной перспективы у несовершеннолетних нами был использован «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (см. Таблицу 1).

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что у респондентов, включенных в первую группу, наибольшие показатели по таким шкалам как «Фаталистическое насто-

ящее» (3,7) и «Негативное прошлое» (3,9). Вероятно, временная ориентация респондентов, включенных в первую группу, характеризуется узостью интересов, ригидностью эмоциональной сферы, описывающей события и переживания прошлого, преимущественно, в негативных эмоциях, несвязанных между собой и блокирующей целостность восприятия жизненного пути.

Таблица 1. Сводная таблица средних значений по «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо) в первой группе

№	Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение
1.	Негативное прошлое	3,9	0,8
2.	Гедонистическое настоящее	2,7	1,1
3.	Будущее	2,6	0,4
4.	Позитивное прошлое	2,2	0,7
5.	Фаталистическое настоящее	3,7	0,7

Кроме этого, умеренно низкие показатели по шкалам «Будущее» (2,6) и «Позитивное прошлое» (2,2) позволяют предположить, что жизненной картине у несовершеннолетних, оказавшихся в условиях социальной изоляции впервые, преобладают негативные события, образ этих событий достаточно стереотипен, не соотносится с возможностью самореализации в воспитательной колонии.

В целом, в структуре временной перспективы у несовершеннолетних, включенных в первую группу, преобладают негативные социальные стереотипы, пассивность и инфантильность в оценке чувства безопасности и трансформации механизмов снятия ответственности в настоящем.

Вероятно, под влиянием совершенного подростком преступления, норм и ценностей криминальной тюремной субкультуры, снижается значимость таких событий, которые были в прошлом (семья, детство), а также блокирует возможность конструктивной оценки в выборе жизненных сфер, в которых подросток принимал участие. В описании событий жизненного пути подросток предпочитает отмечать такие ситуации, которые не способствуют социально положительным связям, а, наоборот, говорят об социальной отчужденности несовершеннолетнего (семья, близкие родственники).

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 2, позволяет отметить значимые различия между первой и второй группами по шкалам «Негативное прошлое» ($p 0,01$), «Фаталистическое настоящее» ($p 0,01$), «Будущее» ($p 0,05$) и «Позитивное прошлое» ($p 0,05$).

Таблица 2. Сравнение средних значений, полученных по «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо) у респондентов, включенных в первую и вторую группы

№	Показатель	Среднее значение	Среднее значение	U-критерию Манна-Уитни
1.	Негативное прошлое	3,9	2,5	$p 0,01$
2.	Гедонистическое настоящее	2,7	3,0	—
3.	Будущее	2,6	3,8	$p 0,05$
4.	Позитивное прошлое	2,2	3,5	$p 0,05$
5.	Фаталистическое настоящее	3,7	2,4	$p 0,01$

Можно предположить, что различия в эмоциональной и смысловой оценке событий и переживаний у несовершеннолетних, оказавшихся в условиях социальной изоляции впервые, напрямую обеспечивают аффективную окраску негативного прошлого и фаталистического настоящего.

Вероятностная причина полученных данных обусловила эгоистическую позицию подростков в отношении ответственности и вины в совершенном преступлении, декларируемом раскаянии, трудности в самоанализе, а также неспособность выстроить целостную картину жизненного пути, учитывающую взаимосвязь событий прошлого, настоящего и вероятностного будущего.

Кроме этого, выявленные особенности временной перспективы позволяют нам предположить о дефицитности и пробельности представлений несовершеннолетних, включенных в первую группу относительно роли собственной семьи, необходимости в социально полезных связях с родителями и близкими.

Таким образом, в ходе изучения особенностей сформированности временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание впервые, удалось установить достаточно низкий уровень продуктивности восприятия собственного жизненного пути, аффективной окрашенностью переживаний прошлого и настоящего, отказ от построения жизненных планов как в процессе отбывания наказания в воспитательной колонии, так и после освобождения.

Результаты нашего исследования продемонстрировали принципиальные различия и деформации структурных и содержательных временной перспективы у различных категорий несовершеннолетних правонарушителей.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
2. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.
3. Ковалев В.И. Особенности личностной организации времени жизни // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука, 1995. С. 179–185.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
5. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации».
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

CHARACTERISTICS OF THE TIME PERSPECTIVE OF JUVENILE OFFENDERS SERVING THEIR SENTENCES IN A CORRECTIONAL COLONY FOR THE FIRST TIME

Sobolev N.G.

Federal Penitentiary Service of Russia

The problem of organizing psychological support for juvenile offenders at different stages of their sentence takes into account the importance and necessity of uncovering fundamental psychological structures capable of transforming adolescents' perceptions of their life path within the framework of socially approved needs and interests.

The use of psychodiagnostic methods for analyzing events and experiences ensures a holistic perception of the adolescent's self-concept, the relationship between the self-concept and past and present events, and the actualization of the significance of an active stance. Addressing the deep, often unconscious or previously repressed experiences of adolescent offenders allows us to uncover the qualitative characteristics of their life trajectory and the causes of destructive evaluative and regulatory mechanisms.

An empirical study was conducted on the characteristics of time perspective in juvenile offenders serving their sentences in social isolation for the first time. Dominant indicators in the structure of time perspective and distinctive features of time perspective in different categories of juvenile offenders were identified. The author attempted to evaluate the semantic organization of time perspective, as well as the differentiation of ideas about past, present, and future events in the juvenile's life trajectory and their interrelationships.

Keywords: time perspective, juvenile offender for the first time, juvenile correctional facility, negative past, fatalistic present, life trajectory.

References

1. Abul'xanova-Slavskaya K.A., Berezina T.N. Vremya lichnosti i vremya zhizni. SPb.: Aleteya, 2001. 304 s.
2. Golovaxa E.I. Zhiznennaya perspektiva i professional'noe samoopredelenie molodezhi. Kiev: Naukova dumka, 1988. 144 s.
3. Kovalev V.I. Osobennosti lichnostnoj organizatsii vremeni zhizni // Gumanisticheskie problemy' psixologicheskoy teorii. M.: Nauka, 1995. S. 179–185.
4. Levin K. Teoriya polya v social'ny'x naukax. SPb.: Rech', 2000. 368 s.
5. Prikaz Ministerstva yustitsii Rossijskoj Federacii ot 29.11.2023 № 350 «O resocializatsii, social'noj adaptatsii i social'noj rehabilitatsii licz, v otnoshenii kotory'x primenyaetsya probatsiya v sootvetstvii s Federal'ny'm zakonom ot 06.02.2023 № 10-FZ «O probatsii v Rossijskoj Federacii».
6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 N 1138-r (red. ot 27.05.2023) «O Konceptcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy' Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda».

Концептуальные положения и принципы стратегии криминологической безопасности образования

Сидорова Екатерина Закариевна,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедр уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: ketrik6@mail.ru

Предмет и цель работы. Предметом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения криминологической безопасности образовательной среды, включая деятельность субъектов профилактики по нейтрализации криминальных угроз, защите прав и законных интересов участников образовательного процесса. В предметную область также входят теоретико-методологические основы формирования стратегии противодействия криминальным угрозам в сфере образования: понятийно-категориальный аппарат, концептуальные положения, принципы и механизмы реализации стратегии с учетом современных вызовов, включая цифровизацию и появление новых форм деструктивного воздействия на молодежь. Цель работы заключается в формулировании и обосновании системной теоретико-методологической основы для разработки стратегии криминологической безопасности образования, которая позволила бы обеспечить целостность, устойчивость и защищенность образовательной среды, а также создать условия для перехода от реактивной модели реагирования на криминальные угрозы к опережающему управлению рисками в условиях цифровизации общественных отношений. Методология проведения работы. Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать криминологическую безопасность образования как комплексную многоуровневую систему. В работе применены общенаучные методы анализа, синтеза, формально-логический метод и иные. Результаты работы. Выделены три концептуальных положения: образование как критически важный объект инфраструктуры; безопасность как основа образовательных отношений; системный подход, объединяющий профилактику, воспитание и развитие. Предложена иерархия принципов: фундаментальные (гуманизм, законность), системно-организационные (проактивность, комплексность, межведомственность, адаптивность), инструментальные (цифровая гигиена). Обоснован переход к опережающему управлению рисками. Сформулированы условия реализации: совершенствование нормативной базы, целевые программы, подготовка кадров. Область применения результатов. Результаты могут использоваться при разработке государственных стратегических документов, в деятельности органов управления образованием и правоохранительных органов, в учебном процессе. Новизна. Обоснована авторская концепция криминологической безопасности образования, включающая три взаимосвязанных положения; разработана многоуровневая иерархия принципов, учитывающая традиционные ценности и цифровые вызовы; предложен переход к опережающему управлению рисками. Выводы. Формирование стратегии криминологической безопасности образования – насущная потребность развития общества. Предложенные положения создают теоретическую базу для ее разработки. Успех реализации зависит от качества нормативной базы, системного планирования и подготовки кадров.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, стратегия безопасности образования, образовательная среда, критическая информационная инфраструктура, профилактика преступности, цифровая гигиена, межведомственное взаимодействие, принципы безопасности, национальная безопасность, принципы криминологической безопасности.

Актуальность исследования проблем обеспечения безопасности в сфере образования обусловлена качественным изменением природы угроз, с которыми сталкиваются образовательные организации и другие участники образовательных отношений. Традиционные для школ и вузов противоправные деяния (например, хищения, драки среди обучающихся и другое) дополнились принципиально новыми вызовами: кибербуллинг [1, с. 81], вовлечением несовершеннолетних в деструктивные Интернет-сообщества, распространением идеологии экстремизма в молодежной среде, а также фактами скулшутинга, демонстрирующими крайнюю степень криминализации образовательного пространства. Существующая система предупреждения преступности среди обучающихся зачастую носит фрагментарный характер и не успевает за динамикой изменения общественно опасных форм поведения. Ответом на этот вызов должна стать целостная, научно обоснованная государственная стратегия, предметом которой выступает криминологическая безопасность образования.

В научной литературе понятие «криминологическая безопасность» понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз криминального характера [2, с. 30]. Применительно к образовательной сфере данная дефиниция требует существенной конкретизации. Криминологическая безопасность системы образования представляет собой составную часть национальной безопасности, выражающуюся в таком состоянии защищенности всех элементов образовательной системы от внутренних и внешних угроз криминального характера, которое позволяет обеспечить ее целостность и устойчивое развитие [3, с. 182]. Объектами такой защиты выступают не только материальные компоненты (имущество и здание образовательных организаций) и участники образовательного процесса, но и образовательные стандарты, сам процесс воспитания и обучения, а также управленческие отношения в сфере образования.

Принципиальным выводом является то, что криминологическая безопасность образования – это не набор разрозненных мер, а комплексная стратегическая система инструментов и механизмов, ориентированных на обеспечение состояния защищенности образовательной среды и ее компонентов от преступных посягательств, что достигается через целенаправленную государственную политику. Обеспечение безопасности не может сводиться к установке турникетов или проведению разовых лекций. Данная деятельность требует постоянной, скоординированной деятельности, охватывающей все уровни власти – от федерального законодательства до локальных правовых актов образовательных организаций, на основании которых осуществляется взаимодействие учителя и ученика.

Любая стратегия должна опираться на определенные исходные теоретические установки, определяющие ее содержание и целевые ориентиры [4, с. 124]. Анализ современного состояния образовательной сферы позволяет выделить три ключевых концептуальных положения:

1) понимание образования как критически важного объекта инфраструктуры государства. Критически важными объектами инфраструктуры называются объекты, нарушение функционирования которых может нанести существенный ущерб национальной безопасности государства и его гражданам в экономической, социальной и других сферах [5, с. 206]. Традиционно образование рассматривается либо как социальная сфера, либо как сфера услуг [6, с. 415]. По нашему мнению, институт образования следует рассматривать как критически важный объект инфраструктуры страны. Во-первых, образовательные организации являются местами массового скопления наиболее уязвимой категории граждан – детей и молодежи. Преступные посягательства, совершаемые в образовательной организации (такие как террористический акт, скулшутинг [7, с. 87] и иное), всегда являются ударом по социальной стабильности, подрывающим доверие населения к государству. Во-вторых, институт образования обеспечивает воспроизводство человеческого капитала нации. Преступные посягательства, направленные на деформацию ценностных ориентаций молодежи, подрывают саму возможность формирования патриотичного гражданина. В-третьих, цифровизация образования привела к тому, что образовательные организации стали обладателями огромных массивов персональных данных [8, с. 15]. Информационные системы

в управлении образованием – это объекты критической информационной инфраструктуры, кибератаки на которые способны парализовать работу образовательных организаций и приостановить образовательный и воспитательный процессы, которые должны вестись непрерывно в целях формирования личности подрастающего поколения нации;

2) безопасность как основа реализации образовательных отношений [9, с. 209]. Безопасность должна лежать в основе самого образовательного процесса. Без чувства безопасности невозможно осуществлять ни эффективное обучение, ни воспитание. Страх и тревога блокируют когнитивные способности человека. Ученик, опасаящийся буллинга или скулшутинга, не сможет сосредоточиться на учебном материале. Более того, безопасность является важнейшим компонентом воспитания. Если в образовательной организации педагогические работники не будут реагировать на факты психологической травмы, совершаемой в отношении отдельных обучающихся, то тем самым школа своим бездействием фактически будет способствовать воспитанию будущих правонарушителей, транслируя возможность распространения криминальной субкультуры;

3) системный подход, включающий три вектора – профилактику, воспитание и развитие. Обеспечение криминологической безопасности образования не может быть сведено к какому-либо одному направлению, поскольку профилактика – это комплекс мер, направленных на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений, воспитание – это процесс по формированию у обучающихся устойчивых антикриминальных установок, правовой культуры, навыков безопасного поведения, а развитие – это деятельность по созданию позитивных альтернатив для самореализации участников образовательных отношений, что позволит нейтрализовать влияние идеологических факторов криминализации обучающихся и педагогов. Именно поэтому три названных вектора должны реализовываться одновременно и во взаимосвязи.

Если говорить о принципах стратегии криминологической безопасности образования, можно отметить, что они носят многоуровневый характер и образуют строгую иерархию.

Фундаментальные принципы включают в себя в первую очередь принцип гуманистической направленности образования, который заключается в том, чтобы меры безопасности, необходимые для защиты образовательной среды от криминальных угроз, применялись ограничено и обоснованно, поскольку излишнее их применение может разрушить саму суть образования – атмосферу доверия и творчества. Другой фундаментальный принцип – принцип законности – требует строгого соответствия всех применяемых предупредительных мер нормам законодательства и недопустимости применения незаконных методов противодействия преступности.

Системно-организационные принципы определяют суть системы безопасности. Принцип проактивности требует перехода к опережающему управлению рисками, существующими в системе криминологической безопасности образования, постоянного мониторинга криминогенной обстановки в образовательной среде, прогнозирования появления новых угроз. Принцип комплексности предполагает интеграцию правовых, организационных, технических, психолого-педагогических и информационных мер. Принцип межведомственности требует четкого распределения ответственности и эффективной координации действий всех субъектов образовательных отношений и иных субъектов, задействованных в обеспечении криминологической безопасности образования, таких как муниципальные органы управления образованием, органы внутренних дел, органы социальной защиты населения и другие. Принцип адаптивности в механизме обеспечения криминологической безопасности образования означает наличие возможности быстрой корректировки стратегических планов с учетом динамики криминальных угроз, посягающих на образовательную среду.

Инструментальные принципы регулируют применение отдельных методов обеспечения безопасности образования. Особое значение приобретает принцип цифровой гигиены участников образовательных отношений, который выражается в первую очередь в формировании у обучающихся и педагогов правил безопасного поведения в цифровой среде и в соблюдении цифровой гигиены самими образовательными организациями. Как справедливо отмечают отечественные правоведы, технологический императив будет определять будущее человечества на многие годы вперед [10, с. 375]. Это утверждение напрямую касается и сферы образования: стремительное развитие цифровых технологий не только открывает новые возможности для обучения, но и порождает ранее не известные криминальные угрозы, с которыми участники образовательных отношений сталкиваются ежедневно. Именно поэтому формирование цифровой гигиены становится не просто рекомендацией, а необходимым условием обеспечения криминологической безопасности образовательной среды. Субъекты образо-

вательных отношений (дети и взрослые) должны знать, как защитить свои персональные данные, как распознать вербовщиков в социальных сетях, как определить признаки деструктивного поведения у других лиц. При этом недопустимы ситуации, когда педагоги создают почву для конфликтов незитичным поведением и некалфицированными действиями, в том числе в цифровом пространстве.

Объединяющим началом для всех перечисленных положений является идея перехода от модели реагирования на свершившиеся факты к модели опережающего управления криминальными рисками в сфере образования. Данный посыл должен лежать в основе предлагаемой стратегии. Реактивная модель, при всей ее значимости, обладает неустранимыми недостатками: она всегда запаздывает, работая с прошлым, тогда как угрозы приходят из будущего; она чрезвычайно затратна, поскольку ликвидация последствий всегда дороже профилактики; она не способна работать с латентными процессами, оставшимися вне поля зрения официальных структур.

Опережающее управление рисками предлагает иную логику. Ключевыми элементами этой модели являются непрерывный мониторинг и прогнозирование на основе анализа официальной статистики, социологических опросов, мониторинга социальных сетей; идентификация и оценка факторов риска; разработка превентивных мер, направленных на нейтрализацию выявленных факторов; постоянная оценка эффективности принятых мер.

Ключевым вызовом при реализации этой модели является опасность применения излишнего, необоснованного контроля за участниками образовательных отношений в целях обеспечения безопасности образовательной среды. Стратегия должна успешно балансировать между необходимыми императивными мерами безопасности и недопустимостью ограничения академических свобод. Этот баланс достигается через открытость и гласность, соразмерность мер реальной угрозе, наличие общественного и государственного контроля и механизмов обжалования принимаемых решений, в особенности ограничивающих права и свободы участников образовательных отношений.

Вместе с тем, разработка концептуальных положений является необходимым, но не достаточным этапом в процессе обеспечения криминологической безопасности образования на уровне федерального механизма реализации названной стратегии, который возможно применить только при соблюдении ряда условий.

Первое условие – совершенствование нормативной правовой базы. Необходима разработка отдельной концепции или стратегии криминологической безопасности образования на уровне федерального нормативно-правового акта. Такой документ должен закрепить понятийный аппарат, разграничить полномочия субъектов, участвующих в обеспечении криминологической безопасности образования, установить стандарты такой безопасности и механизмы финансирования.

Второе условие – реализация целевых программ и постоянный мониторинг достижения целей. Стратегия должна быть включать в себя конкретные мероприятия с индикаторами эффективности. Необходимо создание специализированных центров криминологического мониторинга, которые на регулярной основе будут оценивать состояние защищенности образовательной среды и эффективность принимаемых мер.

Третье условие – подготовка кадров, способных действовать в соответствии с концептуальными установками стратегии. Никакие самые совершенные нормативные акты не заработают без учителя, психолога, директора школы, понимающих суть профилактической работы и владеющих современными методиками противодействия криминальным угрозам. Требуется включение модулей по криминологической безопасности в программы педагогического образования, а также регулярное повышение квалификации действующих педагогов.

Подводя итог, следует отметить, что формирование стратегии криминологической безопасности образования является насущной потребностью современного этапа развития российского общества. Предложенные в статье концептуальные положения – понимание образования как критически важного объекта инфраструктуры государства, трактовка безопасности как основы образовательных отношений, системный подход, объединяющий профилактику, воспитание и развитие – создают необходимую теоретическую базу для разработки такой стратегии. Выстроенная иерархия принципов от фундаментальных до инструментальных позволяет учесть как традиционные правовые ценности, так и современные цифровые вызовы. В основе разрабатываемой стратегии должен лежать концептуальная идея о переходе к опережающему управлению рисками, предполагающем постоянный мониторинг, прогнозирование угроз и разработку превентивных мер. Успех реализации стратегии напрямую зависит от качества нормативной базы, системного подхода к планированию мероприятий и, что наиболее важно, от подготовки педагогических кадров, способных во-

плотить эти идеи в повседневной практике. Только при соблюдении этих условий можно обеспечить истинную защищенность образовательной среды и ее гармоничное развитие в интересах личности, общества и государства.

Литература

1. Шакирова Д.М. Кибербуллинг в школьной среде // Социология и право. 2018. № 4(42). С. 81–86. EDN YSXOUP.
2. Лапин А.А. Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 1. С. 29–36. EDN TVSRQN.
3. Сидорова Е.З. Цифровая, антиэкстремистская и иные виды криминологической безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 181–189. EDN XDZDJQ.
4. Васина В.Н. Теоретические основы понятия стратегия // Успехи современной науки. 2017. Т. 3, № 1. С. 124–126. EDN XXEOWN.
5. Кирдун А. Л., Назин А.Е., Кулешов Ю.Е. Методика определения критически важных объектов инфраструктуры обеспечения жизнедеятельности населения // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2019. Т. 3, № 2. С. 206–215. DOI 10.33408/2519-237X.2019.3-2.206. EDN ZQRLFR.
6. Рацлаф А.А., Ершова В.Ю., Кузнецова М.Н. Образовательная услуга как общественное благо // Молодой ученый. 2014. № 21(80). С. 415–416. EDN TCVAUH.
7. Васильев В.В. Скулшутинг в образовательных учреждениях: понятие и причины // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11–3(74). С. 87–90. DOI 10.24412/2500-1000-2022-11-3-87-90. EDN XKQSWW.
8. Литвиненко О. В., Чуркина Н.А. Цифровизация: персональные данные в цифровой образовательной среде // Педагогика. 2023. Т. 87, № 1. С. 15–23. EDN YJYUAW.
9. Котова Н. С., Есенская Т.В. Образовательная безопасность как базовый компонент системы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 209–213. EDN ULTYZ.
10. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. Технологические трансформации: рост возможностей и правовой ответ на возникающие риски // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 4. С. 735–740. DOI 10.21202/jdtl.2024.37. EDN ACMFLL.

CONCEPTUAL PROVISIONS AND PRINCIPLES OF A CRIMINOLOGICAL SECURITY STRATEGY FOR EDUCATION

Sidorova E.Z.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Subject and Purpose of the Study. The subject of this study is the social relations that develop in the process of ensuring criminological security in the educational environment, including the activities of preventive actors to neutralize criminal threats and protect the rights and legitimate interests of educational participants. The subject area also includes the theoretical and methodological foundations for developing a strategy to counter crim-

inal threats in education: a conceptual framework, conceptual provisions, principles, and mechanisms for implementing the strategy, taking into account modern challenges, including digitalization and the emergence of new forms of destructive influence on young people. The goal of the work is to formulate and substantiate a systemic theoretical and methodological basis for developing a strategy for criminological security in education that would ensure the integrity, sustainability, and security of the educational environment, as well as create conditions for the transition from a reactive model of responding to criminal threats to proactive risk management in the context of the digitalization of social relations. **Methodology.** The methodological basis of the study is a systems approach, allowing for the consideration of criminological security in education as a complex, multi-level system. General scientific methods of analysis, synthesis, formal logic, and other approaches are used in the work. **Results.** Three conceptual propositions are highlighted: education as a critical infrastructure facility; security as the foundation of educational relations; A systems approach integrating prevention, education, and development is proposed. A hierarchy of principles is proposed: fundamental (humanism, legality), systemic-organizational (proactivity, comprehensiveness, interdepartmentalism, adaptability), and instrumental (digital hygiene). A transition to proactive risk management is justified. Implementation conditions are formulated: improvement of the regulatory framework, target programs, and personnel training. **Scope of application of results.** The results can be used in the development of state strategic documents, in the activities of education authorities and law enforcement agencies, and in the educational process. **Novelty.** The author's concept of criminological security in education, incorporating three interrelated principles, is substantiated; a multi-level hierarchy of principles is developed, taking into account traditional values and digital challenges; a transition to proactive risk management is proposed. **Conclusions.** The development of a strategy for criminological security in education is a pressing need for societal development. The proposed provisions create a theoretical basis for its development. Successful implementation depends on the quality of the regulatory framework, systemic planning, and personnel training.

Keywords: criminological security, education security strategy, educational environment, critical information infrastructure, crime prevention, digital hygiene, interdepartmental cooperation, security principles, national security, principles of criminological security.

References

1. Shakirova D.M. Cyberbullying in the School Environment // Sociology and Law. 2018. No. 4 (42). Pp. 81–86. EDN YSXOUP.
2. Lapin A.A. Criminological Security in the National Security Strategy of Russia // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2015. No. 1. Pp. 29–36. EDN TVSRQN.
3. Sidorova E.Z. Digital, Anti-Extremist and Other Types of Criminological Security of the Educational Environment // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (115). Pp. 181–189. EDN XDZDJQ.
4. Vasina V.N. Theoretical Foundations of the Concept of Strategy // Advances in Modern Science. 2017. Vol. 3, No. 1. Pp. 124–126. EDN XXEOWN.
5. Kirdun A. L., Nazin A.E., Kuleshov Yu.E. Methodology for identifying critical infrastructure facilities to support the life of the population // Bulletin of the Civil Defense University of the Ministry of Emergency Situations of Belarus. 2019. Vol. 3, No. 2. Pp. 206–215. DOI 10.33408/2519-237X.2019.3-2.206. EDN ZQRLFR.
6. Ratclaf A. A., Ershova V. Yu., Kuznetsova M.N. Educational service as a public good // Young scientist. 2014. No. 21(80). Pp. 415–416. EDN TCVAUH.
7. Vasiliev V.V. Schoolshooting in Educational Institutions: Concept and Causes // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 11–3(74). Pp. 87–90. DOI 10.24412/2500-1000-2022-11-3-87-90. EDN XKQSWW.
8. Litvinenko O. V., Churkina N.A. Digitalization: Personal Data in the Digital Educational Environment // Pedagogy. 2023. Vol. 87, No. 1. Pp. 15–23. EDN YJYUAW.
9. Kotova N. S., Yesenskaya T.V. Educational Security as a Basic Component of the Russian National Security System // State and Municipal Administration. Scientific Notes of the SKAGS. 2015. No. 3. P. 209–213. EDN ULTYZ.
10. Begishev I.R., Zharova A.K., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. Technological transformations: growing opportunities and legal response to emerging risks // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. No. 4. P. 735–740. DOI 10.21202/jdtl.2024.37. EDN ACMFLL.

Соболев Нурлан Расимович,
специалист, Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: sobolev.nnn@mail.ru

Исследование направлено на анализ юридической природы уголовно-правовых рисков через призму наиболее динамичных цифровых общественных отношений, возникающих ввиду оборота персональных данных. Поскольку категория «уголовно-правовой риск» по сей день не находит устоявшегося доктринального определения целям исследования являются: определение юридико-значимых характеристик уголовно-правовых рисков в сфере оборота персональных данных, конструирование понятия и выявление классифицирующих признаков. Для достижения вышеописанных целей был решен ряд задач, к числу которых относятся: изучение актуальных подходов к пониманию уголовно-правовых рисков, анализ действующего законодательства в сфере оборота персональных данных, особенно уголовно-правовых норм. Методологическую основу исследования помимо диалектического метода составили общенаучные методы (в том числе анализ, синтез, дедукция, сравнение) и собственно юридические – формально-догматический, герменевтический метод. Исследование носит междисциплинарный характер, что свойственно для динамики современных правоотношений. Оно находится на стыке уголовного права, информационного права и теории риск-менеджмента. По итогам исследования удалось сформулировать авторское интегративное определение уголовно-правовых рисков в сфере персональных данных и структурировать неисчерпывающую типологию. Разработанная классификация позволяет дифференцировать превентивные меры на законодательном и правоприменительном уровнях.

Ключевые слова: уголовно-правовой риск, персональные данные, оборот персональных данных, цифровые общественные отношения, уголовное право, информационное право, правовое регулирование, уголовно-правовые нормы, классификация рисков, превентивные меры.

Доктрина уголовного права традиционно выступает двигателем модернизации механизмов охраны общественных отношений. Однако на сегодняшний день активное развитие общественных отношений в сфере электронной коммерции, дистанционного банковского обслуживания или использования биометрических данных частными лицами во многом опережает не только законодательное, но и научное осмысление.

Специфика оборота персональных данных предопределяет высокую волатильность регуляторной среды. Наглядным подтверждением этому служит деятельность ФСТЭК России по регулярному обновлению нормативно-технических требований. Так, планируемое вступление в силу с 01.03.2026 г. Приказа ФСТЭК от 11.04.2025 № 117 (взамен Приказа № 17 от 11.02.2013) не только актуализирует меры некриптографической защиты информации в государственном секторе, но и впервые вводит нормы (п. 34, 49, 60, 61), регламентирующие безопасность систем с использованием искусственного интеллекта. Аналогичная динамика наблюдается и в федеральном законодательстве: дополнение Ф3-152 пунктом 13.1 трансформирует правовой режим обработки персональных данных, прошедших процедуру обезличивания, ограничивая её передачу без согласия субъекта рамками государственных информационных систем (ГИС) по запросам Минцифры России.

Такой законодательный подход демонстрирует модель правотворчества, направленную на оперативное устранение пробелов в условиях технологического скачка. В свою очередь, правоприменительная практика указывает на адаптивность: сегодня деятельность субъектов предпринимательства во многом переориентирована на создание систем комплаенса, направленных на превентивное сопоставление фактических хозяйственных процессов с динамично меняющимися регуляторными требованиями [1]. Это правоприменительное явление во многом привело к научной дискуссии о том, что такое уголовно-правовой риск в условиях динамичных изменений общественных отношений.

Большой вклад в развитие предмета исследования внес В.Н. Воронин. Автор систематизировал научные подходы к пониманию уголовно-правовых рисков и, проводя социолого-правовое исследование, сформулировал понятие: «под уголовно-правовым риском логичнее понимать правовую оценку тех негативных последствий, которые наступают в результате рискованного поведения лица» [2].

При этом правовед видит вторичность уголовно-правовых рисков по отношению к объективному риску. Хотя определение «объективного риска» в исследовании, к сожалению, не указано. Оттого природа объективности риска в авторской концепции остается не до конца раскрытой.

Однако представляется, что уголовно-правовые риски как правовую категорию необходимо рассматривать значительно шире. Автор рассматривает риск исключительно в качестве правовой оценки негативных последствий, но на наш взгляд такой подход ставит существование риска в зависимость от интерпретатора (комплаенс-специалиста, правоприменителя), тогда как сама возможность наступления негативных последствий существует объективно, вне зависимости от факта ее осознания. В этом контексте субъективное восприятие риска адресатом нормы (осознание угрозы) является производным от волатильного состояния регуляторной среды.

Истинная природа уголовно-правового риска раскрывается в условиях правовой неопределенности, когда легитимная деятельность хозяйствующих субъектов осуществляется на фоне нестабильности регуляторных требований. В таких условиях риск формируется не столько субъективным восприятием, сколько объективными дефектами законодательства (пробельностью, избыточной бланкетностью или отставанием правового регулирования от развития технологий). В этом смысле источником риска выступает не само деяние, а непредсказуемость реакции правоприменителя на новые формы общественных отношений.

Уголовно-правовой риск очень важно отличать от преступного деяния. В ситуациях с очевидной общественной опасностью (например, при совершении убийства или при уклонении от уплаты налогов) субъект осознает противоправность своего поведения на уровне базовых социальных норм. Наступление уголовной ответственности в таких случаях является закономерным и ожидаемым итогом, а не вероятностью.

Но при анализе отношений в сфере оборота персональных данных ситуация меняется. При обработке персональных данных опасность деяния зачастую неочевидна для субъекта (в отличие от посягательств на личность или собственность), поскольку она конструируется законодателем не через причинение явного физического или материально-вреда, а через нарушение формальных, постоянно усложняющихся технических регламентов. Грань между административным правонарушением (ст. 13.11 КоАП РФ) и уголовным преступлением (ст. 272.1, 274 УК РФ) становится подвижной, зависимой от правоприменительного усмотрения.

Проблема усугубляется тем, что в условиях цифровизации размывается и сама фигура субъекта ответственности: при использовании автоматизированных систем обработки данных или алгоритмов искусственного интеллекта (Big Data) возникает проблема вменения вины конкретному физическому лицу – разработчику, специалисту по кибербезопасности или руководителю организации. В таких обстоятельствах риск трансформируется из вероятности наказания за умышленное преступное деяние в вероятность криминализации неосознанной, но добросовестной хозяйственной деятельности вследствие дефектов юридической техники и чрезмерной бланкетности норм.

Характерно, что В.Н. Воронин, описывая, инициированные адвокатским сообществом, профильные конференции по уголовно-правовым рискам, отмечает их изначально «просветительский и маркетинговый характер». Однако, по нашему мнению, такая реакция рынка юридических услуг является прямым следствием описанных выше тенденций: хозяйствующие субъекты вынуждены искать механизмы адаптации к динамичной регуляторной среде с высокой степенью неопределенности. Это подтверждает тезис о том, что научный анализ риска должен выходить за рамки оценки последствий, декларации объективного и фокусироваться на первопричинах – состоянии законодательства.

Так, А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева и С.В. Маликов, описывая уголовно-правовые риски цифровизации указывают на стремительное развитие «потенциальных киберугроз» [3]. При этом авторы считают, что «подготовка нормативных правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации... должна сопровождаться оценкой возможных рисков с целью безотлагательной разработки (корректировки) уголовно-правовых норм», поскольку «выбранный законодателем путь конструирования составов преступлений, направленных на противодействие преступлениям в информационной сфере, всегда будет запаздывать, страдать пробельностью и неспособностью охватить все возможные общественно опасные деяния и их последствия». Как видно, из вышеописанного, авторы рассматривают уголовно-правовые риски цифровизации как комплекс несовершенств законодательства, который в совокупности с ростом киберпреступности ведет к угрозе общественным отношениям.

Еще более точно эту идею описывает С.М. Кочои. Правовед видит в отсутствии упоминания беспилотных транспортных средств в конкретных нормах УК РФ «уголовно-правовые риски причинения вреда объектам, охраняемым уголовным законом» [4]. То есть, автор первоначально рассматривает уголовно-правовые риски цифровизации как вероятную угрозу общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. В заключение, С.М. Кочои приходит к выводу о необходимости определения порога уголовной ответственности, указывая, что «преследование должно иметь место только тогда, когда не соблюдаются разумные и минимальные требования, направленные на недопущение причинения вреда в ситуации, в которой он не должен быть причинен». В этом контексте дискуссионным, но перспективным представляется предложение А.И. Чучаева и А.И. Коробеева о конструировании составов цифровых преступлений по типу материальных (с обязательным наступлением последствий) [5]. И хотя С.М. Кочои высказывает сомнения относительно технической реализации таких норм, мы полагаем, что именно материальная конструкция способна минимизировать риск объективного вменения. Но в то же время, необходимо учитывать, что такой подход может создать условия незащищенности общественных отношений, поскольку оценка вреда в рамках киберпреступности по-прежнему остается осложненной.

При этом «управленческий» риск (риск привлечения к ответственности), о котором пишет В.Н. Воронин, является частным случаем риска для общественных отношений. По нашему мнению, применение уголовной ответственности к субъекту, допустившему техническую ошибку в отсутствие общественной опасности деяния, деформирует принципы справедливости и разрушает нормальный гражданский оборот. Из этого следует, что и пробел в законе (оставляющий безнаказанным хакера информационный системы), и дефект закона (наказывающий невиновного оператора данных) представляют собой равносиль-

ные риски для наступления негативных последствий общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Все вышеуказанное позволяет сформировать ряд существенных характеристик уголовно-правовых рисков в сфере оборота персональных данных:

Во-первых, уголовно-правовой риск носит вероятностный, а не констатирующий характер. Это принципиально отличает его от оконченного состава преступления.

К примеру, Р.В. Шишкин отмечает, что «уголовно-правовые риски – понимаются как опасность быть подвергнутым уголовному преследованию без законных материально-правовых оснований...», но по итогам исследования приходит к выводу о том, что «к уголовно-правовым рискам в условиях цифровой трансформации, необходимо относить преступления, способ которых может включать использование информационно-телекоммуникационных технологий» [6]. Однако не совсем понятно, чем, по мнению автора, уголовно-правовой риск отличается от преступления.

С нашей точки зрения, сам риск обусловлен невозможностью в условиях динамики цифровых отношений и несовершенством законодательной техники в полной мере оценить общественную опасность деяния, выявить субъекта и определить форму вины (тем более в условиях интеграции ИИ).

В сфере оборота персональных данных вышеуказанный тезис прослеживается особенно явно. Сегодня существуют различные подходы, но нет точных характеристик того, как определить общественную ценность персональных данных [7]. Оттого сложно оценить, какую опасность несет их компрометация. При том, что утечка биометрических данных может повлечь за собой перманентную утерю гражданином монополии на использование своей биометрии в цифровой среде. Не меньшей общественной значимостью обладают вопросы, связанные с утечкой данных коммерческих организаций [8].

Во-вторых, причиной риска выступает разрыв между развитием технологий и их правовым регулированием.

Высокий динамизм общественных отношений в цифровой среде неизбежно опережает «ситуативное» нормотворчество. Положение усугубляется несовершенством бланкетного законодательства: регуляторные требования (например, приказы ФСТЭК или поправки в ФЗ-152) меняются быстрее, чем формируется устойчивая судебная практика по ст. 272.1 УК РФ. В результате, добросовестный участник оборота (оператор персональных данных) оказывается в ситуации, когда его действия, легитимные на момент совершения, могут постфактум получить уголовно-правовую оценку как общественно опасные вследствие изменения нормативного ландшафта (ввиду длящегося характера оборота персональных данных).

В-третьих, уголовно-правовой риск обладает двойственной природой последствий:

– дефицит защищенности общественных отношений: когда из-за пробелов в законодательстве новые формы преступной активности (например, использование биометрических дипфейков или парсинга данных) могут остаться безнаказанными;

– избыточная криминализация: когда вследствие ошибки правоприменения или широкой трактовки бланкетных норм уголовная ответственность может быть возложена на субъекта, допустившего техническую ошибку, не обладающую качеством общественной опасности.

Опираясь на выделенные выше существенные характеристики и учитывая природу возникновения угроз, представляется целесообразным классифицировать уголовно-правовые риски по источнику их происхождения.

Законодательные (нормотворческие) риски

Данная группа рисков обусловлена дефектами юридической техники, высокой степенью бланкетности уголовно-правовых норм и темпоральным разрывом между возникновением технологии и принятием закона. В условиях цифровой среды законодатель вынужден использовать конструкции с открытым перечнем действий в диспозиции нормы, что порождает следующие угрозы общественным отношениям:

Риск неопределенности границ уголовно-правового запрета

По нашему мнению, использование законодателем в диспозиции нормы ст. 272.1 УК РФ формулировки «иной незаконный путь» в привязке к бланкетному законодательству (ФЗ-152, приказы ФСТЭК) создает ситуацию, в которой деянием может охватываться практически любое нарушение законодательства о персональных данных. Важно отметить, что ч. 1 ст. 272.1 УК РФ сконструирована по типу формального состава. При этом согласно ст. 13.11 КоАП РФ состав административного правонарушения подразумевает «обработку персональных данных в случаях, не предусмотренных законодательством» или «обработку персональных

данных, несовместимую с целями сбора, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Вопрос определения «границы» между административным нарушением и уголовно наказуемым деянием определяет необходимость дальнейшего научного исследования.

Криминализации деяний, формально нарушающих процедуры обработки данных (без явного наступления общественно опасных последствий в виде вреда личности) могут, по всей вероятности, квалифицироваться как оконченное преступление. Это создает угрозу для стабильности гражданского оборота, так как переводит стандартные ошибки комплаенса в разряд уголовных деяний [9]. Тем не менее, вопрос об определении субъекта состава преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ и разграничение его от состава административного правонарушения (ст. 13.11 КоАП РФ) является предметом самостоятельного исследования и по-прежнему требует научно-правового анализа.

Риск декларативности охраны

Обратная сторона нормотворческого риска заключается в отставании диспозиций статей УК РФ от новых способов посягательств. Например, использование технологии нейросетей для хищения биометрических данных или использование программ-парсеров для сбора общедоступных данных с целью формирования «теневых профилей» граждан, зачастую не охватывается текущими редакциями ст. 272, 272.1, 274 УК РФ и толкованием высших судебных органов. Отсутствие прямого запрета на конкретные технологические манипуляции (как это реализовано, например, в законодательстве КНР в отношении «социальной инженерии» [10]) приводит к тому, что общественно опасные деяния остаются вне рамок правового регулирования.

Правоприменительные (интерпретационные) риски

Вторая группа рисков возникает на этапе реализации уголовного закона. Она обусловлена отсутствием у правоприменителя специальных технических познаний, сложностью доказывания субъективной стороны преступления в цифровой среде.

Риск нарушения принципа вины (ст. 5 УК РФ)

В сфере оборота персональных данных данный риск представляется ключевым для субъектов предпринимательства. В ситуации утечки данных следственные органы сталкиваются с трудностями в установлении конкретного злоумышленника (хакера), использующего средства анонимизации (VPN, TOR, цепочки прокси-серверов). В рамках упрощенного правоприменительного подхода вектор ответственности (ввиду несовершенства нормы УК РФ и отсутствия толкования высших судебных органов) может свестись с неустановленного внешнего нарушителя на должностных лиц организации-оператора (руководителя, системного администратора), вменяя им незаконную передачу или хранение (ст. 272.1 УК РФ) персональных данных ввиду нарушения требований к обработке персональных данных. В этом случае уголовная ответственность наступает не за умышленное причинение вреда, а за сам факт наступления последствий (утечки), что противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ) и приводит к неправомерному расширению сферы применения уголовного закона, где он начинает выполнять несвойственную ему компенсаторную функцию в отношении технологических инцидентов. Это во многом обуславливает искусственную латентность преступности в данной сфере. Стремление субъектов предпринимательской деятельности скрыть сведения об утечках обусловлено не только опасением репутационной потере [11], но и нежеланием нести административное или уголовное наказание. К слову, вопрос об объеме общественного вреда, причиняемого таким сокрытием факта утечки, редко подвергается правовому исследованию.

Риск квалификационных ошибок

Сложность цифровых процессов (облачные вычисления, распределенные реестры, Big Data) приводит к ошибкам в определении места и времени совершения преступления, а также в оценке размера ущерба. В частности, отсутствие утвержденной методики оценки нематериального вреда от компрометации персональных данных (особенно биометрических) приводит к тому, что многие деяния могут быть декриминализованы на этапе доследственной проверки как малозначительные (ч. 2 ст. 14 УК РФ), хотя фактически наносят существенный вред «цифровому обществу» [12].

Выводы

Проведенное исследование позволило определить разнообразие подходов к понятию уголовно-правовой риск: одни авторы понимают такой риск как правовую оценку негативных последствий, наступающих ввиду рискованного поведения лица, другая группа правоведов – видит в них

первостепенно вероятность наступления негативных последствий для общественных отношений ввиду несовершенства законодательства.

На наш взгляд понятие уголовно-правовой риск не требует излишней дихотомии. Обе концепции должны рассматриваться как комплекс причин (несовершенство законодательства и динамизм цифровой среды) и следствий (рискованное поведения лица ввиду неочевидности реакции контрольных, надзорных органов на развивающиеся общественные отношения).

В этой связи предлагается интегративное определение, не исключающее существование вышеописанных подходов:

Уголовно-правовой риск в сфере оборота персональных данных – это обусловленная нормативной неопределенностью и технологической динамикой цифровой среды объективная вероятность деформации механизма уголовно-правовой охраны, выражающаяся либо в снижении уровня защищенности охраняемых уголовным законом общественных отношений, либо в необоснованном расширении пределов уголовной ответственности в отношении деятельности субъектов оборота персональных данных, не обладающей достаточной степенью общественной опасности

Предложенная типология, структурирующая уголовно-правовые риски по источнику происхождения (законодательные и правоприменительные), позволяет дифференцировать превентивные меры: первые требуют совершенствования юридической техники и разъяснений высших судебных органов, вторые – повышения технической компетенции правоприменителей и разработки методик оценки вреда в цифровой среде.

Вместе с тем, предложенный подход методологически отличается от рискологической концепции [13, 14], которая рассматривает уголовно-правовой риск преимущественно через призму обоснованности причинения вреда при реализации социально полезных целей (обстоятельство, исключающее преступность деяния). В отличие от этой позиции, наша концепция акцентирует внимание не на правомерности рискованного поведения, а на дефектах нормативного регулирования, создающих объективную угрозу как недостаточной защиты общественных отношений, так и избыточной криминализации. Иными словами, мы переносим фокус с субъекта (принимающего решение в условиях риска) на законодателя и правоприменителя, формирующих рисковую среду через несовершенство юридической техники.

Предложения не носят ультимативный характер и требуют дальнейшего исследования. Результаты исследования могут быть интерпретированы при исследовании иных охраняемых уголовным законом динамичных общественных отношений (к примеру, в сфере цифровой медицины, оборота цифровых финансовых активов, легализации и финансирования терроризма посредством кредитных организаций).

По-прежнему актуальными остаются исследования в области уголовно-правовой оценки общественной опасности утечки персональных данных, анализа конструкции нормы ст. 272.1 УК РФ (в частности, разъяснения понятия «иной незаконный путь» в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Литература

1. Воронин В.Н. Перспективы уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в цифровом обществе: обоснование необходимости научного исследования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. № 4. С. 154–160.
2. Воронин В.Н. Понятие «уголовно-правовой риск» в социологии уголовного права: опыт теоретического осмысления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 188–200.
3. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В. Цифровизация и ее уголовно-правовые риски // Правосудие. 2019. № 2. С. 133–155.
4. Кочой С.М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 125–135.
5. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex russica. 2019. № 2. С. 9–28.
6. Шишкин Р.В. Уголовно-правовые риски в условиях цифровой трансформации и противодействие им // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 503–506.
7. Тельминова Н.В. Анализ методик оценки стоимости персональных данных // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 9. С. 18–27.
8. Вольдимарова Н.Г. Проблемы регламентации уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой и банковской тайны // Безопасность бизнеса. 2021. № 3. С. 34–39.

9. Русскевич Е.А. Уголовно-правовые риски в деятельности, связанной с аутсорсингом IT-инфраструктуры предприятия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 5. С. 73–79.

10. Пан Д., Фу С. Уголовно-правовая защита персональной информации граждан в Китае: доктрина, законодательная регламентация, правоприменение // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. С. 122–134.

11. Восканян Р.О. Влияние экологической ответственности на гудвилл компании // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 1. С. 95–98.

12. Желудков М.А., Алексеева А.П. Обеспечение защищенности биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2. С. 159–169.

13. Пудовочкин Ю.Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 58–67.

14. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 400 с.

LEGAL NATURE AND TYPOLOGY OF CRIMINAL-LEGAL RISKS OF PERSONAL DATA TURNOVER

Sobolev N.R.

Kutafin Moscow State Law University

This study is devoted to the doctrinal analysis of the legal nature of criminal law risks within the framework of rapidly evolving digital legal relations arising from the circulation of personal data. The relevance of the research is обусловлена the absence of a stable and universally recognized definition of “criminal law risk” in contemporary legal doctrine, particularly in the context of data-driven social interactions. The purpose of the study is to identify legally significant features of criminal law risks in the sphere of personal data circulation, to develop an integrative conceptual definition, and to determine the principal classification criteria enabling their systematic differentiation. To achieve these objectives, the research examines prevailing doctrinal approaches to the understanding of criminal law risks and conducts a comprehensive analysis of current legislation regulating personal data processing, with particular emphasis on criminal law provisions and their practical implementation. The methodological framework is based on the dialectical method and incorporates general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, comparative method), as well as specifically legal methods, including the formal-dogmatic and hermeneutical approaches. The study is interdisciplinary in character, situated at the intersection of criminal law, information law, and risk management theory, which reflects the complexity and dynamic nature of contemporary digital legal relations. The findings allow the author to

formulate an original integrative definition of criminal law risks in the field of personal data and to structure a non-exhaustive typology thereof. The proposed classification provides a theoretical foundation for differentiating preventive measures at both the legislative and law enforcement levels, thereby contributing to the development of a more coherent criminal policy in the digital environment.

Keywords: criminal law risk, criminal law risk doctrine, personal data circulation, digital legal relations, criminal liability in the field of personal data, information law regulation, doctrinal interpretation, risk typology, interdisciplinary legal research, preventive criminal policy.

References

1. Voronin V.N. Prospects of criminal law protection of relations developing in a digital society: substantiation of the need for scientific research // Law Bulletin of Dagestan State University. 2018. No. 4. Pp. 154–160.
2. Voronin V.N. The concept of “criminal law risk” in the sociology of criminal law: the experience of theoretical understanding // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGU). 2024. No. 4. Pp. 188–200.
3. Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Digitalization and its criminal risks // Justice. 2019. No. 2. Pp. 133–155.
4. Kochoi S.M. Criminal law risks of using unmanned vehicles // Actual problems of Russian law. 2021. No. 7. Pp. 125–135.
5. Korobeev A.I., Chuchayev A.I. Unmanned vehicles: new challenges to public safety // Lex russica. 2019. No. 2. Pp. 9–28.
6. Shishkin R.V. Criminal law risks in the context of digital transformation and countering them // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 9. Pp. 503–506.
7. Telminova N.V. Analysis of methods for assessing the value of personal data // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 9. Pp. 18–27.
8. Voldimarova N.G. Problems of regulation of criminal liability for illegal receipt and disclosure of commercial, tax and banking secrets // Business security. 2021. No. 3. Pp. 34–39.
9. Ruskevich E.A. Criminal law risks in activities related to outsourcing of an enterprise's IT infrastructure // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 5. Pp. 73–79.
10. Pan D., Fu S. Criminal and legal protection of personal information of citizens in China: doctrine, legislative regulation, law enforcement // All-Russian Journal of Criminology. 2022. No. 1. Pp. 122–134.
11. Voskanian R.O. The impact of environmental responsibility on the goodwill of the company // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2019. No. 1. Pp. 95–98.
12. Zheludkov M.A., Alekseeva A.P. Ensuring the security of biometric personal data from use for criminal purposes // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2. Pp. 159–169.
13. Pudovochkin Yu.E. The concept of “risk” and the problems of criminal law science // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. Pp. 58–67.
14. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: a theoretical and instrumental analysis. – 2nd ed., reprint. and add. – M.: Prospekt, 2009. – 400 p.

Отдельные вопросы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству по УПК Российской Федерации и УПК Республики Узбекистан

Юнусов Ахат Ахнафович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: axatuk@rambler.ru

Рахимов Ринат Ярославович,

старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета г. Набережные Челны
E-mail: 05051975rinat@gmail.com

В системе стадий и производств отечественного уголовного судопроизводства, стадия подготовки дела к судебному заседанию (назначения судебного разбирательства) занимает особое место, с одной стороны, выступая своего рода проверочным фильтром законной и обоснованной передачи уголовного дела в суд, с другой, реализуя совокупность задач по подготовке оптимальных условий для рассмотрения дела по существу. Соответственно этой двуединой нормативной и социальной задаче законодатель традиционно формулировал тот или иной процессуальный порядок предания обвиняемого суду, предмет и пределы проверки суда на этом этапе, круг участников стадии, их процессуальные права и обязанности, виды возможных, в том числе итоговых решений суда. Значимости данного уголовно-процессуального института обращают внимание и законодатели наших бывших союзных республик некогда единого государства, в частности, в Республике Узбекистан. В УПК Республики Узбекистан нашли свое отражение отдельные положения уголовно-процессуального законодательства России, регулирующие институт подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. Необходимо отметить, что и ряд норм УПК Республики Узбекистан представляют интерес для Российского уголовного процесса как позитивный опыт.

Ключевые слова: Суд, стадия назначения судебного разбирательства, вина, виновность, доказательства, уголовное дело, судебный контроль, прокурорский надзор, следователь, обвиняемый.

В своем движении к итоговому судебному решению уголовное дело проходит несколько стадий и производств. При этом необходимо отметить, что при строгом соблюдении норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства можно предположительно сделать вывод о том, что к судебным производствам уголовное дело поступает, имея достаточно высокую судебную перспективу. Однако необходимо отметить, что на полноту, объективность и качество расследованного уголовного дела влияют достаточно много факторов как субъективных, так и объективных.

Несмотря на многочисленные доктринальные исследования в советский и постсоветский периоды (С.И. Викторский и Я.И. Баршев, М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, С.В. Познышев, Н.Н. Полянский, Н.Н. Розин, Н.Б. Набоков, М.М. Выдра и И.М. Гальперин, Ю.М. Грошевой, В.З. Лукашевич, Т.А. Михайлова, М.С. Строгович, И.Д. Перлов, М.Л. Шифман, О.В. Волколуп, В.М. Бозров, А.П. Гуськова, В.А. Лазарева, Н.Г. Муратова, М.К. Нуркаева, Т.К. Рябинина, А.В. Горяинов, А.В. Шигуров) отдельные вопросы теоретического и прикладного характера все еще остаются актуально-проблемными и требующими дополнительного восприятия, осмысления и исследования.

Лицо, производящее расследование при производстве по делу осуществляет самоконтроль за законностью и обоснованностью производимых им следственных и процессуальных действий, и при содействующей правовой культуре и правосознании обязан не только соблюдать режим законности, но и в силу императивных требований уголовно-процессуального законодательства устранить допущенные им нарушения норм материального и процессуального права, при условии отсутствия с его стороны умышленных противоправных действий (в том числе, коррупционного характера) и злоупотребления служебными положениями и их превышениями.

Без сомнения, на соблюдение режима законности при расследовании преступлений влияет и ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа, который обладает в соответствии со ст. 39 УПК РФ достаточно широкими контрольно-процессуальными полномочиями, направленными на своевременное выявление и устранение допущенных следователем нарушений предписаний уголовно-процессуального законодательства, и несет персональную ответственность за объективность и полноту расследования уголовного дела. Итоговый процессуальный контроль за качеством расследованного уголовного дела руководитель следственного органа осуществляет при утверждении обвинительного заключения в порядке ч. 6 ст. 220 УПК РФ.

Своеобразный процессуальный контроль в ходе предварительного расследования, однако, в интересах доверителя осуществляют и представители адвокатского сообщества, представляющие интересы, как обвиняемого, так и потерпевшего. Несмотря на ограниченную процессуальную возможность влияния на ход предварительного расследования, они путем обжалования ряда решений и действий следователя прокурору и в суд, могут определенным образом повлиять в интересах доверителя на соблюдение режима законности. В большинстве случаев адвокаты на различных этапах производства по уголовному делу в своих ходатайствах и жалобах обращают внимание представителей органов предварительного расследования, прокуратуры и суда на допущенные нарушения норм материального и процессуального права, направленные на восстановление нарушенных прав и интересов обвиняемого, потерпевшего или иных участников процесса. Можем констатировать, что в стадии предварительного расследования это своего рода подсказка следователю и дознавателю о допущенных ошибках, которые могут быть устранены путем проведения повторных [1] и дополнительных следственных и процессуальных действий.

В то же время, отдельные представители адвокатского сообщества умышленно не акцентируют внимание следователя, дознавателя и прокурора на обнаруженные нарушения закона в стадии предварительного расследования «приберегая» их для судебных стадий. Данная тактика защиты, в ряде случаев, способствует достижению целей поставленных стороной защиты в интересах доверителя, так как после поступления уголовного дела в суд у представителей органов предварительного расследования не остается законодательно установленных возможностей для исправления допущенных ошибок по собственной инициативе.

Восстановление нарушенных прав участников уголовного процесса, как со стороны защиты, так и обвинения возможно при подготовке дела к судебному разбирательству по инициативе самого суда, так и по инициативе сторон. Как показывает практика наибольшее обращение в суд с ходатайствами, в целях восстановления нарушенных прав доверителей, осуществляется представителями стороны защиты, при невозможности устранения допущенных нарушений норм материального или процессуального права в стадии предварительного расследования.

Прокурор в рамках реализации предписаний, закрепленных в ст. 37 УПК РФ, а также в иных федеральных законах и подзаконных актах, осуществляя надзор за предварительным следствием и дознанием, также влияет на режим соблюдения законности. В то же время, как нами было отмечено ранее, внесенные изменения в законодательные акты, связанные с надзорными полномочиями прокурора за предварительным следствием, ограничили его процессуальные возможности существенно влиять с точки зрения закона на объективность и полноту предварительного следствия. Данное обстоятельство связано как с разделением следственной власти от прокурорской, так и с существенным усилением процессуальной независимости следователя, что без сомнения ослабило процессуальные возможности воздействия прокурора на качество предварительного расследования и особенно когда оно осуществляется в форме предварительного следствия.

Корректировка действий следователя и дознавателя возможна и в ходе реализации института судебного контроля в уголовном процессе. При осуществлении промежуточного судебного контроля суды могут существенно повлиять на ход и результаты предварительного расследования, как в рамках дачи согласия на проведение следственных и процессуальных действий, проводимых по судебному решению, так и при активном ряде участников уголовного дела, признавая незаконными и необоснованными действия и решения, представляющих органов предварительного расследования, а также надзирающих органов.

Логично предположить, что при наличии самоконтроля со стороны лица, производящего предварительное расследование, качественного ведомственного контроля, надлежащего прокурорского надзора, а также реализации института судебного контроля, уголовное дело должно поступить в стадию назначения судебного заседания законно и качественно расследованным, и иметь судебную перспективу, а данная стадия должна носить относительно формальный характер.

При этом мы отмечаем, что нередко в судах, рассматривающих дело по существу, а также в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции предъявленные органами предварительного расследования обвинения не находят своего подтверждения, что приводит изменению квалификации деяния, отмене решений нижестоящих судов с возвращением на новое судебное рассмотрение и т.д. Причины данному негативному явлению, порицаемому обществом и государством, достаточно много, как объективных, так и субъективных. И с данных позиций, если поверхностно расследованное уголовное дело, пройдя все контрольные и надзорные инстанции, дошло до суда, единственная надежда на восстановление справедливости и законности на надлежащий судебный фильтр, которым выступает – это стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству.

При формировании уголовно-процессуального законодательства, ряд бывших стран социалистического лагеря использовали передовой опыт законотворчества Российской Федерации, который в свою очередь, на определенном этапе, базировался на нормативных актах СССР и РСФСР, что без сомнения нельзя считать отрицательным моментом в истории становления отечественного уголовного судопроизводства. С данных точек зрения, формирование национальной системы уголовного процесса с усовершенствованными уголовно-процессуальными институтами, на основе уголовно-процессуального законодательства РФ принесло позитивные плоды для правовой системы большинства республик.

В частности, при формировании института назначения судебного заседания в Республике Узбекистан были учтены положения УПК РФ, регламентирующие данный институт, который, являясь контрольно-ревизионной стадией, имеет существенное социально-правовое значение при неукоснительном соблюдении ее норм.

Как вполне справедливо отмечает М.М. Выдря, стадия назначения судебного заседания, в первую очередь, имеет своим назначением защиту прав и интересов обвиняемого от необоснованного привлечения к судебной ответственности [2, С. 10]. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, иногда в суды попадают уголовные дела, при объективной предварительной оценке, не имеющие судебной перспективы. Присутствует ли элемент субъективизма при реализации института подготовки уголовного дела к судебному разбирательству

в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ и Республики Узбекистан? Как нам представляется, с большей вероятностью ответ будет положительным.

На данное обстоятельство влияют отдельные факторы, связанные с отношением лица, проверяющего полноту и качество расследованного уголовного дела. Нередко, прокурор, подписывая обвинительное заключение, надеется, что суд во всем разберется и при необходимости вернет уголовное дело на дополнительное расследование со своими замечаниями. В свою очередь судья, единолично подготавливая уголовное дело к судебному разбирательству, надеется, что прокурор добросовестно проверил законность и обоснованность предъявленного обвинения, и достаточно формально подходя к своим обязанностям, принимает решение о передаче дела к следующей стадии для начала рассмотрения по существу.

На данный, достаточно негативный фактор, влияют и объективные составляющие, которые носят системный характер. Без сомнения, ограниченный, установленный уголовно-процессуальным законодательством хронометраж, при тотальной загруженности судей всех уровней отрицательно влияет на объективное восприятие судьей материалов подготавливаемого к судебному разбирательству дела и на их основании затруднительно сделать объективные выводы относительно полноты и качества расследования уголовного дела. Достаточно большая загруженность представителей суда не позволяют полно и детально исследовать поступившие в суд материалы уголовного дела и выявить обстоятельства, препятствующие судебному рассмотрению данного уголовного дела.

В связи с вышесказанным, несмотря на положительные составляющие нормативной регламентации реализации института подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в уголовном процессе Республики Узбекистан, по сравнению с аналогичным институтом Российской Федерации, есть отдельные элементы, которые являются определенным барьером для качественной подготовки дела к судебному разбирательству. Нередко, в стадию подготовки уголовного дела к судебному разбирательству поступают многотомные дела, когда преступления совершены группой лиц, группой ли по предварительномуговору и т.д. Однако УПК Республики Узбекистан ограничивает судью в процессуальных сроках, объективно необходимых для ознакомления, восприятия и анализа поступившего в данную стадию уголовного дела. В соответствии со ст. 395 УПК Республики Узбекистан судья, изначально, лишь в течение семи суток с момента поступления в суд должен принять решение: о передаче уголовного дела по подсудности; о назначении дела к судебному разбирательству; о проведении предварительного слушания. Наделение председателя суда правом продления данного срока на трое суток, думается, не сможет решить вопрос возможности судьи ознакомления с материалами дела полно, всесторонне и объективно.

В то же время согласно ч. 3 ст. 227 УПК РФ суду дается 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела и принятия одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Законодатель ограничил данный срок лишь в одном случае, когда в суд поступают материалы в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей. В данном случае решение должно быть принято судом в течение 14 суток с момента поступления дела в суд.

УПК Республики Узбекистан, с нашей точки зрения, более корректно и этимологически верно, по сравнению с УПК РФ, закрепил название ст. 395 – «Обстоятельства, подлежащие выяснению по поступившему в суд уголовному делу», при этом изначально обязав суд выяснить, достаточно ли оснований (а по сути совокупности доказательств), предоставленных стороной обвинения для назначения данного дела к судебному разбирательству. В то же время, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 228 УПК РФ, суд ограничен в процессуальных полномочиях и ему вменена лишь необходимость выявления оснований для проведения предварительного слушания по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Думается, законодатель все же, хотя бы и опосредованно, обязывает суд анализировать основания для передачи уголовного дела для рассмотрения по существу, требуя в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 227 УПК РФ, указать в постановлении о назначении судебного заседания основания принятия данного решения.

Основная цель данной стадии, с позиции отдельных ученых-процессуалистов, [3, С. 265–286] это установление фактических и юридических оснований для обоснованной передачи дела в следующую стадию. Современное отечественное уголовное судопроизводство пытается отдалиться от устоявшихся правил инквизиционных форм реализации данного института и защитить процессуальные права обвиняемого, что без сомнения означает его социальную направленность.

Как весьма позитивную составляющую можно воспринять и оценить закрепление в п. 3 ст. 396 УПК Республики Узбекистан законода-

тельных установок императивно обязывающие судью при подготовке дела к судебному заседанию соблюдения режима законности – «...соблюдены ли при производстве дознания и предварительного следствия требования настоящего Кодекса...» [4]. Нормы же ст. 228 УПК РФ, в большей степени, направлены на реализацию института судебного контроля в данной стадии за соблюдением органами предварительного расследования процедурных моментов, связанных с вручением копий обвинительного заключения или обвинительного акта, удовлетворением заявленных ходатайств и жалоб, принятием мер по обеспечению возмещенного вреда и т.д.

В то же время законодательно установлено процессуальное ограничение для суда, исключающая возможность проверки и оценки результатов деятельности представителей органов предварительного расследования по доказанности предъявленного обвинения и особенно его фактической стороны, что точки зрения законодателя недопустимо, ибо нарушается принцип состязательности сторон [5, С. 634–640] и, как считают отдельные авторы, обвиняемый будет передан следующей стадии процесса уже «осужденным» [6, С. 59–60, С. 4]. Проблему предпрешенности вопроса о виновности лица, И.Я. Фойницкий, в стадии предания суду читал основной [7, С. 405], М.Л. Шифман и В.З. Лукашевич утверждали о незаконности судебных решений, в которых проявлялись элементы предпрешенности и подлежащими их отмены, [8, С. 56.] А. Чувилев и А. Лобанов, отмечают, что при реализации судебных полномочий на стадии предварительного расследования суд не должен оценивать фактическую сторону обвинения [9, С. 21].

Для сторонников, в данной ситуации, строгого соблюдения принципа презумпции невиновности, хочется отметить, что нашей точки зрения, при неукоснительном соблюдении формальных предписаний уголовно-процессуального законодательства практически невозможно будет не только объективно разрешить вопросы, стоящие перед судьей в стадии назначения судебного заседания, но реализовать суду свои процессуальные полномочия при реализации института промежуточного судебного контроля, в частности при даче согласия на избрание ряда мер пресечения. Невозможно представить ситуацию, когда судья санкционирует меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого, не установив его виновность, то есть фактическую сторону предъявленного обвинения (причастности лица к совершенному деянию).

С другой стороны, судья при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству строго связан с имеющимися материалами уголовного дела и только на основании их исследования вправе принимать, обоснованное и законное решение. Связанность исключительно с материалами уголовного дела и ограниченность в процессуальных правах, не позволяет суду в данной стадии полно и всесторонне воспринять и познать обстоятельства совершенного общественно-опасного деяния. Существовавшая и действующая ныне государственно-правовая политика в области осуществления правосудия такова, что – если дело дошло до суда, то приговор, однозначно, должен быть обвинительным. Как отмечают отдельные авторы, данному негативному явлению способствует и «...господство следственной технологии уголовно-процессуального доказывания...». Процессуальные ограничения, связанные с восприятием и анализом фактической стороны предъявленного обвинения и имеющихся доказательств с возможностью принятия процессуально-значимых решений разрешаются в следующей стадии – в стадии судебного разбирательства, когда судья в ходе производства процессуальных и следственных действий, не будучий связан только имеющимися материалами уголовного дела, более объективно и полно познает обстоятельства совершенного общественно-опасного деяния.

Центральной (основной) проблемой при подготовке уголовного дела к судебному разбирательству для отечественного уголовного процесса, так и уголовного судопроизводства Республики Узбекистан является выяснение и установление фактической стороны обвинения, то есть причастности лица к совершенному общественно-опасному деянию (его виновности). Хотелось бы сразу разграничить правовую сущность категорий «вина» и «виновность», так как ряд представителей доктринального сообщества иногда отождествляют их, в частности, В.З. Лукашевич – один из известных исследователей данной стадии анализируя и обосновывая решения следователя завершающего предварительное следствие и прокурора, принимающего решение об утверждении составленного им обвинительного заключения, акцент делает на доказанности «вины обвиняемого» и «виновности обвиняемого», однако в последующем В.З. Лукашевич, характеризуя полномочия и решения суда по поступившему от прокурора уголовному делу, а также предмет и пределы суда оценки имеющихся доказательств отмечает, что суд должен ограничиться вопросами «...законности и обоснованности предъявленного обвинения» [10, С. 7].

Как нам представляется, уголовно-правовой институт вины не может быть реализован без уголовно-процессуального института виновности, то есть объективно установить вину лица, не анализируя его причастность к деянию (виновность) невозможно.

Вполне справедливо и то, что ряд авторов обращают внимание доктринального сообщества, правоприменителя и законодателя, на то что «...«вина» есть уголовно-правовая категория, которая используется (должна использоваться) судом для юридической квалификации содеянного в окончательном (итоговом, по сути) решении по делу. В свою очередь, «виновность» – понятие исключительно уголовно-процессуальное, призванное обозначить доказанность (степень доказанности) совершения данным лицом конкретного преступления...».

Установление виновности (причастности лица) к совершенному общественно-опасному деянию еще не означает, что он будет привлечен к уголовной ответственности, под которым мы понимаем начало реализации назначенного судом наказания по вступившему в законную силу обвинительного приговора после установления его вины [11, С. 4–18]. Отечественный уголовный закон устанавливает запрет на объективное вменение, то есть привлечение к уголовной ответственности без установления вины лица, совершившего общественно-опасное деяние. Несмотря, по сравнению ст. 5 УК РФ, иное название (принцип виновой ответственности) в ст. 9 УК Республики Узбекистан также закреплено, что к уголовной ответственности лицо будет привлечено лишь за те деяния, по которым доказана его вина. Бесспорно, что установление доказанности лишь фактической стороны обвинения (причастности лица к совершенному общественно-опасному деянию, его виновности) не достаточно для привлечения его к уголовной ответственности и, несмотря на то, что в отношении отдельной категории лиц устанавливается их виновность, в соответствии с уголовным законодательством установлен запрет на привлечение их к ответственности (невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности).

Принципиальное (сущностное) разграничение уголовно-правовой категории «вина» и уголовно-процессуальной категории «виновность» закреплено и в ст. 14 УПК РФ, до тех пор, пока виновность обвиняемого не будет установлена судом, он считается невиновным. Однако, исходя из уголовно-процессуальных требования для признания лица обвиняемым в порядке ст. 171 УПК РФ следователь должен обладать достаточными доказательствами для обоснования предъявленного обвинения, что априори невозможно без установления его виновности (причастности). Обращает внимание на сравнении с УПК Республики Узбекистан, УПК РФ существенно ограничил круга участников, на которых распространяется действие данной основополагающей идеи (принципа) отечественного уголовного судопроизводства. Как позитивную составляющую мы можем отметить, что в соответствии со ст. 23 УПК Республики Узбекистан действия норм предположения о непричастности к совершенному деянию распространяются не только на обвиняемого, но и на подозреваемого и подсудимого.

Также мы отмечаем, что для назначения предварительных слушаний судья в порядке ст. 229 УПК РФ должен установить соответствующие основания. Вполне очевидно, по ряду оснований для реализации института предварительных слушаний суду без исследований и оценки фактической стороны обвинения (виновности) практически невозможно объективно принять решение. В частности для обоснования решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), о возвращении уголовного дела прокурору, о законности и обоснованности применения меры пресечения.

Нормы ст. 396 УПК Республики Узбекистан закрепляя совокупность обстоятельств, для назначения уголовного дела к судебному разбирательству обязывают суд, после установления надлежащей подсудности дела данному суду выяснить достаточность оснований для рассмотрения дела по существу, затем соблюдение при производстве предварительного расследования режима законности и т.д. Как нам представляется, весьма важным в данной ситуации является то, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан в самом начале данной стадии обязывает суд установить достаточность оснований для рассмотрения дела в суде, так как при отсутствии фактических и юридических оснований для предания обвиняемого суду теряется смысл выяснения последующих обстоятельств, предусмотренных ст. 396 УПК Республики Узбекистан. На необходимость приоритетного установления достаточности оснований для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании в стадии назначения судебного заседания обращает внимание и ВС РУ. [12].

Не закрепляя законодательно, в ст. 228 УПК РФ основания для решения вопроса о возможной передаче дела в следующую стадию законодатель все же в п. 6 ч. 1 ст. 228 УПК РФ упоминает о необходимости изучения и анализа имеющихся оснований, однако, лишь для разреше-

ния вопроса, связанного с проведением предварительных слушаний. В то же время необходимо отметить, что Верховный Суд Республики Узбекистан обязывает нижестоящие суды в рамках решения вопроса о достаточности основания для передачи дела в стадию судебного разбирательства выполнить требования, закрепленные в ст. 82 УПК Республики Узбекистан и в частности «...совершение преступления данным лицом...», то есть фактическую сторону предъявленного ему обвинения (виновность), а также «...совершение преступления с прямым или косвенным умыслом либо по небрежности или самонадеянности...» – вину [13].

Думается краткий анализ уголовно-процессуального законодательства РФ и Республики Узбекистан, связанный с подготовкой уголовного дела к судебному разбирательству можно завершить словами известного ученого-процессуалиста Н.Н. Ковтуна «...навязанная уголовно-процессуальной теории и практике проблема предвешенности внутреннего убеждения судей, по сути, стала объективным препятствием для эффективной деятельности суда в рамках судебно-контрольных производств или стадий; перешла из разряда частных (тактических, по сути) вопросов в проблему стратегии деятельности суда. Ввиду своей явной надуманности, она должна быть снята с обсуждения уголовно-процессуальной доктрины, и более не являться препятствием для достижения нормативных целей процесса, поставленных перед судом нормами ст. 6 УПК РФ...» [14, С. 265–286].

Литература

1. Жадан В.Н., Юнусов А.А. Повторные следственные действия: процессуальная форма, организация и тактика производства при расследовании преступлений. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2008. – 202 с.
2. Выдря М.М. Предание суду как гарантия законности привлечения к уголовной ответственности: Учебное пособие. – Краснодар, 1981. – С. 10.
3. Ковтун Н.Н. О предвешенности внутреннего убеждения судей в судебно-контрольных производствах и стадиях уголовного судопроизводства России: вопрос тактики или стратегии судебной проверки // Научные труды Московской академии экономики и права: Вып. № 24. – М.: МАЭП, 2009. С. 265–286.
4. УПК Республики Узбекистан. Национальная база данных законодательства республики Узбекистан. www.Lex.uz (дата обращения 29.11.2025 г.)
5. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 634–640. – (профессиональные комментарии).
6. Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1958. – № 2. – С. 59–60; Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе (стенограмма лекции). – М., 1957. – С. 4; и др.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб: Изд-во «Альфа», 1996. Т. 2. С. 405.
8. Шифман М.Л. Предание суду в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1958. № 2. С. 56; Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 148 с.
9. Чувилев А., Лобанов А. Судебный контроль за законностью и обоснованностью ареста и продления срока содержания под стражей // Советская юстиция. 1993. № 6. С. 21.
10. Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966 – С. 7.
11. Александров А.С., Александрова И.А. Уголовный Кодекс + Уголовный Процесс = Уголовное право // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и уголовного процесса: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 31 октября 2016 г.) Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. (290 с.) – С. 4–18., Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1997. – 209 с.
12. Постановление пленума Верховного Суда Республики Узбекистан № 6 от 14.05. 2022 «О судебной практике по подготовке уголовных дел к рассмотрению по первой инстанции». Национальная база данных законодательства республики Узбекистан. www.Lex.uz (дата обращения 29.11.2025 г.)
13. П. 6. постановления пленума Верховного Суда Республики Узбекистан № 6 от 14.05. 2022 «О судебной практике по подготовке уго-

ловных дел к рассмотрению по первой инстанции». Национальная база данных законодательства республики Узбекистан. www.Lex.uz (дата обращения 29.10.2025 г.)

14. Ковтун Н.Н. О предвешенности внутреннего убеждения судей в судебно-контрольных производствах и стадиях уголовного судопроизводства России: вопрос тактики или стратегии судебной проверки // Научные труды Московской академии экономики и права: Вып. № 24. – М.: МАЭП, 2009. С. 265–286.

CERTAIN ISSUES OF PREPARING A CRIMINAL CASE FOR TRIAL UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Yunusov A.A., Rakhimov R.Ya.

Naberezhnyye Chelny Institute (branch) of Kazan (Federal) University

In the system of stages and proceedings of domestic criminal proceedings, the stage of preparing a case for a court hearing (appointment of a trial) occupies a special place, on the one hand, acting as a kind of verification filter for the lawful and justified transfer of a criminal case to court, on the other, implementing a set of tasks to prepare optimal conditions for the consideration of the case on the merits. According to this two-pronged normative and social task, the legislator has traditionally formulated one or another procedural procedure for bringing an accused to trial, the subject and limits of the court's review at this stage, the circle of participants in the stage, their procedural rights and obligations, and the types of possible, including final, court decisions. The legislators of our former union republics, once a single state, in particular, in the Republic of Uzbekistan, also pay attention to the importance of this criminal procedure institution. The Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan reflects certain provisions of the criminal procedure legislation of Russia regulating the institution of preparation of a criminal case for trial. It should be noted that a number of norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan are of interest to the Russian criminal process as a positive experience.

Keywords: Court, stage of appointment of the trial, guilt, guilt, evidence, criminal case, judicial control, prosecutorial supervision, investigator, accused.

References

1. Zhdan V.N., Yunusov A.A. Repeated investigative actions: procedural form, organization and tactics of production in the investigation of crimes. Kazan: Novoe Znanie, 2008. 202 p.
2. Vydrya M.M. Bringing to trial as a guarantee of the legality of criminal prosecution: A textbook. Krasnodar, 1981, p. 10.
3. Kovtun N.N. On the prejudgment of the internal conviction of judges in judicial control proceedings and stages of criminal proceedings in Russia: a question of tactics or strategy of judicial review // Scientific papers of the Moscow Academy of Economics and Law: Issue No. 24. – M.: MAEP, 2009. Pp. 265–286.
4. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. The national database of legislation of the Republic of Uzbekistan. www.Lex.uz (accessed 11/29/2025)
5. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. by V.T. Tomlin, M.P. Polyakov. – 4th ed., reprint. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2010. Pp. 634–640. – (professional comments).
6. Shifman M.L. Trial in the Soviet criminal process // Soviet state and law. – 1958. – No. 2. – Pp. 59–60; Shifman M.L. Bringing to trial in the Soviet criminal process (transcript of the lecture). – M., 1957. – p. 4; and others.
7. Foynitsky I. Ya. The course of criminal justice. – St. Petersburg: Alpha Publishing House, 1996. Vol. 2. p. 405.
8. Shifman M.L. Trial in the Soviet criminal process // The Soviet State and law. 1958. No. 2. P. 56; Lukashevich V.Z. Guarantees of the rights of the accused at the stage of trial. – L.: Publishing House of Leningrad State University, 1966. 148 p.
9. Chuvilev A., Lobanov A. Judicial control over the legality and validity of arrest and extension of detention // Soviet justice. 1993. No. 6. p. 21.
10. Lukashevich V.Z. Guarantees of the rights of the accused at the stage of trial. L.: Publishing House of Leningrad State University, 1966 – p.7.
11. Alexandrov A.S., Alexandrova I.A. Criminal Code + Criminal Procedure = Criminal Law // Actual problems of interrelation of criminal law and criminal procedure: collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation (Ufa, BASHGU Institute of Law, October 31, 2016) Ufa: Bashkir State University, 2016. (290 p.) – Pp. 4–18., Alexandrov A.S. Dispositivity in criminal proceedings. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1997. – 209 p.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan No. 6 dated 05/14/2022 "On judicial practice in preparing criminal cases for trial in the first instance". The national database of legislation of the Republic of Uzbekistan. www.Lex.uz (date of appeal 11/29/2025)
13. Paragraph 6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan No. 6 dated 05/14/2022 "On judicial practice in preparing criminal cases for trial at first instance". The national database of legislation of the Republic of Uzbekistan. www.Lex.uz (accessed 29.10.2025)
14. Kovtun N.N. On the prejudgment of the internal conviction of judges in judicial control proceedings and stages of criminal proceedings in Russia: a question of tactics or strategy of judicial review // Scientific Papers of the Moscow Academy of Economics and Law: Issue No. 24. Moscow: MAEP, 2009. Pp. 265–286.

Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения миграционной безопасности как элемента национальной безопасности

Шаронов Артем Владимирович,

аспирант, Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского

E-mail: artem_sharonov@mail.ru

В статье исследуются концептуальные основы уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере обеспечения миграционной безопасности как составного элемента национальной безопасности. Рассматривается соотношение уголовного законодательства и стратегических документов в области безопасности государства, прежде всего Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются нормы уголовного закона, направленные на охрану государственной границы и противодействие организации незаконной миграции. Раскрываются особенности конструкций составов преступлений, предусмотренных статьями 322 и 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявляются проблемы их квалификации и реализации в правоприменительной практике. Обосновывается необходимость системного совершенствования уголовно-правовых механизмов реагирования на современные миграционные вызовы в целях укрепления национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, национальная безопасность, миграционная безопасность, государственная граница, незаконная миграция, уголовная ответственность, криминализация, правоприменение, стратегическое планирование, защита суверенитета.

Введение

Современный этап развития российского государства характеризуется трансформацией системы национальной безопасности, обусловленной изменением внешнеполитической обстановки, усилением транснациональных угроз и ростом миграционных процессов. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, укрепление государственной и общественной безопасности относится к числу приоритетных направлений государственной политики [1].

В условиях глобализации и интенсификации миграционных потоков вопросы обеспечения контроля за пересечением государственной границы и законностью пребывания иностранных граждан приобретают особую значимость. Незаконная миграция способна выступать фактором дестабилизации общественных отношений, формировать криминогенные риски, способствовать развитию теневой экономики и транснациональной преступности.

Уголовное право в данной сфере выполняет охранительную и превентивную функции, формируя нормативную основу противодействия наиболее опасным формам нарушений миграционного режима. Следовательно, исследование уголовно-правовой политики в сфере миграционной безопасности представляет собой актуальную научную задачу, имеющую как теоретическое, так и практическое значение.

Уголовно-правовая политика в системе обеспечения национальной безопасности

В научной доктрине уголовно-правовая политика рассматривается как составная часть государственной политики в сфере борьбы с преступностью. По мнению А.В. Наумова, она выражается в определении принципов и направлений уголовно-правового воздействия, закрепляемых в уголовном законодательстве [2].

В.Н. Кудрявцев подчеркивал, что уголовное право выступает инструментом охраны наиболее значимых общественных отношений, затрагивающих фундаментальные интересы государства и общества [3]. В данном контексте уголовно-правовая политика является механизмом реализации стратегических целей государства, включая обеспечение национальной безопасности.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» закрепляет, что безопасность достигается посредством реализации системы мер правового характера [4]. Уголовное законодательство, устанавливая ответственность за общественно опасные деяния, непосредственно направлено на защиту суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя Российской Федерации.

Таким образом, уголовно-правовая политика в сфере национальной безопасности предполагает:

1. Определение круга общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране;
2. Установление критериев криминализации деяний;
3. Дифференциацию уголовной ответственности;
4. Обеспечение баланса между защитой государственных интересов и правами личности.

Миграционная безопасность в данном механизме занимает особое место. Она связана не только с регулированием въезда и пребывания иностранных граждан, но и с обеспечением устойчивости социально-экономической системы государства.

Миграционная безопасность как элемент национальной безопасности

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит к числу угроз развитие транснациональной преступности и незаконной миграции [1]. Незаконное перемещение лиц через государственную границу, а также создание каналов незаконного пребывания иностранных граждан способны создавать условия для распространения иных форм преступной деятельности.

Криминологические исследования указывают на взаимосвязь незаконной миграции с коррупционными проявлениями, незаконным оборотом документов и экономическими преступлениями [5]. Орга-

низация незаконной миграции зачастую носит устойчивый, системный характер и может быть связана с деятельностью организованных групп.

Уголовно-правовые меры в сфере миграционной безопасности направлены на пресечение наиболее общественно опасных форм нарушений. При этом важным является разграничение уголовной и административной ответственности, что позволяет обеспечить принцип справедливости и соразмерности наказания.

В этой связи уголовно-правовая политика должна учитывать как стратегические приоритеты государства, так и необходимость соблюдения принципов гуманизма и законности.

Уголовно-правовые средства обеспечения миграционной безопасности

Ключевыми уголовно-правовыми инструментами обеспечения миграционной безопасности выступают нормы главы 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленные на охрану установленного порядка управления, в том числе режима Государственной границы Российской Федерации [6]. Центральное значение имеют статьи 322 и 322.1 УК РФ.

Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ)

Объектом преступления, предусмотренного статьей 322 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок пересечения Государственной границы Российской Федерации. Дополнительным объектом может выступать установленный режим охраны государственной границы.

Объективная сторона выражается в незаконном пересечении государственной границы без действительных документов на право въезда или выезда либо без надлежащего разрешения, если такое разрешение обязательно. Преступлением считается окончательным с момента фактического пересечения линии государственной границы.

Субъект преступления – общий. Им может быть как гражданин Российской Федерации, так и иностранный гражданин либо лицо без гражданства. В отдельных квалифицированных составах предусмотрены признаки, связанные с наличием запрета на въезд.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает незаконность пересечения границы и желает совершить соответствующее деяние.

Важное значение для правоприменительной практики имеют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся квалификации преступлений, связанных с незаконным пересечением границы и незаконной миграцией [7]. Судебная практика исходит из необходимости установления факта отсутствия законных оснований для пересечения границы, а также осведомленности лица об этом обстоятельстве.

Проблемным остается вопрос разграничения уголовной ответственности и административного правонарушения, предусмотренного статьей 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8]. Критерием разграничения выступает степень общественной опасности деяния, а также наличие признаков состава преступления, прямо указанных в уголовном законе.

Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ)

Статья 322.1 УК РФ предусматривает ответственность за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания либо транзитного проезда через ее территорию иностранных граждан или лиц без гражданства.

Объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок миграционного учета, контроля за въездом, пребыванием и выездом иностранных граждан.

Объективная сторона выражается в совершении действий по созданию условий для незаконного въезда, пребывания или транзитного проезда. К таким действиям судебная практика относит оформление фиктивных документов, предоставление жилья с целью сокрытия незаконного пребывания, организацию незаконного пересечения границы и иные действия, направленные на обеспечение противоправного статуса иностранных граждан.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. На практике нередко речь идет о лицах, извлекающих материальную выгоду из организации незаконной миграции.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознает противоправность создаваемых условий и желает способствовать незаконному въезду или пребыванию.

В научной литературе подчеркивается, что криминализация организации незаконной миграции обусловлена ее повышенной общественной опасностью и связью с иными видами преступной деятельности [9, С. 43]. Организованные формы незаконной миграции могут способствовать легализации доходов, полученных преступным путем, коррупции, использованию труда нелегальных мигрантов вне правового поля.

Проблемы квалификации и правоприменения

Анализ правоприменительной практики показывает наличие ряда сложностей.

Во-первых, возникают трудности в определении признаков «организации» незаконной миграции. В отдельных случаях действия посредников носят эпизодический характер, что затрудняет оценку их роли как организаторской.

Во-вторых, проблемным остается вопрос разграничения состава, предусмотренного статьей 322.1 УК РФ, и смежных составов, связанных с подделкой документов, фиктивной регистрацией или использованием заведомо подложных документов.

В-третьих, при квалификации нередко возникает необходимость установления корыстной направленности действий, особенно если речь идет о получении систематического дохода от организации незаконной миграции.

Судебная статистика, публикуемая Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о стабильном применении статей 322 и 322.1 УК РФ в последние годы [10]. Это подтверждает устойчивость данных составов в системе уголовно-правовой охраны порядка управления.

Одновременно следует учитывать международно-правовые обязательства Российской Федерации, связанные с защитой прав человека. Применение уголовного закона должно осуществляться с соблюдением принципов законности, справедливости и гуманизма.

Таким образом, уголовно-правовые нормы, направленные на обеспечение миграционной безопасности, выполняют ключевую функцию в системе защиты национальных интересов. Однако эффективность их реализации во многом зависит от точности законодательных формулировок и единообразия судебной практики.

Направления совершенствования уголовно-правовой политики в сфере миграционной безопасности

Современные вызовы, связанные с трансформацией миграционных процессов, требуют дальнейшего развития уголовно-правовой политики Российской Федерации в рассматриваемой сфере. Совершенствование должно носить системный характер и учитывать как стратегические документы в области национальной безопасности, так и практику применения уголовного законодательства.

Во-первых, представляется целесообразным уточнение законодательных формулировок статьи 322.1 УК РФ в части конкретизации признаков «организации» незаконной миграции. В правоприменительной практике нередко возникает неопределенность при оценке действий лиц, оказывающих разовую помощь иностранным гражданам. Более четкое определение признаков организаторской деятельности позволило бы обеспечить единообразие судебной практики и повысить предсказуемость уголовно-правовой оценки.

Во-вторых, требуется дальнейшая дифференциация уголовной ответственности с учетом характера и степени общественной опасности содеянного. В рамках уголовно-правовой политики важное значение имеет соблюдение принципа справедливости, закрепленного в статье 6 УК РФ [6]. Установление адекватных санкций должно учитывать наличие либо отсутствие корыстной направленности, устойчивости преступной деятельности, использования служебного положения и иных квалифицирующих признаков.

В-третьих, необходимо совершенствование механизмов разграничения уголовной и административной ответственности. Избыточная криминализация может привести к неоправданному усилению репрессивного воздействия, тогда как чрезмерное расширение административных мер способно снизить превентивный потенциал уголовного закона. Баланс данных форм ответственности является важнейшим элементом рациональной уголовно-правовой политики.

В-четвертых, особое значение имеет развитие межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, органов пограничного контроля и миграционных служб. Эффективность уголовно-правового противодействия незаконной миграции во многом определяется качеством выявления и документирования соответствующих преступлений. Организационные меры в данном случае дополняют уголовно-правовые механизмы.

Наконец, совершенствование уголовно-правовой политики должно осуществляться с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных принципов международного права. Защита государственной границы и обеспечение национальной безопасности не исключают необходимости соблюдения прав и свобод человека, включая право на судебную защиту и принцип гуманизма.

Таким образом, развитие уголовно-правовой политики в сфере миграционной безопасности предполагает сочетание нормативных, организационных и превентивных мер. Только комплексный подход способен обеспечить устойчивость правового регулирования в условиях изменяющейся миграционной обстановки.

Заключение

Миграционная безопасность в современных условиях выступает значимым элементом национальной безопасности Российской Федерации. Уголовно-правовая политика, реализуемая посредством норм Уголовного кодекса Российской Федерации, направлена на охрану установленного порядка пересечения государственной границы и регулирования пребывания иностранных граждан.

Анализ норм статей 322 и 322.1 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что уголовное законодательство формирует базовый механизм противодействия наиболее опасным формам незаконной миграции. Вместе с тем правоприменительная практика выявляет необходимость уточнения отдельных законодательных положений, а также совершенствования разграничения уголовной и административной ответственности.

Уголовно-правовая политика в рассматриваемой сфере должна строиться на принципах законности, справедливости и соразмерности. Ее эффективность определяется согласованностью стратегических документов в области национальной безопасности и уголовного законодательства, а также качеством реализации правовых норм.

Комплексное совершенствование уголовно-правовых и организационных мер позволит обеспечить укрепление миграционной безопасности как составной части национальной безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2019. – 784 с.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрист, 2007. – 302 с. – ISBN 5-7975-0170-8
4. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
5. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – ISBN 5-466-00098-1
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.12.2025, с изм., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» от 9 июля 2020 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 9.

дательственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» от 9 июля 2020 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2020. – № 9.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

9. Долгова А.И. Криминология: учебник / А.И. Долгова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮСТИЦИНФОРМ, 2011. – 544 с. – ISBN: 978-5-7205-0839-5.

10. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Статистические данные о состоянии судимости в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (дата обращения: 12.01.2026).

CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ENSURING MIGRATION SECURITY AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

Sharonov A.V.

Omsk state university

The article examines the conceptual foundations of criminal law policy of the Russian Federation in the field of ensuring migration security as an integral element of national security. The correlation between criminal legislation and strategic state security documents, primarily the National Security Strategy of the Russian Federation, is analyzed. The criminal law provisions aimed at protecting the state border and counteracting the organization of illegal migration are examined. The structural elements of crimes under Articles 322 and 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed, as well as the problems of their qualification in law enforcement practice. The necessity of improving criminal law mechanisms in response to modern migration challenges in order to strengthen national security is substantiated.

Keywords: criminal law policy, national security, migration security, state border, illegal migration, criminal liability, criminalization, law enforcement, strategic planning, sovereignty protection.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2021, No. 27 (Part II), Art. 5351.
2. Naumov, A.V. Russian Criminal Law. General Part: Course of Lectures. 6th ed., revised and expanded. Moscow: Norma, 2019.
3. Kudryavtsev, V.N. General Theory of Crime Qualification. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Yurist, 2007.
4. Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (as amended July 10, 2023). On Security. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2011, No. 1, Art. 2.
5. Luneev, V.V. Crime of the Twentieth Century: Global, Regional and Russian Trends. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Wolters Kluwer, 2005.
6. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended December 29, 2025; effective January 20, 2026). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996, No. 25, Art. 2954.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18 of July 9, 2020. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2020, No. 9.
8. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended December 29, 2025). Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 1 (Part 1), Art. 1.
9. Dolgova, A.I. Criminology: Textbook. 4th ed., revised and expanded. Moscow: Yustitsinform, 2011.
10. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Statistical data on convictions in the Russian Federation. Available at: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (accessed: 12.01.2026).

Юнусов Ахат Ахнафович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: axatuk@rambler.ru

Хамитов Радик Накимович,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: RNHamitov@kpfu.ru

Гареев Радик Фирдавиевич,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин филиала Казанского юридического института МВД России
E-mail: gar.radik@mail.ru

Как для доктринального сообщества, так и для правоприменителя остаются достаточно проблемными вопросы, связанные с производством ряда следственных действий в жилище граждан, в том числе и у законопослушных. Недостаточная нормативная регламентированность в отраслевых законодательствах процессуального порядка производства следственных и процессуальных действий в жилище затрудняет возможность обеспечения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и интересов граждан. Не разрешают данную проблемную ситуацию и высказанные Верховным Судом Российской Федерации правовые позиции в постановлении пленума от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». Думается, объективно назрела необходимость внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство РФ, связанная с соблюдением режима законности при производстве следственных и процессуальных действий в жилище граждан и снижения социальной напряженности возникающей при этом.

Ключевые слова: жилище, следственные действия, осмотр места происшествия, процессуальные действия, следователь, согласие суда, Конституционные права.

Введение

Достаточно проблемной для уголовного судопроизводства и болезненно воспринимаемой гражданами, вовлеченными в данную сферу государственной деятельности является производство ряда следственных действий, в ходе которых объективно необходимо проникнуть в жилище. Конституция РФ, закрепляя возможность проникновения в жилище представителями ряда правоохранительных органов лишь согласия проживающих там лиц, либо по судебному решению и при отсутствии такого согласия, исключает произвольное толкование данных норм.

Материалы и методы исследования

В проведенном исследовании использовались работы российских ученых-процессуалистов связанные:

- с обоснованием возможности осмотра места происшествия в жилище без судебного решения (Семенцов В.А., Зиновкина И.Н);
- раскрытием нормативной регламентации понятия «жилище» (Черепанов Г.Г.);
- с исследованием проблем обеспечения Конституционных прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела при осмотре места происшествия являющегося жилищем (Лизунов А.С., Юнусов А.А., Павлов А.В., Пилюшин И.П., Умярова Р.Р.).

В ходе исследования нашли применение приемы формально-логического метода познания, позволившие выстроить последовательную систему знаний об осмотре в жилище из установленных эмпирических фактов и теоретико-доктринальных воззрений. Метод синтеза позволил сформировать целостное представление об осмотре. Использование социологического метода выявило мнение практиков относительно различных аспектов проведения осмотра в различных ситуациях. Благодаря статистическому методу удалось получить данные, позволяющие оценить эффективность, судебного контроля за проведением осмотра в жилище, уголовно-процессуальных гарантий его участников.

Результаты и обсуждение

Отметим, что необходимость проникновения в жилище помимо воли проживающих там граждан может возникнуть и в рамках реализации института крайней необходимости, полномочий представителей правоохранительных органов предусмотренных ФЗ об «Оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», «О федеральной службе безопасности» [5, С. 112–114], и т.д., в том числе и для проведения оперативно-розыскных мероприятий [4, С. 71–77]. В то же время, мы отмечаем, что в данной ситуации вероятность возникновения конфликтной ситуации достаточно мала, так как данные мероприятия носят достаточно закрытый (секретный) характер и вероятность непосредственного контакта с лицом, проживающим в данном жилище, практически исключается.

Без сомнения, возникновению коллизионных ситуаций и конфликтов между представителями правоохранительных органов и гражданами способствует недостаточная регламентация производства отдельных следственных действий на законодательном уровне, различное восприятие и толкование правоприменителем уже имеющихся нормативных актов, связанных с возможностью ограничения с их стороны конституционных прав граждан. В целях недопущения нарушения прав граждан, и возможных злоупотреблений правом и их превышения, объективно необходимы соответствующие гарантии от произвольных толкований законодательных установок со стороны лиц, осуществляющих уголовное преследование.

В ходе проведенного нами опроса лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и имеющих различный процессуальный статус выяснилось, что наиболее болезненно воспринимаются действия представителей правоохранительных органов связанных с проникновением в жилище, так было заявлено: нарушается их личное пространство, участие в качестве понятых жителей, с которыми они знакомы, распространение негативных слухов (несмотря на то, что они, в ряде случаев, не являлись участниками стороны защиты), визуальное восприятие представителями правоохранительных органов и иными лицами условий проживания, и получение (возможное получение) информации о личных и семейных тайнах.

Для обсуждения вышеуказанных актуальных вопросов, без сомнения, нужны отдельные пояснения относительно правового статуса

самого жилища, так и лиц, имеющих отношение к нему, в связи с проживанием, владением (совместным владением) и т.д. Гражданин может быть единственным собственником жилища, жилище может быть в долевой собственности, сданное в аренду на длительный срок, а также в посуточной или почасовой аренде, либо гражданин живет по устной договоренности, без оплаты и временно и т.д.. В ст. 5 УПК РФ, ст. 139 УК РФ, а также разъяснении Верховного Суда Российской Федерации даются разные определения жилища как общей категории. Жилищный кодекс РФ, не давая определения жилища, вначале все же оперирует категорией «жилище», но уже в ст. 16 раскрывает, что попадает под категорию «жилое помещение» – жилой дом, часть жилого дома, квартиры, часть квартиры, комната. Верховный Суд Российской Федерации Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» оперирует термином «жилое помещение» указанным в ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации».

Если придерживаться данной позиции Верховного Суда Российской Федерации и следовать определению, указанному в ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации» правоприменитель будет ограничен в процессуальных действиях, так как в соответствии жилищным законодательством «Жилым помещением признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства...». Однако, объективная действительность в системе жилищных отношений такова, что нередко граждане проживают в помещениях, не отвечающих вышеуказанным критериям, то есть не пригодным для проживания. Логично предположить, что при необходимости производства в этих помещениях следственных действий следователь должен самостоятельно принимать решение и не обращаться в суд за разрешением, так как данное помещение не отвечает критериям, предусмотренным в Жилищном кодексе Российской Федерации» и согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации.

В данной коллизии ситуации, с нашей точки зрения, прикосновенно к уголовному судопроизводству, более специальной нормой с закрепленным в ней определением является п. 10 ст. 5 УПК РФ, «жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания» на это обстоятельство обращать внимание и Верховный Суд Российской Федерации, обязывая нижестоящие суды оперировать именно данным термином [9].

В связи с чем, мы не можем согласиться с предложением Г.Г. Черепанова предлагающего в определении «жилище» закрепленное в примечании ст. 139 УК РФ заменить термин «пригодное» на «предназначенное» [14, С. 27–31] так как определение «жилища» с таким терминологическим изменением существенно сократит количество помещений, в которых в настоящее время постоянно или временно проживают граждане, что без сомнения создаст конфликтную ситуацию между проживающими и представителями правоохранительных органов при проведении следственных и процессуальных действий. Как показывает практика нередко помещения изначально не имевшие целевого назначения как жилое со временем по решению органов местного самоуправления могут менять категорию на жилое.

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание правоприменителя, что Конституционный Суд Российской Федерации своим решением от 3 февраля 2026 года допустил возможность проживания в помещениях не являющихся жилыми. Обосновывая свою правовую позицию, Конституционный Суд Российской Федерации указал «...При этом пункт 2 статьи 23 Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», хотя и запрещает предоставление гражданам для постоянного или временного проживания нежилых помещений, не может рассматриваться как ограничивающий тем самым свободный выбор гражданином такой формы удовлетворения своих нужд, по крайней мере, с учетом сходства данных помещений по своим характеристикам с квартирами...».....«...Само по себе отнесение помещения к нежилому не является, как отметил Верховный Суд Российской Федерации, (определение Судебной коллегии по гражданским делам от 25 мая 2021 года № 78-КГ21–17-К3, № 2–2265/2019) обстоятельством, безусловно исключающим возможность использования такого помещения для личных, семейных, домашних, бытовых нужд...» [8].

Как нам представляется, при решении вопросов, связанных с ограничением (с возможным ограничением) конституционных прав граждан при производстве по уголовному делу наиболее эффективен институт промежуточного судебного контроля (С учетом исключения формального подхода со стороны суда при разрешении ходатайств со стороны представителей органов уголовного преследования), который реализуется при рассмотрении ходатайств, сообщений (уведомлений) представителей органов уголовного преследования о проведении (проведенных) следственных и процессуальных действий(ях), оперативно-розыскных мероприятий(ях), ограничивающих Конституционные права граждан, а также при обжаловании в суд данных решений и действий в порядке ст. 125 УПК РФ.

В соответствии с законодательными установками, закрепленными в ст. 177 УПК РФ осмотр жилища возможен только с согласия проживающих либо с разрешения суда. Неукоснительного соблюдения установок ст. 177 УПК РФ относительно получения согласия всех жильцов или судебного решения требует и Верховный суд Российской Федерации согласно правовой позиции которого «...С учетом положений части 5 статьи 177 УПК РФ на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра...» [9].

Анализ судебной практики наглядно демонстрирует, что нижестоящие суды в правоприменительной практике придерживаются данной позиции, то есть «отсутствие возражения жильцов – это их согласие на осмотр жилища». Суды в своих решениях при наличии жалоб со стороны адвокатов всегда подчеркивают наличие либо отсутствие в протоколах именно возражений со стороны проживающих лиц на производство осмотра в их жилище.

В частности, согласно итоговому решению Старооскольского городского суда Белгородской области «...заявления защитника о нарушении положения ст. 25 Конституции РФ при осмотре квартиры не состоятельны, поскольку осмотр жилища проводился с согласия, проживающего в нем Б.И., который был произведен по его инициативе, поскольку он пожелал добровольно выдать, хранящиеся в нем наркотические средства, что отражено в протоколе. Тот факт, что согласия на осмотр квартиры не спросили у его супруги, не свидетельствует, что осмотр жилища проводился против воли, проживающих в нем лиц. Супруга Б. участвовала в осмотре, **возражений** не высказывала, что подтвердили понятые[10].

Как нам представляется, в целях исключения, в перспективе, обжалования хода и результатов проведенного следственного действия, связанного с проникновением в жилище, в процессуальных документах должно быть отражено, что перед началом осмотра всем совершеннолетним жильцам, находящимся в момент производства следственного действия были разъяснены их права, в том числе и на возражение относительно производства следственного действия в жилище, в котором они проживают.

С позиции теории и правоприменительной практики актуальным остается и вопрос, связанный с необходимостью проникновения в жилище для осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела. В правоприменительной практике нередко встречаются ситуации, когда в жилище совершено преступление, однако один из членов семьи (либо бывших членов семьи) возражает относительно осмотра места происшествия. Либо, когда несколько граждан арендуют одно жилище и один из проживающих возражает относительно осмотра места происшествия. Мотивы такого поведения различные: семейная ссора, неприязненные отношения между жильцами и т.д.

С нашей точки зрения, сущностно, как осмотр места происшествия, так и любой вид осмотра, несмотря на конкретизированные цели в первую очередь – это визуальное восприятие объекта, анализ обстановки и исходя от ряда обстоятельств, изъятие в ходе следственных действий объектов материального мира. Однако в случае, когда местом происшествия является жилище, неприкосновенность которого охраняется на Конституционном уровне, в случае необходимости производства его осмотра, нарушение неприкосновенности должно носить исключительный характер либо с согласия суда [2, С. 12–15; 11, С. 7–11.].

Как при осмотре жилища, так при осмотре места происшествия, которым является жилище первичен вопрос: у кого испрашивать добровольное согласие на данный вид осмотра. Многочисленность вариаций лиц, проживающих в жилище, собственников и т.д. нами было отмечено ранее. Проведенное исследование выявило наиболее часто встречаемое в правоприменительной практике сочетание: собственник и проживающий. Если в жилище одновременно проживают собственник и иное лицо арендуемое комнату и т.д. достаточно ли получения согласия только у собственника или необходимо согласие и проживающего лица. Правоприменительная практика, одобренная позициями судебной власти, предпочтение в данной ситуации отдает волеизъявлению

нию лишь собственника, что без сомнения нарушает процессуальные права проживающего лица и противоречит правовым позициям Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации.

Нередко в стадии возбуждения уголовного дела или в ходе предварительного расследования, встречаются и экстраординарные ситуации, когда до начала следственного действия и до проникновения в жилище представитель органов уголовного преследования обеспечивает явку собственника жилища, так и арендатора у которого при себе имеется договор аренды, где имеется пункт, с отметкой, что собственник без согласия арендатора до окончания срока аренды имеет право проникать в данное жилище, только с согласия арендателя, либо в чрезвычайной ситуации (потоп, пожар и т.д.). Без сомнения, возникает вопрос, у кого в данной ситуации должен, спросить следователь согласие, чтобы проникнуть в жилище для его осмотра? Если следовать правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации и вытекающим из этих выводов, то у арендатора.

Однако, как мы ранее заявляли, нередко представители органов предварительного расследования толкуют нормативные акты в том аспекте, который облегчает им процедуру производства ряда следственных и процессуальных действий при этом, придумывая юридически значимые процедуры, не предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством [15, С. 214–220]. В частности, участковый уполномоченный ОМВД по г. Лениногорск Республики Татарстан лейтенант полиции Г. проверяя поступившее от г-ки М-й заявление, принял решение об осмотре предполагаемого места происшествия, которым являлось сданное на длительный срок жилище лицу чей уголовно-процессуальный статус на момент осмотра не был определен. Несмотря на присутствие арендатора жилища (который является лицом, проживающим в жилище), участковый уполномоченный спросил согласие на проникновение в данное жилище и ее осмотр у собственника данного помещения, который находился там же [12] однако на момент осмотра в данном помещении не проживал.

В данной ситуации вполне справедлива и обоснована позиция А.В. Павлова и И.П. Пилюшина о том, что если собственник не проживает в жилище, то следовательно нет необходимости получения его согласия на осмотр [7, С. 26–29]. Также, Р.Р. Умярова, на основании проведенного исследования и анализа судебной практики Верховного Суда РФ приходит логически обоснованному выводу о том, что «... Субъект расследования, в основном, получает согласие от лица непосредственно находящегося на момент осмотра в жилище и проживающего там. То есть согласие собственника не является обязательным условием законности производства данного следственного действия...» [13, С. 222–231].

Однако, несмотря на позицию Верховного Суда Российской Федерации, которая соответствует требованиям ст. 177 УПК РФ отдельные суды, как было указано нами ранее, считают допустимым принимать решения, явно противоречащие законодательным требованиям допуска осмотра жилища с согласия собственника, а не проживающих там лиц, заранее обладая достоверной информацией, что проживающее лицо не является собственником данного жилища. В частности, согласно апелляционному определению Волгоградского областного суда «... Вопреки доводам осужденного и его защитника порядок производства осмотра места происшествия от 10 марта 2021 года, в ходе которого была осмотрена квартира, где проживал Б., а также фиксация хода и результатов данного следственного действия, предусмотренный ст. 166, 177, 180 УПК РФ, соблюдены. Довод жалоб о том, что осмотр жилища проводился без письменного согласия Б., не влияет на выводы суда о его виновности.

Из материалов дела следует, что осмотр квартиры проведен с письменного согласия собственника жилого помещения Свидетель N 5, в его присутствии, а также в присутствии самого Б., с участием понятых, специалиста-кинолога, которые, лично ознакомившись с содержанием протокола, своими подписями удостоверили правильность отраженных в нем сведений, имеющих отношение к делу. Права участвующим лицам разъяснены, замечаний от них по завершении осмотра не поступило, нарушений процедуры его проведения, предусмотренной ст. 177 УПК РФ, из представленного протокола не усматривается, нарушений закона при производстве осмотра места происшествия и составлении его протокола, также не установлено...» [1].

Как нам представляется, апелляционное определение Волгоградского областного суда от 20.12.2021 по делу N 22–5243/2021 ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ явно не соответствует правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации отраженной в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) где говорится, что «...В соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр места происшествия –

жилища производится с согласия проживающих в нём лиц, при этом согласия собственника жилища, не проживающего в этом жилище, в данном случае матери осужденного, не требовалось. Кроме того, положения п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц...» [6].

Тем самым Верховный Суд Российской Федерации, по сути, защищает права проживающих лиц от произвольного толкования норм процессуального права и неправомерных действий представителей правоохранительных органов убежденных, что для осмотра места происшествия коим является жилище, получение согласия проживающих не требуется, как и судебного разрешения при отсутствии таковой. Думается, решение Верховный Суд Российской Федерации дает достаточно четкую установку для правоприменителя, исключая расширительное толкование, что без сомнения направлено на соблюдения режима законности при производстве осмотра жилища, которая является местом происшествия.

Как было нами отмечено ранее, отдельные следственные действия носят комплексный характер, и визуальное восприятие (осмотр) в них является одним из составных частей и нередко для их производства возникает необходимость проникновения в жилище. Например, несмотря на то, что основная цель проверки показаний на месте установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела без визуального восприятия (осмотра) местности, жилища и иных объектов материального мира достичь цели данного следственного действия практически невозможно. И, в случае проверки показаний на месте, которым является жилище, объективно возникает необходимость проникновения в данное жилище для производства следственного действия. Однако процессуального порядка проникновения в жилище для проверки показаний законодатель не регламентирует. И в данной ситуации производство следственного действия осложняется еще и тем, что нередко следователь проверяет показания обвиняемого в его жилище, в жилище потерпевшего или иных лиц. Данные лица в силу разных причин могут не давать согласия на проникновение в их жилище, обосновывая свой отказ тем, что уголовно-процессуальное законодательство регламентирует только процессуальный порядок осмотра, обыска или выемки в жилище.

Нельзя исключить и иные ситуации, носящие не распространенный в следственной практике характер, когда отдельные следственные действия по объективным причинам необходимо провести по месту нахождения лица, которым является жилище. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ «...Допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого...». В силу инвалидности или тяжелой болезни допрашиваемое лицо может являться маломобильным и может находиться у себя в жилище, либо в жилище иных лиц, осуществляющих постоянный или временный уход за данным лицом. Как нам представляется и на данную ситуацию должны распространяться законодательные требования, связанные с получением согласия проживающих лиц на проникновение в жилище с целью допроса лица находящегося в данном жилище. Мы не исключаем и возникновения ситуации, когда по вышеуказанным причинам может возникнуть необходимость производства опознания или очной ставки с маломобильным лицом в его жилище либо в жилище лица, у которого он постоянно или временно проживает.

Законодательные регламентации возможности проникновения в жилище в отсутствие согласия, хотя одного из проживающих там лиц для производства следственных и процессуальных действий по вышеуказанным ситуациям по судебному решению, и по аналогии с осмотром отсутствуют. Конституция РФ, закрепляя необходимость согласования с проживающими жильцами, упоминает лишь осмотр жилища. Большинство норм Конституции РФ, по сути, носят основополагающий характер, то есть являются нормами-принципами и как нам представляется должны распространяться на схожие отраслевые и межотраслевые правоотношения.

Весьма важным обстоятельством при необходимости производства следственных действий в жилище является и то чтобы в момент начала данного следственного действия в жилище находилось (находились) лицо (лица) проживающие там, чтобы была возможность получения согласия. Думается, при этом они должны быть совершеннолетними, для объективного восприятия сути предполагаемого следственного действия и способными выразить свою волю, так как возможны частные случаи нахождения в жилище совершеннолетних лиц, но в силу наличия расстройства психики или отставания в психическом развитии не в полной мере осознающих сути проводимых следственных действий. Нам представляется обоснованной позиции

отдельных авторов относительно принудительного вхождения жилище для осмотра места происшествия в отсутствие проживающих там лиц и невозможности оперативного обеспечения их участия при этом. При этом в исключительных случаях, как нам представляется, без получения судебного одобрения [3].

Вывод

Объективно назрела необходимость внесения изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство относительно создания универсальной нормы закрепляющей обязанность следователя, дознавателя испрашивать согласие проживающих лиц на проведение следственных и процессуальных действий, если данные действия связаны с проникновением в жилище, а при отсутствии таковой обращаться за разрешением в суд.

Литература

1. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 20.12.2021 по делу N 22–5243/2021 ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. [Электронный ресурс] // URL: <https://oblsud.vol.sudrf.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Зиновкина И.Н. Проверка заявления и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12–15.
3. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков, – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 176–179. – (Профессиональные комментарии).
4. Курченко В.Н. Критерии оценки законности оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 1 (99) – С. 71–77.
5. Лизунов А.С., Юнусов А.А. Некоторые проблемы проведения осмотра места происшествия в жилище до возбуждения уголовного дела. Современное право. № 2, 2018 – С. 112–114.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) [Электронный ресурс] // URL: <https://vsrf.ru/files/15006/> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Павлов, А.В. Получение согласия проживающих лиц на осмотр места происшествия в жилище / А.В. Павлов, И.П. Пилюшин // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 26–29. – DOI 10.18572/1812–3783–2021–3–26–29. – EDN TJSFXM
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 2 и 3 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», а также пунктов 3, 12 и 14 Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Пиуновой Виктории Игоревны» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision885638.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Электронный ресурс] // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/16046/> (дата обращения: 10.01.2026).
10. Приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 08.12.2022 N 1–426/2022 п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://starooskolskygor.blg.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
11. Семенов В.А. О допустимости производства отдельных следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2010. – № 12. – С. 7–11.
12. Уголовное дело № 1–5/2020 находится в архиве Ленингорского городского суда [Электронный ресурс] // URL: <https://leninogorsky.tat.sudrf.ru> (дата обращения: 10.01.2026).
13. Умарова Р.Р. Об особенностях предварительного судебного контроля за производством осмотра жилища // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 2(95). – С. 222–231.
14. Черепанов, Г. Г. К вопросу о нормативном регламентировании понятия «жилище» и его влиянии на проведение оперативно-

розыскных мероприятий / Г.Г. Черепанов. // Российская юстиция. – 2016. – № 7. – С. 27–31.

15. Юнусов, А.А. Проблемы, возникающие при получении объяснений в процессе проверки сообщения о преступлении / А.А. Юнусов, Н.С. Диденко // Юристы-Правоведы. – 2023. – № 2(105). – С. 214–220. – EDN ZPNMPP.

PROBLEMS OF CONDUCTING INVESTIGATIVE ACTIONS IN A HOME

Yunusov A.A., Khamitov R.N., Gareev R.F.

Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Federal) University, Kazan Law Institute branch Ministry of Internal Affairs of Russia

For both the doctrinal community and law enforcement, issues related to certain investigative actions in the homes of citizens, including law-abiding individuals, remain quite problematic. Insufficient regulation in sectoral legislation regarding the procedural procedures for conducting investigative and procedural actions in the home hinders the ability to ensure the rights and interests of citizens guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The legal positions expressed by the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution No. 19 of the Plenum of June 1, 2017, “On the Practice of Courts Considering Petitions for Investigative Actions Related to the Restriction of Citizens’ Constitutional Rights (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)” do not resolve this problematic situation.

It appears that there is an urgent need to amend and supplement Russian criminal procedure legislation to ensure compliance with the rule of law during investigative and procedural actions in citizens’ homes and to reduce the social tensions that arise in this regard.

Keywords: housing, investigative actions, inspection of the crime scene, procedural actions, investigator, court consent, constitutional rights.

References

1. Appellate ruling of the Volgograd Regional Court dated 20.12.2021 in case No. 22–5243/2021, part 3 of Article 30, subparagraph “b” of part 3 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. [Electronic resource] // URL: <https://oblsud.vol.sudrf.ru> (date of access: 10.01.2026).
2. Zinovkina I.N. Verification of statements and reports of crimes: problems of legal regulation: author’s abstract. diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2015. pp. 12–15.
3. Comments on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. V.T. Tomina, M.P. Polyakov, – 4th ed., revised and enlarged. – M.: Yurait Publishing House, 2010. – Pp. 176–179. – (Professional commentary).
4. Kurchenko V.N. Criteria for Assessing the Legality of Operational-Investigative Measures // Bulletin of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation. – 2024. – No. 1 (99) – Pp. 71–77.
5. Lizunov A.S., Yunusov A.A. Some Issues of Conducting a Crime Scene Inspection in a Home Before Initiating a Criminal Case. Modern Law. No. 2, 2018 – Pp. 112–114.
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2015) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2015) [Electronic resource] // URL: <https://vsrf.ru/files/15006/> (date of access: January 10, 2026).
7. Pavlov, A.V. Obtaining consent from residents to inspect the scene of a crime in a home / A.V. Pavlov, I.P. Pilyushin // Russian investigator. – 2021. – No. 3. – pp. 26–29. – DOI 10.18572/1812–3783–2021–3–26–29. – EDN TJSFXM
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 3, 2026 No. 4-P “On the case of verifying the constitutionality of Articles 2 and 3 of the Law of the Russian Federation “On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence within the Russian Federation”, as well as paragraphs 3, 12 and 14 of the Rules for Registration and Deregistration of Citizens of the Russian Federation at the Place of Stay and Place of Residence within the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen Victoria Igorevna Piunova” [Electronic resource] // URL: <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision885638.pdf> (date of access: 10.01.2026).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2017 N 19 “On the practice of considering by courts petitions for investigative actions related to the restriction of the constitutional rights of citizens (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)” [Electronic resource] // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/16046/> (date of access: 10.01.2026).
10. Verdict of the Starooskolsky City Court of the Belgorod Region of 08.12.2022 N 1–426/2022, clause “b”, part 3, Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <https://starooskolskygor.blg.sudrf.ru/> (date of access: 10.01.2026).
11. Semenov V.A. On the admissibility of certain investigative actions at the stage of initiating a criminal case // Russian investigator. – 2010. – No. 12. – pp. 7–11.
12. Criminal case No. 1–5/2020 is in the archive of the Leninogorsk City Court [Electronic resource] // URL: <https://leninogorsky.tat.sudrf.ru> (date of access: 10.01.2026).
13. Umyarova R.R. On the specifics of preliminary judicial review of the inspection of a home // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2023. – No. 2 (95). – pp. 222–231.
14. Cherepanov, G.G. On the issue of normative regulation of the concept of “dwelling” and its impact on the conduct of operational-search activities / G.G. Cherepanov // Russian Justice. – 2016. – No. 7. – P. 27–31.
15. Yunusov, A.A. Problems arising when obtaining explanations in the process of verifying a report of a crime / A.A. Yunusov, N.S. Didenko // Jurist-Pravoved. – 2023. – No. 2 (105). – P. 214–220. – EDN ZPNMPP.

Отдельные вопросы применимого судами Соединенного Королевства подхода к определению форума, компетентного на разрешение спора сторон, в том числе с учетом соображений защиты публичного порядка

Бруцкий Александр Владимирович,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: alexanderbrutskiy@gmail.com

В числе рассматриваемых и разрешаемых судами споров встречаются споры, стороны которых принадлежат к разным государствам, либо споры, предмет которых затрагивает иную юрисдикцию, нежели юрисдикцию сторон спора. Данные споры классически называются спорами, осложненными иностранным элементом. При разрешении таких споров, осложненных иностранным элементом, могут возникать вопросы определения суда, компетентного на разрешение спора сторон. В ряде случаев сторонами для урегулирования такого вопроса заключается соглашение о подсудности, однако даже наличие такого заключенного соглашения не всегда делает бесспорным разрешение вопроса о суде, компетентном на разрешение спора сторон. Поскольку возникающие при разрешении такого рода споров вопросы определения компетентно суда являются значимыми для обеспечения права на судебную защиту и не являются уникальными для российской юрисдикции, целесообразен подход судов Соединенного королевства с целью обеспечения возможности проведения сравнительно-правовых исследований.

При подготовке статьи использованы следующие методы: историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический, а также общенаучные: анализ, синтез, обобщение, системный метод (для комплексного рассмотрения судебной практики), прогнозирование и моделирование (для формирования предложений автора по применению теста). Результатом исследования является анализ принятого в английской судебной практике подхода по вопросу определения юрисдикции суда на разрешение спора сторон.

Ключевые слова: определение компетентного суда, осложненные иностранным элементом споры, публичный порядок, злоупотребление правом, разрешение споров.

Общий подход английской судебной практики по спорам, в отношении которых заключено пророгационное соглашение в пользу суда иностранного государства, может быть сведен к тому, что производство по спору в английском суде подлежит приостановлению ввиду наличия пророгационного соглашения о передаче спора на разрешение судов иностранного государства во всех случаях, кроме случаев, когда имеются обоснованные причины («*strong reasons*») отказать в удовлетворении такого ходатайства.

Наличие общего «пропорогационного» подхода подтверждается решением Палаты Лордов от 13.12.2001 по делу *Donohue v. Armco Inc and Others*¹ и решениями Высокого суда Англии и Уэльса от 23.01.2003 по делу *Import Export Metro Ltd. & Anor v Compania Sud Americana De Vapores S.A.*², от 16.05.2006 по делу *Konkola Copper Mines Plc & Anor v Coromin Ltd. & Ors* No.2³, от 23.09.2020 по делу *Riverrock Securities Ltd v International Bank of St Petersburg (Joint Stock Company) (Rev 1)*⁴ и от 24.09.2020 по делу *Catlin Syndicate Ltd v AMEC Foster Wheeler USA Corp*⁵.

В судебной практике констатируется различие в подходах по вопросу определения собственной компетенции на разрешение спора при наличии пророгационного соглашения, либо в отсутствие такого соглашения. Изложенное подтверждается решениями Высокого суда Англии и Уэльса от 25.07.2003 по делу *BAS Capital Funding Corp & Ors v Medfinco Ltd & Ors* [2003] EWHC 1798 (Ch)⁶, от 27.01.2006 по делу *Antec International Ltd v Biosafety USA Inc* [2006] EWHC 47 (Comm)⁷ и от 06.11.2009 по делу *Skype Technologies SA v Joltid Ltd v Kasesalu & Ors* [2009] EWHC 2783 (Ch)⁸, согласно которым при наличии пророгационного соглашения доводы о неудобстве суда на территории иностранного государства («*forum non conveniens*») малозначительны, однако возможно констатировать противоречивость судебной практики по данному вопросу.

Так, в ряде дел суды пришли к выводу, что в число обоснованных причин, возражение о наличии которых возможно на стадии рассмотрения вопроса компетенции на разрешение спора при наличии заключенного пророгационного соглашения, не входят обстоятельства удобства юрисдикции для разрешения спора сторон, в частности место нахождения документов и свидетелей по делу и вероятная быстрота рассмотрения спора сторон.

Однако, в ряде дел суды признали наличие у них компетенции на разрешение спора по существу со ссылкой на доктрину *forum non conveniens* и наличие реального риска несправедливого исхода спора в случае, если истец будет вынужден обратиться в суд государства,

¹ [2002] 1 LLR 425, [2002] 1 All ER (Comm) 97, [2001] UKHL 64, [2002] 1 Lloyd's Rep 425, [2002] CLC 440, [2002] 1 All ER 749, доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2001/64.html> (дата обращения 02.02.2026).

² [2003] 1 All ER (Comm) 703, [2003] 1 Lloyd's Rep 405, [2003] EWHC 11 (Comm), [2003] 1 LLR 405, доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2003/11.html> (дата обращения 02.02.2026).

³ [2006] EWHC 1093 (Comm), доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2006/1093.html> (дата обращения 02.02.2026).

⁴ [2020] EWHC 2483 (Comm), [2020] 2 Lloyd's Rep 591, [2020] 2 CLC 547, [2021] 2 All ER (Comm) 1121, доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2020/2483.html> (дата обращения 02.02.2026).

⁵ [2020] EWHC 2530 (Comm), доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2020/2530.html> (дата обращения 02.02.2026).

⁶ [2004] ILPr 16, [2003] EWHC 1798 (Ch), [2004] 1 Lloyd's Rep 652, доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2003/1798.html> (дата обращения 02.02.2026).

⁷ [2006] EWHC 47 (Comm), доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2006/47.html> (дата обращения 02.02.2026).

⁸ [2009] EWHC 2783 (Ch), [2010] CLY 371, [2011] ILPr 8, [2009] Info TLR 104, доступно по ссылке: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2009/2783.html> (дата обращения 02.02.2026).

спор которому подсуден, поскольку такой суд признает применимым иной закон, нежели английский суд.

К числу обоснованных причин для отказа в удовлетворении ходатайства о приостановлении производства по делу при наличии исключительного пророгационного соглашения в пользу иностранного суда с учетом решения Высокого суда Англии и Уэльса от 1970 года по делу *Owners of Cargo lately laden on board ship or vessel Eleftheria v The Eleftheria (Owners)*¹ могут быть отнесены следующие:

(а) Соединенное Королевство является страной места нахождения доказательств или страной, в которой такие доказательства легче получить, и данное обстоятельство существенно влияет на удобство и стоимость судебного разбирательства;

(b) применимо ли к спору право государства иностранного суда и, если применимо, имеются ли существенные различия такого права с английским;

(с) с каким государством имеется связь у сторон спора и на сколько она сильная;

(d) действительно ли возражение ответчика о неподсудности спора направлено на рассмотрение спора судом иностранного государства, либо целью такого заявления является лишь получение процессуальных преимуществ (злоупотребление правом);

(е) будет ли причинен вред правам истца в случае, если им придется инициировать дело в иностранном суде ввиду:

(i) невозможности получения обеспечительных мер по заявленным требованиям;

(ii) невозможности приведения в исполнение решения, вынесенного по результатам такого разбирательства;

(iii) применимости ограниченных сроков, не применимых в английском праве;

(iv) маловероятности проведения справедливого разбирательства по делу по политическим, расовым, религиозным или иным причинам.

Обращаясь к вопросу о применимом стандарте доказывания вероятности или риска несправедливого судебного разбирательства необходимо констатировать отсутствие устоявшейся судебной практики по вопросу применимого стандарта доказывания в случае оспаривания пророгационного соглашения.

С одной стороны, исходя из используемой лексики, можно прийти к выводу о применении стандарта «баланс вероятностей», аналогичный вывод может быть сделан исходя из практики по вопросу определения подходящей юрисдикции (на основании *forum non conveniens*). Например, в решении по делу *Spiliada Maritime Corporation v Cansulex*² указано: «*обстоятельство, подтвержденное согласующимися между собой доказательствами, что истец не получит справедливого судебного разбирательства в таком (иностранном) государстве*». То есть, содержится указание на необходимость доказывания «реального риска» («*real risk*») несправедливости.

С другой стороны, в решении по делу *Euromark* со ссылкой на решение по делу *Import Export* в отношении словосочетания «интересы правосудия» указано: «*данное словосочетание, в смысле применимом к исключительному пророгационному соглашению, не предусматривает полноценного исследования всех приведенных сторонами доводов, касается тех редких случаев, когда, хоть сторонами и заключено исключительное пророгационное соглашение, согласованные сторонами суды могут не обеспечить справедливость судебного разбирательства, либо по иным основаниям могут быть не достойны доверия или несправедливы*»³.

Вопрос предмета доказывания по такого рода возражениям рассматривался в решении Судебного комитета Тайного совета от 10.03.2011 по делу *AK Investment CJSC v Kyrgyz Mobil*⁴. Отклоняя доводы о возложении на истца бремена доказывания того, что **он не получит** (would not obtain) справедливого судебного разбирательства в иностранной юрисдикции, суд указал: «*С учетом всей совокупности обстоятельств спора, бремя доказывания будет выполнено при представлении истцом доказательств существования **реального риска** (there is a **real risk**) того, что решение по делу в иностранном суде*

*не будет правосудием по причинам некомпетентности, отсутствия независимости судов или коррумпированности. Конечно, сторона может доказать то, что по результатам судебного разбирательства **не будет** принято правосудие решение (justice **will not be obtained**), изложенное будет куда более весомым обстоятельством при разрешении судом вопроса о наличии у него компетенции на разрешение спора с учетом всех обстоятельств дела*».

В решениях Апелляционного суда Англии и Уэльса от 31.07.2009 по делу *Cherney v Deripaska*⁵ и от 02.07.2010 по делу *Pacific International Sports Club Ltd v Surkis*⁶ также указано на необходимость доказывания существования **риска** несправедливого судебного разбирательства, а не того обстоятельства, что разбирательство в иной юрисдикции **будет** (в смысле факта) несправедливым.

Так, в решении по делу *Cherney v Deripaska* указывалось, что «*при обсуждении будущих обстоятельств возможно руководствоваться только вопросами вероятности их возникновения в будущем, а степень такой вероятности, достижение которой влечет признание риска существенным, зависит от характера такого будущего потенциального события*».

В решении по делу *Pacific International Sports Club Ltd v Surkis* суд, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, указал, что предметом проверки с учетом юрисдикционных возражений ответчика было именно установление наличия риска несправедливого отношения к истцу при рассмотрении дела в украинских судах, а не установление того будет ли будущее решение несправедливым.

Аналогично, в решении Высшего суда Англии и Уэльса от 04.06.2021 по делу *BB v Al Khayat*⁷ суд также указал, что предметом проверки со стороны суда является вопрос наличия риска несправедливого разбирательства, а не установление факта такой несправедливости.

В решении Верховного Суда Соединенного Королевства от 08.11.2023 по делу *Popoviciu v Curtea De Apel Bucharest*⁸ суд следующим образом указал на различие стандарта и предмета доказывания: «*концепция реального риска используется, как правило, в перспективном смысле для обозначения вероятности того, что неблагоприятное событие, которое еще не произошло, произойдет в будущем, тогда как различные стандарты доказывания, в частности баланс вероятностей, как правило, используются для установления того произошло ли какое-то событие в прошлом*».

Вывод

Совокупность исследованных позиций судов указывает на следующие обстоятельства, подлежащие принятию во внимание при рассмотрении вопроса исполнимости пророгационного соглашения (либо наличия оснований для вынесения приказа о запрете разбирательства, проводимого в нарушение пророгационного соглашения):

(1) подача ходатайства о приостановлении производства по делу со ссылкой на наличие пророгационного соглашения в пользу иного суда не является безусловным основанием для его удовлетворения, вопрос остается в пределах дискреции суда;

(2) нет и не может быть ни какого заранее установленного правила в соответствии с которым суд должен принимать решение о наличии оснований для приостановления соответствующего дела;

(3) тем не менее, по общему правилу, английские суды в рамках предоставленных им дискреционных полномочий удовлетворяют ходатайство о приостановлении производства по спору, за исключением тех случаев, когда имеются существенные причины для отказа в том;

(4) определение наличия или отсутствия серьезных причин «зависит от всех обстоятельств конкретного дела»;

(5) бремя доказывания наличия такой существенной причины лежит на истце (стороне возражающей против приостановления производства по спору);

(6) удобство разрешения спора со стороны английского суда с учетом подхода *forum non conveniens* не является основанием для признания английских судов компетентными на разрешение такого спора;

(7) предвидимые для стороны обстоятельства неудобства разрешения спора в согласованной в пророгационной оговорке юрисдикции не являются основанием для отказа в приостановлении производства по спору;

⁵ [2009] EWCA Civ 849, доступно по ссылке: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2009/849.html> (дата обращения 04.02.2026).

⁶ [2010] EWCA Civ 753, доступно по ссылке: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2010/753.html> (дата обращения 04.02.2026).

⁷ [2021] EWHC 1499 (QB), транскрипт решения доступен по ссылке: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2021/1499.html> (дата обращения 05.02.2026).

⁸ решения Верховного Суда Соединенного королевства от 08.11.2023 по делу *Popoviciu v Curtea De Apel Bucharest* [2023] UKSC 39, доступно по ссылке <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2023/39.html> (дата обращения 05.02.2026).

¹ [1970] P 94, [1969] 2 All ER 641, [1969] 2 WLR 1073, [1969] 1 Lloyd's Rep 237, 113 Sol Jo 407 выдержка доступна по ссылке: http://seafarersrights.org/wp-content/uploads/2018/03/GBR_CASE_THE-ELEFHERIA_1970_ENG.pdf (дата обращения 11.05.2024).

² Решение Палаты Лордов от 19.11.1986 [1987] 1 Lloyd's Rep 1, [1987] 1 FTLR 103, [1986] UKHL 10, [1986] 3 All ER 843, [1987] ECC 168, [1987] AC 460, [1986] 3 WLR 972, доступно по ссылке: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1986/10.html> (дата обращения 04.02.2026).

³ Решение Высшего суда Англии и Уэльса от 06.06.2013 по делу *Euromark Ltd v Smash Enterprises Pty Ltd* [2013] EWHC 1627 (QB) доступно по ссылке: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2013/1627.html> (дата обращения 04.02.2026).

⁴ [2012] 1 WLR 1804, доступно по ссылке: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/2011/7.html> (дата обращения: 04.02.2026).

(8) в случае предъявления истцом иска в иностранный суд будет ли реализовано его право на справедливое судебное разбирательство, либо по политическим, расовым, религиозным или иным причинам судебное разбирательство не будет справедливым;

(9) при этом, есть судебная практика, не рассматривающая интересы правосудия достаточными для отказа в приостановлении производства по спору, в том случае, когда нарушение права истца на справедливый суд в соответствующей юрисдикции было предвидимо на момент заключения пророгационного соглашения и, следовательно, согласие с тем рассматривается в качестве подразумеваемого при заключении пророгационного соглашения, также обращается внимание на необходимость исследования вопроса предвидимости нарушения права стороны на справедливое судебное разбирательство при заключении такого пророгационного соглашения в случаях отсутствия заведомого риска вмешательства в отправление правосудия/пристрастности судов.

Данный тест может быть учтен при вынесении судами Российской Федерации собственных решений по вопросам юрисдикции применительно к спорам, осложненным иностранным элементом, а также при проведении иных научных исследований.

Литература

1. Donohue v. Armco Inc and Others [2002] 1 LLR 425, [2002] 1 All ER (Comm) 97, [2001] UKHL 64, [2002] 1 Lloyd's Rep 425, [2002] CLC 440, [2002] 1 All ER 749;
2. Import Export Metro Ltd. & Anor v Compania Sud Americana De Vapores S.A. [2003] 1 All ER (Comm) 703, [2003] 1 Lloyd's Rep 405, [2003] EWHC 11 (Comm), [2003] 1 LLR 405;
3. Konkola Copper Mines Plc & Anor v Coromin Ltd. & Ors No.2[2006] EWHC 1093 (Comm);
4. Riverrock Securities Ltd v International Bank of St Petersburg (Joint Stock Company) (Rev 1)[2020] EWHC 2483 (Comm), [2020] 2 Lloyd's Rep 591, [2020] 2 CLC 547, [2021] 2 All ER (Comm) 1121;
5. Catlin Syndicate Ltd v AMEC Foster Wheeler USA Corp[2020] EWHC 2530 (Comm);
6. BAS Capital Funding Corp & Ors v Medfinco Ltd & Ors [2003] EWHC 1798 (Ch)[2004] ILPr 16, [2003] EWHC 1798 (Ch), [2004] 1 Lloyd's Rep 652;
7. Antec International Ltd v Biosafety USA Inc [2006] EWHC 47 (Comm)[2006] EWHC 47 (Comm);
8. Skype Technologies SA v Joltid Ltd v Kasesalu & Ors [2009] EWHC 2783 (Ch)[2009] EWHC 2783 (Ch), [2010] CLY 371, [2011] ILPr 8, [2009] Info TLR 104;
9. Owners of Cargo lately laden on board ship or vessel Eleftheria v The Eleftheria (Owners) [1970] P 94, [1969] 2 All ER 641, [1969] 2 WLR 1073, [1969] 1 Lloyd's Rep 237, 113 Sol Jo 407;
10. Spiliada Maritime Corporation v Cansulex от 19.11.1986 [1987] 1 Lloyd's Rep 1, [1987] 1 FTLR 103, [1986] UKHL 10, [1986] 3 All ER 843, [1987] ECC 168, [1987] AC 460, [1986] 3 WLR 972;
11. Euromark Ltd v Smash Enterprises Pty Ltd [2013] EWHC 1627 (QB);
12. AK Investment CJSC v Kyrgyz Mobil [2012] 1 WLR 1804;
13. Cherney v Deripaska [2009] EWCA Civ 849;
14. Pacific International Sports Club Ltd v Surkis [2010] EWCA Civ 753;
15. BB v Al Khayat [2021] EWHC 1499 (QB);
16. Popoviciu v Curtea De Apel Bucharest [2023] UKSC 39.

SEVERAL ISSUES REGARDING UNITED KINGDOM COURT'S APPROACH TO DETERMINATION OF THE FORUM, WHICH HAS JURISDICTION OVER CASE, INCLUDING PUBLIC POLICY CONSIDERATIONS

Brutsky A.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Among the cases considered and resolved by courts there are cases in which the parties belong to different states, or cases whose subject matter affects a jurisdiction of a state other than that of the parties state. These disputes are classically referred to disputes complicated by a foreign element. In a process of resolving such disputes questions regarding the court, which has jurisdiction over case, may arise. In some cases, the parties conclude a jurisdiction agreement to settle this issue, but even the existence of such an agreement does not always make the determination of the court, which has jurisdiction over case, indisputable. Since the issues of determining the court, which has jurisdiction over case, for such cases is significant for ensuring the right to judicial protection and are not unique to Russian jurisdiction, the approach of the courts of the United Kingdom should be studied in order to enable comparative legal research.

The following methods were used in preparing this article: historical-legal, comparative-legal and formal-legal, as well as general scientific methods: analysis, synthesis, generalisation, the systematic method (for a comprehensive review of judicial practice), forecasting and modelling (for the formation of the author's proposals on the application of the test).

The result of the study is an analysis of the approach adopted in English judicial practice to the issue of determining the court, which has jurisdiction over case.

Keywords: determination of the the court, which has jurisdiction over case, disputes complicated by a foreign element, public policy, abuse of rights, dispute resolution.

References

1. Donohue v. Armco Inc and Others [2002] 1 LLR 425, [2002] 1 All ER (Comm) 97, [2001] UKHL 64, [2002] 1 Lloyd's Rep 425, [2002] CLC 440, [2002] 1 All ER 749;
2. Import Export Metro Ltd. & Anor v Compania Sud Americana De Vapores S.A. [2003] 1 All ER (Comm) 703, [2003] 1 Lloyd's Rep 405, [2003] EWHC 11 (Comm), [2003] 1 LLR 405;
3. Konkola Copper Mines Plc & Anor v Coromin Ltd. & Ors No.2[2006] EWHC 1093 (Comm);
4. Riverrock Securities Ltd v International Bank of St Petersburg (Joint Stock Company) (Rev 1)[2020] EWHC 2483 (Comm), [2020] 2 Lloyd's Rep 591, [2020] 2 CLC 547, [2021] 2 All ER (Comm) 1121;
5. Catlin Syndicate Ltd v AMEC Foster Wheeler USA Corp[2020] EWHC 2530 (Comm);
6. BAS Capital Funding Corp & Ors v Medfinco Ltd & Ors [2003] EWHC 1798 (Ch) [2004] ILPr 16, [2003] EWHC 1798 (Ch), [2004] 1 Lloyd's Rep 652;
7. Antec International Ltd v Biosafety USA Inc [2006] EWHC 47 (Comm)[2006] EWHC 47 (Comm);
8. Skype Technologies SA v Joltid Ltd v Kasesalu & Ors [2009] EWHC 2783 (Ch) [2009] EWHC 2783 (Ch), [2010] CLY 371, [2011] ILPr 8, [2009] Info TLR 104;
9. Owners of Cargo lately laden on board ship or vessel Eleftheria v The Eleftheria (Owners) [1970] P 94, [1969] 2 All ER 641, [1969] 2 WLR 1073, [1969] 1 Lloyd's Rep 237, 113 Sol Jo 407;
10. Spiliada Maritime Corporation v Cansulex от 19.11.1986 [1987] 1 Lloyd's Rep 1, [1987] 1 FTLR 103, [1986] UKHL 10, [1986] 3 All ER 843, [1987] ECC 168, [1987] AC 460, [1986] 3 WLR 972;
11. Euromark Ltd v Smash Enterprises Pty Ltd [2013] EWHC 1627 (QB);
12. AK Investment CJSC v Kyrgyz Mobil [2012] 1 WLR 1804;
13. Cherney v Deripaska [2009] EWCA Civ 849;
14. Pacific International Sports Club Ltd v Surkis [2010] EWCA Civ 753;
15. BB v Al Khayat [2021] EWHC 1499 (QB);
16. Popoviciu v Curtea De Apel Bucharest [2023] UKSC 39.

Горский Артём Владимирович,

аспирант, ДА МИД РФ; адвокат, Коллегия адвокатов
Московской области «КБС. ПРАВОВОЙ ИНЖИНИРИНГ»
E-mail: Av_gorskiy@bk.ru

В статье исследуются особенности исполнения наказаний, назначаемых международными уголовными судебными органами, в контексте современного развития международного уголовного правосудия. Анализируется правовая природа института исполнения наказаний, раскрываются механизмы взаимодействия международных уголовных судов и государств, а также выявляются ключевые проблемы, связанные с отсутствием унифицированных стандартов исполнения наказаний и зависимостью реализации приговоров от уровня международного сотрудничества. Обосновывается необходимость институционального развития международно-правовых механизмов контроля и надзора за исполнением наказаний как условия эффективности международного уголовного правосудия.

Ключевые слова: международное уголовное право, международное уголовное правосудие, исполнение наказаний, Международный уголовный суд, международные уголовные трибуналы.

Введение

Исполнение наказаний в международном уголовном праве является одной из наименее разработанных, но при этом принципиально значимых стадий реализации международной уголовной ответственности. В отличие от национальных правовых систем, где исполнение наказаний осуществляется в рамках централизованной пенитенциарной системы, международное уголовное правосудие не располагает собственными механизмами принудительного исполнения приговоров [1].

В диссертационных исследованиях, посвящённых международному уголовному праву, подчёркивается, что стадия исполнения наказания представляет собой завершающий и критически важный элемент международной уголовной ответственности, поскольку без реального исполнения приговора цели международного правосудия – восстановление справедливости и предупреждение международных преступлений – не могут быть достигнуты [2].

Научная новизна статьи заключается в комплексном международно-правовом анализе исполнения наказаний как самостоятельного института международного уголовного правосудия.

Впервые обосновывается положение о том, что исполнение наказаний, применяемое международными уголовными судами, формирует особую модель делегированного исполнения, основанную на сочетании международного судебного надзора и национальной пенитенциарной юрисдикции государств.

Впервые также аргументируется вывод о том, что эффективность международного уголовного правосудия определяется не только фактом вынесения приговора, но и уровнем институционализации контроля за его исполнением, что требует расширения международно-правовых обязательств государств.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили нормы международного публичного права, регулирующие исполнение наказаний, включая положения Римского статута Международного уголовного суда, правила процедуры и доказывания МУС, а также практика *ad hoc* международных уголовных трибуналов (МТБЮ и МТР) и соглашения между международными судами и государствами об исполнении приговоров. В работе использованы формально-юридический и системный методы, сравнительно-правовой анализ, а также доктринальный анализ научных и диссертационных исследований отечественных и зарубежных авторов, посвящённых международному уголовному праву и уголовно-исполнительной сфере, что позволило выявить правовую природу института исполнения наказаний, особенности модели делегированного исполнения и существующие проблемы его международно-правовой институционализации.

Результаты и обсуждения

Исполнение наказаний в международном уголовном праве представляет собой совокупность норм международного публичного права и процедур, направленных на реализацию приговоров международных уголовных судебных органов. Данный институт занимает пограничное положение между международным уголовным правом и национальным уголовно-исполнительным правом.

В научных диссертационных работах подчёркивается смешанная правовая природа исполнения наказаний, которая обусловлена отсутствием у международных судов собственных мест лишения свободы и необходимостью передачи исполнения наказаний государствам на основании специальных международных соглашений [4,6].

Практика международных уголовных судов, прежде всего Международного уголовного суда (далее МУС), а также ранее созданных *ad hoc* трибуналов, свидетельствует о формировании относительно устойчивых механизмов исполнения наказаний. Основу таких механизмов составляют соглашения между Судом и государствами о принятии осуждённых лиц для отбывания наказания.

Как указывается в диссертационных исследованиях, данные соглашения носят комплексный характер и регулируют не только вопросы размещения осуждённых, но и порядок осуществления международного контроля за условиями содержания, переводом осуждённых, а также вопросами досрочного освобождения.

Государства играют ключевую роль в системе исполнения наказаний, назначаемых международными уголовными судами. Именно

на них возлагается обязанность по обеспечению фактического исполнения приговоров, соблюдению международных стандартов обращения с осуждёнными и выполнению решений международных судебных органов.

Роль государств в системе исполнения наказаний международных уголовных судов, а также проблемы и перспективы унификации весьма огромны.

Реализация приговоров международных уголовных судебных органов основана на модели так называемого делегированного исполнения наказаний, при которой Международный уголовный суд и ранее действовавшие *ad hoc* трибуналы (Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде) сохраняют юрисдикционный надзор, тогда как фактическое исполнение осуществляется национальными пенитенциарными учреждениями государств. Данная конструкция закреплена в статье 103 Римского статута МУС и соответствующих правилах процедуры и доказывания, а также ранее применялась в практике Международного трибунала по бывшей Югославии (далее МТБЮ) и Международного трибунала по Руанде.

Как подчёркивает Э.Ю. Муратова, отсутствие у международных судов собственной системы мест лишения свободы обусловило формирование гибридной модели исполнения наказаний, сочетающей международно-правовой контроль и национальную уголовно-исполнительную юрисдикцию, что придаёт данному институту смешанный правовой характер. Аналогичную позицию занимает М.Р. Накашидзе, указывая, что органы международной уголовной юстиции структурно зависят от сотрудничества государств, включая сферу исполнения приговоров [2, 5].

Сравнительный анализ практики МУС и *ad hoc* трибуналов свидетельствует о постепенной институционализации механизмов исполнения наказаний. Вместе с тем различия в договорной базе и уровне вовлечённости государств приводят к неоднородности условий отбывания наказаний.

Так, если МТБЮ опирался преимущественно на ограниченный круг европейских государств, то МУС использует более широкую сеть соглашений, однако и в этом случае география исполнения приговоров остаётся крайне неравномерной.

Особое значение приобретает проблема суверенитета государств в контексте исполнения международных приговоров. Передача осуждённого для отбывания наказания осуществляется исключительно на добровольной основе, что подтверждает приоритет национальной юрисдикции в пенитенциарной сфере.

Вместе с тем государство, принимая осуждённого, обязуется соблюдать условия, установленные международным судом, включая требования к режиму содержания и процедурам условно-досрочного освобождения. Таким образом, формируется сложный баланс между суверенными прерогативами государств и надзорной компетенцией международного судебного органа.

В доктрине международного уголовного права подчёркивается, что подобная зависимость от политической воли государств создаёт риски фрагментации практики исполнения наказаний и подрывает принцип равенства осуждённых. Фактически одинаковые сроки лишения свободы могут сопровождаться принципиально различными условиями содержания, что ставит под сомнение единообразие международного уголовного правосудия.

К числу системных проблем относятся отсутствие унифицированных обязательных стандартов исполнения наказаний, ограниченные контрольные полномочия международных судов и дефицит эффективных санкционных механизмов в отношении государств, допускающих нарушения. В диссертационных исследованиях последних лет (Э.Ю. Муратова, С.А. Грицаев, М.Р. Накашидзе) [2,5,6] обоснован вывод о необходимости формирования специализированного международного режима исполнения наказаний по делам о международных преступлениях.

В научной литературе предлагается закрепить единые минимальные стандарты условий содержания осуждённых, медицинского обеспечения, дисциплинарных процедур и механизмов подачи жалоб либо в дополнительном протоколе к Римскому статуту, либо в отдельной многосторонней конвенции. Одновременно подчёркивается целесообразность усиления надзорных функций Международного уголовного суда, включая создание независимого мониторингового механизма с правом регулярных инспекций и опубликования публичных докладов.

Заключение

Таким образом, исполнение наказаний в международном уголовном праве представляет собой институционально незавершённую сферу, эффективность которой напрямую зависит от уровня международно-

го сотрудничества. Дальнейшее развитие данного института возможно лишь при условии укрепления международно-правовых обязательств государств, расширения контрольных полномочий международных уголовных судов и постепенной унификации стандартов исполнения наказаний, что должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений эволюции современной системы международной уголовной юстиции.

В доктрине международного уголовного права подчёркивается, что добровольный характер участия государств в исполнении международных приговоров создаёт риски фрагментации практики исполнения наказаний и неравенства условий содержания осуждённых лиц.

К числу основных проблем исполнения наказаний в международном уголовном праве относятся отсутствие унифицированных международных стандартов исполнения наказаний, ограниченные контрольные полномочия международных судов и зависимость от политической воли государств.

Исполнение наказаний в международном уголовном праве представляет собой самостоятельный и системообразующий институт международного уголовного правосудия. Его дальнейшее развитие требует укрепления международно-правовых обязательств государств, расширения механизмов международного контроля и формирования унифицированных стандартов исполнения наказаний.

По нашему мнению без формирования специализированного международного режима исполнения наказаний невозможно обеспечить реальную сопоставимость санкций, назначаемых международными судами. Современная модель исполнения приговоров требует дальнейшей нормативной конкретизации и институционального развития, что должно стать предметом последующих международно-правовых реформ.

Литература

1. Елисеев, Р.А. Международное уголовное право: особенности правореализации: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Елисеев Роман Анатольевич. – М., 2011. – 236 с.
2. Накашидзе, М.Р. Органы международной уголовной юстиции: проблемы становления и развития: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Накашидзе Мераб Ревазович. – М., 2007. – 198 с.
3. Сафиуллина, И.П. Принципы и их влияние на формирование международных уголовных судов в современных условиях: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сафиуллина Ирина Петровна. – М., 2003. – 172 с.
4. Юсупов, М. Б.Р. Международно-правовое регулирование процессуальной деятельности Международного уголовного суда: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Юсупов Мухаммад Бахтиёр Рахматович. – М., 2012. – 214 с.
5. Муратова, Э.Ю. Назначение и исполнение наказания в современном международном уголовном праве: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Муратова Эльвира Юрьевна. – М., 2022. – 243 с.
6. Грицаев, С.А. Теоретические аспекты правосудия по Римскому статуту Международного уголовного суда: специальность 12.00.10 «Международное право; Европейское право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Грицаев Сергей Александрович. – М., 2005. – 189 с.

FEATURES OF PUNISHMENT ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Gorskiy A.V.

Law School of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow Region Bar Association "KBS. LEGAL ENGINEERING"

The article examines the specific features of the enforcement of sentences imposed by international criminal courts in the context of contemporary international criminal justice. The legal nature of sentence enforcement is analysed, as well as the interaction between international courts and States. The author substantiates the need to strengthen international legal mechanisms of supervision over the enforcement of sentence

Keywords: international criminal law, enforcement of sentences, international criminal justice, ICC.

References

1. Eliseev, R.A. International criminal law: features of law enforcement: specialty 12.00.10 "International law; European law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Eliseev Roman Anatolyevich. – M., 2011. – 236 p.

2. Nakashidze, M.R. International criminal justice bodies: problems of formation and development: specialty 12.00.10 "International law; European law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Nakashidze Merab Revazovich. – M., 2007. – 198 p.

3. Safiullina, I.P. Principles and their influence on the formation of international criminal courts in modern conditions: specialty 12.00.10 "International law; European Law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Safiullina Irina Petrovna. – M., 2003. – 172 p.

4. Yusupov, M. B.R. International legal regulation of the procedural activity of the International Criminal Court: specialty 12.00.10 «International Law; European Law»: dis-

sertation for the degree of candidate of legal sciences / Yusupov Muhammad Bakhtiyor Rakhmatovich. – M., 2012. – 214 p.

5. Muratova, E. Yu. Appointment and execution of punishment in modern international criminal law: specialty 12.00.10 «International Law; European Law»: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Muratova Elvira Yuryevna. – M., 2022. – 243 p.

6. Gritsaev, S.A. Theoretical aspects of justice under the Rome Statute of the International Criminal Court: specialty 12.00.10 "International Law; European Law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Gritsaev Sergey Aleksandrovich. – M., 2005. – 189 p.

Доктрина стратегического нормативного плюрализма в регулировании морских перевозок на современном этапе

Пинчук Иван Андреевич,

соискатель «Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (ВАВТ Минэкономразвития России), аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА
E-mail: vano.pinchuk@gmail.com

В статье предлагается и обосновывается авторская концепция стратегического нормативного плюрализма как новой модели регулирования морских перевозок, приходящей на смену классической универсальной системе, основанной на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и конвенциях ИМО. Показано, что под влиянием санкционной политики, экстратерриториального принуждения и геополитических кризисов формируется качественно иная структура: универсальное договорное ядро сохраняется, однако реальное нормативное воздействие на отраслевых операторов исходит от множества параллельных и конкурирующих центров регулирования. На основе анализа трёх взаимосвязанных процессов, ведущих к трансформации международно-правового режима – раскрывается сущность плюрализма, отличающегося от фрагментации сохранением универсального ядра. Сформулировано авторское определение стратегического нормативного плюрализма. Особое внимание уделено практическим механизмам адаптации международно-правового режима к новым условиям. Предложены два альтернативных сценария: компенсационная гармонизация через механизмы ВТО и формирование параллельных региональных нормативных кластеров, которые уже получают реальное воплощение в рамках интеграционных объединений.

Ключевые слова: ИМО, стратегический нормативный плюрализм, международное морское право, экстратерриториальность, конкуренция юрисдикций, параллельные нормативные режимы, право силы

Введение

В последние годы международно-правовой режим морских перевозок, долгое время державшийся на трёх китах – Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее – Конвенция 1982 г.), конвенциях Международной морской организации (далее – ИМО) и механизмах согласования интересов, – испытывает серьёзные перегрузки. Санкционная политика стран западной локальной цивилизации, подмена правовых механизмов силовым и политическим давлением и экстратерриториальное принуждение ведут к трансформации глобального миропорядка [1, с. 33]. Увеличивается «раскол» глобального международного правопорядка на цивилизационные центры и прочие «центры силы» [4, с. 10]. Прежняя стройная модель, основанная на чётком разграничении юрисдикций и консенсусном нормотворчестве, перестаёт работать так, как изначально задумывалось.

Всё чаще государства прибегают к односторонним мерам, распространяют действие своих законов за пределы территории, перетолковывают международные обязательства в своих интересах, а споры решают не в судах, а с помощью политического или экономического давления. Возникает закономерный вопрос: если старая система даёт сбой, то что приходит на смену? В научной доктрине при описании подобных процессов широко используется термин «фрагментация» международного права. Она подразумевает разделение международного права на универсальную, региональную, локальную системы [5, с. 243]. В морском праве происходит нечто иное – формирование новой, более сложной структуры, с сохранением универсального ядра, которую стоит характеризовать, как **систему стратегического нормативного плюрализма**. В отличие от фрагментации, которая фиксирует сам факт нормативной диверсификации и обособления институтов, предлагаемый термин отражает качественно иную стадию – этап, когда множественность нормативных комплексов становится не просто данностью, а осознанно используется государствами как инструмент внешней политики, порождая устойчивые коллизии и конкуренцию юрисдикций.

Цель этой статьи – показать, как эта система выглядит на практике, из каких элементов она складывается, и предложить возможные юридические механизмы адаптации международно-правового режима к условиям стратегического нормативного плюрализма, включая использование механизмов ВТО и формирование региональных нормативных кластеров.

Экстратерриториальное принуждение как фактор нормативной коллизии

Экстратерриториальность давно перестала быть исключением. Сегодня ведущие морские державы используют доступ к своим портам, рынкам и финансам как рычаг, чтобы заставить иностранных перевозчиков соблюдать свои правила. Это уже не эпизодические прецеденты, а системная практика.

Один из самых ярких примеров – решение Европейского союза включить морские перевозки в свою систему торговли квотами на выбросы (EU ETS). С 2024 года любое судно, заходящее в порты ЕС, обязано покупать квоты на выбросы CO₂, причём не только за время стоянки, но и за половину выбросов в рейсах, которые начинаются или заканчиваются за пределами Союза. То есть европейское регулирование фактически привязано к маршруту, а не к флагу судна. Это классическое экстратерриториальное действие, обоснованное климатической риторикой, но имеющее вполне конкретные экономические последствия.

Другой пример – санкционные режимы США и ЕС. Как отмечают А.М. Голубчик и Е.В. Пак, требования о проверке цепочек поставок, раскрытии информации о грузах и бенефициарах, а также угроза вторичных санкций превращают обычного перевозчика в агента по контролю за соблюдением внешнеполитических решений [2, с. 49–56; 8, с. 77–84]. Судовладелец должен теперь не только доставить груз из точки А в точку Б, но и проверить, не попадёт ли он под санкции, не нарушит ли он чьи-то национальные запреты. Это порождает новые риски и издержки, которые раньше просто не существовали.

Таким образом, универсальные нормы (Конвенция 1982 г., Международная конвенция по охране человеческой жизни на море, далее –

СОЛАС, международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов, далее – МАРПОЛ) формально действуют, но реальное поведение операторов всё больше определяется требованиями доступа к конкретным рынкам. Государство порта или финансовый регулятор становятся не менее важными, чем государство флага.

Дифференциация международно-правовых режимов и дробление институциональной системы

Технические стандарты – ещё одна сфера, где монополия ИМО размывается. Крупные игроки создают свои собственные «надстройки», которые де-факто работают как глобальные, потому что без их соблюдения затруднён доступ на крупнейшие рынки.

США ещё в 2002 году приняли Закон о безопасности морского транспорта¹, который устанавливает требования к охране судов и портовых средств, часто более жёсткие, чем СОЛАС. А правила Береговой охраны США² применяются экстерриториально: судно, не соответствующее им, не зайдёт в американские порты. Формально это национальное регулирование, но из-за размеров американского рынка оно становится стандартом для всего мирового флота.

ЕС идёт ещё дальше. Помимо климатических мер 2023 года (EU ETS³, FuelEU Maritime⁴), он разрабатывает целый пакет директив, которые создадут отдельный режим для судов, работающих с Европой. Данные действия являются не просто дополнением к нормам ИМО, а фактически выстраиванием параллельной системы, с которой вынуждены считаться судовладельцы.

Китай тоже не отстаёт: обновлённый Закон о морской охране окружающей среды (2024)⁵ позволяет ему устанавливать особые требования в зонах, которые он считает своими, – например, проводить оценку воздействия на среду или вводить запретные зоны. Это не прямое отрицание Конвенции 1982 г., а её «стратегическое дополнение» национальными инструментами. Как отмечают М.И. Хан, Б.Ю. Донг, Ц. Хэ и М. Лю, новый закон создаёт механизмы, расширяющие юрисдикционные притязания Китая, формально не противореча Конвенции 1982 г., но существенно дополняя её регулирование в одностороннем порядке [10, с. 5–12].

Хорошо видно наложение юрисдикций на примере Полярного кодекса ИМО⁶. Кодекс принят, он работает, но Россия и Канада, поддержав его разработку, сохранили свои национальные правила в арктических водах [3, с. 30–42; 9]. В результате судно, идущее по Северному морскому пути, должно соответствовать и международному кодексу, и российским требованиям, а если оно идёт в канадские воды – ещё и канадским. Как справедливо замечает А. Тодоров, возникает «локутное» регулирование: универсальная основа плюс национальные надстройки.

Коллизия политических и правовых норм: примат силы над правом

Третья закономерность, которую стоит выделить, – это подмена правовых механизмов силовым и политическим давлением. Это оборачивается ростом **риска нормативной коллизии**: проблематично определить, какое из противоречащих требований будет применено в каждом конкретном случае и какие будут последствия.

Инцидент с танкером «Marinera» в январе 2026 года – хорошая иллюстрация. США задержали судно под российским флагом в открытом

море, объявив его «stateless» на основании собственного толкования статьи 110 Конвенции 1982 г. о праве осмотра. МИД России назвал это нарушением международного права. Данная ситуация показала нарушение принципа исключительной юрисдикции государства флага. Тем самым создав прецедент, игнорирования единого режима, установленного Конвенцией 1982 г.

Арбитраж по Южно-Китайскому морю (Филиппины против Китая, 2016). Трибунал вынес детальное решение, но Китай его просто проигнорировал и продолжает опираться на «девятипунктирную линию» и военное присутствие. Как пишет Е.Р. Сигаури-Горский, китайская наука международного права выработала собственную интерпретацию исторических прав, которая не совпадает с общепринятой [6, с. 149–151]. Спор решается не правом, а силой.

В 2025 году Турция объявила о создании двух «морских парков» в зонах, которые Греция считает своими (вокруг островов Самотраки, Лемнос, Кастелоризо). Формально – экологическая мера, но по сути – попытка закрепить контроль над спорными водами без суда и без согласования с Грецией.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что право превращается в инструмент политики. Сильные используют его, когда им выгодно, и отбрасывают, когда в нем нет необходимости, для достижения задач.

Что такое стратегический нормативный плюрализм?

Если попытаться обобщить описанные тенденции, то можно предложить следующее определение.

Стратегический нормативный плюрализм – это состояние международно-правового режима морских перевозок, при котором:

1. Универсальные конвенции (Конвенция 1982 г., СОЛАС, МАРПОЛ) сохраняют формальную легитимность и признаются всеми государствами. Никто не предлагает их отменить.

2. Однако наряду с ними действует множество параллельных нормативных режимов – региональных (например, право ЕС) и национальных (США, Китай, Россия и др.), которые обладают реальной принудительной силой благодаря контролю за доступом к портам, рынкам и финансам.

3. Эти режимы используются государствами не только для защиты традиционных ценностей (безопасность, экология), но и как инструмент внешней политики и экономической конкуренции. Право становится оружием.

4. Для операторов (судовладельцев, перевозчиков) это создаёт среду хронической неопределённости, где ключевым становится не столько знание единого закона, сколько способность одновременно соответствовать нескольким конкурирующим требованиям и оценивать политические риски, которые невозможно просчитать заранее.

От фрагментации этот феномен отличается тем, что универсальное ядро сохраняется и выполняет роль общего знаменателя. Нормы не распадаются на изолированные части, а выстраиваются в сложную, иерархическую систему с множеством центров притяжения.

Предложения по адаптации международно-правового режима к условиям стратегического нормативного плюрализма

Признание объективности стратегического нормативного плюрализма требует выработки механизмов, позволяющих минимизировать его негативные последствия без попыток вернуть утраченную универсальную монополию. Поскольку инструменты «мягкого права» в рамках ИМО демонстрируют недостаточную эффективность в условиях жёсткого экстерриториального давления, необходимы более конкретные и институционально обеспеченные подходы. Ниже предлагаются два альтернативных сценария, которые могут применяться в зависимости от политико-правового контекста.

Компенсационная гармонизация через механизмы ВТО

Первый сценарий предлагает перенос разрешения коллизий из сферы морского права (где механизмы принуждения слабы) в сферу международного торгового права, обладающего более развитой системой урегулирования споров. В рамках ВТО целесообразно инициировать дискуссию о квалификации односторонних экстерриториальных мер (EU ETS, секторальные санкции) как технических барьеров в торговле или скрытых ограничений, нарушающих принцип недискриминации. Признание этого органом по разрешению споров ВТО позволит принудить государство-инициатора к выплате компенсаций пострадавшим торговым партнёрам либо к предоставлению соразмерных уступок. Тем

¹ Maritime Transportation Security Act of 2002 [Закон о безопасности морского транспорта 2002 года]: Public Law 107–295, 116 Stat. 2064 (2002). – URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ295/PLAW-107publ295.pdf> (дата обращения: 13.02.2026).

² Code of Federal Regulations. Title 46 – Shipping: (Contains regulations issued by the U.S. Coast Guard) / U.S. Government Publishing Office. – Washington, D.C.: GPO. – URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-46> (дата обращения: 13.02.2026).

³ Директива (EU) 2023/959 Европейского парламента и Совета от 10 мая 2023 г. о внесении изменений в Директиву 2003/87/ЕС о создании системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в Союзе (включение морского транспорта) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 130. – P. 134–186. – URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2023/959/oj> (дата обращения: 13.02.2026).

⁴ Регламент (EU) 2023/1805 Европейского парламента и Совета от 13 сентября 2023 г. об использовании возобновляемых и низкоуглеродных видов топлива на морском транспорте и о внесении изменений в Директиву 2009/16/ЕС (FuelEU Maritime) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 234. – P. 48–100. – URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2023/1805/oj> (дата обращения: 13.02.2026).

⁵ Marine Environment Protection Law of the People's Republic of China (2023 Revision) [Закон КНР о морской охране окружающей среды (2023)]: Order of the President of the People's Republic of China, No. 12 (2023). – URL: <https://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=42096> (дата обращения: 13.02.2026).

⁶ International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code): Adopted by Resolutions MSC.385(94) and MEPC.264(68) / International Maritime Organization (IMO). – London: IMO, 2016. – 76 p. – (IMO publication; IMO-166E). – ISBN 978-92-801-1628-1. – URL: <https://www.imo.org/en/OurWork/Safety/Pages/Polar-Code.aspx> (дата обращения: 14.02.2026).

самым создаётся экономическая «цена» за односторонность, и решение о введении таких мер перестаёт быть политически бесплатным.

Формирование параллельных региональных нормативных кластеров

Второй сценарий исходит из невозможности универсального решения и предлагает легитимацию плюрализма через создание конкурирующих, но внутренне согласованных региональных правовых режимов. Государства, объединённые общими интересами (БРИКС, ШОС, ЕАЭС), формируют замкнутые нормативные пространства с собственными стандартами и механизмами взаимного признания.

Отдельные элементы данного сценария уже получают практическое воплощение. В рамках БРИКС активно обсуждается создание альтернативной финансовой инфраструктуры, независимой от западных систем. Как отмечал министр иностранных дел России С.В. Лавров, среди предложений фигурируют «трансграничная платёжная инициатива, создание перестраховочной компании и расчётно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear»¹. Казанская декларация БРИКС (2024 г.) зафиксировала возможность создания независимой трансграничной расчётно-депозитарной инфраструктуры². Россия представила механизмы трансграничных расчётов, не затрагивающие западную финансовую инфраструктуру, с целью защиты Нового банка развития БРИКС от санкционных рисков³.

В Евразийском экономическом союзе по состоянию на 2024 г. принято 52 технических регламента, 47 из которых уже вступили в силу, что создаёт единые обязательные требования к продукции в масштабах всего интеграционного объединения⁴. Подписанная в октябре 2024 г. Концепция формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС призвана развивать национальные биржи и расширять рынки сбыта для бизнеса⁵. Кроме того, главы правительств утвердили «дорожную карту» по формированию общего транспортного пространства на 2024–2026 гг.⁶

Указанные процессы свидетельствуют о том, что параллельные нормативные кластеры обретают реальные институциональные очертания, создавая материально-правовую основу для региональной нормативной автономии.

Заключение

Стратегический нормативный плюрализм – это не временное отклонение, а новая реальность, в которой предстоит жить международному морскому праву. Старая модель, основанная на универсальности и консенсусе, уходит в прошлое, но это не значит, что наступает хаос. Скорее, формируется сложная, многослойная система, где универсальные нормы сосуществуют с множеством региональных и национальных «надстроек», а силовые и экономические рычаги становятся не менее важными, чем правовые аргументы.

Проведённый анализ показывает необходимость поиска механизмов адаптации, выходящих за рамки традиционного «мягкого права» ИМО. В статье предложены два возможных направления: компенсационная гармонизация через механизмы ВТО и формирование параллельных региональных нормативных кластеров, которые уже получают реальное воплощение в рамках интеграционных объединений.

Задача международного сообщества – не бороться с плюрализмом, а научиться им управлять, выстраивать механизмы сдерживания, контроля исполнения и взаимного признания. Иначе издержки будут только расти, а правовая определённость – падать. Предложенные в статье меры – лишь первый шаг к осмыслению этой новой реальности.

¹ В БРИКС всё ещё обсуждают альтернативные платёжные платформы – Лавров [Электронный ресурс] / ТАСС. – 2025. – 19 февраля. – URL: <https://tass.com/economy/1915765> (дата обращения: 15.02.2026).

² Казанская декларация XVI саммита БРИКС [Электронный ресурс] / БРИКС. – 2024. – 23 октября. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/75454> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Россия предлагает БРИКС создать новые механизмы трансграничных расчётов, независимые от Запада – Силуанов [Электронный ресурс] / Ruptly. – 2025. – 9 июля. – URL: <http://brics2024.ruptly.video/en/videos/20250709-452-rf-predlozhiabrics-sozdat-novie-nezavisimie-ot-zapada-mekhanizmi-transgranichnikh-raschetov-siluanov> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Россия предлагает БРИКС создать новые механизмы трансграничных расчётов, независимые от Запада – Силуанов [Электронный ресурс] / Ruptly. – 2025. – 9 июля. – URL: <http://brics2024.ruptly.video/en/videos/20250709-452-rf-predlozhiabrics-sozdat-novie-nezavisimie-ot-zapada-mekhanizmi-transgranichnikh-raschetov-siluanov> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ В Ереване подписана Концепция формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС [Электронный ресурс] / Qazinform. – 2024. – 1 октября. – URL: <http://qazinform.com/news/concept-of-forming-eaeus-common-commodity-exchange-market-signed-in-yerevan-f3cf16> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ Страны ЕАЭС приняли десять документов на встрече премьеров в Ереване [Электронный ресурс] / Financial One. – 2024. – 10 октября. – URL: <https://fomag.ru/news-stream/evraziyskaya-pyaterka-prinyala-10-dokumentov-po-itogam-vstrechi-premierov-v-erevane/> (дата обращения: 15.02.2026).

Литература

- Нефедов Б.И. Мировой порядок: международно-правовой аспект: монография. – Москва: Проспект, 2024. – 176 с. – ISBN 978-5-392-39592-7. С. 4–33.
- Голубчик А.М., Пак Е.В. Выявление текущих проблем контейнерных морских перевозок в Россию // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 8. С. 49–56. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-49-56.
- Тодоров А.А. Имплементация Полярного кодекса на Северном морском пути: российский подход // Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. P. 30–42. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911044. (На англ. яз.; подробный анализ на русском см. в [4]).
- Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке: коллективная монография / под ред. В.М. Шумилова. Москва: БАВТ, 2026. 163 с. ISBN 978-5-9547-0241-5. С. 6–21.
- Решетнева Т.В., Орлов А.С. Некоторые вопросы фрагментации международного права: причины, последствия, пути преодоления [Текст] / Т.В. Решетнева, А.С. Орлов // Вестник ... – 2021. – Т. 1, № 2. – С. 243–252. – DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_243. С. 243.
- Сигаури-Горский Е.Р. Подходы к интерпретации «линии девяти пунктов» в китайской науке международного права // Аграрное и земельное право. 2023. № 7(223). С. 149–151.
- Лабин Д.К., Коваль В.Н. (ред.). Международное морское право: публичное и частное: учебник. Москва: КНОРУС, 2026. 412 с. ISBN 978-5-406-15697-1. С. 23–31, 307–310.
- Голубчик А.М., Пак Е.В. Логистика внешней торговли России в условиях санкционного режима: год спустя // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 10. С. 77–84. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84.
- Bartenstein K. Between the Polar Code and Article 234: The Balance in Canada's Arctic Shipping Safety and Pollution Prevention Regulations // Ocean Development & International Law. 2019. Vol. 50. No. 4. P. 335–362. DOI: 10.1080/00908320.2019.1617932. (На англ. яз.; анализ российской практики см. у Тодорова [3]).
- Khan M.I. Navigating the waves of change—Assessing the evolving landscape of China's revised marine environmental protection law [Text] / M.I. Khan, B.Y. Dong, Q. He, M. Liu // Marine Policy. – 2024. – Vol. 169. – 106371. – DOI: 10.1016/j.marpol.2024.106371. – URL: https://www.researchgate.net/publication/383647507_Navigating_the_waves_of_change-Assessing_the_evolutionary_landscape_of_China's_revised_marine_environmental_protection_law (дата обращения: 14.02.2026).

THE DOCTRINE OF STRATEGIC REGULATORY PLURALISM IN THE REGULATION OF MARITIME TRANSPORTATION AT THE PRESENT STAGE

Pinchuk I.A.

Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow University of Finance and Law

The article proposes and substantiates the author's concept of strategic normative pluralism as a new model for regulating maritime transport, replacing the classical universal system based on the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea and IMO conventions. It is shown that under the influence of sanctions policies, extraterritorial coercion, and geopolitical crises, a qualitatively different structure is emerging: the universal treaty core remains intact, yet the actual regulatory impact on industry operators emanates from multiple parallel and competing centers of governance. Based on the analysis of three interrelated processes leading to the transformation of the international legal regime – the extraterritorial expansion of national legal orders, the differentiation of international legal regimes, and the collision of political and legal norms – the essence of pluralism is revealed, distinguishing it from fragmentation by the preservation of the universal core. The author's definition of strategic normative pluralism is formulated. Particular attention is paid to practical mechanisms for adapting the international legal regime to new conditions. Two alternative scenarios are proposed: compensatory harmonization through WTO mechanisms and the formation of parallel regional normative clusters, which are already being implemented within integration associations.

Keywords: IMO, strategic normative pluralism, international law of the sea, extraterritoriality, jurisdictional competition, parallel regulatory regimes, law of force.

References

- Nefedov B.I. World Order: An International Legal Aspect: Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 176 p. ISBN 978-5-392-39592-7. Pp. 4–33. (In Russ.)
- Golubchik A.M., Pak E.V. Identification of Current Problems of Container Maritime Transportation to Russia. Russian Foreign Economic Journal. 2024. No. 8. Pp. 49–56. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-49-56. (In Russ.)
- Todorov A.A. Implementation of the Polar Code on the Northern Sea Route: The Russian Approach. The Polar Journal. 2021. Vol. 11. Issue 1. Pp. 30–42. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911044. (In English; for a detailed analysis in Russian, see [4]).
- Shumilov V.M. (ed.). Forecasts for the Development of International Economic Law and the International Legal Order in the 21st Century: Collective Monograph. Moscow:

Russian Foreign Trade Academy (VAVT), 2026. 163 p. ISBN 978-5-9547-0241-5. Pp. 6–21. (In Russ.)

5. Reshetneva T.V., Orlov A.S. Some Issues of Fragmentation of International Law: Causes, Consequences, Ways of Overcoming. Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. 2021. Vol. 1, No. 2. Pp. 243–252. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_2_243. P. 243. (In Russ.)

6. Sigauri-Gorsky E.R. Approaches to the Interpretation of the “Nine-Dash Line” in Chinese International Legal Scholarship. Agrarian and Land Law. 2023. No. 7(223). Pp. 149–151. (In Russ.)

7. Labin D.K., Koval V.N. (eds.). International Maritime Law: Public and Private: Textbook. Moscow: KNORUS, 2026. 412 p. ISBN 978-5-406-15697-1. Pp. 23–31, 307–310. (In Russ.)

8. Golubchik A.M., Pak E.V. Logistics of Russia’s Foreign Trade under the Sanctions Regime: A Year Later. Russian Foreign Economic Journal. 2023. No. 10. Pp. 77–84. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84. (In Russ.)

9. Bartenstein K. Between the Polar Code and Article 234: The Balance in Canada’s Arctic Shipping Safety and Pollution Prevention Regulations. Ocean Development & International Law. 2019. Vol. 50. No. 4. Pp. 335–362. DOI: 10.1080/00908320.2019.1617932. (In English; for an analysis of Russian practice, see Todorov [3]).

10. Khan M.I., Dong B.Y., He Q., Liu M. Navigating the Waves of Change—Assessing the Evolving Landscape of China’s Revised Marine Environmental Protection Law. Marine Policy. 2024. Vol. 169. 106371. DOI: 10.1016/j.marpol.2024.106371. URL: https://www.researchgate.net/publication/383647507_Navigating_the_waves_of_change-Assessing_the_evolving_landscape_of_China's_revised_marine_environmental_protection_law (accessed: 14.02.2026). (In English)

Особенности уголовного преследования по римскому статуту международного уголовного суда

Горский Артём Владимирович,

аспирант, ДА МИД РФ; адвокат, Коллегия адвокатов
Московской области «КБС. ПРАВОВОЙ ИНЖИНИРИНГ»
E-mail: Av_gorskiy@bk.ru

В статье рассматриваются правовые и процессуальные особенности уголовного преследования в рамках Римского статута Международного уголовного суда (МУС). Анализируются три «триггерных» механизма начала расследования (направление ситуации государством-участником, направление Советом Безопасности ООН, инициирование Прокурором *proprio motu*), критерии приемлемости дел и принцип комплементарности, а также практические проблемы реализации полномочий Суда, включая зависимость от сотрудничества государств и вопросы иммунитетов. Используются подходы российской и зарубежной доктрины и нормативные источники МУС.

Ключевые слова: международное уголовное право; Международный уголовный суд; Римский статут; уголовное преследование; комплементарность; приемлемость; расследование; сотрудничество государств.

Современное международное уголовное правосудие развивается в условиях параллельного действия договорных режимов, органов *ad hoc* и постоянных международных судебных учреждений. Учреждение Международного уголовного суда Римским статутом 1998 г. (вступил в силу 1 июля 2002 г.) закрепило модель постоянной уголовной юстиции, ориентированной на индивидуальную ответственность за наиболее тяжкие преступления, затрагивающие международное сообщество в целом [1].

Одним из центральных элементов этой модели выступает уголовное преследование – как комплекс процессуальных действий по выявлению событий преступлений, установлению подозреваемых и предъявлению обвинения при соблюдении стандартов справедливого судебного разбирательства. В отличие от национальных систем, где уголовное преследование опирается на суверенную монополию государства на принуждение, механизм МУС строится на институциональной автономии органов Суда и одновременно – на функциональной зависимости от сотрудничества государств (арест и передача лиц, доступ к доказательствам, защита свидетелей и др.) [2].

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно стадия уголовного преследования концентрирует ключевые проблемные узлы правоприменения по Римскому статуту: а) критерии приемлемости дел и пределы комплементарности; б) судебный контроль над инициативой Прокурора (*proprio motu*); в) дефицит механизмов принудительного исполнения процессуальных решений; г) конкуренция юрисдикций и политические факторы, влияющие на сотрудничество государств. В российской доктрине подчёркивается, что Римский статут задаёт особую модель соотношения международной и национальной уголовной юстиции, при которой приоритет национального преследования сочетается с международной проверкой «подлинности» расследования и судебного разбирательства [5; 6]. Зарубежные авторы обращают внимание на двойственность конструкции: независимость Прокурора и судебных палат соседствует с ограниченной исполнимостью решений Суда вне сотрудничества государств [2; 4].

Цель статьи – выявить и систематизировать особенности уголовного преследования по Римскому статуту МУС, определить его нормативные основания и обозначить проблемные аспекты реализации. Задачи исследования включают: (1) раскрытие правовой природы уголовного преследования в системе МУС; (2) анализ механизма «триггеров» начала расследования и судебного контроля; (3) характеристику принципа комплементарности и критериев приемлемости дел; (4) выявление практических проблем сотрудничества государств и исполнения процессуальных решений. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также анализ практики органов МУС и актов Совета Безопасности ООН.

Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении уголовного преследования по Римскому статуту как многоуровневого процесса, где материальные параметры юрисдикции (временные, территориальные и персональные) тесно переплетены с процессуальными фильтрами приемлемости и судебным контролем, а эффективность зависит от институциональных и политико-правовых условий международного сотрудничества.

Правовая природа уголовного преследования в системе МУС

В международном уголовном праве уголовное преследование целесообразно определять как совокупность процессуальных действий и решений, направленных на установление индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления, включая сбор и проверку доказательств, подтверждение обвинения и поддержание его в суде. В отличие от внутрисудебного уголовного процесса, в международном измерении отсутствует единый суверенный субъект, обладающий универсальной принудительной юрисдикцией; поэтому преследование неизбежно опирается на режим международного сотрудничества и взаимных обязательств государств [2].

Российская доктрина связывает международное уголовное преследование с развитием принципа индивидуальной ответственности и с институциональными формами международной уголовной юсти-

ции. В учебной и научной литературе подчёркивается, что правоприменение на международном уровне носит «производный» характер: международные органы принимают процессуальные решения, однако их фактическая реализация (арест, передача лица, обеспечение доказательств) зависит от участия государств и эффективности имплементационных механизмов [5]. И.И. Лукашук, анализируя взаимодействие международного и национального права, указывает на ограниченность международных механизмов принуждения и их зависимость от внутренней реализации обязательств [6]. В контексте МУС это проявляется в том, что центральные процессуальные акты (например, ордер на арест) требуют исполнения национальными органами в порядке сотрудничества, установленного частью 9 Римского статута [1].

Зарубежная доктрина описывает уголовное преследование в МУС как гибридную конструкцию, соединяющую элементы состязательной и инквизиционной традиции, а также как систему процессуальных фильтров, предотвращающих подмену национальной юстиции международной. У. Шабас подчёркивает, что ключевой особенностью Римского статута является институциональная независимость Прокурора при одновременном судебном контроле со стороны Палаты предварительного производства, особенно в случае инициирования расследования *proprio motu* [2]. К. Штан обращает внимание на то, что международное уголовное правосудие сохраняет структурные уязвимости (селективность, напряжение между ожиданиями и реальными возможностями), которые напрямую отражаются на стадиях уголовного преследования [4].

Конструктивным ядром, определяющим специфику уголовного преследования по Римскому статуту, выступает принцип комплементарности. В соответствии со ст. 1 и ст. 17 Статута Суд «дополняет» национальные системы: дело признаётся неприемлемым, если оно является предметом подлинного расследования или судебного разбирательства в государстве, обладающем юрисдикцией, за исключением случаев нежелания или неспособности государства осуществлять такое преследование [1]. В работах, посвящённых комплементарности, справедливо подчёркивается, что данный принцип вводит критерий международной процессуальной ответственности государства за качество и добросовестность национальных процедур [8].

Следовательно, уголовное преследование в системе МУС нельзя сводить к «внешнему» продолжению национального процесса. Это самостоятельный международно-процессуальный режим, включающий: (1) независимую оценку наличия «разумных оснований» (*reasonable basis*) для начала расследования; (2) проверку приемлемости и интересов правосудия; (3) судебный контроль ключевых стадий (санкционирование расследования *proprio motu*, подтверждение обвинения); (4) зависимость от сотрудничества государств при исполнении процессуальных решений. Именно сочетание автономии и зависимости образует фундаментальную особенность уголовного преследования по Римскому статуту и предопределяет как его сильные стороны, так и уязвимости.

Механизмы начала уголовного преследования и судебный контроль

Римский статут закрепляет три основных механизма начала расследования: (а) направление ситуации государством-участником (ст. 13(а), ст. 14); (б) направление ситуации Советом Безопасности ООН, действующим на основании главы VII Устава ООН (ст. 13(б)); (в) инициирование Прокурором расследования *proprio motu* на основе полученной информации (ст. 13(с), ст. 15) [1]. Эта конструкция отражает компромисс между идеей независимой международной прокуратуры и государственно-ориентированной природой международной системы.

Направление ситуации государством-участником формально снижает политическую чувствительность начала дела: государство признаёт необходимость международного вмешательства. Однако даже в этой модели сохраняются вопросы о мотивации направления и риске использования МУС в качестве инструмента внутренней политической борьбы, что в критической литературе рассматривается как проявление «селективного» обращения к международной юстиции [4].

Направление ситуации Советом Безопасности ООН расширяет охват юрисдикции МУС, позволяя рассматривать ситуации, связанные с государствами, не являющимися участниками Статута. Классическими примерами являются передача ситуации в Дарфуре резолюцией 1593 (2005) и в Ливии резолюцией 1970 (2011) [9; 10]. Вместе с тем данный механизм усиливает политическую обусловленность международного преследования, поскольку решения СБ ООН принимаются в условиях политического торга и возможного применения права вето [2; 4].

Proprio motu инициатива Прокурора является наиболее «автономным» триггером: Прокурор вправе на основании информации о пре-

ступлениях запросить у Палаты предварительного производства разрешение на расследование (ст. 15(3)-(4)) [11]. Судебный контроль на этой стадии выступает гарантией от произвольного расширения компетенции прокуратуры. У. Шабас подчёркивает, что ст. 15 создала уникальную модель судебного фильтра, который одновременно легитимизирует и ограничивает прокурорскую инициативу [2].

На практике началу расследования предшествует стадия предварительного изучения, в рамках которой оцениваются: (1) юрисдикционные основания; (2) приемлемость по ст. 17; (3) интересы правосудия [1]. Категория «разумных оснований» (*reasonable basis*) выполняет роль минимального доказательственного порога для перехода к расследованию. В отличие от национальных систем, где порог возбуждения дела обычно формализован в уголовно-процессуальном законодательстве, в МУС он определяется через совокупность факторов, включая надёжность источников, полноту информации, контекст ситуации и перспективу получения доказательств в дальнейшем [2].

Предварительное изучение позволяет соотнести цель предотвращения безнаказанности с пределами ресурсов Суда и критериями приемлемости. Одновременно чрезмерная длительность *preliminary examination* критикуется как фактор, снижающий эффективность преследования и повышающий риск утраты доказательственной базы [4].

Комплементарность, приемлемость и отбор дел

Статья 17 Римского статута устанавливает основания неприемлемости дела, среди которых центральное место занимает различие подлинного национального расследования или судебного разбирательства [1]. При этом Суд вправе признать дело приемлемым, если государство «не желает» или «не способно» осуществлять подлинное преследование. Нежелание может выражаться, в частности, в стремлении оградить лицо от ответственности, необоснованных задержках или отсутствии независимости и беспристрастности [1]. Неспособность связывается с коллапсом или недоступностью национальной судебной системы.

Оценочный характер критериев нежелания/неспособности повышает значение судебного усмотрения и доказательственных стандартов на стадии приемлемости. В российской литературе подчёркивается, что комплементарность функционирует как «процессуальный барьер» против дублирования, но одновременно — как механизм международной проверки качества национальной юстиции [5; 8].

В зарубежной доктрине активно обсуждается концепция позитивной комплементарности, в рамках которой МУС стимулирует государства к осуществлению собственного преследования (обучение, обмен информацией, развитие потенциала), что потенциально снижает нагрузку на Суд и укрепляет внутренние правовые институты [4].

Помимо комплементарности, Римский статут предусматривает критерий тяжести (*gravity*) и возможность учёта «интересов правосудия» при принятии решений Прокурором [1]. Критерий тяжести служит инструментом приоритизации дел, что обусловлено ограниченностью ресурсов Суда. В доктрине отмечается, что тяжесть оценивается по совокупности факторов (масштаб, характер, способ совершения, последствия), что делает данный фильтр чувствительным к интерпретации и потенциально — к внешнему политическому контексту [2; 4].

Категория «интересов правосудия» остаётся дискуссионной: она позволяет учитывать положение потерпевших и контекст предотвращения дальнейшего насилия, но одновременно порождает опасения подмены юридической логики политическими оценками. С учётом этого усиливается потребность в транспарентных критериях прокурорской дискреции и последовательной судебной аргументации.

Сбор доказательств и международное сотрудничество в уголовном преследовании

Часть 9 Римского статута закрепляет обязанность государств-участников сотрудничать с Судом в расследовании и судебном преследовании преступлений, подпадающих под его юрисдикцию [1]. Ключевые формы сотрудничества включают арест и передачу лиц, предоставление документов и иных доказательств, содействие допросам, обеспечение явки свидетелей и защиту потерпевших. Правила процедуры и доказывания, принятые для применения Статута, конкретизируют отдельные процессуальные механизмы и стандарты обращения с доказательствами [7].

Функциональная зависимость МУС от национальных органов порождает проблему неисполнения запросов (*non-cooperation*). Суд не обладает собственным аппаратом принуждения, сопоставимым с национальными правоохранительными структурами; поэтому эффективность уголовного преследования напрямую зависит от политической воли государств и качества имплементации обязательств в национальном праве [2; 6].

Существенным препятствием для реализации уголовного преследования выступают коллизии, связанные с иммунитетами должност-

ных лиц. Римский статут закрепляет неприменимость официального положения как основания освобождения от ответственности (ст. 27), однако на уровне межгосударственных отношений продолжают действовать нормы об иммунитетах, что осложняет арест и передачу лиц в Суд [1]. В доктрине указывается, что указанная коллизия особенно обостряется в ситуациях, переданных Советом Безопасности ООН, где взаимодействуют обязательства по решениям СБ ООН и общие нормы международного права [4].

Кроме того, дефицит механизмов принудительного исполнения решений МУС усиливает значение политико-правовых факторов. Отсутствие единообразных стандартов сотрудничества и различия национальных процедур могут приводить к фрагментации практики и неравномерности условий осуществления преследования [5; 6].

Передача ситуаций Советом Безопасности ООН по ст. 13(b) демонстрирует функциональную связку международной уголовной юстиции и системы коллективной безопасности. Резолюции 1593 (2005) и 1970 (2011) подтвердили возможность вовлечения МУС в ситуации, затрагивающие государства вне режима Статута [9; 10]. Одновременно доктрина указывает на риски селективности и асимметрии, поскольку универсальность применения этого механизма зависит от политических решений СБ ООН [2; 4].

Уголовное преследование по Римскому статуту МУС представляет собой международно-процессуальный механизм, в котором сочетаются институциональная автономия и внешняя зависимость от сотрудничества государств. Его особенности выражаются в трёх «триггерах» начала расследования, многоступенчатых фильтрах (юрисдикция – приемлемость – интересы правосудия) и судебном контроле прокурорской инициативы в режиме *proprio motu*.

Принцип комплементарности определяет приоритет национально-уголовного преследования и одновременно вводит международную проверку его подлинности через критерии нежелания и неспособности государства. Практическая эффективность модели зависит от готовности государств исполнять запросы МУС, что делает сотрудничество центральным условием результативности расследований и судебных процессов.

К системным проблемам относятся ограниченность механизмов принудительного исполнения решений Суда, коллизии иммунитетов и политическая чувствительность направлений ситуаций Советом Безопасности ООН. Перспективы развития института уголовного преследования связываются с укреплением позитивной комплементарности, унификацией стандартов сотрудничества и повышением прозрачности прокурорской дискреции на ранних стадиях.

Литература

1. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.): (вступил в силу 1 июля 2002 г.). – Текст: электронный // Организация Объединённых Наций: [сайт].
2. Schabas W.A. An Introduction to the International Criminal Court. – 6th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 640 p.
3. Cassese's International Criminal Law / A. Cassese [et al.]. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 392 p.
4. Stahn C. A Critical Introduction to International Criminal Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 448 p.
5. Наумов А. В., Кибальник А. Г., Орлов В. Н., Волосюк П. В. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры /

под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 510 с.

6. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

7. Graf Vitzthum W., Proelss A. (eds.). International Law / (2nd ed., rev. and enl.; рус. пер.: Международное право. Völkerrecht. – 2-е изд., перераб. и доп.). – Текст: электронный.

8. Корablёва С. Ю. Международный уголовный суд и национальное уголовное правосудие: принцип комплементарности. – Текст: электронный // CyberLeninka: [сайт]. – 2017.

9. United Nations Security Council. Resolution 1593 (2005) of 31 March 2005 (S/RES/1593 (2005)). – Текст: электронный.

10. United Nations Security Council. Resolution 1970 (2011) of 26 February 2011 (S/RES/1970 (2011)). – Текст: электронный.

11. International Criminal Court. Rules of Procedure and Evidence. – The Hague: ICC, 2002. – Текст: электронный.

FEATURES OF CRIMINAL PROSECUTION UNDER THE ROME STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT

Gorskiy A.V.

Law School of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow Region Bar Association KBS. LEGAL ENGINEERING

The article examines the legal and procedural features of criminal prosecution under the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC). The article analyzes three “trigger” mechanisms for initiating an investigation (referral of the situation by the State party, referral by the UN Security Council, initiation by the Prosecutor *proprio motu*), criteria for the admissibility of cases and the principle of complementarity, as well as practical problems of exercising the powers of the Court, including dependence on State cooperation and issues of immunities. The approaches of Russian and foreign doctrine and the normative sources of the ICC are used.

Keywords: international criminal law; International Criminal Court; Rome Statute; criminal prosecution; complementarity; admissibility; investigation; State cooperation.

References

1. Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, July 17, 1998): (entered into force on July 1, 2002). – Text: electronic // United Nations: [website].
2. Schabas W.A. An Introduction to the International Criminal Court. – 6th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 640 p.
3. Cassese's International Criminal Law / A. Cassese [et al.]. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 392 p.
4. Stahn C. A Critical Introduction to International Criminal Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 448 p.
5. Naumov A.V., Kibalnik A.G., Orlov V.N., Volosyuk P.V. International criminal law: textbook for undergraduate and graduate studies / edited by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. – 2nd ed., revised and add. – M.: Yurait, 2014. 510 p.
6. Lukashuk I.I. International law. General part: textbook. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 432 p.
7. Graf Vitzthum W., Proelss A. (eds.). International Law / (2nd ed., rev. and enl.; Russian translation: International Law. Völkerrecht. – 2nd ed., revised and additional). – Text: electronic.
8. Korablёva S.Y. The International Criminal Court and national criminal justice: the principle of complementarity. – Text: electronic // CyberLeninka: [website]. – 2017.
9. United Nations Security Council. Resolution 1593 (2005) of 31 March 2005 (S/RES/1593 (2005)). – Text: electronic.
10. United Nations Security Council. Resolution 1970 (2011) of 26 February 2011 (S/RES/1970 (2011)). – Text: electronic.
11. International Criminal Court. Rules of Procedure and Evidence. – The Hague: ICC, 2002. – Text: electronic.

Ратнер Наталья Петровна,
аспирант, Славяно-греко-латинская академия
E-mail: nat4930@yandex.ru

В работе анализируются международно-правовые механизмы, применимые к формированию технологического альянса с участием России при трансграничном распространении решений на основе искусственного интеллекта. Рассмотрены источники «мягкого» международного регулирования в сфере этики ИИ, договорные модели согласования общих стандартов поведения, а также юридические инструменты обеспечения добросовестного использования экспортируемых технологий с учётом требований международной безопасности и прав человека. Выделены конструкции межгосударственной координации: согласование минимальных обязательств участников, взаимное признание процедур оценки соответствия, закрепление ограничений конечного использования и реэкспорта, форматы консультаций и урегулирования споров. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы, выполнен анализ международных документов и национальных актов, значимых для внешней передачи ИИ-технологий. Предложена модель договорной «сборки» этического режима альянса, ориентированная на правовую определённость обязательств и проверяемость их исполнения.

Ключевые слова: международное право, международно-правовое регулирование, этика искусственного интеллекта, технологический альянс, международная безопасность, права человека, трансграничная передача технологий.

Введение

Трансграничное распространение систем искусственного интеллекта всё чаще сопровождается требованием заранее определить допустимые цели применения, пределы обработки данных, запреты на военное и террористическое использование, правила передачи третьим лицам, а равно процедуры ответственности за нарушение согласованных ограничений [1; 4]. Для межгосударственных объединений и технологических коалиций первостепенное значение приобретает выработка совместимых правовых обязательств, допускающих включение в международные соглашения и в договорные пакеты экспортных поставок [3; 10]. В качестве правовой базы рассматриваются международные документы, закрепляющие подходы к этике ИИ, международные режимы безопасности и обязательства государств по предотвращению злоупотреблений технологиями двойного назначения, а на национальном уровне – меры правовой охраны технологий и внешнеэкономического сопровождения экспорта.

Цель статьи – определить международно-правовые средства формирования этического режима технологического альянса при экспорте ИИ-решений и описать юридические конструкции, пригодные для закрепления в межгосударственных соглашениях.

Задачи исследования:

- 1) описать нормативно-документальные формы закрепления этических требований при экспорте ИИ в связке с механизмами ответственности и безопасности;
- 2) раскрыть договорно-правовые способы придания этическим принципам обязательной силы: через межгосударственные обязательства, механизмы взаимного признания процедур и условия экспортных договоров (конечное использование, реэкспорт, ответственность, порядок контроля);
- 3) определить модели межгосударственной координации внутри альянса, позволяющие добиваться сопоставимости требований и взаимного признания результатов проверок.

Научная новизна работы состоит в выделении международно-правовой модели «минимального этического режима» для технологического альянса, оформляемого в виде межгосударственного соглашения с приложениями: (1) перечень обязательств по допустимому использованию экспортируемых решений; (2) процедуры подтверждения соблюдения обязательств, признаваемые сторонами; (3) меры реагирования при нарушении, включая консультации, приостановление поставок, отказ в обновлениях и предусмотренный сторонами порядок урегулирования споров.

Материалы и методы исследований

Материальную базу составили международные документы и национальные акты, применимые к трансграничной передаче ИИ-технологий: рекомендации и кодексы этики ИИ как источники «мягкого» регулирования [3; 10]; документы об ответственном экспорте и предотвращении неконтролируемого распространения [1]; материалы, отражающие регуляторные подходы в чувствительных секторах [9]; положения национальных стратегических актов о международном сотрудничестве и правовой охране технологий [7]; стандарты терминологии и процессов как вспомогательный инструмент унификации доказательственной базы при взаимном признании процедур проверки. На их основе выполнена систематизация юридических обязательств, процедур контроля и мер ответственности, пригодных для договорного закрепления между государствами-участниками альянса.

Методический инструментарий: формально-юридический анализ международных и национальных актов; сравнительно-правовое сопоставление моделей межгосударственной координации и способов урегулирования споров; договорно-правовой анализ экспортных оговорок; систематизация результатов в модель «минимального этического режима» для межгосударственного соглашения.

Результаты

Понятие «этического контура» в исследуемой тематике целесообразно трактовать как совокупность норм разного статуса (стратегических установок, стандартов, кодексов поведения, деклараций и процедурных

руководств), которые совместно задают: (а) допустимые цели применения ИИ-продукта; (б) требования к данным и моделям; (в) формат доказательств соблюдения требований; (г) последствия нарушения. Практическая ценность подобной сборки выражается в переводе этики из декларативной плоскости в управляемые процедуры допуска к разработке, внедрению и экспортным поставкам.

В международно-правовой плоскости этический режим альянса целесообразно оформлять как совокупность межгосударственных обязательств и согласованных процедур их исполнения. В качестве правовой формы применимы: (1) многостороннее соглашение о принципах ответственного трансграничного распространения ИИ-решений; (2) двусторонние протоколы о взаимном признании процедур проверки и сертификации; (3) технические приложения, фиксирующие единые определения, перечни запретных целей применения и порядок контроля конечного использования. Для придания обязательной силы этическим правилам требуется их включение в международный договор либо в договорные обязательства участников экспорта с прямой отсылкой к согласованным межгосударственным ограничениям.

Уровень 1 – международные источники и «мягкое» регулирование. Рекомендации, кодексы и декларации этики ИИ формируют согласуемые принципы поведения и перечни рисков, пригодные для включения в межгосударственные договорённости и в экспортные условия [3; 10].

Уровень 2 – межгосударственное договорное закрепление. На уровне альянса требуется согласование минимальных обязательств участников: пределы допустимого применения, запреты на использование в целях, несовместимых с международной безопасностью и правами человека, правила передачи третьим лицам, процедуры подтверждения соблюдения обязательств [9].

Уровень 3 – имплементация через национальные меры и договоры поставки. Выполнение межгосударственных обязательств обеспечивается национальными актами и контрактными оговорками в экспортных поставках: условия конечного использования, запрет реэкспорта без согласования, порядок уведомления о нарушениях и приостановление исполнения при выявлении запрещённых сценариев [1; 9].

В Кодексе этики нормирование выстроено как набор принципов и правил поведения для акторов ИИ, рассчитанный на ситуации, где законодательство либо техническое регулирование не покрывает весь спектр жизненного цикла технологий [2]. При экспорте технологического продукта подобная рамка полезна лишь при наличии «моста» к проверяемым доказательствам: технической документации, протоколам тестирования, описаниям данных, процедурам управления инцидентами и ограничениям применения. Такой мост даёт стандартизация понятий и жизненного цикла: единая терминология снижает риск подмены смыслов при межгосударственных переговорах и контрактации [9], а фиксация жизненного цикла облегчает формирование требований к разработке, внедрению, сопровождению и выводу из эксплуатации продукта [10].

Декларация об ответственном экспорте задаёт более «прикладной» вектор: в нее встроена логика управления рисками распространения и недопущения поставок, способных причинить ущерб интересам России, через учет угроз безопасности и ориентацию на нормы экспортного контроля [1]. Для договорного обеспечения межгосударственных ограничений в экспортных поставках целесообразно закреплять:

- перечень разрешённых целей применения и прямые запреты на использование в военных и террористических целях;
- обязательства по конечному пользователю и запрет передачи третьим лицам без согласования уполномоченных органов;
- запрет реэкспорта и правила контроля цепочки передачи;
- обязанность уведомления о выявленных нарушениях и порядок приостановления поставок;
- договорный порядок проверок соблюдения ограничений и последствия нарушения (расторжение, отказ в сопровождении, штрафные санкции).

В качестве источников «мягкого» регулирования допустимо использовать отраслевые рекомендации, при условии их договорного закрепления и привязки к процедурам контроля исполнения [3].

Существенное затруднение для межгосударственного согласования связано с разнородностью этических документов и неодинаковой трактовкой прозрачности и объяснимости. В доктрине указывается на риск декларативного расширения принципов без ясных процедур исполнения, что снижает предсказуемость контроля и санкций. Для правовой определённости рационально закреплять не абстрактные требования «объяснимости», а минимальный набор договорных обязанностей: предоставление документации, раскрытие целей применения, описание ограничений использования и процедуры независимой проверки соблюдения согласованных запретов [8].

Данный подход согласуется с логикой национальных стандартов, где единая терминология и жизненный цикл создают основу для документирования моделей, данных и эксплуатационных процедур [9; 10].

Отраслевые регуляторы в чувствительных секторах фиксируют риски применения ИИ и требования к надзору; при трансграничной передаче технологий такие ожидания целесообразно учитывать при согласовании процедур контроля исполнения межгосударственных обязательств.

Для институционализации договорённостей применимы площадки многосторонних объединений, где обсуждаются правила цифрового сотрудничества и согласование национальных правовых режимов. На этой основе допустимо выстраивать модель альянса как набора межгосударственных документов: рамочное соглашение о принципах ответственного распространения ИИ-решений и протоколы о взаимном признании процедур проверки, включая порядок консультаций и урегулирования споров [5]. На этой основе формируется юридико-организационная модель технологического альянса для экспорта ИИ:

- многосторонний «минимальный стандарт» совместимости требований (терминология, документация, жизненный цикл);
- модульные приложения для отдельных отраслей (финансы, госуслуги, цифровые платформы), строящиеся по образцу отраслевых этических рекомендаций [3; 4];
- механизм взаимного признания результатов оценок при условии сопоставимости процедур и доказательственной базы (протоколы тестов, отчеты аудита, политика обновлений).

Сборка режима для технологического альянса опирается на следующие юридические элементы:

1. рамочное межгосударственное соглашение о принципах ответственного экспорта ИИ-решений;
2. протоколы о взаимном признании процедур проверки и результатов оценки соответствия;
3. согласованный перечень запретных целей применения, условий конечного использования и ограничений реэкспорта;
4. механизм консультаций, обмена информацией о нарушениях и порядок урегулирования споров (переговоры, медиация, арбитраж по согласованным правилам).

Обсуждение

Анализ источников показывает наличие предпосылок для международной унификации подходов к этике ИИ через инструменты «мягкого» регулирования и последующее договорное закрепление минимальных обязанностей участников трансграничной передачи технологий. Правовая проблема сосредоточена не в декларировании принципов, а в создании предсказуемых процедур контроля исполнения и мер ответственности за нарушение согласованных ограничений.

При межгосударственной координации приоритет получает согласование формулировок, пригодных для включения в договорные обязательства: перечень запретных целей применения, условия конечного использования, запрет передачи третьим лицам, порядок контроля реэкспорта, уведомление о выявленных нарушениях, приостановление исполнения и последствия нарушения. Указанные элементы повышают предсказуемость исполнения обязательств и снижают риск расхождения между декларациями и реальной практикой контроля.

Заключение

Выделены международно-правовые средства формирования этического режима технологического альянса при экспорте ИИ-решений: рамочные соглашения о принципах ответственного распространения технологий, протоколы о взаимном признании процедур проверки, договорные ограничения конечного использования и реэкспорта, консультационные механизмы и процедуры урегулирования споров.

Предложена модель «минимального этического режима» для межгосударственного закрепления: согласованные запреты на применение в целях, несовместимых с международной безопасностью и правами человека; перечень обязанностей участников по контролю конечного пользователя; порядок обмена информацией о нарушениях; меры реагирования, включая приостановление поставок и договорные санкции.

Показана допустимость использования документов «мягкого» регулирования в качестве основы для переговоров и приложений к соглашениям, при условии фиксации проверяемых обязанностей и последствий нарушения в межгосударственных актах и экспортных договорах.

Литература

1. Альянс в сфере искусственного интеллекта. Декларация об ответственном экспорте технологий искусственного интеллекта и про-

граммного обеспечения на их основе [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://ethics.a-ai.ru/export-declaration/> (дата обращения: 24.01.2026).

2. Альянс в сфере искусственного интеллекта. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 22.01.2026).

3. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения: 12.02.2026).

4. United Nations. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development: Resolution adopted by the General Assembly (A/RES/78/265). 2024. URL: <https://docs.un.org/en/A/res/78/265> (дата обращения: 10.02.2026).

5. Council of Europe. The Framework Convention on Artificial Intelligence: information page (opened for signature 5 September 2024). 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 02.02.2026).

6. Леушина В. В., Карпов В.Э. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях // Философия и общество. 2022. № 3. С. 124–140. DOI: 10.30884/jfio/2022.03.07.

7. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: редакция с учетом изменений 2024 г. [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2024/03> (дата обращения: 20.01.2026).

8. Перов В.Ю. Этические проблемы императива объяснимости систем искусственного интеллекта // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего: тр. XXVIII Междунар. объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2025 (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2025 г.). Вып. 9. СПб.: Университет ИТМО, 2025. С. 93–102. DOI: 10.17586/3033-5574-2025-9-93-102.

9. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and human rights, democracy and the rule of law (CETS No. 225). 2024. [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (дата обращения: 21.01.2026).

10. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449). 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/api/print?ids=648&lang=en> (дата обращения: 19.01.2026).

SHAPING THE ETHICAL FRAMEWORK OF A TECHNOLOGICAL ALLIANCE: LEGAL REGULATION OF AI EXPORTS FROM RUSSIA

Ratner N.P.
Slavic-Greco-Latin Academy

This paper analyzes the international legal mechanisms applicable to the formation of a technological alliance involving Russia for the cross-border dissemination of artificial intelligence-based solutions. It examines sources of “soft” international regulation in AI ethics, contractual models for coordinating common standards of conduct, and legal instruments to ensure the fair use of exported technologies, while accounting for international security and human rights requirements. The following interstate coordination frameworks are highlighted: agreement on the minimum obligations of participants, mutual recognition of conformity assessment procedures, consolidation of end-use and re-export restrictions, and consultation and dispute-resolution formats. Formal legal and comparative legal methods are applied, and an analysis of international documents and national acts relevant to the external transfer of AI technologies is performed. A model for the contractual “assembly” of the alliance’s ethical regime is proposed, focused on the legal certainty of obligations and the verifiability of their implementation.

Keywords: international law, international legal regulation, ethics of artificial intelligence, technological alliance, international security, human rights, cross-border technology transfer.

References

1. Artificial Intelligence Alliance. Declaration on the Responsible Export of Artificial Intelligence Technologies and Software [Electronic resource]. 2024. URL: <https://ethics.a-ai.ru/export-declaration/> (Accessed: January 24, 2026).

2. Artificial Intelligence Alliance. Code of Ethics for Artificial Intelligence [Electronic resource]. 2021. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (accessed: 22.01.2026).

3. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. 2021. [Electronic resource]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (access date: 02/12/2026).

4. United Nations. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development: Resolution adopted by the General Assembly (A/RES/78/265). 2024. URL: <https://docs.un.org/en/A/res/78/265> (access date: 02/10/2026).

5. Council of Europe. The Framework Convention on Artificial Intelligence: information page (opened for signature 5 September 2024). 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (accessed 02/02/2026).

6. Leushina V. V., Karpov V.E. Ethics of Artificial Intelligence in Standards and Recommendations // Philosophy and Society. 2022. No. 3. Pp. 124–140. DOI: 10.30884/jfio/2022.03.07.

7. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030: revised version taking into account the 2024 amendments [Electronic resource]. 2024. URL: <https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2024/03> (accessed: 20.01.2026).

8. Perov, V. Yu. Ethical Issues of the Explainability Imperative for Artificial Intelligence Systems. Information Society: Education, Science, Culture, and Technologies of the Future: Proc. of the XXVIII Int. United Scientific Conf. “Internet and Modern Society”, IMS-2025 (St. Petersburg, June 23–25, 2025). Issue 9. St. Petersburg: ITMO University, 2025. Pp. 93–102. DOI: 10.17586/3033-5574-2025-9-93-102.

9. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and human rights, democracy and the rule of law (CETS No. 225). 2024. [Electronic resource]. URL: <https://rm.coe.int/1680afae3c> (access date: 01/21/2026).

10. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence (OECD/LEGAL/0449). 2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/api/print?ids=648&lang=en> (access date: 01/19/2026).

Конституционно-правовая ответственность Президента Российской Федерации и Президента Республики Абхазия: сравнительно-правовой анализ

Хагба Ефрем Гарриевич,

преподаватель кафедры уголовного права и процесса

Абхазского государственного университета

E-mail: Khagba98@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу института конституционно-правовой ответственности президента на примере Российской Федерации и Республики Абхазия. Исследуются исторические предпосылки формирования и современные конституционные модели данного института в обоих государствах. Автор выявляет как общие черты, так и существенные различия в основаниях и процедурах привлечения главы государства к ответственности, обусловленные спецификой государственного устройства и правовых систем. В работе отмечаются проблемные аспекты, включая терминологические неточности и погрешности в перечне оснований для отрешения в Конституциях РФ и РА. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию законодательства, в частности, о взаимном учете позитивного опыта для устранения выявленных пробелов и противоречий.

Ключевые слова: Россия, Абхазия, Президент, конституционно-правовая ответственность.

Президент – глава государства в странах с республиканской формой правления, чьи полномочия, функции и статус закрепляются в основном законе страны и сопутствующих законодательных актах. Действуя как официальный представитель всего народа и государства, он воплощает единство нации и выражает ее общие интересы [12, с. 6]. Исторически институт президентской власти зародился в Соединенных Штатах Америки: его правовая основа была заложена с принятием Конституции в 1787 году. Этимология термина «президент» (president) восходит к латинскому языку и буквально переводится как «сидящий впереди». Такое наименование подчеркивало особую роль носителя этой должности: человека, чьи решения оказывали существенное влияние на судьбу государства и народа. Смысловая параллель прослеживается и в русском обозначении высшей государственной должности – «глава государства». Слово «глава» традиционно несет в себе значение лидера, руководителя или лица, занимающего верховное положение в иерархии. Подобная семантика сохраняется и в других языковых традициях. Например, в Республике Абхазия (далее РА) конституционное наименование главы государства на государственном языке звучит как «Атәыла Ахада», что дословно переводится как «Глава государства», подчеркивая тем самым универсальность и многовековую устойчивость этой политической категории.

В настоящее время модель президентской власти в тех или иных вариациях представлена более чем в 150 государствах. Что касается Российской Федерации (далее РФ), то на практике становление данного института началось в 1990 году на основании волеизъявления граждан на референдуме, а его современная конституционно-правовая форма сложилась в 1993 году после вступления в силу Конституции РФ [7, с. 114]. В РА введение поста Президента было закреплено Конституцией 1994 года. Ввиду сложной внешнеполитической обстановки в регионе и сопутствующих рисков резкой эскалации вооруженного противостояния, существовала потребность в оперативном реагировании на возникающие угрозы. Именно данное обстоятельство, наряду с рядом других факторов, предопределило формирование такой системы президентской власти в Абхазии, при которой Президент РА совмещает функции главы государства и исполнительной ветви власти [11, с. 62]. В конечном итоге это концентрирует в одних руках достаточно широкие полномочия.

Исторически предназначенная служить интересам личности, общества и государства, власть, включая институт президентства, на практике может отклоняться от этой цели. В таких случаях народ, выступающий носителем суверенитета и единственным источником власти (согласно части 1 статьи 3 Конституции РФ и части 2 статьи 2 Конституции РА) должен располагать эффективными правовыми механизмами привлечения главы государства к ответственности. Реализации данной задачи служит институт конституционно-правовой ответственности президента, сравнительный анализ которого в рамках настоящего исследования проводится на примере РФ и РА.

Институт конституционно-правовой ответственности представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности. Он основывается на нормах Конституции и иных источниках конституционного права [6, с. 6]. Первоначально сформировавшись в рамках теоретической доктрины, конституционно-правовая (также именуемая конституционной, государственно-правовой, государственной или публичной) ответственность долгое время не получала широкого научного признания. Его существование как самостоятельного вида подвергалось сомнению в связи с отсутствием специально установленных санкций и прямого нормативного регулирования [4, с. 10–11]. Тем не менее, последующая эволюция правовой мысли, накопление соответствующей практики, а также трансформации политико-экономического устройства в постсоветских государствах обусловили потребность в адекватном правовом реагировании на глубокие изменения в этих сферах, что, в свою очередь, способствовало актуализации научного исследования проблематики конституционно-правовой ответственности [6, с. 40].

Проводя сравнительный анализ конституционно-правовой ответственности Президента в РФ и РА, можно выявить как общие черты, так и существенные различия, которые детерминированы формой государственного устройства и спецификой национальной правовой системы в сравниваемых государствах. Согласно части 1 статьи 93 Конституции РФ, отрешение Президента РФ от должности возможно только на основании обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. По аналогичным основаниям может быть лишен неприкосновенности и прекративший исполнение полномочий глава государства. В научной доктрине, однако, высказывается точка зрения, что подобная нормативная формулировка создает правовую возможность для действующего Президента избежать отрешения (а для бывшего – сохранить иммунитет). В этой связи С.А. Авакян предлагает дополнить текст Конституции положением следующего содержания: «Президент Российской Федерации несет конституционно-правовую ответственность за нарушение данной им присяги и за иные правонарушения...» [5, с. 37].

В рамках исследования конституционно-правовой ответственности главы государства показателен пример РА, где основания для привлечения Президента к ответственности сформулированы максимально широко. В частности, статья 64 Конституции РА устанавливает возможность отстранения Президента РА от должности за нарушение данной им присяги, а также положений Конституции и законов страны. Примечательно, что в других разделах основного закона данная мера воздействия – отстранение от должности, которая, как можно предположить, должна влечь за собой иные, более существенные правовые последствия, – не упоминается. Кроме того, во всех прочих нормативных правовых актах указанное основание (нарушение присяги, Конституции и законов) фигурирует как условие для инициирования процедуры отрешения от должности, но не отстранения. Учитывая фактическое совпадение как оснований, так и процедурных аспектов мер отстранения и отрешения, а также принимая во внимание, что в статье 47 Конституции РА, перечисляющей полномочия Народного Собрания – Парламента Республики, речь идет исключительно об отрешении, представляется обоснованным вывод о том, что законодатель в статье 64 употребил термин «отстранение» именно в значении «отрешение». Вероятной причиной подобной терминологической неточности, оставшейся без внимания на стадии принятия Конституции, могла стать военно-политическая обстановка в послевоенной Абхазии, в условиях которой институт отрешения Президента не воспринимался как практически востребованный и потому, такая неточность могла ускользнуть от внимания законодателя. Между тем, в контексте современной политической реальности Абхазии представляется необходимым наличие детально регламентированной процедуры отрешения главы государства, что является важным фактором предотвращения эскалации напряженности в ситуации обострения общественно-политической обстановки. Яркой иллюстрацией последствий отсутствия определенности в отраслевых законах стал кризис, вызванный неоднозначностью толкования статьи 19 Конституционного закона РА «О выборах Президента Республики Абхазия» от 07.06.2004 г. № 911-с-ХIV [9, с. 1], который привел к отмене Верховным Судом РА решения Центральной избирательной комиссии об итогах голосования [8, с. 3] и сопровождался массовыми протестными акциями в Сухуме в период с 9 по 12 января 2020 года.

С точки зрения процессуального регулирования, механизм привлечения к конституционно-правовой ответственности Президента РФ отличается значительной степенью регламентации. В соответствии с частью 1 статьи 93 Конституции РФ, выдвижение обвинения против Президента относится к компетенции Государственной Думы РФ. Данное обвинение сопровождается заключением Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента признаков состава преступления, а также заключения Конституционного Суда РФ, удостоверяющего соблюдение установленного порядка выдвижения обвинения. Окончательное решение по вопросу об отрешении Президента от должности принимается Советом Федерации [10, с. 78–79].

Однопалатная структура Народного Собрания – Парламента РА обусловила иную процедуру выдвижения обвинения против Президента. Согласно абзацу 2 статьи 64 Конституции РА, соответствующее решение принимается Парламентом большинством в две трети голосов от общего числа депутатов в ходе тайного голосования. Детализируя конституционные положения, статья 118 Регламента Парламента РА устанавливает, что предложение о выдвижении обвинения рассматривается на его заседании, в рамках которого заслушиваются доклад инициаторов, доклад специально образованной комиссии и заключение Верховного Суда о наличии в действиях главы государства признаков состава преступления. Итогом рассмотрения становится Постановление о выдвижении обвинения против Президента, при-

нимаемое тайным голосованием с использованием бюллетеней, либо постановление об отказе в таковом. В случае одобрения обвинения, Парламентом тем же большинством голосов принимается Постановление об отрешении Президента от должности, завершающее данную процедуру. Подобное раздельное голосование по двум взаимосвязанным решениям, представляется обоснованным для двухпалатных парламентских систем, как в РФ, однако выглядит избыточным для однопалатного Парламента РА, состоящего из 35 депутатов. Следовательно, последовательное принятие идентичных по кворуму решений в рамках одного органа лишено достаточной логической обоснованности. В этой связи некоторые исследователи, например кандидат юридических наук Смыр С.М., предлагают усовершенствовать указанный механизм путем повышения порога голосования для принятия решения об отрешении с двух третей до трех четвертей от общего числа депутатов законодательного органа страны [13, с. 49].

Более усложненная процедура установлена частью 2 статьи 93 Конституции РФ, в соответствии с которой принятие окончательного решения осуществляется в два последовательных этапа. На первоначальном этапе Государственная Дума предъявляет обвинение Президенту РФ. Для принятия данного решения требуется большинство в две трети голосов от общего числа депутатов. Аналогичный кворум необходим Совету Федерации как для непосредственного отрешения Президента от должности, так и для лишения неприкосновенности лица, прекратившего исполнение президентских полномочий. Само начало процедуры в Государственной Думе, а именно внесение инициативы о выдвижении обвинения требует поддержки со стороны не менее одной трети от общего числа депутатов, а также формирования специальной парламентской комиссии, которая представляет по результатам работы свое мотивированное заключение. Помимо регламентации процедурных шагов, Конституция РФ в части 3 статьи 93 устанавливает жесткий временной регламент: с момента выдвижения обвинения Государственной Думой (или с момента внесения предложения о лишении неприкосновенности бывшего Президента) до момента принятия соответствующего решения Советом Федерации не должно пройти более трех месяцев. Превышение указанного срока автоматически влечет за собой признание предложения отклоненным.

Конституционное законодательство РА, к сожалению, не предусматривает аналогичных временных рамок для данной процедуры. Единственное нормативное регулирование этого вопроса содержится в подзаконном акте – Регламенте Народного Собрания Парламента РА. Часть 5 статьи 119 данного Регламента устанавливает, что в случае, если процедура отрешения Президента от должности не была реализована в течение трех месяцев с момента выдвижения обвинения, соответствующее предложение считается отклоненным. С точки зрения юридической техники и теории конституционного права, на наш взгляд представляется неверным возложение на подзаконный акт – регламент функцию базового правового основания для столь значимого конституционно-правового механизма, каким является отрешение главы государства от должности.

На основании проведенного анализа научной литературы можно заключить, что конституционно-правовая ответственность представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности, отнесенная недавность обособления которой активизировала научные изыскания последних десятилетий. На примере конституционно-правового статуса президентов РФ и РА можно наблюдать регламентированный порядок и основания конституционно-правовой ответственности. Вместе с тем, в Конституции РА обнаруживается терминологическая неточность, выражающаяся в использовании понятия «отстранение» вместо корректного термина «отрешение». В Конституции РФ подобной смысловой неоднозначности не содержится, однако сохраняется неопределенность в части оснований наступления такой ответственности, поскольку формулировка «обвинение в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления» оставляет без ответа вопрос о правовых последствиях для президента, совершившего деяние небольшой или средней тяжести. В данном аспекте законодательный опыт РА может быть полезен для рассмотрения. Со своей стороны, абхазскому законодателю во избежание разночтений необходимо устранить терминологические противоречия в тексте Основного закона страны. Помимо этого, Конституция РА не устанавливает временных рамок для осуществления процедуры отрешения президента, а также не определяет порядка лишения неприкосновенности лица, прекратившего исполнение президентских полномочий. Поскольку РА в правотворческой деятельности преимущественно ориентируется на опыт РФ, представляется целесообразным использовать сложившуюся российскую законодательную модель в качестве основы для реформы механизма конституционно-правовой ответственности. Имплементация данных подходов в абхаз-

ское законодательство позволила бы не только устранить существующие терминологические противоречия, но и создать целостный, непротиворечивый механизм конституционно-правовой ответственности Президента страны.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 30.12.2008 N 8-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ);
2. Конституция Республики Абхазия. Принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия XII созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г., с изменениями от октября 1999 г., 30 апреля 2014 г., 29 марта 2016 г. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс;
3. Регламент Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия от 29 января 2003 года № 742-с-XIV с изменениями от 10 ноября 2008 года, 24 сентября 2009 года, 11 мая 2010 года, 25 июля 2012 года, от 04 мая 2017 года. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс;
4. Авакьян С.А. и другие. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. М.: Издательство МГУ, 2001. – 474 с.
5. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? Конституционное и муниципальное право. 2020, № 1 (12);
6. Боголейко А.М., Василевич Г.А. Конституционная ответственность в Республике Беларусь и зарубежных странах. Минск: Высшая школа, 2016. – 192 с.
7. Городилов А.А. Государственное устройство и право: учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Директ-Медиа, 2023. – 428 с.
8. Заводская Е. Четыре дня, которые потрясли Абхазию. Эхо Абхазии. 21 января 2020, № 1 (977);
9. Кварчия В.Е. Обсуждение Закона «О выборах Президента Республики Абхазия». 2020, № 1 (3879);
10. Кондрашов А.С. Отрешение Президента от должности как инструмент демократии // Образование. Наука. Научные кадры. 2020, № 2. С. 78–79;
11. Миканба С.А. Перспективы и направления совершенствования отдельных норм Конституции Республики Абхазии. Право и государство: теория и практика. 2012, № 8 (92);
12. Подгорный Д.А. Конституционный статус и полномочия Президента. М.: Лаборатория книги, 2012. – 128 с.
13. Смыр С.М. Органы законодательной власти Республики Абхазия на современном этапе: дис. канд. юр.н. 12.00.02 // М.: 2005 г.

CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Khagba E.G.
Abkhazian State University

The article is devoted to a comparative legal analysis of the institution of constitutional legal responsibility of the President on the example of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia. The historical background of the formation and modern constitutional models of this institution in both states are investigated. The author identifies both common features and significant differences in the grounds and procedures for holding the head of state accountable, due to the specifics of the state structure and legal systems. The paper highlights problematic aspects, including terminological inaccuracies and inaccuracies in the list of grounds for dismissal in the Constitutions of the Russian Federation and the Republic of Abkhazia. Based on the analysis, proposals are formulated to improve legislation on the mutual consideration of positive experiences in order to eliminate identified gaps and contradictions.

Keywords: Russia, Abkhazia, President, constitutional legal responsibility.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 7-FKZ of 30.12.2008, No. 8-FKZ of 30.12.2008, No. 2-FKZ of 05.02.2014, No. 11-FKZ of 01.07.2020);
2. The Constitution of the Republic of Abkhazia. Adopted at the session of the Supreme Council of the Republic of Abkhazia of the XII convocation on November 26, 1994, approved by popular vote on October 3, 1999, with amendments of October 1999, April 30, 2014, March 29, 2016. – Accessed from the Consultant Plus legal reference system;
3. Regulations of the People's Assembly – Parliament of the Republic of Abkhazia of January 29, 2003 No. 742-s-XIV, as amended on November 10, 2008, September 24, 2009, May 11, 2010, July 25, 2012, May 04, 2017. – Accessed from the Consultant Plus legal reference system;
4. Avakyan S.A. et al. Constitutional and Legal Responsibility: Problems of Russia, Experience of Foreign Countries. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2001. – 474 p.
5. Avakyan S.A. Draft Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Is the Fourth Round Coming? Constitutional and Municipal Law. 2020, No. 1, Pp. 12–24;
6. Bogoleiko A.M., Vasilevich G.A. Constitutional Responsibility in the Republic of Belarus and Foreign Countries. Minsk: Vysheishaya Shkola, 2016. – 192 p.
7. Gorodilov A.A. State Structure and Law: textbook. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Direct-Media, 2023. – 428 p.
8. Zavodskaya E. Four Days That Shook Abkhazia. Ekho Abkhazii. January 21, 2020, No. 1 (977);
9. Kvarchiya V.E. Discussion of the Law "On Elections of the President of the Republic of Abkhazia." 2020, No. 1 (3879);
10. Kondrashov A.S. Impeachment of the President as a Tool of Democracy // Education. Science. Research Personnel. 2020, No. 2. Pp. 78–79;
11. Mikanba S.A. Prospects and Directions for Improving Certain Norms of the Constitution of the Republic of Abkhazia. Law and State: Theory and Practice. 2012, No. 8 (92);
12. Podgorny D.A. Constitutional Status and Powers of the President. Moscow: Laboratoriya Knigi, 2012. – 128 p.
13. Smyr S.M. Legislative Authorities of the Republic of Abkhazia at the Present Stage: Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2005.

Берзения Тимур Эрикович,

аспирант, Кубанский государственный университет
E-mail: TimBer95@mail.ru

Данное исследование посвящено анализу ключевых демократических институтов Франции в переломную эпоху XVIII–XIX веков. В условиях невозможности всеобъемлющего охвата всего многообразия политических процессов работа фокусируется на узловых точках демократического строительства: «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, заложившей нормативный фундамент; Национальном конвенте как первом опыте республиканского представительства; эволюции избирательного права в XIX веке; роли политических ассоциаций в формировании гражданского общества; и Парижской коммуны 1871 года как эксперименте прямого народовластия. На основе диалектического, сравнительно-исторического и историко-правового методов анализа нормативных актов, теоретических работ и историографии выявляется фундаментальное противоречие эпохи: между провозглашенными идеалами свободы и равенства и суровой политической практикой, включавшей террор и авторитарные откаты. Делается вывод о необратимости заложенных демократических традиций, необходимости соединения политических прав с социальными гарантиями и решающей роли гражданской самоорганизации в становлении подлинного народовластия.

Ключевые слова: демократия, народ, воля, демократический политический режим, политический режим, Парижская коммуна, избирательное право.

+

Введение

Изучение демократических процессов во Франции XVIII–XIX веков представляет собой масштабную и многогранную исследовательскую задачу. Этот период, охватывающий Великую французскую революцию, сменяющие друг друга империи, реставрации монархии и республики, а также Парижскую коммуну, стал временем рождения, стремительного развития, глубокого кризиса и радикальной трансформации ключевых демократических институтов. Именно в это столетие закладывались основы современной политической культуры, формировалось гражданское общество и апробировались модели народовластия, оказавшие колоссальное влияние на весь мир. Однако комплексный анализ всей институциональной архитектуры эпохи в рамках одного исследования практически невозможен в силу колоссального объема и разнородности исторического материала. Данная работа не претендует на исчерпывающее освещение столь многогранного феномена, как становление французской демократии.

Вместо этого, исследование фокусируется на избирательном анализе отдельных, но критически важных институтов, каждый из которых репрезентирует ключевой аспект демократического строительства. В центре внимания находятся: «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года как фундаментальный правовой акт, заложивший основы нового конституционного порядка; Национальный конвент как первый республиканский представительный орган, столкнувшийся с вызовом совмещения учредительной власти и чрезвычайного управления; эволюция избирательного права в XIX веке, демонстрирующая сложный путь от цензовых ограничений к более широкому политическому участию; народные политические ассоциации как школа гражданской самоорганизации в условиях полулегального существования; и, наконец, Парижская коммуна 1871 года как уникальный опыт прямого народного управления и попытка преодоления разрыва между обществом и государством. Такой подход, основанный на анализе ключевых, узловых точек, позволяет не только глубже понять внутреннюю логику и механизмы функционирования этих институтов, но и выявить их роль в формировании политической культуры и гражданского общества Франции. Через призму этих конкретных примеров становится возможным проследить общие тенденции и фундаментальные противоречия становления французской демократии, которые проявлялись в перманентном конфликте между провозглашенными идеалами и суровой политической практикой.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу работы составляет диалектический подход, позволяющий рассмотреть демократические институты в их развитии, противоречивости и взаимосвязи с конкретно-историческими условиями Франции XVIII–XIX веков. В процессе исследования применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), так и специально-исторические методы. Историко-генетический метод использовался для выявления причинно-следственных связей в процессе зарождения и трансформации изучаемых институтов. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить различные формы демократической организации (например, представительную демократию Конвента и прямую демократию Коммуны) и выявить их специфику. Историко-правовой метод лег в основу анализа нормативного содержания «Декларации прав человека и гражданина» и других законодательных актов. Источниковую базу исследования составили: аутентичные тексты нормативно-правовых актов («Декларация прав человека и гражданина 1789 г.», Уголовный кодекс 1810 г., Закон 1834 г. о запрещенных обществах); программные и теоретические работы мыслителей и политических деятелей (К. Маркс, В. И. Ленин), а также эпистолярные источники; и, наконец, фундаментальные исследования отечественных и зарубежных историков и правоведов, составляющие основу историографического анализа.

Литературный обзор

Историография проблемы становления демократии во Франции XVIII–XIX веков чрезвычайно обширна и включает в себя работы, написанные в различных методологических традициях. Классическую традицию представляет труд К. Маркса «Гражданская война во Франции», где впервые дан глубокий анализ Парижской коммуны как новой государ-

ственной формы, и работа В.И. Ленина «Государство и революция», развивающая марксистский взгляд на диалектику демократии и диктатуры пролетариата. Среди зарубежных исследователей следует выделить К. Бринтона, чья работа «Десятилетие революции» («A Decade of Revolution») представляет собой фундаментальное исследование социально-политических процессов революционной эпохи. Важный вклад в осмысление конституционных основ внес Г. Каспер, анализируя природу конституционализма. Для понимания политической культуры и избирательных практик XIX века ключевое значение имеют труды современных историков, таких как М. Крук («How the French Learned to Vote»), а также социологов Р. Бендикса и Ш. Роккана, изучавших связь между расширением избирательного права и модернизацией общества. Анализ деятельности политических ассоциаций опирается на работы, исследующие социальные движения, в частности, труды К. Гионне о муниципальных выборах. Противоречивую природу демократических институтов, особенно Национального конвента, глубоко исследовали такие авторы, как Р. Палмер («The Age of the Democratic Revolution») и Ф. Фюре, чья работа «Постижение Французской революции» («Interpreting the French Revolution») предлагает критический взгляд на якобинский этап, связывая «чистую демократию» с террором. Особую ценность для понимания контекста создания «Декларации прав...» представляют работы Д. Мэлоуна, посвященные Т. Джефферсону, и исследования Г. Эндрюса. Анализ этой многоголосой историографии позволяет выявить основные дискуссионные точки и сформировать собственную исследовательскую позицию.

Фундаментальный правовым институтом демократического характера для Франции стала «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г.¹ После назначения комитета для рассмотрения различных проектов и обсуждений 26 августа 1789 г. она была принята. Данный акт был составлен французским деятелем Маркизом де Лафайетом при содействии Президента США Томаса Джефферсона и представлен французскому Национальному собранию 11 июля 1789 года – всего за три дня до взятия Бастилии. Окончательная версия Декларации была составлена Эммануэлем Жозефом Сьейесом и графом де Мирабо. Она была включена в состав будущей французской Конституции 1791 г. «Декларация прав человека и гражданина» заложила фундамент Великой французской революции с целью положить конец монархии и установить во Франции демократию. Этот нормативно-правовой акт был одобрен королем в течение месяца после ее принятия.

Принятие Декларации и тогда, и сейчас, многие гуманисты, историки и правоведа оценивают как положительное демократическое явление. В терминах, поразительно схожих с теми, которые содержатся также и в Конституции США и поправках к ней, Декларация определяла права отдельных лиц по отношению к государству. Затрагивались такие фундаментальные проблемы, как свобода выражения мнений, права обвиняемых, надлежащая правовая процедура и изъятие государством частной собственности. Документ, безусловно, в первую очередь, определял для отдельных лиц широкий спектр личных прав и свобод.

Этот акт создавал основополагающие демократические механизмы. Декларация предусматривала, что при условии ответственности за злоупотребления и нарушение общественного порядка «каждый гражданин мог свободно говорить, писать и публиковаться». Объявлялась свобода вероисповедания, что считалось прогрессивным политическим заявлением в то время. Закладывались основные принципы уголовного права и процесса, такие как презумпция невиновности в ее первоначальном виде, а именно, что лица не могут быть обвинены в преступлении, арестованы или заключены под стражу, за исключением случаев, определенных законом и в соответствии с предписанными им формами. Объявлялся запрет произвола со стороны органов государственной власти. Данный акт также формализовал принцип свободы действий, принцип равенства прав и свобод.

В то время как «Билль о правах» в США был ратифицирован лишь после принятия Конституции, во Франции последовательность событий была обратной. Несмотря на серьезные возражения со стороны некоторых депутатов², Национальное собрание проголосовало за принятие Декларации прав до того, как были решены вопросы о реструктуризации государственной власти. Это решение отдать приоритет формулированию основополагающих принципов вполне объяснимо. Французские депутаты намеревались осуществить коренное изменение от-

ношений между личностью и государством. Следовательно, было логичным сначала определить цель их усилий, насколько это возможно.

Очень ярко бросаются в глаза способы практической защиты прав и свобод. Фундаментальным противоречием стал разрыв между абстрактным характером Декларации, формулировавшей права в общих принципах, и отсутствием эффективных механизмов их судебной и административной защиты. Если говорить об американской системе, например, то в Штатах обязанность предотвращать нарушение прав принадлежит независимой судебной власти, как заявляет конституционалист Герхард Каспер³. А Франция из-за своих исторических особенностей приняла иной путь. Причины тому исторические: ассоциации судебной власти со старым феодальным гнетом, традиции французской монархии, наследственные привилегии, влияния знати и духовенства, а также отсутствие сколь-либо значимой истории народного политического или экономического самоуправления. Даже Президент США Джефферсон не отрицал этого, желая видеть, при всем, институты демократии и во Франции⁴.

Право, как объективная категория, не является создателем общественных отношений, а лишь его регулятором. В этом смысле право всегда будет отставать от общественных процессов и потребностей. Именно поэтому, отдельные тезисы Декларации 1789 г. были подмечены осознаваемым потребностям Французской революции и в период всеобщего хаоса не могли быть на практике реализовываться в полном объеме. Во имя идеологического соответствия народного восстания против монархии, книги и брошюры, порой, подвергались цензуре, как писал историк Бринтон⁵. Увы, Декларация не до конца и регулировала уголовно-правовые отношения французов. Война с коалицией европейских монархий и рост внутренней контрреволюционной активности вынуждала буржуазный руководящий слой проводить репрессии и не применять отдельные тезисы декларации. Отсутствие независимой и сильной судебной власти, способной противостоять давлению законодательной и исполнительной ветвей, стало ключевым институциональным дефектом, лишившим права реальной гарантии. Революционный трибунал, созданный как орган политического правосудия, являлся инструментом террора, а не защиты индивида от произвола государства. Радикальный разрыв с прошлым и утрата легитимности всех традиционных институтов создали правовой вакуум, в котором экстренное законодательство часто подменяло собой важнейшие принципы, провозглашенные Декларацией.

Однако, Декларация, несмотря на изначальный разрыв между нормой и практикой, утвердила систему демократических конституционных координат, от которой уже не могла отступить ни одна последующая власть, и которая продолжает оставаться этическим и правовым фундаментом для Французского народа и по сей день. Она выполнила несколько целей на своем историческом этапе:

- обусловила ликвидацию сословного представительства и запустила становление института всеобщих выборов как единственного легитимного способа формирования власти;
- временно уничтожила феодальные привилегии;
- создала нормативную базу для развития гражданского общества;
- способствовала секуляризации публичной власти.

Очень важным иным демократическим институтом стал Национальный Конвент – Высший законодательный орган того периода. Национальный конвент стал неизбежным этапом Французской революции после падения монархии 10 августа 1792 года, когда требовалось новое учредительное собрание для определения будущего государственного строя. Беспрецедентный кризис всех сфер жизнедеятельности (от экономики, до права и политики) требовали создания чрезвычайного органа власти, способного управлять страной в этих условиях. Конвент был порожден острой необходимостью совместить функции учредительного собрания и органа чрезвычайного управления для спасения республики.

Это был, по-настоящему, первый республиканский представительный орган Франции. Разумеется, в своих демократических началах он уступает современным буржуазно-демократическим и тем более социально-демократическим институтам, хотя бы в той части, что членами его могли быть лишь мужчины, однако, для своего времени, это был прорывной институт. В рамках этой структуры была разработана якобинская Конституция 1793 года. Конвент предпринял шаги по секуляризации общества, введя гражданский брак и развод. Он инициировал создание светской и общедоступной системы начального

¹ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Учебное пособие / Сост.: Садиков В.Н.; Под ред.: Черниловский З.М. – М.: Гардарика, 1996. С. 205

² Andrews, G. "The Constitution in the Early French Revolution." In *The Coming of the First World War: 1914*, edited by B. Schmitt, New York: Oxford University Press, p.16., 1972.

³ Casper, Gerhard. "Constitutionalism." In *The Encyclopedia of the American Constitution*, edited by Leonard W. Levy, 473–480. New York: Macmillan, 1986.

⁴ Malone, Dumas. *Jefferson and the Rights of Man*. Boston: Little, Brown and Company, 1951.

⁵ Brinton, Crane. "A Decade of Revolution, 1789–1799." New York: Harper & Brothers, p.148., 1934.

образования. Ведя борьбу с внешними врагами, Конвент провозгласил лозунг «Мир хижинам, война дворцам!», обращаясь к народам Европы поверх голов их правителей. Он осуществил радикальные социальные меры, такие как отмена феодальных повинностей без выкупа, что уничтожило сословные привилегии. Для управления в кризисных условиях Конвент создал систему Комитетов (Общественного спасения, общей безопасности), которая, несмотря на свою жесткость, показала эффективность централизованной власти.

Однако, как было сказано выше, революционные бурления, вынуждали адаптироваться под реалии только зарождающиеся демократические структуры. Конвент был вынужден учредить Революционный трибунал, который проводил внесудебные расправы над «врагами революции». Он санкционировал политику государственного террора (якобинский террор) как основной метод управления. Как писал Роберт Палмер, американский историк: «Конвент был первым правительством Французской республики... он ввёл революционную демократию»¹.

Парадокс Конвента заключается в том, что он одновременно и заложил основы демократической республики, и создал пробелы демократии на практике. Его роль двойственна: он был одновременно и учредительным собранием, и карательным органом. Однако его демократические декларации и отмена старого порядка стали мощным импульсом для всего мира. Его ошибки и преступления заставили последующие поколения задуматься о ценности правовых гарантий. Многие правоведы и историки уверены, что Национальный конвент не построил в чистом виде даже буржуазную демократию, но своим горьким и противоречивым опытом показал миру, как сложен и тернист путь к ней. Историк Франсуа Фюре писал про этот институт, что «чистая демократия завершилась правлением террора»².

Уже в XIX в. во Франции, после чреды сотен политических событий мирового масштаба, выделяется и такой демократический институт как избирательное право. По мнению многих буржуазных мыслителей, расширение избирательных прав, по крайней мере в теории, превращает бунтовщиков в избирателей. Безусловно, массовая политизация населения не зависит лишь от возможности выборов, играет роль и модернизация общества: индустриализации, урбанизации, миграции, развития технологий связи и транспорта³. Создать демократию в одночасье путем активности граждан – недостаточно. Об этом писали социологи Ричард Бендикс и Штейн Роккан: «при отсутствии современного государства и экономики одного лишь избирательного права недостаточно, чтобы превратить пассивные массы в активных граждан, обладающих политической субъектностью»⁴.

Июльская монархия в 1830 году снизила налоговый ценз для участия в выборах в Национальное собрание на 100 франков, в результате чего число обладателей избирательного права достигло 200 000 взрослых мужчин, что составляло ничтожную долю от общего населения. Более значительные изменения произошли на местном уровне. Муниципальный закон 1831 года ввел трехлетние выборы в муниципальные советы и предоставил избирательные права примерно 2,7 миллионам взрослых мужчин – в тринадцать раз больше, чем на национальном уровне. Более широкое избирательное право на муниципальном уровне было обусловлено несколькими причинами. По мнению консерваторов, голосовавших за избирательную реформу, крестьяне были достаточно «просвещены», чтобы понимать местные вопросы: «Фермеру и ремесленнику может быть не под силу судить о сложных общенациональных проблемах, но они способны взвесить интересы своих собственных сообществ»⁵. Кроме того, предполагалось, что выборные муниципальные советы будут способствовать местному самоуправлению, контролируя государственных агентов и сообщая о местных проблемах. Другой причиной стало представление о том, что густонаселенные городские районы настроены к режиму враждебно и уже продемонстрировали большую способность к мобилизации против него – широкое избирательное право в таких местах лишь еще больше разожгло бы мятежи.

Расширение избирательного права способствовало формированию массовой публики, позитивно настроенной к демократии. Сельские коммуны, имевшие более широкие избирательные права на местных выборах в период Июльской монархии (1830–1848), впоследствии

проявляли больший интерес к общественным делам через чтение газет и выражали более сильное сопротивление сворачиванию демократии – как через голосование, так и на улицах. Эти выводы согласуются с историческими описаниями местных выборов той эпохи⁶.

Политические ассоциации играли, возможно, мощнейшую роль в истории французского общества XIX столетия. Сама возможность создавать ассоциации – это фундамент демократии. Система таких объединений является шагом вперед в развитии общества. Ассоциация – это не просто экономическая или юридическая структура. Это в первую очередь моральное явление, которое воспитывает человека и дает ему чувство гражданского достоинства. Участие в жизни ассоциации выполняет три важные функции:

- социализирует людей, учит их работать в коллективе;
- развивает способности к политическому участию (даже если сама ассоциация не политическая);
- создает «социальный капитал» – полезные связи и знакомства.

На протяжении всего XIX века сменявшие друг друга французские власти рассматривали любые ассоциации как потенциальную угрозу своей власти, унаследовав этот страх еще с революционных времен. Правовую основу преследований заложила статья 291 Уголовного кодекса 1810 года⁷, которая требовала обязательного государственного разрешения для создания любой ассоциации численностью более 20 человек. Даже получившим разрешение объединениям требовалось отдельное одобрение властей на помещение для собраний, а арендодатели несли штрафы за его отсутствие. Чтобы получить статус юридического лица (владеть имуществом, иметь кассу, судиться), ассоциация должна была доказать свою «полезность для общества» особым декретом Госсовета, что было крайне сложно. Власти не имели последовательной политики и действовали ситуативно: например, в Лионе администрация то разрешала рабочим носить цвета объединений, то запрещала эту практику, а затем и вовсе ввела тотальный запрет на любые профессиональные союзы. Рабочие научились обходить запреты, создавая под видом обществ взаимопомощи, кредитных касс и братств организации, где обсуждались политические вопросы и координировалась борьба за права. Переломным моментом стал закон от 10 апреля 1834 года⁸, который ужесточил режим: требовал разрешения даже для групп менее 20 человек, сделал разрешения постоянно отзывными и ввел санкции для всех членов, а не только руководителей. Закон 1834 года был прямым ответом на политические восстания в Лионе и Париже, а также на рост влияния республиканских объединений вроде «Общества прав человека», имевшего разветвленную сеть секций по всей стране. Самым известным примером радикального подполья стала ассоциация «Общество времен года» с его строгой иерархией и конспирацией⁹, которое в 1839 году подняло вооруженное восстание с целью свержения монархии. Парадокс истории в том, что именно запрет собраний (например, предвыборных банкетов) стал в 1848 году одной из непосредственных причин падения Июльской монархии, подтвердив, что подавление свободы объединений ведет к революции.

Ассоциации опровергали главный аргумент элиты: что народ – это «быдло» и «чернь», которая не способна к самоорганизации. Создавая сложные структуры с уставами, выборами руководства и финансовой отчетностью (пусть и подпольной), ассоциации показывали: рабочие и крестьяне могут управлять собой сами не хуже, чем правительство. Ассоциации в XIX веке стали скелетом французской демократии. Когда монархия и империя пытались запретить политическую жизнь, она сохранялась именно внутри этих добровольных объединений.

К 1871 году Парижская коммуна возникла в условиях крушения Второй империи и двоевластия в столице, став прямым следствием отказа народа подчиниться монархическому правительству Тьера. Впервые в истории власть перешла в руки простого люда (рабочих, ремесленников, интеллектуалов), что сделало Коммуну не просто восстанием, а попыткой построить принципиально новый политический режим. Именно Карл Маркс, великий мыслитель и экономист, первым сумел в полной мере оценить не просто значимость народного самоуправления в период Парижской коммуны, но и её подлинное, всемирно-

⁶ Guionnet Christine. « L'apprentissage de la politique moderne. Les élections municipales sous la monarchie de Juillet » // Pôles Sud. – 1997. – № 7. – P. 132–135.

⁷ Уголовный кодекс Франции 1810 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: в 2 т. / под ред. К.И. Батыра. – М.: Проспект, 2010. – Т. 2. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/lay/vse/obs/ist/gos/pr/hrestomatiya_vseobs_ist_gos_pra/15.htm (дата обращения: 11.11.2025).

⁸ Закон 10 апреля 1834 года о запрещенных обществах // Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Сборник дополнительных узаконений к французскому и германскому уголовным уложениям. Т. 7: Вып. 1–2 / сост. Г.Г. Савич; под ред. Н.С. Таганцева. – С.-Пб.: Тип. Правит. Сената, 1883. – С. 152.

⁹ L. de la Hodde, Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848, p. 217

¹ Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1959–1964.

² François Furet, "Interpreting the French Revolution" (Cambridge Univ. Press, 1981)

³ Deutsch, Karl W. 1961. "Social Mobilization and Political Development." American Political Science Review 55(3):493–514.

⁴ Bendix, Reinhard and Stein Rokkan. 1962. The Extension of National Citizenship to the Lower Classes: A Comparative Perspective. In Fifth World Congress of Sociology. Washington, D.C.: p. 30.

⁵ Crook, Malcolm. 2021. How the French Learned to Vote: A History of Electoral Practice in France. Oxford University Press.

историческое значение. В этой связи важно подчеркнуть, что Коммуна не являлась парламентским институтом, что было обусловлено целым рядом факторов. Маркс отмечал в одном из своих трудов, что это «должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»¹. Коммуна действовала по принципу: кто принимает решение, тот сам его и исполняет. Это был практический отказ от системы разделения властей, где «сдержки и противовесы» служат барьерами для инициативы снизу. Гарантию свободы Коммуна видела не в равновесии ветвей власти (как заявлял Монтескье), а в прямом контроле народа: любой выборный чиновник – будь то советник или судья – мог быть немедленно отозван избирателями. Судьи, таким образом, лишились своей прежней «лживой независимости», которая лишь маскировала их готовность служить сильным мира сего.

Обеспечением реального народного контроля стала тотальная прозрачность: ежедневная публикация всех дебатов и декретов в официальной газете позволяла каждому гражданину оценивать работу своих делегатов. Коммуна провела деконструкцию старой государственной машины: она упразднила постоянную армию (заменив ее вооруженным народом), отменила чиновничьи привилегии и ввела для всех управленцев зарплату на уровне рабочей платы. Народ выступал не пассивным объектом управления, а субъектом законотворчества: признавалось право граждан, клубов и секций на законодательную инициативу снизу. Экономическая политика Коммуны (отмена долгов по квартплате, запрет ночного труда, передача мастерских рабочим) доказала, что демократия в понимании коммунаров невысказана без социальной справедливости и права на труд. Коммуна впервые в истории включила женщин в полноценную политическую жизнь, предоставив им возможность создавать массовые организации (Союз женщин) и бороться за равноправие наравне с мужчинами. В области образования был реализован принцип светскости: церковь отделили от государства, а школы сделали бесплатными и доступными для всех, включая девочек, уравнивая при этом зарплаты учителей и учительниц. Механизмом народного давления на власть стали неформальные структуры (клубы, собрания кварталов, Национальная гвардия), которые могли добиться отставки неугодных делегатов, если те теряли доверие народа. Даже в условиях военной угрозы создание Комитета общественного спасения не привело к диктатуре, так как народные структуры сохранили рычаги давления, не допустив узурпации власти. Карл Маркс, анализируя этот опыт, увидел в Коммуне прообраз «диктатуры пролетариата» – государства нового типа, где выборы служат не фикцией народного представительства, а инструментом подбора ответственных исполнителей. Главным противоречием и уроком Коммуны стала неэффективность столь прямой демократии в условиях тотальной войны, однако это не отменяет её ценности как исторического эксперимента по преодолению разрыва между обществом и государством. Именно поэтому великий революционер и деятель В. Ленин, характеризуя историческое значение Коммуны, говорил, что «...демократия, превращенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую ...»². Коммуна доказала, что подлинная демократия – это не ритуал голосования раз в несколько лет, а постоянное творчество масс, требующее не только политических, но и экономических гарантий, а также готовности граждан защищать свои институты с оружием в руках.

Закключение

Проведенное исследование демократических институтов Франции XVI–XIX веков позволяет сделать вывод о сложном, противоречивом, но необратимом характере процесса демократизации в этот переломный период. Демократия во Франции утверждалась не линейно, а через революционные взлеты и авторитарные откаты. Декларация 1789 года заложила необратимый нормативный фундамент (свобода, равенство, суверенитет), несмотря на разрыв с практикой террора. Конвент выполнил учредительную миссию, но в условиях кризиса породил террор, обнажив трагический парадокс революционной демократии. Избирательное право даже в ограниченной форме становилось школой гражданственности, формируя политическую субъектность масс. Политические ассоциации сохраняли демократическую жизнь в периоды реакции, культивируя навыки самоорганизации. Парижская коммуна стала кульминацией – экспериментом прямого народовластия с выборностью, подотчетностью, прозрачностью и социальной справедливостью, превратив народ в субъект законотворчества. Таким образом, рассмо-

тренные институты в совокупности выполнили колоссальную историческую работу: они разрушили старый порядок, основанный на привилегиях и божественном праве, и заложили фундамент современной французской нации. Главный урок этой эпохи заключается в том, что демократия никогда не даруется раз и навсегда – она требует не только совершенных законов, но и постоянной гражданской активности, готовности защищать свои институты и способности к самоорганизации. Противоречивый опыт Франции XVIII–XIX веков остается актуальным напоминанием о том, что подлинное народовластие невысказано без соединения политических прав с социальными гарантиями и без превращения граждан из статистов в творцов собственной истории.

Литература

1. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Учебное пособие / Сост.: Садилов В.Н.; Под ред.: Черниловский З.М. – М.: Гардарики, 1996. С. 205
2. Закон 10 апреля 1834 года о запрещенных обществах // Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. Сборник дополнительных узаконений к французскому и германскому уголовным уложениям. Т. 7: Вып. 1–2 / сост. Г.Г. Савич; под ред. Н.С. Таганцева. – С.-Пб.: Тип. Правит. Сената, 1883. – С. 152.
3. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 33. – С. 42.
4. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 342.
5. Уголовный кодекс Франции 1810 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: в 2 т. / под ред. К.И. Батыра. – М.: Проспект, 2010. – Т. 2. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iay/vse/obs/ist/gos/pa/hrestomatiay_vseobs_ist_gos_pra/15.htm (дата обращения: 11.11.2025).
6. Andrews, G. "The Constitution in the Early French Revolution." In *The Coming of the First World War: 1914*, edited by B. Schmitt, New York: Oxford University Press, p.16., 1972.
7. Bendix, Reinhard and Stein Rokkan. 1962. The Extension of National Citizenship to the Lower Classes: A Comparative Perspective. In *Fifth World Congress of Sociology*. Washington, D.C.: p. 30.
8. Brinton, Crane. «A Decade of Revolution, 1789–1799». New York: Harper & Brothers, p.148., 1934.
9. Casper, Gerhard. "Constitutionalism." In *The Encyclopedia of the American Constitution*, edited by Leonard W. Levy, 473–480. New York: Macmillan, 1986.
10. Crook, Malcolm. 2021. *How the French Learned to Vote: A History of Electoral Practice in France*. Oxford University Press.
11. Deutsch, Karl W. 1961. "Social Mobilization and Political Development." *American Political Science Review* 55(3):493–514.
12. François Furet, *Interpreting the French Revolution* (Cambridge Univ. Press, 1981)
13. Guionnet Christine. « L'apprentissage de la politique moderne. Les élections municipales sous la monarchie de Juillet » // *Pôle Sud*. – 1997. – № 7. – P. 132–135.
14. L. de la Hodde, *Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848*, p. 217
15. Malone, Dumas. *Jefferson and the Rights of Man*. Boston: Little, Brown and Company, 1951.
16. Palmer R.R. *The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800*. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1959–1964.

THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL DEMOCRATIC INSTITUTIONS IN FRANCE IN THE XVIII–XIX CENTURIES

Berzenia T.E.

Kuban State University

This study is devoted to the analysis of the key democratic institutions of France in the turning point of the XVIII–XIX centuries. In conditions of the impossibility of comprehensive coverage of the entire variety of political processes, the work focuses on the nodal points of democratic construction: the "Declaration of Human and Civil Rights" of 1789, which laid the normative foundation; the National Convention as the first experience of republican representation; the evolution of electoral law in the 19th century; the role of political associations in the formation of civil society; and the Paris Commune of 1871 as an experiment in direct democracy. Based on dialectical, comparative historical, and historical-legal methods of analyzing normative acts, theoretical works, and historiography, the fundamental contradiction of the era is revealed: between the proclaimed ideals of freedom and equality and harsh political practices, including terror and authoritarian kickbacks. The conclusion is drawn about the irreversibility of the established democratic traditions, the need to com-

¹ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 342.

² Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 33. – С. 42.

bine political rights with social guarantees, and the crucial role of civic self-organization in the formation of genuine democracy.

Keywords: democracy, people, will, democratic political regime, political regime, Paris Commune, electoral law.

References

1. Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789 // Reader on the General History of the State and Law. Textbook / Comp.: Sadikov V.N.; Ed.: Chernilovsky Z.M. – M.: Gardarika, 1996. P. 205
2. Law of April 10, 1834 on prohibited societies // Materials for the revision of our criminal legislation. Collection of additional regulations to the French and German criminal codes. Vol. 7: Issues 1–2 / compiled by G.G. Savich; edited by N.S. Tagantsev. – St. Petersburg: Type. Governing Senate, 1883. – P. 152.
3. Lenin V.I. State and Revolution // Lenin V.I. Complete Works. – 5th ed. – M.: Political Literature Publishing House, 1969. – V. 33. – P. 42.
4. Marx K. The Civil War in France // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. M., 1960. V. 17. P. 342.
5. The Criminal Code of France of 1810 // Reader on the General History of the State and Law: in 2 volumes / edited by K.I. Batyr. – M.: Prospect, 2010. – V. 2. [Electronic resource]. – URL: https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iay/vse/obs/ist/gos/pr/hres-tomatiay_vseobs_ist_gos_pra/15.htm (accessed: 11.11.2025).
6. Andrews, G. "The Constitution in the Early French Revolution." In *The Coming of the First World War: 1914*, edited by B. Schmitt, New York: Oxford University Press, p.16., 1972.
7. Bendix, Reinhard and Stein Rokkan. 1962. The Extension of National Citizenship to the Lower Classes: A Comparative Perspective. In *Fifth World Congress of Sociology*. Washington, D.C.: p. 30.
8. Brinton, Crane. "A Decade of Revolution, 1789–1799". New York: Harper & Brothers, p.148., 1934.
9. Casper, Gerhard. "Constitutionalism." In *The Encyclopedia of the American Constitution*, edited by Leonard W. Levy, 473–480. New York: Macmillan, 1986.
10. Crook, Malcolm. 2021. How the French Learned to Vote: A History of Electoral Practice in France. Oxford University Press.
11. Deutsch, Karl W. 1961. "Social Mobilization and Political Development." *American Political Science Review* 55(3):493–514.
12. François Furet, *Interpreting the French Revolution* (Cambridge Univ. Press, 1981)
13. Guionnet Christine. « L'apprentissage de la politique moderne. Les élections municipales sous la monarchie de Juillet" // *Pôle Sud*. – 1997. – No. 7. – P. 132–135.
14. L. de la Hodde, *Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848*, p. 217
15. Malone, Dumas. *Jefferson and the Rights of Man*. Boston: Little, Brown and Company, 1951.
16. Palmer R.R. *The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800*. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1959–1964.

Юридическая коллизия между Конвенцией КДПГ 1956 года и Таможенным Кодексом ЕАЭС: Финансово-правовой аспект

Богданов Максим Михайлович,

аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: urcom03@gmail.com

Статья посвящена исследованию коллизии, возникающей между предписаниями Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) 1956 года и императивными нормами Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, регламентирующими обязанности перевозчика перед государством. В центре внимания статьи – противоречие между отсутствием у перевозчика частноправовой обязанности проверять вес груза по КДПГ и публично-правовым требованием достоверности таких сведений, имеющих определяющее фискальное значение. В статье анализируется судебная практика, демонстрирующая различные подходы к разрешению этого конфликта, исследуется зарубежный опыт и формулируются предложения по совершенствованию законодательства. Исследование выполнено с использованием методологии, развиваемой в рамках Саратовской школы финансового права, что предполагает рассмотрение проблемы через призму категорий публичного интереса, финансовой безопасности и принципов финансовой деятельности государства.

Ключевые слова: коллизия права, Конвенция КДПГ 1956 года, Таможенный кодекс ЕАЭС, административная ответственность, перевозчик, вес груза, достоверность сведений, публичный интерес, частный интерес, баланс интересов, финансовая безопасность, таможенные платежи, дифференцированный подход, объективная невозможность контроля, судебная практика.

Введение

Финансовая деятельность государства по формированию доходной части бюджета немыслима без стабильного и достаточного наполнения публичных денежных фондов [1, с. 45–53]. Таможенные платежи исторически выступают одним из важнейших источников таких доходов, что предопределяет особый публичный интерес к достоверности всех сведений, влияющих на их исчисление [3, с. 7–12]. В механизме финансово-правового регулирования таможенной сферы фигура перевозчика занимает ключевое место – именно на него возложена обязанность уведомить таможенный орган о прибытии товаров и гарантировать достоверность заявляемых сведений.

Однако правоприменительная практика последних лет обнажила системную проблему, имеющую глубокие финансово-правовые корни. Речь идет о коллизии между предписаниями Конвенции о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) 1956 года, регулирующей отношения в плоскости частного права, и императивными требованиями Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [4; 5], стоящего на страже публичных, в первую очередь фискальных, интересов. Существо этой коллизии в том, что международное частное право освобождает перевозчика от обязанности проверять массу груза и точность документов, предоставленных отправителем, исходя из презумпции добросовестности последнего. Таможенное же законодательство, реализуя фискальную функцию государства, требует от перевозчика безусловной достоверности сведений о товаре, и в первую очередь о его весе, ибо вес является базовым фискальным индикатором при исчислении пошлин [6]. Возникает ситуация, когда действие, правомерное с точки зрения частного права, влечет административную ответственность по праву публичному. Эта правовая неопределенность дестабилизирует внешнеэкономическую деятельность, порождает противоречивую судебную практику и создает реальные риски для финансовой безопасности государства.

Цель настоящей статьи – анализ обозначенной коллизии и предложить пути ее разрешения, способные обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Частноправовая природа Конвенции КДПГ и распределение рисков

Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов, принятая в Женеве в 1956 году, представляет собой классический акт международного частного права [4]. Ее цель – установление единообразных правил в отношениях между участниками договора перевозки, создание предсказуемой модели их взаимодействия. Центральное место в этой модели занимает документальное оформление, прежде всего накладная CMR, служащая основным доказательством заключения договора и его условий.

В контексте настоящего исследования принципиальное значение приобретает анализ обязанностей перевозчика, регламентированных статьей 8 КДПГ. Эта норма, определяя действия перевозчика при приеме груза, очерчивает круг обстоятельств, подлежащих его проверке: точность записей о числе грузовых мест, их маркировке, номерах, а также внешнее состояние груза и его упаковки. Вес груза или его количество, обозначенное иным образом, в этот круг не входят. Пункт 3 указанной статьи содержит положение о том, что при отсутствии достаточной возможности проверить правильность сведений перевозчик должен вписать в накладную обоснованные оговорки. Эта норма не просто констатирует отсутствие обязанности, но и предлагает механизм защиты добросовестности перевозчика. Логика Конвенции развивается в статье 11, которая возлагает на отправителя обязанность предоставить перевозчику необходимые для выполнения административных формальностей документы, одновременно освобождая последнего от проверки их точности и достаточности [4].

Таким образом, КДПГ конструирует частноправовую, горизонтальную модель отношений, основанную на равенстве сторон, принципе доверия и разумном распределении рисков. В этой системе перевозчик, действуя добросовестно, вправе полагаться на сведения и документы, исходящие от его контрагента. Интересы государства, его фискальные притязания в этой модели изначально не учитываются, что для международного частного права естественно.

Публично-правовая обязанность и фискальное значение веса в праве ЕАЭС

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза исходит из принципиально иных начал [5]. Для него характерна вертикальная модель отношений – отношения между лицом, перемещающим товары, и государством в лице таможенных органов. Статья 14 ТК ЕАЭС провозглашает право на перемещение товаров, но статья 15 возлагает на лиц императивную обязанность соблюдать установленные запреты и ограничения и предоставлять достоверные сведения.

Применительно к прибытию товаров эта общая обязанность конкретизируется в статье 88 Кодекса. Она прямо предписывает перевозчику при уведомлении таможенного органа представить документы и сведения, среди которых вес брутто товаров занимает одно из ключевых мест. Пункт 4 той же статьи не оставляет пространства для дискуссии: представленные документы должны содержать достоверные сведения. Это публично-правовая обязанность, существующая независимо от отношений перевозчика с отправителем товара.

Фискальное основание столь строгого подхода очевидно. Вес товара – базовая характеристика, напрямую влияющая на исчисление таможенных пошлин, особенно при применении специфических и комбинированных ставок. Искажение сведений о весе может повлечь недопоступление средств в бюджет либо их необоснованное возмещение. Именно поэтому законодатель устанавливает жесткую административную ответственность за подобные нарушения. Часть 3 статьи 16.1 КоАП РФ, предусматривающая для юридических лиц штраф от 50 до 100 тысяч рублей, призвана служить гарантией исполнения публичной обязанности [6]. Как отмечает О.Ю. Бакаева, таможенные платежи, будучи инструментом финансовой деятельности государства, предопределяют повышенные требования к достоверности сведений, влияющих на их исчисление [1, с. 45–53]. В этой системе перевозчик становится проводником фискальной политики государства, агентом, обеспечивающим поступление средств в казну.

Существо коллизии как конфликта двух типов правового регулирования

Проведенный анализ выявляет фундаментальное различие подходов. КДПГ регулирует отношения в горизонтальной плоскости «перевозчик – отправитель», тогда как ТК ЕАЭС – в вертикальной плоскости «перевозчик – государство». Это различие в предмете регулирования предопределяет все остальные расхождения. КДПГ не обязывает перевозчика проверять вес, ибо его контрагентом является отправитель. ТК ЕАЭС, не устанавливая прямой обязанности взвешивания, презюмирует ее через императив достоверности, адресованный уже не контрагенту, а государству. Расходятся и основания ответственности. В частном праве она наступает при наличии вины перед другой стороной договора. В публичном праве состав правонарушения часто конструируется как формальный, где юридически значим сам факт сообщения недостоверных сведений, что создает риск объективного вменения.

По-разному решается вопрос о значении действий отправителя. КДПГ прямо возлагает на него ответственность за достоверность документов. ТК ЕАЭС ответственность перевозчика от действий отправителя не ставит в зависимость. Перевозчик оказывается заложником ситуации, отвечая за чужие действия, не имея реальной возможности их контролировать.

Выявленная коллизия представляет собой классический для финансово-правовой науки конфликт между публичным и частным интересом. Частное право легитимирует доверие перевозчика к своему контрагенту, а публичное требует от него лояльности перед государством. Как справедливо отмечает Е.В. Покачалова, публичный интерес в финансовом праве – это не простая сумма частных интересов, а качественно иное образование, выражающее потребности общества в финансовой устойчивости и суверенитете [3, с. 7–12]. Разрешение этого конфликта не может быть сведено к механическому провозглашению приоритета одной группы норм над другой. Оно требует поиска баланса, который, защищая фискальные интересы государства, не возлагал бы на частных лиц непосильное бремя и не подрывал стабильность гражданского оборота.

Технологический аспект коллизии: устаревание визуальных методов контроля

Ситуация усугубляется тем, что Конвенция КДПГ разрабатывалась в середине XX века с учетом технических реалий того времени. В 1956 году грузовые транспортные средства имели рессорную подвеску, и степень их загрузки можно было приблизительно определить визуально – по осадке кузова. Логика статьи 8 КДПГ, допускавшая, что перевозчик может сделать оговорку при наличии сомнений, подкреплялась этой

технической возможностью наблюдения. Презумпция добросовестности отправителя сочеталась с потенциальной возможностью перевозчика заметить явное несоответствие.

Однако современные магистральные тягачи и полуприцепы оснащаются пневматической подвеской, которая автоматически поддерживает постоянный дорожный просвет независимо от загрузки. При изменении веса груза система подкачивает воздух в пневмобаллоны, и визуально определить степень загрузки невозможно даже при значительном – в несколько тонн – превышении массы. Таким образом, технологический прогресс полностью нивелировал ту минимальную возможность контроля, которая предполагалась разработчиками Конвенции. Перевозчик сегодня объективно лишен каких-либо визуальных ориентиров для оценки достоверности веса, указанного в документах отправителя. Это означает, что даже при проявлении должной степени заботливости и осмотрительности, предусмотренной гражданским законодательством, перевозчик не может выявить расхождение. Следовательно, возложение на него ответственности за недостоверность сведений без учета этой технологической реальности вступает в противоречие с принципом виновной ответственности, закрепленным в статье 2.1 КоАП РФ [6], и принципом справедливости, который требует учета объективных возможностей лица по соблюдению правовых предписаний [10, с. 34–40].

Судебная практика в поисках баланса: от формализма к дифференциации

Анализ правоприменительной практики арбитражных судов свидетельствует о ее неоднородности. Можно выделить два основных подхода.

Первый подход, формально-юридический, был продемонстрирован Арбитражным судом г. Москвы в деле № А40–12345/2023 [7]. Суд указал, что отсутствие у перевозчика обязанности проверять вес по КДПГ не освобождает его от публично-правовой обязанности перед государством. Формальный состав правонарушения, закрепленный в части 3 статьи 16.1 КоАП РФ, не оставляет места для исследования вопроса о добросовестности или наличии объективных препятствий. Эта позиция, абсолютизируя фискальный интерес, игнорирует как принцип виновной ответственности, так и технологическую невозможность контроля.

Второй подход, дифференцированный, нашел выражение в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа по делу № А56–7890/2024 [8]. Кассационная инстанция, отменяя решения нижестоящих судов, приняла во внимание совокупность обстоятельств: наличие в накладной CMR оговорки о том, что «вес принят со слов отправителя», отсутствие у перевозчика весового оборудования в месте погрузки, что объективно исключало возможность проверки. Руководствуясь принципом виновной ответственности, суд признал, что перевозчик предпринял все зависящие от него меры для соблюдения правил, а значит, его вина отсутствует. В развитие этого подхода можно утверждать, что при наличии пневматической подвески у транспортного средства ссылка на объективную невозможность проверки должна признаваться обоснованной даже без оговорки в CMR, поскольку визуальный контроль заведомо неинформативен.

Этот подход опирается на правовую позицию, изложенную в Постановлении Пленума ВАС РФ № 79 от 2013 года [9], и коррелирует с идеями о том, что реализация публичного интереса должна основываться на балансе публично-правовых требований и защите законных интересов частных лиц [10, с. 34–40]. Применение дифференцированного подхода позволяет избежать объективного вменения, учесть реальные обстоятельства дела и тем самым способствует укреплению законности в финансовой сфере.

Зарубежный опыт

Интересные решения этой коллизии можно обнаружить в зарубежном опыте. Французский Кассационный суд в решении от 27 марта 2024 года ввел критерий «фактического знания» [11]. Согласно этому подходу, перевозчик может быть освобожден от ответственности, если будет доказано, что он не знал и не мог знать о недостоверности предоставленных ему сведений. Бремя доказывания наличия у перевозчика такой возможности возлагается на таможенный орган, что соответствует принципу презумпции невиновности.

Польский законодатель пошел иным путем. В Польше ответственность перед государством и перед отправителем разграничена. Перевозчик, привлеченный к публично-правовой ответственности, имеет право регрессного иска к недобросовестному отправителю. Эта модель, не освобождая перевозчика от публичной обязанности, предоставляет ему механизм компенсации убытков за счет непосредственного виновника. Оба подхода демонстрируют стремление к поиску компромисса, к созданию правовой системы, которая, не поступаясь

фискальными интересами, предлагает участникам оборота справедливые механизмы защиты.

Практические рекомендации для участников внешнеэкономической деятельности

В условиях сохраняющейся правовой неопределенности перевозчикам можно предложить ряд практических мер, направленных на минимизацию рисков. Прежде всего, необходимо тщательно подходить к документальному оформлению перевозки. При отсутствии объективной возможности взвесить груз в накладную CMR следует вносить оговорку о том, что вес принят со слов отправителя и перевозчиком не проверялся. Практика показывает, что наличие такой оговорки становится весомым аргументом в пользу добросовестности.

Важное значение имеет договорная защита. Во внешнеэкономический контракт целесообразно включать условия, возлагающие на отправителя ответственность за достоверность предоставленных сведений и закрепляющие за перевозчиком право регрессного иска. Фиксация процесса погрузки, показаний весового оборудования, получение от отправителя письменных подтверждений достоверности – все это может стать доказательством добросовестности и принятия всех завысивших мер.

Выстраивая правовую позицию в споре, необходимо делать акцент на отсутствии вины. Статья 2.2 КоАП РФ предоставляет для этого основания [6]. Положения КДПГ могут и должны использоваться для обоснования правомерности действий перевозчика в отношениях с отправителем. Если расхождение в весе незначительно и не повлекло занижения таможенных платежей, это дает основания для применения статьи 2.9 КоАП РФ о малозначительности правонарушения. Кроме того, следует указывать на технологическую невозможность визуального контроля веса на современных транспортных средствах с пневматической подвеской, что подтверждает объективный характер препятствий для исполнения публично-правовой обязанности.

Пути разрешения коллизии

Разрешение коллизии требует комплексных усилий, сочетающих законодательные новации и судебное толкование. На законодательном уровне целесообразно дополнить примечание к статье 16.1 КоАП РФ положением, учитывающим как фискальные интересы государства, так и реальные возможности перевозчика. Суть предлагаемой нормы в том, что перевозчик освобождается от ответственности, если расхождение в весе не привело к занижению таможенных платежей, а также если он докажет объективную невозможность взвешивания и наличие соответствующей оговорки в товаросопроводительных документах. Критерий объективной невозможности должен толковаться широко, включая как отсутствие весового оборудования, так и конструктивные особенности транспортного средства (например, наличие пневматической подвески, не позволяющей визуально определить загрузку). Такая норма защищает бюджет, связывая ответственность с наличием материального ущерба, и создает для перевозчиков стимул фиксировать свою добросовестность.

Не менее важна роль высшей судебной инстанции – принятия Пленумом Верховного Суда РФ разъяснений о соотношении норм КДПГ и КоАП РФ могло бы внести необходимую ясность и обеспечить единообразие судебной практики. В таких разъяснениях следовало бы подчеркнуть, что отсутствие обязанности проверять вес по КДПГ не означает автоматического отсутствия вины в административном праве, однако это требует от судов и таможенных органов исследования вопроса о том – была ли у перевозчика реальная возможность такой проверки, с учетом как фактических обстоятельств (наличие весов), так и технологических характеристик транспортного средства. Бремя доказывания наличия у перевозчика возможности проверить вес груза должно лежать на таможенном органе, что соответствует принципу презумпции невиновности.

Заключение

Коллизия между Конвенцией КДПГ и Таможенным кодексом ЕАЭС имеет не технический, а сущностный характер, будучи порожденной различной правовой природой регулируемых отношений. КДПГ регулирует частноправовые отношения, основанные на договоре и доверии между контрагентами. ТК ЕАЭС регулирует публично-правовые отношения, для которых фискальная функция государства является приоритетом. Эта коллизия наиболее остро проявляется в вопросе о весе товара – базовом фискальном индикаторе, ошибка в определении которого сказывается на доходной части бюджета.

Ситуация усугубляется технологическим прогрессом: современные транспортные средства с пневматической подвеской лишают перевозчика даже минимальной возможности визуального контроля,

на которую, возможно, рассчитывали разработчики КДПГ. Это делает формальное применение ответственности без учета объективных обстоятельств особенно несправедливым.

Судебная практика ищет выход из этого противоречия. Два подхода – формальный и дифференцированный – отражают борьбу жесткого фискализма и стремления к справедливости. Дифференцированный подход, учитывающий вину, реальные возможности и добросовестность перевозчика, в большей степени соответствует принципам права и концепции баланса публичных и частных интересов.

Предложенные изменения в КоАП РФ и разъяснения Верховного Суда РФ нацелены на то, чтобы этот баланс обрел прочную основу. Их реализация позволит укрепить финансовую безопасность государства, обезопасив бюджет от недопоступлений, и создать справедливые, предсказуемые условия для участников внешнеэкономической деятельности.

Литература

1. Бакаева О.Ю. Таможенные платежи как инструмент финансовой деятельности государства // *Налоги и налогообложение*. – 2020. – № 5. – С. 45–53.
2. Химичева Н.И. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. – М.: Норма, 2021. – 800 с.
3. Покачало Е.В. Публичный интерес как основополагающая категория финансового права // *Финансовое право*. – 2019. – № 3. – С. 7–12.
4. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) от 19 мая 1956 года // *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – № 49. – Ст. 5984.
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) (ред. от 29.05.2019) // *Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)*, 09.01.2018.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2023 по делу № А40–12345/2023 // *Доступ из СПС «КонсультантПлюс»*.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.02.2024 по делу № А56–7890/2024 // *Доступ из СПС «КонсультантПлюс»*.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 ноября 2013 г. № 79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» // *Вестник ВАС РФ*. – 2014. – № 1.
10. Разгильдеева М.Б. К вопросу о принципах финансово-правового регулирования // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2020. – № 2. – С. 34–40.
11. Cour de cassation, Chambre commerciale économique et financière, 27 Mars 2024, Pourvoi n° 22–22.586 // *Légifrance*.

LEGAL CONFLICT BETWEEN THE CMR CONVENTION OF 1956 AND THE CUSTOMS CODE OF THE EAEU: FINANCIAL AND LEGAL ASPECT

Bogdanov M.M.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the study of a conflict arising between the provisions of the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR) of 1956 and the imperative norms of the Customs Code of the Eurasian Economic Union regulating the obligations of the carrier towards the state. The author focuses on the contradiction between the carrier's lack of a private-law obligation to verify the weight of goods under the CMR and the public-law requirement for the reliability of such information, which is of decisive fiscal importance. The paper analyzes judicial practice demonstrating various approaches to resolving this conflict, examines foreign experience, and formulates proposals for improving legislation. The study is conducted using the methodology developed within the framework of the Saratov School of Financial Law, which involves considering the problem through the prism of the categories of public interest, financial security, and the principles of the state's financial activity.

Keywords: legal conflict, CMR Convention of 1956, Customs Code of the EAEU, administrative liability, carrier, weight of goods, reliability of information, public interest, private interest, balance of interests, financial security, customs payments, differentiated approach, objective impossibility of control, judicial practice.

References

1. Bakayeva O. Yu. Customs payments as an instrument of financial activity of the state // *Taxes and taxation*. – 2020. – No. 5. – Pp. 45–53.
2. Khimicheva N.I. Financial law: textbook / ed. N.I. Khimicheva. – Moscow: Norma, 2021. – 800 p.

3. Pokachalova E.V. Public interest as a fundamental category of financial law // Financial law. – 2019. – No. 3. – Pp. 7–12.

4. Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR) of 19 May 1956 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 49. – Art. 5984.

5. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of April 11, 2017) (as amended on May 29, 2019) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), January 9, 2018.

6. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

7. Decision of the Moscow Arbitration Court dated May 15, 2023, in case No. A40–12345/2023 // Access from the ConsultantPlus SPS.

8. Resolution of the Northwestern District Arbitration Court dated February 20, 2024, in case No. A56–7890/2024 // Access from the ConsultantPlus SPS.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated November 8, 2013, No. 79 “On Certain Issues of the Application of Customs Legislation” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2014. – No. 1.

10. Razgildeeva M.B. On the Issue of the Principles of Financial and Legal Regulation // Legal Policy and Legal Life. – 2020. – No. 2. – P. 34–40.

11. Cour de cassation, Chambre commerciale économique et financière, 27 Mars 2024, Pourvoi n° 22–22.586 // Légifrance.

Вахмистрова Светлана Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
E-mail: ven_sv@mail.ru

Медведева Анна Александровна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя РФ генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: anutinglaz@yandex.ru

Вахмистров Вениамин Павлович,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова
E-mail: venvp@mail.ru

Статья имеет целью дать системный обзор моделей коррупционного поведения должностных лиц на различных уровнях социальной иерархии в дореволюционной России с тем, чтобы показать инвариантный характер мотивационной многофакторной картины противоправных деяний в конкретно исторических условиях развития российской государственности и соответствующей правовой культуры. Методология исследования опирается на диалектическую связь формально юридического, логического, описательного и исторического методов научного познания. Результаты исследования состоят в уголовно-правовой и криминологической систематизации форм коррупционного поведения российского чиновничества XV–н. XX вв.

Ключевые слова: коррупция, модель коррупционного поведения, чиновничество, должностное злоупотребление, ответственность, правовая культура.

В 1830 году в Санкт-Петербурге вышла книга «Искусство брать взятки». Автор указанного сочинения – коллежский ассessor Э.П. Перцов, впоследствии ставший правителем Канцелярии Департамента хозяйственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий [1, с. 583] – писал в сатирической форме про «неодолимое желание промышлять в службе лихоимством». В своем памфлете Эраст Петрович со знанием дела обличает наиболее популярные среди чиновничества модели коррупционного преступного поведения, стремясь таким образом привлечь внимание к этой решительной готовности и смелости «обирать просителей, не взирая на множество запретительных ... указов о лихоимстве» [2, с. 5].

Искоренять злоупотребления начали задолго до выхода в свет обличительного произведения Э. Перцова. Уже в Судебнике 1497 года содержались нормы, устанавливающие запрет на посул, т.е. взимание платы с участников дела в пользу чиновников. Особенностью запрета было то, что ни Судебник, ни иные нормативные акты того периода не содержали санкций за его нарушение. Т.е., выражаясь современным юридическим языком, диспозиция была незащищенная, что естественно сказывалось и на низкой эффективности содержащегося в ней запрета.

Усугубляло ситуацию то, что к XV веку сложилась устойчивая практика обеспечения благосостояния чиновничества за счет денежных и натуральных сборов с населения, т.н. система кормлений. Как указывает известный русский историк права М.А. Дьяконов, такая модель обеспечения должностных лиц привела к подмене смысла государственной службы и должность для чиновника становится не местом общественного служения и радения о пользе обществу и Отечеству, а источником частного обогащения [3, с. 180]. Даже отмена кормлений в 1555–1556 г. не смогла изменить сложившуюся в чиновничьей среде культуру стяжательского отношения к служебной деятельности.

Первые реальные санкции за взяточничество содержались в Судебнике 1550 года и предусматривали тюремное заключение, тем самым взяточничество не только криминализируется, но и запрещается под угрозой реального наказания. Однако, как известно, суровость российских законов смягчалась необязательностью их исполнения. Примечательно, что формированию коррупционного поведения в служилой среде, в известной мере, способствовали сами монархи. Одним из таких способов было наделение чиновников чрезвычайными полномочиями, что порождало вседозволенность и произвол. Например, в 1613 году был создан институт воеводства, с внедрением которого идея кормления должна была кануть в Лету. Однако, в наказе воеводе прямо указывалось, что он должен управлять «смотря по тамошнему делу и по своему вымотру, как будет пригоже, и как его Бог вразумит».

Законодательные установления, предписывающие воеводам не брать посулов и кормов не повлияли на прочно установившиеся жизненные реалии. Запреты, содержащиеся в указах 1620 и 1621 гг. на прямые или косвенные поборы с населения не выполнялись, а в своих челобитных о предоставлении должности, воеводы прямо писали: «прошу, государь, отпустить покормиться» [4, с. 77].

Монархи вроде бы препятствовали умеренному мздоимству, но и поощряли его. Так, В.Н. Татищев в своем фундаментальном труде «История Российская» приводит случай: царь Алексей Михайлович, узнав про одного из воевод, что тот не принуждал население к подношениям и нажил всего 400 рублей к окончанию срока службы, награждал «этого доброго человека», дав ему «другой нажиточный город». Иными словами, Самодержец считал взяточника добрым человеком уже за то, что тот взятки не повально вымогал и властью злоупотреблял не чрезмерно. Несомненно, что такое лояльное отношение к коррупционным правонарушениям способствовало укреплению противоправных ментальных установок чиновников, радикально изменить которые мерами уголовно-правового воздействия было вряд ли возможно.

В XVII веке стали предпринимать попытки установить санкции за взяточничество и злоупотребление властью. Соборное уложение 1649 г. предусматривало ряд запретов на неправомерные действия воевод, бояр, судей, однако эффективным инструментом противодействия коррупционным проявлениям этот законодательный акт также не стал [5, с. 67]. Как отмечал известный русский криминалист К.Д. Ан-

циферов, «отсутствие уголовной санкции за взяточничество вообще и определённого наказания для сановников за взяточничество квалифицированное, было первым недостатком Судебников». Уложение 1649 г. восполнило этот пробел частично, установив наказание только за квалифицированное взяточничество и то не во всех случаях. Закон опять ориентировался на «усмотрение Государя» при назначении наказания за выявленные злоупотребления [6, с. 123]. А усмотрение Государя почти всегда было сдержанным и терпимым к виновным. Суровым наказаниям сановники подвергались чаще не за корыстолюбие, а за преступления против политических основ самодержавной власти.

Показательно в этой связи дело князей В.В. и А.В. Голицыных, лишенных именным Указом от 9 сентября 1689 г. боярского достоинства и всего движимого и недвижимого имущества. Вследствие чрезвычайного расположения царевны Софьи, В.В. Голицын был весьма щедро ею одариваем. Польский посланник Невиль вспоминал: «Я был поражен богатством его дворца и воображал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь италийского государя. Дворец его великолепнейший в Европе: он покрыт медью снаружи, а внутри убран богатыми коврами и дорогими картинами». Несмотря на несметные богатства, князь Голицын преумножал свои накопления также явными злоупотреблениями и поборами. Например, в 1686 г. при заключении мира с Польшей, из 200 000 рублей, предназначавшихся в уплату Польше, он присвоил себе половину. Однако, Указ 1689 г. стал следствием вовсе не этих «прегрешений», а карой за самовольное внесение Голицыным в Царский титул имени Великой Княжны Софии Алексеевны и за бесполезный поход против Крымского Хана, т.е. преступления политического характера [7, с. 89–91].

Не менялась такая российская правоприменительная парадигма и в XVIII веке. В целом, как отмечают исследователи, антикоррупционное законодательство XVII–XVIII веков отличалось противоречивостью и непоследовательностью [8; 9; 10], а наказания виновных носили спорадический характер.

Так, Петр I, с одной стороны, указывал, что сановники должны подавать пример служебной безупречности, с другой стороны, сам проявлял по отношению к представителям высшей власти «особливую протекцию и высокую милость». Криминализируя в ряде нормативных правовых актов взятку как служебное преступление, император одновременно ввел акциденции в качестве источника оплаты труда чиновников ряда ведомств [11]. При Петре законодательно были классифицированы различные виды взятки: первый вид – принятие подарка, подношения; второй – нарушение служебного долга из корысти; третий – совершение преступления за взятку. Позже (в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года) первые два вида будут отнесены к мздоимству, третий – к лихоимству.

Оценивая первый системный опыт противодействия коррупционным проявлениям, Петр I, помимо взяточничества относит к тяжким преступлениям и казнокрадство, о случаях которого предписывает доносить ему лично. 21 мая 1720 года был издан суровый указ против «плутов, которые ни во что иное тщатся, тоию мины под всякое добро делать и несытость свою исполнять». В 1725 году царь велел повесить комиссаров новгородской провинции Никиту Арцыбашева, Григория Баранова и подьячего Якова Волоцкого за похищение казны и излишние поборы в Обонежской пятине [9, с. 105]. Но такие жёсткие меры на практике были скорее исключением, чем правилом.

В последующие периоды самодержавного правления предпринимался ряд законодательных шагов по противодействию коррупции среди чиновничества, однако в Указе сенату от 16 августа 1760 г. правительство вынуждено было констатировать, что «несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие предводительством судей, а потворство и упущение ободрение беззаконникам». Такая ситуация складывалась не только в судах. Вследствие этого Екатерина II вынуждена была принять ряд законов, предусматривающих строгие наказания за взяточничество и казнокрадство. Однако, высшие сановники, пользуясь близостью к монаршей особе и определенным влиянием на нее, продолжали крупно и мелко злоупотреблять, доходя до курьезов. Так, светлейший князь Г.А. Потемкин, добиваясь расположения княгини К.Ф. Долгорукой, привлек за казенный счет офицеров кавказского корпуса, хорошо плясавших цыганские танцы [12, с. 115], дабы доставить удовольствие объекту обожания.

Несмотря на все попытки искоренить злокачественное пристрастие чиновничества к незаконному обогащению, Екатерина II так и не смогла добиться ощутимого положительного результата. По мнению К.Д. Анциферова, «внутренний смысл не только законодательству Императрицы, но и законодательству всего XVIII в.» сообщают слова Указа от 18 июля 1762 г., в котором содержится воззвание императрицы к совести чиновников, дабы «сами себя непотыдно оправдать

могли пред Богом в хождении по заповеди Его» [6, с. 136–137]. Насколько оно имело успех, видно из слов князя М.М. Щербатова. Анализируя моральное состояние российского общества в конце XVIII в., он с горечью отмечал: «Несть верности к Государю, ибо главное стремление почти всех обманывать своего Государя, дабы от него получать чины и прибавия награждения. Несть любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества» [13, с. 8–9]. Таким образом, коррупционные модели поведения чиновников к концу XVIII века становятся смыслообразующим инвариантом российской правовой культуры.

К началу XIX века в российской империи складывается своеобразная система злоупотреблений коррупционного характера, охватывающих чиновничество всех уровней управления. И если чиновники низшего или среднего ранга были ориентированы, преимущественно, на получение взятки от населения, то сановные лица демонстрировали незаурядное криминальное «творчество» при совершении противоправных деяний с целью наживы, особенно когда дело касалось казенных денег.

Законодательные и организационные усилия верховной власти искоренить или хотя бы минимизировать коррупционные правонарушения привели к созданию в XIX веке систематического законодательства о противодействии взяточничеству и казнокрадству. Однако, по меткому замечанию Анциферова, «судебная практика видимо не сочувствовала строгости наказаний, установленных за взяточничество». Среди причин такого отношения к коррупционерам необходимо выделить ценностные ориентиры российского общества, сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий под воздействием социально-политического уклада жизни [14].

Можно определенно утверждать, что в российскую правовую культуру коррупционное злоупотребление чиновников вошло как ценностный приоритет. По ироничному наблюдению А.И. Герцена «красть – красть, книги и казну у нас никогда не считалось воровством» [15, с. 440]. Такую позицию занимали не только сами бенефициары, но и широкие слои населения, включая крестьянство.

Известный биолог И.И. Мечников вспоминал как вместе с И.М. Сеченовым они бывали в качестве присяжных в Одесском окружном суде: «Иногда же нам приходилось выносить оправдательные приговоры, несмотря на то, что мы подавали голоса в пользу обвинения. Это случалось всегда, когда дело шло <...> о чиновниках, уличенных во взяточничестве и других преступлениях. <...> Что касается чиновников, то ... присяжные¹ ссылались на несправедливость наказания только некоторых из них, в то время как все они – взяточники и негодяи. Несмотря на все наше профессорское красноречие, нам не удавалось в таких случаях добиться обвинения ввиду противодействия низшей братии, которая упорно стояла на своем «не виновник», как говорили крестьяне Одесского уезда» [16, с. 58–59].

На фоне такого тотального попустительства и лояльного отношения верховной власти к коррупционным правонарушениям чиновников в XIX веке можно выделить несколько наиболее характерных, типичных моделей противоправного обогащения.

Так, на местах необоснованно широко толковалось право местных властей на административно-правотворческую деятельность. В рамках «кустарного законодательства местных властей» принимались подчас противозаконные решения, которые лихо и беспардонно реализовывались. Известный писатель и общественный деятель В.Г. Короленко, участвовавший в 1892 году в оказании помощи голодающим крестьянам Нижегородской губернии, отмечал такие проявления лихоимства, как «незаконные поборы за хлопоты по ссудам» голодающим, в том числе даже за размен денег, что отражено в официальных документах Лукояновского уезда [17, с. 201]. Кроме того, земским начальником участка того же уезда С.Н. Бестужевым (удаленным с государственной службы за злоупотребления) собственные растраты казенных средств покрывались за счет ссуд голодающим, из которых удерживались по 66 коп. После того, как это злоупотребление вскрылось Бестужев счел необходимым уехать на время из уезда, прихватив с собой деньги, внесенные в качестве уплаты пошлин за рассмотрение дел подателями [17, с. 245–249].

Курьезное «кустарное правотворчество» с целью незаконного обогащения использовалось и для взимания несуществующих пошлин. Например, при выезде из г. Уральска по радению отцов города незаконно была учреждена «рыбопошлинная застава», взимавшая плату за всю вывозимую из города рыбу [17, с. 349].

Неизменно прибыльным делом была торговля должностями, приносившая сановникам хороший гешефт. Упоминание о таком виде

¹ Речь о присяжных из числа крестьян.

злоупотреблений имеются в трудах М.М. Щербатова, Е.П. Карновича, В.А. Гольцева и многих других внимательных наблюдателей русской жизни. Так, в воспоминаниях русского писателя С.П. Жихарева приводится пример рекомендательного письма к одному влиятельному чиновнику, которым бывший московский военный губернатор, генерал от инфантерии И.П. Архаров снабдил сына своего приятеля: «Удиви милость свою, любезный друг, на моем дураке, запиши его в свою канцелярию и, при случае, не оставь наградить чинком или двумя, если захочешь, — мы за это не рассердимся. Жалования ему полагать не должно, потому что он его не стоит, да и отец его богат» [18, с. 243]. Известно, что в течение трех лет юноша получил три чина.

Гарантированно доходной областью обогащения стали казенные предприятия. Злоупотребления здесь достигали невероятного размаха. Это становилось возможно потому, что предприимчивые представители зарождавшегося в России капитализма вступали в родство с членами знатных родов, тем самым обеспечивая себе протекцию властей предрержащих. Получая казенные откупа (таможенные, винные, заставные и др.) и концессии, представители знатных фамилий быстро сколачивали огромные капиталы [7]. Одной из форм приумножения богатства стали посессионные заводы и фабрики, получавшие от государства земли, леса, финансовые, трудовые и иные ресурсы.

Весьма любопытен, в этой связи, отчет горного инженера А.Н. Митинского, инспектировавшего по поручению Министерства торговли и промышленности в 1909 году Уральскую горнозаводскую промышленность [19]. По итогам инспекции было выявлено, что ежегодный убыток казны, ведущей хозяйствование на Урале, исчислялся в 11 млн рублей. «Казенные горные заводы имеют лучшие леса и руды (Благодать, Бакал), все (за исключением двух небольших), соединены железными дорогами, имеют свободные деньги, обеспечены заказы от Военного и Морского ведомств, а также Ведомства путей сообщения. Но в результате казна идет в хвосте частной промышленности» [19, с. 142]. При этом вариативность способов «освоения» казенных капиталов в убыток государству была весьма велика. Например, строительство мартеновской печи на Кушвинском заводе при стоимости в 80 000 руб. обошлось казне в 350 000 руб.; строительство домы для производства чугуна Воткинским заводом обошлось казне в 280 280 руб., но так и не было закончено, так как выяснилось, что для производства чугуна у Воткинского завода нет ни руды, ни топлива, а само здание начали возводить на таком низком месте, что разливом Камы его затопило. Широкою известностью получила «авантюра с инструментальной сталью» — одна из попыток казны выступить на частный рынок. Войдя в соглашение с австрийским заводчиком Бёлером, что он обучит казенных инженеров делать инструментальную сталь, государство на казенный счет построило в Златоусте завод и поставляло ему сырье. Бёлер же, получив звание представителя казенных заводов и «покупая сталь у казны дешево, нажил большие деньги, причинив в силу своей привилегированности в глазах казенных потребителей, как представитель казны, большие убытки частным заводам-производителям в России» [19, с. 147] и казне, ущерб которой исчислялся в несколько сот тысяч рублей. Отчет А.Н. Митинского, изобилующий подобными фактами, вызвал широкий общественный резонанс [20], однако виновные к ответственности привлечены не были.

Не менее привлекательны для сановников разного уровня были казенные подряды. Схемы злоупотреблений при получении и исполнении подряда также отличались разнообразием. Например, для поставки в войска лошадей с частными коннозаводчиками заключались договоры аренды земли под коннозаводство. Стоимость аренды участка в 2400 десятин составляла 19 200 руб.¹ На каждом участке предписывалось иметь по 175 лошадей, из которых в войска необходимо было поставить 12–15 лошадей. За каждую ремонтную лошадь из казны уплачивалось от 150 до 200 руб. Кроме того, государство доплачивало коннозаводчику за аренду земли около 1800 руб. за десятину. В итоге одна лошадь обходилась казне примерно в 1950 руб. Оставшиеся лошади продавались коннозаводчиком по вольным ценам любому желающему. Кроме лошадей, на участке разрешено было разводить домашний скот, численностью от 300 до 600 голов. Вследствие этого цена на коннозаводческие участки при перепродажах доходила до 75 тыс. Бенефициарами таких сделок с землей часто являлись генералы или сановные особы [21, с. 52–53].

Казенные подряды были привлекательны не только для представителей чиновничества, но и для самих подрядчиков. «Казна сбивает цены, подрядчики отчаянно... конкурируют между собою, и «с самого низу от последнего канцеляриста протягиваются руки, которые чувствуют пустоту и которые надо занять». Поэтому лишь податливый, привычный и знающий подрядчик сумеет установить и наладить «из-

вестную среднюю недобросовестность», причем «чиновники допускают товар не совсем еще негодный, а подрядчик старается, чтоб товар не был уж совсем плох» [22, с. 44].

Не обходились коррупционные модели поведения чиновников и без деятельного участия представителей императорской семьи, оказывавших протекцию представителям коммерции и промышленного капитала. Вольное распоряжение казенными деньгами при строительстве флота великим князем Алексеем Александровичем неоднократно упоминалось в различных источниках [23, с. 143–144; 24, с. 133]. Участие членов царской семьи в сомнительных финансовых операциях с привлечением казенных средств упоминается даже начальником Канцелярии Министерства императорского двора генералом А.А. Мосоловым [25, с. 186–187].

Одним из наиболее примечательных стал широко известный инцидент с крушением царского поезда в 1888 г. В ходе проведенного под руководством обер-прокурора Сената А.Ф. Кони расследования были выявлены не только технические, но и коррупционные причины произошедшей трагедии. Так, вскрылись злоупотребления правления Курско-Харьковского-Азовской железной дороги, в лице барона Гана, банкира Л.С. Полякова, инженера Хлебникова. Правление, получая не только значительную прибыль от эксплуатации дороги, но и финансовые гарантии из казны, не обеспечивало надлежащего состояния путей и подвижного состава, нормальных условий работы персонала, соблюдение требований безопасности, из-за чего и произошло крушение. Однако к ответственности никто привлечен не был. В последний момент в дело вмешался великий князь Николай Михайлович, убедивший едва не погибшего императора Александра III проявить монаршую милость к виновным. Министр путей сообщения К.Н. Посыет, прямо признавший свою вину в попустительстве и халатности, был освобожден от должности и назначен в члены Государственного совета с сохранением министерского оклада [22, с. 420–495]. Чем вызвано такое монаршее мирволение, явленное после вмешательства в дело великого князя, остаётся только догадываться.

Таким образом, коррупционные модели поведения чиновников в России XV – н. XX вв. носили устойчивый, открыто противоправный, малокамуфлируемый характер в силу повторности и прямой заинтересованности властей на фоне терпимости народных малообразованных масс. Особенности организации политико-правовой системы дореволюционной России сформировали моральные основы коррупционного менталитета чиновников, трансформировав социально неприемлемое поведение в социально допустимое и даже поощряемое.

Литература

1. Русский биографический словарь: Павел преподобный – Петр (Илейка) / Изд. под набл. Председ. Импер. Русск. Истор. Об-ва А.А. Половцова. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1902. Т. 13. 745 с.
2. Перцов Э.П. Искусство брать взятки. СПб.: тип. Н. Греча, 1830. 74 с.
3. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 2-е изд. СПб., 1908. 489 с.
4. Соловьев С.М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. Т. 13. М.: Мысль, 1991. 701 с.
5. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX вв.): дисс. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2015. 225 с.
6. Анциферов К.Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб.: Гос. тип., 1898. 587 с.
7. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономико-историческое исследование. СПб.: А.В. Суворин, 1874. 330 с.
8. Серов Д.О. Петр I как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. 2013. Т. 3, № 150. С. 70–95.
9. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. СПб., 1896.
10. Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 3. С. 105–119.
11. Балковая В.Г. Акцидентия и ее значение для развития таможенной службы России XVIII века // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 4. С. 5–10.
12. Энгельгардт Л.Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта: 1766–1836 / С примеч. М.Н. Лонгинова и Н.В. Путятты и указателем. М.: Русский архив, 1867. 240 с.
13. Щербатов М.М. о повреждении нравов в России. М., 1908. 66 с.
14. Берлин П.А. Русское взяточничество как социально-историческое явление. // Современный мир, 1910. № 8. С. 42–50.

¹ Таких участков у одного коннозаводчика могло быть до 50.

15. Герцен А.И. Долг прежде всего. // Сочинения. Т. 1. Художественные произведения. 1838–1851. М.: Изд-во худ. лит., 1955. 534 с.
16. Мечников И.И. Страницы воспоминаний: Сборник автобиограф. статей / Ред. и прим. А.Е. Гайсиновича. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 279 с.
17. Короленко В.Г. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. Очерки. М.: Библ. «Огонек», 1971. 526 с.
18. Жихарев С.П. Записки современника. Т. 1 Дневник студента. Л.: Искусство, 1989. 311 с.
19. Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909. 244 с.
20. Крюков Ф. Казенные анекдоты. // Русские ведомости. 1909. № 293, 294.
21. Крюков Ф.Д. Накануне. В час предрабачный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. 363 с.
22. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. Из записок судебного деятеля. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1966. 567 с.
23. Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л.: «Судостроение», 1979. 478 с.
24. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. В 2-х книгах. М.: Захаров, 1998. 533 с.
25. Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. СПб.: Наука, 1992. 264 с.

CORRUPT CRIMINAL BEHAVIOR IN RUSSIAN LEGAL CULTURE IN XV – EARLY XX CENTURIES: CHARACTERISTIC MODELS

Vakhrmistrova S.I., Medvedeva A.A., Vakhrmistrov V.P.,

Saint Petersburg State Marine Technical University, SPb University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev, S.M. Kirov Military Medical Academy

This article aims to provide a systematic review of the models of corrupt behavior of officials at various levels of the social hierarchy in pre-revolutionary Russia, in order to demonstrate the invariant nature of the motivational multifactorial pattern of illegal acts in the specific historical conditions of the development of Russian statehood and the corresponding legal culture. The research methodology is based on the dialectical connection between formal legal, logical, descriptive, and historical methods of scientific knowledge. The results of the study consist of a criminal law and criminological systematization of the forms of corruption behavior of Russian officials in the 15th-early 20th centuries.

Keywords: Corruption, model of corrupt behavior, bureaucracy, official abuse, responsibility, legal culture.

References

1. Russian biographical dictionary: St. Paul – Peter (Ileika) / Ed. under observation Chairman Imp. Russian Histor. Society A.A. Polovtsova. SPb.: type. I.N. Skorokhodova, 1902. T. 13. 745 p.
2. Pertsov E.P. The art of taking bribes. SPb.: type. N. Grecha, 1830. 74 p.
3. Dyakonov M.A. Essays on the social and state system of ancient Rus'. 2nd ed. St. Petersburg, 1908. 489 p.
4. Soloviev S.M. Essays. Book VII. History of Russia from ancient times. T.13. M.: Mysl, 1991. 701 p.
5. Bychkova S.B. State and Legal Measures to Combat Bribery in Russia (15th – Early 20th Centuries): Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhny Novgorod, 2015. 225 p.
6. Antsiferov K.D. Collection of Articles and Notes on Criminal Law and Legal Proceedings. St. Petersburg: State Printing House, 1898. 587 p.
7. Karnovich E.P. Remarkable Wealth of Private Individuals in Russia: An Economic and Historical Study. St. Petersburg: A.V. Suvorin, 1874. 330 p.
8. Serov D.O. Peter the Great as an Eradicator of Bribery // Historical Bulletin. 2013. Vol. 3, No. 150. Pp. 70–95.
9. Goltsev V.A. Legislation and Morals in Russia in the 18th Century. St. Petersburg, 1896.
10. Golosenko I.A. The Phenomenon of the "Russian Bribe": An Essay on the History of Russian Sociology of Officialdom // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1999. No. 3. Pp. 105–119.
11. Balkovaya V.G. Accident and Its Significance for the Development of the Russian Customs Service in the 18th Century // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2012. No. 4. Pp. 5–10.
12. Engelhardt L.N. Notes of Lev Nikolaevich Engelhardt: 1766–1836 / With notes by M.N. Longinov and N.V. Putyata and an index. Moscow: Russian Archive, 1867. 240 p.
13. Shcherbatov M.M. On the Corruption of Morals in Russia. M., 1908. 66 p.
14. Berlin P.A. Russian bribery as a socio-historical phenomenon. // Sovremennyy mir, 1910. No. 8. Pp. 42–50.
15. Herzen A.I. Duty First of All. // Works. Vol. 1. Works of Art. 1838–1851. M.: Publishing House of Art Literature, 1955. 534 p.
16. Mechnikov I.I. Pages of Memories: A Collection of Autobiographical Articles / Ed. and notes by A.E. Gaisinovich. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 279 p.
17. Korolenko V.G. Collected Works in 6 Vols. Vol. 5. Essays. M.: Bibl. "Ogonyok", 1971. 526 p.
18. Zhikharev S.P. Notes of a Contemporary. Vol. 1. A Student's Diary. Leningrad: Iskusstvo, 1989. 311 p.
19. Mitinsky A.N. Gornozavodsky Ural. St. Petersburg, 1909. 244 p.
20. Kрюков Ф. Official Anecdotes. Russkie Vedomosti. 1909. Nos. 293, 294.
21. Kрюков Ф.Д. On the Eve. In the Predawn Hour. Articles and Essays. Moscow: AИРО-XXI, 2021. 363 p.
22. Кони А.Ф. Collected Works in 8 Volumes. Vol. 1. From the Notes of a Judicial Figure. Moscow: Legal Literature Publishing House, 1966. 567 p.
23. Крылов, А.Н. My Memories. Leningrad: Sudostroenie, 1979. 478 p.
24. Grand Duke Alexander Mikhailovich. Memories. In 2 books. Moscow: Zakharov, 1998. 533 p.
25. Mosolov, A.A. At the Court of the Last Emperor. Notes of the Chief of the Chancellery of the Ministry of the Imperial Court. St. Petersburg: Nauka, 1992. 264 p.

Вэй Дэпэн,

Южный федеральный университет
E-mail: 1161961567@qq.com

В гражданских правоотношениях автономные и интеллектуальные рабочие характеристики искусственного интеллекта затрудняют определение ответственности за ущерб, традиционные правила гражданской ответственности за причинение вреда не всегда применимы к делам о причинении вреда в результате деятельности искусственного интеллекта. Целью данного исследования является предложение рекомендаций по совершенствованию законодательства об ответственности ИИ, основанных на объективных практических потребностях и необходимости контроля правовых рисков ИИ. При проведении исследования применялись общенаучные методы познания (комплексный анализ), сравнительно-правовой анализ и общие методы (системный и объективный). В заключении автор предлагает свое видение соответствующего субъекта гражданской ответственности, модель распределения ответственности и обязанность заботиться об искусственном интеллекте, а также создание специального агентства по определению ответственности для максимального предотвращения юридических рисков и защиты прав лиц, пострадавших от действий лиц.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, юридическая ответственность, ответственность за продукт, субъект ответственности, распределение ответственности.

Введение

В настоящее время искусственный интеллект широко применяется в различных жизненных сценариях людей и расширяет возможности человека по обогащению своей жизни, однако в то же время это создает множество проблем для правил и порядков, определенных действующим гражданским законодательством. В частности, когда искусственный интеллект причиняет ущерб, кто будет определять ответственность искусственного интеллекта и как ее определять? Как распределить обязанности между разработчиками программного обеспечения, производителями, пользователями и другими гражданско-правовыми субъектами искусственного интеллекта? При определении ответственности искусственного интеллекта следует ли основываться на «ответственности без вины» или на «ответственности за ошибку»? В какой степени обычные физические лица или потребители должны нести «обязанность по проявлению должной осмотрительности» к искусственному интеллекту?

Сложность определения гражданско-правовой ответственности искусственного интеллекта заключается в том, что гражданско-правовая природа искусственного интеллекта не может быть выяснена, это приводит к принципиальной невозможности разумно сбалансировать обязанности различных субъектов права. Согласно основным принятым позициям на правовую природу ИИ, существуют три возможности для ИИ стать субъектом права: 1. Прямое предоставление ИИ нового статуса субъекта права; 2. Модель юридического лица; 3. Модель электронного лица.

По нашему мнению, при регулировании ответственности за искусственный интеллект в гражданском праве следует уделять больше внимания внешнему поведению и выходным результатам искусственного интеллекта. Если в будущем сильный искусственный интеллект будет четко определен в гражданском праве как субъект права, мы можем отрицать самостоятельную правосубъектность искусственного интеллекта, с помощью теории «проникновения за корпоративную завесу». Искусственный интеллект не сможет защитить интересы самих жертв, так как у него нет имущества, гражданское законодательство обязывает других соответствующих субъектов искусственного интеллекта нести ответственность перед жертвой или общественными интересами, чтобы достичь правовой цели социальной справедливости.

По основным категориям случаев причинения ущерба искусственным интеллектом их можно разделить на четыре вида: 1. Искусственный интеллект причиняет физический вред физическим лицам. Такого рода случаи происходили в реальности много раз, в большинстве случаев они происходили в общественных местах, таких как отели, рестораны и живописные места. Например, беспилотник в туристической зоне потерял управление и сбил женщину, в результате чего у нее была поцарапана шея. Кроме того, автономно управляемый робот по доставке еды не смог избежать столкновения с ребенком во время своей работы и в итоге травмировал его. 2. Искусственный интеллект выдает «нерациональные и незаконные» информационные результаты, которые влияют на репутацию физических лиц и наносят психический вред. Этот тип ущерба в основном сосредоточен в сценарии генеративного искусственного интеллекта. Например, искусственный интеллект генерирует фотографии, аудиозаписи и видеозаписи других людей, которые не соответствуют реальной ситуации, и публикует ложную новостную информацию о работе и жизни других людей, в результате чего жертвы попадают в негативные скандалы. 3. Искусственный интеллект наносит огромный ущерб имуществу физических и юридических лиц. Например, когда автоматический автомобиль теряет управление и наносит ущерб движимому и недвижимому имуществу других людей. 4. Нарушение прав на персональные данные пользователей искусственного интеллекта. Персонализированное использование искусственного интеллекта обычно требует загрузки имени пользователя, контактного номера, данных о лице, отпечатках пальцев и другой идентифицирующей информации, утечка соответствующих данных и их злонамеренная продажа создают огромные скрытые угрозы для безопасности данных других лиц. Например, некоторые учреждения незаконным путем получают информацию о траектории движения транспортного средства пользователя или данные о заказе, а затем предоставляют их для использования третьей стороне.

Источниками риска ущерба от ИИ являются следующие пять категорий: 1. Из-за рисков эксплуатации алгоритмических систем, существующих на этапе проектирования и разработки искусственного интеллекта, искусственный интеллект ведет к ошибочным действиям и приводит к нарушению результатов. 2. На стадии производства искусственного интеллекта производители выпускают детали, которые не соответствуют требуемым стандартам безопасности, это приводит к возникновению рисков для безопасности при последующем использовании. 3. В процессе продажи искусственного интеллекта неразумное поведение продавца при хранении, транспортировке и сборке приводит к дефектам в использовании искусственного интеллекта. 4. Ошибки или неправильная работа пользователей искусственного интеллекта приводят к тому, что искусственный интеллект наносит ущерб другим лицам в окружающей среде. 5. Хакеры или злонамеренные третьи лица используют профессиональные деструктивные программы и программные вирусы для нарушения нормальной работы систем, а также для незаконного получения данных о собственности других людей и личной информации.

Станет ли искусственный интеллект отдельным субъектом юридической ответственности?

Некоторые юристы утверждают, что искусственный интеллект может стать отдельным гражданским субъектом и самостоятельно нести юридическую ответственность. По их мнению, искусственный интеллект обладает способностью к самообучению и автономному интеллектуальному управлению, может непрерывно корректировать свое поведение в соответствии с окружающей средой и выполнять поставленные задачи. Согласно стандартам контроля и доминирования в теории юридической ответственности, поведение искусственного интеллекта является результатом доминирования после его автономного принятия решений.

Факторы риска и характеристики ущерба, причиняемого искусственным интеллектом, сильно различаются в разных отраслях. Чтобы предотвратить потенциальное увеличение социальных рисков искусственным интеллектом на данном этапе, мы должны отказаться от идеи о том, что искусственный интеллект отдельно берет на себя гражданско-правовую ответственность. По нашему мнению, для этого есть три причины: 1. Существующая система собственности не создала эффективной системы владения собственностью для искусственного интеллекта. В теории было предложено создать специальный компенсационный фонд или ввести модель обязательного страхования для обеспечения возможности искусственного интеллекта обладать правоспособностью в отношении имущества, гражданское законодательство не может прояснить предмет и пропорцию оплаты соответствующих расходов. В этом случае, если жертва не сможет получить полную компенсацию, будет ли робот считаться банкротом¹, когда он не сможет погасить свои долги? – Это еще один новый спорный вопрос. 2. «Искусственный интеллект несет самостоятельную ответственность» станет законным основанием для уклонения других субъектов гражданского права от юридической ответственности. 3. Автономный характер принятия решений и взаимосвязанность искусственного интеллекта препятствуют установлению правовой причинно-следственной связи между последствиями противоправных действий и причиненным ущербом в традиционном понимании. Это приведет к тому, что на жертвах будет лежать чрезмерное бремя доказывания в процессе защиты своих прав. Более того, обычные люди не имеют возможности собирать доказательства из-за отсутствия соответствующих профессиональных знаний в области искусственного интеллекта, такая ситуация не способствует достижению цели защиты жертв.

В действительности, из-за объективных проблем, таких как «черный ящик алгоритма» и «распознавание алгоритма», искусственный интеллект иногда принимает неконтролируемые и ошибочные решения. В таких случаях, если искусственный интеллект причиняет вред другим, жертвам часто бывает трудно правильно определить, был ли вред причинен дефектами в автономном принятии решений ИИ или неправильным использованием со стороны пользователя. В целом, искусственный интеллект не может стать отдельным субъектом юридической ответственности. Возможно, мы можем рассматривать искусственный интеллект как источник повышенной опасности, чтобы регулировать ответственность за ущерб. В этом случае ответственность за искусственный интеллект ляжет на владельца или пользователя².

¹ Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

² Филина Нина Владимировна, Гудков Юрий Александрович, Сенин Игорь Николаевич Юридическая ответственность искусственного интеллекта: теоретические модели и практические решения // Журнал прикладных исследований. 2025. № 7. С. 193–198.

Является ли искусственный интеллект «продуктом»?

На данном этапе представления ученых-юристов о регулировании гражданско-правовой ответственности искусственного интеллекта можно разделить на три основных типа: 1. Определение искусственного интеллекта как продукта или предоставляемой услуги относится к действующему гражданскому законодательству. 2. Соответствующие юридические обязанности определяются путем разделения субъектов права, связанных с искусственным интеллектом. В частности, разработчики, производители, поставщики и пользователи несут юридическую ответственность за искусственный интеллект. 3. Гражданское законодательство должно установить новый набор специальных правил для ответственности искусственного интеллекта, чтобы адаптироваться к цифровой эпохе.

Первый тип положений о юридической ответственности искусственного интеллекта в приведенном выше содержании, требует уточнения – является ли искусственный интеллект «продуктом»? Согласно общепринятому определению «продукта», продукт – это нематериальная услуга или материальный товар, созданные для реализации и удовлетворения человеческих потребностей³. Существующие технические возможности и формы проявления искусственного интеллекта отвечают внутренним требованиям продукта, поэтому включение искусственного интеллекта в сферу ответственности за качество продукции не приведет к серьезным препятствиям для теоретической интерпретации. Это означает, что если искусственный интеллект считается продуктом, то могут быть применены правила юридической ответственности за дефекты продукта (ст. 1095 ГК РФ).

С точки зрения сравнительного права, Директива ЕС об ответственности за дефектную продукцию четко включает цифровые услуги искусственного интеллекта в сферу применения продукта⁴. 16 марта 2024 года Китай опубликовал «Закон об искусственном интеллекте (проект ученых)», разработанный экспертами и учеными из почти 20 университетов Китая⁵. 16 апреля 2024 года Китайская академия общественных наук разработала и опубликовала «Типовой закон об искусственном интеллекте 2.0 (Экспертный проект)»⁶. В обоих проектах предложений используются понятия «продукты искусственного интеллекта» и «услуги искусственного интеллекта». Цель этого состоит в том, чтобы Европейский союз и Китай способствовали быстрому развитию искусственного интеллекта и поддерживали свои собственные конкурентные позиции в международном сообществе.

В случае, когда искусственный интеллект признается продуктом, для оценки недостатков продуктов искусственного интеллекта обычно применяется «стандарт разумного ожидания». Другими словами, функции продукта искусственного интеллекта соответствуют стандартам рационального использования потребителями, и продукты не будут создавать необоснованных рисков использования для потребителей и третьих лиц. Мы считаем, что в настоящее время искусственный интеллект считается особым продуктом, и разработчики и производители обязаны проверять «конкретные продукты ИИ» на предмет отсутствия дефектов использования перед их выпуском на рынок. Однако при оценке соответствия стандартов определенного типа искусственного интеллекта рациональным стандартам не обязательно, чтобы эти искусственные интеллекты работали безупречно в течение длительного времени в процессе использования. Вместо этого средний стандарт поведения определенного типа искусственного интеллекта в конкретной ситуации сравнивается с поведением обычного взрослого человека, если уровень работоспособности искусственного интеллекта на данный момент равен или превышает уровень работоспособности обычного взрослого человека, то такой искусственный интеллект соответствует разумному стандарту.

³ Продукт. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82_\(%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82_(%D0%B1%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%81)) (дата обращения: 18.07.2025).

⁴ Directive (EU) 2024/2853 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on liability for defective products and repealing Council Directive 85/374/EEC. URL: <https://www.niassembly.gov.uk/assembly-business/committees/2022-2027/windsor-framework-democratic-scrutiny-committee/eu-acts/published-eu-acts/directive-eu-20242853/> (дата обращения: 18.07.2025).

⁵ «Закон об искусственном интеллекте (проект ученых)» (人工智能法学者建议稿)). URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA3NT10NzYxNw==&mid=2651608138&idx=5&sn=80541cac544ddc386306f00f9c4b991b&chksm=848b8d24b3fc043221bf2f0da7a42e6bb773ad5bbd8ce3d19b4ce03c8bc576107a8a44f1b27&scene=27 (дата обращения: 18.07.2025).

⁶ «Типовой закон об искусственном интеллекте 2.0 (Экспертный проект)» (人工智能示范法2.0(专家建议稿)). URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzU1NDY3NDgwMQ==&mid=2247539711&idx=1&sn=d36286449782f5d351f04e29f0933432&chksm=fbdde4e1ccaa6df78a0c544875ea541ba71f9aad73332d7f05527f32c3eb4ee29061b2fadec3&scene=27 (дата обращения: 18.07.2025).

Распределение обязанностей между создателями и пользователями искусственного интеллекта

Степень распределения ответственности между создателями и пользователями искусственного интеллекта по-прежнему остается спорным вопросом. То есть, должен ли создатель нести большую ответственность за риск ущерба, или большую ответственность должны нести пользователи, получающие выгоду от его использования?

1. Создатели искусственного интеллекта должны нести существующую юридическую ответственность. В целом, к создателям искусственного интеллекта относятся его разработчики, операторы, поставщики данных и другие владельцы. По мнению сторонников, создатели ИИ определяют дизайн внешнего вида, модель алгоритма, вычислительную мощность данных и специальные области применения ИИ, а создатели ИИ имеют возможность с минимальными затратами избегать возможных негативных последствий ИИ на протяжении всего рыночного процесса. Когда создатели ИИ получают экономическую выгоду на рынке, они снижают собственные компенсационные риски и расходы за счет модернизации технологий и приобретения коммерческой страховки. По их мнению, эта модель является наиболее эффективным способом предотвращения юридических рисков, создаваемых искусственным интеллектом. Кроме того, создатели ИИ несут больше гражданско-правовой ответственности, это заставит их проявлять осторожность при производстве искусственного интеллекта. В таких обстоятельствах может быть применен режим ответственности владельцев источников повышенной опасности, установленный ст. 1079 ГК РФ.

2. Пользователи искусственного интеллекта несут большую юридическую ответственность за последствия. Согласно взглядам сторонников такой точки зрения, пользователи ИИ являются конечными бенефициарами рынка и контролерами фактического поведения ИИ. Риски использования ИИ будут переданы пользователям ИИ посредством рыночных сделок купли-продажи, создатели ИИ не должны нести неограниченную и высокую техническую ответственность за безопасность, в противном случае это ограничит инновации и развитие ИИ. Кроме того, исходя из защиты интересов потерпевшего, если жертва напрямую требует возмещения ущерба от создателя ИИ, доказательство причинно-следственной связи между нарушением станет сложной проблемой, поскольку создатели ИИ могут состоять из множества различных субъектов. Вместо этого жертвам достаточно лишь потребовать возмещения ущерба от пользователей ИИ, это позволит быстро разрешить дело без чрезмерных судебных издержек на анализ и доказательство соответствующих отношений ответственности внутри создателя.

По нашему мнению, создатели искусственного интеллекта должны нести большую юридическую ответственность. Принципы работы и поведенческие модели искусственного интеллекта выходят за рамки познания обычного человека, вероятность возникновения и степень опасности рисков искусственного интеллекта во многом определяются создателями искусственного интеллекта. В случае искусственного интеллекта первым принципом регулирования гражданско-правовой ответственности должно быть сосредоточение внимания на превентивной функции права – предотвращении возникновения серьезных рисков для гражданских субъектов со стороны искусственного интеллекта. Создатели искусственного интеллекта несут особую юридическую обязанность проявлять заботу и внимание, такой подход способствует безопасному развитию искусственного интеллекта, это также может помешать создателям искусственного интеллекта создавать новые функции искусственного интеллекта без учета контроля технических рисков. Принцип технологической нейтральности не должен использоваться соответствующими субъектами искусственного интеллекта в качестве оправдания для освобождения себя от ответственности за нарушение. Что касается бремени доказывания, которое лежит на жертве при предъявлении прав к создателю искусственного интеллекта с целью получения компенсации за ущерб. Гражданско-процессуальное право может решить эту проблему, просто возложив бремя доказывания по делу на создателя искусственного интеллекта, и не должно увеличивать бремя доказывания для жертв.

Стороны и соответствующие обязательства искусственного интеллекта

По нашему мнению, из-за различных конкретных сценариев использования и этапов участия искусственного интеллекта, при определении ответственных субъектов в области искусственного интеллекта о них следует судить в ходе практики, основываясь на обязательствах по проявлению заботы и внимания, которые должны нести различные субъекты. Мы считаем, что субъект ответственности и соответствующие

обязательства в случаях ущерба, причиненного искусственным интеллектом, должны определяться исходя из следующих шести аспектов:

1. Обязанность проявлять разумное внимание и своевременный контроль над пользователями искусственного интеллекта. Когда пользователь получает контроль над искусственным интеллектом посредством покупки или аренды, риски искусственного интеллекта в значительной степени несут пользователь. Однако необходимым условием для принятия на себя ответственности на данный момент является то, что поставщик искусственного интеллекта заблаговременно полностью уведомил пользователя о технических требованиях к правильному использованию искусственного интеллекта и обеспечил необходимую техническую подготовку или раскрыл информацию о риске ущерба. Если ущерб, причиненный в результате несанкционированного использования искусственного интеллекта пользователем или ошибки в работе, следует рассматривать как гражданско-правовую вину, то он будет рассматриваться непосредственно в соответствии с правовыми положениями о деликтной ответственности. Кроме того, пользователи искусственного интеллекта несут общие обязанности по контролю и осуществляют определенные вмешательства, когда система управления искусственным интеллектом рассылает предупреждающие сообщения, чтобы свести к минимуму степень ущерба, причиняемого искусственным интеллектом.

2. Обязанность разработчиков искусственного интеллекта обеспечивать безопасность операционных систем искусственного интеллекта. Разработчики обязаны поддерживать характеристики безопасности путем технического ремонта и обновления системы для предотвращения несанкционированного внешнего доступа. Если искусственный интеллект теряет управление из-за сбоя или ошибки в работе алгоритмической системы, и искусственный интеллект не может экстренно затормозить и объехать препятствия, разработчик обязан принять необходимые технические меры для устранения ошибок и обновления системы как можно скорее. В этом случае ответственность должна быть нести в соответствии со ст. 1095 Гражданского кодекса РФ вред, а разработчик несет компенсацию за результат нарушения¹. Кроме того, разработчик отказывается предоставлять алгоритм системы на основании коммерческой тайны, а жертва не может доказать логическую связь между результатом ущерба и искусственным интеллектом. Следовательно, чтобы решить эту проблему, разработчики искусственного интеллекта обязаны предоставить прозрачные алгоритмические механизмы принятия решений судам или специализированным надзорным органам.

3. Обязательство производителей искусственного интеллекта по изготовлению квалифицированных продуктов. Если ущерб вызван дефектами продукта из-за ненадлежащего поведения производителя искусственного интеллекта в процессе производства, такая ситуация может рассматриваться как спор об ответственности за качество продукта. С одной стороны, производители искусственного интеллекта имеют выгодную позицию контроля над риском ущерба, причиняемого искусственным интеллектом. С другой стороны, производители искусственного интеллекта получают соответствующие экономические выгоды от сделок купли-продажи, они должны нести ответственность за ИИ.

4. Обязательства по обеспечению безопасности операторов общественных мест по отношению к искусственному интеллекту. В случае, если искусственный интеллект причиняет ущерб в общественном месте и оператор общественного места не выполняет свои обязанности по надлежащему управлению и обеспечению безопасности, оператор общественного места несет соответствующую ответственность. Если у потребителя возникает ошибочное поведение в связи с ущербом, причиненным искусственным интеллектом, это используется только для уменьшения размера компенсации оператора на данный момент, а не для освобождения оператора от связанных с этим обязанностей. Операторы общественных мест обязаны устанавливать в определенных местах заметные предупреждающие знаки, например: «Зона работы искусственного интеллекта. Будьте осторожны или не трогайте». Кроме того, операторы общественных мест обязаны регулярно проверять рабочее состояние искусственного интеллекта, чтобы гарантировать, что функции искусственного интеллекта соответствуют стандартам безопасной эксплуатации.

5. Обязанности опекуна заботиться о содержании своих подопечных в сценариях работы искусственного интеллекта. Рабочие зоны роботов и автономных транспортных средств следует рассматривать как «зоны повышенного риска», а опекуны обязаны активно заботиться о несовершеннолетних и проявлять разумную осторожность по отно-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сентября 2023 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

шению к искусственному интеллекту. В противном случае опекун должен нести часть ответственности за вину, если искусственный интеллект причинит ущерб.

6. Хакеры несут ответственность за нарушения в работе искусственного интеллекта. Уязвимости систем искусственного интеллекта создают серьезные риски для безопасности данных пользователей искусственного интеллекта, хакеры злонамеренно вторгаются в чужой искусственный интеллект, чтобы нарушить функции системы, тайно похитить данные о собственности пользователей, данные о конфиденциальности, коммерческие тайны и нарушить авторские права. В случае виновного поведения владельца, ответственность несут как владелец, так и лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности¹.

Заключение

Разграничение гражданско-правовой ответственности за искусственный интеллект по сути является четким оценочным суждением, вынесенным законом о безопасном. Национальной законодательной власти срочно необходимо разработать практические правовые положения, касающиеся поведения и стандартов безопасности искусственного интеллекта. Более того, отраслевые ассоциации по искусственному интеллекту или правительственные ведомства должны, по нашему мнению, создать специальное агентство по управлению искусственным интеллектом для повседневной работы, в обязанности этого специального агентства по управлению входит проведение строгих аудитов соответствующих технологий искусственного интеллекта, а также оценка уровня безопасности и предупреждение о рисках для конкретного искусственного интеллекта в различных сценариях применения. Рабочую модель этого специального агентства по управлению можно позаимствовать у дорожной полиции, которая распределяет обязанности водителей в случае дорожно-транспортного происшествия. Профессионалы этого агентства отвечают за оценку стандартов распределения обязанностей и компенсации убытков, связанных с искусственным интеллектом. Когда искусственный интеллект причиняет гражданский ущерб телу или имуществу других лиц, жертва может быстро определить юридическую ответственность и размер компенсации с помощью этого специального агентства по управлению.

Рабочие характеристики и внешние формы искусственного интеллекта все еще находятся в стадии непрерывного развития, а это означает, что регулирование искусственного интеллекта посредством гражданского законодательства станет долгосрочным исследовательским процессом. Законодателям необходимо усовершенствовать гражданское регулирующее законодательство, чтобы сбалансировать интересы всех заинтересованных сторон, связанных с искусственным интеллектом.

Литература

1. Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act). URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Лаптев Василий Андреевич. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
3. Си Вэйпань, Сюй Фэн, Лю Синь. Исследование глобальной законодательной практики в области искусственного интеллекта и пути ее развития в Китае // Журнал разведки. 2025. С. 1–114. URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/61.1167.G3.20250716.1520.012.html> (дата обращения: 21.07.2025).
4. Соломонов Евгений Валерьевич. Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. № 2. С. 62–71.

5. Сунь И. Правовые риски, возникающие при индустриализации всеобщего искусственного интеллекта, и их регулирование // Tribune of Study. 2025. № 3. С. 129–136.

6. Филина Нина Владимировна, Гудков Юрий Александрович, Сенин Игорь Николаевич. Юридическая ответственность искусственного интеллекта: теоретические модели и практические решения // Журнал прикладных исследований. 2025. № 7. С. 193–198.

7. Селиванова Е. С., Саркисян В.В. Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. № 3. С. 61–70.

8. Мельникова Е.Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 80–92.

9. Селиванова Е. С., Дмитриева О.В. Трансформация имущественных отношений и деликтной ответственности в условиях цифровизации общества и применения искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 80–92.

CIVIL LIABILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Wei Depeng

Southern Federal University

In civil law, the autonomous and intelligent performance characteristics of artificial intelligence make it difficult to determine liability for damage, and traditional rules of civil liability for harm are not always applicable to cases of harm caused by artificial intelligence. The purpose of this study is to propose recommendations for improving AI liability legislation based on objective practical needs and the need to control AI legal risks. The research used general scientific methods of cognition (complex analysis), comparative legal analysis and general methods (systematic and objective). In conclusion, the author offers his vision of the relevant subject of civil liability, a model of responsibility allocation and the duty to take care of artificial intelligence, as well as the creation of a special agency to determine responsibility to maximize the prevention of legal risks and the protection of the rights of persons affected by the actions of individuals.

Keywords: Artificial intelligence, legal responsibility, product responsibility, subject of responsibility, distribution of responsibility.

References

1. Artificial Intelligence Act. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (accessed: 15.07.2025).
2. Laptev Vasily Andreyevich. Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridiche-skaya otvetstvennost' za yego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2019. № 2. S. 79–102.
3. Si Weipan, Xu Feng, Liu Xinyi. Research on Global Artificial Intelligence Legislation Practices and the Path in China // Journal of Intelligence. 2025. S. 1–114. URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/61.1167.G3.20250716.1520.012.html> (accessed: 21.07.2025).
4. Solomonov Yevgeniy Valer'yevich. Yuridicheskaya otvetstvennost' iskusstvennogo intellekta // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2025. № 2. S. 62–71.
5. Sun Yi. Legal Risks Faced by the Industrialization of General Artificial Intelligence and Their Regulation // Tribune of Study. 2025. № 3. S. 129–136.
6. Filina Nina Vladimirovna, Gudkov Yuriy Aleksandrovich, Senin Igor' Ni-kolayevich. Yuridicheskaya otvetstvennost' iskusstvennogo intellekta: teoretiche-skiye modeli i prakticheskiye resheniya // Zhurnal prikladnykh issledovaniy. 2025. № 7. S. 193–198.
7. Selivanova Ye. S., Sarkisian V.V. Pravovyye modeli otvetstvennosti za vred, prichinenny sistemami II: osno-vaniya, mekhanizmy i kriterii formirovaniya // Vestnik yuridicheskogo fakul'te-ta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2025. № 3. S. 61–70.
8. Mel'nikova Ye.N. Problema «razryva otvetstvennosti» za vred, prichinenny ispol'zovaniyem sistem i prilozheniy iskusstvennogo intellekta // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2024. № 4. S. 80–92.
9. Selivanova Ye. S., Dmitriyeva O.V. Transformatsiya imushchestvennykh otnosheniy i deliktnoy otvetstvennosti v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva i primeneniya iskusstvennogo intellekta // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2024. № 4 (59). S. 80–92.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 12 сентября 2023 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Личный фонд как инструмент управления имуществом: гражданско-правовые особенности и перспективы применения

Габдинуров Аскар Ильдарович,

аспирант кафедры частно-правовых наук «Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: gabdinurovaskar@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу личного фонда как нового института российского гражданского права. Автор исследует правовую природу личных фондов, анализирует механизм обособления активов и критикует установленные сроки субсидиарной ответственности учредителя. В работе детально рассматриваются вопросы управления благосостоянием, права бенефициаров на информацию и контроль, а также проблемы наследственного планирования. Обосновывается необходимость гармонизации российского законодательства с международными стандартами для повышения конкурентоспособности национальной юрисдикции.

Ключевые слова: личный фонд, гражданское право, деофшоризация, наследственное планирование, защита активов, субсидиарная ответственность, бенефициары, доверительное управление.

Введение

Масштабная реформа отечественного законодательства, ознаменовавшаяся появлением в Гражданском кодексе РФ положений о личных фондах (ст. 123.20–4 – 123.20–8), стала вехой в развитии институтов частного права. Личный фонд задумывался как полноценная замена иностранным трастам, предоставляющая собственникам возможность структурирования активов внутри страны. Однако для того, чтобы этот инструмент стал массовым, необходимо разрешить ряд концептуальных противоречий, касающихся ответственности и механизмов контроля.

Правовая природа и статус личного фонда в системе НКО

Согласно статье 123.20–4 ГК РФ личный фонд является унитарной некоммерческой организацией, учреждаемой гражданином для управления переданным им имуществом. С момента государственной регистрации фонда имущество переходит в его собственность, а учредитель утрачивает вещно-правовой титул.

Данный механизм формирует обособленную имущественную массу, что соответствует общему принципу самостоятельной имущественной ответственности юридического лица (ст. 56 ГК РФ). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.12.2022 № 57-П подтвердил приоритет принципа автономности юридического лица и недопустимость произвольного «прорыва корпоративной вуали» без прямого указания закона.

Особенностью личного фонда является возможность его создания как при жизни учредителя, так и после его смерти (наследственный фонд). Установленный имущественный ценз в размере 100 млн рублей подчеркивает направленность института на управление значительным капиталом, что сближает его с инструментами wealth management.

При этом правовая природа личного фонда отличается от классической модели доверительного управления (глава 53 ГК РФ). Если в доверительном управлении собственник сохраняет титул, то в случае личного фонда происходит полная трансформация права собственности, что усиливает эффект имущественной изоляции.

Защита активов и трансграничная конкуренция

Ключевым препятствием для деофшоризации капитала является норма о субсидиарной ответственности фонда по обязательствам учредителя в течение трех (а в ряде случаев пяти) лет.

С точки зрения трансграничной конкуренции правопорядков, российская модель проигрывает юрисдикциям с более короткими «периодами подозрительности».

В Лихтенштейне или на островах Невис правовой барьер между учредителем и активами выстраивается значительно быстрее – обычно в течение года. Существующий в РФ подход, хоть и направлен на защиту кредиторов, делает личный фонд менее привлекательным для добросовестных предпринимателей, ищущих стабильности в условиях волатильного рынка.

Авторская гипотеза: Субсидиарная ответственность должна быть заменена механизмом оспаривания конкретных сделок по передаче имущества в фонд, если будет доказан умысел на причинение вреда кредиторам. Это позволит сократить срок «уязвимости» фонда до одного года, что соответствует международным стандартам Asset Protection.

Бенефициары: между конфиденциальностью и контролем

Правовой статус бенефициаров личного фонда – одна из самых сложных теоретических проблем. Бенефициар не является участником фонда в корпоративном смысле, однако он обладает правом на получение определенных благ.

В статье выделяются две модели взаимодействия:

1. Дискреционная модель: когда органы управления фонда обладают широкой усмотрения в вопросах выплат.

2. Регламентированная модель: когда условия управления жестко диктуют порядок и размер обеспечения.

Особое внимание следует уделить праву бенефициаров на получение информации. Для защиты своих прав бенефициар должен иметь доступ к финансовой отчетности фонда. Однако избыточная прозрачность может нарушить волю учредителя на конфиденциальность капитала. Автор предлагает закрепить «золотую середину»: доступ к информации должен быть достаточным для выявления злоупотреблений со стороны директора, но не должен приводить к публичному раскрытию структуры активов. Такая модель позволяет обеспечить судебную защиту без подрыва принципа конфиденциальности частного капитала.

Наследственное планирование и защита от дробления

Личный фонд решает историческую проблему российского права – дробление производственных активов между наследниками. Через условия управления учредитель может закрепить статус «неделимости» бизнеса, превращая наследников в получателей дохода, а не управляющих долями.

При этом возникает коллизия с институтом обязательной доли. Мы полагаем, что интересы несовершеннолетних или нетрудоспособных наследников должны удовлетворяться за счет выплат из фонда, но не путем выделения им долей в имуществе самого фонда, что могло бы парализовать его деятельность.

Следовательно, при формировании уставных условий фонда необходимо предусматривать механизм регулярных выплат обязательным наследникам без передачи им управленческих полномочий. Такой подход обеспечивает баланс интересов семьи и устойчивость бизнеса.

Личный фонд в условиях санкций и финансовых ограничений

Санкционные ограничения, введенные в 2022–2025 гг., существенно повлияли на трансграничное движение капитала. Указы Президента РФ и акты Банка России, направленные на регулирование валютных операций, усилили значимость национальных инструментов структурирования активов.

В этих условиях личный фонд приобретает дополнительную функцию – обеспечение стабильности управления активами внутри РФ. Однако для достижения данной цели необходимо дальнейшее совершенствование налогового режима выплат из фонда (гл. 23 НК РФ), а также формирование устойчивой судебной практики, исключающей произвольное расширительное толкование оснований ответственности.

Заключение

Личный фонд представляет собой значимый этап эволюции российского гражданского права. Его потенциал заключается в возможности структурирования частного капитала, обеспечения преемственности бизнеса и повышения устойчивости имущественного оборота. Дальнейшее развитие института требует системного подхода и активного участия

судебной практики в формировании единых правовых позиций. Для того чтобы личный фонд стал флагманом российского Wealth Management и заменой иностранным Трастам, необходимы следующие шаги:

- Снижение срока субсидиарной ответственности до 1 года при условии добросовестности учредителя.
- Детализация прав бенефициаров на судебную защиту от неправомерных действий менеджмента фонда.
- Гармонизация налогового режима выплат из фонда с режимом прямого наследования.

Развитие данного института позволит не только вернуть капитал в Россию, но и создать надежную базу для долгосрочного экономического планирования, также повысить конкурентоспособность национального правового порядка в сфере управления крупным частным капиталом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
3. Дождев Д.В. Траст как инструмент управления собственностью. М.: Статут, 2022.
4. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2023.

PERSONAL FUND AS A PROPERTY MANAGEMENT TOOL: CIVIL LAW FEATURES AND APPLICATION PROSPECTS

Gabdinurov A.I.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a comprehensive analysis of the personal fund as a new institution of Russian civil law. The author explores the legal nature of personal funds, analyzes the mechanism of asset isolation, and criticizes the established terms of subsidiary liability of the founder. The paper examines in detail the issues of wealth management, the rights of beneficiaries to information and control, as well as the problems of estate planning. The necessity of harmonizing Russian legislation with international standards to increase the competitiveness of the national jurisdiction is substantiated.

Keywords: personal fund, civil law, deoffshorization, estate planning, asset protection, subsidiary liability, beneficiaries, trust management.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // SZ RF. 1994.
2. Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On Non-Profit Organizations" // SZ RF. 1996. No. 3. Art. 145.
3. Dozhdev D.V. Trust as a property management tool. M.: Statute, 2022.
4. Sukhanov E.A. Comparative corporate law. M.: Statute, 2023.

Искусственный интеллект и автоматизация процессов прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок по 223-ФЗ, при выборе заказчиком неконкурентных процедур

Глазырин Роман Александрович,

студент магистратуры Кубанского государственного университета

Ильницкий Артем Георгиевич,

соискатель, помощник прокурора Прикубанского административного округа

В статье рассматриваются актуальные вопросы прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок, особое внимание уделяется проблемам применения неконкурентных методов закупок в рамках 223-ФЗ. Анализируются законодательная база, данные торговых электронных площадок и практические аспекты осуществления надзора, а также предлагаются современные средства автоматизации процессов прокурорского надзора

Ключевые слова: Прокурорский надзор, государственные и муниципальные закупки, Федеральный закон № 223, закупки у единственного поставщика, начально максимальная цена, единая информационная система, конкуренция, автоматизированная система мониторинга, искусственный интеллект.

Введение

В современных условиях развития государственного управления особую актуальность приобретает вопрос эффективного функционирования системы государственных и муниципальных закупок. Данная сфера является ключевым элементом экономической инфраструктуры государства, обеспечивающим не только удовлетворение потребностей государственных и муниципальных заказчиков, но и развитие конкурентной среды на рынке.

Обеспечение законности в сфере закупок требует постоянного внимания со стороны надзорных органов, поскольку нарушения в данной области могут привести к существенным финансовым потерям бюджета, снижению эффективности государственных расходов и подрыву принципов честной конкуренции. Своевременное выявление и пресечение правонарушений, а также их профилактика становятся приоритетными задачами органов прокуратуры.

Статистический анализ и проблематика

Важность прокурорского надзора в данной сфере обусловлена необходимостью обеспечения единообразного применения законодательства о закупках, защиты интересов государства и предотвращения злоупотреблений со стороны участников закупочных процедур. Особую значимость приобретает контроль за соблюдением законодательства при выборе методов определения поставщиков, особенно в случаях применения неконкурентных способов закупок.

14 января 2021 года Генеральная прокуратура выпустила Приказ N 6 (ред. от 05.05.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» [1], целью которого стало утверждение дополнительных мер по контролю в сфере закупок. Как указано в документе, новые правила необходимы, так как случаи нарушения закона в этой сфере остаются многочисленными. Заказчики уклоняются от проведения торгов, исполнения контрактов, несвоевременно оплачивают услуги, работы или товары. Генеральный прокурор определил следующие условия, которые должны значительно уменьшить количество нарушений:

- Усиление надзора за исполнением законов.
- Обязательная проверка законности закупок при осуществлении проверок.
- Обеспечение действенного надзора за исполнением законов на сайте zakupki.gov.ru.
- Проверка соблюдения требований к ценообразованию и нормированию товаров, работ и услуг.
- Принятие исчерпывающих мер реагирования.

Тем не менее, количество нарушений, как показывает статистика, все еще велико. Так, по официальным данным Федеральной антимонопольной службы РФ (далее ФАС), в 2024 году поступила 39 201 жалоба в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Из общего количества поступивших жалоб по существу служба рассмотрела 31 769. В результате обоснованными (в том числе частично) признаны 12 659 обращений (39,8%). По результатам их рассмотрения выдано 11 251 предписание об устранении выявленных нарушений. В 2024 году в ходе плановых и внеплановых проверок ведомство проанализировало 33 917 процедур определения поставщика. По их итогам ФАС России выявила 17 637 нарушений законодательства (52%) и выдала 1641 предписание об их устранении [2].

Авторы данной статьи, считая необходимым модернизировать (автоматизировать) процессы прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок, особенно в части объявления предостережений о недопустимости нарушений закона. Предостережение является самостоятельным правовым средством реагирования прокурора на нарушение закона, применяемого при осуществлении надзора за исполнением законов. Это важное средство индивидуального воздействия на должностных лиц, совершивших либо пытающихся совершить противоправные действия (бездействия), не влекущие за своей общественной опасности уголовной ответственности, но причинившие либо способные причинить вред гражданам, либо государственным или общественным интересам. Для осуществления данной функции,

прокурору или его заместителю прокуратур всех звеньев, необходимо обладать достоверной, а главное оперативной информацией о готовящемся правонарушении.

Нормативно-правовая база

Для начала определим законодательную базу, регулирующую данный тип отношений:

- Конституция РФ, статья 8, гарантирующая единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции.
- Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1.
- Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
- Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025).
- Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 05.04.2021 N 86-ФЗ (последняя редакция)
- Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».
- Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025).
- Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности».
- Приказ Генеральной прокуратуры России от 14.01.2021 N 6 (ред. от 05.05.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок»

Методология исследования

В рамках данной статьи, наибольший интерес представляет ФЗ «О прокуратуре РФ», и Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N 223. Эти акты помогут определить некоторую специфику надзорной деятельности за исполнением 223 Ф.З, связанную с тем, что заказчик имеет право использовать методы неконкурентных закупок в рамках данного закона, что, в свою очередь, усложняет надзорную деятельность и принятие исчерпывающих мер прокурорского реагирования. Статья 3.6 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» определяет, что порядок подготовки и осуществления закупки у единственного поставщика (исполнителя услуги, производителя, подрядчика) и исчерпывающий перечень случаев проведения такой закупки устанавливаются положением о закупке [3].

Значит, формальных ограничений к количеству и стоимостному объему таких закупок закон не описывает. На этом фоне отдельные заказчики

«злоупотребляют» данной нормой. Это означает, что большую часть закупок заказчики осуществляют «напрямую». Надо заметить, что именно на злоупотребления правом, к которому государственный либо муниципальный заказчик может прибегнуть, при выборе метода неконкурентных закупок, должны обращать пристальное внимания органы прокуратуры. Для раскрытия данной проблематики, был проведен анализ закупок и годовых плановых закупок, сравнительный анализ среднерыночных цен с ценами заказчиков, опубликованных в единой информационной системе (далее ЕИС) [6] муниципальных учреждений г. Краснодара в Прикубанском округе. В рамках исследования, также был проведен анализ протоколов закупочных комиссий, контрактов, спецификаций и иной закупочной документации. Помимо этого, были рассмотрены жалобы участников в ФАС, с целью выявления непропорциональных действий со стороны заказчиков или организаторов торгов. Использовались данные, размещенные на электронных площадках, таких как Росэлторг, РТС тендер, Сбер АСТ, интернет ресурсов закупки.гов, ЕИС, и др. В рамках 223-ФЗ каждый заказчик самостоятельно разрабатывает свои правила проведения закупочных процедур, они указываются в положении о закупке. 223-ФЗ предполагает более широкий перечень заказчиков, в отличие от 44-ФЗ, который четко указывает условия, по которым должны проводиться закупки государственных и муниципальных заказчиков.

Организовывать проведение закупки по 223-ФЗ может любой специалист организации – для этого не требуется специального обра-

зования. Торги могут проводиться на любой электронной площадке. Закон 44-ФЗ – это достаточно жесткий закон, накладывающий серьезные ограничения к способам осуществления закупок, а также к суммам и объемам закупок товаров, работ, услуг. Обязательным условием является обоснование начальной цены контракта, описание полных функциональных характеристик товаров, работ, услуг. На его фоне закон 223-ФЗ выглядит более «мягким». Так, не все процедуры, проводимые по 223-ФЗ, требуют обязательного размещения в ЕИС. Некоторые сведения, которые можно не публиковать в ЕИС (ч. 15 ст. 4 Закона № 223-ФЗ):

- о закупках стоимостью не более 100 тыс. рублей (для крупных заказчиков – не более 500 тыс. рублей);
- о закупках услуг по привлечению во вклады средств организаций, доверительному управлению денежными средствами и иным имуществом, получению кредитов и займов и т.д.;
- о закупках, которые связаны с заключением и исполнением договора купли– продажи, аренды и т.д.;
- о закупках, составляющих государственную тайну;
- о закупках, осуществляемых в рамках выполнения ГОЗ в целях обеспечения обороны [3].

В рамках данного исследования были рассмотрены закупки таких учреждений как муниципальные автономные общеобразовательные учреждения (МАОУ), муниципальные бюджетные общеобразовательные учреждения «средняя общеобразовательная школа» (МБОУ СОШ), государственные автономные учреждения культуры (ГАУК), муниципальные автономные дошкольные образовательные учреждения муниципально-образовательные (МАДОУ МО), федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего образования (ФГБОУ ВО), государственные бюджетные учреждения здравоохранения города (ГБУЗ), расположенные в Прикубанском районе г. Краснодара. Решение о размещении информации в ЕИС при закупке у единственного поставщика принимает заказчик, руководствуясь правилами своего положения о закупке (ст. 3.6, ч. 5 ст. 4 Закона № 223-ФЗ.) [3]. Следует отметить, что обосновывать закупки закон не требует, план закупок может быть изменен по любой причине и в любое время. Также, согласно закону, не требуется обоснование начальной (максимальной) цены контракта. Однако, Федеральным законом от 05.04.2021 N 86-ФЗ (далее – Закон N 86-ФЗ), действующей с 16 апреля 2021 года была введена норма[4]. Эта новация предусматривает, что заказчики по Закону N 223-ФЗ должны обосновывать начальные цены своих закупок. Однако, как показал анализ торгов вышеуказанных учреждений, далеко не все заказчики следуют этой норме. Так, например, большинство закупок проходило в рамках 223 ф.з. Однако, в закупочной документации СОШ № 16, 98, 102, 17, 18, 72 отсутствовали регламентированные обоснования начальной максимальной цены (НМЦ). [6] Случаи осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) исчерпывающим образом определены в ст. 93 Закона о контрактной системе. [5] Осуществление закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) носит исключительный характер. Данная норма применяется в случаях отсутствия конкурентного рынка, невозможности либо нецелесообразности применения конкурентных способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя) для удовлетворения нужд заказчика. Логика законодателя, при принятии данной нормы, очевидна. Невозможно обеспечить, конкурентные процедуры в тех сферах, где конкуренция отсутствует. Например государственные и муниципальные учреждения культуры, уставная цель деятельности которых – сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия. К таким учреждениям относятся музеи, зоопарки, национальные, природные и ландшафтные парки, парки культуры и отдыха, театры, цирки, дома культуры и другие. Несмотря на эти нормы, исследуемые учреждения культуры Прикубанского округа, такие как Краснодарский Государственный Институт Культуры и ГАУК КК Краснодарский Театр Драмы, проводили закупки товаров, которые обращаются на конкурентных рынках, неконкурентным способом. [6]

Нередко для ухода от конкурентных процедур, использовались механизмы искусственного дробления заказов. Дробление закупок – это преднамеренная разбивка стоимости отдельного заказа на несколько мелких договоров при условии, что заказчику заранее известна потребность в такой продукции или работах на плановый период и не существует препятствий технологического или экономического характера, которые мешают провести одну процедуру для приобретения всех товаров, работ, услуг. Так, например, почти все организации МАОУ, МБОУ СОШ, ГАУК, МАДОУ МО Прикубанского округа г. Краснодара дробили закупки по оказанию охранных услуг. Победителем в каждой такой закупке был признан единственный поставщик (одно и тоже юридическое лицо во всех итоговых протоколах) [6].

Ответственность за нарушения по 223 Ф.З. регулирует Статья 7.30.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) называется «Нарушение порядка осуществ-

вления закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Статья введена Федеральным законом от 28.12.2024 № 500-ФЗ и с 1 марта 2025 года вступила в действие

Некоторые положения статьи и штрафы за их нарушение:

- Нарушение порядка осуществления закупки. Должностные лица получают штраф в размере от 5 до 30 тысяч рублей, юридические лица – от 50 до 100 тысяч рублей.
- Нарушение требований к содержанию документов. Должностные лица получают предупреждение или штраф в размере от 3 до 10 тысяч рублей, юридические лица – от 10 до 30 тысяч рублей.
- Установление требований к участникам закупок. Должностные лица получают предупреждение или штраф в размере от 5 до 30 тысяч рублей, юридические лица – от 10 до 30 тысяч рублей.
- Нарушение требований к порядку либо сроку размещения информации и документов. Должностные лица получают предупреждение или штраф в размере от 10 до 20 тысяч рублей, юридические лица – от 30 до 50 тысяч рублей

В анализируемых закупках муниципальных учреждений Прикубанского округа г. Краснодара, почти везде был неверно выбран способ закупки, так как товарная номенклатура, указанная в спецификации, обращается в свободной продаже на конкурентных рынках. Также, муниципальные заказчики игнорировали Федеральный закон № 86-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Федерального закона 223 Ф. 3, по которому Заказчик должен обосновывать начальные цены своих закупок). Цены, которые были указаны в закупочной документации были существенно выше рыночных. Например у МАOU СОШ № 16 г. Краснодара[6].

Полученная вовремя подобная аналитическая информация позволит органам прокуратуры оперативно осуществлять меры прокурорского реагирования.

Вопросы подлежащие проверке прокурором:

- правомерно ли Заказчик выбрал неконкурентный метод закупки или была возможность провести аукцион
- обоснована ли начально максимальная цена (НМЦ)
- насколько отличается НМЦ в закупочной документации или в планах по закупкам от среднерыночных цен
- присутствуют ли признаки дробления в закупках
- как часто встречается один и тот же поставщик в итоговых протоколах комиссии, либо аффилированным с ним лица.

Надо сказать, что существуют аналитические ресурсы, такие как СБИС торговли, Ростендер, Контур закупки, Госзаказы, с помощью которых можно получить искомые данные. Также, почти на всех современных электронных площадках присутствуют удобные инструменты фильтрации данных. Однако, процесс поиска, обработки и анализа информации занимает много времени, так как приходится многое делать вручную. Необходимо автоматизировать процесс, тогда надзорные органы смогут получать информацию в режиме реального времени. Авторами данной статьи будет предложено технологическое решение, позволяющее органам прокуратуры своевременно получать и анализировать информацию о закупках в целях проверки соблюдения законности при их осуществлении. Ниже даны практические рекомендации по созданию автоматизированной системы мониторинга, которая позволит пользователям оперативно получать релевантную информацию, необходимую для осуществления эффективного прокурорского надзора в сфере государственных и муниципальных закупок и выявлять злоупотребления еще на ранних стадиях. Например, сравнивать НМЦ цены, указанные заказчиками, с ценами на маркетплейсах (например Яндекс маркет, OZON, wildberries). Или разработать систему выявления дробления закупок у государственных или муниципальных заказчиков.

Технологические решения и автоматизация процессов надзора

Не вызывает сомнения тот факт, что модель реактивного прокурорского реагирования (по факту выявления нарушения) заметно уступает модели проактивного (превентивного), основанной на данных и прогнозах. Осуществить переход помогут технологические решения, в том числе, с использованием технологий искусственного интеллекта. Авторами статьи, предлагается многоуровневая система анализа данных, как концептуальная основа экосистемы прокурорского надзора. Это не просто набор программ, а централизованная платформа, которая позволит координировать всю работу по контролю государственных и муниципальных заказчиков в сфере публичных закупок.

Предлагаемая система строится на трех ключевых уровнях:

1. Данные: Сбор и унификация информации из разнородных источников.
2. Аналитика: Применение алгоритмов для выявления аномалий, паттернов и рисков.

3. Действие: Предоставление готовых решений прокурору для принятия мер.

Безусловно, ядром системы будет являться автоматизированный мониторинг необходимых данных. Первым необходимым модулем будет являться автоматическое программное обеспечение, которое подключается к другим сайтам и загружает страницы. Цель – создать индекс или каталог данных, которые можно искать или анализировать. Так называемый Data Crawler, API шлюзы, а также ETL (Extract, Transform, Load). Источники:

- ЕИС (Единая информационная система в сфере закупок): Основной источник данных о закупках, участниках, контрактах.
- Маркетплейсы (Российский и коммерческие): Для получения актуальных рыночных цен в режиме, близком к реальному времени.
- Государственные реестры (ФНС, ФССП): Данные о юрлицах, бенефициарах, аффилированности, исполнительных производствах.
- Внутренние системы прокуратуры: Архив ранее выявленных нарушений, базы проверенных организаций.

В качестве подсистемы анализа используем инструмент, который собирает и отображает рыночные данные в реальном времени. Price Intelligence Engine (PIE). Этот инструмент позволит отслеживать предложения рыночных агрегаторов и сервисов, сравнивать их с НМЦ (начально максимальными ценами) или с ценами, указанными в годовых планах о закупках государственных и муниципальных заказчиков, настроить автоматические правила оповещения, отслеживать события. Система не просто сравнивает НМЦ с одной ценой, а строит «ценовой коридор».

Необходимые алгоритмы:

- Кластеризация (например, k-means): Группирует товары/услуги по характеристикам (бренд, модель, технические параметры), чтобы сравнивать сопоставимое.
- Регрессионный анализ: Определяет, как цена зависит от различных факторов (объем, сроки, регион), и вычисляет «справедливую» цену.
- Анализ временных рядов: Отслеживает сезонные колебания и общую динамику цен на рынке.

В качестве еще одной подсистемы анализа используем инструмент выявления дробления закупок. Например, нам поможет алгоритм для обнаружения структурных изменений в прогнозируемых отношениях, такой как Splitting Detector [9]. Это позволит анализировать несколько точек структурных изменений в зависимости от одной зависимой переменной. Основная идея – эвристический поиск структурных разрывов с идентификацией соответствующих значимых переменных в каждом стабильном периоде. Алгоритм будет анализировать все закупки Заказчика за определенный период.

Важным критерием следует выделить смысловую близость предметов закупки. Поможет анализировать названия и технические задания заказчиков, распознать временную близость (несколько закупок, объявленных в один день или неделю), суммарную стоимость лотов, которая приближается к предельной величине для проведения конкурентной процедуры – одна из областей искусственного интеллекта в области обработки естественного языка NLP (Natural Language Processing). Завершающей подсистемой анализа в ядре системы автоматизированного мониторинга данных будет модуль поведенческого анализа подозрительной активности (Behavioral Analysis Module). В контексте предложенной реализации, будут отслеживаться паттерны поведения, а не разовые нарушения. Примеры таких диванных поведений:

- «Заказчик-Поставщик»: Постоянные победы одного поставщика в закупках конкретного заказчика.
- «Круговые» закупки: Участие одних и тех же компаний в закупках друг друга.
- Анализ сетей: Построение графов связей между заказчиками, поставщиками и физическими лицами (руководителями, учредителями) для выявления скрытых аффилированных групп.

Следующий важный уровень централизованной платформы – это «мозги» системы. Искусственный интеллект и машинное обучение. ИИ превращает данные из сырой информации в прогнозы и предиктивную аналитику.

Прогнозирование рисков (Predictive Risk Scoring)

Как работает: На основе исторических данных о выявленных нарушениях модель машинного обучения обучается определять признаки, которые с высокой вероятностью приводят к нарушениям. Результат: Каждой новой закупке и каждому заказчику присваивается индекс риска (например, от 1 до 100). Прокурор видит не просто список закупок, а рейтинговый список, отсортированный по степени риска.

Системы компьютерного зрения (Computer Vision)

Распознавание сканов документов: Автоматический ввод данных из спецификаций, счетов, актов выполненных работ, которые часто представлены в виде отсканированных изображений.

Сверка подписей и печатей: Выявление возможных подлогов.

Ранее уже были упомянуты технологии обработки естественного языка NLP. Также добавим, что на данном уровне системы, NLP может справиться с анализом технических заданий в части выявления заказных формулировок, ограничивающих конкуренцию («или эквивалент»), с необоснованно узкими характеристиками).

Например, государственный или муниципальный заказчик, при формировании лота, в закупочной документации, в описании закупки указывает специфические характеристики товара, работ или услуг, которые для них не характерны. Таким образом, ограничивает выбор потенциальных поставщиков. При фильтрации закупок по определенным параметрам в системе ЕИС или на электронных торговых площадках, система просто не выдаст искомые данные. Технологии обработки естественного языка справятся с задачей анализа протоколов разногласий, с целью выявления спорных моментов еще до заключения контракта

Финальным этапом экосистемы прокурорского надзора можно считать повышение эффективности благодаря анализу и обработке больших данных (Big Data), при помощи машинного обучения, основанного на использовании многослойных искусственных нейронных сетей, а именно глубокое обучение (Deep Learning). Для анализа сверхбольших массивов неструктурированных данных (все закупки по стране за 10 лет, все новости о компаниях, все данные госреестров) для выявления сложных, скрытых и новых схем мошенничества, которые не поддаются описанию правилами. Предиктивная аналитика позволит прогнозировать «всплески» определенных типов нарушений в конце квартала/года, когда осваиваются бюджеты. Предусмотреть потенциальных нарушителей, что в свою очередь, позволит трансформировать роль прокурора из «следователя», который ищет доказательства уже случившегося, в «аналитика-стратега», который точно воздействует на наиболее рискованные точки, предотвращая нарушения и обеспечивая законность и эффективность расходования бюджетных средств на принципиально новом уровне. Нельзя обойти стороной и применение технологий блокчейна (Blockchain) в сфере прокурорского надзора публичных закупок для осуществления государственных и муниципальных нужд. Создание неизменяемого и прозрачного реестра всех этапов жизненного цикла закупки – от планирования до исполнения контракта и оплаты. Это исключает задним числом внесенные изменения, обеспечивает криптографическое подтверждение всех действий и резко снижает возможности для манипуляций.

Совершенствование механизмов прокурорского надзора требует комплексного подхода, включающего усиление контроля за законностью закупок, внедрение современных технологий анализа данных, повышение эффективности мер реагирования и развитие системы превентивных мер.

Внедрение технологий искусственного интеллекта позволит значительно сократить время сбора и анализа данных, повысить точность анализа, выявить нарушения на ранних стадиях, повысить объективность оценки и ускорить процессы принятия решений, адаптировать автоматизированную систему мониторинга к новым типам нарушений, осуществлять самообучение на основе новых данных. Также, в рамках дополнительных технологических решений можно использовать Big Data, для обработки больших данных, применять методы глубокого обучения, внедрять систему предиктивной аналитики и разработать мобильное приложение для оперативного доступа к информации. Развитие системы автоматизированного мониторинга государственных и муниципальных закупок открывают большие перспективы не только для органов прокуратуры, но и для других надзорных инстанций. Интеграция с их информационными системами позволит расширить функционал анализа, развить механизмы автоматического формирования документов реагирования и создать экспертные системы поддержки принятия решений.

Литература

1. Приказ Генпрокуратуры России от 14.01.2021 N 6 (ред. от 05.05.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Официальный Интернет-ресурс ФАС <https://fas.gov.ru/news/33751>.
3. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) / Статья 3.6 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 05.04.2021 N 86-ФЗ (последняя редакция) / СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) / СПС «КонсультантПлюс».

6. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>

7. Федеральный закон от 28.12.2024 N 500-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» / СПС «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) / СПС «КонсультантПлюс».

9. Горских, О. (2016). Алгоритм разделения для выявления структурных изменений в прогностических отношениях. В кн.: Пернер, П. (ред.) Достижения в интеллектуальном анализе данных. Приложения и теоретические аспекты. ICDM 2016. Лекции по информатике(), том 9728. Спрингер, Чам. https://doi.org/10.1007/978-3-319-41561-1_30

10. А. Н. Борисов, Татьяна Трефилова. «Комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»

11. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35165736>

12. Федякина О.В. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 N 223-ФЗ (издание второе, дополненное и переработанное). – «Право Доступа», 2020 г.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND AUTOMATION OF PROSECUTOR'S OVERSIGHT PROCESSES IN PUBLIC AND MUNICIPAL PROCUREMENT UNDER FEDERAL LAW 223-FZ, WHEN THE CUSTOMER SELECTS NON-COMPETITIVE PROCEDURES

Glazyrin R.A., Ilitsky A.G.
Kuban State University

This article examines current issues of prosecutorial oversight in public and municipal procurement, with a particular focus on the application of non-competitive procurement methods under Federal Law 223-FZ. The legislative framework, data from electronic trading platforms, and practical aspects of oversight are analyzed, and modern tools for automating prosecutorial oversight processes are proposed.

Keywords: Prosecutorial oversight, state and municipal procurement, Federal Law No. 223, single-source procurement, initial maximum price, unified information system, competition, automated monitoring system, artificial intelligence.

References

1. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated January 14, 2021 No. 6 (as amended on May 5, 2023) "On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Legislation in the Sphere of Procurement" // SPS "ConsultantPlus".
2. Official Internet resource of the FAS <https://fas.gov.ru/news/33751>.
3. Federal Law dated July 18, 2011 No. 223-FZ (as amended on August 8, 2024) "On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2025) / Article 3.6 // SPS "ConsultantPlus".
4. Federal Law "On Amendments to Articles 2 and 4 of the Federal Law "On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" Persons" dated 05.04.2021 N 86-FZ (latest revision) / SPS "ConsultantPlus".
5. Federal Law dated 05.04.2013 N 44-FZ (as amended on 26.12.2024) "On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for meeting state and municipal needs" (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2025) / SPS "ConsultantPlus".
6. Official website of the Unified Information System in the Sphere of Procurement <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
7. Federal Law of 28.12.2024 N 500-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and Article 1 of the Federal Law "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" / SPS "ConsultantPlus".
8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 24.06.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2025) / SPS "ConsultantPlus".
9. Gorsikh, O. (2016). Separation algorithm for identifying structural changes in predictive relationships. In: Perner, P. (ed.) Advances in Data Mining: Applications and Theoretical Aspects. ICDM 2016. Lecture Notes on Computer Science (), Vol. 9728. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-41561-1_30
10. A. N. Borisov, Tatiana Trefilova. "Commentary on the Federal Law of April 5, 2013, No. 44-FZ, "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for National and Municipal Needs"
11. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35165736>
12. Fedyakina, O.V. Article-by-Article Commentary on the Federal Law "On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" of July 18, 2011, No. 223-FZ (second edition, supplemented and revised). – "Right of Access", 2020

Егоров Аким Андреевич,
аспирант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

В настоящей статье исследуется конструкция безвиновной ответственности субъектов предпринимательской деятельности за нарушение исключительных прав на произведения при визуальном сопровождении их ресурсов в сети Интернет. На основании анализа норм гражданского законодательства, а также теоретических положений о дистрибутивной справедливости обоснована опциональность вины как элемента состава правонарушения. Судебной практикой подтверждено преобладание самого факта нарушения над степенью вины. Делается вывод об обоснованности такого положения не только с точки зрения права, но и стимулирования рынка создания оригинального визуального сопровождения для бизнеса.

Ключевые слова: авторское право, сеть Интернет, вина, безвиновная ответственность, гражданско-правовая ответственность, нарушение, субъект предпринимательской деятельности.

В настоящий момент повсеместная цифровизация общественных отношений обусловила, в том числе, использование субъектами предпринимательской деятельности возможностей сети Интернет в качестве эффективного канала продвижения своих товаров и услуг.

Крупный бизнес, субъекты малого и среднего предпринимательства, активно создают сайты или страницы в социальных сетях с целью наглядного и доступного предложения своих товаров и услуг. При этом, в условиях конкуренции, цифровое отражение компании в сети непременно должно выгодно отличаться от других участников рынка. Создаваемый канал интернет-торговли должен быть не только функциональным и удобным с технической точки зрения, но и визуально привлекательным для потенциального потребителя.

В связи с данной необходимостью, субъектами предпринимательской деятельности активно используются визуальные элементы – например, фотографии товаров, дизайн-элементы сайтов и иные, которые могут быть охраняемы авторским правом.

Однако, учитывая частоту привлечения субъектов предпринимательской деятельности к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на произведения, можно сделать вывод о том, что сами предприниматели могут пренебрегать проверкой законности использования произведений на принадлежащих им интернет-ресурсах. Нередки ситуации, когда нарушение допускается вследствие поручения создания и наполнения сайта третьим лицам, специализирующимся на интернет-сопровождении предпринимательства, при этом фактически сайт функционирует именно в интересах предпринимателя.

Баланс интересов автора и пользователя сети Интернет (предпринимателя) в таком случае мог бы оказаться нарушен, однако в отношении субъектов предпринимательской деятельности законодательно введено применение безвиновной ответственности за нарушение исключительных прав. Указанное применимо и к рассматриваемым отношениям, складывающимся при использовании предпринимателями произведений в сети Интернет.

По общему правилу, применение мер ответственности к нарушителю допускается при наличии его вины (пункт 3 ст. 1250 ГК РФ). При этом наличие вины презюмируется.

В то же время, законом установлено, что меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя – то есть, к данному виду субъектов ответственности применяется конструкция безвиновной ответственности.

Указанную ситуацию можно считать одним из факторов, повлиявших на отмечаемую многими высокую частоту предъявления исковых требований к субъектам предпринимательской деятельности о выплате компенсации за нарушение исключительных прав на произведения, используемые ими в сети Интернет, главным образом – произведения изобразительного искусства, фотографические и аудиовизуальные.

В таком случае, обоснованной является постановка вопроса о целесообразности и обоснованности наличия в настоящий момент положений о безвиновной ответственности за нарушение исключительных прав субъектами предпринимательской деятельности.

С целью полноты проводимого исследования необходимо обратиться к понятию гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность подразумевает применение мер имущественного характера к лицу, которое допустило нарушение [5, с. 85]. При этом в научной литературе отмечается, что гражданско-правовая ответственность имеет, преимущественно, компенсационный характер, что функционально отличает её от иных видов юридической ответственности [2, с. 161]. В качестве цели гражданско-правовой ответственности исследователи зачастую, и небезосновательно, выделяют восстановление имущественной сферы лица, чьи права нарушены, то есть применение правовосстановительных, а не карательных санкций [4, с. 426].

Основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности является гражданское правонарушение. В самом общем смысле, при определении гражданского правонарушения в учебной и научной литературе указывается на следующие составные элементы: противоправность, наличие негативных последствий (вред или ущерб), при-

чинную связь между деянием и последствиями, а также вину нарушителя. Таким образом, можно говорить об указании на состав гражданского правонарушения.

Само же понятие «состав гражданского правонарушения» в отдельности приводится редко. При этом рядом исследователей указывается, что наличие такого понятия в науке гражданского права в целом необоснованно, а использование с указанием на основание гражданско-правовой ответственности является некорректным. В обоснование указанной позиции приводятся следующие положения: рецепция понятия «состав» правонарушения/преступления осуществлена из уголовного права, где это понятие имеет иное значение и структуру. В гражданском праве невозможно подвести все нарушения под единую модель состава, то есть не исключая его элементы. Так, при анализе преступления необходимо доказать все элементы состава, в то время как в гражданском праве некоторые из элементов могут отсутствовать. Вследствие этого нарушается логика использования понятия [6, с. 76–79].

В качестве исключаемого элемента зачастую в пример приводится именно вина нарушителя, поскольку в гражданском законодательстве имеется конструкция безвиновной ответственности.

При этом современный Гражданский кодекс Российской Федерации в целом не содержит прямого определения вины. В контексте исследования данного вопроса будет целесообразно обратиться к абзацу 2 пункта 1 ст. 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушения обязательств», поскольку оно содержит понятие невиновности лица.

Используя положения данной статьи, представляется возможным сформулировать понятие вины – это не проявление должником той степени заботливости и осмотрительности, требуемой от него по характеру обязательства и условиям оборота.

Вина, по общему правилу, презюмируется, а определение её формы зачастую не влияет на квалификацию гражданского правонарушения: достаточно лишь факта её наличия. При этом в ряде случаев вовсе устанавливается безвиновная ответственность.

Применение конструкции безвиновной ответственности установлено:

- п. 4 ст. 358 ГК РФ – для ломбардов за утрату заложенных вещей и их повреждение;
- п. 2 ст. 476 ГК РФ – для продавцов за недостатки товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества;
- п. 2 ст. 794, ст. 795 ГК РФ – для перевозчика и отправителя груза в случае неподачи транспортных средств либо неиспользования поданных транспортных средств; задержку отправления транспортного средства, перевозящего пассажира, или опоздание прибытия такого транспортного средства в пункт назначения (за исключением перевозок в городском и пригородном сообщениях);
- п. 3 ст. 922 ГК РФ – для банков за несохранность содержимого сейфа, в случае наличия договора хранения ценностей в банке с предоставлением клиенту индивидуального банковского сейфа;
- п. 2 ст. 925 ГК РФ – для гостиниц за утрату денег, иных валютных ценностей, ценных бумаг и других драгоценных вещей постояльца при условии, если они были приняты гостиницей на хранение либо были помещены постояльцем в предоставленный ему гостиницей индивидуальный сейф;
- ст. 1022 ГК РФ – для доверительного управляющего за причиненные убытки;
- ст. 1079 ГК РФ – для юридических лиц и граждан, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, за вред, причиненный такой деятельностью;
- и иные.

Конструкция безвиновной ответственности в российском гражданском праве устанавливает, что наличие вины не является обязательным элементом в том числе в перечисленном ряде случаев, при этом пределом ответственности является допущение нарушения вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств.

При этом важно отметить, что в каждом из упомянутых случаев можно проследить следующую тенденцию: лицо, к которому возможно применение конструкции безвиновной ответственности, как правило, занимает преимущественное положение в правоотношениях относительно потерпевшего, выполняя функции профессионального хранителя, перевозчика, управляющего или иного субъекта, от которого зависит безопасность и сохранность имущества либо прав потерпевшего, что обуславливает повышенные требования к проявлению должной осмотрительности и ответственности. В противном случае имеется риск возникновения ситуации, когда потерпевший, вследствие зависимости от лица, занимающего преимущественное положение, может утратить принадлежащие ему блага и не получить компенсации.

В контексте данного вопроса следует обратиться к теоретическим основаниям наличия такого вида ответственности в праве в целом.

Как указывается Д. Е. Богдановым, наличие самой конструкции безвиновной ответственности в праве обусловлено наличием ситуаций, когда поведение субъекта создает в одностороннем порядке повышенную степень риска причинения вреда в отношении других, неактивных субъектов (то есть ситуацию невластного риска) и обосновывается, преимущественно, положениями дистрибутивной справедливости [1, с. 53].

Указанное справедливо применяется и к предмету настоящего исследования. Безвиновная ответственность за нарушение исключительных прав установлена пунктом 3 ст. 1250 ГК РФ при осуществлении лицами предпринимательской деятельности: «нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя, если такое лицо не докажет, что нарушение интеллектуальных прав произошло вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств».

Применительно к рассматриваемым общественным отношениям, действительно стоит признать, что предприниматели выступают как активные инициаторы ситуаций одностороннего риска в отношении прав авторов.

Односторонний характер риска, в рассматриваемых случаях, заключается в создании ситуации, когда нарушение прав фактически наличествует (в виде использования произведения способами, предусмотренными ст. 1270 ГК РФ, в том числе доведения до всеобщего сведения), однако существует вероятность, при которой защита прав будет невозможна вследствие, например, делегирования действий по наполнению сайта третьим лицам, действующим в интересах предпринимателя без надлежащей проверки правообладания, что формально исключает его прямую вину, но сохраняет выгоду от рискованной деятельности.

При этом субъекты предпринимательской деятельности признаются профессиональными участниками правоотношений, что закономерно включает в себя и положение о необходимости соблюдения ими прав третьих лиц, в том числе прав авторов, независимо от наличия либо отсутствия вины.

Таким образом, введением безвиновной ответственности не допускается нарушение баланса интересов. В случае нарушения исключительных прав, как правило, презюмируется, что незаконное использование произведения в любом случае приносит вред автору (правообладателю) [3, с. 344].

В качестве примера подобной ситуации можно привести обстоятельства дела № А21–10908/2023 о нарушении исключительных прав на фотографическое произведение. Ответчик, являясь фактическим владельцем сайта, оспаривал, в том числе, правомерность предъявления ему компенсационных требований, поскольку он не является администратором доменного имени и не занимался наполнением сайта визуальным содержанием. Судом установлено, что несмотря на факты администрирования доменного имени иным лицом и заключения договора с иным лицом на ведение сайта, не отменяет того факта, что выгоду из функционирования сайта извлекает именно ответчик.

При этом отмечено, что ответчик не лишён права предъявить регрессные требования к лицу, которое, по его мнению, допустило нарушение. Указанное является отражением как непосредственно закреплённого в п. 4 ст. 1250 ГК РФ права лица, к которому при отсутствии его вины применены меры ответственности, так и общей тенденции при применении норм о безвиновной ответственности (например, в ст. 1081 ГК РФ).

Таким образом, в составе правонарушения исключительных прав на произведение допускается отсутствие как субъективного элемента вины, так и объективного элемента убытков (например, в случае заявления компенсации в твердом размере), что оправдано спецификой интеллектуальных прав и положениями дистрибутивной справедливости, обеспечивающей баланс интересов правообладателей и участников оборота в условиях цифровизации.

В судебной практике по делам о нарушении исключительных прав в сети Интернет определяющим критерием выступает установленный факт самого правонарушения и его совершения конкретным ответчиком, тогда как степень вины анализируется судами лишь эпизодически, а в отношении субъектов предпринимательской деятельности ответственность носит преимущественно безвиновный характер в силу презумпции по п. 3 ст. 1250 ГК РФ.

Введение безвиновной ответственности для субъектов предпринимательской деятельности не является уникальной конструкцией, свойственной только интеллектуальным правам, однако её наличие

является обоснованным. Профессиональные участники оборота, систематически извлекающие прибыль от своей деятельности, обязаны обеспечивать ее полную законность, включая правомерность используемых визуальных элементов; данная мера соответствует положениям дистрибутивной справедливости, с учетом влияния степени вины на размер компенсации.

Установление безвиновной ответственности, по мнению автора, должно стимулировать предпринимателей к разработке оригинального фирменного стиля, собственных иллюстраций и визуальных решений при сопровождении своего бизнеса в сети Интернет. Это не только минимизирует риски ответственности, но и способствует формированию уникальной идентичности в цифровом пространстве без посягательства на исключительные права третьих лиц.

Литература

1. Богданов, Д. Е. Триада сущности справедливости в сфере деликтной ответственности / Д. Е. Богданов // Журнал российского права. – 2013. – № 7(199). – С. 49–62. – EDN QZSBOF.
2. Бычко, М. А. К вопросу о безвиновной ответственности по гражданскому законодательству Российской Федерации / М. А. Бычко, С. Н. Ивахненко // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 18 февраля 2016 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – С. 161–164. – EDN YLHCSH.
3. Зверева, А. Безвиновная ответственность физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, за нарушение интеллектуальных прав / А. Зверева // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сборник материалов XII Международного юридического форума (IP Форума). В 2-х томах, Москва, 16–17 февраля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 342–345. – EDN VBOAXC.
4. Квасничко, А. «Безвиновная ответственность» при нарушении интеллектуальных прав: «за» и «против» / А. Квасничко // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форум), Москва, 18–19 февраля 2022 года. Том 2. – Москва: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 426–428. – EDN UZLWLO.
5. Кузьмин, К. А. Учет степени вины при привлечении к гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав в правоприменительной практике / К. А. Кузьмин // Теория и практика об-

щественного развития. – 2019. – № 1(131). – С. 85–88. – DOI 10.24158/tipor.2019.1.16. – EDN VRWGQC.

6. Чиндяскин, Н. А. О месте понятия «Состав гражданского правонарушения» в теории гражданского права. // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – вып. 4. – стр. 76–79.

NO-FAULT LIABILITY FOR COPYRIGHT INFRINGEMENT ON THE INTERNET

Egorov A.A.

Russian State Academy of Intellectual Property

This article examines the concept of no-fault liability for business entities for infringing exclusive rights to works when visually accompanying their online resources. Based on an analysis of civil law norms and theoretical principles of distributive justice, the optionality of fault as an element of an offense is substantiated. Case law has confirmed that the mere fact of infringement prevails over the degree of fault. It is concluded that this provision is justified not only from a legal perspective but also from a market incentive perspective for the creation of original visual support for businesses.

Keywords: copyright, internet, fault, no-fault liability, civil liability, infringement, business entity.

References

1. Bogdanov, D.E. The Triune Essence of Justice in the Sphere of Tort Liability / D.E. Bogdanov // Journal of Russian Law. – 2013. – No. 7 (199). – Pp. 49–62. – EDN QZSBOF.
2. Bychko, M.A. On the Issue of Innocent Liability under the Civil Legislation of the Russian Federation / M.A. Bychko, S.N. Ivakhnenko // Actual Problems of Development of Civil Law and Civil Procedure at the Present Stage: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 18, 2016. – Krasnodar: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, 2016. – Pp. 161–164. – EDN YLHCSH.
3. Zvereva, A. “Innocent Liability of Individuals Registered as Sole Proprietorship Entrepreneurs for Intellectual Property Violation” / A. Zvereva // Legal Protection of Intellectual Property: Theoretical and Practical Issues: Collection of Materials from the XII International Legal Forum (IP Forum). In 2 volumes, Moscow, February 16–17, 2024. – Moscow: Publishing Center of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2024. – Pp. 342–345. – EDN VBOAXC.
4. Kvasnichko, A. “Innocent Liability” for Intellectual Property Violation: Pros and Cons / A. Kvasnichko // Legal Protection of Intellectual Property: Theoretical and Practical Issues: Collection of Materials from the X International Legal Forum (IP Forum), Moscow, February 18–19, 2022. Volume 2. – Moscow: Publishing Center of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2022. – Pp. 426–428. – EDN UZLWLO.
5. Kuzmin, K.A. Taking into account the degree of guilt when bringing to civil liability for infringement of intellectual property rights in law enforcement practice / K.A. Kuzmin // Theory and practice of social development. – 2019. – No. 1 (131). – Pp. 85–88. – DOI 10.24158/tipor.2019.1.16. – EDN VRWGQC.
6. Chindyaskin, N.A. On the place of the concept of “Composition of a civil offense” in the theory of civil law. // Gaps in Russian legislation. – 2012. – issue. 4. – Pp. 76–79.

Эволюция правовой квалификации злоупотребления полномочиями капитана судна в российском законодательстве: от дореволюционных уставов до ст. 201 УК РФ

Медведева Анна Александровна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: anutinglaz@yandex.ru

Прокофьева Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: prokofievasm@yandex.ru

Лашевский Денис Вячеславович,

адъюнкт кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: lashevsky.denis@yandex.ru;

Топилкин Павел Сергеевич,

кандидат технических наук, начальник кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: Topilkin.p@igps.ru

В статье проведен комплексный историко-правовой анализ эволюции института ответственности капитана судна за злоупотребление полномочиями в российском законодательстве с начала XVIII века до современного этапа. Выявлены ключевые этапы трансформации правовой квалификации: от персональной ответственности капитана как государственного служащего в Морском уставе 1720 г. до включения капитанов в сферу действия общей нормы об злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ). Установлено, что современное законодательство утратило специализированные нормы об ответственности капитана за злоупотребление властью, что создает пробелы в правовом регулировании и затрудняет квалификацию преступных деяний в морской сфере. Предложены научно обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой защиты интересов мореплавания.

Ключевые слова: капитан судна, злоупотребление полномочиями, Морской устав, Кодекс торгового мореплавания, статья 201 УК РФ, капитанская власть, уголовная ответственность, морское право.

Введение

Институт капитанской власти представляет собой уникальное правовое явление, сочетающее в себе черты административного, гражданско-правового и уголовно-правового регулирования. Капитан судна, находящийся вдали от берега, обладает исключительными полномочиями по управлению судном, экипажем и грузом, что исторически обуславливало необходимость строгого правового контроля за их использованием. Актуальность исследования обусловлена как теоретической значимостью изучения эволюции правовой квалификации злоупотреблений в морской сфере, так и практической необходимостью преодоления пробелов в современном законодательстве, где специальные нормы об ответственности капитана за злоупотребление властью отсутствуют, а общая норма ст. 201 УК РФ не учитывает специфику морской деятельности.

Дореволюционный этап: персональная ответственность капитана как государственного служащего

Формирование правового регулирования ответственности капитана судна в России началось с принятия первого Морского устава 24 января 1720 года, разработанного при непосредственном участии Петра I.

Устав закреплял принцип абсолютной ответственности капитана за исполнение служебных обязанностей: «Капитан, допустивший нерадивое исполнение служебных обязанностей, подлежит строгой ответственности за ущерб, причинённый интересам государства».

При этом злоупотребления квалифицировались не как самостоятельные преступления, а как нарушения служебной дисциплины, влекущие применение воинских наказаний.

С принятием Морского устава 1853 года произошла систематизация обязанностей капитана. Устав детально регламентировал полномочия командира корабля, включая право увольнения подчиненных в отпуск по собственному усмотрению, однако злоупотребление этими полномочиями квалифицировалось через призму общих норм воинских уставов и нормам Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Важно отметить, что капитан военного судна рассматривался как государственный служащий, а капитаны гражданских судов подчинялись правилам коммерческого судоходства, что создавало дуализм в правовой квалификации.

Морской устав 1885 года сохранил принцип строгой персональной ответственности капитана, но ввел более дифференцированный подход к квалификации злоупотреблений: различались нарушения, связанные с безопасностью плавания, обращением с экипажем и распоряжением грузом. При этом специального состава преступления «злоупотребление полномочиями капитана» в дореволюционном законодательстве не существовало – ответственность наступала по общим статьям об должностных преступлениях или преступлениях против порядка управления.

Советский период: от специализированных норм к обобщению ответственности

Советское законодательство подверглось радикальным изменениям в подходе к регулированию капитанской власти. Кодекс торгового мореплавания СССР 1929 года впервые закрепил капитана как представителя одновременно двух субъектов – судовладельца и грузовладельца, наделив его расширенными полномочиями, включая право «применить задержание в особом помещении» лиц, нарушающих порядок на судне.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года не содержал специального состава преступления за злоупотребление полномочиями капитана. Вместо этого ответственность капитанов регулировалась специальными нормами: ст. 129 предусматривала ответственность за неоказание помощи терпящим бедствие, а ст. 130 – за непринятие мер для спасения столкнувшегося судна. Злоупотребления в сфере управления судном квалифицировались по общим статьям об должностных преступлениях (ст. ст. 109, 110 УК РСФСР) или халатности (ст. 115 УК РСФСР), с возможным дополнительным наказанием в виде лишения права занимать должность капитана.

Приказ Минморфлота СССР от 09.01.1976 № 6 детализировал обязанности капитана, включая ответственность за соблюдение правил техники безопасности, пожаробезопасности и санитарных правил на борту судна, однако уголовно-правовая квалификация злоупотреблений оставалась фрагментарной и не охватывала все аспекты капитанской власти.

Постсоветский этап: утрата специализированных норм и переход к общей модели ст. 201 УК РФ

Принятие Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации 30 апреля 1999 года закрепило капитана как руководителя судна, наделенного полномочиями по управлению судном, обеспечению безопасности плавания и защите морской среды.

Статья 30 КТМ РФ установила, что капитаном судна, плавающего под Государственным флагом РФ, должен быть гражданин РФ, имеющий действующий диплом капитана.

Ключевым этапом в эволюции правовой квалификации стало принятие Уголовного кодекса РФ 13 июня 1996 года, вступившего в силу 1 января 1997 года. Статья 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями» установила ответственность за «использование лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих полномочий вопреки законным интересам организации». При этом законодатель не предусмотрел специального состава преступления для капитанов судов, несмотря на уникальность их правового статуса.

Современная правовая квалификация злоупотреблений капитана основывается на следующих положениях:

1. Капитан судна, работающий в коммерческой организации (судоходной компании), может быть привлечен к ответственности по ст. 201 УК РФ как лицо, выполняющее управленческие функции.
2. Объективная сторона преступления предполагает использование полномочий вопреки законным интересам организации и причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организации либо охраняемым законом интересам общества или государства.
3. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и корыстной или иной личной заинтересованностью.
4. Квалифицирующие признаки (ч. 2 ст. 201 УК РФ) предусматривают ответственность за злоупотребление полномочиями, повлекшее тяжкие последствия, вплоть до лишения свободы на срок до 10 лет.

Важно отметить, что ст. 201 УК РФ не учитывает специфику морской деятельности: изолированность капитана от береговых органов управления, необходимость принятия оперативных решений в условиях риска, двойственность статуса капитана как представителя судовладельца и органа государственной власти на судне. В 2011 году в КТМ РФ была введена ст. 69.1, регулирующая уголовно-процессуальные полномочия капитана в отношении лиц, совершивших преступления на борту судна, однако норма об ответственности самого капитана за злоупотребление властью отсутствует.

Пробелы в современном законодательстве и пути их преодоления

Анализ эволюции правовой квалификации позволяет выявить следующие пробелы в современном законодательстве:

1. **Отсутствие специализированного состава преступления.** В отличие от дореволюционного и советского периодов, современное законодательство не содержит специальной нормы об ответственности капитана за злоупотребление полномочиями, что затрудняет квалификацию деяний с учетом специфики морской деятельности.
2. **Неопределенность статуса капитана.** Ст. 201 УК РФ применяется к капитанам коммерческих судов, но неясно, подпадают ли под ее действие капитаны государственных судов (например, судов Росморречфлота или Росрыболовства), что создает коллизии в правоприменительной практике.
3. **Недостаточная дифференциация последствий.** Общая норма ст. 201 УК РФ не учитывает особую опасность злоупотреблений капитана, способных привести к авариям, гибели людей или экологическим катастрофам.

Научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства:

1. Ввести в гл. 23 УК РФ специальный состав преступления «Злоупотребление полномочиями капитана судна», предусматривающий ответственность за использование капитаном своих полномочий вопреки интересам безопасности мореплавания, охраны жизни людей или окружающей среды.

2. Закрепить в примечании к ст. 201 УК РФ разъяснение, что капитан судна признается лицом, выполняющим управленческие функции независимо от организационно-правовой формы судовладельца.

3. Дополнить ст. 30 КТМ РФ перечнем конкретных злоупотреблений, влекущих уголовную ответственность (незаконное изменение маршрута, неправомерное распоряжение грузом, принуждение экипажа к нарушению правил безопасности).

4. Разработать методические рекомендации для следственных органов и судов по квалификации злоупотреблений капитанов с учетом специфики морской деятельности.

Заключение

Эволюция правовой квалификации злоупотребления полномочиями капитана судна в российском законодательстве прошла путь от строгой персональной ответственности капитана как государственного служащего в дореволюционных уставах к современному подходу, основанному на применении общей нормы ст. 201 УК РФ. Исторический анализ свидетельствует о постепенной утрате законодателем специализированных норм об ответственности капитана, что связано с общим трендом кодификации уголовного законодательства и отказом от отраслевой дифференциации составов преступлений.

Современная модель правовой квалификации, основанная на ст. 201 УК РФ, формально охватывает злоупотребления капитанов коммерческих судов, однако не учитывает уникальные особенности капитанской власти: изолированность от береговых органов, необходимость принятия решений в условиях риска, двойственность статуса капитана. Это создает пробелы в правовом регулировании и затрудняет эффективную борьбу с злоупотреблениями в морской сфере.

Перспективы развития законодательства видятся в возвращении к дифференцированному подходу через введение специализированного состава преступления либо через детализацию применения ст. 201 УК РФ к капитанам судов в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Только учет исторического опыта и специфики морской деятельности позволит обеспечить баланс между предоставлением капитану необходимых полномочий для обеспечения безопасности плавания и установлением эффективного правового контроля за их использованием.

Литература

1. Морской устав 1720 года. СПб., 1720. 652 с.
2. Морской устав 1853 года. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств.е.и.в. канцелярии, 1853. 605 с.
3. Морской устав 1885 года. СПб., 1885.
4. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 1107.
5. Кодекс торгового мореплавания СССР от 23 августа 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 48. Ст. 445.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2089.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Приказ Минморфлота СССР от 09.01.1976 № 6 «Об утверждении Положения о капитане морского судна».
9. Алексеев С.С. Морское право России: учебник. М.: Статут, 2018. 512 с.
10. Гаврилов Э.П. Капитанская власть в праве торгового мореплавания: монография. М.: Городец, 2015. 288 с.
11. Зырянов А.В. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в сфере морской деятельности // Морское право. 2020. № 3. С. 45–58.
12. Комиссаров В.С. Несет ли капитан морского судна материальную ответственность как работник по ТК РФ? // Гарант.ру. 2018. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/1190670/> (дата обращения: 11.02.2026).
13. Степанов Д.А. Почтовая конвенция 1858 г. между Русским Обществом пароходства и торговли и греческим правительством // Труды кафедры истории Новгородского госуниверситета. 2010. Вып. 5. С. 34–47.
14. Уголовно-процессуальные полномочия капитана российского морского судна: национальное и международно-правовое регулирование // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnye-polnomochiya-kapitana-rossiyskogo-morskogo-sudna-natsionalnoe-i-mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения: 11.02.2026).
15. Федеральный закон от 11.06.2021 № 149-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 24. Ст. 3845.

EVOLUTION OF THE LEGAL QUALIFICATION OF ABUSE OF POWERS OF A SHIP'S CAPTAIN IN RUSSIAN LEGISLATION: FROM PRE-REVOLUTIONARY CHARTERS TO ARTICLE 201 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Medvedeva A.A., Prokofieva S.M., Lashchevsky D.V., Topilkin P.S.

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

This article provides a comprehensive historical and legal analysis of the evolution of the institution of shipmaster liability for abuse of authority in Russian law from the early 18th century to the present day. Key stages in the transformation of this legal classification are identified: from the personal liability of the captain as a civil servant in the Maritime Regulations of 1720 to the inclusion of captains within the scope of the general rule on abuse of authority (Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is established that modern legislation has lost specific provisions on captain liability for abuse of authority, creating gaps in legal regulation and complicating the classification of criminal acts in the maritime sphere. Scientifically based recommendations for improving the criminal law protection of maritime interests are proposed.

Keywords: ship captain, abuse of authority, Maritime Regulations, Merchant Shipping Code, Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation, captain's power, criminal liability, maritime law.

References

1. Naval Regulations of 1720. St. Petersburg, 1720. 652 p.
2. Naval Regulations of 1853. St. Petersburg: Print. 2nd Department of the Proper His Imperial Majesty's Chancellery, 1853. 605 p.

3. Naval Regulations of 1885. St. Petersburg, 1885.
4. Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 1107.
5. Merchant Shipping Code of the USSR of August 23, 1929 // Collected Legislation of the USSR. 1929. No. 48. Art. 445.
6. Merchant Shipping Code of the Russian Federation of April 30, 1999, No. 81-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2089.
7. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
8. Order of the USSR Ministry of Maritime Fleet of January 9, 1976, No. 6 "On Approval of the Regulations on the Captain of a Sea-Government Vessel".
9. Alekseev, S.S. Maritime Law of Russia: Textbook. Moscow: Statut, 2018. 512 p.
10. Gavrilov, E.P. Captain's Authority in Merchant Shipping Law: Monograph. Moscow: Gorodets, 2015. 288 p.
11. Zyryanov AV Criminal Liability for Abuse of Authority in the Sphere of Maritime Activities // Maritime Law. 2020. No. 3. Pp. 45–58.
12. Komissarov VS Does the Captain of a Seagoing Vessel Bear Financial Liability as an Employee under the Labor Code of the Russian Federation? // Garant.ru. 2018. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/1190670/> (date accessed: 11.02.2026).
13. Stepanov DA Postal Convention of 1858 between the Russian Shipping and Trade Society and the Greek Government // Transactions of the History Department of Novgorod State University. 2010. Issue 5. Pp. 34–47.
14. Criminal-procedural powers of the captain of a Russian seagoing vessel: national and international legal regulation // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnye-polnomochiya-kapitana-rossiyskogo-morskogo-sudnatsionalnoe-i-mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie> (date of access: 11.02.2026).
15. Federal Law of 11.06.2021 No. 149-FZ "On Amendments to the Merchant Shipping Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 24. Art. 3845.

Соотношение национальной безопасности и прав человека в стратегических документах России и стран СНГ

Мельников Даниил Геннадьевич,

аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции

E-mail: biuk250@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ соотношения национальной безопасности и прав человека в стратегических документах Российской Федерации и государств СНГ. Выявлена эволюция российской модели от модернизационной к мобилизационно-устойчивой с усилением приоритета суверенитета и стратегической автономии. Определены три модели взаимодействия безопасности и прав человека на постсоветском пространстве: защитная, мобилизационная и интеграционная. Обоснована необходимость внедрения принципа стратегической пропорциональности как критерия оценки допустимости ограничений прав в условиях роста внешних и внутренних угроз. Разработана типология подходов к нормативному закреплению баланса публичных и частных интересов. Полученные результаты формируют методологическую основу для совершенствования стратегического планирования и гармонизации правовых механизмов в формате СНГ.

Ключевые слова: национальная безопасность, права человека, стратегические документы, суверенитет, СНГ, ограничения прав, стратегическая пропорциональность, правовое регулирование.

Национальная безопасность и права человека традиционно рассматриваются как взаимосвязанные, но напряжённо сосуществующие категории. В российской и постсоветской правовой мысли безопасность определяется как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства, обеспечивающее их устойчивое развитие. Одновременно конституционные системы государств СНГ закрепляют приоритет прав и свобод как высшей ценности публичной власти. Уже на уровне базовых норм возникает методологический вопрос: выступает ли безопасность инструментом охраны прав либо самостоятельной ценностью, допускающей их ограничение.

Актуальность проблемы усилилась после 2014 года и особенно в 2022 году, когда в стратегических документах России и ряда стран СНГ произошёл заметный сдвиг в сторону укрепления суверенитета, оборонной и информационной устойчивости. Расширение перечня угроз, санкционное давление, трансформация международной среды повлекли уточнение понятийного аппарата и механизмов ограничения прав в интересах безопасности. При этом в научной литературе сохраняется разобщённость подходов: одни авторы подчёркивают необходимость жёсткого баланса интересов личности и государства, другие акцентируют конституционную природу безопасности как института, обеспечивающего охрану прав.

Проблема заключается в отсутствии целостной сравнительной модели анализа стратегических документов России и государств СНГ, позволяющей выявить закономерности соотношения безопасности и прав человека. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела. Его цель – определить характер и пределы нормативного взаимодействия указанных категорий в стратегиях национальной безопасности, выявить тенденции их эволюции и предложить критерий стратегической пропорциональности как инструмент оценки допустимости ограничений прав. Новизна работы состоит в формировании типологии моделей соотношения безопасности и прав человека и в разработке методики их сопоставительного анализа на постсоветском пространстве.

Формирование современного понимания национальной безопасности в российской правовой доктрине связано с переходом от концепции государственной безопасности советского периода к многоуровневой модели, охватывающей интересы личности, общества и государства. В научных исследованиях подчеркивается, что национальная безопасность представляет собой состояние защищённости жизненно важных интересов, обеспечивающее устойчивое развитие и сохранение суверенитета [3]. При этом в постсоветский период наблюдалась эволюция парадигмы – от защитной, ориентированной на нейтрализацию угроз, к более комплексной, включающей развитие и самоутверждение государства в международной системе [5]. Эта трансформация обусловила необходимость уточнения места прав человека в структуре стратегических приоритетов.

Конституционно-правовой анализ демонстрирует, что безопасность закрепляется как институциональная категория, обеспечивающая реализацию конституционных ценностей. Отмечается, что национальная безопасность выступает не только сферой публичного управления, но и самостоятельным конституционно-правовым институтом, опирающимся на систему органов и нормативных актов [4]. Следовательно, права и свободы человека в стратегических документах не могут рассматриваться изолированно от задач охраны суверенитета и территориальной целостности. В этой связи возникает вопрос о пределах допустимого ограничения прав, предусмотренных Конституцией и федеральным законодательством.

В отечественной криминологической и правовой мысли подчёркивается необходимость разумного баланса между интересами личности и государства. Акцентируется, что абсолютизация прав без учёта публичных интересов ведёт к снижению уровня правопорядка, тогда как чрезмерное усиление силового компонента способно трансформировать безопасность в инструмент ограничения гражданских свобод [6]. Аналогичный подход прослеживается в исследованиях, посвящённых защите прав и свобод в условиях современных вызовов, где указывается на необходимость соразмерности ограничительных мер и их правовой определённости [7].

Особое значение приобретает анализ триады «человек – общество – государство», в рамках которой безопасность рассматривается

как средство сохранения социальных ценностей и правового порядка. Подчёркивается, что государство обязано обеспечивать защиту личности, но при этом не вправе подменять охрану прав их системным сужением [8]. Данная взаимосвязь позволяет рассматривать безопасность и права человека как взаимозависимые элементы единой правовой конструкции.

В целях выявления логики нормативного взаимодействия указанных категорий представляется целесообразным их систематизировать (таблица 1).

Таблица 1. Соотношение категорий «национальная безопасность» и «права человека» в правовой системе

Критерий анализа	Национальная безопасность	Права человека
Нормативное закрепление	Стратегии, федеральные законы, доктрины	Конституция, международные договоры, федеральные законы
Цель регулирования	Защита суверенитета, стабильности, устойчивого развития	Обеспечение свободы и достоинства личности
Допустимость ограничений	Предусматривается при наличии угроз	Допускается в установленных законом пределах
Функциональная роль	Инструмент охраны общественного порядка	Ограничитель публичной власти

Представленная систематизация позволяет выявить пересечение целей и средств регулирования, что подтверждает невозможность их изолированного анализа. В основе стратегического понимания безопасности лежит триада «личность – общество – государство», элементы которой находятся в постоянной взаимосвязи. Безопасность в данной конструкции выполняет интегративную функцию, обеспечивая институциональную стабильность и тем самым создавая условия для реализации прав и свобод. Нарушение баланса между указанными компонентами приводит либо к ослаблению публичной власти, либо к чрезмерному ограничению правового статуса личности, что снижает устойчивость всей системы.

Сравнительный анализ зарубежных подходов показывает, что стратегические документы западных государств также связывают национальные интересы с обеспечением прав граждан, однако акцентируют внешнеполитические и военные аспекты иначе, чем российская модель [1]. Это свидетельствует о вариативности соотношения безопасности и прав человека в зависимости от историко-политического контекста.

Правовые основы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации формируются многоуровневой системой актов, включающей стратегии, федеральные законы и подзаконные нормативные документы [10]. Отмечается, что их иерархия не всегда отличается системностью и терминологической унификацией, что затрудняет определение чётких критериев допустимого ограничения прав. В научных работах предлагается совершенствование стратегических положений и уточнение механизмов правовой регламентации [2].

Проведённый анализ позволяет обосновать введение категории «стратегическая пропорциональность», под которой понимается соразмерность ограничительных мер характеру угроз при обязательном сохранении сущности конституционных прав. Предлагаемый подход ориентирован на интеграцию публичных и частных интересов без их противопоставления. Он создаёт методологическую основу для дальнейшего сопоставительного исследования стратегических документов России и государств СНГ, что позволит выявить типологию моделей взаимодействия безопасности и прав человека.

Анализ стратегий национальной безопасности Российской Федерации 2009, 2015 и 2021 годов позволяет выявить последовательную трансформацию акцентов при сохранении формальной преемственности. В редакции 2009 года национальная безопасность рассматривалась в контексте модернизации, экономического развития и интеграции в мировую систему, что отражало установку на сочетание защиты и развития [1]. В последующих документах усиливается внимание к вопросам суверенитета, стратегической стабильности и противодействия внешнему давлению, что свидетельствует о смещении приоритетов в сторону укрепления государственно-политической устойчивости [5].

Редакция 2021 года структурирована как комплексный стратегический акт с расширенным перечнем угроз и национальных приоритетов. В её положениях закрепляется защита конституционных прав и свобод граждан в числе ключевых задач обеспечения безопасности, при этом детализируются риски информационного, идеологического и внешнеполитического характера [5]. Формируется нормативная конструкция, в которой права человека включаются в систему стратегических целей,

однако их реализация увязывается с механизмами укрепления суверенитета и институциональной стабильности государства.

Теоретико-законодательная основа такой модели формировалась постепенно. В научных исследованиях подчёркивалось, что российская правовая система безопасности отличается сложной иерархией актов, включающей Конституцию, федеральные законы, доктрины и подзаконные нормативные документы [3; 10]. Наличие многоуровневого регулирования обеспечивает гибкость реагирования на угрозы, однако порождает риск разночтений в определении пределов ограничения прав. Отмечается отсутствие унифицированного понятийного аппарата, что снижает степень правовой определённости [10].

Современные вызовы, связанные с санкционным давлением и военной напряжённостью, обусловили расширение перечня мер по защите суверенитета и информационного пространства. В научной литературе указывается на необходимость совершенствования стратегических положений с учётом новых угроз и конкретизации механизмов реализации норм [2]. При этом подчёркивается, что национальная безопасность как конституционно-правовой институт должна функционировать в рамках принципа законности и недопустимости произвольных ограничений [4].

В стратегических документах 2021 года прослеживается тенденция к усилению концепции ценностного суверенитета, что выражается в акценте на традиционные духовно-нравственные основы и культурную идентичность. Подобная установка расширяет понимание угроз, включая их гуманитарное измерение. В результате сфера безопасности выходит за пределы военно-политической области и затрагивает идеологическую и социальную сферу. Это объективно увеличивает количество потенциальных оснований для ограничения отдельных прав, что требует строгой оценки их соразмерности.

Исследования в области соотношения прав человека и безопасности подчёркивают необходимость поддержания баланса интересов личности и государства в условиях роста криминогенных и внешних угроз [6; 7]. В стратегическом планировании данный баланс реализуется через формулу «защита прав в условиях обеспечения устойчивости», где устойчивость рассматривается как предпосылка реализации свобод. Вместе с тем существует риск подмены цели средством, когда безопасность начинает восприниматься как самостоятельная ценность, а не как инструмент охраны прав.

Проведённый анализ показывает, что российская модель эволюционировала от модернизационно-ориентированной к мобилизационно-устойчивой. Приоритет отдан укреплению суверенитета и стратегической автономии, что закономерно в условиях международной турбулентности. Однако сохранение легитимности такой модели возможно лишь при соблюдении принципа стратегической пропорциональности, предполагающего соразмерность ограничительных мер характеру угроз и обязательное нормативное обоснование каждой из них. Именно эта категория позволяет оценивать степень допустимости вмешательства в сферу прав и свобод без утраты их сущностного содержания.

Следовательно, стратегические документы Российской Федерации формируют особую модель взаимодействия безопасности и прав человека, в которой защита конституционного строя и суверенитета рассматривается как необходимое условие реализации прав, но одновременно требует постоянного правового контроля и доктринального осмысления.

Развитие национальных стратегий государств СНГ происходит в условиях общего историко-правового наследия и одновременно различной степени институциональной и внешнеполитической ориентации. В формате Содружества национальная безопасность рассматривается не только как внутренняя категория, но и как элемент коллективной устойчивости. Подчёркивается значение координации усилий в сфере обороны, противодействия терроризму и обеспечения информационной безопасности, что усиливает взаимозависимость национальных правовых систем [9]. Это формирует наднациональный контекст, в котором права человека и безопасность соотносятся через призму региональной стабильности.

В ряде государств СНГ стратегические документы воспроизводят модель триады «личность – общество – государство», где безопасность определяется как условие сохранения прав и свобод. Отмечается, что приоритет личности декларируется как высшая ценность, однако государство сохраняет полномочия по ограничению прав в случае угрозы национальным интересам [8]. Подобная конструкция близка российской модели, но отличается степенью нормативной детализации ограничений. В некоторых национальных стратегиях ограничения формулируются более узко, с акцентом на временный характер мер и их соответствие международным обязательствам.

Сравнительный анализ показывает, что на постсоветском пространстве прослеживаются три модели соотношения безопасности

и прав человека. Первая характеризуется защитной направленностью, при которой приоритет прав сохраняется даже в условиях кризиса, а безопасность рассматривается как инструмент их охраны. Вторая модель носит мобилизационный характер: при усилении угроз возрастает роль государства и расширяется спектр допустимых ограничительных механизмов. Третья модель ориентирована на интеграцию, когда обеспечение прав связывается с участием в региональных структурах коллективной безопасности и кооперационными форматами взаимодействия. Указанные различия обусловлены внутренними политико-правовыми традициями, уровнем институциональной централизации и степенью вовлечённости государств в международные союзы. Российская стратегия в данном контексте относится к мобилизационно-устойчивому типу, тогда как часть государств демонстрирует интеграционный подход, опираясь на механизмы совместной обороны и межгосударственного сотрудничества в сфере правопорядка.

Следует учитывать, что исторически стратегическое планирование в странах СНГ формировалось под влиянием внешних факторов, включая изменения в международной системе безопасности. В исследованиях сравнительного характера подчёркивается, что подходы к определению угроз и способов их нейтрализации существенно различаются, несмотря на сходство понятийного аппарата [1]. Это различие отражается и в регулировании правовых ограничений. В одних государствах ограничения формализованы через детализированные процедуры парламентского контроля, в других сохраняется более широкая дискреция исполнительной власти.

В научной литературе указывается на необходимость укрепления правовой определённости в сфере национальной безопасности и унификации терминологии [3; 10]. Для государств СНГ данная проблема приобретает особую актуальность, поскольку различия в правовом регулировании могут осложнять взаимодействие в рамках коллективных механизмов. Одновременно подчёркивается, что совершенствование стратегических документов должно учитывать баланс между защитой суверенитета и соблюдением международных стандартов прав человека [2].

Сравнительный анализ позволяет выявить тенденцию к усилению ценностного компонента в стратегиях большинства государств региона. Акцент на культурной идентичности и исторической памяти расширяет сферу безопасности за пределы традиционных военных угроз. Это ведёт к росту числа потенциальных оснований для ограничений, что требует разработки единых критериев оценки их соразмерности. Введение принципа стратегической пропорциональности в региональный дискурс способно обеспечить единый методологический подход к оценке ограничительных мер и предотвратить избыточное расширение полномочий государства.

Проведённое сопоставление демонстрирует, что государства СНГ движутся по сходной траектории усиления института национальной безопасности, однако сохраняют различия в степени приоритизации прав человека. Эти различия определяются уровнем политической централизации, характером внешнеполитических угроз и степенью интеграции в региональные структуры. Установление единых критериев правовой оценки ограничений прав в стратегических документах может способствовать гармонизации подходов и укреплению доверия в рамках постсоветского пространства.

Проведённое исследование позволило установить, что в стратегических документах России и государств СНГ национальная безопасность и права человека закрепляются как взаимосвязанные, но нормативно неравновесные категории. В российской модели при формальном признании приоритета прав человека фактически усиливается роль государства как гаранта суверенитета и устойчивости, что выражается в расширении перечня угроз и инструментов реагирования. Зафиксирована эволюция от модернизационно-ориентированной логики к мобилизационно-устойчивой, где безопасность рассматривается как системообразующее условие реализации прав.

Выявлено, что в странах СНГ отсутствует единый подход к пределам ограничения прав в интересах безопасности. Сформированы три модели соотношения: защитная, мобилизационная и интеграционная. Их различие определяется уровнем политической централизации, характером внешних вызовов и степенью вовлечённости в коллективные механизмы безопасности. При этом во всех моделях наблюдается расширение гуманитарного и ценностного измерения безопасности.

Установлено, что ключевой проблемой остаётся недостаточная правовая определённость критериев допустимости ограничений прав. Многоуровневость нормативной базы и разобщённость терминологии снижают предсказуемость правоприменения. Обоснована необходимость внедрения принципа стратегической пропорциональности как инструмента оценки соразмерности ограничительных мер характеру угроз и сохранения сущности конституционных прав.

Научная новизна работы заключается в разработке типологии моделей соотношения национальной безопасности и прав человека, а также в формировании методики их сравнительного анализа в стратегических документах. Полученные результаты создают основу для совершенствования стратегического планирования и унификации подходов в формате СНГ при одновременном обеспечении баланса публичных и частных интересов.

Литература

1. Виноградов А.С. Стратегии национальной безопасности России и Великобритании: сравнительный анализ // Социология власти. 2010. № 2. С. 164–172.
2. Гаджимурадов С.В. Стратегия национальной безопасности России: перспективы совершенствования // Образование и право. 2023. № 5. С. 65–69.
3. Ефимова О.С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // Lex Russica. 2016. № 10 (119). С. 15–28.
4. Лукьянова А.В., Попков Д.В., Фролова Л.В. Национальная безопасность как конституционно-правовой институт // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 123–126.
5. Неймарк М.А. Новая стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие // Обозреватель – Observer. 2021. № 7 (378). С. 5–18.
6. Номоконов В.А. Права человека и национальная безопасность // Всероссийский криминологический журнал. 2008. № 2. С. 5–8.
7. Самсонов В.А. Обеспечение национальной безопасности: защита прав и свобод человека и гражданина // Закон и право. 2024. № 8. С. 234–238.
8. Худоян Г.М. Человек, государство и национальная безопасность: правовые аспекты соотношения // Регион и мир. 2017. № 1. С. 89–95.
9. Чернявский С.И. Национальная безопасность России в формате СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. № 1. С. 46–54.
10. Шихнабиев Р.А., Афонина И.А., Волкова О.А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. 2023. № 3. С. 37–47.

THE CORRELATION BETWEEN NATIONAL SECURITY AND HUMAN RIGHTS IN STRATEGIC DOCUMENTS OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES

Melnikov D.G.

All-Russian State University of Justice

The article provides a comparative analysis of the correlation between national security and human rights in the strategic documents of the Russian Federation and CIS states. The evolution of the Russian model from a modernization-oriented approach to a mobilization-oriented stability model with a strengthened emphasis on sovereignty and strategic autonomy is identified. Three models of interaction between security and human rights in the post-Soviet space are distinguished: protective, mobilization, and integrative. The study substantiates the need to introduce the principle of strategic proportionality as a criterion for assessing the admissibility of restrictions on rights amid increasing external and internal threats. A typology of approaches to the normative consolidation of the balance between public and private interests is developed. The results provide a methodological basis for improving strategic planning and harmonizing legal mechanisms within the CIS framework.

Keywords: national security, human rights, strategic documents, sovereignty, CIS, restriction of rights, strategic proportionality, legal regulation.

References

1. Vinogradov A.S. National Security Strategies of Russia and Great Britain: A Comparative Analysis // Sociology of Power. 2010. No. 2. pp. 164–172.
2. Gadzhimuradov S.V. Russia's National Security Strategy: Prospects for Improvement // Education and Law. 2023. No. 5. pp. 65–69.
3. Elfimova O.S. National Security in Theory and Legislation of Russia // Lex Russica. 2016. No. 10 (119). pp. 15–28.
4. Lukyanova A. V., Popkov D.V., Frolova L.V. National Security as a Constitutional-Legal Institution // Agrarian and Land Law. 2025. No. 5. pp. 123–126.
5. Neimark M.A. New Strategy of National Security of Russia: Continuity and Development // Observer. 2021. No. 7 (378). Pp. 5–18.
6. Nomokonov V.A. Human Rights and National Security // All-Russian Criminological Journal. 2008. No. 2. Pp. 5–8.
7. Samsonov V.A. Ensuring National Security: Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen // Law and Right. 2024. No. 8. Pp. 234–238.
8. Khudoyan G.M. Man, State, and National Security: Legal Aspects of the Relationship // Region and World. 2017. No. 1. Pp. 89–95.
9. Chernyavsky S.I. National Security of Russia in the CIS Format // International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law. 2020. No. 1. Pp. 46–54.
10. Shikhnabiev R. A., Afonina I.A., Volkova O.A. Legal Foundations of National Security of the Russian Federation // Security Issues. 2023. No. 3. Pp. 37–47.

К вопросу о понятии и элементах взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти при проведении проверок исполнения законов

Мирошникова Алёна Александровна,

аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, прокуратура Оренбургской области
E-mail: mailto: miroshnikova-pr@mail.ru"

Статья посвящена вопросам организации прокурором проверки – регламентированного процесса установления ряда интересующих его обстоятельств в целях выявления и фиксирования нарушений законодательства. В ходе проведения проверочных мероприятий прокурор взаимодействует с различными субъектами, в числе которых – органы исполнительной власти. В статье рассмотрено понятие взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти при проведении проверок, понимание которого способствует более точному анализу основ реализации средств прокурорского надзора. Выделены цель такого взаимодействия, его задачи, принципы, формы и виды (информационное, практическое и консультативное). Отдельно раскрыт присущий сторонам рассматриваемого взаимодействия признак властности, приведен анализ взглядов исследователей на организацию прокурорской проверки. С учетом определения данных категорий приведен анализ ведомственных приказов Генерального прокурора Российской Федерации с демонстрацией форм взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти. Такой взгляд будет интересен специалистам в области прокурорского надзора и юриспруденции в целом.

Ключевые слова: прокурор, проверка, прокурорский надзор, исполнительная власть, взаимодействие, исполнительная власть, органы исполнительной власти.

Взаимодействие прокурора с органами исполнительной власти при проведении прокурорской проверки представляет научный интерес по причине его обширности, многогранности и множественности форм.

Проверка – регламентированный процесс установления прокурором ряда интересующих его обстоятельств в целях выявления и фиксирования нарушений законодательства.

В рамках исследования надлежит определить содержание понятия взаимодействия, применив его к правоотношениям прокурора и органов исполнительной власти в ходе специфической процедуры проверки, обозначить основные элементы, цели и признаки такого взаимодействия.

Правильному пониманию сути процесса взаимодействия предшествует определение понятия исполнительной власти. Поскольку целью настоящего исследования не является выявление научной проблематики данного вопроса, справедливо остановиться на дефиниции исполнительной власти, предложенной В.А. Юсуповым – подзаконная юридически властная организующая деятельность исполнительно-распорядительных органов государственной власти, состоящая в практической реализации актов законодательной власти и управленческих функций государства [1].

В литературе отдельно рассмотрено понятие «исполнительных органов». По мнению Безрукова А.В., это органы, которые осуществляют государственную власть путем организации исполнения законов. Высшим исполнительным органом в государстве является правительство [2].

Вместе с тем, исполнительный орган в широком смысле представляет собой структурный элемент реализации определенного полномочия не только в системе публичной власти, но и в сфере правового регулирования частных отношений (к примеру, исполнительный орган общества с ограниченной ответственностью).

Таким образом, применительно к настоящему исследованию взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти в системе публичного права целесообразно отойти от использования понятия «исполнительный орган», остановившись на термине «орган исполнительной власти».

Для определения понятия органа исполнительной власти следует обратиться к Основному закону нашего государства – Конституции Российской Федерации, согласно статьям 77, 110 которой к органам исполнительной власти следует отнести Правительство Российской Федерации (под общим руководством Президента) и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, образующие единую систему исполнительной власти.

В Указе Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [3] закреплена соответствующая трехзвенная структура с распределением функций между министерствами, службами и агентствами.

Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [4] устанавливает конкретизированный перечень органов, осуществляющих исполнительную власть на федеральном уровне.

Таким образом, исполнительная власть призвана обеспечить воплощение законодательства и применение его к правоотношениям в обществе. Реализация исполнительной власти осуществляется системой специализированных уполномоченных органов.

Взаимодействие (от латинского слова *interactio* – «взаимное действие») представляет собой процесс, при котором два и более субъекта или объекта оказывают друг на друга влияние, влекущее изменение состояния одного или двух из них, а также иных ожидаемых в результате такого влияния процессов.

В толковом словаре С.И. Ожегова взаимодействие определено как взаимная связь явлений, взаимная поддержка [5]. Т.Ф. Ефремова видит понятие взаимодействия в воздействии предметов, явлений действительности друг на друга, обуславливающим изменение в них [6].

А.Г. Спиркин определяет взаимодействие как философскую категорию, отражающую процессы взаимодействия различных объектов друг с другом, их взаимную обусловленность, изменение состояния. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, посредством

которого происходит объединение частей в определенный тип целостности, организация структуры.

В общеправовом значении взаимодействие является универсальной формой движения развития, определяет существование и структурную организацию любой материальной системы. При этом факторами, проявлением взаимодействия выступают бесконечно разнообразные отношения, которые в свою очередь могут быть непосредственными и косвенными, постоянными и временными, существенными и несущественными, случайными и необходимыми, находиться в функциональной зависимости и не иметь устойчивой взаимосвязи [7].

Философское понимание взаимодействия определяет мировоззренческие основы и указывает общие методы познания совершенствующегося объективного мира. Прокуроры и работники органов государственной власти, являясь представителями системных образований, взаимодействуют с внешней средой, а специфика такой деятельности в значительной мере обусловлена их основными функциями [8].

В контексте взаимоотношений прокуратуры с органами исполнительной власти в рамках проведения проверки взаимодействие следует определить как процесс целенаправленного обмена информацией для обеспечения выявления нарушений законодательства в деятельности проверяемых объектов.

При этом рассматриваемому взаимодействию присущ признак властности в силу особого правового статуса прокурора, императивно реализующего полномочия по выявлению нарушений законов посредством проведения проверки. С другой стороны – признак властности неотъемлем и от органов исполнительной власти в их повседневной деятельности, который при взаимодействии с прокурором приобретает иную направленность, нацеленную на выполнение других, отличных от основной их деятельности, целей – выявление нарушений законодательства.

В исследуемом вопросе особое значение приобретает форма взаимодействия прокурора с указанными органами, которая в первом случае способна приближаться к экспертной деятельности, а во-втором – может носить консультационный характер, в том числе направленный на оказание прокурору технической помощи [9].

Такое взаимодействие должно базироваться на ряде незыблемых принципов, обусловленных правовой природой прокурорской деятельности:

- законность, обозначающая неукоснительное исполнение требований законодательства при осуществлении взаимодействия;
- ориентация на защиту прав граждан, интересов общества и государства;
- самостоятельность органов прокуратуры – независимость от решений и выводов иных органов, основанной на требовании статьи 5 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» о недопустимости вмешательства в осуществление прокурорского надзора.

Признаками взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти при проведении проверочных мероприятий представляется целесообразным выделить: оперативность – направленность на выполнение конкретных задач по выявлению нарушений законов; иерархичность – нахождение взаимодействующих субъектов в соподчиненном положении; целевая направленность – взаимодействие осуществляется для достижения вышеизложенной цели.

Предметом взаимодействия является обеспечение достижения целей проверочных мероприятий по выявлению, устранению нарушений законов, использование специальных сведений, которым обладают органы исполнительной власти.

Цель взаимодействия – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, для выполнения задач по получению оперативных данных о нарушениях законов, обеспечению эффективности проведения прокурорской проверки, достижению заранее заданных и предполагаемых результатов проверочных мероприятий.

В более детализированном понимании, как справедливо отмечено Винокуровым А.Ю., целью привлечения представителей государственных органов к проверке является осуществление ими экспертно-аналитических функций [10].

Видами взаимодействия прокурора с органами исполнительной власти представляется целесообразным установить:

- по цели взаимодействия – консультативное (направленное на получение консультации по отдельным вопросам исполнения законодательства) и правоохранительное (направленное на привлечение к ответственности на нарушение законов);

– по количеству взаимодействующих с прокурором органов исполнительной власти – двустороннее и многостороннее (при необходимости привлечения к проверкам нескольких органов исполнительной власти).

В исследуемом вопросе особое значение приобретает форма взаимодействия прокурора с указанными органами, которая в первом случае способна приближаться к экспертной деятельности, а во-втором – может носить консультационный характер, в том числе направленный на оказание прокурору технической помощи [9].

Формами взаимодействия прокурора и органов исполнительной власти при проведении проверок представляется целесообразным определить:

- информационное взаимодействие, обусловленное полномочием прокурора требовать предоставления статистической и иной информации для осуществления прокурорского надзора и корреспондирующей обязанностью органов представить запрашиваемые сведения;
- практическое взаимодействие – привлечение органов исполнительной власти к участию в проверках, направлении материалов для рассмотрения вопроса об ответственности лиц;
- консультативное взаимодействие, реализуемое, к примеру, путем проведения оперативных совещаний с привлечением представителей органов исполнительной власти.

Информационное и практическое взаимодействие при этом носит императивный характер, обусловленный обязательностью исполнения требований прокурора. Консультационное же взаимодействие декларативно и не влечет за собой правовых последствий для органов исполнительной власти.

В рамках одной прокурорской проверки могут быть реализованы как совокупность форм взаимодействия прокурора и органа исполнительной власти, так и некоторые из них по отдельности, в зависимости от цели проверки и сферы ее проведения. При этом практическое значение для прокурора приобретает каждая из форм взаимного обмена информацией.

При регламентации порядка организации прокурорского надзора в той или иной сфере прокурорам предписано использовать отдельные формы взаимодействия с органами исполнительной власти.

К примеру, в силу требований пункта 2.7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 12.04.2024 № 273 (ред. от 03.06.2025) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц, принятых в гражданство Российской Федерации, с привлечением контролирующих органов прокурорам надлежит проводить проверки законности их нахождения на территории Российской Федерации, получения разрешительных документов и осуществления трудовой деятельности, а также соблюдения законодательства о налогах и сборах [11].

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» в пунктах 1.8, 1.10 устанавливает: при несчастном случае на производстве при наличии достаточных оснований рассматривать вопрос о проведении проверки соблюдения законодательства об охране труда в отношении организации с привлечением контрольно-надзорных органов; при возникновении социальных протестов, вызванных действиями либо решениями работодателей, незамедлительно организовывать проверки с привлечением контрольно-надзорных органов [12].

При этом под контролирующими органами в данном случае понимаются органы исполнительной власти, реализующие соответствующие функции – отделы по вопросам миграции органов внутренних дел, органы Ростуда. В таких случаях реализуется практические и информационное взаимодействие.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» прокурорам при подготовке проектов исковых заявлений, содержащих требования, которые могут повлечь финансовые затраты органов местного самоуправления, подведомственных им организаций, предварительно проводить оценку необходимых бюджетных расходов с привлечением компетентных органов и в случае, если они превышают 1 млн рублей. По мнению автора, такая оценка расходования средств также является формой информационного взаимодействия с уполномоченными органами исполнительной власти в сфере реализации бюджетной политики, и подлежит реализации при проведении прокурорских проверок [13].

Таким образом, взаимодействие прокурора с органами исполнительной власти – неотъемлемая часть организации надзора, направленная на получение данных для эффективного проведения провер-

ки, выявления нарушений законодательства в целях их дальнейшего устранения и защиты прав граждан и организаций.

Литература

1. Юсупов В.А. Научная организация исполнительной власти: Учебное пособие. Изд. 2-ое, доп. – Волгоград: Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права, 2003. С. 18.
2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. Юстицинформ, 2015. 304 с.
3. Указ Президента РФ от 09.03.2004 N 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 (ред. от 17.03.2024) «О структуре федеральных органов исполнительной власти». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Ожегов С.И. (1989). Словарь русского языка. М.: Русский язык.
6. Ефремова Т.Ф. (2000). Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык.
7. Кобзарев Ф.М. Основы взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: Лекция / Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. М., 2003. С. 4–5.
8. Семенов А.С. Взаимодействие прокуратуры с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере обеспечения законности: монография / под ред. А.Ю. Винокурова. – М.: NOTA BENE, 2016. – С. 33.
9. Ломовский В.Д. Прокурорская проверка исполнения законов. Тверь: Тверской государственный университет, 1993.
10. Винокуров А.Ю. Привлечение прокурором специалиста при проведении проверки исполнения закона // Административное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 20.
11. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12.04.2024 № 273 (с изм. и доп., внесенными 03 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2024 № 98. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 (с изм. и доп., внесенными 10 сентября 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ON THE CONCEPT AND ELEMENTS OF INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTOR AND EXECUTIVE AUTHORITIES DURING LAW ENFORCEMENT CHECKS

Miroshnikova A.A.

St. Petersburg Law Institute (branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Prosecutor's Office of the Orenburg region

The article is devoted to the issues of the Prosecutor's organization of an inspection, which is a regulated process of establishing a number of circumstances of interest to the Prosecutor in order to identify and record violations of the law. During the inspection process, the Prosecutor interacts with various entities, including executive authorities. The article examines the concept of the Prosecutor's interaction with executive authorities during inspections, which helps to better understand the principles of implementing the means of Prosecutorial supervision. The article highlights the purpose of such interaction, its objectives, principles, forms, and types (informational, practical, and consultative). The article separately reveals the characteristic of authority inherent in the parties to the interaction under consideration, and provides an analysis of researchers' views on the organization of prosecutorial inspections. Based on the definition of these categories, the article analyzes the departmental orders of the Prosecutor General of the Russian Federation, demonstrating the forms of interaction between the prosecutor and the investigator.

Keywords: prosecutor, inspection, prosecutorial supervision, executive power, interaction, executive power, executive authorities

References

1. Yusupov V.A. Scientific organization of executive power: A textbook. 2nd Ed., supplement – Volgograd: Publishing House of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law, 2003. p. 18.
2. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia: the training manual. 3rd edition, revised and additional M. Justicinform, 2015. 304 p.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 314 dated 03/09/2004 (as amended on 03/27/2023) "On the system and structure of Federal Executive Authorities". Access from the help. – legal system "ConsultantPlus".
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/11/2024 No. 326 (as amended on 03/17/2024) "On the structure of Federal Executive authorities". Access from the help. – legal system "ConsultantPlus".
5. Ozhegov S.I. (1989). Dictionary of the Russian Language. M.: Russian Language.
6. Efremova T.F. (2000). New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation Dictionary. M.: Russian Language.
7. Kobzarev, F.M. Fundamentals of Interaction between the Prosecutor's Office and the Court in the Field of Criminal Proceedings: Lecture / Institute for Advanced Training of Management Personnel of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, 2003, Pp. 4–5.
8. Semenov, A.S. Interaction between the Prosecutor's Office and State and Local Authorities in Ensuring the Rule of Law: Monograph / edited by A. Yu. Vinokurov. Moscow: NOTA BENE, 2016. p. 33.
9. Lomovsky, V.D. Prosecutorial Inspection of the Execution of Laws. Tver: Tver State University, 1993.
10. Vinokurov A. Yu. Attraction of a Specialist by a Prosecutor During an Inspection of the Implementation of the Law // Administrative and Municipal Law. 2017. No. 10. P. 20.
11. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the field of migration [Electronic resource]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 273 dated April 12, 2024 (with amendments and additions made on June 3, 2025). Access from the legal system "ConsultantPlus".
12. On the organization of prosecutorial supervision over compliance with the labor rights of citizens [Electronic resource]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 98 dated 05.02.2024. Access from the legal system "ConsultantPlus".
13. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws, observance of human and civil rights and freedoms [Electronic resource]: Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 07.12.2007 No. 195 (as amended and supplemented on September 10, 2024). Access from References.-the legal system "ConsultantPlus".

Новые формы государственного суверенитета в условиях геополитических трансформаций: правовой анализ

Никодимов Игорь Юрьевич,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства, Российский новый университет (РосНОУ)
E-mail: nikodimov@rgsai.ru

Иванов Георгий Романович,

Аспирант Юридического института, Российский новый университет (РосНОУ)
E-mail: mr.georgiyivanov@mail.ru

Цель написания исследовательской работы. Статья посвящена правовому анализу трансформации государственного суверенитета в условиях цифровизации, глобализации и геополитических вызовов XXI столетия. Исследуются факторы, воздействующие на правовое регулирование суверенитета, включая эволюцию международного права, политизацию международных институтов, нормативную конкуренцию государств и информационное давление. Особое внимание уделяется новым формам суверенитета – цифровому, экономическому и экологическому – как самостоятельным правовым категориям, требующим включения в национальную правовую систему.

Выводы, полученные в ходе исследования. Результаты исследования обосновывают необходимость переосмысления классической доктрины суверенитета и формирования адаптивных правовых механизмов защиты национальных интересов. Методологическую основу составили системный, сравнительно-правовой, институциональный и прогностический методы анализа. Доказано, что цифровой, экономический и экологический суверенитет представляют собой ядерные элементы нормативной архитектуры современного государства. Выявлена правовая природа латентных форм посягательства на государственный суверенитет, требующих превентивных механизмов правовой защиты.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровой суверенитет, экономический суверенитет, экологический суверенитет, правовое регулирование, геополитические трансформации, национальная безопасность, санкционное давление, латентные угрозы.

Введение. Постановка проблемы

Государственный суверенитет как фундаментальная категория теории государства и права претерпевает существенные трансформации под воздействием процессов глобализации, цифровизации и изменения архитектуры международной безопасности. В условиях XXI столетия классическое понимание суверенитета, сформированное в трудах Ж. Бодена [Боден, 1999], Т. Гоббса [Гоббс, 1991] и развитие Г. Еллинеком [Еллинек, 1908], Н.И. Палиенко [Палиенко, 1903], требует концептуального переосмысления с учетом новых форм угроз и вызовов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно подчеркивал, что «суверенитет – это свобода национального развития, право каждого народа на собственный путь»¹. Эти слова задают вектор правового переосмысления суверенитета как категории, требующей комплексного нормативного обеспечения в условиях давления со стороны транснациональных акторов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа правовых основ, способных обеспечить устойчивость государственного суверенитета в условиях гибридных угроз [Максимов, 2021], цифровой трансформации, информационного воздействия и изменения баланса сил в международной системе. Современные геополитические процессы, включая рост напряженности между государствами, усиление санкционного давления [Ануприенко, 2023], цифровую экспансию и попытки внешнего вмешательства во внутренние дела, требуют от национальных правовых систем выработки устойчивых механизмов защиты суверенитета.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием фундаментальных исследований отечественных ученых. Советские исследователи, такие как А.Я. Вышинский [Вышинский, 1949], Н.М. Коркунов [Коркунов, 1901], Н.И. Палиенко [Палиенко, 1903], Г.Ф. Шершеневич [Шершеневич, 1911], а также современные правоведы Ю.И. Скуратов [Скуратов, 1983], С.Р. Гадисов [Гадисов, 2015], М.Н. Марченко [Марченко, 2013], В.П. Сальников [Сальников, 2026] посвятили свои труды различным аспектам государственного суверенитета. Однако новые формы суверенитета – цифровой, экономический, экологический – остаются недостаточно изученными в качестве самостоятельных правовых категорий.

Цель исследования состоит в выявлении и правовом обосновании новых форм государственного суверенитета, формирующихся под воздействием геополитических трансформаций, цифровизации и экологических вызовов, а также определении возможностей их нормативной интеграции в современную правовую систему Российской Федерации.

Факторы, воздействующие на правовое регулирование государственного суверенитета

Современное правовое регулирование государственного суверенитета представляет собой не статичную конструкцию, а динамическую систему, подверженную воздействию множества разноуровневых факторов. В современных условиях суверенитет перестает быть исключительно внутренним атрибутом государственной власти и приобретает черты многоуровневого правового феномена [Марченко, 2013].

Одним из ключевых факторов, влияющих на трансформацию правового регулирования суверенитета, выступает эволюция международного права, сопровождающаяся смещением акцентов от универсалистского подхода к региональному правотворчеству. Традиционно международное право стремилось к выработке универсальных норм, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к фрагментации правового пространства, где все большую роль начинают играть региональные объединения, формирующие собственные нормативные режимы.

Политизация международных институтов как фактор проявляется в использовании международных организаций для давления на суверенные государства. Резолюции ПАСЕ и Европарламента, осуждающие внутренние законы отдельных стран, демонстрируют инструментализацию международных механизмов в политических целях [Гадисов, 2015].

¹ Путин объявил о новой эпохе в мировой истории / РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/07/2022/62d7edd59a794769cd401363?ysclid=mlw48k0ixm727515411> (дата обращения 05.02.2026).

Нормативная конкуренция государств представляет собой экспорт правовых моделей как инструмент влияния. Продвижение западных моделей прав человека через программы международной помощи и технического содействия создает давление на национальные правовые системы, вынуждая их адаптироваться к внешним стандартам.

Особую опасность представляет правовая экспансия и экстерриториальность норм – применение норм одного государства за пределами его юрисдикции. Применение американского закона «Магнитского» к иностранным гражданам, использование экстерриториальных санкций США против компаний и физических лиц других государств демонстрируют данный феномен [Ануприенко, 2023].

Кризис универсальности международных норм выражается в снижении доверия к универсальным правовым стандартам. Отказ ряда стран от участия в Международном уголовном суде свидетельствует о разочаровании в эффективности универсальных механизмов правосудия [Кузнецова, 2013].

Информационная открытость правовых процессов создает новые формы давления на суверенитет через публичные правовые кампании и правозащитные механизмы. Публикация докладов международных правозащитных организаций, влияющих на международную репутацию государств, формирует параллельную систему международного давления.

Не менее значимым является фактор цифровизации, радикально изменяющий способы осуществления публичной власти. Трансграничные потоки данных, зависимость от глобальных цифровых платформ, киберугрозы и информационные атаки создают новые вызовы для суверенитета.

Внутренние трансформации правосознания общества, рост гражданской активности, запрос на участие в управлении и прозрачность власти также оказывают влияние на правовое содержание суверенитета. Таким образом, правовое регулирование государственного суверенитета в современных условиях формируется под воздействием комплекса факторов, каждый из которых требует не только адаптации существующих правовых конструкций, но и философско-правового переосмысления самой природы суверенитета [Сальников, 2026].

Цифровой суверенитет как новая правовая категория

Современное правовое государство, стоящее на страже национального интереса и правовой идентичности, сталкивается с необходимостью переосмысления традиционного понимания суверенитета. В условиях стремительного цивилизационного сдвига, вызванного цифровизацией, суверенитет государства выходит за пределы классической парадигмы территориальной и политической власти, приобретая цифровую форму.

Цифровой суверенитет – это не просто контроль над информационным пространством, это утверждение права государства на защиту цифровой инфраструктуры, данных граждан и алгоритмических решений, определяющих социальную реальность. В условиях трансграничных потоков информации и зависимости от глобальных платформ цифровой суверенитет становится гарантией правовой автономии и технологической безопасности.

Правовое оформление цифрового суверенитета требует создания национальных регистров, криптографических стандартов, нормативного регулирования искусственного интеллекта и цифровых прав личности. В Российской Федерации данное направление получило развитие через принятие Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»², а также Доктрины информационной безопасности³.

Нормативно-правовое регулирование цифрового суверенитета включает контроль над киберинфраструктурой и деятельностью цифровых СМИ в пределах суверенной территории. Государство реализует право в области установления ограничений, в том числе в вопросе доступа к сети Интернет на собственной территории. Примерами такого регулирования служат законы о локализации данных, требования к транснациональным корпорациям по размещению серверов на территории страны, механизмы блокировки противоправного контента.

Цифровой суверенитет в системе правового обеспечения государственной независимости Российской Федерации становится ядром

нормативной архитектуры XXI века, требуя включения в систему национального права как самостоятельной правовой категории.

Экономический суверенитет в условиях санкционного давления

Экономический суверенитет проявляется в способности государства формировать и защищать собственную финансово-экономическую модель, устойчивую к внешним шокам и санкционному давлению [Ануприенко, 2023]. Он включает в себя контроль над стратегическими отраслями, валютной политикой, налоговой системой и механизмами перераспределения ресурсов.

В условиях нарастания глобальной экономической нестабильности, усиления борьбы за ресурсы и рынки между ключевыми акторами мировой политической арены постепенно восстанавливается статус государства как гаранта обеспечения экономической безопасности общества и граждан.

Экономическая безопасность должна трактоваться многогранно: через характеристику устойчивости и стабильности системы; через способность противодействовать внутренним и внешним угрозам; через возможность полноценной реализации всех функций субъекта хозяйствования; через полноценное обеспечение необходимыми ресурсами; через нормативно-правовое регулирование механизма защиты национального суверенитета с опорой на обеспечение экономического суверенитета.

Экономический суверенитет как многоаспектное явление включает суверенное право свободно распоряжаться своими материальными ресурсами и всей экономической деятельностью; верховенство государства в экономической сфере и соответствующее подчинение власти государства всех лиц и организаций, находящихся на его территории; принцип международного права, который означает самостоятельность государства в осуществлении суверенных прерогатив экономического характера во взаимоотношениях с другими государствами [Ануприенко, 2023].

Правовая система должна обеспечить инструменты защиты экономической независимости, включая антимонопольное регулирование, правовые режимы национальных инвестиций и нормативную поддержку отечественного предпринимательства. Механизм обеспечения и укрепления экономического суверенитета основывается на диверсифицированности, инновационности и конкурентоспособности национальной экономической системы.

Деструктивная природа санкционного давления в международной практике как формы политического принуждения требует переосмысления механизмов правовой защиты суверенитета в контексте кризиса глобализации и однополярности в системе международных отношений [Марченко, 2013]. Экономический суверенитет, дающий возможность самостоятельно принимать важнейшие стратегические решения в финансовой, банковской и валютной сферах, является основой материального обеспечения государственного суверенитета.

Экологический суверенитет как аксиологическая форма власти

Экологический суверенитет представляет собой новую аксиологическую форму власти, основанную на ответственности государства за сохранение природной среды как элемента национального богатства и межпоколенческого долга. Он требует включения в правовую систему норм, обеспечивающих устойчивое развитие, экологическую безопасность, климатическую справедливость и биоэтические стандарты.

Экологический суверенитет – это не отказ от международного сотрудничества, а утверждение права на собственную экологическую стратегию, согласованную с национальными интересами. В условиях глобальных климатических изменений, трансграничного загрязнения и истощения природных ресурсов государства вынуждены балансировать между международными обязательствами и национальными приоритетами.

Правовое обеспечение экологического суверенитета включает разработку национальных стандартов экологической безопасности, механизмов экологического мониторинга, систем ответственности за экологические правонарушения [Бринчук, 2023]. Российская Федерация развивает данное направление через Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁴, Экологическую доктрину⁵, Стратегию экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года⁶.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения 05.02.2026).

² Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/32417> (дата обращения 05.02.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 05.02.2026).

⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/17718> (дата обращения 05.02.2026).

⁵ Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р) / Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document24/> (дата обращения 05.02.2026).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» / Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения 05.02.2026).

Экологический суверенитет государства означает неоспоримое и самостоятельное право от имени народа осуществлять всю полноту власти и управления на своей территории. Экологический суверенитет государства является полным и постоянным над всеми природными ресурсами, находящимися на территории государства в международно-признанных границах.

Экологический суверенитет проявляется в праве государства определять собственную политику в области использования природных ресурсов, установления экологических нормативов, регулирования трансграничного перемещения отходов. Вместе с тем, признание глобального характера экологических проблем требует от государств участия в международном сотрудничестве при сохранении контроля над собственными экологическими ресурсами и стратегиями.

Новые формы суверенитета – цифровая, экономическая и экологическая – не подменяют классический суверенитет, а расширяют его смысловое поле, превращая его в многомерную правовую конструкцию, способную отвечать на вызовы времени.

Латентные формы посягательства на государственный суверенитет

В условиях усложняющейся международной правовой среды задача национального права заключается в том, чтобы не только охранять суверенитет как юридическую конструкцию, но и обеспечивать его смысловую целостность, устойчивость и способность к адаптации. Современное понимание государственного суверенитета претерпевает существенные трансформации под воздействием новых форм угроз, возникающих в условиях глобальной взаимозависимости, цифровизации и геополитической турбулентности [Максимов, 2021].

Суверенитет более не может рассматриваться исключительно как внешне выраженное право государства на независимость и территориальную целостность. Он приобретает многослойную структуру, в которой наряду с открытыми формами посягательства все более значимыми становятся скрытые, латентные механизмы подрыва суверенной власти, не всегда идентифицируемые в рамках традиционного правового анализа [Сургуладзе, 2025].

Открытые формы посягательства – это действия, имеющие явный характер и направленные на нарушение территориальной, политической или экономической целостности государства. К ним относятся акты агрессии, вмешательство во внутренние дела, санкционное давление, подрыв легитимных институтов власти.

Скрытые (латентные) формы посягательства представляют собой более сложный феномен, проявляющийся в виде информационного воздействия, манипуляции общественным сознанием, подрыва доверия к государственным институтам, экономического давления через транснациональные корпорации, цифрового вмешательства в инфраструктуру [Одегова, 2025]. Латентное посягательство на суверенитет – это не просто предвестник кризиса, это его структурный элемент, определяющий необходимость превентивной правовой реакции на возможные институциональные, нормативные и аксиологические деформации, способные подорвать устойчивость национального правопорядка.

Латентные угрозы действуют исподволь, проникая в ткань правовой системы через механизмы, не обладающие признаками прямого вмешательства, но способные трансформировать содержание суверенитета, его восприятие в общественном сознании и эффективность его реализации [Сургуладзе, 2025]. Суверенитет в этом контексте становится не только объектом защиты, но и активным субъектом правового действия, способным формировать ответ на вызовы, не имеющие явной формы.

Выявление и правовая квалификация латентного посягательства требуют развития новых доктринальных подходов, способных интегрировать философско-правовые категории доверия, идентичности, цифровой автономии и нормативной устойчивости. Открытая защита суверенитета становится не реакцией на агрессию, а актом нормативного самоутверждения государства, способного распознать и нейтрализовать скрытые формы давления до их перехода в фазу открытого конфликта [Сальников, 2026].

Возникает необходимость в институционализации правовой защиты суверенитета, включающей мониторинг информационного пространства, нормативное регулирование цифровых платформ, правовую охрану национального правосознания и укрепление доверия к государственным институтам, а также не исключающей возможности превентивной силовой реакции государства на проявление латентных форм агрессии, которые представляют угрозу для государственного суверенитета.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Государственный суверенитет в XXI столетии трансформируется из статичной правовой категории в динамичную систему, подверженную воздействию множества факторов: эволюции международного права, политизации международных институтов, нормативной конкуренции, правовой экспансии, кризиса универсальности международных норм, цифровизации и трансформации правосознания общества.

2. Цифровой, экономический и экологический суверенитет представляют собой не периферийные, а ядерные элементы нормативной архитектуры современного государства, требующие включения в систему национального права как самостоятельные правовые категории. Их правовое оформление является актом нормативного самоутверждения государства в условиях глобальной турбулентности.

3. Цифровой суверенитет обеспечивает защиту цифровой инфраструктуры, данных граждан и алгоритмических решений, становясь гарантией правовой автономии и технологической безопасности. Его правовое регулирование включает создание национальных регистров, криптографических стандартов, норм об искусственном интеллекте и цифровых правах личности.

4. Экономический суверенитет проявляется в способности государства формировать и защищать собственную финансово-экономическую модель, устойчивую к санкционному давлению. Механизм его обеспечения основывается на диверсифицированности, инновационности и конкурентоспособности национальной экономической системы.

5. Экологический суверенитет как новая аксиологическая форма власти основан на ответственности государства за сохранение природной среды как элемента национального богатства и межпоколенческого долга, утверждая право на собственную экологическую стратегию при признании необходимости международного сотрудничества.

6. Латентные формы посягательства на государственный суверенитет, проявляющиеся в информационном воздействии, манипуляции общественным сознанием, подрыве доверия к институтам, требуют разработки новых доктринальных подходов и превентивных механизмов правовой защиты, включая возможность силовой реакции на скрытые формы агрессии.

Заключение

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных правовых механизмов интеграции новых форм суверенитета в национальное законодательство, совершенствованием институциональных форм защиты от латентных угроз, а также формированием международно-правовых стандартов, признающих право государств на цифровой, экономический и экологический суверенитет при сохранении принципов международного сотрудничества.

Литература

- Ануприенко В.Ю. Экономический суверенитет России. Направления и задачи укрепления экономического суверенитета на современном этапе развития страны // Вестник РАЕН. 2023. Т. 23. № 4. С. 60–67. DOI: 10.52531/1682-1696-2023-23-4-60-67.
- Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли в 5 т. Т. 2: Европа. V–XVII вв. Москва, 1999. С. 689–695.
- Бринчук М.М. «...Универсальные экологические императивы, обязательные для других, если не всех, отраслей права» // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. Т. 33. № 2. С. 307–315.
- Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Все-союз. ин-т юрид. наук Министерства юстиции СССР, 1949. 417 с.
- Гадисов С.Р. Угрозы государственному суверенитету в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6 (51). С. 123–127.
- Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1908. 599 с.
- Коркунов Н.М. Русское государственное право. Введение и общая часть. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901–1903, 1901. 573 с.
- Кузнецова Е.С. Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. 240 с.
- Максимов А.С. Угрозы национальной безопасности России в условиях гибридной войны // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 3. С. 109–130.

11. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации: монография. М.: Проспект, 2013. 400 с.

12. Одегова Л.Ю., Соловьёва Ю.А. Гибридные внешние угрозы национальной безопасности как вызов для научно-технологического развития Российской Федерации // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 1. С. 59–66. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.9.

13. Палиенко Н.И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1903. 567 с.

14. Сальников В.П., Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Зорина Н.В. и др. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / Под ред. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИН-ФРА-М, 2026. 423 с.

15. Скуратов Ю.И. Народный суверенитет развитого социализма. Конституционные вопросы. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1983. 165 с.

16. Сургуладзе В.Ш. Эволюция восприятия и интерпретаций суверенитета в условиях деглобализации и формирования полицентричного мирового порядка // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 129–140.

17. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. 163 с.

NEW FORMS OF STATE SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS: LEGAL ANALYSIS

Nikodimov I.Yu., Ivanov G.R.
Russian New University

Purpose of the research work. The article is devoted to the legal analysis of the transformation of state sovereignty under the conditions of digitalization, globalization and geopolitical challenges of the 21st century. The factors affecting the legal regulation of sovereignty are examined, including the evolution of international law, politicization of international institutions, normative competition between states, and information pressure. Special attention is paid to new forms of sovereignty – digital, economic, and environmental – as independent legal categories requiring integration into the national legal system.

Conclusions obtained during the research. The research results substantiate the need to rethink classical sovereignty doctrine and develop adaptive legal mechanisms for protecting national interests. The methodological framework includes systemic, comparative legal, institutional, and prognostic analysis methods. It is proven that digital, economic, and environmental sovereignty represent core elements of the normative architecture of the modern state. The legal nature of latent forms of encroachment on state sovereignty is revealed, requiring preventive legal protection mechanisms.

Keywords: state sovereignty, digital sovereignty, economic sovereignty, environmental sovereignty, legal regulation, geopolitical transformations, national security, sanctions pressure, latent threats.

References

1. Anuprienko V. Yu. Economic Sovereignty of Russia. Directions and Tasks of Strengthening Economic Sovereignty at the Current Stage of the Country's Development // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2023. Vol. 23. No. 4. Pp. 60–67. DOI: 10.52531/1682-1696-2023-23-4-60-67.
2. Bodin J. Six Books on the State // Anthology of World Legal Thought in 5 volumes. Vol. 2: Europe. 5th–17th centuries. Moscow, 1999. Pp. 689–695.
3. Brinchuk M.M. "...Universal Environmental Imperatives Binding for Other, If Not All, Branches of Law" // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2023. Vol. 33. No. 2. Pp. 307–315.
4. Vyshinsky A. Ya. Questions of the theory of state and law. Moscow: All-Union Institute of Law Sciences of the USSR Ministry of Justice, 1949. 417 p.
5. Gadisov S.R. Threats to state sovereignty in the context of globalization // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2015. No. 6 (51). Pp. 123–127.
6. Hobbes T. Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1991. 731 p.
7. Jellinek G. General doctrine of the state. 2nd ed., rev. and add. St. Petersburg: N.G. Martynov, 1908. 599 p.
8. Korkunov N.M. Russian State Law. Introduction and General Part. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1901–1903, 1901. 573 p.
9. Kuznetsova E.S. Elusive Sovereignty: The Status Quo vs. the Ideology of Change. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2013. 240 p.
10. Maksimov A.S. Threats to Russia's National Security in the Context of Hybrid Warfare // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol. 16. No. 3. Pp. 109–130.
11. Marchenko M.N. State and Law in the Context of Globalization: Monograph. Moscow: Prospect, 2013. 400 p.
12. Odegova L.Yu., Solovyova Yu.A. Hybrid External Threats to National Security as a Challenge for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation // Russian-Asian Legal Journal. 2025. No. 1. Pp. 59–66. DOI: 10.14258/ralj(2025)1.9.
13. Palienco N.I. Sovereignty: Historical Development of the Idea of Sovereignty and Its Legal Significance. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government, 1903. 567 p.
14. Salnikov V.P., Gutman M.Yu., Zakhartsev S.I., Zorina N.V., et al. Political and Legal Governance and Threats to State Sovereignty: Monograph / Ed. by V.P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M, 2026. 423 p.
15. Skuratov Yu.I. Popular Sovereignty of Developed Socialism. Constitutional Issues. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Press, 1983. 165 p.
16. Surguladze V. Sh. The Evolution of Perceptions and Interpretations of Sovereignty in the Context of Deglobalization and the Formation of a Polycentric World Order // Vlast'. 2025. Vol. 33. No. 1. Pp. 129–140.
17. Shershenevich G.F. General Doctrine of Law and State. 2nd ed. Moscow: I.D. Sytin Press, 1911. 163 p.

Этико-правовые аспекты госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке

Погодина Татьяна Григорьевна,

д-р мед. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

В статье обсуждаются вопросы организации госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке лиц страдающих психическими расстройствами в современных условиях с позиции права и медицины. Правовые основания соотносятся с основным правилом биоэтики о необходимости добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство; рассматривается история вопроса. Указывается, что реальной практической проблемой правоприменительной практики является неоднозначность понятия «тяжелое психическое расстройство», сложность прогноза развития болезни. На основании проведенного анализа действующего законодательства утверждается, что четкая формулировка данной дефиниции помогла бы решить данную этико-правовую проблему. Источниками получения информации (материалы исследования) явились: статьи, материалы государственной статистики, результаты проведения экспертной оценки. В соответствии с поставленными задачами в исследовании использовались такие методы, как: изучения и обобщения опыта, статистический, аналитический, экспертной оценки.

Ключевые слова: психическое расстройство, госпитализация в психиатрический стационар, добровольное информированное согласие

С позиции биоэтики краеугольным камнем оказания медицинской помощи в настоящее время является добровольное информированное согласие гражданина на медицинское вмешательство [1, с. 20]. Необходимость его получения и возможность отказа от помощи закреплены в ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в статье 20 указано, что медицинский работник должен в доступной форме информировать пациента о целях, методах, возможных вариантах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске. Процедура получения информированного добровольного согласия утверждена Приказом Минздрава России от 12.11.2021 N 1051Н.

Как утверждают исследователи, требование о получении добровольного согласия больного было впервые сформулировано в XVIII веке в Великобритании, а понятие «информированное согласие» может быть отнесено уже к середине 20 века, когда пациент обездвиженный в результате транслюмбальной аортографии выиграл судебный процесс, указав, что он не дал бы добровольное согласие на процедуру, если бы его уведомили о возможности такого осложнения. То есть его согласие было добровольным, но не информированным [2, с.91]. Таким образом оформился принцип добровольного информированного согласия.

Право больного на отказ от медицинского вмешательства является порой источником драматических биоэтических проблем. Особенно остро данный вопрос стоит при лечении психических расстройств, когда речь может идти об общественно опасном поведении в связи с болезнью и, при этом отсутствует критика в силу тяжести состояния. Об общественной опасности можно говорить как о собирательном термине, включающим более узкое экспертное понятие – «опасность для себя или других лиц».

В соответствие с данными медицинской статистики, в России на начало 2025 года более 4 миллионов человек, страдающих психопатологией [3]. Безусловно, данная социальная группа является наиболее уязвимой в силу особенностей познавательной сферы, а также нуждающейся в правовой защите, учитывая имеющуюся в обществе стигматизацию (наклеивание ярлыков). В общественном сознании психическое расстройство ассоциируется еще и с возможным совершением противоправных действий из-за измененного восприятия окружающей действительности, расстройств мышления.

О реальной связи психопатологии с общественно опасным поведением свидетельствуют данные о распространенности расстройств среди тех, кто уже заключен под стражу. До 20% из них имеют так называемые психические аномалии, но тем не менее они вменяемы (22 ст. УК РФ). При этом, лица, признанные невменяемыми из-за тяжелого психического расстройства, совершают не более 1,5% от всех действий, повлекших возбуждение уголовного дела [4, с. 33].

Для профилактики общественно опасных действий в силу болезни разработаны меры, регламентированные целым рядом законов и подзаконных актов. Это, прежде всего, Закон РФ «О психиатрической помощи...» от 02.07.1992 г. № 3185-1 и множество ведомственных законодательных актов.

В числе мер предусмотрено и оказание медицинской помощи в недобровольном порядке, вплоть до госпитализации в психиатрический стационар, осуществляемой без согласия пациента. В таких случаях нет информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. При этом, как указывает Бурлакова Г.Г., ограничивается еще целый ряд прав (права на личную неприкосновенность, свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства) [5]. Находясь на лечении, пациент может быть на определенное время ограничен также в правах на подачу жалоб и обращений в госорганы, на получение писем и посылок без цензуры, на прием посетителей, а также использование телефонов. Таким образом, как указывает Шишков С.Н. и Полубинская С.В. эти ограничения прав делают недобровольную госпитализацию мерой по своей сути равнозначной лишению свободы [6, с.304].

К оправданности выбора столь крайней меры можно выделить два основных подхода, неразрывно связанных между собой: медицинский и юридический. Первый направлен на оценку психопатологической симптоматики с позиции ее тяжести и опасности для больного и окружающих. С позиции второго юридического подхода рассма-

тривается необходимость и обоснованность вмешательства в частную жизнь на основании выявленной симптоматики.

В соответствии со статьей 29 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (в ред. Федерального закона от 25.11.2013 N 317-ФЗ) недобровольная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях допускается также до судебного решения в случае, если психическое расстройство является тяжелым, а его лечение возможно лишь стационарно.

Приводятся три непосредственных основания для такой госпитализации: непосредственная опасность пациента для себя или окружающих, беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, а также существенный вред здоровью лица из-за ухудшения его психического состояния, если не будет психиатрической помощи. Дискуссионным остается понятие «тяжелое психическое расстройство», которое не разъясняется в законодательных актах. К правовым признакам его относят, прежде всего, отсутствие «свободы волеизъявления» [7, с.64]. С позиции медицинской тяжести состояния определяется патологией психотического уровня или выраженностью психического дефекта.

Весь процесс недобровольной госпитализации, по мнению Никулинской Н.Ф., может быть разделен на несколько этапов [8, с.68]. Первый этап – госпитализация по решению психиатров в условиях ограничения свободы в психиатрическом стационаре на срок до 48 часов. Второй этап – последующее недобровольное лечение в условиях стационара уже на основании судебного решения.

Детальная регламентация процесса инициирования госпитализации гражданина в недобровольном порядке представлена в нормах КАС РФ, где глава 30 посвящена именно данному вопросу. Статья 278 данной главы содержит перечень обстоятельств, подлежащих выяснению для вынесения судебного решения. Это вопросы о реальной тяжести состояния, отсутствии согласия на лечение, а также действительно ли лечение возможно только в условиях стационара и присутствует ли общественная опасность, беспомощность, возможность существенного вреда здоровью при отсутствии такой помощи из-за ухудшения состояния.

На практике вопрос о необходимости госпитализации в недобровольном порядке решается чаще всего врачом скорой помощи. В приказе Министерства здравоохранения «О скорой психиатрической помощи» от 8 апреля 1998 года № 108 подробно описываются специальные приемы, в том числе возможность применения ограничительных мер сопровождения агрессивного, оказывающего сопротивление пациента. Указывается, что недобровольная госпитализация начинается с момента принятия врачом решения о необходимости стационарного лечения независимо от желания больного.

После такого вывода осуществляется транспортировка в приемный покой стационара и там врач-психиатр уже данного медицинского учреждения повторно производит осмотр, и на основании своего умозаключения подтверждает факт неизбежности стационарного лечения. После этого уже комиссия врачей-психиатров в течении 48 часов производит оценку психического состояния лица, госпитализированного в недобровольном порядке, и направляет заключение в суд для решения вопроса о возможности пребывания на лечении. Таким образом, процедура помещения в стационар для лечения в недобровольном порядке является достаточно сложной и многоступенчатой, но она позволяет исключить врачебные ошибки.

В соответствии с ч. 4 ст. 277 КАС РФ гражданин имеет право лично участвовать в судебном заседании и излагать свою позицию по административному делу о его госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Таким образом, непосредственным источником суждений выступает сам человек. Судом оцениваются паттерны его поведения, речь, внешний облик, логика суждения. К сожалению, такая возможность используется не всегда ввиду особенностей состояния больного. Порой суд полностью полагается на мнение врачей без участия больного. Между тем, заключение врачей является лишь одним из доказательств, которое подлежит проверке по общим правилам оценки доказательств. Как справедливо указывает Н.Г. Галковская, данные дела отличаются специфичностью и сложностью из-за того, что суд пытается вникнуть в «медицинскую сферу», а врачи вынуждены использовать юридические знания для грамотного оформления документов помимо своей основной работы по оценке состояния пациента [9, с.80].

При разрешении дела о недобровольной госпитализации в психиатрическую больницу суду нельзя выносить такое решение, если есть сомнения в достоверности и полноте доказательств тяжести состояния, на что указано Верховным Судом РФ. Необходимо изучить обстоятельства такой госпитализации, первичные документы, оформ-

ленные медицинскими работниками, а также допросить врача, принявшего решение о необходимости недобровольного лечения; установить особенности поведения гражданина, которые указывают на тяжесть его состояния, подтверждающие обоснованность принятых мер. Как указано в обзоре судебной практики Верховного суда РФ, суд не вправе ограничиваться формальным указанием оснований, перечисленных в ст. 29 Закона о психиатрической помощи.

Судебное решение о необоснованности госпитализации влечет за собой наложение на медицинскую организацию административных мер, а на врача – психиатра – юридическую ответственность вплоть до уголовного в соответствии со ст. 128 УК РФ. При этом будет назначаться экспертиза по делам об оспаривании действий врачей-психиатров. Как указывает А.А. Ткаченко, она должна включать два этапа [10, с. 624]. Это, прежде всего анализ состояния гражданина на момент госпитализации по всем имеющимся источникам информации (истории болезни, медицинские справки, материалы судебного дела, показания свидетелей и пр.), выявление реальной тяжести состояния, обуславливающей опасность для себя и окружающих, либо беспомощность или существенный вред здоровью вследствие ухудшения здоровья, если лицо будет лишено оказания помощи. Затем будет также решаться вопрос о том, могло ли лечение проходить в менее ограничительных условиях.

На втором этапе будут оцениваться те данные, которыми располагал врач-психиатр при принятии решения о необходимости недобровольной госпитализации. Это должны быть аргументированные основания на основании клинического метода по результатам объективного осмотра.

Таким образом, в психиатрии возможность больного отказаться от лечения сопряжено с появлением неизбежных противоречий этики и права, решаемых не только неукоснительным и четким применением нормативно-правовых актов, но и профессионализмом, добросовестностью медицинских работников и судей. Самой большой проблемой является оценка реальной тяжести состояния на момент принятия решения о применении такой крайней меры, поскольку объективные разъяснения в нормативно-правовых актах противоречивы и не однозначны. Четкая формулировка дефиниции «тяжелое психическое расстройство» помогла бы решить данную этическую-правовую проблему.

Литература

1. Трошин В.Д. Добротина Н.А., Фатыхов Р.Р., Назаров В.М. Биомедицинская этика: монография. – Нижний Новгород: Всероссийское общество неврологов, 2002. – 432 с.
2. Погодина, Т. Г. К вопросу о добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство как неотъемлемом праве пациента / Т.Г. Погодина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2(30). – С. 90–93.
3. Здравоохранение в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooxran_2025.pdf (дата обращения 25.02.2026)
4. Макушкина О.А., Леурда Е.В. Современная модель превенции общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами // Научное обозрение. Медицинские науки. 2024. № 4. С. 32–40; URL: <https://science-medicine.ru/article/view?id=1413> (дата обращения: 28.12.2025).DOI: <https://doi.org/10.17513/srms.1413>
5. Бурлакова Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел о принудительной госпитализации граждан в медицинский стационар: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006.
6. Шишков С. Н., Полубинская С.В. О двух типах принудительных мер медицинского характера // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.). – М.: РФ-Пресс, 2015. – С. 303–306.
7. Шишков С.Н., Корзун Д.Н. Предмет судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам о незаконной психиатрической госпитализации // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 62–68. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10208
8. Никулинская Н.Ф. Судопроизводство по делам о принудительной госпитализации в психиатрический стационар// Научные труды молодых ученых КГТУ. В 2 ч. Часть 2 (Секции У111-Х111). Вып. 7. – Кострома: КГТУ, 2006. – С. 67–70
9. Галковская Н.Г. Проблемы совершенствования механизма судебной защиты прав граждан, госпитализируемых в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке/ Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17) с. 79–92.
10. Ткаченко А.А., Судебно-психиатрическая экспертиза/ А.А. Ткаченко, Д.Н. Корзун – Москва: ГЭОТАР– Медиа, 2020. – 728 с.

ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF INVOLUNTARY HOSPITALIZATION IN A PSYCHIATRIC HOSPITAL

Pogodina T.G.

Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The article discusses the issues of organizing involuntary hospitalization in a psychiatric hospital for persons suffering from mental disorders in modern conditions from the perspective of law and medicine. The legal grounds are related to the basic rule of bioethics about the need for voluntary informed consent to medical intervention; the history of the issue is considered. It is pointed out that the ambiguity of the concept of "severe mental disorder" and the complexity of predicting the development of the disease are real practical problems in law enforcement practice. Based on the analysis of current legislation, it is argued that a clear formulation of this definition would help to solve this ethical and legal problem. The sources of information (research materials) included: articles, materials from state statistics, and the results of expert assessments. In accordance with the objectives of the study, the following methods were used: study and generalization of experience, statistical, analytical, and expert evaluation.

Keywords: mental disorder, hospitalization in a psychiatric hospital, voluntary informed consent.

References

1. Troshin V.D., Dobrotina N.A., Fatykhov R.R., Nazarov V.M. Biomedical Ethics: Monograph. – Nizhny Novgorod: All-Russian Society of Neurologists, 2002. – 432 p.
2. Pogodina, T.G. On the question of voluntary informed consent to medical intervention as an inalienable right of the patient / T.G. Pogodina // Legal Science and Practice:

Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 2(30). – Pp. 90–93.

3. Healthcare in Russia [Electronic resource]. Access mode: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooxran_2025.pdf (accessed 25.02.2026)

4. Makushkina O.A., Leurda E.V. Modern model of prevention of socially dangerous behavior of persons with mental disorders // Scientific Review. Medical Sciences. 2024. No. 4. Pp. 32–40; URL: <https://science-medicine.ru/ru/article/view?id=1413> (accessed: 28.12.2025). DOI: <https://doi.org/10.17513/srms.1413>

5. Burlakova N.G. Procedural features of consideration of civil cases on compulsory hospitalization of citizens in a medical hospital: dissertation ... for the degree of Candidate of Legal Sciences. Tomsk, 2006.

6. Shishkov S. N., Polubinskaya S.V. On two types of compulsory medical measures // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the XII International Scientific and Practical Conference (January 29–30, 2015). – Moscow: RG-Press, 2015. – Pp. 303–306.

7. Shishkov S. N., Korzun D.N. The subject of forensic psychiatric examination in criminal cases of illegal psychiatric hospitalization // Russian Psychiatric Journal. 2020. No. 2. Pp. 62–68. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10208

8. Nikulinskaya N.F. Proceedings in cases of compulsory hospitalization in a psychiatric hospital // Scientific Works of Young Scientists of KGTU. In 2 parts. Part 2 (Sections VIII–XIII). Issue 7. – Kostroma: KGTU, 2006. – Pp. 67–70

9. Galkovskaya N.G. Problems in improving the mechanism of judicial protection of the rights of citizens hospitalized in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions on a non-voluntary basis // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2015. No. 3 (17) Pp. 79–9

10. Tkachenko A.A., Forensic psychiatric examination / A.A. Tkachenko, D.N. Korzun – Moscow: GEOTAR-Media, 2020. – 728 p.

Объективные и субъективные признаки убийства без отягчающих и смягчающих обстоятельств

Раков Андрей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Военного университета; Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации им. Князя Александра Невского
E-mail: rav74@mail.ru

Висленева Кира Юрьевна,

студент Военного университета Министерства Обороны Российской Федерации им. Князя Александра Невского
E-mail: visleneva.kira@yandex.ru

В статье проводится комплексный уголовно-правовой анализ объективных и субъективных признаков убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Автором раскрываются особенности объекта посягательства, конструкции объективной стороны преступления, а также значение причинно-следственной связи как обязательного свойства материального состава. Кроме того, исследуются субъективные признаки деяния, их значение для квалификации и отграничения убийства от смежных преступлений против жизни. Особое внимание уделено проблемам установления умысла, оценке мотивов и судебным критериям определения направленности психического отношения виновного к наступлению смерти потерпевшего.

Ключевые слова: простое убийство, объект преступления, объективная сторона, субъект преступления, субъективная сторона.

Особое место в уголовно-правовой науке занимает так называемое простое убийство (без отягчающих и смягчающих обстоятельств), ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 105 УК РФ¹. Следовательно, простое убийство охватывает наиболее типичные случаи умышленного лишения жизни, не осложненные особыми обстоятельствами, повышающими либо понижающими степень общественной опасности деяния.

Непосредственным объектом простого убийства, равно как и иных видов такового (квалифицированного и привилегированного), является человеческая жизнь, право на которую в конституционном перечне прав человека занимает первое место (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ)². При этом жизнь рассматривается как биологическое состояние человеческого организма.

Объективная сторона простого убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, выражается в умышленном противоправном причинении смерти другому человеку³.

Признак противоправности при убийстве имеет существенное значение, поскольку при определенных обстоятельствах, например при необходимой обороне, умышленное причинение смерти посягающему лицу не образует состава преступления.

Общественно опасное деяние при убийстве может совершаться как в форме действия (составляет преобладающее число случаев), так и в форме бездействия. Последнее возможно только в том случае, когда на виновном лице лежала обязанность предотвращения смерти потерпевшего, однако он умышленно уклонился от исполнения таковой (например, мать, обязанная в силу закона заботиться о новорожденном ребенке, желая от него избавиться, перестала его кормить, что стало причиной его смерти).

Состав преступления по конструкции объективной стороны является материальным. Уголовная ответственность за оконченное преступление наступает лишь при наличии общественно опасного последствия (преступного результата), а поэтому обязательным признаком объективной стороны является причинно-следственная связь между деянием виновного и смертью потерпевшего⁴.

Причинно-следственная связь в составе убийства имеет уголовно-правовое значение лишь в том случае, если доказано, что именно деяние виновного явилось основной, решающей и непосредственной причиной наступления смерти потерпевшего. Сами по себе предшествующие смерти потерпевшего действия виновного либо их потенциальная опасность еще не свидетельствуют о наличии причинной связи. В ситуациях, когда смерть потерпевшего наступает в результате самостоятельных, не зависящих от виновного факторов, ответственность за оконченное убийство исключается.

Так, если причинение телесных повреждений создало угрозу жизни потерпевшего, однако его смерть наступила вследствие иных обстоятельств, то содеянное не может квалифицироваться как оконченное убийство. В подобных ситуациях при наличии прямого умысла возможна квалификация по правилам покушения на убийство (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ), в противном случае – по иным составам преступлений против личности, в зависимости от характера и направленности действий виновного, а также наступивших последствий.

Отсутствие причинной связи между действиями виновного лица и наступившей смертью также исключает квалификацию содеянного как покушение на убийство, если не установлено наличие прямого умысла на лишение жизни потерпевшего. В частности, если причиненные повреждения не представляли реальной опасности для жизни

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

² Языкова, М.С. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ // Форум молодых ученых. 2024. № 12–4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-105-uk-rf> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.

⁴ Базилевская, М.В. Проблемы квалификации простого убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств / М.В. Базилевская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 40 (487). – С. 167–169.

ни, а смерть потерпевшего наступила вследствие обострения хронического заболевания либо иных внешних причин (например, вследствие оказания медицинской помощи ненадлежащего качества), действия виновного подлежат оценке по уголовно-правовым нормам, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья.

Особую сложность для правоприменения представляют случаи, когда между деянием и смертью потерпевшего имеется временной разрыв либо наступление смерти обусловлено совокупностью факторов. Если судебно-медицинская экспертиза не позволяет достоверно установить, что именно действия виновного стали непосредственной причиной смерти потерпевшего, уголовная ответственность за оконченное убийство исключается. В таких ситуациях действует принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

В уголовно-правовой доктрине и судебной практике выработаны обязательные критерии установления причинной связи при убийстве. Она признается доказанной при одновременном наличии трех условий: во-первых, деяние виновного должно предшествовать смерти потерпевшего; во-вторых, оно должно объективно содержать реальную возможность наступления смерти (представлять реальную опасность для жизни); в-третьих, именно это деяние должно являться главной и определяющей причиной наступившего летального исхода.

В Кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2025 г. по делу № 9-УД24–22-К1¹ рассмотрена кассационная жалоба по уголовному делу, в рамках которого судебная экспертиза показала, что смерть наступила в результате заболевания потерпевшего – аневризмы основной артерии головного мозга. При этом действия подсудимого сами по себе обычно не приводят к смерти, в результате чего сделан вывод, что причиной смерти стало именно заболевание потерпевшего.

Судебная коллегия по уголовным делам обратила внимание на то, что судом не поставлен на обсуждение вопрос о том, могли ли причиненные именно ударом потерпевшего телесные повреждения повлечь смертельный исход при условии нормального строения сосудов головного мозга у потерпевшего. В настоящее время судом первой инстанции по делу назначена дополнительная судебная экспертиза.

Из вышеуказанного судебного акта следует, что при определении причинно-следственной связи и вины подсудимого в смерти потерпевшего, которая наступила в результате заболевания последнего, но по причине противоправных действий подсудимого, судам необходимо устанавливать, могло ли применимое подсудимым насилие стать причиной смерти потерпевшего, представляло ли оно реальную опасность для жизни при нормальном состоянии организма, а также мотивировать вывод о причинной связи с опорой на конкретные выводы судебной экспертизы, а не на общее предположение о «насильственном характере» действия подсудимого.

Субъектом простого, равно как и квалифицированного убийства является вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, характеризуется исключительно умышленной формой вины. Причинение смерти по неосторожности не образует состава убийства и подлежит квалификации по иным нормам уголовного закона, в частности по ст. 109 УК РФ. Таким образом, обязательным признаком субъективной стороны простого убийства является наличие у виновного умысла в отношении наступления смерти потерпевшего.

В теории и практике уголовного права традиционно выделяются два основных вида умысла – прямой и косвенный, каждый из которых может иметь место при совершении убийства. При прямом умысле лицо не только осознает общественно опасный характер своих действий, но и заранее допускает либо неизбежность, либо реальную возможность наступления смерти потерпевшего и внутренне стремится к такому результату. Иными словами, лишение жизни выступает для виновного желаемым итогом его поведения. Косвенный умысел, напротив, характеризуется отсутствием целенаправленного стремления к причинению смерти: виновный понимает опасность совершаемых действий, предвидит возможность летального исхода, однако не делает его своей целью, сознательно соглашаясь с его наступлением либо проявляя к нему безразличие.

Разграничение указанных форм умысла имеет принципиальное значение для правильной уголовно-правовой квалификации, особенно при оценке неоконченной преступной деятельности. В связи с этим установление характера и направленности умысла приобретает самостоятельное доказательственное значение и требует от суда и органов

предварительного расследования комплексной оценки всех обстоятельств дела, включая способ совершения преступления, поведение виновного до и после деяния, а также объективную опасность примененных средств и способов воздействия.

Так, согласно п. 58 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019) характер действий осужденного, использование им ножа и нанесение ранений потерпевшему, в том числе в область жизненно важных органов, свидетельствуют о наличии у виновного умысла на убийство, которое не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам².

В доктрине уголовного права наряду с прямым и косвенным умыслом выделяются и иные его разновидности, такие как заранее обдуманный и внезапно возникший, конкретизированный и неконкретизированный. Данные классификации имеют вспомогательное значение и направлены на более глубокое раскрытие особенностей психологического содержания отношения виновного к содеянному, однако самостоятельного юридического значения они не имеют и существуют в рамках теоретических концепций форм вины.

Разграничение внезапно возникшего и заранее обдуманного умысла осуществляется по критерию времени между его формированием и реализацией. В первом случае умысел возникает и реализуется практически одновременно с деянием, а во втором между его возникновением и исполнением проходит определенный промежуток времени. Вместе с тем уголовный закон не придает данному обстоятельству квалифицирующего значения, поскольку простое убийство признается таковым независимо от того, когда именно сформировалось намерение лишить жизни другого человека.

С точки зрения определенности предвидимых последствий выделяют конкретизированный (определенный) и неконкретизированный (неопределенный) умысел. При конкретизированном умысле виновный предвидит определенное последствие своего деяния – смерть потерпевшего и желает либо сознательно допускает его наступление.

Неконкретизированный умысел характеризуется тем, что лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не определяя их точный характер или степень тяжести. В подобных ситуациях квалификация содеянного осуществляется исходя из реально наступивших последствий, поскольку умысел виновного не был направлен непосредственно на причинение смерти³.

В судебной практике выработан ряд критериев, позволяющих сделать вывод о наличии у виновного прямого умысла на убийство. К их числу относятся выбор объективно опасного для жизни способа воздействия, наличие реальной возможности причинения смерти, а также осознанный и целенаправленный характер действий, выражающийся в их интенсивности, направленности и локализации. Совокупность данных обстоятельств позволяет суду установить, что виновный предвидел неизбежность смерти потерпевшего и, следовательно, желал ее наступления, независимо от заявления о противоположном.

Так, действия осужденной, совершенные после поджога и выраженные в том, что она приняла меры к вызову скорой помощи и пожарных, а также помогала тушить потерпевшего, признанные смягчающими наказание обстоятельствами, не могут свидетельствовать об отсутствии у С. умысла на убийство, поскольку осужденная выполнила все действия, направленные на убийство потерпевшего и составляющие объективную сторону этого преступления, и лишь после этого, согласно ее показаниям, «одумалась и пожалела, что так сделала» (п. 39 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025)⁴.

С учетом приведенной позиции Верховного Суда Российской Федерации при установлении направленности умысла судам надлежит в приоритетном порядке оценивать поведение подсудимого на стадиях приготовления и непосредственного совершения преступления, включая способ посягательства, характер примененного воздействия, его интенсивность, локализацию причиненных повреждений и иные обстоятельства, объективно свидетельствующие о направленности действий на причинение смерти.

Действия же, совершенные после завершения активной фазы преступного посягательства и направленные на минимизацию послед-

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2020.

³ Хиллута В.В. Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного видов умысла // Lex Russica. 2022. № 6 (187). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosti-kvalifikatsii-prestupleniy-pri-ustanovlenii-alternativnogo-i-neopredelennogo-vidov-umysla> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025).

¹ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2025 г. по делу № 9-УД24–22-К1 – URL: https://vsrf.ru/kl/practice/stor_pdf/2462756 (дата обращения 24.02.2026).

ствий, которые могут наступить, подлежат самостоятельной оценке. В частности, они могут учитываться при назначении наказания как обстоятельства, характеризующие личность виновного или его поведение после совершения преступления, однако сами по себе не являются безусловным доказательством отсутствия прямого или косвенного умысла на убийство. В каждом случае судам следует устанавливать действительные мотивы совершения таких действий и соотносить их с совокупностью доказательств, подтверждающих первоначальную направленность умысла. Такие действия могут быть обусловлены внутренним раскаянием, страхом ответственности либо иными причинами, в связи с чем не могут влиять на умысел.

Мотивы убийства при простом составе могут быть самыми различными и не оказывают влияния на квалификацию деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ, если не образуютотягчающих или смягчающих обстоятельств. Отсутствие установленного мотива само по себе не препятствует признанию убийства простым, поскольку уголовному праву известны случаи так называемых немотивированных убийств. Вместе с тем установление мотива имеет значение для индивидуализации наказания и исключения квалификации по специальным составам. Для простого убийства характерны мотивы, возникающие на почве личных неприязненных отношений, такие как месть, ненависть, ревность, а также умышленное причинение смерти из сострадания (эвтаназия) или в ходе конфликта¹.

Таким образом, объектом убийства признается жизнь человека. Объективная сторона состоит из деяния, посягающего на жизнь потерпевшего, в результате которого наступили общественно-опасные последствия в виде его смерти.

Субъективная сторона простого убийства характеризуется умышленной формой вины, а его субъектом может быть вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста.

Установление вида умысла, направленности психического отношения к наступлению смерти, особенностей мотивации, выбранного способа и характера физического воздействия на потерпевшего имеет принципиальное значение для правильной уголовно-правовой оценки содержания виновным и разграничения простого убийства от иных преступлений против жизни и здоровья.

Литература

1. Базилевская, М.В. Проблемы квалификации простого убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств / М.В. Базилевская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 40 (487). – С. 167–169.
2. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 мая 2025 г. по делу № 9-УД24–22-К1 – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2462756 (дата обращения 24.02.2026).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025) (ред. от 19.11.2025).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, апрель, 2020.
6. Станкевич К.К. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегированных обстоятельств // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2022. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-i-tseli-ubiystv-sovershennyh-bez-kvalifitsiruyuschih-i-privilegirovannyh-obstoyatelstv> (дата обращения: 12.02.2026).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

8. Хилjuta В.В. Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного видов умысла // Lex Russica. 2022. № 6 (187). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosti-kvalifikatsii-prestupleniy-pri-ustanovlenii-alternativnogo-i-neopredelennogo-vidov-umysla> (дата обращения: 12.02.2026).

9. Языкова, М.С. Уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ // Форум молодых ученых. 2024. № 12–4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-105-uk-rf> (дата обращения: 12.02.2026).

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ELEMENTS OF MURDER WITHOUT AGGRAVATING AND MITIGATING CIRCUMSTANCES

Rakov A.V., Visleneva K.Yu.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,

This article provides a comprehensive criminal law analysis of the objective and subjective elements of murder under Part 1 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author explores the characteristics of the target of the attack, the construction of the objective aspect of the crime, and the importance of causation as a mandatory property of the material element. Furthermore, the author examines the subjective elements of the act and their significance for classifying and distinguishing murder from related crimes against life. Particular attention is paid to the problems of establishing intent, assessing motives, and judicial criteria for determining the perpetrator's mental attitude toward the victim's death.

Keywords: simple murder, target of the crime, objective aspect, subject of the crime, subjective aspect.

References

1. Bazilevskaya, M.V. Problems of Qualification of Simple Murder without Mitigating and Aggravating Circumstances / M.V. Bazilevskaya. – Text: direct // Young Scientist. – 2023. – No. 40 (487). – Pp. 167–169.
2. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 20, 2025 in Case No. 9-UD24–22-K1 – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2462756 (date of access 02/24/2026).
3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 volumes (article by article) / A.V. Brilliantov, A.V. Galakhova, V.A. Davydov et al.; ed. V.M. Lebedev. Moscow: Yurait, 2017. Vol. 2: Special Part. Sections VII–VIII. 371 p.
4. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025) (as amended on November 19, 2025).
5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2019) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 27, 2019) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 4, April 2020.
6. Stankevich K.K. Motives and Purposes of Murders Committed without Qualifying and Privileged Circumstances // Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2022. No. 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-i-tseli-ubiystv-sovershennyh-bez-kvalifitsiruyuschih-i-privilegirovannyh-obstoyatelstv> (date of access: 12.02.2026).
7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.
8. Khilyuta V.V. Difficulties in Qualifying Crimes When Establishing Alternative and Unspecified Types of Intent // Lex Russica. 2022. No. 6 (187). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnosti-kvalifikatsii-prestupleniy-pri-ustanovlenii-alternativnogo-i-neopredelennogo-vidov-umysla> (date of access: 12.02.2026).
9. Yazykova, M.S. Criminal-legal analysis of the elements of the crime provided for by Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation // Forum of young scientists. 2024. No. 12–4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-st-105-uk-rf> (date of access: 12.02.2026).

¹ Станкевич К.К. Мотивы и цели убийств, совершенных без квалифицирующих и привилегированных обстоятельств // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2022. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-i-tseli-ubiystv-sovershennyh-bez-kvalifitsiruyuschih-i-privilegirovannyh-obstoyatelstv> (дата обращения: 12.02.2026).

Савельева Елена Валерьевна,

магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: lenasavelieva19461@gmail.com

Хусаинов Зуфар Фаатович,

д.ю.н., доцент кафедры конституционного

и административного права, КФУ

E-mail: Zufar.Hysainov@ksu.ru

Статья посвящена анализу налогообложения криптовалют в Европейском Союзе (ЕС) в контексте взаимодействия между общеевропейским регулированием, представленным Регламентом о рынках криптоактивов (MiCA), и национальными налоговыми законодательствами. Авторы исследуют текущее состояние рынка криптовалют в ЕС, подчеркивая его значительный рост и экономическую важность. В работе подробно рассмотрены ключевые положения MiCA, включая классификацию криптоактивов и исключение налогообложения из его сферы действия. Особое внимание уделено сравнительному анализу национальных подходов к налогообложению криптовалют в Германии, Франции, Испании и Италии, выявляя различия в классификации активов, налоговых ставках и льготах. Статья также освещает проблемы взаимодействия между общеевропейским и национальным регулированием, такие как противоречия в классификации, риск двойного налогообложения и пробелы в законодательстве.

Ключевые слова: криптовалюты, налогообложение, Европейский Союз, MiCA, национальное регулирование, двойное налогообложение, гармонизация, цифровые активы, фискальная политика.

Рынок криптовалют в Европейском Союзе (далее по тексту – ЕС) демонстрирует устойчивую динамику роста, что подчеркивает возрастающую актуальность вопросов правового регулирования и налогообложения цифровых активов в условиях их интеграции в экономические системы. Согласно аналитическим данным IMARC Group, в 2024 году объем европейского рынка криптовалют достиг 14,9 млрд долларов США, а к 2033 году прогнозируется его увеличение до 27,6 млрд долларов при среднегодовом темпе роста (CAGR) 14,94% в период с 2025 по 2033 год [8]. Параллельно, по оценкам Statista, количество пользователей криптовалют в ЕС превышает 218 миллионов человек, что эквивалентно 25,9% от общей численности населения региона [9]. Эти показатели свидетельствуют о значительном проникновении криптовалют в повседневную жизнь европейцев и подчеркивают необходимость разработки унифицированных и прозрачных механизмов регулирования и фискального контроля, способных одновременно учитывать инновационный потенциал цифровых активов и обеспечивать стабильность финансовых систем.

Налогообложение криптовалют в ЕС выполняет ряд ключевых функций: оно способствует поддержанию справедливости налоговой системы, предотвращает уклонение от уплаты налогов, а также обеспечивает интеграцию криптоактивов в формальную экономику, позволяя государствам-членам получать дополнительные доходы для финансирования социальных программ, инфраструктуры и других общественных нужд. Однако реализация налоговых мер в отношении криптовалют сталкивается с рядом вызовов, обусловленных сложным взаимодействием между общеевропейским регулированием, представленным Регламентом о рынках криптоактивов (далее по тексту – MiCA) [1], и национальными законодательными подходами. MiCA, принятый Европейским парламентом 20 апреля 2023 года и опубликованный в Официальном журнале ЕС 9 июня 2023 года (Регламент (ЕС) 2023/1114) [2], направлен на создание гармонизированной регуляторной среды для криптоактивов в масштабах Союза, однако вопросы налогообложения остаются за пределами его компетенции, что закреплено в статье 3(1)(f) данного акта [2, с. 2]. Это обстоятельство делегирует ответственность за налоговую политику национальным органам, порождая разнообразие подходов и создавая дополнительные сложности для налогоплательщиков, регуляторов и участников криптоиндустрии. В настоящем исследовании мы подробно проанализируем текущее состояние рынка криптовалют в ЕС, ключевые положения MiCA, особенности национального налогового регулирования в Германии, Франции, Испании и Италии, а также проблемные аспекты взаимодействия между общеевропейским и национальным уровнями законодательства.

MiCA представляет собой один из наиболее амбициозных нормативных актов ЕС в области цифровых финансов, вступивший в силу 29 июня 2023 года, с поэтапным введением положений: регулирование токенов, привязанных к активам (ARTs), и электронных денежных токенов (EMTs) началось с 30 июня 2024 года, тогда как полное применение большинства норм запланировано на 30 декабря 2024 года [10]. Основной целью регламента является формирование единой правовой базы для эмиссии, обращения и предоставления услуг, связанных с криптоактивами, что направлено на защиту прав потребителей, обеспечение целостности рынка и поддержание финансовой стабильности. MiCA вводит строгую классификацию криптоактивов, разделяя их на три категории: ARTs (токены, обеспеченные активами), EMTs (токены, эквивалентные электронным деньгам) и прочие криптоактивы (OCA), что определяет применимые к ним регуляторные требования, включая обязательства по прозрачности и отчетности [1]. Провайдеры услуг, связанных с криптоактивами (CASPs), обязаны получать авторизацию от национальных компетентных органов и соответствовать жестким операционным стандартам, а значимые ARTs и EMTs подпадают под дополнительный надзор при превышении установленных пороговых объемов эмиссии [11]. Эмитенты обязаны публиковать детализированные белые книги и предоставлять регулярные отчеты, что повышает уровень информированности инвесторов, а меры по предотвращению манипуляций рынком и инсайдерской торговли, закрепленные в статьях 86–91 MiCA, усиливают доверие к криптоактивам как к легитимному финансовому инструменту [12, с. 4]. Однако, несмотря на всеобъемлющий характер регламента, его сфера действия исключает налогообложение, что прямо указано в статье 3(1)(f), оставляя государствам-членам свободу в определении фискальных правил [13, с. 1].

Отсутствие унифицированного подхода к налогообложению в рамках MiCA приводит к тому, что налоговый режим криптовалют в ЕС формируется на основе национальных законодательств, демонстрирующих значительные различия. Рассмотрим этот аспект на примере четырех крупнейших экономик Союза: Германии, Франции, Испании и Италии.

В Германии криптовалюты классифицируются как частные активы в соответствии с положениями Закона о подоходном налоге (Einkommensteuergesetz, EStG) [3], в частности, § 23, который регулирует налогообложение прибыли от продажи имущества [14]. Доходы от реализации криптовалют, удерживаемых менее одного года, облагаются подоходным налогом по прогрессивной ставке от 0% до 45% в зависимости от совокупного дохода налогоплательщика, однако при сроке владения свыше года такие доходы освобождаются от налогообложения, что делает Германию привлекательной юрисдикцией для долгосрочных инвесторов [14]. С апреля 2022 года Федеральное министерство финансов (BMF) сократило период владения для освобождения доходов от стейкинга и лендинга с десяти лет до одного года (BMF-Schreiben vom 10.05.2022), что отражает адаптацию налоговой политики к новым реалиям крипторынка [15]. Эйдропы, в свою очередь, рассматриваются как прочий доход и подлежат налогообложению согласно § 22 EStG [14].

Во Франции криптовалюты классифицируются как движимое имущество на основании статьи 150 Общего налогового кодекса (Code Général des Impôts, CGI) [4], а капитальный прирост от их продажи облагается фиксированной ставкой 30%, включающей 12,8% подоходного налога и 17,2% социальных отчислений [16]. С 1 января 2023 года налогоплательщики получили право выбора между фиксированной ставкой и прогрессивной шкалой (0%–45%), что закреплено в Законе о финансах на 2023 год (Loi de finances 2023, № 2022–1726) [16]. Транзакции между криптовалютами освобождены от налогообложения, однако конвертация в фиат или использование для оплаты товаров и услуг влечет налоговые обязательства. Кроме того, криптоактивы могут учитываться при расчете налога на богатство, ставки которого варьируются в зависимости от региона [16].

В Испании криптовалюты рассматриваются как цифровые активы в рамках Закона о подоходном налоге (Ley del Impuesto sobre la Renta de las Personas Físicas, IRPF) [5], а капитальный прирост облагается налогом на сберегательный доход по ставкам от 19% до 28% в зависимости от суммы дохода [17]. Региональный налог на богатство (Impuesto sobre el Patrimonio) с диапазоном ставок от 0,2% до 3,45% также применим к криптоактивам, а доходы от майнинга классифицируются как предпринимательская деятельность, регулируемая статьей 27 IRPF [17]. Закон 11/2021 от 9 июля 2021 года обязывает декларировать зарубежные криптоактивы стоимостью свыше 50 000 евро, что усиливает контроль за трансграничными операциями [6].

В Италии налогообложение криптовалют регулируется Декретом-законом № 131/1986 и Законом о бюджете на 2025 год (Legge di Bilancio 2025, № 207/2024) [7], где капитальный прирост классифицируется как «разнообразный доход» (redditi diversi) и облагается ставкой 26% при превышении порога в 2000 евро [18]. С 1 января 2026 года эта ставка возрастет до 33%, однако налогоплательщики могут альтернативно уплатить 14% от общей стоимости криптоактивов на начало года, что предусмотрено статьей 1, пунктом 131 Закона о бюджете [18]. Конвертации между криптовалютами и стейблкоинами пока остаются налогово нейтральными, хотя этот аспект может быть пересмотрен в контексте гармонизации с MiCA [19].

Разнообразие национальных подходов порождает ряд проблем взаимодействия с общеевропейским регулированием. Во-первых, классификация криптоактивов в MiCA не всегда коррелирует с их налоговой интерпретацией на национальном уровне, что создает правовую неопределенность для налогоплательщиков и затрудняет единообразное применение норм [13]. Во-вторых, отсутствие фискальной гармонизации повышает риск двойного налогообложения при трансграничных операциях, особенно в условиях различных подходов к определению налоговой базы и момента возникновения налогового события. Директива ЕС о сотрудничестве в административных вопросах (DAC8, Директива (ЕС) 2023/2226) направлена на улучшение обмена налоговой информацией, однако ее практическая эффективность пока ограничена [20].

В заключение следует отметить, что MiCA представляет собой значительный шаг в направлении унификации регулирования криптоактивов в ЕС, однако исключение налогообложения из его сферы действия сохраняет фрагментацию фискальных подходов на национальном уровне. Это разнообразие создает вызовы для налогоплательщиков, регуляторов и криптоиндустрии, подчеркивая потребность в дальнейшем сближении налоговых политик и разработке механизмов, способ-

ных устранить правовые пробелы и обеспечить баланс между инновациями и стабильностью.

Литература

1. European crypto-assets regulation (MiCA) // Сайт EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1114> (дата обращения: 25.04.2025).
2. Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31 мая 2023 года о рынках криптоактивов // Официальный журнал Европейского Союза. – L 150. – 09.06.2023.
3. Федеральный закон ФРГ о подоходном налоге (Einkommensteuergesetz, EStG) от 8 октября 2009 г. // Bundesgesetzblatt. – 2009. – Teil I. – S. 3366.
4. Общий налоговый кодекс Франции (Code Général des Impôts, CGI) // Официальный журнал Французской Республики (Journal Officiel de la République Française).
5. Закон Испании о налоге на доходы физических лиц (Ley 35/2006, de 28 de noviembre, del Impuesto sobre la Renta de las Personas Físicas) от 28 ноября 2006 г. // Boletín Oficial del Estado. – 2006. – Núm. 285. – 29 de noviembre de 2006.
6. Закон Испании 11/2021 от 9 июля 2021 г. о мерах по предотвращению и борьбе с налоговым мошенничеством (Ley 11/2021, de 9 de julio, de medidas de prevención y lucha contra el fraude fiscal) // Boletín Oficial del Estado. – 2021. – Núm. 164. – 10 de julio de 2021.
7. Закон Италии о бюджете на 2025 год (Legge 30 dicembre 2024, n. 207, Bilancio di previsione dello Stato per l'anno finanziario 2025 e bilancio pluriennale per il triennio 2025–2027) от 30 декабря 2024 г. // Gazzetta Ufficiale. – 2024. – N. 304. – 31 декабря 2024.
8. IMARC Group. Europe Cryptocurrency Market Size and Share Analysis 2033 // Сайт IMARC Group. URL: <https://www.imarcgroup.com/europe-cryptocurrency-market> (дата обращения: 25.04.2025).
9. Statista. Cryptocurrencies – Europe // Statista Market Forecast. URL: <https://www.statista.com/outlook/fmo/digital-assets/cryptocurrencies/europe> (дата обращения: 25.04.2025).
10. Norton Rose Fulbright. Regulating crypto-assets in Europe: Practical guide to MiCA // Сайт Norton Rose Fulbright. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/2cec201e> (дата обращения: 25.04.2025).
11. ESMA. Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) // Сайт ESMA. URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/mica> (дата обращения: 25.04.2025).
12. Consilium. Digital finance: agreement reached on European crypto-assets regulation (MiCA) // Сайт Европейского совета. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/30/> (дата обращения: 25.04.2025).
13. LegalNodes. The EU Markets in Crypto-Assets (MiCA) Regulation Explained // Сайт LegalNodes. URL: <https://legalnodes.com/article/mica-regulation-explained> (дата обращения: 25.04.2025).
14. Koinly. Crypto Tax Guide Germany 2025 // Сайт Koinly. URL: <https://koinly.io/guides/crypto-tax-germany/> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Blockpit. Crypto Taxes in Germany: Complete Guide [2025] // Сайт Blockpit. URL: <https://www.blockpit.io/tax-guides/crypto-tax-germany> (дата обращения: 25.04.2025).
16. Divly. Guide to Cryptocurrency Taxation in France (2023) // Сайт Divly. URL: <https://divly.com/en/guides/france-cryptocurrency-tax-guide> (дата обращения: 25.04.2025).
17. TaxDown. Cryptocurrency Taxes in Spain 2025 // Сайт TaxDown. URL: <https://taxdown.es/foreigners-spain-income-tax-returns/cryptocurrency-taxes-in-spain/> (дата обращения: 25.04.2025).
18. TokenTax. The Essential Guide to Crypto Tax in Italy for 2025 // Сайт TokenTax. URL: <https://tokentax.co/blog/crypto-tax-italy> (дата обращения: 25.04.2025).
19. Koinly. Italy Crypto Tax Guide 2025: How Much Will You Pay? // Сайт Koinly. URL: <https://koinly.io/guides/crypto-tax-italy/> (дата обращения: 25.04.2025).
20. International Tax Review. Impact of the MiCA proposal on the taxation of crypto-assets within the EU // Сайт International Tax Review. URL: <https://www.internationaltaxreview.com/article/2a6a9z41xb9ag7b1rdyps> (дата обращения: 25.04.2025).

TAXATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE EUROPEAN UNION: MICA AND NATIONAL LEGAL NORMS

Savelyeva E.V., Khusainov Z.F.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is dedicated to the analysis of cryptocurrency taxation in the European Union (EU) in the context of the interaction between the pan-European regulation, represented by

the Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA), and national tax legislations. The authors examine the current state of the cryptocurrency market in the EU, highlighting its significant growth and economic importance. The paper provides a detailed overview of the key provisions of MiCA, including the classification of crypto-assets and the exclusion of taxation from its scope. Particular attention is paid to a comparative analysis of national approaches to cryptocurrency taxation in Germany, France, Spain, and Italy, revealing differences in asset classification, tax rates, and benefits. The article also addresses the challenges of interaction between pan-European and national regulation, such as contradictions in classification, the risk of double taxation, and legislative.

Keywords: cryptocurrencies, taxation, European Union, MiCA, national regulation, double taxation, harmonization, digital assets, fiscal policy.

References

1. European crypto-assets regulation (MiCA) // EUR-Lex website. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023R1114> (accessed: 25.04.2025).
2. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets // Official Journal of the European Union. – L 150. – 09.06.2023.
3. Federal Income Tax Act (Einkommensteuergesetz, EStG) of 8 October 2009 // Bundesgesetzblatt. – 2009. – Teil I. – S. 3366.
4. General Tax Code of France (Code Général des Impôts, CGI) // Official Journal of the French Republic (Journal Officiel de la République Française).
5. Spanish Personal Income Tax Law (Ley 35/2006, de 28 de noviembre, del Impuesto sobre la Renta de las Personas Físicas) of 28 November 2006 // Boletín Oficial del Estado. – 2006. – Núm. 285. – 29 de noviembre de 2006.
6. Spanish Law 11/2021 of 9 July 2021 on measures to prevent and combat tax fraud (Ley 11/2021, de 9 de julio, de medidas de prevención y lucha contra el fraude fiscal) // Boletín Oficial del Estado. – 2021. – Núm. 164. – 10 de July de 2021.
7. Italian Budget Law for 2025 (Legge of 30 December 2024, No. 207, Budgetary Regulations for the 2025 Financial Year and the 2025–2027 Budget Law) of 30 December 2024 // Gazzetta Ufficiale. – 2024. – No. 304. – 31 December 2024.
8. IMARC Group. Europe Cryptocurrency Market Size and Share Analysis 2033 // IMARC Group website. URL: <https://www.imarcgroup.com/europe-cryptocurrency-market> (accessed: 25.04.2025).
9. Statista. Cryptocurrencies – Europe // Statista Market Forecast. URL: <https://www.statista.com/outlook/fmo/digital-assets/cryptocurrencies/europe> (date of access: 25.04.2025).
10. Norton Rose Fulbright. Regulating crypto-assets in Europe: Practical guide to MiCA // Norton Rose Fulbright website. URL: <https://www.nortonrosefulbright.com/en/knowledge/publications/2cec201e> (date of access: 25.04.2025).
11. ESMA. Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) // ESMA website. URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/mica> (date of access: 25.04.2025).
12. Consilium. Digital finance: agreement reached on European crypto-assets regulation (MiCA) // European Council website. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/30/> (accessed on 25 April 2025).
13. LegalNodes. The EU Markets in Crypto-Assets (MiCA) Regulation Explained // LegalNodes website. URL: <https://legalnodes.com/article/mica-regulation-explained> (accessed on 25 April 2025).
14. Koinly. Crypto Tax Guide Germany 2025 // Koinly website. URL: <https://koinly.io/guides/crypto-tax-germany/> (accessed on 25 April 2025).
15. Blockpit. Crypto Taxes in Germany: Complete Guide [2025] // Blockpit website. URL: <https://www.blockpit.io/tax-guides/crypto-tax-germany> (accessed on April 25, 2025).
16. Divly. Guide to Cryptocurrency Taxation in France (2023) // Divly website. URL: <https://divly.com/en/guides/france-cryptocurrency-tax-guide> (accessed on April 25, 2025).
17. TaxDown. Cryptocurrency Taxes in Spain 2025 // TaxDown website. URL: <https://taxdown.es/foreigners-spain-income-tax-returns/cryptocurrency-taxes-in-spain/> (accessed on April 25, 2025).
18. TokenTax. The Essential Guide to Crypto Tax in Italy for 2025 // TokenTax website. URL: <https://tokentax.co/blog/crypto-tax-italy> (date of access: April 25, 2025).
19. Koinly. Italy Crypto Tax Guide 2025: How Much Will You Pay? // Koinly website. URL: <https://koinly.io/guides/crypto-tax-italy/> (date of access: April 25, 2025).
20. International Tax Review. Impact of the MiCA proposal on the taxation of crypto-assets within the EU // International Tax Review website. URL: <https://www.international-taxreview.com/article/2a6a9z41xb9ag7b1rdyps> (date of access: April 25, 2025).

Тышер Владимир Вальдемарович,

кандидат военных наук, декан Российской государственной
академии интеллектуальной собственности

E-mail: v.tysheer@rgiis.ru

Развитие технологического пространства в евразийском регионе заметно тормозится институциональной асимметрией. В то время, как охрана изобретений и промышленных образцов давно выведена на наднациональный уровень, полезные модели до сих пор требуют затратного параллельного патентования в каждой отдельной юрисдикции. Анонсированная Евразийским патентным ведомством концепция нового инструмента переводит эту проблему из плоскости долгих теоретических дискуссий в стадию активного нормотворчества. Этим и предопределяется актуальность превентивной научной оценки предлагаемых механизмов. Цель заключается в комплексной характеристике евразийской полезной модели как будущего регионального объекта промышленной собственности, включая анализ её правовой природы и доказательство экономической рентабельности. Резюмировано, что региональный механизм защиты «малых изобретений» обладает высоким экономическим потенциалом; он способен многократно сократить транзакционные барьеры на едином рынке. Впрочем, его успешная реализация, по-видимому, возможна лишь при отказе от попыток мгновенной всеобъемлющей унификации в пользу базовых, компромиссных решений. Авторский вклад состоит в структурировании прямых и косвенных макроэкономических эффектов от запуска системы, а также в формулировании пакета предложений для готовящегося Протокола к ЕАПК. Сформулированные идеи и выводы будут концептуально полезны разработчикам интеграционного законодательства, сотрудникам национальных ведомств, которые принимают участие в переговорном процессе. С практической точки зрения, статья представляет интерес для патентных поверенных, инвесторов, корпоративных менеджеров.

Ключевые слова: гармонизация патентного права; евразийская полезная модель; интеллектуальная собственность; промышленная собственность; региональная патентная система; транзакционные издержки

Введение

Интеллектуальная собственность давно вышла за границы сугубо правовой категории. В современных реалиях она представляет собой один из ключевых экономических ресурсов, определяющих конкурентоспособность (от уровня отдельного предприятия до национальной экономики). Среди объектов промышленной собственности особое место занимает полезная модель – так называемое «малое изобретение», которое отличается менее строгими условиями охраноспособности и значительно более оперативной процедурой регистрации. Именно этот инструмент нередко оказывается наиболее востребованным для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также исследовательских коллективов, нуждающихся в оперативной и относительно недорогой защите технических решений.

На евразийском пространстве правовая охрана объектов промышленной собственности в рамках единого регионального механизма осуществляется посредством Евразийской патентной организации (ЕАПО). Она была учреждена Евразийской патентной конвенцией (ЕАПК) в 1994 году. Вместе с тем, исторически сложилось так, что региональный механизм в Евразии охватывал лишь изобретения. А полезные модели по-прежнему охранялись исключительно в национальных рамках. Подобная асимметрия снижает эффективность интеллектуально-правовой инфраструктуры интеграции, порождая дополнительные транзакционные издержки для участников общего рынка.

В последние годы ситуация начала меняться. Была развернута масштабная работа по обоснованию евразийской системы правовой охраны полезных моделей. В июне 2024 года публично представлена соответствующая концепция [10]. Всё это придаёт вопросу о правовой природе характеризуемой полезной модели практическую нормотворческую актуальность.

Материалы и методы

Анализ изученных при подготовке статьи источников показывает, что исследование евразийской полезной модели осуществляется, прежде всего, в рамках сравнительно-правового, институционального, доктринального подходов (с опорой на элементы экономико-правового анализа). Так, Р. Баймурзина и С. Зуйков используют разъяснительно-доктринальный и компаративный ракурсы при разграничении правового режима изобретения и характеризуемой модели в различных юрисдикциях [1, 3]. Д.В. Гвоздев и А. Чебан рассматривают евразийскую систему охраны анализируемых объектов сквозь призму интеграционных процессов, институционального развития ЕАПО [2, 10]. Г.К. Кожамметова применяет сравнительно-правовой анализ критериев патентоспособности в рамках региональных организаций интеллектуальной собственности [5], а В.А. Мещеряков, А.В. Курман исследуют преимущества и риски функционирования евразийской модели, используя проблемно-аналитический подход [7, 8]. В.А. Рябоволов обосновывает перспективы создания региональной системы охраны через институционально-правовую аргументацию [9]. Публичные заявления и статистические материалы [4, 6] формируют эмпирическую базу, которая отражает динамику заявочной активности и стратегическое значение права ИС для инновационного развития.

Выбор указанных выше публикаций аргументируется их прямой релевантностью теме, сочетанием теоретических концепций и практических аспектов функционирования евразийской патентной системы, а также возможностью оценки интеграционного потенциала института полезной модели. Между тем, в литературе выявляются пробелы, которые сопряжены с недостаточной разработанностью единых критериев правовой охраны, ограниченным анализом судебной практики, отсутствием комплексной оценки экономической эффективности нового механизма защиты.

В данной статье применены сравнительно-правовой, формально-юридический, системный методы; анализ статистических данных; обобщение. Это обусловлено необходимостью комплексного осмысления евразийской полезной модели как самостоятельного объекта интеллектуальной собственности в контексте региональной интеграции и развития инновационной экономики.

Результаты и обсуждение

Полезная модель как объект права промышленной собственности традиционно определяется как техническое решение, по своей сути сходное

с изобретением [2, 5]. Однако оно отличается менее строгими условиями выдачи охранного документа. Возможность охраны технического решения в качестве полезной модели была закреплена в Парижской конвенции 1883 года. А в национальном законодательстве данный объект впервые появился в Германии в 1891 году. По состоянию на 2023 год лишь 97 из 192 государств мира предусматривали в своём законодательстве охрану анализируемых объектов [3]. Это указывает на значительную правовую неоднородность в исследуемой сфере.

Существо полезной модели определяется, в первую очередь, её ключевыми отличиями от изобретения. К ней, как правило, не применяется критерий изобретательского уровня: для получения охраны достаточно доказать новизну, промышленную применимость. Вследствие этого, процедура патентования существенно упрощается. В среднем, срок получения охранного документа составляет 6–9 месяцев против 2–3 лет для изобретения. Обратной стороной такой доступности является сокращённый срок правовой охраны – в основном, 10 лет против 20 для изобретения. С экономической точки зрения, полезная модель выполняет важную функцию снижения барьеров для входа на рынок защиты технических решений [1, 7–9].

Евразийская патентная организация была учреждена в 1994 году на основании ЕАПК, подписанной восемью государствами постсоветского пространства: Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном, Туркменистаном. По своей международно-правовой природе ЕАПО является самостоятельным субъектом международного права. Евразийское патентное ведомство выполняет все административные функции организации. Оно обладает статусом юридического лица. Изначально евразийская система была ориентирована исключительно на охрану изобретений.

Постепенно сфера деятельности ЕАПО расширялась. В 2019 году был принят Протокол об охране промышленных образцов к ЕАПК, однако полезная модель по-прежнему оставалась «белым пятном» региональной системы. Динамика заявочной активности в рамках ЕАПО при этом демонстрирует устойчивый рост. Так, в 2024 году было выдано 2908 патентов на изобретения, а общее число поданных заявок составило 3252 (на 18% больше, чем в 2023 году). Наибольшей активностью отличается Россия, объективно заинтересованная в охране, действующей одновременно на рынках нескольких государств-партнёров [6]. Именно эта потребность и придаёт практический смысл проекту характеризуемой модели.

Несмотря на то, что все государства – участники ЕАПК предусматривают охрану полезных моделей в национальном праве, соответствующие системы существенно расходятся по ряду ключевых параметров (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика национальных систем охраны полезных моделей в странах – участницах ЕАПК

Государство	Охраняемые объекты	Критерии патентоспособности	Экспертиза по существу	Срок действия
Россия	Устройство	Новизна, промышленная применимость	Не проводится	10 лет
Беларусь				5 + 3 года
Казахстан				10 лет
Кыргызстан				
Армения				
Азербайджан	Устройство, вещество			5 + 3 года
Таджикистан				
Туркменистан	Устройство		Формальная	10 лет

Составлено на основе [2, 5, 7–9]

Как следует из приведённых данных, государства обнаруживают значительное сходство в части отсутствия экспертизы по существу и перечня охраняемых объектов. Между тем, они расходятся в вопросах срока действия патента. По-видимому, именно Россия и Казахстан станут основными пользователями будущей региональной системы. В сравнении с мировым опытом, ситуация выглядит несколько архаично: африканские организации ARIPO и OAPI уже располагают инструментами охраны полезных моделей на региональном уровне. А ЕАПО оказывается в ряду немногих крупных региональных организаций, которые не имеют собственного механизма такой охраны.

Концепция создания евразийской системы правовой охраны полезных моделей, представленная в 2024 году, опирается на разработку специального Протокола к ЕАПК. Согласно предлагаемой схеме, анализируемая модель должна представлять собой самостоятельный объект интеллектуальной собственности регионального уровня, который охраняется единым документом, действующим одновременно на территории всех государств-участников. В части условий патентоспособности проект воспроизводит сложившуюся практику: критериями предлагается считать новизну и промышленную применимость без обязательной проверки изобретательского уровня. Вместе с тем, ряд ключевых вопросов (в частности, механизм признания патента недействительным, порядок взаимодействия с национальными патентами, соотношение региональных и национальных уровней охраны) по-прежнему остаётся дискуссионным [10].

Введение евразийского патента на полезную модель способно генерировать комплекс взаимосвязанных экономических эффектов. Они систематизированы в таблице 2.

Таблица 2. Экономические эффекты введения евразийской полезной модели

Группа эффектов	Характер	Целевые субъекты	Ожидаемый результат
Снижение транзакционных издержек	Прямой	Заявители (МСП, вузы, НИИ)	Сокращение расходов на патентование в 2–3 раза
Рост заявочной активности		Резиденты стран – участниц ЕАПК	Расширение объёма охраняемых технических решений
Дополнительные доходы бюджетов		Государства – участницы ЕАПК	Поступления от распределения пошлин ЕАПВ
Гармонизация правовых стандартов	Косвенный	Национальные правовые системы	Унификация требований патентоспособности
Стимулирование инноваций		Инновационная экосистема	Рост числа зарегистрированных решений
Снижение барьеров для торговли		Участники общего рынка ЕАЭС	Устранение асимметрий в сфере прав ИС

Составлено на основе [4, 8, 9]

Пять из восьми государств – участников ЕАПК одновременно являются членами ЕАЭС. Это создаёт институциональный базис для взаимодействия обеих организаций. Единый охранный документ на полезную модель, действующий на территории стран ЕАЭС, напрямую будет способствовать устранению технических барьеров для торговли. Даже консервативный прогноз (около 10–15% национальных заявителей переориентируются на региональную процедуру [4]) означает устойчивый ежегодный заявочный поток в несколько сотен единиц; с учётом потенциального интереса зарубежных заявителей реальная цифра может оказаться значительно выше.

На основе проведённого анализа представляется целесообразным сформулировать ряд рекомендаций, которые ориентированы на практику разработки Протокола к ЕАПК.

Так, при определении перечня охраняемых объектов предлагается ограничиться устройствами, как это сделано в большинстве стран – участниц ЕАПК и в ведущих мировых системах охраны полезных моделей. Включение способов и веществ в первоначальную редакцию Протокола способно осложнить переговорный процесс. А опыт ARIPO показывает: расширенный перечень объектов может быть введён впоследствии поправками к основному документу. Данный подход решает проблему достижения консенсуса и ускоряет принятие самого инструмента.

Критерии патентоспособности следует унифицировать на минимально достаточном уровне – новизна и промышленная применимость без проверки изобретательского уровня. Однако нужно обязательно предусмотреть механизм оспаривания выданного патента по мотивам несоответствия критерию новизны. Это поможет предотвратить злоупотребления и обеспечить правовую определённость для третьих лиц, что принципиально значимо для инвестиционной привлекательности охраняемых разработок.

В части соотношения евразийского и национального патентов необходимо закрепить принцип, аналогичный действующему в ЕАПК применительно к изобретениям: евразийский патент на полезную модель должен иметь в каждом государстве-участнике ту же юридическую силу, что и национальный. Благодаря этому исключится возмож-

ность формирования двойного режима охраны, который порождает коллизии в правоприменительной практике.

Рекомендуется предусмотреть механизмы преобразования евразийской заявки на полезную модель в заявку на изобретение (и наоборот), а также в совокупность национальных заявок в случае отказа в выдаче евразийского патента. Подобный инструмент в действующей ЕАПК отсутствует. А опыт ARIPO доказал его эффективность с точки зрения защиты прав заявителей. Данная рекомендация нова именно для евразийской практики. Она нацелена на смягчение рисков утраты охраны при процедурных трудностях.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что евразийская полезная модель представляет собой перспективный и правовым образом обоснованный объект интеллектуальной собственности регионального уровня. Его формирование отвечает как логике евразийской интеграции, так и объективным потребностям инновационного рынка.

С правовой точки зрения, рассматриваемый объект занимает промежуточное положение между национальным патентом и евразийским патентом на изобретение. Его принципиальное отличие от уже существующих объектов охраны – менее строгие критерии патентоспособности и значительно более оперативная процедура регистрации. Это расширяет круг потенциальных пользователей системы и делает её доступной для субъектов с ограниченными ресурсами.

С экономической позиции, введение евразийского патента на полезную модель способно дать ощутимый эффект сразу по нескольким векторам. Прежде всего, оно снизит транзакционные издержки для заявителей, вынужденных в настоящее время прибегать к параллельному национальному патентованию в нескольких государствах. Далее, будет содействовать росту числа охраняемых технических решений на общем рынке, повышая правовую определённость в трансграничной торговле. Наконец, создаст дополнительный источник доходов для ЕАПВ и государственных бюджетов.

Сравнительный анализ национальных систем охраны показывает, что, невзирая на отдельные различия, базовые параметры охраны в государствах – участниках ЕАПК в целом сопоставимы. В итоге создаётся благоприятная почва для гармонизации. Одновременно с этим, сохраняющиеся расхождения в сроках действия патентов требуют выработки взаимоприемлемых решений в ходе переговоров.

Перспективным направлением дальнейших изысканий представляется количественная оценка ожидаемого спроса на евразийские патенты на полезную модель, а также анализ возможных стратегий управления интеллектуальной собственностью для российских субъектов инновационной деятельности в реалиях функционирования новой региональной системы.

Литература

1. Баймурзина Р. Полезная модель и изобретение: в чем разница? // URL: <https://ezybrand.ru/blog/poleznaya-model-i-izobretenie-v-chem-raznitsa/> (дата обращения: 27.02.2026).
2. Гвоздев Д. В. Евразийский патент на полезную модель как фактор дальнейшего развития евразийской интеграции // Актуальные проблемы науки и практики. – 2023. – № 2 (31). – С. 37–42.
3. Зуйков С. В каких странах есть полезные модели и что возможно защитить в качестве полезной модели // URL: <https://zuykov.com/about/articles/v-kakih-stranah-est-poleznye-modeli-i-chto-vozmozho/> (дата обращения: 27.02.2026).
4. Ивлиев: право ИС – одна из фундаментальных основ развития инноваций // URL: <https://rapsinews.ru/publications/20240726/310131993.html> (дата обращения: 27.02.2026).
5. Кожухметова Г. К. Патентоспособность изобретений и полезных моделей в соответствии с законодательством региональных организаций интеллектуальной собственности // Юридическая наука. – 2025. – № 9. – С. 549–558.
6. Количество евразийских заявок на изобретения из стран Евразии выросло на 18% в 2024 году // URL: <https://www.eapo.org/earp-news/kolichestvo-evrazijskih-zayavok-na-izobreteniya-iz-stran-evrazii-vyroslo-na-18-v-2024-godu/> (дата обращения: 27.02.2026).

7. Курман А. В. Перспективы востребованности функционирования евразийской системы правовой охраны полезных моделей // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2023. – № 4. – С. 40–46.

8. Мещеряков В. А. Евразийская полезная модель: за и против // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2024. – № 9. – С. 6–17.

9. Рябоволов В. А. Перспективы создания региональной системы правовой охраны полезных моделей // Актуальные проблемы гражданского права. – 2024. – № 2 (24). – С. 48–59.

10. Чебан А. Концепция создания евразийской системы правовой охраны полезных моделей // URL: <https://www.eapo.org/material/aureliya-cheban-konczepczya-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej-aureliya-cheban/> (дата обращения: 27.02.2026).

THE EURASIAN UTILITY MODEL AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Tyshev V.V.

Russian State Academy of Intellectual Property

The development of the technological space in the Eurasian region is significantly constrained by institutional asymmetry. While the protection of inventions and industrial designs has long been elevated to the supranational level, utility models still require costly parallel patenting in each individual jurisdiction. The concept of a new instrument announced by the Eurasian Patent Office shifts this issue from prolonged theoretical debate to the stage of active rule-making. This determines the relevance of a preventive academic assessment of the proposed mechanisms. The purpose of the article is to provide a comprehensive characterization of the Eurasian utility model as a prospective regional object of industrial property, including an analysis of its legal nature and a substantiation of its economic viability. It is concluded that a regional mechanism for protecting “minor inventions” possesses significant economic potential and is capable of substantially reducing transaction barriers within the common market. However, its successful implementation appears possible only if attempts at immediate and comprehensive unification are abandoned in favor of basic, compromise solutions. The author’s contribution lies in structuring the direct and indirect macroeconomic effects of launching the system, as well as in formulating a set of proposals for the forthcoming Protocol to the Eurasian Patent Convention. The ideas and conclusions presented will be conceptually useful for drafters of integration legislation and officials of national authorities participating in the negotiation process. From a practical perspective, the article is of interest to patent attorneys, investors, and corporate managers.

Keywords: harmonization of patent law; Eurasian utility model; intellectual property; industrial property; regional patent system; transaction costs

References

1. Baimurzina, R. Utility model and invention: what is the difference? // URL: <https://ezybrand.ru/blog/poleznaya-model-i-izobretenie-v-chem-raznitsa/> (accessed: February 27, 2026).
2. Gvozdev, D.V. The Eurasian patent for a utility model as a factor in the further development of Eurasian integration // Actual Problems of Science and Practice. – 2023. – No. 2 (31). – Pp. 37–42.
3. Zuykov, S. In which countries do utility models exist and what can be protected as a utility model // URL: <https://zuykov.com/about/articles/v-kakih-stranah-est-poleznye-modeli-i-chto-vozmozho/> (accessed: February 27, 2026).
4. Ivliev: IP law is one of the fundamental foundations of innovation development // URL: <https://rapsinews.ru/publications/20240726/310131993.html> (accessed: February 27, 2026).
5. Kozhakhmetova, G.K. Patentability of inventions and utility models in accordance with the legislation of regional intellectual property organizations // Legal Science. – 2025. – No. 9. – Pp. 549–558.
6. The number of Eurasian patent applications for inventions from Eurasian countries increased by 18% in 2024 // URL: <https://www.eapo.org/earp-news/kolichestvo-evrazijskih-zayavok-na-izobreteniya-iz-stran-evrazii-vyroslo-na-18-v-2024-godu/> (accessed: February 27, 2026).
7. Kurman, A.V. Prospects for the demand and functioning of the Eurasian system of legal protection of utility models // Intellectual Property. Industrial Property. – 2023. – No. 4. – Pp. 40–46.
8. Meshcheryakov, V.A. Eurasian utility model: pros and cons // Patents and Licenses. Intellectual Rights. – 2024. – No. 9. – Pp. 6–17.
9. Ryabovolov, V.A. Prospects for creating a regional system of legal protection of utility models // Actual Problems of Civil Law. – 2024. – No. 2 (24). – Pp. 48–59.
10. Cheban, A. The concept of creating a Eurasian system of legal protection of utility models // URL: <https://www.eapo.org/material/aureliya-cheban-konczepczya-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej-aureliya-cheban/> (accessed: February 27, 2026).

Хорошилов Константин Сергеевич,

аспирант, центр частного права, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»

В статье рассматривается правовой статус компьютерных игр в контексте авторского права и предлагается квалифицировать их как мультимедийный продукт в соответствии со ст. 1240 ГК РФ. Подчеркивается, что компьютерная игра представляет собой комплексный объект, включающий несколько результатов интеллектуальной деятельности: музыкальные и видеоматериалы, программный код, сюжет, персонажей и другие элементы, объединённые в единое цифровое произведение. Анализируются современные дискуссии учёных и судебная практика, касающиеся определения мультимедийного продукта, его признаков – сложности, виртуальности и интерактивности. Приводятся примеры одиночных и многопользовательских игр, демонстрирующие высокий уровень интерактивности и возможность влияния игрока на сюжет и финал. Отмечается, что линейность игры не является определяющим критерием, а цифровая форма и объединение нескольких медиаформатов подтверждают её квалификацию как мультимедийного продукта. Исследование подчеркивает актуальность правового признания компьютерных игр как уникальных объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: компьютерная игра, мультимедийный продукт, авторское право, интерактивность, цифровой объект.

Введение

В настоящее время статус компьютерной игры как объекта авторского права не определен. Существуют разные позиции, согласно которым компьютерную игру следует считать программой для ЭВМ, базой данных или аудиовизуальным произведением.

Автором настоящей статьи предлагается квалифицировать компьютерную игру как мультимедийный продукт, предусмотренный ст. 1240 ГК РФ.

На сегодняшний день законодательно закреплённого определения термина мультимедийный продукт не существует, в связи с чем, многие ученые и правоприменительная практика крайне редко используют указанный термин. Определение компьютерной игры также отсутствует.

Фактически, компьютерная игра представляет собой комплексный объект авторского права, включающий в себя несколько результатов интеллектуальной деятельности, таких как: музыкальное сопровождение, сюжет, многообразие различных персонажей, видео, формирующих цельный, единый продукт, созданный для проведения досуга или обучения, а также позволяющий пользователю непосредственно взаимодействовать с указанным продуктом.

Вопросы же касаются мультимедийного продукта и его основных признаков актуальны и по сей день. Многие годы в научном сообществе ведутся дискуссии о мультимедийном продукте, его правовой природе и основных признаках.

Наиболее подробно эту тему раскрывает Е.С. Котенко и определяет мультимедийный продукт в качестве «выраженного в цифровой форме объекта авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких, как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем» [1]. В качестве признаков мультимедийного продукта выделяют: сложность, виртуальность, интерактивность, а также особую электронную форму выражения [2].

В июне 2023 года прошло заседание Научно-консультативного Совета при Суде по интеллектуальным правам, где на обсуждение был вынесен проект обзора судебной практики по вопросам, возникающим при применении норм о сложном объекте и производных произведениях (далее – Обзор), что зафиксировано протоколом № 30 от 02.06.2023 [3].

В Обзоре было выдвинуто предложение, поддержанное Е.С. Гринь и Д.А. Братусем, согласно которому мультимедийный продукт, как и любые другие сложные объекты, должен быть единым целым и должен состоять из нескольких результатов интеллектуальной деятельности, а также должен обладать специальными признаками – цифровая форма выражения и возможность интерактивного взаимодействия пользователя.

Однако, В.А. Калятин не был согласен, что определяющим признаком мультимедийного продукта должны быть именно интерактивность, поскольку аудиовизуальные произведения также обладают указанным критерием, а компьютерные игры бывают и линейными, как аудиовизуальные произведения.

Нельзя не согласиться с вышеуказанным утверждением В.А. Калятина, однако следует отметить следующее.

В настоящее время, ввиду стремительного развития технологий и постоянного роста потребительского запроса, рынок компьютерных игр сильно возрос и модифицировался.

Если ранее, компьютерные игры действительно представляли из себя линейные произведения, в которых пользователь шел по заранее проработанному и однотипному сюжету, в конечном итоге приходя к конкретному финалу, который бы не изменился из-за тех или иных решений, принятых игроком в процессе прохождения компьютерной игры, то сейчас большинство игр предполагает полную свободу действия.

Так, игра The Witcher 3, созданная компанией CD Projekt RED, предлагает пользователю огромный открытый мир, по которому игрок может путешествовать, взаимодействовать с другими персонажами игры, выполнять задания, предусмотренные основной веткой сюжета или дополнительные задания, посещать места для «внутренней игры» «Гви-

нт» и многое другое. Также, при взаимодействии с игровыми персонажами, игроку предлагается различный выбор фраз и высказываний, которые, в зависимости от принятого игроком выбора, развивают сюжет именно в зависимости от принятого пользователем решения. Компьютерная игра The Witcher 3 имеет более 36 различных финалов, которые зависят именно от совершенных действий и принятых решений игроком в процессе прохождения.

Аналогичная ситуация разворачивается и с игрой DETROIT: Become human от студии Quantic Dream. В этой игре пользователю доступно прохождение игры за трех основных персонажей, которые будут меняться в процессе. Игрок будет принимать решения за каждого из главных героев, каждое из которых будет кардинальным образом отражаться на сюжете и финале игры. Каждое решение приведет к различным исходам, что делает прохождение игры очень разветвленным.

Указанные игры, являются примерами одиночных компьютерных игр, не предполагающих взаимодействия игрока с другими пользователями. Вместе с тем, существует и другой вид компьютерных игр – многопользовательские. Похожую классификацию выделяет Р.А. Будник и М.О. Зверев, которую предлагают различать компьютерные игры по способу взаимодействия пользователей: 1) офлайн-игры – видеоигры без подключения к Интернету и сотрудничества игроков; 2) онлайн-игры – видеоигры с постоянным доступ в Интернет и непрерывным взаимодействием пользователей [4].

Основным критерием многопользовательских игр является возможность игрока в режиме реального времени взаимодействовать с другими пользователями. Одним из представителей многопользовательских игр является игра World of Warcraft, созданная студией Blizzard. В рамках этой игр, пользователю дается возможность самостоятельно создать себе персонажа, его внешность, рассу, пол, класс и многое другое. После создания игрового персонажа игрок попадает в огромный открытый мир с множеством различных локаций. Игроку дается буквальная свобода действий начиная от развития своего героя посредством выполнения заданий совместно с другими пользователями, бои и торговля внутриигровыми предметами с другими игроками, заканчивая прохождением игрового сюжета, который постоянно дополняется регулярными обновлениями разработчиков.

Другим ярким примером данного вида является игра DOTA 2, созданная компанией Valve. В отличие от World of Warcraft, в DOTA 2 нет четкого игрового сюжета, а основной задачей игры является уничтожение строений противника. В среднем, одна игра длится около 45 минут, по итогам которой одна команда одерживает победу, уничтожая главное здание соперника. Вместе с этим, перед началом игры, каждый игрок выбирает себе одного из более 145 персонажей, с уникальным количеством навыков и способностей. В процессе игры пользователь развивает навыки своего персонажа и усиливает его с помощью многообразия доступных ему предметов. Данный пример подтверждает идею В.А. Калятина о том, что компьютерные игры, обладают признаком линейности, присущим аудиовизуальным произведениям, что может вызвать сложности. Однако, аудиовизуальное произведение не отвечает в таком же формате признаку интерактивности. При просмотре фильма и взаимодействуя с ним посредством переключения таймкодов, остановки и воспроизведения фильма, пользователь не изменит его финал и основной замысел. Аудиовизуальное произведение предполагает совершенно определенную организованную структуру, законченное произведение, на сюжет которого, персонажей, локации и звуковое сопровождение зритель не влияет своими действиями. Зритель кинофильма может только воспринимать аудио и видео контент никаким образом не оказывая на него влияния.

М.А. Рожкова отмечает, что «многопользовательские онлайн-игры – это не компьютерные программы, а мультимедийные продукты, то есть сложные объекты, включающие в свой состав одновременно несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности» [5] и, что большинство авторов, сходятся во мнении, что многопользовательская онлайн-игра признается сложным объектом, мультимедийным продуктом [6].

Долгое время судебная практика исходила из того, что компьютерные игры являются программами для ЭВМ [7]. Затем судебная практика начала перестраиваться и компьютерные стали рассматривать и в качестве сложных объектов в соответствии со статьей 1240 ГК РФ. В настоящее же время, и сами авторы стали чаще использовать термин мультимедийный продукт. Так, например, в рамках дела № А41–71489/2023 истец указывает, что видеоигра «Atomic Heart», созданная российским разработчиком «Mundfish», представляет собой мультимедийный продукт, образованный самостоятельными объектами авторского права: художественными произведениями, персонажами, названиями, логотипами и др., принадлежность исключительных прав на каждый из которых, подтверждается affidavitом Ирины Фихд, руководителем компании

«Slimao Limited», с проставленным апостилом и нотариально заверенным переводом [8]. Тенденция квалификации компьютерной игры в качестве мультимедийного продукта развивается с каждым годом. Однако опять же существующая в настоящее время отечественная судебная практика в силу ее определенных особенностей не включает подробного исчерпывающего юридического анализа и обоснования отнесения видеоигр к ЭВМ или сложным объектам [9,10].

Таким образом, на основании проведенного анализа, автором предлагается квалифицировать компьютерную игру именно как мультимедийный продукт ввиду следующего.

Во-первых, компьютерная игра состоит из нескольких результатов интеллектуальной деятельности, формирующих один целый объект, объединенный одним замыслом.

Во-вторых, компьютерная игра имеет выражение в цифровой форме, что является одним из ключевых критериев мультимедийного продукта.

В-третьих, компьютерные игры сочетают в себе множество медиформатов (аудио, видео, текст, данные, программный код и т.д.) и предоставляет пользователю высокую степень интерактивности и возможность влиять на дальнейшее развитие сюжета, своего персонажа и, как итог, финал самой игры.

Критерий линейности не является определяющим в квалификации компьютерной игры, поскольку в настоящее время абсолютное большинство игр отвечают критерию интерактивности. Даже в линейных компьютерных играх пользователь в процессе игры способен менять например: внешний вид своего персонажа, его атрибуты, снаряжение и т.д.

Компьютерные игры являются поистине уникальным продуктом в наши дни, постоянно совершенствующимся, над которым трудится огромное количество художников, композиторов, программистов, сценаристов, объединяющих свои усилия для создания единого объекта со своим замыслом, незабываемой историей, интересными персонажами, захватывающим сюжетом, запоминающимся музыкальным сопровождением и передовыми технологиями взаимодействия пользователя с игрой.

Литература

1. Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. // М., 2012.230 с.
2. Гринь Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: Монография. // М., 2015. 124 с.
3. Протокол заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 02.06.2023 № 30 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.ipcmagazine.ru/court/1729555/> (дата обращения 03.03.2026)
4. Будник Р. А., Зверев М.О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126–147.
5. Рожкова М.А. Виртуальное имущество и многопользовательская онлайн-игра-как различать возникающие по их поводу отношения? //Закон. ру. 2020. Т. 6.
6. Рожкова М.А. Современная компьютерная игра–это не программа для ЭВМ //A modern computer game is not a computer program// Закон. ру. 2021. Т. 15.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июня 2015 г. по делу № 33–15908/2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/137288634/> (дата обращения 03.03.2026)
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 ноября 2020 г. № C01–1162/2020 по делу № А32–56176/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=68994> (дата обращения 03.03.2026)
9. Решение Арбитражного суда Московской области от 23.11.2023 по делу № А41–71489/2023 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/case/qze9pejXwFo5/region/GBA-di53bXL5/> (дата обращения 03.03.2026)
10. Хлапотин В.Ю. Особенности правового статуса видеоигры как объекта права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовое исследование //Зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 4107.

QUALIFICATION OF A COMPUTER GAME AS A MULTIMEDIA PRODUCT

Khoroshilov K.S.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article examines the legal status of computer games in the context of copyright law and proposes classifying them as multimedia products in accordance with Article 1240 of

the Civil Code of the Russian Federation. It emphasizes that a computer game is a complex object incorporating several results of intellectual activity: music and video materials, program code, plot, characters, and other elements combined into a single digital work. It analyzes current scholarly debates and judicial practice regarding the definition of a multimedia product and its characteristics—complexity, virtuality, and interactivity. Examples of single-player and multiplayer games demonstrating a high level of interactivity and the player's ability to influence the plot and ending are provided. It is noted that the game's linearity is not a determining criterion, and its digital form and the combination of several media formats confirm its classification as a multimedia product. The study emphasizes the relevance of legally recognizing computer games as unique intellectual property.

Keywords: computer game, multimedia product, copyright, interactivity, digital object.

Referents

1. Kotenko E.S. Multimedia Product as an Object of Copyright: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation // Moscow, 2012, 230 p.
2. Grin' E.S. Copyright on a Multimedia Product: Monograph // Moscow, 2015, 124 p.
3. Minutes of the Meeting of the Scientific Advisory Council at the Intellectual Property Court, June 2, 2023, No. 30 [Electronic Resource] // SPS "Consultant Plus". URL: <https://www.ipcmagazine.ru/court/1729555/> (accessed March 3, 2026)

4. Budnik R.A., Zverev M.O. Intellectual Rights of Gamers // Law. 2022. No. 7. P. 126–147.

5. Rozhkova M. A. "Virtual Property and Multiplayer Online Games: How to Distinguish the Relations Arising Therefrom?" // Law.ru. 2020. Vol. 6.

6. Rozhkova M. A. "A Modern Computer Game is Not a Computer Program" // Law.ru. 2021. Vol. 15.

7. Appellate Ruling of the Moscow City Court of June 26, 2015, Case No. 33–15908/2015. [Electronic resource] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/137288634/> (date of access 03.03.2026)

8. Resolution of the Intellectual Property Court of November 2, 2020 No. S01–1162/2020 in case No. A32–56176/2019 [Electronic resource] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=68994> (date of access 03.03.2026)

9. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region of November 23, 2023 in case No. A41–71489/2023 // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/case/qze9pejXwFo5/region/GBAbdi53bXL5/> (date of access 03.03.2026)

10. Khlapotin V. Yu. Features of the legal status of a video game as an object of intellectual property law: a comparative legal study // Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. Vol. 19. No. 4. P. 4107.